

СЕКРЕТНАЯ ИСТОРИЯ
УСО: УПРАВЛЕНИЕ
СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ
В 1940 – 1945 гг.

СЕКРЕТНАЯ ИСТОРИЯ УСО: УПРАВЛЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ В 1940 – 1945 гг.

УИЛЬЯМ МАККЕНЗИ

СЕКРЕТНАЯ ИСТОРИЯ
УСО: УПРАВЛЕНИЕ
СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ
в 1940 – 1945 гг.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ

БИБЛИОТЕКА

СЕКРЕТНАЯ ИСТОРИЯ
УСО: УПРАВЛЕНИЕ
СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ
в 1940 – 1945 гг.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

УИЛЬЯМ МАККЕНЗИ

**СЕКРЕТНАЯ ИСТОРИЯ
УСО: УПРАВЛЕНИЕ
СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ
В 1940—1945 гг.**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТРАНЗИТКНИГА**

Москва
2004

УДК 94(100) "1940/45"
ББК 63.3(0)6
М15

Серия основана в 1998 году

Перевод с английского В.Ф. Мисюченко

Серийное оформление А.А. Кудряцева

Печатается с разрешения издательства Little, Brown & Company UK
и литературного агентства Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.04.2004.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 50,4. Тираж 3500 экз. Заказ 1923.

Маккензи У.

М15 Секретная история УСО: Управление специальных операций в 1940—1945 гг. / У. Маккензи; Пер. с англ. В.Ф. Мисюченко. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. — 957, [3] с. — (Военно-историческая библиотека).

ISBN 5-17-018628-2 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9578-0398-7 (ООО «Транзиткнига»)

Книга английского историка посвящена Управлению специальных операций (УСО). В ведении этой секретной службы Британии находилась подрывная и диверсионная деятельность за рубежом во время Второй мировой войны.

На основе архивных данных книга была написана настолько полно и достоверно, что на ней до недавнего времени стоял гриф «Секретно».

Предназначается для всех, кто интересуется военной историей.

УДК 94(100) "1940/45"
ББК 63.3(0)6

© St. Ermin's Press, 2000

© Перевод В.Ф. Мисюченко, 2004

© ООО «Издательство АСТ», 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга, по существу, является внутренней историей УСО — Управления специальных операций, секретной службы Великобритании времен войны, в ведении которой находились подрывная и диверсионная деятельность за рубежом. Написана она была сразу после ликвидации ведомства оксфордским преподавателем (возраст его к тому времени немногим перевалил за тридцать), который сам в УСО не служил, однако встречался со многими руководящими работниками управления и несколькими его агентами. В распоряжении автора оказался также уцелевший секретный архив ведомства. Ученый воссоздал историю службы настолько полно и достоверно, что более пятидесяти лет на ней стоял гриф «Секретно», а содержание книги оставалось недоступным для широкой общественности. Наконец пришли иные времена, и этот труд занял достойное место в историографии страны в двадцатом веке.

Написана книга Уильямом Джеймсом Милларом Маккензи (друзья звали его Биллом). Чистокровный шотландец, он родился 8 апреля 1908 г. в Эдинбурге в семье присяжного стряпчего, оба деда Билла — и по отцу и по матери — были пасторами. Закончив Эдинбургскую академию, Уильям Маккензи переехал в Бэйлиэл-колледж в Оксфорде, где стал заниматься исследованием античности. Получив высшие баллы, он был первым и на публичных, и на завершающих экзаменах на степень бакалавра, а в 1929 г. ему была присуждена стипендия Ирландии — высшая награда университета. Отец уговорил Уильяма вернуться в Эдинбург, где тот окончил университет, получив степень бакалавра права, но тут в оксфордском колледже Магдалены открылась вакансия преподавателя, и колледж убедил Маккен-

зи снова перебраться на юг. Поначалу Маккензи обучал студентов, однако вскоре попросил освободить его от преподавания древних языков. Вместо этого он стал преподавать политические дисциплины — читал старшекурсникам курс лекций по современным общественным наукам (ныне это называют курсом по философии, политике и экономике, или кратко — ФПЭ). Вместе с Джоном Остином, Томасом Уэлдоном, Дэвидом Уорсвиком и — позднее — А.Дж.П. Тейлором Уильям Маккензи подготовил в колледже Магдалены плеяду замечательных преподавателей ФПЭ.

Когда началась Вторая мировая война, Маккензи призвали на государственную службу — он стал работать в министерстве авиации, где благодаря своим способностям дослужился до поста секретаря Совета по авиации. Ему было известно обо всех проблемах, связанных с комплектованием личного состава, вооружением и боеприпасами, он имел представление о стратегических планах. Однако Маккензи не имел доступа к сверхсекретным разведывательным данным (едва ли вообще у кого-либо в министерстве авиации был к ним допуск), хотя знал о существовании нескольких секретных служб, в частности УСО, поскольку по должности ему приходилось заниматься разными делами министерства. Он, судя по всему, весьма часто общался с Порталом — ярчайшей фигурой в Комитете начальников штабов.

В отличие от иных оксфордских мэтров Маккензи обладал здравым смыслом и мыслил весьма оригинально. Высокий, породный, крепкий, с хорошо развитой речью и великолепными манерами, этот красивый человек с копной волнистых, рано поседевших волос хоть и был увлечен профессиональной карьерой, но не забывал и о личной жизни. В 1943 г. он женился на Памеле Мюриэл Мэлион, которой суждено было пережить его. От их брака на свет появились сын и четыре дочери. Все они обеспечили Маккензи, что называется, прочный семейный тыл до конца его жизни.

В конце войны Маккензи отпустили с госслужбы, и он вернулся в Оксфорд, где сразу же сделался ведущей фигурой среди преподавателей общественных наук. Он много сделал для активизации политических исследований в Соединенном Королевстве, стал основателем Ассоциации политических исследований, которая со временем стала влиятельным профессиональным сообществом и даже выпускала научный журнал. В 1948 г., когда был основан Наффилд-колледж, Маккензи перебрался туда на

год в качестве научного сотрудника. На следующий год он переехал в Манчестер, где, уже будучи профессором, основал кафедру государственного управления. Он преподавал там с 1949 по 1966 г., кстати, учебные занятия велись в том самом доме, где в 60-е годы XIX в. Энгельс не раз принимал Маркса. Имя профессора Маккензи было уважаемым как в правительственных, так и в академических кругах. В 1963 г. он стал кавалером ордена Британской империи 2-й степени, а в 1968 г. избран членом Британской академии. Из Манчестера Маккензи переехал в Глазго, где возглавлял кафедру политики (она носила имя шотландского философа Эдуарда Кэарда) до самой отставки в 1977 г. Уильям Маккензи скончался 22 августа 1996 г. в Глазго в возрасте восьмидесяти семи лет.

Уильям Маккензи подготовил несколько учебников по политической практике, два из которых выпущены издательством «Pelicans», учредил множество комитетов и комиссий (как общественных, так и научных), в том числе и такие, которые стремились помочь обретшим свободу африканским государствам выстроить политические институты власти. Ему приходилось тащить на себе огромный объем работы: заботиться о том, чтобы талантливые ученые вовремя получали ученые степени, просматривать большое количество конспектов и рукописей, подыскивать новых перспективных преподавателей и так далее. До преклонных лет профессор Маккензи сохранял ум пылкий, пронизательный и живой. В начале своих «Исследований в сфере государственного управления» — сборнике-эссе, выпущенном издательством «Macmillan» в 1975 г., — Маккензи опубликовал краткую автобиографию. А в томе 101 (1999) «Трудов Британской академии» ему посвящен достойный некролог, написанный Ричардом Роузом, одним из учеников Маккензи, который тоже стал профессором политических наук.

С конца 60-х годов Маккензи, невзирая на раздражение официальных кругов, всякий раз в посвященной ему статье в сборнике «Кто есть кто» сообщал, что им написана данная книга, хотя никогда не обсуждал ее содержание перед телекамерами, никогда не участвовал в многочисленных дискуссиях в газетах и журналах, которые — обычно по невежеству — обрушивались на Управление специальных операций (УСО).

Работать над этой книгой Маккензи начал сразу по окончании войны в общем-то благодаря случаю. Когда война в Европе стала подходить к концу, сэр Колин Габбинс, бывший тогда

исполнительным руководителем УСО, начал подыскивать подходящего человека, который написал бы историю ведомства. Он познакомился с Маккензи, когда отчитывался перед Советом по авиации в отношении заявок УСО на услуги и оборудование королевских ВВС. Проникшись к нему симпатией и выяснив, что тот по образованию историк, предложил ему взяться за подготовку такого труда. С самого начала было ясно, что перспектива скорой публикации этой книги весьма туманна. Маккензи должен был описать историю создания и становления УСО, его обязанности, объем работы — все это, как предполагалось, потребует ведомству-преемнику, дабы оно смогло по достоинству оценить все «за» и «против» в деятельности любой подобной службы.

Маккензи написал книгу во время трех длительных отпусков в 1945, 1946 и 1947 гг. — когда преподавал в колледже Магдалены. Ему часто (в чем он мне как-то признался) доводилось возить архивные папки, курсируя в поезде между Лондоном и Оксфордом, в обычном портфеле. Позже историкам будет запрещено выносить документы из здания, где они хранятся. Необходимую помощь в работе с архивными материалами Маккензи оказала Маргарет Джексон, в прошлом личный помощник Габбинса, но большую часть черновой, подготовительной работы историк проделал сам. Правда, правительство выделило ему машинистку для переписки окончательного текста рукописи. С ее помощью рукопись была также размножена.

Министерство иностранных дел, каждое из министерств видов вооруженных сил, секретариат Кабинета министров и основные секретные службы получили по экземпляру, однако долгое время и речи не было о том, чтобы сделать книгу достоянием общественности. Отчасти потому, что доминировал принцип: секретная служба остается таковой, если должным образом охраняет свои тайны, как бы это ни противоречило демократическим основам государственного управления. К тому же секретные службы стремились сохранить анонимность ряда сотрудников УСО, которых привлекли к работе. В основном же запрет объяснялся бюрократической инерцией и глубоко укоренившимся на Уайтхолле культом секретности.

Книга, однако, была доступна каждому официальному историку, занимающемуся изучением периода Второй мировой войны, то есть каждому, кто знал о существовании труда Маккензи и потрудился его запросить. Некоторые из них ссылались на нее

(с осторожной сдержанностью) в примечаниях. В дальнейшем для многих историков труд Маккензи стал источником необходимейшим. Я, будучи первым из таких историков, начавших работу через десяток лет после того, как Маккензи свою завершил, вновь попал в ситуацию секретности: мне запрещалось цитировать его (хотя в конце 40-х гг. я, молодой преподаватель политики в Оксфорде, имел возможность общаться с мэтром). Используя предоставившуюся мне ныне возможность, я хочу публично заявить, что многим обязан Маккензи. Любой, кто сравнит его главы, посвященные Франции, с моей книгой «УСО во Франции» (в 1966 и 1968 гг. издана в Лондоне, как и другие книги, при упоминании которых в дальнейшем место издания указываться не будет), сможет представить размер моего «долга». Во всяком случае, на подаренном ему экземпляре своей книги я сделал заимствованную из Эллиота надпись: «*Il miglior fabbro*»*.

Покойный Чарльз Крукшанк, автор двух других опубликованных официальных исторических работ об УСО: «УСО на Дальнем Востоке» и «УСО в Скандинавии» (1983, 1986), должно быть, в таком же долгу перед Маккензи. Когда же читатель узнает о сложной структуре руководства УСО на Восточном Средиземноморье, то поймет, почему до сих пор не появилось документального описания деятельности УСО в балканских странах. Тут все недомолвки и умолчания сплелись в такой плотный клубок, что даже историку такого дарования, как Маккензи, едва ли удалось бы его распутать.

Прочитав книгу Маккензи, я сразу же принялся настаивать на ее публикации. Смиранные письма неизменно направлялись сменявшим друг друга начальникам канцелярии Кабинета министров, но ответ был один: время не пришло. Наконец сэр Робин Батлер, едва ли не последним решением перед своей отставкой в 1998 г. (он стал пэром и главой Университи-колледжа в Оксфорде) дал делу ход. Теперь она (в подчищенном виде) покоится в Государственном архиве Великобритании (ГАВ) в Кью. О чистке стоит сказать особо. (Слово «чистка» употреблено намеренно, несмотря на его современное уничижительное звучание.) Маккензи начал свою книгу с утверждения: «Этот труд в нынешнем его виде не подвергался официальной цензуре — по соображениям безопасности либо политики». Увы, ныне это не соответствует действительности: отдельные ее части были изъяты предположительно по политическим соображениям. Произведен и ряд более мелких изъя-

* Творцу лучшего (*ит.*). — *Примеч. пер.*

тий: некоторые из них вполне понятны, но другие в наши дни уже кажутся атавистическими. К примеру, власти до сих пор настаивают, чтобы оставались секретными обстоятельства балканского бегства, хотя они в деталях описаны как в автобиографии известного британского посланника, так и в биографии одного из агентов УСО, устроившего это бегство, — ее написал сын агента. (См. книги Рендела «Меч и олива» (с. 174) и Эллиота «Я — шпион», с. 52—54.)

Одновременно с появлением в Государственном архиве Великобритании книги Маккензи туда же были доставлены собственно документы УСО (или, точнее, то, что осталось) под кодовым обозначением НВ. Большая часть из уцелевшей оперативной и хозяйственной документации теперь доступна для исследования, скоро к ним добавятся сведения о штаб-квартирах и средствах связи, а затем исчезнет гриф секретности и с тысяч личных дел, зачастую содержащих сведения исторической значимости.

Маккензи считал, что ему достанет времени изучить полный комплект уцелевших документов УСО, — все они находились в его распоряжении, не считая немногих, которых недосчитались по разным причинам. Они обозначены в его примечаниях как «уничтоженное». Однако регулярные архивные прополки и прочесывания сократили число документов на семь восьмых. Сделано это служащими архива, которым, видимо, не попалось на глаза замечание Маккензи, что документы эти «несомненно, лучший в мире единый источник материала для истории европейского Сопротивления». В результате многие важные документы были утрачены. Дункан Стюарт осенью 1998 г. сделал на эту тему содержательный доклад на конференции, посвященной УСО, в Имперском военном музее.

Дополнительные трудности ожидают тех, кто попытается сопоставить документальные ссылки в книге Маккензи с собственно документами УСО. Он сам указывал на тщетность своих попыток увязать «две системы хранения документов, обе из которых несовершенны». Но еще существовала третья, четвертая и пятая системы. В начале 70-х годов уцелевшие документы по оперативной деятельности и штаб-квартирам были просмотрены м-ром Таунсендом из Государственного архива Великобритании, после чего количество единиц хранения вновь сократилось.

Источником информации для Маккензи служили не только документы, но и беседы. Он встречался со всеми — кроме одного — руководящими лицами в УСО, а со многими — неоднократно, к тому же беседовал с рядом агентов и служащими низкого

ранга, чтобы составить представление об атмосфере в этом ведомстве. Руководителем, с которым историк так и не встретился, был доктор Хью Дальтон (позже лорд), самый первый ответственный за это ведомство министр. Дальтон, успевший стать канцлером казначейства (министром финансов) в первом правительстве Эттли, заявил, что слишком занят и что ему некогда предаваться воспоминаниям об УСО. А к тому времени когда в конце 1947 г. над министром финансов нависли тучи и его отправили в отставку, Маккензи уже мало интересовал «период» Дальтона в истории УСО.

Читая книгу, историки отметят, как искусно удалось Маккензи свести воедино информацию документального и частного характера, подкрепив ее собственными исследованиями. Современным ученым не худо бы вспомнить, что величайший историк Фукидид, изучая которого Маккензи постигал тайны своей профессии, больше полагался на устную историю и собственную память, нежели на архивы. Во введении к «Исследованиям в сфере государственного управления» сам Маккензи замечает, что во всем спектре деятельности УСО он не нашел ничего, к чему его не приготовили бы труды Фукидида.

Нелишне подчеркнуть, что в работе секретной службы неизбежно есть факты такой секретности, которые не фиксируются на бумаге. Кое-что об этом, возможно, Маккензи узнал в ходе частных бесед. Без описания остальных историй придется обойтись. Лео Маркс, агент и офицер-шифровальщик УСО — с ним Маккензи не встречался — утверждает, что служба средств связи УСО знала все («Между шелком и цианидом», 1998 г.), однако он упустил из виду эти самые не зафиксированные на бумаге факты.

Лишь в одном Маккензи уступал некоторым исследователям этой темы: он сам не находился на секретной службе. Вполне естественно, что в министерстве авиации он научился обращаться с секретными документами: следил, чтобы их не оставляли в неохраняемых кабинетах, запирали их в сейф и не болтал о них с друзьями-приятелями. Однако в работе над собственной рукописью он не придерживался строгих правил секретности, которые были обязательны для каждого сотрудника УСО, как и связанных с ним служб. Возможно, как раз это и подтолкнуло историка по своему позаботиться о сохранности собственного труда (Уайтхолл его поступок счел бы опрометчивым, то есть проявлением небрежного отношения к проблемам безопасности): пару экземпляров книги Маккензи оставил у себя.

На обложке каждого экземпляра книги стоял штамп:

СЕКРЕТНО

ДАННЫЙ ДОКУМЕНТ ЯВЛЯЕТСЯ СОБСТВЕННОСТЬЮ ПРАВИТЕЛЬСТВА Е.В.К.Б.* и выпускается только для сведения тех официальных лиц, которые имеют отношение к его содержанию.

Официальное лицо, в распоряжении которого находится данный документ, несет ответственность за его сохранность и, когда документ не используется, обязано держать его под замком.

На каждой странице текста, сверху и внизу, стоял гриф «Секретно» — в качестве постоянного напоминания читателю.

С течением времени Маккензи стал обращаться со своей книгой более вольно. В середине 60-х годов он держал один экземпляр у себя в кабинете на Довер-стрит в запертом книжном шкафу. Но дверцы шкафа были застекленными, и любой, кто имел при себе шпильку для волос, мог открыть его. Маккензи давал читать книгу своим коллегам, рассчитывая, что они не разболтают о ее содержании. Когда же узнал, что его преемник, Брайан Чапмэн, во время войны тайно доставлял на маленьком катере агентов на итальянское побережье, то, переезжая в Глазго, оставил ему один экземпляр книги (Чапмэн позволил мне посмотреть на нее, но почитать так и не дал).

Маккензи также передал на время один экземпляр Элизабет Баркер, когда она работала над внушительным трудом «Британская политика в Юго-Восточной Европе во время Второй мировой войны» (1976). Как признавала Э. Баркер, это очень помогло ей в работе.

Маккензи помог и Джоан Брайт Эстли, когда она совместно с сэром Питером Уилкинсоном готовила к печати их не менее значительный труд «Габбинс и УСО» (1993). Читатели достаточно быстро уяснят, насколько книга Маккензи способствует более полному освещению событий той войны, как политической, так и военной ее составляющей.

Пришло время сказать, что же такое Управление специальных операций, являвшееся одной из девяти британских секретных служб военного времени. Другими были: Служба безо пасности и Служба

* Его Величества Короля Британии. — *Примеч. пер.*

разведки, действовавшие с незапамятных времен, хотя формально их деятельность началась с решения Кабинета министров в 1909 г. (для удобства их принято называть MI5 и MI6); Служба дешифровки, по недоразумению названная в 1939 г. Государственной школой кодирования и шифрования, или ГШКШ (в этой школе ничему не учили); Служба радиобезопасности; Служба спасения (MI9), учрежденная в 1939 г.; Служба введения противника в заблуждение, замаскированная под названием «Лондонский отдел контроля», — оно ничего не означало и не должно было означать; Управление политической войны (УПВ), начавшее свою деятельность как структурная часть УСО, но выделившееся из него при неясных обстоятельствах (об этом говорится в книге); а также Вспомогательные формирования, созданные, как и УСО, в спешке летом 1940 г., — они предназначались для подрывной работы в тылах немецкого вторжения в Англию, которого, по счастью, так и не произошло.

Более года — до нападения Гитлера на Польшу — в Уайтхолле предпринимались усилия по организации (вряд ли для применения на практике) пропаганды, подрывной и диверсионной деятельности. Занимались этим три мелкие организации, одна из которых — неприметное подразделение военного министерства, другая — закуток министерства иностранных дел, о существовании которого говорить было не принято, и еще одна — недоступное подразделение MI6. Все они, сведенные воедино во время летнего кризиса 1940 г., и образовали УСО — новую полномасштабную секретную службу, о самом существовании которой не было объявлено ни парламенту, ни прессе. Во все это Маккензи вникает весьма глубоко, что неудивительно — ведь он преподаватель, специализирующийся на политических институтах.

Он понимал, каким образом эти институты способны повлиять на те или иные жизненные ситуации. Отсюда и его восторженное отношение к образованию УСО, вхождение его в военную организацию, что подчеркивало его боевитость. УСО никогда не было частицей самого Уайтхолла. Зародилось оно (явочным порядком), как говаривали в Форин-офис, «напротив, через парк», на последних этажах гостиницы «Св. Ермин», что на Кэкстон-стрит возле Бродвея (в то время там располагалась штаб-квартира MI6), но вскоре перебралось на Бейкер-стрит (даже не в Вестминстере, а в Мэрилебоне) и номинально подчинялось новому министерству экономической войны, находившемуся на Беркли-сквер в Мэйфэр.

Одних этих несурзаиц вполне хватило бы, но впереди Управление ждали новые, еще более сложные испытания. Сменявшие друг друга руководители УСО считали, что должны постоянно участвовать в работе Комитета начальников штабов, а не быть приглашенными на его заседания только в тех случаях, когда обсуждались вопросы, непосредственно касающиеся УСО. (Мало того, очень редко велись протоколы заседаний — необходимая мера, продиктованная службой безопасности, но до бешенства доводящая историков.) УСО порой устраивало бучу в той или иной оккупированной противником, а то и нейтральной стране, что раздражало министерство иностранных дел и зачастую вызывало недовольство еще и МІБ.

Никого не должно удивлять, что между двумя секретными службами частенько пробегала черная кошка: их соперничество не более странно, чем между кораблями одной эскадры или футбольными командами одного города. У главы МІБ были веские основания чувствовать себя обиженным, когда из его службы вывели отдел D (от «distruction» — уничтожение), тем более что в суматохе Битвы за Британию в течение трех недель никто не удосужился уведомить руководителя разведки об этом. Взаимные претензии и личные антипатии (некоторые довольно резкие) отнюдь не способствовали установлению нормальных рабочих отношений. С другой стороны, стоит напомнить, что у МІБ была абсолютно убедительная профессиональная причина не позволять УСО путаться у разведки под ногами: в ее задачу входил сбор разведанных, для чего разведчикам требовалось как можно меньше шума, в то время как задача УСО была совершенно противоположной: устроить какую-нибудь заварушку или свару, на которую толпами устремятся силы вражеской полиции. Если УСО настаивало на проведении операций в местах, где МІБ предстояло собирать информацию, то как она могла выполнять свою работу должным образом?

Маккензи тактично обходится с этой острой темой. Приверженцы теории заговоров, возможно, не откажут себе в удовольствии поднять бурю в стакане воды, опираясь на некоторые данные из его книги, однако следует подчеркнуть, что уже к лету 1944 г. УСО и МІБ настолько хорошо ладили, что предпочтительнее говорить о едином разведывательном сообществе, частью которого обе службы являлись (именно в таком аспекте описывались эти отношения в книге Кристофера Эндрю «Секретная служба» [1985]). Необходимо также подчеркнуть, что с МІБ

у УСО сложились куда более теплые отношения, а руководитель отдела безопасности УСО сэр Фрэнк Соскис (впоследствии лорд Стоу Хилл) стал генеральным стряпчим (заместителем генерального прокурора) в послевоенном правительстве Эттли.

С ГШКШ у УСО вряд ли вообще имелись точки соприкосновения. Постепенно во время войны (об этом мне рассказал спустя тридцать лет генерал Габбинс) выработалась определенная практика: секретарь Черчилля по военным делам Исмэй держал у себя расшифрованные сообщения, которые, по его мнению, представляли интерес для УСО, и раз в неделю показывал подборку либо руководителю Управления, либо одному из его непосредственных заместителей. Записей при этом никаких не делалось, и тем все ограничивалось. Получало ли УСО какую-либо помощь от Службы радиобезопасности в определении точек, откуда агенты Управления должны были вести передачи, я не знаю, но, думаю, если таковая помощь требовалась, ее оказывали.

Со Вспомогательными формированиями у УСО установились важные связи: именно оттуда Дальтон взял к себе их командира Габбинса (в то время бригадного генерала) в ноябре 1940 г., когда угроза вторжения несколько поутихла (на самом деле угроза вообще перестала существовать, о чем долгое время не догадывались в Уайтхолле). Габбинс привел с собой в УСО нескольких своих коллег — в их числе Питера Флеминга и Эндрю Крофта; да и сам он сделался ведущей фигурой в УСО задолго до того, как стал руководителем Управления.

Полковник Бивэн, возглавивший Службу введения противника в заблуждение, не считал УСО организацией достаточно надежной, чтобы вовлекать ее в чрезвычайной секретности работу вверенной ему службы, и редко прибегал к помощи Управления. Операция «Starkey», проведенная летом 1943 г. (злополучная, как оказалось), была редким исключением, если не считать единственного сильного удара в Бельгии во время летнего кризиса 1944 г.

С MI9 — Службой спасения — УСО вполне ладило: скорее всего сотрудники обоих ведомств больше, чем о том ведали в Лондоне, взаимодействовали «в поле» (так было принято именовать оккупированные страны, где действовали агенты УСО), между загодя проложенными УСО линиями отхода (побега) и некоторыми из линий, которые держались для Королевских ВВС.

Управление политической войны (УПВ), выделившееся на ранней стадии из УСО, стало со временем громоздким и непо-

воротливым, о чем подробно говорится у Маккензи. Впоследствии УСО относилось к УПВ более или менее доброжелательно — как к младшему братишке — и нередко являлось для него чем-то вроде агента бюро путешествий. Во всяком случае, их отношения были радушнее, чем с М16, которые, по памятному выражению Дэвида Стаффорда, напоминали отношения между супружеской парой, только что прошедшей тяжкую процедуру развода.

Зачем вообще было создано УСО? А затем, что в переломный момент лета 1940 г. казалось, будто одним из главных боевых средств, обеспечивших победоносный блицкриг нацистской Германии, которая за одиннадцать недель утвердила свастику на территории от мыса Нордкап до Пиренеев, стала подрывная деятельность «пятых колонн». Теперь-то нам известно, благодаря серьезному историческому исследованию Луи де Лонга (пер. К.М. Гиля) «Немецкая «пятая колонна» во время Второй мировой войны» (1956), что то был миф, однако в те дни миф этот был очень распространен.

Он был силен настолько, что поразил воображение Черчилля, нового премьер-министра, а также лорда Хэнки, главного эксперта Государственной службы по вопросам стратегии, неизменно старавшегося уладить всевозможные свары секретных служб. Документ о создании УСО был подготовлен предшественником Черчилля — Чемберленом, которого в обществе тогда поносили как человека, который слишком уж потакал Гитлеру в Мюнхене в сентябре 1938 г. Премилая ирония: последним политическим актом Чемберлена стала разработка «орудия» для свержения Гитлера. Вскоре после завершения в июле 1940 г. работы над проектом того, что в УСО всегда почиталось за уставную хартию, Чемберлен заболел и в конце того же года умер. (Хартия, несколько копий которой уцелело, была опубликована в 1922 г. Найджелом Вестом в книге «Тайная война», с. 20—21.)

Стратегические основы ее были заложены на ставшем знаменитым заседании Комитета начальников штабов (КНШ) 25 мая 1940 г. Тогда британская политика представляла собой нечто неопределенное, что подсказало Филипу Беллу название для книги — «Выверенная случайность» (Фарнборо, 1974). «Случайность» — крах Франции — последовала незамедлительно. КНШ уже решил: если такое произойдет, единственной надеждой Британии станет вооруженная помощь все еще не мобилизованных Соединенных Штатов Америки, а до тех пор, пока США смогут

вмешаться, следует уповать лишь на подрывную деятельность, дабы разложить захваченные противником страны изнутри.

К концу осени 1940 г. стратегический калейдоскоп вновь повернулся, но к тому времени УСО уже было создано. Тут уместно вспомнить примечательную статью Дэвида Стаффорда «Принцип дегонатора» («Журнал современной истории», № 185, апрель 1975 г.). Обычно создание управления такого масштаба и значимости заняло бы много месяцев, еще, наверное, годы ушли бы на межведомственные пререкания в Комитете, однако 1940-й был переломным, годом кризиса. Страна пыталась противостоять врагу, над ней нависла страшная угроза, так что даже члены Комитета действовали довольно активно. Два руководящих лица (после Дальтона) в УСО: сэр Глэдвин Джебб, позже лорд Глэдвин, — директор-распорядитель и сэр Фрэнк Нельсон, бывший член парламента, первый заместитель, или глава секции диверсий в новом ведомстве, всю осень потратили на хождения в Уайтхолл, разясняя за закрытыми дверями в узком кругу высокопоставленных лиц, что такое УСО. Они настаивали также, что любые просьбы Управления о помощи следует рассматривать быстро и положительно.

Управление тогда (да и вообще никогда) не пользовалось расположением гражданских государственных служб, а в некоторых учреждениях сотрудникам Управления демонстрировали явную неприязнь.

Соревнуясь с другими военными ведомствами, УСО, разумеется, стремилось обеспечить себя отличным вооружением, что впрямую способствовало созданию нескольких новых образцов оружия. Теперь они выставлены в зале «тайной войны» Имперского военного музея: коллекция была собрана сотрудниками Марка Симэна и экспонируется благодаря щедрости Джона Пола Гетти-младшего. Для тех же, кто не может попасть в Ламбет, полковник Пьер Лоран подготовил популярный труд «Средства ведения тайной войны», переведенный Дэвидом Каном (1983). В нем масса подробных рисунков, а также описания всех видов оружия, переправленного УСО во Францию, то есть практически всего арсенала Управления.

Изделием, получившим самое широкое распространение, стал пистолет-пулемет Стена, созданный по инициативе Габбинса, считавшего его идеальным оружием для партизанской войны, когда боевые действия ведутся на небольшом удалении от противника. Их было изготовлено несколько миллионов штук. Короткоствольный «стен» печально прославился неточным боем

на дистанции более нескольких футов, но у него имелось одно преимущество, прельщавшее Казначейство: пистолет-пулемет был дешев. Стоил он всего тридцать шиллингов (1,5 ф. ст. в сегодняшних деньгах), что тогда соответствовало 7,2 долл. Низкая цена никак не компенсировала еще один его недостаток: нередко при встряске или ударе он начинал палить самопроизвольно.

О многих других изделиях УСО рассказано в книге Стюарта Макраи «Лавка игрушек Уинстона Черчилля» (1971), жизнеописании М.Р. Джеффериса, который работал с Холландом в MI(R) и руководил небольшим сектором в министерстве обороны при Черчилле.

Поставки оружия и снаряжения были чрезвычайно важны для создания авторитета УСО «в поле», поскольку оружие для участников специальных операций то же самое, что дождь для земледельца. Зачастую УСО оказывалось единственным серьезным источником поставок оружия. Когда немцы брали на себя труд заключить мир со страной, ими покоренной, то всегда включали в мирный договор пункт о сдаче всех наличных запасов оружия. Прибывшие чиновники из Германии проверяли, сдано ли оружие. Такая ситуация вынуждала бойцов Сопротивления совершать кражи или... налаживать контакты с УСО, что зачастую оказывалось более действенным, нежели воровство.

Если не считать Югославию и — в меньшей степени — Данию, то доставлять оружие участникам Сопротивления морем было едва ли возможно: поставки шли по воздуху, оружие сбрасывалось на парашютах. Это было довольно опасно для тех, кому оно предназначалось на земле. К тому же в воздушной транспортировке были задействованы тысячи авиаспециалистов, летавших и обслуживавших самолеты эскадрилий специального назначения: УСО отвлекало на эти цели солидную часть личного состава Королевских ВВС. Кстати, действия авиации не привлекали внимания историков, кроме несравненной книги Хью Верити «Мы шли на посадки при лунном свете» (1978, часто переиздавалась). Всего около 10 000 тонн оружия было доставлено во Францию и почти вдвое больше — 18 000 тонн — в Югославию. А в Польшу удалось доставить всего около 600 тонн, поскольку самым большим грузом для самолета, летавшего на столь большие расстояния, было горючее: Сталин не позволил бы выполнявшим секретные задания самолетам Королевских ВВС приземляться для дозаправки в Советском Союзе.

Маккензи работал над книгой в первые годы «холодной войны», однако это противоборство никак не отразилось на ее содержании. И хорошее, и плохое о коммунистах — участниках Сопrotивления он старался писать объективно. Долгое время на континенте велись ожесточенные споры о степени участия и влияния на бойцов Сопrotивления коммунистов. Сторонники «холодной войны», оказавшись в их руках эта книга, сильно пополнили бы свой пропагандистский арсенал: большинство трактовок в ней носят антикоммунистический характер. То, как Маккензи описывает (глава VII — «Операции в Греции») зарождение левого крыла греческого движения Сопrotивления (ЭАМ), во многом противоречит общепринятым представлениям в исторической науке.

На представительных международных конференциях (в Льеже в 1959 г. и в Милане в 1961 г.), организованных Анри Мишелем, старейшиной историков — исследователей Сопrotивления, обсуждались проблемы европейского Сопrotивления. Однако делегации из Восточного и Западного блоков оказались не в состоянии прийти к согласию. (Материалы конференций выпущены в свет в 1960 и 1964 гг. издательством «Pergamon» под названием «Европейские движения Сопrotивления в 1939—1945 годах».) На пяти конгрессах (в Ренне, Брюсселе, Тулузе, Безансоне и Париже), проходивших под французским патронажем в конце 90-х годов, трудностей в этом плане было меньше. Впоследствии на их основе были выпущены сборники на нескольких языках (например, «La Résistance et les Européens du Nord», Брюссель, n.d.), дававшие представление о нынешнем *état des questions**. И все же ряд проблем остались нерешенными.

В 70-е годы трое ученых опубликовали труды по общей истории вооруженного Сопrotивления в Европе: Мишель (в переводе Барри, который был начальником штаба у Габбинса) — «Теневую войну» (1972), Йорген Хаструп — «Полыхающую Европу» (Оденсе, 1978), а я, М. Фут, — «Сопrotивление» (1976). Мишель и Хаструп (оба уже скончались) пришли бы в восторг от труда Маккензи, если бы им довелось с ним познакомиться.

Маккензи подчеркивает значение Совета УСО в управлении делами ведомства, однако ни один из членов этого Совета не оставил письменных свидетельств о своей роли в нем, лишь Джебб напечатал нечто более или менее пространное, вымарав, впрочем, по большей части упоминания об УСО. Дальтон в своих мемуарах «Роковые годы» (1957) уделил УСО менее двадцати

* Состояние проблемы (фр.)

страниц. Лорд Селборн вообще ничего не опубликовал о своей секретной работе, более того, как выяснилось (об этом мне как-то сказала его внучка), об этом не знала и его семья. Габбинс представил свои воспоминания в Королевский институт объединенных служб — они были напечатаны в журнале института в мае 1948 г. Много позже его уговорили прочесть лекцию в Манчестере, изложение которой можно найти в вышедшей под редакцией М.Р. Эллиота-Батемана книге «Четвертое измерение войны» (Манчестер, 1970, с. 83—110).

Работе центрального аппарата УСО посвящены две великолепные книги, написанные штабными офицерами среднего звена: «Прикомандированный на Бейкер-стрит» Бикэма Суит-Эскотта (1965) и «УСО в 1940—1945 гг. Воспоминания и размышления» Дж.Г. Бивора (1981). Книга «Между шелком и цианидом» Маркса содержит менее восторженные, но в равной мере личные впечатления.

Есть и значительное исследование, посвященное взаимоотношениям УСО с Комитетом начальников штабов (Дэвид Стаффорд, «Британия и европейское Сопротивление в 1940—1945 гг.», 1980, 1983), — оно основано на архивных документах, к которым в те годы был открыт доступ.

Маккензи в Оксфорде был настолько увлечен учением Аристотеля, что и тогда, и позже использовал его подход при оценке политических событий. Говоря об организации британской пропаганды в годы войны, он рассуждает о том, разумно ли вообще вести пропаганду, и попутно замечает, что подрывная деятельность по сути своей несправедлива.

Что ж, работая в Англии и рассматривая войну под углом зрения Лондона, он почти не принимал во внимание ту моральную грань, какую приходилось преступать всякому участнику Сопротивления, прежде чем примкнуть к движению: бороться — значило действовать незаконно. Иными словами, Сопротивление нарушало *де-факто* законы, навязанные нацистами, под пятой которых обречено было жить население, даже если *де-юре* (как в случае с голландцами) нацистские законы не имели силы в стране: королева Голландии в мае 1940 г. увезла с собой и большую королевскую печать, и официальное лицо, без санкции которого ни один голландский закон не мог считаться принятым (Герман Фрайдохфф, «Реквием по Сопротивлению», 1990, с. 27—28).

Маккензи не очень вдается в трудности УСО, связанные со снабжением, разве что упоминает о критическом положении,

сложившемся из-за нехватки парашютного шелка, что едва не привело к прекращению всех операций (см. часть раздела 4 главы ХХІХ — «Производство»). В пространном вступительном разделе он говорит о создании Управления, затем сразу же переходит к повествованию о действиях в Югославии. Заметив, что неизмеримо труднее детально разбираться в событиях, происходивших повсюду «в поле», Маккензи решил сосредоточиться на Франции, Норвегии, Югославии и Греции.

Для того чтобы говорить о Югославии с Грецией, ему, разумеется, пришлось включить в книгу главу об организации командования на Восточном Средиземноморье — это было трудной задачей для высшего руководства УСО в ходе всей войны. Трудности к тому же усугублялись интересом, который к данному региону проявляло министерство иностранных дел (Форин-офис так и не удалось взять верх над министерством колоний и управлять Египетским протекторатом). Их взаимная неприязнь усиливалась, поскольку и УСО, и МІБ настаивали на абсолютной секретности своих шифров. Хилый штат шифровальщиков УСО в Каире с недельными опозданиями расшифровывал даже сообщения особой важности, а потому нет ничего удивительного, что министры выказывали нетерпение. Книги Артемиса Купера «Каир во время войны» (1996) и леди Рэнферли «На войну с Уитэйкером» (1994) добавляют местный колорит к описаниям Суит-Эскотта, иронически заявлявшего о «непригодности египетской столицы для ссыльных из Англии».

Тому, кто стремится узнать, как все обстояло на самом деле на земле, «в поле», стоит обратиться к книгам, написанным бывшими британскими агентами на Балканах: «Отчет о пережитом» Джона Малгэна (Оксфорд, 1947), «Яблоко раздора» К.М. Вудхауза (1948), «Греческая полоса препятствий» Э.К.У. Майерса (1955) и «Рискованное дело в Греции» Николаса Хэммонда (1983) — в них рассказывается о Греции; а «Гора в боевом строю» сэра Ф.У.Д. Дикина (Оксфорд, 1971) и «Мисс Пламя» Джаспера Рутэма (1946) — о гражданской войне в Югославии.

Маккензи очень мало уделяет внимания деятельности УСО в Африке. Зато есть книга, в которой ярко и живо описаны тамошние события, — «Джеффри» Дж.Ф. А[плеярда] (1946, с. 79—110), а также личные воспоминания его сына об операции «Девичья честь», иначе именуемой «резней в Фернандо По». Книга «Партизанская война в Абиссинии» У.Э.Д. Аллена была выпущена издательством «Penguin» еще в 1943 г., и Маккензи с нею, возможно, был знаком.

но он почти не интересовался деятельностью УСО в Абиссинии (так тогда называлась Эфиопия), не связывая события, там происходившие, с боевыми действиями в Европе. Как разъяснил сэр Дуглас Доддс-Паркер в книге «Поджог Европы» (Уиндлешэм, 1983, с.72—73), военные действия в Абиссинии подтвердили успешность действий небольших групп обученных людей, засланных на оккупированную территорию и снабженных средствами радиосвязи: то был прообраз будущего вооруженного Сопротивления, схема, многократно воспроизведенная в Европе. Сэр Дуглас стал было читать private лекции на эту тему, но их тогда же пришлось прекратить по просьбе южноафриканского правительства, которое, мягко говоря, смутила та легкость, с какой чернокожие сотрудники УСО одерживали победы над белыми итальянцами.

О работе УСО в Америке теперь известно из официального доклада, подготовленного после окончания войны по распоряжению сэра Уильяма Стивенсона. Он командовал британскими секретными службами в районе к западу от Атлантики и стал героем одного из бестселлеров, посвященного УСО (в статье о сэре Уильяме в Национальном биографическом словаре (НБС) утверждается, что нет никаких свидетельств того, будто он когда-либо встречался с Черчиллем). В книге «Британское секретное взаимодействие» (1999) о действиях УСО в Америке говорится вполне взвешенно.

Есть еще одна официальная история УСО, на сей раз не привязанная к какой-либо стране, но более подробно разработанная, чем мог себе позволить ограниченный временем Маккензи. Речь идет о книге «Секретные флотилии» сэра Брукса Ричардса (1996): в ней рассказывается, как был создан частный военный флот УСО, как он действовал, пересекая Ла-Манш (Английский канал) между Корнуоллом и Бретанью, прежде чем выйти к Северной Африке и действовать в тылу правого фланга немцев в Тунисе. Сам сэр Брукс тоже участвовал в этих действиях, а потому книге присуща достоверность. Полезным дополнением к ней является книга Маргарет Паулинг «Согласно приказу» (1999) — о том, что было сделано для УСО на Средиземноморье Добровольческой вспомогательной частью женского медперсонала (ДВЧМ). Автор этой книги сама участвовала в этой работе.

При всем размахе деятельности УСО она не смогла оказать никакого воздействия на шестую часть света, которой в то время правил Сталин. Отделение УСО в Москве не наладило полезного взаимодействия с теми советскими подразделениями,

которые на восточном фронте с помощью партизан осуществляли операции, подобные тем, что были в арсенале УСО.

Не оказывало особого воздействия УСО и на события внутри Германии. Падкая на сенсации пресса в 1998 г. много рассказывала о преданных гласности архивных материалах отдела X по операции «Foxley» (под ред. Марка Симэна) — в них шла речь о возможном убийстве фюрера. При этом журналисты упустили из виду содержащийся в них вывод: на том этапе войны (август 1944 г.) Гитлер был полезнее союзникам живой, а не мертвый, поскольку его стратегия обрела весьма явные приметы сумасбродства. УСО даже не упоминается в двух вышедших на английском языке трудах о Сопrotивлении в Германии: «История немецкого Сопrotивления в 1933—1945 гг.» Питера Хоффмана (1977) и «Противостояние Гитлеру» Майкла Балфура (1988). А ведь УСО предоставило начинку для бомбы, с помощью которой 22 апреля 1944 г. было совершено покушение на Гитлера, но сделало это не по доброй воле: взрывчатка была захвачена абверовцами у одного из агентов УСО во Франции и передана заговорщикам.

Маккензи собрал достаточно материала, готовя главу о Германии и Австрии (глава XXVIII), однако в ней мало говорится об операции «Foxley», возможно, потому, что его опекуны в то время очень волновались, как бы не вылезли наружу сведения о тесном взаимодействии между УСО и СИС, содержавшиеся в материалах «Foxley».

Он лишь слегка касается (глава XIV, раздел 1) попыток проникновения УСО в Испанию: тема довольно сложная, к тому же ее отягчало присутствие в Мадриде в качестве британского посла сэра Сэмюэля Хора (впоследствии лорда Темпелвуда), имевшего нелегальное прошлое. Посол был убежден, что УСО не должно мешать разрядке напряженности, которую он намеревался сделать основой отношений с генералом Франко.

Вся книга, от первой страницы до последней, полна историй, свидетельствующих об отваге агентов УСО и профессионализме сотрудников Управления, руководивших ими: при неопределенности обстановки на континенте порой с огромным трудом удавалось находить общий язык с отобранными мужчинами и женщинами, обучать этих агентов в ходе работы.

В Италии времен Муссолини УСО действовало не вполне эффективно. Зато после падения режима Муссолини Объединенное партизанское движение на оккупированной территории Северной Италии действительно сумело нанести существенный

урон общему врагу. Да и переход Италии на другую сторону в войне был подготовлен при тайной помощи радиста УСО — без Управления специальных операций это вряд ли удалось бы осуществить (см. очерк Кристофера Вудса «Сказка о двух перемириях» в книге под ред. К.Дж. Робертсона «Война, Спротивление и разведка», 1999, с. 1—18; а также документальные материалы о деятельности УСО в Италии, подготовленные Вудсом). В самом конце военных действий в Европе УСО сыграло решающую роль в том, что немецкие войска в Нидерландах сдались Эйзенхауэру: об этом можно было бы прочесть в написанной мной истории деятельности УСО в странах Бенилюкса*, но книгу не разрешили опубликовать.

В странах Бенилюкса, в особенности в Нидерландах, УСО работало из рук вон плохо в течение восемнадцати месяцев. За это время абвер предпринял против Управления те же меры, что и М15 против абвера в ходе всей войны: скрытно выследил почти всех агентов УСО. Маккензи честно поведал об этом.

Что касается Польши, где возникло Спротивление и куда всегда стремился душой Габбинс, то полную информацию обо всем можно получить в замечательном труде Джозефа Гарлински «Польша, УСО и союзники» (1969), — он настолько обстоятельно раскрыл тему, что, похоже, писать официальную историю никто не собирается. Так же подробно описана деятельность УСО в Чехословакии в книге Каллума Макдоналда «Убийство обергруппенфюрера СС Рихарда Гейдриха» (1989); дополнением к ней может стать книга Франтишека Моравека «Хозяин шпионов» (1975).

И в Польше, и в Чехословакии любых агентов УСО, попавших в руки врага, скорее всего ждала ужасная судьба. Почти четверть агентов отдела F во Франции тоже не вернулись на родину. Многие из них погибли в концентрационных лагерях. Например, всего за два дня в Маутхаузене безжалостно расправились с четырьмя десятками голландских агентов — жертвами нацистов в этом лагере стали не только евреи.

Что же касается Франции, которой Маккензи посвятил несколько глав, то вот уже более трех десятилетий, как вышел мой

* Этот термин принят в русскоязычной специальной литературе для обобщающего (чаще всего территориально) обозначения Бельгии, Нидерландов (Голландии) и Люксембурга. В англоязычных источниках принят термин «the Low countries» («Низинные страны»). Здесь и далее используется привычный русскоязычному читателю термин — страны Бенилюкса.

документально-исторический труд (М.Р.Д. Фут, «УСО во Франции», 1966, перераб. изд. 1968 г.). У нас с Маккензи имеются расхождения по ряду вопросов: в каждом случае я решался пойти против него, только будучи убежден (поскольку обладал более полными сведениями, нежели те, что были в его распоряжении), что им допущена неточность. Из огромного потока литературы на эту тему упомяну лишь одну книгу, которую до сих пор считаю (как считал и генерал де Голль) лучшей: «Маки» Джорджа Миллара — ее, несомненно, читал и Маккензи.

В разделах, посвященных Франции, как и во всей книге, Маккензи продемонстрировал поразительно глубокое понимание давней и текущей политики и истории. Оглядываясь назад, остается лишь сожалеть, что его знания о Европе оказались не востребованными в рамках служебных обязанностей в министерстве авиации, — они могли оказаться полезными министерству иностранных дел либо одной из секретных служб. Но тут уж ничего не поделаешь.

Маккензи дал своей книге подзаголовок: «Британия и движения Сопrotивления в Европе». Он уделяет много внимания событиям за пределами Европы, но душой — не европеец. И в 1971 г. к его четырем томам добавился пятый, где рассказывалось о делах УСО в Восточной Азии. Написал его государственный служащий, который сам был сотрудником УСО и дослужился до майора, имя его — Адриан Дж. Маклоглин (1909—1979), эту книгу можно отыскать в ГАВ под шифром САВ 102/653. В данный том она не включена, поскольку и по стилю, и по тематике отличается от сочинений Маккензи, однако один фрагмент из нее достоин упоминания. Одним из самых удачливых оперативных работников УСО в Азии был сэр Уолтер Флетчер (ур. Флейшл), который до прихода в Управление занимался международной торговлей каучуком. Он уверил Колина Маккензи (всего лишь однофамилец Билла, крупная фигура в текстильной промышленности), который руководил работой УСО в Азии, что сумеет вывозить каучук из потерянной Голландской Ост-Индии*, — но не сумел. Тогда Флетчер перебрался в Китай, откуда вернулся с 77 млн. ф. ст. в твердой валюте (в основном в долларах США). Часть денег он приобрел в результате удачных сделок на шанхайской валютной бирже, часть — продавая китайским магнатам усыпанные драгоценными камнями часы, которые ему тайком доставляли из Швейцарии агенты отдела F в УСО, полагавшие,

* Такое название носила Индонезия.

что это оружейные прицелы для Королевских ВВС. УСО, таким образом, удалось достичь не имеющего аналога в истории секретных служб успеха: свою деятельность Управление завершило (Эттли закрыл его в начале 1946 г.) с положительным балансом — доходы значительно превышали расходы.

Управление имело и «стратегический доход», которому пока еще не уделили должного внимания официальные историки, отстраненные от обсуждения проблем секретных служб, — большинство из них пишут до того, как становятся доступными сверхсекретные материалы. Еще до того как УПВ отделилось от УСО, Управление в большой мере способствовало смене ориентиров в общественном мнении Соединенных Штатов — политика изоляционизма сменилась убеждением, что верховенство нацистов в мире плохо соотносится с конституцией США. В Норвегии девять диверсантов Управления уничтожили в Рjukanе запасы и производство тяжелой воды, которую собирался использовать Гейзенберг, создавая атомную бомбу для Гитлера. После этого ему было приказано свернуть атомный проект. На территории оккупированной нацистами Северной, Западной и Южной Европы УСО могло снабжать оружием тех, кто боролся с нацизмом, и тем самым помогало гражданам многих стран вернуть самоуважение, утраченное ими в 1939—1941 гг., когда блицкриг разметал их национальные военные силы. Более того, личное бесстрашие и благородство многих агентов Управления «в поле» поразили воображение многих творческих людей — поэтов, писателей и драматургов, — и в результате появились захватывающие произведения, пусть и не всегда исторически достоверные.

Заканчивая, хочу дать разъяснения (возможно, они бесполезны) по примечаниям, которые внесены мною в текст оригинала. Все они даются в квадратных скобках: [вот так]* — такими переписчица рукописи Маккензи не пользовалась.

Маккензи, как и большинство людей в те годы, отлично знал, кто был канцлером казначейства (министром финансов) весной 1939 г. или начальником Имперского генерального штаба весной 1940 г. Сегодняшний читатель, возможно, будет признателен, если ему об этом напомнить. Кто был британским посланником в той или иной балканской стране (еще до того, как дипломатический мир перешел от миссий к посольствам),

* Далее в тексте сноски У. Маккензи будут обозначаться постранично порядковыми цифрами: ¹, ²; сноски, добавленные М. Футом, — знаками *, а также квадратными скобками []; примечания переводчика на русский язык — знаком □. — *Прим. пер.*

легко выяснить по «Перечню министерства иностранных дел», однако этот ежегодник есть не в каждом доме. Более того, автор книги, будучи государственным служащим в годы войны, привычно воспринимал аббревиатуры и отлично знал, что означает, например, DDSD (заместитель директора службы безопасности), мне же преодолевать такие буквенные колдобины помогала профессиональная закалка, приобретенная в Уайтхолле.

Где возможно, я сделал все, чтобы определить упомянутых им лиц и по крайней мере привести даты их жизни. Большинство из них были выходцами из правящего класса и воспитывались, говоря словами Киплинга, в «почтении к старшим». Старшинство по рождению до сих пор что-то значит в этих кругах, а потому, когда кого-либо вводили в рыцарское достоинство, я старался уточнить дату посвящения, заодно отмечая продвижение к более высокому положению в обществе. Имена многих из них упомянуты в десятилетних приложениях к Национальному биографическому словарю, все они в примечаниях помечены в «НБС» и могут быть найдены там по датам смерти, если только не числятся в томе «Пропавшие без вести» (Оксфорд, 1993), что оговаривается мною особо.

Имена агентов — группы куда более разношерстной, чем штатные сотрудники, — можно будет (около половины из них) со временем отыскать в ГАВ, когда станут доступными около восьми тысяч сохранившихся личных дел. О нескольких лицах уже сейчас оказалось возможным сообщить кое-какие сведения.

Какой-либо достаточно полной библиографии по Сопроотивлению не существует (а она крайне нужна). Многочисленные примечания к тексту книги Маккензи содержат: а) автобиографические замечания, б) стандартные биографии, в) названия других выдающихся трудов — не на все из них мог сослаться Маккензи, а некоторые труды отчасти корректируют его выводы. В целом же выводы историка и ныне, по прошествии пятидесяти лет, сохраняют актуальность и остроту.

Тех, кто станет читать дальше, обязательно заинтересуют суждения мудрого человека относительно одной из важнейших и секретнейших служб, о которой до сих пор мало известно в Великобритании. Уверен, что книга Маккензи поможет читателю по-настоящему оценить роль УСО в обеспечении победы союзных держав над фашизмом во Второй мировой войне.

М.Р.Д. Фут
Натэмпстед, 3 марта 2000 г.

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга — одна из официальных историй войны 1939—1945 гг., которые создаются при поддержке секретариата Кабинета министров, хотя ответственность за любые факты и мнения, в ней изложенные, всецело лежит на авторе. Этот труд в нынешнем его виде не подвергался никакой цензуре, продиктованной соображениями безопасности либо политическими.

Несколько слов об источниках. Прежде всего содержание основано на ведомственных документах УСО. После роспуска ведомства многие документы были уничтожены как несущественные, однако осталась в целости громадная масса материала, содержащего множество сведений, имеющих историческую ценность. Часть этого материала касается конкретных событий либо направления политики, хотя значимость документов в ином: они дают возможность воссоздать картину жизни Европы под немецкой оккупацией. Многое, правда, отсутствует в этих документах, но, несмотря на это, они, несомненно, лучший источник для работы над историей европейского Сопротивления.

Этот материал содержится в большом беспорядке. Частью по неопытности, частью по соображениям безопасности в УСО не было организовано централизованной регистрации или системы ведомственного хранения документации. Каждое подразделение хранило свои бумаги по собственной системе: от руководителя — министра до подотделов в отделах стран. Если документ существовал в единственном экземпляре, то в конечном счете мог оказаться где угодно, в любом архиве. Первоначальный беспорядок сделался еще большим, когда в 1945 г., незадолго до упразднения, УСО предприняло попытку устранить хаос в документации и ввести подобающую систему ведомственного хранения по со-

держательному признаку. Работа только развернулась, когда Управление официально прекратило существование: штат регистраторов сохранялся какое-то время, но затем по соображениям экономии работу прекратили, когда сделано было всего около четверти ее.

Следует подчеркнуть, что при подготовке настоящей книги не исследовался весь материал УСО. Первостепенной была задача создать более или менее полное повествование быстро, пока события еще свежи в памяти. Можно утверждать, что все факты, содержащиеся в этом труде, подтверждены тем или иным добротным источником, однако до сих пор огромный объем материала остается недоступным, что может негативно сказаться на описании некоторых частных моментов, хотя скорее всего не повлияет на общие выводы.

В отборе материала и розысках документов опорой автору служили терпеливость и опыт его помощницы мисс Уинифред Клоуз. Особую ценность представляют следующие источники:

- а) Каждый отдел УСО перед ликвидацией Управления подготовил своего рода отчет о своей работе. Отчеты эти значительно различаются по качеству изложения и по числу ссылок, но все они являются первичными источниками, поскольку писались, как правило, хорошо информированными младшими офицерами, которые активно участвовали в работе конкретного отдела. К тому же большинство отчетов проверены сотрудниками более высокого ранга.
- б) «Журнал войны» в Лондонском центре УСО велся весьма подробно служащими специального сектора, созданного в 1941 г. Этот сектор не всегда получал необходимые материалы, не вполне разбирались его сотрудники и в хитросплетениях политики, и все же «Журнал войны» — бесценный источник информации еще и потому, что к нему прилагается учетный каталог имен.
- в) Когда деятельность УСО наладилась, на основе разработок служб было составлено «Специальное методическое пособие», включавшее в себя перечисление и описание применявшихся методов. Пособие, однако, не часто использовалось в работе в качестве подспорья, но само по себе является важным источником, поскольку содержит ценные сведения.
- г) В досье различных служб были обнаружены факты политического характера, представляющие особый интерес.

Есть документы главного помощника министра, в основном в сериях досье AD/S.1; документы последовательно сменявшихся руководителей ведомства; документы региональных директоров и документы отдела (НШ/Планы), ответственного за связь с Комитетом начальников штабов (КНШ). Пока все они в архивах хранятся вместе.

Кроме архивов УСО, автор не пользовался никакими официальными источниками, за исключением досье Кабинета министров и документов КНШ из секретариата Кабинета министров. Документы иных ведомств задействовались только в тех случаях, если оригиналы или копии их имелись в архивах УСО. Следовательно, труд создавался прежде всего под углом зрения УСО и не претендует на объективность при освещении деятельности любого другого ведомства.

Автор довольно тщательно изучил и воспоминания, опубликованные на английском языке. Существует также обширная литература, изданная на многих европейских языках, однако автор использовал лишь отдельные произведения, и то довольно редко. Во всех случаях, где необходимо, даны ссылки в подстрочных примечаниях.

Автор выражает особую признательность лорду Селборну за разрешение использовать его полуофициальную переписку, имеющую отношение к УСО, а также всем штатным сотрудникам УСО, которые оказали ему помощь при подготовке этой книги. Работать с ними было удовольствием и честью.

У. Дж. М. М.
Сентябрь 1948 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ИСТОКИ

ГЛАВА I ПЕРВЫЕ ШАГИ

Год 1938-й начался в обстановке постоянных горячих споров о революции и методах подрывной войны. Гражданская война в Испании была в разгаре, а высказывание генерала Кейпо де Льяно о «пятой колонне» в Мадриде уже успело широко войти в обиход. Немецкий «турист», став привычной фигурой на Балканах, уже внес свой практический вклад в войну в Испании. Австрию и Чехословакию будоражили внутренние беспорядки, провоцируемые извне, во Франции только и разговоров было что о фашиствующих террористах «кагулярах», Россия обратила прожектор гласности на подрывную деятельность троцкистов и немецкие происки. Ближний Восток стал ареной хорошо продуманной — итальянской, а равно и немецкой — пропагандистской кампании: то, что в беспорядках в Палестине замешаны внешние силы, считалось бесспорным фактом, однако степень этого вмешательства оценивали по-разному.

Общие очертания плана войны, замышляемой новой Германией и новой Италией, были вполне очевидны для всякого вдумчивого наблюдателя. Все, кроме незначительного меньшинства в Британии, относились к перевооружению как к необходимости, а это требовало пересмотра существующих планов и создания ядра организации, способной во время войны развернуться в полную силу. Совершенно естественно, что многие задумались о необходимости отпора противнику, предпочитающему подрывную деятельность. Действия должны быть как наступательные, так и оборонительные — в этом смысле у Британии имелся значительный опыт. Из арсенала оборонительных действий: опыт партизанских военных действий в Южной Африке,

в Ирландии, в Палестине, на северо-западных рубежах Индии, диверсионная деятельность ИРА[□] в «бурные» 1919—1920 гг. и организации фон Папена в США до 1917 г. Имелись, однако, у британцев и собственные методы подрывной работы: в общественном сознании они олицетворялись в таких обобщающих понятиях, как «Лоуренс Аравийский» и «нортклифская пропаганда». Именно в них немцы видели причину своего поражения в Первой мировой войне. Существовали и давние традиции «маленьких войн», которые вела Британская империя.

Всем этим идеям, которые буквально носились в воздухе, в высоких правительственных кругах не уделяли должного внимания. Может, поэтому планирование действий различных организаций было лишено согласованности и не имело ясной цели. Политика активных подрывных действий не вяжется ни с парламентаризмом, ни с органами управления, сформированными в традициях парламентской системы власти. В 1938 г. важность подрывной деятельности была очевидна, об опасностях же некомпетентного управления ею не предполагали, и перегруженные делами министры и их ведомства не очень-то осознавали степень этой опасности. В итоге появились три самостоятельные организации, которые в самый канун войны вряд ли преодолели поисково-экспериментальную стадию: цели, перед ними поставленные, были неопределенными и порой перечеркивали одна другую, а отношения новых институтов со старыми ведомствами — неясными и зачастую взаимно раздражительными.

1. Отдел D

Первым из трех был создан отдел IX (позднее — отдел D) Секретной разведывательной службы (СИС).

В апреле 1938 г. адмирал сэра Хью Синклер, кавалер ордена Бани 2-й степени (он возглавлял СИС до самой смерти в 1939 г.)*, добился от военного министерства перевода к себе на неопределенный срок майора инженерных войск Лоуренса Гранда**, что-

[□] Ирландская революционная армия, тайная националистическая организация, созданная для борьбы за независимость всей Ирландии от Великобритании; запрещена ирландским правительством в 1936 г.

* [1989—1939 гг.; в НБС, «Пропащие без вести»].

** [1898—1975 гг., генерал-майор с 1949 г., будет включен в новый выпуск НБС].

бы тот изучил готовность британских служб к организации и ведению наступательных действий по направлениям, которые уже выявились в стратегии Германии и Италии, и подготовил на эту тему доклад. Не обнаружено никаких свидетельств о санкции начальства более высокого уровня, однако вряд ли инициатива была предпринята без согласования с министром иностранных дел¹; его такой шаг ни к чему не обязывал, обстановка же настоятельно этого требовала: за несколько недель до того немцы оккупировали Австрию. Майор Гранд был кадровым офицером Королевских инженерных войск, затем переведен в военное министерство для работы «по моторизации», опыта работы в секретных службах у него не имелось, зато человек он был энергичный и с идеями, о его обаянии и сильной натуре говорили все, кто с ним работал.

Первой задачей майора Гранда стала подготовка распоряжения себе самому. Его первый доклад¹ датирован 31 мая 1938 г., в нем в основном перечислялись возможные объекты диверсий в Германии: линии электропередачи и телефонные, маршруты поставок продовольствия, боевые корабли, аэропланы, сельскохозяйственные объекты — список весьма разнородный, где наряду с прочим странно соседствовали «моральные диверсии», обозначенные как «пункт 12». Предусматривались следующие методы ведения работы внутри Германии:

- 1) использование организаций, уже существующих в Германии, т.е. коммунистических;
- 2) действия сотрудников-одиночек для выполнения отдельных и особо опасных диверсионных актов;
- 3) «моральные диверсии», т.е. «слухи», «нашептывания» и прочие способы воздействия, возможно, осуществляемые евреями.

Было также ясно заявлено, что потребуются представители в нейтральных странах, граничащих с Германией, — как для акций на маршрутах, по которым через территорию этих стран в Германию доставлялись продовольствие и прочие военные грузы, так и для создания баз и складов для агентов внутри этой страны. Не

¹ [Э.Ф.Л. Вуд, 1881—1959 гг., вице-король Индии (как лорд Ирвин) в 1926—1931 гг., кавалер ордена Подвязки с 1931 г., министр иностранных дел (как лорд Галифакс) в 1938—1940 гг., посол в Вашингтоне в 1941—1946 гг., граф Галифакс с 1944 г., орден «За заслуги» в 1946 г.; в НБС].

¹ Архив УСО, папка 1/470/2 (первый документ).

предполагалось, что будут предприниматься какие-либо действия в мирное время. Первоочередная программа включала:

- 1) разработку диверсионных устройств и производство запасов;
- 2) разведку и изучение целей;
- 3) организацию складов и установление контактов в нейтральных странах.

Стоимость этой программы определялась в 20 000 ф. ст.

Документ имел хождение внутри СИС (очевидно, не выходя из нее) и был воспринят «со смешанным чувством тревоги и надежды»¹. Суть высказанных замечаний сводилась к тому, что следует действовать чрезвычайно осторожно, дабы избежать дипломатических осложнений в мирное время, и что при планировании операций прежде всего следует сосредоточиться на транспортировке железной руды из Швеции и нефти из Румынии. Одобрение деятельности по этим направлениям было получено от адмирала Синклера, а прикомандирование майора Гранда к СИС было подтверждено на последующие два месяца, с возможным продлением срока в конце 1938 г.

Отдел IX (ныне отдел D) первоначально зародился внутри СИС, в его обязанности не входило проведение агрессивных действий в мирное время, однако вполне допускалось изучение других средств воздействия, в том числе таких актов, как «моральные диверсии». Политическая значимость средств, используемых этим отделом, и естественное наращивание усилий — через «моральные диверсии» к «просто диверсиям», к пропаганде и политическим акциям — еще навлекут немало неприятностей на отдел IX и на организацию, которая его заменит².

2. Электра-хауз[□]

Двумя другими составляющими будущего УСО были MI(R) (исследовательская служба военного министерства) и Электра-хауз. Последний в дальнейшем будет связан с Управлением

¹ «Журнал войны» УСО.

² Очевидно, командующий секретной службой знал, что делал, когда в сентябре 1938 г. расширил полномочия полковника Гранда, поручив ему ведение пропаганды (см. сноску на с. 47).

[□] В данном случае название Электра-хауз, а также Крю-хауз обозначают (по названию зданий) службы, занимавшиеся радиопропагандой (в том числе и «черной») на зарубежную аудиторию.

политической войны (УПВ), а не с УСО, так что вначале вкратце расскажем о нем¹.

Важность пропаганды в годы, непосредственно предшествовавшие войне, осознавалась столь же ясно, как и противодействие активизировавшейся «пятой колонне», а потому не было недостатка в желающих участвовать в организации этого дела. Министерство иностранных дел, только-только зародившееся министерство информации, Би-би-си, Адмиралтейство, военное министерство (служба общественных связей и М17), министерство авиации, а также отдел D — все они, что называется, погребли руки на пропаганде, и запутанный этот клубок так до конца и не был распутан. История Электра-хауз, по-видимому, началась с того, что адмирал Синклер обратился к сэру Кэмпбеллу Стюарту* в сентябре 1938 г. во время мюнхенского кризиса с просьбой: обратить внимание на проблему пропаганды на страны противника. Обращение именно к сэру Кэмпбеллу было не случайным: он имел тесную связь с Крю-хауз**, которому весьма своеобразные почести воздал немецкий генеральный штаб после поражения в 1918 г. В отчете сэра Стивена Тэллента[†] подкомитету Комитета имперской обороны (КИО) (от 9 ноября 1938 г.) сообщалось о проведенной в сентябре 1938 г. пробной мобилизации министерства информации и подчеркивалось, что «показательным уроком... стало отсутствие технического оборудования для обеспечения своевременного, быстрого и эффективного донесения британских новостей и сообщений до населения стран — потенциальных противников». В результате был учрежден специальный подкомитет во главе с сэром Кэмпбеллом Стюартом, а также было рекомендовано создать отдел вещания на противника, который действовал бы — в малом объеме — и в мирное время. Меры по этой рекомендации приняли незамедлительно, и в январе 1939 г. в Электра-хауз, где располагался кабинет председателя Имперского консультативного комитета по средствам связи сэра Кэмпбелла Стюарта, появился департамент ЕН.

Его функции, как представляется, были определены не очень четко: даже если оставить в стороне изменения, происходившие

¹ «История УПВ» м-ра Дэвида Гарнетта. [1892—1981 гг., писатель; в НБС. Написанная им «История УПВ» ожидает разрешения к публикации.]

* [1885—1972 гг., публицист; в НБС.]

** [См. написанную им книгу «Секреты Крю-хауз», изданную в Лондоне в 1920 г.]

[†] [1884—1958 гг., государственный служащий; в НБС.]

в отделе D, у нового департамента имелись параллельные, созданные ранее, организации в министерстве информации и на Би-би-си. В первом действовала секция по работе на противника и страны, оккупированные противником, «занимавшаяся сбором новостей и информации из этих стран, донесением новостей и информации до населения этих стран и ведением пропаганды и контрпропаганды, направленных на опровержение слухов и измышлений¹, распространяемых противником. Сотрудники, связанные с редакциями вещания на немецком и других иностранных языках в Би-Би-Си, в своей работе далеко выходящие за рамки обычной трансляции материалов, полученных из других редакций.

Вышестоящую организацию, курирующую эти три ведомства, четко представить невозможно. Электра-хауз по форме являлся департаментом министерства иностранных дел, степень же властных полномочий Форин-офис² в отношении Би-би-си не совсем ясна, и уже в самом начале войны корпорация сетовала на то, что указания от Электра-хауз и от министерства информации нередко противоречили друг другу. В декабре 1939 г. начались встречи (они проводились каждые две недели) между представителями Электра-хауз и министерства информации, а уже в июне 1940 г. сэра Кэмпбелл Стюарт и мистер Дафф-Купер* достигли соглашения: Электра-хауз становился подотчетен министерству информации за действия в области политики, однако сохранял свой статус департамента министерства иностранных дел, финансируемого из средств, выделяемых на секретные службы. Согласованная система рухнула почти сразу же, стоило генеральному директору министерства информации сэру Уолтеру Монкtonу** обнаружить, что Электра-хауз ведет работу секретной радиостанции «Das Wahre Deutschland» («Истинная Германия»), — ведь по всем канонам министерство информации не то

¹ Служебная записка об организации министерства информации от 21 ноября 1940 г.

² В некоторых случаях в переводе будет использоваться этот (уже привычный для русскоязычной политической литературы) термин как синоним названия «министерство иностранных дел Великобритании».

* [1890—1954 гг., первый виконт Норвич с 1952 г.; в НБС. См. его книгу «Старикам забывают» (1953).]

** [1891—1965 гг., юрист, введен в рыцарское достоинство в 1937 г., виконт Монкton с 1957 г.; в НБС.]

что руководить, но и знать о ней не могло. Об этой радиостанции просто нигде не извещалось.

Функции департамента ЕН были столь же неясны, как и его полномочия: единственное, что можно утверждать: его работа имела отношение к «черной» пропаганде, то есть к такой пропаганде, которую нельзя было подавать как исходящую от британского правительства, поскольку имелось явное несоответствие содержания передач официальным заявлениям правительства. Потому все выглядело так, будто информация исходит из другого источника. Департамент нес ответственность за первое (в мае 1940 г.) британское предприятие такого рода — радиостанцию «Freiheitsender» («Вестник свободы»), ведущую передачи на коротких волнах и представлявшую дело таким образом, будто вещание ведут бунтари, находящиеся на территории той или иной страны. Помимо этого, департамент экспериментировал, как и отдел D, выпуская печатную продукцию — по виду немецкого производства — и распространяя ее тайно внутри Германии. Впоследствии выяснилось, что подобные методы очень эффективны (особенно в оккупированных странах — гораздо больше, чем в самой Германии), мало того — их применение напрямую связывалось со становлением и укреплением движения Сопротивления¹.

3. Исследовательская служба военной разведки MI(R)²

Зародилась MI(R) внутри службы, известной как исследовательский отдел Генерального штаба — GS(R), о его задачах довольно туманно сообщил 9 марта 1938 г. в Палате общин теневой военный министр: «Хотя много поучительного, казалось бы, извлечено из недавних событий, до сих пор не создано какой-либо службы, занимающейся исследованиями

¹ Больше об этом см. в «Истории УПВ» и WP(R) 105 от 29 марта 1940 г.

² Очевидно, большая часть документов MI(R) была уничтожена, потеряна или попала в общие архивы военного министерства. Но после роспуска службы папки с материалами хранились у бывшего секретаря полковника Холланда — мисс Джоан Брайт. Когда она перешла на работу в секретариат Кабинета министров, документы оказались там же. Теперь они включены в Архив УСО. (Мисс Брайт вышла замуж за Филипа Эстли и стала миссис Эстли. См. ее книгу «Внутренний круг», 1971 г.)

исключительно в военной области. Предстоит создать небольшой отдел для изучения практики применения различных средств ведения войны».

Внутренний устав службы в военном министерстве предписывал «изучать проблемы тактики под руководством заместителя начальника Имперского генерального штаба, поддерживать связь с другими службами военного министерства и с командованием родов войск с целью отбора новых идей по заданным темам, а также с техническими исследовательскими службами». Статус же службы становится совсем понятен, если процитировать отрывок из памятной записки заместителя начальника ИГШ: «Я сам руководил исследовательским отделом. Он был невелик, почти анонимен, его сотрудники могли вникать во что угодно, говорить с кем угодно, но их следовало держать подальше от документации, переписки и телефонных разговоров»¹.

Перечень документов, подготовленных GS(R), приводится в примечании². Спектр затронутых тем весьма широк, но лишь с доклада № 7 в работе отдела четко определилось направление: практическая подготовка к ведению боевых действий силами нерегулярных военных формирований. Это изменение направленности связано с приходом в GS(R) в декабре 1938 г. подполковника инженерных войск Дж.Ф.К. Холланда, награжденного Крестом за летные заслуги, офицера, обладавшего опытом обороны, полученным в ходе боевых действий в Ирландии и Индии. Он имел представление о тактике и возможностях нерегулярных сил. К тому времени было очевидно, что война неминуема и что за исследованиями должна немедленно начаться подготовка к активным действиям. Был установлен контакт с отделом D, и совместные предложения изложены в документе, подписанном

¹ Взято из «Журнала войны» MI(R), «Представление», папка 3 MI(R).

² Доклады GS(R). 1. Реорганизация военного министерства.

2. Привлечение на работу в военное министерство историков в качестве консультантов.

3. Реорганизация Генерального штаба.

4. Требования, предъявляемые армией к Королевским ВВС в современной войне.

5. Организация бронетанковых и моторизованных частей и боевых порядков.

6. Боевая подготовка сухопутных сил.

7. Анализ военных действий в Испании и Китае применительно к определенным аспектам политики армии.

8. Изучение возможностей партизанских действий.

полковником Грандом 20 марта 1939 г. Основные идеи узнаваемо схожи с соображениями и рекомендациями полковника Холланда, стиль же и неиссякаемый оптимизм документа, несомненно, вклад полковника Гранда¹:

«Захват Богемии и Словакии и явное намерение продвигаться вперед и поглотить Румынию (а возможно, и другие страны к северу и к западу) впервые открывает возможность ведения альтернативного способа обороны, то есть альтернативного организованному вооруженному сопротивлению. Эта оборонительная тактика, которую теперь предстоит развить, должна основываться на опыте, полученном нами в Индии, Ираке, Ирландии и России, т.е. эффективное сочетание тактических приемов партизан и ИРА».

План распространялся на Румынию, Данию, Голландию, Польшу, Богемию, Австрию, Германию, Ливию и Абиссинию. Предлагалось ввести в новое штатное подразделение полковника Холланда и около двадцати пяти других офицеров, установив им расходный бюджет порядка 500 000 ф. ст. «Если это предложение будет принято, — отмечалось в документе, — станет возможно завершить приготовления в отношении Румынии в течение трех недель, а в отношении остальных — в течение трех-четырёх месяцев, т.е. к июлю уже определится дата, когда на оккупированных немцами территориях одновременно вспыхнут беспорядки».

О судьбе данного документа полковник Гранд поведал нам в дневнике, который он вел в то время². Первым делом документ направили исполняющему обязанности командующего Секретной службой (КСС), а он — заместителю директора военной разведки. 22 марта полковника Гранда принял начальник ИГШ вместе с директором военных операций и заместителем директора военной разведки. Было решено направить документ министру иностранных дел. 23 марта (Гитлер оккупировал то, что осталось от Чехословакии, 15 марта) лорд Галифакс обсуждал документ с начальником ИГШ сэром А. Кадоганом, исполнявшим обязанности КСС, и полковником Грандом. Документально зафиксированные темы обсуждения: меры секретности и важность, безотлагательность решения проблемы румынской нефти. В заключение лорд Галифакс сказал, что он «в принципе согласен с планом, о котором теперь постарается позабыть, но доведет этот вопрос до сведения премьер-министра и убедит его

¹ Архив УСО, папка 1/470/1.

² Папка 1 MI(R).

переговорить с канцлером — с целью выделения денег». Начальник ИГШ сам взял на себя ответственность за подбор кадров, если будет получено одобрение премьер-министра*.

События развивались стремительно. 3 апреля полковник Холланд представил более конкретный документ получивший предварительное одобрение заместителя начальника ИГШ: сам начальник ИГШ не смог встретиться с полковником Холландом раньше 13 апреля, зато потом одобрил документ почти без оговорок. Задачи, поставленные перед новым отделом, были таковы:

- а) изучение партизанских методов и подготовка «Правил полевой службы», включающих детальные тактические и технические инструкции, применимые в конкретной стране;
- б) разработка устройств для создания помех, а также способов ведения маневренной обороны, пригодных для партизан;
- в) разработка методов ведения партизанских действий, если в последующем будет решено вести их.

Ограничение было сделано начальником ИГШ только в пункте «в» — оно заключалось в том, чтобы не привлекать к «работе» кадровых офицеров «слишком открыто».

Новое подразделение полковника Холланда поначалу называлось «отделом D/M» и располагалось по соседству с отделом D**. Его первый распорядок работы¹ датирован 13 апреля 1939 г.

* [Сведения о лицах, упомянутых в этом абзаце. Исполняющий обязанности командующего Секретной службой (КСС): сэр С.Дж. Мензис, 1890—1968 гг., утвержден в качестве К в декабре 1939 г., введен в рыцарское достоинство в 1943 г., вышел в отставку в 1951 г. Заместитель директора военной разведки — тогда У.Э. ван Кутсем. Начальник Имперского генерального штаба: У.Э. Айронсайд, 1888—1959 гг., введен в рыцарское достоинство в 1919 г., начальник ИГШ с сентября 1939 по июль 1940 г., фельдмаршал с 1940 г., барон с 1941 г.; в НБС; См. книгу «Дневники Айронсайда» (1962). Директор военных операций: Р.Г. Дьюинг, 1891—1981 гг.; А.Дж.М. Кадоган, 1884—1968 гг., постоянный заместитель министра (ПЗМ) иностранных дел в 1938—1946 гг., введен в рыцарское достоинство в 1941 г., орден «За заслуги» в 1951 г.; в НБС; см. его «Дневники» под ред. Дэвида Дилкса (1971). Премьер-министр: А. Невилл Чемберлен, 1869—1940 гг., премьер-министр в 1937—1940 гг.; в НБС. Канцлер: канцлер казначейства (министр финансов) сэр Джон Ф. Саймон, 1873—1954 гг., введен в рыцарское достоинство в 1910 г., лорд-канцлер в 1940—1945 гг.]

** [В Кэкстон-хауз, д. 2 по Кэкстон-стрит в Вестминстере, рядом с гостиницей «Св. Эрмин».]

¹ В папке 1 MI(R)

Новый отдел хоть и соседствовал с полковником Грандом, но ему не подчинялся: финансировался он из денежных средств Секретной службы. Цепочка подчинения, как представляется, была такова: через заместителя директора военной разведки к заместителю начальника ИГШ. Такая схема просуществовала до начала войны; впоследствии отдел был переведен в здание военного министерства и в официальном перечне структурных подразделений военного министерства значился как служба MI(R) — иногда как MI1(R)¹. Функциональные обязанности, естественно, не оглашались, и только порожденные умолчанием административные осложнения вынудили ДВР (директора военной разведки)* подготовить 11 февраля 1940 г. конфиденциальную служебную записку об обязанностях службы².

Обязанности MI(R)

- 1) Проведение общих исследований по распоряжению ДВР, в том числе оценка и подготовка проектов, связанных с привлечением специальных либо нерегулярных сил для поддержки или усиления — непосредственно или опосредованно — эффективности проводимых операций.
- 2) Техническая разработка и производство приспособлений и устройств, необходимых для таких проектов.
- 3) Осуществление таких проектов, если будет получена согласованная санкция ДВР, ДВО и П** и если подобная операция не входит в функции другого подразделения военного министерства либо иной организации как внутри страны, так и за границей.
- 4) Сбор информации специальными средствами за пределами сферы действий других отделов Дирекции военной разведки.
- 5) Проведение опросов, обучение и регистрация личного состава, имеющего специальную подготовку и навыки, которые могут потребоваться в связи с нерегулярными военными действиями.

¹ Протокол совещания с заместителем начальника ИГШ от 27 июня 1939 г., в папке 1 MI(R).

* [Ф.Дж. Бьюмон-Несбитт, 1893—1971 гг., военный атташе в Париже в 1936—1938 гг., Вашингтоне — в 1942 г., директор военной разведки в 1939—1940 гг.]

² «Журнал рабочих обязанностей», № 50, в папке 1 MI(R).

** [Дьюинг, директор военных операций (ДВО), прибавил себе в титуле: «и планирования» (ДВО и П).]

Такого рода обязанности, естественно, несли в себе серьезный риск накладок, совпадений и мешающих совмещений с действиями отдела D; неудивительно, что отношения с ним нельзя было назвать дружескими. Четкого «временного соглашения» не было достигнутого до создания УСО летом 1940 г. и последовавшего роспуска обеих организаций. И все же некоторое разделение и различия в способе действий более или менее соблюдались на практике:

«Те действия, которые могут обсуждаться британскими подданными с властями заинтересованной страны и которые могут планироваться и осуществляться с ведома и при содействии этих властей, вменяются в обязанность военному министерству и проводятся в «поле» миссиями MI(R).

Те действия, которые не могут официально обсуждаться с властями заинтересованных стран и которые должны осуществляться нелегальными способами без ведома и даже против воли этих властей, являются обязанностью отдела D и проводятся в «поле» организацией «D»¹.

ГЛАВА II

ОТДЕЛ D ЗА РАБОТОЙ

Вначале следует кратко рассказать об организации отдела, а затем представить своего рода отчет о его действиях в различных областях. Формы и способы его деятельности разрабатывались спонтанно и потому довольно путанные. И теперь нелегко расположить материал в удовлетворительном порядке под едиными заглавиями.

Организация

По сути, отдел D являлся составной частью Секретной разведывательной службы (СИС) и иногда именовался отделом IX. Глава его полковник Гранд (Д) был подчинен К, главе СИС (адмиралу Синклеру, позднее — бригадному генералу Мензису);

¹ MI(R) № 309/40. Отчет заместителя начальника исследовательской службы военной разведки; в папке 6 MI(R).

СИС, в свою очередь, находилась в ведении министерства иностранных дел, и ее шеф-министр обычно действовал в таких делах как государственный министр. В первый год войны лорд Хэнки*, бывший тогда министром без портфеля, как представляется, нес особую ответственность перед военным министерством за это направление деятельности, и полковник Гранд зачастую обращался напрямую к нему. Цепочка подчинения, вполне ясная на бумаге, на практике была исключительно путаной, и во многих случаях полковник Гранд действовал вполне самостоятельно.

Поначалу организация в Англии была очень небольшой, и до самой весны 1939 г. серьезного увеличения штата центрального аппарата не происходило. К декабрю 1939 г. отдел состоял из сорока трех офицеров (не считая секретарей-референтов, сторожей и т.п.)¹, в течение последующих шести месяцев штат увеличивался, и при создании УСО в него взяли около пятидесяти офицеров отдела D². От многих из них, однако, вскоре избавились.

Существуют различные схемы создания организации, но очевидно, что до самого конца полковник Гранд руководил отделом, основывая свой выбор исключительно на личных отношениях с тем или иным офицером, а обязанности распределялись почти наугад — в соответствии с индивидуальными предпочтениями и насущными потребностями. 11 августа 1940 г.³ было намечено назначить штатного заместителя (начальника отдела) и пять директоров (по планированию, по операциям, по вспомогательным службам, по организации, по специальным проектам), но во времена полковника Гранда эти назначения так и не состоялись.

Подбор кадров также осуществлялся на основе личных предпочтений: такое в первый год войны происходило в большинстве разраставшихся ведомств, тем более было приемлемо в небольшой организации, работающей в условиях крайней секретности. Ядро составили несколько офицеров из СИС, самым

* [М.П.А. Хэнки, 1877—1963 гг., секретарь Кабинета министров в 1916—1938 гг., введен в рыцарское достоинство в 1916 г., барон с 1940 г.; в НБС; см. С.У. Роскилл, «Человек секретов и тайн», в трех томах, 1970—1974 гг.]

¹ Документ и схема организации на 13 декабря 1939 г. в папке 2/340/3.0 Архива УСО (уничтожено).

² Из памятной записки, датированной 22 февраля 1941 г., из папки 1/470/1.3 УСО.

³ Документ в папке 2/340/3.0 Архива УСО (уничтожено).

опытным среди них был подполковник Чидсон*. Личные связи самого полковника Гранда по большей части тянулись к Сити, и новобранцев рекрутировали в основном из мира бизнеса. Список возглавляли несколько «крупных имен», такие как лорд Бэрстед**, м-р Сэмюэль Кортаулд*** и м-р Честер Битти[†], вряд ли им отводилась роль большая, нежели внештатных советников. Основу штата составляли менее именитые бизнесмены да несколько журналистов.

Сотрудники Лондонского центра и агенты, засылавшиеся из Лондона, не были специалистами, не имели необходимых знаний о странах, которые они опекали по службе: такие «спецы», как правило, находились на местах, «в поле». Однако большинство сотрудников отличались решимостью, предприимчивостью и изобретательностью, а также личной преданностью полковнику Гранду. Некоторые из них оставались с УСО до конца и внесли в его работу существенный вклад. Конечно, при таком способе подбора кадров были и ошибки. Некоторые сотрудники плохо представляли себе, какие ограничения накладывает на их воображение и образ жизни работа в государственном учреждении, потому позволяли себе поступки и высказывания, нередко противоречащие политической линии министерства иностранных дел. В Лондоне это сказывалось незначительно, однако в ряде стран последствия были прискорбными, что сказывалось на отношениях посланников Его Величества с местными властями. Были осложнения и с кадровыми армейскими офицерами, работавшими в MI(R).

Поначалу организация нашла прибежище в головном офисе СИС^{††}, а в апреле 1939 г. переехала оттуда в помещения соседнего Кэкстон-хауз^{†††}, какое-то время — в период отдела D/M

* [М.Р. Чидсон, 1893—1957 гг.]

** [У.Г. Сэмюэль, 1882—1948 гг., 2-й виконт Бэрстед с 1927 г., по-печитель Художественной галереи.]

*** [С. Кортаулд, 1876—1947 гг., текстильный магнат и покровитель искусств; в НБС.]

[†] [Ч. Битти, 1873—1968 гг., род. в Нью-Йорке, горный инженер, коллекционер и филантроп, введен в рыцарское достоинство в 1954 г.; в НБС.]

^{††} [В то время в д. 54 на Бродвее, напротив станции метро «Сент-Джеймс-Парк».]

^{†††} [Не совсем соседнего, но находившегося неподалеку, в пределах метров двухсот.]

— располагалась там вместе с полковником Холландом и службой MI(R), которая с началом войны вернулась в военное министерство. За пределами Лондона служба располагалась в частной гостинице «Фрис», Уелвин (База IX), но с началом войны эти помещения были заняты эвакуированными, а также на Базе XII в Астон-хауз, Стивенсэйдж, где с октября 1939 г. разместились первые структуры разработчиков и снабженцев. Отдел пропаганды в сентябре 1939 г. был эвакуирован в старый пасторский дом в Хертингфордбери¹, а в июне 1940 г., незадолго до образования УСО, Брикендонбери, возле Хертфорта (База XVII), отвели под школу подрывного дела.

На данном этапе отделу D при выполнении обычных управленческих функций приходилось уповать на уже существующую организацию — СИС. Финансирование шло под контролем СИС, хотя, как представляется, это не свидетельствовало о мелочной опеке: полковник Гранд докладывал лично КСС, и проекты утверждались или отвергались им без согласования с другими властными структурами.

Не уделялось должного внимания Службе связи и не было предпринято ничего для изучения проблем радиосвязи с агентами «в поле» в условиях войны, весь объем радиопередач проходил по каналам СИС, любая мелочь, необходимая для обеспечения связи, заимствовалась из СИС. Точно так же не изучались проблемы доставки грузов «в поле» в условиях войны (по воздуху либо иным путем). Все маршруты были проложены по коммерческим каналам. [ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.]

Проблема профессиональной подготовки стала вызывать тревогу, и в марте 1940 г. подполковник Чидсон задался вопросом: сколь долго будет использоваться практика прикрепления новобранцев к более опытным офицерам для натаскивания в индивидуальном порядке?² К июню 1940 г.³ проект школы был утвержден, но, пока начальником являлся полковник Гранд, сделать ничего не удалось.

¹ После неудачной попытки присоединиться к эвакуированным отделам ЕН в Уобурне. Гарнетт, с. 14.

² Памятная записка от 15 марта 1940 г. в папке 2/340/3.0 Архива УСО (уничтожено).

³ Памятная записка Д от 6 июня 1940 г. в папке 2/340/3.0 Архива УСО (уничтожено).

Конструкторско-производственная часть создавалась более энергично под руководством капитана 3 ранга Лэнгли*, который был назначен в декабре 1938 г.¹ и осенью 1939 г. создал Базу XII. Разработка часовых механизмов и взрывателей продвинулась весьма далеко, однако следует отметить, что более поздние образцы часовых механизмов не сильно отличались от тех, что были созданы вначале. Еще много полезной работы было проделано со взрывчатыми веществами и взрывателями, производственный выпуск этих устройств был значительным (как для иных пользователей, так и для отдела D): полковник Гранд обмолвился, что продукции выпускалось на 50 000 ф. ст. в месяц². Велись и другие технические разработки: использование неуправляемых шаров-зондов и создание «безопасного» приемопередатчика, которые, однако, в УСО так и не нашли применения.

1. Организационная работа за границей

За рубежом, в Западной Европе, отдел D в разное время располагал офицерами, отвечавшими за работу в Швеции, Норвегии, Голландии и Испании. Во Франции с началом войны было создано отделение во главе с майором Хемфризом** — для связи с французским «Пятым бюро» и для содействия любому из проектов, осуществлявшихся на французской территории. Содействие оказывалось главным образом при решении технико-организационных проблем: учитывая настрой правительства Франции и ее населения в то время, нельзя было и помыслить об активных действиях за линией фронта, если часть французской территории окажется оккупированной³. Отделению с трудом удалось выбраться из Франции после падения Парижа, в стране удалось оставить некоторое количество взрывчатки, сохранились и личные контакты сотрудников отделения, однако никакой противоборствующей организации создано не было.

* [Офицер Королевского ВМФ, в отставке; следует отличать от Дж.М. Лэнгли из колдстримских (шотландских) гвардейцев и М19.]

¹ «УСО: дневник начала войны и технические истории», ч. II.

² Письмо м-ру Глэдвину Джеббу от 5 августа 1940 г.; в папке 2/340/3.0 Архива УСО (уничтожено).

** [Л.А.Л. Хемфриз, умер в 1976 г., после войны был преподавателем в Стонихерсте.]

³ Сведения о кое-каких усилиях, предпринятых в последний момент, содержатся в папке 3/470/7а Архива УСО.

Вообще, после падения Франции в Западной Европе не уцелела ни одна сеть, не считая слабенького контакта с Испанским демократическим союзом, но и он был вскоре свернут по политическим соображениям.

Положение на Балканах было получше: немецкое дипломатическое давление ослабило организацию в Югославии и Румынии, но отдел D передал УСО значительные наработки во всех балканских странах. Однако и здесь был существенный провал — отсутствовала координация действий между балканскими странами, между отделом D и другими ведомствами, работавшими там. Отдельно велась подготовка к подрывной деятельности и отдельно составлялись планы широкомасштабных военных операций в том же районе¹.

Зимой 1939/40 г. действовала неуклюжая трехсторонняя схема: Ханау* — в Белграде, У.С. Бэйли — в Стамбуле и некто м-р Гудвилл — в Греции. Последнее имя часто мелькает в связи с Каиром, обладатель его наделен серьезными полномочиями: поддерживать связь с Главной ставкой на Ближнем Востоке и координировать ближневосточные планы отдела D с планами ГС. К маю 1940 г. стало ясно, что линии связи через Средиземноморье могут быть нарушены в любой момент и что Балканские страны в будущем надлежит «питать» из Каира — самой ближней географической точки, где можно было безопасно и в больших количествах складировать нужные грузы. Очевидным было и то, что тамошние военные власти попытаются установить контроль над организацией, хранящей запасы оружия и намеревающейся пустить это оружие в дело на театре огромной стратегической важности. При таком положении дел майор (он тогда был в этом звании) Дж.Ф. Тейлор**, второе по значимости

¹ Отдел D накануне войны способствовал прикомандированию Клэйтона к штабу генерала Уэйвелла в качестве старшего офицера Генштаба по информации и общественным связям (копия указаний ему в папке I/470/1 УСО) и предоставил секретные фонды для подпольной пропаганды среди племен Ливии и Абиссинии, но в самом начале военных действий он был привлечен к военному управлению и пропал из виду. [А.П. Уэйвелл, 1883—1950 гг., в то время командующий на Ближнем Востоке, введен в рыцарское достоинство в 1939 г., командующий в Индии в 1941—1943 гг., фельдмаршал, виконт и вице-король в 1943 г., вышел в отставку, граф с 1947 г.; в НБС.]

* [Джулиус Ханау, настоящее имя Ханнон, 1885—1943 гг., он же Цезарь; см. о нем в разделе 3 главы «Дунай».]

** [Дж.Ф. Тейлор, 1903—1979 гг., австралийский текстильный магнат, одна из самых сильных личностей, создававших УСО.]

лицо после полковника Гранда, воспользовавшись самолетом, спешно, пока пути были свободны, вылетел на Ближний Восток, взяв с собою столько припасов, сколько смог собрать. В Каире он упорно доказывал, что цепочка подчинения тянется из Лондона к действующим «в поле», не проходя через ГС Ближнего Востока, за исключением вопросов, находящихся непосредственно в сфере деятельности военного командования. Чтобы еще больше укрепиться в этом деле, отдел D создает¹ основную балканскую штаб-квартиру в Стамбуле, на долю же каирского отделения остается только общий присмотр, снабжение и дела в Греции². Отношения Тейлора с солдатами были хорошими, и, как оказалось, небольшие сложности по размещению припасов и амуниции уладить было нетрудно. Однако организация, созданная тогда, спровоцировала бесконечные споры о том, кто кем командует. Положение усугублялось личными перебранками (они были присущи атмосфере Каира) между Гудвиллом, представителем MI(R), и заместителем директора военной разведки. Гудвилла пришлось отозвать осенью 1940 г., на смену ему прибыл тогда м-р Джордж Поллок³, рассказ о котором еще впереди.

2. Скандинавия

Необходимо напомнить: когда создавался отдел D, перед ним поставили первоочередную задачу: препятствовать доставке в Германию шведской железной руды и румынской нефти — на этом настаивали специалисты по экономической войне. Даже после оккупации Австрии и интенсивной эксплуатации всех природных ресурсов компанией «Hermann Goering Werke» («Предприятия Германа Геринга») Германия испытывала большой недостаток железной руды (особенно высококачественной) и зависела от поставок руды из Лотарингии, Испании и Швеции. Два первых источника должны были стать, как надеялись в Англии, недоступными во время войны. Основным источником, таким образом, будет Швеция.

¹ На короткое время под командой подполковника Ханау, затем — майора Бэйли.

² Телеграммы текстуально процитированы в «Журнале войны» УСО без дальнейших ссылок. См. также отчеты Тейлора от 5 июня и 27 июня в папке с докладами о развитии дел в Греции, а также в приложенном письме заместителя директора военной разведки от 6 июня.

³ [Сэр Джордж Поллок, 1901—1991 гг. (офицер интендантских войск).]

Шведские железорудные шахты располагались в двух основных районах: один — к югу от Стокгольма, с особой инфраструктурой экспорта через порт Укселезунд, другой — далеко на севере, с выходами к Лулео на Балтике и к Нарвику. Ежегодный вывоз руды через эти порты достигал 8 млн. тонн, а в удачные годы и того больше¹, однако Лулео обычно с декабря по апрель был закрыт льдами, временами закрывался и Укселезунд — отсюда исключительная важность пути через Нарвик. Реакция немцев подтверждала, что наши спецы были правы, придавая этой проблеме особое значение, в равной степени осознавало ее важность и шведское правительство. Таким образом, затея отдела D напоминала нападение на слона с пистолетом-игрушкой, стреляющим горошинами. Обнадеживало лишь то, что эта громадная масса поставок протискивалась через три «бутылочных горлышка», любое из них можно было закупорить (по крайней мере на время) с помощью хорошо подготовленной диверсии.

Что касается «горлышка» Нарвика, то проекты отдела D больше походили на прожекты и не шли дальше изучения карты и сбора информации. Велись разговоры о возможном выводе из строя электростанции, от которой зависела железная дорога Нарвик — Лулео. Еще поговаривали о закладке взрывчатки в каком-нибудь тихом местечке возле Нарвика, используя для этого частную яхту, или о намеренном затоплении двух британских судов у тех причалов, с которых отгружалась железная руда². Эти проекты получили кодовое название «Арктика», но они даже не вышли на стадию планирования, поскольку диверсию в Нарвике признали нерациональной.

Сходным образом обстояло дело и с блокированием Лулео («СубАрктика»). Высказывалось предположение, что цели можно достигнуть, затопив судно на фарватере или скрытым минированием, и в июне 1940 г. много времени было потрачено на проект, заключавшийся в использовании под финским регистром судна, являвшегося британской собственностью (пароход «Улео»). Проект этот в конечном счете сошел на нет осенью

¹ Подробнее см. в книге Риккмана «Шведская железная руда», Faber, 1939 г.

² Рекогносцировка Нарвика была осуществлена на частной яхте (полковником сэром Г.Г. Хартли, кавалером ордена Британской империи 2-й степени [железнодорожным магнатом] летом 1938 г. См. написанный полковником Грандом труд «Отчет и уроки», ноябрь 1946 г.; опусом владеет СИС.

1940 г., после того как представитель УСО побывал в Хельсинки и убедился, что правовые рога́тки непреодолимы.

Укселезунд, на который очень настойчиво указывали как на цель, чуть не стал причиной серьезного дипломатического скандала, и история операции «Lumps» («Неприятности») достойна того, чтобы рассказать о ней подробнее. Первый шаг, предпринятый отделом D на шведском направлении, состоял в привлечении в июле 1938 г. к делу некоего А.Ф. Риккмана* — с ним был заключен договор на подготовку брошюры о шведской железорудной промышленности. Риккман — сын клерка в конторе знаменитого адвоката, человек лет тридцати, побывавший в Австралии и Канаде, где занимался страховым делом и кинопроизводством. Обладая рядом несомненных достоинств, он, однако, вовсе не разбирался ни в политике Швеции, ни в сталелитейной промышленности, ни в секретной работе. Книга в конце концов была написана, и господа Faber & Faber издали ее в августе 1939 г.¹ Это дало возможность Риккману приехать на время в Швецию и составить 10 октября 1938 г. первый секретный отчет об экспорте шведской железной руды через Укселезунд². Следующим шагом было устройство Риккмана в Швеции на постоянной основе. На это было потрачено много усилий: была образована фиктивная компания (как дочерняя «Ага компани»), представителем которой мог считаться Риккман, а летом 1939 г. он появился там в качестве доверенного лица французской фирмы «Одонт-Эмаль» из Авиньона, производящей цемента для пломбирования зубов. Эта деловая «крыша» предполагала активное участие в бизнесе, что отнимало у Риккмана много времени. Тем не менее к осени 1939 г. он уже довольно хорошо освоился, поддерживал связь с лондонским Центром, отправляя секретные сообщения одновременно с деловой корреспонденцией либо через дипломатическую почту, либо используя передатчик СИС в посольстве.

Организация диверсионной деятельности вряд ли нуждалась в такой тщательной разработке фасада. Имелись три возможных контакта:

* [Родственник Чидсона по линии жены.]

¹ Риккман А.Ф. «Шведская железная руда». Есть оттенок иронии в той рекламе, которой господа Faber & Faber сопроводили книгу: «Как свидетельствовали лучшие технические спецы, имелась брешь, какую этой книге надлежало заполнить, а м-р Риккман оказался как раз тем писателем, которому поручено было ее заполнить».

² Архив УСО, ранние скандинавские досье, № 2 в папке по операции «Lumps» — XXX/M/1.

- а) британская колония, представленная м-ром Эрнестом Биггсом из «Виндзор и К°», которого привлекли прежде всего для помощи в распространении пропагандистских материалов, но он оказывал содействие и в ввозе грузов, предназначенных для диверсий, под коммерческим прикрытием;
- б) симпатизирующие Англии шведы, представленные Туре Нерманном, известным антифашистом и издателем антифашистской газеты «Trots Allt»;
- в) беженцы из Германии, из которых самым заметным был Арно Бехриш, — он же и стал причиной наших бед.

Все три объекта вербовки находились под недреманым оком бдительной шведской полиции, у которой, вероятно, имелись кое-какие немецкие контакты и симпатии, но прежде всего она беспокоилась о том, как бы избежать неприятностей, способных бросить тень на шведский нейтралитет. Британские власти стремились, чтобы диверсии не осуществлялись британскими подданными, а отыскать надежных шведов, готовых уничтожить шведскую собственность, было нелегко, так что выбор ограничивался ссыльными немцами всяческих политических оттенков.

Активная разработка диверсии в Укселезунде началась в октябре 1939 г. Различные способы¹, такие как подстрекательство к забастовке или затопление судов у причала, изучались и отвергались, окончательный выбор был сделан в декабре: решили вывести из строя грузовые краны и ленточные транспортеры, используемые при погрузке. Успех в этом деле наверняка нанес бы ущерб работе порта, хотя никто четко не представлял, сколько времени потребуется на устранение повреждений. Материалы для диверсии в Швеции имелись. Риккман утверждал, что у него есть несколько немцев, готовых пойти на это дело. И проект вышел из стадии любительского эксперимента — решение принималось на очень высоком уровне. Изложение дальнейших событий не вполне достоверно, поскольку документальные свидетельства весьма скудны.

Первый лорд Адмиралтейства (м-р Черчилль)* особенно ратовал за остановку линии снабжения через Нарвик и, когда к нему 2 января 1940 г. обратились за советом, одобрил акцию. На

¹ Архив УСО, ранние скандинавские досье, памятная записка от D/ХЕ (капитана Долфина) в папке «Lumps» — XXX/M/1.

* [Сэр У.Л.С. Черчилль, 1874—1965 гг., основная опора УСО, премьер-министр в 1940—1945, 1951—1955 гг., орден «За заслуги» в 1946 г., кавалер ордена Подвязки с 1953 г.]

следующий день исполняющий обязанности шефа СИС связался с министерством иностранных дел, и премьер-министр провел совещание, на котором присутствовали м-р Черчилль, лорд Галифакс, лорд Хэнки и КСС. Аксию запретили, но разрешили дальнейшую разведку: сэр У. Стивенсон* (из СИС) и капитан Фрейзер** из отдела D наведались в Швецию специально для этой цели. Их отчеты были обнадеживающими, что объяснялось и необычайными погодными условиями: в порт нагнало льда и работы в нем были приостановлены, отчего в районе было сравнительно малоллюдно. Однако 29 января проект вновь был отвергнут премьер-министром и министром иностранных дел. Лорд Галифакс еще раз воспрепятствовал акции, когда к нему обратились 15 февраля: погодные условия опять были благоприятными, к тому же не столь давно в Швеции прошла облава на коммунистов, что давало шанс (так замышлялось) свалить ответственность за диверсию на них¹.

Следующая инициатива принадлежит, по-видимому, Черчиллю², а не отделу D. Первый лорд встретился 5 марта с полковником Грандом и выразил некоторое недоумение, что план вновь не предлагается на обсуждение теми, кто его разрабатывает. Последовала цепочка событий: еще одно обращение в Стокгольм (CXG/756 от 6 марта); сообщения из Стокгольма 7 и 8 марта (CXG/899 и CXG/905), что условия вполне благоприятны; немедленное неофициальное одобрение акции (CXG/762 от 8 марта), за которым последовало формальное письменное разрешение лорда Хэнки от 9 марта³, основывавшееся на санкциях премьер-министра и лорда Галифакса⁴.

Запальный шнур наконец-то подпалили... И ничего не произошло. Задержка оказалась чрезмерной для немцев-антифашист-

* [Сэр У.С. Стивенсон, 1896—1989 г., канадский бизнесмен, возглавлявший Британскую службу координации безопасности в Нью-Йорке в 1940—1945 г., введен в рыцарское достоинство в 1945 г.; в НБС; см. «Британская служба координации безопасности» (1999 г., хотя написана была в 1945 г.); им подготовлен раздел внутриведомственной истории.]

** [Инграм Фрейзер.]

¹ № 76 в папке «Lumps» (записка полковника Гранда).

² № 64 в папке «Lumps» (записка полковника Гранда). Архив УСО, ранние скандинавские досье.

³ № 70а в папке «Lumps».

⁴ Окончательная капитуляция Финляндии перед СССР произошла 12 марта.

тов Риккмана, и боевая группа отказалась проводить акцию якобы по политическим соображениям. Представляется несправедливым порицать Риккмана за отсутствие деятельного контроля: вряд ли другому руководителю удалось бы заставить этих людей выполнить задание в подобных обстоятельствах. Более справедливы могли быть упреки Лондону — за неспособность правильно оценить обстановку, в которой планируются и проводятся диверсионные операции, однако за всю войну в верхах этого так и не поняли.

Проектом «Lumps» отнюдь не ограничивалась деятельность отдела D в Скандинавии. Группа Риккмана наряду с подготовкой диверсий в Швеции много сил потратила на установление каналов связи с Германией, но и в этом едва ли преуспела — смешение двух направлений деятельности стало одной из причин ее окончательного краха. И все же группа ссыльных немцев время от времени переправляла пропагандистские материалы в Германию через Швецию. Когда же капитан Фрейзер был в Копенгагене в ноябре 1939 г., предпринимались попытки наладить подобные каналы через Данию. Второй раз Фрейзер приехал туда 2 апреля 1940 г. — как раз вовремя, его застало немецкое вторжение. По счастью, немцы проявили уважение к его паспорту дипломатического курьера, и впоследствии Фрейзер был репатриирован вместе с персоналом британской миссии.

В декабре 1939 г. в Осло было открыто отделение норвежцем по фамилии Бонневи*, который действовал в качестве делового посредника Риккмана. Как представляется, в задачу Бонневи входило всего-навсего создание каналов для передачи пропагандистских материалов в Германию. Однако нет свидетельств, что из этого что-либо получилось, а вся затея была сметена вторжением немецко-фашистских войск в апреле 1940 г.

Интересно то, что возможности проведения операций с использованием небольших судов, пересекающих Северное море, были изучены еще до немецкого вторжения, что потом пригодилось участникам норвежского Сопротивления. В лето перед войной отдел D организовал отпускные прогулки для членов Королевского клуба морских путешествий — таким образом была проведена разведка пляжей, пригодных для тайных высадок, вдоль всего побережья — от Тронхейма до финской границы¹. А зимой

* [Хелмер Бонневи.]

¹ «Журнал войны» УСО.

1939/40 г. два яхтсмена, причастных к этой затее, побывали в порте Абердин и на Шетландских островах, дабы выяснить, можно ли использовать дружески настроенных рыбаков для тайной доставки взрывчатки и прочих грузов в Скандинавию: путь этот стал необходим, когда коммерческие каналы оказались перекрыты. [ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.] Капитан 3 ранга Холдсуорт из добровольного резерва Королевского ВМФ* в ноябре 1939 г. побывал в Норвегии с той же целью — выяснить, каковы возможности этого пути. Разъезжал он как деловой представитель фирмы «Ангус Ватсон», крайне заинтересованной в производстве рыбных консервов. Ничего из этого не вышло, а нападение немцев совершенно изменило обстановку.

К такому обороту дел, как представляется, отдел D оказался не готов, а потому отреагировал поспешно, если не опрометчиво. Холдсуорта тут же перебросили в Стокгольм под видом дипкурьера, снабдив весьма сумасбродными инструкциями¹, каковыми ему предписывалось:

- 1) связаться с норвежскими властями и договориться с ними о начале проведения диверсий и складировании грузов в тылу наступающих немцев;
- 2) создать отдельную и независимую организацию под своим началом для работы на всей территории оккупированной Норвегии;
- 3) договориться с местными жителями, чтобы те обеспечили встречу при высадке британского десанта в Тронхейме.

Холдсуорт добрался до Стокгольма 13 апреля и обеспечил себе алиби, заявив, что представлял в Норвегии Фонд помощи нуждающимся, который патронировали видные лица Британии, — отличное прикрытие, оно обеспечило бы ему доступ и радушный прием повсюду в Швеции или в оккупированной Норвегии, если бы такой фонд и в самом деле существовал. Значит, необходимо было создать его: 30 апреля Фонд был официально организован под эгидой лорда мэра Лондона и продолжал свое безупречное и весьма полезное существование в течение всей войны.

20 апреля арестовали Риккмана. Положение Холдсуорта осложнилось, приходилось действовать осторожнее, и все же 4 мая он спешно покинул Швецию через Финляндию.

* [Джерри Холдсуорт, 1915—1985 гг., см. раздел 3 главы XI.]

² «Журнал войны» УСО.

История и обстоятельства ареста Риккмана до сих пор не ясны. Арест его практически ликвидировал всю сеть отдела D в Скандинавии именно в тот момент, когда в ней была серьезная потребность. Все это наводит на мысль, что немцы из его группы, действуя осознанно, оказались предателями. Однако вполне вероятно, что это просто совпадение. Шведское правительство очень нервничало, а шведская полиция работала умело. Скорее всего Риккман засветился поначалу как распространитель пропагандистских материалов союзников, а поводы для подозрений были очевидны: он контактировал со шведами, явно антигермански настроенными, а также с немецкими эмигрантами, которые уже находились под наблюдением полиции, и один-другой из них, возможно, вели двойную игру. Нет сомнений, что негативные последствия ареста усугубил любительский подход Риккмана к ведению тайных дел: все запасы (довольно внушительные к тому времени) накопленной им взрывчатки по-прежнему хранились на складах Биггса, а документация — у него на квартире. Шведской полиции достались все материалы по Укселезунду, а также документы, свидетельствовавшие о том, что в стране ведется деятельность, несущая угрозу шведскому нейтралитету.

По счастью, не было обнаружено прямой связи ни с Британской миссией, ни с местной организацией СИС. Трое привлеченных к суду британских подданных (Риккман, Биггс и Гилл) во время процесса старались придерживаться единой линии, не выходя за рамки документированных свидетельств (их поведение делает им честь, хотя агентами они оказались не очень умелыми). Все это время и британский посланник¹, и местный представитель СИС пребывали в чудовищном напряжении, а потому их отношение к отделу D и его работе было далеко не восторженным — своим впечатлением они поделились и в министерстве иностранных дел, и на Бродвее.

В итоге суд приговорил Риккмана к восьми годам, из которых он отсидел почти четыре, Биггс получил пять лет, но через год оказался на свободе, Гилл был отпущен, отделавшись небольшим штрафом. Секретарша Риккмана получила три с половиной года тюрьмы, как и немецкий социал-демократ Арно Бехриш.

¹ [Сэр Виктор Маллет, 1893—1969 гг., позже посол в Мадриде, а затем в Риме. О делах УСО в Швеции см. книгу сэра Питера Теннанта «Обочины войны» (Гуль, 1992).]

3. Дунай

Любые действия на Балканах диктовались интересом к нефти, а в Скандинавии — к железной руде. Вопреки ожиданиям положение с нефтью в Германии было вполне устойчивым. Однако Германия была постоянно настороже, поскольку серьезное уменьшение поставок из Румынии негативным образом сказалось бы на немецких военных операциях. Планы военной защиты Румынии от немецкого нападения вряд ли разрабатывались. Скорее всего предполагалось в случае войны уничтожить нефтяные скважины. Если же Румыния останется нейтральной, можно устраивать диверсии на железной дороге, по которой шли наливные цистерны из Плоешти в Георге, или воспрепятствовать продвижению барж по Дунаю. Отдел D был отнюдь не единственной организацией, занятой подобными проектами, а потому невозможно поведать всей «румынской» истории, не рассказав о деятельности иных ведомств.

Адмиралтейство в лице капитана 1 ранга Деспарда*, военноморского атташе в Бухаресте, выражало свою озабоченность существующим положением дел. Надо сказать, что Деспард был сторонником открытой флотской войны на Дунае. Департамент экономической войны принял участие в упреждающих акциях, цель которых — установление контроля над дунайским судоходством. MI(R) содержала в Египте группу офицеров инженерных войск, готовых к переброске в Румынию в случае войны, служба также имела представительство в Бухаресте. Французы, начиная с Гамелена**, тоже проявляли чрезвычайный интерес к этой проблеме и, очевидно, предпринимали кое-какие действия. В то же время посланники Его Величества в балканских странах все время опасались, как бы сотрудники этих организаций не спровоцировали инцидент с неблагоприятными для союзников последствиями. Для координации действий в январе 1940 г. был создан межведомственный комитет во главе с контр-адмиралом Беллэрсом***, в то время

* [Капитан 1 ранга Королевского ВМФ (в отставке) М.Дж. Деспард, награжден Крестом за боевые заслуги, военноморской атташе в Белграде и Бухаресте с 1939 г. и в Будапеште — с начала 1940 г.]

** [Генерал Морис Гюстав Гамелен, французский главнокомандующий с 1938 г., смещен в середине мая 1940 г., пережил Бухенвальд; см. его книгу «Servir» в трех томах (Париж, 1946—1947).]

*** [Контр-адмирал Р.М. Беллэрс, 1884—1959 гг., британский представитель в Лиге Наций в 1932—1939 гг., в Адмиралтействе курировал разведку в 1939—1945 гг., но директором военноморской разведки не был: этот пост в 1939—1942 гг. занимал Дж.Г. Годфри, 1888—1971 гг.]

директором военно-морской разведки (ДВМР). Его задача — «давать консультации по любым военно-морским, сухопутным или военно-воздушным операциям, имеющим отношение к поставкам нефти из Румынии или России (СССР. — *Ред.*) и к ее транспортировке. Задания могут давать члены Военного кабинета или государственные ведомства»¹. Комитет проводил множество заседаний и рассматривал различные планы, но все они провалились еще до того, как летом 1940 г. изменилась военная обстановка.

Многие из этих планов имели экономический характер, и отдел D привлекался только потому, что располагал агентами в подходящем месте, да еще потому, что через него можно было получить средства на неподотчетные финансовые расходы.

Как раз таким образом отдел был вовлечен в покупку «флотилии Геланда» — нескольких речных судов. Идея эта впервые возникла в апреле 1939 г., а в сентябре 1939 г. была спешно осуществлена на условиях, дававших номинальный контроль над флотилией некоему Горацию Эмери, — он изучал проблему Дуная по поручению отдела D. Следующая сложная сделка завершилась в декабре 1939 г. установлением контроля над «флотилией Шульца», состоявшей из шести буксиров и двадцати шести барж, порт приписки — Белград. Участвовал отдел D и в другой довольно успешной акции: путем подкупа дунайских лоцманов заставили отказаться от работы на немцев. Акцию провели в феврале 1940 г. Во всех этих кознях участвовали военно-морские атташе на местах, что привело к появлению более амбициозных проектов: вооружить контролируемые британцами суда на Дунае, дабы использовать их в случае войны; провести «укрепление» британских флотских экипажей более опытными моряками, которых поначалу представить «туристами». Эта затея, по-видимому, была отчасти одобрена² «Комитетом Беллэрса», и 9 марта 1940 г. отдел D организовал отправку оружия в девяносто пяти ящиках — под видом запчастей — представителю фирмы «Крайслер» в Будапеште. В Сулине 29 марта ящики благополучно перегрузили на одну из барж «Геланд и К°», подконтрольную военно-морскому атташе в Бухаресте. На том обязанности отдела D закончились, зато история, к сожалению, — нет. Баржа пришла в Георге 4 апреля, переодетые матросы, по-видимому, неосмотрительно повели себя на берегу, и уже немецкие «туристы» обратили внимание румын на британский груз. В результа-

¹ См. Документы правительства (оборона).

² Документы правительства (оборона).

те — разоблачение и небольшой дипломатический казус, умело раздутый немецкой пропагандой. В официальные британские круги летели комья грязи, немало их пристало к отделу D, который и без того уже считался *persona non grata*[□] большинством представителей британской короны на Балканах.

Это было несправедливо. Отдел D занимался в основном различными планами по блокированию Дуная, но они тоже потерпели фиаско. Вначале три разных плана выдвинул прибывший летом 1939 г. м-р Гораций Эмери, но их успех зависел от м-ра Джулиуса Ханау, который в июне 1939 г. стал представителем отдела D в Югославии. Ханау был южноафриканским евреем, получившим офицерское звание в войне 1914—1918 гг., которую завершил в Югославии. После сражений на салоницком фронте остался в Белграде, где преуспел как делец. Он хорошо знал Югославию и — что особенно важно — был изначально знаком с изнаночной стороной югославских дел. Было в нем много энергии и изобретательности, искренней ненависти к немцам, хорошее чувство юмора и страсть к проказам. К примеру, он устроил так, что в Белграде осvistали известный немецкий оркестр. А в скором времени предал гласности факты преступного прошлого Нойебахера, нового германского генерального консула. Такой рода «проделки» привлекали большое внимание к Ханау, и его «крыша» как секретного агента была довольно условной, зато он не был невеждой-простаком, как Риккман.

Для нарушения судоходства Дунайской транспортной системы было намечено осуществить подрывы в трех местах:

- а) Гребенская теснина, место на югославской территории, где реку на излучине удерживает от поворота на равнину подпорная стена: разрушение этой подпорной стены направило бы значительную часть водотока в другую сторону, что сделало бы судоходство невозможным;
- б) Казанская горловина, где река проходит через узкое ущелье, одна сторона которого югославская, а другая — румынская;
- в) Железные ворота — самая очевидная цель и в то же время самая сложная.

История с Гребенской тесниной такова. Заряд был заложен у стены и подготовлен к взрыву, ждали только указаний. К сожалеению, зрителем оставили пылкого югослава, который не удержался от искушения и рванул заряд в ноябре 1939 г., когда

[□] Нежелательная личность (лат.).

мимо проходил немецкий буксир с четырьмя нефтеналивными баржами. Две баржи затонули, судоходству были причинены всего лишь мелкие неудобства. Более того, Ханау удалось свести расследование на нет и обеспечить контракт на восстановительные работы своему протеже, который заложил во вновь отстроенную стену заряд большой разрушительной силы. Однако случай для диверсии так и не представился.

Проект с Казанской горловиной выглядел более грандиозным, к тому же в нем была невероятная наглость, дававшая шансы на успех. Река в этом месте очень глубокая, но не широкая, и с югославской стороны над ней нависают высокие скалы. План был таков: заложить большое количество взрывчатки в этих скалах — так, чтобы взрывом в реку обрушило часть скалы. Уверенности, что реку удастся перекрыть, не было, зато скорость потока должна возрасти настолько, что судоходство станет невозможным. Расчистка русла — дело весьма и весьма трудоемкое. Неудивительно, что когда руководитель секретной службы давал пояснения по проекту сэру Орму Сардженту¹ и сэру Рональду Кэмпбеллу^{1*}, те отнеслись к нему скептически: акция была запрещена, но никто не мешал продолжать разведку и подготовку. Соответственно те самые надежные подрядчики, что восстанавливали стену у Гребенской теснины, были задействованы Ханау для работы в карьере. Им удалось весьма продвигаться в выемке камня и заменить его на взрывчатку.

К несчастью, немцы обнаружили закладку. Возможно, это случайность. Но уже тогда возникли подозрения, что экипаж одного из британских буксиров, доставлявших взрывчатку, проделал это без соблюдения правил конспирации, с неподобающей бравадой. Случилось это в декабре 1939 г. Проект так и не был осуществлен.

Что касается Железных ворот, то замысел был весьма далек от реализации, в отличие от первых двух, главным образом был предназначен для отвлечения внимания от прочих проектов. Первоначальный замысел состоял в том, чтобы несколько барж, управляемых британцами, наполнить цементом и затопить в уз-

¹ [1884—1962 гг., введен в рыцарское достоинство в 1937 г., постоянный заместитель министра иностранных дел в 1946—1949 гг.; в НБС.]

^{1*} Записка КСС о совещании от 30 сентября 1939 г. [1883—1953, посланник в Белграде в 1935—1939 гг., введен в рыцарское достоинство в 1936 г., посол в Париже с ноября 1939 г. по июнь 1940 г., в Лиссабоне в 1940—1945 гг.; в НБС.]

ком месте русла Дуная. Был и такой вариант: разрушить железнодорожную ветку, которую использовали в этом месте для буксировки, чтобы паровозы рухнули в реку. Интересно было обнаружить такую переписку: генерал Гамелен настаивал на проведении акции в начале октября 1939 г., а 6 октября в отдел D был направлен меморандум от французских коллег из аналогичного ведомства, «Пятого бюро»¹.

Полковник Гранд попытался перевести конфликт на дипломатический уровень, и в начале ноября сэр Александр Кадоган направил французскому послу* ноту, в которой отрицательное отношение Форин-офис к указанной акции обосновывалось весьма убедительно. Это заставило отложить акцию до конца зимы, весной же британские дела на Балканах стали вовсе неважными. В мае 1940 г. к дунайской проблеме вновь вернулись, теперь особые надежды возлагались на проект у Железных ворот². Дело дошло до решения м-ра Чемберлена, лорда Галифакса, лорда Хэнки и сэра Александра Кадогана, принятого 15 мая: «Не должно предприниматься никаких акций, способных привести к вооруженному захвату реки либо ускорению вторжения Германии в балканские страны». Действия Британии должны были ограничиваться увещеваниями правительств Югославии и Румынии, дабы они сами пришли к выводу о необходимости диверсий. На том дело не кончилось, поскольку КНШ по настоянию начальника ИГШ высказался решительно, но весьма неопределенно: диверсию, необходимую по военным соображениям, следовало осуществить незамедлительно, если только в результате усилий политиков не станет необходимым противоположное решение. Это мнение еще раз было доведено лордом Хэнки до сведения м-ра Чемберлена и лорда Галифакса: документального свидетельства решения нет, но предположительно оно вновь оказалось неблагоприятным³.

¹ Приблизительно в это же время некто М. Венжер, находясь в Лондоне, обсуждал подготовку к взрыву румынских нефтяных месторождений с MI(R) (см. «Журнал войны» MI(R) от 18 октября 1939 г.). В сентябре он также встречался с полковником Габбинсом в Бухаресте.

* [Шарль Корбин, 1881—1970 гг.]

² COS(40) 344 от 11.05.40.

³ Привлечены следующие документы и заключения: COS(40)344 от 11.05.40; COS(40)129 заседание 13.05.40, пункт 3; DCOS(40)73 от 16.05.40; COS(40)372 от 21.05.40; COS(40)145 заседание, пункт 2, и DCOS(40)79 от 25.05.40. См. также письмо лорда Хэнки м-ру Далтону, в котором излагается эта история, — от 14 января 1941 г. (Архив УСО, папка HD/44b — ранние папки AD/S.1).

Отдел D внес также небольшой вклад в нефтяную кампанию, создав в районе Плоешти британскую колонию, — был расчет на тихий саботаж при транспортировке нефти по рельсам, а также на серию мелких диверсий при доставке немецких грузов в Югославию.

Однако по-настоящему важным в истории УСО является то, что отдел D — даже на том этапе — оказался вовлечен в политику на Балканах: люди на местах были уверены, что их работа носит характер политический, несмотря на то что Лондон больше интересовала эффективная диверсионная работа.

Ханау, по-видимому, еще в декабре 1939 г. тревожила перспектива, что Соппротивление возглавят (как и произошло) коммунисты, потому он выдвинул не очень-то привлекательный план вмешательства во внутреннюю политику Белградского университета, бывшего крупным центром интеллектуального влияния. План был отвергнут, а в качестве следующего направления деятельности была предложена акция во время выборов, намеченных на весну 1940 г.: предполагалось, что относительно небольшие затраты позволят обеспечить большинство, благосклонное к союзникам. Выборы были отложены, и ничего из этого не вышло, однако Ханау уже работал с лидерами (в основном с Гавриловичем и Микичем) Сербской крестьянской партии, небольшой и чисто национальной организации с кое-какими прогрессивными устремлениями. Во всяком случае, она стояла вне правительственного круга и не была коммунистической. Однако ничего крупного и значительного не замышлялось до весны 1940 г., когда Ханау предложил партии ежемесячную субсидию в 5000 ф. ст. Позднее эта сумма была уменьшена до 1000 ф. ст. в месяц и летом 1940 г. утверждена после долгих обсуждений с посланником Его Величества* и министерством иностранных дел.

Это дало британцам некоторые основы для деятельности в Сербии. В Хорватии политическая атмосфера была неблагоприятной, но зато имелись кое-какие достижения в Словении, где отдел D представлял м-р А.К. Лоуренсесон [ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ], установивший превосходные отношения с местными лидерами. К наиболее перспективным в этой области относились группировки, бывшие одновременно националистическими и

* [Сэр Р.И. Кэмпбелл, 1890—1983 гг., посланник в Белграде в 1939—1941 гг., введен в рыцарское достоинство в 1941 г., посол в Вашингтоне в 1941—1945 гг., в Каире — в 1946—1950 гг.]

прогрессивными или по крайней мере неконсервативными. Имелись различные словенские организации, которые довольно остро воспринимали положение словенцев в Австрии и Италии, а потому соглашались на участие в мелких диверсиях — порче локомотивов и вагонов, следовавших в Германию. К тому же словенцам за границей было передано весьма значительное количество взрывчатки и оснащения. Несколько успешных диверсий были проведены на железных дорогах в словенских районах Коринфии еще до того, как весной 1941 г. Югославия вступила в войну. Распространялось также много пропагандистских материалов как на немецком, так и на сербскохорватском языке. После немецкого нашествия в Словении были оставлены два радиопередатчика, а также некоторое количество диверсионного оборудования, однако поддерживать связь с оккупированной Югославией не удалось. Возможно, именно здесь УСО понесло самые первые потери: в июле 1940 г. Фродшэм, заместитель Лоуренсесона, был найден мертвым. Судя по всему, это было убийство, инсценированное под самоубийство.

В Болгарии отдел D с апреля 1940 г. установил контакты с конгломератом различных политических партий, который можно было бы назвать левым Центром. В него входили: «велчифисты» — армейская фракция, находившаяся тогда в тени; «протогверофисты», остатки одного из боевых отрядов, участвовавших в Македонской смуте, и Болгарская крестьянская партия под руководством Георгия Димитрова (не путать с более известным болгарским коммунистом*). Пользы от этих контактов оказалось не много, хотя поддерживались они на протяжении всей войны. Названные партии играли некоторую роль в болгарском правительстве, пока их не вытеснили коммунисты. Министерство иностранных дел, по-видимому, санкционировало установление этих связей и использование их в целях пропаганды и саботажа, но не более того. К сожалению, в августе 1940 г. в Софии появился м-р Джулиан Эмери** (в штате отдела D не состоял) и (очевидно, по наущению балканских представителей D) стал призывать к революции болгарских друзей D. У посланника, м-ра Рендела (ныне сэра Джорджа), советов по этому поводу не спрашивали,

* [Г.М. Димитров, 1883—1949 гг., оправдан по делу о поджоге рейхстага в 1933 г., секретарь Коминтерна в 1935—1943 гг., премьер-министр Болгарии с 1945 г.]

** [Г.Дж. Эмери, 1918—1996 гг., сын Л.С. Эмери, член парламента от Консервативной партии в 1960—1992 гг., барон с 1992 г.]

так что авторитет министерства иностранных дел несколько не пострадал¹. Не так обстояло дело с отделом D.

Деятельность Ханау, естественно, ставила его под подозрение, и немцы настаивали на его высылке еще до конца 1939 г. Это, с одной стороны, свидетельствовало о том, что он весьма преуспел в причинении неприятностей немцам, а с другой — ставило в затруднительное положение британского посланника: в то время мы не хотели ставить югославское правительство перед выбором между Британией и Германией. Непопулярность правительства была столь велика, что твердая британская позиция могла привести к его падению, однако мы не сумели бы сделать ничего существенного для поддержки нового, пробританского, правительства. В апреле лорд Хэнки пригласил полковника Гранда, предложив ему выступить перед британскими посланниками в балканских странах, вызванных тогда в Лондон для консультаций², и поведать им о своих планах и заботах.

Впрочем, почти сразу вслед за этим последовала череда немецких побед на Западе, и нажим немцев на правительства Балкан усилился. Ничего нельзя было достичь открытым противостоянием по всему фронту до тех пор, пока положение не улучшится, и Британия вела очень осторожную политику до самой осени, когда итальянцы подорвали престиж «оси», потерпев поражение в ходе боевых действий в Греции и Ливии.

В конце концов, в июне Ханау отозвали из Югославии, а в июле выслали его помощников Бэйли и Хеда, представителя отдела D в Скопле выслали в августе. Схожие события произошли и в Румынии: Янга и других представителей выслали в июле, когда же в сентябре к власти пришел маршал Антонеску, а румынские границы были бесцеремонно перекроены Гитлером, арестовали руководителей британской организации на нефтяных месторождениях, в полиции их подвергли истязаниям. Спа-

¹ Телеграмма из Белграда в министерство иностранных дел № 573 от 16.08.40.

² Чиано свидетельствует, что «отчеты» об этой конференции были выкрадены итальянцами из британского посольства в Риме и что он передал их копию послу Германии: не ясно, включали ли эти «отчеты» выступление полковника Гранда. (Дневник Чиано, под датой 8 мая 1940 г.) [Дж. Чиано, 1903—1944 гг., зять Бенито Муссолини, 1883—1945 гг., бывшего диктатором Италии в 1922—1943 гг.; министр иностранных дел в 1936—1943 гг. См. книгу под ред. М. Маггериджа «Дипломатические документы Чиано» (1948).]

сти их удалось только после щедрой взятки, или, иначе говоря, выкупа. Представлявший в то время отдел D де Шастелен был также отозван. Эти потери не оставили после себя той полнейшей пустоты, как случилось после провалов отдела D в Скандинавии. В ноябре 1940 г. в Белград направили нового и очень толкового представителя — м-ра Т.С. Мастерсона, а дела отдела D в Бухаресте взял на себя тамошний представитель MI(R). Позиции оставались очень слабые, но все же на Балканах имелась тоненькая связующая ниточка, какой не существовало в Западной Европе.

Эта связующая нить заметнее всего в Албании, Греции и Турции, где скромные начинания отдела D не были уничтожены в ходе «большого спада» 1940 г., а уцелевшими вошли в структуру УСО. Ни в одной из этих стран во времена отдела D не проводилось каких-либо успешных операций, так что вполне уместно разговор о них на время отложить.

Примечание: Полковник Гранд свидетельствует («Отчет и уроки», датировано ноябрём 1946 г., с. 14, хранится в СИС), что в июле 1938 г. КСС «получил приказ Кабинета министров... взорвать завод «Шкода» в Пльзене». Летом, а потом и в октябре 1938 г. полковник Гранд с этой целью побывал в Чехословакии. Такое приказание никак не соотносилось с реальными возможностями, но, как представляется, обсуждения технического порядка с чехами могли иметь место.

4. Другая политическая деятельность

По тому как трактовал свои обязанности полковник Гранд, его третья главная цель состояла в том, чтобы любые проявления недовольства среди немцев обращать на пользу деятельности отдела в самой Германии, будь то диверсии или политическая подрывная пропаганда. Самый очевидный ход — действовать через немцев в эмиграции. Потому уже с 1938 г. много внимания уделялось установлению контактов и проверке различных организаций беженцев. Из официальных объединений самыми влиятельными были Социал-демократическая партия Германии, группа «*Neubeginnen*» («Новое начало»), организация «*Reichsbanner*» («Имперское знамя», «боевой» орган социал-демократов) и *Internationaler Sozialistische Kampfbund* (Международный социалистический боевой союз — ИСК). От трех первых пользы ожидать не приходилось (если не считать участия в не-

которых пропагандистских акциях), четвертая же организация действовала в международном масштабе и была более радикальной, более активной. Именно она вывела нас на людей, оказавших практическую пользу.

И все же единственной немецкой организацией, демонстрирующей признаки бурной жизни и деятельности, являлось личное предприятие Карла Оттена и Карла Грёля, двух чудаковатых пожилых джентльменов, еще сохранивших в себе дух заговорщицкого терроризма, популярного в девятнадцатом веке. Их организация, известная под названиями то «LEX», то «PROBST», громких целей перед собой не ставила, однако, как представляется, когда доходило до дела, всегда добивалась того, к чему стремилась: черта вовсе не характерная для немецкой эмигрантской политики.

Начало контактам с «двумя Карлами» было положено, очевидно, в декабре 1938 г.: Грель обосновался в Париже, и после начала войны связь с ним поддерживалась через парижское отделение отдела D, действовавшее тогда под началом майора Л. Хемфриза. В сентябре 1939 г. Грель был взят французами под стражу. Чтобы вызволить его, пришлось преодолеть некоторые трудности и сделать ряд уступок французам, дав им долю в руководстве организацией и в возможных выгодах от ее деятельности.

Планы взорвать что-нибудь предлагались настойчиво и постоянно, их не отвергали, однако лишь в немногих из них содержалось здоровое зерно. Например, существовал план взорвать сооружения у Туллингер-Хюгеля, где, как считалось, располагался важный центр управления южной частью долговременных укреплений фашистской Германии, так называемой линии Зигфрида. Взрывчатку для этой цели переправили в Базель, одному из агентов «LEX». Взрыв был произведен в пределах расчетного места и в расчетный день в феврале 1940 г. Произошел взрыв, несомненно, не у Туллингер-Хюгеля, однако агент «LEX» уверял, что он, воспользовавшись удобным случаем, израсходовал взрывчатку на подрыв большого склада боеприпасов. Еще один проект — диверсия на алюминиевом заводе в Рейнфелдене — так и не был осуществлен, хотя взрывчатку передали организации «LEX».

Полезный контакт с действовавшими левыми организациями дала связь с Международной федерацией транспортных рабочих, являвшейся, по сути, секцией Международной федерации профсоюзов, присоединившейся ко Второму (или Социалистическому) Интернационалу. [ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО

СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.] В начале 1939 г. в отделе D стали осознавать возможности организации. Сам Фиммен* намеревался нарушить график транспортировки железной руды в Германию промышленной акцией, и в январе 1939 г. с этой целью агенты этой федерации отправились в Нарвик, Лулео и Укселезунд. Его цели совпадали с задачами отдела D, и когда в мае 1939 г. подполковник Чидсон навестил Фиммена в Антверпене, им нетрудно было прийти к общему (довольно неопределенному) пониманию. В июне 1939 г. на заседании Генерального совета МФП в Женеве Фиммен с похвалой отзывался о присоединившихся к акции профсоюзах, результаты же оказались обескураживающими: от разного рода забастовок в Швеции пришлось отказаться как от безнадежных, в Норвегии дела обстояли несколько лучше, но вряд ли и там все вышло бы за рамки несанкционированной стачки (которая обходилась бы по 720 ф. ст. в день).

Несмотря на все эти неувязки, контакт с транспортными рабочими поддерживался на протяжении всей войны. Европейские железнодорожники отличались подлинной духовной общностью, она не исчезла даже в Германии, а вне Германии настрой на работу «в раскачку» у путейцев повсеместно становился существенным фактором, ограничивающим немецкие промышленные достижения, а в ряде случаев, как, скажем, во время операции «Overlord» (высадка союзных войск в Нормандии в 1944 г.), вклад транспортных рабочих имел, без преувеличения, стратегическое значение. [ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.]

Стоит упомянуть и о других политических связях, установленных отделом D, поскольку им отведено место в истории. Одна из них — связь с еврейским сообществом по всему миру: у евреев имелись веские причины участвовать во всех акциях, направленных против Германии. [ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.] На Западе единственным значимым проектом стала поддержка, оказанная в апреле 1940 г. образованию Еврейского комитета по бойкоту. Комитет шантажировал еврейские фирмы, торгующие с врагом, и угрожал им враждебным отношением всего еврейского сообщества. Это, по-видимому, имело определенные последствия для торговцев бриллиантами в Антверпене. Установленные там контакты

* [Еддо Фиммен, социалист-интернационалист; активнее всего действовал в 1928—1939 гг., умер в 1942 г.]

оказались ценными для подполковника Чидсона. Он приехал в Амстердам 13 мая 1940 г., когда немцы уже стояли у ворот, — и торговцы бриллиантами вручили ему драгоценные камни большой стоимости для вывоза в Англию¹. Однако планы использовать активность евреев рухнули из-за военной кампании на Западном фронте, а попытка действовать подобным образом в Америке оказалась недостаточно успешной. Отдел D установил контакты и с Еврейским агентством в Палестине: это было опасное предприятие, если учесть то, как обстояли дела в Леванте. Контакты оказались полезными в основном еврейской стороне — как подтверждение их помощи Британии. Еврейские тайные армии, вероятно, поднялись бы на борьбу и без вмешательства отдела D.

Политические контакты с оппозицией в Испании также оказались малоэффективными, однако весной 1940 г. представлялось несомненным, что Испания вступит в войну вместе с Италией, как только проявится любой значительный успех немцев, и было бы глупо ничего не предпринимать. Об открытых действиях против режима генерала Франко и речи не могло идти до тех пор, пока ему не вздумается вступить в войну. Однако отдел D получил разрешение установить отношения с оппозиционными партиями (за исключением коммунистов — их тогда компрометировал советско-германский пакт) и способствовать созданию единого фронта. Имел место по крайней мере один случай «легкого флирта» с монархистами, однако в основном деятельность была направлена на поддержку *Aleanza Democratica Espanola* (Испанский демократический союз — ИДС), образованного в конце 1939 г., со штаб-квартирой в Фуа во Франции. Люди, связанные с ИДС, были второразрядными в политике испанцами, но не сильно запятнанными прежними республиканскими сварами: от служащих испанской регулярной армии и флота до представителей двух профсоюзных федераций — UGT и CNT. Члены Союза выдвинули программу «Испания — для испанцев», которая исключала иностранное влияние, будь то «оси», союзников или Советского Союза. Программа была из тех, какую от всего сердца поддержал бы всякий честный испанец, и движение, ее поддерживающее, продолжало существовать даже после того, как косвенная британская помощь перестала оказываться².

¹ Это поразительное достижение — единственный случай, когда отдел D получил чистый доход.

² Отчет и дальнейшие подробности в папке (AD/S.1) Sc.55/1 Архива УСО.

ИДС удалось создать конспиративную организацию в самой Испании, которая, по-видимому, некоторое время действовала довольно успешно. В 1939—1940 гг. эту организацию раз или два использовали для распространения листовок, подготовленных при участии британцев. Это не вызвало никаких дипломатических осложнений, а листовки расходились в большом количестве, хотя, естественно, никакого заметного результата они не давали.

Франко не ввязался, как того ожидали, вслед за Муссолини в войну, и всю зиму 1940—1941 гг. велись осторожные прощупывания: не станет ли следующим шагом немцев рывок через Испанию на Гибралтар? Сэр Сэмюэль Хор прибыл в Мадрид в качестве посла в июне 1940 г. и стал действовать исключительно осторожно — политика довольно унижительная, которую оправдывал лишь успех. Один из результатов такой политики — отказ от британской помощи ИДС, что означало конец работы отдела D в Испании.

5. Пропаганда

До сих пор речь шла о политической деятельности, которая имела некоторое отношение к активной диверсионной либо подрывной деятельности, хотя значительные дивиденды были получены лишь в пропаганде. Полковник Гранд рассматривал свои задачи гораздо шире, и он втянул свой отдел в обширную пропагандистскую работу, которая была мало связана с последующими действиями УСО. По логике не может быть разделительной черты между подрывной деятельностью и пропагандой, однако руководство британской службы разведки строило работу по-иному. В свете этого представляется, что полковник Гранд довольно дерзко вторгся в сферу деятельности других ведомств, даже если судить по меркам 1939 и 1940 гг. До некоторой степени его оправдывают неразбериха и безрезультативность в работе ведомств-конкурентов, Британского совета и Электра-хауз, к которым с началом войны добавилось еще и министерство информации¹.
[ДВЕ С ПОЛОВИНОЙ СТРАНИЦЫ ТЕКСТА ИЗЪЯТЫ ПО СОБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.]

¹ Как пишет м-р Гарнетт в «Истории УПВ» (с. 6), полковник Гранд утверждал, что 26 сентября 1938 г. получил указания от КСС «немедленно создать секцию для распространения по всем каналам за пределами страны материалов для вражеских и нейтральных государств». Никаких следов этого в документах УСО нет.

Еще полковник Гранд вбил себе в голову, что можно за дешево производить короткие документальные фильмы о различных сторонах жизни Британии и с успехом распространять их в нейтральных странах, — очень поверхностное представление о кинопроизводстве и торговле. В рамках этого проекта в июле 1939 г. была создана частная компания («Фэкт филмз лтд.»), но с началом войны проект, по-видимому, бесславно почил¹.

При осуществлении планов, связанных с Германией, задача отдела D заключалась только в передаче материалов, подготовленных в любом другом месте, и УСО под конец довольно строго придерживалось этих рамок. Но по-видимому, никто не захотел (до ноября 1939 г.)² провести черту между функциями ведомства D и функциями ведомства ЕН, а полковник Гранд был не из тех, кого могла бы остановить мелочная организационная щепетильность.

Уже говорилось об использовании каналов отдела D в нейтральных странах для передачи печатных материалов в Германию и для распространения их. Почти невозможно оценить результаты этой работы, но она, конечно же, занимала много времени у сотрудников отдела, на нее расходовалось — так или иначе — немалое количество материальных ресурсов. Отдел вел работу еще в трех перспективных направлениях: «слухи», использование британской цензуры и радиопередачи.

Механизм создания слухов полковник Гранд весьма тщательно разработал в документе, написанном им в ноябре 1938 г.³, где говорится о хорошо продуманной «цепочечной» сети для распространения слухов на территории Германии и в сопредельных странах. От агентов отдела D ожидали, что они по собственной инициативе будут делать все, что в их силах, однако за время существования отдела D их усилия так и не обрели планового характера, так что за действительное осуществление этого плана взялось УПВ.

Цензурный проект пускали в ход всякий раз, когда почта из нейтральных стран, адресованная в Германию, проходила через отделение британской цензуры. В письма и прочие почтовые отправления вкладывались пропагандистские материалы отдела D, а порой просто конверты с вложениями оформлялись как отправления, сделанные кем-либо из жителей нейтральной стра-

¹ Архив УСО, папка 2/304/4 (уничтожено).

² Косвенная ссылка на папку 2/340/0 в Архиве УСО (уничтожено).

³ Архив УСО, папка 1/470/1.

ны. [ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.]

Открытым радиовещанием из Англии занималась, разумеется, исключительно Би-Би-Си. Работа радиостанции «Свобода», особенно на ранних этапах, контролировался Электра-хауз, куда у отдела D не было доступа. Оставалась только одна возможность — использовать зарубежные станции для передачи материалов, поставляемых британцами. Простейшая форма — покупка эфирного времени у коммерческих радиостанций, в качестве таковых для начала были выбраны станции Люксембурга, Страсбурга и Лихтенштейна, удобно расположенные и, возможно, уже имевшие кое-какую аудиторию в Германии. Удалось продвинуться и в осуществлении более сложного плана — создания в интересах отдела D через посредников дополнительной «коммерческой» радиостанции в Лихтенштейне¹.

Еще в июле 1938 г. полковник Гранд связался с генеральным директором Би-Би-Си², и, когда в октябре 1938 г. он обратился к сэру Стивену Тэлленту, кое-чего уже удалось достичь³. Одна из трудностей состояла в том, чтобы подыскать кандидатуру для установления необходимых коммерческих контактов с отделом D. Поначалу была предпринята безуспешная попытка использовать какое-нибудь фиктивное бюро для рекламы путешествия в Англию⁴. Затем была привлечена мисс Хильда Матесон, директор редакции тематических передач на Би-Би-Си. В марте 1939 г. она связалась с директором вещания «Радио Страсбурга», выступая от имени «некоторых людей в нашей стране, которые заинтересованы в поддержке радиопередач в духе «доброй воли», передаваемых зарубежными радиостанциями, особенно в Страсбурге, и которые стремятся к установлению более тесных связей между государствами Европы»⁵. В то же время в спешном порядке подбирались эти самые «заинтересованные лица», чтобы подтвердить существование Объединенного радиовещательного комитета, и к началу апреля 1939

¹ Отдел D, по-видимому, не имел отношения к деятельности коммерческой радиостанции «Радио Нормандии» в Фекаме, которая вызвала столько трений между союзниками зимой 1939/40 г.

² Неблагоприятные отзывы о ее деятельности есть в папке 1/430/3 Архива УСО, 12 ноября 1939 г.

³ Архив УСО, папка 1/430/3, первый пункт.

⁴ Архив УСО, папка 2/430/3, пункт 6 (бюро путешествий «Хендон») (уничтожено).

⁵ Архив УСО, папка 1/430/3.

г. у комитета были и помещения, и список известных лиц, сотрудничающих в нем.

К сожалению, с самого начала стало ясно, что политическая цензура, введенная коммерческими станциями в собственных интересах, не позволяет выпускать в эфир любой материал, содержащий достаточную информацию, с которой стоило бы выходить на аудиторию в Германии. А потому деятельность Объединенного радиовещательного комитета развивалась в том направлении, которое открыто им декларировалось¹: «культурная пропаганда» на иностранных языках и бесплатное распространение такого рода материалов через нейтральные станции вещания, без какой-либо политики, если не считать безудержного восхваления Англии и английского образа жизни.

Однако, и такого рода пропаганда оказалась, по-видимому, действенной и успешной. Как это обычно бывает, находились и критики: мол, затраты весьма велики, а способов установить действенность этой пропаганды нет². Большую часть расходов несло министерство информации, секретные фонды ограничивались 350 ф. ст. в месяц, которые предназначались на спецмероприятия отдела D, в частности, на изготовление миниатюрных граммофонных пластинок с записью антинацистских пропагандистских материалов. Их распространял наряду с печатными обращениями по собственным каналам отдел D. В феврале 1941 г. министерство информации обрело полные права, а вместе с ними и обязанность удовлетворять любые пожелания УСО при производстве звукозаписывающей продукции для нужд Управления³.

Объединенный радиовещательный комитет подготовил достаточное количество оригинальных материалов на немецком языке, которые, как представляется, так и не были использованы. Существовала еще под патронажем двух дам, миссис Холмс* и мисс Стампер (ныне миссис Лефевр), небольшая организация, которая готовила печатные материалы на немецком языке. Работали дамы, по-видимому, сами по себе, получая временами материальную помощь из различных источников, а также со-

¹ Архив УСО, папка 2/430/3, пункт 18 (уничтожено).

² Различные доклады и отчеты о подготовленных и использованных материалах есть в папке 1/430/3 Архива УСО.

³ Архив УСО, папка 1/430/3.

* [Клара Маргерит Локингтон Холмс, урожд. Бейтс.]

действие разных беженцев в переводе, составлении списка получателей корреспонденции и написании адресов на конвертах. Даже договоры на печатные работы заключались ими напрямую с владельцем частной типографии. Немногое из созданного ими сохранилось, однако, судя по более поздним стандартам, продукция их оставалась на любительском уровне как по содержанию, так и по способам маскировки ее происхождения. Большая часть материалов, распространенных отделом D, была получена, по-видимому, из этого источника, еще какое-то количество предоставили политические организации в изгнании.

6. Заключение

После изучения операций отдела D складывается впечатление, что огромные усилия и изобретательность принесли более чем скромные результаты. Все постигалось дорогостоящим методом проб и ошибок. И с началом войны все недочеты в деятельности отдела D стали очевидны. Это выяснилось прежде, чем процесс экспериментов зашел слишком далеко. А на войне выживание государственных учреждений в большей степени, чем в любое иное время, зависит от способности давать результаты. Их отдел D дать не мог, как не могло их дать на первой стадии войны любое другое ведомство. Отдел оказался не единственной организацией, которая, подбадривая себя и других, выдавала оптимистические доклады, подкрепленные надуманными замыслами и установками. Ощутимых достижений у отдела огорчительно мало: добытые полковником Чидсоном в Амстердаме бриллианты да небольшой рейд в Норвегии, о котором речь пойдет далее¹; кое-какая диверсионная деятельность на железных дорогах на Балканах, кое-какая пропаганда на территории Германии, кое-какие контакты с политическими группировками левого Центра в разных частях Европы. Имели место и несколько провалов, а предпринятые немцами контрмеры вызвали кое-какие досадные дипломатические неприятности, не очень серьезные сами по себе, зато эффективно использованные врагом. Отношения с другими государственными ведомствами были отстраненными и в целом недружественными: отдел D и все его мероприятия в равной мере вызвали досаду и в министерстве иностранных дел, и в Секретной разведывательной службе, и в военном министерстве.

¹ См. раздел 2 главы IX.

Таким образом, немало оказалось желающих обвинить отдел D в отсутствии впечатляющих результатов (надо сказать, мало кто мог похвастаться ими в условиях того времени). Обвинители нередко упоминали о кумовстве и сумасбродстве сотрудников отдела. И все же такая огульная критика не вполне справедлива: не так много ведомств в 1939—1940 гг. действовали эффективнее. Впоследствии УСО сожалело не о том, что отдел D не добился успехов в работе, а о том, что он оставил после себя довольно слабую организацию.

ГЛАВА III

MI(R) ЗА РАБОТОЙ

Деятельность исследовательской службы военной разведки, MI(R), носила довольно широкий характер, но ее гораздо легче классифицировать и подытожить, чем работу отдела D. С самого начала MI(R) располагала разумной и четкой программой и уставом, исполнение которых до некоторой степени контролировалось: это определялось не столько инициативой директора военной разведки (контроль был не более тщательным, чем руководство отделом D командующим секретной службой), сколько необходимостью выстраивать свою работу соответственно правилам такого высокоорганизованного учреждения, как военное министерство. У MI(R) было несколько разнообразных проектов, которые выходили за рамки обычных для этой службы, однако большая их часть была принята и по мере превращения в «насушную заботу» внедрена. Хотя финансировалась MI(R) по большей части из секретных фондов, структурные подразделения службы контролировались обычным порядком и никогда не происходило несогласованного их разрастания, как случалось с отделом D. Отличалась служба от отдела D как характером деятельности, так и кадровым составом: MI(R), хотя и предпринимала рискованные операции, обладала чувством реальности и умением видеть ситуацию в истинном свете. Штат службы был численно ограничен, однако хорошо подобран, правильность выбора кандидатов почти всегда была подтверждена их дальнейшей службой.

Что касается классификации, то в этом смысле следует ориентироваться на служебную записку директора военной разведки от февраля 1940 г., которая приводилась выше.

1. Общие исследования

Стоит напомнить, что когда в апреле 1939 г. был создан отдел D/M, одной из первых задач, возложенных на него, была разработка «Правил полевой службы» для партизанской войны. К этой работе приступил майор Габбинс, которого полковник Холланд специально для этого пригласил в исследовательскую службу Генерального штаба. И в начале мая 1939 г. они были подготовлены. В окончательном виде документы представляли собой три тоненькие брошюры, отпечатанные на рисовой бумаге и переплетенные в коричневые картонные обложки. Поначалу намеревались перевести их на разные языки, а в дальнейшем осталось не ясно, как, в конце концов, их использовали. Вот их названия: «Искусство партизанской войны» (двадцать две страницы), «Справочник партизанского командира» (сорок страниц), «Как пользоваться взрывчаткой» (шестнадцать страниц плюс диаграммы)¹.

Две последние брошюры нуждаются в небольшом пояснении. «Справочник» создавался как сборник практических советов для людей, волею обстоятельств ставших партизанскими командирами небольших разрозненных групп и отрядов и вынужденных действовать «по наитию». Инструкции про взрывчатые вещества были в равной мере технического и практического свойства.

«Искусство партизанской войны» — творение более амбициозное. К сожалению, содержание брошюры нелегко изложить вкратце: на двух десятках страниц содержится перечисление общих принципов, без каких-либо конкретных примеров, их иллюстрирующих. Тем не менее ясно, что эти принципы по большей части почерпнуты из теоретических положений, основанных на британском опыте наступательных действий под руководством

¹ Копии в папке 1 MI(R): третья написана майором М.Р. Джеффрисом. [Введен в рыцарское достоинство в 1945 г.; о нем см. книгу Стюарта Р. Макрае «Игрушечная лавка Уинстона Черчилля» (Кинетон, 1971).]

Лоуренса*, оборонительных действий в Ирландии, Палестине, на Северо-Западном рубеже и в России (СССР. — *Ред.*), то есть, по сути, на немецком опыте Васмуса и фон Леттау-Уорбека**.

Положения зиждутся на убеждении, что с помощью партизанской войны можно «настолько ослабить главные силы противника, что ведение ими кампании сделается невозможным». Различают три основных вида партизанской войны:

- а) действия отдельных лиц или небольших групп, которые тайно осуществляют диверсионные акты;
- б) деятельность более крупных групп, действующих как отряд под командой избранного командира и использующих военную тактику и вооружение для достижения своей цели, обычно разрушительного свойства;
- в) операции крупных партизанских сил, численность которых требует определенной степени военной организации для обеспечения их сплоченности, а также для разработки и эффективного осуществления плана кампании.

Развитие партизанского движения идет от стадии «а» к стадии «в», но наиболее действенно тогда, когда включает в себя все три вида одновременно. Стоит перечислить и «девять пунктов партизанской веры»:

1. Первейшая и важнейшая задача — поразить противника, выведывая его планы и скрывая свои намерения и передвижения.
2. Никогда не проводить операцию, если нет уверенности в ее успехе, который обеспечивают тщательная разработка и добротная информация. Немедленно прерывать акцию, если ее продолжение становится слишком рискованным.
3. Следует всегда позаботиться о безопасной линии отхода.
4. Для акции необходимо выбирать районы и населенные пункты, где в передвижениях вы будете опережать противника благодаря лучшему знанию местности, более легкому оснащению и т.д.
5. Насколько возможно, производить все передвижения в темные часы суток.

* [Т.Э. Лоуренс, 1888—1935 гг., прозван Аравийским; в НБС. См. его «Семь столпов мудрости» (1935) — теория ведения войны нерегулярными силами.]

** [В. Васмусс, расцвет деятельности в 1914—1916 гг., немецкий агент в Персии. П. фон Леттов-Ворбек, 1870—1964 гг., непобежденный немецкий командующий в Восточной Африке, 1914—1918 гг.]

6. Никогда не вступать в рукопашный бой, если только подавляющее преимущество не дает полной уверенности в успехе.
7. Избегать ввязываться в бой с превосходящим по силам или по качеству вооружения противником; прекращать акцию до того, как создастся такое положение.
8. Любой ценой сохранять инициативу, удваивая собственную активность, когда противник предпринимает контрмеры.
9. Когда приходит время акции, надо действовать храбро и мужественно. Девиз партизана: «Отважный, но бдительный».

Что касается организации, то основной упор делается на личность командира: если найдены хорошие местные командиры, то состав организации определяют они. Более высокого порядка организация нужна, и усиление ее несколькими кадровыми офицерами бывает весьма полезно и даже необходимо, однако нередко их профессиональные познания оказываются неприменимы в местных условиях и даже опасны.

Основное оружие партизан — пистолет-пулемет типа «томми», его качества были давно оценены британскими военными. Штык — просто-напросто докучливая помеха, саперная лопатка — лучше, хороши и бомбы любого вида, которые легко спрятать.

В брошюре особо подчеркивается значение *морального* духа партизан, которым помогает и вдохновляет дружески настроенное население. Они же, в свою очередь, решительными партизанскими действиями пробуждают мятежные настроения у местных жителей.

Все это вполне здравые вещи: по сути, в брошюре мало такого, что оказалось бы опровергнуто более поздним опытом. Однако есть и несколько заметных пробелов. К примеру, нет упоминания о воздушных поставках, с помощью которых дружественная держава может поддерживать и направлять партизанское движение, а ведь именно воздушные мосты сделали возможной активизацию движения Сопротивления в Европе. Упущен еще один важный момент: влияние на партизанское движение карательных мер против гражданского населения, от поддержки которого партизаны всецело зависят¹. Британцы, порой действуя безжалостно, все же неохотно использовали зах-

¹ Как вспоминает генерал Габбинс, эту тему предпочитали обходить молчанием.

ват заложников (особенно в большом количестве) или способ воздействия на виновных, карая невинных или грабя их добро. «Черно-рыжие» — английские карательные отряды в Ирландии — пустили было в ход карательные меры — довольно мягкие, по немецким меркам, — во время ирландской войны 1919—1921 гг., и эти действия потрясли ирландцев, более того — были признаны несостоятельными правительством Его Величества, что во многом повлияло на британское общественное сознание. В результате идея удержать Ирландию силой потерпела крах.

Немцы оказались не столь щепетильны, и их политика широкомасштабных казней и разрушений оказала серьезное эмоционально-психологическое влияние на участников движения Сопrotивления в тех районах, где прежде партизанская война велась довольно активно. Майор Габбинс в то время, очевидно, слабо представлял себе политическую путаницу, которая всегда сопутствует партизанской войне. Он прямо следовал советам Т.Э. Лоуренса: сотрудникам, посланным к партизанам, надлежит «быть готовыми — рискуя в будущем сожалеть и разочаровываться — во всем отождествлять себя с людьми, с которыми им выпало служить». Однако едва ли майор Габбинс мог предвидеть внутреннюю борьбу за власть «после войны», которая истощит почти все движение Сопrotивления в Европе и которую усердно станет разжигать противник, увидев в такой борьбе дополнительный шанс для себя. На практике партизанскому командиру и приданному к отряду офицеру приходилось быть настолько же политиками, насколько и солдатами, и редко удавалось проводить серьезные операции без учета их политических последствий.

С мая 1939 г. по май 1940 г. сотрудники MI(R) сосредоточились на проектах, связанных с непосредственными действиями, и общая теория борьбы не претерпевала особых изменений до того самого времени, которое последовало за падением Франции и о котором речь еще впереди¹. Тем не менее стоит упомянуть последний вариант² Доклада № 8 исследовательской службы Генерального штаба — «Возможности партизанских действий», датированный 1 июня 1939 г., — его сокращенную копию направили начальнику ИГШ и генералу Гамелену; Доклад № 1 MI(R) — «Прогресс в военизированной учебной подготовке»³ от 10 июля 1939 г., копию

¹ См. далее начало главы IV «Реорганизация».

² Папка 3 MI(R).

³ Копия — на французском языке — есть в папке 1/470/1 Архива УСО.

которого направили во французский генеральный штаб; а также Доклад № 2 MI(R), датированный 8 августа, где содержатся анализ уже упомянутых тем, а также подробные соображения капитана Питера Флеминга* о возможности действий против японцев в Китае. Следует обратить внимание на пессимистические выводы доклада, особенно в связи с безудержным оптимизмом полковника Гранда и его заявлениями, сделанными в марте¹: «Если не считать польских приготовлений, пока не сделано ничего, что могло бы дать непосредственный результат. Вряд ли возможен и ощутимый прогресс без гарантированных финансовых мер... Невозможно избавиться от ощущения, что наша работа — в нынешнем ее объеме — не более чем бессмысленная суета, не имеющая отношения к делу».

В этот период понятие «исследование» сводилось в основном к анализу особых задач по мере их появления: доклад об организации безопасности на Ближнем Востоке был подготовлен и одобрен в сентябре 1939 г., после чего состоялась поездка полковника Элфинстона из MI(R); в октябре 1939 г. служба внесла предложение² создать организацию для содействия в спасении военнопленных. Это привело к появлению в декабре 1939 г. новой службы — MI9 во главе с офицером MI(R) майором Кроккатом**, которой суждено было сыграть важную роль в судьбе военнопленных. Лишь после краха Франции в высших эшелонах власти впервые всерьез заговорили о повышении эффективности подрывной деятельности. MI(R) активно участвовала в подготовке документов ОКП[□] и ОКР***, в которых были изложены соображения на эту тему и которые в конечном счете стали основой высокой политики. MI(R) подготовила памятную записку «Координация подрывных действий на захваченных территориях»¹ и документ о «Возможностях восстания в некоторых

* [Р.П. Флеминг, 1907—1971 гг., путешественник и писатель; в НБС. См. его жизнеописание, сделанное Даффом Харт-Дэвисом (1974).]

¹ См. ранее, с. 29—30.

² «Журнал войны» MI(R), папка 2 MI(R).

** [Н.Р. Кроккат, 1895—1956 гг., служил в Королевской шотландской гвардии, позднее — бригадный генерал и заместитель директора военной разведки. См. М.Р.Д. Фут и Дж.М. Лэнгли «MI9» (2-е изд., Бостон, 1980).]

[□] ОКП — Объединенный комитет по политике.

*** [ОКР — Объединенный комитет по разведке, председателем которого был В.Ф.У. Кавендиш-Бентинк, 1897—1990 гг., посол в Польше в 1945—1947 гг., последний герцог Портлендский с 1979 г.; в НБС. См. книгу Патрика Хоурта «Чрезвычайный шеф разведки» (1986).]

странах к марту 1941 года»². Летом 1940 г. исследования, подобные этим, были востребованы, поскольку в них был усилен акцент на подрывную деятельность. И незадолго до роспуска MI(R) было получено согласие на создание ряда представительств в различных странах и регионах, которые предполагалось сделать штабами, чья деятельность должна быть направлена на побуждение населения к восстанию. Представительства так и не были созданы, но на данном этапе было проведено одно важное исследование, ставшее основой доклада³ майора Кеньона от 19 сентября 1940 г.: «Квазивоенные организации и их действия». Это был в высшей степени компетентный и всеобъемлющий анализ методики подрывной деятельности нацистов, он содержал рекомендации по мерам защиты и по адаптации этой методики к нашим целям.

2. Технические разработки

Как только в апреле 1939 г. было санкционировано создание отдела D/M, майору инженерных войск М.Р. Джефферису⁴ поручили заняться техническими разработками, которые нашли бы применение в партизанской войне. Его сектор MI(R) изначально занимался разного рода приспособлениями для диверсий на дорогах, взрывателями замедленного действия, запалами для минушек, магнитными минами, предназначенными для диверсий на судах или баржах. Позднее устройства всех видов были созданы и производились в больших количествах, и MI(R), конечно же, внес большой вклад в их разработку. Исследовательского сектора в обычном смысле в структуре MI(R), очевидно, не было до июня 1940 г., когда служба перебралась в дом 35 на Портленд-плейс. Тогда численность гражданского персонала составляла двадцать человек. До этого большая часть разработок осуществлялась мелкими фирмами по заказам MI(R), и конструкторы легко выполняли небольшие контракты. Таким образом, получилось явное совпадение по заданиям между ними и технической службой отдела D под командой капитана ранга

¹ Доклад № 6а от 6 июля 1940 г., папка 4 MI(R).

² Доклад № 7а от 25 июля 1940 г., папка 4 MI(R).

³ Доклад № 4 от 19 сентября 1940 г., папка 5 MI(R).

⁴ Позже сэр М.Р. Джефферис, кавалер ордена Британской империи 2-й степени, награжден Военным крестом.

Лэнгли. Чтобы избежать конфликта, была установлена договоренность о сотрудничестве при оценке достоинств того или иного устройства и принятии решений о его производстве в массовом количестве. Прочие разногласия были преодолены включением обоих секторов в УСО.

Впрочем, техническая репутация MI(R) зиждется и на других проектах, которые выходили за рамки партизанской войны. Операция «Royal Marine», сыгравшая определенную роль в отношениях с Францией в начале 1940 г., потребовала от майора Джеффериса усиленной подготовки: была создана плавающая мина для подрыва мостов и барж на Рейне. Сектор создал также бомбу-липучку, которую в те времена использовали довольно успешно в качестве средства борьбы с танками отряды местного ополчения и другие легковооруженные подразделения. «Бомбарда Блэккера»¹ была названа так по имени изобретателя — подполковника Л.В.С. Блэккера*. Она появилась в начале лета 1940 г., когда он состоял в штате MI(R).

Еще один значительный проект — разработка модели вертолета для сухопутных войск. Его предназначение — проведение рейдов и разведка на территории, занятой противником. Полковник Холланд осенью 1940 г. обсуждал этот проект на довольно высоком уровне, и наработанные тогда идеи пригодились позднее при подготовке воздушно-десантных операций и создании «воздушных наблюдательных постов». Однако в то лето авиационная промышленность и так работала напряженно, и осуществить эти проекты в короткое время не удалось.

3. Специальные операции и разведка

Эти два направления в программе MI(R) лучше рассматривать одновременно. Различие между понятиями «операции» и «разведка» несколько условно, при проведении же операций необычных, если не сказать — незаконных, оно почти лишено смысла. Одно из различий между УСО и СИС заключалось в том, что деятельность УСО была направлена на сбор большого количества особой информации, которая была не менее важна, чем наступательные проекты Управления. Так что невозможно классифицировать задания, выполненные службой MI(R), формально, следует в данном случае подчеркнуть то общее, что между

¹ Документы в папке 8 MI(R).

* [1887—1964 гг., воин, изобретатель и исследователь; в НБС.]

ними было: и та, и другая выполняли особые задания в критических ситуациях, которые не вполне входили в сферу деятельности любой другой службы военного министерства.

Проекты, набравшие силу первыми, естественно, имели отношение к Польше и Чехословакии. Над одной уже нависла непосредственная угроза, а в другой, как надеялись, уже имелись условия для сопротивления. Полномочия на контакт с военными атташе и на неофициальные переговоры о возможностях ведения партизанской войны, по-видимому, были даны в начале мая 1939 г. В мае майор Габбинс посетил Польшу и страны Балтии, установил контакт с британскими военными атташе* и, соблюдая осторожность, взялся за наведение мостов с польским генеральным штабом. Результаты оказались вполне обнадеживающими. Многие в польских традициях хорошо укладывались в представления MI(R), и даже на той стадии поляки (несмотря на великую самонадеянность) были готовы рассуждать о партизанской войне и подпольном сопротивлении. Поляки несколько (ограниченно) приоткрыли свои планы и проявили интерес как к британским техническим устройствам, так и к будущей британской помощи. Предварительные обещания были даны в отношении разного рода поставок, и получено согласие в случае войны отделения MI(R) — как части Британской миссии.

Это отделение MI(R) (военная миссия № 4)¹ было спешно создано, когда война стала неминуемой, и 25 августа его сотрудники вылетели в Польшу. После некоторых передрыг они добрались до Польши 3 сентября, однако в полной сүмятице и путанице тех дней мало что можно было сделать. Один из офицеров отделения, капитан Дейвис**, 6 сентября вылетел обратно в Англию — для доклада Комитету начальников штабов от имени генерала Картона де Виарта***. Он был заслушан КНШ, его доклад обсуждался на заседании 9 сентября. Само же отделение

* [В Польше — майор Э.Р. Сворт; в Эстонии, Латвии и Литве — майор К.С. Вэйл, награжденный Военным крестом.]

¹ Возглавлял отделение MI(R), в котором имелся подотдел, отвечавший за работу в Чехословакии, полковник Габбинс, он же числился старшим офицером Генштаба при генерале Картоне де Виарте — как главе Британского военного представительства.

** [Ф.Т. («Томми») Дейвис, 1906—1982 гг., служил в гренадерской гвардии, одна из ведущих фигур УСО.]

*** [Сэр А. Картон де Виарт, 1880—1963 гг., родился в Брюсселе, награжден Крестом Виктории за сражение на Сомме в 1916 г., введен в рыцарское достоинство в 1941 г., возглавлял военные миссии в Польше в 1939 г. и в Китае в 1944—1946 гг.; в НБС.]

с некоторыми трудностями эвакуировали 18 сентября в Румынию, где нескольких офицеров оставили в помощь тамошним представителям MI(R) — для связи с польскими организациями и возможного использования путей из Румынии в Польшу. В октябре полковник Габбинс встретился в Париже с генералом Сикорским¹ и генералом Ингром (начальником чехословацкого генерального штаба), и там в ноябре было создано отделение MI(R) — для поддержания связи с поляками по всем вопросам, касающимся движения Сопrotивления в Польше. Тогда же оно было наделено теми же обязанностями, что и чехословацкое правительство в изгнании.

Вопрос о румынской нефти был одним из приоритетных, и вторую поездку майор Габбинс совершил на Балканы в июле 1939 г.: он разъяснил роль MI(R) военным атташе во всех балканских странах, кроме Болгарии, которую не посетил, однако в контакты с местными генеральными штабами он не вступал. Появилась вероятность проведения румынами действенной акции, и насущным стал вопрос о помощи со стороны Британии, а возможно, и проведении независимой акции. Предварительное согласие было получено в Лондоне, а в июле и августе проведена некоторая разведка на местах¹. 24 августа капитан 1 ранга Королевского ВМФ Р.Д. Ватсон был спешно направлен туда в качестве местного представителя MI(R), одновременно майор Дж.А.Д. Янг отбыл с небольшой группой в Египет, его цель — подготовить полевое подразделение инженерных войск, готовое в случае необходимости немедленно отправиться в Румынию. Команда капитана 1 ранга Ватсона после падения Польши была усилена офицерами из отделения майора Габбинса, дабы подготовиться к диверсионной акции на румынских нефтяных промыслах. Военная история полевого подразделения майора Янга так и не сложилась: его не удалось использовать по назначению. Шли разговоры о переброске его по воздуху с возможной посадкой на нейтральной территории — в Турции или Греции, и в этих двух странах велись сложные переговоры. Намечали также и переброску подразделения на боевом корабле или на торговом судне, которому, пока оно не потребуется, предстояло крейсировать по Черному

¹ [В. Сикорский, 1881—1943 гг., польский премьер-министр в 1922—1923 гг., генерал армии, премьер-министр правительства в изгнании с 1940 г. до гибели в авиакатастрофе на Гибралтаре. См. книгу Дж. Гарлински «Польша, УСО и союзники» (1969).]

¹ Доклад капитана 1 ранга Ватсона в папке 5 MI(R).

морю. Обсуждением этих вариантов были заняты многие высокопоставленные лица и разные комитеты, поскольку уничтожение нефтяных месторождений стало бы решающим актом войны. Однако сейчас уже нет смысла вдаваться в детали неосуществленной акции¹.

Еще один ранний план не осуществился, на этот раз из-за возражений министерства иностранных дел. Предполагалось направить капитана Питера Флеминга и капитана Майкла Линдсея* в Китай для оказания помощи в организации партизанских действий против японцев. Возражения министерства иностранных дел ограничивали и нашу активность на Ближнем Востоке до объявления войны Италией, однако MI(R) еще раньше оказался на месте с заданием поднять на борьбу племена в Западной пустыне и в Абиссинии. Ближе к концу 1939 г. полковник Элфинстон не раз навещался на Ближний Восток. А в апреле 1940 г. туда прибыл подполковник Адриан Симпсон, чтобы создать «отдел MI(R)» при Главной ставке на Ближнем Востоке, — позже этот отдел назывался G(R). Он стал составной частью штаба генерала Уэйвелла, и MI(R) как таковой не нес ответственности за подготовку абиссинского восстания. Однако служба действовала в Лондоне как экспертное «подкрепляющее звено», и деятельность властных структур отчасти зависела от позиции службы и от значимости ее аргументов. Служба также несла ответственность за проведение предварительного исследования (весьма поверхностного) положения на Кавказе, цель которого — выявить возможность возбуждения волнений, если отношения с Россией (СССР. — *Ред.*) и дальше будут ухудшаться. MI(R) курировал и различные другие группы, направленные за рубеж, дабы препятствовать немецкому проникновению и оказывать методическую помощь.

В их числе:

- капитан Родд — с заданием в Лагос, июнь 1940 г.;
- разведка на Азорских островах, июль 1940 г.;
- группа № 19 — задание в Бельгийском Конго, июль 1940 г.²;

¹ Подробности этой истории содержатся в документах начальников штабов, заместителей начальников штабов, документах правительства и др. Лучше всего ознакомиться с материалами DCOS (39)51, Annex II.

* [Майкл Линдсей, 1904—1994 гг., сын А.Д. Линдсея, преподаватель в колледже Баллиол, 2-й барон с 1952 г.]

² Некоторые детали есть в записке «Цели посылаемых на задания групп и личного состава» в папке 3 MI(R).

- группа № 101 — задание в Абиссинии¹;
- группа № 102 — задание в Ливии (для взаимодействия с племенами сиенусси);
- группа № 103 — задание провести «инспекцию» британских землячеств в Южной Америке²;
- группа № 104 — задание в Австралии, октябрь 1940 г.²;
- группа № 105 — задание на Канарах²;
- группа № 106 — задание в Адене³;
- группа № 107 — задание в Кении².

Были также планы внедрить офицеров этой службы в Португалию и Испанию. Первый был полностью заблокирован министерством иностранных дел. Некогого капитана Питера Кемпа* (ветерана гражданской войны в Испании) действительно в июне 1940 г. направили в качестве пресс-атташе в Мадрид, но вскоре посол вернул его обратно.

В других Балканских странах, как и в Румынии, деятельность MI(R) была довольно затруднена и малопродуктивна. В то время Албания была единственной «оккупированной» страной, и представлялось, что, как только Италия объявит войну, она вполне созреет для партизанской деятельности. Однако пока Италия от такого решения воздерживалась, было бы неразумно идти на ненужный риск. К тому же отдел D уже был вовлечен в албанские дела и весьма отрицательно относился к самой идее появления «в поле» еще одной секретной организации, готовой к нелегальной транспортировке взрывчатых веществ. Помимо прочего, всегда оказывалось нелегко обсуждать с Генеральным штабом какой-либо из балканских стран акцию, которую предполагалось предпринять после немецкой оккупации: балканскими политическими деятелями это воспринималось как признание их несостоятельности в качестве союзника.

Основная задача в Венгрии: оказание помощи полякам в установлении связей через границу, для чего в апреле 1940 г. туда

¹ Записка в папке 3 MI(R) (речь идет о «группе Сэндфорда»). [Д.А. Сэндфорд, 1882—1973 гг., долгое время резидент в Абиссинии, взят на службу с должности канцлера (заведующего канцелярией и архивами) Гилдфордского собора.]

² Записка в папке 3 MI(R) (речь идет о «группе Сэндфорда»). [Д.А. Сэндфорд, 1882—1973 гг., долгое время резидент в Абиссинии, взят на службу с должности канцлера (заведующего канцелярией и архивами) Гилдфордского собора.]

³ См. книгу Гордона Уотерфилда «Настанет утро».

* [Питер Кемп, 1916—1993 гг.; см. его книгу «Тернии памяти» (1991).]

был послан помощник военного атташе (у него сложились отвратительные отношения с местными представителями отдела D).

Мы уже упоминали о поездках майора Габбинса и капитана Дейвиса в Югославию. В ноябре 1939 г. по непрямому приглашению туда же отправилась «неофициальная» миссия во главе с генералом сэром Джоном Ши, кавалером орденов Британской империи 1-й степени, Св. Михаила и Св. Георгия 2-й степени и ордена «За безупречную службу». Ему предстояло установить контакты с югославским генеральным штабом и примерно оценить военный потенциал страны. План создания постоянного отделения «под крышей» помощника военного атташе был отвергнут в июне 1940 г. британским посланником, однако под подобным прикрытием были направлены представители в июне 1940 г. в Афины (майор Барбрук — для работы в Албании), в августе 1940 г. в Софию (капитан К.Дж. Эллиот), а мистер Пенделбери (известный археолог) отправился на Крит в качестве вице-консула в Канданосе. Были и другие люди, знавшие местные условия и готовые в случае необходимости прийти на помощь. Некоторые из них действовали активно, но сами отделения не совершили ничего достойного упоминания — ни до, ни после роспуска MI(R).

У отделений MI(R) в Скандинавии история куда более яркая. Как мы знаем, отдел D ставил себе задачу лишить Германию шведской железной руды. Начавшаяся 30 ноября 1939 г. советско-финляндская война имела непосредственное отношение к этой проблеме: полная советская оккупация Финляндии делала шахты Гелливаре и порт Лулео открытыми для нападения СССР на всем протяжении незащищенной границы между Швецией и Финляндией, так же трудно стало бы оборонять Нарвик и Северную Норвегию. Таким образом, потенциальная угроза со стороны союзника (пусть и сомнительного) Германии требовала изучения и подготовки к отпору. MI(R) была не единственной службой, причастной к решению «финского вопроса» (к примеру, она не занималась набором и обучением британских «добровольцев»), она участвовала во множестве переговоров, а с декабря 1939 г. по декабрь 1940 г. ее сотрудники не раз побывали в Финляндии с определенными целями¹. Первые пла-

¹ См. отчеты лейтенанта Скотт-Хартсона, капитана Крофта, старшего лейтенанта Мунсе и лейтенанта Уитингтона-Мора в папке 5 MI(R). Их группы отправились в Скандинавию 19 и 21 декабря 1939 г. и возвратились 23 и 27 января 1940 г.

ны скандинавских операций строились специально для решения финской проблемы: экспедиции «Avonmouth» и «Stratford» предназначались для взятия Нарвика, Тронхейма, Бергена и Ставангера, для обеспечения линий связи с Финляндией и, если возможно, продвижения к железорудному району Гелливаре. MI(R) участвовала в предварительной секретной разведке района, где открытая деятельность британских офицеров была невозможна. В феврале—марте 1940 г. группы отправились в Норвегию и Швецию, однако большинство участников были отозваны, когда в проведении акции не стало необходимости¹: Финляндия капитулировала 12 марта 1940 г. Участвовала MI(R) также в подготовке планов обеспечения безопасности и прикрытия операций, частично отвечала за создание для этой цели действенной организации: Межведомственного совета по безопасности². Он был сформирован 20 февраля 1940 г., секретарем стал майор Кумбе из MI(R), который сыграл впоследствии важную роль в подготовке операций по дезинформации противника. MI10 как служба* военного министерства была создана под командой майора Кумбе в сентябре 1940 г.

В конце марта скандинавские планы неожиданно обрели новую жизнь, когда Кабинет наконец-то утвердил схему создания минного поля в норвежских водах. Эти планы при необходимости должны были поддержать воссозданные экспедиции «Avonmouth» и «Stratford», а MI(R) вновь была поручена разведка. Офицеры службы были легализованы под видом «помощников консулов»: в Нарвике (капитан Торранс), Тронхейме (майор Палмер), Бергене (капитан Крофт**) и Ставангере (капитан Мунсе***). Однако едва они прибыли на место, как в ночь на 8 апреля началось немецкое нашествие. Майор Палмер был схвачен, остальным с большим трудом удалось уйти.

Среди поспешных импровизаций в ответ на немецкое вторжение — отправка четырех групп MI(R), одну из которых постигла неудача. Это случилось с экспедицией «Knife», которой предстояло высадиться с подводной лодки в районе Согне-фи-

¹ См. подробности в «Журнале войны» MI(R).

² JIC(40)8(S) от 18 февраля. См. также JIC(40)11(S) от 5 марта 1940 г.

* [К 1942 г. MI10 занималась оборудованием и боевой техникой, захваченной у противника (личные сведения).]

** [Эндрю Крофт, 1905—1998 гг.; см. его книгу «Талант к приключениям» (1996 г.).]

*** [Малколм Мунсе, сын Аксея Мунсе (1857—1949), шведский писатель.]

орда. Ее задача — разрушать немецкие коммуникации. Экспедиция вышла в море 23 апреля, однако доставлявшая ее подлодка «Truant» («Шалопай») была повреждена во время вражеской атаки и вернулась в Росит. Первой отправилась в путь группа под командой капитана Питера Флеминга — она вылетела 13 апреля в Намсус. Кроме капитана, в нее также входили два сержанта-связиста, снабженные радиопередатчиком. Задача (несколько неясная) группы заключалась, очевидно, в том, чтобы связаться напрямую по радио с силами, которые должны прибыть вслед за нею 16—17 апреля, и подготовить все к их высадке. Но им не удалось установить радиокontakt с британскими военно-морскими силами, и добились они немногого, хотя и оставались в Намсусе до эвакуации¹. Майор Джефферис из технического сектора MI(R) сходным образом взаимодействовал с британскими силами, высадившимися в Андалснесе, хотя для него основной работой была разведка. Экспедиция высадилась рано утром 19 апреля, и в тот же день майор Джефферис (с одним сержантом) улетел, захватив тысячу фунтов взрывчатки и разное подрывное оборудование, в том числе и взрыватели, действующие под силой давления. Он сразу же направился вперед со 148-й бригадой, которая дошла до Лиллехаммера. Как явствует из его отчета², едва он приступил к работе — обучал норвежцев, как устраивать взрывы, и сам производил взрывы, — как британские позиции были смяты; остальное время он провел пехотинцем в боях и принимал участие в поисках и спасении отставших британских солдат, пока наконец 28 апреля не был эвакуирован на самолете.

Подготовка третьей группы велась более основательно: как военная миссия № 13 она 16 апреля направилась через Стокгольм с заданием «действовать в качестве представителя директора военной разведки при норвежской штаб-квартире, проследовать туда как можно быстрее, доложив о прибытии непосредственно главнокомандующему; поощрять любые формы партизанской войны — если потребуется, то и личным участием; осуществлять связь между британскими и норвежскими силами». Предполагалось, что другие офицеры MI(R) при возможности свяжутся с миссией № 13 и будут действовать под ее командованием, оказывая помощь норвежцам в партизанской войне. В состав миссии входили майор Королевского танкового полка А.У. Браун, награжденный Военным крестом, капитан 12-го уланского полка Р.Б. Редхед и сержант Даль из армейского казначейства (перевод-

¹ В папке 5 MI(R).

² В папке 5 MI(R).

чик). Когда группа отправилась на задание, план нападения на Тронхейм все еще рассматривался и не был обсужден с норвежскими властями. Майор Браун и сержант Даль добрались до штаба генерала Руге в Гудбраннсдалене 19 апреля и старались поддерживать с ним постоянный контакт¹. Капитану Редхеду удалось преодолеть трудности, и он прибыл 22 апреля — как раз вовремя, чтобы участвовать в единственной диверсионной акции, цель которой — перерезать немецкие коммуникации. К операции привлекли две группы норвежских солдат-лыжников; им предстояло выйти к дороге, идущей через Гудбраннсдален с гор, к востоку и западу от нее. К сожалению, у солдат не было опыта, норвежские командиры действовали плохо, а снаряжения — почти никакого. Западная группа, в состав которой входил майор Браун, после двух дней блужданий вынуждена была разойтись, майор Браун 26 апреля вернулся в норвежский штаб и в конце концов был вывезен через Молде. Восточная группа — во главе с капитаном Редхедом — также разбрелась, однако капитан и несколько норвежцев остались и собрали вокруг себя несколько групп отбившихся от своих британских солдат (одно время в группе находилось шестьдесят три британских военнослужащих), многие из которых были без оружия, практически все — без лыж или лыжных ботинок. Приходилось что-то придумывать прямо на ходу. Группа продвигалась на север параллельно немецкому наступлению, и ей даже удалось совершить несколько диверсий, нанеся урон противнику. Так они действовали до 2 мая, когда стало известно об эвакуации Андалснаса и Молде. Единственное, что оставалось: разбившись на небольшие группы, добираться до шведской границы. Капитан Редхед с тремя другими британцами оказался там через десять дней, проделав путь в 200 км по весьма сложной местности².

Во время битвы за Францию MI(R) мало что могла сделать: французы, естественно, не намеревались с помощью британцев устраивать взрывы или вести партизанскую войну. Когда же внезапно наступил крах, то за неимением времени оказалось невозможным что-либо организовать. Отдел D все же пытался установить личные контакты, а MI(R) не сделала и этого³. Име-

¹ Отчет майора Брауна в папке 5 MI(R).

² Отчет капитана Редхеда в папке 5 MI(R).

³ См. документы отдела D в папке 3/470/7а Архива УСО. MI(R) отрядил одного офицера, который 7 июня осуществил взрыв нефтехранилища у Гонфревиля, близ Гавра. См. отчет лейтенанта Мейлера в папке 5 MI(R).

лись, правда, планы подрывных акций в Голландии и Бельгии, но они так и не осуществились. Капитан Дейвис 13—15 мая предпринял поспешную поездку в Амстердам, чтобы уничтожить или вывезти ценности, хранившиеся в тамошнем Национальном банке. В этом он преуспел¹.

Следует также упомянуть, что MI(R) была, возможно, первой службой, направившей группу через Ла-Манш — в оккупированную Францию. К сожалению, отчет этой группы не сохранился, но кое-что есть в «Журнале войны» MI(R). Группа, состоявшая из трех офицеров, 2 июня направилась в район Булонь-Этабль, который немцы заняли примерно 25 мая. Ее задача — собрать и вывезти всех отставших британских солдат. Отыскали, однако, лишь одного отставшего, зато все благополучно вернулись 10 июня, проведя неделю за границей и тринадцать часов в море на гребной шлюпке.

Конец кампании во Франции совпал в первыми приготовлениями к созданию движения Сопротивления в Англии. Занималась этим организация, известная как Вспомогательные формирования, ей, очевидно, будет посвящено отдельное исследование*. Мысль об этом зародилась, по-видимому, одновременно и в отделе D, и в MI(R). Имеется документ отдела D, озаглавленный «Пессимизм»² и датированный 22 мая 1940 г., где такое предложение сформулировано. 25 мая капитан Флеминг (вернувшийся из Намсуса) был «переведен во внутренние войска с целью обучения ДМО** ведению боевых действий за линией фронта в случае вторжения немцев в нашу страну»³. Межведомственный совет по перспективному планированию⁴ взялся за работу: проект обсуждали на заседании совета 27 мая⁵ и пришли к выводу, что «следует составить служебную записку, выразив общее мнение, что действия в Англии должны контролироваться военным командованием и что:

- a) оборону регулярных сил необходимо подкрепить отрядами партизанского типа, которые позволяют себя обойти и

¹ «Журнал войны» MI(R), папка 2 MI(R).

* [Таковое, если и было написано, так и не стало достоянием общественности.]

² Архив УСО, папка 1/470/7.1.

** [Добровольцы местной обороны, впоследствии — просто местное ополчение, служили прикрытием для Вспомогательных формирований.]

³ «Журнал войны» MI(R), папка 2 MI(R).

⁴ См. далее, начало главы IV.

⁵ Копия в Архиве УСО, папка 1/470/7.3.

затем будут действовать в тылу противника, нанося удары по местам его сосредоточения;

- б) СИС (т.е. отделу D) следует подготовиться как к организации, так и к осуществлению технико-диверсионных операций, требующих специального оснащения;
- в) населению следует внушать, что, действуя в сформированных или стихийно образовавшихся отрядах или каждый в отдельности, все способны внести вклад в общее дело борьбы с противником».

На основе этих предложений были созданы Вспомогательные формирования под командованием полковника Габбинса, а его заместителем стал майор П.А. Уилкинсон*, работавший с Габбинсом в Польше: дата события указана в «Журнале войны» MI(R) — 17 июня. Затем появились знаменитые «Официальные указания гражданским лицам», изданные министерством информации 18 июня и широко обсуждавшиеся в прессе, — превосходный документ, в создание которого немалую лепту внес майор Кеньон из MI(R). Что касается планов, относящихся к отделу D, то они не вполне реализовались: военное руководство осуществлялось военным министерством и главным штабом внутренних войск, и протиснуться меж ними ведомству, подчиненному министерству иностранных дел, было нелегко. Отдел D с присущей ему энергией быстро создал сеть местных представителей, действовавших в условиях строжайшей секретности. Ее, однако, пришлось ликвидировать, что вызвало множество осложнений¹.

4. Подбор кадров

В этой сфере деятельности MI(R) следует выделить два основных направления: создание картотеки и обучение людей, обладающих особыми качествами, для формирования «офицерского корпуса» партизанских отрядов и налаживание системы полевой подготовки рядовых граждан. На ранних стадиях возможность появления британских партизан едва просматривалась, зато было ясно, что у Британии имеется громадный людской потенциал, состоящий из специалистов, обладающих доскональ-

* [Сэр Питер Уилкинсон, род. в 1914 г., военный и дипломат, введен в рыцарское достоинство в 1970 г. См. его книгу «Чуждые поля» (1997).]

¹ Документы в папке 1/470/7.1 Архива УСО.

ными познаниями в различных областях знаний. Начало деловому «коллекционированию имен» было положено еще до войны¹, идея же обучения людей поначалу возникла как предлог, чтобы собрать перспективные кадры и присмотреться к ним хорошенько. В мае — июне 1939 г. служба MI(R) провела два небольших курса обучения с группами по тридцать человек в каждой. С началом войны учебу пришлось прекратить, но осенью этот проект был возобновлен. Началась подготовка к проведению офицерских курсов для специально отобранных людей, а в ноябре 1939 г. подполковник Габбинс и другие посетили Кембридж с целью организации так называемых политико-военных курсов в университете. Университетское руководство охотно пошло на сотрудничество, и 15 января 1940 г. курсы открылись для первого потока из сорока офицеров. Завершилась учеба 9 марта, на церемонии закрытия курсов побывал первый заместитель начальника Имперского генерального штаба*. Затем проекту был придан официальный статус, и он был передан Директорату военной подготовки (MT7). УСО в наследство от MI(R) досталась картотека примерно на тысячу потенциальных новобранцев, предназначенных для осуществления невероятных проектов.

Идея создания британских партизанских отрядов созрела позже, по большей части как реакция на норвежскую кампанию. Предложение обучать чехословацких партизан было выдвинуто и отвергнуто в сентябре 1939 г. В октябре 1939 г. пошли разговоры о внедрении спецкурса в программу ловатских скаутов², но тогда из этой затеи ничего не вышло, хотя идея витала в воздухе до весны 1940 г. Однако в апреле ловатских скаутов переправили на Фарерские острова, и тогда возникла новая идея — создать «независимые компании». 13 апреля проект официально представили на рассмотрение начальнику ИГШ, который тут же его одобрил. 15 апреля на встрече с заместителем директора по личному составу** были согласованы детали, и к 25 апреля было создано десять

¹ См. записку «Личный состав отдела MI(R)», Приложение Н в папке 3 MI(R).

* [Сэр П. Ниме, награжден Крестом Виктории в 1914 г., в 1940 г. недолго был первым заместителем начальника ИГШ, взят в плен в Сиренаике в 1941 г., бежал в 1943 г., введен в рыцарское достоинство в 1946 г.]

² «Журнал войны» MI(R), папка 2 MI(R).

** [Ф.Э. Най, 1895—1967 гг., заместитель директора по личному составу в 1940 г., первый заместитель начальника ИГШ в 1941—1946 гг., верховный комиссар в Индии в 1948—1952 гг. и в Канаде в 1952—1956 гг.; в НБС.]

«компаний» под командой подполковника Габбинса. В сложившихся обстоятельствах вопрос о специальной подготовке не стоял: 1 мая «компания» отправилась в Норвегию и сразу же попали в переплет в районе острова Москенесёй. «Компания» очень быстро стала «регулярными» ударными подразделениями, а не теми «нерегулярными частями», какими представляли себе их основатели. В наследство УСО они оставили школу и учебную площадку возле озера Лох-Айлорт, что на западном побережье Шотландии. 9 мая Директорат военной подготовки дал согласие на создание Центра по обучению приемам и методам партизанской войны на 500 учащихся, и 3 июня Центр открылся. Поначалу занятия вели офицеры MI(R), которых прежде готовили для экспедиции «Knife» в Норвегию. Он так и остался одним из центров учебной подготовки командос: УСО приобрело неподалеку здание, возле Арисайга, первоначально реквизированное MI(R) под вспомогательную школу, и с этого началось развитие военизированного направления в этой учебной организации.

5. Заключение

MI(R) конечно же действовала чрезвычайно успешно в качестве исследовательского учреждения. Споры о том, как рождались замыслы, завершившиеся успехом, ведутся постоянно, но можно с уверенностью сказать, что именно MI(R) была настоящим живым ядром британской военной организации, что именно эта служба разработала ряд довольно перспективных проектов. Например, помощь бежавшим военнопленным (MI9), мероприятия по дезинформации противника стратегического порядка (Межведомственный совет по безопасности и MI10), «независимые компании», которые положили начало созданию командос и партизанского учебного центра у Лох-Айлорта, политико-военные курсы в Кембридже. Все эти проекты изменили наше представление о подготовительной и организационной работе. Следует отметить, что успеху MI(R) как исследовательского учреждения во многом способствовало то, что сотрудники службы нередко действовали, далеко выходя за рамки своих обязанностей. Работа ее (в понимании полковника Холланда) состояла не только в том, чтобы придумывать новые планы, но и в том, чтобы протаскивать их через все препоны, чинимые военным министерством, а порой самостоятельно их реализовывать.

Не так-то легко говорить о вкладе службы в более узкой сфере деятельности — подрывной войне. Служба, вне всяких сомнений, превосходила отдел D по уровню методических работ: ее планы имели более четкий и практический характер, нежели предлагавшиеся полковником Грандом. У службы не было крупных провалов, ее сотрудники никогда не злоупотребляли своим положением. Да и подбор кадров осуществлялся тщательнее, с опорой на кадровых военных. Она не уступала отделу D ни в предприимчивости, ни в дерзости замыслов, хотя все это относилось к сильным сторонам отдела D.

И все же нельзя не признать, что в диверсионной деятельности этой службы особых успехов не было. Не осталось и крепкой организации, на которой можно было строить УСО. У нее, правда, были контакты с поляками и чехами, которые никогда не прерывались, на Ближнем Востоке остались группы, отправленные по ее заданиям, — со временем они себя проявят, но главным образом вне сферы деятельности УСО. Вместе с тем на Западе созданная ею сеть была уничтожена полностью, как и сеть отдела D, и на Балканах ее контакты были весьма ненадежными. Необходимо подчеркнуть, что обе организации довольно пессимистически относились к перспективе совместной деятельности союзников и почти не готовились к той ситуации, что создалась летом 1940 г. Но это, разумеется, вопрос не их компетенции.

ГЛАВА IV

РЕОРГАНИЗАЦИЯ

Проблемой координации всех видов нелегальной деятельности занимались многие службы. В том, что координация необходима, разногласий не было. А вот кто должен координировать и как далеко должна простирается его власть — вопрос дискуссионный. Первый детально продуманный документ на эту тему был подготовлен отделом D в июне 1939 г.¹ Наряду с планом расширения сферы деятельности в нем предлагалось:

¹ Рекомендации по контролю за «вневедомственной» и «военизированной» деятельностью датированы 5 июня 1939 г. — Архив УСО, папка 1/470/1.

«Координационный механизм

...27) Каждое министерство и организация прежде всего занимается своей тематикой. Предлагается создать при них особые отделы.

28) Эти особые отделы в рамках сферы деятельности их министерств должны координироваться КСС, который использует для данной цели отдел D».

Особые отделы предстояло создать в военном министерстве и адмиралтействе. Электра-хауз не упоминался: предполагалось, что отдел D может отвечать за всю нелегальную пропаганду. Не упоминалось и министерство авиации, роль которого, как оказалось впоследствии, очень важна как «всеобщего перевозчика». Министерство экономической войны и министерство информации также опущены, не были названы, но тут удивляться не приходится, поскольку официально они не существовали до начала войны. Суть предложений, стало быть, сводилась к тому, что каждое министерство осуществляет собственный контроль за деятельностью, им организованной, но отделу D следует быть и вышестоящей, и координирующей организацией, но сам он несет ответственность перед министром иностранных дел через командующего секретной службой (КСС).

Из предложенной программы был осуществлен лишь один проект — преобразование отдела D/M в MI(R) при военном министерстве. И в первые месяцы войны формального механизма координации действий не существовало. MI(R) контролировалась начальником ИГШ через директора военной разведки, отдел D — министерством иностранных дел через КСС. Электра-хауз тоже находился в вассалах у Форин-офис, но был относительно самостоятельным. У министерства информации, занимавшегося пропагандистскими акциями, направленными на противника, существовали свои трудности — не складывались отношения с британской прессой, да и существовало оно, можно сказать, на птичьих правах. Министерство информации (унаследовавшее свои права от министерства почт) до некоторой степени контролировало Би-би-си, однако сфера применения этих прав во время войны оставалась неясной. Министерство экономической войны, у которого были некоторые обязательства перед министерством иностранных дел, унаследовало функции Центра промышленной разведки майора Мортон*, где

велась большая работа по планированию подрывной деятельности. В вопросах нелегальных операций арбитром и наставником от Военного кабинета выступал лорд Хэнки, в то время канцлер герцогства: опыт и известность делали его весьма влиятельным, однако в его распоряжении не было никакого ведомства и аппарата ведомственного контроля.

Первым практическим шагом на пути к координации стало учреждение (под эгидой комитета Военного кабинета по германской нефти во главе с лордом Хэнки) Межведомственного комитета по речному транспорту, задача которого — разобраться в различных конкурентных проектах действий на Дунае¹. Первое его заседание состоялось 8 января 1940 г., и работа продолжалась — с перерывами — до июня под председательством вначале вице-адмирала К.Э. Кеннеди-Пурвиса** (в то время президента Королевского военно-морского колледжа в Гринвиче), а позже контр-адмирала Беллэрса, директора военно-морской разведки. Нельзя сказать, что МКРТ добился многого, поскольку практически все проекты оказались неудачными, однако Межведомственный комитет по крайней мере свел вместе некоторые силы и позволил им заявить свои претензии.

Следующая инициатива исходила, по-видимому, от директора военной разведки генерал-майора Бьюмон-Несбитта и, вне всякого сомнения, была инспирирована MI(R). Текст его предложений утерян, но есть запись об их обсуждении с полковником Грандом 29 февраля 1940 г. ДВР предлагал создать Межведомственный (в рамках секретных служб) совет по типу Объединенного совета по разведке, в котором имелось бы французское представительство. На это у полковника Гранда было два возражения: во-первых, министерства иностранных дел и экономической войны, наделенные значительными полномочиями, не были бы представлены в таком совете, а во-вторых, исчезла бы возможность уладить британские межведомственные разногласия в совете, если туда войдет французский представитель. Пол-

* [Сэр Д.Дж.Ф. Мортон, 1891—1971 гг., возглавлял Центр промышленной разведки в 30-е годы, личный секретарь Черчилля по секретным делам в 1940—1945 гг., возведен в рыцарское достоинство в 1945 г. См. книгу — очень сердитую — Р.У. Томпсона «Черчилль и Мортон» (1970).]

¹ Его деятельность освещается в ряде документов правительства (серия D), имеющихся в Архиве Кабинета министров.

** [Введен в рыцарское достоинство в 1939 г., первый заместитель министра морского флота в 1942—1945 гг., умер в 1946 г.]

ковник Гранд признавал необходимость координации (он в резкой форме обвинял военное министерство в попытках захвата его сферы деятельности), однако предлагал ограничиться созданием «объединенного межведомственного (в рамках секретных служб) совета по планированию, который бы действовал параллельно и на сходной основе с Межведомственным советом по разведке». Во всяком случае, считал полковник Гранд, «на данном этапе совет не должен быть межсоюзническим», но в него обязательно должен войти представитель министерства экономической войны. Что же касается министерства иностранных дел, то оно, не будучи лично представлено в совете, должно было сохранить право при необходимости отклонить рекомендации совета.

Эти пожелания, по-видимому, соединили с предложениями военного министерства, и родился план, который Объединенный комитет по разведке представил Комитету начальников штабов 21 марта¹ и который был рассмотрен КНШ 1 апреля². В документе, несколько просительном по тону, говорилось: «Подобные (нерегулярного характера) действия сами по себе, возможно, и не имеют большого значения, но, будучи надлежащим образом скоординированы и направлены, способны внести осязаемый вклад в главную стратегию войны». А вывод документа был обескураживающе лаконичен: секретным службам необходим консультативный Межведомственный совет по планированию, который «как правило, не будет обладать правом на осуществление любого плана, не получившего одобрения». Предложение деятельно поддержали представитель министерства иностранных дел и директор военной разведки, не возражал и КСС, хотя более всего акцентировал внимание на возрастающем в связи с этим риске утечки информации, министр военно-морского флота тоже был настроен скептически. В конечном счете план был принят за основу при условии «ясного понимания того, что совет не должен задерживать проведение акций и не вмешиваться в ведомственные акции».

Затем документ вновь вернули в ОКР для доработки, и 26 апреля был представлен окончательный вариант³, в содержании которого мало что изменилось, лишь особо подчеркивались вторичные и консультативные функции совета. Этот вариант, как

¹ COS(40)271 (JIC[40]15).

² COS(40) 62-е засед., пункт 2.

³ COS(40)305(JIC) (JIC[40]36).

представляется, был неофициально одобрен КНШ 1 мая¹. Основные положения этого документа таковы:

- «...1. Совет состоит из представителей секретной службы и разведывательных ведомств на уровне командующих; министерству экономической войны и Электра-хауз надлежит назначить офицеров, которые будут приглашаться на заседания при обсуждении вопросов, касающихся данных ведомств. Военное министерство предоставляет постоянного секретаря, помещения и служащих-канцеляристов.
2. Совет прежде всего является консультативным органом и не имеет исполнительных функций.
 3. Совет учреждается для создания механизма координации планов борьбы с противником посредством подрывных и прочих «нерегулярных» операций, а также для обеспечения следующих условий:
 - а) чтобы по такого рода планам не предпринимались перекрещивающиеся или неверно направленные действия;
 - б) чтобы использовались все возможности «нерегулярных» подразделений для содействия целям «регулярных» операций и экономической войны;
 - в) чтобы ни один ценный план, немедленное осуществление которого не представляется возможным, не был предан забвению;
 - г) чтобы содействовать проведению межведомственных консультаций, когда тот или иной план включен в сферу деятельности двух и более ведомств.
 4. Контакт с министерством иностранных дел осуществляется через представителя министерства иностранных дел в ОКР.
 5. Решение о консультациях с французской стороной принимает ОКР».

То был осторожный и всесторонний план, сводивший воедино различные интересы: значимость министерства информации и Би-би-си тогда вряд ли можно было определить, то была более поздняя задача. Очевидная слабость плана в том, что ведомственные обязанности остались без изменения, а совет не получил никаких исполнительных полномочий. Но это обстоятельство было смягчено тем, что военное министерство назначило председателя (полковника Холланда) и постоянного секретаря (майора Кеньо-

¹ «Журнал войны» MI(R), 1 мая 1940 г.; в протоколах COS сведений нет.

на), мало того — положение о совете было составлено таким образом, чтобы при необходимости военное министерство могло подключить дополнительный персонал для работы в совете. На деле создание совета стало первым шагом в направлении к централизации руководства под эгидой военного министерства: начало осторожное и реально допустимое для того времени.

В течение следующего месяца совет заседал часто: с 3 по 20 мая проведено восемь заседаний, 24 мая состоялось специальное совещание¹ по дунайским проектам, на котором присутствовал лорд Хэнки, а еще были заседания 27 мая, 10 июня и 5 июля. Сведений о последующих заседаниях нет, а затем совет и вовсе ушел в небытие, когда было создано УСО. Кое-что совет все же успел сделать: например, впервые планы и проекты были сведены в общий список и рассматривались всеми заинтересованными ведомствами. Вместе с тем в протоколах совета мало отыщется конкретных результатов, за исключением организации Вспомогательных формирований в Англии и приготовлений к вторжению в Абиссинию, однако, учитывая обстановку, вряд ли стоит этому удивляться.

К тому времени успех немцев на Западе изменил отношение руководства к планам подрывной деятельности. К концу июня полностью оккупированными оказались Голландия, Бельгия, Дания и Норвегия; Франция подписала мирный договор, оставив под оккупацией половину своей территории; Италия вела войну; Средиземное море стало закрыто для нормального судоходства, а судьба Северной Африки оставалась неопределенной. В конце мая стало уже очевидно, что Запад потерян и что в Восточной Европе Британия не способна военными средствами сдержать дальнейшее продвижение Германии. Что сие означало, можно понять из цитируемых ниже двух отрывков из документа, представленного КНШ Военному кабинету 25 мая²:

Способность нанести поражение Германии

«..14. Тем не менее Германии можно нанести поражение посредством экономического давления, посредством соче-

¹ См. DCOS(40)79 от 25 мая 1940 г.

² COS(40)390, а также WP(40)168 от 25 мая 1940 г. Первые замечания сведены в документе, представленном Объединенному подкомитету по разведке директором военной разведки 15 июля 1940 г., предложившим значительно расширить сферу деятельности MI(R) («Подрывные действия на вражеской и оккупированной территории», JIC(40)180 от 18 июля 1940 г.).

тания ударов с воздуха по ее промышленным объектам с ударами по моральному состоянию немцев, а также созданием широкомасштабного восстания на завоеванных ею территориях...

Подрывные действия (в Приложении)

59. Единственный способ добиться падения Германии — действовать прорастанию семян восстания на захваченных территориях. Оккупированные территории способны стать благодатной почвой для таких операций, в особенности тогда, когда станут ухудшаться экономические условия.

В предполагаемых обстоятельствах мы придаем данному виду деятельности самое важное значение. Потребуется специальная организация, для этого следует разработать планы реализации этих операций, ко всем необходимым приготовлениям и обучению необходимо относиться как к делу чрезвычайной срочности...»

Иными словами, возможность британской победы складывалась из военно-морской блокады, воздушных бомбардировок и подрывной деятельности. Используя два первых фактора, можно было подорвать позиции Германии изнутри. Однако британские людские ресурсы, в основном направленные на комплектование сил флота и ВВС, не позволяли создать сухопутные силы, достаточно большие, чтобы Британия сумела в одиночку нанести *coup de grâce* — смертельный, решающий удар. Только оккупированные страны могли настолько распылить и деморализовать немецкую армию, чтобы ее уничтожили относительно немногочисленные британские ударные силы.

Такова была главенствующая стратегическая концепция в начале лета 1940 г.¹, и она сразу же вывела вопрос о подрывной деятельности на уровень, не уступавший по значимости ни одной из других стратегических задач. Именно этот фактор, а не

¹ Она оставалась главенствующей *на бумаге* до тех пор, пока СССР и США в 1941 г. не вступили в войну; однако *на деле* (хотя сказать ничего было нельзя) последующее американское вмешательство воспринималось как весьма вероятное, после того как в ноябре 1940 г. Рузвельт победил на президентских выборах, а весной 1941 г. стала очевидной брешь между Германией и СССР. Это существенно для последующей истории УСО: ее статус снизится по сравнению с тем, что ожидалось при создании Управления. [Ф.Д. Рузвельт, 1882—1945 гг., президент США с 1933 г.]

известные недостатки в работе отдела D и Электра-хауз сделал неизбежной коренную реорганизацию.

Реорганизация обсуждалась с разных сторон и на разных уровнях с первых дней июня 1940 г., но вряд ли имеющиеся документы дают об этом полное представление. Однако записи высказываний многих участников обсуждений сохранились, что подтверждает: их выбор был довольно ограниченным. Никто больше не утверждал, будто необходимый стимул и инициативу способен обеспечить какой-то комитет: выработались общие взгляды, а именно: ответственность должна быть централизованной и возложена на одного человека. Однако какого рода человек нужен и каковы границы его ответственности, оставалось не совсем ясно. Имевшиеся сомнения можно сформулировать примерно так:

- а) Должен это быть политик, офицер секретной службы или гражданский чиновник?
- б) Назначение политика потребует ответственности непосредственно перед Военным кабинетом, прежде всего через одного из членов ВК. Если же назначить не политика, то он обязательно попадет под влияние какого-либо из ведомств, лишь два из них способны всерьез претендовать на это — военное министерство и министерство иностранных дел, причем последнее может действовать через КСС.
- с) Имелась всеобщая убежденность, что все организации, занятые подрывной деятельностью, необходимо сплотить единством цели, начиная от нелегальной пропаганды Электра-хауз и кончая открытой партизанской войной, планируемой MI(R). Неясно было, смогут ли Электра-хауз, отдел D и MI(R) сохранить индивидуальные качества под рукой «великого координатора» или их следует нивелировать, создав новое ведомство. Нелегко было и определить «границы» новой организации: с одной стороны — дипломатия и открытая пропаганда, с другой — традиционные способы ведения войны, которые также используют для своих нужд секретные службы.

Первые этапы обсуждений прослеживаются в документах MI(R). 3 июня 1940 г. директор военной разведки встретился с первым заместителем начальника ИГШ¹, чтобы обсудить предложения полковника Холланда относительно сферы деятельности

¹ «Журнал войны» MI(R) под датой 3.6.40, папка 2 MI(R).

MI(R) и ее возможного расширения¹. Эти предложения включены в официальный протокол, датированный 5 июня², — в них решительно отстаивается концепция расширения нерегулярных действий. Вывод вполне определенный: «Таким образом, я рекомендую как можно скорее создать отдельный Директорат военного министерства для планирования и проведения всех операций нерегулярного свойства... Директору его надлежит работать под общим руководством первого заместителя начальника ИГШ. Директорат должен координировать и осуществлять контроль (пределы его предстоит обсудить заинтересованным сторонам) над работой СИС и организацией Кэмпбелла Стюарта³, он обязан также нести прямую ответственность за выполнение всех теневых заданий, за школу нерегулярной войны и специальный курс в Кембридже». Из записки полковника Холланда явствует, что в военном министерстве не решались брать на себя ответственность за нечто более серьезное, чем создание прибрежных поисковых групп, что являлось первой задачей совместных операций. Точка зрения первого заместителя начальника Имперского генерального штаба документально не зафиксирована, но, по-видимому, одобряя идею координации под эгидой военного министерства, он не был настойчив в ее проведении⁴. Вместе с тем 8 июня полковник Холланд был принят⁵ м-ром Иденом* (в то время министром по делам войны), 8 июня — директором военных операций; и письмо, в котором излагался план создания в военном министерстве Директората нерегулярных операций, было направлено м-ром Иденом премьер-министру⁶.

Первое зафиксированное обсуждение состоялось на встрече⁷ лорда Хэнки с полковниками Мензисом, Грандом и Холлан-

¹ В папке 6 MI(R) на бланке службы, документ озаглавлен «Обязанности MI(R)» (исх. MI(R)/M/I/1 от 2.6.40).

² В папке 6 MI(R) на бланке службы.

³ То есть Электра-хауз.

⁴ Краткая записка MI(R) для директора военной разведки от 6.6.40, папка 4 MI(R).

⁵ «Журнал войны» MI(R), папка 2 MI(R).

* [Сэр Антони Иден, 1897—1977 гг., министр иностранных дел в 1935—1938, 1940—1945, 1951—1955 гг., военный министр в 1940 г., кавалер ордена Подвязки с 1954 г., премьер-министр в 1955—1957 гг., граф Эйвон с 1961 г.; в НБС. См. его книгу «Расплата» (1965 г.).]

⁶ «Журнал войны» MI(R), папка 2 MI(R). Письмо отсутствует, но оно было отправлено либо 12.6.40, либо незадолго до этой даты.

⁷ Архив УСО, папка 6 MI(R) «Реорганизация».

дом 13 июня 1940 г., они «обсудили определенные вопросы, вытекающие из возможного краха Франции». Наиболее существенным является параграф 4:

«...Никакого механизма, пригодного для подобной координации, в настоящее время не существует. Предлагается в качестве такого механизма создание специального органа, в который должны войти:

- 1) представитель трех управлений секретных служб, его необходимо назначить директором в военном министерстве, и он должен заниматься исключительно этой работой, имея прикомандированных офицеров флота и авиации;
- 2) представитель секретной службы;
- 3) представитель организации, ведущей пропаганду в странах противника.

Все вышеупомянутые лица должны иметь прямой доступ к министру, которого также следует назначить и который также должен заниматься только этой работой.

Достигнута договоренность о подготовке проекта плана действий в указанных направлениях, после чего лорд Хэнки сможет неофициально выяснить мнения отдельных начальников штабов, прежде чем формально внести данное предложение».

Все это находится в русле намерений военного министерства, но есть и два существенных новых предложения:

- 1) О назначении полноправного министра: новая и очень важная мысль, возможно, появившаяся по ассоциации, — таково было положение лорда Суинтона* по отношению к Управлению внутренней обороны (безопасности)¹.
- 2) О том, что «управляющим органом» должен по-прежнему оставаться совет, куда входят представители флота и авиации наряду с представителями СИС и Электра-хауз.

Очевидно, со стороны КСС не возникло никаких возражений в ответ на предложение перевести отдел D в военное министерство, за пределы его собственного контроля и контроля со стороны министерства иностранных дел.

Упомянутый «проект плана» (если он когда-либо существовал) не обнаружен, как не обнаружено и никаких свидетельств

* [П. Канлифф-Листер, 1884—1972 г., введен в рыцарское достоинство в 1920 г. (как Ллойд-Грим), виконт Суинтон с 1935 г., министр авиации в 1935—1938 г., возглавлял Управление безопасности в 1940—1942 г., граф с 1955 г.; в НБС. См. его книги «Я помню» (1948 г.) и «Шестьдесят лет власти» (1966 г.)]

¹ WP(40)172 от 27.5.1940 и WP(40)271 от 19.7.1940, параграфы 1—3.

бесед лорда Хэнки с начальниками штабов. Возможно, дело запуталось в связи с созданием 15 июня в Адмиралтействе Директората совместных операций во главе с генерал-лейтенантом Королевской морской пехоты Баурном*, что резко расходилось с предложениями военного министерства.

Следующий этап прослеживался по записке¹ сэра Александра Кадогана, направленной лорду Галифаксу 28 июня, накануне совещания, которое должно было проходить под председательством лорда 29 июня (перенесено на 1 июля). Последние параграфы этого документа стоит привести полностью, тогда станет понятно, что предложения военного министерства в основном были одобрены, да и министерство иностранных дел не выказало серьезной озабоченности политическими последствиями подрывной деятельности:

- «...2. Они объединяются под одной властью. Вероятно, они изымаются из СИС, которая больше занимается разведкой и у которой много дел в этой области, и передаются под власть военных.
3. Если это приемлемо, то, по-видимому, разумно слить организацию D с MI(R), чтобы эта новообразованная служба находилась под руководством директора военной разведки. По возможности персонал располагается в военном министерстве.
4. Если это приемлемо, ДВР руководит всей организацией D и несет ответственность за диверсии, и — до некоторой степени — за пропаганду во всех странах.
5. Директор военной разведки (ДВР), который делается главным начальником, таким образом становится подотчетен — в отношении различных видов своей деятельности — военному министерству, министерству иностранных дел и министерству информации:
 - 1) за диверсии в странах противника и подвластных противнику странах; содействует и дает рекомендации ему министерство экономической войны, а ответственность он несет перед военным министерством;

* [Сэр А.Дж.Б. Баурн, 1882—1967 гг., генерал-адъютант Королевской морской пехоты в 1939—1941 гг. и короткое время директор совместных операций в 1940 г.]

¹ В папке 2/340/3.0 Архива УСО, с карандашными пометками м-ра Дальтона (уничтожено).

- 2) за диверсии в нейтральных странах — по той же схеме, но ему надлежит получать согласие министерства иностранных дел;
 - 3) за подрывные действия он отчитывается перед военным министерством, но обращается за рекомендациями к министерству иностранных дел;
 - 4) он получает указания на проведение пропагандистских акций от министерства информации, которое имеет хорошо налаженные связи с министерством иностранных дел и с сэром Кэмпбеллом Стюартом.
6. ДВР налаживает надежные связи с директором военной разведки, директором военно-воздушной разведки и КСС.
 7. Если потребуется, назначается сотрудник министерства иностранных дел для постоянной связи с новой организацией.
 8. Необходимые фонды берутся из бюджетных средств СИС и выплачиваются через директора СИС, который вправе — на основе своего опыта — давать советы относительно использования средств».

На совещании, где обсуждался этот документ, присутствовали лорд Галифакс (председательствующий), лорд Ллойд* (в то время министр по делам колоний и председатель Британского совета), лорд Хэнки, м-р Дальтон¹, сэр Александр Кадоган, директор военной разведки, полковник Мензис, м-р Десмонд Мортон (представлявший премьер-министра) и м-р Глэдвин Джебб** (в то время личный секретарь сэра Александра Кадогана). Не были представлены ни министерство информации, ни Электра-хауз, которые в то время оказались втянутыми в междоусобную войну, выясняя, кто и какой властью наделен. Протоколы совещания, которые опубликованы², крайне интересны,

* [Дж.А. Ллойд, 1879—1941 г., барон с 1924 г., верховный комиссар в Египте в 1925—1929 г., работал с Лоуренсом; в НБС. См. его книгу «Британское дело» (1940 г.).]

¹ М-р Дальтон, по-видимому, был привлечен к делу несколькими днями раньше: см. его письмо м-ру Эттли от 27 июня, сопровождавшее записку о работе министерства экономической войны (Архив УСО, папка 1/470/7).

** [Х.М.Г. Джебб, 1900—1996 г., дипломат, личный секретарь Дальтона в 1929—1931 г., возглавлял УСО в 1940—1942 г., введен в рыцарское достоинство в 1949 г., посол в Париже в 1954—1960 г., лорд Глэдвин с 1960 г.]

² «История УПВ» Гарнетта, с.30.

поскольку на нем фактически решалось, каким будет УСО. Надо все же сказать, что окончательных выводов сделано не было. Основные возражения, которые были выдвинуты относительно совместного представления министерства иностранных дел и военного министерства, таковы:

- а) М-р Дальтон «убеждал, что существует четкое различие между «войной извне» и «войной изнутри» и что последнюю лучше всего вести гражданским лицам, нежели солдатам».
- б) Лорд Хэнки был склонен защищать существующий механизм и возлагал ответственность за провал крупных диверсионных планов на министерство иностранных дел, «не желающее санкционировать их или санкционировавшее их тогда, когда становилось слишком поздно».
- в) «Имелось общее ощущение, выраженное вслух лордом Ллойдом, что необходим ревизор-управитель, наделенный почти диктаторской властью».
- г) М-р Мортон опять напоминал о положении лорда Суинтона в отношении Управления внутренней обороны (безопасности). «Лорд Суинтон, — пояснил он, — возглавляет Комитет, в котором представлены все органы, имеющие отношение к данному вопросу. Если он не согласен с мнением какого-либо конкретного ведомства, то волен направить дело на рассмотрение непосредственно премьер-министру».

Таким образом, все присутствовавшие на совещании резко возражали против предложений, содержащихся в документе сэра Александра Кадогана. Вряд ли министерство иностранных дел, или военное министерство, или СИС испытывали восторг добавления новых обязательств к их уже существующим обязанностям. Все, однако, соглашались, что необходим координатор, «при условии, что подобран будет человек достойный, который окажется способен видеть задачу в целом и, будучи связан только одобрением премьер-министра, сумеет при необходимости преодолеть любые ведомственные возражения. Проблему реформирования существующего механизма взаимодействия можно оставить на усмотрение координатора, предоставив ему решать после того, как появится некоторый опыт в работе. Во всяком случае, ему следует уделять этой работе все свое время». Очевидно (хотя прямо о том не заявлено), что координатор должен быть министром, а не просто официальным лицом.

Совещание было прервано, кандидатура так и не была названа. Было лишь решено, что лорду Галифаксу надлежит сделать доклад премьер-министру после очередного совещания.

Почти в то же самое время генерал-лейтенант Баурн, тогдашний директор совместных операций (ДСО), представил Комитету начальников штабов документ¹ о реорганизации нерегулярных действий, его предложения были почти идентичны перечисленным ранее, хотя он в большей мере подчеркивал положение военного министерства. Повод для его подготовки объясняется в первом параграфе:

«...Со времени моего назначения ДСО мне ежедневно приходится сталкиваться:

- 1) с потребностью в координации между ведомствами и единым руководством всеми действиями, которые затрагивают за границу, часть из которых осуществляется моим ведомством;
- 2) с политическими последствиями, которые беспрестанно возникают в ходе таких действий и которые необходимо спешно разрешать».

Суть документа² такова: MI(R), MO9 («рейдовое» подразделение военного министерства), отдел D и Электра-хауз необходимо объединить, образовав новый Директорат в военном министерстве (предложение полковника Холланда от 5 июня); необходимо назначить министра для руководства этим Директоратом, СИС, MI5 и ДСО; организационно-административную структуру указанных ведомств нужно оставить в нынешнем виде, зато выработкой их политики следует заняться новому министру. Еще предстоит убедиться, что то был самый дерзкий проект централизации из всех ранее выдвинутых.

Военное министерство в кратком отзыве на документ (датирован 5 июля) поддержало назначение министра, но не приняло предложение о создании отдельного Директората военного министерства, которое в начале июня поступило от полковника Холланда: «Обязанности такого директора вполне могут исполнять директор военных операций и планирования и директор военной разведки. Я предлагаю отдать под руководство директора военной разведки отдел D и CS (т.е. Электра-хауз)». Становится ясно, что в военном министерстве едва ли одобряли все связанное с развитием диверсионной деятельности в больших

¹ COS(40)523(0). Копия в папке 6 MI(R) от 30.6.40.

² Сформулировано довольно четко в Приложении II к документу.

масштабах и что министерство отнюдь не стремилось руководить этой деятельностью. Позиция полковника Холланда была более энергичной. Это видно из его памятной записки¹ от 6 июля и из приложенной к ней «Стратегической оценки». Полковник пытался убедить оппонентов, что значение нерегулярных методов ведения войны в ситуации 1940 г. очень велико и носит строго военный характер, но цель достижима только при надлежащем внимании к методике и основам стратегии: «Все подрывные действия в конечном счете должны быть нацелены на открытое восстание, каковое будет либо предшествующей, либо способствующей, либо прямой военной акцией... Для эффективного содействия открытому восстанию необходимо объединить усилия, направленные на подрывную пропаганду, мелкие подрывные акции (которые проводятся все же лишь от случая к случаю), и действия нерегулярных подразделений». Эта четко выраженная позиция оказала влияние на всю историю УСО: он резко выступал против концепции м-ра Дальтона, который утверждал, что подрывная деятельность «дело слишком серьезное, чтобы оставлять его солдатам» и что не всегда завершающим этапом должно быть открытое восстание, поскольку политическая подрывная деятельность и экономические диверсии способны дать огромный результат, не приводя к открытой войне.

Документ директора совместных операций попал к заместителям начальников штабов (ЗНШ) 5 июля, есть свидетельство об обсуждении его, однако решение отложили до тех пор, пока в обсуждении не смогут принять участие ДСО и директора разведки. В их присутствии документ вновь был рассмотрен ЗНШ 8 июля, состоялось всестороннее обсуждение. Наиболее важные моменты дискуссии таковы:

- а) Некоторые склонны планировать и проводить определенные виды «нерегулярных» операций без ведома Комитета начальников штабов. В результате как следствие — опасность, которая возникает при осуществлении операций стратегического характера и может даже оказаться и пагубной для них.
- б) При существующей организации имелся риск, что стратегически необходимые действия могут быть начаты до того, как надлежащим образом будут оценены их политические последствия, а то и вовсе без учета этих последствий.

¹ Копия в папке 6 MI(R), а также 6а в папке 4 MI(R).

- в) Было подчеркнуто, что КНШ несет ответственность перед правительством за стратегические рекомендации, его надлежит информировать обо всех действиях, которые могли бы повлиять на осуществление операций.

И вывод, сделанный после обсуждения: оценки, сделанные директором совместных операций, точны, однако предложенная им схема реорганизации вызывает ряд возражений. Секретарю было дано поручение подготовить и разослать проект доклада для дальнейшей доработки. Однако доклад так и не был подготовлен, никаких последующих обсуждений в КНШ не зафиксировано вплоть до той поры, когда УСО уже было создано.

Политические обсуждения были плодотворны, но проследить в деталях их ход по имеющимся документам невозможно, как невозможно и точно оценить, сколь весомым оказалось мнение политиков за пределами министерского круга. К этому времени наличие проблемы стало очевидным для руководства разведки. А внешняя заинтересованность и нажим проявились в широко распространенном документе «Партизанская война», представленном Комитетом членов парламента, куда входили Вернон Барлетт, капитан 1 ранга Флетчер, м-р Л.Х. Глюкштейн и капитан 1 ранга Кинг-Холл*. В редакционной статье газеты «Ивнинг стандарт» от 8 июля прямо звучал призыв учредить министерство политической войны, сходное с министерством экономической войны. Множество «ярких мыслей» было также высказано в то же время общественными деятелями разной степени влияния и умственных способностей.

Пока же, судя по имеющимся данным, события развивались следующим образом:

- 3 июля.** М-р Дальтон, беседуя по телефону с м-ром Эттли, предлагает в качестве главного начальника бригадного генерала Спиэрса, себя самого как ответственного министра, а м-ра Эттли — как члена Военного

* [К.В.О. Барлетт, 1894—1983 гг., журналист и радиодиктор, независимый член парламента в 1938—1950 гг.; в НБС; Р.Т.Х. Флетчер, 1885—1961 гг., член парламента — лейборист — в 1935—1941 гг., капитан 1 ранга Королевского ВМФ в 1941 г., лорд Уинстер с 1941 г.; в НБС; сэр А.Х. Глюкштейн, 1897—1979 гг., член парламента — консерватор — в 1931—1945 гг., полковник ополчения; У.С.Р. Кинг-Холл, 1893—1966 гг., моряк и педагог, независимый член парламента в 1939—1945 гг., барон с 1966 г.; в НБС.]

кабинета, осуществляющего общее руководство¹. Вероятно, он и лорду Галифаксу написал нечто в том же духе².

- 4 июля.** Письмо от м-ра Дальтона м-ру Эттли, в котором он обосновал свое предложение о назначении бригадного генерала Спизерса**.
- 5 июля.** Письмо от лорда Галифакса м-ру Дальтону, где он выражает согласие с доводами последнего, настаивавшего на контроле со стороны гражданского лица, и разделяет его сомнения в необходимости привлекать к этому члена Военного кабинета. В конце послания содержится обещание встретиться с премьер-министром.
- 7 июля.** М-р Дальтон проводит обсуждение с м-ром Эттли.
- 8 июля.** Письма от м-ра Дальтона лорду Галифаксу и м-ру Эттли, в которых он вновь настаивает на привлечении к делу первоклассного офицера-руководителя. Призывает м-ра Эттли встретиться в тот же день с премьер-министром.

На данном этапе, как представляется, премьер-министр попросил м-ра Невилла Чемберлена, в то время лорда-председателя Тайного совета, оценить ситуацию и составить доклад. Сведений о его работе нет, но доклад был вчерне подготовлен и обсужден с м-ром Дальтоном до 16 июля³. В нем предусматривалась организация «для координации деятельности — посредством подрывных действий и диверсий, — ведущейся против противника за границей». М-р Дальтон назначался председателем, ему

¹ Письмо от 4 июля из министерства экономической войны лорду-хранителю малой печати. Архив УСО, папка 2/340/3.0 (уничтожено).

² Письмо от 5 июля от лорда Галифакса в министерство экономической войны, Архив УСО, папка 2/340/3.0 (уничтожено).

** [Сэр Э.Л. Спизерс, 1886—1974 г., род. в Париже (как Спайрс), военный и предприниматель, обеспечивал связь между союзниками в англо-французской армии в 1914—1917 гг., член парламента — консерватор — в 1922—1924 гг. и 1931—1945 гг. Спас де Голля 16 июня 1940 г., поссорился с ним в Сирии в 1942 г. См. книгу Макса Эгремонта «Под двумя флагами» (1997).]

³ Премьер-министр м-ру Дальтону (16.7.40); Архив УСО, папка 2/340/3.0 (уничтожено). Это, должно быть, последнее или почти последнее важное политическое действие в карьере м-ра Чемберлена. Первый раз он был оперирован 24 июля и с тех пор уже не приступал к активной работе.

в помощь был направлен сэр Роберт Ванситарт*. Председатель при необходимости обращался к лорду-председателю Тайного совета за содействием при решении спорных вопросов. Различные заинтересованные ведомства «в течение некоторого времени остаются в подчинении министерств, в настоящее время несущих за них ответственность». Делалось предложение о разграничении подрывных и обычных операций и о координации действий с министерством иностранных дел и Комитетом начальников штабов.

16 июля премьер-министр официально обратился к м-ру Дальтону с письмом, в котором ознакомил его с этими предложениями и просил дать согласие на назначение. 19 июля документ м-ра Чемберлена — формальный устав УСО — выпущен в свет (как WP(40)271), а 22 июля он был официально утвержден Военным кабинетом — с одной небольшой поправкой. Исполнительное решение было принято премьер-министром после консультаций с заинтересованными министрами, и в протоколе добавлено только замечание Кабинета министров о том, что «было бы крайне нежелательно появление любых (парламентских) запросов относительно УСО в парламентской повестке дня».

Такое решение явно было до некоторой степени компромиссом. Предлагавшаяся директором совместных операций концентрация власти была политически неосуществима (даже летом 1940 г.), и вполне уместным стало назначение министра-лейбориста руководителем УСО, что уравновешивало назначение лорда Суинтона в Управление внутренней обороны (безопасности), как и контроль СИС со стороны министерства иностранных дел при м-ре Идене. Эта ответственность лейбористов, в свою очередь, уравновешивалась подотчетностью министра м-ру Чемберлену, а не м-ру Эттли, как предлагалось вначале. После отставки м-ра Чемберлена имя лорда-председателя Тайного совета больше не связывали с УСО. По-видимому, неоспоримым являлся и тот факт, что руководить подрывной деятельностью, где приходилось полагаться в основном на силы левых в Европе, станет представителем Лейбористской партии. Очевидно было с практической

* [Р.Дж. Ванситарт, 1881—1957 гг., дипломат, введен в рыцарское достоинство в 1929 г., постоянный заместитель министра иностранных дел в 1930—1938 гг., барон с 1941 г.; в НБС. См. его книгу «Шествие в тумане» (1958) и книгу Йэна Колвина «Ванситарт за работой» (1963).]

стороны и соединение УСО с министерством экономической войны: подрывная деятельность и экономическая война требуют тесного сотрудничества как в разведке, так и в планировании, но тут еще вмешалась политика, поскольку полномочия министра экономической войны едва ли могли тягаться со статусом такого министра, как м-р Дальтон, имевшего ранг члена Кабинета.

И все же устав можно считать почти полной победой взглядов м-ра Дальтона, к тому же серьезных возражений не было. Формально он был всего лишь председателем, а имевшееся ведомственное управление сохранялось. Но он был председателем, имевшим право набирать собственный штат¹, а старое управление сохранялось лишь «на некоторое время» (параграф 4[e]).

Время это оказалось весьма кратким. Руководство отделом D и Электра-хауз было официально передано м-ру Дальтону лордом Галифаксом 16 августа². Форин-офис действовал, очевидно, без дальнейших консультаций с КСС, который встретил новость без восторга и писал 4 сентября³, узнав о передаче руководства, что предвидит трудности, поскольку на одной территории станут работать две независимые группы секретных агентов.

М-р Дальтон тоже сразу же поднял вопрос о разделении и слиянии функций. 19 августа он писал⁴: «Лично мне хотелось бы, чтобы MI(R) в том, что касается ответственности за военные операции, отчитывалась перед военным министерством, а в остальных своих функциях слилась с реформируемой организацией «D». Если некоторые из особо одаренных младших офицеров MI(R) захотят работать в этой организации, то никто не будет более рад этому, чем я». Командующий секретной службой и руководство MI(R) не предвидели, что реорганизация повлечет за собой исчезновение старой организации, и в течение июля — августа служба продолжала активно работать над своими планами. Однако предложения м-ра Дальтона были приняты

¹ WP(40)271, пункт 4(г).

² Два письма лорда Галифакса м-ру Дальтону 16.8.40; Архив УСО, папка 1/460/1.

³ «К» м-ру Глэдвину Джеббу, исх. С/4824 от 4.9.40; Архив УСО, папка 1/460/1.

⁴ Параграф 3 Приложения I к «Документу о подрывной деятельности», разосланному министерством иностранных дел в октябре 1940 г. Копия в папке 1/470/1 Архива УСО.

без особых возражений высшим руководством военного министерства. Бригадный генерал Уиндэм получил указание — через голову полковника Холланда — в качестве заместителя директора MI(R) сделать доклад о будущем ведомства, и 25 августа он предложил роспуск службы и раздел ее империи. Его предложения по большей части были поддержаны первым заместителем начальника Имперского генерального штаба 3 октября¹. В течение месяца произошел формальный роспуск MI(R)².

¹ Документы в MI(R)309/40 — ныне в папке 6 MI(R).

² «Журнал войны» MI(R), папка 2 MI(R).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СОЗДАНИЕ БОЕВОЙ СИЛЫ

ГЛАВА V

НАЧАЛО ОРГАНИЗАЦИИ

Когда в июле 1940 г. м-р Дальтон пришел к руководству, его наделили широкими правами и поставили перед ним весьма значительные цели, но существовавшая тогда организация мало что могла предложить для создания ведомства, отвечающего таким целям. Требовалось принять следующие меры:

- подобрать руководящий состав, способный заложить основы организации;
- более четко определить задачу и уточнить с руководством генеральное направление деятельности;
- определить границы действий между УСО и другими ведомствами.

1. Штат и внутренняя организация

По указанию м-ра Дальтона его помощник сэръ Роберт Ванситарт должен был заняться подбором кадров, а затем утвердить его с начальством¹. Сэръ Роберт до самой отставки в июне 1942 г. оставался на посту главного дипломатического советника министра иностранных дел, и его работа в УСО не носила постоянного характера. Поначалу с ним, по-видимому, советовались в вопросах высокой политики, но влияние его шло на убыль, а вскоре, когда организация стала на ноги, в его советах не стало нужды. Первым офицером, взятым в штат, стал м-р Глэдвин Джебб, бывший тогда личным секретарем сэра Александра Кадогана, поэтому он знал, как возникло УСО. К исполнению

¹ WP(40)271, пункты 4 (в,г).

обязанностей м-р Джебб приступил тотчас же и пригласил в качестве помощника м-ра Филипа Брода, также сотрудника министерства иностранных дел. М-р Джебб был взят на должность старшего офицера-исполнителя, в то время еще не существовало официального документа, устанавливающего его обязанности, однако, как видно из переписки, действовал он, по сути, как постоянный заместитель министра. Повседневной работой ведомства он руководил от имени министра, а документы, представляемые министру, обычно шли напрямую, без чьего-либо посредничества, если не считать личного секретаря министра. Размещался м-р Джебб в помещении министерства экономической войны, в доме на Беркли-сквер, «под вывеской» советника по внешнеполитическим вопросам министра экономической войны и одновременно помощника заместителя министра иностранных дел. М-р Хью Гейтскелл был назначен его личным секретарем — исключительно для ведения дел по УСО.

Первое, что требовалось, — получить отчеты о работе трех существующих ведомств: MI(R), отдела D¹ и Электра-хауз — и принять решение об их будущем. Как мы уже знаем, в начале августа была достигнута договоренность о том, что отдел D и Электра-хауз включаются в УСО целиком, а служба MI(R) частью поглощается УСО, а частью — другими службами военного министерства. Ознакомившись с различными мнениями², м-р Дальтон решил, что руководители отдела D и Электра-хауз не могут оставаться на своих постах. Сэр Кэмпбелл Стюарт (находившийся тогда в Канаде) был деликатно отстранен³, шефом службы пропаганды стал м-р Р.А. Липер⁴, до того возглав-

¹ См. окончательный отчет D «Единственный успешный эксперимент Великобритании в тотальной войне», датированный 27 августа (папка HD/P. 370), с чрезвычайно неблагоприятными замечаниями KCC; а также список работающих в штате отдела D офицеров с их должностями и кодами, направленный из отдела D Джеббу 14 августа 1940 г., папка F/138 (AD/S.1).

² См. папки HD/P. 370 (полковник Гранд) и HD/S/72 (сэр Кэмпбелл Стюарт) (AD/S.1).

³ Письмо от 16 августа 1940 г. в папке HD/S/72 (AD/S.1) Архива УСО. (См. также в папке F/138 (AD/S.1) заметки из CD/XX/252 от 16.11.40 — раздел B.)

⁴ Кандидатура предложена в письме м-ру Даффу Куперу 26 июля 1940 г., папка HD/S/72 Архива УСО. [Сэр Р.У.А. Липер, 1888—1968 гг., род. в Сиднее, дипломат, посол в Греции в 1943—1946 гг., в Аргентине — в 1946—1948 гг., введен в рыцарское достоинство в 1945 г. См. его книгу «Когда греки встречаются с греками» (1950).]

лявший Департамент политической разведки министерства иностранных дел, который продолжал существовать в качестве прикрытия для организации подрывной пропаганды. М-р Валентайн Уильямс*, второе лицо в ведомстве после сэра Кэмпбелла Стюарта, продолжал руководить «загородным домом» Электра-хауз в Уобурне¹. Найти подходящую замену полковнику Гранду оказалось сложнее, и только в самом конце августа этот пост занял сэр Фрэнк Нельсон**, бизнесмен и бывший член парламента от Консервативной партии. [ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО СОБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.] Весь август тянулось неловкое междуцарствие, и поначалу речь шла о том, что полковник Гранд остается в качестве второго лица после сэра Фрэнка Нельсона¹, но вскоре стало очевидно, что так работать невозможно, и в конце сентября полковник Гранд оставил организацию².

Эти персональные замены были сами по себе решениями трудными и важными, но они не повлияли на слияние трех направлений действий (пропаганды, диверсий и открытого восстания) в единое — «четвертую силу» (наряду с армией, флотом и авиацией) войны. Забегая вперед, скажем, что эта задача так и не была решена, несмотря на все усилия м-ра Дальтона и широкие права, предоставленные ему Кабинетом. Электра-хауз и отдел D стали называться SO1 и SO2, однако они так и оставались отдельными организациями, которые в дальнейшем все более разобщались, нежели сплачивались. Решения, сделавшие это неизбежным, принимались летом 1940 г., однако некоторые последствия их явно не проявлялись.

Одним из факторов, повлиявшим на ситуацию, стало принятие предложения министра информации сохранить за ним контроль за открытой (отличной от скрытой) пропагандой³. Дру-

* [1883—1946 г., журналист, награжден Военным крестом за сражение при Сомме.]

¹ [Стюарт реквизирует большую часть дворца герцогов Бедфордских, примерно в 40 милях к северо-западу от Лондона.]

** [Фрэнк Нельсон, 1883—1966 г., вел торговые дела в Индии, введен в рыцарское достоинство в 1924 г., член парламента — консерватор — в 1924—1931 г., консул в Базеле в 1939 г., CD в УСО в 1942 г.]

¹ См. беседу между CD и D 26 августа 1940 г., а также письмо D от 29 августа, Архив УСО, папка 2/340/3.0.

² Письмо от Гранда к SO, датированное 29 сентября 1940 г.; Архив УСО, папка HD/P/370.

³ Подробнее об этом см. далее в разделе 3 «Внутриведомственные отношения».

гой фактор — провал плана региональных бюро. Этот план впервые был прописан в документе м-ра Гэйтскелла от 31 июля¹. Основная идея плана — создание нескольких бюро (название, вероятно, заимствовано из похожего проекта, подготовленного MI(R), небольших, но достаточно компетентных учреждений, организуемых по региональному (страна) принципу, каждое из которых структурно разделялось на три отдела: отдел пропаганды, организационно-кадровый отдел и отдел «действий». Бюро должно было заниматься разведкой (сбором необходимой информации), а также планированием (включая подготовку пропагандистских директив и подготовку планов диверсионных операций). Предполагалось даже, что на каком-то этапе бюро будут курировать ход некоторых операций, однако они не должны были становиться исполнительными органами. Структурно бюро предполагалось совместить с Директоратом пропаганды, Директоратом «действий» и Директоратом технического обеспечения и снабжения; все проекты следовало направлять из бюро через соответствующий Директорат на утверждение старшему офицеру-исполнителю или министру. Предполагалось, что штаты бюро наберут из соответствующих подразделений D и Электра-хауз, однако они не могли бы стать действенной силой, не имея руководителей, подобных м-ру Липеру и сэру Фрэнку Нельсону, и не будучи априори предназначены стать в корпоративной организации ведущей силой. План этот, возможно, был навязан министру, поскольку Электра-хауз и отдел D уже давно и активно работали, однако с самого начала он был обречен на неудачу из-за невозможности придать бюро (имевшим какое-то время код SO3) действительную весомость, не уступавшую SO1 и SO2. Одно время возглавлял этот Департамент «разведки и планирования» в Лэнсдаун-хауз м-р Брод, а бригадный генерал ван Катсем был директором разведки²: назначение явно не того же уровня, что и м-ра Джебба, м-ра Липера и сэра Фрэнка Нельсона. SO3 как конгломерат бюро распался уже к концу сентября, а все от него оставшееся называлось Департаментом разведки и планирования при SO2, который, в свой черед, ликвидировали в январе 1941 г., а самые

¹ Архив УСО, папка 1/470/1, т. 1.

² Документ УСО начала октября 1940 г.; в папке 1/470/1 Архива УСО (см. также AD/S.1 папка F/138 — заметки от CD/XX/252 от 16 ноября 1940 г., раздел F).

сильные его кадры нашли пристанище в других подразделениях Управления¹.

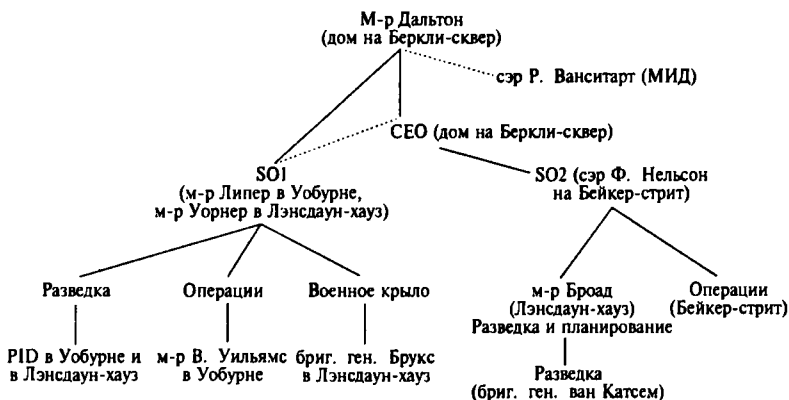
Проблема централизации усугублялась двусмысленностью положения м-ра Джебба как старшего офицера-исполнителя: в соответствии с первоначальным планом ему предстояло отвечать за работу ведомства в целом, но, когда бюро развалились, он остался единственной центральной фигурой. Его роль «постоянного министра» совершенно ясно прослеживается в письмах, касающихся его первоначального назначения, а также в документе м-ра Дальтона от 19 августа по поводу «четвертой силы» и в структуре организации, предложенной м-ром Джеббом в начале октября². К сожалению, в действительности определенности не было, что объясняется неравенством его собственного положения и положения м-ра Липера (которое было намного выше), что привело к обострению борьбы за свои права между двумя существующими ведомствами. Должностной уровень м-ра Джебба, по существу, был снижен, о чем говорилось в письме м-ра Дальтона³ от 17 августа м-ру Валентайну Уильямсу, которому предлагался пост руководителя «региональной» части SO1: «М-р Липер... действует под общим руководством моим как ответственного министра и сэра Роберта Ванситарта. Его ранг равен рангу м-ра Джебба, который является моим старшим офицером-исполнителем (sic!); он подчиняется сэру Роберту Ванситарту при решении всех вопросов, выходящих за пределы Департамента пропаганды». Дело это уладилось поправкой м-ра Джебба к документу «Подрывная деятельность», которую он разослал 17 октября: «М-р Липер, разумеется, действует вполне самостоятельно и не курируется мною, отвечающим за ту сторону деятельности, которая связана с «операциями». В действительности все основные вопросы обсуждаются на периодических встречах с участием министра, сэра Роберта Ванситарта, м-ра Липера и, естественно, моим. CD также в случае необходимости присутствует на таких встречах. В то же время все документы, направляемые министру, проходят через меня, и, таким образом, я являюсь центральным, координирующим звеном».

¹ Письмо от м-ра Джебба м-ру Кадетту (PID/1576 от 14 января 1941 г.) — упоминание в папке 2/340/3.1 Архива УСО. [Томас Кадетт, бывший и будущий представитель газеты «Таймс» в Париже, стал сотрудником отдела F УСО, или самостоятельного Французского отдела.]

² Печатная копия в папке 1/470/1 Архива УСО.

³ Архив УСО, папка 2/340/3.0. М-р Липер заявил то же самое м-ру Валентайну Уильямсу 13 августа (Гарнетт, «История УПВ», с.31).

Схема руководства и взаимоподчиненности на данном этапе выглядела примерно так:

Звено, вклинившееся между SO1 и министром, вскоре исчезло, в результате м-р Джебб стал старшим офицером-исполнителем (CEO) только SO2, бюро распались на составные элементы и в основном отошли к SO2, где, по правде говоря, не знали, что с ними делать. География во всей этой путанице играла почти такую же роль, что и отдельные личности: каковы бы ни были личности, трудно представить, что единую силу могли составить министр, пребывающий на Беркли-сквер, один из его директоров — на Бейкер-стрит, а другой — в Бедфордшире (последнего в Лондоне представляла лишь «закрепленная группа», сама географически отдаленная от министерства).

Внутренняя организация SO2, о которой в основном здесь идет речь¹, оказалась столь же подвижной; и было бы ненужной тратой времени проследивать все стадии становления Управления. Многие из «старожилов» прошли практически всё, однако роли их менялись постоянно, к тому же по мере возникновения новых задач предлагались новые структурные схемы.

Поначалу структурная основа была унаследована от отдела D. Его региональные (страны) секции остались, и полковник Дж.Ф. Тейлор, бывший вторым после Гранда лицом, также оставался в качестве AD, главного помощника CD. Первые существенные добавления были таковы:

¹ Как будет показано позже, SO1 преобразуется в УПВ, и SO2 возьмет себе название УСО: этим объясняется допущенная в изложении некоторая путаница в терминологии.

- 1) Назначение майора (позже полковника) авиации Веннера*, опытного профессионального бухгалтера, директором по финансовой части, в этой должности он пребывал до самого конца, и к работе его одобрительно относились и в УСО, и в министерстве финансов¹.
- 2) Полковник Дейвис, один из самых преуспевших «любителей» в MI(R), поначалу был всего лишь носителем традиций MI(R): он стал «личным помощником»² сэра Фрэнка Нельсона и был назначен на эту должность прежде всего для помощи шефу в организационных делах. Таким образом, его усилия были направлены в основном на организацию «общих служб», этому делу он отдавал силы, время и знания. Впоследствии, осенью 1941 г., он стал директором по снабжению и оставался на этом посту до конца.
- 3) Одним из результатов деятельности полковника Дейвиса в качестве личного помощника стал весьма дальновидный доклад об учебной подготовке³, в котором была сформулирована программа для будущих школ, в дальнейшем не потребовалось вносить никаких основательных изменений. Отделом учебной подготовки, созданным после этого доклада, на первых порах руководил подполковник Дж.С. Уилсон, опытный сотрудник полиции Индии, а затем ведущий специалист в Организации бойскаутов. Позже он возглавлял в УСО Скандинавский отдел.
- 4) Полковника Габбинса (ныне бригадный генерал) 18 ноября 1940 г.⁴ освободили от руководства Вспомогательными формированиями по партизанской войне в Англии, и он вернулся в организацию. Сначала он работал в MI(R), где превосходно себя проявил, позже также усиленно работал в УСО. Он оставил за собой старый, оставшийся еще от времен D/M код «М» и отвечал как за учебную подготовку, так и за осуществление операций, спланированных и подготовленных региональными отделами: схе-

* [Дж.Ф. Веннер, 1902—1955 гг., бухгалтер.]

¹ См. письмо CD к Джеббу, № 92, без даты; Архив УСО, папка (AD/S.1) F/138, параграфы 12 и 13.

² Об этом четко заявлено в подписанной CD «Ведомственной инструкции об организации руководства» от 22 марта 1941 г., копия в папке 2/340/3.1 Архива УСО.

³ Датирован 12 октября 1940 г., копия в папке 1/270/02 Архива УСО.

⁴ Лондонский «Журнал войны», т. 1, с.31, 54.

ма довольно неуклюжая, поскольку, по сути, это означало, что «М» становился «генеральным директором» региональных отделов, если дело касалось операций, организуемых из Великобритании, но при этом не имел возможности контролировать политические аспекты работы тех же отделов. Схема выглядела еще более запутанной, поскольку Габбинс единолично нес ответственность за Польшу и Чехословакию — две страны, входившие в сферу деятельности MI(R)¹.

- 5) В октябре 1940 г. (после неудавшейся попытки² сохранить за собой помещения на Сент-Джеймс-стрит) организация переехала в дом 64 по Бейкер-стрит и приняла маскировочное название «Межведомственное исследовательское бюро»³. По мере расширения Центра ему постепенно передавались и другие помещения в том же районе.

Таковы основные параметры организации к весне 1941 г., на основе которых была достигнута некоторая стабильность. В остальном положение все еще оставалось довольно зыбким:

- 1) Чтобы в помощь главе организации подготовить хорошо функционирующий аппарат, не годилась какая-либо одна формула, поскольку многое зависит от личности руководителя. Потому нет смысла разбираться в различных решениях, принимавшихся в то время в УСО. На данном этапе положение было особенно неудовлетворительным, поскольку отдел разведки и планирования, руководил которым полковник Анструсер, еще не избавился от путаницы, существовавшей при создании бюро. Теоретически роль отдела определена в параграфе 8 «Памятной записки об УСО», представленной Объединенным комитетом по планированию 26 марта 1941 г. При оценке того или иного проекта анализируется его пригодность для SO2, а также возможность его осуществления; решение принимается после консультации с конкретным региональным отделом. Только после этого проект передается в отдел разведки и планирования для подготовки заключения, за которое

¹ Положение об отделе М по состоянию на февраль 1941 г.; в папке 2/340/3.1 Архива УСО.

² 5-е заседание Совета SO 3 октября 1940 г.; копия в Архиве УСО, папка (AD/S.1)103a'.

³ 7-е заседание Совета SO 10 октября 1940 г.; копия в Архиве УСО, папка (AD/S.1)103a'.

одновременно несет ответственность отдел учебной подготовки и операций бригадного генерала Габбинса. Это делает «плановиков» не очень-то значимой фигурой в функциональном отношении, и в июле 1941 г. принимается более здравое решение: «разведка» отделяется от «планирования», и бригадный генерал авиации Бойль (до того директор разведки в министерстве авиации) берет на себя — наряду с другими обязанностями — ответственность за разведку. Планирование после этого прошло череду превратностей: вначале это «штабной» аппарат, приданный лично СД, потом, по сути, отдел по связи с Комитетом начальников штабов и Объединенным комитетом по планированию. Лишь на этой последней стадии была достигнута некоторая стабильность.

- 2) До назначения бригадного генерала авиации Бойля не было директора по кадрам: Бойль взял на себя эти функции дополнительно к руководству отделом разведки.
- 3) «Административный» отдел во главе с майором Дж. Кортолом существовал с самого начала. Однако занимался он в основном рутинными делами, в вопросах же более крупных каждому директорату, каждой резидентуре или отделу приходилось заботиться о себе самим: если помощи от Управления не поступало, отдел по своей инициативе искал помощь вне его. В целом подобная метода поначалу обеспечивала быстрое и качественное снабжение: любой сотрудник УСО, как правило, мог потребовать первоочередного внимания к любым своим запросам. Однако в дальнейшем это привело к путанице, нетерпимой в крупной организации, и давным-давно назревшее назначение директора по организации состоялось в ноябре 1943 г. — на эту должность был назначен м-р М.П. Мюррей, в то время помощник министра авиации.
- 4) Стоит также отметить, что, за исключением немногих кадровых офицеров, штаты в целом не были профессиональными, а потому организация оказалась вовсе лишена малой «бюрократии» государственного учреждения, которая обычно в рабочем порядке переходила в другие министерства (ибо таковым, по сути, являлось УСО). Не было центральной регистратуры с обычными ее производными в виде архива и библиотеки, не было централизованной системы хранения документации, не было централизованных служб

для решения повседневных кадровых вопросов или вопросов размещения. Это вызывает ныне недовольство у историков, поскольку документация велась каждым отделом самостоятельно, а потому невозможно отыскать сколько-нибудь полный набор обычных свидетельств, касающихся организации и обязанностей, назначений, перемещений и тому подобного, нет даже полных документированных материалов, дающих представление о политике Управления. Этому есть объективные оправдания — например, сохранение государственной тайны. Однако отсутствие малых форм «бюрократизма» имело негативные последствия, когда организация выросла и окончательно сформировалась.

Схема организации SO2 дается в Приложении В и относится к марту или апрелю 1941 г. Мало что можно сказать о ее влиянии на распределение функций в крупном учреждении, и все же практика оказалась немногим лучше теории. «Старожилы» организации образовали довольно немногочисленную и компактную группу, официально заявленную как исполнительный совет (название его менялось на разных этапах).

С самого начала старый Межведомственный совет по планированию, по сути, продолжал работать как Совет D (или Совет SO)¹, куда входили представители директора совместных операций, SO1 и СИС, а также офицеры связи трех родов вооруженных сил и ведущие сотрудники SO2. Первое его заседание² состоялось 30 августа 1940 г., и у нас есть возможность по документам проследить за работой Совета до двадцать пятого заседания, состоявшегося 27 февраля 1941 г.³ Неизвестно, был ли он в дальнейшем официально распущен, однако нет сомнений, что Совет сделался слишком большим и аморфным органом и погряз в «межведомственной координации».

Деятельным органом стал отныне Комитет глав служб, утвержденный как Исполнительный комитет SO2 5 декабря 1940 г. С ноября 1941 г. он известен и как Совет директоров, а после февраля 1942 г. просто как Совет УСО, который собирался на заседания в меняющемся составе раз или два в неделю до послед-

¹ В отношении этого названия см. протоколы 7-го заседания Совета (параграф 1), датированные 10 октября 1940 г.; Архив УСО, папка 1/360/3.

² См. письмо от СЕО полковнику Гранду, исх. 0/1106/26 от 26 августа 1940 г.; Архив УСО, папка 1/360/3.

³ Архив УСО, папка (AD/S.1)103a'.

них дней существования УСО. То был в истинном смысле Директорат УСО — корпоративный орган опытных лиц, хотя формально вся ответственность лежала единолично на CD. Совет не был руководящим органом УСО: цепочка подчиненности и ответственности тянулась от министра через CD к директорам и их службам. Однако все крупные вопросы организации и политики (не обязательно операций) им рассматривались и через него объявлялось «корпоративное мнение» Управления.

2. Выработка политики

В каком-то смысле на том этапе утверждение политики было делом второстепенным, поскольку еще не существовало инструмента, с помощью которого ее следовало осуществлять. Тем не менее первые попытки выяснить роль УСО имеют не только научный интерес.

Свидетельства такой попытки обнаруживаются в документе м-ра Дальтона от 19 августа¹, озаглавленном «Четвертая сила», — он обсуждался заместителями начальников штабов 21 августа. Большая часть документа посвящена вопросам организации и связи, однако в начале его излагаются некоторые важные общие принципы. Приведем здесь отрывки из этого документа:

«Немцы показали, что успеха в войне можно в значительной мере достичь «разложением», — я имею в виду не только пропаганду, но и подрывные действия в самом широком смысле... Подрывная деятельность, полагаю я, является необходимым элементом любой широкомасштабной наступательной акции — *per contra*, от нее мало или вообще нет пользы, когда основой стратегии является оборона... По правде говоря, мне кажется, что подобные соображения ныне вполне очевидны...»

«По заключению Комитета начальников штабов, если мы намерены победить в войне, то должны — на каком-то этапе — перейти к наступательным действиям в континентальной Европе. Подготовка такого наступления, естественно, является прерогативой военного руководства, однако ему можно оказать весьма ощутимую поддержку, если *в настоящее время* спланировать подрывную деятельность в самом широком масштабе».

¹ Приложение I к тексту, разосланному в октябре 1940 г. Архив УСО, папка 1/470/1.

«В последние две недели я... пришел к определенным выводам. Один из них тот, что точный подбор людей куда более важен, чем создание надлежащего механизма. Второй вывод: я сумею добиться немногого, а то и вообще ничего без сотрудничества с командующими боевыми родами войск... Третий вывод: для успешных действий нам совершенно необходимо быть включенными в общую структуру какого-либо стратегического плана. У меня нет собственного представления о стратегии, и я, разумеется, не стану пытаться составить таковое. Однако ясно, что мне должны указать, чего *не делать*, точно так же как и — в широких пределах — что мне *следует делать*... Последний мой вывод: ни один из боевых родов войск не может заниматься «разложением». Из этого следует, что службы, ведущие подрывную деятельность, — это еще один самостоятельный род вооруженных сил».

Заместители начальников штабов сообщили, что они «пришли к общему мнению в отношении организации, о которой говорится в документе м-ра Дальтона», и детально обсуждали только вопрос об офицерах связи родов войск в Совете Д. Они не были согласны с положениями м-ра Дальтона, в особенности с его заявлением, что подрывная деятельность является, по сути, «четвертой силой». Сам м-р Дальтон не очень-то на том настаивал: он не требовал для своей организации доли в стратегических решениях (было бы смешно требовать такое для организации, которая не существовала даже на бумаге) и не претендовал на монополию в области пропаганды, оставив ее в значительной мере во владении министерства информации. Однако обойти логику трудно. Справедливо утверждение, что подрывная деятельность в самом широком понимании есть одна из основных сил в современной войне и она не может осуществляться как некая побочная функция одним из родов войск. Из чего должно следовать, что тот, кто командует «разложением», может претендовать на статус, равный статусу начальника штаба любого рода войск, а с его подчиненными следует консультироваться при разработке стратегического плана.

На практике эта логика прослеживалась не столь четко. Прежде всего УСО так и не обрело всеобъемлющего контроля за подрывной деятельностью. Позже, когда Управление организационно окрепло, его претензии называться «четвертой силой» возросли и воспринимались уже естественно, однако к тому времени пропаганда всецело оказалась вне поля деятельности УСО, а Фо-

рин-офис вновь контролировал политическую сторону его работы. УСО поручались лишь организация диверсий и подготовка партизанской войны — задачи очень важные, но несопоставимые с задачами любого их трех боевых родов войск. А потому не может быть и речи о равенстве статусов. Вторая трудность порождена теоретическими обоснованиями, но имела практические последствия. Положение о Комитете начальников штабов (КНШ) как специальном консультативном комитете зиждется на представлении, что существует четкое разделение функций между объектами стратегии и органами, занимающимися ее осуществлением: первым занимается политический Кабинет министров, вторым — Комитет начальников штабов. Это разделение в современной войне нелегко поддерживать, однако такова жизненно-спасительная нить, которой они должны держаться: если она рвется, то солдат становится политиком, а политик солдатом — рушатся все профессиональные основы.

Однако почти невозможно провести такое разделение внутри подрывной службы, в полном смысле слова ответственной и за политику, и за боевую деятельность отрядов Сопrotивления, прорастающего на почве, подготовленной пропагандой. Политика в этом смысле связана с целями войны, а не со стратегией войны: она должна предусмотреть вопросы, которые следует решать «после войны». Должны ли мы укреплять левых, правых или центристов? Отвечает ли нашей политике такое положение, когда во враждебной стране царит идеологический и политический хаос? Если для нас неприемлем политический нигилизм Гитлера, направленный против всякой страны, кроме его собственной (в конечном счете распространившийся и на Германию), эти вопросы должны решаться высшей политической властью, ибо они выходят за рамки деятельности даже министерства иностранных дел. К тому же «специальные консультации» реорганизованного Комитета начальников штабов мало способствуют разрешению такого рода дел.

Вопросы эти затронуты здесь потому, что касаются сложных проблем, иллюстрацией которых служит вся история УСО. В данный момент нас интересуют практические задачи осени 1940 г., обсуждаемые на фоне Битвы за Англию и первого из зимних «блицкригов» 1940—1941 гг.

Некоторые политические аспекты обнаруживаются в отчетах м-ра Дальтона м-ру Эттли (16 августа) и премьер-министру (2 сентября), однако эти документы в основном посвящены органи-

зационным вопросам, и потребовалось некоторое время, чтобы точнее сформулировать политические задачи для представления документа Комитету начальников штабов. На подготовительном этапе основными «поставщиками информации» стали:

- а) майор Тейлор — документ «Функции отдела D», представленный им в D A/D и датированный 23 августа¹;
- б) бригадный генерал ван Катсем (директор разведки в Бюро) — документ «Подрывная деятельность против Германии и Италии», датированный 14 сентября²;
- в) сэр Фрэнк Нельсон — первый отчет о деятельности отдела D, датированный 23 сентября 1940 г.³;
- г) м-р Джебб — документ «Подрывная деятельность: описание механизма специальных операций и некоторые предложения по будущей политике», датированный 5 октября⁴.

Со всеми этими материалами следовало ознакомиться в связи с планом КНШ⁵ о будущей стратегии, датированным 4 сентября и одобренным Военным кабинетом 30 сентября. К нему есть также Приложение — о возможностях восстания в оккупированной Европе, — подготовленное на основе документов, предоставленных MI(R)⁶. В нем обсуждались и вопросы, касающиеся «подрывных действий». Кратко изложить этот текст трудно, его стоит процитировать целиком, чтобы показать, насколько серьезнее стало отношение к подрывной деятельности после того, как прошло первое потрясение после краха Франции.

Извлечение из COS(40)683 от 4 сентября, пункты 195—199

195. Анализ состояния готовности и способности народов вражеских стран и населения зависимых стран подняться на восстание (пункты 51—57), показывает, что, за исключением Польши и Чехословакии, ни одна страна не сумеет, опираясь на

¹ Оригинал в папке 1/470/1 Архива УСО.

² Приложение III к тексту м-ра Джебба от октября 1940 г.; копия в папке 1/470/1 Архива УСО.

³ Оригинал в папке (AD/S.1) HD138 Архива УСО.

⁴ Печатный текст в папке 1/470/1 Архива УСО.

⁵ COS(40)683 от 4 сентября, а также WP(40)362 от 4 сентября, одобренные Военным кабинетом 30 сентября. WM(40)262-е заседание.

⁶ ОКР 198, 199, 200 от 25 июля; копии в папке 1/470/1 Архива УСО. [Документ MI(R) имеется в книге Дэвида Стаффорда «Британия и европейское Сопrotивление в 1940—1945 годах» (1980), включенный в Приложение как Документ 1.]

собственные ресурсы, поднять народ на выступление значительного размаха. Тем не менее стимуляция к подрывным действиям, уже латентно существующих в большинстве стран, может стать фактором, способствующим поражению Германии. Применение таких средств вынудит противника увеличить свои оккупационные войска и отвлечь часть ресурсов, предназначенных для ведения наступательных операций где бы то ни было. Общее восстание, совпадающее с крупными операциями наших сил, может в конечном счете способствовать разгрому противника.

196. Подрывные действия надлежит рассматривать как сугубо вспомогательное направление деятельности и согласовывать с регулярными операциями, предпринимаемыми по нашему стратегическому плану.

197. Цели подрывных операций таковы:

- а) диверсии на ключевых предприятиях и коммуникациях, уничтожение важных грузов и нефтепродуктов для подкрепления результатов блокады и воздушных нападений;
- б) сковывание и растягивание насколько возможно сил противника, дабы вынудить его растрачивать свои военные ресурсы;
- в) подготовка необходимых условий для общего восстания населения зависимых стран, чтобы оно началось синхронно с нашим окончательным военным нажимом на Германию и Италию или совпадало с наземными операциями на любом театре войны.

198. Успех в этом направлении потребует тщательного планирования и четкой организации. Для организации успешных восстаний на оккупированных немцами территориях необходимы следующие условия:

- а) надлежащая подготовка необходимых материалов, информирование и физическое присутствие — для поддержки восстаний. Оказание этой поддержки необходимо и не вызывает сомнений;
- б) тщательно подготовленный план пропагандистских мероприятий;
- в) ясная политика относительно экономического и политического будущего Европы.

199. Важно действовать так, чтобы не допустить стихийных вспышек подрывных акций в отдельных районах, готовых к восстанию. В ближайшем будущем нельзя ожидать сколько-нибудь значимых результатов, и нам следует организовать эти действия в больших масштабах, чтобы они набрали полную силу, соотно-

сясь с регулярными операциями, предпринимаемыми по стратегическому плану. В это время нам следует принять меры, чтобы заручиться помощью отдельных лиц и небольших групп для проведения диверсий и для поддержки нашей деятельности по изматыванию противника.

Есть значительная разница между этими высказываниями и более ранними, июньских дней, оценками подрывной деятельности, когда она приравнивалась к военно-морским и военно-воздушным силам. На сей раз более осторожно и более объективно оцениваются трудности и возможности восстания, значение его сводится до уровня «ценного способствующего фактора», который «может в конечном счете способствовать разгрому противника». Теперь в качестве действенного средства рассматривалось американское участие в войне, а не европейский бунт. Позиция американцев с июня сильно продвинулась: сделка «мы вам истребители с эсминцами — вы нам базы» была заключена 3 сентября 1940 г., и теперь США выскребывали все до доньшка в поисках оружия для Британии. Дела, следовательно, обстояли не так уж и плохо, как казалось тем, кто включил в документ пункт 207: «Мы считаем, что действенная военная вовлеченность Соединенных Штатов стала крайне необходимой для успешного ведения и завершения войны. Без этого трудно понять, как и когда мы сумеем перейти от жесткой обороны к решительному наступлению».

Еще одним важным документом является акт о приемке CD того, что им унаследовано, который достаточно подробно иллюстрирует возможности подрывной деятельности. Значительная часть документа выглядит так:

Страна	Количество агентов в стране	Примечания
США	3	[ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ]
Южная Америка	нет	
Ирландия (Эйре)	нет	
Норвегия	нет	(подготовка 6 или 8 норвежцев)
Швеция	нет	(два агента отдела D в тюрьме)

Страна	Количество агентов в стране	Примечания
Финляндия	нет	(за исключением человека, пытавшегося купить судно «Улео», — см. ранее, с.36)
Голландия	нет	
Бельгия	нет	
Франция	нет	(есть возможность возобновить контакт с Пятым бюро в Лиссабоне)
Швейцария	нет	
Португалия	нет	
Испания	нет	
Французская Африка	нет	
Италия	нет	(за исключением словенцев-ирредентистов в Истрии)
Польша	нет	(сфера действия MI(R), как и Чехословакия)
Венгрия	3	[ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ]
Югославия	9 британцев, 3 серба	(определенно лучшая из наших организаций)
Румыния	7 британцев	
Болгария	нет	(запрет посланника Его Величества)
Греция	7	
Турция	6	(штаб-квартира Балканской организации)
Ближний Восток	неясно	(контроль отдан в руки главнокомандующего на Ближнем Востоке)
Россия и Дальний Восток	нет	

Эти данные говорят сами за себя.

Бригадный генерал ван Катсем сделал очень основательный технический анализ того, что могло быть подвергнуто диверсии,

однако он, судя по всему, был в полном неведении относительно истинного положения дел, не имея данных, приведенных выше: два года потребуется на то, чтобы направить его предложения в русло практических действий. Документ майора Тейлора, с другой стороны, был предназначен решать насущные проблемы организации, и на стадии становления SO2 особые его предложения были довольно важны. Они содержали детали, о которых нет нужды здесь сообщать, но некоторые составляющие его документа довольно значимы:

- «а) Необходимо проводить различие между «отрядом специальных проектов» и «полевым отрядом». Для первых отбирают «крепчайшей» всех национальностей, которых обучают и держат в готовности для совершения кровавых и стремительных рейдов еще более нерегулярного свойства, чем совместные операции. Командовать ими будет первоклассный британский командир. Такие отряды должны проводить диверсии до тех пор, пока не будут созданы полевые отряды. Следовательно, в настоящее время необходимы именно спецотряды, которым и в дальнейшем предстоит сыграть достойную роль.
- б) Полевые отряды, с другой стороны, должны состоять из местных жителей, вовлеченных в организации, созданные в оккупированных странах. Не будет преувеличением считать, что в осуществлении подрывной работы мы почти всецело зависим от поддержки местных подпольных организаций... Цель наша, следовательно, состоит в том, чтобы создать агентурную сеть. Эти агенты вступят во взаимодействие со всеми организациями (по большей части — подпольными), которые готовы работать против общего врага... Конечной целью этой работы должна видеться Европа, поднимающаяся против германского господства в тот момент, когда станет ясно, что немецкая армия утрачивает контроль над континентом.
- в) С моей точки зрения, данные полевые организации на Балканах [в то время еще не оккупированных. — У.М.] станут все меньше уделять внимания прямым диверсионным проектам и все больше развивать связи с антигерманскими организациями в разных странах... а также готовить и руководить их действиями».

Документ м-ра Джебба по большей части представлял собой выжимку из предыдущих документов в форме, пригодной для

внешнего распространения. Однако стоит отметить, что он никоим образом не скрывал истинного положения вещей: «В настоящее время и, возможно, в течение некоторого времени в будущем мы попросту не в силах осуществить хоть какую-нибудь крупную диверсионную операцию в Западной Европе»¹... или вообще что-либо сделать в этих районах, кроме отправки туда в случае оказания человека, главная цель которого — сбор разведывательных данных по нашему образцу». Привнести нечто новое эти данные могут только в политическом отношении. Мистер Джебб делал ставку на Европу, которая под водительством Британии и США постепенно осознает собственное единство, единство истории и интересов. Однако, писал он, «в настоящее время, когда дух Европы, ее сознание и разум едва не сломлены, реальное значение приобретает просто Сила: Сила и способность дать народу хлеб... Конечно же нельзя возражать против использования нами любого конкретного лозунга в любое время и в любом месте, какие покажутся желательными. Возможно, в некоторых странах нам станет выгодно одновременно поощрять как правых, так и левых». Это направление деятельности никогда — ни тогда, ни позже — не получало официального одобрения высших кругов, однако его с разумной последовательностью придерживались в работе: порой ради достижения ближайших практических целей, порой для того, чтобы избежать проблем, которые иначе казались неразрешимыми. Была ли это — с моральной либо практической стороны — наилучшая политика, вопрос спорный.

Вопросы же, имевшие касательство к пропагандистской деятельности, рассматривались отдельно — через SO1, и обсуждения, в которых принимал участие министр, привели через Объединенный комитет по планированию к Комитету начальников штабов и — в конечном счете — к одобрению Военным кабинетом документа о политике в области пропаганды, подготовленного совместно министерством информации, министерством экономической войны и Комитетом начальников штабов². Мало что из этих материалов прямо касалось SO2, однако уже упоминавшиеся документы SO2 стали основой новой директивы по насильственной подрывной деятельности. В начале ноября над этим работал ОКП, советуясь с м-ром Бродом и

¹ Подчеркнуто в оригинале.

² Исх. COS(40)858(JP) от 23 октября; COS(40)375-е засед., пункт 1, от 5 ноября; WP(40)444 от 15 ноября и WM(40)292-е заседание от 20 ноября.

бригадным генералом ван Катсемом. Пока шла подготовка¹, сэр Фрэнк Нельсон посетил заседание Комитета начальников штабов 12 ноября² и представил общий обзор положения дел в его организации. Документ КНШ «Подрывные действия как часть общей стратегии», который появился на свет после этого заседания, представлял собой формальную директиву для SO2 на первой стадии ее деятельности. Начальники штабов проявили довольно необычный энтузиазм в отношении подрывной деятельности: «Мы хорошо сознаем необходимость и даже решающую роль, которую подрывные действия могут сыграть в нашей стратегии... Нам понятно: если предстоит использовать подрывные действия в полной мере, то их надлежит планировать всесторонне и в полном объеме. Фактически наша цель состоит в том, чтобы заложить основу подрывных действий и находиться в готовности действовать во всех районах, где это понадобится. Если судьба войны потребует решительных действий, почва для них должна быть подготовлена заранее». Предложенная при этом конкретная программа соответствует заявленным предложениям: перечень действий можно представить по отдельным выдержкам:

Приоритет 1. Моральный дух населения Италии.

Железнодорожное сообщение между Италией и Швейцарией³.

Коммуникации и снабжение войск противника во Франции, Бельгии и Голландии.

Коммуникации из Румынии в Германию и Италию.

Коммуникации противника на Ближнем Востоке и нефть.

Подготовка к уничтожению коммуникаций в Югославии и Болгарии.

То же — в Испании и Португалии.

Подготовка к совместным действиям с нашими войсками на островах Атлантики, в Танжере, на Балеарских островах, в Испанском Марокко и на юге Испании.

¹ Как документа JP(40)631(S).

² COS(40)386-е заседание, пункт 2, от 12 ноября.

³ Документ на эту тему был представлен КНШ (т.е. COS(40)90 от 28 сентября) и рассмотрен на COS(40)345-м заседании, пункт 1, от 11 октября. В папке (AD/S.1) SC48.2 Архива УСО есть ссылка.

Морские перевозки противника в нейтральных портах.

Приоритет 2. Подготовка к совместным действиям с нашими войсками в Тунисе, на Сицилии, Сардинии и на юге Италии.

Приоритет 3. Такая же подготовка на юге Норвегии, в Бретани, в районе Шербурга и Бордо.
То же — в Голландии и Бельгии.

Трудно решить, была ли служба SO2 не права, согласившись с подобной директивой. Она никак не учитывала скудость имевшихся ресурсов, что признавалось открыто, и склоняла к завышенным обязательствам, которые пришлось бы брать в дальнейшем. Однако в стратегическом отношении программа довольно здравая (что показали поздние события), и ни одна организация не в силах отказаться принять власть и ответственность, предлагаемые ей в качестве задачи, в какую сама организация свято верит.

Первая стадия выработки политики, наверное, точнее всего отражена в письме¹, которое премьер-министр направил м-ру Дальтону 20 января 1941 г., ознакомившись с отчетом министра. В частности, он писал: «Прошу вас и дальше настойчиво продвигать любой подходящий план нанесения урона врагу в его собственной стране или на оккупированных им территориях. Если же вы столкнетесь с противодействием ваших коллег в отношении особого плана, в успехе которого твердо убеждены, буду всегда готов уделить делу внимание и вынести собственное о нем суждение... Деятельность на местах... и организация на оккупированных территориях пассивного сопротивления врагу способны нарушить вражеские планы... После заседания по вопросам обороны² в прошлый понедельник вам даны полномочия срочно провести акцию, которая помешает поставке румынской нефти в Германию. Если вам требуется санкция на осуществление других крупных планов в любом другом месте, всегда готов рассмотреть их».

При такой поддержке у SO2 появились дополнительные основания ощущать собственную значимость, подкрепленные убежденностью, что прочие ведомства погружены в мешающую делу летаргию.

¹ DO(41)3-е заседание 13 января. В Протоколах данного пункта нет.

² DO(41)3-е заседание 13 января. В Протоколах этого пункта нет.

3. Межведомственные отношения

Эти споры о политике выявили еще одну проблему: разделение сфер деятельности между УСО и другими ведомствами, необходимость поиска эффективных способов межведомственного сотрудничества.

Что касается Комитета начальников штабов и департаментов секретных служб, то проблема решалась — во всяком случае, в Лондоне — на основе взаимопомощи, а не соперничества. Принципы были довольно просты и сложились почти сразу: противоречий и споров по деталям операций хватало, но основа системы являлась общей и никогда не нарушалась.

Основные принципы таковы:

- а) советники, или офицеры связи, назначаются ведомствами секретных служб, чтобы работать внутри УСО;
- б) эти представители становятся полноправными членами «внутреннего совета» УСО, обладают доступом ко всем фактическим материалам и получают право высказывать свое мнение на ранней стадии разработки планов.
- в) имелась и обратная норма в этих установлениях: сам СД или кто-то из офицеров по его поручению получали возможность участвовать в заседаниях Объединенного комитета по планированию и Объединенного комитета по разведке при обсуждении вопросов, касавшихся Управления, и получать полную информацию об общей стратегической ситуации, а также о подготовке конкретных операций. При необходимости СД приглашался Комитетом начальников штабов на обсуждение вопросов, имеющих отношение к деятельности УСО. Порой УСО заходило настолько далеко, что требовало равного участия во всей работе Комитета начальников штабов и его подкомитетов, однако это никогда не простиралось в область практической политики. К тому же между руководителями УСО и КНШ сложились добрые личные отношения.

Имел, впрочем, место один особый случай, который мог привести к «спорам о границах» полномочий с секретными службами. Речь идет о директоре совместных операций адмирале флота сэре Роджере Кайсе*, именно с ним м-р Дальтон

* [Р.Дж.Б. Кайс, 1872—1945 гг., герой морских битв, сражался в Дарданеллах в 1915 г., введен в рыцарское достоинство в 1918 г. после рейда в Зебрюгге, член парламента — консерватор — в 1934—1943 гг., барон с 1943 г.; в НБС.]

вступил в дискуссию 20 июля 1940 г. Сфера действий директора совместных операций была обозначена неточно, потенциально она не имела границ. И будь директором другой человек, могли возникнуть трудности. Однако для сэра Роджера подрывная война была последней в ряду дел, за какие он с готовностью бы взялся, во всяком случае, его более всего занимали проекты, далеко выходящие за границы влияния УСО¹. В декабре 1940 г. было достигнуто весьма неопределенное, но вполне дружественное соглашение². Самое четкое положение, закрепленное в нем, гласило, что рейды УСО будут, как правило, проводиться отрядами из пятидесяти и более британских военнослужащих, которые после операции выводятся обратно, в то время как операции SO2 осуществляются по преимуществу группами не более тридцати человек, обычно иностранцев, способных «слиться с местным ландшафтом». Это соглашение касалось и неофициального взаимодействия в учебной подготовке, разведке, оснащении и так далее. В этот период член парламента капитан 1 ранга Флетчер в качестве представителя директора совместных операций вошел в Совет SO, однако в феврале 1941 г. этот Совет исчез, и некоторое время не оставалось никакой формальной связи³.

Позже возникло много трудностей из-за министерства иностранных дел, однако поначалу оно не выказывало беспокойства сложившимся положением. Само министерство с готовностью участвовало в создании УСО: правой рукой м-ра Дальтона (а он был заместителем министра иностранных дел) назначили бывшего постоянного заместителя министра сэра Роберта Ванситарта, который по-прежнему работал в Форин-офис и главные помощники которого в SO1 и SO2 также работали в штате министерства иностранных дел. Как представлялось, это обеспечивало надежный и прочный контроль, потому поначалу не предпринималось попыток создать формальный механизм взаимодействия.

СИС также не возражало против создания УСО, однако КСС согласие дал только потому, что ошибочно полагал, будто он

¹ Параграф 5 Документа м-ра Дальтона от 19 августа 1940 г.

² PA/XX/95 от 14 декабря; копия в папке (AD/S.1) SC/75 Архива УСО. См. также отчет о встрече между полковником Дейвисом и капитаном 2 ранга Ноксом 16 декабря (та же папка).

³ Подробнее см. ниже пункт «в» раздела 3 главы XV.

сохранит административный контроль над отделом D¹. «К» столкнулся со многими трудностями, когда стало ясно, что окончательный разрыв неизбежен. Впрочем, сэру Фрэнку Нельсону СИСовская сторона дела была знакома, и первое соглашение² без особых хлопот было подписано 15 сентября 1940 г. Соглашение закрепляло такое положение: «D», имеющему близкие и давние связи с «К» на практической основе, для успешного ведения дел и дальше необходимо дружески сотрудничать с «К»; были выработаны и правила взаимодействия в отношении проектов, транспорта, видов связи, сфер интересов и вербовки агентов. По первым двум пунктам (проекты, транспорт) правил в случае возникновения споров о приоритете следовало обращаться за решением к «вышестоящему руководству» (фактически не было более вышестоящего руководства, чем Комитет начальников штабов и Комитет обороны Военного кабинета). В остальных же трех пунктах «D» (т.е. SO2) был строго ограничен: радиотелеграфное сообщение должно осуществляться через «К», который волен отказать в нем; любые разведанные, собранные «D», необходимо передавать «К» до их распространения даже внутри «D»; «D» может самостоятельно приступить к вербовке агентов, но не может продвигаться дальше без согласия «К». С точки зрения КСС, ратовавшего за единую, централизованную Секретную службу, эти ограничения были вполне разумны и способствовали надежному управлению, надежной безопасности и надежной разведке, однако, как выяснилось на практике, они никак не стыковались с разрешением наращивать деятельность, каковое Военный кабинет уже выдал УСО. Особой остроты спор достиг в начале 1942 г. и тогда же был частично разрешен, и все же определенная несовместимость сохранялась.

SO2 с самого начала вступила в борьбу за сохранение независимости от власти СИС, она стремилась к централизации в отличие от SO1, которой вскоре захотелось иметь своих представителей за границей и самой направлять агентов «в поле» — для проведения пропагандистских мероприятий и выявления их

¹ См. памятную записку, написанную капитаном 1 ранга Арнольд-Форстером после заседания Совета D 30 августа 1940 г., а также письмо КСС от 4 сентября 1940 г. — оба документа в папке 1/460/1 Архива УСО.

² Отпечатано в качестве Приложения II к Документу м-ра Джебба о подрывной деятельности от 5 октября 1940 г.; Архив УСО, папка 1/470/1, см. также папку 1/470/14.

действенности. Первоначально считалось, что все операции за пределами Англии являются делом SO2¹ (в поздней ипостаси — УПВ), которая упорно боролась и в результате отвоевала право создавать собственные отделения на дружественных территориях за границей, однако Управлению политической войны так и не позволили создать третью Секретную службу (четвертую, если включить MI9)*, хотя многие агенты, подготовленные совместно УСО и УПВ, направлялись «в поле» по линии УСО для выполнения заданий, предписанных УПВ.

Этот «пограничный» спор усиливался разногласиями между SO1 и министерством информации — ведомством, которое подверглось многим испытаниям в первый год войны и теперь (под руководством Даффа Купера) стремилось вернуть себе кое-какое влияние и уважение. Разногласия касались руководства подрывной пропагандой, а не операциями, следовательно, не имели отношения к конкретной деятельности УСО. Однако некоторое представление о них следует иметь, чтобы лучше понять крах первоначального замысла о совместных пропагандистских и подрывных операциях в качестве единого средства борьбы в войне. Потому уместно говорить об этом здесь, хотя это несколько смещает временные рамки повествования.

Приглашение к дискуссии было сделано в записке², направленной Даффом Купером 18 июля 1940 г. премьер-министру, лорду-президенту Тайного совета, министру иностранных дел и м-ру Дальтону. В этом документе министр подвергал нападкам старую организацию с административных позиций, а также за отсутствие логики при разделении объектов влияния: пропагандой на противника и оккупированные страны (Электра-хауз) и пропагандой на неоккупированные страны (министерство информации). М-р Купер предлагал:

- а) проводить различие не между оккупированными и неоккупированными странами, а между европейскими и неевропейскими территориями; всю пропагандистскую деятельность Электра-хауз надлежит проводить совмест-

¹ Записка старшего исполнительного офицера (SEO) м-ру Липеру, исх. 0/26 от 21 декабря 1940 г.; копия в папке 1/270/3 Архива УСО.

* [Фактически в военное время имелось девять британских секретных служб: Вспомогательные формирования, Службы безопасности (контрразведки), разведки и дешифровки, Служба радиобезопасности, Служба спасения, УСО, УПВ и Служба дезинформации противника.]

² Папка (AD/S.1) CD/I.10/2a Архива УСО.

но с Департаментом внешней политики министерства информации, который должен возглавить высокопоставленный дипломат;

- б) всю открытую пропаганду, например, листовками или по радио, надлежит оставить (sic!) в ведении министерства информации.

Вывод был таков: министерству информации следует предоставить монополию (под руководством министерства иностранных дел) на ведение пропагандистских мероприятий, а новому УСО стать его агентом в ограниченной роли распространителя информации через «черные» каналы. Совет идею «министерства разложения» поддержал, однако решение, принятое в WP(40)271, было поставлено под сомнение еще до того, как его формально задокументировали. Распоряжение, содержащееся в этом документе, о том, что УСО надлежит «координировать всю деятельность, осуществляемую посредством разложения и диверсий против врага за границей», на первый взгляд сформулировано гладко, однако понятие «разложение» не разъясняется, а в одном из последних абзацев обнаруживается лазейка — упоминание о «секретной подрывной пропаганде», что можно было истолковать так: «несекретная подрывная пропаганда» остается вне контроля м-ра Дальтона.

Поначалу разногласия сторон были разрешены на встрече м-ра Дальтона с м-ром Даффом Купером 1 августа, в результате появилось соглашение¹. Изначально позиция м-ра Дальтона была, по сути, противоположна позиции м-ра Даффа Купера. УСО предстояло взять на себя единоличную ответственность за пропаганду на противника и оккупированные противником территории, в том числе на Францию и ее владения в Африке, а министерству информации предлагалось действовать по всему миру. Августовское соглашение стало безрадостным компромиссом, поскольку (как заявил позже м-р Дальтон) любому руководителю хватило бы и груза насущных задач УСО. Важное положение содержит параграф 1 этого соглашения: «С практической точки зрения лучше всего провести разграничительную линию между тем, какие действия можно обсуждать в парламенте, а какие — нельзя. М-ру

¹ См. Памятную записку м-ра Дальтона от 1 августа, его письмо от 2 августа с запиской о соглашении, переработанный вариант в письме м-ра Даффа Купера от 3 августа; письмо м-ра Дальтона от 3 августа и письма м-ра Даффа Купера от 6 и 15 августа — все в папке (AD/S.1) CD/I.10/2a Архива УСО.

Даффу Куперу надлежит контролировать первые, м-ру Дальтона — вторые. Так, государственные радиопередачи, которые могут слушать все, должны находиться по одну сторону линии, в то время как листовки и Кантри-хауз, в отношении которых, как установлено, парламент не будут информировать, должны находиться по другую сторону». И как следствие (параграф 3): «М-ру Даффу Куперу позволяется создавать в своем министерстве отделы или департаменты, работающие по всему зарубежью, а м-ру Дальтону позволяется действовать — с ведома и одобрения м-ра Даффа Купера — не только в странах противника и оккупированных им, но и на нейтральных территориях».

Уверен, что трудно изобрести, «с практической точки зрения», что-либо менее работоспособное, нежели такого рода разделение функций в области пропаганды между двумя параллельными организациями: одна — «открытая», а другая — «закрытая», и обе действуют по всему полю. Было ясно, что вскоре это приведет к дальнейшим разногласиям.

Первые признаки пересмотра позиции УСО обнаруживаются в записках от 11 и 18 октября¹, на второй из них есть резолюция министра: «Отложить до тех пор, пока D не сдвинется с места». Зондаж «на официальном уровне» не дал никаких результатов, и 18 ноября было решено создать комитет под председательством министра финансов (сэра Кингсли Вуда*), чтобы определить, «какие изменения необходимо произвести в структуре и управлении Би-би-си, дабы обеспечить эффективный контроль за ее деятельностью правительством»². Это важно, поскольку на деле открытые радиопередачи Би-би-си были для министерства информации единственным имевшимся в его распоряжении средством пропаганды на противника и на оккупированные территории, и разногласия, следовательно, касались и контроля за политикой этих радиопередач. Непосредственным результатом «битвы записок» стало назначение премьер-министром сэра Джона

¹ Одна составлена м-ром Гейтскеллом, другая не подписана (готовил м-р Липер?), обе в папке (AD/S.1) CD/I.10/2a Архива УСО. [Х.Т.Н. Гейтскелл, 1906—1963 гг., позднее заместитель Дальтона, член парламента — лейборист — с 1945 г., министр финансов в 1950—1951 гг., лидер Лейбористской партии с 1955 г.]

* [Кингсли Вуд, 1881—1943 гг., адвокат, введен в рыцарское достоинство в 1918 г., член парламента — консерватор — с 1918 г., министр авиации в 1938—1940 гг., министр финансов с мая 1940 г.; в НБС.]

² WM(40)290 пункт 4 от 18 ноября.

Андерсона (в то время лорда-президента Тайного совета)* арбитром «пограничного спора»¹, поскольку комитет Кабинета министров считал, что данный спор находится вне сферы его внимания.

Противоположные мнения можно изложить кратко. М-р Дальтон был силен² (по сути, несокрушим) в теории — «все подрывные действия должны находиться под единым контролем». Он таким контролем обладал, и «ясно, что разложение... должно включать в себя всю пропаганду, имеющую разлагающую цель». Однако практические соображения мешали ему заявить, что все пропагандистские функции нужно перевести из министерства информации в УСО, а без этого отыскать логическую развязку было нелегко. Однако даже третейское судейство сэра Джона Андерсона вряд ли могло покончить с разногласиями. М-р Дальтон предложил отдать ему в его ведение всю деятельность на территории противника и оккупированных им территориях, а также добавить к ним любую другую страну, в которой правительство Его Величества вознамерится прибегнуть к разложению, — в каждом конкретном случае министру иностранных дел предстояло определить, является ли политика правительства Его Величества «разлагающей».

М-р Дафф Купер, обосновывая свое видение проблемы, начинает тоже с широкого обобщения: «Вся пропаганда — по возможности — должна находиться в ведении одного ведомства, чтобы имелся централизованный контроль и обеспечивалось проведение последовательной политики». Это положение м-р Дальтон не мог отвергнуть, но и следовать в его русле до конца не мог. М-ру Куперу было бы легко внести путаницу при делении пропаганды на «подрывную» и «неподрывную» или территорий на «оккупированные» и «неоккупированные». Однако его документ завершается более убедительным аргументом: «Вся зарубежная пропаганда должна находиться под контролем одного ведомства. Таким ведомством может стать министерство информации или

* [Дж. Андерсон, 1882—1958 гг., управленец, введен в рыцарское достоинство в 1919 г., постоянный заместитель министра внутренних дел в 1922—1932 гг., губернатор Бенгалии в 1932—1938 гг., независимый член парламента в 1938—1950 гг., руководил внутренним фронтом за коалицию в 1940—1945 гг., министр финансов в 1943—1945 гг., советник по атомной энергетике в 1945—1948 гг., виконт Уэйверли с 1952 г.; в НБС.]

¹ Записка м-ра Дальтона от 18 декабря в папке (AD/S.1) CD/I.10/2a Архива УСО.

² Документ от 15 декабря в папке (AD/S.1) CD/I.10/2a Архива УСО.

министерство экономической войны, но если передать ее в ведение последнего, то функции министерства информации сократятся настолько, что вряд ли окажется оправданным дальнейшее существование отдельного министерства».

Как явствует из письма сэра Джона Андерсона¹ от 23 декабря, его выводы основывались на той же послышке: «Мне трудно представить дальнейшее существование министерства информации при изъятии из сферы его ответственности «открытых» радиопередач любого характера». Однако он не смог повлиять на тех, кто принимал решение, разве что сумел поддержать на какое-то время *status quo*. Между чиновниками велись беспрестанные и безрезультатные дискуссии, но дело вперед не двигалось, пока в марте 1941 г. не возникли разногласия в Комитете иностранного (союзного) Сопротивления² относительно политики в области пропаганды на Францию.

Возобновились обсуждения в Кабинете министров, и лорд-президента вновь призвали для арбитража³. 16 мая он встретился с м-ром Даффом Купером и м-ром Дальтоном, а затем изложил свои соображения в записке⁴, датированной 19 мая. Но м-р Дафф Купер заболел, и прошло некоторое время, пока появились его замечания. Перерыв оживило обсуждение небольшой «оплошности», допущенной премьер-министром 15 мая, когда он, отвечая на дополнительный запрос⁵ в Палате общин, сообщил, что на некоторые вопросы, касающиеся пропаганды, министерство экономической войны может дать информацию Палате — несмотря на четкое распоряжение Кабинета, согласно которому деятельность УСО не могла обсуждаться в парламенте.

«Решение Андерсона», которое наконец было представлено премьер-министру 4 июня⁶, лишь вновь подтвердило существование различий между «открытой» и «закрытой» пропагандой: единственное изменение состояло в том, что министерство иностранных дел наделялось весьма опосредованной ответственностью за выработку политики в области пропаганды. По сути, лорд-президент предлагал создать различные координирующие

¹ В папке (AD/S.1) CD/I.10/2a Архива УСО.

² «Комитет Мортон».

³ См. «Историю УПВ» Гарнетта, т. II, с. 67.

⁴ Архив УСО, папка (AD/S.1) CD/I.10/2a.

⁵ Отчет о заседаниях парламента, 15 мая 1941 г.

⁶ Записка сэра Джона Андерсона в папке (AD/S.1) CD/I.10/2a Архива УСО.

комитеты: от постоянного министерского комитета до рабочих комиссий по странам и группам стран. Но никто всерьез не воспринимал такого рода «координацию», и видимого результата это предложение не имело, если не считать назначения м-ра Брюса Локкарта «координатором по пропаганде» министерства иностранных дел. Вслед за «решением» почти сразу же последовал очередной «кризис министерства информации», вызванный неизбежностью дебатов в Палате общин¹. Лорд Бивербрук*, на сей раз по поручению премьер-министра, провел личное расследование, которое вызвало оживленные споры в Кабинете², однако он сразу же пришел к выводу, что «решение Андерсона» остается неизменным³, остальные разногласия к УСО не имели отношения.

Однако передышка оказалась весьма краткой, засвидетельствованы два заседания Постоянного комитета м-ра Брюса Локкарта⁴, а затем дискуссии возобновились усилиями м-ра Брендана Брэкена**, который своим назначением в министерство информации (20 июля) был обязан дебатам в Палате общин 3 июля⁵, в ходе которых никто не сказал ни одного доброго слова о наших пропагандистских службах. М-р Брэкен открыл кампанию, разослав 31 июля проект документа Кабинета министров, где предлагалось создать департамент политической войны, каковой «считать секретным органом, снабдив его офицерскими кадрами

¹ М-р Дафф Купер направил 6 июня премьер-министру записку о состоянии дел в своем министерстве; копия в папке (AD/S.1) CD/I.10/2a Архива УСО.

* [У.М. Айткен, 1879—1964 гг., канадский газетный магнат, введен в рыцарское достоинство в 1911 г., член парламента в 1910—1917 гг., лорд Бивербрук с 1917 г., министр авиационной промышленности в 1940—1941 гг., в Военном кабинете в 1940—1942 гг.; в НБС.]

² Сведения есть в WP(41)137 от 21 июня, WP(41)139 от 24 июня, WP(41)142 от 26 июня, WP(41)147 от 28 июня, WM(41)64-е заседание, пункт 7, 30 июня и WP(41)149 от 2 июля.

³ Записки от лорда Бивербрука премьер-министру от 11 июня; в папке CD/I.10/2a Архива УСО.

⁴ См. письмо от м-ра Идена м-ру Дальтону от 4 июля 1941 г., а также протоколы заседаний от 20 июля и 1 августа — все это в папке (AD/S.1) CD/P.5/23 Архива УСО.

** [Б.Р. Брэкен, 1901—1958 гг., член парламента — консерватор — в 1929—1951 гг., личный секретарь Черчилля в 1940—1941 гг., министр информации в 1941—1945 гг., виконт с 1952 г.; в НБС.]

⁵ Отчет о заседаниях парламента, 3 июля 1941 г., колонка 1529 и далее.

и секретариатом, независимыми от любого министерства», с «правом вырабатывать и устанавливать политику для любого государственного органа, имеющего отношение к политической войне» (т.е. для европейских служб Би-би-си и для SO1, равно как и для некоторых подразделений министерства информации). Курировать новый департамент предлагалось существующему министерскому комитету (министры иностранных дел, информации и экономической войны), а руководить им — Исполнительному комитету под председательством м-ра Брюса Локкарта (Би-би-си), а также включить в него бригадного генерала Брукса (министерство информации), м-ра Киркпатрика* (Би-би-си), м-ра Липера (SO1) и майора Десмонда Мортонa. Это забавным образом напоминало старый Межведомственный совет по планированию (комитет, наделенный правом стать департаментом и набрать собственный штат), но по крайней мере давало некоторую надежду на продвижение вперед: министерство информации без обиняков заявило, что оно наконец-то готово уступить часть своих функций автономному ведомству, если другие министерства поступят так же. Дело продвигалось м-ром Брэненом с необыкновенной скоростью при поддержке комитета Брюса Локкарта и под напором Палаты общин¹. 8 августа встретились министры иностранных дел, информации и экономической войны и достигли некоторого согласия². Был создан Официальный комитет во главе с Брюсом Локкартом, и 19 августа³ этот комитет представил особый план по слиянию, утвержденный Кабинетом министров на заседании 21 августа. Из-за особой позиции м-ра Дальтона⁴ Официальному комитету (теперь уже Исполнительно-

* [Сэр И.А. Киркпатрик, 1897—1964 гг., дипломат, европейский советник Би-би-си в 1941—1944 гг., введен в рыцарское достоинство в 1948 г., постоянный заместитель министра иностранных дел в 1953—1956 гг.; в НБС. См. его книгу «В узком круге» (1959).]

¹ См., например, требование капитана I ранга Кинг-Холла о заседании Департамента политической войны, отчет о заседаниях парламента 5 августа (получен отрицательный ответ) и 6 августа, колонка 1991 (в общих дебатах о войне). Вопрос этот, несомненно, обсуждался в прессе, но я этого не отслеживал.

² Письмо Идена Дальтону от 8 августа в папке (AD/S.1) CD/P.5/23 Архива УСО и прилагаемой записке. Последний документ, который был завизирован премьер-министром 19 августа по его возвращении из «Аркадии», считается основополагающей хартией УПВ.

³ В папке (AD/S.1) CD/P.5/23 Архива УСО.

⁴ Письмо Дальтона Идену от 20 августа, в папке (AD/S.1) CD/P.5/23 Архива УСО.

му комитету) было дано право начать работу немедленно. Записка, датированная 27 августа и завизированная м-ром Брэкенем и м-ром Дальтоном, содержала санкцию на подготовку «к полному слиянию штатного состава министерства информации, Би-би-си и SO1, ныне занимающегося пропагандой в зонах войны»¹.

Предложения Комитета были готовы к 1 сентября и сразу же одобрены² с поправкой, внесенной м-ром Дальтоном, по которой «все действия Управления политической войны вне Великобритании проводятся через Управление специальных операций»³.

Таким образом, SO1 пришел конец, и мы теперь займемся исключительно SO2, унаследовавшей название «УСО». Как ни печально, все это нарушало прежние принципы, и великая идея «разложения» была обречена: два независимых ведомства скрепляли лишь довольно слабые узы. Вместе с тем разделение помогло избежать болезненных срывов. Стоит напомнить, что «единогласное мнение» Исполнительного комитета «основывалось на полном знании всех фактов:

1) того, что в течение двенадцати месяцев вся сила наших пропагандистских организаций, которую следовало обратить против врага, по большей части оказалась растратчена на межведомственные интриги и раздоры;

2) того, что, придавая важное значение пропаганде, Комитет обороны настоятельно призвал покончить с прискорбным состоянием дел незамедлительно».

ГЛАВА VI

ОПЕРАЦИИ В ЮГОСЛАВИИ

В предыдущей главе мы кратко обрисовали весьма аморфное существование организации SO2, развитие которой, однако, привело к образованию УСО. Были перечислены и задачи, возложенные на нее с самого начала. Для того чтобы и дальше

¹ В той же папке.

² О создании Управления политической войны (УПВ) премьер-министр объявил 11 сентября, отвечая на запрос капитана 1 ранга Кинг-Холла.

³ Записка м-ра Джебба от 5 сентября в папке (AD/S.1) CD/P.5/23 Архива УСО. В этой записке также указывается, что старого УСО больше не существует и что это название должно перейти к SO2.

успешно исследовать эти главные темы, следует обратиться к операциям «в поле». Основные принципы, провозглашенные в Лондоне, вовсе не были ложными, но в них не было жизни до тех пор, пока они не «обрастали плотью»: настоящая организация растет снизу, а не сверху.

Не было такой страны, где работало УСО, которая не привнесла бы нечто свое в общий характер организации. Однако здесь предлагается рассмотреть более или менее подробно только ситуации, имеющие отношение к Франции, Норвегии, Греции и Югославии. Это позволит составить представление о разнообразии условий, в которых приходилось действовать сотрудникам Управления, и о конечных политических последствиях. Волей-неволей о других странах придется говорить коротко и в связи с вышеуказанными четырьмя.

Начать удобно с Восточной Европы, поскольку там УСО работало еще до начала немецкого нашествия, и эта работа стала некоторым подспорьем: на Балканах Управление уже решало крупные вопросы, в то время как в Западной Европе ему по-прежнему приходилось заниматься внедрением отдельных агентов.

Как мы видели, балканская организация отдела D летом 1940 г. серьезно пострадала от политического давления немцев, однако, когда образовалось УСО, какое-то подобие организации все же удалось сохранить. Имелись две штаб-квартиры: одна в Стамбуле — для Балканских стран, за исключением Греции (под командой майора С.У. Бэйли), другая (под командой подполковника Поллока) в Каире — для Греции и района действия ближневосточного командования. В Каире также находились: G(R) — Исследовательская служба военной разведки Главной ставки (ГС) под командой подполковника Адриана Симпсона; филиал Электра-хауз под командой подполковника Торнхилла, который достанется SO1; арабский отдел ГС, известный как GS1(K), под командой полковника Клэйтона*. Для штаб-квартиры такая организации была бесполезна, поскольку разделение функций между различными организациями было неразличимо даже для тех, кто непосредственно участвовал в

* [А.Ф.Х.С. Симпсон, 1880—1960 гг., в России в 1914—1915 гг., телеграфный служащий в 1922—1927 гг., пресс-атташе в Бейруте в 1944—1946 гг.; К.Дж.М. Торнхилл, 1883—1952 гг., военный атташе в Петрограде в 1916—1918 гг., воевал на севере России в 1918—1919 гг.; И.Н. Клэйтон, 1886—1955 гг., арабист, возведен в рыцарское достоинство в 1949 г.]

работе, а их руководство местными представителями осуществлялось весьма слабо. Если кем-либо и велась активная деятельность, то, конечно, местными организациями, так что лучше *сначала* рассмотреть их работу до лета 1942 г. — переломного и значимого момента (тогда впервые всерьез заговорили об общем наступлении союзников), а *потом* попробуем разобраться в запутанной истории каирской штаб-квартиры того периода.

1. Истоки государственного переворота

В период, когда было создано УСО, сеть, существовавшая в Югославии, понесла серьезные потери в результате высылок, о которых шла речь ранее: у отдела D теперь не осталось высокопоставленного представителя в стране, а его белградским отделением руководили помощник военно-морского атташе капитан 2 ранга добровольческого резерва Королевского ВМФ Глен (молодой известный путешественник-исследователь)* и м-р Дж.С. Беннетт** под присмотром военно-морского атташе и начальника службы паспортного контроля. Связи Лоуренсесона в Словении сохранились, и в декабре туда направили майора Д.Р. Оакли Хилла (прежде служил в албанской жандармерии), чтобы он наладил работу в Албании. Югославские власти (в том числе и сам принц-регент***) настоятельно требовали от посланника Его Величества полностью прекратить подрывную деятельность, опасаясь, что она может спровоцировать немцев на вторжение. В августе—сентябре 1940 г. от м-ра Кэмпбелла поступило большое количество телеграмм, в которых он указывал министерству иностранных дел на связанную с подобной деятельностью опасность¹. В Лондоне сложилось мнение, что провоцирование Германии на Балканах не отвечает британским интересам, на что УСО обыкновенно возражало: немцев вряд ли можно «спровоцировать», пока они сами не решили, что время действовать еще не пришло, а тогда, когда оно

* [Сэр А.Р. (Сэнди) Глен, род. в 1912 г., исследователь и опытный путешественник, введен в рыцарское достоинство в 1967 г.]

** [1911—1970 гг., руководил британскими информационными службами в Стамбуле в 1943—1945 гг., консул в Хьюстоне в 1952—1954 гг., в Хоррамшаре в 1955—1960 гг., верховный комиссар на Барбадосе с 1966 г.]

*** [Принц Павел, регент своего племянника Петра II (1923—1970 гг.) после того, как отец Петра, Александр, был убит в Марселе в 1934 г.]

¹ Некоторые из телеграмм имеются в папке (AD/S.1) HD/34 Архива УСО.

придет, им не нужны никакие провокации. Особое мнение Управления позволило избежать полного «закрытия», и деятельность SO2 в Югославии продолжалась, хотя в гораздо меньшем масштабе. Какой-либо заметной деятельности на Дунае больше не велось: диверсии продолжались, но довольно незначительные. Вместе с тем в сентябре была официально утверждена субсидия Сербской крестьянской партии, и начались выплаты ежемесячных 4000 ф. ст. через подставную компанию, созданную для этой цели с помощью м-ра Честера Битти¹. Идея государственного переворота витала в воздухе с июля 1940 г.², но тогда она была явно неуместной: субсидия предназначалась для того лишь, чтобы подсластить пилюлю, а не подталкивать к немедленным действиям. Гаврилович, лидер партии, был уже в Москве, и основная связь осуществлялась с его заместителем Тупанянином. Были налажены контакты и с другими организациями националистического толка, такими как «Народна одбрана» и «Организация ветеранов» Илии Трифиновича.

Конец паузе положила греческая авантюра Муссолини в октябре 1940 г. Когда итальянское наступление получило отпор, вероятность вмешательства немцев резко возросла. В то же время сильно уменьшился риск того, что вмешательство будет ускорено какой-либо несвоевременной акцией, более настоятельной стала необходимость сделать все возможное, чтобы воспрепятствовать вторжению, — тогда и было принято решение направить британские войска в Грецию³. Теперь УСО подыскивало солидного представителя для Югославии — м-ра Т.С. Мастерсона⁴, бизнесмена, имевшего нефтяные интересы в Румынии и хорошо знавшего обстановку на Балканах. Он прибыл в Белград в начале декабря⁴. В том же месяце Уэйвелл начал наступление в Северной Африке, и по мере того как ухудшалось положение итальянцев, все более реальным делалось вмешательство немцев. К концу декабря стало очевидно, что к Балканам следует относиться как к театру военных действий, не утруждая себя больше соблюдением *дипломатических приличий*. Роль SO2 состояла в том, чтобы делать все возможное во вред немцам и создать какую-либо сеть, которая

¹ Папка (AD/S.1) HD/F.34.4 Архива УСО.

² Телеграмма м-ра Кэмпбелла № 482 от 25 июля в папке HD/34 Архива УСО.

³ Первая высадка 12.4.41.

⁴ [Т.С. Мастерсон, 1881—1944 гг., специалист по Балканам.]

⁴ Папка (AD/S.1) HD/F/34 Архива УСО.

уцелела бы после неизбежной оккупации: немцы уже далеко продвинулись в Венгрии, Румынии и Болгарии.

Новая политика весьма просто изложена в телеграмме, направленной полковнику Бэйли полковником Тейлором примерно в середине января¹:

- «...2. Мы должны быть в состоянии вызвать самые широкие, насколько то возможно, волнения в Румынии в какой-нибудь подходящий день до начала апреля (может быть, около 15 марта), первичная цель которых — нанести ущерб нефтяным месторождениям и всем нефтяным коммуникациям. Вторичная цель — создать длительный транспортный затор, который воспрепятствует доставке в Германию нефти из Румынии и затруднит возможное немецкое наступление через Румынию. Изложенный план может быть изменен, если немцы захватят инициативу за счет опережающего вторжения на Балканы, в таком случае нам остается лишь делать все, на что способны, дабы затруднить их продвижение.
3. В Югославии нам необходимо, во-первых, убедить югославский Генеральный штаб завершить Казанский план, то есть мы должны быть готовы с помощью взятки или иных средств использовать заряды в подходящий момент, невзирая на отношение к этому югославского правительства. А во-вторых, подготовить разрушение транспортных коммуникаций перед линией немецкого наступления и партизанскую войну за нею.
 4. В Болгарии сосредоточиться на тех же целях, которые значатся как «во-вторых» в Югославии...
 6. Вам следует понимать, что при новой политике наша функция на Балканах становится более военной, нежели политической, а потому волнения в Румынии и разрушение коммуникаций перед линией немецкого наступления следует считать приоритетными задачами... Общие политические разговоры в направлении, ныне избранном нами, следует вести только в том случае, если они необходимы для осуществления особенных планов, указанных выше...
 8. Пока вами не будут подготовлены подробные инструкции для всех подконтрольных вам резидентур по осуществле-

¹ Копия в папке (AD/S.1) HD/SC.44/12. Даты или исходящего номера нет, но, вероятно, CXG.700-7 от 10 января перенесено в записку м-ра Джебба м-ру Дальтону от 14 января, в которой говорится о том же.

нию вышеозначенной политики, не следует раскрывать содержание данной телеграммы никому (повторяю — никому), а все копии уничтожить сразу после прочтения».

В такие критические моменты одна из слабостей подрывной организации состоит в том, что невозможно незамедлительно направить подкрепление в место, оказавшееся под угрозой: работа должна вестись с уже существующей там сетью, поскольку новую быстро не создашь. Организация D никогда не была по-настоящему крепкой, к тому же ее ослабили действия немцев и собственная тактика чрезвычайной осторожности в период с июня по декабрь. Ослабили настолько, что полномасштабные задачи были ей не по силам: сделано мало, и замечательно лишь то, сколь существенной оказалась эта малость.

Лондонский Центр мог помочь только контролем за своевременным финансированием, он также направил старшего офицера, обладающего достаточными полномочиями, чтобы сплотить представительства и сосредоточить их скромные ресурсы на тех ключевых пунктах политики, которые считались таковыми в Лондоне. Для этой цели был выбран майор Тейлор, которого командировали в чине полного полковника и в ранге советника министерства иностранных дел.

О его приезде представителям Его Величества в различных столицах было объявлено 11 января¹, но, по-видимому, до Каира он добрался не раньше конца месяца. Майор Тейлор провел несколько дней в Каире, Анкаре и Стамбуле, съездил через Софию в Белград, затем вернулся в Грецию, где провел некоторое время, консультируясь с тамошним британским военным командованием. В Югославию он вернулся как раз к государственному перевороту, который произошел 27 марта².

К тому времени SO2 сделала в Болгарии и в Румынии все, на что была способна. В Болгарии³ можно было надеяться на откровенную и бескорыстную поддержку крыла Георгия Димитрова* в Крестьянской партии, македонцев-протогеровистов и

¹ Телеграмма министерства иностранных дел № 80 в Анкару от 11 января; копия направлена в другие представительства.

² Отчеты майора Тейлора, датированные 10 февраля (Стамбул), 26 февраля (Афины), 11 марта (Афины), находятся в папке (AD/S.1) HD/SC.44/12 Архива УСО. Копии общего отчета, датированного 24 июня, Тейлора и Мастерсона находятся в папке HD/34.

³ См. «Болгарскую историю» Нормана Дэвиса — Архив УСО.

* [Это не тот Димитров, который был секретарем Коминтерна.]

Военной лиги. Однако посланник Его Величества дал согласие начать переговоры только в августе 1940 г., но и тогда дела разворачивались медленно. Необходимые субсидии (они были невелики) имелись, было отпечатано и распространено некоторое количество пропагандистских материалов, и все же с большим трудом удавалось ввозить взрывчатку и создавать склады, а также обучать агентов пользоваться взрывчатыми веществами. Когда в январе 1941 г. полковник Бэйли получил новое указание, только сторонники Димитрова готовы были к обсуждению насильственных действий, но на третьей неделе февраля партия оказалась разгромлена превентивными арестами. Единственная засвидетельствованная акция — крушение поезда (его устроил один человек при помощи лома), в результате которого было уничтожено сорок цистерн с нефтью¹.

Самого Димитрова переправили в Турцию [ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ], затем он переехал в Белград, где югославы ему помогли².

«Умиротворяющее» правительство регента пало 17 марта, и тогда была создана небольшая «нерегулярная экспедиция» для проникновения через болгарскую границу. Однако ее отправка совпала с немецким нападением 6 апреля, и больше о ней ничего не известно. После оккупации Болгарии немцами последовали дальнейшие аресты, и большая часть оставшихся британских складов оказались выявленными. У SO2, таким образом, не осталось практически ничего, кроме Димитрова и еще немногих болгар в изгнании. Однако старая политическая организация все еще существовала, и оставалась — пусть слабая — надежда, что контакт можно будет восстановить.

В Румынии³ противодействие «Оси Берлин — Рим» началось раньше и было более активным. У.Р. Янга и еще около двадцати инженеров-нефтяников выслали в начале июля 1940 г., диктатура Антонеску была установлена 6 сентября, после чего последовали нападения головорезов «Железной гвардии» на Триси и других членов организации, которых с трудом удалось

¹ «Журнал войны» Лондонского УСО, февраль 1941 г., с. 209.

² См. CXG.861 от 12 марта из Белграда; копия в папке (AD/S.1) HD/34 Архива УСО. [Детали побега в книгах Рендела «Меч и олива», с. 174, и Эллиотта «Я шпион», с. 52—54.]

³ См. записи подполковника де Шастелена — Архив УСО.

спасти и вывезти, прибегнув к подкупу и дипломатическому нажиму. В годы правления Антонеску по Венскому арбитражу 27 августа 1940 г. Румыния потеряла северную часть Трансильвании, а потому основательной поддержки в народе у его режима не было. Зато на утраченных землях Трансильвании обосновались немецкие войска, откуда в большом количестве засылали военных «инструкторов» на другую территорию Румынии. При таком положении румыны не стремились к активному сопротивлению. Тем не менее SO2 смогла установить контакт с Ю. Маниу[□], давним лидером Национальной крестьянской партии, который сам был трансильванцем и одним из немногих румынских политиков, имевших репутацию честного человека. Маниу заявил, что готов работать с британцами, принять от них денежную помощь в виде «займа» и заняться приготовлениями к диверсиям.

Что касается диверсий, имелся один британский проект: подготовка взрыва Яломицкого моста на железной дороге Плоешти — Георге, который мог бы существенно затруднить транспортировку нефти. Была возможность осуществить его без помощи румын — группой, посланной извне. С октября по декабрь велся обмен мнениями между Бухарестом, Стамбулом и Лондоном. Посланник Его Величества в Бухаресте* полагал, что акция станет поводом к немедленному выдворению посольства, а потому не имеет смысла. Спор длился до зимы, пока Дунай не покрылся льдом, и тогда стало ясно, что решение откладывается еще на несколько месяцев¹.

Собственные планы Маниу по диверсиям на нефтяных месторождениях были обусловлены бомбардировкой района Плоешти Королевскими ВВС: основательная бомбардировка послужила бы отличным прикрытием для диверсии, даже символический налет оказал бы некоторую моральную поддержку. В то время велось немало разговоров о воздушном нападении на нефтяные месторождения, и споры на эту тему вышли далеко за пределы

[□] Речь идет о Юлиу Маниу (1873—1955), который, будучи лидером Национал-царанистской партии, содействовал установлению в Румынии военно-фашистского режима. Был заключен в тюрьму в 1947 г. умер восемь лет спустя. — *Примеч. пер.*

* [Сэр Р.Г. Хор, 1882—1954 гг., посланник в Тегеране в 1931—1935 гг., в Бухаресте — в 1935—1941 гг., банкир; в НБС.]

¹ В папке (AD/S.1) HD/SC/44/1 Архива УСО имеется полная документация.

сферы деятельности УСО¹. Имелись серьезные возражения против этой акции. Технически это была бы довольно сложная воздушная операция, с какой бы из имевшихся баз ни осуществлялись полеты. К тому же ресурсы ВВС были полностью распределены. Кроме того, понадобились бы аэродромы в Греции, а их использование порождало серьезные проблемы у греков, находившихся под давлением немцев. Неизбежным представлялось и нарушение нейтралитета турецкого, болгарского или югославского воздушного пространства, да и сама Румыния в определенном смысле все еще оставалась нейтральной, хотя фактически находилась под немецкой оккупацией. В конце концов, решили, что акцию необходимо провести, и тут выяснилось, что сделать это совершенно невозможно. Впрочем, американцы в 1942 г. предприняли попытку с Ближнего Востока, но она обернулась провалом. Серьезные налеты начались лишь в 1944 г., когда обстоятельства существенно изменились. Совсем нет уверенности в том, что Маниу оказал бы значительную поддержку в 1941 г., даже если бы бомбардировки осуществились: ясно только одно — без них он не стал бы ничего делать.

Британское посольство, включая всех сотрудников SO2, было вывезено² 10 февраля (на месяц раньше, чем первоначально планировалось). Маниу оставили передатчик, с помощью которого 8 апреля была установлена связь. Контакт, как утверждал источник информации, оказался полезным, однако SO2 не удалось убедить Маниу покинуть страну и возглавить румынское движение Сопротивления в изгнании: он вроде бы соглашался, но в последний момент не однажды отказывался. Этот первый период завершился серией арестов в августе 1941 г. Маниу остался на свободе, но передатчик потерялся, и связь пришлось впоследствии возобновлять иными способами.

В Югославии дела шли более оживленно. Значение государственного переворота 27 марта 1941 г. заслонили более поздние события. Почти забыли, что это была акция, которая потребовала от югославских заговорщиков умения и мужества, высокого пат-

¹ Можно сослаться на следующие документы: WM(40)297-е заседание, протокол 1 Секретного приложения; WP(40)1 от 4 января; COS(41)3(0) от 8 января; DO(41)3-е заседание 4 и 13 января; COS(41)40(0) и COS(41)62-е заседание, пункт 7, 20 февраля; COS(41)67-е заседание, пункт 6, 24 февраля и приложенная телеграмма от начальника ИГШ из Греции. Имеются материалы в папке (AD/S.1) HD/44.6 в Архиве УСО.

² Сведения в COS(41)75 от 6 февраля.

риотизма, что в то время она чрезвычайно ободрила Британию и ее единственного сражающегося союзника — Грецию. Замысел осуществили прежде всего сербские националисты, а их главной опорой стали молодые люди из офицерского корпуса. Сказывалось, очевидно, и неминуемое нападение Советского Союза, но коммунистическая партия следовала ранее выработанной линии и в перевороте участия не принимала. И все же, не будь 27 марта, не было бы национального Соппротивления, на волне которого состоялся Тито, а потому любопытно будет проследить, как станут обрастать мифами югославская история в попытках объяснить это.

Нельзя точно вычислить, какова доля заслуг УСО*: с одной стороны, движущей силой был национальный дух югославов, с другой стороны, имелся вклад и других, помимо УСО, ведомств (например, неофициальные контакты через военно-воздушного атташе), сказалась и позиция американцев, представление о ней зимой 1940—1941 гг. сложилось после визита в Белград полковника Донована. Однако сотрудники SO2 в Белграде держали основные нити заговора в своих руках, а потому отчет о событиях, представленный Тэйлором и Мастерсоном¹, видимо, ближе других к реальности.

К власти фактически пришел режим принца-регента, прежде правившего через посредство мелкотравчатых политиков сербского происхождения, но не имевшего поддержки у населения, если не считать Хорватской крестьянской партии д-ра Мачека, которая пошла на соглашение с режимом в августе 1939 г. по местническим соображениям. Старые и отчасти утратившие доверие сербские политические партии — националисты, либералы и демократы — находились в довольно-таки бездеятельной оппозиции. Националистические объединения — «Народна одбрана», четники и т.п. — вряд ли являлись политическими организациями, однако они обладали большей реальной силой, чем политическая оппозиция, поскольку руководствовались традиционалистскими мотивами, весьма близкими сербской армии. Сербская крестьянская партия, на которую сделала основную ставку SO2, пребывала в неопределенном положении. По духу она противостояла регенту и вместе с тем — старым сербским партиям, которые ныне сами оказались в оппозиции. Сделав прогрессивный шаг, партия согласилась на участие в правитель-

* [См. статью Дэвида Стаффорда «УСО и белградский государственный переворот 27 марта 1941 года» в «*Slavic Review*», сентябрь 1977 г.]

¹ См. их отчет от 24 июня в папке (AD/S.1) HD/34 Архива УСО.

стве: ее лидер, Милан Гаврилович, был послом в Москве, а в Кабинете министров партию представлял д-р Куврилович. Но все это представляло собой троянского коня, принимая которого в дар, регент, по сути, платил за малую толику поддержки со стороны сербов. Основная же сила партии во главе с Тупанянином, заместителем лидера, не была связана никакими официальными путями и выступала в основном против политики регента*, в особенности против его стремления к компромиссу с немцами, которое зимой 1940/41 г. становилось все очевиднее.

Намекают, будто регент хотел упрочить свое положение за счет молодого короля, однако такие намеки не стоит воспринимать буквально: имелось множество причин, заставлявших любого правителя Югославии осознать, что в интересах его народа достижение компромисса, нежели призывы к борьбе. Немцы весьма прочно утвердились в Румынии и Болгарии; страна в военном отношении оказалась беззащитной и могла уповать только на британскую помощь. Однако, как все понимали, масштабы этой помощи были недостаточны, а воспоминания о героическом сопротивлении австрийцам в 1914 г., которое окончилось гибельным отступлением, не вдохновляли людей трезвомыслящих вновь жертвовать всем во имя национальной чести. Не было никаких оснований полагать, что немцы поведут себя в Югославии так, как в Польше, — если только им не окажут такого же сопротивления, как в Польше.

Такой ход рассуждений, естественно, приводил к ослаблению духа сопротивления, пока не обозначились границы терпения. Возможно, немцы были связаны графиком, ими же установленным для себя на лето 1941 г., и потому пытались ускорить ход событий. К середине марта стало ясно, что они далее не потерпят прежней политики регента, основанной на нейтралитете, и наверняка потребуют от Югославии присоединения к Тройственному пакту[□], а та, вероятно, им уступит. Иными словами, Германия проводила на Балканах кампанию, которая требовала свободного передвижения по Моравской долине, надежно обеспеченного «хорошим поведением» югославов. 3 марта регент тайно посетил Германию. Нет сомнений, что с этого времени его курс был уже

* См. папку (AD/S.1) HD/34 Архива УСО.

□ 27 сентября 1940 г. в Берлине был подписан Тройственный пакт между Германией, Италией и Японией, по которому Европа должна была стать сферой господства Германии и Италии, а Японии отводилось великое восточноазиатское пространство. В ноябре 1940 г. к пакту присоединились Румыния и Венгрия, а в самом начале марта 1941 г. — Болгария.

определен, а дальнейшие отношения с британцами и оппозицией были направлены только на обеспечение спокойного прития Тройственного пакта.

Югославскому кабинету министров пакт предстояло рассмотреть 20 марта, и на встрече в британском посольстве 19 марта было решено предпринять все возможное для свержения правительства до того либо после того, как пакт будет подписан. В анналах УСО нет сведений о том, что Лондон санкционировал эту акцию.

Выгоды положения Сербской крестьянской партии теперь стали очевидны. Министр Куврилович был готов уйти в отставку, а с ним заодно и Будисавлевич, лидер Независимых демократов, еще одной небольшой партии, субсидируемой SO2. Оказали нажим и на третьего министра — Константиновича, который с некоторым сопротивлением, но все же примкнул к первым двум. В отставку эти трое подали сразу же после того, как на заседании Кабинета пакт был одобрен, а их голоса против потонули в массе большинства. Премьер-министр (Цветкович) и министр иностранных дел (Концар Маркович) направились в Вену, где 25 марта пакт был подписан. Но отныне в Югославии появилось небольшое ядро действенной оппозиции, которая лихорадочно пыталась исправить *fait accompli*[□]. Высшие офицеры армии были настроены пессимистично и осторожно, инициативу проявили более молодые офицеры, в особенности Кнесевич, в то время министр двора, и генерал Бора Миркович, заместитель начальника штаба военно-воздушных сил. SO2 знала о заговоре заранее, но деталями его не занималась, а потому была удивлена, когда все началось в предрассветные часы 27 марта, за двадцать четыре часа до намеченной даты. Задействованные силы были представлены только ВВС, танковой бригадой и батальоном королевских гвардейцев под командой младшего брата Кнесевича, однако серьезного сопротивления они не встретили, и в 4 часа утра генерала Симовича, начальника штаба ВВС (он был лишь номинальной фигурой), утвердили премьер-министром.

В ту ночь в Лондоне состоялось заседание Комитета обороны¹, и генерал Исмэй* по поручению премьер-министра напи-

[□] Свершившийся факт (*фр.*)

¹ Личное письмо Исмэя Дальтону от 28.3.41, в папке HD/34 «Действия в Югославии» Архива УСО.

* [Г.Л. Исмэй, 1887—1965 гг., введен в рыцарское достоинство в 1940 г., заместитель секретаря (военный) Военного кабинета в 1940—1945 гг., барон с 1947 г., кавалер ордена Подвязки с 1957 г.]

сал м-ру Дальтону, что «Комитет с большим удовлетворением отмечает, что тщательная и терпеливая работа ваших людей получила столь щедрое вознаграждение», и попросил министра «передать всем, имевшим к тому отношение в Лондоне и «на месте», сердечные поздравления».

Случившееся, несомненно, давало повод для удовлетворения, но ясности ни в чем не было. Правительство Симовича сформировали не из подлинных лидеров движения, а из представителей старых сербских политических партий, которые являлись противниками, скорее, отдельных личностей, нежели политики режима, и первое, что они сделали, неожиданно обнаружив себя у власти после государственного переворота, не ими устроенного, — попытались возобновить переговоры с немцами. Германское тщеславие было оскорблено чересчур явно, чтобы оставалось место для дальнейших обсуждений, и единственным результатом стала проволочка с подготовкой югославов к войне. Сам Симович не был достойным руководителем и не смог бы сделать ничего лучшего, даже будучи свободен в своих действиях. И все же эти несколько дней колебаний стали одной из причин того, что разгром югославов оказался столь сокрушительным.

2. Крах и возобновление контактов

Немецкое наступление началось рано утром 6 апреля и сразу же сокрушило организованное сопротивление. SO2 предвидела скорое югославское поражение и строила планы послеоккупационных диверсий и партизанской войны. В частности, она беспрестанно убеждала югославский Генеральный штаб заняться действенной подготовкой к блокированию Дуная сразу же после начала войны. Свидетельства того, что происходило на самом деле, весьма скудны, однако что-то все же было сделано: недостаточно, чтобы надолго задержать движение по реке, но существенно, чтобы вызвать затор на несколько недель. Другие подрывные проекты оказались менее успешными, и ни об одном из них нельзя что-либо с уверенностью утверждать, за исключением взрыва моста возле Марибора, совершенного словенской организацией Лоуренсесона. Ничего существенного не удалось сделать с теми немногими радиопередатчиками и немногочисленными складами. Два радиокомплекта, оставленные в Словении, исчезли без следа, другие два, в Сербии, тоже пропали. Дело усугубилось тем,

что весь штат SO2 был захвачен: Тэйлор с Мастерсоном воспользовались привилегией дипломатического прикрытия и несколько недель спустя были репатрированы вместе с посланником и сотрудниками посольства, а вот Лоуренсесон [ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ] содержался в лагере для интернированных до конца войны.

Таким образом, на какое-то время в Югославии образовалась пустота, как и повсюду на Балканах (за исключением Греции). Однако поначалу немцы всерьез и не пытались очистить горы, так что сопротивление, вероятно, по-настоящему никогда не затихало, хотя и потребовалось некоторое время, прежде чем о нем узнали за пределами Югославии. Работу налаживать УСО приходилось с Ближнего Востока, детали ее не всегда можно проследить, поскольку летом 1942 г. многие каирские документы были уничтожены, но общий подход вполне ясен. В мае УСО в Лондоне уже настоятельно требовало от Ближнего Востока представить планы по восстановлению связей и инициации партизанской войны¹. В начале июня с Ближнего Востока югославскими делами стал заниматься Бэйли, установивший отношения с югославским правительством в изгнании, — он преследовал цель создать объединенную организацию, базирующуюся в Стамбуле². Подробные отчеты об акциях сопротивления стали поступать в июле, а в августе число их продолжало возрастать³. Ясно, что эти отчеты без задержки направлялись в высшие инстанции: 25 августа премьер-министр писал м-ру Дальтону⁴:

«Насколько я понял генерала Симовича, в Югославии ведется активная партизанская деятельность. Ей необходимы сплоченность, поддержка и руководство извне.

Сообщите, пожалуйста, кратко, какие контакты у вас есть с этими отрядами и что вы можете сейчас сделать, чтобы помочь им».

¹ Телеграмма из Иерусалима от 19 мая 1941 г.; копия в папке (AD/S.1) SC/34/1 Архива УСО.

² CXG.230 от 3 июня из Иерусалима, копия в папке HD/34 «Действия в Югославии» — Архив УСО.

³ Например, письмо Дьона Дьоновича (старого приятеля УСО из Крестьянской партии) полковнику Мастерсону от 17 июля и резюме отчетов м-ра Броада, полученные до 20 августа. Оба документа в папке (AD/S.1) SC/34/9 Архива УСО.

⁴ Оригинал письма в папке (AD/S.1) SC/34/1 Архива УСО.

М-ру Дальтону на самом деле сообщать было не о чем, кроме слухов¹, однако приготовления к акции весьма продвинулись. Несколько ранее предпринимались попытки внедрить агентов, однако значительным шагом стала доставка 7 сентября капитана Хадсона* на подводной лодке с Мальты. Об этом стало известно русским, и в УСО сообщили о параллельном плане проникновения агентуры из Советского Союза².

Обстановка, в которую попал Хадсон, оказалась довольно сложной, что было совершенно неожиданно для тех, кто его отправлял³. Потребовалось время, прежде чем Хадсон сумел кое в чем разобраться, однако сомнительно, чтобы кто-либо из руководителей британских служб и правительства полностью осознал смысл и последствия данной ситуации. Британская политика строилась, в частности, и на основе той информации, которая поступала в Лондон из различных источников, в том числе из УСО. Следует отметить, что порой эти источники были довольно «мутными», а время требовало принятия важнейших решений.

На этих страницах уместно кратко обрисовать обстановку — в качестве пролога к событиям, но читателю должно быть ясно, что в те времена такой картины не было и не могло быть в распоряжении кого бы то ни было из действующих лиц.

До войны югославское государство удерживала в целостности хрупкая коалиция умеренных по воззрениям сербов с Хорватской крестьянской партией д-ра Мачека и словенскими клерикалами. И стоило ей развалиться под грузом непреодолимых местнических разногласий, как единственной альтернативой становилась королевская диктатура, поддержанная по большей части сербскими патриотами в армии, не доходившими, одна-

¹ Копия его ответа от 30 августа 1941 г.; в папке (AD/S.1) SC/34/9 Архива УСО.

* [Д.Т. Хадсон, горный инженер, 1911—1995 гг. См. далее в этой же главе.]

² Записка полковника Дж.С.А. Пирсона, направленная м-ру Джеббу 22 сентября 1941 г. в папке (AD/S.1) SC/34/9 Архива УСО.

³ В книге Кристи Лоуренса «Нерегулярное приключение» (февраль 1947 г., издана после того, как был написан этот текст) есть очень ценное, из первых рук, свидетельство. Лоуренс был офицером командос (спецназа) и в мае 1941 г. попал в плен на Крите; при перевозке в Германию бежал и оставался с партизанами во время восстания сентября 1941 г. и последующего разрыва между Михайловичем и партизанами. Много нового он сообщает об отношениях между Недичем, Костой Пецаначем, Михайловичем и местными «вожаками», примыкавшими к тому или другому из них.

ко, до крайних проявлений сербского национализма. События весны 1941 г. уничтожили ту и другую конструкцию. Регент был заподозрен в предательстве нации, король был мальчиком и находился в изгнании, окруженный «правительством беглецов». Политики старых партий обнаружили свою ничтожность в условиях войны и оккупации. Руководство, таким образом, досталось силам, до того остававшимся на задворках.

На одной стороне оказались воинствующие сербские националисты, гордившиеся историческим сербским сопротивлением туркам, но в политическом плане не идущие дальше понятия «Великая Сербия». Единственное настоящее сражение в апреле 1941 г. вели сербские части на сербской земле: армия оказалась скорее, рассеянной, чем уничтоженной, и если отдельные ее подразделения скрылись в деревнях, то другие сохранили себя как воинские формирования в горах, у них поддерживалась некоторая дисциплина, имелось и оружие. Главная идея, объединявшая командиров, — сохранение Сербии. На эту идею сработала летом 1941 г. и вспышка террора против сербского населения во всех районах, где оно было меньшинством. Главную ответственность за террор несут хорватские экстремисты во главе с Павеличем, несомненно, исподтишка поддерживаемые итальянцами и, возможно, мусульманским населением в Боснии. В войне 1914—1915 гг. прежняя Сербия потеряла один миллион из четырех с половиной миллионов жителей, и, естественно, руководители ее должны были прежде всего думать о том, как предотвратить подобную катастрофу. На сей счет имелось согласие среди широкого спектра общественных настроений: от «квислинского»* правительства Недича** в Белграде до Михайловича*** в горах. Существовавшие различия касались больше личностей и тактики, нежели принципов. Цель состояла в том, чтобы сохранить сербские жизни и сербские интересы и выйти из войны в таком состоянии, которое позволило бы создать действенное сербское правление Югославией в рамках ее старых границ.

* [Видкун Квислинг, 1887—1945 гг., содействовал попыткам немцев «онацистить» Норвегию, имя его стало синонимом сотрудничества с нацистами, в конце войны был предан суду и казнен.]

** [Генерал Милан Недич.]

*** [Полковник Д. Михайлович, 1893—1946 гг., поднял восстание против немцев, потерпел поражение в гражданской войне с партизанами, взят в плен в марте и казнен после показательного суда в июле 1946 г. См. книгу Дэвида Мартина «Патриот или предатель» (Станфорд, штат Калифорния, 1979).]

Даже правительство Недича, занимавшее крайне правый фланг (если его можно таковым назвать) этого движения, нельзя сбрасывать со счетов как чисто «квислингское»¹: на тот момент по крайней мере Хорватия была марионеткой Италии, а потому тяга к сближению с немцами как единственному противовесу выглядела естественной. Рядом с правительством Недича шли четники². За ними стояла давняя традиция партизанского сопротивления туркам, но теперь это слово ассоциировалось с Костой Пецаначем, который был брошен за вражескую линию фронта в Македонии в 1916 г. и спровоцировал бесполезное и жестоко подавленное восстание с массовыми жертвами. Пецанач уцелел и стал кем-то вроде национального героя для своих четников, которые превратились, по сути, в объединение ветеранов, сражавшихся за Сербию в 1914—1918 гг. Оказавшись на стороне Недича, он обрел такой вес, что его четники стали поставлять из своих рядов рекрутов для войск Недича.

Михайловича отличает от Недича только то, что он с начала и до конца был убежден — немцы войну проиграют, а потому для Сербии губительно положение подголоска нацистов. Для ее национального будущего требовалось постоянство сопротивления. Сам Михайлович был убежденным «сопротивленцем»: за все военное время появилось немного свидетельств о его личном сотрудничестве с Недичем, с немецкими или итальянскими властями. Однако расценивались они двояко. *Во-первых*, главная его цель состояла в сохранении Сербии, и он никогда не позволил бы втянуть себя в действия, угодные союзникам или соответствующие их стратегии, если они грозили сербам такими же потерями, на которые обрек их Пецанач осенью 1917 г. *Во-вторых*, он намеренно побуждал всех, кто ему симпатизировал, оставаться на стороне закона и по возможности занимать должности, позволяющие легально владеть оружием, иметь доступ к снабжению и сулящие некоторые преимущества в будущем. Не было секретом, что у Михайловича есть «свои люди» в войсках Недича и что

¹ Правее Недича располагалась лишь небольшая группа фашистов, приверженцев Лиотича.

² На Балканском полуострове: 1) в XV—XIX вв. участники вооруженной национально-освободительной борьбы партизанских отрядов (чет) против османского ига; 2) члены антинациональных группировок в Югославии (Д. Михайловича и др.), осуществлявшие в годы 2-й мировой войны вооруженную борьбу против народно-освободительных сил.

подчиненные ему командиры вступали на местах в сделки с итальянцами. Правительство Британии, хоть и довольно осторожно, поощряло подобную тактику¹. Трудно представить, какой иной политики могли придерживаться те, кто оценивал ситуацию прежде всего с позиции сербских интересов. Разве только в том случае, если бы Британия смогла поставлять оружие и продовольствие в более значительных объемах.

Еще одной значительной силой в этой ситуации стала Коммунистическая партия, которая была официально запрещена в 1921 г. На практике запрет оказался умеренно действенным, в годы между двумя войнами марксистская теория стала довольно популярной среди бедного, но энергичного университетского студенчества. Более того, Коммунистическая партия привлекала к себе атмосферой таинственности, а также тем, что не несла ответственности за множество ошибок и узаконенные имущественные отношения старой Югославии. Широкой народной поддержки у партии не было, но она имела организацию, обладавшую опытом подпольной работы, к тому же ей симпатизировала непартийная, ищущая себя молодежь.

Коммунисты не участвовали в государственном перевороте марта 1941 г.: он вызвал такой громадный отклик в народе, что в то время и думать было нельзя о противодействии перевороту. Ныне, однако, многие склонны расценивать его как бесцельную попытку союзников и местных реакционеров использовать югославский патриотизм в собственных целях. От двойственности политику коммунистов освободило немецкое нападение на Советский Союз в июне 1941 г. Сведения о том, что происходило в первые дни, скудны², однако, как представляется, с самого начала коммунисты взяли на вооружение политику, которой следовали до конца: то была политика сопротивления во что бы то ни стало, невзирая на последствия. Такой была рабочая основа (каковой не имела политика Михайловича) решительной партий-

¹ Памятная записка от 21 июля 1942 г., переданная м-ром Иденом И.М. Майскому 27 июля 1942 г. Копия с документами в поддержку «Белой книги», часть II, раздел «В». [Иван Михайлович Майский, 1884—1975 гг., советский посол в Лондоне в 1932—1943 гг., заместитель министра иностранных дел в 1943—1946 гг.]

² Первое партизанское восстание, как утверждают, произошло в Монтенегро на День св. Петра (13 июля) 1941 г. Записи в дневнике Чиано за 14 и 15 июля 1941 г. подтверждают существенный характер восстания, которое было вызвано попыткой усадить итальянскую марионетку на трон «независимой» Монтенегро.

ной организации, свободной от местнических и социальных уз и потому привлекавшей молодых и способных интеллектуалов, почти столь же свободных от обязательств. И организация быстро росла, питаясь энергией собственной политики: каждая разграбленная деревня, каждая партия расстрелянных заложников множила число мстителей, становившихся партизанской армией, передвигавшейся по стране и вызывающей, где бы она ни появлялась, все новые волнения и новое сопротивление.

Изначальная несовместимость между коммунистами и «сербской идеей» была непреодолимой, в среде партизан жесткость коммунистов ослаблялась по мере того, как росло и ширилось партизанское движение, но несовместимость в политике оставалась. Коммунисты призывали к таким действиям, которые казались Михайловичу безответственными и разрушительными, к тому же поначалу основные их силы сосредоточились в Хорватии, и Михайловичу это казалось новым проявлением хорватского национализма — возможно, связанного союзными узами с Павеличем и его устахами, ничем не отличавшимися от коммунистов, судя по последствиям их акций.

Капитан Хадсон, направленный УСО для проверки слухов о двух соперничающих повстанческих группировках, был молодым горным инженером (в то время ему исполнилось тридцать лет), успевшим пять лет проработать в Югославии. Он хорошо знал язык и страну, был человеком мужественным и отважным, хотя не имел ни политического, ни военного опыта. Его снабдили значительной суммой денег в соверенах¹, небольшим количеством оружия, а также двумя комплектами радио, один из которых, работавший на аккумуляторах, не позволял поддерживать постоянную связь с базой, другой оказался более надежен, зато зависел от наличия электричества (на это трудно было рассчитывать в югославской глубинке).

В группу входили также два югославских офицера — майор Остожич и майор Лалатович, назначенные правительством в изгнании, и югославский радист. Необходимо напомнить, что формально группа представляла собой миссию, направленную югославским правительством в изгнании для установления связи с любыми силами движения Сопротивления, которые отыщутся в его стране. Капитан Хадсон играл ключевую роль, но формально не командовал группой. Когда группу готовили, то

¹ Никакого свидетельства о точном количестве денег не имеется.

ничего не знали ни о Михайловиче, ни о гражданской войне в Югославии. Потому распоряжения капитану Хадсону носили общий характер: наладить связь, разузнать и доложить обо всех объединениях и отрядах, оказывающих сопротивление врагу, независимо от убеждений и политических пристрастий¹.

Группу высадили с подлодки «Триумф» на побережье Монтенегро 16 сентября 1941 г., и первый контакт она установила с группировкой, именовавшей себя «Монтенегринские силы свободы», в которую входили несколько руководителей-коммунистов, ставших позже видными фигурами в партизанском движении. Гостей встретили хорошо и препроводили Хадсона с одним из югославских офицеров в штаб группировки, которая в то время под натиском врага отходила в Западную Сербию — все дальше и дальше на север и на запад. Там Хадсон встретился с Тито*, был радушно принят и получил самые благоприятные впечатления. Однако ко всему, что касалось практических деталей, таких, как организация британской помощи и радиосвязи, Тито отнесся чрезвычайно осторожно. Выяснилось, что в данный момент он оценивает возможности британского содействия довольно низко и не готов ради этого опутывать себя «нитем» политической ответственности, привязывающими его к британскому правительству и югославскому правительству в изгнании.

Между тем была установлена радиосвязь между Мальтой и передатчиком в Сербии. Из Сербии сообщали, что представляют королевскую югославскую армию, находящуюся в полевых условиях, и что возглавляет ее полковник Драголюб Михайлович. Эту информацию подтвердил, прибыв в Лондон, эмиссар самого Михайловича. Соответственно Хадсону были направлены указания войти с ним в контакт и разузнать о нем подробнее.

25 октября Хадсон из штаба Тито перебрался в штаб Михайловича, который устроился неподалеку: по сути, сербская земля была территорией Михайловича, куда недавно вторглись партиза-

¹ Ни одной копии этого распоряжения не обнаружено, но все сказанное подтверждено теми, кто имел отношение к операции, и полностью отвечает обстоятельствам того времени.

* [Иосип Броз, 1892—1980 гг., кодовый псевдоним Тито (Делай Это), секретарь Коммунистической партии Югославии с 1937 г., возглавлял партизанскую борьбу как против немцев, так и югославов, которые не соглашались с ним; маршал с 1943 г., впоследствии диктатор Югославии. См. книгу У. Робертса «Тито, Михайлович и союзники» (1987).]

ны, так что их отношения балансировали на грани открытой войны. Встретили Хадсона вежливо, но без сердечности, дав понять, что в дальнейшем несовместимы связь с партизанами и какие-либо отношения с Михайловичем, который с самого начала провозгласил себя на югославской земле представителем королевского правительства в изгнании, а потому единственной законной властью в Югославии. Каналом связи Хадсона с базой теперь стало радио, которым уже пользовался Михайлович и которое находилось под его контролем, вот почему сообщения капитана стали краткими и невнятными, а зачастую при передаче они искажались.

Тем временем в Лондоне дела значительно продвинулись — еще до того, как были получены сообщения от Хадсона или от Михайловича. 3 октября генерал Симович встретился с м-ром Иденом и обратился с просьбой содействовать «в прекращении уничтожения югославского народа» — однако не в угоду Михайловичу, чья роль тогда еще была неизвестна. 13 октября сам король Петр навестил премьер-министра, и в ту же ночь вопрос о военной помощи обсуждался в Комитете начальников штабов. Как раз в этот период — между 3 и 13 октября — впервые вполне серьезно было произнесено имя Михайловича. Это произошло в результате двух совпавших событий — открытия Михайловичем собственной линии радиосвязи и прибытия в Лондон эмиссара, посланного через Стамбул. В записке премьер-министру, датированной 14 октября, м-р Дальтон уже говорит о «восставших под командованием полковника Михайловича». В тот момент Михайлович представлялся и югославскому правительству, и УСО символическим лидером Сопротивления, и Хадсон по указанию УСО перебирается из штаба Тито в штаб человека, который являлся его злейшим врагом. На том этапе, до того, как обозначились линии разрыва, пожалуй, сохранялся шанс продемонстрировать «сдержанность», тщательно выбирать политических партнеров, однако задача УСО была поставлена четко — поддерживать Сопротивление (никто в Управлении не сомневался, что речь идет о настоящем Сопротивлении), которое нуждалось в помощи. И подумать было нельзя о том, чтобы повременить и пристально изучить мандат и политику его лидера. Не было, да и не могло быть, никаких сведений о подобных деталях, зато Сопротивление уничтожили бы под корень, пока такие сведения собирались. Ответственное решение, таким образом, было принято сразу — и принято вслепую.

15 октября Комитет начальников штабов телеграфировал командующим на Ближнем Востоке, прося их оказать такую помощь, на какую они способны «без ущерба для других операций». Это условие заслуживает особого внимания. Немцы в Советском Союзе окружили Ленинград, прорвались к Азовскому морю и захватили большую часть Украины, они проводили масштабные операции, нацеленные на захват Москвы. Северная Африка была театром войны, на который можно было отвлечь силы Германии, и операция по освобождению Тобрука и эффективному использованию этого успеха находилась в завершающей стадии подготовки. Она началась 18 ноября, а 9 декабря удалось снять осаду с Тобрука. «Чертовски приятная штука, Криви, — так близко бегущего стада вы в своей жизни не видели», — сказал после Ватерлоо герцог Веллингтон. Неудивительно, что Комитет начальников штабов отнесся к Михайловичу равнодушно: «Нам представляется, что восстание преждевременно, однако патриотам отступать некуда, и их следует поддержать всеми возможными средствами»¹.

22 октября советский посол И. Майский обратился к министру иностранных дел Великобритании с предложением поддержать югославское восстание; для этой цели британскому и советскому правительствам следует действовать сплоченно². М-р Иден вновь встретился с И. Майским 29 октября³ и передал ему информацию об обстановке в стране — все то, что было известно британцам. Как представляется, сотрудники УСО уже обсудили кое-что с НКВД как в Москве, так и в Константинополе относительно югославской ситуации, и информация, переданная И. Майскому, была несколько «отжата» из опасения «перейти грань»⁴. По крайней мере

¹ Шифровка (MO5) 15/10 — обсуждалась КНШ 14 и 15 октября; COS(41)353-е заседание, протокол 2, и COS(41)354-е заседание, протокол 4. Копия шифровки в папке (AD/S.1) SC/34/9 Архива УСО.

² Депеша м-ра Идена сэру Стаффорду Криппсу в Куйбышев от 22 октября 1941 г. [Р.С. Криппс, 1889—1952 гг., адвокат в области трудового права, введен в рыцарское достоинство в 1930 г., член парламента в 1931—1950 гг., посол в России в 1940—1942 гг., министр самолетостроения в 1942—1945 гг., министр финансов в 1947—1950 гг.; в НБС. Когда немцы подошли к Москве в конце 1941 г., дипломатический корпус перебрався на 400 миль восточнее — в Куйбышев.]

³ Депеша м-ра Идена сэру Стаффорду Криппсу в Куйбышев от 29 октября 1941 г.

⁴ См. письмо м-ра Джебба сэру Омсу Сардженту от 27 октября 1941 г. в папке (AD/S.1) SC/34/9 Архива УСО.

очевидно, что в то время русские убеждали британцев оказывать всевозможную помощь в Югославии, дабы отвлечь силы немцев, а потому не обращали внимания на различия политических цветов в движении Сопrotивления. Британцы доброжелательно отнеслись к предложению и были довольно откровенны, демонстрируя истинную направленность своих действий.

Военный кабинет был уведомлен о проблеме на заседании 30 октября. М-р Иден заметил, что, возможно, придется рассмотреть вопрос на Совете обороны¹. В тот же день генерал Симович передал министру иностранных дел телеграмму полковника Михайловича: «Ради Бога, пришлите нам помощь, пока стоит хорошая погода. В течение несколько дней мы сумеем создать большую и сильную армию. Нам нужны: револьверы, пулеметы, ружья «брен», ручные гранаты, минометы, боеприпасы, хирургическое и медицинское оборудование и деньги. Мы готовы к вашему прибытию. Остожич с компаньонами (т.е. Хадсон. — У.М.) находятся здесь». Этот призыв обсуждался на штабном совещании 4 ноября, где председательствовал премьер-министр, присутствовали м-р Иден с м-ром Дальтоном, а также начальники штабов. На руках у участников совещания был документ м-ра Идена², а также документ Комитета начальников штабов, представлявший собой черновик телеграммы командующим на Ближнем Востоке. Как и ожидалось, начальники штабов не одобрили возможного отвлечения сил от развивавшейся тогда операции: «Повстанцы располагаются в труднодоступной гористой местности и тем самым вполне способны сохранять силы в течение длительного времени, но, возможно, они будут лишь досадной помехой союзникам — не более. Ибо для того, чтобы обратить бунт в общенациональное восстание, движению Сопrotивления потребуется распространить свое влияние на города, где — в отсутствие британских войск — оно неизбежно будет подавлено немцами с крайней жестокостью. Этого следует избежать. Наша политика, следовательно, должна состоять в том, чтобы обеспечить повстанцев припасами, необходимыми для сохранения движения в горах». Документ м-ра Идена был более оптимистичным для восставших по тону, но и в нем всерьез не рассматривался

¹ WM(41)107-е заседание, протокол 3 от 30 октября. Имелись и более ранние упоминания — 23 октября WM(41)105-е заседание, протокол 1, и на Совете обороны 17 октября DO(41)65-е заседание.

² DO(41)24 от 31 октября 1941 г.

вопрос о помощи Югославии, поскольку это могло бы в той или иной форме поставить под удар британские операции. При таких обстоятельствах вопрос был предreshен. На заседании пришли к единому выводу: «пригласить представителей Адмиралтейства, при содействии военного министерства и УСО изучить (как дело чрезвычайно срочное) возможность отправки оружия и боеприпасов югославским повстанцам морем — с Мальты и Ближнего Востока»¹. Результаты этого решения можно отследить по телеграмме ближневосточным командующим, датированной 7 ноября². Ее содержание соответствовало черновому проекту, но было и дополнение, где говорилось без обиняков: «В настоящее время мы не в состоянии оказать югославам существенную военную помощь».

По сути, сие означало: в помощи мы не отказываем, но ситуация осложняется всевозможными нехватками — самолетов, подводных лодок, парашютов, оружия, радиопередатчиков, людей. Все это было необходимо для сражений за Тобрук и Мальту. Архивные папки полны взаимно обвиняющих телеграмм — одни сообщали о том, что требуется, другие — о том, почему эти требования невозможно удовлетворить. Вот, например, телеграмма каирского УСО от 29 ноября 1941 г.³:

- «...2. Совершенно очевидно, что восстание на Балканах не рассматривается как вопрос серьезный.
3. Несмотря на то что сербские партизаны связывают своими действиями приблизительно шесть немецких дивизий, помимо многих итальянских дивизий в Сербии, Боснии и Монтенегро, с нашей стороны не делается практически ничего, чтобы поддержать эти силы в горах.
 4. Несмотря на указания, полученные от высших властей, от КНШ в Лондоне... до сих пор не представилась возможность сделать что-либо более существенное, чем ничтожная помощь — 400 кг боеприпасов.
 5. На основании указаний, поступивших из Лондона и местных, мы обещали Хадсону, что еще в течение этой луны помощь будет направлена, это было воспринято Хадсоном как предложение Михайловичу и партизанам примириться (см. его телеграмму № 5 от 21 ноября).
 6. Луна уже взошла, а мы все еще мечемся в поисках самолетов.

¹ COS (41)35-е (0) заседание 4 ноября.

² COS(41)379-е заседание, протокол 2 от 7 ноября, а также телеграмма COS197 от 7 ноября командующим на Ближнем Востоке.

³ Архив УСО, папка (AD/S.1) SC/34/9.

7. Если факты, упомянутые в пункте 3, принимаются, то Балканы, и особенно Югославия, должны считаться постоянным фронтом, а не (повторяю — **не**) фактором отвлекающим и побочным, в связи с чем помощь оказывается лишь в том случае, если позволяют время и материальные возможности.
8. Если помощь не будет направлена немедленно (повторяю — **немедленно**), возникнет риск разобщения этого фронта и быстрой переброски большей части войск противника, ныне скованных на Балканах.
9. Если такое отношение будет и дальше сохраняться, это вызовет сокрушительные последствия в соседних с Балканами странах, особенно в Греции, где в свой срок вполне можно уповать на восстание...»

На телеграмме красными министерскими чернилами начертано рукой м-ра Дальтона: «Довольно безысходно, да и неудивительно!»

Нет никаких сомнений, что позиция Каира разделялась лондонским УСО, приведу два примера из многих.

Бригадный генерал Габбинс пишет сэру Фрэнку Нельсону 29 ноября¹: «Совершенно очевидно, что югославское восстание — событие весьма важное, и мы, британцы, проявим величайшую неумелость и халатность, если для его поддержки не сделаем все возможное... В данный момент, по моему мнению, помощь Югославии стоит любого количества бомб, сброшенных на Германию. В этой стране у нас есть третий наземный фронт против немцев, который, если ему помочь, может держаться много месяцев и стать постоянной незаживающей болячкой».

Лорд Гленконнер* пишет м-ру Джеббу 4 декабря: «Теперь совершенно ясно, что командующие и начальники штабов противятся отвлечению наших войск на поддержку повстанцев, а мы, следовательно, как обычно, провалились меж двух стульев и в данный момент силится привести к компромиссу стороны, придерживающиеся противоположных взглядов. Говорю, что мы провалились меж двух стульев, поскольку убежден, что окажись

¹ Подлинник (направлялся в министерство иностранных дел) в папке (AD/S.1) SC/34/9 Архива УСО.

* [К. Дж. Теннант, 1899—1983 гг., 2-й лорд Гленконнер с 1920 г., ведал балканскими делами УСО в 1940—1941 гг., возглавлял каирское УСО в 1942—1943 гг.]

немцы на нашем месте, они бы решили либо поддержать восстание, либо закрыть на него глаза...»

На том этапе данная проблема была куда более важной, нежели вопрос о том, кого поддерживать — Михайловича или Тито. Без предоставления значительной помощи усилия УСО могли привести лишь к бесполезным и губительным выступлениям, да и нельзя было надеяться сплотить все силы Сопротивления под командой одного руководителя, если только этот руководитель не становился обладателем единственного канала, по которому щедрым потоком шли оружие, деньги и припасы.

Через три дня после записки лорда Гленконнера последовал Перл-Харбор[□], и стало яснее, чем прежде, что значительную помощь оказать не удастся¹. Однако к тому времени британское правительство уже было связано обещанием поддержать восстание в Югославии, в особенности восстание под руководством Михайловича.

Возможность превращения восстания в гражданскую войну стала очевидной вскоре после штабного совещания 4 ноября. Первым указанием на это послужил сигнал от Хадсона, который через Мальту и Каир достиг Лондона 9 ноября²: «Невозможно установить связь с партизанами. Михайлович настаивает, что передача вашего сообщения станет концом в наших отношениях. Схватки между четниками и партизанами вспыхнули вчера и продолжаются в Позегаре, Цацаке и Узице. Михайлович надеется вскоре ликвидировать разногласия... Настаивает на соответствующих радиопередачах из Москвы и Лондона». Это полностью подтверждало сообщение от самого Михайловича, полученное 13 ноября: «Коммунисты напали на нас и вынудили сражаться одновременно против немцев, коммунистов, усташей и других группировок. Несмотря на это, вся страна за короля...»

[□] 7 декабря 1941 г. японская авиация внезапным ударом вывела из строя основные силы Тихоокеанского флота США, находившиеся на стоянке в военно-морской базе Перл-Харбор на Гавайских островах. 8 декабря США объявили войну Японии и тем самым вступили во 2-ю мировую войну на стороне союзников. Одновременно с США войну Японии объявила и Великобритания.

¹ См. письмо генерала Исмэя м-ру Джеббу от 13.12.41 в папке (AD/S.1) SC/34/9 Архива УСО.

² Копия в подборке сообщений «Точное попадание» (т.е. кодового наименования телеграмм Хадсона) в папке 18/400/78 Архива УСО. Сообщения Хадсона передавались через Каир, и, по-видимому, все копии были уничтожены при эвакуации в июне 1942 г.; подборка исходящих сообщений, следовательно, весьма неполная.

Стоит привести также сообщения Хадсона о политической обстановке, полученные 13 ноября и днем позже: «Коммунисты во главе партизан по-настоящему против держав Оси. Монтенегро создана партизанами, а Михайлович там только-только начал. Михайлович в отношении партизан непреклонен и открыто ведет своих четников, скорее, к Недичу, чем к коммунистам. Партизаны на компромисс пойдут, но Михайлович убежден, что все козыри у него на руках. Михайлович и его офицеры всецело преданы короне. Обе партии отвлекли крупные силы с немецкого фронта. Многие примкнули к партизанам, поскольку они начали первыми, но они уйдут к четникам, если их поддержат британцы. Гражданская война затянется надолго и в течение многих месяцев не позволит предпринять что-либо стоящее против немцев». И 14 ноября: «Предлагаю вам уведомить Михайловича, что полной британской помощи не последует, если не будет предпринята попытка объединить под его командой все антифашистские элементы. Эта попытка должна быть осуществлена при моем личном обсуждении условий такого объединения с партизанами в Узице и предоставлении вам отчета об этом... Такой попытке должны предшествовать настойчивые призывы к единству московского радиовещания на партизан».

И британское, и югославское правительства незамедлительно стали действовать в соответствии с предложением полковника Хадсона. Генерал Симович тут же обратился с просьбой к И. Майскому в Лондоне и к собственному послу в Куйбышеве, стремясь убедить советское правительство использовать свое влияние для объединения антифашистских сил вокруг Михайловича. 13 ноября он направил м-ру Идену просьбу повлиять на русских через сэра Стаффорда Криппса, а 15 ноября сам выступил по радио с призывом к единству. Радиообращение короля прозвучало 1 декабря, в национальный праздник Югославии. Министерство иностранных дел предпринимало параллельные действия, ведя переговоры с И. Майским и в Куйбышеве¹. Ни И. Майский, ни Вышинский* (с ним сэр Стаффорд Криппс встретился 18 но-

¹ См. письма от сэра Александра Кадогана М. Симовичу, датированные 16 и 18 ноября, и телеграммы министерства иностранных дел в Куйбышев № 155 от 16 ноября и R.10199 от 29 ноября. Копия в папке (AD/S.1) SC/34/9 Архива УСО.

* [А.Я. Вышинский, 1883—1954 гг., советский главный прокурор с 1936 г.] А.Я. Вышинский, зампрокурора и прокурор СССР в 1933—1939 гг., в 1940—1953 гг. занимал руководящие посты в МИД СССР. — *Дополнение пер.*

ября¹) не предприняли ничего, если не считать общих высказываний о благе единства. Существенными оказались сообщения, направленные югославским правительством Михайловичу и Управлением специальных операций — Хадсону.

Суть первого, отправленного 19 ноября, такова: «Его Величество король Петр, правительство и я лично действуем в полном согласии. Мы осуществляем югославскую политику. Мы используем все имеющиеся в нашем распоряжении средства для увеличения материальной помощи вам...

Нами предприняты меры по прекращению ненужной деятельности партизан и по принятию ими вашего командования, как говорилось в моем выступлении 15 ноября. Старайтесь сгладить ваши разногласия и воздерживайтесь от любого вида защитных действий».

Остальные телеграммы связаны с производством полковника Михайловича в генералы — шаг весьма знаменательный в югославской военной политике, направленный на дальнейшее смягчение указаний к достижению компромисса.

Британское сообщение, переданное Хадсону 16 ноября, звучит настойчивее²: «Правительство Его Величества ныне исходит из того, что борьба, если ей суждено быть успешной, должна вестись югославами за Югославию, а не ради возглавляемого коммунистами бунта... Посему Правительство Е.В. просит Советское правительство побудить коммунистические элементы присоединиться к Михайловичу, сотрудничать с ним против немцев, отдав себя безоговорочно в распоряжение Михайловича как национального руководителя. Симович также даст указание Михайловичу воздерживаться от ответных действий». Едва ли можно было выразить благие намерения с меньшим тактом и менее всего учитывая реалии сложившейся обстановки.

Встреча Михайловича и Тито состоялась 20 ноября и закончилась полным провалом. Отчет Хадсона вполне четок: «Присутствовал на четнико-партизанской встрече. Довел до них вашу позицию. Партизаны настаивают на сохранении собственного своеобразия, даже находясь под командой общего с чет-

¹ Телеграмма министерства иностранных дел, датированная 20 ноября, в досье «Белой книги». УСО также стремилось использовать имевшееся у него влияние через связи с НКВД, сведений об успехе таких попыток нет: см. телеграмму лорда Гленконнера московскому правительству УСО, датированную 22 ноября 1941 г. Копия в папке (AD/S.1) SC/34/9 Архива УСО.

² Копия в папке (AD/S.1) SC/34/9 Архива УСО.

никами генштаба. Симовича они считают слабаком. Ведущая роль партизан в восстании свидетельствует о незнании обстановки югославским правительством. По мнению партизан, народ утратил всякое доверие к бывшим югославским офицерам, ответственным за крах. Они подозревают, что Михайлович помогает Недичу и другим поддерживающим державы Оси элементам бороться с коммунистами. Партизаны будут и дальше бороться с Михайловичем, если только не произойдет объединения на их условиях. Теперь уже Михайлович согласен признать партизан. Я говорил с ним о том, чтобы обе стороны объединились для борьбы против немцев. Он верит, что британская помощь в его распоряжении и что мы сумеем помочь ему утвердиться единственным главнокомандующим». К этому Хадсон еще добавил: «Я считаю, что Михайлович обладает всеми необходимыми качествами, кроме силы. В настоящее время партизаны сильнее, и мы должны сначала избавиться от них при помощи британского оружия, прежде чем всерьез взяться за немцев. Сегодня он сказал мне, что нехватка боеприпасов вынудит его отступить от Равногоры, если партизаны продолжат боевые действия». Сказано жестко, однако вполне соответствует истинному положению вещей: дальнейшие переговоры бесполезны, пока Михайлович не получит достаточной британской поддержки, чтобы стать притягательным центром, вокруг которого сплотятся остальные.

Собственный отчет Михайловича менее четок: «Я сделал все и добился прекращения братоубийственной борьбы, начатой другой стороной. В сражениях против одних и других я исчерпал почти все боеприпасы. Я предпринимаю величайшие усилия для объединения сил всей нации и завершения полной реорганизации для решительной борьбы с немцами. Крайне срочно необходимо получить оружие, боеприпасы, деньги, одежду, сапоги, а потом — остальное». Смысл здесь тот же, что и у Хадсона, однако по какому-то странному извороту мысли в желательном направлении британцы, как и югославское правительство, восприняли это как сообщение о временном союзе и направили поздравления и Хадсону и Михайловичу¹. Тем самым они обрекли себя на действия, направленные на превращение Михайловича в национального руководителя, предоставив ему монополию на британские поставки, при том что не могли обеспечить достаточных

¹ Телеграмма «Точное попадание» от 22 ноября 1941 г.; копия в папке (AD/S.1) SC/34/9 Архива УСО.

поставок. Окончательно их политика в этом отношении утвердилась после падения правительства Симовича 9 января 1942 г. и замены его новым правительством по главе с М. Йовановичем, который предпринял попытку усилить свои позиции, формально включив в правительство генерала Михайловича в качестве военного министра.

После неудачных переговоров в Узице «сцена погрузилась во мрак». Немецкое наступление охватило территории, на которых двойники-повстанцы вели борьбу между собой, и каждой из соперничающих сторон пришлось принять меры в соответствии с собственными тактическими установками. Партизаны, собрав ядро из профессиональных бойцов Сопротивления, прорвали окружение и ушли на новую территорию — на юго-восток Боснии. Люди Михайловича растворились среди местного населения или стали сотрудниками сил безопасности Недича. Хадсон оказался отрезанным от Михайловича, находясь на пути к прежнему штабу Тито, где обнаружил один из своих — уже ненужных — радиопередатчиков; до июня 1942 г. ему не удалось восстановить связь: какое-то время из-за превратностей войны, а позже из-за Михайловича, разозленного его попытками добиться компромисса с партизанами. Сам Михайлович большую часть декабря не выходил в эфир, а когда в январе 1942 г. он вновь начал передачи, потребовалось некоторое время, чтобы убедиться в их подлинности и в том, что они не ведутся под контролем немцев. Но даже после этого они оказались никчемными: смесь высокопарных фраз, направленных против коммунистов, и требований немедленной помощи, а также разведывательных данных неважного качества и бесконечных сообщений о награждении и присвоении званий отдельным офицерам. Последние занимали больше всего места, что сильно раздражало службы связи УСО.

В течение этого периода Лондон и Каир были беспомощны, но не бездеятельны. УСО не прекращало попыток наладить новые каналы связи, но до конца августа 1942 г. они оставались безуспешными. Две группы (известные как «Гидра» и «Хна») отправились с Мальты на подводной лодке 22 ноября 1941 г., однако были отозваны еще до того, как успели высадиться, поскольку понадобилось сосредоточить все имеющиеся подлодки в центральной части Средиземного моря. Как раз наступил переломный момент второго наступления в Ливии. Еще две группы («Желанная» и «Осуждение») были созданы на Ближнем

Востоке — рассчитывали произвести их выброску на парашютах с самолета, базирующегося на Мальте. Однако эти две группы в начале января были распущены после сокрушительных атак противника на мальтийские аэродромы. В конце концов «Гидра» и «Хна» были высажены с подлодки 25 и 27 января. «Хна», состоявшая из двух югославов, попросту исчезла. «Гидрой» командовал майор Теренс Атертон, британский офицер, хорошо знавший страну; группа состояла из югослава и британского сержанта. Никаких радиосообщений от них так и не поступило, но вскоре появились слухи о смерти майора Атертона. Из полученных позже сведений можно сделать вывод, что его и британского сержанта убили из-за денег и снаряжения, когда они попытались самостоятельно пересечь страну. Еще одну группу («Осуждение») в составе майора К.Дж. Эллиотта, британского сержанта и двух югославов ночью 5 февраля сбросили над Боснией, по приземлении ее почти сразу же схватили хорваты. «Желанную», командовать которой должен был майор Дж.Г. Хэд, все это время держали наготове, но вводу группы в действие мешали всяческие неблагоприятные обстоятельства, и в конечном счете она была распущена.

Все упомянутые группы направлялись вслепую: опасная игра, которая, как представляется, была проиграна полностью, поскольку в то время исчез даже капитан Хадсон. Печальный опыт, равно как и нехватка самолетов, нехватка снаряжения, нехватка профессиональных кадров привели к временной задержке в делах. Были люди, считавшие, что при хорошей выучке и настойчивости можно было добиться большего¹, и это стало одним из многих факторов, приведших в то время к разочарованию в Каирской организации УСО. Организация оказалась плоха, но тем не менее, трудности были реальными. Попытки отправить снаряжение тоже стали безуспешными, и то, что получил Михайлович до августа 1942 г., далеко не обеспечивало его нужд.

Обстоятельства засылки следующего агента позволили выявить немало связанных с этим трудностей. Агентом был югослав по имени Бранислав Радоевич, которого завербовали в нью-йоркском отделении УСО. Известно, что он был опытным судовым радистом, списанным с судна за антинацистскую агитацию. Радоевич оказался пьяницей, болтуном и сумасбродом, к

¹ См. рапорт майора Хэда от 1 мая 1942 г. в папке 18nc/470/1 Архива УСО.

тому же по политическим взглядам был близок к коммунистам, однако вряд ли являл собой образец коммунистического типа, который сложился в Югославии. Первоначальный план состоял в том, чтобы сбросить его с парашютом в каком-нибудь районе, где он мог бы войти в контакт с партизанами Тито. Предполагалось, что для выполнения этого задания у югослава есть кое-какие задатки. С апреля по август 1942 г. было совершено не менее девяти попыток осуществить операцию, но безуспешно. В конце концов решили сбросить его в штаб к Михайловичу — единственное место, где можно было организовать хоть какой-то прием. В ночь на 29 августа 1942 г. Радоевич благополучно добрался туда и представился под псевдонимом «капитан Чарльз Робертсон». Это было первое подкрепление, которое получил Хадсон со времени своего прибытия в сентябре 1941 г. Следом вскоре прибыла группа британских радистов в составе капитана П.Г.А. Лофтса и двух сержантов.

Тем самым впервые за все время Хадсону обеспечили надежный канал для связи, но одновременно «в нагрузку» ему оказался придан сумасбродный югослав, относившийся с антипатией к Михайловичу и имевший возможность слать донесения напрямую в Каир со своего радиопередатчика. Отношение «Робертсона» к Михайловичу было известно, его тирады могли иметь отрицательный эффект, усилив нелюбимые оценки Михайловича самим Хадсоном. Внутри УСО по-прежнему существовали резкие разногласия в связи с оценкой обстановки в стране.

Все это время успех работы УСО прежде всего зависел от имевшегося в его распоряжении транспорта, а это значит — подводных лодок и бомбардировщиков дальнего действия. От намерения использовать, как в Эгейском море, легкие шлюпки пришлось отказаться, поскольку необходимо было преодолевать значительные расстояния. Трудности с подлодками были объяснимы: по сведениям министра военно-морского флота, на Средиземном море оставалось всего две лодки, пригодные для транспортировки, и они были нужны для снабжения Мальты; остальные подходящие подводные лодки были переброшены для отражения японской угрозы в Индийском океане. Комитет начальников штабов твердо заявил, что Мальте и Индийскому океану следует отдать предпочтение перед генералом Михайловичем. Ситуация с самолетами более запутанная: не прекращались технические споры о возможностях и применимости «либерейторов», «галифаксов», «веллингтонов», «уитли» и даже

устаревших «уеллисли» с захваченными «хейнкелями». Максимальное требование УСО: предоставить в исключительное распоряжение Управления эскадрилью военно-транспортных самолетов дальнего действия, базирующуюся на Ближнем Востоке. Югославское правительство шло дальше и предложило кадрово обеспечить такую эскадрилью (а также подводную лодку) собственными людьми¹. Ни одно из этих предложений никак не учитывало, сколько реально имелось самолетов. А когда стало ясно, что единственными самолетами, способными достигать Югославии — когда использовать аэродромы Мальты стало невозможно, — являются «либерейторы», оказалось — их нужно специально приспособлять для этих целей. В наличии имелось только два приспособленных «либерейтора», на получение дополнительного самолета вскоре рассчитывать не приходилось, особенно после событий в Перл-Харборе, когда США начали собственную полную мобилизацию. «Либерейторы» оказались ключевой авиационной силой в Битве за Атлантику, равно как и в сражениях за Югославию. И здесь тоже в выборе приоритетов на деле никаких колебаний не могло быть².

В этот период трижды заходила речь об одном и том же: в декабре 1941 г. — по инициативе м-ра Дальтона³, в феврале 1942 г. — по инициативе м-ра Идена⁴ и в апреле после прямого обращения югославского правительства к премьер-министру и меморандума сэра Фрэнка Нельсона. Результаты в каждом случае схожи. Югославские дела поддерживало министерство иностранных дел и — менее напористо — военное министерство (по его данным, в марте 1942 г. в Югославии находилось семнадцать итальянских, пять немецких и четыре болгарские дивизии). Адмиралтейство и министерство авиации оставались тверды в своей позиции, что помощь антифашистским силам в Югославии возможна только за счет национальных интересов, которые, естественно, более важны. Фактически то был самый черный период войны, громадные американские ресурсы уже

¹ Запутывая дела еще больше, правительство направило независимую заявку на самолет по ленд-лизу из США, которую пришлось отзывать. См. телеграмму министерства иностранных дел USLON № 100 от 9 ноября 1941 г. в папке (AD/S.1) SC/34/9 Архива УСО.

² COS(42)117-е заседание, протокол 5 от 13 апреля.

³ DO(41)36 от 14 декабря и DO(41)72-е заседание, протокол 3 от 15 декабря.

⁴ COS(42)139 от 26 февраля, COS(42)67-е заседание, протокол 8, DO(42)7-е заседание, протокол 2 от 2 марта.

были задействованы, и все же во всех сферах политика оказывалась заложницей болезненных нехваток.

Самой интересной попыткой выйти из тупика было обращение к советскому послу в марте 1942 г. И. Майский встретился с м-ром Иденом 27 марта и получил от него Памятную записку, где утверждалось, что правительство Его Величества утратило связь с генералом Михайловичем и что, как представляется м-ру Идену, «Советское правительство располагает средствами поддержания связи с генералом Михайловичем. Если это так, то не окажет ли оно содействие правительству Его Величества, дабы достичь с генералом таких договоренностей, какие необходимы для получения им снабжения из британских источников, и не могло бы Советское правительство уведомить правительство Его Величества, где, по его мнению, находится генерал, чтобы можно было сбросить ему радиопередатчики»¹. В ответе И. Майского, переданном две недели спустя, говорилось (вполне естественно), что он «получил от своего правительства полномочия сообщить, что оно вообще не имеет связи с Югославией»². М-р Иден при очередной встрече уведомил посла, «что за время, прошедшее с тех пор, как я задал вопрос, нам удалось до некоторой степени восстановить связь с генералом Михайловичем». В ответ посол заявил, что будет признателен, если мы станем информировать его о любых значительных новостях, которые получим отсюда. Я обещал делать это. К этому времени в УСО убедились, что сообщения поступают действительно от самого Михайловича, а не от немцев, и м-р Иден вернулся к тяжбе с И. Майским 27 апреля. Михайлович, объяснил он, пожаловался, что «ему постоянно мешают в его работе коммунисты, которым (он располагает доказательством) оказывают помощь оккупирующие страну власти, — они очень хотят, чтобы обе стороны этой весной по-прежнему отвлекались на борьбу между собой». «Я осознаю, — писал м-р Иден, — что в данных обстоятельствах советскому правительству трудно осуществлять какой-либо контроль за упомянутыми коммунистами, вместе с тем, на мой взгляд, авторитетное слово, переданное по радио из Москвы, возможно, возымело бы на них действие».

¹ Делеша послу Его Величества в Куйбышев № 81 от 27 марта 1942 г. (исх. R.2079/178/G); копия в досье «Белой книги».

² То же, № 112 от 15 апреля 1942 г. (исх. R.2515/178/G); копия в досье «Белой книги».

Нет свидетельств о том, как поступило советское правительство в ответ на такое предложение. Вряд ли у них появились сомнения в том, что оно правдивое и честное, как и положено между союзниками. Надо сказать, что примерно в это время действительно произошла перемена в советской политике. Когда осенью 1941 г. Москве угрожала непосредственная опасность, сами Советы принялись убеждать британцев оказать помощь югославским повстанцам, независимо от политических взглядов. Однако в апреле 1942 г. обстановка изменилась к лучшему, и появилась возможность проводить более продуманную политику. М. Богомолов, советский посол при югославском правительстве в изгнании, высказал своим британским коллегам сомнения в *bona fides*[□] Михайловича и утверждал, что советское правительство не намерено вмешиваться в югославские дрязги¹.

Внутри Югославии события развивались быстро. В январе 1942 г. партизаны вновь подверглись нападению в Боснии и были оттеснены на юг в Монтенегро («второе наступление»), в марте — мае сражений стало еще больше («третье наступление»), и им вновь пришлось менять место дислокации. Возможно, каждый из этих переходов сопровождался «инцидентами» с войсками Михайловича или с остатками четников, которых вполне можно причислить к войскам Михайловича. Михайлович, разумеется, не прекращал жаловаться на коммунистов. Стала поступать информация из независимых источников о том, что партизаны ведут ожесточенную борьбу с войсками стран Оси, а Михайлович — нет.

Возможно также, что в это время Москва установила прямую радиосвязь с Тито: сотрудник советского посольства (некто Лебедев), возможно, находился при нем с самого начала. В начале лета в окрестностях Москвы начала работу радиостанция «Свободный югослав», она распространяла партизанские сводки (они свидетельствовали о хорошем знании обстановки) и целиком поддерживала партизан в их нападениях на «предателя и убийцу» Михайловича. Сейчас невозможно установить, то ли партизаны вынудили Москву поддержать гражданскую войну, то ли имело место обратное влияние. Одно не вызывает сомнений: к июню 1942 г. советское правительство перешло исключительно к поддержке Тито.

[□] Добросовестность (*лат.*).

¹ Письмо сэра Джорджа Рендела м-ру Говарду, Южный департамент, 28 апреля 1942 г.

В июле дошло до открытого дипломатического разрыва. В начале июля м-р Иден дал указание сэру А. Кларку Керру* в Москве еще раз обратиться к советскому правительству и предложить объединение усилий для прекращения гражданской войны¹. Позже в тот же день м-р Иден встретился с И. Майским, который дал решительный отказ, основанный на том, что его правительству известно о связях Михайловича с квислингским правительством генерала Недича. Поручение сэру А. Кларку Керру было отозвано, однако м-р Иден предпринял еще одну попытку 27 июля, когда И. Майскому была вручена Памятная записка. В ней утверждалось, что Михайлович всегда признавал — и считал это источником силы, — что ему преданы многие офицеры Недича и подобную тактику не стоит рассматривать как свидетельство измены. Ответом стал советский меморандум, врученный югославскому послу в Москве, в котором Михайлович прямо обвинялся в предательстве². Ответы последовали от м-ра Идена 20 августа³ и от югославского правительства 2 сентября, и на том обмен посланиями прекратился.

Открытый разрыв знаменовал начало нового этапа. Было совершенно ясно, что партизаны существуют и сражаются. Ясно было и то, что русские не станут вмешиваться, чтобы прекратить гражданскую войну: если ее суждено остановить, то вмешаться должны сами британцы. Следовало найти какой-либо способ для установления независимого контакта с партизанами. Кроме того, изменилась и военная обстановка. В октябре 1941 г. югославское восстание сочли преждевременным, теперь же, накануне высадки в Северной Африке, годилось любое средство, чтобы отвлечь силы немцев и сковать их войска. Как раз в это время активизировалось греческое партизанское движение, и многое было сделано для его поддержки и для того, чтобы направить его действия на повреждение немецких коммуникаций. До той поры, пока Северная Африка оставалась в руках Виши и 8-я армия стояла за Аламейном, помощь в Югославию поступала незначительная, однако стратегически югославское сопро-

* [А.Дж.К. Кларк Керр, 1882—1951 гг., возведен в рыцарское достоинство в 1935 г., посол в Ираке в 1935—1938 гг., в Китае в 1938—1942 гг., в СССР в 1942—1945 гг., лорд Инверчэпел с 1946 г.; в НБС.]

¹ Телеграмма R.4400/G от 13 июля; копия в досье «Белой книги».

² Письмо от 5 августа 1942 г.; копия в досье «Белой книги».

³ Письмо № 5254/178/G от 20 августа 1942 г.; копия в досье «Белой книги».

тивление было важнее греческого. Таким образом, особую важность приобрел вопрос: в кого предпочтительнее вложить военные инвестиции — в партизан или в Михайловича?

Служебным запискам для внутреннего пользования УСО (как в Лондоне, так и в Каире) на эту тему нет числа, но основывались они на столь немногих данных, что едва ли есть необходимость их обозревать. Лучшим среди них, по-видимому, является документ, подготовленный м-ром Хью Сетон-Ватсоном* в Каире 9 ноября 1942 г.¹ Это довольно реалистическая оценка состояния внутренней югославской политики в период между войнами. Была предложена и концепция, которой скорее всего предстоит следовать в условиях оккупации. Учитывая послужной список м-ра Сетон-Ватсона, интересно было прочесть на документе пометку, сделанную бригадным генералом Кеблом**, начальником штаба УСО в Каире: «Документ содержит великолепную оценку, сделанную, видимо, каким-нибудь коммунистом, да таким, кто совершенно определенно против Михайловича».

Фактически же, хотя определенный идеологический привкус в спорах имелся, УСО внутренне не было разделено идеологическими перегородками, деятельность Управления должна была соответствовать фактической обстановке. Нельзя было внести непосредственный вклад в стратегию союзников, не используя Михайловича, поскольку у англичан не было связи с партизанами. Едва ли всерьез можно было предлагать (после девяти срывов с «капитаном Робертсоном») отправить вслепую группу на партизанскую территорию (никто точно не знал, где она, партизанская территория) до тех пор, пока существующие отношения с Михайловичем не будут исчерпаны. Более того, требовалось освободить Хадсона, год проведенного «в поле» в суровых условиях, а затем как можно скорее направить другого старшего офицера, по возможности обладающего большим политическим опытом.

Выбор был невелик, и в конце концов остановились на полковнике У.С. Бэйли, еще одном горном инженерере, в то время

* [Дж.Х.Н. Сетон-Ватсон, 1916—1984 гг., сын Р.У. Сетон-Ватсона, взят на службу в Белграде, в Каирском отделении УСО в 1940—1944 гг., профессор русской истории Лондонского университета в 1951—1983 гг., автор книг; в НБС.]

¹ Копия в папке 18/360/30 Архива УСО (документы полковника Бэйли).

** [К.М. Кебл умер в 1945 г. См. окончание главы VIII.]

тридцатисемилетнем, который в Белграде был в свое время правой рукой полковника Ханау из отдела D, сыграл видную роль в организации УСО на Ближнем Востоке и был отозван для исполнения иных обязанностей (с легкими тучками над головой) во время реорганизации августа 1941 г.¹ Решение о его отправке приняли в сентябре 1942 г., однако по разным причинам в Югославию он попал лишь в Рождественский день 1942 г., а до тех пор весь груз ответственности нес капитан Хадсон.

ГЛАВА VII

ОПЕРАЦИИ В ГРЕЦИИ²

На ранних этапах войны Греция находилась в ином положении, чем другие Балканские страны, поскольку через ее территорию не проходили важные немецкие коммуникации, не было на ее земле и значительной немецкой собственности — именно эти факторы могли стать поводом для насильственных действий в дружественной нейтральной стране. Вдобавок Греция не испытывала непосредственного давления со стороны Германии: врагом на ее границах была итальянская армия в Албании (оккупированной на Пасху 1939 г.), а правительство Метаксаса* не испытывало дружеских чувств по отношению к итальянцам, но никогда не демонстрировало антипатии к немцам или к нацизму.

Следовательно, начать надо с того, что деятельность отдела D и MI(R) была здесь сравнительно пассивной. В самой Греции было вполне достаточно строить долгосрочные планы деятельности на случай оккупации и поставлять антиитальянские пропагандистские материалы на весьма подготовленный к этому рынок. Навлечь на себя неприятности можно было лишь при использовании Греции как перевалочной площадки для действий

¹ См. далее раздел 2 главы VIII.

² События «в поле» этого периода деятельности в Греции отражены в Описаниях Иэна Пири, которые содержат великолепную подборку материалов, хотя выводы его следует принимать лишь *cum grano*, т.е. с оговоркой.

* [Иоаннес Метаксас, 1871—1941 гг., генерал, диктатор Греции с 4 августа 1936 г.]

в других Балканских странах (особенно в Албании) и на островах Додеканес.

Представитель отдела D, некто Шоттон из «Ингерсолл рэнд компани», был назначен в сентябре 1939 г., однако работал он по совместительству и, судя по всему, не очень-то старательно. М-р Гудвилл побывал в Греции в апреле и мае 1940 г. и принял более продуманные меры — некоторые из них выдержали проверку временем. Есть свидетельство¹ о его беседах 15 апреля с госминистром Его Величества (сэром Майклом Палэйретом*), который «наотрез отказался втягивать свою дипломатическую миссию в нашу работу любым образом, способным скомпрометировать миссию в глазах греческого правительства».

Это означало, что сеть следовало создавать под прикрытием бизнеса и ряд видных представителей британской общины были завербованы — группа проходила под кодовым названием «Апостолы»². Из них «№ 1», известный как Марк, работал главным инженером афино-пирейского трамвайного треста, британской фирмы, а ядро организации составляли агент компании Ллойда и два инженера, занятые на восстановительных работах на озере Копаис. Понадобилось прислать из Лондона (под видом офицера ПВО для британской общины) кадрового офицера, который действовал бы как «№ 2»: 31 мая в этом качестве прибыл Иэн Пири — его специально перебросили по воздуху на Ближний Восток. В организацию вошли британские резиденты в Салониках (майор Мензис, уполномоченный по наблюдению за британскими военными захоронениями), в Патрасе и в Янине (возле албанской границы). Примерно в то же время к работе в посольстве приступил майор Барбрук в качестве представителя MI(R), а м-р Пенделбери, известный специалист по эгейской археологии, возвратился на Крит для оказания им помощи.

Организация «D» получила информацию³ от майора Тейлора — всеобъемлющий обзор, который, должно быть, вызвал некоторую тревогу в организации, только что созданной из

¹ Архив УСО, папка 19/340/1.

* [К.М. Палэйрет, 1882—1956 гг., посланник в Вене в 1937—1938 гг., введен в рыцарское достоинство в 1938 г., посланник в Афинах с 1939 г., покинул страну с королем Греции в 1941 г., посол при греческом правительстве в изгнании в 1942—1943 гг.; в НБС.]

² См. отчет Гудвилла от 16 мая и последующий отчет, полученный 19.5.1940; в папке 19/340/1 Архива УСО.

³ Датировано 25 мая и полностью приведено в Описаниях Пири, с. 5.

новобранцев делового мира. Кратко содержание его сводилось к следующему:

- 1) *Связь и снабжение*: «Речь идет об использовании Греции как канала связи для материального снабжения других стран на юго-востоке Европы, в особенности в Югославии».
- 2) *Диверсионная работа в Греции*: «Цель наша здесь в том, чтобы создать себе положение, при котором можно было бы устраивать диверсии в самой Греции *после* того, как она окажется втянутой в войну, что практически означает — после итальянского вторжения. Мне незачем обращать особое внимание на то, что при нынешнем состоянии дел нам не позволено совершать в Греции ни одной диверсионной акции, которая была бы направлена против греческого правительства — в том числе против его стремления к сохранению нейтралитета».
- 3) *Албания*: «Нет, разумеется, нужды обращать особое внимание на то, сколь деликатна эта работа и насколько осторожно мы должны ее проводить».
- 4) *Иная антиитальянская деятельность*:
 - а) Корфу,
 - б) Додеканес.
- 5) *Подпольная пропаганда*: «Я не знаю, насколько эта работа окажется:
 - а) практически осуществимой в Греции или
 - б) привлекательной при необходимости не ссориться с греческим правительством.

Мы сможем принять решение, когда я прибуду».

На первых порах агенты этой сети действовали не очень удачно. Попытка доставить тайком взрывчатку в Албанию не удалась, по счастью, никто из британских подданных не оказался замешан, и 6 июля от командующего на Ближнем Востоке пришло указание, предписывающее избегать всяческих неприятностей на албанской границе¹. Грек, агент MI(R), направленный на Крит для установления связи с политиками, настроенными против Метаксаса, был сразу же схвачен и вызволен с большим трудом². Груз черного металлолома, приправленного взрывчаткой, был отправлен с помощью евреев из Хайфы, однако его не

¹ «Греческая история» (Пири), с. 16—17.

² «Греческая история» (Пири), с. 17—18.

удалось благополучно доставить немецкому грузополучателю, которому он предназначался, и груз оказался в Пирее, где раздражал всех больше белого слона¹. Ни в одной из этих неудач «Апостолы» не были повинны, однако сами неудачи задели за живое этих респектабельных бизнесменов, и на совещании отдела D в Стамбуле 26—27 августа² было решено, что Пири следует по-тихому взять на себя обязанности «№ 1» в Афинах.

С 15 августа намерения итальянцев стали довольно очевидны — безо всякого повода и без предупреждения они торпедировали греческий крейсер «Hellé», стоявший на якоре у Теноса, и вести военизированные приготовления становилось все легче и легче, хотя нападение итальянцев последовало лишь 28 октября. Тогда же SO2 оказалась впервые вовлечена в греческую политику, причем в направлении, значимость которого выявится лишь позже. Сам Пири приписывает такой поворот частично возросшему пониманию сложности обстановки, его близким отношениям с м-ром Грэмом Себастианом*, британским генеральным консулом, и с почетным вице-консулом м-ром Томасом Боумэнном, а также отчасти приезду полковника С.У. Бэйли во второй половине октября 1940 г.³, который поразил его рассказами о политической работе, проводимой в других Балканских странах⁴. Бэйли особо указал, что «любая политическая деятельность, выходящая за пределы зондажа, должна откровенно обсуждаться с госминистром Его Величества», а финансовое обеспечение такой работы будет поступать из Лондона только при согласии госминистра⁵. Нет никаких свидетельств, чтобы кто-то из руководства вышел за эти рамки. Не предпринималось ничего существеннее «зондажа», да и денег было потрачено немного, и все же даже эти малые меры отразились на последующих событиях.

Причины, по которым заигрывания с местным правительством оказывались весьма желательны для местной SO2, указать труд-

¹ «Греческая история» (Пири), с. 18—19.

² См. протоколы в папке 19/340/1 Архива УСО и «Греческую историю» (Пири), с. 21.

* [Э.Г. Себастиан, 1892—1978 гг., генеральный консул в Афинах в 1940—1941 гг., Гетеборге в 1942—1944 гг., Антверпене в 1944—1950 гг., Милане в 1950—1952 гг.]

³ См. личный доклад полковника Бэйли майору Тейлору, датированный 18 ноября 1940 г., в папке 19/330/22 Архива УСО.

⁴ «Греческая история» (Пири), с. 44.

⁵ «Греческая история» (Пири), с. 46.

но, не дав обобщенное представление о греческой политике, а греческая политика необъяснима без конкретных личностей. Глава о гражданском соперничестве на Корфу в пятом веке до новой эры в книге III «Истории» Фукидида до сих пор звучит актуально, когда необходимо нарисовать политическую картину общества военного времени. Классовое разделение имеет важное значение, значимы и местные различия. Почти каждый проявляет интерес к политике, но все же до сих пор мало подлинной политической организованности — хоть на местном уровне, хоть на классовой основе. Режимы и министерства возносятся и падают в результате действий и сделок небольшого числа армейских офицеров, государственных служащих и профессиональных политиков (все они близко знакомы с семейными историями друг друга и политическим послужным списком каждого). Единственное постоянное различие существовало между «вовлеченными» и «отстраненными», и линии раздела менялись очень быстро, хотя каждый их след оставался в памяти греков. Был (первый) раздел между прогерманскими монархистами и пробританскими монархистами: король Константин и король Александр*, затем, когда германского вопроса не стало, появилась новая линия раздела — между монархией и республикой, утвердившейся в 1922 г. на руинах греческой авантюры в Малой Азии, вокруг этого раздела происходили весьма бурные события до 1935 г.; последнюю линию раздела определила поддержка, оказанная королем 4 августа 1936 г. режиму Метаксаса, который удерживался на «четыре-х тысячах человек с четырьмя тысячами автоматов в руках» и поставил вне закона руководителей довольно широкого спектра оппозиции в армии, судебной системе, на государственной службе и в политических кругах. Еще более запутывало ситуацию то, что проскрипции Метаксаса оправдывались в глазах общественности как способ подавления неминуемой коммунистической революции, хотя Коммунистическая партия в греческой политике являла собой фактор ничтожный. Ненависти к богатым было много, и тактика коммунистов имела некоторую притягательность для греков, однако сами коммунистические доктрины оставались недостаточно ясными для критян, островитян и зажиточных крестьян, в то время как сознание жителей горных сел и городских

* [1893—1920 гг., король эллинов во время первого отречения Константина, его отца. Константин, 1868—1923 гг., женился на сестре кайзера Вильгельма II, король в 1913—1917 гг., вернулся на трон после смерти сына, вновь отрекся от престола в 1922 г.]

рабочих вряд ли вообще занимали политические исчисления. До сих пор еще неизвестно, навсегда ли условия Соппротивления изменили их политические взгляды.

Личностям, вознесенным наверх на политической волне, несть числа, их отношения довольно невнятные, но оттого не менее важны. Возможно, полезно будет включить в это повествование краткие характеристики ключевых фигур, которые на данном этапе являлись значимыми.

Сам *Метаксас* изначально был человеком короля Константина. Штабной офицер, получивший военное образование в одном из лучших училищ Германии, за время Балканских войн профессионально преуспел, в политике стал заметен благодаря открыто заявленному несогласию сражаться на стороне Антанты в войне 1914 г. и с концепцией Венизелоса о новой Византийской империи эгеян, управляемой греками.

Панагиотис Канеллопулос был профессором политической экономики в Афинах, но существеннее то, что он был племянником премьер-министра короля Константина — Гумариса, казненного после поражения в Турецкой войне в 1922 г. Основатель и лидер немногочисленной и недавно созданной Партии национального союза, бывшей в оппозиции к Метаксасу, он выступал за национальное единство (с налетом либерализма) и поддерживал короля.

Генерал Гонатас и генерал Пластирас, оба полковника, снискали себе известность в войне с турками в Малой Азии, по сути, в «венизелосовской войне». В сентябре 1922 г. они совершили государственный переворот, вторично выдворив короля Константина. После этого они взяли на себя ответственность за казнь некоторых из министров короля — серьезное нарушение традиций греческой политики, всегда остававшейся (по балканским меркам) весьма милостивой к поверженному врагу. Установившийся затем военный режим являлся в основном режимом Пластираса, который в декабре 1923 г. выдворил и преемника Константина короля Георга II после неудачной попытки Метаксаса совершить государственный переворот в интересах короля. Гонатас впоследствии тихо поживал в Афинах, примирившись с восстановленным правлением Георга II. Пластирас был сделан из более прочного металла: он принял участие в бесполезных «венизелосовских путчах» марта 1933 г. и марта 1935 г. и кончил тем, что оказался в изгнании во Франции.

Полковник Бакирдзис, «красный полковник», принадлежал к относительно молодому поколению и также был связан с «венизелосовскими заговорами».

Генерал Пангалос, известный главным образом как «диктатор», захвативший власть за счет Республики в июне 1925 г. и сам позорным образом выдворенный *генералом Кондилисом* в августе 1926 г. Политическая позиция Пангалоса неясна: он сверг «венизелосовское правительство», но его враг Кондилис (который в нашем повествовании не появится) в ноябре 1935 г. едва ли не больше всех способствовал возвращению на трон Георга II. Пангалос, таким образом, обречен быть правым, но он не был всецело предан режиму Метаксаса.

Мантию *Венизелоса*¹ поделили меж собой многочисленные наследники, чьи притязания припоминаются с трудом. Из них здесь следует упомянуть лишь ныне изгнанного *Софоклоса Венизелоса* — сына, которому в наследство мало что досталось, кроме отцовского имени, *Софулиса*, очень старого и очень энергичного человека с острова Самос, который стал политической фигурой с того времени, как остров сделался частью Турецкой империи, *Кафандариса*, уверенно заявившего о себе как о лидере партии Венизелоса накануне несколько безответственного выступления самого великого деятеля в 1928 г.

К этому, возможно, стоит добавить упоминание о Народной партии, связанной с именем *Цалдариса-старшего*, который создал ее как конституционную консервативную партию, враждебную Венизелосу и поддерживающую монархию, но не имел дела ни с военными интригами, ни с непарламентским правлением. Партия, естественно, содействовала восстановлению на троне Георга II и приветствовала его в 1935 г., но как партия она не имела ничего общего с полуфашистской диктатурой Метаксаса. Племянник Цалдариса-старшего стал ее лидером, а затем и премьер-министром короля с апреля 1946 по январь 1947 г.

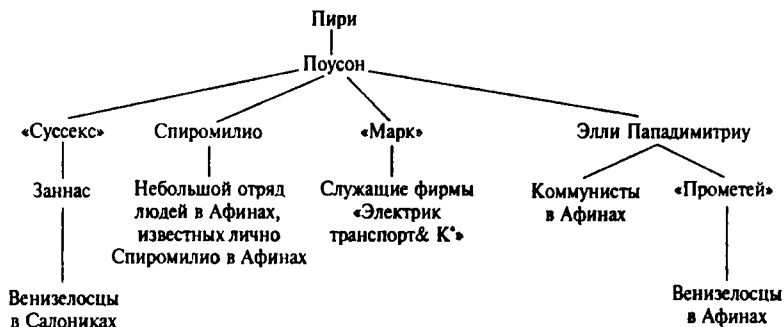
Этот — очень неполный — очерк помогает понять, как важно было выйти за рамки режима Метаксаса в поисках опоры для деятельности в случае немецкого нападения и последующей за ним оккупации. Режим Метаксаса довольно успешно справился с нашествием итальянцев: общественное сознание греков почти всецело сосредоточилось на сопротивлении и наполня-

¹ [Э.К. Венизелос, 1864—1936 гг., критянин, неоднократно премьер-министр Греции, стойкий либерал.]

лось гордостью за его успех, а Метаксас несколько умиротворил «отстраненных». На островах многих политиков выпустили из заключения, некоторые из понесших наказание офицеров возвратились на свои посты, правда, с понижением в звании. Однако стоило заглянуть подальше в будущее, как перспективы становились скверными. В клике Метаксаса симпатизировавшие немцам имели неплохие позиции, и вызывало большие сомнения, что она вообще что-либо предпримет перед грядущим немецким нападением. Если Метаксас сражаться не станет, значит, потребуется государственный переворот, чтобы сместить его. Для успеха заговору понадобилась бы такая же всенародная поддержка, как и сходному перевороту в Югославии. Но даже если Метаксас поднимется на борьбу, от его правительства не будет толку в качестве правительства в изгнании: немецкая пропаганда не оставила бы от его репутации камня на камне, обнажив всю подноготную, и нашлось бы немало греческих политиков, которые с готовностью приняли бы участие в немецкой программе «Долой Метаксаса!» На нижнем политическом уровне тоже нельзя было уповать на осознанную подпольную работу — как в партии Метаксаса, так и среди политиков иного толка было мало личностей: диверсионную деятельность могли вести лишь безвестные «люди из народа» при молчаливом одобрении простых греков, а не политиков из Афин.

Такого рода размышления навели на достаточно разнообразные контакты¹:

¹ Это довольно четко показано Поусоном на схеме, выполненной в августе 1941 г. (копия в папке 19/340/2 Архива УСО):

- 1) Первый контакт состоялся между представителем «Апостолов» в Салониках и семейством Заннас (тремя сыновьями и отцом), игравшим видную роль в македонском обществе еще до 1914 г. Самый старший из них, Георг, возглавлял греческий Красный Крест, второй, Александр, был политиком и управлял тем, что осталось от венизелосовского партийного механизма в Македонии и Фракии. Это дало готовую организацию, оказавшуюся позднее весьма полезной¹.
- 2) Контакты были установлены также с политиками разного рода, настроенными против Метаксаса, которые вернулись из изгнания в Афины в октябре; из них самыми известными были, пожалуй, генерал Пангалос и профессор Панагиотис Канеллопулос. Предлагалось установить связь с генералом Пластирасом в Ницце и Софоклосом Венизелосом в Нью-Йорке, но оба эти предложения лондонский Центр отверг.
- 3) Помощник Пири Поусон с января 1941 г. через настроенную против Метаксаса даму, мисс Элли Пападимитриу, поддерживал связь со знаменитым «красным полковником» Бакирдзисом («Прометей I»), которого подвергли «чистке» после неудачной попытки восстания в 1935 г.² Взгляды его были скорее радикально-республиканскими, нежели «красными», но он оказался более деятельным человеком, чем другие контактеры УСО в политическом мире, и, следовательно, с точки зрения УСО, более подходил в качестве руководителя агентурной сети после оккупации. Ему и его друзьям был доверен единственный радиопередатчик, переданный в самый последний момент — 24 апреля³, получили они и доступ к запасам диверсионного снаряжения (около полутора тонн), упакованного вместе с деньгами и инструкциями. Его запрятали еще до британской эвакуации. Так появилась сеть «Прометей», о которой еще много предстоит узнать впоследствии. Ее деятельнейшим членом был «Прометей II», капитан 3 ранга греческого флота Куюяннопулос, тоже жертва «чистки» 1935 г.

¹ «Греческая история» (Пири), с. 22.

² «Греческая история» (Пири), с. 97.

³ «Греческая история» (Пири), с. 112, а также документ под названием «Предложенные SO2 действия на Крите и в оккупированной Греции», датированный 19 мая 1941 г.; в папке 19/340/2 Архива УСО.

- 4) Пири отмечает¹: «Мы оставили в Афинах снаряжение и немало наличных денег каким-то коммунистам (возможно), которых нашла для нас Элли Пападимитриу, и каким-то людям, которых нашел для нас Милто Спиروмилио». Это единственное свидетельство о связях с коммунистами в то время, и ничего другого о развитии контактов по этой линии не появилось.
- 5) «Марк», главный инженер трамвайной компании, привлек около двадцати рабочих из числа своих сотрудников для обучения в небольшой диверсионной школе, устроенной SO2 на островке залива Суда, возле Крита. Эти люди были изолированной неполитической группой и вряд ли годились для того, чтобы стать ядром разрастающейся организации. Одним из учеников в школе, которому предстояло сыграть видную роль, был некий Герассимос (или «Одиссей»), контрабандист, моряк с небольшой лодки, человек немалых возможностей и сомнительной репутации; его SO2 завербовала еще до падения Крита, когда создавалась сеть причальных пунктов для лодочного движения по Эгейскому морю. Впоследствии эти причалы очень пригодились.

Эта политическая деятельность занимала у резидентуры сравнительно мало времени в зимний период Итальянской кампании. По указанию² бригадного генерала Уайтли, который в начале ноября 1940 г. побывал в Афинах с поручением генерала Уэйвелла, MI(R) (все еще находившейся в подчинении ближневосточного штаба) надлежало действовать на Крите, отделу D (теперь в составе SO2) — на материке; впоследствии отдел D получил еще и острова архипелага, в том числе и школу на острове в заливе Суда. Когда несколько позже генерал Уэйвелл побывал в Афинах, отделу D запретили³ дальнейшее складирование взрывчатых веществ в районе к югу и западу от реки Вардар и даже использование их после оккупации, передав в распоряжение генерала Хейвуда*, ведавшего в британской военной миссии организацией диверсий и взрывов в Греции во время наступления противника. Миссия, однако, и не думала составлять планы

¹ «Греческая история» (Пири), с. 97.

² «Греческая история» (Пири), с. 38.

³ «Греческая история» (Пири), с. 94.

* [Т.Г.Г. Хейвуд, 1886—1943 гг., в России в 1939 г., в Голландии в 1940 г., в Греции в 1940—1941 гг., вышел в отставку, будучи в Индии.]

диверсий после вражеской оккупации, не посоветовавшись с греческим правительством и генеральным штабом. Положение стало яснее¹ в начале 1941 г., когда британские войска начали высадку и политика удержания линии по Олимпу получила подтверждение. Все к северу от этой линии перешло под ответственность греков и британской военной миссии, которой помогал отдел D; к югу от линии взрывные работы до эвакуации были делом британских военных, что частично и осуществлялось через MI(R), если поступало распоряжение командующего.

Когда началось немецкое наступление, Мензис и Александр Заннас вместе с группой саперов майора Веста подготовили и провели взрывы в районе Салоников, в том числе в гавани и на оборонительных сооружениях гавани². В Афинах все оказалось сложнее — там городская электростанция и нефтехранилища в Пирее остались неповрежденными. Споры о том, кто несет за это ответственность, по сути, не касались ни отдела D, ни MI(R), хотя министр и вознамерился защитить их. Ситуация была очевидной: греки — от короля и до самых низов — готовы были, если потребуется, оказать сопротивление, а генерал Хейвуд не был готов применить силу, чтобы преодолеть сопротивление³.

У подрыва Коринфского канала тоже в некотором роде своеобразная история, которую излагать в деталях нет нужды. Идея долго обсуждалась и была отвергнута, еще когда Греция пребывала в состоянии мира⁴. После нападения Италии на Грецию разговоры о том, как блокировать судоходство, велись весьма неторопливо. Сотрудничество греков в проведении акции вызвало большие сомнения, и, когда время пришло, решили воспользоваться давним планом. Исполняя его, капитан 3 ранга Камберледж 26 апреля провел по каналу вспомогательную шхуну отдела D «Дельфин» и незаметно утопил шлюпку, груженную двумя с половиной тоннами взрывчатки. Установили взрыватели замедленного действия, которые должны были сработать шесть дней спустя.

¹ «Греческая история» (Пири), с. 99.

² Отчет Мензиса, датированный 30 апреля, в «Греческой истории» (Пири), с. 101.

³ См. Отчет Пири от 5 мая в «Греческой истории» (Пири), с. 104; телеграмму из Каира от 29 мая (Пири), с. 109; собственное Описание Пири на с. 110. См. также документы лондонского Центра, в том числе записку м-ра Дальтона премьер-министру от 10 июня в папке (AD/S.1) ND/61 Архива УСО.

⁴ «Греческая история» (Пири), с. 35.

Что произошло дальше, неясно, но что-то вышло не так, поскольку взрыв оказался лишь отчасти успешным¹.

Проникновение на Додеканес и в Албанию было не очень успешным. Связи с различными ссыльными додеканесцами были установлены, но (*цитирую Пири*) «поиски вскоре выявили не менее двадцати четырех тайных обществ в Афинах по избавлению двенадцати островов»² — ни одно из них не являлось серьезной организацией. Были также закуплены небольшие шлюпки, которые намеревались пустить в ход для так называемых торговых ходок, но эта затея не осуществилась из-за нападения итальянцев. Так что не существовало никакой организации, представлявшей хоть какую-либо ценность для английских спецслужб во время войны.

Албанские дела были столь же сложны, но несколько более результативны: велась кое-какая пропаганда, доставлено некоторое количество оружия, албанцы с гор устраивали небольшие вылазки, действуя против итальянцев. Был подготовлен, к примеру, отчет, направленный м-ром Дальтоном премьер-министру, о том, что в январе 1941 г. албанцы разграбили дворец итальянского губернатора в Тиране³. Однако британские агенты в страну не засылались, и вопрос о каком бы то ни было общем восстании в Албании не ставился, хотя оно и значилось в планах британского «координационного комитета» в Стамбуле, возглавляемого полковником Стерлингом*, работавшим прежде в албанской жандармерии. Такая возможность могла появиться при вступлении Югославии в войну, тогда на какое-то время итальянские войска оказались бы в чрезвычайно затруднительном положении. Майор Оакли Хилл с отрядом албанцев был отправлен с югославской стороны, но обстоятельства сложились не в пользу союзников: отряд был рассеян, а майор Оакли Хилл взят в плен.

Отдел D, организуя британскую пропаганду в Греции, действовал довольно разнообразно: распространялись и обычные

¹ Отчет Пири от 5 мая 1940 г. в «Греческой истории» (Пири), с. 106; Записка от 8 сентября 1942 г. в папке HD/F.61, ч. II.

² «Греческая история» (Пири), с. 23.

³ См. письмо премьер-министра от 20 января 1941 г. в папке 1/470/1 Архива УСО.

* [У.Ф. Стерлинг, 1880—1958 гг., сражался в Южной Африке, в Галлиполи, советник албанского правительства в 1932—1933 гг., в Сирии в 1942—1949 гг., умер в Танжере; в НБС.]

подпольные листовки, расклеивались плакаты, проводились кампании по распространению разного рода слухов. С ответственным за гласную работу с общественностью (м-р Джерард Янг) и с пресс-атташе (м-р Дэвид Уоллес) отношения сложились великолепные, с секретными службами — менее добрые, и лишь в январе 1941 г. для сведения всех британских усилий воедино был создан комитет пропаганды¹. Пропаганда — понятие довольно расплывчатое, даже когда речь идет о хорошей пропаганде, а потому трудно определить ценность сделанного. Самым большим новшеством² (и тем, что дало некоторые плоды) стали панбалканские радиопередачи из Греции, этот проект греческое правительство, оказавшись в состоянии войны с Италией, восприняло доброжелательно. Полковник Бэйли усмотрел в нем ядро будущей Иерусалимской радиостанции, для которой подбирал сотрудников в различных Балканских странах. «Я имею в виду, — писал он 8 ноября 1940 г., — радиослужбу, которая прежде всего станет подготовительной площадкой для панбалканской радиостанции, которую я предлагаю создать... если в том возникнет необходимость после оккупации Балкан»³. Официально радио являлось греческим, но британское влияние в нем было очень сильным, «отзывы» же с Балкан поступали благоприятные⁴.

Как только британские войска обосновались в Греции, Пири принялся настаивать на развитии вещания, имея в виду открытие в Греции собственной английской радиостанции — «Голос Британии, обращенный из Греции»⁵. Дела ускорились югославским государственным переворотом 27 марта 1941 г., и сами югославы увлеклись идеей «времени в эфире», которым они сами и распоряжались бы. На деле радиостанция начала работу 7 апреля⁶, воспользовавшись свободным передатчиком, позаимствованным у «Кэйбл энд вайерлесс», но основные балканские ведущие были

¹ «Греческая история» (Пири), с. 69; в папке 19/270/01 Архива УСО есть сведения об этом комитете, а также замечания и копии некоторых протоколов.

² См. отчет Сирайта от 4 ноября 1940 г. в «Греческой истории» (Пири), с. 59.

³ «Греческая история» (Пири), с. 61.

⁴ Письмо Бэйли от 27 ноября в «Греческой истории» (Пири), с. 62.

⁵ Упомянуто в Етрах № 69 от 12 марта и в телеграмме Пири от 15 марта. В «Греческой истории» (Пири), с. 83, а также в папке 19/270/01 Архива УСО — письмо Пири Тейлору, датированное 30 марта 1941 г.

⁶ «Греческая история» (Пири), с. 88.

людьми заметными, и их пришлось эвакуировать, как только угроза немецкой оккупации сделалась явной. Так что вскоре «Голос Британии» умолк. Однако, как то и планировалось, некоторые ведущие вновь объявились на различных «радиостанциях Свободы», созданных в Палестине.

Это обращает нас к теме военного разгрома Греции и необходимости продолжить нить политического повествования.

Следует уточнить, что все рассказанное на этих страницах основано на документах из архивов УСО из Лондона и Каира, которые содержат лишь малую толику материалов министерства иностранных дел и практически никаких — о работе СИС и MI9. Повествование ведется с позиций УСО, хотя и без всякого рода пристрастий. Более полное освещение британской политики требует дальнейших исследований.

29 января 1941 г. внезапно умер генерал Метаксас¹, однако трудностей из-за перестановок в его правительстве удалось избежать, и премьерство досталось Коризису, при котором никаких серьезных изменений в политике не произошло. 18 апреля 1941 г. Коризис покончил жизнь самоубийством, когда немецкая оккупация стала полной: Греция осталась без правительства, и было важно сформировать таковое как можно скорее для сохранения греческой государственности, которую, как надеялись, можно было бы поддерживать на греческой земле Крита. Зайти слишком влево было невозможно, так как командующий из соображений безопасности настаивал² на временном заключении Маниадакиса, министра внутренних дел Метаксаса и «Гимлера» этого режима, личность которого вызывала отвращение у всех умеренных политиков Греции. После суетных и путаных переговоров пост министра достался Цудеросу, банкиру-венецелосцу, выходцу с Крита, который оказался одной из жертв «чисток» Метаксаса³. Однако отыскалось немного политиков той же окраски: Маниадакис со своими приятелями были удалены, когда правительство оказалось на Крите, однако, несмотря на это, в роялистском лагере Цудероса к нему стали относиться как к ренегату, а не как к представителю венецелосцев.

29 апреля группа УСО была успешно эвакуирована на Крит на лодке, хотя и не без потерь: исчезла лодка «Ирен» с кодами и

¹ См. описание обстоятельств смерти в «Греческой истории» (Пири), с. 53, а также в его отчете от 7 января 1941 г.; Архив УСО, папка 19/100/43 «Греция политическая».

² «Греческая история» (Пири), с. 55.

³ Версию Пири см. в «Греческой истории» (Пири), с. 55 и далее.

расписанием связи для радиопередатчика, оставленного Куцояннопулосу (Прометею II), — это была единственная заранее подготовленная линия связи¹. На Крите штаб-квартира SO2 расположилась в порту Ханья, и работа началась заново. Программа приведена в телеграмме² из Каира в Лондон, датированной 22 мая; в ней нашли отражение результаты дискуссий с генералом Уэйвеллом. Не было никакой возможности осуществить данную программу, и единственное, что вызывает интерес, — договоренность о том, что греческое правительство не привлекается для консультаций относительно использования сети, оставленной SO2 на материке.

После падения Крита группа благополучно перебралась в Египет, за исключением Пенделбери, — его, тяжело раненного, застрелили в постели немцы, как только установили его личность. Еще одна неудача: оказалась потерянной связь с «Одиссеем», на которого рассчитывал Пири как на курьера для связи с организацией в Афинах. Лишь по прошествии нескольких месяцев контакт с моряком был восстановлен. После этой эвакуации единственным британским офицером, оставшимся в Греции, оказался капитан О'Брайен Макнаббс³, представитель MI(R), отозванный из Бухареста. Он добровольно остался на Пелопоннесе для помощи в эвакуации отставших британских солдат и, если получится, в организации партизанской деятельности. Он хорошо работал и много месяцев оставался на свободе, однако радиосвязь с ним наладить не удалось. В конце концов капитана выдал предатель, и он был схвачен примерно в мае 1942 г.

Даже после оккупации Крита Греция оставалась для SO2 страной, во многих отношениях более легкой для работы, чем другие государства на Балканах. Враг не мог остановить или полностью взять под контроль лодочное движение по Эгейскому морю, не разрушая жизнеобеспечения населения; и постоянный поток греческих беженцев (обычно располагающих политическими связями) достигал Турции или других стран в Леванте без помощи какой бы то ни было британской организации. Лодочное движение в обратном направлении тоже являлось делом относительно легким по сравнению с Югославией, Болгарией и

¹ Отчет Пири об эвакуации, отправленный в лондонский Центр 9 мая 1941 г., находится в папке 19/340/2 Архива УСО. Документы, содержащиеся в этой папке, дают ясную картину реорганизации SO2 (Греция) после немецкого нашествия.

² «Греческая история» (Пири), с. 120.

³ «Греческая история» (Пири), с. 111, 112.

Румынией. Кроме того, в Египте и других странах Леванта имелись большие и зажиточные греческие общины. Шлейф активной политики, таким образом, тянулся за греческим правительством в изгнании, и оно лишь временно отошло от нее, направившись поначалу в Южную Африку, а затем — в сентябре 1941 г. — в Лондон. Понятно, что египтяне тогда не хотели, чтобы на их территории обосновалось какое-либо правительство в изгнании, но была еще и Палестина, так что трудно объяснить, зачем греческому правительству понадобилось перебраться в Лондон, разве что желанием укрепить собственное положение близостью к британским властям и отстраниться от активной греческой политики в Леванте.

Мало что удалось сделать за первые месяцы в Каире, не считая создания — при содействии греческого правительства — школы подготовки в Хайфе для греков, которым предстояло возвратиться в Грецию и работать там. Созданием школы руководил майор Барбрук, бывший представитель MI(R) в Афинах, а брат короля, принц Петр, был назначен главным офицером связи¹. Деятельная британская организация стала проявлять себя только тогда, когда в августе 1941 г. за дела УСО взялся м-р Теренс Максвелл. О первой его организационной структуре будет подробно рассказано позже, по сути, в ней слились, серьезным образом не меняя свой функциональной роли, отдел D (ныне Директорат политики и агентов), MI(R) (ныне Директорат специальных операций), SO1 и GS1(K) (ныне Директорат подрывной пропаганды)². Полковник Мастерсон, работавший в Белграде, стал директором службы политики и агентов, а Пири и Поусон возглавили в его Директорате Греческий отдел. В то же время их старые друзья Себастиан и Боуман, генеральный консул и почетный вице-консул в Афинах, стали «советниками по греческим делам британского посольства в Каире»³, а позже перешли в представительство госминистра: они тесно сотрудничали с неким Милто Спиروмилио, давним контактом УСО, которого Цудерос оставил в Каире в качестве личного представителя по подрывному делу⁴. Старшим греческим министром на Ближнем

¹ «Греческая история» (Пири), с. 125.

² См. «Греческую историю» (Пири), с. 130, а также раздел 3 главы VIII.

³ Заметки о беседах между Боуманом и Цудеросом переданы в Лондон 6 июня; копия в папке 19/340/2 Архива УСО.

⁴ «Греческая история» (Пири), с. 127. Список личного состава Греческого отдела в Каире на 18 сентября 1941 г. в папке 19/340/2 Архива УСО.

Востоке в то время был адмирал Сакеллариу, вице-президент Совета и министр морского флота, который политически был отмечен как человек, не подвергшийся «чистке» Метаксаса.

Все последующее вызывает ожесточенные споры: не взяли ли представители УСО в Каире на себя больше того, что им предписывалось? Ведь они получили указание вести всякого рода деятельность, направленную во вред итальянцам и немцам в Греции и побуждающую население к сопротивлению. Возникли даже споры о том, не проводили ли они собственную внешнюю политику, которая противоречила политике правительства Его Величества. Политика министерства иностранных дел была направлена на поддержку короля Георга*, учитывая, что тот лоялен к Великобритании. Эта политика прослеживается и во время визита м-ра Идена в Афины в первые дни марта 1941 г.; материалы вокруг визита публиковались министерством иностранных дел 26 февраля 1942 г.¹ Следующий документ указывает на положение в октябре 1941 г.: «Министр (после обсуждения между королем Георгом и м-ром Черчиллем) определил, что наша политика состоит в поддержке короля Греции и нынешнего греческого правительства. Фактически мы взяли обязательство поддерживать их до конца. Было признано, что, если король и нынешнее правительство будут призваны обратно в Грецию, мы обязуемся вести работу во имя Греции, объединенной вокруг своего короля и правительства, и мы, следовательно, вправе ожидать, что греческое правительство не станет призывать к вражде своих граждан... Для обеспечения этого королю и правительству следует делать все от них зависящее, чтобы развеять недоверие, которое, несомненно, существует в отношении их политических намерений».

В рамках этой политики было разумно (по сути, необходимо), чтобы УСО, достаточно хорошо осведомленное, представило свои соображения относительно условий, позволяющих «рассеять недоверие». Подобное «недоверие» попросту делалось опасным препятствием работе УСО в Греции, и, вероятно, было бы разумно, чтобы УСО использовало имевшееся у него влияние для создания условий, позволяющих его устранить. Однако, как выяснилось, правительство Цудероса не желало соответствовать

* [Георг II, 1890—1947 гг., король эллинов в 1922—1924 и 1935—1947 гг.]

¹ R.1362/112/19 от 26 февраля 1942 г.; копия в папке (AD/S.1) HD/F.61, том 2, Архива УСО.

этим условиям, и в результате УСО стали приписывать влияние, враждебное режиму. Это повлекло за собой и другое обвинение УСО — в расширении служебных функций. Утверждали, что оно не только сообщает о существующем недоверии, но и намеренно преувеличивает его и даже потворствует ему ради собственных политических целей, то есть будто бы УСО проводит внешнюю политику, противоположную политике правительства Его Величества.

Подобные обвинения в преднамеренном злом умысле заходят чересчур далеко. С другой стороны, важно осознавать, что УСО было поставлено в трудное положение, оказавшись меж двух хозяев: министерством иностранных дел, главной заботой которого являлось сохранение монархии в Греции — как во имя обещанной лояльности союзнику, так и во имя долгосрочной политики — и военными, чья единственная солдатская забота состояла в том, чтобы ударить по врагу как можно крепче и где только можно. Руководители УСО по самой специфике службы больше склонялись ко вторым. Достаточно привести три высказывания в подтверждение этого.

Мнение министерства иностранных дел: «Правительство Его Величества искренне полагает, что лучше всего интересам греческого народа отвечает возвращение короля, поскольку правительство полагает, что либеральная конституционная монархия скорее всего является формой правления, наиболее подходящей для Греции... Демократический образ правления, лишенный моральной и символической силы монархии, скорее всего приведет в будущем, как то было в прошлом, к появлению в Греции тех внутренних политических раздоров, которые не раз наносили ущерб греческому народу на протяжении его истории»¹.

Мнение УСО: «УСО заинтересовано лишь в укреплении единства внутри Греции в целях сопротивления оккупирующим силам и в организации возможного восстания. Послевоенная Греция нас не интересует»². А вот еще: «Таким образом, налицо явный конфликт между линией поведения УСО, основанной на приказах командующего, и линией поведения, пред-

¹ Министерство иностранных дел — Вашингтону № 3337 от 24 мая 1942 г., по поводу возможной политики Софоклеса Венизелоса; копия в папке 19/100/61 Архива УСО.

² Письмо подполковника Боксшэлла полковнику Мастерсону от 15 января 1942 г.; копия в Архиве УСО, папка 19/100/61 (или «Греция политическая» 5в, ч. I).

писываемой нам министерством иностранных дел под нажимом греческого правительства. Очевидно, что интересы военных властей в том, что касается работы УСО, должны, конечно же, преобладать в странах, захваченных противником. Говоря без обиняков, я считаю, что мы не обязаны следовать указаниям, исходящим от Форин-офис, если они расходятся с требованиями командующего, по крайней мере без консультаций с Комитетом начальников штабов»¹.

Теперь можно понять, что антимонархические элементы в Греции имели возможность использовать помощь, предоставляемую УСО, для укрепления своего политического положения. Помощь эта добросовестно оказывалась им для нанесения урона врагу, они честно отработывали ее, нанося ущерб немцам. И все же политические последствия помощи далеко выходили за пределы ее военного предназначения.

Все это ставило УСО в положение, вызывавшее острое недовольство: УСО в первую очередь несло ответственность за то, что делалось явно плохо. К тому же исправлять ошибки было не в его власти из-за отсутствия согласия между британской внешней политикой и британской военной политикой. Лучшим доказательством служит то, что трудностей не стало меньше после завершившейся успехом кампании Цудероса по удалению тех сотрудников УСО, которых он считал своими противниками.

После такого пролога следует сначала изучить способы проникновения в Грецию зимой 1941/42 г., а позже обратиться к их политической значимости.

Первые двусторонние связи осуществлялись через легальные миссии в Греции, их использовали для помощи грекам. Нехватка продовольствия вызывала тревогу, поскольку оккупация перекрыла обычные источники поставок продуктов и проблема доставки продовольствия через блокаду была крайне злободневной. Голод мог подталкивать население к левым, так что доставка продовольствия обрела важную политическую роль. Первая из таких миссий носила роялистский (против Метаксаса) характер, возглавляли ее Мавромихалис и генерал Реппас. В конце сентября 1941 г. она прибыла в Стамбул и обстоятельно обсудила обстановку с Себастианом и Боуманом, а также с Пири, однако ничего существенного не вышло, и миссия отбыла об-

¹ Отрывок из отчета полковника Дж. Тейлора м-ру Ханбери-Уилльямсу (исх. AD, 105 от 21 сентября 1942 г.).

ратно¹. За ней последовала республиканская миссия во главе с Бакалбасисом, которому удалось установить связь с прежними контактами УСО — такими, как Бакирдзис и Александр Заннас. С Бакалбасисом 16 ноября 1941 г. беседовал Поусон, который сообщил, что «из сведений, полученных от разных людей всяких политических взглядов», явствует, «что король и правительство имеют лишь немногих приверженцев, огромное же большинство народа ненавидит их и считает предателями»².

Затем последовал ряд более целенаправленных бесед:

- 1) Некто Леккас, он же Кип, подручный представителя Цудероса Спиروмилио, 24 октября 1941 г. был доставлен в Грецию на подводной лодке с устным посланием от Цудероса Канеллопулосу³. Леккас попытался вернуться в декабре, но фактически не смог добраться до Смирны раньше 4 апреля 1942 г., когда вместе с ним отправился и Канеллопулос.
- 2) На той же подлодке находился греческий офицер по имени Абацис, он же Александр, должен был выполнить поручение греческого правительства — собрать сведения о «Киру», движении Сопротивления правых. Вернувшись, он дал неблагоприятную оценку как «Киру», так и другой организации правых, носившей название «Ассоциация тех, кому до тридцати»⁴.
- 3) Старый агент УСО «Одиссей» пробрался в Смирну 14 сентября 1941 г., испытав по пути приключения, достойные пера Гомера⁵. В начале ноября УСО направило его обратно (не уведомив греческое правительство) с заданием связаться с организациями, созданными УСО, и снабдить «Прометея I» кодами и расписанием связи взамен утраченных при эвакуации⁶.
- 4) Задание было успешно выполнено, и передатчик «Прометея II» (Станция 333) вышел в эфир 20 ноября 1941 г. Полная двусторонняя связь открылась с 23 ноября и существовала

¹ «Греческая история» (Пири), с. 194.

² «Греческая история» (Пири), с. 200.

³ «Греческая история» (Пири), с. 132. Операция «Fleahpot» («Мясной котел»).

⁴ «Греческая история» (Пири), с. 179, 181.

⁵ См. его отчет от 7 октября, «Греческая история» (Пири), с. 168.

⁶ См. полученные им инструкции полностью в «Греческой истории» (Пири), с. 168.

до тех пор, пока «Прометей II» с его радистом не схватили 2 февраля 1943 г.¹ Попытки передать радиопередатчики более консервативным группам не удались. Ключевое значение имело то, что это был единственный радиоканал УСО в Греции до июня 1942 г., а добавившиеся позже передатчики с самого начала находились в руках ЭАМ².

28 ноября этот канал использовали для передачи сообщения Канеллопулосу с призывом объявиться: это было дополнением к тому, что доставил Кип. «Одиссей» вовремя передал сообщение, и о тоне беседы можно судить по его отчету³: «Когда я встретился с ним и передал ваше сообщение, он принялся строить планы о будущем пан-Европы (Объединенной Европы) и цитировал мне отрывки из главы Маркса об экономической неустойчивости. Складывалось впечатление, будто ему хорошо знакомы тайны экономического равновесия Европы... После нескольких оговорок я вынужден был признать, чтобы спастись от потока его риторики в делах экономической науки м-ра Канеллопулоса, что он прав во всем... А поскольку я तोпился уйти, чтобы заняться еще одним делом — относительно создания системы ежедневной информации о движении судов в порту Пирей, — то поскорее с ним распрощался». Эта «жемчужина злобы» дает представление, с чем было связано использование Станции 333 в качестве политического канала⁴.

- 5) Также в ноябре 1941 г. по поручению греческого правительства был заслан молодой афинянин по имени Ладас, который встретился с Канеллопулосом и генералом Гонатасом. К сожалению, на обратном пути в декабре он был схвачен⁵.

¹ «Греческая история» (Пири), с. 171. После этого немцы пользовались передатчиком до 27 марта — копии этих передач можно увидеть в папке 19/490/11, ч. 2, Архива УСО.

² НИКО вышел в эфир 17 июня 1942 г. (Одиссей); КОСТА вышел в эфир 9 июля (Эвмей, он же Цимас из ЭАМ), «Греческая история» (Пири), с. 274.

³ «Греческая история» (Пири), с. 135.

⁴ Сравните беседу «Одиссея» с Гонатасом — «Греческая история» (Пири), с. 274.

⁵ «Греческая история» (Пири), с. 133.

- 6) 10 декабря 1941 г. Станция 333 телеграфировала¹: «Никакой серьезной работы нельзя вести без достаточного количества денег. Нам необходимо создать службы как для разведки, так и для диверсий. Мы единственные, кто может использовать необходимые деньги в каждом случае. Для того чтобы вести серьезную работу, мы должны были иметь сумму в десять миллионов драхм». Это подтверждалось суровыми фактами. Превосходные отчеты по судоходству регулярно передавались из Пирея (при содействии портовых лоцманов)²; одно немецкое судно с боеприпасами было потоплено³, имелись и другие случаи мелких диверсий. «Одиссей» в начале января 1942 г. пробрался из Греции в Стамбул и в марте возвратился в Грецию, привезя деньги и сообщения для Станции 333, а также радиопередатчик, предназначавшийся генералу Гонатасу. Как отнестся к этому генерал, мы увидим позже⁴.
- 7) Примерно 20 ноября брат Александра Заннаса, Сотирис Заннас, добрался до Смирны с важным письмом от генерала Гонатаса⁵, а чуть позже прибыл курьер от организации Заннаса. В письме содержались отчеты о проведенных диверсиях⁶, в том числе об уничтожении 5000-тонного судна, греческого эсминца, тринадцати мостов, а также о взрыве на аэродроме Татой, в результате которого были уничтожены семьдесят девять немцев. Организация Заннаса, как видно, оправдывала свое существование, как и «Прометей», и становилось делом военной необходимости снабжать ее деньгами и снаряжением, хотя она и придерживалась республиканских взглядов. К сожалению, курьер Заннаса не смог благополучно вернуться, и это происшествие обернулось несчастьем, за которое УСО как организация несет ответственность, хотя до сих пор ведутся споры относительно этой ответственности.
- 8) Курьер Заннаса прибыл вместе с офицером из MI9 по имени Аткинсон, которому предстояло вот-вот возвращаться в Грецию на подводной лодке по заданию MI9. УСО вос-

¹ «Греческая история» (Пири), с. 171.

² «Греческая история» (Пири), с. 172.

³ «Греческая история» (Пири), с. 146.

⁴ «Греческая история» (Пири), с. 268, 273.

⁵ «Греческая история» (Пири), с. 214.

⁶ «Греческая история» (Пири), с. 186.

пользовалось этой операцией (операция «Isinglass» — «Желатин»)¹, чтобы выполнить ряд задач:

- а) отправить на той же подлодке радиста с передатчиком, кодами и программой связи для Канеллопулоса; об этом греческим властям было хорошо известно, хотя доступа к кодам УСО они не получили;
- б) добавить к заданию Аткинсона (без ведома MI9) два других: передать Канеллопулосу деньги и убедить его завершить работу организации, а затем покинуть Грецию, чтобы присоединиться к греческому правительству; передать деньги Заннасу и склонить его к сотрудничеству с Канеллопулосом. Неизвестно, знало ли греческое правительство о политическом задании Аткинсону², его готовили в основном Себастиан и Боуман, ответственные сотрудники министерства иностранных дел, но оно вполне соответствовало программе, согласованной с греческим правительством. Канеллопулос занимал самую крайнюю позицию на правом политическом фланге. Именно там имелись люди, способные образовать серьезный центр сопротивления в Греции. Когда другие организации примкнут к этому центру и признают Канеллопулоса своим главой, то силы сопротивления внутри Греции станут искать руководства, во всяком случае, на данный период, в лице некоего правительства, членом которого будет Канеллопулос.

Цель операции «Желатин» была верной, однако возложение столь разных задач на единственного агента являлось грубым нарушением профессиональных правил. Далее, непростительной халатностью стало то, что для Аткинсона был подготовлен полный список контактов УСО в Греции, который ему позволили взять с собой на борт подводной лодки и который он имел при себе, когда высадился на берег. Расплата последовала в полной мере: Аткинсон после высадки у Антипароса был схвачен, радист исчез, а подводная лодка «Триумф» пропала, возвращаясь с операции. Первые сведения поступили от Станции 333 — в телеграмме, датированной 3 февраля 1943 г.³ Итальянцы заполучили ценного

¹ Архив УСО, папка 19пс/370/1.

² «Греческая история» (Пири), с. 190.

³ «Греческая история» (Пири), с. 250; копия передачи Станции 333 (№ 42 от 3 февраля) в папке 19/490/11, ч. II Архива УСО.

агента. Последствия провала были страшными. Организация Канеллопулоса и наши контакты с нею были разрушены на решающей стадии развития; организация Заннаса была также сильно подорвана. Канеллопулос покинул Грецию, но, прибыв в Турцию 2 апреля 1942 г.¹, он стал уже беженцем, а не руководителем активного объединенного Сопrotивления. Другой возможности утвердить во главе Сопrotивления руководителя-роялиста больше не представилось.

- 9) Следующая крупная операция оказалась столь же плодотворной, хотя едва ли была организована лучше. Еще 29 декабря 1941 г. Станция 333 передала просьбу о выброске оружия возле Куми на острове Эвбея². Запрашивались автоматы, гранаты, револьверы и боеприпасы, что на первый взгляд не вязалось с представлением об оружии для диверсионных акций, однако явно указывало на некую деятельность, а значит, следовало поддержать ее. От первоначального намерения провести операцию, используя подводную лодку, отказались после катастрофы с операцией «Желатин». Потому подготовили выброску по воздуху. С непостижимой забывчивостью для выброски избрали то же самое место, куда осуществлялась высадка с подлодки, несмотря на совершенно иные оперативные условия и требования, и когда 2—3 марта 1942 г. три «либерейтора» и «веллингтон» в конце концов выполнили задание, большая часть груза попала итальянцам, но кое-что досталось и агентам Станции 333³, что навело их на некоторые соображения. Вот что писал год спустя в личном отчете «Прометей II»: «Хотя в целом эта выброска оказалась неудачной, она принесла пользу, подтвердив наличие возможности снабжать наземные группы с воздуха. Однако сигналы на земле должны хорошо распознаваться летчиками, которым

¹ «Греческая история» (Пири), с. 250; копия телеграммы из Каира в Лондон В/798 от 8 апреля 1942 г.; в ней сообщалось о его прибытии в Смирну; в папке 19/100/72 («Греция — 5/а Канеллопулос») Архива УСО. В той же папке находится и заявление Канеллопулоса, сделанное по прибытии в Турцию, относительно обстановки в Греции, в котором он утверждает, что не подписывал протокол против короля Греции.

² «Греческая история» (Пири), с. 175; передача Станции 333 № 14—15 в папке 19/490/11, ч. II Архива УСО.

³ «Греческая история» (Пири), с. 177; передача Станции 333 № 67 от 3 марта 1942 г., копия в папке 19/490/11, ч. II Архива УСО.

следует осуществлять сброс с довольно малой высоты, причем груз необходимо как следует упаковать и снабдить отличной парашютной системой. Тогда-то и возникла идея сформировать отряды «Andartes» (партизанские. — У.М.), которая была воспринята как вполне осуществимая»¹.

- 10) Были и еще два существенных политических послания. Первое — официальное обращение² Цудероса к Канеллопулосу, датированное 21 января, с просьбой покинуть Грецию и согласиться работать в правительстве³ на выгодных условиях. Каирское УСО не было уверено, что следует передавать это обращение в таком виде, и какое-то время ушло на споры, так и не завершившиеся до катастрофы с операцией «Желатин». После нее Канеллопулос стал беженцем, и было решено направить ему обращение, однако получить его он смог уже на турецкой земле⁴. Второе послание — ответ на обращение генерала Гонатаса, доставленное Сотирисом Заннасом в ноябре⁵. Это была телеграмма министерства иностранных дел⁶, содержащая обращение Цудероса, сопровождаемое комментариями правительства Его Величества, безукоризненно лояльными к режиму Цудероса, что, конечно же, разочаровало греческую оппозицию. Ближневосточное УСО, а также м-р Себастиан, как уже отмечалось, сомневались в разумности такого послания, однако в конце концов оно было направлено через финского курьера и вручено посреднику генерала Гонатаса 30 марта 1942 г. — пять месяцев спустя после того, как первое обращение генерала поступило из Греции.

Этим эпизодом не исчерпываются все контакты в Греции и источники информации зимой 1941/42 г. Пестрая картина того времени была переменчивой и фрагментарной. Зато ныне, когда оглядываешься на события давних дней, картина предстает вполне ясная.

Первоначальные связи УСО с левыми центристами и умеренными левыми (если такие выражения применимы к грече-

¹ «Греческая история» (Пири), с. 178.

² Текст в «Греческой истории» (Пири), с. 226.

³ Телеграмма из Лондона в Каир № 4820 от 21 января 1942 г.; копия в папке 19/100/61 Архива УСО.

⁴ «Греческая история» (Пири), с. 229.

⁵ См. там же, с. 146.

⁶ Датирована 2 февраля 1942 г.; текст в «Греческой истории» (Пири), с. 229.

ской политике) оказались плодотворными: нет сомнений, что они оказали союзникам помощь какую могли. К сожалению, из «письма Гонатаса», написанного в начале октября 1941 г., стало ясно, что они решительно настроены против короля: «Все политические партии, находящиеся ныне в Греции, едины в своем желании установить республику. И если не считать немногих лиц, приверженных монархии из-за личных связей, и некоторых офицеров, нет никого, кто поддерживал бы короля»¹.

Существование таких настроений подтвердили и контакты, установленные по поручению греческого правительства с некоторыми представителями так называемого роялистского движения Сопротивления. Собственный агент правительства, произведя проверку такого рода организаций, признал их неполноценными².

Профессор Канеллопулос создал группу в основном из своих студентов Афинского университета под девизом: «Поддержка правительству во время войны — свободный выбор после войны»³. Сам он не был причастен к режиму Метаксаса и обладал связями как с правыми, так и с левыми, а следовательно, как представлялось, мог стать ядром «Национального фронта» на условиях, приемлемых для короля и правительства в изгнании.

Такое сосредоточение сил предпочтительно правее центра подталкивалось образованием соперничающего объединения значительно левее центра. Проявляться оно стало поздней осенью 1941 г.⁴ и лучше всего по горячим следам описано в январском (1942) отчете⁵ «Одиссея» за два месяца работы: «Мне удалось убедить коммунистов обеих фракций («Одиссей» включил в отчет обоснование существования «старого» и «нового» крыла Коммунистической партии. — У.М.) объединиться с «Народным фронтом», поскольку, говорил я им, действуя по отдельности, они не сумеют навязать стране советское правительство, даже если под конец страна на пятнадцать дней окажется без оккупационных войск, а правительство — без главы... Я говорил им,

¹ Телеграмма из Каира в министерство иностранных дел № 90 от 7 января 1942 г., раздел 3; в ней цитируется письмо Гонатаса. Приведено в публикации министерства иностранных дел R. 1362/112/19 от 26 февраля 1942 г.

² См. ранее, с. 144.

³ «Греческая история» (Пири), с. 202 — отчет Асимакопулоса в телеграмме Каирского УСО от 4 декабря 1941 г.

⁴ Официально считается временем создания ЭАМ сентябрь 1941 г. Это скорее всего ошибка.

⁵ Архив УСО, папка 19/370/3.

что они смогут учредить в Греции «советы» только тогда, когда русские войска, наступая на Балканах, дойдут до Греции, а в этом случае естественно будет, что вся акция (т.е. захват коммунистами власти. — У.М.) станет ненужной при появлении регулярных советских войск в Греции. Я сделал вывод, с которым они согласились: им придется принять активное участие в освободительной борьбе, сотрудничая со всеми греками, и левыми и прочими, безо всякого предубеждения, и предоставить событиям развиваться естественным путем, поскольку, говорил я им, если они не направят общие усилия на освободительную борьбу, то потеряют авторитет и уважение среди населения страны». Документ представляется в высшей степени дальновидным и слишком пронизательным, чтобы быть убедительным. Точно установить, что послужило причиной создания «Народного фронта» и Греческого национально-освободительного фронта (ЭАМ), довольно трудно, располагая лишь свидетельствами, которые попали в руки британцам. Тем не менее эта группировка намного левее центра существовала до конца 1941 г. и была связана, с одной стороны, с коммунистами, а с другой — с деятельной группой офицеров-республиканцев, в чьем распоряжении находилась Станция 333. Феномен этот — национальный, УСО такого не замышляло и образованию его не способствовало. Хотя, несомненно, его агент «Одиссей» был тесно связан с фронтом, а посланные УСО радиопередатчик, снаряжение и деньги способствовали активизации деятельности организации.

В первые месяцы 1942 г. эта новая группировка вытеснила с политической авансцены и организацию Канеллопулоса, и лозунг Канеллопулоса. Произошло это в соответствии со всеми законами, присущими развитию движений Сопrotивления, и ускорило голодом в Афинах, однако и УСО, допустив ряд просчетов, способствовало краху Канеллопулоса: неудачная попытка снабдить его собственным радиопередатчиком, катастрофа операции «Желатин», которая «взорвала» и организацию Канеллопулоса, и организацию Заннаса. Решительный поворот знаменует телеграмма¹ Станции 333 от 14 февраля 1942 г., десять дней спустя после того, как она сообщила об операции «Желатин»: «Руководители едины и категорически против короля. Греческий народ очень англолюбив и решительно за борьбу. Его,

¹ «Греческая история» (Пири), с. 233; копия телеграммы № В.181 от 28 февраля 1942 г. в Архиве УСО, папка (AD/S.1) HD/61 — «Греция политическая», ч. I».

однако, удивляет и сердит расположение британского правительства к греческому королю. Существуют очень сильные демократические (т.е. республиканские. — У.М.) организации, способные оказать ценные услуги британскому правительству». Несколько дней спустя Станция¹ сообщила², что на сей счет подписана официальная декларация и что сторонниками ее выступили:

Софулис
Кафандарис
Милонас
Папандреу
Софианопулос
лейбористы-социалисты
коммунисты «Народного фронта»

Питер Раллис
Стефанопулос
Киркос
Теотокис
генерал Гонатас
Максимос

«Единственные, кто не подписал декларацию, — Цалдарис² (роялистский премьер-министр в 1946 г. — У.М.), Мавромихалис³, Георге Пецамоглу. В декларации подтверждается вина короля в измене своей стране и измене Англии»⁴.

Ныне ясно, что министерство иностранных дел с великим трудом поспедало за таким оборотом событий, чему вряд ли стоит удивляться, учитывая скудость достоверных сведений и энергичные усилия правительства Цудероса, чтобы все запутать. В октябре 1941 г. его правительство объявило вне закона шестерых видных (и очень дерзких) венизелосцев в Египте и добились британской помощи в выдворении тех из страны: не помогло даже то, что одна из них (мисс Элли Пападимитриу) была старым другом УСО, Управление продолжало ее использовать, а другой (Доганис) по-прежнему работал в радиослужбе УСО в Иерусалиме. Впрочем, впоследствии Цудерос сделал определенные конституционные уступки⁵ и согласился расширить состав

¹ См. Архив УСО, папка «Греция политическая», отчеты — отделение в Смирне, ч. II».

² Передача Станции 333 № 59—60 от 25 февраля 1942 г.; копия в папке 19/490/11, ч. II Архива УСО.

³ См. ранее, с. 143.

⁴ В.181 от 28 февраля из Каира; копия в папке (AD/S.1) HD/61 Архива УСО.

⁵ Подробности в публикации министерства иностранных дел R.1362/112/19 от 26 февраля 1942 г.; копия в папке (AD/S.1) HD/61 Архива УСО.

правительства, включив в него Канеллопулоса. Предложенные Канеллопулосу условия выглядят щедрыми: ему предлагался пост премьер-министра по возвращении в Грецию. Но они не сошлись в вопросе о государственном строе. «Мы предлагаем после войны восстановить свободную конституционную форму правления в гармонии с послевоенными политическими и социальными условиями. Эта форма правления должна быть утверждена народом»¹ — высказывание довольно уклончивое. В обращении Цудероса к генералу Гонатасу, содержащемуся в телеграмме Форин-офис от 2 февраля², эти слова были опрометчиво приукрашены: «После войны в Греции будет утверждено свободное и демократическое конституционное правление под властью короля, что станет отвечать новым политическим и социальным условиям, сложившимся в результате войны, — этому правлению в любом случае предстоит получить народное одобрение». Другими словами, монархия будет восстановлена без плебисцита — его можно будет провести только по конституции, дарованной королем.

УСО в Каире (которое поддерживал лондонский Центр) было сбито с толку такой ситуацией и постаралось (возможно, чересчур усердно) кое-что улучшить³. И тут снова не повезло (опять из-за плохой организации): именно в этот период (6 и 7 февраля) радиостанция УСО «Свободный грек», расположенная в Палестине, опрометчиво резко откликнулась на одну из уступок Цудароса — увольнение Димитратоса, министра труда в правительстве Метаксаса, который все еще оставался на посту. В эфире прозвучало: «Итак, фашист Димитратос наконец-то ушел! Но кто назначил Димитратоса? Метаксас. Кто назначил Метаксаса? Король. Так кто же тогда архифашист?»⁴ Это было непростительной ошибкой и сразу ослабило позиции УСО. Теперь оно вынуждено было выпрашивать у Форин-офис разрешение, что-

¹ Полный текст в «Греческой истории» (Пири), с. 226, — датировано 21 января 1942 г.

² «Греческая история» (Пири), с. 229.

³ См., например, каирскую телеграмму № В.805 от 2 февраля 1942 г.; копия в папке (AD/S.1) HD/61 Архива УСО: «Наша политика не может основываться на поддержке правительства Цудероса, скорее, мы должны поддерживать все элементы в Греции, оказывающие сопротивление державам Оси».

⁴ Текст пересказан в «Греческой истории» (Пири), с. 242. Радиопередачи 6 и 7 февраля 1942 г. См. также беседу сэра Чарльза Хамбро с королем Георгом 17 февраля 1942 г.; копия в папке 19/100/58 Архива УСО.

бы дать неофициальные уверения руководителям в Греции, что правительство Его Величества не станет навязывать греческому народу в конце войны короля, предварительно не выявив общественного мнения¹.

Письмо (датировано 21 марта) лорда Гленконнера, в то время директора, отвечавшего в лондонском Центре за ближневосточные дела*, вызвало лишь едкое замечание у мелкого чиновника: «Как нам представляется, единственной основой, на которой мы можем строить свои отношения с Грецией, — максимально возможная приверженность официальной политике; и я надеюсь, что это будет прочно усвоено всеми агентами УСО на Ближнем Востоке, имеющими отношение к Греции». Неприятность произошла в период напряженных отношений между УСО и министерством иностранных дел², а потому даже мысли не возникло дать делу дальнейший ход. 19 апреля лорд Селборн, который сменил м-ра Дальтона 22 февраля, письменно уведомил лорда Гленконнера: «Я определенно не одобряю проведения политики, расходящейся с политикой министра иностранных дел. Действия УСО в Греции, как и повсюду, должны находиться в согласии с политикой правительства Его Величества. Пожалуйста, доведите это до сведения всех, кого это касается. Нельзя же нам всем быть министрами иностранных дел»³.

Цудерос подписал соглашение о ленд-лизе с Великобританией 9 марта, а 14 марта 1942 г. король со своим правительством возвратился на Ближний Восток. Канеллопулос перебрался из Греции в Турцию 4 апреля, и сразу же начались переговоры о включении его в правительство. Участие УСО в этих переговорах контролировалось жестко по личному указанию лорда Селборна. М-р Себастиан, который в целом разделял взгляды Управления на греческую политику, в марте был «отозван для консультаций», а потом заменен м-ром Эдуардом Уорнером⁴. Очевидно, Спирамилио, некогда союзник Цудероса и связующее звено с Себасти-

¹ См. записку лорда Гленконнера от 2 апреля; копия в папке (AD/S.1) HD/61 Архива УСО; а также в «Греческой истории» (Пири), с. 245.

* Копия в папке (AD/S.1) HD/61 Архива УСО. См. также письмо м-ра Джебба F3370/61 от 5 марта сэру Орму Сардженту, а также ответ R./1520/40/G от 16 марта в той же папке.

² См. далее раздел 3 главы XV.

³ В папке (AD/S.1) HD/61 Архива УСО.

⁴ М-р Боуман, по-видимому, оставался до сентября 1942 г.

аном, исчез из отделения в это же время¹. Цудерос открыто выразил свое недоверие лорду Гленконнеру, главе Греческого отдела УСО в Лондоне², и это недоверие эхом отозвалось в канцелярии госминистра в Каире: «Однако я опасаясь, что УСО основательно враждебно к королю и нынешнему правительству, что оно склонно считать наше стремление к урегулированию отношений между королем и некоторыми представителями оппозиции в Греции пустой тратой времени и даже помехой своим подрывным планам в Греции»³. Наконец, лондонский Центр УСО дал недвусмысленные указания каирскому УСО не ввязываться в эти споры⁴:

«...4. Убеждены, вы примете все меры предосторожности, дабы удостовериться, что личный состав УСО не направляет и не дает советов Канеллопулосу и никоим образом не принимает участия в этих переговорах.

5. Более того, министр настоятельнейшим образом подчеркивает, что мы не должны позволять втягивать себя в дела внешней политики, подобные этому, поскольку это, по сути, область деятельности министерства иностранных дел.

6. Он выразил также пожелание, чтобы в данных обстоятельствах вы ограничились докладами о политической обстановке в Греции в объеме своей компетенции, а не отстаивали определенные взгляды, убеждая, что официальную политику следует изменить. Если, однако, изменение желательно, то он готов обсудить вопрос с министром иностранных дел.

7. Таким образом, мы не будем здесь делать никаких представлений министерству иностранных дел, за исключением того, что соответствует сказанному в пункте 6; и вам не следует впредь навязывать свои взгляды Монктону или госминистру, за исключением того, что указано в первом предложении пункта 6».

¹ Записка полковника Пирсона м-ру Спорборгу, датированная 11 сентября; копия в папке (AD/S.1) HD/F.61/, ч. II, Архива УСО.

² Телеграмма № 244 от 24 апреля 1942 г. в Каир; копия в папке (AD/S.1) HD/61 Архива УСО.

³ Канцелярия госминистра — министерству иностранных дел № 506 от 27 апреля; копия в папке (AD/S.1) HD/61 Архива УСО. См. также предложения м-ра Диксона лорду Гленконнеру на сей счет — Архив УСО, папка «Греция политическая», ч. II», 19/600/16.

⁴ Телеграмма № 256 от 28 апреля 1942 г., отправленная в Каир, — в папке 19/100/72 Архива УСО.

Прибывшего на Ближний Восток Канеллопулоса встретили Пири и Спиروмилио, которые высказывались вполне в соответствии со взглядами УСО¹, равно как и его прежнему девизу². 26 апреля они представили меморандум сэру Уолтеру Монктому, исполнявшему обязанности госминистра, в котором подчеркивали, что вхождение Канеллопулоса в правительство не станет значимым, если его не сопроводить декларацией, что положение короля будет вынесено на всенародное обсуждение в конце войны. И тут их посягательства были решительно пресечены недвусмысленными указаниями из Лондона, о которых говорилось ранее. Канеллопулос занял пост вице-президента и стал ответственным за движение Сопrotивления в Греции, однако он не получил никаких гарантий относительно плебисцита, а в самом правительстве не провели основательной «чистки» старых, метаксасовских, кадров.

Канеллопулос вступил в должность 3 мая, а 8 мая Станция 333 так ответила³ на просьбу оказать содействие одному из его эмиссаров:

«Следует понимать, что греческий народ, военное руководство и организация считают, что Канеллопулос и все люди, окружающие предателя-короля, сами являются предателями. Мы ни при каких обстоятельствах не примем ваше предложение, поскольку оно разрушит всю налаженную работу...

(подпись) Прометей II».

Ситуация в Греции уже перешла в иной этап развития, оставив в стороне решение, некогда бывшее приемлемым, и эта новая стадия началась в стране, на шаг опередив новую стадию в Каире.

Первым свидетельством новой обстановки в Греции стала организованная в середине апреля 1942 г. ЭАМ — «Греческим освободительным фронтом» (так теперь именовался «Народный фронт») всеобщая забастовка в Афинах⁴. Отчасти перемены были

¹ Отчет Пири и телеграмма из Каира от 19 апреля; в «Греческой истории» (Пири), с. 215. [ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.]

² См. там же, с. 151.

³ Передача Станции 333 № 24 от 8 мая 1942 г.; копия в папке 19/490/11, ч. 2, Архива УСО.

⁴ См. отчет Одиссея от 19 мая 1942 г. в «Греческой истории» (Пири), с. 275; копия в Архиве УСО, папка 19/370/3 — «Греция — 1/а, Одиссей».

вызваны неполитическими причинами, а именно — голодом населения, а потому основное требование забастовщиков — пища: одна порция приготовленной еды в день для семей рабочих самых необходимых профессий в Афинах: трамвайщиков, железнодорожников, почтовых и банковских служащих, сотрудников учреждений. По свидетельству Одиссея, «коммунисты, как более опытные, сыграли в этом большую роль», однако самое важное то, что забастовка завершилась успехом. Простой греческий народ поднялся против захватчика и победил. «Эта забастовка породила революционную ситуацию, она вдохновляюще подействовала на моральный дух народа»¹.

Вторым шагом стало начало партизанского движения в горах и активизация подпольных организаций в городах. Разбойничество было присуще Греции даже в мирное время, его питала хозяйственная нищета, так что нелегко определить, когда люди, преступившие закон, переставали быть разбойниками и становились борцами за свою страну («клефтами», как они именовались во время освободительных войн против турок). Тот же отчет «Одиссея» содержит описание этих разрозненных первых действий: отряды из десяти — пятнадцати человек, совершавшие набеги на итальянские порты, занимавшие на несколько дней деревни, а в период между активными действиями укрывавшиеся от преследования в горах. По свидетельству «Одиссея», коммунисты почти сразу стали участвовать в партизанском движении, пытаясь создать из этих отрядов армию, и их доводы были настолько убедительны, что находили отклик в душе каждого равнодушного грека. «По моему мнению, — писал «Одиссей», — на этом должны быть сосредоточены все наши усилия. Это значительно укрепит моральный дух народа, который сыт по горло словами и хочет видеть действия. Естественно, это может вызвать негативную реакцию оккупационных сил, но какое это имеет значение? В Греции каждый день от голода умирает около 5000 человек, а если ежедневно станут расстреливать по 50 человек, то общее число будет всего лишь 5050... Стыдно нам, когда сербы так здорово ведут партизанскую войну в горах, отсиживаясь в своих норах, будто лисы»².

К этому времени «Одиссей» весьма сблизился с Коммунистической партией и левым крылом ЭАМ. Однако подобным обра-

¹ См. отчет «Одиссея» от 19 мая 1942 г.

² Отчет «Одиссея», «Греческая история» (Пири), с. 278; копия в папке 19/370/3 Архива УСО.

зом стали мыслить и офицеры-венизелосцы, у которых тоже был доступ к Станции 333, и военная группировка полковников-республиканцев, составлявших правое крыло ЭАМ, — об этом «Прометей II» докладывал еще 27 марта¹. Некоторые из этих людей были вполне решительны и деятельны, другие, по-видимому, являлись стратегами-любителями, но никто из них ни по классовой принадлежности, ни по происхождению, ни по жизненному опыту не был столь хорошо приспособлен к жизни в горах, как лидеры и рядовые члены ЭАМ. В конечном счете они составили две партизанские организации, известные как ЭДЕС² и ЭККА, связанные впоследствии с именами полковника Зерваса и полковника Псароса. История их предшествующей жизни и политические пристрастия неясны, однако очевидно, что оба вышли из группы, где ведущей фигурой был известный в Греции полковник Бакирдзис³, и что за границей они обращались за помощью к генералу Пластирасу⁴. Первым «в поле» появился Зервас, хотя разговоры о его партизанах пошли с апреля. Однако он не мог выбраться из Афин раньше августа. Если судить по документам, полковник был ловким мошенником, но, судя по всему, обладал огромным личным обаянием и определенной силой воли. [ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.]⁵

К появлению этого партизанского движения УСО не имело никакого отношения. По свидетельству Пири, Каирское отделение начало работу на совершенно иной основе: занималось созданием подпольной организации для проведения диверсий, а также неспешно готовилось ко всеобщему восстанию, приуроченному к какому-нибудь перелому в войне. Когда же партизанское движение заявило о себе, не оставалось ничего иного, как поддержать его. Выброски снаряжения и оружия в горы начались в июне, и вполне успешно; примерно в это же время заработали два новых радиопередатчика. Дальнейшее наращи-

¹ Телеграмма, приведенная в «Греческой истории» (Пири), с. 264. Копии передач Станции 333 можно найти в папке 19/490/11 Архива УСО.

² Первое упоминание в отчете «Одиссея» от 19 мая 1942 г.

³ См., к примеру, телеграмму Станции 333 от 2 мая в «Греческой истории» (Пири), с. 279, а также изложение взглядов полковника Бакирдзиса в «Греческой истории» (Пири), с. 287.

⁴ Отчет «Прометей II» в марте 1943 г. — «Греческая история» (Пири), с. 285.

⁵ [СНОСКА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.]

вание операций по снабжению партизан теперь зависело лишь от способов выброски и наличия самолета. И лишь когда дела развернулись вовсю, начались споры по поводу военной роли партизанского движения в Греции и его значимости с учетом политических последствий.

Резкое усиление диверсионной деятельности в Пирее совпало с переломом в боевых действиях в Ливии, поэтому британцы считали диверсии делом сугубой важности во время погони за Роммелем до Аламейна¹. В период с 26 мая по 6 июля в донесениях (весьма хорошо подтвержденных) сообщалось о следующих акциях:

- 26 мая — установлены 2 мины-липучки на итальянское судно. Взрыватели не сработали;
- 27 мая — установлены мины-липучки на немецкое судно. Взрыватели не сработали;
- 11 июня — диверсия на немецком судне «Плутон», судно поставлено в сухой док;
диверсия на почтовом судне «Ардена» (испорчено электрооборудование);
- 12 июня — итальянское судно с мототехникой для Роммеля подорвано минами-липучками и затонуло в заливе Сароникос;
- 6 июля — один танкер поврежден миной-липучкой и поставлен в док на шесть недель;
второй танкер поврежден и отправлен на ремонт.

Эту череду удачных диверсионных операций в середине июля прервали аресты, и четверо членов организации были расстреляны в октябре, но их усилия не пропали даром, еще раз подтвердив, что УСО выбрало правильную тактику действий.

К 15 сентября на положении в стране стала сказываться неотвратимость проведения операции «Факел» и битвы у Аламейна. Каир телеграфировал в Стамбул Поусону: «Ситуация со снабжением войск держав Оси в Ливии в настоящее время настолько острая, что любая акция, предпринятая против их коммуникаций *сейчас*, принесет им более значительный ущерб, чем акция, устроенная *через несколько недель*. Командующий лично просит, чтобы агенты и организации, сотрудничающие с УСО в Греции, предприняли по возможности самые энергичные и немедленные действия. Их успех либо неудача в значительной мере

¹ Архив УСО, папка 19/490/11, ч. 2, — Отчет о диверсионной деятельности.

определил уровень поддержки нас и их нашими службами при реализации наших долгосрочных целей»¹. Результатами стали, во-первых, распространение и усиление забастовки в доках Пирея, начавшейся почти тогда же², во-вторых, хорошо спланированное и проведенное нападение на пападийский железнодорожный мост, прервавшее железнодорожную связь с севером. Политически то был поворотный момент — впервые партизаны запросили помощи союзных парашютистов. Прежде такого рода отношений они тщательно избегали. Станция 333 ответила 21 сентября на запрос УСО: «Для успешной диверсии на железнодорожных мостах сброс должен быть осуществлен в точности. Мы будем ждать у Гионы с ночи 28 сентября по 3 октября. Вы должны сбросить около десяти парашютистов, двое из которых специалисты (минеры или подрывники. — У.М.). Парашютистов надлежит снабдить 1000 соверенов — для оплаты работы — и большим количеством взрывчатки. В то же время вы должны сбросить у Милсесы для Зерваса взрывчатку и оружие, а также одного офицера с радиопередатчиком, который будет осуществлять связь между партизанами «Andartes» и вами. Радисты у Зерваса есть свои»³. Таково было начало операции «Harling» («Ужение на блесну»)⁴, развернутой в ночь на 30 сентября. О ее результатах будет сказано далее.

Политическая же неразбериха продолжалась. С одной стороны, Каирское отделение УСО получило разрешение возобновить связь с Канеллопулосом и обговорило с ним программу, какую, по сути, отстаивало с самого начала. «Канеллопулос подтверждает, что после войны в Греции могут утвердиться две альтернативные формы правления:

- 1) либеральная республика:
 - а) обращающаяся к Британии и США за указаниями и союзом,
 - б) признающая иностранные и частные капиталовложения,
 - в) желающая примкнуть к независимой «балканской федерации»;

¹ Приводится в «Греческой истории» (Пири), с. 323; копия в папке 19/410 Архива УСО. Телеграммы из Каира в Смирну — № 1346 от 15 сентября 1942 г.

² «Греческая история» (Пири), с. 325.

³ Текст в «Греческой истории» (Пири), с. 326, и в папке 19/490/11, ч. 2, — Передача Станции 333 № 87 от 21 сентября 1942 г.

⁴ Архив УСО, папка 19/940/11 — Задание на операцию «Harling».

либо

2) республика крайне левых:

а) обращающаяся к России за указаниями и союзом,

б) не признающая иностранных и частных капиталовложений,

в) возможно, предпочитающая стать частью расширенного СССР.

Наша задача — попытаться склонить сторонников последнего к смене взглядов — на верность первой, всегда при этом помня, что сторонники последнего в настоящее время лучше всех организованы и являются самыми деятельными антифашистами и что мы, следовательно, ни в коем случае не должны утратить их поддержку...»¹

В качестве практических шагов намечалось создать в Афинах из тех, кто левее Канеллопулоса, «комитет действия», куда входили бы (перечислим по политической ориентации — справа налево):

собственная партия Канеллопулоса,
Гонатас (очень умеренный республиканец),
Пластирас (умеренный венизелосец),
Бакирдзис (крайний венизелосец).

Последствия операции «Желатин» сильно ударили по этому замыслу, однако было решено не отказываться от него и попытаться вовлечь в создаваемый «комитет действия» Зерваса (считалось, что он вышел из рядов Пластираса), Псароса (у него были связи как с Панеллопулосом, так и с Бакирдзисом) и ЭАМ. Естественной была тактика при создании «комитета действия» превратить его в канал поступления денег и снаряжения для всего движения Сопротивления, включая ЭАМ. Для этого у британского казначейства было запрошено 150 000 ф. ст. в месяц².

Министерство иностранных дел, однако, по-прежнему с упорной подозрительностью относилось к тактике УСО: «Если эти большие суммы не будут расходоваться при содействии греческо-

¹ Телеграмма от 10 мая — текст в «Греческой истории» (Пири), с. 288.

² Телеграммы №№ 1505-7 от 20 июля 1942 г. министерства иностранных дел госминистру, в которых излагается точка зрения министерства иностранных дел на финансирование греческих операций. Пункт 3 в № 1506 подчеркивает, что Канеллопулос должен взять на себя полную ответственность за финансирование организаций, которые — открыто или предположительно — находятся в оппозиции к греческому королю; копия в папке 19/100/97 Архива УСО.

го правительства, то в результате возможно усиление оппозиционных элементов в Греции, что затруднит возвращение греческого правительства и короля... Вы, несомненно, осознаете, насколько важно, чтобы у Цудероса не возникло подозрений, будто Канеллопулос стоит у него за спиной»¹. Госминистр (28 марта 1942 г. м-р Кэйси сменил м-ра Литлтона) ответил 10 июня²: «На встрече с королем эллинов и президентом Совета (Цудеросом. — У.М.) перед их отъездом (им предстояло 8 июня попасть в Нью-Йорк, а 19 июля они прибыли в Лондон. — У.М.) я задал им вопрос: представляет ли Канеллопулос взгляды греческого правительства? Оба уверили меня, что это так и что я могу полагаться на его рекомендации, поскольку ему даны определенные полномочия. Таким образом, лично я удовлетворен тем, что, субсидируя *inter alia*³ ЭАМ, мы не пойдем против желаний короля и греческого правительства».

Несмотря на эти уверения, предоставление ежемесячной помощи в размере 150 000 ф. ст. было окончательно утверждено только 24 июля³, а их расходование поручено контролировать Англо-греческому комитету в Каире⁴, председателем которого был м-р Максвелл, инспектор УСО на Ближнем Востоке, членами — Канеллопулос и представитель госминистра, а обязанности секретаря исполнял Пири. Первое заседание состоялось и первое распределение средств произошло 30 июля⁵, однако, к сожалению, теперь само греческое правительство повело себя двойственно.

¹ Телеграмма министерства иностранных дел в Каир № 1136 от 29 мая 1942 г.; копия в Архиве УСО, папка 19/600/17 «Греция — общее G.1 (AD.3)».

² Телеграмма из Каира № В/2058 от 10 июня; копия в папке 19/100/97 Архива УСО. Приводится в «Греческой истории» (Пири), с. 292.

³ Среди прочих (*лат.*).

³ «Греческая история» (Пири), с. 294. См. также запись беседы с сэром Ормом Сарджентом от 2 июля в папке 19/100/58 Архива УСО.

⁴ 3 октября 1942 г. сэр Орм Сарджент обратился к СД по поводу поддержки левых организаций в Греции и попросил дать указание Гленконнеру, чтобы сведения обо всех контактах в Греции обязательно предоставлялись в Англо-греческий комитет. Исх. R/6171/40/G; копия в папке 19/100/58 Архива УСО. Папка 19/100/42 Архива УСО содержит сведения об учреждении Англо-греческого комитета.

⁵ Телеграмма УСО в Каир, датированная 31 июля, в «Греческой истории» (Пири), с. 294, а также указания министерства иностранных дел госминистру в полном виде в № 1505-6 от 9 июля; копия в папке 19/100/97 Архива УСО.

Что касается Ближнего Востока, взгляды Канеллопулоса не слишком расходились со взглядами УСО: он возвратил шестерых республиканцев, выдворенных в октябре 1941 г., в том числе и друга УСО Элли Пападимитриу, ликвидировал должность офицера связи, которую занимал принц Петр, сняв его с руководства школой в Хайфе, вместо этого создал в качестве вербовочного агентства «Эллинскую службу информации» во главе с республиканцем капитаном 3 ранга Зангасом. Одновременно была предпринята попытка выправить бедственное положение греческих войск на Ближнем Востоке.

В Лондоне война Цудероса с УСО продолжалась. 5 августа он представил в министерство иностранных дел Памятную записку, обвинив в бесчестности «британскую разведывательную службу», настойчиво подчеркивал национальный характер его правительства и очевидное стремление активных сил Греции к объединению вокруг его фигуры, вот только УСО чинит тому препятствия¹. 21 августа Цудерос встретился с лордом Селборном, и после некоторых раздумий министр согласился удовлетворить его просьбу об отзыве Пири.

«Король Греции и его правительство, — писал он, — являются нашими союзниками, и недопустимо, чтобы какое бы то ни было британское ведомство подвергало опасности его трон, используя британское влияние и британское золото. Мы должны освободиться от любого из наших агентов, кто окажется замечен в такого рода поведении... Я не утверждаю, что жалобы Цудероса в отношении Пири справедливы, но если любой из союзников уведомит меня, что один из наших основных агентов, с которыми ему приходится иметь дело, является *persona non grata*, то эта ситуация будет подвергнута серьезному анализу. Это особенно относится к такому преданному нам союзнику, как греческое правительство»². На деле Пири удерживали в Ка-

¹ Передана м-ром Иденом лорду Селборну 15 августа (копия — в переписке лорда Селборна). См. текст в «Греческой истории» (Пири), с. 315. См. также замечания полковника Тейлора, датированные 19 августа, в папке (AD/S.1) HD/F.61, т. 2, Архива УСО.

² Письмо лорда Селборна лорду Гленконнеру от 10 сентября; копия в папке (AD/S.1) HD/F.61 Архива УСО. См. также телеграмму лорда Селборна от 22 августа и ответ лорда Гленконнера от 27 августа (Каир — Альфа 537-8 от 27 августа 1942 г. — краткое изложение в «Журнале войны» лондонского Центра, т. 1, с. 73). За этим 15 сентября последовала еще одна встреча лорда Селборна с Цудеросом (см. папку AD/S.1 HD/F.61, т. 2), а 16 сентября встреча лорда Селборна с королем Георгом (письмо м-ру Идену от 16 сентября в папке 19/100/99.1 Архива УСО).

ире до декабря 1942 г., поскольку он участвовал в подготовке операции «Уженье на блесну» и связанных с нею акциях, однако в политических делах он больше не имел веса.

21 августа лорд Гленконнер сменил м-ра Максвелла на посту инспектора УСО на Ближнем Востоке, после чего была произведена основательная внутренняя реорганизация. Одно из первых действий лорда Гленконнера — предупреждение директорам: «Любой служащий УСО на Ближнем Востоке будет уволен, если окажется замечен в публичном выражении чувств враждебного характера по отношению к королю и его правительству»¹.

Практическим следствием этой политической кампании явилась решительная попытка установить связи вне прежней орбиты Станции 333. Стоит упомянуть о четырех таких контактах. Первые два налаживались через УСО с большой задержкой, что, естественно, противники Управления расценили как умышленную проволочку. Тем не менее, анализируя опыт действий на других театрах войны, можно согласиться с утверждением Пири о неизбежности этих затяжек.

- 1) Опытный агент, известный как «Сфинкс», был заслан 14 июля после задержек, частично вызванных отказом Прометея II помогать любому агенту Канеллопулоса². Он действовал как представитель Канеллопулоса на встречах со многими значительными политиками. [ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.] И все же 30 июля он вернулся в Смирну живым и невредимым и сразу же дал отчет³. Связи его были очень обширны, а отчет — пространным, но суть его можно выразить предельно каратко: «Все они согласны не противодействовать Канеллопулосу, но убеждены, что он переметнулся к роялистам, и не верят ему. Короля эллинов и правительство Цудероса они считают временными фигурами нынешнего момента... Все говорили, однако, что ни королю, ни правительству Цудероса не будет

¹ Копия в папке 19пс/460/5 Архива УСО.

² См. там же, с. 158.

³ Текст в «Греческой истории» (Пири), с. 303. (Протоколы допросов ISLD и УСО в папке «Греция политическая», отчеты — отделение в Смирне», ч. II, Архива УСО, а также основанный на показаниях «Сфинкса» отчет министерства иностранных дел «Политические настроения в Греции» от 28 августа 1942 г.; копия в папке 19/100/82 Архива УСО.)

позволено вернуться в Грецию до тех пор, пока не решится вопрос о будущей форме правления».

- 2) Вторую засылку провели как операцию «Thurgoland» («Турголанд») в ночь на 28 июля 1942 г. Она была тщательно подготовлена греческим офицером, майором Джоном Цигантесом, незадолго до того выбравшимся из Греции. Одна ее цель — нападение на Коринфский канал, другая — установление от имени Канеллопулоса связи с Целосом и собственно партией Канеллопулоса. Цигантеса снабдили 12 000 соверенов, тремя радиопередатчиками и не очень внятные указаниями¹. Был он человеком исключительной храбрости, но, очевидно, опрометчивым и бесшабашным. В январе 1943 г. Цигантеса схватили и расстреляли итальянцы, однако подробности этой истории так и остались неизвестными. Один практический результат — телеграмма от него 16 сентября: «Дальнейшее — лично Канеллопулосу. Необходимо, чтобы Смирна (т.е. УСО. — У.М.) прекратила самостоятельные связи и посылку денег» (т.е. «Прометею II» и «Одиссею» для ЭАМ. — У.М.). Другой — ссора с доверенным лицом и помощником Канеллопулоса Целосом, который, вернувшись, представил свою версию событий 25 сентября.
- 3) Говоря о третьем контакте, стоит упомянуть о прибытии в августе в Каир двух агентов так называемой организации «Лавдас», считавшейся группировкой генералов роялистских взглядов. Этих представителей поддерживал принц Петр, однако армейский офицер безопасности в Каире пришел к выводу, что они явно бесполезны, а возможно, являются вражескими агентами². Этот вывод нашел подтверждение в отчете «Сфинкса»³.
- 4) Еще одну проверку осуществил американец греческого происхождения [ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ], но его отчет появился лишь 12 сентября. В нем содержались резкие и, видимо, не всегда обоснованные нападки на «Одиссея» и Зерваса, а равно и на Макнаббса с Аткинсоном. К тому же он не пожалел мрачных красок, описывая

¹ «Греческая история» (Пири), с. 297; «Журнал войны» лондонского Центра, т. 1, с. 147. Задание в папке 19/490/11 Архива УСО.

² Отчет в «Греческой истории» (Пири), с. 300.

³ «Греческая история» (Пири), с. 304.

подрывные боевые действия и действия партизан. Однако контакты, бывшие на связи с [ИМЯ ИЗЪЯТО], опасались брать инициативу на себя и просили, чтобы «был прислан подходящий британский офицер с указаниями, человек, под командой которого они могли бы взяться за подрывную работу. Мы хотим свести воедино под военным контролем всех устраивающих диверсии (включая ЭАМ)».

Несмотря на нападки на УСО, это было вполне созвучно с тактикой действий, выработанной в Каире. Операцию «Ужение на блесну» стали готовить спустя несколько дней после того, как был представлен этот отчет, хотя прежде всего британские офицеры направились в горы — к ЭАМ, а не к либералам в Афины. Целос, преданный Канеллопулосу человек, прибывший примерно в это время и оставшийся в качестве его заместителя, докладывал, что в Греции уже существует Военно-координационный центр. Об этом было сообщено на третьем заседании Англо-греческого комитета 5 октября¹: «Сама армия создала организацию, которая освобождает нас от необходимости заниматься этим делом. Этот Военно-координационный центр, состоящий в основном из полковников (все — кадровые офицеры, испытанные в Албании), возьмет на себя задачу продолжения войны в Греции — за «греческое государство в Греции».

Это была организация «Шести полковников», нашедшая себе нишу в качестве «неполитического» центра греческого Сопротивления, когда британские офицеры стали присоединяться к партизанам. К сожалению, термин «неполитический» не применим ни к одной из составляющих греческой политики, и «полковники», возможно, сами того не ведая, были заклеены как люди, носившие воинские звания во время правления Метаксаса.

Станция 333 с присущей ей способностью к действенной аргументации делала акцент не на этом обстоятельстве, а на никчемности «полковников» в роли руководителей военизированных сил:

«Пожалуйста, убедите Каир, что создание отрядов греческих партизан активизируется, с одной стороны, в связи с бедственной жизнью горцев, а с другой — в связи с их стремлением устраивать набеги и разрушения.

К сожалению, многие офицеры не пойдут на риск, с которым связана партизанская работа. Мы обращались ко многим

¹ См. «Греческую историю» (Пири), с. 329, см. также доклад Канеллопулоса Цудеросу в телеграмме каирского УСО № 1678 от 6 октября в папке (AD/S.1) HD/F.61, ч. 2, Архива УСО.

полковникам, и все они отказались. Нелепо, если они намерены руководить партизанской войной из городских гостиных... Если бы их люди устроили свои штабы в горах, а не в гостиных, то все вопросы были бы решены»¹.

Здесь мы до поры до времени оставим Грецию. Связь была установлена прочная, и кое-какие позитивные результаты достигнуты. Высшее командование союзников нетерпеливо просило денег. Есть основания надеяться, что его просьбы так или иначе окажутся удовлетворены и деньги поступят — но только не по каналам, предписанным британским и греческим правительствами.

ГЛАВА VIII

ОРГАНИЗАЦИЯ УСО НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ ДО ОСЕНИ 1942 г.

1. Разнообразная деятельность

Пример Югославии и Греции дает наилучшее представление о политических и практических трудностях работы с Ближнего Востока. Обязанности же ближневосточного УСО простирались, разумеется, гораздо шире. Уже говорилось о событиях в Албании, Болгарии и Румынии — после краха 1941 г. немало усилий было вложено в решение задачи восстановления связей с этими странами, даже с Венгрией.

Проникновение на Крит началось раньше, чем в материковую Грецию, во многом из-за срочности стоявшей перед М19 задачи, — ведь на острове осталось много британских солдат, а первый офицер УСО попал на Крит в октябре 1941 г.² По счастью, критяне создавали меньше политических трудностей, чем греки на материке, а потому действовать там можно было актив-

¹ Телеграмма приведена в «Греческой истории» (Пири), с. 333; копия в папке 19/490/11, ч. 2, Архива УСО — Передача Станции 333 № 03 от 14 октября 1942 г.

² «Греческая история» (Долби), Приложение III а, с. 12. Операция «Стилет» — внедрение Смит-Хьюза; сведения в папке 69/400/1 Архива УСО.

но и откровенно. Постоянные силовые акции были невозможны из-за большого количества немецких и итальянских войск на острове (в 1943 г. на пятерых критян приходилось по одному вражескому солдату), однако организация жила и действовала, а британские офицеры приезжали и уезжали относительно легко.

В Турции деятельность УСО вызывала немало политических проблем, поскольку там имелись существенные немецкие интересы (хром и прочие товары). Но диверсионную работу нельзя было проводить, поскольку это могло нанести ущерб нашим отношениям с Турцией.

Это еще один случай, когда столкнулись устремления УСО и осторожная политика министерства иностранных дел: по счастью, развитие событий не привело к серьезному кризису¹. На данном этапе основная практическая деятельность была направлена на создание и использование лодочной базы в Смирне под эгидой СИС и при молчаливом попустительстве турок².

Начало партизанским вылазкам, способствовавшим освобождению Эфиопии от власти итальянского фашизма в 1941 г., частично положила MI(R). Когда эта служба исчезла, вылазки устраивались Главной ставкой, действовавшей через G(R) — детище MI(R), которое пережило основателя. Вопрос о слиянии G(R) и отдела D не ставился до тех пор, пока G(R) не завершил свою работу в восточноафриканской войне и не стал озирааться вокруг, отыскивая, какие бы еще территории покорить.

Любопытный случай произошел с «миссией Йак»³ — группой, созданной в основном по линии MI(R). В апреле 1941 г. она покинула Англию в большой спешке, чтобы помочь создать

¹ В Архиве УСО сведения о действиях в Турции содержатся по большей части в папке (AD/S.1) «83. Турция». Нижеприведенная переписка между лордом Селборном и м-ром Иденом дает представление о позиции УСО и МИД в отношении к Турции: F/3493/83.3 от 31.3.42 м-ру Идену; R/2174/386/G от 6.4.42 SO — в ответ; F/3529/83.3 от 10.4.42 — м-ру Идену.

² См. отчеты капитана Харриса и капитана Скелли — в папке «Турция — 490/11», ч. I, Архива УСО.

³ Шифровка 93391, датированная 18 ноября 1940 г., из военного министерства командующему на Ближнем Востоке уведомляла об этой миссии: «Дальтон сообщает нам по просьбе премьер-министра, что SO2 вербует и обучает итальянцев и иных иностранных подданных... пожалуйста, оказывайте им всяческое содействие»; копия в папке 60/470/1 Архива УСО.

воинские нерегулярные подразделения из итальянских антифашистов, заключенных в тюрьмы генералом Уэйвеллом. Командовал группой капитан Питер Флеминг, в ее составе было пять офицеров, в том числе и капитан У. Стерлинг, который был главным инструктором в Лох-Айлортской школе.

Вскоре выяснилось, что борцы-антифашисты — это миф; группа выполнила кое-какие необременительные задания в Греции и позднее отбыла на яхте посольства. На Ближнем Востоке она разделилась: часть личного состава взяли в школу подготовки УСО в Палестине, капитан Флеминг возвратился в Англию, а капитан Стерлинг, сыгравший немалую роль¹ в кампании, приведшей к реорганизации ближневосточной УСО в августе, нашел себе занятие по душе — создал Пустынную группу дальнего действия*.

Еврейские «друзья» SO² участвовали в боях и в Ираке, и в Сирии и, несомненно, предоставили большое число активных агентов. Впрочем, об их подвигах сообщалось смутно, а потому нелегко понять, насколько интересовали их цели SO², а не собственные. Вывод из строя шестнадцати самолетов «нортроп» иракских ВВС в апреле 1941 г. подтвержден свидетельствами³, по поводу достижений в ходе сирийской кампании сомнений больше: возможно, и горел небольшой огонек за густыми облаками донесений⁴.

Было положено начало установлению связей на Кавказе (в среде армян и других народов), они существовали и тогда, когда Россия была страной враждебной, и тогда, когда она стала союзницей. Однако никакой деятельности «в поле» там не велось, а привлеченные в организацию изгнанники — все, без исключения, — не производили должного впечатления.

К тому же хватало простого намека на подготовку к какой-либо деятельности, чтобы вызвать серьезное недовольство министерства иностранных дел⁵.

¹ См. написанное им для «Досье анти-SO² — Архив УСО, папка (AD/S.1) HD/F.68.3а, пункты 7, 12, 14 и 18.

* [См. книги У.Б. Кеннеди Шоу «Пустынная группа дальнего действия» (1945) и Дэвида Ллойда Оуэна «Мое место жительства — пустыня» (1957).]

² Сведения в папке (AD/S.1) «Сионисты» Архива УСО.

³ «Всемирная арабская история», с. 3

⁴ См. отчеты в «Досье анти-SO²».

⁵ 21 марта 1942 г. лорд Селборн написал м-ру Идену (F/3441/68.4(0/14): «В отношении армян, курдов, грузин и т.д. мне доложено, что единственными шагами, которые предпринял Максвелл, стали вербовка

Остальная деятельность ближневосточного УСО имела отношение в основном к пропаганде, и тут возникали трудности в отношениях с другими организациями, которые возделывали ту же ниву. План Бэйли относительно создания ряда радиостанций «Свобода» в Палестине был осуществлен в конце лета 1941 г., подпольные радиопередачи велись с так называемой Иерусалимской станции на Югославию, Грецию, Румынию и Болгарию, будто бы инициированные движением Сопротивления внутри каждой из этих стран. Политика таких радиопередач была законным делом SOI (или УПВ), к чьим указаниям в деле пропаганды вроде бы прислушивались, зато прямой контроль отвергался — вначале на том основании, что SOI не имеет полномочий руководить учреждениями за границей, а позже из-за того, что руководство такими станциями связано с безопасностью наших групп, засланных в эти страны, а потому эффективно может осуществляться только организацией, имеющей отношение к операциям.

[РАЗДЕЛ ИЗЪЯТ ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.]

2. «Первая организация и ее падение»: август 1940 — август 1941 г.

Все эти проблемы порождали трения и требовали политических решений. Рассмотрим теперь деятельность организации, которая занималась этими проблемами до осени 1942 г.

Мы уже знаем, что отношения между представителем отдела D (м-ром Гудвиллом), полковником Адрианом Симпсоном — MI(R) и заместителем директора военной разведки (бригадным генералом Ширером) летом 1940 г. сделались невыносимыми. Тогда, по-видимому, возникла мысль, что отделу D на Ближнем Востоке следует влиться в G(R)¹.

нескольких человек этих национальностей и доставка их в Палестину на тот случай, если министерство иностранных дел примет решение о радиопередачах, нацеленных на людей этих национальностей (например, если Турция окажется под пятой Германии), чтобы необходимый персонал оказался под рукой для выполнения этой задачи. Никаких таких радиопередач не будет вестись, и никакие дальнейшие шаги не будут приниматься без вашего совета. Надеюсь, вы согласитесь на том оставить дело в покое».

¹ Записка полковника Тейлора, датированная 7 августа 1940 г., в папке (AD/S.1) HD/68 Архива УСО.

12 августа м-р Дальтон встретился с генералом Уэйвеллом в Лондоне, и они пришли к соглашению, что м-р Джордж Поллок, в то время уже собиравшийся уходить (в чине подполковника), возьмет на себя руководство, а общее урегулирование подождет до приезда майора Тейлора или другого, более старшего, чиновника¹. Когда же в начале 1941 г. майор Тейлор прибыл в Каир, его внимание было обращено на куда более неотложные дела на Балканах. Отыскать другого «инспектора» оказалось трудно, так что общими делами никто всерьез не занимался, пока летом 1941 г. не наступил кризисный момент.

Осложняло ситуацию и то, что четких указаний полковник Поллок не получил: фактически и не существовало никаких письменных распоряжений, разве что письмо м-ра Дальтона генералу Уэйвеллу, датированное 5 января 1941 г. Поллок привез из Лондона служебную записку², одобренную генералом Уэйвеллом. М-р Дальтон писал:

- «1. С данного момента различие между SO1 (в Каире — полковник Торнхилл) и SO2 имеет значение только в этой стране, а не на вашей территории. На Ближнем Востоке с данного момента будет одна организация SO под началом Поллока, который, неся ответственность передо мной, будет действовать под вашим руководством.
2. К функциям Департамента SO относятся:
 - а) подрывная пропаганда;
 - б) политическое разложение;
 - в) проведение боевых вылазок и диверсий.

Все детали Поллок разъяснит лично, многие вопросы, в том числе и кадровые, придется решать на месте. Я дал полномочия Поллоку действовать от моего имени.

Должен уведомить вас, что я располагаю превосходными отзывами о работе Торнхилла и надеюсь, что он будет играть еще более существенную роль при новой организации дел»³.

¹ Записка м-ра Дальтона, датированная 12 августа 1940 г.; в папке (AD/S.1) HD/68 Архива УСО.

² Не найдена. Однако см. документ ME(M)(40)28 от 5 декабря, который содержит точку зрения командующего на Ближнем Востоке на открытую пропаганду и слабость организационных решений, и документ S.50/23 от 6 января 1941 г., где это обсуждается. См. также оценку м-ра Гарнетта в его книге «История УПВ», с. 59.

³ Копия в папке (AD/S.1) HD/68 Архива УСО. См. также ответ генерала Уэйвелла от 3 февраля 1941 г.

Полковник Торнхилл резко возражал против своей подчиненности, и министр поручил полковнику Поллоку найти взаимоприемлемое решение. Однако телеграмму, содержащую эти указания, Поллок Торнхиллу не показал, что лишь обострило отношения.

Многое оставлялось на усмотрение Поллока, что едва ли позволяло работать без поддержки вышестоящего начальства на Ближнем Востоке. Командующие осознавали опасность подрывной деятельности противника, особенно в арабском мире, что и случилось несколько позже в Сирии и Ираке. Поэтому они были заинтересованы в улучшении британской пропаганды в регионе. При этом их мало занимали довольно незначительные вопросы о роли SO1 и SO2 и их возможности относительно «разложения» на Балканах. По их мнению, самым срочным делом было назначение одного представителя, наделенного полномочиями, — для координации действий по всему спектру пропаганды, как открытой, так и тайной. Военизированные операции SO2 в этом случае фактически переходили в ведение генерального штаба¹.

С другой стороны, в свете противоречий, обострившихся в то время в Лондоне, политически не представлялось возможным, чтобы в сферу полномочий сотрудника министерства информации попала координация действий организации м-ра Дальтона². Неприятно было и то, что планы по созданию объединенной организации по разложению противника могли рухнуть на Ближнем Востоке, в то время как и в Лондоне они уже держались с трудом. Особенно же оскорбляло то, что «военным» на Ближнем Востоке предстояло вновь взять на себя контроль за «разложением», который с таким трудом вырвали у них на родине³.

«Военные», впрочем, в своих стремлениях были связаны границами ближневосточного командования, в то время как работа УСО (и операции, и пропаганда) выплескивалась за географические границы, и даже когда база находилась внутри военного командования, влияние его было гораздо больше, нежели самого командования. Местные командующие, таким образом, были вправе потребовать контроля за деятельностью УСО в той мере, в какой она имела отношение к их собственным операциям,

¹ См. шифровку генерала Уэйвелла 1/70116 от 4 июня в папке (AD/S.1) HD/SC/68.4 Архива УСО.

² См. обмен письмами между м-ром Дальтоном и м-ром Даффом Купером в марте 1941 г. — в папке (AD/S.1) HD/SC/68.4 Архива УСО.

³ См., в частности, шифровку м-ра Дальтона 71810 (MO1) от 11 июня; копия в папке (AD/S.1) HD/SC/68.4 Архива УСО.

однако явно неблагоприятно было распространять контроль на всю деятельность штаб-квартиры УСО в Каире. Эта двойственность красной нитью проходит через всю историю отношений УСО с военной организацией в Каире, хотя картина порой менялась в зависимости от территории, на которую распространялась власть командования.

Командующим не удалось продвинуть свое предложение о «координаторе от министерства информации» для всех органов пропаганды, базирующихся на Ближнем Востоке, тогда, по-видимому, они решили перехватить инициативу, предложив координировать те виды деятельности, которые совершенно очевидно находились в границах их компетенции. Прибывший новый командующий и убывающий командующий* телеграфировали 15 мая¹:

«Создание бюро в Иерусалиме происходит по следующим направлениям:

Название: «Иерусалимское бюро».

Цели (определяются командующим на Ближнем Востоке):

- 1) выработка политики, координация и руководство видами деятельности, предназначенными обеспечить благоприятное отношение местного населения в районе к востоку от Средиземного и Красного морей, к югу от Турции и к западу от Ирана;
- 2) организация любого вида поддержки, какую оно способно оказать для развития стратегических планов;
- 3) противодействие вражеским подрывным мероприятиям².

* [А.У. Теддер, 1890—1967 гг., введен в рыцарское достоинство в 1942 г., барон с 1946 г., заместитель командующего операцией «Overlord» в 1944—1945 гг., — как раз принимал дела у А.М. Лонгмора, 1885—1970 гг., введен в рыцарское достоинство в 1935 г., командующий на Ближнем Востоке в 1940—1941 гг., инспектор Королевских ВВС в 1941—1942 гг.; оба в НБС.]

¹ Шифровка 9343 15/5 военному министерству; копия в папке (AD/S.1) ND/SC/68 Архива УСО.

² В телеграмме 1/67064 от 23 мая 1941 г. командующего на Ближнем Востоке военному министерству заявлено: «В Уставе бюро особо установлено, что оно будет руководить деятельностью местного представителя SO по распространению слухов и других форм пропаганды. Ближневосточное УСО находится под руководством и контролем командующего и будет полностью задействовано при осуществлении плана любого уровня или иных видов деятельности, перечень которых впоследствии выработает «Иерусалимское бюро». Связанная с этим оперативная деятельность УСО будет курироваться через Генеральный штаб, как то установлено для всех других сфер деятельности УСО, и УСО будет направляться через «Иерусалимское бюро», как записано в его уставе». (Архив УСО, папка 52/470/1).

М-р Дальтон был прав, утверждая, что подобные установки идут вразрез с уставом УСО, однако, как показали события, прямая военная опасность вражеской подрывной работы в этом регионе столь велика, что было бы несправедливо и неполитично противиться предложению командующих. Работа «Иерусалимского бюро», таким образом, была одобрена с некоторыми оговорками¹.

Но по-прежнему оставалась в стороне проблема «более высокой координации»: согласованный в Лондоне подход ясен из обсуждений в Ближневосточном (министерском) комитете²: к примеру, 16 июня «было подчеркнуто, что назначенный офицер фактически станет руководить как пропагандой, так и «разложением» в этом районе и что ему подобаает статус, равный нашему послу в Каире и командующим». Такое направление мысли привело к назначению 1 июля 1941 г. м-ра Оливера Литлтона* государственным министром на Ближнем Востоке в ранге члена Кабинета. Уровень его полномочий выходил за рамки УСО, а его особая задача определена в полученной им Директиве³:

«Раздел 3. Практической задачей государственного министра является обеспечение успешного проведения операций на Ближнем Востоке:

- а) высвобождением, насколько это возможно, командующих от лишних обязанностей, какими до сих пор они были обременены;
- б) предоставлением командующим того политического руководства, которого до сих пор в местных условиях не имелось;

¹ М-р Джебб — бригадному генералу Маллаби 10 июня 1941 г. (в папке HD/68 Архива УСО), также радиограмма, отправленная в тот же день генералу Уэйвеллу Дальтоном; копия в папке 60/470/1 Архива УСО. [А.У.С. Маллаби, 1899—1945 гг., Индийская армия, заместитель директора военных операций в 1941—1942 гг.]

² ME(M)(41)1-е заседание, пункт 5, от 30 мая и 2-е заседание, пункт 2, от 16 июня.

* [О. Литлтон, 1893—1972 гг., сын Альфреда, бизнесмен и политик, член парламента — консерватор — в 1940—1954 гг., госминистр на Ближнем Востоке в 1942—1943 гг., министр производства в 1943—1945 гг., виконт Чандос с 1954 г., кавалер ордена Подвязки с 1970 г.; в НБС. См. его «Мемуары» (1962 г.)]

³ WP(41)148 от 28 июня 1941 г.

- в) незамедлительным решением дел, находящихся в компетенции правительства Его Величества, но затрагивающих местные органы власти.

Раздел 4. Примеры вышеозначенного в пункте «а»:

...б) пропаганда и подрывные средства ведения войны».

Таким образом, была обеспечена гражданская власть, не представлявшая ни одно из министерств в Лондоне, но имевшая огромные полномочия и выступавшая арбитром в спорах их ретивых представителей на Ближнем Востоке.

Внутреннее положение УСО порождало не меньшее беспокойств, чем его «внешняя политика». Отдел D сам себе создал дурную славу среди большинства других учреждений на Балканах, однако зимой и весной 1941—1942 гг. SO2 вела на Балканах настоящую войну и вышла из нее не без славы. Конечно, деньги расходовались свободно и без особого отчета, но имелись и ощутимые результаты, а потому уменьшилось количество обвинений в неумелости и сумасбродстве при действиях на балканских территориях, хотя политика SO2 нередко оказывалась под огнем критиков. Вместе с тем оставалась путаница в обязанностях, не было ясности в том, насколько самостоятельно руководит Поллок (а через него — командующие) балканской штаб-квартирой Бэйли в Стамбуле, а также в том, кто несет ответственность за «греческие дела» после того, как майор Тейлор попал в плен в Югославии¹.

К тому же имелись серьезные сомнения в расторопности и даже в честности управления деятельностью SO2 на Ближнем Востоке. В лондонском Центре беспокойство росло, по-видимому, независимо от докладов, поступавших с Ближнего Востока. Решение об отзыве Поллока было принято к началу апреля 1941 г.², однако генерал Уэйвелл тогда охарактеризовал его положительно и сумел разубедить коллег. К началу мая Лондону стало ясно, что дальше так продолжаться не может³. Очевидно, теперь эти взгляды разделял и генерал Уэйвелл⁴. Задача состоя-

¹ Переписка по этому поводу в папках 60/470/1 и 60nc/470/11.1 Архива УСО.

² М-р Дальтон — генералу Уэйвеллу 60156 (DMI) от 5 апреля (не найдено), ссылка содержится в ответе генерала Уэйвелла 1/56802 от 14 апреля; копия в папке HD/SC/68.4 Архива УСО.

³ См., например, записку CD от 3 мая в папке HD/68 Архива УСО: «Никак не меньше чем на 21 телеграмму, препровожденную на Ближнем Востоке, мы до сих пор ожидаем ответов».

⁴ Записка м-ра Дальтона начальнику ИГШ от 27 мая в папке (AD/S.1) HD/68 Архива УСО.

ла в том, чтобы в короткий срок отыскать человека с опытом, способного завоевать доверие и осуществить решительные перемены. Одна-две попытки успеха не принесли, и затем выбор пал на бригадного генерала Тавернера, кадрового офицера, десять лет прослужившего в Индии и знавшего Восточную Африку. Полученные указания¹ наделяли его широкими полномочиями в том, что касалось внутренних дел SO2. Ему предписывалось также оценить и доложить состояние отношений этой службы с командующим и его штабом, а также с «Иерусалимским бюро», G(R), представителями Его Величества в разных странах Ближнего Востока и с SO1. Сведения о чрезвычайно натянутых отношениях между SO1 и SO2 уже доходили до Лондона, и последний пункт имел особое значение. Следует отметить, что в тот момент министр был всецело удовлетворен работой SO1 в рамках ее специфической деятельности и 18 июня телеграфировал об этом полковнику Торнхиллу, предлагая повысить того до бригадного генерала, чтобы уравнивать в звании с бригадным генералом Тавернером². Это еще раз свидетельствует о намерениях уравнивать положение обеих организаций и сделать их независимыми друг от друга. Призрачное превосходство, каким обладал полковник Поллок, должно было исчезнуть.

К несчастью, бригадный генерал Тавернер находился на борту гидросамолета «Золотое руно», который сбили над Бискайским заливом: он, правда, остался жив, был спасен и попал в плен. Потому поиски решения пришлось начать сначала. Временный ответ можно найти в телеграмме от 26 июня, адресованной и Поллоку, и Бэйли³.

В телеграмме содержалось требование решительно пресечь попытку сосредоточить работу SO2 под руководством Каирского отделения: телеграмма направлена из SO2, и в ней никак не упоминается SO1, однако общая ее направленность вовсе не укрепляла власть Поллока над другой организацией. Содержание ее таково:

- 1) Балканский отдел, ведающий Венгрией, Югославией, Болгарией, Румынией, становится самостоятельным (под началом Бэйли) и подчиняется непосредственно Лондону.

¹ Датированы 17 июня; копия в папке (AD/S.1) HD/SC/68.4 Архива УСО.

² Телеграмма от 15 июня; копия в папке (AD/S.1) HD/SC/68.4 Архива УСО.

³ № 4065 — в Каир; копия в папке (AD/S.1) HD/SC/68.4 Архива УСО.

- 2) Отдел, ведающий Ираном, становится самостоятельным и подчиняется непосредственно Лондону.
- 3) Отделы, ведающие Мальтой и Тунисом, остаются самостоятельными с прямым подчинением Лондону.
- 4) Отдел, ведающий Турцией, следует как можно скорее превратить в самостоятельный.
- 5) Поллок руководит усеченным отделом Ближнего Востока (Египет, Палестина, Сирия, Трансиордания, Ирак, Саудовская Аравия, Кипр) с ограниченными задачами: никаких военизированных действий, никакой подпольной политики, никаких планов взрывов до оккупации, никакой пропаганды, за исключением той, что находится в компетенции «Иерусалимского бюро», — фактически ничего, кроме подготовки к диверсиям в случае немецкой оккупации, и немного пропаганды на арабов.
- 6) Греция — по возможности — передается в Балканский отдел, который будет нести ответственность только за политические связи и сотрудничество с м-ром Себастианом из посольства в Каире. Планами военизированных действий в Греции предстоит весть G(R), находящейся в структуре Главной ставки.

Как вырабатывалось это решение, неясно, однако вряд ли оно было убедительным, разве что в качестве «скорой помощи». Появлялась вроде бы надежда на прекращение свар с «военными». И в то же время снижался статус УСО как единой организации на Ближнем Востоке — почти до нуля. Перспектива административного кошмара становилась неизбежной — ведь появлялось пять самостоятельных отделов, действующих на одной базовой территории, со сходными стратегическими задачами и единым центром в Лондоне. Во всяком случае, эта сомнительная структура была сразу же свернута по инициативе государственного министра, который прибыл в Каир¹. Примерно в это же время генерала Уэйвелла сменил генерал Очинлек.

10 июля м-р Литлтон телеграфировал м-ру Дальтону: «Проведенное мною предварительное изучение деятельности организа-

¹ См. телеграмму из Каира № 2178 от 10 июля, депешу министерства иностранных дел в Каир № 2443 «Twist» от 12 июля, телеграмму из Каира от 16 июля, депешу министерства иностранных дел в Каир № 2526 от 18 июля — все в папке (AD/S.1) HD/SC/68 Архива УСО, а также телеграмму госминистра премьер-министру № 2340 (без копий) от 27 июля по поводу организации пропаганды (в той же папке).

ции SO2 на Ближнем Востоке указывает на тревожное состояние дел. Информация, которой располагает ближневосточная штаб-квартира, свидетельствует о нерадивости, расточительстве и даже коррупции. Необходимо, чтобы старший ответственный офицер, желательнее глава самой организации SO2, незамедлительно прибыл в Каир для расследования». После обмена телеграммами было решено направить (воздушным рейсом) сэра Фрэнка Нельсона, чтобы тот вник в дела SO2¹.

На его полномочия негативно повлиял тот факт, что поиск замены бригадному генералу Тавернеру наконец-то благополучно завершился. Выбор пал на м-ра Теренса Максвелла*, директора компании «Глин миллз» и зятя Невилла Чемберлена. Об энергичности и деловых качествах м-ра Максвелла отзывались довольно лестно, вызывало сожаление лишь отсутствие у этого достойного человека опыта работы в УСО. А ему в отличие от бригадного генерала Тавернера предстояло не только заниматься SO2, но и быть «представителем м-ра Дальтона на Ближнем Востоке, ответственным за все действия УСО как по линии SO1, так и SO2»². «Вам надлежит, — говорилось в распоряжении, — ознакомиться со структурой SO1 и SO2 на этих территориях, и вы полномочны производить такие изменения, какие сочтете необходимыми, для повышения действенности и устранения разного рода разногласий. Если вы решите избавиться от любых известных личностей, то должны представить свои соображения мне, прежде чем действовать. Обещаю, что ответ вы получите быстро».

М-р Максвелл, таким образом, получил полномочия, одобренные главой SO1³. У сэра Фрэнка Нельсона они были явно меньше и, несомненно, относились всецело к SO2⁴. Однако ког-

¹ Премьер-министр написал м-ру Дальтону 23 июля, резко возражая против проведения формального расследования следственной комиссией; документ М.701/1 в папке (AD/S.1) HD/SC/68/3 Архива УСО.

* [А.Т. Максвелл, 1905—1991 гг., женился на дочери сэра Остина Чемберлена, бизнесмен, на Ближнем Востоке в 1941—1942 гг., в штабе союзных войск в 1943—1944 гг., после войны вернулся к делам в Сити.]

² Проект распоряжения с поправками м-ра Дальтона — в папке HD/SC/68/3; аннотировано для передачи по телеграфу 4 августа (телеграмма не найдена).

³ См. телеграмму м-ра Липера полковнику Торнхиллу, датированную 26 июля; в папке HD/SC/68/3 Архива УСО.

⁴ Фраза о том, что его наделяют полной властью до тех пор, пока м-р Максвелл не пожелает принять бразды правления, была удалена м-ром Дальтоном из распоряжения.

да группа прибыла 5 августа в Каир, делами обеих организаций ведал сэр Фрэнк Нельсон, а важные телеграммы направлялись на его имя, хотя и с указаниями согласовывать действия с м-ром Максвеллом и вышестоящим руководством.

Нет необходимости вдаваться в подробности дискуссий в Каире между государственным министром, генерал-лейтенантом сэром Артуром Смитом (начальником Генштаба)*, м-ром Раккером (из канцелярии госминистра)** и другими, к сему причастными¹. Дело против SO2 составило подборку документов, именованную в разговорах как «досье анти-SO2»², которое явно собиралось под надзором сэра Артура Смита. Досье содержит пренебрежительные замечания по поводу операций SO2, ее надежности и расходов, а также высказывания различных людей, сомневающихся в достоверности сведений SO2 о диверсиях в Сирии; однако там не было первичных документальных свидетельств, за исключением нескольких телеграмм, извлеченных из рабочей документации SO2, что лишь позволяло говорить о неспособности организации осуществить некоторые сверхоптимистичные указания Лондона. Ничего из этого нельзя было бы предъявить ни суду, ни следственной комиссии, однако досье как минимум могло стать поводом для недоверия и для возникновения мнения, что сохранять в таком состоянии организацию SO2 не имеет смысла.

Против SO1 похожих обвинений не выдвигалось, однако обычные разговоры и компиляция из досье, где уделялось место и SO1, свидетельствовали о наличии с начала 1941 г., по выражению сэра Фрэнка Нельсона, «кровавой пролитной междоусобицы... между двумя частями единого целого»³. Сэр Фрэнк Нельсон нигде не объявлял, что провел расследование состояния дел внутри SO1 или что считал их неполноценными, хотя «у него сложилось впечатление о недостаточном здравомыслии полковника Торнхилла»⁴.

* [А.Ф. Смит, 1890—1977 гг., служил в гвардии, начальник штаба на Ближнем Востоке в 1940—1942 гг., введен в рыцарское достоинство в 1942 г., командующий Восточной зоной Командования в Индии в 1947 г.]

** [Сэр А.Н. Раккер, 1895—1991 гг., введен в рыцарское достоинство в 1942 г., заместитель министра здравоохранения в 1943—1948 гг.]

¹ См. отчет сэра Фрэнка Нельсона в папке (AD/S.1) SC/68/3 Архива УСО.

² Папка HD/F.68/3а в Архиве УСО.

³ Отчет сэра Фрэнка Нельсона.

⁴ № 4 и 5 от 11 августа в папке (AD/S.1) HD/SC/68/3, а также папку 60пс/330/11 Архива УСО.

Итоги этого скорого расследования были изложены в телеграмме от 11 августа, адресованной полковнику Тейлору (для министра); его «впечатления» подтверждались государственным министром, послом, начальником Генштаба, а также м-ром Максвеллом. Госминистр подтвердил свое мнение еще и отдельно¹: «Я полностью согласен с его рекомендациями... Он исполнил трудное и неприятное дело с величайшим тактом и твердостью».

Выводы CD лучше всего процитировать:

- «...2. Старший личный состав SO2 утратил доверие британских властей. В результате работа SO2 сведена на нет. Инспекция, следовательно, крайне необходима, и решительные меры должны быть приняты тотчас же...»
7. Положение дел было весьма плачевно, что усугублялось параллельными каналами связи, столкновениями личностей, шельмованием и разгулом сплетен...
 8. По моему мнению, состояние дел таково:
 - а) результаты работы не отвечают требованиям;
 - б) имеет место расточительность и, возможно, неправомерные расходы;
 - в) контроль осуществляется вяло и неэффективно;
 - г) ситуация неуправляемая, поскольку доверие во многом утрачено».

Неизбежным следствием этого становился отзыв (до того как к руководству приступит м-р Максвелл) старших офицеров обеих организаций: полковника Торнхилла и полковника Уезерелла из SO1; полковника Поллока и полковника Бэйли из SO2. К этому был приурочен отзыв третьего офицера из SO1, подполковника Джонстоуна. Его направили для содействия в проведении специальной пропаганды в Греции, но прибыл он слишком поздно и был оставлен полковником Торнхиллом для оказания помощи в налаживании пропаганды на Балканах, несмотря на указания отправить Джонстоуна обратно в Лондон².

К сожалению, когда поступили эти рекомендации, м-р Дальтон находился в отпуске, и документы были направлены ему за

¹ Телеграмма из Каира № 2498 от 11 августа; в папке (AD/S.1) HD/SC/68/3 Архива УСО.

² См. шифровку м-ра Дальтона 99101 от 28 января генералу Уэйвеллу, шифровку с ответом последнего от 3 февраля, документ о первоначальных полномочиях полковника Джонстоуна от 31 марта в папке (AD/S.1) HD/SC/68/4 Архива УСО, а также обзор телеграмм по поводу его отзыва в «досье анти-SO1» — в папке HD/SC/68/4а.

пределы Лондона, так что возможности обсудить ситуацию оказались ограниченными. М-р Липер как глава SO1 направил ответ, в котором предлагалось карательные меры, касающиеся Торнхилла, отложить до тех пор, пока его объяснения не будут получены и не доложены в Лондон¹. М-р Дальтон, почувствовав всю несурзность такого подхода, противоположного мнению представителей всех высших властей в Каире, составил телеграмму сэру Фрэнку Нельсону и государственному министру, в которой целиком соглашался с их рекомендациями². Вместе с тем решение, возможно, было смягчено или прикрыто «отзывом»: фактически речь шла об отстранении офицеров SO1, чья работа оказалась поставлена под сомнение, хотя их, естественно, защищало вышестоящее начальство³.

Положение не облегчил кризис в Лондоне, который привел к образованию УПВ, имелись и другие ухудшающие дело обстоятельства. Во-первых, полковнику Бэйли разрешили остаться на несколько недель на Ближнем Востоке, пока его не сменит полковник Т.С. Мастерсон (который очень успешно действовал в Белграде), а подполковник Джонстоун (не имевший к этому никакого отношения) был просто причислен к двум, «высылаемым» из SO1. Таким образом, непосредственными жертвами в службе SO1 стали сразу трое, а в SO2 — всего один, что послужило причиной скандала.

М-р Дальтон настаивал, чтобы все четверо «виновных» как можно скорее покинули Каир (чтобы очистить атмосферу), однако не затребовал для них разрешения на прибытие в Англию воздушным путем из-за неполадок в работе воздушного транспорта. Это было естественно, однако в результате один из полковников добрался до Лондона для разбирательства своего дела только 1 октября, когда оно уже не вызывало никакого интереса.

¹ Черновик, датированный 31 августа, в папке HD/SC/68/3 Архива УСО и в той же папке письмо м-ра Дальтона м-ру Липеру.

² Телеграммы №№ 12, 13 и 14 от 14 августа в Каир; в папке (AD/S.1) HD/SC/68/3 Архива УСО.

³ 17 августа м-р Липер отказался нести дальнейшую ответственность за дела SO1 на Ближнем Востоке (письмо в папке (AD/S.1) HD/SC/68/3 Архива УСО); судя по всему, создание 19 августа УПВ выправило положение.

Об этих мелочах стоит упомянуть только потому, что они оставили чувство обиды в «корпоративном сознании» SO1, которое перешло и к УПВ. Несомненно, возникало ощущение (не соответствующее фактам), будто SO2 в данном случае опрометчиво и бессовестно нанесло поражение SO1 в важном деле, негативно повлияв на судьбы людей. В равной мере любопытно и куда более важно, что организация УСО поначалу формально была объединена на Ближнем Востоке, в то время как в Лондоне она еще представляла собой два самостоятельных ведомства. Позже война неизбежно должна была вновь вспыхнуть на этом фронте, но на какое-то время УПВ согласилось с существующим положением дел. Возможно, это частично связано с тем, что наконец-то по просьбе командующих была введена должность координатора по пропаганде, на которую был назначен сэр Уолтер Монктон (до того генеральный директор в министерстве информации) под началом государственного министра¹.

Очередным шагом, предпринятым во время пребывания СД, стало учреждение подкомитета ближневосточного Военного совета для координации действий различных секретных организаций на Ближнем Востоке². Председателем его стал госминистр, а в состав его входили командующие (или их представители), а также представители УСО, СИС, G(R), MI9 и ведомства «стратегической дезинформации противника». На практике подкомитет, обремененный многообразными функциями, вскоре прекратил существование. В ноябре взамен его был создан «подкомитет УСО» с более узкими задачами, в состав которого вошли только госминистр, представители командующих и м-р Максвелл³. Тогда же было решено, что «слияние УСО и G(R) в принципе желательно, но с этим следует повременить».

¹ См. ME(M)41 3-е заседание, пункт 5, от 11 июля, а также депешу госминистра премьер министру № 2340 от 27 июля 1941 г. — копия в папке (AD/S.1) HD/SC/68/3 Архива УСО; а также письмо госминистра м-ру Дальтону от 2 октября в папке HD/SC/68/4.

² Протоколы совещания 13 августа под председательством государственного министра; в папке (AD/S.1) HD/SC/68/3 Архива УСО.

³ Телеграмма «Альфа» 119 от 21 ноября; в папке (AD/S.1) HD/68 Архива УСО.

3. Правление м-ра Максвелла. Август 1941 — август 1942 гг.

Ход реорганизации м-ра Максвелла¹ нелегко проследить во всех частностях, поскольку многие каирские папки с документами были уничтожены во время «великой паники» июня 1942 г., а из лондонских документов явствует, что Бейкер-стрит пребывала как бы в неведении по части подробностей. Однако основные направления действий достаточно ясны.

На бумаге единение было завершено, в новой организации появились четыре основных подразделения²:

Директорат специальных операций (полковник Айри)*,
Директорат политики и агентов (полковник Мастерсон),
Директорат специальной пропаганды (м-р Юэн Батлер),
Директорат финансов и управления (м-р Дж.П.С. Макферсон).

К ним можно добавить несколько дополнительных служб: безопасности, секретариат и самостоятельный Итальянский отдел. Практически во многом все оставалось таким же, как прежде, если не считать появления м-ра Максвелла в качестве координатора, не опирающегося на собственные кадры или корпоративные связи.

ДСО (Директоратом специальных операций) фактически являлся G(R), он по-прежнему проходил под этим кодовым названием, и штат его состоял из военных. В этом были как положительные, так и отрицательные моменты. Например, по «известным военным порядкам» проводилось беспорядочное назначение и увольнение офицеров — то в организацию, то из нее. При таком преобразовании G(R) утратил контроль за ведением определенных боевых действий, непосредственно дополняющих военную кампанию в Западной пустыне. Из того, что осталось у Главной ставки, образовалось несколько «дочерних служб»: Пустынная группа дальнего действия, SAS (воздушная служба Юга) и Рейдовые войска на Эгейском и Адриатическом морях. Более тесное сотрудничество с военными способствовало глубокому осмыслению последствий подрывной деятельности проводимой службами, базирующимися

¹ Есть краткий отчет м-ра Максвелла о его миссии; копия в папке (AD/S.1) 68, том 2, Архива УСО.

² См. записку, датированную 3 октября 1941 г., в Архиве УСО — «Документы по ближневосточной организации» (AD.3).

* [Сэр Т.С. Айри, 1900—1983 гг., командовал в Триесте в 1947—1951 гг., введен в рыцарское достоинство в 1951 г.]

в Каире. В результате на свет появился довольно осторожный документ, подготовленный «Иерусалимским бюро», в котором было мало нового, зато официально одобрялись уже имевшиеся планы и замыслы.

ДПА (Директоратом политики и агентов) стал отдел D, в его штат включили гражданских лиц в форме и без нее, наделив все теми же обязанностями — вести политическую пропаганду, а также контролировать заброску агентов, связанных как с политической работой, так и с подпольными диверсиями. Этой линии раздела между операциями агентов (ДПА) и операциями военизированных британских сил (ДСО) в действительности не могло быть «в поле», и, как оказалось, практика стерла ее сразу же.

21 ноября м-р Максвелл уведомил Лондон о дальнейшей реорганизации, по которой ДСО делался ответственным за все операции, а ДПА (сохраняя эту аббревиатуру) преобразовывался в Директорат политического анализа с двумя отделами: для арабского мира и для Балкан. В ходе этой перемены было решено, что отныне офицеры G(R) свободно распределяются по всей организации и должны содержаться ДСО в соответствии с установками УСО для личного состава, приданного от боевых видов войск. Это означало, что должно произойти по крайней мере формальное слияние G(R) и УСО. У Лондона появились некоторые сомнения — как бы в самом деле G(R) не поглотил УСО; и сомнения эти подкрепила последующая отставка полковника Мастерсона, старожилы УСО, вызванная тем, что новая организация не давала простора для применения настоящих методов «разложения»: «Подготовку к возможному восстанию населения на Балканах можно вести лучше, используя более гибкие методы конспиративного свойства, нежели ограничивая себя более жесткими рамками военной организации, как то решено ныне»¹. Его убедили забрать обратно прошение об отставке, но его возвращение оказалось временным, и Мастерсон прибыл в Лондон 21 апреля 1942 г., оставив Ближневосточное УСО без единственного офицера, подготовленного в традициях отдела D.

ДСП (Директорат специальной пропаганды), как и ДСО, сохранил старое кодовое наименование GS1(K), зато способствовал истинной консолидации, поскольку свел под единое

¹ Документ ОПС БВ № 73, датированный 5 декабря 1941 г., в Лондоне имел хождение как JP(41)1074 от 26 декабря; копия в папке (AD/S.1) HD/68 Архива УСО. См. также предварительный документ ДСО, датированный 18 ноября 1941 г., SG(R)/43 в папке 32пс/470/1 Архива УСО.

начало практически все виды «побочной работы» в области секретной пропаганды на Ближнем Востоке: радиопередачи на Балканы и на противника с «Иерусалимской радиостанции» [ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ], распространение слухов на Ближнем Востоке, подготовку пропагандистских листовок, а также организацию подразделений спецпропаганды в армии. На месте это принесло выгоду, зато еще больше запутало вопрос о руководстве на более высоком уровне. УПВ несло ответственность за ведение пропаганды на противника и на оккупированные противником страны в Европе и само вело тайные радиопередачи на Балканы со станций в Англии. УСО готово было следовать указаниям в отношении Иерусалимской станции и вообще всего, что касалось пропаганды на Балканах, однако считало, что должно иметь свободу выбора и не исполнять их, когда того требуют условия проведения операций «в поле». На ближневосточной территории у УПВ не было никаких обязанностей: открытая пропаганда возлагалась на министерство информации, а «разложение» — на множество ведомств, одним из которых являлось УСО. УСО действовало, частично следуя указаниям Арабского бюро в Иерусалиме, частично собственной линии. После учреждения УПВ в августе 1941 г. междоусобная война несколько приутихла, но в декабре 1941 г. она вспыхнула вновь из-за доклада комитета, возглавляемого сэром Уолтером Монктоном¹, и полыхала до тех пор, пока вдруг интерес к ней у УСО пропал в марте 1943 г.

Все эти факторы (в перенасыщенной атмосфере Каира) с самого начала поставили м-ра Максвелла в нелегкое положение. Вот какая картина получается, если свести воедино все трудности (о большинстве из них мы уже говорили):

- а) Достаточно скоро в Лондоне сложилось впечатление, что личные качества м-ра Максвелла не соответствуют столь высокому предназначению: его сочли чересчур «академичным» и излишне склонным к «организаторству»². Это неверие в его способности с течением времени усилилось.
- б) По мнению Лондона, «военные» почти поглотили всю организационную работу в ведомстве, хотя осуществляют ее

¹ См. телеграмму из Каира № 3806 от 3 декабря 1941 г.; в папке (AD/S.1) HD/SC/68/4 Архива УСО. См. также далее пункт «г» раздела 3 главы XV.

² См. запись беседы CD с госминистром в Лондоне 2 октября 1941 г. в папке (AD/S.1) HD/68 Архива УСО.

не очень умело. Младшие офицеры сменялись чересчур часто и едва ли считали работу в ДСО важной ступенью в своей военной карьере. Ряд оперативных промахов, несомненно, произошли из-за этого¹.

- в) Деятельность ДСП подвергалась жестоким нападкам, что позволило министерству иностранных дел не однажды присоединиться к хору критиков, например, два таких случая: известный выпад против короля Греции (см. ранее с. 267) и первые (вполне безобидные) шаги по организации подрывной работы с использованием курдов, армян и грузин².
- г) Политическое положение на Балканах было трудным для всех, к сему причастных, и на долю УСО досталось много пинков, щедро раздаваемых министерством иностранных дел. Роль УСО в югославской и греческой политике уже рассматривалась ранее достаточно подробно, спорам о степени ответственности УСО нет конца, зато для нас очевидно, что в Каире у УСО не было деятельного политического руководителя.

Эта неудовлетворенность «на рабочем уровне» в Лондоне обнаруживается довольно рано, наиболее значима здесь личность лорда Гленконнера, который в октябре 1941 г. возглавил Балканский и Ближневосточный отдел, а в апреле 1942 г. был повышен до ранга директора и члена Совета УСО. Время для нового ухода наступило весной 1942 г., когда м-ра Дальтона сменил лорд Селборн, а сэра Фрэнка Нельсона — сэр Чарльз Хамбро. М-р Спорборг несколько позже стал личным секретарем министра, т.е. занял должность м-ра Джебба. М-р Литлтон сложил полномочия государственного министра 18 февраля, его преемник, м-р Кэйси*, не получал назначения до 15 марта и не мог сразу же принять дела, так что образовался временной разрыв,

¹ Например, операция «Isinglass» («Желатин») в Греции (см. ранее, с. 259), первая операция по выброске снаряжения в Греции (см. ранее, с. 261), радиооборудование Хадсона (см. ранее, с. 208—209). ДСО приписывали также неудачную попытку дать подкрепление Хадсону зимой 1941—1942 гг. — это не вполне справедливо.

² См. письмо м-ра Идена от 12 февраля 1942 г. (в папке (AD/S.1) HD/SC/68/4 Архива УСО) и переписку между м-ром Джеббом и сэром Ормом Сарджентом, которую это письмо вызвало.

* [Р.Дж. Кэйси, 1890—1976 гг., австралийский посланник в США в 1940—1942 гг., государственный министр на Ближнем Востоке в 1942—1943 гг., губернатор Бенгала в 1944—1946 гг., генерал-губернатор Австралии в 1965—1969 гг., кавалер ордена Подвязки с 1969 г.]

когда вместо него действовал сэръ Уолтер Монктон. Лорд Селборн виделся с м-ром Кэйси до его отъезда из Лондона, однако в тот период, когда шла столь основательная перетряска, мало что могло способствовать решению проблем УСО.

Первый сигнал критического отношения Лондона обнаруживается в Записке лорда Гленконнера 3 апреля, один раздел из нее стоит привести:

«Руководство деятельностью УСО в оккупированных странах, а также деятельностью, имеющей отношение к подготовке отражения нашествия, нельзя осуществлять способами, присущими большому бизнесу, ни (sic! — *У.М.*) того менее — военными. Успех операций УСО зависит от их секретности, скрупулезнейшей работы над деталями и самого пристального внимания к ним, а также от глубочайшего знания стран, в которых приходится действовать. Если этого нет, то кропотливую работу многих месяцев может перечеркнуть одна ошибка или непродуманная акция. Более того, каждая из стран выдвигает различные задачи, требующие особого подхода и решения. Нам, следовательно, необходимо придерживаться, как я называю, «принципа ручной работы» — в противовес «принципу массового производства». Необходимо, насколько возможно, целиком возлагать ответственность на того офицера, которому доверена работа определенного страноведческого подразделения».

Это великолепное выражение «профессионального взгляда» УСО, который, однако, явно контрастировал с реалиями каирской организации — как по форме, так и по духу. Имелись и мелкие причины для разногласий: кадровые запросы Каира, которые, как представлялось, не вполне сочетались с реальной обстановкой, а также встречные обвинения Каира в неспособности предоставлять Лондону полную информацию, дабы он мог осуществлять должное руководство и защищать интересы Каира в Уайтхолле. Переломили ситуацию предложения о реорганизации. Полностью предложения были переданы Лондоном по телеграфу¹ 26 мая, в них довольно тактично указывалось, что более всего интересам УСО соответствует модель каирской организации: специалисты «страноведческих подразделений» несут первоочередную ответственность за частности и детали операций, а

¹ «Альфа» 286-7 — в Каир 27 мая; черновик в папке «Документы по ближневосточной организации» (AD.3) Архива УСО. См. также «Журнал войны» лондонского Центра УСО, май 1942 г., с. 3831.

военизированной работе, по традиции G(R), следует обособить либо исключить полностью. Максвелл ответил решительным отказом в духе *non possumus*: «Основательная операция в виде, предложенном СД, не требовалась и была бы даже нежелательна». Тон ответа смягчало лишь его предложение прислать из Лондона высокопоставленного официального представителя, который поспособствовал бы поиску приемлемых решений.

Необходимо иметь в виду, что организация на Ближнем Востоке насчитывала уже около 1100 сотрудников, действовавших на обширной территории, из которых, наверное, дюжина имела отношение к первым дням возникновения организации на Балканах и Ближнем Востоке, а четверо или пятеро лишь что-то слышали о лондонском Центре¹. Ближневосточное УСО жило собственной жизнью и имело слабое представление о том месте, которое занимало в большой организации.

В ход этих дел вмешались более важные события. 27 мая Роммель начал наступление, 20 июня пал Тобрук, 1 июля немецкие войска вышли к Аламейну, за этим последовала «каирская паника», во время которой большинство сотрудников УСО были переброшены в Палестину, а многие документы Управления сожжены. Какое-то время не делалось ничего, разве что произвели засылку группы «младших» специалистов, которую готовили в течение нескольких месяцев. Тем не менее к 24 июня пошли разговоры об отзыве м-ра Максвелла и замене его офицером из Лондона. Предложена была кандидатура самого лорда Гленконнера, к 10 июля назначение обрело форму твердого решения, хотя телеграмму не отправляли до 29 июля, пока положение на аламейском фронте достаточно не стабилизировалось. В телеграмме содержалось признание заслуг в работе м-ра Максвелла, но вместе с тем отмечалось, что начался новый этап и грядущие перемены отвечают интересам как м-ра Максвелла, так и организации.

¹ Информация из проекта письма министерству иностранных дел, датированного 6 июня 1942 г. (папка «Документы по ближневосточной организации» (AD.3) Архива УСО): на ставках УСО — 399 чел. (из них 220 занимались пропагандой); на ставках армии — 209; приданный армейский персонал — 444; всего — 1052.

4. Назначение лорда Гленконнера. Август 1942 г.

Смещение свое с поста м-р Максвелл воспринял как должное. Что же касается заявленных им принципов, то он тут же обратился к м-ру Кэйси, государственному министру, и нашел у него поддержку. Последовал тягостный обмен телеграммами между лордом Селборном и м-ром Кэйси, осложненный тем обстоятельством, что лорд Гленконнер, воспользовавшись повернувшейся возможностью воздушного перелета, прибыл в Каир до того, как было достигнуто окончательное соглашение. Этот случай указывает на одну из причин разлада между Каиром и Лондоном: не было возможности наладить регулярный обмен мнениями между высшими руководителями, поскольку перелеты по воздуху были почти недоступны (особенно после тяжелых налетов на Мальту и потери Киренаики), а продолжительность морского перехода не позволяла осуществлять такие командировки.

Точка зрения госминистра, выработанная в ходе обсуждений с командующими, выражена в телеграмме¹ от 6 августа:

«Эффективная работа УСО возможна только при максимально близком сотрудничестве с тремя видами войск. Планы УСО должны быть всецело увязаны с военными операциями, а УСО следует обеспечить поддержкой всех видов войск, воздушным и морским транспортом. Успех, таким образом, зависит от уровня доверия между инспектором УСО и командующими с их штабами. Максвелл за время пребывания в должности приложил немало сил, чтобы завоевать такое доверие, и его следует поздравить. Механизм координации, детали которого вам известны, был создан и хорошо работает. Однако командующие и я считаем, что необходимо большее и что наилучших результатов можно достичь, назначив руководителем УСО штаб-офицера подходящего ранга. С нашей точки зрения, несущественно, к какому виду вооруженных сил он принадлежит, однако полагаем, что им должен быть кадровый офицер, окончивший штабное училище».

Под «кадровым офицером» подразумевался полковник Дженнингс, который в апреле 1942 г. сменил полковника Айри на посту главы ДСО.

С мнением о том, что доверие руководства видов вооруженных сил очень важно, УСО согласится, но категорически отвергнет вывод, будто достичь его можно только с помощью кадрового

¹ № 1244 от 6 августа; копия в папке (AD/S.1) F/68/13 Архива УСО.

офицера. Управление в этом плане могло рассчитывать на поддержку министерства иностранных дел, где хорошо понимали политические последствия таких назначений, когда ничто не имело значения, кроме «уничтожения гуннов» (фрицев). Лондону удалось заставить УСО воспринять решение с подобающим здравомыслием, к тому же Гленконнер пользовался доверием Форин-офис, и если бы Каирское УСО превратилось всецело в военную организацию, то пришлось бы вести битву заново. Этот момент особо подчеркивался при дальнейшем обмене телеграммами¹: лорд Селборн убеждал в неосуществимости предложения Каира и твердо отстаивал назначение лорда Гленконнера; единственной уступкой стало согласие на назначение кадрового офицера «вторым номером».

Все это означало, что лорд Гленконнер, прибывший 13 августа в Каир, обосновался на довольно зыбкой почве. Восстановление доверия командующих видами вооруженных сил стало обязательным условием работы УСО на Ближнем Востоке, и такое начало ничего хорошего не предвещало. Задача Гленконнера, по мысли Лондона, сводилась к четырем пунктам:

- 1) восстановить общее руководство лондонского Центра за проведением операций, связанных с непосредственным контролем командующих;
- 2) удерживать дела на политически верном курсе;
- 3) избавиться от влияния G(R) и ее тенденции отдавать предпочтение военизированной, а не подрывной деятельности;
- 4) провести внутреннюю реорганизацию на основе собственного «принципа ручной работы», чтобы операции проводились специализированными и полусамостоятельными подразделениями, а не военными и по военным меркам.

На первый взгляд ни одну из этих политических установок в Каире выполнить было нельзя, однако, как оказалось, кое-что спасти от разрушения удалось. Прежде всего личное вмешательство м-ра Идена вынудило каирские власти без дальнейших спо-

¹ № 1790 — в Каир, 8 августа, № 1278 — из Каира, 10 августа, № 1822 — в Каир, 12 августа (черновики лондонских телеграмм в папке (AD/S.1) F/68/13 Архива УСО). См. также письмо лорда Селборна м-ру Кэйси от 8 августа (проект в той же папке) и распоряжение Гленконнеру, датированное 20 августа (подлинник в папке 60лс/460/4). М-р Иден отсутствовал, и его согласие было получено только 18 августа: телеграмма № 1882 — в Каир, 18 августа (копия в упомянутой выше папке F/68/13).

ров согласиться с назначением и устроить 21 августа встречу между лордом Гленконнером и командующими. На встрече была представлена Записка лорда Гленконнера, в которой он изложил свое понимание предстоящих задач, в общем принятое и государственным министром¹, и командующими. Согласились и с его толкованием понятия «разложение» и методов его проведения. В обмен они получали организацию, которая обеспечивала контроль со стороны военных властей на Ближнем Востоке, в то время как лорд Гленконнер освобождался от мелочной работы, чтобы заняться решением проблем политического уровня.

Основные перемены состояли в том, что инспектору ведомства был придан начальник штаба, Директорат политического анализа исчез, а Директорат специальных операций остался (его отношения с УПВ — отдельная история). Должность начальника штаба занял подполковник К.М. Кебл (позже был повышен в звании до бригадного генерала) — кадровый военный, с волевым характером, но весьма недалекий. Фактически все операции «в поле» теперь перешли под его контроль, осуществляемый через двух директоров специальных операций — полковника авиации Домвиля (операции в арабском мире) и полковника Дж.Р. Тамлина (операции на Балканах). На бумаге в рамках этих Директоратов существовали страноведческие отделы, созданные по лондонской модели, на деле же опытных специалистов не хватало, и на рабочих должностях трудились военные, среди которых некоторые были профессионалами, некоторые — любителями, некоторые — компетентны, большинство же — не вполне.

Личное влияние лорда Гленконнера, несомненно, улучшило состояние политических дел, и отношения с министерством иностранных дел по балканским вопросам никогда уже не превращались в скандальные. Кроме того, Ближневосточное УСО по-прежнему оставалось ведомством, ответственным прежде всего перед Центром в Лондоне, а не учреждением Ближневосточного командования. И это почти все достижения. Каирское УСО продолжало оставаться организацией, имеющей мало общего с Лондонским УСО.

¹ См. его телеграмму «Альфа» № 8 от 31 августа — копия в папке 60пс/460/1 Архива УСО и ответ лорда Селборна № 20 35 от 2 сентября — в папке (AD/S.1) F/68/13 Архива УСО.

ГЛАВА IX

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА — НОРВЕГИЯ

Вступление

Мы проследили становление сил Сопrotивления на Балканах и организации УСО на Ближнем Востоке до конца лета 1942 г., периода, который стал поворотным как во внутреннем развитии Сопrotивления, так и в его общественной роли, которую, по ожиданиям союзников, ему следовало сыграть. До сих пор дело ограничивалось установлением связей, созданием организаций, нанесением время от времени мелкого урона врагу, но стратегически союзники вели арьергардные военные действия. Теперь же «в поле» — как в Югославии, так и в Греции — открыто действовали значительные партизанские силы, и задача состояла в том, чтобы контролировать и снабжать их всем необходимым для проведения операций, способствующих наступлению союзников.

Тот же период можно считать рубежным для Западной Европы. Именно там потребуется еще восемнадцать месяцев, прежде чем военные операции окажутся прямо сопряжены с движением Сопrotивления. Начало операции «Torch» («Факел») является поворотным моментом в истории Франции, а история Сопrotивления на Западе это прежде всего история Франции. «Факел» свел воедино оккупированную и неоккупированную зоны, он восстановил территориальный статус правительства «Свободной Франции» как действовавшего от имени ее народа, более же всего он изменил «моральную атмосферу» в стране.

О Бельгии и Голландии, хотя их истории и интересны, расскажем кратко, поскольку их военно-политический вес относительно невелик. Скандинавские страны никто и никогда не призывал занять свое место в рядах союзников, хотя деятельность местных подпольных организаций весьма заметна. К тому же общеизвестно, что Дания и Норвегия стали примером того, как внутренние политические разногласия отступают перед вражеской угрозой. Если бы мы подробно говорили только о том, что происходило во Франции и на Балканах, то картина бы предстала удручающая. Создалось бы впечатление, будто подпольное движение способно к действиям только благодаря политическим

пертурбациям и всеобщей подозрительности. Мол, великие жертвы принесены и великие дела сделаны, но вопросы остаются: какой ценой? и стоило ли платить так дорого? может, было бы лучше для Европы, если бы мы оставили ее в покое?

Истории Норвегии и Дании ценны как противовес такому представлению. В этих странах были серьезные политические трудности, были срывы в их сотрудничестве с УСО, были допущены и грубые технические просчеты в организации помощи движению Сопротивления. Но ни в одной из стран внутренние усобицы не имели решающего значения, и ни одну из политических партий нельзя обвинить в использовании британской помощи для своих целей — в ущерб национальному делу.

Норвегия — самый убедительный пример. Потому лучше всего его подробно обсудить. К тому же местные условия разительно отличались и от дикой партизанской войны на Балканах, и от подпольной работы в переполненной вражескими гарнизонами и многонаселенной стране, как Франция.

О Дании будет рассказано кратко.

1. Общая обстановка Норвегия¹

Норвежскую историю необходимо предварить несколькими общими замечаниями.

Основные политические характеристики таковы:

- 1) Несмотря на громадную роль, какую играли древние скандинавы в раннем Средневековье, Норвегия долго пребывала в стороне от главных событий европейской истории. Около 400 лет, до 1814 года, она находилась под датской короной, после этого оставалась в зависимости у Швеции (с собственными независимыми институтами) до 1905 г. Память об этом длительном периоде наложила отпечаток и на нынешнее отношение Норвегии к другим скандинавским странам, однако и датское, и шведское правление мало походило на захват, порабощение, грабеж. До немецкого нашествия 8 апреля 1940 г. Норвегия не знала общей для европейцев участи чужестранного ига, не игра-

¹ Великолепную «Историю Норвежского отдела» УСО подготовил полковник Уилсон. Имеется также описание работы резидентуры УСО в Стокгольме, сделанное мисс Джанет Гау.

ла она и никакой заметной роли в европейской политике. У нее было гордое прошлое великой нации — только очень и очень далекое. Когда же случилось нашествие, национальный дух был потрясен и возмущен: не стояло даже вопроса о повиновении, хотя и не было представления о способах сопротивления. Все добропорядочные «норвеги» жаждали схватиться с немцами, но они были невежественны, а зачастую и очень наивны в понимании того, как это сделать.

- 2) Национальные традиции сильны, и в стране жизнь бурлила в таких организациях, как политические партии, церковь, профсоюзы, университеты. Однако норвежским общественным институтам более свойственно сочетание высоких национальных стандартов социального обеспечения с управлением, полностью децентрализованным и осуществляемым местными властями. Примерно на три миллиона избирателей в стране приходилось более семисот должностей в органах местного самоуправления, так что средний избирательный округ очень невелик и избиратели, и избираемые обычно хорошо знают друг друга. Большая часть административных услуг предоставляется этими маленькими органами власти, а местные налоги намного больше тех, что налагаются национальным правительством. И до сей поры норвежская деревня держится особняком от города. Осло, Ставангер, Берген, Тронхейм разрослись, их население и значение выросли, их социальный состав и структура обычны для Западной Европы. Однако их жители никоим образом не преобладают, а типичный норвежец в данном повествовании — это фермер-земледелец и рыбак, дорожающий своим исконным правом на владение старинным хозяйственным «наделом», — он передается от поколения к поколению.
- 3) Политические партии довольно равномерно распределены между умеренными правыми и умеренными левыми, с едва заметным, но неуклонным сдвигом влево¹. Партий-

¹ В 1935 г. Лейбористская партия сформировала правительство, которое оставалось у власти еще и в 1940 г.; результаты выборов 1936 г. применительно к четырем основным партиям таковы: Лейбористская — 618 616 голосов, Консервативная — 329 560, Либеральная — 239 191, Фермерская партия — 168 038. Партия «Насьональ самлинг» Квислинга получила всего 26 577 голосов.

ных взглядов твердо придерживались, их твердо выражали, однако доминирование одной партии было немислимо, и даже демократическое правление сильного парламентского большинства одной партии (как в Великобритании) случалось редко. Компромисс был чрезвычайно важен для правительства, и, как правило, он достигался. Личная роль короля Хокона* не привлекала общественного внимания, однако со дня его прибытия из Дании в 1905 г. отождествление короля с норвежским единством и норвежскими национальными интересами было абсолютным, и он только повысил свой престиж поведением во время немецкого нашествия. И король, и его правительство оставались в стране до самого последнего момента, а покинули ее по согласию со всеми политическими партиями. «Квислинги» же представляли собой незначительную и одиозную часть населения.

- 4) Норвежец, вопреки географии, никогда не стремился к изоляции от мира. Страна жила судоходством, рыболовством и внешней торговлей, лишь немногие из норвежцев никогда не бывали за границей и не владели хотя бы на бытовом уровне каким-либо иностранным языком — как правило, английским. В любой период времени немалое количество жителей оказывалось за рубежом: на торговых судах, китобойных или иных рыболовецких промыслах. Норвежское правительство, будучи в Англии, возглавляло обширное норвежское землячество, располагавшее ценным доходным имуществом, и как правительство в изгнании привлекало внимание меньше любых других правительств в Лондоне.

Для географии страны характерны некоторые парадоксы, которые впоследствии сыграют свою роль. На первый взгляд горы кажутся идеальной местностью для борцов Сопротивления: Хардангер-Видда и Йотунхейм представляют собой обширные пространства труднопроходимых гор, которые невозможно тщательно прочесать, не привлекая огромного количества солдат и полицейских. Горы вдоль и поперек испещрены пешеходными тропами, там имелись лыжные домики и сторожки, так что небольшая хорошо подготовленная группа могла бы вполне свободно передвигаться и пешком, и на лыжах, и летом, и зимой. Известно немало случаев, когда в период немецкой окку-

* [Хокон VII, 1872—1957 гг., король Норвегии с 1905 г.]

пации люди без опаски жили в горах в течение длительного времени, однако трудности создания крупных партизанских отрядов казались непреодолимыми. В горах почти невозможно добыть пищу, ее необходимо было доставлять из долин или из-за рубежа. Долины населены мало, там легко вести наблюдение и, сколь бы ни было расположено к партизанам местное население, трудно скрыть появление нового человека. Снабжать находящихся в горах из-за рубежа можно было только по воздуху, что также сопряжено со значительными трудностями. Погода в горах всегда неустойчива и переменчива. С мая по сентябрь практически не бывает темноты, и полеты невозможны. Местность опасна для парашютистов, что почти исключает высадку десанта, разве что на лед замерзших озер. К трудностям снабжения следует добавить и трудности со связью, как внутренней — между партизанами, так и со внешним миром. Даже если бы у партизан имелись радиопередатчики, то пользоваться ими было небезопасно, поскольку такие передачи легко засечь. Так что едва ли можно было бы согласовать действия без помощи гонцов, умело и отважно пробирающихся сквозь дорожные посты или с трудом передвигающихся по заснеженным горам.

Морское побережье поначалу казалось привлекательнее гор в этом отношении. Прошло какое-то время, прежде чем немцы занялись созданием настоящей системы слежения за побережьем. Поначалу норвежцы вполне свободно ходили на небольших суденышках через Северное море. Не уменьшалось количество деятельных людей, искавших прибежища в Англии, и только к зиме 1942/43 г. стало по-настоящему опасно возвращаться на рыбацких судах и высаживаться в укромных уголках побережья. Но даже и в первое время диверсионная деятельность на море была почти невозможна в летние месяцы.

Наконец, была еще и шведская граница, тянувшаяся на тысячи миль по труднопроходимой местности; сколько-нибудь эффективно охранять ее было попросту невозможно. Побег через такую границу — при определенной доле везения — был делом несложным, только вот шведы патологически боялись дать повод для обвинений в том, что их территория используется как военная база. Резидентура УСО в Стокгольме играла важную роль в скандинавских операциях, однако роль эта никогда не была настолько ведущей, как то может выглядеть на бумаге. Снижала ее потенциал не только шведская осторожность, но и

трудности сообщения между Швецией и Британией. Стокгольмское воздушное сообщение работало с огромными перегрузками, и о его развитии не раз говорилось на заседаниях Кабинета министров. УСО, наверное, больше других нуждалось в этом — для доставки грузов в Швецию и переправке людей в Англию, но и министерство экономической войны, УПВ, СИС, со своей стороны, тоже были крайне заинтересованы.

Эти ведомства поддерживали настойчивые попытки УСО добиться увеличения авиационных рейсов¹. Однако нехватка самолетов, в особенности транспортных, не позволяла сделать это, так что только летом 1942 г. удалось наладить воздушную линию в Стокгольм, действовавшую достаточно бесперебойно. Но даже тогда ее возможности отставали от потребностей; такая ситуация сохранилась до завершающего этапа войны в Европе.

2. Первые попытки

История открывается экспедицией², задуманной отделом D 11 мая 1940 г., когда еще шли бои у Нарвика, а норвежское правительство еще оставалось на норвежской земле — в Тромсё. План предусматривал высадку небольшой группы говорящих по-норвежски гражданских лиц в районе Согне-фьорда для сбора информации и совершения диверсий на коммуникациях. Естественно, для проведения экспедиции не было никаких ресурсов, кроме запасов взрывчатки, имевшихся у отдела D. Нужно было найти и обучить норвежцев, организовать перевозку морем. Однако акция развивалась с поразительной быстротой: 14 мая командующий секретной службой дал разрешение на экспедицию (при затратах до 1000 ф. ст.), и 25 мая группа отправилась в путь из Абердина.

¹ Усилия, предпринятые УСО для того, чтобы увеличить воздушное сообщение, отражены в документах в папке 20/470, т. I, II, Архива УСО. Вопрос часто выносился на заседания Кабинета министров, о чем среди прочих свидетельствуют следующие документы: WM(40)285-е заседание, от 8 ноября; письмо Дальтона премьер-министру от 19 ноября 1940 г.; WM(40)296-е заседание, от 26 ноября 1940 г.; WM(41)29-е заседание, от 17 марта 1941 г.

² Материалы для повествования по большей части взяты из Журнала войны лондонского Центра УСО; см. также папку XXX/b/6 (63/1940 и более ранние досье) Архива УСО, которая содержит полный отчет руководителя группы подрывников.

Группа состояла из двенадцати норвежцев и одного шведа говорившего по-норвежски, набраны они были в основном через норвежскую Торговую палату в Лондоне и норвежскую Ассоциацию моряков. Как и следовало ожидать, никто из них подготовку не проходил, и группа оказалась весьма смешанной по составу. Руководитель экспедиции Филд был человеком предприимчивым, но неуравновешенным, и реальное руководство перешло к шведу Кронбергу; ему очень толково помогал Рубин Лэнгмо, один из лучших сотрудников УСО (под именем Рубин Ларсен). Он успешно работал в Норвегии и возвратился домой с «Независимой компанией» в 1945 г. Вел судно пастор по имени Олаф Леирвог, который позже стал главным капелланом норвежских войск, вместе с ним отправился и его брат, Оскар, тоже надежный человек.

60-футовое рыбацкое судно «Леди» купили в Бакки и перегнали в Абердин, где его 21—25 мая основательно подремонтировали и оснастили при деятельной помощи местных властей. На судне имелось 700 фунтов взрывчатки, 600 взрывателей, 2 пулемета и 5 автоматов, кое-какое другое оружие, но довольно ограниченное количество боеприпасов. Переносного радиопередатчика у группы не было. Для работы группы было намечено большое число промышленных и коммуникационных целей между Согне-фьордом и Хандангер-фьордом, за Бергеном, ей также было поручено собирать любую информацию и запрятать в укромных местах оружие, которое могло пригодиться в будущем.

«Леди» вышла из Абердина 25 мая, достигла Леруика на Шетлендских островах 27-го, откуда направилась в Норвегию 29 мая в 9 часов вечера — на другой день после того, как союзники взяли Нарвик. Около 10 часов вечера 30 мая судно подошло к берегу, а на следующее утро встало на якорь в небольшом фьорде к югу от Согне-фьорда. Немцев видно не было, зато три или четыре норвежца, находившихся в бегах, наткнулись на группу и, очевидно, безо всяких церемоний получили разрешение присоединиться к ней. Затем группа разделилась. Кронберг и Лэнгмо, взяв с собой четверых и большой запас взрывчатки, отправились разведать окрестности Восса, а Филд с одним из членов группы и одним из «новобранцев» пошли в Берген. Их приключения там остались тайной: Филд, говорят, представился местным немецким властям нацистом и, что совершенно точно, привез с собой официальное немецкое разрешение пользоваться судном «Леди» под названием «Хоспиц»; говорят также, что Филд

связался в Бергене со многими патриотами, ему приписывают поджог двух спичечных фабрик в Ларвике. Удалось установить лишь то, что наблюдатель он ненадежный, к тому же позже из Норвегии пришла просьба больше его туда не возвращать, поскольку он вел себя опрометчиво. 9 июня он вернулся на борт «Леди», и тогда же было решено, что часть группы (эти люди явно нервничали) немедленно вернется в Шотландию. Достав другое судно, они 11 июня возвратились на Шетлендские острова, доставив туда доклады и передав просьбу направить оставшимся радиопередатчик.

Между тем Кронберг с Лэнгмо приобрели куда более серьезный опыт ведения партизанской войны, хотя взятая ими четверка оказалась обузой, и людей пришлось вернуть на «Леди», где они присоединились к первой отбывающей партии. Возможно, то, что их сразу же убрали, пошло на пользу делу. Двое оставшихся с 3 по 10 июня проделали около 200 км, преимущественно пешком. Путь их пролегал по дороге вверх от Дале, на бергенской железной дороге, до Восса через Хардангер-фьорд у Олвика, где находились алюминиевые предприятия, которые обслуживала электростанция у Бёлвевоссена. Оттуда по берегу Согнефьорда — к его головной части, где расположен Берген, — и обратно к исходной точке. Путь проходил частично по шоссе, частично по горным дорогам; немцев было довольно много, но они ничего не заподозрили, хотя район был полон промышленных предприятий и узлов связи, являвшихся важными военными объектами, часть из которых охранялась. Не составило труда отыскать дружески настроенных и храбрых местных жителей, готовых оказать помощь, а ночлег всегда можно было найти в домах фермеров или в горных хижинах.

Кронберг с Лэнгмо 14 июня встретились в горах с Филдом, затем 15 июня, в час ночи, отправились проводить акцию на основе собственных разведанных. Преодолев маршем около 30 км, они той же ночью добрались до Олвика, а рано утром следующего дня взобрались высоко в горы и заложили взрывчатку на водозаборе электростанции со взрывателями замедленного действия. Несколько позже в тот же день заложили заряды для взрыва четырех столбов телефонной связи, нескольких опор линии высоковольтной передачи и двух участков на шоссе со стороны Хардангер-фьорда. Завершить диверсии они намеревались взрывом на железной дороге Берген — Осло, но задержались в пути из-за неполадок моторной лодки. Из-за этого они не успели

заложить эти заряды до того, как раздались взрывы в тех местах, где была заложена взрывчатка рано поутру. Уйдя от погони, 17 июня они вернулись на борт «Леди», отплыли ночью и в течение двадцати четырех часов добрались до Леруика.

Это была первая диверсионная операция союзников в оккупированной Европе, его практические итоги вполне реальны, хотя и невелики: важная электростанция выведена из строя на две-три недели, нанесен иной мелкий ущерб, добыто много вполне достоверных сведений. Самым же ценным было иное: акция показала, что доблестные норвежцы кое-что способны сделать в собственной стране. Выяснилось, что Северное море — не такое уж грозное препятствие для небольших и хорошо управляемых судов, что немцам нелегко будет помешать действиям настроенных на дело людей.

3. Внутренняя организация

Отделу D, по-видимому, удалось переправить в Норвегию радиопередатчик, однако в эфир, как то планировалось, 30 июня он не вышел, и больше о нем никто не слышал. Дальнейшие попытки развить первоначальный успех не предпринимались (Норвегия вряд ли могла рассчитывать на значительное место в британских планах операций на лето 1940 г.), однако по-прежнему оставался велик поток беженцев, отправлявшихся через Северное море в Шотландию.

В SO2 сумели отобрать лучших из них, и в конце сентября началась их подготовка в первой созданной службой школе (База XVII в Брикендонбери). Примерно в то же время норвежское правительство назначило офицером связи при SO2 капитана Мартина Линге, актера по профессии, но вполне опытного в военном отношении и обладающего высокими личными качествами. Он был ранен в боях за Норвегию. По обычаю имя свое он получил от семейной фермы Линге в Норддале, где соседствовал с лейтенантом Чауртс-Мустерсом, в то время возглавлявшим Норвежский отдел SO2. С назначением капитана Линге вербовка среди беженцев была поставлена на постоянную основу: людей добавилось, и в июне 1941 г. открылась отдельная норвежская «школа-интернат» в Фоли-Корт, возле Хенли-на-Темзе (Секретная база подготовки — СБП 41). Практические навыки отрабатывались в школах спецназа в районе Айрисаг и парашютной школе в Рингуэй. Однако до-

лина Темзы оказалась непригодным местом для подготовки норвежцев к партизанским действиям в горах, и действительно подходящие условия удалось создать лишь тогда, когда «школа» (теперь известная как СБП 26) в ноябре 1941 г. переехала в окрестности Айвимоора. Там, в районе между Спейем и Кернгормсом, реквизировали три участка, подальше от населенных центров и поближе к дикой горной местности, которая походила — и зимой, и летом — на Норвегию больше, чем любая другая территория Британии. СБП 26 действовала до конца войны.

Поначалу там проходили подготовку гражданские лица под общим руководством капитана Линге. И только после того, как они отличились в первом лофотенском рейде, их включили в состав Королевской норвежской армии в качестве отдельной роты, или роты Линге¹, как ее все называли. Тогда же с норвежскими властями была согласована постоянная программа, по которой осуществлялся набор 20—25 человек в месяц, она действовала с марта 1941 по май 1943 г., когда было решено, что достигнутой к тому времени численности в 250 человек достаточно для намеченной работы. С необходимыми заменами эта численность сохранялась до зимы 1944/45 г., затем для усиления было добавлено еще пятьдесят человек — тогда начались завершающие операции в Норвегии.

Другим подготовительным шагом стала активизация транспортных возможностей. Операции по выброске с воздуха в Норвегии не являлись предпочтительными в Королевских ВВС: погодные условия над горами непредсказуемы и всегда опасны для полетов ночью на низких высотах. К тому же летом 1940 г. заполучить самолет было трудно. Особое значение поэтому приобретало морское сообщение: множество небольших судов прорывались из Норвегии и обратно. В декабре 1941 г. офицер СИС побывал на Шетлендских островах, выполняя поручение этой организации и УСО. Он нанял четыре норвежских рыболовных судна и подобрал для них экипажи добровольцев из норвежских рыбаков на Шетлендских островах².

Дом во Флемингтоне был отведен под штаб-квартиру и жилье для агентов, а экипажи жили у себя на судах в Леруике или в заливе Кэт-Ферт. Первая операция была проведена 22 декабря

¹ Приложение «В» в «Норвежской истории» полковника Уилсона содержит рассказ о роте Линге.

² Приложение «А» в «Норвежской истории» полковника Уилсона содержит рассказ о Шетлендской базе.

1940 г. После зимней навигации, за которую без потерь было проделано восемь-девять переходов, время коротких летних ночей использовали для реорганизации и подготовки. Приобрели двенадцать судов, набрали экипажи для шести, людей одели в норвежскую военно-морскую форму, хотя они сохраняли свой гражданский статус и участвовали в операции только как добровольцы. Требовалось подыскать более отдаленную стоянку для судов и дополнительное жилье для экипажей, и в августе состоялся переезд в Лунна-Во, примерно в тридцати милях к северу от Леруика.

Зимой 1941/42 г. оперативные условия стали жестче: провели сорок три операции-перехода, тридцать из них успешно; но три судна и два экипажа (четырнадцать человек) были выведены из строя противником (из десяти имевшихся в начале навигации судов), а в ноябре громадный ущерб нанес шторм, в результате много времени и сил было потрачено на ремонт и подготовку судов. В середине зимы произошел серьезный сбой в операциях, что сказалось на действиях «в поле». Лето 1942 г. — период активной реорганизации, поскольку норвежские власти стали проявлять беспокойство по поводу условий, в которых работали люди. Главная база была переведена в Скаллоуэй, где в деревне имелись подходящие условия для ремонта судов, также была создана вспомогательная база в Бургхеде — в заливе Мори-Ферт. Штат британских офицеров увеличили, был прикомандирован и норвежский офицер — он должен был отстаивать интересы тех людей, кто ныне входил в Норвежскую военно-морскую отдельную часть. Служившие же в ней хотели остаться гражданскими лицами и добровольцами, но они получали жалованье по особым ставкам от британского командования и только в 1944 г. вошли в состав Королевского норвежского ВМФ.

Несмотря на тщательные приготовления, навигация 1942/43 г. оказалась очень трудной. Немцы значительно улучшили системы обороны и наблюдения в ответ на различного рода британские наступательные акции — рейды спецназа, воздушные нападения, атаки торпедных катеров, а также в ответ на диверсионную деятельность УСО. Тогда же выяснилось, что рыболовные суда со скоростью хода 6—7 узлов уже не могут использоваться как военно-транспортное средство. Моральный дух и мастерство экипажей оставались высокими — было сделано сорок переходов, двадцать три из которых завершились успешно, — но потери составили шесть судов и тридцать человек, а в начале навигации насчитывалось

двенадцать судов и семьдесят человек. На том завершился первый этап Норвежской военно-морской отдельной части: стало ясно, что при таком уровне потерь людей привлекать к работе больше нельзя и что рыболовные суда уже не могут быть средством снабжения. Были предприняты меры для поиска судов иного типа. Выход в конце концов нашли, о чем будет сказано ниже.

Не менее важным делом стало восстановление стокгольмской резидентуры, которая была полностью разрушена из-за провала отдела D в апреле 1940 г. Один из представителей MI(R), капитан Малкольм Мунсе из Ставангера, остался в Норвегии, установил связь с норвежскими войсками и после двухмесячных пеших скитаний перебрался в Швецию. Там в июле 1940 г. его назначили помощником военного атташе, отвечающим за открытие «линий» в Норвегии — для поддержки движения Сопротивления и разведывательных каналов СИС. В октябре этой структуре придали более формальную основу, когда м-р Чарльз Хамбро, в то время возглавлявший Скандинавский отдел SO2, побывал в Швеции. Было установлено, что м-р Питер Теннант (пресс-атташе) несет ответственность за работу в Швеции и Германии, капитан Мунсе — в Норвегии, а еще один офицер, приданный дополнительно (м-р Тернбуль), — в Дании. Эта структура продержалась всю войну, с незначительными персональными изменениями, существеннейшим из которых стал отъезд капитана Мунсе в июле 1941 г. в связи с сильным дипломатическим нажимом со стороны шведов.

Самой удачной акцией УСО в Швеции в тот период стала операция «Rubble» («Валун»), в ходе которой пять норвежских судов общим водоизмещением 25—30 тысяч тонн были снабжены экипажами, оснащены и выведены из Гётеборга под носом у немцев. Все пять судов благополучно добрались до Англии в январе 1941 г., имея на борту грузов на 1 000 000 ф. ст. Часть заслуг в этом деле принадлежала м-ру Джорджу Бинни из «Айрон энд стил контрол», и операция стала первой военно-морской акцией такого рода¹.

Связи с Норвегией менее успешны, зато очень важны, поскольку позволяли таким способом устанавливать контакты с

¹ См. описание операций «Rubble» («Валун», январь 1941 г.), «Performance» («Свершение», апрель 1942 г.), «Bridford» («Бридфорд», 1943—1944 г.), «Moonshine» («Лунный свет», 1945 г.) в папках серии 20/230 Архива УСО. За участие в операции «Валун» м-р Джордж Бинни и м-р Чарльз Хамбро были возведены в рыцарское достоинство.

движением Сопротивления. Шведскую границу деятельные норвежцы преодолевали без особого труда, но, оказавшись там, ощущали на себе враждебность шведских властей. А поскольку собственное посольство вело себя пассивно, беженцы вынуждены были обращаться за содействием в британское представительство¹. С помощью таких беженцев было организовано несколько удачных диверсий. В ноябре 1940 г., используя полученное от УСО оснащение, устроили аварию на железной дороге Берген — Осло, а в декабре 1940 г. агенты Управления световыми сигналами навели на ту же цель самолеты Королевских ВВС. Имелся даже план убийства Гимmlера по его прибытии в Осло в марте 1941 г. Дело, однако, сорвалось из-за изменений в программе пребывания. Действия такого рода вызывали особенную неприязнь у шведов, и деятельность, связанная с насилием, была почти полностью прекращена после того, как в июне 1941 г. шведы арестовали и осудили двух агентов УСО, а в июле поезд, направлявшийся к немцам в Норвегию, раньше времени взорвался на территории Швеции. И все же шведы сохраняли теплые чувства к Норвегии (или, возможно, присущая им осторожность понуждала их к некоей перестраховке даже в самый пик германских успехов), к тому же они вовсе не собирались полностью препятствовать УСО, лишь выдвинули условия: ограничить деятельность политическими связями и обменом информацией. Некоторые сведения были ценными, а потому поддерживалась непрерывная связь с организациями в Осло, Бергене, Тронхейме и в районе Ставангера. По документам УСО нельзя проследить процесс создания центрального руководства «внутреннего фронта», вероятно, об этом вообще нигде не говорилось. Об этом, возможно, можно прочесть в воспоминаниях участников событий, хотя, наверное, немногие из них имели возможность представить всю картину в целом. Во всяком случае, вполне очевидно, что замысел центральной организации зародился в начале 1941 г. Уже в июне того года² Скандинавский отдел УСО зафиксировал:

¹ О развитии этих событий см. отчет британского военного атташе в Стокгольме, датированный 21 июня 1940 г., в папке 6/490/2 Архива УСО. Интересный материал об этих днях содержится также в книге Макса Мануса «Det Vil Helst Gå God» (Осло, 1945 г.); Мануса арестовали 16 января 1941 г., а 13 марта он, воспользовавшись помощью извне, бежал из госпиталя.

² «Норвежская история» полковника Уилсона, с. 23, цитата из отчета королю Хокону; в папке 6/490 N.36/2, т. 1, л. 7а Архива УСО.

«В Норвегии имеется военная организация, насчитывающая около 20 000 человек, не считая различных мелких организаций, которые созданы прежде всего для действий на местах. Главная норвежская организация разделена на три основные группы: во-первых, политическая группа, во-вторых, «тайная армия», в-третьих, диверсионная группа. Диверсионная группа практически является частью «тайной армии», но обе эти группы не проявляют активного интереса к политике.

Военная организация имеет штаб с различными комитетами и подотделами. В каждом из крупнейших городов имеется боевая группа и — отдельно — группы, отвечающие за организацию, снабжение по воздуху и по линии Красного Креста, за карты, транспорт, пропаганду, курьерскую службу, финансы, разведку, связь между Норвегией и Англией».

Все это не более чем прелестная картинка, и она лишь показывает различие между воображаемым, во что с готовностью верили в УСО, и реальным положением дел в движении Сопротивления. С другой стороны, несомненно, что в первые месяцы 1941 г. появлялось стремление к централизации и заорганизованности¹, что, в свой черед, привело к нарушениям правил безопасности и арестам в конце лета и осенью 1941 г. Насколько можно судить, со временем были внесены изменения: центральное руководство осталось, но существенная работа была сосредоточена на местах, и только когда вторжение союзников стало очевидным, Военная организация вновь обрела целостность.

4. Операции 1940—1941 гг.

Все эти подготовительные меры — образование роты Линге, создание Шетлендской базы и стокгольмской резидентуры — были благополучно осуществлены зимой 1940/41 г. Едва лишь стокгольмская резидентура встала на ноги, началось планирование на ее основе будущей работы (операции с территории Со-

¹ См., например, отчет капитана Дж. Шиве, датированный 12 ноября 1941 г.; Архив УСО, папка 6/100 — «Англо-норвежское сотрудничество». Весной 1941 г. капитан Шиве, очевидно, оказался — едва ли не случайно — руководителем центральной организации. См. также отчет Центральной организации королю, датированный июнем 1941 г., и ответ, подготовленный УСО 17 июля, — оба документа в папке 6/490 «N.36/2 Военная организация в Норвегии» Архива УСО.

единенного Королевства, позже ставшие более важными, чем операции из Швеции, тогда находились еще в пробной стадии, координация действий отсутствовала).

Первую операцию УСО провело в ноябре 1940 г. — это была попытка высадить Конрада Линдберга и Фритьофа Педерсена в юго-западной части Норвегии для установления радиосвязи. Посланные благополучно высадились на берег с рыбацкого судна, но никаких сведений от них не поступало: позже выяснилось, что радиопередатчик вышел из строя, а сами они были арестованы немцами вскоре после высадки и 11 августа 1941 г. расстреляны за шпионаж. Эти люди пали первыми в борьбе за возрождение норвежского движения Сопротивления.

Следующая попытка оказалась удачной: в январе 1941 г. молодой норвежец по имени Стархейм (позже — капитан Одд К. Стархейм, кавалер ордена «За безупречную службу», хотя все восторженно вспоминали его, называя по прозвищу — Улыба) высадился с подводной лодки в районе Эгерсунна в юго-западной части Норвегии, откуда в августе 1940 г. ему удалось уйти на маленькой шлюпке. Погода стояла плохая, добираясь до берега, он промок насквозь, мучился от внезапного приступа лихорадки. Однако, преодолев все трудности, он выжил с помощью отзывчивых людей и вышел в эфир 25 февраля 1941 г.¹ — это было первое сообщение, полученное УСО из оккупированной Европы. После столь тяжелого начала Стархейм работал превосходно, передав более 100 радиосообщений (в том числе и то, где сообщалось, что «Бисмарк» прошел Флекке-фьорд в своем последнем походе, закончившемся 27 мая его уничтожением), и был благополучно вывезен в июне 1941 г. После него осталось ядро организации на юго-западе страны, в окрестностях Агдера.

Наконец, в апреле была высажена группа в Тронделаг — для проведения диверсии на железной дороге, между Тронхеймом и шведской границей у Стурлиена. Группа состояла из норвежских беженцев, которых в декабре завербовали и обучили в Швеции. В феврале они сумели проскользнуть через норвежскую границу и из Норвегии добрались на судне до Шетлендских островов. Диверсия на железной дороге была успешной, но, к сожалению, группу арестовали при переходе в Швецию, их всех осудили на разные сроки заключения за незаконное владение оружием — демонстрация границ шведской терпимости.

¹ В папке 6/3701.1 Архива УСО содержатся копии сообщений Стархейма.

Помимо этих операций было осуществлено несколько рейсов с Шетлендских островов — для установки мин, закладки тайников на внешних островках, а также для выполнения заданий СИС. Перечисляя все сделанное в эту первую зиму, следует упомянуть и о совместных операциях на Норвежском побережье при содействии норвежских проводников и переводчиков, взятых из роты Линге. В марте 1941 г. тридцать офицеров и солдат приняли участие в первом лофотеновском рейде «Слаутог» («Палаш»)*, и еще группа провела в апреле небольшой рейд на фабрику селедочного масла на Окс-фьорде, к северу от Тромсё. Обе операции с военной точки зрения завершились победно и весьма воодушевили британскую общественность. Своя ценность в том была и для УСО: во-первых, это свидетельствовало о высоком боевом духе норвежцев, во-вторых, демонстрировало силу союзников и одновременно уязвимость немцев, а в-третьих, указывало на печальную судьбу «квислингов». На этом этапе еще не проявилась обратная сторона медали: ущерб, причиненный союзниками привычному для норвежцев образу жизни, был мал, а немецкие карательные меры жестокостью пока не отличались.

5. Лето 1941 г.

Поскольку морские и воздушные операции в Норвегии с апреля по сентябрь проводить было невозможно, радио Стархейма было единственным средством связи с Норвегией, но и его не стало, когда Стархейм в июне возвратился в Англию. Шведы жестко ограничивали деятельность резидентуры в Стокгольме. Таким образом, лето 1941 г. характерно для УСО бездействием «в поле», реорганизацией и составлением планов. Тем не менее ни в Норвегии, ни где-то еще дела на месте не стояли, произошло многое, что отразилось на деятельности движения Сопротивления в 1941—1942 гг.

Наиважнейшим событием стало нападение Германии на Советский Союз. В Норвегии, как и повсюду, атмосфера обострилась — стало очевидно, что она по-прежнему остается действующим театром военных действий. Слухи о неминуемой высадке британских войск появились еще в сентябре 1941 г.:

* [В результате этого рейда появилась возможность раскрыть немецкий военно-морской кодовый шифр «Энигма»; УСО об этом ничего не знало.]

возможно, их распространяли сами немцы, преследуя свои цели. Ожидания подогревались в связи с трудностями немецко-фашистских войск в России, возник и становился все слышнее призыв к открытию «второго фронта». Вполне естественно было предположить, что, имея ограниченные ресурсы, западные союзники выберут именно Норвегию наилучшим местом для военных операций, чтобы закрепить свои позиции на континенте и отвлечь немецкие войска с Восточного фронта.

Весьма возможно, что в то лето численность немецких войск в Норвегии была серьезно сокращена, несомненно, кадровые части заменили на те, что послабее, нервы у немцев явно сдавали, а от этого и более «нервной» становилась их реакция на действия норвежского движения Сопротивления. Соответственно изменились отношение к населению и методы воздействия на него. Созданное 9 апреля 1940 г. правительство Квислинга немцы отодвинули в сторону после пяти дней тщеты и пустоты, Тербовена* назначили рейхскомиссаром, по инициативе Верховного суда создали норвежский «административный совет для оккупированных округов». Остаток лета немцы употребили на то, чтобы создать более представительное норвежское правительство, начав завуалированные переговоры об отречении короля Хокона. Такая тактика результатов не принесла, и 25 сентября 1940 г. Тербовен своей властью, наплевав на законы, сверг короля, разогнал королевское правительство и распустил стортинг. Были назначены новые министры Квислинга, подчинявшиеся только рейхскомиссару, а 10 октября ставленников Квислинга утвердили на ключевых постах в выборных местных советах. В декабре Верховный суд ушел в отставку в знак протеста против нападков на целостность судебной системы, и вся конституционная структура Норвегии распалась, не оставив ничего, кроме сомнительной силы в руках немцев и их марионеток. Гражданская позиция населения Норвегии, его национальная сплоченность образовалась из бури всеобщих протестов, организованных групп общества, восставших против беззакония.

Несмотря на проявления недовольства, реакция немцев не была карательно-жесткой до тех пор, пока не началась «русская кампания», но уже к сентябрю 1941 г. в их поведении появилась новая тональность. В сентябре профсоюзная оппозиция организовала забастовки в Осло и его окрестностях (возможно, забас-

* [Й. Тербовен, 1989—1945 гг., нацист, покончил жизнь самоубийством.]

товки спровоцировали сами немцы¹), эти акции, как представляется, не были ни новы, ни опасны для немецких властей, однако впервые карательные меры оказались такими же жестокими, как в других оккупированных странах: последовало множество арестов, а профсоюзных руководителей Ханстина и Викстрёма расстреляли. Двух агентов УСО, Линдберга и Педерсена, расстреляли в августе после нескольких месяцев заключения, в сентябре же была предпринята попытка обезглавить центральное норвежское руководство (Милорг) — немцы арестовали нескольких его лидеров.

До самого конца зимы 1940/41 г. Лондон стремился поддерживать у норвежцев дух сопротивления, призывая к наступательности и всегдашней готовности к акциям², но за лето акцент изменился — вместе с атмосферой. Теперь пришлось сдерживать порывы норвежцев к действиям, поскольку в данный момент это было бы самоубийственно и непременно уничтожило бы их веру в поддержку союзников³. В то же время нужно было создавать децентрализованную структуру, которая бы научилась более серьезно защищаться от немецких контрмер, — прежде это походило на любительские игры норвежцев в конспирацию. Эффективному использованию Стокгольма как центра воспрепятствовали официальные шведские власти⁴, поэтому пришлось создавать окружные организации, связав их непосредственно с Соединенным Королевством. Улучшение базовых условий для проведения морских операций с Шетлендских островов и возросшие возможности воздушной поддержки способствовали решению такой задачи.

Имелись и еще два фактора, влиявших на политику британской стороны. Во-первых, разработка совместных операций шла

¹ См. депешу м-ра Коллиера (британского посланника в Норвегии), датированную 12 сентября 1941 г., в папке 6/100/5 Архива УСО. [Сэр Л. Коллиер, 1890—1976 г., посол в Норвегии в 1942—1950 г.]

² См. в Архиве УСО следующие документы: «Волнения в Норвегии» — 6.8.1940 г., «Норвежская политика» — 11.12.1940 г., письмо майору Д. Мортону — 26.1.1941 г. (в папке 6/110 «Норвежская политика»); «Подрывные операции в Скандинавии», Записка министру — 16.12.1940 г. (в папке 63/110/1).

³ См. документ «Скандинавская политика», датированный 16 апреля 1941 г. (папка 63/110 «Скандинавская политика»).

⁴ Заключение в тюрьму членов группы «Барбара» в апреле, заключение в тюрьму двух членов организации майора Мунсе в июне, несвоевременный взрыв немецкого поезда в Швеции (июль), высылка майора Мунсе.

все увереннее, а Норвежское побережье представляло собой довольно удобную территорию для нападений на немцев, а в некоторых пригодных для обороны местах вполне можно было создавать постоянные позиции. Во-вторых, министерство экономической войны беспокоило, что Германия черпает в Норвегии дополнительные ресурсы, и летом 1941 г. оно настоятельно требовало осуществить диверсионные удары по промышленным целям. Эти планы в полной мере проявились под конец 1941 г.: были обследованы многочисленные объекты и намечены акции. Однако главный план — операция «Clairvoyant» («Ясновидец») в течение 1941—1942 гг. так и не осуществился из-за всевозможных задержек и неурядиц (в основном в связи с отсутствием воздушного транспорта).

6. Операции 1941—1942 гг.

Программа УСО на 1941—1942 гг. была такова:

- а) создание сети окружных организаций, находящихся на связи с Соединенным Королевством;
- б) нанесение чувствительных диверсионных ударов по важным промышленным целям;
- в) оказание содействия командующему совместными операциями, информирование его об умонастроениях в норвежском движении Сопротивления.

О результатах, достигнутых при выполнении первой задачи, свидетельствует список основных групп, направленных в течение этого периода с заданиями «в поле» (сверка с картой необходима)¹:

Нурланн. Группу «Archer» («Стрелец»)², состоявшую из четырех человек, 16 декабря 1941 г. доставили на рыбацком судне в район Мушээн: так далеко на север шетлендские суда еще не заходили. Первоначальный замысел состоял в том, что группа будет участвовать в совместных операциях по выводу из строя северной железной дороги и изоляции немецких войск на севере. План провалился, но группа «Стрелец» осталась как ядро организации Сопротивления в этой местности. Впоследствии

¹ Статистические итоги работы за этот период даются в Приложениях За и Зб.

² Полный отчет о деятельности этой группы см. в папке 6/370/20.1 Архива УСО.

группу усилили: пять человек прибыли в марте 1942 г., а еще шесть — в апреле; она получила двадцать четыре тонны продовольствия и необходимого военного снаряжения; по меньшей мере семь тонн груза были переправлены в глубь страны. Несмотря на всевозможные трудности, в конце зимы «Стрелец» все еще действовал «в поле» (под командой шведского офицера лейтенанта Сьёберга), имел радиосвязь с базой и располагал поддержкой местного населения.

Тронхейм. Группа «Lark» («Жаворонок»)¹, состояла из четырех человек: в феврале 1942 г. были высажены двое, а еще двое — в апреле; радиосвязь установлена 27 мая.

Олесунн. Группа «Antrum» («Полость»)². С сентября по ноябрь 1941 г. и с декабря 1941 г. по январь 1942 г. были совершены две высадки непосредственно К.Дж. Орсаетером, установлены полезные связи, доставлено рыбацкое судно на Шетлендские острова, однако попытка внедрить агента в Тронхейме не удалась. Брат Орсаетера, Кнут, в январе 1942 г. высадился с радиопередатчиком и успешно работал вместе с местным радистом. Радиосвязь действовала длительное время, несмотря на череду арестов весной 1942 г., когда в марте Кнуту пришлось бежать в Англию.

Согн. Группа «Mallard» («Дикая утка»)³. Двоих людей с радиопередатчиком доставили в апреле на берег у Буландета, связь установили 29 апреля 1942 г. Задание состояло в налаживании связей между отрядами в обширном районе, включая Берген. Их выследили и 30 мая арестовали, а позже расстреляли.

Восс. Группа «Raven» («Ворон»)⁴. Четыре человека были выброшены с парашютом 18 апреля и установили радиосвязь. Немцы в этом районе предпринимали усиленные контрмеры, из-за чего группа все лето просидела в горах, зато осталась на свободе.

Хёугесунн. Группа «Arquebus» («Аркебуза»)⁵. В октябре 1942 г. были высажены два человека, однако их радиопередатчик вышел из строя, а руководитель группы пропал в море при попытке вернуться в Англию. Радист остался на месте, однако новый передатчик ему доставили только в октябре 1942 г. После этого

¹ Сведения в папках 6/370/18.1 по 18.5 Архива УСО.

² Сведения в папке 6/370/13 Архива УСО.

³ Сведения в папке 6/370/21 Архива УСО.

⁴ Сведения в папке 6/370/11 Архива УСО.

⁵ Сведения в папке 6/370/9, т. 1—6 Архива УСО.

он оставался в Хёугесунне на постоянной связи с Соединенным Королевством до окончания войны в Европе*.

Ставангер. Группа «Penguin» («Пингвин»)¹. Здесь произошла первая серьезная беда. 17 апреля для работы в окрестностях Ставангера был высажен на берег у Несвика организатор с радиопередатчиком, вместе с ним был радист, которому предстояло добираться по суше в Вестфолл, в район к западу от Осло-фьорда. К несчастью, за несколько дней до того в том месте открыто пришвартовалось судно СИС, о чем УСО не было уведомлено. Местные жители понимали, что теперь наверняка последует гестаповская облава. Несмотря на это, оба члена группы остались в этом районе. Гестаповцы застали их врасплох на сеновале фермерского дома. Они стали отстреливаться, убили трех гестаповцев, но погиб и один из сотрудников УСО, второй, тяжело раненный, был схвачен и позже казнен. Немцы повели себя в Норвегии так, как прежде повсюду в Европе. В Телевоге арестовали и расстреляли восемнадцать норвежцев, сожгли около семидесяти домов. Норвежское правительство не постеснялось причислить эти жертвы расправ к военным потерям.

Вест-Агдер. Первым в этом районе еще в начале 1941 г. побывал Одд Стархейм². 2 января 1942 г. он вместе с радистом выбросился с парашютом. В феврале он удачно избежал гестаповской облавы в Осло, после чего обнаружил, что даже на собственной территории не может чувствовать себя в безопасности, единственный выход — возвратиться в Англию. Погода стояла по-зимнему суровая, и с Шетлендских островов действовать было нельзя. Тогда Улыба с радистом и еще четверьмя друзьями проникли на каботажный пароход «Галтесанн» и захватили это 600-тонное судно, следовавшее обычным рейсом из Осло в Берген. Экипаж и пассажиров — кого принудили, кого уговорили, и пароход, несмотря на ужасную погоду, благополучно прибыл в Абердин 17 марта. Обученный на месте радист продолжал выходить в эфир на передатчике Улыбы. Для подкрепления в район была направлена группа «Swan» («Лебедь»), которая в августе высадилась с подводной лодки — единственного в то время доступного средства доставки. Дополнительно в апреле была со-

* [Об этом не знали в штабе совместных операций, когда предприняли нападение на Хаугезунд в Хёугеунн 1943 г.]

¹ Сведения в папках 6/370/22 и 6/370/25 Архива УСО.

² Сведения о выполненных Улыбой заданиях в папке 6/370/1, т. I, II, Архива УСО.

вершена выброска десанта в Телемарке (группа «Cockere!» — «Петушок»), два человека из этой группы перебрались в район действий Улыбы в Вест-Агдере, где стали инструкторами для местных рекрутов.

Телемарк. Группа «Grouse» («Куропатка»). В марте некто Эйнар Скиннарланд был заброшен в горы Телемарка для подготовки нападения на завод по производству тяжелой воды в Рьюкане. Его смелые действия оказались весьма полезными, и об этом будет сказано позже¹.

Вестфолл. Группа «Anshog» («Якорь»)². 23 февраля на западном побережье был высажен организатор, который благополучно пересек страну и добрался до Драммена, но там был ранен и схвачен, а его радист (высадился в апреле) стал одним из тех, кто пал жертвой трагедии в Телевоге.

Эстфолл. Группа «Stow» («Ворона»)³. В феврале был высажен организатор, который сумел достичь назначенного места в районе Осло и Осло-фьорда, но радист его прибыл и вышел в эфир только в мае. Затем организатор возвратился в Англию, а немцы вскоре схватили радиста и стали работать на его передатчике. Подмену распознали почти сразу же.

Оппланн. Группа «Anvil» («Наковальня»)⁴. В марте радист добрался с западного побережья до окрестностей Лиллехаммера и 27 апреля вышел в эфир. Его организатор прибыл только в июне и поначалу был заподозрен местной военной организацией как провокатор — примета возросшей бдительности норвежского движения Сопrotивления.

У каждой из этих экспедиций своя история, свое сказание, которое в устах участников зачастую обретает подлинные черты скандинавских саг. Их рассказы, наверное, будут хранить и помнить в Норвегии, однако невозможно подобающим образом пересказать эти повествования, поскольку историческую ценность представляет в основном одно — процесс становления движения Сопrotивления, объединение сил крайне индивидуализированных личностей.

Как будет показано, планы УСО строились в расчете на создание сети децентрализованных организаций во всех крупных

¹ См. далее главу XXVI.

² Сведения в папке 6/370/25 Архива УСО.

³ Сведения в папке 6/370/12, т. I, Архива УСО.

⁴ Сведения в папке 6/370/24, т. I, II, Архива УСО.

провинциях Норвегии — до Нурланна на севере. Вдобавок значительное число военных складов было устроено в укромных местах на островках близ побережья. Засылаемых людей условно делили на три категории: *организаторы*, призванные направлять деятельность местных организаций или, если их не было, создавать таковые; *инструкторы*, обучавшие людей обращению с оружием и взрывчатыми материалами; *радисты*, задача которых — установить прямую связь каждой организации с Англией (внутренней радиосвязи не предусматривалось). На деле нередко все функции приходилось совмещать. Все они были норвежцами из роты Линге, молодыми людьми похожего склада, многие из них отличались смелостью и мужеством. Их учебной подготовкой занималось исключительно УСО, и действовали они вначале по британским планам и под британским оперативным управлением. Группы несли тяжелые потери, однако положение, сложившееся летом 1942 г., не было безнадежным, если принять во внимание новизну задач и недостаток возможностей для их решения. Действовали группы на территории двенадцати районов, что составляло большую часть Южной Норвегии. Особенно активизировались к концу лета в восьми районах агенты УСО, в эфире работало шесть радиопередатчиков из пятнадцати посланных, напрямую связывая Лондон с Нурланном, Трёнделагом, Олесунном, группой «Ворон», находившейся в горах за Бергеном, с районами вокруг Кристиансанна (юг) и Лиллехаммера. Это означало, что Лондон получал информацию первоисточника и был осведомлен об организациях, о нуждах этих районов, а значит, появлялась возможность координировать действия норвежцев, направленные против немцев. Однако снабжение норвежцев было весьма затруднено, и все большую угрозу представляли контрмеры гестапо, которое использовало против борцов Сопrotивления информаторов, обыски, карательные акции. Усиление деятельности УСО могло сказаться на судьбах многих норвежцев. По сути, в каком-то смысле УСО приняло на себя ответственность за жизнь и смерть людей в Норвегии (в той мере, в какой это можно осуществлять через сотрудников УСО «в поле»), и эту ответственность оно отнюдь не стремилось нести в одиночку. Управление с самого начала во многом полагалось на здравомыслие и добросовестность норвежского правительства и стремилось разделить с ним эту ответственность: следовало найти способ соединить политическую ответственность норвежцев перед своим народом с ответственностью УСО перед

британским правительством за операции, проводимые из Англии и связанные с британскими военными планами.

Необходимость срочно найти выход усиливалась еще двумя факторами: развитием политической обстановки в Норвегии и операциями КСО* зимой 1941/42 г.

Как уже было сказано, осенью 1941 г. значительно усилились карательные акции немцев, и это вынуждало норвежское правительство в Лондоне еще острее воспринимать ответственность за руководство движением Соппротивления (а при необходимости — и за сдерживание его) у себя на родине. По какой-то причине (возможно, из-за личного вмешательства Гитлера) немцы предприняли еще одну попытку утвердить Квислинга в качестве главы конституционной государственной власти в Норвегии. В январе 1942 г. намерения их осуществились настолько, что министрам Квислинга позволено было публично потребовать, чтобы Квислинг, лидер единственной легальной партии «Nasjonal Samling», назначил национальное правительство.

Стортинг и старые партии были распущены, Верховный суд ушел в отставку и был заменен немецкими ставленниками, местные власти взяты под контроль. Таким образом, образовался политический вакуум, который для видимости заполнили, назначив 1 февраля Квислинга министром-президентом и издав целую серию указов его «правительства» о реорганизации Норвегии по «корпоративной» модели. Реакция на эту глупую провокацию, вероятно, сильно удивила немцев и, несомненно, чрезвычайно осложнила их задачу. Двенадцать тысяч (из четырнадцати тысяч) школьных учителей отказались вступить в нацистскую учительскую организацию. Их примеру последовало все национальное духовенство, которое употребило свой авторитет на организацию общественного протеста. Имелись случаи добровольных отставок адвокатов, врачей и других гражданских служащих, без которых нельзя было обойтись. По сути, состоялась тихая, решительная и почти всеобщая демонстра-

* [Кайеса на посту командующего совместными операциями сменил лорд Луи Маунтбеттен, 1900—1979 гг., кузен короля Георга VI, введен в рыцарское достоинство в 1922 г., КСО — в 1941—1943 гг., верховный командующий вооруженными силами в Юго-Восточной Азии в 1943—1946 гг., кавалер ордена Подвязки с 1946 г., последний вице-король Индии в 1947 г., граф с 1947 г., первый лорд Адмиралтейства (министр морского флота) в 1955—1959 гг., начальник штаба обороны в 1959—1965 гг., удостоен ордена «За заслуги» в 1965 г., убит во время отдыха в Ирландии; в НБС.]

ция национального духа. Протест, зародившийся стихийно, породил настоящую «Гражданскую организацию» на «внутреннем фронте» борьбы, имевшую более глубокие корни, чем у существовавшей Военной организации¹. Пошла волна арестов, выявленных руководителей отправили в концлагеря, однако протест был настолько широк, что немцы не смогли пустить в ход обычные меры наказания. Возможно, сказался и такой фактор: местные нацистские власти только и делали, что твердили: «Мы вас предупреждали!» — вышестоящему начальству в Берлине.

Операции Командования совместных операций в 1941—1942 гг. неожиданно совпали с начальными стадиями этого стихийного протеста, что имело непредвиденные политические последствия.

Операция «Kitbag I» («Вещмешок I»), первая из них, направленная против Флурё, не была выдержана по срокам и завершилась ничем², к тому же были понесены потери на обратном пути — погибли двое людей Линге, находившиеся на борту³. Команда второго лофотенского рейда («Anklet» — «Ножной браслет»), вышедшая в море 22 декабря, нанесла немцам некоторый ущерб и вывезла 226 беженцев. Однако население Лофотенских островов, ожидавшее, что группа останется, и всецело отдавшее себя в ее распоряжение, испытало горькое разочарование, когда та повернула обратно. Мало того — позже многие из добровольных помощников были сурово наказаны оккупантами. Операция «Agcheru» («Стрельба из лука»)⁴, которая была нацелена на остров Вогсёй и город Молёй на нем, игравших важную роль в судоходстве вдоль норвежского побережья, в военном отношении вроде бы была успешной, но тоже спровоцировала карательные акции. Для УСО особенно тяжелым ударом стала гибель капитана Линге: во время нападения на Вогсёй 27 декабря его сразила пуля немецкого снайпера.

Норвежское правительство выразило резкий протест по поводу этих операций: то был едва ли не единственный случай,

¹ См. отчет Дж.Э. Скаппела, датированный 21 июля 1942 г., в Архиве УСО, папка 6/490 — «Военная организация» (N.36/2 т. 2).

² Отчет младшего лейтенанта Исене, датированный 13 января 1942 г., в папке 6/480 «Стрельба из лука» Архива УСО.

³ Середина декабря. Эта операция была повторена 6 января 1942 г., однако высадки произведено не было.

⁴ Полный отчет об операции с фамилиями норвежских участников и сообщением о смерти капитана Линге в папке 6/480 «Стрельба из лука» Архива УСО. См. также Приложение к лондонской «Газетт» от 2.8.48, где опубликован отчет об этой операции.

когда в его отношениях с британской стороной образовалась трещина. Гнев норвежского правительства был направлен не столько против самих операций (хотя их необходимость и вызывала некоторые сомнения), сколько против того, как их спланировали. Ни с кем из представителей норвежских властей при подготовке операций не консультировались, хотя, предвидя политические последствия в Норвегии, непременно следовало это сделать. Нанесенный немцам ущерб вряд ли перевешивал разрушение средств жизнеобеспечения в стране, неизбежные карательные акции, сказавшиеся на моральном состоянии норвежского населения... Норвежское правительство было вполне готово считаться с насущными проблемами, но призывало консультироваться с ним по политическим вопросам, влияющим на обстановку в стране. «Внутренний фронт» был абсолютно предан королю, видя в нем символ национального единства, однако его отношение к правительству, пребывавшему в Лондоне, менялось. Еще в 1941 г. в стране поговаривали, что руководство норвежским движением Сопrotивления должно находиться в руках тех, кто живет в оккупации и знает, каковы условия этой жизни¹. К тому же существовали подозрения, что лондонское правительство воспользуется своим законным статусом и руководящим положением, дабы обеспечить собственное политическое будущее, когда Норвегия окажется освобождена. Такие настроения — нормальные составляющие психологии сопротивления, они хорошо улавливались и старательно подпитывались германской пропагандистской машиной. По счастью, в Норвегии такие настроения проявлялись меньше, чем в любой другой стране, частично еще и потому, что лондонское правительство относилось к ним исключительно чутко и тактично.

Окончательно все эти подозрения были сняты декларациями накануне Рождества 1942-го и 9 апреля 1943 г., в которых четко определялось: по возвращении в Норвегию лондонское

¹ Например, доклад Милорга королю Хокону, датированный 10 июня 1941 г. (Архив УСО, папка 6/490 — № 36/2, т. I): «Наша организация строится на *иде*е иметь в наличии военную машину для поддержки внутреннего правительства, тайно или официально санкционированного королем и действующего на основе прямой ответственности перед королем. Это *внутреннее* правительство решает, когда нужно пустить в действие военную машину. Для нас чрезвычайно важно, чтобы эта основополагающая идея получила одобрение». В ответе короля на это последовал отказ, и отказ был принят ввиду признания королем законности власти Милорга в пределах Норвегии (в той же папке).

правительство вручает королю прошение о своей отставке, затем будет сформировано новое правительство — для проведения выборов в сжатые сроки. Учитывая желание участвовать в руководстве операциями, в Лондон для консультаций вызвали лидеров «внутреннего фронта» (таких, как капитан Рогнес и профессор Тронстад), а правительство было усилено назначением в ноябре 1941 г. Оскара Торпа министром обороны и учреждением в январе 1942 г. поста главнокомандующего всеми вооруженными силами, который занял генерал Ханстеен. В дальнейшем УСО работало по большей части с двумя последними, относясь к ним с величайшим уважением.

Ситуация, таким образом, несколько разрядилась. Однако норвежское правительство в изгнании по-прежнему постоянно убеждало британцев в необходимости более действенных консультаций, и это требование нельзя было оставить без внимания. Ведь Норвегия оказывала помощь в торговом судоходстве и в иных сферах, к тому же британские экспедиции во многом зависели от норвежских проводников и переводчиков, в основном из роты Линге. Рота действовала под британским командованием, но в рядах ее сражались норвежские патриоты, а не наемные агенты. И не было сомнений, что рота подчинится приказу норвежского правительства, если оно не согласится на продолжение ее службы.

В связи с этим потребовалось решить три задачи:

- 1) участие норвежцев в союзнических планах широкомащтабных военных действий против оккупантов и марионетного правительства Квислинга;
- 2) использование роты Линге для поддержки операций регулярных войск;
- 3) сотрудничество между УСО и норвежским правительством в развитии движения Соппротивления и руководстве им.

Первые две задачи могли оказаться неразрешимыми, если бы операции КСО обернулись полномасштабной высадкой союзников в Норвегии: в таком случае соображения военной безопасности перевешивали бы все остальные, и было бы невозможно заранее раскрывать планы тем, кто не мог внести существенный военный вклад. По счастью, этого не произошло, и достигнутые компромиссы не подверглись испытанию.

13 января 1942 г. начальники штабов согласились, что самого Оскара Торпа следует уведомлять о предстоящих операциях на Норвежском побережье по предварительному решению, ко-

торое должно приниматься КНШ в каждом отдельном случае¹. Дополнительно 24 января они обсудили письмо от министра обороны Торпа генералу Исмэю с просьбой создать объединенный Англо-норвежский комитет по планированию для совместных действий в ходе будущего освобождения Норвегии. Письмо готовилось во взаимодействии с сэром Чарльзом Хамбро, в нем говорилось только о том, что было вполне осуществимо, так что Комитет начальников штабов согласился провести консультации с таким комитетом — это согласие не было сопряжено с определенными обязательствами, грозящими преждевременным раскрытием секретных сведений².

Сэр Чарльз Хамбро уверил Торпа, что без предварительного согласования рота Линге не будет использована в совместных операциях УСО. Однако если она будет участвовать в какой-либо операции регулярных войск, то это не будет тайной УСО. Если же УСО будет не в силах организовать согласование, сэр Чарльз обещал свою поддержку³.

Сотрудничество УСО с норвежскими властями до осени 1941 г. было дружественным, но неофициальным, имеется множество свидетельств об обсуждениях и обмене информацией на всех уровнях. Однако британские и норвежские операции «в поле» проводились отдельно: теоретически организации норвежского «внутреннего фронта» должны были расти параллельно сети УСО и независимо от нее. Скоро стало очевидно, что данный принцип трудно осуществим и даже опасен: Норвегия — страна маленькая по численности населения, потому и каналы связи, и независимые организации обречены на вмешательство в работу друг друга⁴. А значит, УСО само было заинтересовано в официальном согласовании и полном обмене информацией, прекрас-

¹ COS(42)13-е заседание, пункт 6, 13 января.

² COS(42)27-е заседание, пункт 11, 24 января. См. также письмо генерала Исмэя Оскару Торпу, датированное 31 января 1942 г., — оба документа в папке 6/100 «Англо-норвежское сотрудничество» Архива УСО.

³ См. письмо сэра Чарльза Хамбро министру обороны Торпу от 14 января 1942 г. (Архив УСО, папка 6/100/2), а также его письмо КСО от 5 и 28 февраля и ответ КСО от 5 марта — все документы в Архиве УСО, папка 6/100 «Англо-норвежское сотрудничество».

⁴ Одним из примеров этого стал крах операции СИС «Жаворонок» в Тронхейме в сентябре 1941 г. СИС утверждала, что у службы «пересеклись дорожки» с норвежской военной организацией и тем самым — опосредованно — с УСО. См. лист 49а и другие в папке 6/490/ № 36/2, т. 1, Архива УСО.

но понимая, что достичь этого можно только при совместных действиях британцев и норвежцев, преследующих общую цель.

Инициатива, следовательно, исходила от УСО (еще до того как вопрос был поставлен норвежской стороной в декабре 1941 г.), и предложения УСО были изложены в пространным документе «Англо-норвежское сотрудничество с военной организацией в Норвегии», составленном 24 ноября 1941 г.¹

Основной тезис этого документа таков: «Британцы не в силах продвинуться вперед без работы норвежцев в Норвегии, а норвежцы в нашей стране не смогут помогать соотечественникам у себя на родине без руководства, оснащения, транспорта и средств связи, предоставить которые могут только британцы». И из этих бесспорных посылок следует очевидный вывод: «Лучше всего обеспечить руководство через Англо-норвежский объединенный комитет в Лондоне, который должен состоять целиком из людей, активно вовлеченных в эту работу. Поддержание необходимых связей Комитета с норвежским и британским правительствами станет обязанностью руководящих членов Комитета от каждой страны, поскольку ввиду секретного характера работы нецелесообразно и нежелательно привлекать к работе в Комитете министров, начальников штабов или командующих... Желательно наделить Комитет правом кооптировать время от времени, если возникнет необходимость, дополнительных членов, что особенно важно для того, чтобы представители Военной организации в Норвегии могли присутствовать на заседаниях Комитета в случае их прибытия в нашу страну для консультаций². На Комитет возлагается обязанность поддерживать тесный контакт с руководящим советом Военной организации в Норвегии, однако необходимо помнить, что данный совет не обязан иметь тесные связи со всеми окружными организациями... Таким образом, представляется желательным, чтобы новый Комитет в Лондоне находился, насколько это возможно, на прямой связи с каждой из окружных организаций в Норвегии».

Как отмечалось, такое решение оставляет в стороне проблему «каналов приказаний»: Комитет — орган консультативный, а не исполнительный, и распоряжения по-прежнему будут направляться по существующим каналам, британским или норвежским.

¹ Копия на листе 2а в папке 6/100 «Англо-норвежское сотрудничество» Архива УСО.

² Непрямое указание на капитана Рогнеса, незадолго до того прибывшего в Лондон и ставшего одним из первых членов Комитета.

Однако эти распоряжения будут обставлены процедурой согласования и при необходимости могут обходить штаб-квартиру Военной организации в Осло. Было позволительно надеяться, что (если все пойдет хорошо) Комитет в конце концов станет штаб-квартирой норвежского движения Сопротивления, что за планами, согласованными на его заседаниях, последуют объединенные действия.

Этот документ обсуждался сэром Чарльзом Хамбро и м-ром Спорборгом с Торпом 27 ноября, вскоре после его назначения министром обороны¹; утром того же дня сэр Чарльз обсуждал вопрос с начальниками штабов². Торп встретил предложения благожелательно и выразил куда больше озабоченности отсутствием предварительных согласований по военным операциям. Впрочем, он с пониманием отнесся к тому, что у Комитета начальников штабов могли быть основания считать, что в центрах норвежских организаций трудно соблюдать конспирацию. В то время шла подготовка операций КСО на Лофотены и Молёй, и норвежцы, несомненно, что-то о них прослышали: вопрос о размахе операций и последствиях для них был куда более насущным, чем сотрудничество с УСО. Решение по поводу сотрудничества не принималось до 14 января 1942 г., когда сэр Чарльз Хамбро вновь встретился с Торпом. Достигнутые соглашения нашли отражение в письме, написанном в те же дни³: «Вы в принципе согласились с нашим предложением... чтобы объединенный Англо-норвежский комитет... стал ответственным за секретную работу в Норвегии, такой Комитет, с норвежской стороны, отчитывался бы непосредственно перед вами... Согласовано, что в первое время Комитету не следует письменно фиксировать полномочия, это будет сделано лишь тогда, когда мы на практике установим параметры того, с чем Комитет сумеет справиться». Этот британский процедурный прием, вероятно, не сработавший бы ни с одним из других союзников, в данном случае помог счастливейшим образом решить проблемы суверенитета и подчиненности. Насколько удалось проследить, никаких письменных полномочий так и не появилось.

Комитет впервые собрался 16 февраля 1942 г. и проводил заседания регулярно (поначалу — раз в две недели, позже — раз

¹ См. Записку м-ра Спорборга в папке 6/100 «Англо-норвежское сотрудничество», с. 4а, Архива УСО.

² COS (41) от 26 ноября, пункт [?].

³ В папке 6/100 «Англо-норвежское сотрудничество», с. 13а, Архива УСО.

в месяц) до 26 апреля 1945 г.¹ Заседания проходили на квартире Норвежского отдела на Чилтерн-Корт, где для связи постоянно находился норвежский младший офицер. К сожалению, норвежским офицерам было неудобно работать в собственных помещениях УСО: частично — по соображениям безопасности, частично — из-за завистливой реакции других, менее «благодарительствованных» союзников. Состав Комитета менялся, но его ядро неизменно составляли: с британской стороны — полковник Дж.С. Уилсон, который в январе 1942 г. возглавил Норвежский отдел УСО, а с норвежской — профессор Тронстад из Технического колледжа в Тронхейме и подполковник Ёен. Как только американцы полностью вошли в дела Европы, к членам Комитета добавились майор армии США Фредерик Кромвель и капитан второго ранга резерва ВМФ США Дж. Унгер Ветлесен, оба из УСС*, которые оказались весьма деятельными сотрудниками.

Настроение, царившее среди британских сотрудников Комитета, точно выражено в записках, которыми обменялись участники после первого заседания²: «У меня ощущение, что от Тронхейма на юг нам следует объединить наши ресурсы, это будет означать, что мы должны выложить карты на стол. «Такому-то» это может не понравиться, только нельзя же нам оставаться двумя страусами, обращенными друг к другу задом!» — «Абсолютно согласен. Нам следует всю использовать способ *полного* сотрудничества: нам дано абсолютное право на такую попытку; несмотря на очевидные трудности (точку зрения «такого-то» я принимаю всецело), я считаю, что мы сумеем сделать это».

Министр обороны Торп выразился столь же определенно, когда 27 апреля 1942 г. написал сэру Чарльзу Хамбро³ по случаю назначения последнего на должность главного директора (CD) вместо сэра Чарльза Нельсона**: «Если припомните, я немного

¹ Его протоколы можно найти в папке 6/360 «Англо-норвежское сотрудничество» Архива УСО.

* [Организация стратегических служб Донована, предшественница ЦРУ, существовала в 1942—1945 гг., в том, что касалось США, работала вместе с УСО и СИС. См. книгу Джорджа К. Чалу «Тайны войны» (Вашингтон, О.К., 1992 г.).]

² Приложены к протоколам 2-го заседания в папке 6/360 «Англо-норвежское сотрудничество» Архива УСО.

³ В папке 6/100 «Англо-норвежское сотрудничество», с. 39а, Архива УСО.

** [Маккензи ошибочно называет сэра Фрэнка Нельсона Чарльзом.]

сомневался в целесообразности учреждения Англо-норвежского объединенного комитета для ведения столь деликатных вопросов, которые упомянуты в вашей записке от 24 ноября прошлого года. Однако мой секретарь, м-р Бёйе, постоянно информирует меня о работе Комитета, и теперь я убежден, что наш Комитет является верным инструментом для решения этих вопросов. С удовлетворением отмечаю, что общие направления сотрудничества ныне столь определены, что вам уже нет необходимости тратить свое время на рутинную повседневную работу».

ГЛАВА X

ДАНИЯ

События, происходившие в Дании, по характеру весьма отличались от тех, что происходили в Норвегии, и на этих страницах первые мы будем рассматривать только в качестве приложения ко вторым¹.

Дания — единственная из стран Западной Европы, которая уступила Германии без борьбы, потому поначалу оккупанты обращались с населением довольно мягко, рассчитывая, что пассивность со временем обернется сотрудничеством и что Дания послужит примером для других малых государств Запада — как строить отношения с носителями «нового порядка». Датский король оставался в Копенгагене, правительство, ригсдаг (парламент. — *Ред.*) и политические партии, а также кадры датских вооруженных сил и полиции оставались в прежнем состоянии до самого кризисного момента (отвечавшего политике УСО и по крайней мере, частично созданного УСО), возникшего в августе 1943 г. Датчане не были настроены прогермански — ни по складу характера, ни исторически, — если бы в 1940 г. правительство призвало их на войну, они сражались бы упорно. Но датчане народ миролюбивый и немного пассивный, а потому работу по созданию движения Сопrotивления пришлось начи-

¹ Имеется добросовестное описание работы Датского отдела УСО, сделанное майором Аласдэром Гарреттом, на основе которого построена эта глава.

нать с нуля. Политического центра, равно как и активно действующих организаций, пока не существовало.

Географические и физические условия Дании тоже совершенно иные, чем в Норвегии. Страна густо населена, равнинная, и жители ее в основном заняты сельским хозяйством. На первый взгляд такие условия мало подходят для подпольной войны. Однако на деле оказалось, что трудности не столь уж велики, их было куда меньше, чем, к примеру, в Голландии или в странах Восточной Европы. Транспортировка морем из Соединенного Королевства была затруднена, путь проходил через хорошо охраняемые воды вблизи от немецких баз; и хотя не раз грузы доставлялись на датских рыболовецких судах, это была лишь незначительная часть. Однако Дания весьма открыта с моря в сторону Швеции, переходы здесь короткие, их трудно проследить, и движение здесь всегда было оживленным, еще до того, как этим занялись представители УСО в Гётеборге. Воздушные операции тоже, как выяснилось, проводить легче, чем предполагалось: немецкая оборона была сильной, но не так сильна, как защищавшая воздушный мост с Руром, а в датской сельской местности, довольно тщательно возделанной, имелись обширные пустоши, поросшие кустарником, и леса, которые не так-то легко держать под контролем. В условиях сравнительно плотной населенности в Дании постороннему человеку порой было легче отыскать убежище и друзей, чем в Норвегии.

И все же потребовалось некоторое время, прежде чем появился первый рабочий план. Летом 1940 г. с целью координации британских действий был создан Датский комитет под председательством главы департамента Северных стран министерства иностранных дел. При поддержке Комитета в Лондоне была образована Ассоциация свободных датчан, а в сентябре 1940 г. Датский совет признали в качестве представителя датчан, оказавшихся за рубежом и желавших помочь союзникам. Поначалу это в основном были небольшие услуги датских моряков, непокорившихся немцам. Совет действовал не особо энергично, но сделал серьезный шаг, открыв набор в союзные войска: добровольцев принимал Восточно-кентский полк («Быки»), командиром-полковником в котором был король Кристиан*.

* [Кристиан X, 1870—1947 гг., король с 1912 г., старший брат Хокона VII.]

Это позволило УСО вести собственную вербовку, чем Управление и воспользовалось, однако профессиональный уровень привлекавшихся людей был, естественно, низким.

Сэр Чарльз Хамбро, находясь в октябре 1940 г. в Швеции, беседовал с датским писателем Эббе Мунком, яростным противником фашизма, но лишь в марте 1941 г. сотрудник УСО по работе в Дании (м-р Рональд Тернбуль) добрался до Стокгольма, проделав круговой путь через Южную Африку, Турцию и Россию. Другой сотрудник (м-р А.Э. Кристенсен), прибыв воздушным путем, тут же присоединился к нему — он стал британским вице-консулом в Гётеборге.

Первый полезный контакт был установлен из Стокгольма через Эббе Мунка с организацией, известной под названием «Принцы». О людях, входивших в нее, УСО поначалу ничего не знало, хотя и имело сведения о связях организации с датским генеральным штабом. Как позже выяснилось, возглавлял организацию подполковник Нордентофт, датский директор военной разведки, который пользовался негласной поддержкой главнокомандующего генерал-лейтенанта Гёрца. По существу, то была организация военного типа, знакомого по другим странам; ее деятельность была направлена на сбор военных разведывательных данных и подготовку кадров тайной армии, которой в дальнейшем предстояло действовать открыто. Данные разведки, собранные и переданные через УСО, были очень ценными, как и постоянная военная поддержка, оказываемая движению Сопротивления. Однако здесь, как и повсюду, возникли трудности. Во-первых, указания УСО предусматривали непрерывную и напряженную диверсионную деятельность, предназначенную как для того, чтобы изо дня в день «ставить палки в колеса» немцам, так и для того, чтобы непрерывными провокациями и контрпровокациями вселить в датчан веру в свои силы. Это несколько противоречило военному принципу сохранения сил для решающей акции. Более того, «Принцы» в качестве акции прикрытия для своей организации запустили слух о готовящемся противодействии возможному выступлению коммунистов: неплохая легенда для немцев, но как правда она неприятна, в чем пришлось убедиться в некоторых других странах. Понадобилось время, пока УСО осознало, что «Принцы» не пойдут на разжигание гражданской войны.

Летом 1941 г. по морю из Швеции УСО проложило ряд независимых каналов, но первое время они использовались в ос-

новном для распространения пропагандистских материалов. В то время большая доля ответственности лежала на УПВ: необходимо было всячески будировать патриотические чувства, чтобы способствовать объединению сил Сопротивления. Только 23 декабря 1941 г. была подготовлена и послана первая группа УСО, состоящая из организатора и радиста. Подготовить встречу группы не представлялось возможным, поскольку радиосвязь отсутствовала, а если имелась — оборудование работало не очень надежно. Организатор погиб из-за неисправности парашюта, радиопередатчик разбился, радист (его звали Хаммер) остался с малыми ресурсами и без связи с Англией. Связь с «Принцами» была установлена, однако радисту ничего не оставалось, как наблюдать за обстановкой, строя планы дальнейших действий. Следующая попытка была предпринята 16 апреля 1942 г. капитаном Роттбёллем с новым радистом. Все прошло хорошо, и первое сообщение от них поступило 17 апреля.

Удача вдохновила, и до конца апреля еще три инструктора по диверсиям с радистом были заброшены в страну. Эта группа, известная под названием «Table» («Стол»), прежде всего занялась созданием диверсионной организации, и поначалу наиболее важные связи Роттбёлля имели неполитический характер. Вскоре появились и первые связи с политическими организациями, в частности, с «Dansk Samling» и — в меньшей степени — с Коммунистической партией.

В политической жизни тоже наметился прогресс, и первым важным шагом стало создание датской организации вне Дании, которая могла действовать с пользой для движения Сопротивления. Осенью 1941 г. были направлены приглашения Хедтофту Хансену, лидеру социал-демократов, и Кристмасу Мёллеру, председателю Консервативной партии. Мёллер был единственным членом датского правительства, который в 1940 г. открыто занял антигерманскую позицию, но в конечном счете немцы вынудили его уйти в отставку. Хансен приглашение отклонил, Мёллер — принял (после длительных переговоров) и в конце концов в апреле 1942 г. с помощью УСО тайно пробрался в Гётеборг. Он оказался человеком противоречивым, но деятельным, не всегда соблюдал меры безопасности, зато много сделал для привлечения общественного внимания к Дании, заставив поверить в ее ценность как потенциального союзника.

Такое благополучное начало сильно испортили события конца лета 1942 г. Хаммера, первого агента, после прибытия Ротт-

бёлля переправили через Швецию. Один из радистов Роттбёлля 5 сентября был застигнут врасплох во время сеанса связи и покончил с собой, а Роттбёлль погиб, сопротивляясь аресту, 26 сентября. Эти потери потрясли организацию, мало того — в декабре еще два инструктора по диверсиям и радист были схвачены уже на пути в Швецию. Таким образом, все, что осталось в 1942 г., — два инструктора по диверсиям, у которых отсутствовала радиосвязь и роль которых оказалась весьма ограниченной, а УСО, по всей видимости, вернулось к тому, с чего начало. В Управлении не имелось кандидатуры для замены Роттбёлля, и единственное, что можно было немедленно предпринять, — возвратить Хаммера «в поле». Он добрался до Соединенного Королевства 27 сентября, а 15 октября вернулся в Данию. Хаммер был человеком настолько крупного телосложения, что обычную выброску с парашютом сочли опасной, — его намеренно сбросили над морем, в 150 ярдах от берега. Все прошло успешно, и Хаммер благополучно выбрался на берег острова Зеландия¹.

Таким образом, к концу этого периода УСО обладала в Дании весьма скудными ресурсами. Впрочем, на деле положение было несколько лучше, чем на бумаге. Появились связи с датским генеральным штабом, с «Dansk Samling», с Коммунистической партией, в копенгагенской полиции и повсюду в государственных учреждениях имелись люди, настроенные доброжелательно. Вдобавок заявили о себе известные личности, на чью энергию и патриотизм можно было положиться. Одним из них был Флемминг Юнкер, немало сделавший для организации принимающих групп и подбора мест выброски в Ютландии. Из Лондона эти очаги поддержки казались слабыми и разбросанными, однако их оказалось достаточно для того, чтобы со временем быстро усилиться, когда условия стали благоприятными. Сеть в Дании развивалась в основном стихийно — патриотические настроения доминировали в датском народе, он был готов к сопротивлению. Надо было только вооружить людей, чтобы они могли сражаться.

¹ Рассказ о совершенствовании этой методики в Рингуэйской парашютной школе см. в книге Ньюнэма «Прелюдия славы», с. 78 и 153.

ГЛАВА XI

ФРАНЦИЯ

Деловые связи УСО с Францией, возможно, самая значимая и, несомненно, самая сложная часть истории Управления, однако с самого начала следует сказать, что по-настоящему раскрыть эту тему едва ли возможно в рамках этого повествования.

Тому есть два объяснения.

Первое: Франция — великая держава и оставалась великой державой даже в поражении. Дело отчасти в арифметике (40 000 000 французов — в стране и еще около 65 000 000 душ — в заморской империи), отчасти — в материальных богатствах. В еще большей степени это факт цивилизации и истории: нация талантливая и образованная, политическая жизнь энергична и многообразна, приемы и методы, используемые разными силами в борьбе за власть, чрезвычайно изощренные и всегда рациональные¹.

Наконец, следует сказать и о военной географии: обладание землей Франции было стратегическим вопросом войны, в одном из аспектов вся война в Европе была битвой за Францию.

¹ «Французская нация, раздражающая — что есть, то есть — до дрожи в самых кончиках пальцев своей живостью, через край переполненная тысячью видов талантов, почти не знала соперников в мощном умении придать выражение своим мыслям» (м-р Гладстон, 1858 г.).

ПРИМЕЧАНИЕ: Имеются интересные записки о деятельности отдела F полковника Букмастера (1902—1992) и деятельности отдела R/F майора Саксуэйта. К тому же майор Бурне-Паттерсон тоже оставил записки «Британские сети во Франции», которые были разосланы министерством иностранных дел британским консулам во Франции.

В труде У.Л. Лангера «Наша игра с Виши» (Klopff, 1947) тщательно описана политика США до даты смерти Дарлана. Он основан на документах государственного департамента и ОСС.

Основные источники во Франции:

1. Для истории FFI — Служба Historique de l'Armee.
2. Для гражданских дел — Commission d'Histoire de l'Occupation et de la Libération de la France (Sec., M. Michel), Ministère de l'Education Nationale, 12. Rue Guenegaud, Paris, (6e)/
3. Архивы Conseil National de la Resistance и других политических организаций внутри Франции имеются, но где они находятся, неизвестно. (Dausette: 'Libération le Paris', Appendix on Sources.)
4. Архивов правительства генерала де Голля и его представителей в оккупированной Франции не имеется.

Второе объяснение: Франция являлась самой доступной из стран, оккупированных немцами. Географически это очевидно. У нее протяженное и открытое побережье, обращенное на пролив Ла-Манш, Атлантику и Средиземное море; у нее две сухопутные границы с нейтральными странами — Швейцарией и Испанией; она располагает обширными пространствами, позволяющими проводить воздушные операции (не только десантирование с парашютом, но и посадки самолетов) на легко преодолеваемых расстояниях от баз в Англии. Менее очевидным было то, что замысловатый четырехугольник Британия — США — Виши — де Голль позволял до ноября 1942 г. Франции оставаться политически доступной через систему различных каналов. У Британии не было официальных дипломатических отношений с режимом Петена, однако канадский временный поверенный оставался в Виши, и у дипломатов или консулов Виши всегда имелась возможность установить контакт с их британскими коллегами, если они хотели проделать это неофициально, — такова была обычная практика, особенно в Мадриде. США не порывало дипломатических отношений до полной оккупации страны немцами в ноябре 1942 г., и самый важный человек, адмирал Лихи*, находился в Виши с января 1941 по апрель 1942 г. К тому же США продуктивно использовали свою экономическую силу, вынуждая признавать полунезависимую сатрапию в Северной Африке.

Французские политические сплетни и интриги доходили до союзников из многих источников, а УСО не было, как в других странах, единственным (или почти единственным) каналом, посредством которого можно было поддерживать отношения в условиях немецкой оккупации.

Следовательно, данное повествование не может представить целиком политическую картину Франции того периода и ее отношений с союзниками с 1940 по 1945 г. Даже деятельность УСО можно проследить только на первых ее этапах.

1. Битва за Францию и Виши

Определенные отношения с французами были установлены как отделом D, так и MI(R) еще в июне 1939 г. Очевидно, именно французы первыми заговорили о диверсиях в ходе обсужде-

* [У.Д. Лихи, 1875—1959 гг., командующий военно-морскими операциями США в 1937—1939 гг., посол Рузвельта у Петена в 1941—1942 гг., председатель Комитета начальников штабов США в 1942—1949 гг.]

ний проблем экономической войны¹. В июле 1939 г. подполковник Гранд был в Париже, где познакомился с полковником Малрезом из Второго бюро², а перед самым началом войны майор Л.А.Л. Хемфрис обосновался в Париже в качестве представителя отдела D для взаимодействия с новым аналогичным его отделу ведомством — Пятым бюро. Взаимодействие оставалось дружественным, хотя и бездеятельным — в течение нескольких месяцев в основном оно касалось создания разного рода «устройств» для возможного их применения в Германии, Италии, Румынии и так далее. И никто не имел в виду, что эти «устройства» когда-либо понадобятся во Франции.

Совершенно неожиданно в середине мая 1940 г. проблема эта обрела реальность, и 25 мая полковник Гранд направил Хемфрису письмо с конкретными предложениями, хорошими предложениями, но едва ли подходящими настроениям французов.

Хемфрис обсудил это со своим контактом, майором Брошю, и получил уверения, что тайные склады снаряжения созданы в Генте, Антверпене, Брюсселе, Лилле и других местах и что по крайней мере по два человека оставлены в каждом из этих центров, а наилучшей помощью отдела D станет поставка и распределение снаряжения³. Подобные планы могли существовать, а могли и не иметь места в действительности. Хемфрис еще раз написал Гранду 7 июня⁴, но затем уехал на несколько дней в Швейцарию, а когда возвратился 11 июня, то обнаружил, что из Парижа все эвакуировались⁵.

Едиственная надежда оставить после себя организацию была связана с энергичным русским таксистом, случайным знакомым, который сделал ряд практических предложений⁶. Однако теперь отыскать таксиста не удалось, а эвакуация персонала отдела D проводилась очень спешно. В конце концов 20 июня все ушли на крейсере из Жиронды, попрощавшись с Пятым бюро, — его сотрудники выразили патриотическую решимость остаться во Франции на нелегальном положении.

Эвакуация привела к полному разрыву, и в августе 1940 г. УСО пришлось заново создавать французское движение Сопротивления.

¹ Письмо майора Мортонa, датированное 5 июня 1939 г.; в папке 3/470/7a Архива УСО.

² Отчет, датированный 17 июля 1939 г.; в папке 3/470/7a Архива УСО.

³ Отчет, датированный 29 мая 1940 г., в папке 3/470/7a Архива УСО.

⁴ Письмо в папке 3/470/72 Архива УСО.

⁵ См. его отчет в папке 3/100/5a Архива УСО.

⁶ Отчет от 29 мая 1940 г.; в папке 3/470/7a Архива УСО.

Стоит коротко напомнить о политической обстановке. М-р Черчилль 16 июня в Туре предпринял последнюю попытку вселить решимость во французское правительство. В тот день кабинет Рейно* пал, и его сменил Петен, а 17 июня де Голль отправился в Лондон (на следующий день он выступил со своим первым радиообращением).

Мир был подписан 22-го, а 27-го де Голль создал в Лондоне Временный французский национальный комитет. Но идея с политическим комитетом была сразу же отвергнута и заменена концепцией преимущественно военного движения¹: 28-го правительство Его Величества «признало генерала де Голля в качестве руководителя всех свободных французов, где бы они ни были, которые объединяются вокруг него для поддержки дела союзников». Так, один из младших французских генералов, известный только как добрый католик и сильный военный теоретик, был выбран Британией в качестве символа французской нации.

3—5 июля последовали нападения на французский флот в Оране, Мер-эль-Кебире и Дакаре, а 5 июля — разрыв отношений Виши с Британией. В августе разрозненные французские колонии стали объединяться вокруг де Голля, и к 12 сентября большая часть Французской Экваториальной Африки была на его стороне, однако Дакарская экспедиция, организованная запоздало и с большой помпой, позорно провалилась 23 сентября. Это стало для де Голля знаком опасного развития событий, и он взял паузу, чтобы провести реорганизацию. 27 октября в Браззавиле (Конго) был образован Совет обороны империи, состоявший из солдат, моряков и губернаторов колоний, людей второго сорта, без особой политической окраски. Де Голль мудро сделал Совет официальным центром своего движения: его лондонские последователи составляли куда менее приличную компанию, погрязшую в сварах и интригах, в основном принадлежавшую к крайне правому крылу в политике. Его приверженцы в США были — если такое возможно — еще хуже.

Власти Виши тем временем успокоились и принялись оценивать свои политические активы и возможности маневра. У них на руках имелись две военные карты, представлявшие некоторую ценность: французский флот и армия в Северной Африке, которая была слаба, но по крайней мере могла вынудить

* [П. Рейно, 1878—1966 гг., французский премьер-министр в апреле — июне 1940 г., военнопленный в 1940—1945 гг.]

¹ «Comite Militaire» в помощь де Голлю был создан в январе 1941 г.

противника провести довольно серьезную операцию. Два эти актива были обеспечены включением Дарлана* в правительство в качестве министра морского флота и направлением Вейгана[□] генеральным уполномоченным в Северную Африку. Полномочия Вейгана ограничивались и контролировались губернаторами, обладавшими самостоятельной властью внутри подведомственных им территорий. В то же время благосклонность немцев обеспечила явление Лавала в качестве заместителя премьера и «наследного принца». Однако самый главный козырь Виши, возможно, был иной — там пребывало законное правительство Франции. После того как 10 июля Национальное собрание ликвидировало Третью республику, хороший адвокат мог бы обнаружить кое-какие сомнительные свойства в титуле Петена, однако в целом его позиции были вполне легитимными, у де Голля же никаких позиций вообще не было. Вопрос о легитимности, несомненно, даже будучи абстрактным, имел большое значение для обычных служащих государства — от генералов до почтальонов: долг обязывал их служить государству, а государством был Петен. Понятие «долг» подкреплялось более практическими соображениями: зарплата, продвижение по службе, пенсия, благополучие семей. Громадная машина французского государства подчинялась указаниям Виши, за исключением случаев непосредственного вмешательства немцев. Этот контроль за государственной властью был тем более важен, что обычный политически активный француз на какое-то время был основательно выбит из колеи: привычные слуху крикливые выступления французских партий смолкли, любое начинание исходило от чиновников. То был всего лишь этап, и с пробуждением политической жизни позиции Виши ослабнут, даже независимо от вмешательства союзников, но в тот момент режим был силен — в пределах, установленных немцами.

Это служит объяснением одного из ограничений британской политики, в рамках которого УСО приходилось действовать с самого начала: еще 29 августа 1940 г. министром было установлено, что «впредь до получения иных указаний надлежит исходить из

* [Жан Луи Дарлан, 1881—1942 гг., французский адмирал, ставший заместителем Петена, в Алжире был случайно застрелен во время операции «Факел».]

В ноябре 1942 г., будучи главнокомандующим вооруженными силами Виши, Дарлан вступил в соглашение с союзниками, высадившимися в Северной Африке.

□ Максим Вейган, 1867—1965 гг., французский генерал, в мае 1940 г. был главнокомандующим вооруженными силами Франции, один из виновников ее поражения.

того, что правительство Его Величества с неодобрением рассматривает любой акт агрессии, совершенный британскими подданными или британскими войсками против личностей или объектов на неоккупированной части Франции»¹. В обиходе УСО это получило название политики «осмотрительных бах-бахов в зоне оккупированной и никаких бах-бахов без позволения Форин-офис в зоне неоккупированной». Такая линия поведения вызывала недовольство, однако ее строго придерживались до тех пор, пока в ноябре 1942 г. ситуация не изменилась. Самые острые споры в этой связи возникли вокруг судов Виши, вышедших из портов Виши. Строго говоря, они не попадали под общую формулу и являлись военными целями той или иной значимости, как потому, что могли доставлять колониальные товары через блокаду, так и потому, что помогали — по крайней мере опосредованно — поддерживать позиции Роммеля в Северной Африке. В октябре 1941 г. министерство иностранных дел слегка поддалось нажиму и дало разрешение на нападения при условии, что следы их не должны вести в Лондон и что всякий раз вопрос будет согласовываться с местным представителем британского министерства иностранных дел². Однако в феврале 1942 г. Форин-офис вновь ужесточил хватку: то был период, когда министерство стремилось восстановить контроль над УСО, обосновывая необходимость этого опасением задеть чувства испанцев такими актами пиратства, как устроенное УСО в январе 1942 г. «оттеснение» итальянского лайнера «Герцогиня д'Аоста» от гавани Фернандо По. Новое правило гласило, что министерство иностранных дел должно быть заранее уведомлено о любой предстоящей акции в испанской или португальской колониях³. Вряд ли при планировании диверсий можно было подолгу поддерживать энтузиазм исполнителей, дожидаясь, пока в Лондоне закончатся дебаты, и фактически новая политика наложила запрет на «бах-бабах» в тех районах, где судоходство, курируемое правительством Виши, можно было довольно легко пресечь.

¹ Записка «F.W.» в папке 3/470/7a.1 Архива УСО. Сравните — для примера — обмен письмами между м-ром Джеббом и майором Мортонном (12 и 15 апреля 1941 г.); в папке (AD/S.1) SC.38/2 Архива УСО; письмо от м-ра Гопкинса (министерство иностранных дел), датированное 30 апреля 1941 г.; в папке 3/470/2a Архива УСО.

² См. распоряжение CD, датированное 28 апреля 1941 г. (в папке 3/470/2a Архива УСО), протоколы совещания 8 октября 1941 г. и письмо от 13 октября в папках (AD/S.1) SC.38/2 и SC.38/6 Архива УСО. Распоряжение министерства иностранных дел см. в письме от 3 декабря в папке SC.38/6.

³ Телеграмма министерства иностранных дел от 18 апреля 1942 г.; в папке (AD/S.1) SC.38/6 Архива УСО.

В пределах этих ограничений задача УСО распалась на две части:

- пропаганда извне в поддержку французского движения Сопротивления;
- деятельность агентов во Франции, нацеленная на создание организации Сопротивления и проведение таких подрывных акций, которые будут разрешены.

Первая из них ненадолго задержит наше внимание. Это богатая тема для споров, и в этой области УСО сделало многое, однако относится сделанное к SO1, а не к SO2, которая унаследовала название «УСО», когда в сентябре 1941 г. было создано УПВ. В том, что касается деятельности SO2, ключевой оказалась проблема отношений с Петеном, с одной стороны, и с французскими левыми — с другой. В отношении Петена SO2 было настроено враждебнее, чем трое других партнеров — SO1, министерство информации и Би-би-си, и враждебнее, чем их беспокойная кормящая мать — министерство иностранных дел, однако была вполне готова следовать общим курсом, формула которого проста: Петена оставить в покое, а подчиненных его подвергать нападкам.

Вопрос с трудящимися куда сложнее. Можно было исходить из того, что влиятельная часть французского общества видела причину всех бедствий Франции в деятельности Народного фронта* и что обращение к французскому рабочему классу отпугнет этих потенциальных сторонников. С другой стороны (забыв об идеологии), было очевидно, что люди, которым предстоит заняться делом, принадлежат к рабочему классу: для диверсий один «путеец» годился больше, чем десяток фининспекторов и сотня рантье. Движению Сопротивления необходима была прочная опора в среде рабочих и крестьян, и оставалось только убедиться, приведет ли это к «воскрешению» политиков Народного фронта¹.

* [Народный фронт победил на всеобщих выборах 1936 г. и правил Францией до 1940 г.]

¹ Следующие документы (среди прочих) существенны:

1. Записка м-ра Джебба министру, подводящая итоги споров (с уклоном «влево»), от 15 ноября 1940 г.; в папке SC.38/3.

2. Совещание по выработке политики под председательством м-ра Дальтона (м-р Джебб против м-ра Липера; компромисс предложил сэръ Роберт Ванситарт) 17 ноября 1940 г.; в папке SC.38/5.

3. CFR(40)102 от 26 ноября; в папке 38/9.

4. Документ министерства иностранных дел Z/488/244/17 от 23

Избранная линия пропаганды была вынужденным компромиссом и потому непродуктивна, зато она соответствовала потребностям УСО. Практически, как будет показано позже, внутри самого УСО имелась некая двойственность в подходе к респектабельным людям и в подходе к трудящимся массам; и было бы нелепо изображать УСО последовательным поборником левых, а министерство иностранных дел — попечителем тех служилых классов, оценить достоинства которых ему было легче всего. Все было гораздо сложнее.

2. Проблема подбора кадров

Технические средства пропаганды имелись у Би-би-си и у других радиостанций, было налажено сбрасывание листовок с самолетов ВВС, а вот для деятельности агентов никаких средств не было, их еще предстояло создать. Первые трудности, с какими столкнулась SO2, состояли в том, чтобы подобрать людей и отыскать средства доставки их во Францию. Политические споры имели для SO2 чисто теоретическое значение, пока решение этих практических задач не продвинулось.

Прежде — о людях. В распоряжении УСО было всего три способа подбора кадров, среди которых обращение со шляпой в руке к «руководителю всех свободных французов» не значилось.

Во-первых, имелись британские подданные, свободно владевшие французским и английским языками, — они вполне могли сойти за французов. Их можно было отыскать по «обычным каналам» — по личным знакомствам персонала УСО и по картотеке военного министерства, содержащей сведения о людях, пригодных для военно-разведывательной работы. Диапазон не очень большой, но можно было надеяться на небольшой приток новобранцев до конца войны, к тому же многие из них оказались людьми выдающимися и героическими.

января 1941 г. (направлен «вправо»); в папке SC.38/5.

5. Совещание м-ра Идена, м-ра Даффа Купера и м-ра Дальтона 31 января 1941 г.; в папке SC.38/5.

6. Документ м-ра Липера CFR(31)71 от 4 марта, замечания м-ра Джебба от 8 марта; в папке SC.38/5.

(Все перечисленные папки серии AD/S.1 Архива УСО.)

кими. К этой же категории следует причислить немногочисленных франкоканадцев, но поток из этого источника был невелик.

Во-вторых, поначалу имелось определенное число патриотически настроенных французов, которые не воспринимали всерьез де Голля, точнее — его приспешников. Некоторые уже располагали собственными знакомствами в Англии, почти все принадлежали к высшему или среднему классу, были и аристократы, не имевшие прежде особых политических связей. Люди этого типа стали добротным материалом для связи с неполитическим сопротивлением, но число их было невелико, а возможности несколько ограничены: они могли дать лидеров, но не рядовых борцов, и вряд ли им было по силам самим завербовать кого-либо. Широкомасштабное движение едва ли возможно без политики и всего, что с нею связано.

В-третьих, сразу стало правилом (нельзя сказать, что оно молча принималось де Голлем), что любой француз, завербованный как британский агент во Франции, становился в некотором смысле британской собственностью. Если его вывозили из Франции, де Голль не мог притязать на него как на «свободного француза», если только сам человек сознательно не примыкал к де Голлю. УСО таких людей, естественно, не подталкивало к смене вектора, и многие из них делать этого не желали. В целом они, выходя из всех слоев населения, представляли собой тот тип француза, который ненавидит немцев и лишь немногим меньше ненавидит собственных политиков всех мастей. Такие умонастроения давали возможность создавать «британские сети», пока их репутация британцев не укрепилась во Франции, несмотря на идеологические нападки со всех сторон.

Надо сказать, что этих трех источников пополнения кадров явно не хватало. В любом случае делом высокой политики (с некоторыми оговорками) оставались поддержка руководства де Голля, признание его символической значимости. Например, премьер-министр писал м-ру Дальтону и м-ру Даффу Куперу в феврале 1941 г.: «Мы так никогда и не почувствовали ни в малейшей степени доброго отношения к себе или хотя бы вежливости со стороны Виши, и движение «Свободная Франция»[□] остается нашей определяющей политикой... Я считаю де Голля лучшим из французов, действующих ныне

[□] С 1942 г. — «Сражающаяся Франция».

на политической арене, и хочу, чтобы к нему относились со всемерной заботой»¹.

Де Голль был неоспоримым руководителем тех французов, которые предпочли следовать за ним, а не возвращаться во Францию. Большинство французов, бежавших из Франции по собственному порыву (на небольших суденышках или пешком через Пиренеи), сделали это для того, чтобы присоединиться к де Голлю, поскольку он был единственной альтернативой Виши и политике Виши. Британская политика была направлена на то, чтобы не препятствовать появлению стихийных движений во Франции и желанию французов примкнуть к де Голлю, вместе с тем не следовало их принуждать или заманивать посулами. Все это, по мнению УСО, придавало де Голлю вес, с которым нельзя было не считаться, — связь с ним и с его офицерами была установлена с самого начала.

В первое время де Голль усиленно занимался делами Французской империи, а в сентябре он выехал из Англии, отправившись в Дакарскую экспедицию, так что дела разворачивались медленно. 8 сентября установилась связь между сэром Фрэнком Нельсоном и майором Морэ, начальником штаба адмирала Мюселье, — обсуждался рискованный замысел высадки адмирала Мюселье в Бейруте², а майор Хемфри через Морэ наладил связь с представителем полковника Шатовьё, о котором говорили как о руководителе разведывательного бюро де Голля³. В результате этих обсуждений возник план: де Голль предоставляет людей, УСО их обучает и забрасывает во Францию под совместным патронажем двух ведомств. В свете последующих событий представляют интерес замечания к этому плану, сделанные сэром Фрэнком Нельсоном (и завизированные м-ром Дальтоном)⁴:

«...7. Идеальный вариант — дать понять гестапо и штабу де Голля, что мы сотрудничаем на 100%, тогда как на самом деле я бы предпочел, чтобы, поддерживая самые дружественные отношения и связи с людьми де Голля, вы в то же время не сообщали им о наших тайных планах, а более

¹ CFR(41)53 от 18 февраля.

² Записка CD, датированная 9 сентября; в папке 3/100/2с Архива УСО.

³ Записка майора Хемфри, датированная 10 октября 1940 г.; в папке 3/100/2с Архива УСО. См. также его Записку от 19 октября в папке CD/7 (ранние досье CD).

⁴ Протоколы от 11 октября; в папке 3/100/2с Архива УСО.

всего, чтобы базы, которые могли быть созданы вами во Франции, непременно были бы и нашими базами и знали бы о них только мы...

9. Я осознаю, что требования, предъявляемые мною, трудно выполнимы, их можно даже считать невыполнимыми, и все же это идеальный вариант, и мне было бы жаль, если бы вы его не придерживались...
10. Полагаю, мы могли бы в этой связи рассмотреть целесообразность предложения Леграна о сотрудничестве в создании особого, изолированного, подотдела, которому предстоит построить французскую организацию из деголлеровских людей бывшего персонала Второго и Пятого бюро. Руководство этой работой необходимо поручить специальному офицеру, который находился бы вне помещения этого подотдела и никогда там не бывал. Вся структура управления нашей организации и ее полевая структура должны быть полностью скрыты от французов...»

Этот принцип существования изолированных подразделений оставался ключевым для УСО в период решения французской проблемы — вплоть до создания 2 июня 1944 г.¹ совместного Штаба французских войск внутренних районов (ШФВВР) во главе с генералом Кёнигом*.

В чем-то похожий подход со стороны некоего г-на Массипа зафиксирован 6 ноября 1940 г. по линии SO1 м-ром Кадеттом², а м-р Липер самостоятельно избрал линию поведения, не слишком расходящуюся с той, которой предназначался сэр Фрэнк Нельсон. Руководство пропагандой и руководство агентами были связаны с решением ряда схожих проблем, хотя сражаться из-за них с де Голлем пришлось другим британским ведомствам.

В начале декабря 1940 г. реорганизовали Французский отдел SO2: м-р Г.Р. Мариотт (до 1940 г. представитель Courtauld в Париже) возглавил то, что получило название «отдел F», а майора Хемфри направили выявлять пути и способы связи с Францией через Пиренейский полуостров. Была организована учебная подготовка двадцати — тридцати добровольцев из голлистских войск,

¹ SHAEF/17245/6/5/Ops(A) от 2 июня 1944 г.

* [М.П. Кёниг, 1889—1970 гг., сдерживал Роммеля под Бир-Хакимом в 1942 г., командовал (извне) французскими войсками внутренних районов в 1944 г., губернатор Парижа в 1944 г.]

² Запись и соответствующая переписка в папке (AD/S.1) SC.38/4 Архива УСО.

и «Свободная Франция» воспользовалась этим для того, чтобы еще раз поднять вопрос о совместной деятельности. К м-ру Кадетту из отдела F обратился с предложением о сотрудничестве некто Шиллинг, которого считали руководителем диверсионного отдела в армии де Голля. Предложение во многом походило на предыдущие — с той лишь разницей, что на сей раз речь шла о выводе из строя электросиловых установок. Так уж совпало, что в отделе F над этим уже работали. Ответом стало четкое и полное повторение сэром Фрэнком Нельсоном собственных более ранних указаний¹. Однако теперь уже в УСО люди де Голля проходили подготовку для первой ответственной французской операции Управления, ходили также слухи, что де Голль подумывает о собственных специальных операциях. А значит, актуальным стал принцип СД о сотрудничестве с отдельными подразделениями «Свободной Франции».

Начало положила (7 января 1941 г.) Записка сэра Фрэнка Нельсона м-ру Джеббу, в которой он настаивал на необходимости усилить контроль за действиями де Голля, предложив включить вопрос о финансировании и оснащении в договор о сотрудничестве². За этим последовал проект служебной записки на французском языке, предназначенный стать основой соглашения с генералом де Голлем:

«Ен vue d'assurer la collabjration la plus étroite entre les services de la Grande Bretagne et de la France Libre en tout ce qui concerne la campagne d'action subversive dirigée contre l'ennemi commun en territoire français, il est entendu comme suit:

1. Cette campagne sera dirigée d'accord avec le Général de Gaulle par la Section F. du Bureau SO2...»³

Это был довольно пространный документ, содержащий программу руководства британцев, которая вряд ли прельстила Шарля Долговязого.

М-р Джебб переслал эти документы майору Мортону как председателю комитета Военного кабинета по французскому

¹ Датированы 25 декабря 1940 г.; в папке 3/100/2а Архива УСО.

² Копия в папке 3/100/2а Архива УСО.

³ «Дабы обеспечить более тесное сотрудничество между службами Великобритании и «Свободной Франции» во всем, что касается ведения подрывной деятельности против общего врага на французской территории, решено следующее:

1. Осуществлять эту деятельность по согласованию с генералом де Голлем будет отдел F организации SO2...» (фр.)

Спротивлению¹. Последовала дискуссия между майором Мортонем и сэром Фрэнком Нельсоном, которая привела к более или менее общему пониманию психологии и политики «Свободной Франции»². Следующий шаг высветил позицию еще яснее. Восемь человек из «Свободной Франции» готовились к крупной операции-вылазке, известной как «Саванна». 24 января к генералу де Голлю обратился генерал Спирс, старший британский офицер связи, с официальным запросом — разрешить их участие в операции. Был получен резкий отказ³.

Неясно, как — возможно, в результате личного вмешательства премьер-министра, — но препятствие было преодолено, и следующим шагом стало совещание 6 февраля под председательством генерала Спирса, в котором приняли участие начальник штаба де Голля генерал Пети, а также м-р Джебб и командующий секретной службой (КСС)⁴. Генерал Пети отстаивал право де Голля на проведение самостоятельных операций, но признавал, что решение зависит от правительства Его Величества, еще генерал одобрительно отзывался о сотрудничестве, но тогда о проекте отдельного голлистского подразделения УСО ничего сказано не было. К этому времени полковник де Ваврин*, позже хорошо известный как Пасси, довольно прочно утвердился в качестве шефа «подрывной» организации де Голля (на сцене он появился — с неясно выраженными функциями — еще в сентябре 1940 г.), и было предложено сделать его каналом связи. Де Ваврин, издавна имевший отношение к этой стороне деголлевской деятельности, был фигурой примечательной — о нем долго и ожесточенно спорили во Франции после отставки де Голля с поста премьер-министра в 1946 г. Происхождение его немного

¹ Письмо от 11 января в папке (AD/S.1) SC.38/4 Архива УСО.

² Письмо майора Мортоня м-ру Джеббу, датированное 14 января, и записка CD, датированная 15 января, — оба документа в папке (AD/S.1) SC.38/4 Архива УСО.

³ Памятная записка о беседе с де Голлем от 20 января и Памятная записка министру от 28 января в папке 3/100/2с Архива УСО.

⁴ Сообщение м-ра Джебба; в папке 3/100/2с Архива УСО.

* [А. де Ваврин, 1911—1998 гг., дальний родственник де Ваврина, принадлежавшего к *deux cent familles*, первым двумстам семействам, французский военный инженер, участвовал в Норвежской кампании, назначен руководителем секретных служб де Голля в 1940 г., лично участвовал в выполнении двух заданий в оккупированной Франции, ложно обвинен, арестован, освобожден в 1946 г., занялся бизнесом. Ошибочно причислен Маккензи к крайне правым политикам.]

таинственно, но очевидно, что был он «человеком правых» и, возможно, имел отношение к заговору кагуляров, вызвавшему столько тревог в середине 30-х годов. Разумеется, он был опытным интриганом, очень напористым и удачливым, прочно сохранявшим свое положение при всех перипетиях, будораживших окружение де Голля, и, безусловно, внес неопенимый вклад в объединение разрозненных организаций в движение Сопротивления. Какие бы конечные политические цели он ни преследовал, не оставалось сомнений в его личной отваге.

После этого совещания был подготовлен новый, куда более подходящий документ «Основы сотрудничества»¹. В нем говорилось: «Учреждается бюро, в штате которого представлены сотрудники обеих организаций... Проекты, представляющие общий интерес, планируются, согласовываются и совместно представляются генералу де Голлю и начальнику SO2 на утверждение. Бригадный генерал Габбинс совместно с генералом Пети принимают решение о порядке проведения операции и несут ответственность за окончательные приготовления».

Этот документ был вручен генералу Пети 25 февраля, и больше о нем никто ничего не слышал. Сотрудничество, по-видимому, протекало довольно гладко, атмосфера расчистилась, и были проведены кое-какие неофициальные переговоры. Впрочем, в конце мая возникла легкая паника, когда Комитет по внутренней безопасности Суинтона запретил государственным учреждениям привлекать или использовать французских «добровольцев» без разрешения генерала де Голля². Тем самым работа УСО во Франции полностью ставилась под контроль де Голля. СИС была встревожена не меньше, обе секретные службы вмешались, и решение было пересмотрено — теперь оно распространялось только на французов, которые по собственной инициативе поступили на службу к де Голлю³.

Наконец, 12 июня сэр Фрэнк Нельсон устроил официальный ужин для окончательной шлифовки договора, уже неофициально согласованного м-ром Спорборгом и де Ваврином⁴:

¹ Копия в папке 3/100/2с Архива УСО (дата документа — 20 февраля 1941 г.)

² Документ (HD(S)E.81, раздел 5, Управления внутренней обороны (безопасности) от 26 мая 1941 г., а также заседание 30 мая 1941 г., протокол 5; в папке 3/100/7с Архива УСО.

³ Записка помощника КСС руководителю УСО (CD) от 13 июня 1941 г.; в папке 3/100/7с Архива УСО.

⁴ Копия в папке (AD/S.1) SC.38/4 Архива УСО.

- «1. В принципе план любой операции должен исходить от полковника де Ваврина и только в общих контурах разрабатываться совместно с капитаном Пикет-Уиксом (УСО).
2. План в его первоначальном виде прежде представляется м-ру Спорборгу и, если он его утверждает, передается полковнику Барри*, который руководит отделом операций SO2.
3. После утверждения плана м-ром Спорборгом и подтверждения полковником Барри возможности его реализации полковник де Ваврин лично и секретно представляет план генералу Пети — для получения его принципиального согласия.
4. Если речь идет об операции значимой и важной, требующей визы КНШ или Военного кабинета, ответственность за ее получение несет м-р Спорборг, до того заручившись согласием генерала Пети.
5. После того как будут получены необходимые визы, предпринимаются следующие действия...»

Это вовсе не походило на первоначальные планы о новом подотделе УСО, призванном контролировать политические операции де Голля, зато по крайней мере появилась рабочая модель организации, отвечающая практическим нуждам обеих сторон и сводящая к нулю все разногласия. Письменного свидетельства об одобрении соглашения французской стороной нет. Де Голль в то время находился за рубежом, уделяя много внимания операциям в Сирии (начались 8 июня), и, возможно, неуместно было представлять документ на подпись в его отсутствие. К тому же дела велись именно так, как предусматривалось «соглашением», если не считать случаев, когда этому препятствовали локальные вспышки личного характера. В результате такая система сохранилась без каких-либо принципиальных изменений вплоть до окончательного слияния под эгидой ШФВВР в июне 1944 г.

Частью этой системы стал новый Французский отдел, созданный в мае 1941 г. под кодовым названием «отдел DR/F» (позже известный как отдел R/F). Некоторое время он располагался отдельно в доме № 72 по Беркли-Корт, а затем в доме № 1 на Дорсет-сквер, с тем чтобы посетители из разряда «свободных фран-

* [Р.Г. Барри, 1908—1998 гг., начальник штаба Габбинса в 1943—1946 гг., военный атташе в Стокгольме в 1947 г., в Совете НАТО в 1959—1962 гг.]

цузов» не попадали на Бейкер-стрит. Руководили отделом: капитан Пикет-Уикс — до августа 1942 г., подполковник Дж.Р.Г. Хатчисон* — до декабря 1943 г., подполковник Л.Г. Дисмор — до ноября 1944 г. (в последнее время в рамках ШФВВР).

3. Проблема коммуникаций

Так проводилась работа по подбору кадров. Проблемы коммуникаций тоже имели важное значение для совершенствования структуры организации и были столь же сложны.

Меньше всего затруднений было с доставкой человека на место, но связь становится систематической только тогда, когда он и другие могут быть возвращены обратно.

Самый подходящий транспорт для этого — подводная лодка, на ней можно относительно безопасно ночью доставлять людей или снаряжение на пустынные пляжи. Однако чтобы вывезти всех, нужно береговой группе предварительно подготовить встречу, что необходимо и при высадке. Но такие действия сопряжены с опасностью, высок риск поставить под угрозу многие жизни и боевой корабль при выполнении сравнительно небольшой задачи¹. Вряд ли стоило просить Адмиралтейство об использовании подлодок, за исключением тех случаев, когда готовились операции наивысшей оперативной значимости, например, посещение генералом Кларком Северной Африки 19 октября 1942 г. или побег Жиро из Франции 7 ноября того же года.

Таким образом, перевозку людей и снаряжения во Францию обычно осуществляли на небольших судах, для этого были созданы две миниатюрные флотилии: одна базировалась в Хелфорде, Корнуолл, а другая — на Гибралтаре.

Хелфордский проект был вызван к жизни естественной необходимостью. Начиная с падения Франции небольшой, но постоянный поток французов направлялся через пролив к югу Англии на рыбацких судах (в этот период продолжались и обыч-

* [Сэр Дж.Р.Г. Хатчисон, 1893—1979 гг., судовладелец, на задании во Франции в 1944 г., член парламента — консерватор — в 1945—1959 гг., баронет с 1956 г. См. его книгу «Отрава — это сладкая опасность», 1977 г.]

¹ См., например, описание действий подводной лодки, которая не сумела найти группу «Жозефина В», и замечания бригадного генерала Габбинса — 3 июня 1941 г.; в папке (AD/S.1) SC.38/1 Архива УСО.

ные выходы судов на лов рыбы из портов Бретани и Бискайского залива). Вряд ли было трудно настоящему французскому рыболовному судну затеряться среди рыбацких флотилий, а потом потихоньку скрыться за очередным выступом Бретонского побережья. План действий был готов к концу 1940 г.¹, и капитан 3 ранга Холдсуорт (давний сотрудник отдела D) приступил к подборке судов и людей в начале 1941 г.

К сожалению, немцы вскоре запретили всякий лов рыбы в водах Ла-Манша, разрешив выход в море только маленьким открытым шлюпкам, и мореходные суда УСО, таким образом, оказались бесполезны, кроме переходов южнее Уэсана. При операциях в Ла-Манше следовало полагаться на скорость, а не на скрытность, но в лучшем случае удавалось достать лишь посыльный катер морской авиации, маленький и тихоходный. Однако в начале зимы 1941 г. на таком судне провели четыре успешные операции, одной из них была «Lobster Pot» («Котел для омаров») — операция, в ходе которой британская группа, используя простое устройство, «сажала» на якорь в прибрежное дно «котел» с письмами или снаряжением, а позже, в спокойное время, их забирали с берега. Но в январе 1942 г. оперативное управление Хелфордом было передано Департаменту военно-морской разведки Адмиралтейства, в распоряжении которого уже имелась более крупная и почти постоянно действующая флотилия в Дартмуте, и операции с посыльным судном морской авиации были запрещены как сопряженные с неоправданным риском. Позже несколько операций были проведены на канонерке, экипаж которой составили сотрудники УСО в Хелфорде, а также на кораблях 15-й флотилии моторных канонерских лодок; однако корабли выделяли охотнее, если выполнялись операции СИС и MI9 (доставка бежавших пленных).

Что касается операций в Бискайском заливе, то там положение было значительно хуже.

Зимой 1941/42 г. ранее собранному «рыболовному флоту» УСО запретили выход в море на том основании, что он состоит из судов северного побережья, которым не пройти досмотра на западе. Подлинные суда западного побережья были приобретены летом 1942 г., и все приготовления шли полным ходом, когда последовал новый запрет: предпочтение отдали хорошо налаженной «почтовой линии» СИС на западное побережье, и операции УСО приостановили, дабы не нанести ущерба ее безопасности. Это ста-

¹ О более раннем этапе рассказано в записке майора Хемфри от 20 сентября 1940 г.; в папке CD/7 Архива УСО.

ло неожиданным ударом для людей в Хелфорде, однако к тому времени уже вполне сносно были налажены другие коммуникации, и лондонский Центр подчинился данному решению. Зимой 1942/43 г. многих людей из Хелфорда перевели на Средиземное море, после чего база (официально с 1 июня 1943 г. она управлялась Адмиралтейством) для УСО являлась лишь центром подготовки к работе на небольших судах на других фронтах войны.

Гибралтарская флотилия, созданная и вовсе необычно, под конец добилась большего. В начале 1941 г. у УСО на Гибралтаре имелся резидент¹, и летом 1941 г. на месте были приобретены два весьма обветшалых судна. Одно из них пытались (безуспешно) приспособить для нарушения судоходства держав Оси в испанских территориальных водах, другое отдали в распоряжение польского офицера связи на Гибралтаре, который воспользовался им для доставки в Европу польских беженцев из Северной Африки. Как отмечалось в одном из документов, «о состоянии двигателя судна можно судить по тому, что многие его детали были сняты с двигателя одной из автомашин УСО».

В 1942 г. произошла реорганизация, и Адмиралтейство создало «флотилию прибрежного слежения» — целый флот вполне надежных фелюг. Флотилия обслуживала все секретные службы, но не подчинялась УСО, зато экипажи ее по преимуществу состояли из поляков, направленных сюда УСО для других целей. Флотилия многократно использовалась (с мая 1942 до ноября 1942 г.) для переброски агентов на юг и с юга Франции: длительное неспешное плавание под парусами в условиях чрезвычайно неудобных, зато относительно безопасных.

Даже после этой реорганизации «военно-морские силы» УСО сохранялись в виде Гибралтарского рыболовного флота, созданного в начале 1942 г. капитаном П.Р. Муссоном, награжденным Военным крестом². Основная задача «флота» состояла в тайной доставке оружия в Испанию, однако от этой миссии вскоре пришлось отказаться и заменить ее более традиционной — контрабандой табака и прочих товаров с целью заработать песеты для правительства Его Величества. «Флот» просуществовал до 1944 г. и выручкой от контрабанды более чем окупил собственное содержание. Радиус действия «флота» был слишком мал для операций на оккупированной противником территории, и более

¹ М-р Хью Куеннель.

² См. описание капитана Муссона в Приложении I к «Пиренейской истории» УСО.

существенную помощь УСО он оказал, тайно доставляя беглецов из Испании на Гибралтар.

Вообще, морской транспорт имел более ограниченные возможности, чем это выглядит на бумаге. Воздушный же транспорт в своем развитии вышел за рамки довоенных возможностей, и почти повсеместно действия движения Соппротивления в конечном счете зависели от количества самолетов, которые можно было выслать на поддержку. Многие в результатах деятельности УСО определялось успехом или проигрышем битвы за самолеты, заявки на которые вместе с заявками других претендентов выстраивались в стратегической очередности. Позже мы еще поговорим об этом, здесь же лишь кратко перечислим некоторые технические факторы.

Франция располагалась рядом, и любой предоставляемый самолет имел достаточный радиус действия для проведения операций по выброске десанта в любую часть страны. В данном случае не существовало проблемы расстояний, столь осложнявшей дела на Балканах, и вполне подходили обычные средние бомбардировщики, даже если они оказывались непригодными для других целей. В первое время чаще всего использовали самолет «уитли», хотя время от времени летали и «хэмпдены» с «веллингтонами». Более крупные бомбардировщики появились позже и стали переправлять тяжелые грузы, однако это благо давалось не просто, поскольку требовалось больше людей и больше подготовки на земле: порой необходимо было подобрать и припрятать до рассвета до трех с половиной тонн различных грузов¹.

Поначалу проводились «слепые сбросы»: самолет, не имея иных ориентиров, кроме лунного света, проводил выброску десанта почти наобум в окрестностях, казавшихся безопасными и подходящими. Ошибка в пятьдесят миль была не такой уж редкой даже у первоклассных воздушных экипажей, и агенты нередко приземлялись на деревья, на озера, на камни — однажды даже на крышу полицейского участка, а в другой раз — прямо посреди лагеря для военнопленных. «Слепые сбросы» были сопряжены с огромным риском, и все же их проводили практически на всех театрах военных действий.

¹ График доставки грузов самолетами различных типов, использовавшихся в секретных операциях, содержится в письме министерства авиации DO.50/45/A13(USA) от 29 августа 1945 г.; в папке 2/290/STATS Архива УСО.

Стоило «в поле» утвердиться радиопередатчику, как появлялась возможность подготовить прием самолетов, — это был еще один шаг, облегчавший проведение подобных операций. Тем не менее организационные трудности по-прежнему оставались чрезвычайно большими. Даже после того как данные о месте и времени передавались «с поля» в Центр, нельзя было уже успокаиваться — от погоды зависело, будет ли проведена операция, и решение принималось в последнюю минуту. Агент «в поле» сидел и ждал на «точке» или поблизости от нее, и ему уже нельзя было сообщить об отмене операции, поскольку его передатчик был упрятан где-то далеко, может быть, за много миль. Решение нашли неожиданно, взяв на вооружение передачи Биби-си, — их можно было слушать по обычному приемнику в близлежащем доме. Система передачи ничего не значащих «личных посланий» вошла в употребление в ноябре 1941 г., многие из них были «пустышками», «прикрытиями», заполняющими паузы, другие же обговаривались заранее с агентами как сигналы того, будет или не будет проводиться операция. Обычная система состояла в передаче сообщения днем (либо «отменяется», либо «готовьтесь»), за которым следовало вечернее сообщение, когда решение принималось окончательно. Эти «личные послания» можно было использовать и в других целях, но главное их назначение — подстраховка воздушных операций. Количество радио-сообщений, переданных на Западную Европу, увеличилось во время проведения массированных операций: около сотни в сутки в период наивысшей активности накануне дня «Д» — высадки союзников в Нормандии.

Самолету оставалось только отыскать свою «комиссию по встрече», и поначалу сигнальное мигание нескольких фонариков немного улучшало ситуацию. По счастью, методы навигации развивались очень быстро. Навигационная система «Джи» (появилась в эскадрильях особого назначения в начале 1943 г.) позволяла довольно точно определять местонахождение самолета даже при отключенном бортовом навигационном радиооборудовании и плохой погоде. Система «Ребекка — Эврика» впервые применена УСО в феврале 1943 г.¹: самолет, оборудованный

¹ Первое описание системы с учетом использования в рамках УСО содержится в Записке, датированной 8 февраля 1942 г.; в папке 9/170/1 Архива УСО (уничтожено). О первом применении см. «Журнал войны» лондонского Центра — раздел R/F, январь — март 1943 г., с. 193. См. также часть 10 «Истории отдела AL».

«Эврикой», выходил на точку над передатчиком «Ребекка» — сигналы посылались агентом с земли. Передатчик был довольно компактным и при хороших условиях имел радиус действия по крайней мере, в пятнадцать миль при полете самолета на высоте 2000 футов². Наконец, в июле 1943 г. появились портативные коротковолновые радиотелефоны, с их помощью устанавливалась прямая связь между самолетом и группой на земле¹. В полевых условиях они действовали не всегда надежно, зато когда действовали, то с большой пользой — шел обмен сообщениями, поступали предупреждения о немецких засадах. Известен такой случай: пилот, заслышав в радиотелефоне немецкую речь, быстро развернул самолет и улетел обратно.

Когда это оборотование появилось «в поле», воздушные поставки стали регулярными и менее рискованными, а в последние месяцы число успешных операций значительно возросло. Однако все эти приемы годились в основном при полетах «туда»: возвращение воздушным путем представляло собой сложную задачу до последних дней открытой вооруженной борьбы, когда движению Сопротивления удалось взять под контроль достаточно большие территории, — тогда были созданы посадочные площадки, пригодные для транспортной авиации.

На протяжении активной деятельности УСО обычной была такая практика: выброску агентов с парашютом производили с самолетов «в поле» вместе со снаряжением; агентов и письменные донесения доставляли морским путем или по суше.

Оставались еще, правда, в опасном резерве операции «подбора» на «лисандре»². «Лисандр» в свое время создавался как самолет непосредственной поддержки сухопутных войск, однако для этой цели оказался бесполезен. Этот самолет вполне мог бы использоваться в интересах УСО, если бы оно в то время существовало. Это был одномоторный самолет с крейсерской скоростью 165 миль в час и радиусом действия (туда и обратно) 900 миль, снабженный дополнительными топливными баками, что позволяло достигать северной части неоккупированной зоны Франции; если потесниться, то в «лисандр» могли поместиться три пассажира (помимо пилота); взлет и посадку он мог производить, что называется, с носового платка: по проекту ему тре-

² Около 610 м.

¹ Радиус действия — 10 миль при высоте полета 2000 футов, 15 миль — на 5000 футов. См. брошюру «S-phone» в Архиве УСО.

² Полностью об этом рассказано в разделе 5 «Истории AL» УСО.

бовался разбег (по обычной земле) в 600 ярдов (около 550 м. — *Пер.*), но на практике хватало и гораздо меньшего. Первую операцию УСО провело в ночь на 4 сентября 1941 г. возле Шатору — она завершилась благополучно, но тревожных минут ее участники пережили немало¹. Нужно было одного человека забрать и одного оставить. Первый случайно задержался из-за полицейской облавы и добрался до площадки поздно, когда над головой уже слышался рев мотора кругами ходившего самолета. Сама площадка (поле) была выбрана в спешке и наобум, а потому пришлось фонариком высвечивать полосу, более или менее пригодную для посадки. Пилот произвел посадку успешно, но при взлете самолет напоролся на невидимые в темноте телеграфные провода и вернулся в Англию, волоча за собой длинный проволочный хвост.

Операция эта по крайней мере показала, что именно можно осуществлять, однако Королевские ВВС не могли постоянно рисковать людьми и самолетами, когда не соблюдались даже самые необходимые правила безопасности. Авиаторы требовали прежде всего точных координат посадочных площадок, утвержденных министерством авиации. Настаивали они и на том, чтобы посадочные операции проводились только с агентами, имеющими некоторую авиаподготовку и хотя бы минимальное представление о работе летчиков². Одним из первых таких специалистов был летчик французской гражданской авиалинии по имени Дерикур*, который после подготовки в январе 1943 г. был направлен в отдел F и до февраля 1944 г. участвовал в четырнадцати подобных операциях. Примерно в это время его заподозрили в связях с гестапо и отстранили от операций³, к тому же появились другие обученные люди, а потому

¹ Операция «Levee/Facade» («Прием/Фасад»), о которой пойдет речь далее. СИС провело успешную операцию еще в начале октября 1940 г. — См. «Историю отдела AL», часть 42, раздел 5.

² Велись серьезные споры вокруг первой такой операции, проведенной отделом R/F в апреле 1942 г., когда необученный агент вызвал «лисандр» по ложному сигналу особой срочности. — См. «Историю R/F 1942 г.», часть 14.

* [1909—1962 гг., ныне доказано, что он был двойным агентом, но в 1947 г. по этому обвинению был оправдан.]

³ Сведения в папке «AD/E Сейф» (Жильбер) Архива УСО. Ко времени написания (ноябрь 1947 г.) это дело все еще обсуждалось, и новые доказательства появились во Франции. По нынешним данным, Дерикур виновен и несет ответственность за проникновение вражеской агентуры во многие организации «Свободной Франции».

никакого перерыва в операциях не последовало, за исключением одного ограниченного района¹.

«Лисандр» был самолетом, сделавшим операции по вывозу осуществимыми, но с улучшением условий и обретением опыта появилась возможность использовать и «гудзоны», двухмоторные самолеты с радиусом действия в 1500 миль и большой грузоподъемностью, что позволяло брать на борт восемь — десять пассажиров или около тонны снаряжения.

Естественно, садиться они могли только на достаточно большие и ровные площадки, и все же на «нелегальном этапе» «гудзоны» серьезно улучшили ситуацию, совершив двадцать девять вылетов во Францию, — первый состоялся в феврале 1943 г.

Летом 1944 г. стали использовать и американский самолет «дакота», однако в основном только для операций в надежно удерживаемых «маки» районах Франции. Количество операций по вывозу, осуществленных из Англии и с Корсики, таково:

Годы	Количество операций	Людей перевезено	
		доставлено	вывезено
1941	1	1	1
1942	10	15	19
1943	54	103	200
1944	47	140	211 ²

За тот же период около 900 агентов³ были десантированы «в поле», другие добирались по суше или морем. Многие из тех, кого доставили по воздуху, были не агентами, а борцами, сыгравшими видную роль в движении Сопротивления. Для «человека Лондона» было чем-то вроде привилегии получить разрешение на возвращение воздушным путем. Обычно такие операции проходили по раз-

¹ Отчет майора Бурне-Паттерсона «Британские сети во Франции», с. 8. См. также полный список операций по вывозу в Приложении к «Истории отдела воздушной связи», ч. 5, и окончательный вариант «учебника» ВВС «Ночной вывоз», приложенного к этой «Истории...», а также замечания, которые сделал от имени пилотов подполковник авиации Верити, кавалер ордена «За безупречную службу» и Креста за летные заслуги.

² Из Приложения «А» к «Истории воздушной связи», глава «Операции по вывозу». В ходе этих операций погиб один пилот и разбились два самолета.

³ «История операций особого назначения в Европе» — Приложение «Н.1» и «Н.2».

ряду срочных или чрезвычайных: либо требовалось быстро доставить некое «весьма ответственное лицо» (VIP), либо срочно вызвать агента из неминуемой беды.

Наземные коммуникации (в отличие от воздушного транспорта) прежде всего использовались для вывоза людей, а не для их доставки.

Начало было стихийным: цепочка проводников и контрабандистов уже существовала на швейцарской и испанской границах (в особенности на последней), и она заработала интенсивнее, поскольку количество беженцев увеличилось. Однако потребовались дополнительные звенья в цепочке — для сопровождения людей через оккупированную территорию до границы, для спасения их от интернирования или просто административной задержки на нейтральной территории.

Швейцария интересовала сравнительно мало, поскольку географически представляла собой «тупик». УСО с февраля 1941 г. имело там резидента, однако его работа прежде всего была направлена на Германию и Италию. Он мог передавать донесения, доставляемые через границу из Франции, но что касается физических связей, то сам зависел от маршрутов, проходящих через Францию. Этим путем переправлялись из Швейцарии небольшие ценные промышленные изделия, а в ноябре 1943 г. по такому маршруту УСО пришлось срочно выводить из Швейцарии своего штатного сотрудника¹.

Ключевую роль в данной ситуации играл Пиренейский полуостров, в особенности Испания, которая представляла для УСО большой интерес. Майор Дж.Г. Бивор* обосновался в Лиссабоне в качестве помощника военного атташе в январе 1941 г.², в начале 1941 г. в Гибралтар был направлен майор Хью Куеннель, в феврале 1941 г. получил назначение в Мадрид м-р Дэвид Бабингтон-Смит — он действовал под защитой военно-морского атташе капитана Хилгарта**.

¹ Речь идет о мисс Ходгсон. «Германская история», т. I, ч. I. If «Швейцария», Приложение «А».

* [1905—1987 гг., поступил на службу в УСО из адвокатской конторы в Сити «Слотер энд Мэй», выехав из Португалии, работал под началом Хамбро, затем в англо-французском штабе. См. его книгу «УСО в 1940—1945 годы: воспоминания и размышления», 1981 г.]

² В апреле 1941 г. к нему присоединился майор Л.Г. Мортимор, специально для работы по нелегальным коммуникациям.

** [А.Х. Хилгарт, 1899—1978 гг., в Мадриде в 1939—1943 гг., на Дальнем Востоке в 1943—1946 гг.; в НБС.]

Очень важно было иметь кого-либо в Барселоне, самой удобной перевалочной станции на пути через Пиренеи, и туда в январе 1941 г. направили капитан-лейтенанта Добровольческого резерва Королевского ВМФ Г.Э. Белла. К сожалению, его прибытие не получило предварительного одобрения посла Его Величества в Мадриде, сэра Сэмюэля Хора, возможно, что и сам Белл повел себя неблагоразумно. Во всяком случае, его сразу же отправили обратно, и в Барселоне у УСО не было резидента, пока наконец в феврале 1943 г., когда положение Франко несколько покачнулось, капитан Пинсент не получил согласие посла. Осенью 1942 г. в Барселоне побывал майор Мьюрхед и сумел создать кое-какие «подпольные» маршруты, после чего переход через Испанию в Португалию или Гибралтар был хорошо организован, хотя так и не стал безопасным¹.

О «маршрутах» через Францию впервые задумались в феврале 1941 г., когда майор Хемфриз побывал в Лиссабоне и возобновил старые контакты с Пятым бюро. Отдел D/F, отвечавший за коммуникации, не мог действовать самостоятельно до весны 1942 г. Может показаться удивительным, но существовал еще и третий, независимый, отдел занимавшийся Францией; и надо сказать, у такой схемы есть свои достоинства.

Во-первых, отдел занимался не только Францией, его «маршруты» вели также в Голландию, Бельгию и Швейцарию, что было крайне важно для этих стран. Во-вторых, он вел дела такого рода, которые легко было отделить от дел отделов F и R/F. Правду говоря, лучше всего было вести их по отдельности.

В последующем об отделе D/F будет сказано немного: он не имел отношения к политике и не проводил операций, имевших ощутимые военные результаты. Основная задача его агентов состояла в том, чтобы как можно меньше привлекать к себе внимание, их функции: предоставлять убежище (конспиративную квартиру), где «тела» могли останавливаться без опаски, и снабжать «тела» — при перемещении из одного убежища в другое — фальшивыми документами. Каждое убежище должно было располагаться как можно дальше от другого, и только организатор знал всю цепочку; «пассажиров» же следовало сопровождать тайно, без их ведома, от одного дома к другому, чтобы арест или подозрительные обстоятельства могли быть замечены до того, как гестапо предпримет меры против всей цепочки. Агентам

¹ Приложение «Н» к «Пиренейской истории» содержит информацию о нелегальных коммуникациях через Испанию.

следовало знать о «пассажирах» как можно меньше, а «пассажирам» — об агентах. Организовать такую схему трудно, наладить работу — еще труднее: требуется время, прежде чем система начнет действовать четко. Никакой статистики о работе отдела не существует, а детали ее представляют чисто технический интерес. Однако известно, что за первые шесть месяцев 1944 г. через Испанию было сопровождено 131 «тело», а потеряно всего 9, около половины из этих людей имели отношение к движению Сопротивления во Франции, остальные — в той или иной степени — к УСО. В течение того же периода 11 агентов пробрались во Францию, перейдя Пиренеи¹.

4. Операции

Таково длинное предисловие, но оно необходимо, чтобы понять, как происходило развитие операций. Сами операции можно разделить на четыре категории:

1. группы внезапных вылазок;
2. действия агентов отдела F;
3. действия агентов де Голля, поддерживаемых отделом R/F;
4. работа отдела D/F по обустройству коммуникаций.

Из них «1» — категория прямых и откровенных действий; «4» — категория большой технической значимости, ее описание на этих страницах не предполагается; категории «2» и «3» связаны между собой и имеют политические связи, установленные по иным каналам, потому последовательность событий трудно восстановить. Возможно, лучше всего сначала рассказать об их деятельности, относящейся к лету 1942 г., затем вернуться к политической картине, которая сложилась к тому времени, и, наконец, описать отношения УСО с де Голлем.

1. Группы внезапных вылазок

Такой вид нападения, по сути, являлся военной операцией в миниатюре, подготовленной в Англии и проведенной людьми, укрывшимися под гражданским обличем и потому не защищенными законами войны. Если бы не этот фактор, такие опера-

¹ *Примечание:* Описание получено от отдела D/F, но в настоящее время в Архиве УСО не найдено. Имеются только записки D/F по методике, подготовленные для «Справочника УСО», и статистический отчет за январь — июнь 1944 г. (приложен к «Истории отдела F»).

ции больше подходили бы для Командования совместных операций, а не для УСО, не случайно их считали важными только на первом этапе становления УСО. Значимость их имела две причины: во-первых, УСО всемерно старалось получить какие-либо конкретные результаты, оправдывавшие существование Управления; во-вторых, до тех пор, пока «в поле» не налажена действующая сеть, проведение любых подрывных акций было возможно только с баз в Англии. Чтобы стать экономичной военной операцией, подрывная акция должна была получать подпитку на земле той страны, где она проводилась. Внезапная вылазка извне вряд ли могла принести дивиденды, соответствующие понесенным затратам, если только цель не являлась объектом первостепенной значимости — вроде завода по производству тяжелой воды в Веморке.

Прежде всего следует упомянуть операцию «Shamrock» («Трилистник»), хотя она не связана с высадкой во Франции. В ноябре 1940 г. подводная лодка (командир капитан-лейтенант Королевского ВМФ Миншуль) вошла в залив Жиронда, имея на борту пятерых агентов, завербованных УСО. Эта группа захватила рыбацкое судно, отправив часть его команды на подлодку; остальные согласились сотрудничать. Обретя таким образом местную маскировку, группа провела рекогносцировку залива, который уже использовался немцами как база для подводных лодок, и возвратилась в Англию на этом же судне¹.

Следующие четыре операции являлись составными частями единого продуманного плана:

«САВАННА А» — задумана как прямой ответ на немецкие ночные бомбежки. Воздушные налеты на Ковентри и другие населенные пункты Англии проводили «поджигатели» из K.Gr.100, не очень крупной немецкой авиачасти, укомплектованной высококлассными экипажами, обученными пользоваться специальными радионавигационными приборами. Стало известно, что они вместе ездят в автобусах от своих квартир до аэродрома в Веннесе, а потому решили, что нападение небольшой группы на эти автобусы может оказаться результативным.

«САВАННА В» — эту операцию намечалось провести в начальной стадии Битвы за Атлантику; замысел состоял в нападении на экипажи подлодок (тоже разъезжавшие на автобусах) в

¹ «Журнал войны» лондонского Центра УСО, сентябрь — декабрь 1940 г., с. 25.

Бресте и Лорьяне, возможно, одновременно с налетом Королевских ВВС на эти порты.

«**ЖОЗЕФИНА А**» тоже имела отношение к Битве за Атлантику и предполагала нападение на вражеские самолеты, которые базировались на аэродроме Мериньяк, близ Бордо. «ФВ-189» вели воздушную разведку судоходных путей, а «ФВ-200» к тому же наносили серьезный урон своими бомбардировками западных рубежей.

«**ЖОЗЕФИНА В**» — операция задумывалась как нападение на крупную трансформаторную подстанцию в Пессаке, около Бордо. Считалось, что именно от нее зависело электроснабжение большой территории как в оккупированной, так и в неоккупированной зоне Франции. К сожалению, позже появились сомнения относительно значимости этой цели, но до проведения акции специалисты числили ее в перечне объектов, намеченных для промышленных диверсий¹.

Операции «Саванна В» и «Жозефина А», на подготовку которых было потрачено так много времени и сил, в конечном счете были отброшены, и нет смысла задерживаться здесь на них.

Операция «Саванна А» к концу декабря 1940 г. вышла на стадию планирования² и, как тогда надеялись, могла быть осуществлена примерно через три недели. Группу составили пятеро «свободных французов», присланных организацией де Голля (попытка прямого набора самим УСО оказалась неудачной)³. Двое из них исчезли в ходе операции, и больше о них ничего не было слышно, зато троих стоит назвать: капитан Берже*, впоследствии награжденный Военным орденом Британской империи 4-й степени, младший лейтенант Форман, награжденный Военным крестом, и сержант Летак, награжденный Военной медалью.

Из-за обычных задержек самолета, погоды и перемен в настроениях де Голля группа отправилась на задание только в марте: десант благополучно был выброшен над Бретанью в ночь на 15 марта, приземление произошло возле Веннеса во время нападения Королевских ВВС на тамошний аэродром. К сожалению, задуманное не удалось: немецкие экипажи теперь добирались

¹ Об этой цели шла речь на совещании еще в январе 1941 г.; в папке 3/470/2а и (AD/S.1) SC.38/2 Архива УСО.

² См. протоколы совещания, датированные 30 декабря 1940 г.; в папке CD/7 Архива УСО.

³ «История отдела R/F», часть 3.

* [Берже, 1909—1997 гг., продолжил службу в SAS, попал в плен на Кипре, впоследствии стал французским генералом.]

до аэродрома отдельно на машинах, а одиночной цели для небольшой группы не было (пример того, насколько нерационально избирать «подвижную цель» для операции такого рода, поскольку ее трудно подготовить и провести в сжатые сроки). По счастью, капитан Берже оказался человеком с инициативой и предпринял то, что мог, в сложившейся ситуации. Подлодка должна была ждать их только 30 марта, и он разделил свою группу, поручив обследовать тот район, который каждый хорошо знал. Сержант Летак побывал в Бресте, капитан Берже и младший лейтенант Форман добирались на место встречи на юге Бретани через Париж, Невер, Байё и Бордо. 4 апреля подводная лодка «Тигрис» подошла к назначенному месту. Море было бурным, и лишь благодаря большому мужеству капитана Дж.Дж. Эплеярда, награжденного орденом «За безупречную службу» и Военным крестом (позже погиб во время операций на Средиземном море), удалось поднять на борт Берже с Форманом. Летака пришлось оставить¹.

Операция, хоть и безрезультативная, имела и положительные стороны: оказалось, что можно успешно совершить высадку десанта на оккупированную территорию Франции, что группа может передвигаться на поездах, останавливаться в гостиницах, навещать друзей — короче, раствориться среди обычных жителей, а затем благополучно вернуться в Англию. Стоит процитировать слова сэра Фрэнка Нельсона, сказанные в связи с этим: «Если верить Берже, будет совсем не трудно, а то и вовсе просто внедрить наших организаторов и наладить их работу на долгосрочной основе. Впрочем, нам потребуются радиосредства и транспортировка на самолетах... Нам предстоит принять важное решение: засылаем ли мы его вновь для проведения диверсионных актов или для создания организации на долгосрочной основе?»

Операция «Жозефина В» — нападение на Пессак — в техническом смысле прошла более успешно. Неудачная попытка была предпринята 10 апреля (до того как группа «Саванна А» возвратилась в Англию) группой из шести поляков. Все не заладилось с самого начала: снаряжение пришлось выбросить, самолет повернул обратно и разбился при посадке, все участники получили ранения. Тогда быстро стали готовить операцию с участием группы «Саванна», и в ночь на 10 мая младший лейтенант Форман вместе с двумя французами оказался на оккупированной территории. Однако, обследовав в ночь на 13 мая трансформаторную подстанцию,

¹ Подробные отчеты Берже и Формана хранятся в папке (AD/S.1) SC.38/1 Архива УСО.

они обнаружили усиленную охрану и высоковольтное защитное ограждение. Акция оказалась невозможной, к тому же группе не удалось выйти на связь с подлодкой, которая попыталась забрать их 20 мая. На Бейкер-стрит воцарилось уныние, и операцию сочли проваленной. Но, что любопытно, группа решила не отступать: установила связь с Летакком, который после проведения операции «Саванна» находился во Франции, и, вдохновленная его уверенностью, решила попытаться еще раз. Нападение произошло в ночь на 7 июня и закончилось почти успешно: были взорваны шесть из восьми трансформаторов (с остальных двух заряды, очевидно, упали еще до взрыва). Мало того — группа не имела потерь и ушла оттуда в полном составе. Как стало известно позже, немцы арестовали 250 человек, наложили на район Пессака штраф в миллион франков и расстреляли двенадцать немецких солдат, охранявших подстанцию. Форман, Летак и еще один человек в конце концов пересекли испанскую границу без особых трудностей, не считая тех, что выпали уже в Испании, и в августе вернулись в Англию¹.

Известие уже было получено (19 июня) по одному из первых радиопередатчиков УСО во Франции, хватало и других независимых подтверждений, и м-р Дальтон 25 июня сообщил об успехе премьер-министру²:

«Таким образом, мы можем считать практически достоверным, что трое подготовленных людей, сброшенные на парашютах с одного самолета, уничтожили важный промышленный объект. Это укрепляет нас во мнении, что многие промышленные цели целесообразнее выводить из строя методами УСО, нежели воздушными бомбардировками... Я надеюсь, что при взаимодействии с Королевскими ВВС мы будем в состоянии повторить такого рода нападения осенью и зимой».

Операция, ставшая первой бесспорной удачей, воодушевила всю организацию. Однако следует сказать, что всеобщую радость несколько омрачило следующее обстоятельство: м-р Дальтон представил премьер-министру один отчет о результатах операции, а сэр Фрэнк Нельсон представил Комитету начальников штабов — другой (менее оптимистический)³.

¹ См. их полный отчет, датированный 5 сентября 1941 г., в ранее не пронумерованной папке CD с пометой «Жозефина В» Архива УСО.

² Копия в папке (AD/S.1) SC.38/1 Архива УСО.

³ См. разные мнения по поводу этого случая в папке (AD/S.1) SC.38/1 Архива УСО.

На деле вслед за «Жозефиной В» не последовала, как то предполагал м-р Дальтон, серия подобных «внешних заданий». Один из важнейших выводов, содержащихся в отчете Формана, таков: «Абсолютно необходимо, чтобы дальнейшие операции такого рода готовились членами организации на месте, — до того как будет прислана группа действия. Нельзя всегда полагаться на удачу». Когда стали использовать радиопередатчики, диверсии сделались практической политикой, частными акциями более крупных организаций, осуществляющих стратегические планы. Есть лишь еще одна «внешняя» подрывная операция, которая заслуживает упоминания.

Речь идет о выводе из строя радиотрансляционной станции канала «Радио Париж» в Аллуа, около Бурже, группой из трех французов, которые первоначально готовились к операции «Жозефина А». Эвакуировавший их агент отдела D/F отзывался о группе довольно недоброжелательно — как об «упрямых ребятах, смахивающих на сутенеров»: «Мне пришлось потратить 60 000 франков на оплату долгов, которые они накопили с мая». Хорошо подготовленные как диверсанты, они несколько растерялись в политизированной атмосфере 1942 г., и вылазка в Аллуа, по-видимому, во многом была попыткой найти этим ребятам применение после несостоявшегося проекта¹. Тем не менее они отлично выполнили задание и военные медали вполне заслужили.

Их сбросили в ночь на 5 мая 1942 г. в 45 км от цели, 9 мая они установили заряды со взрывателями замедленного действия на две 500-футовые радиомачты и благополучно скрылись, не вызвав тревоги. Станция, которая вела пропаганду и осуществляла глушение, вышла из строя на две недели. Группа своевременно перебралась в неоккупированную зону и связалась с Лондоном — способом медленным и ненадежным — шифрованным письмом, направив его по подложному адресу. К тому времени поэтапная процедура «извлечения агентов» тянулась по накатанной колее: отдел R/F уведомил отдел D/F, а отдел D/F послал радиосообщение одному из своих агентов, и 6 октября группа вышла через Испанию².

По сути, то была последняя из операций такого рода³.

¹ «История отдела R/F», 1942 г., ч. 15, 16.

² См. отчет группы в «Истории отдела R/F», 1942 г., часть 16.

³ Для полноты картины следует упомянуть операцию «Гартерфиш» («Garterfish»), проведенную 31 октября 1942 г., когда сбросили трех человек для вывода из строя трансформаторной подстанции близ Сомюра.

В феврале 1942 г. УСО приняло участие (людьми и снаряжением) в отлично проведенном рейде КСО, в результате которого из Брюневала было похищено немецкое радарное оборудование новейшей конструкции, а в апреле 1942 г. Пасси и полковник Спорборг все еще вели речь о «внезапных вылазках» как о возможном виде операций¹, однако сопротивление уже миновало эту точку отсчета, а распространение слухов о скорой высадке союзников летом 1942 г. придало иную окраску дальнейшим событиям.

Было бы прискорбно, однако, не упомянуть о траулере «Девичья честь» и об отряде № 62. В марте 1941 г. майор Густав Марч-Филлипс (действовал под патронажем УСО) взял под команду 65-тонный траулер «Девичья честь» и создал из единомышленников небольшую группу, базой которой стал Пул-Харбур. Он был истинным моряком и считал, что небольшое парусное судно со вспомогательным двигателем весьма подойдет для небольших переходов к северному побережью Франции. Вряд ли стоит удивляться, что поддержки в этом у высокого начальства он не нашел. Требовалась крепкая группа для Западной Африки, и в августе 1941 г. траулер «Девичья честь» направился туда с командой из пяти человек. Это было выдающимся событием (и свидетельством того, как трудно было на том этапе войны отыскать более подходящее транспортное средство)².

Впоследствии судно никак не использовалось, однако группа провела определенную разведку запретных побережий, что пригодилось впоследствии при организации пиратской операции в Фернандо По в январе 1942 г. Затем группа возвратилась в Англию, где сумела заслужить признание как отряд № 62 (коллектив крепких и спаянных людей различных национальностей, обосновавшихся в Бландфорде), и попала под опеку УСО. Оперативное управление осуществлял Командующий совместными операциями, согласовывавший свои решения с бригадным генералом Габбинсом и его штабом.

В то время о группе не было сведений, но уже после окончания войны объявился один из участников и заявил, что группа задание успешно выполнила. «История R/F», 1942 г., с. 38. О подробностях операции см. в папке (отдел R/F) «Рыба-лента» Архива УСО.

¹ Письмо Пасси полковнику Спорборгу от 24 апреля 1942 г., приведенное в «Истории Отдела R/F», 1942 г., ч. 15.

² См. «Военно-морские истории» УСО, раздел: траулер «Девичья честь».

Деятельность отряда, таким образом, находится несколько в стороне от истории УСО, хотя в свое время, участвуя в совместных акциях, он сумел «хорошо пошуметь», когда все остальные затихли¹. Больше всего известен рейд отряда на Сарк 4 октября 1942 г., после которого Гитлер отдал приказ заковать в кандалы военнопленных в Дьеппе. Майор Марч-Филлипс, как и капитан Эплеярд, погиб во время одной из операций.

2. Деятельность отдела F

Попытки внедрить своих агентов в качестве организаторов отдел F предпринимал еще в сентябре 1940 г., и с самого начала отдел участвовал в составлении списков подходящих контактов во Франции, а также в вербовке людей². В ночь на 5 мая 1941 г. прошла первая успешная операция: майор Жорж Бежу десантировался в неоккупированную зону и оказался в имении Макса Гиманса³ возле Шатору*.

Майор Бежу был опытным радистом, он обеспечивал связь с британской армией в 1939—1940 гг., боевые товарищи называли его Георгом Благодородным, и под этим именем он вошел в историю отдела F. Ему выпало сравнительно немного активного времени: в октябре 1941 г. полиция Виши заманила Бежу в засаду в Марселе, но еще до этого он успел проделать большую работу. Приятно сообщить, что он пережил войну.

Бежу приземлился в предрассветные часы 6 мая и 9 мая вышел на связь с Лондоном — первое радиодонесение из Франции. Пока Бежу оставался на свободе, вся работа отдела F во Франции (оккупированной и неоккупированной) осуществлялась только по его каналу: это было небезопасно, поскольку о существовании «радио Шатору» вскоре стало известно гестапо и полиции Виши. А от радиопеленгации не так-то легко отделаться, перемещая передатчик, — ведь использовались те же часто-

¹ Напомним слова из речи м-ра Черчилля в Эдинбурге 9 октября 1942 г. о «стальной руке, поднявшейся из моря».

² См. описание полковника Бакмастера на первых страницах «Истории отдела F».

³ Гиманс был депутатом Национального собрания и заместителем министра в правительстве Блюма 1936 г. В апреле 1942 г. он сам вышел на связь как представитель организации «Carte» («Карта»).

* [В настоящее время возле того места, где приземлился Бежу, у Валенсу, стоит памятник 104 погибшим сотрудникам отдела F, открытый в присутствии Ее Величества королевы-матери.]

ты и то же расписание связи. Но на том этапе выбора не было. Летом прислали второго радиста для оккупированной зоны, но он проработал недолго, и с арестом Бежу в октябре 1941 г. радиосвязь с отделом F прервалась до февраля 1942 г.

Почти сразу же вслед за Бежу отправился барон Пьер де Вонкур «Лукас», наверное, «самый необыкновенный человек из всех, кто работал «в поле», как говорилось о нем в официальной характеристике. Он был сброшен с парашютом 11 мая также в районе Шатору, его задача — наладить работу в оккупированной зоне; радио у него не было. Работа «Лукаса» оказалась столь же эффективной, как и Бежу, а по охвату намного шире: вместе с братьями, Филиппом и Жаном¹, он установил связи на всех общественных уровнях как в оккупированной, так и в неоккупированной Франции. В оккупированной зоне сам Пьер де Вонкур создал довольно большую организацию, обосновавшуюся в Париже, тогда как Филипп занимался тем же на той территории Франции, которой управляло Виши, а Жан действовал в восточной части немецкой зоны. Все трое установили многочисленные связи со стихийно возникшими самостоятельными организациями.

Все связи «Лукаса» с Лондоном шли через Бежу, и именно по этому каналу в середине июня 1941 г. была проведена первая операция отдела F по заброске снаряжения. С этим же каналом связано прибытие лейтенанта Р. Коттина (Альберта), известного также как Коттин-Бернетт, который стал ближайшим помощником «Лукаса» в оккупированной зоне. Потребность в радиосвязи усиливалась чрезмерной централизацией, которая не шла на пользу молодой организации, тем более во Франции, особенно же опасна централизация таким разветвленным организациям, какие создали «Лукас» и его братья.

Трудности «Лукаса» возросли еще больше после ареста Бежу в октябре 1941 г. Он опасался, что в одну из его ячеек может внедриться агент гестапо, но порой приходилось рисковать, особенно когда потребовалось заполучить радиопередатчик — без него невозможно было связаться с Центром, а следовательно, послать запрос о снаряжении и деньгах. Через женщину, являющуюся гестаповской доносчицей (позже известна как «Виктори»²), он вышел на польскую разведывательную организацию,

¹ Пьер и Филипп пережили войну, Жан погиб, будучи схвачен немцами.

² Полный отчет об этом деле см. в синей папке «Виктори» (все еще находится в работе).

имевшую связь с Англией. Вполне понимая, что такой ход небезопасен, «Лукас» ограничил рамки донесения, лишь уточнив детали собственной временной эвакуации. В результате 25 февраля 1942 г. его вывезли морем из Бретани вместе с «Виктори». Это была рискованная игра: гестапо хотело использовать его побег, чтобы забросить наживку для более крупной добычи и в более подходящее время, а УСО сознательно и умело эту наживку «заглотило». «Виктори», естественно, во Францию не вернулась¹.

«Лукас» представил подробные отчеты² об обстановке в оккупированной зоне, сообщив также о ряде небольших, но особого свойства железнодорожных диверсиях. Его политический отчет был направлен м-ру Идену³ 9 марта с просьбой о разрешении посетить премьер-министра с целью передачи послания от Мишеля Клемансо, сына старого «Тигра»*. Министерство иностранных дел воспользовалось случаем, чтобы прочесть УСО лекцию о пределах политических функций Управления, однако идею беседы с м-ром Черчиллем хоть и не одобрило, но не отвергло. Лорд Селборн 23 марта написал премьер-министру⁴, но м-р Черчилль в то время, по-видимому, был поглощен чем-то другим.

«Лукас» встретился с м-ром Иденом 24 марта и вскоре после этого возвратился во Францию. Зная о кознях гестапо, он все же предпочел вернуться, поскольку верил, что это единственный способ предупредить своих сторонников и спасти организацию от провала. УСО хотя и с неохотой, но пошло ему навстречу⁵.

Решение, возможно, стратегически было верным, но обернулось тяжелыми последствиями. Известие об аресте «Лукаса» дошло до Лондона 26 мая, вместе с ним арестовали его брата Жана, а также лейтенанта Коттина и еще двух агентов отдела Ф. Филипп де Вонкур продолжал активную деятельность в неоккупированной зоне до ноября 1942 г., но единственным участ-

¹ В данный момент (апрель 1948 г.) она все еще дожидается суда во французской тюрьме. [Ее приговорили к смертной казни, но потом помиловали.]

² См. его политический отчет в папке (AD/S.1) F.38/16 Архива УСО.

³ Копия письма лорда Селборна в папке (AD/S.1) F.38/16 Архива УСО.

* [Жорж Клемансо, 1841—1929 гг., французский премьер-министр в 1906—1909, 1917—1920 гг.]

⁴ Копия в папке (AD/S.1) F.38/16 Архива УСО.

⁵ По поводу этого трудного решения произошел обмен письмами между м-ром Иденом и лордом Селборном 27 и 28 марта 1942 г.; в папке (AD/S.1) F.38/16 Архива УСО.

ником группы отдела F, кому удалось уйти, оказался майор Б.Г. Кауберн* (еще одно заметное имя в анналах отдела F) — уже в феврале 1942 г. он покинул Францию.

Майор Кауберн был опытным инженером-нефтяником, долго жил в Париже и десантировался с воздуха «в поле» в сентябре 1941 г. Его основное задание — планирование диверсий на нефтяных объектах. Это было его четвертое задание, он успешно справился с ним и остался жив.

Далее следует рассказать о нескольких заданиях совсем иного рода: коротких «инспекционных посещениях» британских офицеров, составлявших часть отдела F или действовавших в качестве надежных и независимых наблюдателей. Три имени надо назвать: майор Ж. Вайян де Жюли — награжден орденом Британской империи 5-й степени, Круа де Гер — награжден Военным крестом, майор Н.Р. Бодингтон — награжден орденом Британской империи 5-й степени и Военным крестом, майор Питер Черчилль — награжден орденом «За безупречную службу»**.

Майор де Жюли был сброшен с парашютом «вслепую» (весьма далеко от нужной точки) в начале августа 1941 г., при приземлении он сильно порезался и ушибся, а его напарник капитан Тёрк свалился в карьер, откуда его на следующий день в бессознательном состоянии вытащили французские полицейские. Де Жюли вывезли в ночь на 4 сентября в ходе первой операции УСО, и он представил весьма полезную информацию о своих контактах¹ (все они находились в неоккупированной зоне).

Судьба его напарника весьма неоднозначна. Полиция Виши, арестовав его, позволила ему связаться с Двенадцатым бюро французской армии, любезными офицерами которой он был освобожден и поселен на вилле возле Марселя. Тёрк убедил майора де Жюли (возможно, и самого себя), что может выступить в качестве тайного британского связного с «армией перемирия». Не хватает свидетельств, чтобы точно сказать, где сокрыто предательство: возможно, полиция Виши обманула армию Виши. Закончилось же все тем, что на виллу Тёрка был совершен на-

* [Инженер-нефтяник, умер в 1994 г. См. его книгу «Ни плаща, ни кинжала» (1962).]

** [П.М. Черчилль, 1909—1972 гг., трижды забрасывался с заданиями во Францию, второе окончилось сумасшедшей погоней, третье завершилось пленом. См. его книги «По их собственному выбору» (1952), «Дуэль умов» (1953), «Дух в клетке» (1954); В НБС.]

¹ Полный комплект отчетов в папке CD/7 Архива УСО.

лет, захватили нескольких агентов, других взяли позже. В итоге в застенках оказались Жорж Бежу и восемь других сотрудников УСО. Какое-то время на территории Виши почти не было агентов УСО.

Во-вторых, в январе и апреле 1942 г. на неоккупированной территории побывал майор Питер Черчилль¹. Майор Черчилль снова прибыл во Францию уже как организатор в августе 1942 г. и оставался там (с коротким перерывом в марте 1943 г.) до апреля 1943 г., когда был арестован вместе со своим курьером Одетт Сансом*, награжденной Крестом Георгия. Первые отчеты Черчилля были политически менее значимы, чем отчеты майора де Жюли или майора Боддингтона, который побывал там в августе 1942 г. Надо сказать, это был сложный период отношений между де Голлем, британским и американским правительствами и разными организациями французского движения Сопротивления. Майор Боддингтон, опытный офицер, хорошо знал Францию и французов и с самого начала имел непосредственное отношение к работе отдела F, связи его были значительными, а деятельность весьма активной². Подробнее о нем, о его отчете будет рассказано далее.

Вновь обратимся к структурной организации отдела F. После Бежу и Пьера де Вонкура основной фигурой становится мисс Вирджиния Холл («Мари»), американская леди с деревянной ногой** (в отделе F ее восторженно величали мужским именем Катберт^а), которую в сентябре 1941 г. открыто направили в Лион под видом журналиста³.

Там она оставалась до ноября 1942 г., а перед самой немецкой оккупацией зимой перешла Пиренеи. 21 марта 1944 г. она

¹ «Британские сети во Франции» Бурне-Паттерсона, с. 105; копии отчетов об этих посещениях в папках отдела F С-17, т. 1, 2, Архива УСО.

* [Одетт, урожд. Брейли, умерла в 1996 г., трижды выходила замуж; стала национальной героиней Франции после выхода фильма «Одетт», основанного на книге с тем же названием Джерри Тиккелла, в которой ее жизнь описана весьма приблизительно.]

² «Британские сети во Франции» Бурне-Паттерсона, с. 108, и отчет майора Боддингтона в папке 3/370/54а Архива УСО.

** [На самом деле — с латунной пластиной в стопе.]

^а Имя одного из протестантских святых, а также название американского городка в штате Вирджиния.

³ «Британские сети во Франции» Бурне-Паттерсона, с. 72, и папка Н.4 отдела F в Архиве УСО.

вернулась во Францию как агент американской ОСО и доблестно проявила себя, став партизанским вожаком в Ньевре и Верхней Луаре. Вела она себя дерзко, излишне уповая на неприкосновенность, которую ей гарантировало американское гражданство. Майор Кауберн жаловался, что стоит подольше засидеться на кухне в квартире «Мари», как повидеешь всех британских организаторов во Франции. Однако ее энергия, изобретательность и доброта были превыше всяких похвал, к тому же она знавала отдел F в тяжкий для него период. Исключительно благодаря усилиям «Мари» в феврале 1942 г. возобновилась радиосвязь после почти пятимесячного перерыва. Де Вонкуру переправили радиста, у которого дела не заладились с самого начала: он потерял передатчик и пробовал выбраться из страны, когда на него вышла «Мари», отыскала передатчик, оставленный в укромном месте Бежу, и поселила радиста в окрестностях Лиона.

Деятельность мисс Холл не знала географических границ, но в тот же период произошло еще пять более локальных событий, которые стоит описать. В отчете нет полного списка агентов, направленных отделом F: некоторых из них арестовали вскоре после приземления, другие играли в упомянутых событиях вспомогательную роль.

Лейтенант Франсуа Басин («Олива») в сентябре 1941 г.¹ был послан через Гибралтар для организации сопротивления в юго-восточной части Франции. Поначалу его связником был некто доктор Леви («Филипп») в Антибе, у которого имелись важные политические связи, однако в личном общении он оказался весьма неуживчивым человеком. Как и другие организаторы в то время, Басин не имел радиосвязи, но он поддерживал контакт с Лондоном через Швейцарию и через мисс Холл в Лионе, а в январе 1942 г. его посетил майор Черчилль. Но лишь в конце апреля 1942 г., во второе посещение майора Черчилля, он получил радиста. Басин был арестован 18 августа² и не оставил после себя сколько-нибудь налаженной сети, зато установил первоначальные связи с политическими движениями в неоккупированной зоне (в то время они различались лишь по именам своих руководителей, которые обрели политический вес гораздо позже). Басин еще до конца 1941 г. был связан с организацией «Карта» (Жирар), и во многом благодаря ему заместитель Жирара

¹ «Британские сети во Франции» Бурне-Паттерсона, с. 105. См. также его отчет в папке 3/370/51b Архива УСО.

² Он был освобожден, когда немцы оккупировали эту территорию.

майор Фраже* был переправлен в Англию в июне 1942 г. Знали Басина также в организациях «Освобождение» (Эммануэль д'Астье де ла Вижери**), «Свобода» (Анри Фресне) и «Национальное освобождение» (генерал де ла Лоренси), он же в апреле 1942 г. устроил эвакуацию д'Астье в Англию (событие, имевшее немаловажное значение в личной истории де Голля).

Также в сентябре 1941 г. лейтенант Лерой («Луи») высадился на юге Франции с моря и добрался до окрестностей Бордо¹. Патриотические настроения в этих местах не доминировали, и Лерой никакой организации не создал. В январе 1942 г. он покинул Бордо и доставил в Лондон добротные разведданные. Имелись у него и полезные связи в тех местах.

Ими воспользовался майор де Байссак («Давид»), который в июле 1942 г. десантировался вместе с радистом². К сожалению, парашют запутался, и радист сломал ногу при приземлении***, а майор де Байссак был ранен. До Бордо он добрался только в сентябре, а новый радист (майор Ланде) — в ноябре. Примерно в то же время сестра де Байссака Лиз стала работать в округе Пуатье. О развитии событий в этих местах будет рассказано позже.

Одновременно с Лероем капитан Ж.Г. Дюбудин («Алан») был направлен в окрестности Лиона в качестве организатора — для укрепления местной организации³. И на сей раз неразборчивость отдела F в людях обернулась ошибкой. Дюбудин, несомненно, был человеком с характером, но проявлял его главным образом в ссорах с другими агентами: он ссорился с мисс Холл, с майором Кауберном, с Филиппом де Вонкуром, сорвал попытку наладить «координацию», предпринятую майором В.А. Хазаном, которого специально для этого забросили в мае 1942 г., а в

* [Ж.А. Фраже погиб в Бухенвальде в 1944 г.]

** [Было три брата д'Астье де ла Вижери: Эммануэль Р., 1900—1969 гг., пропагандист и политик, автор книги «Семь раз по семь дней» и других; Франсуа П.Р., 1886—1956 гг., генерал ВВС, посол в Бразилии в 1945—1946 гг.; и Анри, 1897—1952 гг., монархист, помогавший в Алжире готовить посадочные площадки для операции «Факел» и подозревавшийся в причастности к убийству Дарлана.]

¹ «Британские сети во Франции» Бурне-Паттерсона, с. 36.

² Папка В.17 отдела F УСО.

*** [Это был А. Пюлеви, который выбрался, перейдя Пиренеи на костылях; см. книгу Жака Пуарье «У жирафа шея длинная» (1995), с. 19—39.]

³ Известный также как Аристид; см. о нем далее в главе XXIV, раздел 2.

июле «Алан», к сожалению, уговорил майора Бодингтона подтвердить его властные полномочия. Только в октябре 1942 г. «Алана» отозвали, а его организацию передали майору Буато («Николас»), которого в июне прислали в качестве заместителя руководителя. Потребовалось время, прежде чем Буато удалось разобраться с выходками Дюбудина, он сделал организацию меньшей по размеру, зато более прочной.

Напомню, что в мае 1942 г. майор Кауберн оставался единственным в отделе F живым свидетелем, работавшим с «Лукасом». Его хорошо знали в Париже, и потому ему было опасно возвращаться туда, даже на несколько дней. Однако существовал лишь один способ возобновить связь: в очередной раз послать «Лукаса» с новым офицером, познакомиться того с людьми и оставить для восстановительной работы.

Майор Кауберн пошел на риск, и в мае 1942 г. его сбросили с парашютом в неоккупированной зоне вместе с лейтенантом ВВС Уилкинсоном¹. К сожалению, свой радист их не встретил, пришлось устанавливать связь с другим, находившимся в окрестностях Лиона. К сожалению, в августе 1942 г. лейтенант Уилкинсон, капитан Р.Г. Хеслоп (позже подполковник)² и новый радист были арестованы в Лиможе, полиция Виши держала их в заточении до ноября, после чего они оказались на свободе. Майору Кауберну повезло больше, однако и его миссия оказалась безрезультатной: в районе Парижа не удалось создать агентурную сеть, правда, там находился капитан Гровер-Уильямс, автогонщик, которого в мае 1942 г. направили создавать новую сеть из его же приятелей. Начал он с нуля и до марта 1943 г. не имел даже радиста. В октябре 1942 г. была предпринята новая попытка: близ Вандома приземлился с парашютом майор Саттилл («Проспер») с одним помощником. Работал он довольно успешно, но его деятельность пришлось на более поздний период.

Майор Кауберн получил также отдельное задание: создать группу поблизости от крупного железнодорожного узла Вьерзон в департаменте Шер — для проведения диверсий на железной дороге, на авиационном заводе в Шатору и на трансформаторной подстанции в Эгюзоне. Все намеченное было выполнено к тому времени, когда он вернулся в Англию (октябрь 1942 г.): принято и спрятано снаряжение, доставленное на двух самолетах.

¹ «Британские сети во Франции» Бурне-Паттерсона, с. 378 и папка D.9 отдела F УСО.

² Позже обретший известность как Ксавьер; см. далее в главе XXIV.

тах, подобраны подходящие люди. Вдобавок (редкий случай по тем временам) устроили аварию на высоковольтной линии электропередачи, на заводе в Шатору систематически выводили из строя поршни, используя для этого абразивы. После отъезда майора Кауберна постоянный контакт с группой не поддерживался, однако ядро ее сохранялось для будущей деятельности.

Наконец, в июле 1942 г. двадцатилетний лейтенант А. Брукс («Альфонс») был заброшен в неоккупированную зону с довольно неопределенным заданием — установить связь с боевыми группами профсоюзов французских железнодорожников¹. В качестве «особой подготовки» перед вылетом из Лондона им прочли краткую лекцию по организации профсоюзов — и все... Тем не менее, успехи «Альфонса» были превосходны. Он создал один из основных каналов, по которому снабжалась организация, мощная и корпоративно спаянная. Замечательно и то, что «Альфонс» пользовался доверием людей, помогал чем мог и направлял деятельность организации в нужное русло. Через него координировалась деятельность железнодорожников практически всей неоккупированной зоны, за исключением юго-западной части. И надо сказать, что позже железнодорожники внесли достойный вклад в общее дело**. Именно тогда стали использовать старый способ порчи осевых подшипников смазкой, смешанной с абразивами.

Положение на август 1942 г. полковник Бакмастер в своей «Истории» статистически обрисовал так:

Оккупированная зона:

проведены подготовительные работы по приему грузов,
внедрено шесть организаторов, один курьер, два радиста (только один на связи);
складов снаряжения нет.

Неоккупированная зона:

25 подготовленных организаторов УСО;
19 завербованных на месте (по меньшей мере);
6 радистов (4 на связи);

¹ «Британские сети во Франции» Бурне-Паттерсона, с. 73; папка В-20, т. 4, отдела F в Архиве УСО.

* Подробности см. в «Британских сетях во Франции» Бурне-Паттерсона, с. 74—76.

64 контейнера доставлено,
24 контейнера запланировано доставить в
сентябре;
2000 фунтов снаряжения запланировано
доставить морем.

К этому можно добавить, что отдел F передал около 10 млн. франков в 1941 г. и 32 млн. франков за весь 1942 г., что эквивалентно, наверное, 150 тысяч ф. ст.¹

Эти цифры не впечатляют, мало того — будучи переведены на язык слов, даже удручают. В Парижском районе еще длился период становления; Бордо и Пуатье значились в планах, единственная имевшаяся организация в оккупированной зоне состояла из небольшого ядра в Туре². Мисс Холл прочно обосновалась в Лионе, но у нее сложились плохие отношения с Дюбудином, организатором в этом районе. Политические связи Басина на юге тоже были реальны, но они прервались в связи с его арестом в том же месяце; обрел значимость обмен мнениями с Боддингтоном. Однако Кауберн только-только разворачивался у Вьерзона, а Брукс вел работы с железнодорожниками — до результатов было еще далеко. В районе Тулузы находился некий лейтенант Першук («Эжен») с радистом, но он в основном являлся агентом УПВ, поскольку проявил себя в области политической войны, УСО попросту «вело» его. Оказавшись «в поле», «Эжен» неожиданно продемонстрировал лидерские качества, что вовлекло его в орбиту отдела F в качестве командира-подрывника. Он заявил себя как лучший из организаторов в этом районе. Однако в августе 1942 г. и это было еще делом будущего...

Нет никакого сомнения, что отдел F мог организовать восстание во Франции и даже осуществлять крупные диверсии в широких масштабах, если бы министерство иностранных дел дало на это санкцию. И все же была связь, были небольшие диверсии, накапливался определенный опыт, подбирались подходящие люди — все это могло стать основой для будущей борьбы.

¹ Таблицы, подготовленные для директора по финансам (D/Fin) в 1945 г., приложены к «Истории отдела F».

² «Британские сети во Франции» Бурне-Паттерсона, с. 91.

3. Отдел R/F за работой

Рассказ о начальной деятельности отдела F, возможно, несколько сбил читателя с толку, начало деятельности голлистской организации описать еще труднее, во всяком случае, под углом зрения УСО. Основная трудность (и для УСО, и для его историка) в том, что не существовало единого контроля. Через Управление шел весь поток радиосвязи де Голля (или там так считали), но в УСО могли не знать полностью заданий и не получать отчетов даже тех людей, которых оно «перевозило». К тому же де Голль стремился по возможности самостоятельно внедрять людей, избегая любого надзора со стороны британцев. Это было трудно, но вполне возможно.

Рассказ, таким образом, обречен на непоследовательность, к тому же нельзя быть уверенным, что он охватит все факты.

С самого начала сделаем одно грубое обобщение. Разделение сфер, откуда черпались кадры, между отделом F и де Голлем нашло отражение в типе агентов, ими взятых. Отдел F полагался на двуязычных британских подданных, на французов с какими-либо корнями в Англии или особо преданных Британии, а также на французов, у которых патриотизм сочетался с неприязнью к де Голлю и у которых хватало энергии и решительности действовать независимо от его власти. В процессе отбора агентами этих трех типов обычно оказывались образованные люди определенного общественного положения, несколько отстраненные от обычной французской жизни и склонные с некоторым скептицизмом относиться ко всем французским политикам, особенно во время войны. Легко заподозрить их в симпатиях к правым, и, возможно, некоторая социальная предубежденность такого рода имела место, но все они (или практически все) стремились работать вне пределов французской политики и выдерживать баланс до тех пор, пока фашизм не окажется поверженным.

У де Голля, с другой стороны, был довольно обширный резерв — патриотически настроенные французы, не вполне образованные, зато обладающие гиперболизированным чувством своей национальной принадлежности. Де Голлю не хватало людей образованных, честных, имеющих управленческий опыт. Тем же, кто к нему попал, нужно было очень постараться, чтобы достойно представлять его организацию за пределами Франции. В итоге немногие из голлистов смогли возглавить силы Сопротивления: они становились диверсантами, инструкторами, осуществляли связь, но не могли быть организаторами. Если де

Голль поначалу стремился создать собственное движение Сопротивления, то вскоре он отказался от этой идеи и принялся привлекать к себе разного рода вожаков, стоило им заявить о себе во Франции. У де Голля (спасибо британцам, особенно УСО) было что предложить им: деньги, оружие, взрывчатка, радиопередатчики, признание союзниками их организаций. И он умело пользовался этим рычагом, объединяя вокруг себя различные силы, которые появлялись внутри Франции и до определенной степени держали курс на де Голля, а через него — на командование союзников.

Де Голль поставлял людей для отдела R/F, которые прошли школу учебной подготовки «Свободной Франции», открытой в ноябре 1941 г. в Инчмери-хауз, возле Саутгемптона. С самого начала она не была подконтрольна УСО, хотя УСО предоставило помещения, оборудование и учебные программы; еще в декабре 1941 г. инспектирующий офицер УСО докладывал об «отсутствии дисциплины и порядка» в ней. Только весной 1942 г. голлистские агенты стали проходить обычный для УСО курс подготовки¹.

План операций, задумывавшихся вначале, можно найти в октябрьском (1941) отчете капитана Пикет-Уикса²:

«Утвержденные правила таковы:

- а) Обучать агентов РСФ (разведка «Свободной Франции») организации диверсий и радиосвязи.
- б) Направлять агентов «в поле» группами по двое:
 - организатор и инструктор по диверсиям;
 - радист, который находится в подчинении организатора.
- в) Эти группы надлежит сбрасывать в районы, где уже существуют организации, их задачи таковы:
 - обеспечить связь между организациями и нашей страной посредством радио;
 - обучение нашим методам диверсионной деятельности;
 - снабжение организаций оружием и снаряжением из нашей страны;
 - передача опыта общей подрывной деятельности;
 - подготовка «тайной армии».

2. Нашли подтверждение сведения, что Франция заполнена большими и малыми группами Сопротивления, большинство из которых беспомощны из-за отсутствия материальных средств и

¹ «История отдела R/F», 1941 г., с. 17.

² Датирован 26 октября; копия в «Истории отдела R/F», 1941 г., с. 31.

средств связи как с нашей страной, так и с движением «Свободная Франция».

Если обеспечить их надлежащей связью, то на французской территории появится сеть агентов и каждый будет располагать прямой радиосвязью с нашей страной.

3. Когда силы Сопротивления Франции окажутся таким образом охвачены и организованы, можно будет заняться подготовкой общей крупномасштабной диверсионной деятельности и формированием ядра «тайной армии».

Одновременно следует направлять отдельные группы с целью проведения результативных диверсий на промышленных объектах».

Выполнение этого плана намного отставало от замысла, однако пока он не вошел в более крупный план, имело смысл следовать ему, переходя от района к району.

Операции «Саванна А» и «Жозефина В» хоть и предшествовали созданию отдела R/F, по сути своей были голлистскими операциями, в результате была получена ценная информация о действии движения Сопротивления на местах.

Первой настоящей операцией отдела R/F стала заброска в ночь на 5 июля 1941 г. двух агентов: Лабита и Картины, возле Кана¹. Стоит напомнить, что это было довольно поздно: прошло больше года после падения Франции, и Германия уже напала на Советский Союз. Их задание: выйти на связь с тайными организациями, которые, как считалось, существуют в департаменте Кальвадос, обучить людей и принять снаряжение, а также организовать диверсию на аэродроме Кан-Карпике. Лабит был командиром и радистом, Картины — инструктором по диверсиям.

Дела обернулись весьма плачевно: агенты приземлились в 45 км от места встречи, им не удалось зарыть парашюты, адрес конспиративной квартиры оказался бесполезным. Картины, как считают, был пойман и расстрелян, Лабит ушел (без радиопередатчика) в неоккупированную зону, откуда ему удалось послать весточку домой с помощью младшего лейтенанта Формана (участника операций «Саванна» и «Жозефина»), который в июле 1941 г. переправился через Пиренеи.

Лабит, оставшийся «в поле», получил приказание перебраться в район Тулузы и установить связь с тамошними организациями². 10 сентября ему был переправлен по воздуху радист. К со-

¹ Операция «Пытка», «История отдела R/F», 1941 г., с. 21.

² Операция «Диво», «История отдела R/F», 1941 г., с. 23.

жалению, полиция обнаружила парашюты, но организаторы успели уйти. Радиопередатчик поместили в здании муниципального бассейна Тулузы, и 25 октября Лабит сообщил, что работает уже шесть недель и высоко оценивает возможности местной организации, руководителем которой был профессор Берто из Тулузского университета. Лабит организовал 13 октября прием неутомимого Формана — тот возвратился с еще одним радистом; 6 ноября успешно прошла операция по выброске груза со снаряжением.

Это был предел успеха на то время. Полиция выследила Лабита и Формана, и те пустились в бег. Первого радиста арестовали. После попытки расширить деятельность на Ажен последовали другие аресты, что сказалось на деятельности тулузской организации. Серьезно она не пострадала, но активные действия прекратились, и в начале 1942 г. Лабита вывезли.

Эта череда событий все же не привела к полному провалу. Не вполне успешно закончилась попытка внедрить агента прямо в Виши (29 августа)¹. Молодой человек по имени Ленсемен, бывший штатным сотрудником радиослужбы Виши, получил трехнедельный отпуск в первую неделю августа. 12 августа он оказался в Англии, но был переправлен обратно во Францию еще до окончания отпуска с заданием организовать диверсию на радио. К сожалению, поначалу у него не было связи с Лондоном, разве что через организацию «Overcloud» («Мрак») в Бретани, радиста ему сбросили 26 ноября, но тот сразу же был задержан полицией, а в декабре арестовали и самого Ленсемена.

Была предпринята (тоже неудачная) попытка установить связь с районом Бордо². 9 сентября были сброшены с парашютами лейтенант Доннадье с радистом, их задание: связаться с существующими организациями и обучить людей, подготовив их к совершению диверсий — выводу из строя самолетов на аэродроме в Мариньяке³. Вначале он, по-видимому, многого добился, однако радиосвязь прервалась, а затем пришло известие, что Доннадье бежал и находится далеко от района Бордо. Это положило конец операции «Жозефина А» — как мы уже знаем, группу, которая к ней готовилась, переориентировали на выполнение операции против «Радио Парижа».

¹ Операция «Тромбон», «История отдела R/F», 1941 г., с. 28.

² Операция «Баргер», «История отдела R/F», 1941 г., с. 18.

³ Это была операция «Жозефина А», о которой говорилось ранее.

Следующая группа получила задание, имевшее признаки уже политического подхода. В группу входили Лаверде и радист, их 7 сентября сбросили неподалеку от Парижа¹. Лаверде был коммунистом, или, во всяком случае, имел связи с коммунистами, и его основная цель состояла в том, чтобы отыскать организацию компартии и нацелить ее на диверсионную работу — устройство аварий на предприятиях «красного пояса» Парижа. Следовало также организовать прием снаряжения из Англии.

Первой обнаруженной им организацией оказалась «Добровольная армия» — как утверждалось, она симпатизировала голлистам, насчитывала «60 000 человек в оккупированной зоне» и состояла «в основном из военно-управленческого персонала и занятых на гражданской службе». Хотя она и не была коммунистической, но вполне подходила для выполнения поставленных задач, и появилось намерение использовать организацию настолько, насколько было возможно. Поначалу возникли перебои с радиосвязью, но в январе 1942 г. Лаверде усилили старшим сержантом Бурда, и связь возобновилась. Однако в апреле 1942 г. «Добровольная армия» «лопнула», связь с ней свернули, а группа вернулась к первоначальному заданию, теперь уже под командой Бурда. Жила она напряженно, поскольку гестапо уже следило за ней, а в июле 1942 г. арестовало обоих. Бурда был убит, а Лаверде удалось бежать в неоккупированную зону, купить себе новые документы и остаться в движении Сопротивления (хотя без связи с Лондоном) до самого освобождения.

Операция «Мрак»², хоть и проводилась несколько позже, — явление того же ряда. Напомню, что сержант Жоель Летак принимал участие в неудавшемся нападении на К.Гр.100 в марте 1941 г. и был послан майором Берже в район Бреста, который хорошо знал. 13 октября он вернулся морем в Бретань с еще одним бретонцем — де Кергорли в качестве радиста. Их задача: найти или создать организации и быть готовыми к выполнению диверсионных акций. Радиосвязь была установлена довольно быстро, а письменный отчет дошел до Лондона в конце 1941 г.³, в нем сообщалось о различных связях, в том числе с бывшим комендантом гарнизона в Веннесе, с двумя местными органи-

¹ Операция «Dastard» («Негодяй»), «История отдела R/F», 1941 г., с. 17; 1942 г., Приложение «А».

² «История отдела R/F», 1941 г., с. 26, 49; 1942 г., с. 2; папка «Операция “Мрак”» в Архиве УСО.

³ «История отдела R/F», 1941 г., с. 49.

зациями, а также со студентами и железнодорожниками в Ренне. Однако в отчете без оптимизма рассматривалась возможность отыскать людей достаточно смелых и мужественных, чтобы образовать из них диверсионные группы. Летак, судя по всему, намеревался заняться разведкой, а не диверсиями.

Случай помог Летаку получить 31 декабря второго радиста — того направляли в Арденны, но он туда так и не попал¹. Затем 6 января его со старшим братом (тот был бойцом Сопротивления с 1940 г.) вывезли морем для консультаций². К сожалению, на том и закончилась их активная деятельность: 2 февраля они вернулись (опять морем) и вскоре были арестованы. В результате связь с Бретанью прервалась, заглохло и перспективное начинание, хотя это серьезно не повлияло на местные организации, созданные Летакком.

До сих пор речь шла об успехах пополам с неудачами. Вскоре появились новые сведения о деятельности движения Сопротивления как в оккупированной, так и неоккупированной зоне. Однако связь была неустойчивой, агенты — ненадежными, и все еще отсутствовали та сила и тот дух национального возрождения, на которые так надеялся де Голль. Новый этап начался в октябре 1941 г., и он был тесно связан с политическим становлением движения «Свободная Франция».

С июля 1941 г. де Голль находился на Ближнем Востоке, отдавая много сил участию Франции в Сирийской кампании. Французская дивизия под командованием генерала Лежентильома доблестно проявила себя в сражениях, которые завершились заключением мира 14 июля. Впервые у де Голля оказалось французского оружия больше, чем людей, более того — вопрос об административном управлении Сирией давал ему *casus belli*³ против британцев при обсуждении статуса Франции: политический капитал, который де Голль использовал максимально. В Англию он возвратился в конце августа. Есть данные об интересном разговоре, который он вел с одним франкоканадцем в самолете по пути из Браззавиля в Западную Африку¹ (неосмот-

¹ Операция «Plaise» («Камбала»), «История отдела R/F», 1941 г., с. 27, 30.

² В ходе этой же операции были вывезены и Лабит с Форманом.

³ Случай войны, повод к войне (лат.).

¹ Отчет Рене Балбу, датированный 29 августа 1941 г.; копия в папке 3/100/2с Архива УСО.

рительность, из-за которой его политическое кредо оказалось предано огласке):

«Tenez, l'Angleterre, qu'est elle pour moi? Une alliee, une alliee... necessaire. Mais avant tout, je suis Français, et peu m'importe ce que les Français pencent des Anglais. Ce qu'il faut, c'est les persuader de leur propre valeur... la leur!»[□]

В Лондоне его встретили без особого радушия¹, хотя по крайней мере временное взаимопонимание с м-ром Черчиллем было достигнуто², и 24 сентября 1941 г. появилось деголлевское Распоряжение № 16, которым учреждался Национальный комитет. Де Голль — его президент. Распоряжение шло «au nom du Peuple et de l'Empire français» («от имени французского Народа и французской Империи». — *Пер.*), и его основная доктрина состояла в том, что «il importe que les autorités de la France Libre soient mises en mesure d'exercer, en fait et a titre provisoire, les attributions normales des pouvoirs publics»^{3,□□}.

Тем самым заявлялось (конечно же, *де-факто* и временно), что Виши — ничто, а де Голль и есть французское государство. Полного признания, естественно, не ожидалось, однако министерство иностранных дел, развивая предыдущие заявления, дало ему, возможно, больше, чем он ожидал: «Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве готово признать Национальный комитет «Свободной Франции» представляющим всех «свободных французов», где бы они ни находились (курсив автора. — *У.М.*), которые примыкают к движению «Свободная Франция» для поддержки дела союзников»⁴. Иными словами, де Голль

[□] «Так что же для меня Англия? Союзница, союзница... по необходимости. Только прежде всего я француз, и мне совершенно не важно, как французы относятся к англичанам. Что действительно в них важно, так это их убежденность в своей собственной силе... в своей!» (*фр.*)

¹ CRF(41)54-е заседание, протокол 1, 1 сентября (указания премьер-министра по выжидательной тактике).

² CRF(41)55-е заседание, протокол 1, 15 сентября.

³ См. документ министерства иностранных дел 16087 (Z8210/8098/17) от 27 сентября 1941 г.; копия в папке (AD/S.1) SC.38/4 Архива УСО.

^{□□} «...важно, чтобы руководители «Свободной Франции» были в состоянии осуществлять — на деле и временно — нормальные функции государственной власти» (*фр.*).

⁴ См. документ министерства иностранных дел 16087 от 27 сентября 1941 г.; копия в папке (AD/S.1) SC.38/4 Архива УСО.

и возглавляемый им Национальный комитет были признаны легитимной властью теми, кто принимает ее *внутри Франции*, а также повсюду за ее пределами. Де Голль, возможно, и стал бы «французским государством», если бы движение Сопротивления поддерживало его, а союзники выигрывали войну.

Первые результаты этого признания проявились в беседе генерала де Голля с м-ром Дальтоном 8 октября. Стоит процитировать вводную часть Записки, составленной м-ром Дальтоном по этому случаю¹:

«Дух сопротивления французского народа в последние несколько недель явил свою силу в реальных фактах.

С другой стороны, представляется очевидным, что для французского народа «Свободная Франция» является символом национального Сопротивления.

Генерал де Голль и французский Национальный комитет видят свою задачу в том, чтобы взять в руки действенное руководство этим сопротивлением на французской территории, как оккупированной, так и контролируемой противником (т.е. включая территорию Виши).

Военная сторона этой деятельности (разведка, рейды, подготовка организации на месте) в настоящее время хорошо обеспечивается специальными службами «Свободной Франции» в тесном сотрудничестве с британскими специальными службами. Однако пришло время начать политическую деятельность, которая отделена и должна быть отделена от военной деятельности и будет осуществляться другими людьми и другими средствами.

Генерал де Голль и французский Национальный комитет намерены инициировать политическую деятельность во Франции. Сотрудничество в этих целях служб британского министерства экономической войны насущно необходимо».

Как отметил в свое время полковник Спорборн², с одной стороны, это было не более чем следствием интриги, с помощью которой Дьетельм (уполномоченный по внутренним делам) и Дежан (уполномоченный по иностранным делам) стремились потеснить де Ваврина с его стратегической позиции — единственного связующего звена с движением Сопротивления под номинальным руководством генерала Пети; с другой стороны, это было оглашением программы де Голля, какой он ее замыслил.

¹ Оригинал и перевод в папке (AD/S.1) SC.38/4 Архива УСО.

² Записка от 15 октября 1941 г.; в папке 3/100/2с Архива УСО.

УСО обратилось за советом в министерство иностранных дел — и с ответом не торопило, а потому де Голль вновь взялся за это дело, воспользовавшись вторым каналом связи. 27 октября он встретился с майором Муртоном и вручил ему для передачи премьер-министру, по сути, ту же самую программу, на сей раз, правда, имевшую несколько «черчиллевский» привкус: «Эта (новая) организация поднимет французский народ на общенациональное восстание в назначенное время. По моему мнению, эту деятельность необходимо согласовывать с будущими военными планами и рассматривать в связи с аналогичной деятельностью в других европейских странах»¹.

Послание было передано м-ру Идену, подготовка проекта продвигалась медленно (что являлось не лучшим способом держать де Голля в руках), и ответ м-ра Идена был отправлен только 22 ноября. Документ громоздкий и не годится для цитирования, а смысл его таков:

- 1) Правительство Его Величества одобряет общенациональное движение Сопротивления во Франции, хотя оставляет за собой право сотрудничать с французами, не входящими в него. Оно согласно, что «в принципе» это должна быть французская организация, руководимая извне, т.е. это должна быть деголлевская организация, действующая по соглашению с УСО, в частности, по процедурно-техническим вопросам.
- 2) Однако Правительство Его Величества «не станет связывать себя причастностью (т.е. оно осудит, но не воспрепятствует. — У.М.) к политической пропаганде, призванной обеспечить послевоенное утверждение во Франции любой конкретной формы правления либо любых конкретных лиц в качестве органа власти».
- 3) М-ру Дальтону надлежит делать все возможное для помощи в налаживании каналов связи. Решайте эти вопросы с ним и больше не беспокойте премьер-министра или министра иностранных дел, если только речь не идет о чем-то очень важном.

Эти условия были приняты де Голлем 13 декабря с удовлетворением, отклик на это послание содержал такие заверения:

«Il s'agit, en effet, de former, en une organisation massive et fortement articulée, les millions de Français qu'animent la haine de l'opresseur et la volonté de coopérer à la libération du pays.

¹ Отрывок из Записки майора Муртона премьер-министру, датированной 27 октября 1941 г.; в папке (AD/S.1) SC.38/4 Архива УСО.

Cet objectif est absolument independent de toute preoccupation de regime ou de personnel politique: il est donc dans la ligne de conduite que s'est fixee le Comite National et dont il entend bien ne pas devier»[□].

В конечном счете УСО (или, возможно, Пасси¹) взяло под контроль технические вопросы организации и избежало создания еще одного Французского отдела, зато де Голль обрел все необходимое для своих насущных политических целей.

20 октября 1941 г., в разгар этих событий, в Лондон прибыл Жан Пьер Мулин (*он же Робер, он же Рекс, он же Мерсье*)* как полномочный представитель движения Сопротивления в вишистской Франции; поездку эту устроило не УСО, вообще, неясно, кто ее устроил. Однако возможность представилась исключительная. Мулин был префектом в департаменте Эр и Луара, пост довольно заметный, однако его сместили как политически неблагонадежного (в немецком понимании) в декабре 1940 г. Он перебрался в неоккупированную зону и наладил связи с руководителями трех движений: «Свобода», «Национальное освобождение» и «Освобождение». Люди эти встретились в Марселе и отправили Мулина своим эмиссаром к де Голлю. Для того чтобы понять значимость этого события, необходимо несколько отступить от темы, поскольку необходимо поговорить о стихийных формах сопротивления во Франции того времени.

Мы видели, как узелки сопротивления на местах завязывались агентами отделов F и R/F как в оккупированной, так и неоккупированной зонах Франции. Теперь эти узелки можно было соединить в организацию, используя личные связи такого человека, как, скажем, Пьер де Вонкур. Местные ячейки обретали политическую значимость только тогда, когда объединялись в

[□] «Фактически речь идет о вхождении в массовую сплоченную организацию миллионов французов, охваченных ненавистью к поработителю и стремлением к сотрудничеству во имя освобождения страны.

Эта цель совершенно не зависит от каких бы то ни было интересов власти или личной политики того или иного деятеля. Она отвечает линии, определенной Национальным комитетом, и не предусматривает никаких отклонений от этой линии» (*фр.*).

¹ BCRA (Bureau Centrale de Recherches et Action — Главное бюро исследований и действий) было создано в рамках личного секретариата де Голля в январе 1942 г.

* [Жан Мулин, 1899—1943 гг., префект, смещенный властями Виши в 1940 г., дважды был с заданиями во Франции, схвачен в июне 1943 г., умер под пытками.]

более крупную структуру, а такую организацию поддерживать нелегко без поставок извне. По методике подрывной деятельности, лучше, если каждая местная ячейка имеет связь с Центром вне Франции и действует изолированно от соседей. К такому положению стремились сотрудники обоих отделов — F и R/F. Однако такая методика дает скромные результаты при скромных вложениях, что и необходимо на начальных стадиях, но вряд ли работает на политическую перспективу. Уже существовали организации, которые стремились объединить силы Сопротивления в общенациональном масштабе, они уже делали попытки создать новые централизованные организации.

Из них наиболее значимы:

1. «*Офицеры запаса*». Люди, имеющие хорошее образование, в прошлом военные. Для них военное возрождение Франции было делом чести. Второе бюро армии, разумеется, помнило то, как обошлись немцы с Версальским договором, и готово было снисходительно относиться к появлению таких организаций среди офицеров запаса. Каким образом оно поощряло их? Насколько власти Виши готовы были сквозь пальцы смотреть на подобные «поощрения»? На эти вопросы в документах УСО ответов нет.

Участники движения Сопротивления такого типа играли видную и зачастую деятельную роль, когда наступил этап партизанской войны, зато до того они постоянно разочаровывали тех, кто на них полагался (в особенности Жиро). Возможно, это происходило оттого, что военная подготовка не годится для подпольной работы, а возможно, потому, что социальная основа таких организаций была слишком консервативна и не вполне соответствовала чувствам народа.

Стоит упомянуть о трех организациях такого типа (как представляется, не связанных между собой), которые появились в следующей последовательности:

- а) «*Национальное освобождение*». Связана с именем генерала де Корель де ла Лоренси, кавалера ордена Бани 2-й степени, доблестного офицера-кавалериста, который был первым представителем Петена при штаб-квартире немецкого военного командования в Париже, потом отозван и в начале 1941 г. отправлен в отставку за его отношение к Абецу и Лавалю; позднее он открыто занял пробританскую позицию¹.

¹ См. его отчет о периоде жизни в Париже, составленный в ноябре 1941 г. (Архив УСО, папка (AD/S.1) F.38/16) и доклад отдела исследований и печати министерства иностранных дел от 2 января 1942 г. (Архив УСО, папка 3/100/15.2а).

Патриотизм генерала не вызывал сомнений (хотя он с 1934 г. выступал как сторонник франко-германского сближения), и его организация была среди тех, которые направили Мулина к де Голлю. Однако «состав его комитета»¹ справедливо описан м-ром Дальтоном как «сборище престарелых клубных зануд крайне правых взглядов, не располагающих никакой общественной поддержкой во Франции, тылы которых подпирает де Виндель из Комитета металлургических заводов»².

Более того, де ла Лоренси, как утверждают, запрещал всяческие связи с политиками из старого Народного фронта, который расширился вправо — до Радикально-социалистической партии, он же одновременно пытался заполучить помощь из внешнего мира, используя польские и американские каналы, что и вывело его на связь с УСО. Британская сторона к этому делу отнеслась без особого интереса, а в марте 1942 г. практически совсем перестала им заниматься³. В мае 1942 г. генерала арестовали, а его организация была поглощена другими.

С «Национальным освобождением» были связаны нелегальные газеты «Les Petites Ailes» (или «Verites») и «Travailleurs».

- б) Организация «Карта» связана с именем актера Жирара. Она была антидеголлевской, но вращалась в тех же кругах, что и де ла Лоренси, и, возможно, к ней тоже терпимо относились власти Виши. Конек Жирара — ведение кадровой картотеки: фиксация на бумаге имен людей, которые могли бы пригодиться, когда настанет «заветный день». Надо сказать, что он был личностью притягательной и умеющей убеждать, имел круг преданных друзей. Об организаторских дарованиях Жирара расскажут воспоминатели во многих частях Франции, и ныне невозможно отделить выдумки от истины. Известия о существовании «Карты» стали приходить в Лондон от Басина в конце 1941 г., а в апреле 1942 г. прибыл Макс Гиманс — с более полными сведениями. В июле заместитель руководителя «Карты» майор Фраже

¹ См. полный отчет из Швейцарии, датированный 20 ноября 1941 г.; в папке (CD) «де Лоренси» Архива УСО.

² См. Записку м-ра Дальтона N.S. № 63 от 10 декабря 1941 г.; в папке 3/100/15а Архива УСО.

³ См. Записку бригадного генерала Габбинса, датированную 3 марта 1942 г.; в папке 3/100/15.2а Архива УСО.

(«Луба»), был приглашен для консультаций. На майора Бодингтона, который в июле отправился вместе с Фраже во Францию, Жирар произвел в высшей степени благоприятное впечатление¹. И когда майор вернулся в Лондон, то убедил УПВ и отдел F поддержать «Карту» как мощное движение, которое не принимает де Голля. С помощью одного из людей Жирара УПВ приступило к созданию «подпольной радиовещательной станции» — радио «Патри» (радио «Родина»), а майор Питер Черчилль во время третьей поездки во Францию в августе 1942 г. — после ареста Басина — стал осуществлять связь отдела F с организацией. О дальнейшей судьбе «Карты» будет рассказано позже.

- в) *Организация «Гражданские и военные» (ОГВ)*. Она, как представляется, развивалась здесь так же, как в оккупированной зоне. Первое упоминание о ней пришло из округа Бордо, где поначалу она бурно развивалась, а в октябре 1943 г. произошел ее быстрый и позорный крах.

2. *Коммунистическая партия* во Франции, как и повсюду, пыталась сохранить свои кадры и не предпринимала ничего до тех пор, пока Германия не напала на Советский Союз. Тогда она, создав в качестве рабочего прикрытия Национальный фронт (FANA*), под соответствующими лозунгами² приступила к действиям. У организации было три преимущества. *Во-первых*, ей были известны методы подпольной работы и организации по ячейкам, она могла содержать руководство в относительной безопасности, за исключением ситуаций, вызванных необходимым на войне риском. *Во-вторых*, она была готова нести потери, нанося урон врагу, с самого начала она называла себя «*parti des Fusilles*» — «партией расстрелянных». Чем больше борцов расстреливают, тем сильнее становится сопротивление, утверждали члены этой организации. Конечно же, речь не шла о том, чтобы *fusilles* (расстрелянными) оказывались руководители партии³.

¹ См. его отчет, подготовленный в сентябре 1941 г., в папке 3/370/54а Архива УСО.

* [Этой аббревиатурой, означающей «фанатики», пользовалась М16 для обозначения Французской коммунистической партии. Маккензи (и Фут в первом издании своей книги) ошибочно используют его так, будто оно употреблялось самими французами.]

² См. документ полковника Р. Брука от 7 сентября 1943 г.; в папке 3/100/15а Архива УСО.

³ В данном случае чересчур «кровожадными» и неуместными выглядят сентенции ученого-историка.

В-третьих, у нее не было сдерживающих комплексов по части политических и экономических перемен: она могла играть на всяком недовольстве, обещая простому человеку все, что тому захочется, и не полагалась лишь на патриотические чувства.

До 1942 г. Коммунистическая партия не входила в соприкосновение с де Голлем, однако с самого начала она числилась среди «великих держав» Сопротивления, и другим движениям приходилось выверять свои политические позиции по отношению к ней, так же как и по отношению к де Голлю. Ее военизированная организация (в основном в нее входили не коммунисты) известна под названием «Francs Tireurs et Partisans» — «Вольные стрелки и партизаны» (ВСП)*.

3. *Профессиональные союзы* все еще частично ассоциировались с Социалистической партией, но постепенно прибирались к рукам коммунистическим руководством — это началось со времен слияния Всеобщей конфедерации труда с коммунистической Всеобщей конфедерацией объединенного труда в 1936 г. В период действия движения Сопротивления этот процесс завершился. В целом, однако, профсоюзная солидарность была важнее политических настроений конкретных профсоюзов. Она зависела от профессиональной принадлежности — люди продолжали трудиться на железных дорогах, на общественном транспорте, в шахтах, обслуживать инженерные сооружения и так далее. Впрямь эту солидарность в движение Сопротивления не всегда удавалось только на политической основе. [ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.] М-р Джон Прайс, авторитет в вопросах международного рабочего движения, с октября 1941 г. консультировал все секции, и м-р Дальтон настоял, чтобы за советом обратились к нему¹. Офицеры УСО не вполне владели информацией о жизни профсоюзов, и в этом отношении их нужно было просвещать. О том, чего удалось достичь, мы поговорим впоследствии, здесь же отметим лишь три общих момента.

Первый. Дело Жуо. Леон Жуо, генеральный секретарь ВКТ со времен революционного синдикализма (примерно 1910 г.), в профсоюзных кругах считался фигурой всемирного значения. Это был утвердившийся символ французского тред-юнионизма, больше синдикалист, чем социалист по политическим пристрастиям. Он был уже стар, болен артритом, и его влияние (он все

* [См. книгу Шарля Тилло, их командира, «ВСП» (Париж, 1962).]

¹ См. документы по делу Жуо в папке (AD/S.1) F.38/16 Архива УСО.

еще сохранял свой пост) постепенно убывало под напором молодого поколения руководителей, по большей части коммунистов различного толка. [ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹.] Уже начались разговоры о смещении его с поста.

М-р Дальтон взялся за дело летом, а в сентябре 1941 г. стало очевидно, что СИС предпримет попытку, используя собственные каналы. Ничего, однако, не произошло. Бездействие министра вызвало недовольство², и в результате ответственность за Жуо в феврале 1942 г. перешла к УСО. Однако в конце декабря власти Виши арестовали Жуо, и УСО с облегчением освободилось от необходимости осуществлять этот проект, к которому относилось без энтузиазма. Майор Бодингтон виделся с Жуо в Каоре 17 августа 1942 г., когда его освободили «en résidence surveillée» — «под надзор полиции по месту жительства». Есть интересный отчет об их беседе³, хотя так и не выяснилось, очень ли старик жаждал, чтобы его спасли. И дело было оставлено. Вряд ли пребывание Жуо в Лондоне как-то повлияло на ход войны, и случай этот имеет значение главным образом из-за сумятицы, которую он вызвал внутри УСО, и осложнений, возникших между УСО и СИС. Можно предположить, что с этим связана замена м-ра Марриотта полковником Бакмастером на посту руководителя отдела F в декабре 1941 г.

Второй. Обсуждался вопрос о субсидировании профсоюзных фондов, которые испытывали некоторые финансовые затруднения после создания Виши корпорации «Трудовой фронт». Для этого была организована встреча Анри Гокка, деголлевского начальника Управления труда, с полковником Кесвиком*, полковником Бакмастером и м-ром Джоном Прайсом 2 февраля 1942 г.⁴. Вопрос решен положительно в том же месяце⁵. Первоначально речь шла о сумме в 3000 ф. ст. Одно время имелись

¹ [СНОСКА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.]

² Документы с подробностями в папке CD/F6/33 Архива УСО.

³ Копия в папке 3/370/54а Архива УСО.

* [Дэвид Кесвик был директором по исследованиям, отвечал за работу во Франции и странах Бенилюкса, в конце 1942 г. перебрался в Алжир, в 1945 г. вернулся к работе в Сити.]

⁴ Записки в папке 3/100/15а Архива УСО.

⁵ Записка, подготовленная A/D.1 и датированная 24 февраля 1942 г. (Примечание: позже выплаты производились и индивидуальным рабочим); в папке 3/100/15.1а Архива УСО.

сомнения — стоит ли финансировать французское профсоюзное движение из британских секретных фондов, однако деньги УСО — и в больших количествах — порой направлялись и в более странные места, к тому же многие были уверены, что это надежные вложения.

Третий. Вопрос о вывозе других профсоюзных деятелей возник, когда провалился проект с Жуо. Есть список очередности, датированный 1 апреля 1942 г.¹, в нем были такие имена: Лакоста, Бозеро, Филип, Гюн, Муте. Лакоста отказался, о Бозеро слышали только много времени спустя, зато остальными пришлось заниматься. Андре Филип, который выбрался с помощью СИС летом 1942 г., был министром финансов с января по май 1946 г. и еще раз — в «переходном правительстве» Блюма* декабря 1946 г. Гюна эвакуировали примерно в то же время, он стал на некоторое время президентом Консультативного собрания, затем премьер-министром Франции — с мая по декабрь 1946 г. Муте назначили министром колоний в декабре 1946 г. Эти факты постоянно упоминаются, когда идет речь о роли социалистов в профсоюзном руководстве.

4. *Католическая церковь* — это фактор, о котором стоит упомянуть, хотя организационно она не входила в движение Сопrotивления. Частично дело объяснялось причинами доктринальными, частично — сильным католическим привкусом петеновского режима. Виши связывало движение Сопrotивления с такими понятиями, как «Республиканская Испания», «Народный фронт» и «lois laïques» («мирское право», «светские законы». — *Пер.*). Однако находились немногие священники и бесчисленные добрые католики, для которых борьба с оккупантами становилась первоочередным делом. Детали проследить трудно, но даже в 1941 г. можно отметить появление патриотического и «социального» католического движения в традициях графа Альбера де Муна и народных демократов. Со временем оно стало Народно-республиканским движением во главе с Жоржем Бидо** и Франсуа де Мензоном. В то время, о котором идет речь (осень 1941 г.), Петен мог рассчитывать по крайней

¹ Записка полковника Спорборга в папке CD/F6/33 Архива УСО. См. также его Записку от 22 мая 1942 г. в папке 3/100/2с.

* [Леон Блюм, 1872—1950 гг., руководитель Народного фронта, пережил заключение в концлагерях.]

** [Ж.А. Бидо, 1899—1983 гг., в послевоенной Франции не раз был министром иностранных дел и премьер-министром.]

мере на молчаливую поддержку католической церкви, армии и «функционеров». Однако потенциально церковь — это «великая держава» в движении Сопротивления, как и Коммунистическая партия. И де Голль в своих планах должен был учитывать и ту, и другую.

До сих пор шла речь о существовавших прежде организациях, которые и в теперешние времена сохранили свою значимость. Старые политические партии, за исключением тех, за которыми сохранилась кое-какая социальная база, представлялись мертвыми в общественном сознании, да и запрет Виши убил многие из них. Осталось рассказать о новых движениях, созданных из того же человеческого материала и занявших их место.

Почти в каждом случае центром такого движения становилась нелегальная газета: его сторонниками были те, кто писал, множил и распространял газету, к единомышленникам неизбежно причисляли тех, кто газету читал. В неоккупированной зоне эти организации только из вежливости можно причислить к «движениям Сопротивления»: понадобилось время, прежде чем они решились даже подумать о подготовке «тайных армий» для борьбы, и вовсе не были готовы к каким-либо насильственным акциям.

И все же из политических соображений их нельзя перечеркивать. Они нередко были предтечей того, что порождает сопротивление, и центрами, вокруг которых группировались различные по убеждениям, но патриотически настроенные люди. Вдобавок эти организации занимались отбором и подготовкой людей, которые в последующем играли более активную роль.

В оккупированной зоне немцы, как представляется, сдерживали такую централизацию до ноября 1942 г. В зоне имелись небольшие организации, некоторые из них были связаны с подобными организациями по другую сторону границы, однако единственной централизованной силой являлась Коммунистическая партия. В неоккупированной зоне, как уже говорилось, действовали люди генерала де ла Лоренси и «Национальное освобождение».

Вот еще три организации, которые заслуживают упоминания:

1. «Свобода», иногда ее упоминают по названию ее газеты — «Комба». С ней связаны имена Анри Фресне (впоследствии министр по делам беженцев и узников войны), Титгена (вице-премьер в 1947 г.) и де Мензона (министр юстиции в Алжире в сентябре 1943 г.; занимал и другие государственные посты).

Патриотические чувства «Свободы» безупречны, но политически она стояла несколько справа, возможно, справа от старого Народного фронта и, несомненно, далеко от любой возможности объединения с коммунистами. Настрой организации отражал общий настрой патриотической буржуазии, в том числе и католиков¹.

К сожалению, нельзя отделить Фресне от его сделок с дарлановским министром внутренних дел Пюшэ: после своего ареста в начале 1942 г.² Пюшэ³, бывший противником Лавалья, а возможно, и немцев, предложил лояльное отношение официальных властей в обмен на следующие обязательства «Свободы»:

- продолжать антигерманскую пропаганду;
- продолжать пропаганду против трестов;
- прекратить пропаганду против Петена и ряда министров;
- сдать все оружие.

Это была обычная для Виши приманка: Петенде в душе антигерманец и окольными путями действует в интересах Франции, поскольку альтернативой правительству Петена могли стать коммунисты. Фресне, очевидно, наживку попался, затем раскаялся и пытался соскочить с крючка. Пюшэ отпустил его, несмотря на признание вины. Об этом проступке знали и в других организациях.

2. «Освобождение» — эта организация связана с Эммануэлем д'Астье де ла Вижери. Д'Астье только-только разменял пятый десяток, был женат на американке, когда-то начинал службу морским офицером, но потом стал свободным журналистом. Был хорошо известен в интеллектуальных кругах умеренных левых, хотя к числу партийных политиков не принадлежал⁴. Один из

¹ См. отчет генерального консула Его Величества в Ницце, оставшегося во Франции до июня 1941 г.; Лиссабонская депеша № 198 от 27 июня 1941 г. — ее содержание подробно изложено в папке (AD/S.1) F.38/17 Архива УСО. См. также отчет Формана в «Истории отдела R/F», 1941 г., с. 46.

² См. отчет Маранда, приведенный в «Истории отдела R/F», 1941 г., с. 38, и отчет мисс Холл и капитана Басина, датированные 2 февраля 1942 г.; в папке (AD/S.1) F.38/23 Архива УСО.

³ Он добровольно перебрался в Северную Африку в 1943 г., но был предан суду и казнен.

⁴ См. Записку полковника Бакмастера от 20 мая 1942 г. в папке (AD/S.1) F.38/23 Архива УСО. После войны он стал президентом MURF — парламентской группы, обычно действовавшей совместно с коммунистами.

его братьев — генерал французских ВВС Франсуа д'Астье де ла Вижери 17 ноября 1942 г.¹ выступил против де Голля. Другой брат, Анри д'Астье, тоже участник движения Соппротивления, был человеком правых взглядов, ударился в дела с кагулярами и роялистские заговоры, а с начала 1941 г. принимал участие в объединении сил Соппротивления в Северной Африке под руководством американского генерального консула м-ра Мерфи.

Эммануэль д'Астье (обычно его звали Бернармом)² держался, как того следовало ожидать, несколько левее, чем Фресне. Первоначально «Освобождение» была привлекательной организацией для тех, кто голосовал за старый Народный фронт (за исключением коммунистов), но в результате «порчи» «Свободы» круг сторонников «Освобождения» расширился, и она стала в целом одной из самых сильных групп, которая очень бы пригодилась де Голлю, — если бы он сумел заполучить ее.

3. «*Вольные стрелки и партизаны*» (ВСП) — самая маленькая и наименее известная из этих групп. Ее руководителем был некто Ж.Ф. Леви («Клавдий»)³, и группа, по-видимому, занимала довольно левую позицию, разве что не коммунистическую. Впоследствии она себя никак не проявила.

Несколько отступив, вернемся теперь к поездке Мулина в Лондон в октябре 1941 г. О существовании трех движений — «Национальное освобождение» (де ла Лоренси), «Свобода» (Фресне) и «Освобождение» (д'Астье) — конечно же, было известно, зато впервые появился человек, причастный к руководству этих организаций, который мог подробно рассказать об их возможностях и планах. Более того, он сообщил⁴, что в июле 1941 г. была предпринята попытка объединения, руководители встретились в Марселе 5 сентября и достигли соглашения «в принципе»: «практические способы сотрудничества» еще предстояло определить, однако скорее всего принята будет следующая формула:

¹ «История отдела R/F», 1942 г., с. 18.

² В апреле 1941 г. у УСО была некоторая связь с ним; см. нью-йоркскую телеграмму CXG.588 от 15 апреля 1941 г. в папке 3/100/15.1a Архива УСО.

³ См. Записку майора Мортонна о беседе с ним в ноябре 1943 г., письмо лорду Селборну от 8 ноября 1943 г. в папке 3/490/2с Архива УСО. Позже (под именем «Клавдий Маленький») стал лидером парламентской группы UDSR («Союз в защиту республики»); министр реконструкции в правительстве Кевилля сентября 1948 г.

⁴ Его отчет полностью изложен в «Истории отдела R/F», 1941 г., с. 34; копия в Архиве УСО, папка операций отдела R/F «РЕКС (Робер)».

- независимость во всех вопросах, касающихся газет;
- согласование позиций в отношении боевых действий и диверсий;
- создание единой военной организации.

Неизвестно, какие указания получил Мулин от руководителей трех организаций. Разумеется, никто из них не уполномочивал его соглашаться на политическое руководство де Голля, с другой стороны — военное объединение «в принципе» уже было согласовано, и основная задача Мулина состояла в том, чтобы получить моральную поддержку, оружие и деньги, а также обеспечить координацию с военными действиями союзников через связь с Лондоном. Следует подчеркнуть, что за всем этим он обратился к де Голлю, а не к британскому правительству.

Ответ де Голля никак не ускорил ход событий, но он был благоразумен, поскольку стремился закрепить те ключевые позиции, какие только можно было закрепить сразу же. Ответ состоял из:

- краткого и красноречивого обращения «*Soyons fiers et confiants!*»¹. Оно было посланием равного к равным и заканчивалось утверждением: «Задача сложна, но все французы будут совместно работать, дабы спасти Францию!»;
- политической директивы, в которой намеренно не упоминалось о политическом руководстве. Он просил только усилить пропаганду, направлять полные и регулярные доклады и быть в готовности передавать и исполнять «*consignes et mots d'ordre généraux*» — «дух и букву общих распоряжений». Каждая организация получала по 500 000 франков (2000 ф. ст. — самое большее) сразу, а также обещание регулярных субсидий²;
- военной директивы, в которой фактически содержалось требование строго разделять военную и политическую деятельность, принимать в качестве связных по военным делам агентов де Голля и всю военную деятельность координировать с де Голлем в Лондоне.

Это вряд ли было приемлемо для тех участников, которые имели связи с генеральным штабом Виши, у которых имелись свои виды на военное руководство, зато для всех остальных, кто всерьез относился к военным задачам, связанным с движением

¹ «Воодушевимся гордостью и верой друг в друга!» (фр.)

¹ Датировано 5 ноября 1941 г.; папка 3/100/2с Архива УСО.

² См. папку 3/100/2с Архива УСО.

Сопrotивления, в этом не было ничего обидного. Появлялась, таким образом, точка опоры, облегчающая переход к решению куда более трудной задачи — политическому единству.

Из-за обычных проволочек Мулин со всеми этими посланиями добрался до Франции только 1 января 1942 г. В нем окрепло убеждение, что объединение под руководством де Голля и есть тот единственный путь решения политической задачи.

4. Операции R/F: второй этап

Давайте проследим за деятельностью отдела R/F в данный период, а позже вновь обратимся к политическим отношениям УСО с де Голлем.

Форман (теперь уже лейтенант), принимавший участие в операциях «Саванна» и «Жозефина», 13 октября 1941 г. вновь вернулся «в поле», будучи переброшен по воздуху¹. Встречу его организовал Лабит со своей группой в Тулузе, с собой Форман привез радиста и 500 000 франков наличными. Это произошло как раз перед тем, как Мулин прибыл в Лондон, однако Форман получил от де Голля политический документ с весьма широкими полномочиями: ему поручалось связаться со «Свободой» и другими организациями в свободной зоне, содействовать их объединению и (насколько возможно) признанию ими руководства де Голля, затем отправиться в Париж, где установить такие же связи.

Как представляется, по свободной зоне Форман поездил много, в частности, он встретился с Титгеном² из «Свободы», который выразил готовность содействовать созданию союза организаций Сопrotивления во главе с комитетом из руководителей, но без главенства де Голля. По признанию Формана, он сам согласился на это не без опасений и на том условии, что объединенная организация согласится принять офицера связи из штаба «Свободной Франции». Интересно выглядит характеристика этих организаций, данная «добрым голлистом» Форманом:

«Несмотря на их утверждения о подавлении всех партийных идей, каждая из данных групп и другие, им подобные, представляют ту или иную из довоенных политических партий. Их цель — получить признание Англии в том, что они являются мощными

¹ Операция «Грот-мачта В»; «История отдела R/F», 1941 г., Приложение «В», с. 44.

² Позже вице-премьер — январь 1947 г.

организациями. Деньги и снаряжение, которые они получают из Англии, послужат утверждению их превосходства над более мелкими организациями, которые они смогут поглотить, а их конечная цель — обрести достаточно сил, чтобы игнорировать указания из Лондона, не соответствующие их собственным желаниям».

Форман, очевидно, попал под наблюдение полиции Виши и (в высшей степени неблагоприятно) «бежал» в оккупированную зону, где тайно продолжал выполнять свое задание. Он встретился с Ивом Летаком из организации в Бретани и со многими другими. К концу года полицейская слежка усилилась, и Форман с Лабитом из Тулузы отчаянно просили вывезти их. Они вместе покинули Францию морем в ночь на 5 января 1942 г.

Политические связи Формана, возможно, оказались бы полезными, однако он всегда пренебрегал правилами конспирации, потому у многих, с кем он контактировал (у Титгена, у тулузской организации, у организации в Бретани, у парижской организации Лаверде), вскоре после его отъезда возникли серьезные трудности¹. Напомню, что примерно тогда же был внедрен осведомитель в организацию отдела F, возглавляемую Пьером де Вонкурором, и, по-видимому, гестапо намеренно дало этим организациям (они порой вели себя безрассудно) побольше воли, за что впоследствии — в первые месяцы 1942 г. — они жестоко заплатились.

Вслед за Форманом 6 ноября 1941 г. во Францию направили Ива Моранда, человека нового склада²: он был штатным секретарем католической профсоюзной организации в районе Лиона, и главное его задание состояло в установлении связи с этими профсоюзами и всемерном содействии созданию единого профсоюзного фронта Сопротивления на голлистской основе. К сожалению, до июня 1942 г. у него не было радиста, большинство его ранних отчетов написаны от руки, до УСО они дошли не все, и в Управлении не было оснований признавать успешной его работу. Судя по более поздним телеграммам, его работа была политически значима и способствовала обеспечению единства и голлистского руководства в неоккупированной зоне. Из Франции он вернулся в ноябре 1942 г.

¹ См. на эту тему Записку полковника Спорборга от 10 апреля 1942 г. в папке 3/490/3а Архива УСО.

² Операция «Outclass» («Высший класс») — «История отдела R/F», 1941 г. с. 37. Интересно, что у миссис Д. Пиклз («Франция между Республиками», с. 164) он представлен как «первый человек, сброшенный с парашютом во Францию»; все-таки, наверное, первый политический деятель!

Задание лейтенанта Томе, направленного в Сент-Этьен 8 декабря, носило сравнительно локальный характер: поддержание связи с небольшой местной организацией, которая, как считалось, симпатизировала де Голлю. Однако и он, и его радист продолжали еще некоторое время активно работать «в поле», а в те дни любым каналом связи дорожили. А вот операция с использованием самолета «лисандр», проведенная Томе 26 апреля (первая — для отдела R/F), чуть не закончилась крахом. Самолет был затребован по ложному сигналу тревоги, посадочную площадку и световую полосу устраивал не сам Томе, как предполагалось, и пассажиры оказались не теми, ради кого затевалась операция. Самолет благополучно приземлился и улетел, но ВВС отказались участвовать в дальнейших операциях до тех пор, пока подготовкой взлетных площадок не займутся специально назначенные люди. В результате возникли Бюро воздушных операций (БВО) на севере и Посадочно-парашютная служба (ППС) — на юге.

Данный этап завершился возвращением Мулина в ночь на 1 января 1942 г.¹ С ним вместе прибыли лейтенант Фассин и радист — ему предстояло поддерживать связь между де Голлем в Лондоне и Мулином как центром движения Сопротивления в зоне Виши. Эта группа фактически являлась штабом де Голля во Франции в течение всего переломного периода 1942 года. Мулин был арестован и зверски замучен немцами в июне 1943 г., после того как в мае стал первым председателем Национального совета Сопротивления.

После трагедии с Мулином Фассин бежал в Англию. Материалы, которые передавались по этому каналу (им пользовался и Моранда), носили главным образом характер политический, они весьма значимы с исторической точки зрения, но чересчур обширны, чтобы их анализировать на этих страницах.

Затем последовала весна 1942 г. — трехмесячный разрыв, во время которого операции отделом R/F не проводились. Причины этого, очевидно, где-то вне пределов компетенции УСО, хотя вряд ли де Голль признавал это. Во Франции по-прежнему велись разговоры об объединении сил Сопротивления, и две правые организации — «Национальное освобождение» и «Свобода» — слились, образовав «Французское освобождение» («Лифра», или «Комба») где-то в начале 1942 г. Однако все еще не обозначился реальный прогресс в работе Мулина.

¹ Операция «Шест» — «История отдела R/F», 1942 г., с. 2.

В апреле и мае 1942 г., однако, был сделан шаг вперед. 1 апреля некто Лезинне был переправлен по воздуху с 3 000 000 франков и заданием связаться с «руководителями высокого ранга и видными политическими деятелями в обеих зонах»¹. Чем все закончилось, неизвестно, но что-то явно не сложилось. Однако примерно в конце марта некто [ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.] по поручению Коммунистической партии или одной из ее фракций установил связь с генералом де Голлем². Сведений об условиях их соглашения нет, но ясно, что они были практичными и вполне дружественными: должно быть, нашлось взаимопонимание по отдельным вопросам военной поддержки и координации военных действий — при множестве политических оговорок. «Некто» возвратился во Францию в конце апреля, и первым результатом его поездки стала переправка по воздуху 28 мая инструктора (капитана Жоржа) и радиста — для установления связи с FANA, организацией Сопrotивления Коммунистической партии в оккупированной зоне³. К несчастью, оба были схвачены вскоре после приземления, и связь не возобновлялась до октября 1942 г., когда прибыли инструктор по радиоделу и новый радист. Инструктор по диверсиям присоединился к ним позже⁴.

В то же самое время, что и [ФАМИЛИЯ ИЗЪЯТА]⁵, в Лондоне, как утверждают, находился представитель профсоюзов, туда же неожиданно прибыл 12 мая Эммануэль д'Астье де ла Вижери. Он был тайно переправлен 21 апреля обратно агентом отдела F Васином на подводной лодке, которая тогда доставляла майора Питера Черчилля на юг Франции. Вот наглядный пример путаницы с каналами, и нет ничего удивительного, что д'Астье с ужасом оглядывал джунгли соперничающих организаций в Лондоне⁶. В штабе де Голля у Дьетельма и полковника Пасси имелись (под началом полковника Биллота) отдельные секретные департаменты, а с британской стороны находились

¹ Операция «Лосось» — «История отдела R/F», 1942 г., с. 15. В конце мая ему прислали радиста.

² См. Записку полковника Спорборга от 10 апреля 1942 г. в папке 3/490/3с Архива УСО.

³ Операция «Золотая рыбка» — «История отдела R/F», 1942 г., с. 37.

⁴ Операция «Карп» — «История отдела R/F», 1942 г., с. 38.

⁵ Письмо полковника Биллота от 7 апреля 1942 г. в папке 3/490/3с Архива УСО.

⁶ См. отчет полковника Д. Кесвика, датированный 14 мая 1942 г., в папке (AD/S.1) F.38/23 Архива УСО.

СИС и два отдельных отдела УСО, не говоря уже об отделе D/F с его маршрутами «тел» и различных каналах, находившихся под контролем поляков. Одно важное предложение, сделанное д'Астье, касалось создания координационного комитета в Лондоне¹, и нет сомнений, что он видел необходимость улучшить координацию действий во Франции. Во время пребывания в Лондоне он провел всесторонние обсуждения в УСО, беседовал также с де Голлем и представителями его штаба. Тогда д'Астье произвел превосходное впечатление на всех, с кем встречался. По-видимому, де Голль тоже произвел на него благоприятное впечатление, хотя вряд ли он, как Мулин, сделался «человеком де Голля», но воспринял его как символ движения Сопротивления. Эта поддержка имела важнейшее значение, поскольку «Освобождение» было, наверное, самой сильной организацией в зоне Виши, имевшей параллельное развитие по ту сторону разделительной линии: она обладала крайне полезными связями с ВКТ и не была замарана (как «Комба») грязью «вишизма».

К некоторому раздражению УСО, де Голль убедил д'Астье съездить в Америку и попытаться наставить на путь истинный тамошнюю голлистскую организацию, так что к работе во Франции он вернулся только в июле. И с этого времени начался явный прогресс. В апреле Главное бюро исследований и действий выдвинуло новый план создания централизованной организации военного толка. Идея эта в общих чертах была изложена в военной доктрине де Голля, отправленной Мулину, и которая попала во Францию еще в январе.

Первым практическим шагом стало возвращение 1 мая Лабита² (из организации в Тулузе) со всеобъемлющей директивой по военной организации. Он, благополучно добравшись, начал работу «в поле», но вскоре погиб в перестрелке с немецкой полицией. 3 июня организатор Шмидт³ был направлен вместе с радистом для установления прямой связи с «Освобождением» и совершенствования ее военизированной организации. Шмидт держал постоянную связь с Мулином и Фассином и играл существенную роль до возвращения в Англию (сентябрь 1943 г.). Радист выходил в эфир до октября 1942 г., до дня ареста. Инструктор по диверсиям (Мишель Гри) по просьбе Фассина отправился в

¹ См. письмо полковника Спорборга майору Мортону, датированное 4 июня 1942 г., в папке (AD/S.1) F.38/23 Архива УСО.

² Операция «Окунь» — «История отдела R/F», 1942 г., с. 22.

³ Операция «Краб» — «История отдела R/F», 1942 г., с. 16, 32.

район Клермон-Феррана 23 июня¹, а 25 июля Фассину передали еще одного радиста (Кордые)².

Стало немного легче. Организации движения Сопротивления в зоне Виши (кроме коммунистов) в июле сошлись настолько, что образовали Общий исследовательский совет — неруководящий орган, ответственный за подготовку к «захвату власти» новым правительством, когда (и если) Виши падет. Для британского ума задача по тем временам довольно отдаленная и теоретическая, но тем не менее важная, поскольку именно по такой формуле впервые удалось выявить ракурс единства для движения Сопротивления.

Примерно в это же время Фассин завербовал кадрового офицера генерала Делестре* — де Голль назначил его командиром будущей военизированной организации движения Сопротивления, и он был официально представлен в этом качестве в декабре 1942 г. под именем «генерал Видал».

Фассин же организовал Посадочно-парашютную службу (ППС) для зоны Виши. К июлю он настолько преуспел в этом, что отправил нового агента³ (Жан Айраль, он же Роберт Харроу) с радистом в северную зону — создавать подобную организацию, Бюро воздушных операций (БВО).

Северная зона по-прежнему оставалась непаханой целиной: единственная радиосвязь отдела R/F велась через Бурда и Лаверде, чьи организации были сначала потрепаны, а затем практически уничтожены в июле 1942 г. Удалось установить контакт с Коммунистической партией, но попытка наладить радиосвязь провалилась. Теперь, когда кое-что удалось сделать на юге, Мулин сам перебрался в Париж, чтобы попытаться наладить подобное взаимодействие и там. На юге его место занял Жорж Бидо, будущий премьер-министр, который впервые проявил себя в мае как руководитель информационно-пропагандистской службы⁴ Мулина. В распоряжении Бидо находился радист Кордые**.

¹ Операция «Солнечник» — «История отдела R/F», 1942 г., с. 16. Его принял Поль Ривье («Маркиз»), позже ставший важной фигурой, но впервые проявивший себя тогда.

² Операция «Макрель» — «История отдела R/F», 1942 г., с. 21.

* [Арестован в июне 1943 г., погиб во вражеских застенках.]

³ Переброшен в ходе операции «Плотва» — «История отдела R/F», 1942 г., с. 20.

⁴ «Журнал войны» лондонского Центра УСО, май 1942 г., с. 3798.

** [Пережил войну, позже стал биографом Мулина.]

Еще четыре операции оставалось провести до завершения этого этапа. Одна из них — отправка в сентябре в помощь Фассину майора Жюли¹ (радиста у него не было до января 1943 г.). Вторая — возвращение во Францию некоего Коллина², который выехал в январе 1942 г. и вернулся 29 мая 1943 г. в окрестности Сент-Этьена, главным образом для налаживания связи с Корсикой, где он побывал в августе. К несчастью, радист, который должен был его сопровождать, погиб при приземлении, и связь с Корсикой осталась туманной перспективой. Но организация там была, что впоследствии оказалось весьма существенным. Наконец, в сентябре провели операцию («Ногю»), нацеленную на проникновение в парижское отделение гестапо, — проект провалился³, а в июле некий Анри Бертран⁴ был направлен с радистом и деньгами в Марсель, их задача — организовать там ячейки движения Сопротивления. Дело тоже окончилось неудачей.

Итак, подведем итоги конца лета 1942 г. Радиосвязь по-прежнему была неустойчивой и ненадежной, но в последние месяцы несколько улучшилась. В работе находилось по крайней мере восемь передатчиков, в основном в неоккупированной зоне. Те, что обслуживали Лезинне, Моранда и Томе, составляли хороший резерв, но вряд ли имели первостепенное значение, а передатчик Бертрана пришел в негодность. Зато четко работала связь с Мулином через Фассина и его радиста, с «Комбой» — через Жоржа Бидо и его радиста, а с «Освобождением» — через Шмидта.

В оккупированной зоне дела еще только разворачивались, но уже работал передатчик Жана Айраля, что помогало проводить там воздушные операции. Возможно, в конце лета туда вместе с Мулином попал еще один передатчик. Самый большой недостаток — отсутствие действенной смычки с Коммунистической партией и ее отделениями, связь с которыми еще предстояло наладить. Огорчало и отсутствие передатчика на Корсике.

Помимо проблемы с радиопередатчиками, существовали и другие: поставки были нерегулярными, а снаряжения сбрасывалось слишком мало, чтобы это имело какое-либо практическое значение. Все это являлось источником непрерывных тревог и в Лондоне, и «в поле»: крайне трудно поддерживать боевой дух борцов Сопротивления без боевого оружия. На данном этапе не было возможности вооружить эти организации, державшиеся незави-

¹ Операция «Голоавль» — «История отдела R/F», 1942 г., с. 37.

² Операция «Креветка» — «История отдела R/F», 1942 г., с. 13, 14.

³ Операция «Миксина» — «История отдела R/F», 1942 г., с. 37.

⁴ Операция «Лангуст» — «История отдела R/F», 1942 г., с. 34.

симо от Виши, боевую же деятельность сколько-нибудь серьезного масштаба между тем можно было вести, используя оружие, добытое на складах Виши. Это важно, поскольку такое условие подвигало составителей военных планов, жаждущих конкретных результатов, на любые проекты, которые могли вывести на сцену «армию перемирия» или какие-то ее части, однако в конечном счете это не нанесло вреда «Свободной Франции».

Не существовало организации, которая была бы способна пустить в дело оружие летом 1942 г. Если бы оружие доставили до того, как наладилось взаимодействие, это способствовало бы размежеванию больше, чем единению: распределение оружия и снаряжения между организациями стало поводом раздора даже в более благоприятной атмосфере 1943 и 1944 гг. Единственное, что на данном этапе было крайне необходимо, — деньги. Доставлять их было несложно, и недостатка в них не было.

Итак, отдел R/F курировал ряд организаций, созданных стихийно населением и централизованно, но постепенно сходящихся в одном — принять символический статус де Голля, к тому же все они имели с Лондоном вполне сносную связь. Идея голлистской «тайной армии» все еще оставалась иллюзорной, и у организаций, по общему признанию, не было единой ударной силы. Никто не сомневался, что есть немало людей, готовых сражаться, однако оценки потенциальных сил весьма разнились. Возможно, политическое будущее движения Сопротивления себе обеспечило, однако оно еще не воспринималось как наличный военный ресурс, к тому же было очевидно, что в него глубоко внедрились агенты Виши и гестапо. Это неизбежно, когда речь идет о больших неопытных, недисциплинированных организациях такого политического толка. К тому же опасность увеличивалась в связи с тенденцией к излишней централизации. Такая ненадежность привела к ряду тяжелых утрат, но вопреки всему движение Сопротивления со временем окрепло, что мало кто мог предвидеть в 1942 году.

5. Политика

а) Обстановка в Виши

УСО имело мало контактов с многочисленными линиями связи с Виши, не имевшими отношения к его деятельности. Осенью 1941 г. произошел любопытный эпизод, когда американский адвокат по имени Макс Шуп попытался вмешаться и затеял неофи-

циальные переговоры: однажды он действительно побеседовал с Петеном и Вейганом. Его сообщения шли через представителя УСО на Гибралтаре. В сентябре 1941 г. состоялся также контакт с роялистским претендентом графом Парижским¹ через опрометчивого сотрудника штаба генерала Горта*. В Западной Африке Буассон, сатрап Виши в Дакаре, в феврале 1942 г. стал слегка прощупывать почву². Такого рода дела УСО не касались, и все эти связи были прерваны незамедлительно. Не занималось УСО и контактами с Вейганом, которые продолжались — с перерывами — до самого конца лета 1942 г. Таким образом, остается только дать краткий хронологический обзор — в качестве фона, на котором развивалось голлистское движение.

Первая волна пораженчества стала спадать в сентябре 1940 г., когда положение Лавалья** несколько ослабло из-за реорганизации правительства и назначения Вейгана генеральным уполномоченным правительства во Французской Африке и генерал-губернатором Алжира. В то же время политика примиренчества с Германией проводилась вплоть октября, когда состоялась беседа Петена с Гитлером в Монтрё (24 октября), и странного эпизода с возвращением немцами праха сына Наполеона, герцога Рейхштадта (15 декабря). И в этот момент последовал внезапный разрыв, подоплека которого неизвестна до сих пор³. 14 декабря 1940 г. Лаваль был смещен и арестован (на том основании, что готовил заговор), Дарлан некоторое время спустя стал вице-премьером, министром иностранных дел и занял место «явного наследника». Это придало Виши несколько больше независимости, хотя политика режима в отношении Германии вряд ли стала менее по-

¹ Документы по двум этим делам находятся в папке SC.38/3 Архива УСО; о Шупе см. также в папке CD/7.

* [Дж.С.С.П. Верекер, 1886—1946 гг., награжден орденом «Крест Виктории» в 1918 г., 6-й виконт Горт с 1902 г., начальник ИГШ в 1937—1939 гг., введен в рыцарское достоинство в 1938 г., командующий британскими экспедиционными войсками во Франции в 1939—1940 гг., губернаторствовал на Гибралтаре в 1941—1942 гг., на Мальте — в 1942—1944 гг., в Палестине — в 1944—1946 гг.]

² Документы в папке (AD/S.1) F.45 Архива УСО.

** [П. Лаваль, 1883—1945 гг., французский премьер-министр в 1931—1932, 1935—1936, 1940, 1942—1944 гг., одобрял сотрудничество с немцами, был осужден и казнен.]

³ Напомню, что в октябре делались подходы к Лондону — см. Ctd.6662 1945 г. — по поводу контактов с послом Виши в Мадриде и с одним агентом (г-ном Ружё) в Лондоне.

датливой, чем прежде, однако ныне он позволял себе трактовать (во всяком случае, имея дело с Британией и США) эту податливость как тактический ход, не отражающий истинных чувств Виши.

Такое направление поощрялось выработанной в декабре 1940 г. американской политикой, позволявшей поставлять различное оборудование в Северную Африку — при условии, что туда будут допущены американские представители, которые проследят, чтобы это оборудование не попадало к державам Оси. В марте 1941 г. в качестве генерального консула в Алжир прибыл м-р Роберт Мерфи, и там, как и повсюду в Северной Африке, был размещен многочисленный американский персонал. Поначалу м-р Мерфи работал с Вейганом и помогал укреплять его позиции, надеясь, что французская армия в Северной Африке воспротивится дальнейшему расширению влияния немцев. В то же время м-р Мерфи, по-видимому, поддерживал (подтягивая вторую ниточку) кое-какую связь с немногими «голлистскими» сторонниками в Северной Африке. На этих колониальных землях не было простора для народных движений, и голлистов там представляли как неких заговорщиков — вроде кагуляров и активистов «Французского действия», этих романтиков «правого крыла»¹. Анри д'Астье де ла Вижери, брат руководителя «Освобождения», имел к этому отношение с начала 1941 г.

Это положение держалось в течение лета 1941 г.: Дарлан с Вейганом* уравнивали друг друга, несколько склоняясь, соответственно, один — к Германии, другой — к союзникам. Лавалю немцы держали в резерве — в качестве угрозы, которую при необходимости пустят в ход, а Лавалю, в свою очередь, грозили заменить его более отъявленными коллаборационистами — такими, как Дорио и Деа.

Такое положение было сравнительно благоприятным для союзников, и в августе даже возникли предположения² о возможном крахе Виши: полицейские функции правительства резко усилились, много говорилось о «коммунистических подстрекате-

¹ Весьма точное описание этих событий содержится в книге Рене Пьер-Жоссе «Алжир в 1941—1943 годах». См. также отчет Хосе Абулкера в Архиве УСО («Папки сейфа AD/E»).

* [Вейган, 1867—1965 гг., начальник французского Генерального штаба в 1930—1935 гг., кратковременно, в мае—июне 1940 г., — главнокомандующий, получив позволение выйти в отставку.]

² См. документ майора Мортонa CFR(41)158 от 15 августа; копия в папке (AD/S.1) SC.38/2 Архива УСО.

лях», а за попыткой убийства Лавала в Версале 27 августа «вскрыли» обширный заговор. Этому процессу немцы не позволили зайти далеко, и в ноябре 1941 г. начали завинчивать гайки — по мере того, как замедлялось победное шествие на Востоке. 13 ноября Вейгана отозвали из Северной Африки, его пост генерального уполномоченного ликвидировали, а на посту генерал-губернатора Алжира его сменил неприметный Ив Шатель. В качестве командующего армией в Северной Африке появился генерал Жюн, а местным представителем Дарлана стал вице-адмирал Фенар. Американцы тут же прекратили поставки в Северную Африку и не возобновляли их до июня 1942 г. Вейган не прерывал связи с союзниками, и его посланцы, по-видимому, в декабре 1941 г. и в мае 1942 г. побывали в Лондоне¹.

У «армии перемирия» были разные планы для различных гипотетических ситуаций — таких, как высадка союзников на континенте или попытка немцев оккупировать всю Францию, — и она напрашивалась на сотрудничество с британцами. Символическую значимость приобрел и побег Жиро* из крепостной тюрьмы Кёнигштейн 17 апреля 1942 г. Как утверждают, вскоре после возвращения во Францию он беседовал с Дарланом и обещал «лояльность» в обмен на планы Генерального штаба.

Вряд ли многое из этого не было известно немцам, и их противодействие носило системный характер. 14 апреля Лавала навязали Петену в качестве премьер-министра, Дарлана повысили, сделав главой вооруженных сил, имевшим доступ на заседания Кабинета министров, и, по сути, преемником маршала Петена. Немного позднее Вейгана арестовали, отправили в Кан (на Кальвадосе) и поместили «под надзор», так что немцы получили возможность проверять, как исполняются «планы Вейгана».

Однако к тому времени промышленная машина Германии уже работала с напряжением, и спрос на трудовые ресурсы все сильнее давил на оккупированную Европу. Спрос поначалу подкрепляли финансами, затем угрозами и, наконец, физическим принуждением. Летом 1942 г. вся эта цепочка еще не была пройдена, однако и того, что французы уже испытали, хватало, чтобы сделать выбор: они за Гитлера или против него? Линия Виши делалась все менее ощутимой, и наконец она вовсе исчезла пос-

¹ См. документ начальника ИГШ, датированный 12 мая 1942 г.; копия в папке 3/100/2с Архива УСО.

* [А.А. Жиро, 1879—1949 гг., командующий французской армией, узник с 1940 г., бежал в 1942 г., отодвинут в сторону де Голлем в 1943 г.]

ле североафриканских высадок ноября 1942 г. Уже 1 мая и 14 июля[□] во многих городах неоккупированной зоны состоялись общественные демонстрации против режима Виши — их активно поддержали организации, связанные с Лондоном.

б) де Голль и УСО: с ноября 1941 по сентябрь 1942 г.

Де Голль, естественно, остро ощущал все эти перемены, пристально за ними следил и корректировал свою политику, чтобы противостоять им. Кое-что изменилось и в его отношениях с УСО.

Еще 5 ноября 1941 г., когда указания Мулину только обсуждались, де Голль начал наступление на другом фронте. В тот день он встретился с полковником Спорборгом и в ходе обсуждения других вопросов весьма основательно разнес его за независимую деятельность отдела F¹. 20 декабря он вновь пригласил, по отдельности, полковника Спорборга и офицера, отвечавшего в СИС за Францию*, и официально уведомил их, что ввиду многочисленных оплошностей, допущенных их ведомствами, он принял решение положить конец всякому сотрудничеству в секретных делах — как в разведке, так и в проведении операций². В основном его недовольство (в очередной раз) вызвали независимые действия британских агентов, а также проволочки в работе с его собственными агентами — такими, как Мулин. Он считал, что такого рода препятствия создаются намеренно.

Эти претензии нашли воплощение в официальном письме генерала м-ру Идену, направленному 22 декабря³, в котором он скрупулезно перечислял обиды, но не повторил угрозу приостановить сотрудничество. Как заметил тогда генерал Габбинс, угроза эта не была пустой: «В данное время мы, по сути, полностью зависим от него в том, что делаем во Франции»⁴. Как явствует из записей полковника Спорборга⁵, более сдержанный тон письма

[□] Национальный день Франции, День взятия Бастилии.

¹ См. Записку полковника Спорборга, датированную 6 ноября 1941 г., в папке (AD/S.1) SC.38.4 Архива УСО.

* [Капитан 3 ранга К. Коэн.]

² См. Записку полковника Спорборга, датированную 20 декабря 1941 г., в папке (AD/S.1) SC.38.4 Архива УСО, а также проект Записки командующему секретными службами в той же папке.

³ Копия в папке (AD/S.1) SC.38.4 Архива УСО.

⁴ Записка от 20 декабря; в папке (AD/S.1) SC.38.4 Архива УСО.

⁵ Записка от 22 декабря 1941 г.; в папке (AD/S.1) SC.38.4 Архива УСО и Записка от 31 декабря 1941 г.; в папке 3/100/2с Архива УСО.

де Голля означал некоторое отступление: де Голль, как сообщалось, был убежден, что трудности УСО были настоящими, а не вымышленными и что Управление страдает от нехватки ресурсов (в особенности самолетов) для выполнения своих задач. Цель генерала теперь состояла (как утверждалось) не столько в том, чтобы грозить УСО, сколько в том, чтобы укрепить Управление, вынудив Военный кабинет всерьез задуматься: стоит ли вообще связываться с движением Сопротивления, если большой помощи оказать невозможно.

31 декабря в министерстве иностранных дел состоялось общее совещание официальных лиц¹ под председательством м-ра Стрэнга, где вырабатывалась ответная линия поведения, а 8 января м-р Джебб посетил Дьетельма без какого-либо явно важного дела².

Ответ м-ра Идена был отправлен 20 января, по тону он был, возможно, резче, чем то принято в подобных посланиях: «Мы считаем неблагоразумным исходить — в свете тех вопросов, о которых ныне идет речь, — из предположений, будто Национальный комитет пользуется расположением, открытым либо тайным, значительного большинства французских граждан». С этой точкой зрения тогда, безусловно, согласилось бы большинство ответственных офицеров в УСО. Говоря словами бригадного генерала Габбинса³, «ясно, что мы не в силах создать настоящую «тайную армию» во Франции под эгидой или под флагом де Голля, делать это мы должны через наш самостоятельный Французский отдел — до тех пор, пока сочетание сил не сделается практической политикой... Я вполне вижу решение этой проблемы, если де Голля заменит другой человек, располагающий общим доверием французского народа, а пока де Голль в седле, трудно понять, куда ведет нас поддержка планов «С.Ф.» во Франции».

В феврале и марте 1942 г. на деголлевском фронте было затишье, хотя отвратительная погода тоже сказалась на воздушных операциях, а операции отдела R/F, как представляется, вообще не проводились.

Де Голля, возможно, отвлекали дела французского владения Сен-Пьер и Макилон (владение он занял 24 декабря 1941 г., бросив вызов президенту Рузвельту) и последовавшие из-за это-

¹ Записка полковника Спорборга, ошибочно датированная 1 декабря 1942 г.; в папке 3/100/2с Архива УСО.

² Отчет м-ра Джебба в папке 3/100/2с Архива УСО.

³ См. его Записку от 22 января 1942 г. в папке 3/100/2с Архива УСО.

го затруднения с адмиралом Мюселье, что спровоцировало серьезный внутренний кризис в его движении. Однако в апреле генерал вновь начал атаку. 1 апреля в гостинице «Дорчестер» он произнес знаменитую речь, в которой откровенно потребовал полного признания «Сражающейся Франции» «блоком» сил новой французской революции и высмеял британцев с американцами за их симпатии к Виши. 7 апреля полковник Билотт (непосредственный начальник Пасси) выразил формальный протест¹ полковнику Спорборгу по поводу недостаточной помощи, оказываемой де Голлю в его отношениях с движением Сопротивления. 14 апреля сам де Голль воспользовался обедом, данным в его честь Иденом, на котором присутствовал начальник Имперского генерального штаба (ИГШ) генерал сэр Алан Ф. Брук, и обрушился с резкими нападками на УСО, обвиняя его в недостаточной поддержке².

Война теперь достигла той стадии, когда следовало подумать о возвращении на континент. В апреле 1942 г. Комитет начальников штабов создал «комитет по планированию окружения», имея в виду действия на случай внезапного краха Германии в 1942 г. Движение Сопротивления во Франции стало объектом серьезных военных размышлений, и следующим шагом де Голль намеревался (вполне понятно) произвести впечатление на военные власти. 22 апреля по его поручению полковник Билотт встретился с начальником ИГШ и обрисовал (несколько тенденциозно) планы и действия де Голля для помощи вторжению. Мало того — генерал настойчиво пытался получить хоть какую-то информацию о времени и местах, куда следовало направить силы организации³.

14 апреля Лаваль стал премьер-министром — факт, который отчасти повышал акции де Голля. М-р Черчилль (в этом вопросе он тесно взаимодействовал с президентом Рузвельтом) поручил Комитету начальников штабов выяснить, какими действиями можно склонить Французскую Северную Африку к переходу на сторону союзников и как ее поддержать, если она пойдет на это⁴. Британский премьер имел в виду ситуацию, которая могла

¹ Оригинал в папке 3/490/3с Архива УСО.

² См. Записку полковника Тейлора бригадному генералу Габбинсу, датированную 15 апреля 1942 г., в папке 3/100/2с Архива УСО (в ней содержится описание м-ром Стрэнгом того, что произошло).

³ Протоколы встречи приложены к документу НИГШ от 12 мая; в папке 3/100/2с Архива УСО.

⁴ COS(42) 123-е заседание, пункт 1, датировано 18 апреля.

возникнуть в случае отставки маршала Петена. 18 апреля начальники штабов незамедлительно подготовили доклад¹, и вопрос о дальнейших действиях был обращен к Комитету союзного сопротивления, возглавляемому майором Мортонем, — именно его взгляды нашли выражение в документе, представленном 25 апреля; такого же плана документ по Западной Африке был представлен 28 апреля².

Выводы были таковы: подобное предположение невозможно. Эти выводы поддержало министерство иностранных дел. Форин-офис, впрочем, настаивал, чтобы линия поведения, какую предстояло избрать, зависела от «в высшей степени деликатных контактов», проходивших тогда «на высоком уровне», — то есть с генералом Вейганом³.

Этого было достаточно, чтобы держать в подвешенном состоянии тщательно детализированные предложения Комитета, и после заседания Комитета начальников штабов 27 апреля, на котором рассматривались основные документы, никаких четких указаний не последовало. Однако УСО в отношении Северной Африки было поручено проводить прежнюю линию — с опорой на Вейгана, а не на де Голля:

«Ваши задачи таковы:

- 1) подготовить почву для заключения соглашения по результатам переговоров с французскими властями, достаточного для обеспечения входа и благоприятной встречи союзных войск во Французской Северной Африке;
- 2) обеспечить сопротивление французам в том случае, если какая-либо из стран Оси нападет на Французскую Северную Африку;
- 3) тем временем укрепить и обезопасить французское движение Сопротивления от проникновения агентов Оси и для отпора всевозможным действиям Оси;
- 4) предупреждать преждевременные действия патриотов».

Начальник ИГШ в документе от 12 мая⁴ столь же ясно дает понять, что де Голль волен нести ответственность за военные

¹ COS(42) 124-е заседание, пункт 1, от 18 апреля и COS(42)105(0) от 19 апреля.

² CFR(42)11 от 25 апреля (имевший также хождение как COS(42)112(0) от 26 апреля) и CFR(42)12 от 28 апреля.

³ CFR(42)13 от 29 апреля.

⁴ Копия в папке 3/100/2с Архива УСО.

действия где угодно, кроме оккупированной Франции, а 16 мая¹ он, очевидно, уполномочен начальниками штабов начать переговоры с Вейганом.

Де Голль об этих заявлениях (оставалось надеяться) не знал, однако они никоим образом не уменьшили бы его стремления стоять на своем: возможно, он хорошо знал свои слабые стороны. Появление Эммануэля д'Астье в Лондоне под покровительством отдела F дало новый *casus belli*, и капитан Пикет-Уикс сообщает о двух резких беседах с Пасси в конце апреля и 5 мая, в ходе которых вновь прозвучала прежняя угроза разорвать отношения².

Эти настроения отразились в письме де Голля м-ру Идену 7 мая, уже содержавшем (на сей раз) ультиматум, хотя и мягко выраженный: «До тех пор, пока сотрудничество британских и французских специальных служб не станет удовлетворительным, наши службы ограничатся в отношениях с вашими службами делами, уже осуществляемыми». Копия письма была направлена начальнику ИГШ с запиской, составленной в выражениях, которые могли бы найти отклик в душе солдата.

Угрозу де Голля его сотрудники оставили без последствий: бригадный генерал Габбинс и полковник Биллот продолжали встречаться, а Биллот, очевидно, еще раз встретился с НИГШ, на этот раз в компании с Габбинсом³. К тому времени отношения «на техническом уровне» были в целом хорошие: стороны относились друг к другу с взаимным уважением, ценя профессиональную компетентность, и довольно точно представляли себе, каков расклад карт у каждой на руках, поскольку им приходилось поддерживать отношения даже в период политических бурь.

Уже 22 мая полковник Спорборг мог доложить: «“Ахиллес” вышел из шатра, и “Свободная Франция” продолжает работать с нами с рвением бобров». Между тем обсуждения проекта ответа с министерством иностранных дел продвигались⁴ потихонь-

¹ Такое впечатление создается УСО, однако никаких свидетельств на сей счет в бумагах УСО не найдено. Первая мадагаскарская высадка у Диего Суареш произведена 5 мая и также «обошла» де Голля.

² См. его записки бесед от 1 и 6 мая 1942 г. в папке 3/100/2с Архива УСО.

³ См. Записки бригадного генерала Габбинса от 14 и 20 мая в папке 3/100/2с Архива УСО.

⁴ См. официальный отклик УСО на письмо де Голля в письме м-ру Стрэнгу, датированном 28 мая 1942 г., в папке (AD/S.1) SC.38/4 Архива УСО.

ку, и ответ м-ра Идена был отправлен только 9 июня¹. Самое примечательное в нем — признание того, что начальник ИГШ является надлежащим каналом урегулирования этих дел, поскольку его письмо де Голлю² следует расценивать как объявление британской позиции.

Почти в тот же день НИГШ направил всем главам союзных правительств в Лондоне просьбу относиться к УСО как к ответственному британскому органу власти во всех делах, связанных с движением Сопротивления и его участием в британских планах³. И м-р Иден особо подчеркнул этот момент в письме де Голлю.

«Разрядка» на более низких уровнях развивалась, что привело 1 июля к совещанию в отделе R/F, в котором приняли участие Дьетельм, полковник Биллот и Эммануэль д'Астье, а также офицеры УСО, причастные к французским делам. Все присутствовавшие, по-видимому, согласились со здравым предложением: необходим рабочий комитет для осуществления действенного контроля за всеми британскими и французскими специальными операциями во Франции, решения которого, разумеется, при необходимости должны получать одобрение вышестоящих властей. От имени французов эту мысль высказал Эммануэль д'Астье еще в мае, что же касается британцев, то у них имелся пример Англо-норвежского координационного комитета, в то время только-только встававшего на ноги. В состав комитета с французской стороны предлагалось ввести Дьетельма, полковника Биллота и представителя движения Сопротивления внутри Франции, с британской — полковника Бакмастера, представителей отдела F, отдела R/F и СИС⁴.

Как и ожидалось, это перспективное предложение было с самого начала торпедировано генералом де Голлем, настаивавшем прежде на решении определенных «grandes questions de principe»⁵, и очередные официальные письма были направлены в министерство иностранных дел.

¹ Копия в папке (AD/S.1) SC.38/4 Архива УСО.

² В документах УСО отсутствует.

³ Письмо от 2 июня 1942 г.; копия в папке 1/470/1 Архива УСО, есть ссылки в COS(42)178-е заседание, пункт 7, 13 июня.

⁴ Протоколы совещания 1 июля в папке 3/100/2с Архива УСО.

⁵ «Крупных вопросов принципиального свойства» (фр.).

⁶ Записка от директора по разведке (полковника Д. Кесвика), датированная 9 июля 1942 г.; в папке 3/100/2с Архива УСО.

Первое из них¹ кипело возмущением из-за недостаточной материальной помощи, второе² — клеймило британцев за склонность действовать во Франции независимо от де Голля. На сей раз письма не содержали откровенного ультиматума, но за ними следовали пространные обвинения, переданные в УСО Биллотом и Пасси³, которые сопровождались комментариями. Гнев де Голля вызвала задержка (из-за физических условий) в проведении операции «Клем»[□] — по доставке депеш Мулину и Фассину⁴, и потому он отказался⁵ от участия «Свободной Франции» в операции «Кит» (замысел ее состоял во внезапном нападении на ОНЧ^{□□} — радиостанцию, которая обслуживала немецкие подводные лодки из района Бордо; операция все же провалилась, но по иным причинам).

Довольно странно, но на следующий день из штаба генерала поступило устное сообщение, что его отказ не следует принимать во внимание. Судя по замечанию сэра Чарльза Хамбро, высказанному майору Мортону⁶, УСО не слишком обрадовали ни отказ генерала, ни его отмена: «Бога ради, пошлите эту «сумасшедшую Жанну д'Арк» инспектировать его войска в Центральной Африке».

Впрочем, внутри режима де Голля уже происходила важная перемена: в середине июля из Франции прибыл Андре Филип, чтобы занять пост уполномоченного по внутренним делам вместо Дьетельма; и впервые в правительстве де Голля появился политический деятель, по праву требовавший серьезного отношения к своему мнению. Филип, как представляется, имел отношение к письму де Голля премьер-министру от 22 июля⁷,

¹ Датировано 18 июля: документ министерства иностранных дел № (42)5; копия в папке (AD/S.1) SC.38/4 Архива УСО.

² Датировано 5 августа 1942 г.; в папке (AD/S.1) SC.38/4 Архива УСО.

³ Датированы 7 и 12 августа; оригиналы в папке 3/100/2с Архива УСО.

[□] Обобщенное название промысловых морских моллюсков (типа разиньки, венерки и т.п.).

⁴ См. папку операций R/F УСО «Клем».

⁵ См. его официальный меморандум от 31 июля в папке 3/100/2с Архива УСО.

^{□□} Очень низкочастотная.

⁶ Письмо майору Мортону, датированное 1 августа, в папке (AD/S.1) SC.38/4 Архива УСО.

⁷ COS(42)212(0) от 25 июля, Приложение I.

которое было также направлено военному представителю США в Лондоне адмиралу Старку. В нем содержались претензии на голлистское участие в операциях на Западе, «которые, как я понимаю, следует запустить в ход — самое позднее — следующей (1943 г. — У.М.) весной». Это сопровождалось требованием увеличить поставки снаряжения как для регулярных войск, так и для движения Сопrotивления. Более того (вновь цитирую), «совершенно естественно, что самому французскому верховному командованию надлежит контролировать это снаряжение», и французское верховное командование «должно на равных восприниматься как часть организации союзного верховного командования». Это относилось к начальникам штабов, которые не слишком-то поощряли подобные вещи¹, и в том, что касалось движения Сопrotивления, твердо отстаивали необходимость координации с УСО.

4 августа Филип встретился с м-ром Иденом², а также с майором Мортонем³ и нарисовал премиленькую картину катастрофической путаницы, какая возникнет в случае вторжения, если не будет действенной координации и предварительного совместного планирования с французами. В середине августа де Голль отбыл на Ближний Восток, и центр конфликта переместился вместе с ним. В сентябре последовала вспышка бурных разногласий из-за Сирии, в то время как в Лондоне дружеские отношения были восстановлены и вновь удалось продвинуться по пути сотрудничества.

М-р Иден подтвердил получение писем генерала де Голля, написав 17 августа Плевену, ему же он вновь направил письмо 25 августа⁴ с отказом принимать претензию де Голля на юрисдикцию в отношении французов, вступивших в британские вооруженные силы. Британское правительство 13 июля выступило с коммюнике по случаю восстановления Французского национального комитета и перемены названия «Свободная Франция» на другое — «Сражающаяся Франция». На основе этого коммюнике де Голль построил свое заявление о руководстве всеми француз-

¹ COS(42)220-е заседание, пункт 5, 28 июля.

² Документ, врученный им по этому случаю м-ру Идену, находится в папке F.38/ч.I. М-р Иден 8 августа представил Военному кабинету некий «голлистский» документ WP(42)349.

³ Отчет майора Мортона бригадному генералу Холлису находится в папке F.38/I Архива УСО.

⁴ Копия в папке 3/100/1а Архива УСО.

скими гражданами, где бы они ни находились. Главное — чтобы они готовы были сражаться за освобождение Франции, внести свой вклад в дело общей победы. Отчасти то была прямая атака на отдел F, и министерство иностранных дел откликнулось, четко заявив, что власть де Голля распространяется только на добровольцев, — вполне обширная юрисдикция, и она была признана давно.

С этим, по-видимому, согласились, и состоялся дружеский ужин вечером 2 сентября, на котором присутствовали Филип с полковником Биллотом и полковником Пасси, а с другой стороны — сэр Чарльз Хамбро, бригадный генерал Габбинс и полковник Кесвик¹. После этого возродилась идея координационного комитета, на сей раз на двух уровнях, «вышестоящем» и «подчиненном», относящихся к собственно политике и осуществлению политики. На уровне «подчиненном» председательствовать должен старший офицер авиации из УСО, а в комитет включили одного представителя УСО и одного — из «Сражающейся Франции». Как мы увидим, это сужало первоначальный вариант: представители отдела F и СИС в него не вошли. «Вышестоящий» комитет оказался детищем мертворожденным, а «подчиненный» приступил к работе в сентябре 1942 г., его создание одобрил генерал де Голль². Все это свелось всего-навсего к формальному признанию существующей практики, однако по крайней мере был сделан первый шаг к окончательному единению сил командования французским Сопротивлением.

Заключение

С конца лета 1942 г. все усилия были связаны с североафриканской высадкой, и политические отношения с де Голлем и другими французами были окрашены ее неотвратимостью. Успех высадки приводил к революционному изменению обстановки и в связи с этим — политических партий, которым предстояло следовать в одном направлении.

¹ Имеется три отчета об этом событии: сэра Чарльза Хамбро и французов (папка 3/100/2с Архива УСО), есть и официальный отчет УСО — (AD/S.1), папка SC.38.4.

² См. письма м-ра Идена (26 октября) и лорда Селборна (27 октября) де Голлю по его возвращении, «проясняющие положения» его августовских посланий; в папке 3/100/2с Архива УСО.

У отдела F собственных людей «в поле» было мало, а их оснащение — ничтожно. Однако у них имелась связь с организацией «Карта», которую, как представляется, больше интересовала военная деятельность, нежели политика: разговоры в ней велись о кадрах, о подготовке, о военном оборудовании; организация всеми способами демонстрировала, что является «вторым я» французской армии. Ее штатное «второе лицо» майор Фраже побывал в Англии, а майор Бодингтон прибыл во Францию, чтобы установить отношения с «Картой» и самим Жераром. Решение проблемы, как далеко можно зайти в поддержке действий «Карты» против де Голля, могло состояться только после возвращения Бодингтона. Пока же указания отделу F на три месяца — до ноября 1942 г. — были довольно ограниченного характера¹.

У де Голля «в поле» людей было побольше, и количество их донесений через радиостанцию УСО намного превосходило то, что поступало от отдела F. Однако УСО относилось к действиям генерала с сомнением и даже с подозрением². Мало того — в Управлении возмущались «сумасшедшей Жанной д'Арк» и ее методами. Были, однако, и более основательные причины. Например, имелись веские свидетельства того, что личность де Голля вызывала негативное отношение тех французов, в чьих руках по-прежнему оставалось оружие, а потому помощь де Голлю в каждой операции с участием французской армии или военноморского флота будет проходить для УСО по статье расходов. Во вторых, как считали в УСО, генерал преследовал политические цели, а не военные: де Голль стремился оторвать все группировки и активные слои французской общественности от Виши и сплотить их вокруг собственной фигуры, собственных идей, порой далеких от активной и упорной борьбы с врагом. У него были связи с различными группами: от коммунистов слева до Французской социальной партии полковника де ла Рока и мо-

¹ Датированы 26 августа 1942 г.; копия в папке 3/470/1а Архива УСО.

² См. документ от 31 июля «Позиция генерала де Голля и «Сражающейся Франции» в отношении движения Сопротивления во Франции сегодня» (копия в папке 3/100/2с Архива УСО); проект Памятной записки для КНШ, подготовленный отделом совместного планирования примерно 16 августа, — «Участие генерала де Голля в подготовке к операциям во Франции» (копия в той же папке); документ полковника Кесвика, датированный 1 сентября 1942 г., — «Отношения со «Сражающейся Францией»» (копия в той же папке).

нархистов справа; однако все связи его были выстроены с людьми, предпочитающими слова и лозунги, а не дела. У них не было оружия, и они (за исключением коммунистов) не выказывали явного желания заполучить его.

С другой стороны, необходимо признать, что на политической сцене де Голль добился больших успехов. Свободное французское радиовещание¹ эффективно способствовало — возможно, в большей мере, чем того хотели британцы, — созданию из де Голля символа «Сражающейся Франции» и национального возрождения. Именно такой человек нужен был большинству французов, как бы ни различались их политические пристрастия. В то время французское общество избавлялось от пораженческих настроений, появилась надежда, что победа — на стороне союзников. Виши же после возвращения в апреле Лаваля уже не могло гарантировать целостности и будущего Франции как государства в случае победы союзников. Единственными гарантами были армия или де Голль. И де Голль, преодолевая величайшие тяготы, шел на все, чтобы политики разного толка предпочли именно его. Весьма возможно, что в случае банкротства Виши все карты достались бы ему.

Все эти соображения обсуждались внутри УСО, эти внутренние споры отражались на более высоких уровнях, ненамного (насколько можно проследить) отличаясь от других служб — СИС, УПВ и американцев. Министерство иностранных дел (как считали в УСО) становилось «все более и более голлистским с течением времени»², и это нашло отражение в документе м-ра Идена от 8 августа³ «Участие «Сражающейся Франции» в операциях во Франции». В частности, м-р Иден предложил пересмотреть роль УСО как координатора движения Сопrotивления в свете меморандума, представленного Филипом 4 августа: большой шаг навстречу позиции де Голля. Решение Военного ка-

¹ Помимо оборудования и других средств, предоставленных Би-би-си, нелегальная станция «Свободной Франции» — «Радио Голль» — была введена в строй УПВ в августе 1941 г. («История УПВ» Гарнетта, с. 238).

² См. Записку полковника Спорборга, датированную 5 августа, в папке 3/100/2с Архива УСО, отражающую — наряду с его собственной — и точку зрения лорда Селборна. См. поправки м-ра Идена к англо-американскому плану психологической войны во Французской империи, датированные 15 октября 1942 г. (приводятся в «Истории УПВ» Гарнетта, с. 225).

³ WP(42)349 от 8 августа.

бинета¹ по этому документу было не вполне ясным, но не антиголлистским, оно определяло перспективную политику так:

- 1) Продолжение деятельности УСО как «органа власти, координирующего всю тайную подготовительную деятельность во Франции» (т.е. необходимо воспрепятствовать стремлению де Голля действовать бесконтрольно).
- 2) Обеспечение более тесного сотрудничества между генералом де Голлем и различными ведомствами и организациями, причастными к тайной подготовительной деятельности в оккупированной и неоккупированной зонах Франции. Это не должно наносить ущерба нашим нынешним связям в оккупированной и неоккупированной зонах Франции, которые нет необходимости раскрывать штаб-квартире генерала де Голля (т.е. будьте любезными с де Голлем, но особо не доверяйте)².
- 3) Координация УСО всех оперативных действий во Франции для предотвращения всяческих неувязок и накладок (положение, относящееся в основном к УПВ и СИС)³.

Помимо этого, Кабинет указал представителям министерства иностранных дел и УСО на необходимость и дальше изучать «нашу политику в свете имевших место обсуждений». Результаты этого изучения представлены майором Муртоном в весьма толковом документе от 11 сентября⁴. Последние абзацы этого документа представляют собой сжатое и сбалансированное изложение британского квалифицированного мнения по состоянию на сентябрь 1942 г., а потому как нельзя лучше подходят для того, чтобы ими закончить эту главу:

«Будущее генерала де Голля во французской общественной жизни во многом будет зависеть от отношений между ним самим и генералами, возглавляющими французскую армию, под контроль которых, вероятно, попадет военная и текущая поли-

¹ WM(42)114-е заседание, протокол 2, датированный 20 августа.

² См. письмо м-ра Идена начальнику ИГШ, датированное 27 июля, по поводу надежности штаба «Сражающейся Франции» с точки зрения безопасности — взгляд довольно благожелательный; копия в папке 3/100/1а Архива УСО.

³ См. замечания, сделанные генерал-майором Кеннеди, в COS(42)147-е заседание, пункт 6, 11 мая, — о важности централизации под руководством УСО всех оперативных действий в Северной Африке; а также указание, данное УСО в отношении этого театра военных действий, в COS(42)134(O) от 12 мая.

⁴ CFR(42)37 от 11 сентября; копия в папке 3/100/1а Архива УСО.

тическая ситуация, когда настанет время действовать. Эти генералы, кем бы они ни были, вероятно, с готовностью примут сотрудничество генерала де Голля, если сочтут это необходимым для реализации собственных планов. В настоящее время самое большое, что они, наверное, ему предложили бы, — должность своего представителя при союзных армиях. Должность верховного командующего французскими вооруженными силами они ему не предложат. Воспримут ли его впоследствии в качестве политического руководителя Франции, во многом зависит от политической поддержки, которую он сумеет обрести вне армии, и в немалой степени от поддержки, оказанной ему в этот период британским и американским правительствами. Большинство убеждены, что он лишь орудие британской политики.

И все же не вызывает сомнений, что, хотя в настоящее время генерал де Голль во Франции обладает малым весом за пределами своей роли как символа движения Сопротивления, любое действие правительства Его Величества, воспринятое французским народом как предательство генерала де Голля, уничтожит его симпатии к нашей стране.

Хотел бы подчеркнуть: если сегодня эти выводы вполне верны, то зыбучие пески французского общественного мнения способны засыпать — уничтожить их в течение нескольких недель. Обстановку следует держать под пристальным наблюдением».

ГЛАВА XII

СТРАНЫ БЕНИЛЮКСА

Условия работы в Голландии и Бельгии имели много общего: доступ в обе страны был чрезвычайно затруднен, несмотря на их близость к британским берегам. Короткое расстояние по морю привлекало, однако берега были издавна сильно укреплены. Не раз предпринимались попытки организовать морские операции, но ни одна из них не была успешной. Воздушные операции проводить было не легче. Обе страны густо населены, за исключением Арденн на юге Бельгии, — они расположены достаточно далеко от центральных городов и промышленных объектов, так что посадочные операции почти невозможны. Было трудно даже отыскать подходящие для выброски зоны. Что еще

хуже, через эту территорию пролегал прямой маршрут бомбардировщиков на Рур, и немцы в первоочередном порядке оснастили ее всеми видами противовоздушной обороны: зенитками, прожекторами, радиолокационным оборудованием — так что тяжелогруженому самолету было исключительно опасно задерживаться здесь и кружить на низкой высоте в поисках едва видных огоньков встречающих групп. Легко понять, почему летчики Королевских ВВС не стремились летать сюда.

Военное значение стран Бенилюкса было особенным и потому, что их усиленно опекали немецкие службы безопасности, как гражданские (Sicherheitsdienst), так и военные (Abwehr). Службы эти были друг с другом едва ли не на ножах, но их объединяла одна цель: борьба с зарождающимися организациями Сопротивления. Действовали они жестко и целенаправленно. И результативно — порой этому невольно способствовало само УСО, иногда из-за неопытности, иногда из-за внешних трудностей. Надо сказать, что и в Голландии, и в Бельгии случались неудачи катастрофические, что сильно подорвало доверие к УСО и задержало становление организаций движения Сопротивления. Нельзя сказать, что Голландский и Бельгийский отделы УСО были хуже других территориальных отделов, однако они не сразу утвердились как рабочие органы.

В политическом отношении между двумя этими странами много общего, однако есть и большие различия, так что рассказывать о них лучше по отдельности.

1. Бельгия

Бельгийское правительство было политически одним из самых слабых союзных правительств в изгнании. Кабинет, действовавший в мае 1940 г., покинул бельгийскую землю, когда ее захватили немцы: король* остался и 28 мая сдался вместе с армией. Попав во Францию, Кабинет раскололся: у некоторых министров возобладали патриотические настроения, они предпочли остаться с собственным народом, другие, под руководством Пьерло**, добрались до Лондона в октябре 1940 г., где

* [Леопольд III, 1901—1983 гг., король Бельгии в 1934—1951 гг., под домашним арестом в 1940—1944 гг., пленник в Германии в 1944—1945 гг.]

** [Юбер Пьерло, 1883—1963 гг., граф с 1945 г.]

были приняты в качестве законного правительства Бельгии. Однако в правительстве не было ярких личностей, оно было малочисленным, не располагало ресурсами (за исключением управления Бельгийским Конго)¹, да и вообще, положение его было шатким. Все это порождало интриги и подозрения, обвинения и контробвинения. Архивные папки сохранили свидетельства ссор между УСО и бельгийским правительством, которые нет смысла подробно пересказывать на этих страницах².

Как и в большинстве других европейских стран, основную трудность составляла двойственность положения гражданских и военных властей внутри правительства. Штат 2-го отдела бельгийского министерства обороны в Лондоне составили офицеры бельгийской армии, и заняты они были делами, имевшими отношение к возрождению бельгийской армии в Бельгии. Резко против этого выступала «Государственная безопасность» (Сюрте) [ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ] под руководством некоего Лепаж*, имевшего прямой доступ к Пьерло и занимавшегося всеми тайными политическими делами. [ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА.]

Сюрте обвиняло армию за симпатии к правым, а ведь выше всего — преданность королю. Армию не интересовали диверсии или любые другие акции, направленные против немцев. Армейская публика стремилась наращивать собственные силы, воспользоваться же этой силой планировалось тогда, когда немцы уйдут, и восстановить власть короля со «скрытно-фашистс-

¹ Финансовое положение правительства в изгнании было весьма прочным, и оно оплачивало все расходы, связанные с бельгийским движением Сопротивления, за исключением платы тем агентам, которые принадлежали к британским вооруженным силам, и расходов УСО на оружие, самолеты, учебную подготовку и т.д.

² В Архиве УСО папка 4/100/2 и бельгийские папки директора по разведке (D/R) содержат большую часть важной документации, имеется очень интересная «История Бельгийского отдела» майора Амьеса(†). В Бельгии собранием материалов по истории движения Сопротивления располагает Историческая комиссия (секретарь майор Лежюн), адрес которой: Ministère de la Défense Nationale, Office de la Résistance, Historique de la Re#sistance Belge, 2, Avenue Palmerston, Brussels.

(†) [Сэр Харди Амьес, родился в 1909 г., королевский костюмер, введен в рыцарское достоинство в 1989 г., руководитель отдела «Т» в 1943—1946 гг. См. его книги «Только до сих пор» (1954) и «Все еще здесь» (1984).]

* [Умер уже бароном в 1990 г.]

ким» режимом. Армия обвиняла Пьерло, что он выступает лишь за самого себя, а Лепаж за то, что без зазрения совести пользуется своим положением, стремясь уничтожить любые движения внутри Бельгии, способные повлиять на политическое будущее правительства в изгнании. К сожалению, эти обвинения были небезосновательны.

После краткого периода неопределенности УСО решило сотрудничать с Лепажем, занимавшим в бельгийском правительстве главенствующее положение.

Без поддержки признанного правительства трудно заниматься вербовкой агентов, оценкой политических настроений, подготовкой боевых акций на промышленных предприятиях и прочими делами. Тут линию поведения определял м-р Дадсон[□], который руководил Бельгийским отделом с декабря 1940 г. до конца ноября 1941 г., когда его сменил майор К.Т. Найт**. Она состояла в совместном использовании агентов, общем планировании заданий и накоплении информации. УСО контролировало радиосвязь, оно сохранило за собой право направлять собственных агентов, однако Управление всегда было готово рассмотреть (если понадобится) вопрос о руководстве операциями через объединенный комитет — по типу того, что успешно проявил себя в Норвегии¹.

К концу 1941 г. от этой линии поведения отказались. Накапливались свидетельства, что по крайней мере Лепаж (а возможно, и его хозяева) стремится ставить палки в колеса стратегии УСО, поощряющей подрывную деятельность и создание «тайной армии». Заниматься подрывными акциями, с точки зрения бельгийцев, означало (может быть) провоцировать немцев на карательные меры и тем самым вызывать недовольство в Бельгии правительством в изгнании, создавать же «тайную армию» — значит вооружать противников правительства. Такого рода различие во взглядах затрудняло вербовку агентов. Нередко тайно отдавались приказы, противоречащие распоряжениям УСО, чинились препятствия вывозу из Бельгии людей, в которых нуждалось УСО.

Атмосфера в бельгийских кругах в Британии была насыщена подозрениями, сплетнями и интригами, откровенных отноше-

[□] [Э. Дадсон, управлял газовыми предприятиями в Антверпене в 1934—1940 гг., возглавлял отдел «Т» в 1940—1941 гг., позже работал в УПВ, умер в 1995 г.]

** [1914—1996 гг., колдстримский гвардеец, работал в сфере военных связей, руководил отделом «Т» в 1941—1943 гг., позже работал в УПВ.]

¹ О трудностях работы с бельгийским правительством можно судить по материалам в папках Архива УСО (DR/Plans) «Бельгия 3», тт. 1 и 2.

ний не могло быть между УСО и теми, с кем оно контактировало на официальном уровне.

Весь 1942 год УСО пыталось вырваться из этого порочного круга. Обсуждения начались в феврале на встрече Пьерло и Гутта (его министр обороны), с одной стороны, и бригадным генералом Габбинсом и майором Кесвиком — с другой. Встреча прошла довольно дружелюбно, но вызвала лишь обмен письмами, и Пьерло заявил, что руководство должно находиться в руках Лепаж. УСО, приняв данную информацию к сведению, с этим, однако, не согласилось: неопределенность, ставшая позже источником бед.

К июню дело дошло до «более высокого уровня»: 4 июня м-р Иден встретился со Спааком,[□] бельгийским министром иностранных дел, и сделал все, что мог, чтобы вырвать у того обещание сотрудничать с УСО. Несколько дней спустя Пьерло отобедал наедине с бригадным генералом Габбинсом — и прежних договоренностей как не бывало. Позицию бригадного генерала Габбинса подкрепляло письмо о функциях УСО, которое за несколько дней до этого генерал Брук разослал от имени Комитета начальников штабов всем союзным правительствам, но даже и после этого не удалось достичь согласия. Столь же безуспешной оказалась и встреча лорда Селборна со Спааком в начале июля.

Небольшое движение вперед произошло 27 июля, когда бригадный генерал Габбинс встретился со Спааком. В это время Пьерло был в Конго, а Лепаж чуть-чуть ослабил бдительность. Однако соглашение вновь не состоялось.

Обмен язвительными письмами отразился в эссе Спаака, написанном в «стиле де Голля»: «отношения были разорваны» на том самом «голлистском» основании, будто УСО препятствует бельгийскому правительству вести дела с эмиссаром военной организации («Бельгийский легион»), находившемся тогда в Лондоне. УСО представило документы на рассмотрение м-ру Идену и Комитету начальников штабов.

Отношения выправлялись медленно. Некий Делфосс, бывший министр юстиции, незадолго до того прибывший из Бель-

* [П.А. Спаак, 1899—1972 гг., отец-основатель Европейского сообщества.]

[□] Поль Анри Спаак, лидер Бельгийской социалистической партии (1944), многократно был министром иностранных дел, в том числе в 1939—1947 гг., и премьер-министром в 1938—1939, 1946, 1947—1949 гг. В 1957—1961 гг. был Генеральным секретарем НАТО.

гии, в конце сентября был назначен министром информации и юстиции — он получил контроль как над Сюрте, так и над 2-м отделом. Это был один из шагов к компромиссу. Однако рождался он медленно, и 29 октября 1942 г. сэр Чарльз Хамбро обратился за помощью в Комитет начальников штабов, поскольку действия бельгийского правительства мешали УСО выполнять указание КНШ. Из-за всякого рода препон Управление вынуждено было начинать все сызнова и вести самостоятельную деятельность в Бельгии. Сэр Чарльз предложил начальникам штабов оказать содействие¹. Комитет начальников штабов от прямого нажима отказался, но, очевидно, даже намек на него хватило, чтобы последовали небольшие уступки. Вскоре лорд Селборн на встрече с Делфоссом с большой неохотой согласился, чтобы Сюрте, продолжая оставаться (под руководством министра) ответственным бельгийским ведомством, все связанное со «специфической деятельностью» передала в ведение 2-го отдела, сама оставаясь в стороне². Эта договоренность основывалась лишь на устных заверениях бельгийской стороны и давала лишь временную передышку.

Такой политический фон сказывался на всей деятельности «в поле» в течение того периода. Профессионализм агентов был недостаточным, их подготовка — несовершенной, а моральный дух — скверным; лишь немногие из засланных людей обладали чувством патриотизма и решимостью. К тому же о них не очень-то заботились и их попечители в Лондоне — ни британские, ни бельгийские.

В мае 1941 г. был разработан примерный план внедрения в каждую из девяти провинций Бельгии организатора УСО с собственным радистом — их задача создать «подполье» из местных жителей. План вполне соответствовал обычной тактике деятельности УСО того времени, но никак не соотносился с местными условиями. Первую операцию провели 12 мая 1941 г., участвовала в ней группа в составе организатора и радиста, а также агент-одиночка, посланный совместно с УПВ (тогда — SO1) с политической миссией к Либеральной и Социалистической партиям. Этот человек оставался на свободе более года и в конце концов вернулся в Англию. Зато организующая группа не добилась ничего, а один из ее участников был арестован.

¹ COS (42)386(0) от 7 ноября, рассмотрено COS(42)312-е заседание, пункт 7, 9 ноября.

² Доложено Комитету начальников штабов в COS(42)422(0) от 30 ноября. Рассмотрено COS(42)341-е заседание, пункт 6, 6 декабря.

Более успешной оказалась работа в третьем квартале 1941 г., когда были отправлены три группы и два самостоятельных организатора. Группы, как представляется, не вполне профессиональные, а вот один из организаторов, Аббе Журден, поработал хорошо и благополучно вернулся. Впервые была налажена радиосвязь, и вскоре стали поступать отчеты о диверсиях и сообщения о самостоятельной деятельности местных организаций. Как обычно, на данные о диверсионных акциях особо полагаться не приходилось, но бесспорно, что возможности для таких акций действительно имелись. К концу года были направлены еще две группы и проведены первые две операции по выброске снаряжения. В декабре предприняли попытку вывезти двух агентов, используя «лисандр», однако, когда самолет уже приземлялся, в том месте оказался немецкий патруль. Летчик сумел снова набрать высоту и уйти из-под обстрела. Случай этот отнюдь не воодушевил летчиков Королевских ВВС на работу в Бельгии¹.

До конца 1941 г. дела развивались относительно благоприятно, во всяком случае, не хуже, чем на других театрах войны. Шестнадцать агентов были внедрены, в эфире работали пять передатчиков, имелись сведения лишь об одном аресте.

Поступали известия о диверсиях и активизации местного сопротивления. В этот момент немцы предприняли контрмеры, и в начале 1942 г. прокатилась волна арестов. Мало того, они захватили два радиопередатчика и стали использовать их для радионгры. Обман удался им в течение почти шести месяцев, что катастрофически сказалось на деятельности организации. Следующие цифры дают полную картину происшедшего:

1942 г.	1	2	3	4
	<i>квартал квартал квартал квартал</i>			
Агентов направлено (всего),	13	9	6	8
из них попали в засаду				
к немцам	—	4	5	—
Агентов арестовано (всего)	9	9	13	1
Количество операций по				
выброске припасов (всего),	—	9	7	1

¹ Больше операции с использованием самолетов в Бельгии не проводились. Была осуществлена одна подобная операция во Франции — для агента Бельгийского отдела.

1942 г.

1 2 3 4
квартал квартал квартал квартал

из них сброшено к ожидавшим немцам	—	6	7	1
Количество действующих передатчиков в это время, из них использовались немцами	9	6	8	8
	2	5	8	7

Еще будет рассказано, как аресты, произведенные в начале года — о них УСО ничего не знало, — дали немцам шанс проникнуть в агентурную сеть. И уже в конце года то, что Бельгийским отделом УСО считалось его сетью «в поле», превратилось всего-навсего в мираж. Когда в Лондоне возникли сомнения, были предприняты соответствующие меры, и в скором времени радиоигра обернулась против самих же немцев.

Проникновение такого рода — это постоянная опасность в нелегальных операциях, и, наверное, хуже всего то, что Бельгийский отдел УСО (и Голландский отдел — тоже) по неопытности не придавал ей значения до упомянутых катастрофических событий. Провал можно было объяснить рядом причин: агентов готовили плохо, они действовали слишком поспешно и охотно шли на риск, устанавливая порой ненужные связи и доверительные отношения с малознакомыми людьми; шифры, которыми пользовались в то время, были относительно просты, немцы легко раскрывали их и приспособливали для игры. До начала лета 1942 г. радиосвязь УСО велась через СИС, и самому УСО было невозможно осуществлять тщательную проверку поступавших сообщений, дабы по способу передачи опознать отправителя. Бельгия — трудная страна для воздушных операций, и было искушение ограничить число контактов и связей, поскольку даже «слепой» сброс безопаснее выброски груза прямо в руки созданной гестапо «группы по встрече». Урок пошел впрок, были сделаны выводы, усилены меры предосторожности. Конечно, лучше бы сделать все это вовремя, но, как говорится, на ошибках учатся.

Несмотря на почти полный провал летом 1942 г., можно назвать одно-два существенных направления, где продвижение было почти непрерывным. Самое важное — укрепление связей с «тайной армией». Первая вежа: в марте 1942 г. из Англии прибыли

два офицера, майор Грисар и майор Бернар*, имевшие связи с «тайной армией» в Бельгии.

Им предоставили должности во 2-м отделе министерства обороны, и они начали несколько безрассудную кампанию против Лепаж, вооружившись поддержкой УСО. Затем в июле 1942 г. один из немногих действительно хороших агентов УСО граф П. де Льедекерк вывез майора Глазера, руководителя одной из военизированных организаций — «Бельгийского легиона». В начале 1942 г. де Льедекерк направили установить связь с организацией, известной под названием «Рубашка цвета хаки» и состоявшей, как полагали, из офицеров-роялистов. Он выяснил, что политически организация ненадежна, и стал искать другие возможности. Майор Глазер был представителем поистине патриотического и антигерманского движения, однако, к сожалению, сам он оказался безрассудным, грубым и опрометчивым человеком — опасные качества для подпольного руководителя. Хуже того, он появился в Англии, чтобы действовать на стороне УСО и 2-го отдела в интриге против Сюрте, а вернувшись в августе «в поле», не привез с собой никаких указаний от признанных бельгийских властей. За время его отсутствия в Бельгии (как кажется) «тайная армия» реорганизовалась изнутри, и майор Глазер так и не смог вернуться на центральную позицию, хотя, по-видимому, оставался руководителем соперничающей фракции до своего ареста летом 1943 г. Две другие группы были засланы с заданиями летом 1942 г. под объединенным руководством 2-го отдела и УСО, но все они провалились: либо из-за козней гестапо, либо по собственной вине. Тогда возникло сильное подозрение, что Лепаж в какой-то мере работает против них, но подтверждений этому не обнаружено и после войны.

Интересно отметить и существенную роль УПВ, что имело особое значение во времена напряженных отношений между УСО и Сюрте. Очень узкая черта разделяет службу, выполняющую секретную миссию, призванную налаживать и поддерживать нелегальную пропаганду, от службы, засылающей своих агентов для дальнейшей активизации организаций Сопротивления. Первая могла быть организована УПВ, а отношения УПВ с отделом пропаганды Сюрте были довольно хорошими. С 1941 г. УПВ пришлось немало потрудиться для становления политических

* [Анри Бернар впоследствии стал профессором в Бельгийском военном колледже. См. его книгу «Война тотальная и война революционная» (в шести томах, Брюссель, 1960—1966), отличный учебник.]

связей, и в 1942 г. уже было около десяти групп, которые готовились к заданиям совместно УПВ и Сюрте, а направлялись на задание по каналам УСО. Надо сказать, эти группы избежали как бед, которые обрушились на собственные «звенья» УСО, так и политических распрей, в которые втянулась «тайная армия». Они действовали в переходный период — между первым, несчастливым, этапом и более удачливым и активным, когда активизировалось движение Сопrotивления в 1943 и 1944 гг.

2. Голландия¹

Голландское правительство даже после нападения Японии на Ост-Индию политически было не сильнее бельгийского. Королева* и королевское семейство находились в Англии, Кабинет переехал вместе с ними², и не было никакой двусмысленности в позиции, занятой Голландией в этой войне: ясно, что не было никакой сдачи врагу, а всего лишь локальное заключение мира из-за превосходства противника в силе.

Вскоре УСО обнаружило, что вести дела с голландским правительством нелегко и трудно, что любопытно, весьма схожи с теми, которые Управление испытывало с господами Пьерло и Лепажем. Д-р Гербранди, премьер-министр, сравнительно мало участвовал в делах, однако существовала голландская секретная служба во главе с гражданским человеком Ван'т Сантом, обладавшим большим влиянием в придворных кругах. Судя по всему, он предпочитал «поспешать медленно», когда заходила речь об активизации сил Сопrotивления. Впрочем, он был

¹ Имеется интересная история Голландского отдела, составленная полковником Добсоном и капитаном Миллсом. Некоторые из политических документов находятся в папках 5/100/2 и 5/100/1 Архива УСО, а также в папках директора по разведке (D/R) «Голландия», однако они далеко не полные. В Голландии материалы по истории движения Сопrotивления собраны Rijksinstituut voor Oorlogs-documentatie (исполнительный директор д-р Л. де Йонг), Амстердам, Херенграхт 479; значительное количество сведений ежемесячно публикуется в периодическом издании института «Nederland in Oorlogstijd».

* [Вильгельмина, 1880—1962 гг., королева с 1890 г., отреклась от престола в 1948 г., даму называли «единственным мужчиной в ее кабинете».]

² Премьер-министр (де Геер) испугался и сбежал летом 1940 г., его преемником стал более решительный Гербранди.

довольно основателен, умело организовал разведку, особенно политическую. Ему противостояла военная разведывательная служба (MID) под командой офицера голландской морской пехоты полковника де Брюна, который с самого начала весьма благосклонно отнесся к планам создания «тайной армии» и очень хотел сотрудничать с УСО. И все же имелись некоторые сомнения относительно роли этой «тайной армии»: напасть ей на немцев в момент, выбранный союзниками, или только тогда, когда союзники освободят Голландию, и затем заняться «общественным порядком» и подавлением деятельности левых?

Интриги, порожденные такой ситуацией, вели в закоулки голландской политики, но нет смысла здесь проследивать эти перипетии. УСО пустило в ход весь свой авторитет, но без особого успеха, пока наконец не стала очевидной неотвратимость вторжения. И хотя отношение Ван'т Санта к УСО было сдержанным, дела шли все же немного лучше, чем с Бельгией: в распоряжении голландских военных имелось больше ресурсов, чем у бельгийцев, да и общий тон взаимоотношений был менее резким.

Первоначальные планы УСО, обсужденные с голландцами в апреле 1942 г. и формально оформленные в «План для Голландии», были составлены в обычном духе¹. Страну предстояло разбить на округа и в каждый из них направить по крайней мере по одному организатору, инструктору и радисту из Англии. Этим агентам предписывалось сотрудничать с первой из местных организаций — «Orde Dienst», обеспечить снабжение ее из Англии, а действия ее скоординировать с планами союзников. От открытых диверсий в то время следовало воздержаться, поскольку это могло обернуться карательными мерами против населения. И все же следовало составить планы нападений на промышленные цели, а движению Сопротивления предписывалось наносить врагам ущерб «неуловимыми» способами.

План был довольно прямолинеен, его исполнение окончилось провалом, серьезно сказавшимся и на голландском движении Сопротивления, и на авторитете УСО. Как и в случае с бельгийцами, ситуация лучше всего проявляется в цифрах (сведения характеризуют не только первый этап работы УСО).

¹ См. «Основные положения планирования на 1942 г.» — «История Голландского отдела», 1942 г.

*Агентов «Принято» Уцелело Пропало Казнено
направлено немцами или погибло*

1941 г.

сентябрь	2	—	1	1	—
октябрь	нет				
ноябрь	2	—	1	—	1
декабрь	нет				

1942 г.

январь	нет				
февраль	1	—	1	—	—
март	5	1	—	2	3
апрель	3	2	—	—	3
май	2	2	—	—	3
июнь	4	4	—	1	3
июль	1	1	—	—	1
август	нет				
сентябрь	4	4	—	1	3
октябрь	11	11	—	4	7
ноябрь	2	2	1	—	1
декабрь	нет				

1943 г.

январь	нет				
февраль	8	8	—	2	6
март	3	3	1	—	2
апрель	2	2	—	1	1
май	3	3	—	—	3
июнь — август	нет				
сентябрь	1	—	1	—	—
октябрь	2	—	2	—	—

(Никаких операций не проводилось до 31 марта 1944 г.)

Всего	56	43	8	12	36 ¹
-------	----	----	---	----	-----------------

¹ Большинство из этих людей содержались в заключении до сентября 1944 г., а затем были казнены в концентрационном лагере Маутхаузен.

За тот же период было сброшено 544 контейнера с грузами — и все немцам в руки! В контейнерах находилось:

Взрывчатка (бризант)	12 863 фунта
Автоматы «стен»	744
Пистолеты	2306
Взрывные устройства	823

Более 350 000 голландских флоринов было выдано агентам до конца 1943 г. В ходе операций потеряно одиннадцать самолетов Королевских ВВС.

Такая картина ужасает. В течение пятнадцати месяцев Голландский отдел терпеливо планировал создание ячеек Сопротивления в Голландии. Он подбирал агентов, тщательно их готовил и инструктировал для выполнения специальных заданий; поток радиосигналов между Англией и Голландией не стихал; самолеты были отправлены на опасные операции в сильно защищенные районы, они, несмотря на потери, доставляли людей и грузы к назначенным местам. УСО имело полную и подробную картину состояния организации, созданной таким образом, и уверенно докладывало о ее возможностях. В действительности же за всем этим стояли всего-навсего два толковых немецких офицера из абвера, оберст-лейтенант (подполковник) Гискес и зондерфюрер Хунтеманн, а около сорока агентов уже находились в концлагерях.

Естественно, последствия происшедшего были тщательно изучены, уроки усвоены, оценки даны и систематизированы¹. Нет нужды распространяться об этом, достаточно лишь рассказать, что случилось.

Первая группа с заданием отправилась в сентябре 1941 г. Ничего определенного добиться ей не удалось, однако два человека сумели уйти от преследования немцев, а один из них в феврале 1942 г. вернулся на судне в Англию с полезной информацией общего характера. Остальные, по-видимому, погибли в море. Следующая (ноябрь 1941 г.) группа была первой, которая

¹ Объединенный комитет по разведке докладывал об этом деле в ЛС(43)517(0) 22 декабря, эти данные приведены в «Истории Голландского отдела» и в папке 62/470/1.2 Архива УСО. Интересные свидетельства содержатся также в протоколах допросов Гискеса и Хунтеманна после заключения мира (в настоящее время ими располагает м-р Н. Мотт, МО1(SP) — отряды специальных военных операций).

взяла с собой радиопередатчик, она успешно установила связь с Соединенным Королевством и с местными борцами Сопротивления.

С сожалением, немцы уже имели провокаторов в голландских организациях, и они провели операцию по выброске грузов, которая была назначена на 27 февраля 1942 г. Немцы захватили сброшенный груз, и это послужило еще одним доказательством, что один из передатчиков находится на связи с Англией. Незамедлительно были приведены в действие местные радиолокационные службы, и 7 марта радист* был схвачен в Гааге. Его заставили передавать сообщения под немецким контролем, и первая депеша, переданная таким образом, ушла в эфир 18 марта 1942 г. Справедливости ради стоит сказать, что агент попытался обратить внимание УСО на игру, опустив согласованный ранее сигнал, но в Лондоне на это не обратили внимания, решив, что дело тут просто в небрежности, свойственной агентам.

До этого рокового случая были направлены с заданиями еще две группы, начавшие работать безо всякого немецкого контроля. В феврале одного человека направили установить связь с нелегальной прессой и с профсоюзным движением. Связи установить удалось, однако у агента не было ни радиста, ни денег, ни снаряжения, так что расширить деятельность он не смог. В конце концов агент предпочел выбраться в Швейцарию, затем оказался в Англии в сентябре 1942 г. Две другие группы, направленные в марте, и одна, направленная в апреле, поначалу были неподконтрольными, однако новые связи быстро привели их к «зараженным» организациям, и к началу мая все группы оказались в одной мышеловке.

Первый сброс, когда встречающей группой руководили немцы, был осуществлен 27 марта 1942 г. До мая 1943 г. такая же участь постигла более сорока агентов.

Обман мог бы довольно быстро раскрыться. Например, одному из агентов была поручена разведывательная роль, сфальсифицировать которую, как понимали немцы, им было не по силам, и агент якобы «погиб при посадке». Немцы опасались, что кто-нибудь из захваченных сбежит или слухи о том, что произошло, дойдут до Лондона через СИС или по иному каналу. Но так случилось не сразу. А пока немцы куда больше знали о

* [Г. Лауэрс, родился в 1915 г., позже написал Приложение к книге сотрудника абвера Гискеса «Лондон вызывает Северный полюс» (1953).]

голландском движении Сопротивления, чем УСО. Надо признать, что действовали они профессионально, к тому же оснащены были лучше, хотя поддерживать обман столь долго без срывов им помогала удача. Подозрений не возникало, пока в июне 1943 г. не было получено донесение [ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО СОБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ], что восемь парашютистов арестованы «некоторое время назад». Это вызвало скрупулезную проверку, которую совместно осуществили две британские организации. Радиосвязь поддерживали по прежним каналам, но операции прекратились, а все сообщения подвергались тщательному изучению.

Попытку выстроить все заново предприняли в сентябре 1943 г. Одного агента забросили в Париж с заданием пробраться в Голландию и проверить работу одного из контролируемых передатчиков. Агент отыскал указанного человека и нашел обстановку, его окружающую, очень подозрительной, о чем и сообщил, вернувшись в Англию в ноябре. Двух других решили сбросить с парашютом в октябре 1943 г. в Бельгии. Самолет был подбит, однако люди спаслись и добрались до Брюсселя. Там они вступили в контакт с одной из организаций Сопротивления, что завело их в немецкую полицию безопасности. Одного из агентов арестовали, другого выпустили, дабы снять подозрения, которые, как почувствовали немцы, появились в Лондоне. Этого агента сопровождал и оказывал ему помощь немецкий осведомитель, о чем агент, вернувшийся в декабре в Лондон, и понятия не имел.

Обман наконец-то раскрылся, когда из Швейцарии прибыли двое сотрудников УСО*, бежавшие в августе 1943 г. из концентрационного лагеря в Гаарене, куда их заключили сразу же по прибытии. Немцы подвергли их основательному допросу. По характеру вопросов они поняли, что вся агентурная сеть находится под немецким контролем. Такая ошеломляющая новость дошла до УСО из Швейцарии в середине ноября 1943 г.

Этот провал невозможно было скрыть от людей, входящих в «узкий правительственный круг», что крайне отрицательно сказалось на репутации УСО в решающий период истории Управления¹. Непосредственный результат — запрет на все воздушные операции в Голландии, который не отменялся до конца марта

* [Один из них написал книгу: П. Даурлен «Внутри Северного полюса» (1953 г.).]

¹ См. ниже раздел «Политические установки и разрядка на самолеты» в главе XVI.

1944 г. Радиообмен продолжался, но в уклончивой форме. Ситуация, таким образом, стала понятна Гискесу с Хунтеманном, а подтверждение своим догадкам они получили от схваченных в начале 1944 г. агентов СИС. Они «отписались» в сообщении, датированном (вполне подходяще) 1 апреля 1944 г.:

«Господам из «Блант, Бинэм и преемники, лтд., Лондон». В последние времена вы пытаетесь делать бизнес в Нидерландах без нашей помощи. Мы находим это несправедливым, если принять во внимание длительное и успешное сотрудничество с вами в качестве агентов. Впрочем, если вы вознамеритесь нанести визит на континент, будьте уверены, вас встретят там с той же заботой и с тем же радушием, какие достались всем тем, кого вы посылали раньше. До свидания».

Единственный отрядный факт в этой истории — провал агентов серьезно не затронул местные организации движения Сопротивления. Немцы захватили сеть УСО на ранней стадии, потому «ухватили» немного ниточек, ведущих к настоящему центру Сопротивления, а от агентов УСО они узнали ненамного больше, чем знали прежде. Главное достижение немцев: почти до самого дня «Д» (высадки союзников в Европе) им удалось предотвратить все попытки встроить голландское движение Сопротивления в союзные планы и подготовить его к действиям. Сопротивление, однако, существовало и не прекращало работать, хотя и было неважно организовано. Нелегальные газеты, самыми значительными из которых были «Het Parool», «Je Maintiendrai» и «Trouw», выходили непрерывно, они делались качественно и активно распространялись. «Orde Dienst», ранее уже упоминавшаяся, тоже продолжала существовать как свободная организация, к тому же имела связи со всеми политическими партиями. Даже название организации говорит само за себя — роль свою она видела прежде всего в том, чтобы стать «самодеятельной полицией», которой предстоит поддерживать порядок, когда немцы будут уходить. Все это отдавало антикоммунистическим душком, чем и воспользовались немцы, хотя в основном организация выражала подлинные национальные чувства уважаемых голландцев.

Самостоятельно и весьма активно действовал «Диверсионный центр» — «Сентрум ван саботаж VI» (CX VI)*, который строился

* [Название другой организации «СС6» означало Сорелли-страат, 6, амстердамский адрес одного из ее руководителей, а не (как полагали многие из ее рядовых членов, а также и Маккензи) «Сентрум ван саботаж VI», т.е. «Диверсионный центр VI».]

больше по принципу «ячеек» революционной организации и не отвергал связей с коммунистами. Он был нацелен на насильственные и практические действия: ликвидация предателей, изготовление поддельных документов, уничтожение немецкой документации, касающейся трудовой повинности, и проявила себя как организация крепкая и надежная. Однако в то время она не имела связи с внешним миром, да и создание «тайной армии» тоже шло медленно. Центральный совет Сопротивления — Raad van Verzet (PVB), призванный объединять различные организации, появился, по-видимому, не раньше лета 1943 г., после провала всеобщей забастовки в мае того года.

В рамках тех ограничений, что диктовались географическими условиями Голландии, в стране имелись все же материальные условия для активной деятельности, и УСО в 1944 г. сумело восстановить ряд утраченных позиций.

ГЛАВА XIII

ПОЛЬША И ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Несмотря на огромные различия между двумя этими странами, для УСО они являлись естественной единой группой.

Мы имеем тут дело с рядом исторических случайностей. Это были первые ненемецкие государства, захваченные «Третьим рейхом», и задача «разложения» возникла тут за много месяцев до того, как родилось УСО. В первые дни войны MI(R) несла ответственность за подготовку партизанской войны в странах, воевавших с Германией, тогда как отдел D курировал главным образом действия в нейтральных странах либо с их территории. Как мы уже видели¹, майор Габбинс во время короткой военной кампании 1939 г. был придан британской военной миссии в Польше, его задача — создать условия для нерегулярных действий военного свойства. Боевые действия окончились слишком быстро, чтобы можно было чего-то достичь, однако «миссия Габбинса» сохранила свою роль и была придана польскому правительству в изгнании в Париже. Еще в октябре 1939 г.² майор

¹ См. ранее с. 106—107.

² Записка, датированная 31 октября 1939 г.; Приложение «С» к «Польской истории».

Габбинс обсуждал там вопросы подпольной войны с генералом Сикорским и его начальником штаба, тогда же он начал переговоры и с чешским командующим генералом Ингром. «Миссия Габбинса» продолжала нести ответственность за эти связи до тех пор, пока в апреле 1940 г. его самого не послали командовать «независимыми компаниями» в Норвегии. Миссию возглавил его заместитель майор Уилкинсон*. MI(R), пока существовала, оставалась вышестоящим ведомством в Лондоне, а миссия связи прибыла туда вместе с польским и чешским командованием, когда те в июне 1940 г. вынуждены были покинуть Францию. И только в конце ноября, когда военному министерству удалось отделаться от обязанностей по «разложению», какими была наделена MI(R), ответственность за нелегальные военные действия в Польше и Чехословакии официально перешла к УСО. Почти в то же время бригадного генерала Габбинса назначили в УСО директором по учебной подготовке и операциям, и он (хотя и вопреки логике) вновь взял на себя обязанности по двум странам, обстановка в которых была ему известна.

К этому следует добавить, что оба правительства в изгнании — по излюбленному французскому выражению, «résistants de la première heure»[□] — по некоторым позициям сохранили привилегированный статус и, без сомнений, пользовались определенными правами, которых были лишены остальные союзники, сколь бы они ни были влиятельны. Им позволили содержать собственные радиостанции в Англии, получать и отправлять сообщения без цензуры, их связи почти не регулировались (до тех пор, пока в целях безопасности не были предприняты специальные меры предосторожности, — накануне операции «Overlord» («Владыка»), или дня «Д»), и они могли по собственному усмотрению сообщать или не сообщать о них УСО. Вдобавок они несли единоличную ответственность за формирование групп и отбор агентов, отправлявшихся на задание, давали им последние указания перед отправкой «в поле» и получали сведения от агентов по возвращении. Фактически в обоих случаях организации Сопrotивления создавались и руководились не УСО, а правительствами в изгнании: УСО (по крайней мере теоретически) являлось всего-навсего снабженческой конторой, отвечавшей за

* [Сэр П.А. Уилкинсон, родился в 1914 г., сражался в Австрии в 1943 г., введен в рыцарское достоинство в 1970 г.; см. его книгу «Чужие поля» (1994).]

[□] «Сопrotивленцы первого часа» (фр.).

предоставление транспорта, оборудования, денег и еще — частично — за учебную подготовку.

Управление могло влиять на ход событий только использованием своих ресурсов, и даже в этом ему мешало отсутствие последних сведений с «поля», которые дозировались польскими и чешскими властями. Две эти страны служили полигонами для эксперимента: правительства в изгнании, по сути, свободно пользовались британскими ресурсами; и надо признать, что результаты эксперимента не радовали. Однако следует иметь в виду, что архивы УСО не содержат материалов, рисующих подлинную историю движения Сопротивления в Польше и Чехословакии: неудачи перечислены, но цепь событий, приведших к ним, зачастую не выявлена, а потому рассказ об этом может приобрести обличительный характер¹.

Имелось и нечто общее в оперативных и политических условиях. Польша была так же недоступна с моря, как и морское побережье Богемии, подходы по суше стали почти столь же затруднены после захвата дунайских земель (есть сведения об одном случае: агент проник в Чехословакию из Стамбула, его путешествие из Лондона в Братиславу заняло восемнадцать месяцев). Таким образом, все зависело от воздушных операций, которые были исключительно сложными. Расстояния были слишком велики даже для четырехмоторного самолета, к тому же приходилось отклоняться от прямого курса, чтобы обойти надежно защищенные районы в Германии. Полетное время, таким образом, увеличивалось, и в летние месяцы не хватало темного времени суток. Наконец, в 1943 г. открылся более короткий путь — с юга.

Решающим политическим и стратегическим фактором становилось то, что обе страны в конце концов попадали в советскую сферу влияния.

Опасность ощущалась не столь остро, пока русские сражались под Москвой и Сталинградом. Однако с самого начала было ясно, что никакая помощь на суше от Запада невозможна: до самого краха Германии мы не могли оказать «тайным армиям» в Польше и Чехословакии прямой помощи, за исключением поставок по воздуху. Национальное восстание имело бы незаменимую ценность для западных союзников при вторжении в

¹ Архив УСО, папка «М/поляки и чехи/1»; «Объединенная политика» (2 тома), в которой содержатся подробности ранних отношений с эмигрантскими правительствами.

Европу, однако на такой шаг можно было решиться всего один раз, и в случае неудачи от движения Сопротивления не осталось бы ничего. Небольшие диверсии было вполне реально организовывать из Лондона, но крупная диверсия становилась бы военной операцией, соотношенной с событиями на Востоке, а не на Западе. Наличие этой проблемы было очевидно для обоих правительств, но их отношение к ней весьма отличалось.

1. Польша

Причины многих бед Польши вполне очевидны — дело в том, что ее довоенный правящий класс (который имел сильное представительство в изгнании) был пропитан великодержавными настроениями, не располагая в то время особыми ресурсами (имевшимися с тех давних пор), чтобы подкрепить свои притязания. Более того, польские правители воспринимали свою страну как великую военную державу, основанную и социально, и политически на армии. В обществе считалась естественной традиция заговорщицкой армии, участвовавшей в кровавых и неудачных бунтах 1830, 1848, 1863 и 1905 гг. — бунтах, направленных прежде всего против России, а не против двух других участниц раздела — Пруссии и Австрии. Тем же традициям следовало и командование польской армии в изгнании, которому его «тайная армия» в Польше виделась в масштабах грандиозных — одним из основных военных ресурсов в распоряжении союзников. Они считали ее силой куда более мощной, чем потенциальные военные возможности любого другого правительства в изгнании, и значительно более существенной, чем польские вооруженные силы, находившиеся вне Польши и уже сражавшиеся на стороне союзников.

Представление преувеличенное, но лишь отчасти. Заговорщицкая традиция сильна в Польше, и механика тайных организаций отработана там более тщательно, нежели в западных странах. Польский патриотизм был общенародным, и нацию в целом можно было считать полностью включившейся во всеобщую борьбу. Географические условия были благоприятные: в стране с плохо развитой инфраструктурой и большими пространствами, занятыми лесами и болотами, партизанские отряды могли существовать даже под носом у немецкой армии и полиции. Так что если снабжение обеспечивалось (трудное условие), то имелись все возможности

для создания настоящей «тайной армии». Вопрос только в одном: как ее использовать?

Армия бы ответила так: Польша, как и подобает великой державе, должна сама освободить себя, *прежде чем* любая из союзных армий освободит Польшу, — поляки должны восстать и приветствовать своих союзников с гордо поднятой головой. Ситуацию эту, саму по себе опасную, еще больше усугубляло намерение Польши встретить своих союзников как суверенное государство в границах 1939 года: русские, как и немцы, могут ступить на польскую землю как гости, а не как завоеватели. Это были, скорее, эмоции, нежели политика: трудно найти мало-мальски ответственного и мыслящего поляка, который искренне разделял бы все, что несла с собой такая политика. Однако не все поляки оказались свободны от эмоций, к тому же не было недостатка в безответственных заявлениях, поддерживавших эту политику. Русские имели четкое представление об этой атмосфере и понимали: достичь сотрудничества на таких условиях совершенно невозможно.

В изгнании этот мощный поток польских великодержавных настроений нашел воплощение в генерале Сосновском, министре без портфеля и назначенном преемнике президента, под началом которого Второе бюро (позже от него отпочковалось Шестое бюро) занималось созданием Армии Крайовой (АК). Встречный поток настроений отличался благоразумием, реализмом и четкостью цели, эти настроения разделяла Польша нового времени, Польша нижнего среднего класса, рабочих и крестьян, что и порождало надежду на будущее. Однако руководствующаяся этими идеями политическая организация была слаба даже в Польше, еще слабее — в среде эмигрантов. В правительстве она была представлена министерством внутренних дел, возглавлял которое вначале профессор Кот, а с июля 1941 г. — С. Миколайчик (в июне 1943 г. стал премьер-министром), и цель министерства был такова: создать в оккупированной Польше подпольное гражданское правительство, а также подпольную армию, и правительство должно руководить армией.

Прямой стычки этих волевых потоков удалось избежать благодаря посредничеству генерала Сикорского, благородного поляка, который никогда не принимал Пилсудского и режим «полковников» за неотъемлемую часть польского наследия. Для западных союзников генерал был политической подпоркой, их единственной надеждой на порядок и единство в польском лаге-

ре. К тому же авторитет его личности был весьма силен. Вне всякого сомнения, он был «дуайеном» правительств в изгнании, менее надоедливый, чем генерал де Голль, зато бесконечно более влиятельный. Статус генерала Сикорского был ненамного ниже того, каким наделялась «Большая тройка», и в его отношениях с УСО он, вне всякого сомнения, был старшим партнером.

Замысел о создании «тайной армии» появился еще до того, как пала Польша, а в сентябре 1939 г. события развивались слишком стремительно, чтобы можно было подготовиться. До весны 1941 г. южная граница Польши, проходившая по необжитым местам, была относительно доступна с суши, а венгры, в руках которых находились ключи к ней, не без симпатий относились к намерениям поляков. Мало, к сожалению, свидетельств того, сколь далеко продвинулись поляки в тот период. Британцы, в частности MI(R), занимались лишь назначением резидентов в Бухарест, Будапешт, Белград, Сегед и Галац, оказывали помощь при транспортировке снаряжения, поставлявшегося (в ограниченных количествах) из британских источников¹. Как представляется, тогда же было положено начало планированию связи по радио, хотя неизвестно, когда первая из них начала действовать.

Когда польское правительство в июне 1940 г. перебралось в Англию², сразу же возник вопрос о воздушных операциях: первое упоминание о них появляется в Записке главы военной миссии № 4 от 7 августа³, и с этой даты обсуждение темы не прекращалось до конца войны⁴. Первый полет состоялся (после многих проволочек) 15 февраля 1941 г. — это была первая воздушная операция УСО в Европе. Сразу стало ясно, с какими исключительными трудностями сопряжено это предприятие. Операция постоянно откладывалась из-за погодных условий. Единственным подходящим самолетом оказался почтенный «уитли», наспех приспособленный для выброски парашютистов и

¹ См. перечень снаряжения в «Польской истории», с. 14. См. также отчет майора Уилкинсона об организации на Балканах, датированный 16 марта 1940 г. (Приложение «D» к «Польской истории»).

² Майор Уилкинсон из военной миссии № 4 находился при генерале Сикорском до его бегства из Франции («Польская история», с. 13).

³ «Польская история», с. 15.

⁴ На с. 24 «Польской истории» приводится список писем (неполный), которыми обменивались по этому поводу на «высшем уровне» между 1940 и 1944 гг.

оборудованный особыми баками для дальних полетов; крейсерская скорость его не превышала, наверное, 120 миль в час, а весь полет занял одиннадцать с половиной часов. Выброска с парашютом трех польских офицеров прошла успешно (а с ними — около 800 фунтов снаряжения), однако приземлились они в тридцати милях от намеченного места. Люди сумели добраться до места встречи, а вот все снаряжение пропало.

Вряд ли стоит удивляться, что министерство авиации отказалось от очередных попыток: подходящего самолета больше отыскать не могли, а из-за непродолжительности летних ночей решили вообще отказаться от этих операций. Последующие шесть месяцев поляки только и делали, что «лоббировали», где могли, вопрос о поставках, чтобы наладить дело к зиме 1941/42 г. Для этого требовался четырехмоторный самолет, а в 1941 г. тяжелыми бомбардировщиками министерство авиации особенно дорожило. Поляки настоятельно требовали, чтобы летали на «галифаксах» или «либерейторах», которые обслуживались бы польскими экипажами и выделялись исключительно для польских операций. И вот показатель их политической силы: они вскоре получили три «галифакса»; для полетов на них стали готовить польские экипажи. УСО для своих целей (например, для воздушного сообщения со Стокгольмом или полетов в Югославию) заполучить столько машин никогда не удавалось. Однако относительно спецрейсов под полным польским контролем позиция министерства авиации была твердой¹: погодные условия таковы, что полеты можно совершать всего несколько раз за зиму, «галифаксы» же слишком дороги, чтобы держать их для подобных «грошовых посылок», а потому и самолеты, и их польские экипажи должны использоваться, когда потребуются, и для операций «особого назначения» в других частях Европы. Таково было требование оперативной обстановки, и тут не могло быть никаких уступок.

Оснащенные таким образом, поляки зимой 1941/42 г. с успехом провели восемь вылетов, потеряв один самолет, который вынудили к посадке в Швеции. Сорок пять человек и около двух с половиной тонн грузов были доставлены по воздуху: не много, если соотносить с потребностями, но по крайней мере вполне достаточно для начала. Судьба этих людей и деятельность их организации остались неизвестными для УСО, если не считать догадок и намеков. Единственная крупная разработка

¹ Эта точка зрения отчетливо выражена и в письме сэра Арчибальда Синклера м-ру Дальтону от 27 января 1941 г. («Польская история», с. 16).

предусматривала вывод из строя немецких коммуникаций в Южной Польше накануне наступления в 1942 г., план направили в Комитет обороны, где его одобрили, однако по неизвестным причинам проект не был осуществлен¹. Больше сообщить нечего, разве что о некоторых планах поляков и время от времени поступавших докладов о диверсиях: по донесениям 1941 и 1942 гг., повреждено 2600 паровозов, 75 составов пущено под откос, уничтожено 8 мостов, убито около 700 немцев. Что-то реальное за этими цифрами было: поляки, конечно, боролись с оккупантами, но никаких документальных свидетельств не поступало.

Помимо постоянных запросов о самолетах — УСО скорее поддерживало поляков, чем выступало в качестве попечителя, — были и другие существенные требования, например, о выделении ресурсов УСО для поддержки «тайной армии». Снаряжение, конечно, поставлялось. Учебной подготовкой с самого начала ведали польские инструкторы, зато всем необходимым снабжало УСО.

Поначалу поляки проходили подготовку в первых военнизированных школах УСО на Лох-Айлорт в Уестер-Росс, однако в 1944 г. были созданы отдельные польские школы, и в конце концов получилась такая учебная схема:

СБП 43	Одли-Энд, Сафрон Уолден	Предварительная и военнизированная подготовка
СБП 46	Чичели-холл, возле Блечли	

Польская радиошкола в Полмонте

База 18	Фрогмор-Фарм, Херц	«Базы содержания», где прошедшие полную подготовку агенты находились в ожидании операций
База 19	Гарднерс-Энд, Стивенэйдж	
База 20А	Чалфон Сент-Джилз,	
База 20В	Баккс	

И для радиошколы, и для этих баз административный персонал предоставили британцы (общая численность — около 150 человек).

¹ DO(42)29 и DO(42) 9-е заседание, протокол 1 от 26 марта. Некоторые документы есть в Архиве УСО в папке «М/поляки и чехи/1».

Вдобавок в Стэнморе содержалось «Польское опытное производство военного радиооборудования» — это было действующее предприятие со штатом около семидесяти человек, в основном поляков. УСО всегда открыто признавало, что поляки опережали нас в проектировании миниатюрных передатчиков для нелегальной работы. Впоследствии мы, возможно, их обошли, получив в свое распоряжение более основательные ресурсы, однако специалисты очень высоко ценят вклад польских профессионалов в это дело.

До сих пор работа Польского отдела УСО нами рассматривалась в связи с Шестым бюро польского генерального штаба. Существовал и еще один отдел (ЕВ/П — «Европейские поляки»), сотрудничавший примерно на таких же договоренностях с одним из отделов польского министерства внутренних дел. Он имел отношение как к деятельности министерства внутренних дел по содержанию тайной гражданской администрации в Польше, так и к объединению и использованию польских общин в других странах, в районах германской оккупации и вне их. Существуют планы действий в этом направлении, относящиеся еще к 1940 г., а отдел ЕВ/П начал работать в декабре того же года. Однако главные его цели зависели от выделения в июне 1941 г. особого кредита в 600 000 ф. ст. — «на подрывную работу польских организаций в странах, иных чем США». УСО поручили контролировать выплаты полякам из этого фонда после разъяснения их планов и запросов¹.

Как представляется, до июля 1945 г. из этого источника было выплачено всего 550 000 ф. ст., хотя первоначально выделенная сумма в 600 000 ф. ст. должна была пойти на покрытие расходов только в течение первого года². Правда, вскоре УСО стало жаловаться на «академический» и инертный характер работы, которая велась среди поляков за пределами Польши. Под нажимом Управления уже третье польское ведомство — министерство национальной обороны во главе с генералом Кукелем — к концу 1942 г. начало активизироваться³. Это, однако, только ухудшило

¹ См. послания м-ра Дальтона генералу Сикорскому 24 июня 1941 г. и генерала Сикорского м-ру Дальтону 5 июля («История ЕВ/П», раздел I, Приложение «А»). Там же есть ссылка на Записку, врученную генералом Сикорским м-ру Черчиллю 20 мая, и на письмо от м-ра Черчилля, датированное 15 июня, с согласием на предложения генерала.

² См. Записку полковника авиации Веннера, приложенную к «Истории ЕВ/П».

³ См. Записку, датированную 30 декабря 1942 г., и связанную с ней переписку («История ЕВ/П», раздел I, Приложение «С»).

дело. Полковник Хейзелл, долгое время возглавлявший отдел ЕВ/П, резюмировал: «В течение длительного времени положение было таково, что этот отдел УСО был единственным связующим звеном между двумя данными польскими ведомствами — невероятная, но типично польская ситуация»¹.

В такой атмосфере многого ожидать не приходилось. Деятельность министерства внутренних дел в Польше оставалась скрытой, возможно, это и помогало полякам поддерживать моральный дух, а также являлось политическим противовесом военной клике, зато мало или вообще ничего не делалось для активизации действий против немцев. По мнению УСО, то, чего удалось достичь в других странах — Бельгии, Скандинавии, на Балканах, Ближнем Востоке, в Южной Америке, на Дальнем Востоке, — радовало не больше. Вполне понятно, что УСО беспокоило стремление поляков создавать широкую сеть прилично оплачиваемых контор, сотрудники которых вели войну чаще друг с другом, нежели с общим врагом. По самой мягкой оценке, вся эта суэта не способствовала укреплению польского национального самосознания и не помогла противостоять попыткам немцев навязать сотрудничество.

Примерно такое же положение сложилось во Франции, где в шахтерских районах вокруг Лилля компактно проживало польское население, численность которого около полумиллиона человек, включая демобилизованных солдат. Понятно, это был тот самый «материал», на основе которого могли создаваться диверсионные звенья на территории, имевшей огромное военно-промышленное значение. И позднее этому уделялось большое внимание. В данный же период можно говорить лишь о начинаниях. Еще в конце января 1941 г. некто Битнер, который после изгнания немцев стал польским генеральным консулом в Лилле, был доставлен сюда по морю для установления связи с местным руководством, а 2 сентября лейтенант Теодор Джерзговский («Арбитр») был сброшен с парашютом (после семи неудачных попыток). По поручению польского генерального штаба ему предстояло изучить обстановку, а также помочь активизации деятельности местной организации. С собой он имел полтора миллиона французских франков (видимо, 5000 ф. ст.). Джерзговский был смел, но беспринципен, и добился он немногого, если не считать «громкого дела»: бурной ссоры с министерством внутренних дел и со Вторым бюро генерального штаба. В конце концов его спешно вывезли в апреле

¹ «История ЕВ/П», раздел I, с. 4.

1942 г. «Звено» было создано, оно получило снаряжение и провело ряд операций, и со временем оно стало ядром будущей организации¹.

Естественно, эта параллельная польская организация имела свою небольшую исследовательскую базу, опекаемую УСО, в Милл-Хилл², у нее были собственные базы учебной подготовки и содержания: основная школа в Фиртхэмpton-хауз, Тьюксбери, была открыта в феврале 1942 г., и три базы ожидания³. Управлялись они, как и польские школы Шестого бюро, администрацией УСО, но под польским контролем за учебной подготовкой; разумеется, содержание их оплачивалось из кредита в 600 000 ф. ст. (и превышало его).

Как станет очевидно, подводить итоги пока было нечему: невозможно составить балансовый отчет, поскольку УСО знало только о задолженностях и лишь смутно представляло себе, каковы польские активы. Задолженности были велики: на том этапе Польша поглощала больше времени, денег и усилий, чем любая другая страна, за исключением Франции, и, если бы не география, генерал Сикорский стал бы куда более настойчивым просителем, чем генерал де Голль. Единственным неоспоримым фактом являлось существование польского движения Сопротивления. Никто, правда, не мог сказать, какова его значимость в военном смысле, зато по крайней мере в нем не произошло ни одного крупного провала — пока.

2. Чехословакия

Как и поляки, чехи (о словаках мы не будем здесь говорить) имели давнюю заговорщицкую традицию. Чешский национализм сыграл важную роль в развале Австрийской империи, он породил, возможно, самое успешное тайное движение в войне 1914 года. Престиж Масарика-старшего и Бенеша* как руководителей сил Сопротивления был очень высок. Однако у чешской

¹ Информация взята главным образом из «Истории ЕВ/П», раздел II, Приложение «А».

² «История ЕВ/П», раздел V, часть 4.

³ Инчмери-хауз, около Саутгемптона; Уарнэм-Корт, около Хоршэма; Чудлей, Сассекс.

* [Э. Бенеш, 1884—1948 гг., президент Чехословакии в 1935—1938, 1945—1948 гг., а также глава правительства в изгнании в 1941—1945 гг.]

традиции с польской было мало общего: чехи давным-давно позабыли про Богемскую империю и сознательно демонстрировали себя малой державой, решительной, но осторожной, они выбрали для себя единственную линию — сохранение чешской нации. Уничтожить чехов силой было легко, а освобождения они не смогли бы добиться, упоая лишь на собственные силы. Однако традицию Сопrotивления следовало блюсти, и все же правы были те, кто считал, что на пути борьбы не стоит заходить слишком далеко. География была здесь не последним аргументом: Богемия с Моравией — территории маленькие, и там не было возможности организовать регулярное партизанское движение.

Официальным лицом, ответственным за организацию движения Сопrotивления, был полковник Моравец, глава чешской разведывательной службы. [ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.] Крупные промышленные центры Богемии и Моравии почти не пострадали от бомбардировок, и было естественно надеяться, что вывод из строя важных немецких ресурсов силами УСО в нужный момент воодушевит враждебно настроенных к оккупантам чехов. Однако на деле трудности оказались слишком велики: места эти были настолько значимы для Германии, что открытую подрывную кампанию тут же подавили бы карательными мерами — массовыми казнями и депортациями. Разумно полагать, что сдержанность полковника Моравца в отношении УСО целиком разделял президент Бенеш, который, как известно, умел чувствовать колебания общественного мнения среди чехов на родине, а чешское общественное мнение не забыло ни лорда Рансимана*, ни Мюнхен.

Чехи в период между Мюнхеном и началом войны, естественно, заранее приняли меры для создания послеоккупационной агентурной сети, однако вся подготовка пошла насмарку из-за непродуманного выступления сил Сопrotивления в сентябре 1939 г. (возможно, спровоцированного немцами), что привело к тяжелым последствиям, особенно затронувшим интеллектуалов и университеты — рассадники чешского национализма с давних времен. Как представляется, отношение к существовавшей сети было весьма предвзятым, и когда чехи попадали в Англию, то вели себя доволь-

* [У. Рансиман, 1899—1949 гг., член парламента в 1899—1937 гг., виконт с 1937 г., направлялся с миссией к чехам, дабы склонить их к уступкам немцам в 1938 г.; в НБС.]

но изворотливо, используя УСО для помощи в установлении новых связей, но не желая быть слишком вовлеченными в планы УСО. Ключевые позиции они держали в своих руках. Им разрешили пользоваться собственными шифрами, вести работу на собственных радиостанциях, свободных от всяческой цензуры до принятия в 1944 г. предосторожностей перед днем «Д». Агентами становились люди, ими отобранные, и последние указания этим агентам давали тоже чехи. УСО, следовательно, могло лишь советовать: у Управления не было права контролировать, как выполняются даже согласованные планы.

Первую операцию провели в апреле 1941 г., когда всего один человек был десантирован возле Праги для установления новых связей с организациями на родине. Затем операции прервали из-за коротких летних ночей, и УСО воспользовалось этим временем, чтобы заняться подготовкой диверсионных групп по тому же плану, что и в других странах. Некоторое количество надежных людей начали готовить, и был принят тщательно продуманный план на зиму 1941/42 г. Условия для воздушных операций над Богемией были почти всегда трудными, потребовалось тринадцать попыток для проведения пяти удачных операций между декабрем и апрелем. Наиважнейшей из них была доставка 28 декабря двух сержантов, Кубиса и Габчика, — их долго готовили для покушения на Гейдриха, близкого подручного Гимлера, в то время протектора Богемии и Моравии. Возмездие настигло «эсэсовца номер два» 27 мая 1942 г.

Операцию «Антропид», как она называлась, задумали и спланировали по указанию самого президента Бенеша, и она, несомненно, стала важнейшим событием в деятельности чешского движения Сопротивления — до восстания в 1945 г. Более убедительного факта, свидетельствующего о борьбе чехов против оккупантов, в то время не было. Однако и цена оказалась крайне высокой: немцы предприняли жесткие карательные меры и действовали с размахом: агентурная сеть, которая долго и тщательно создавалась с осени 1939 г., была уничтожена. Немецкие акции были подготовлены еще при самом Гейдрихе, их могли пустить в ход в любой момент, даже без явных акций неповиновения, и все же споры о правоте или неправоте решения Бенеша остаются предметом дискуссий как для чешских историков, так и для общественности.

Для УСО происшедшее оказалось катастрофой. Кубис и Габчик укрылись в пражской церкви Св. Боромеуса, где собрались почти все остальные агенты, и одиннадцать из них были там

арестованы¹. По-видимому, всего один человек (известен как «Серебро А») остался на свободе, а его радиопередатчик перестал работать во второй половине июня 1942 г. Человек этот тоже остался в чешской истории: немцы гнались за ним до деревни Лидице (или Лежаки), и ему удалось уйти от преследователей при помощи жителей. Нет необходимости напоминать о судьбе Лидице: для мира она стала символом борьбы и стойкости чешского народа, а для чехов — великой трагедией и вечным памятником жителям деревни, уничтоженной оккупантами.

Тяжесть потерь, наверное, с трудом осознавалась в то время, и лето 1942 г., как и лето 1941 г., ушло на переговоры с чехами — надо было готовиться к новым действиям предстоящей зимой. Генерал Ингр и генеральный штаб заинтересованно обсуждали планы возрождения чешской армии, и в этом направлении наметилось более тесное сотрудничество, что было на руку полковнику Моравцу. Первые результаты этого проявились в создании Англо-чешского комитета по планированию, который впервые собрался 23 сентября 1942 г. под председательством бригадного генерала Габбинса². На Комитет работала специальная комиссия, где встречались и обменивались мнениями подполковник Уилкинсон и полковник Моравец со своими сотрудниками. Контроль УСО, таким образом, до некоторой степени расширился, однако чехи по-прежнему сохраняли за собой все ключевые позиции. Радиостанция была у них. Агенты (в отличие от поляков) проходили через обычные школы УСО, за исключением последней «базы ожидания», где собирали тех, кто направлялся на операции³, но отбором занимались люди Моравца, и окончательные инструкции получали тоже от них. Действовали эти агенты ради собственного правительства, а не ради УСО. Чехи, так же как и УСО, жаждали вновь наладить радиосвязь со своей страной, но к тому времени они уже достаточно четко представляли всю опасность, которая их ожидала. Значит, если необходимо было провести какую-либо диверсию, то она должна быть такой, чтобы «не оставлять следов»⁴.

¹ Два агента, Курда и Герик, переброшенные в Чехословакию в июне 1942 г., были казнены после освобождения за предательство группы («Таймс», 30 апреля, 1947 г.).

² См. папку 11/470/1 Архива УСО. Лорд Селборн дал обед в честь президента Бенеша 24 сентября — сведения в AD/S.1, папка 59.

³ Вначале возле Доркинга, позже в Ардли, возле Стивенэйджа.

⁴ У чехов, как и у поляков, была небольшая диверсионно-исследовательская база в Южном Кенсингтоне. Руководил ею д-р Малачта, а занималась она в основном изготовлением самодельных взрывчатых веществ, взрывателей замедленного действия и тому подобными вещами.

ГЛАВА XIV

ДРУГАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

До сих пор мы вели речь о том, что происходило в оккупированных странах Европы до конца лета 1942 г. Работа на территории вражеских стран — Германии и Италии — была связана с такими трудностями, и на том этапе сделать удалось настолько мало, что пока об этом не будем говорить. Эти военные страницы перелистаем позже. Происходили, однако, и в других местах события вроде бы не очень значительные, зато нацеленные на будущее.

Достойна упоминания операция «Кларибел», ее цель — прикрыть деятельность УСО, направленную на срыв и оттяжку немецкого вторжения в Англию¹. По тому, что сказано ранее, можно судить, сколь немногого можно было достичь, и все же зимой 1940/41 г. много сил ушло на эту затею, занявшую довольно существенное место в планах деятельности УСО в Западной Европе. Ни одна часть этого проекта не была осуществлена, и интересен он лишь тем, что это была первая попытка УСО увязать подрывную деятельность с общим военным планом.

Зимой 1940/41 г. очевидной альтернативой вторжению являлся удар Гитлера на юго-западе: поглотить французские владения в Северной Африке, сокрушить Испанию с Португалией, запереть Средиземное море и господствовать в Южной Атлантике с дакарского «выступа» Западной Африки. Оттуда, как представлялось, всего шаг к немецким и итальянским восстаниям в Южной Америке, воздействовать на которые США бы не смогли. Очевидна роль УСО, пытавшегося предпринять все возможное для противодействия такому развитию событий².

1. Пиренейский полуостров и Северная Африка³

Французскую Северную Африку и Западную Африку США стали рассматривать как зону своих интересов с того самого дня в марте 1941 г., когда м-р Мерфи прибыл в Алжир в качестве

¹ COS(41)9-е заседание 31 марта, а также «Краткое содержание проекта».

² Полученные позже сведения о том, что произошло в ту зиму между испанцами и немцами, опубликованы в двух статьях в «Манчестер гардиан», от 17 и 18 августа 1948 г.

³ См. «Пиренейскую историю».

генерального консула. Однако резидентуры УСО были созданы в Мадриде еще в феврале 1941 г. (под попечительством военно-морского атташе), в Лиссабоне — в январе 1941 г., в Гибралтаре — в феврале 1941 г. и в Танжере — в июле 1941 г. Кое-что уже было сказано о деятельности этих резидентур на территориях других стран, положение же на местах было более трудным. Долг УСО (как там считали) состоял в том, чтобы по крайней мере *хоть кто-то* из испанцев и португальцев оказал сопротивление в случае вторжения, и в Управлении были уверены, что (при наличии денег и энергичных усилий) добиться этого довольно легко. С другой стороны, послы сэр Сэмюэль Хор и сэр Рональд Кэмпбелл недвусмысленно заявляли, что подобная попытка УСО непременно приведет к тому, что ни испанское, ни португальское правительство сопротивления не окажут, — более того, они будут рады немецкому вторжению, если альтернативой ему станут британские интриги с местной оппозицией. И у той, и у другой стороны имелись свои резоны, и они истово отстаивали свои позиции на месте и в Лондоне.

«Испанская история» содержит множество примеров срыва подобных планов. УСО в Лондоне обязано было выстраивать свои планы задолго до того, как выяснилось бы, потребуются ли они: откладывать — значило попросту халатно исполнять свои обязанности. Один из планов («Relator» — «Информатор») был связан с подготовкой группы британских офицеров («Сорок разбойников») для оперативной деятельности в Испании; это были небольшие диверсионные или партизанские группы, которые должны были действовать в случае немецкого вторжения. Двадцать человек были обучены и к апрелю 1941 г. уже переправлены в Гибралтар. Подобные меры предприняли для вербовки и обучения отряда испанских республиканцев («Блокгауз» и «Разбрызгиватель»), в основном людей лихих, взятых из французского Иностранного легиона. И они тоже в начале 1941 г. пребывали в готовности. Вместе с тем было ясно, что привести в действие ни один из этих планов нельзя до немецкого вторжения, трудно было даже вести предварительную подготовку к тому, чтобы их приняли в Испании. Сэр Сэмюэль Хор (очень пристойно) настаивал, чтобы его информировали обо всех действиях УСО и чтобы никаких связей не поддерживалось с группами «красных» (даже самыми слабыми), которых могли заподозрить в оппозиционности режиму Франко. Это сужало поле деятельности до «правой» оппозиции, национал-

монархических «традиционалистов» из Наварры — их никто не мог заподозрить в коммунистических симпатиях, и они, как полагали, воспротивятся немецкому вторжению из патриотических побуждений.

Но и тут невозможно было предпринять что-либо существенное до того, как наступит кризисная ситуация: финансовую поддержку оказывать было довольно просто, зато до 1942 г. посол запрещал переправлять в Испанию радиопередатчики и устраивать опасные «тайные склады», даже если они будут надежно законспирированы. Но и когда запрет был снят, все равно любой англичанин не мог свободно передвигаться без ведома полиции Франко. С наступлением 1942 г. началось обучение радиоделу через польского агента, однако он оказался ненадежным, и пришлось его спешно отзывать. В июле 1942 г. последовала новая попытка, на сей раз с британским майором А.К. Холландом¹, который почти восемь месяцев жил в Испании под прикрытием и обеспечивал радиосвязь с Гибралтаром. К сожалению, в Наварре он обучил всего одного радиста (священника) и констатировал бездеятельность и небезопасность агентурной сети. Неудивительно, что в мае 1943 г. она была обнаружена полицией. К тому времени уже мало значило, что подумает о нас Франко, а посол был готов встать на защиту УСО. Прежний резидент Управления м-р Бабингтон-Смит уехал в августе того же года, но на смену ему в сентябре прибыл м-р Г.Ф.Дж. Моррис.

Разумеется, не из одних только неудач состояла работа УСО в Испании. Основу ее составляло поддержание нелегальных связей с Францией, что было для УСО гораздо важнее наращивания диверсий на Пиренейском полуострове. Имелись еще и многочисленные мелочи, вполне полезные для дела. [ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.]

В Лиссабоне положение, наверное, должно бы быть лучше — Португалия, в конце концов, наш давний и преданный союзник, а д-р Салазар* — диктатор иного разлива, нежели Франко. Но и он вовсе не стремился к тому, чтобы иностранные агенты пестовали внутреннюю оппозицию, даже если у них были благие намерения. И в Лиссабоне немецкие разведслужбы были так же сильны, как и

¹ См. Приложение «В» к «Пиренейской истории».

* [А. де О. Салазар, 1889—1970 гг., диктатор Португалии в 1938—1968 гг.]

в Мадриде. [СТРАНИЦА ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.]

Главная задача УСО в Португалии состояла в подготовке взрывов и организации послеоккупационного сопротивления в случае немецкого вторжения. Это могло обернуться не столько военной акцией, сколько политическим обязательством, однако подготовительные меры составляли часть общего стратегического плана и должны были выполняться. Связи по крайней мере устанавливать было легче, чем в Испании: самостоятельные организации были созданы на севере, с базой в Опорто, где у УСО был британский резидент, и в Лиссабоне, а также на юге, где имелись предпосылки для сотрудничества с некоторыми активистами «Национального союза», официальной партии режима. Попыток ввозить взрывчатку и оружие не делалось (их можно было доставить по морю в последний момент), зато в июле 1941 г. для обучения радиоделу прибыл человек весьма примечательный, майор авиации Мэллори, англичанин, служивший в Иностранном легионе. Мэллори был радиотехником и человеком неумным, в секретной службе его звали «человеком-бомбой» (он, кстати, был летописцем и оставил очень живые воспоминания о своей миссии)¹. Примерно за шесть недель (под предлогом «ожидания разрешения на следование воздушным путем») он сумел установить радиопередатчик в лиссабонском посольстве и обучить радистов для двух «звеньев» УСО, а также для «Национального союза».

К сожалению, такое хорошее начало зимой 1941/42 г. было оборвано немцами, которые осуществили эту акцию через португальскую политическую полицию. В январе — феврале 1942 г. вся эта история сделалась достоянием гласности, и ярость д-ра Салазара ничуть не уняло то, что уже велись тайные штабные переговоры между Португалией и союзниками. Посол, возможно, избрал слабую линию поведения: не получив санкции министерства иностранных дел, он все признал, впутав в дело майора Бивора, и некоторое время в отношениях сохранялась крайняя напряженность. Однако в конце концов д-р Салазар позволил себя убедить, что операции УСО направлены только против Германии, а не против режима и что они значительно менее опасны, чем действия немцев, уже совершенные при попустительстве португальской полиции. Резидентуре УСО позволили остаться, в то время как честь португальцев спас «добровольный» отъезд

¹ Приложение «С» к «Пиренейской истории».

майора Бивора в июне 1942 г. На том практически прекратилась деятельность УСО в самой Португалии, поскольку стратегический кризис, питавший ее, заканчивался. Однако Лиссабон оставался важным центром связей, в которые были вовлечены почти все страны Европы.

Из Лиссабона майор авиации Мэллори направился в Танжер, захватив с собой радиста, которому предстояло там работать. Даже после того как испанцы в ноябре 1940 г. захватили Международную зону, Танжер продолжал оставаться чем-то вроде дипломатической ничейной земли и УСО могло заниматься там более активной деятельностью, чем в Испании и Португалии. Первоначально резидентура частично была нацелена на работу во Французской Северной Африке и установила разные линии связи через границу, однако американцы здесь утвердились значительно лучше нас, поскольку в их распоряжении имелись консулы с полными мешками (в том числе дипломатической почты) средств и возможностей, а потому, когда в конце 1941 г. стало действовать УСС¹, поле для игры было предоставлено им.

В Танжере и Испанском Марокко различные арабские вожди страстно желали получить деньги и оружие, чтобы (возможно) оказать сопротивление немецкому вторжению. Вдобавок к испанским «красным» легче было подступиться в Северной Африке, чем у них на родине, так что было из кого создавать диверсионные группы, не опасаясь серьезных дипломатических осложнений.

Единственным засвидетельствованным успехом этих групп было нападение² в январе 1942 г. на секретную немецкую радиостанцию — она располагалась в одном из домов Танжера и передавала сведения о судоходстве на немецкие подводные лодки. Дом был аккуратно взорван, никаких серьезных последствий это не вызвало. Однако немцы отнюдь не собирались спускать подобное или закрывать на эти акции глаза. В феврале 1942 г. испанцы арестовали резидента УСО в Гибралтаре и польский экипаж, переправлявшийся на рыбацкой лодке и находящийся за пределами территориальных вод Испанского Марокко. Они

¹ Полковник Эдди был назначен УСС в Танжер в декабре 1941 г. (первый пост Управления стратегических служб США в Европе), в начале 1942 г. представитель УСС м-р Рейчл прибыл в Гибралтар, а в марте 1942 г. в Лиссабон был направлен полковник Солберг.

² Операция «Falaise» («Утес»), Приложение «С» к «Пиренейской истории».

собирались высадиться и совершить налет на каучуковый склад, но в том не признались, а потому генеральный консул Его Величества получил возможность взять высокий тон, говоря о нарушении испанской стороной международного права. В результате вскоре задержанные были освобождены. [ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.]

Из Танжера майор авиации Мэллори перебрался на Гибралтар, и установленная им там на скале радиостанция начала работать. Наверное, это был самый важный вклад УСО, сказавшийся на военной обстановке в Северной Африке: через эту радиостанцию шел обмен сообщениями по каналам нелегальной связи в преддверии операции «Факел», как и оперативными сообщениями в первые дни операции в Алжире. Все остальные средства связи были выведены из строя. Рассказ Мэллори о сооружении радиостанции — это классический образец действия «системы D», в его случае — превосходная смесь французских и британских военных «хитростей»¹.

2. Западная Африка и Мадагаскар

После провала Дакарской экспедиции генерала де Голля в сентябре 1940 г. Западная Африка оказалась в подвешенном состоянии. Часть ее примкнула к «Свободной Франции», часть твердо удерживали представители Виши — люди, наделенные определенной решимостью. В то время какие-либо военные операции исключались совершенно, однако район имел важное стратегическое значение и представлял собой широкое поле для подрывных акций, направленных либо на то, чтобы прельстить, либо на то, чтобы выдворить представителей французской власти. Глава резидентуры УСО м-р Луи Франк отправился из Англии в Лагос еще 6 декабря 1940 г. (один из первых филиалов УСО за границей). В то время УСО и УПВ все еще составляли единое целое, так что задание м-ра Франка касалось и пропаганды, и подрывной деятельности, более того — ему поручили и секретную разведывательную работу, поскольку СИС до той поры в Западной Африке никакой сети не наладила. Резидентура, таким образом, стала экспериментальной «совмещающей» организацией секретных служб, многочисленные разговоры о которой

¹ Приложение «D» к «Пиренейской истории».

велись на всех уровнях, от самого верха (Центр) и до низов. Жаль, что ее так и не использовали в более активных операциях.

Почти сразу же выяснилось, что французские колонии не единственная опасность в Западной Африке: широкий простор для вражеской деятельности был открыт в испанских и португальских колониях. И этому следовало противостоять. Так, летом 1941 г. резидентуру разделили на две: во Французской Западной Африке (Фразапад), под командой подполковника Р.Э.Л. Уингейта*, и в нейтральных колониях (Нейкол), под командой Франка.

Фразападу постоянно мешали соображения высокой политики. Она создала превосходную разведывательную сеть, используя местных наблюдателей, проводила предприимчивые пропагандистские кампании, в том числе задействовала кустарную передающую станцию в Батерсте¹. Фразападу позволялось даже иногда досаждать по мелочам Дакару, подбивая местных жителей переходить границу и поощряя запрещенную торговлю. Однако «бах-бахи» были строго запрещены: как мы уже знаем, министерство иностранных дел было готово поступиться свободой действий ради акции против судоходства Виши, однако заместитель командующего по Западной Африке настоятельно требовал, чтобы на его территории не осуществлялось никаких акций, которые могли бы стать предлогом для нападения Виши. Собственные военные ресурсы были ему известны, и он, вне всякого сомнения, был прав. Зато Фразападу то и дело приходилось страдать из-за несбывшихся планов, пока все это не закончилось 23 ноября 1942 г. — заблудший г-н Буассон преподнес Дакар союзникам.

У Нейкола было меньше простора для обширных планов, зато куда больше свободы действий на местах, и ему УСО обязано двумя своими удачами. Одной из них стал подкуп капитана судна «Газкон», принадлежащего Виши и замеченного в Лобито-Бэй (Португальская Западная Африка), когда оно прорывало блокаду с Мадагаскара. В июле 1941 г. в Лобито-Бэй проник агент УСО под надежной «крышей» — этих людей официально поддерживали португальский министр колоний и губернатор колонии, дав разрешение на создание крупного производства

* [Сэр Р.Э.Л. Уингейт, 1889—1978 гг., сын патрона Лоуренса, 2-й баронет с 1920 г.; см. его книгу «Не на виду» (1959).]

¹ Полномасштабный радиопередающий узел в конце концов создало УПВ, и он начал вещать как независимая станция в декабре 1942 г. Но было слишком поздно, и радиостанция так никогда и не использовалась по назначению.

касторового семени. Остальное проделали довольно откровенно: за куш в 10 000 ф. ст. капитан тайно вывел судно в море, где его за границей территориальных вод встретил корабль Его Величества «Альбатрос». Как полагают, груз на судне стоил около 300 000 ф. ст., да и само судно, ставшее весомой прибавкой к общему тоннажу союзников, стоило еще по меньшей мере 100 000 ф. ст.

Операция «Почтмейстер» — другая удача — была направлена против 7000-тонного итальянского лайнера «Герцогиня д'Аоста», который стоял, освещенный со всех сторон, в гавани испанского острова Фернандо По. Операция потребовала щедрых трат на берегу, и потому в назначенный час команды покинули свои суда, а все огни в гавани оказались погашены. Два малых судна прошли вдоль побережья около 400 миль от Лагоса, имея на борту группу из тридцати четырех англичан. Семнадцать из них были сотрудниками УСО (в том числе и группа, которая привела «Девичью честь» из Англии), остальные — уважаемыми нигерийскими служащими, добровольно согласившимися участвовать в экспедиции. Не было никаких заминок. Огни погасли, как только появились английские суда. Немногочисленные вражеские группы, оставленные на лайнере, были взяты врасплох и заперты. Под покровом темноты экспедиция удалилась с ценной добычей из трех судов. Затем в открытом море всю эскадру показушно «взял в плен» корвет Его Величества «Вайолет». Довольно любопытно, что никаких дипломатических осложнений не случилось, хотя дело было в январе 1942 г. и отношения с Франко оставались напряженными.

Эти две группы реализовали никак не меньше 1 000 000 ф. ст. при очень малых издержках, что стало для УСО поводом для гордости. Удачи эти почти всецело являлись заслугой Перси Майера, натурализовавшегося француза британского происхождения, и результатом блестящей работы его жены. В начале 1941 г. Майер пробрался с Мадагаскара в Южную Африку с намерением предложить свои услуги союзникам. В марте он вернулся в Тананариве, захватив с собой радиопередатчик, который установили в фальшивом потолке над ванной комнатой в доме Майеров. Весь следующий год велась превосходная разведывательная работа, сообщения передавались благодаря мастерству мадам Майер как радиста. Благодаря одному из посланных ею сообщений 2 ноября 1941 г. ВМФ захватил пять судов, пытавшихся прорвать блокаду.

Это, однако, касалось только разведывательной работы. Помимо этого, УСО занималось и пропагандой, начав в январе 1942 г. передачи «Свободного Мадагаскара» с правительственной радиостанции на Маврикии¹. Боевые действия стали возможны, когда в начале 1942 г. запланировали операцию «Броненосец» для захвата острова Диего-Суареш, чтобы помешать японцам пользоваться его укрепленной гаванью. К этому времени УСО создало небольшую резидентуру в Южной Африке, в основном для работы на Мадагаскаре, хотя она отвечала и за работу в Португальской Восточной Африке². Торговая шхуна резидентуры «Линди» 31 марта сумела выгрузить на берег оружие и снаряжение для Майера, а 25 апреля сам Майер отправился в район Диего-Суареш — для сбора военной разведывательной информации. Здесь, к сожалению, произошла неувязка: «Линди» должна была вновь прийти и доставить ему радиопередатчик, однако рейс не удался, и Майер не смог передавать сообщения из района сражения. В ночь на 5 мая 1942 г., накануне начала операции, ему удалось перерезать телефонный кабель между Диего-Суареш и батареей, которая господствовала над предназначенными для высадки пляжами в Курриер-Бэй: очень полезная акция, поскольку батарея так и не смогла открыть огонь. Однако утром 5 мая Майер был арестован, у него обнаружили разведывательные сведения в кармане, и только скорый успех операции спас ему жизнь. Случай этот, к сожалению, «засветил» самого деятельного агента УСО на Мадагаскаре. Были тщательно разработаны планы дальнейшей поддержки военных операций на острове, однако нельзя назвать их успешными. Удачей считалось и то, что не случилось беды.

3. Южная Америка

США из этого описания выпадают. Резидентура там была создана под командой сэра Уильяма Стивенсона еще в декабре 1940 г.³, однако то было совместное предприятие, представляв-

¹ «История УПВ» Гарнетта, с. 210.

² Официальные указания ей см. в COS(42)305(0) (исправлено) от 16 октября и COS(42)293-е заседание, пункт 6, от 19 октября.

³ Впервые предложил полковник Дейвис 23 ноября 1940 г. (папка AD/S.1 SC/76 Архива УСО), окончательные договоренности достигнуты с КСС и сэром Уильямом Стивенсоном 24 декабря 1940 г. (документы в

шее УСО, СИС и то, что позднее стало называться УПВ. Из этих трех у УСО был наименьший простор для прямой деятельности в США, и никаких сведений об операциях УСО там нет. Нью-Йоркская резидентура, впрочем, занималась снабжением, набором новобранцев и средствами подготовки, а также поддерживала связи, которые сэр Уильям Стивенсон установил с м-ром Джоном Эдгаром Гувером* (ФБР) и полковником Донованом (УСС), прозванным Диким Биллом.

Работой в Латинской Америке также управляла Британская служба координации безопасности (БКБ) в Нью-Йорке, и до вступления американцев в войну Южная Америка вписывалась в ту же стратегическую картину, что Пиренейский полуостров и Западная Африка¹. Британское коммерческое сообщество до сих пор имеет сильные позиции в большинстве латиноамериканских стран, и тогда довольно легко находились хорошие агенты с идеальным местным прикрытием. Большинство из них проходили подготовку в школе Британской службы координации безопасности в Канаде, однако самое главное их достоинство — знание местных условий и наличие связей. Когда все — операции, разведка и пропаганда — управляется совместно, функции и обязанности переплетаются неразсторжимо и очень трудно вычленишь из рассказа о БКБ то, что относится лишь к УСО. Основные направления и задачи очевидны: вести диверсионную подготовку и организовывать сопротивление в случае немецкого вторжения или государственного переворота, одновременно выявлять немецких агентов и нивелировать их деятельность, поощряя «самопроизвольные» движения в поддержку союзников, целенаправленно воздействовать на тех политических деятелей, которые падки на взятки либо поддаются на шантаж. Эта политика с успехом осуществлялась почти на всем континенте. Самые главные достижения скорее всего носили совокупный характер, о них трудно отчитываться, их трудно оценить. [ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.]

той же папке). Лорд Бэрстед ранее посетил США по просьбе УСО 13 октября и 14 декабря (отчет в той же папке, датированный 28 декабря), а в начале 1941 г. последовал еще один визит — полковника К. Дж. Виккерса (отчет, датированный 26 марта 1941 г., в той же папке).

* [Дж. Э. Гувер, 1895—1972 г., директор ФБР с 1921 г., утверждают, что он знал кое-что неприятное про любого потенциального властителя в Вашингтоне.]

¹ См. часть VI «Американской истории».

Все эти приготовления британцы вели впрок — до Перл-Харбора. На американцев это произвело должное впечатление, однако не склонило к тому, чтобы «оставить поле непаханным» теперь, когда война в какой-то мере развязала им руки. В первые месяцы 1942 г. прежде всего следовало подготовить американскую общественность, просветить ее в отношении опасного влияния держав Оси, как это представлялось нам. И этот урок был с готовностью усвоен¹. Донована и УСС их соперники вытеснили из Западного полушария, однако было немало других американских организаций, которые заполнили брешь, и в 1942 г. специалисты и деньги США хлынули в Южную Америку. Постепенно южноамериканские государства втянулись в войну, и (за исключением Аргентины) возможных заговорщиков арестовали или взяли под наблюдение. К концу 1942 г. Латинская Америка перестала быть территорией, где требовались решительные действия, чтобы сдерживать страны Оси, и в недобрые дни 1941 г. УСО — с его ограниченными ресурсами — удалось внести некоторый вклад в достижение этой цели, употребив свои способности.

4. Общее

Когда читаешь отчеты УСО за первые два года, 1941-й и 1942-й, поражаешься его успехам, достигнутым в той области, о которой говорилось в главе «Другая деятельность». Весьма вероятно (настолько, насколько такие вещи могут быть оценены с финансовой точки зрения), в эти годы УСО было способно «предъявить дивиденд» на свои сравнительно небольшие расходы на неоккупированных и нейтральных территориях. Управление, конечно же, не могло проделать того же со значительно большей долей своих ресурсов, которые направлялись на поддержку движения Сопротивления в оккупированной Европе. Большие возможности имелись там в перспективе, однако ре-

¹ Лорд Селборн особо это подчеркнул, когда встретился с генералом Маршаллом в Лондоне в апреле 1942 г. — папка (AD/S.1) SC/76 Архива УСО. Позже вопрос этот дебатировался на уровне КСС: см. серии переговоров, инициированные британским Комитетом начальников штабов, в CCS108 от 2 сентября 1942 г. [Джордж К. Маршалл, 1880—1959 гг., начальник штаба Сухопутных войск США в 1939—1945 гг., государственный секретарь в 1947—1949 гг.]

ального ущерба пока не было нанесено немцам в описываемый период.

Этот момент стоит особо подчеркнуть. Речь идет не об уровне компетенции разных служб УСО, а о принципиальной разнице осуществления операции на нейтральной территории от тех, что проводились непосредственно под носом у немецкой армии и полиции. За пределами оккупированной территории обычно агент жил под надежным прикрытием, и пока он действовал неприметно, потихоньку, то мог даже создавать агентурную сеть, не вступая при этом в схватку с законными властями, пока его люди не переходили к практическим действиям. На оккупированной территории сложнейшей операцией становилось само внедрение агента, а каждый день существования на свободе становился профессиональным достижением. Внедрить одного агента во Францию значило провести операцию такую же значимую, как, например, захват судна «Газкон».

УСО (и отдел D до него) были, несомненно, неопытны поначалу, однако не их вина, что они слишком поздно были вовлечены в дело и не успели в достаточной мере обучиться тому, как развивать свои структуры в разных странах до того, как рушились военные фронты. Громадным преимуществом в области строительства и учебы обладали в Европе организации Коммунистической партии. Их кадры существовали и были хорошо подготовлены задолго до немецкой оккупации. Партии, правда, сильно мешали ее прошлые политические долги, но она по крайней мере являла собой реальную силу. Задача *вовремя* организоваться является одной из главнейших, и об этом следует помнить, если потребность в УСО когда-либо возникнет вновь.

ГЛАВА XV

ВНУТРЕННЯЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ВНЕШНИЕ ОТНОШЕНИЯ

Конец лета 1942 г. — это рубеж, на котором прерывается рассказ о деятельности Управления в разных странах планеты. Теперь следует поведать собственно о становлении УСО. Время это избрано в качестве рубежа потому, что оно стало поворот-

ным в войне, а также и поворотным в истории этой организации. Несмотря на многие поражения в войне с Уайтхоллом, УСО с самого начала было нацелено осуществлять большую стратегию «разложения», используя все средства для того, чтобы сломать моральный дух немцев и поднять на борьбу с ними все население Европы. В УСО считали подрывную деятельность таким же оружием, как и любое другое, которое позволяет британцам нанести поражение противнику. При полной мобилизации Америки и непредвиденных военных успехах Советского Союза можно было строить свою стратегию независимо от «четвертой руки». У союзников появилась уверенность в победе, которой они могли достичь благодаря превосходству в военной силе, базирующейся только на трех «старомодных» видах вооруженных сил. Диверсии, партизанская война, «тайные армии» по-прежнему использовались, но теперь их роль была несколько второстепенной. Солдаты взяли верх над политиками, и специальные операции становились боевой силой командующего войсками — силой совсем иной, чем связь или артиллерия, но в равной мере подчиняющейся локальным целям сражения.

Именно в таком качестве УСО (или, скорее, его службы, подчиненные различным командующим) проявило себя, внося заметный и неоспоримый вклад в победу над врагом. И как раз тогда, в этот период, появились сомнения, стоили ли военные успехи связанных с ними политических последствий. По иронии (а вместе с тем и по логике) судьбы, как раз тогда, когда союзники показали оккупированным странам, что сила на их стороне, сомневающиеся потянулись к движению Сопротивления и повсюду движение это стало массовым. УСО на этом этапе (а также и министерство иностранных дел, которое в таких делах все нити держало в своих руках) не могло предугадать политические последствия: битва началась, армии сражались, и все политические силы, от кагуляров до коммунистов, необходимо было незамедлительно развернуть в одном направлении — лицом к военной победе.

Итак, серьезные военные результаты появились в подрывной и диверсионной деятельности только тогда, когда баланс военной мощи уже менялся. Однако едва ли этого достаточно, чтобы убедить, будто первоначальный, более политизированный, подход себя не оправдал. Нельзя, разумеется, утверждать, что летом 1942 г. повсюду в Европе существовали организованные боевые силы, получавшие указания из Британии. Никакую такую силу нельзя было бы организовать за то время и на те средства, что были отпущены. Но в каждой из стран УСО сделало

Ближний Восток	
(исключая 444 приданных армейских военнослужащих):	608
Северная и Южная Америка:	100
Дальний Восток и Индия:	203
Другие представительства:	162
	<hr/>
Всего:	3226

Цифры эти, возможно, не совсем верны, но общее представление складывается.

На уровне Центра никаких значительных изменений в организации не произошло¹, однако все службы и отделы разрослись. Ведомству стало тесно в доме 64 по Бейкер-стрит, и оно заняло несколько зданий в том же районе: Майкл-хауз, Норджби-хауз, Беркли-корт и другие. Имелись у него и еще разбросанные по Лондону помещения, там были конспиративные квартиры, где временами жили агенты. Такими, к примеру, были квартиры Норвежского отдела в Чилтерн-корт и квартира отдела R/F — на Дорсет-сквер.

И другие составные части организации в Великобритании соответственно увеличились. Система школ подготовки вполне сформировалась, к ней мы вернемся несколько позже.

Только в июне 1942 г. УСО стало независимо от СИС в организации системы связи, и почти вся работа по ее становлению выходит за рамки этого этапа. Однако основа этой системы уже существовала в Грендоне, около Байсестера, где радиошкола была открыта еще в октябре 1941 г.

Конструкторско-производственные предприятия небольшой мощности были унаследованы и от отдела D, и от MI(R), а в июне 1941 г. профессор Ньюитт из Имперского колледжа был назначен директором по научным разработкам. Совершенствование и производство взрывных устройств и видов оружия, пригодных для подпольной войны, велись в основном на Базе IX (Фрит, Уелуин) и на Базе XII (Астон-хауз, около Стивенэйджа)², однако имелся и филиал, занимавшийся военно-морскими разработками на водохранилище Стейнс. Миниатюрные подводные лодки можно было использовать в операциях по нарушению судоходства в узких заливах и проливах; с этой целью были сконструированы два типа мини-подлодок («Уелман» и «Уелфрейтер»), имевших довольно большой радиус действия. Их предпола-

¹ Схему организации на июль 1942 г. см. в Приложении 5.

² Часть II «Технических историй УСО» посвящена работе этих баз.

лось использовать прежде всего для специальных операций на Дальнем Востоке.

Прочие разработки УСО в значительной степени зависели от специалистов других министерств, имевших специальные знания почти во всех научных областях — от ядов до бактериологического оружия, различного рода устройств и подделок. Особенно много внимания уделялось маскировке во всех ее аспектах. В январе 1942 г. при Музее естественной истории (Южный Кенсингтон) открыли мастерскую «Камуфляж», руководил которой специалист по декорациям, костюмам и тому подобному в кино¹. Мастерская стала производить замечательные образцы замаскированных взрывных устройств и оружия, «континентальной» одежды, сигарет, зубной пасты и прочих бытовых аксессуаров, необходимых для маскировки в оккупированной Европе.

Отдел «подделок» был образован в марте 1941 г. со штатом из трех сотрудников-поляков, обосновавшийся в «польской школе» (СПБ38) в Бриггенсе. Поляки технически были подготовлены, однако в их распоряжении было мало ресурсов, потребных в материальном производстве, так что предприятие вскоре расширилось за счет британского персонала и оборудования. Оно работало поначалу на Польский отдел УСО, а затем, постепенно увеличиваясь, стало выполнять задания и для других отделов. В конечном счете предприятие завладело всеми помещениями в Бриггенсе (СПБ14), и на нем насчитывалось до пятидесяти работающих, к тому же многие заказы передавались различным частным печатным фирмам. С этим отделом тесно сотрудничало УПВ, заказывая материалы «черной» пропаганды, которые должны были выглядеть как изготовленные в Германии.

С менее специфическими поставками было легче, поскольку УСО могло обращаться к любой из секретных служб за обычным снаряжением, имевшимся на складах. В феврале 1941 г. около Кэмберли было устроено небольшое хранилище военного имущества, значительно расширившееся с течением времени. И все же очень важно было уметь поддерживать связи со службами «Q» (интендантскими), особенно в военном министерстве: УСО требовались припасы в небольших количествах, и хорошие личные отношения здесь были не лишними. Управление могло рассчитывать на первоочередное обслуживание. Специфика задачи состояла в том, как доставить «в поле» полученные припа-

¹ Иллюстрированная «История отдела камуфляжа» включена в «Технические истории».

сы. Поначалу каждая операция была событием, и этим занимались порой лично офицеры отдела, курирующего ту страну, куда производился сброс. В октябре 1941 г. потребовалось даже организовать специальный упаковочный отдел в Саффрон-Уолдене, а в апреле 1942 г. его перевели на Базу 61 (Гэйнс-хауз, Сент-Неотс). Там упаковка со временем превратилась в небольшую отрасль промышленности: для напряженных операций 1943 и 1944 гг. создали разнообразные контейнеры со стандартным набором груза для сброса его с самолета. Разумеется, по-прежнему необходимы были особые упаковки для особых нужд¹.

Что касается персонала, то подбор кадров велся на неформальной основе и зачастую зависел от знакомства или дружеских связей.

Штат центрального аппарата состоял из людей очень разных, но чаще всего привлекали людей из бизнеса или юриспруденции; были и журналисты, преподаватели иностранных языков — у них тоже были некоторые представления о жизни в Европе. Большая часть сотрудников как в Лондоне, так и за границей была призвана в армию, однако до последнего этапа кадровых военных было очень мало, если не считать офицеров связи.

В разное время УСО обвиняли в политической предвзятости — то в пользу правых, то в пользу левых, на самом деле эту пресловутую предвзятость нелегко отыскать в деятельности УСО или его досье. Ведомственный «корпоративный дух» более заметен и более ощутим; интересам УСО и движения Сопротивления большинство сотрудников служили истово и преданно, что особенно заметно среди работников среднего звена. Возможно, временами УСО чересчур далеко заходило в соперничестве с другими ведомствами, которые, по мнению Управления, оказывались демонстративно слепы к его нуждам. Возможно, из-за вечной спешки порой Управление легко шло на денежные, материальные и прочие затраты, которые не всегда рационально использовались. Вместе с тем не было ни одного случая обвинения сотрудников УСО в серьезной растрате.

Стоит упомянуть об одном любопытном случае, ставшем исключением из правил по индивидуальному подбору кадров. К ДВЧМ — добровольческим вспомогательным частям женского медперсонала (у них была долгая история, еще со времен организации территориальных армий при лорде Халдане*) — в нача-

¹ «История УПВ» Гарнетта, с. 171.

* [Р.Б. Халдан, 1856—1928 гг., виконт с 1912 г., преобразователь армии; в НБС.]

ле деятельности УСО относились как к явлению уходящему, поскольку активно развивались вспомогательные территориальные службы[□]. В сравнении с ними ДВЧМ казались архаичными. Весной 1941 г. было заключено негласное соглашение между штаб-квартирой ДВЧМ и УСО, по которому служащие этих частей должны были выполнять обязанности, сходные с теми, какие выполняли ВТС: водителей, личных помощников, радистов и т.д. В июле 1941 г. это стало обычной практикой, одобренной министерством труда, и по мере того, как расширялось УСО, расширялись и ДВЧМ. Разумеется, кроме этого, женщины-добровольцы выполняли и другие обязанности — к УСО отошло большинство личного состава ДВЧМ, оно, по сути, обрело собственную женскую вспомогательную службу. Из 2700 служивших в ДВЧМ во время войны 2000 работали в УСО: по большей части радистами в Грендоне и Паундоне, а в ряде случаев были даже агентами «в поле». Как и другие женские службы, ДВЧМ оказалась довольно полезной, профессиональный уровень ее служащих был высоким¹.

Как мы уже знаем, в равной мере УСО расширялось и за границей — к лету 1942 г. его структура сделалась поистине всемирной. Однако, например, ближневосточная резидентура дала много поводов для ряда осложнений, о которых ранее уже говорилось. На Дальнем Востоке (об этом здесь рассказывать не будем) работа началась позже и велась в более скромных масштабах — были созданы резидентуры в Сингапуре (апрель 1941 г.)² и Индии (август 1941 г.). К указанному времени они были объединены в резидентуру при штаб-квартире Верховного командования в Юго-Восточной Азии, которая сама стала (как и на Ближнем Востоке) обширной структурой под руководством м-ра Колина Маккензи*, возглавлявшего ее с 31 августа 1941 г. и до разгрома Японии. Эта резидентура сообщалась с Австралией (официально ут-

[□] ATS, Auxiliary Territorial Service, — Вспомогательная территориальная служба, ныне преобразованная в Женский корпус Королевских сухопутных войск (WRAC).

¹ Имеются записи, посвященные службе ДВЧМ УСО (оформлены как раздел «Административная история УСО»).

² «История лондонского Центра дальневосточных резидентур».

* [К.Г. Маккензи, 1998—1986 гг., текстильный магнат, руководил УСО на Дальнем Востоке в 1942—1945 гг., председательствовал в Шотландском совете искусств в 1962—1970 гг.]

верждена в марте 1942 г.), осуществляя связь со спецподразделениями на фронтах союзников¹.

Британская служба координации безопасности в Нью-Йорке не только поддерживала связь с соответствующими службами Соединенных Штатов Америки, но также руководила сетью резидентур в нейтральных странах Латинской Америки. Связь (довольно формального свойства) была установлена даже с НКВД в Москве. Во всех нейтральных столицах Европы (Стокгольме, Берне, Мадриде, Лиссабоне и Анкаре) действовали крупные резидентуры, зачастую имевшие «подрезидентуры» — такие, как в Стамбуле, Смирне и Гетеборге. Что касается британских территорий, то имелись представители в Гибралтаре, на Мальте, в Лагосе и Дурбане. По сути, не было сколько-нибудь значимой территории на Земном шаре, где бы не было представлено УСО².

2. Атака на УСО и ее последствия

И все же, несмотря не столь высокую организационную завершенность, нельзя сказать, чтобы в начале 1942 г. УСО являлось всеми уважаемым ведомством. Недостатки в работе Управления были вполне очевидны и отнюдь не необычны для ведомства, которому приходилось импровизировать, выполняя задачи совершенно нового типа. Однако репутация Управления все же была высока, и в этом его несомненная заслуга, поскольку трудностей в его деятельности хватало.

Следует отметить работу службы безопасности УСО. Вся процедурная работа УСО проходила на фоне некоторой — порой показушной — таинственности. Управление вело дела с другими ведомствами, выступая под различными кодовыми наименованиями: «Межведомственное исследовательское бюро», «Комната 055А военного министерства», позже — «МО1 (SP) военного министерства», «Центр специальной подготовки», «Объединенный технический совет» и др. Предпринимались меры предосторожности, чтобы скрыть связи с министерством экономической войны и м-ром Глэдвином Джеббом. Имена и служебное положение сэра Фрэнка Нельсона, сэра Чарльза Хамбро, бригадного генерала Габ-

¹ Папка (AD/S.1) «68 — Дальний Восток» содержит много документов, относящихся к учреждению этих резидентур.

² «LS/FE/1803 от 8.5.42» в папке 2/340/1 (уничтожена) Архива УСО находились материалы «Организации УСО за рубежом».

бинса и других ведущих фигур относились к разряду военных тайн высокой категории.

Все это нередко создавало неловкости и затруднения. Безопасность, вне всякого сомнения, являлась первым условием работы УСО: невозможно достичь цели, не обеспечив надежную защиту информации, касающейся вопросов политики и планов операций. При неопытности персонала было жизненно важно внушить ему основные правила конспирации и заставить истово их исполнять. И в то же время невозможно изменить род занятий людей известных, не дав пищу для слухов. Потребовалось немало изобретательности, чтобы в обществе сложилось определенное мнение об этих людях, в то время как на самом деле они выполняли то или иное задание¹.

Иногда все же во влиятельных кругах распространялись разного рода слухи, а УСО не располагало никакими средствами защиты от них. Доклады Управления об успехах и структуре являлись документами, которые имели крайне ограниченный круг хождения, и ему никак не удавалось публично подтвердить свою профессиональную состоятельность. Вероятно, не существует способов, с помощью которых секретное ведомство способно открыто заявить о себе, а порой политическое влияние во многом зависит от информированности общества.

В УСО дело обстояло еще хуже из-за того, что не было у Управления естественных союзников среди старых ведомств. Ведомства вооруженных сил были в какой-то мере коллегами УСО, которое посылно участвовало специфическими средствами в военных операциях², но нередко возникали и поводы для соперничества. Конфликты возникали не раз из-за распределения самолетов, очередности их получения. Даже на начальном этапе, когда запросы УСО были сравнительно малы, мы знаем,

¹ М-р Р.Р. Стоукс, член парламента, был заметно удивлен и встревожен, он провел собственное частное расследование, которое завершилось парламентским запросом министру информации 20 мая 1942 г., в отношении места работы сэра Чарльза Хамбро, м-ра Брайена Кларка, м-ра Спорборга и других сотрудников УСО. Естественно, никакого ответа он не получил. (Вся эта история изложена в Записке лорда Селборна премьер министру от 26 мая 1942 г.)

² В январе 1942 г. произошел дружественный обмен письмами между м-ром Дальтоном и сэром Аланом Бруком, когда тот сменил сэра Джона Дилла, и в то же время начальник Имперского генерального штаба лично обсуждал работу УСО с бригадным генералом Габбинсом. См. папку (AD/S.1) SC.98 Архива УСО, а также 1/470/1 — ч. II.

как трудно решались проблемы с военными операциями для помощи генералу Сикорскому, генералу де Голлю и генералу Михайловичу.

На министерстве иностранных дел — больше, чем на любом другом ведомстве, — лежит ответственность за создание УСО в качестве гражданской организации в июле 1940 г. Вмешательство премьер-министра несколько уравнило силы сторон, однако решение изъять подрывную деятельность из-под контроля военного министерства не было бы принято без поддержки лорда Галифакса и сэра Александра Кадогана. Тем не менее Форин-офис поначалу не очень заботился о своем приемном дитяти. С самого начала министерство не застлало свое формальное руководство УСО: м-р Дальтон был «министром в ранге члена Кабинета» и находился под общим руководством Военного кабинета, но, разделяя ответственность правительства в целом, он в каком-то смысле находился в подчинении у министра иностранных дел. Как представляется, он не запрашивал указаний по внешней политике (таких, какие он регулярно получал от Комитета начальников штабов в военных вопросах), равным образом нет и никаких признаков того, что министр иностранных дел или любой другой чиновник Форин-офис когда-либо пытался давать оценку или руководить деятельностью УСО в целом. Однако постоянным было вмешательство министерства иностранных дел в отдельные дела. О многих из них уже говорилось на этих страницах: Греция, Испания, Португалия, судходство Виши, статус де Голля, уровень отношений с разными правительствами союзников. Едва ли в деятельности УСО сыщется нечто, не связанное с внешней политикой, и почти всегда УСО и министерство иностранных дел подходили к вопросу с противоположных точек зрения. Наличие в УСО м-ра Джебба и м-ра Броада, возможно, смягчало ситуацию, но мало меняло ее. С точки зрения министерства иностранных дел УСО являлось некоей помехой, а порой и причиной потенциальных дипломатических неприятностей.

В то время не утихла привычная и расчетливая вражда и с министерством информации. Летом 1941 г. разгорелась настоящая битва за руководство подрывной пропагандой, и м-р Брэкен обеспечил себе твердые позиции в трехстороннем контроле над Управлением политической войны, которое некогда было исключительной вотчиной м-ра Дальтона. Теперь уже для министра информации стало делом принципа совсем выпихнуть УСО с этого

места и рулить одному. Вражда приняла личный характер, и, к сожалению, зимой 1941/42 г. великий талант пропагандиста м-ра Брэкена в основном использовался для дискредитации м-ра Дальтона и его работы — то есть деятельности УСО.

СИС, вероятно, тоже следовало бы причислить к числу противников Управления. Как уже указывалось, КСС с самого начала обратил внимание, как трудно содержать две отдельные секретные службы на одних и тех же территориях. Официальная точка зрения СИС была такова: раз уж они обречены на этот опасный эксперимент, то УСО обязано по мере сил оказывать содействие, однако предпочтение должно отдаваться собственной работе СИС. А лучше всего — две организации развести как можно дальше друг от друга, чтобы избежать пагубных контактов с УСО. Опасность была реальной: УСО являлась организацией новой и неподготовленной, и действовать сотрудникам Управления приходилось в смертельно опасных ситуациях, что весьма неблагоприятно для тихих методов разведывательной службы. СИС (справедливо) полагала, что ее собственная работа настолько важна, что ее нельзя ставить под угрозу, и эта самооценка разведслужбы находила понимание как у Комитета начальников штабов, так и у министерства иностранных дел.

Надо признать, что на отношениях между секретными ведомствами сказывались и личные чувства: извечное противостояние изысканных традиций и деятельного, но опрометчивого парвеню. Проявлялось это главным образом в мелких инцидентах на низшем уровне, и очень редко затруднения возникали в делах значимых. Формально отношения на самом верху были корректными, хотя и отстраненными. Однако подозрительность и неприязнь сохранялись между различными службами двух организаций — как в Лондоне, так и в представительствах за границей.

Можно много говорить об этих ведомственных бедах, но в самых худших случаях всегда находились отдельные личности, способные превосходно сотрудничать со своими коллегами «на той стороне», несмотря на натянутые отношения между ведомствами. И все же в начале 1942 г., несомненно, возникло ощущение, что «с УСО надо что-то делать», а министерский кризис, разразившийся в феврале 1942 г. на совершенно иной основе, стал благоприятным поводом для перемен.

УСО повезло в том, что у его соперников не было альтернативной программы. Не было ведомства, которое с легкостью вышло бы взять на себя заботу об этой организации и управлять

ею. Возможные кандидаты: министерство иностранных дел (непосредственно или через СИС), военное министерство, министерство информации. Однако никто из них не выступил в качестве претендента на сей престол. Ходили разговоры и о полной ликвидации, однако при здравом анализе от этой мысли отказались. Имелось восемь правительств в изгнании, и каждое из них день ото дня все настойчивее требовало деятельной помощи своим соотечественникам на родине, и ликвидация УСО сделала бы невозможной жизнь премьер-министра, равно как и министерства иностранных дел. Точно так же начальникам штабов приходилось настаивать на поддержке движения Сопrotивления в Европе: всякая успешно проведенная диверсия становилась полезным дополнением к военным действиям; крайне важным было и то, что можно было рассчитывать: в момент высадки десанта та или иная местная организация поддержит его.

Решение, таким образом, не было радикальным. М-р Дальтон занял более высокий пост, ему на смену пришел лорд Селборн, личность которого сама по себе являлась частью решения проблемы. Он был консерватором, что уже служило убедительным ответом на обвинения УСО в подстрекательстве к социальной революции. В то же время он никогда не имел тесных связей с партийной машиной, и никому из знавших лорда Селборна не пришло бы в голову утверждать, будто УСО теперь станет органом реакции. Лорд Селборн был личным другом министра информации и вместе с м-ром Черчиллем оказался в «политических дебрях» после 1931 г. Он был внуком великого лорда Солсбери*, и, несмотря на отсутствие у него личного опыта работы в Форин-офис, можно было с уверенностью положить на его лояльность и доброжелательное отношение к новому руководству УСО.

Единственной существенной переменной в масштабах ведомства стало то, что министр отныне не принимал никакого участия в руководстве Управлением политической войны. Позже договорились о некоторых изменениях в отношениях с министерством иностранных дел и с СИС, о чем будет подробно рассказано в следующем разделе этой главы, но не последовало какой-либо радикальной перемены позиций.

Произошли и некоторые внутренние изменения. М-р Джебб пришел в ведомство для оказания помощи м-ру Дальтону, и было естественно, что он вернется к своей карьере в Форин-офис,

* [1830—1903 гг., неоднократно премьер-министр и министр иностранных дел.]

как только министр прочно обоснуется на новом месте. С его уходом в начале мая должность старшего офицера-исполнителя ликвидировали, и м-р Спорборг занял пост наподобие главного личного секретаря¹. Сэр Фрэнк Нельсон нес основные тяготы по созданию из ничего обширной организации, и постоянство ее основной структуры является лучшей оценкой качества его работы. Однако к тому времени он серьезно заболел и продолжать работу не мог. В мае его сменил сэр Чарльз Хамбро, уже бывший заместителем сэра Фрэнка Нельсона.

Остальные организационные изменения были в основном незначительными. И все же для того, чтобы отреагировать на обвинения в ненадлежащем управлении, 12 мая 1942 г. создали комиссию, состоявшую из видного бизнесмена м-ра Джона Ханбери-Уильямса и способного сотрудника казначейства м-ра Э.У. Плэйфейра. Ей надлежало выяснить и доложить министру о том, «какие (если есть необходимость) улучшения, изменения и добавления следует или желательно внести в существующий механизм УСО, дабы позволить УСО в полном объеме выполнять обязанности, налагаемые на него Уставом».

Их доклад (датированный 18 июня) в целом соответствовал тому, о чем лорд Селборн уже писал премьер-министру 10 апреля², излагая свои первые впечатления: «Много хорошего было сделано ревностными и патриотически настроенными людьми, и если УСО суждено продолжать функционировать, то оно вправе рассчитывать на честное отношение к себе, равно как и само должно действовать честно».

«Доклад Плэйфейра» (так его обычно называли) снял с лондонского Центра УСО все обвинения в кумовстве, расточительности, коррупции и некомпетентности, признав лишь непоследовательность некоторых шагов вновь созданной секретной организации. Доклад менее благоприятен в отношении представительств за границей — для работы там людей приходилось подбирать в спешке, а контролировать их или быстро заменить (как это делалось в Лондоне), если они оказывались неподходящими для такой работы, не представлялось возможным. Доклад содержал такие выводы: «В начале своей деятельности оно (Управление. — *Пер.*) располагало собственной программой, соотносившейся с повседневными стратегическими разработками, но по большей части от них не зави-

¹ Сведения в папке 2/340/3.1 Архива УСО, в CD/OR/1731 от 8 мая 1942 г.

² Имело хождение как WP(42)170.

севшей. В не столь отдаленном будущем ему, возможно, суждено составить неотъемлемую часть военной машины».

Основная практическая задача состояла в преобразовании Директората операций и учебной подготовки бригадного генерала Габбинса таким образом, чтобы в результате он стал «представительством для Западной Европы», способным в случае вторжения отделиться от Центра и работать в тесном контакте с военным командованием. В докладе рассматривался также вопрос о назначении профессионального военного главой УСО или начальником штаба.

Что касается подробностей, то основной критике подверглась система, по которой восемь отдельных служб примерно равного статуса отчитываются перед главным директором (CD) и его заместителем (D/CD): такая структура — слишком тяжелый груз для руководителей организации. Чтобы избавиться от этого затруднения, в ноябре 1941 г.¹ создали должность начальника штаба (полковник Дж.Ф. Тэйлор), он должен был замкнуть на себя службы централизованного планирования и секретариата. В докладе делался вывод, что имеются дублирование и путаница каналов, потому предлагалась новая схема организации (по состоянию на июль 1942 г.), которая приведена в Приложении 5. На ней «начальник штаба» отсутствует, а иерархия управления более тщательно продумана. Один заместитель (им с июля 1942 по март 1943 г. был сам м-р Ханбери-Уильямс) курирует административные службы и (через полковника Тэйлора) ведет дела представительства за границей. Другой (бригадный генерал Габбинс) сводит воедино все территориальные (по странам) отделы, чьи операции планируются в Англии, а вместе с ними и службы непосредственного обеспечения операций (имеются веские основания включить в их число и учебную подготовку). Этот блок директоратов с течением времени составит «команду высадки» УСО.

Остальные рекомендации «доклада Плэйфейра», касающиеся Центра, направлены на финансовый контроль, а также на такие вопросы, как жалование и повышение тех сотрудников УСО, которые были призваны в армию. Что касается заграничных представительств, то самым существенным является предложение о назначении высокопоставленного офицера УСО инспектором резидентур, который должен посещать все заграничные пред-

¹ «Реорганизация лондонского Центра», CD/OR/494/AD от 12 ноября 1941 г.; копия в папке 2/340/3.1 Архива УСО.

ставительства по крайней мере раз в год. Тут затронут очень важный вопрос. Состояние мировых коммуникаций в 1941 и 1942 гг. было таково, что постоянный обмен офицерами между театрами военных действий практически был невозможен. Получивший назначение в резидентуру офицер оказывался оторванным от «дома» и визита высокопоставленных офицеров из своей организации удостоивался «только в моменты кризиса, когда им приходилось... появляться... в качестве охотников за ведьмами». Возможно, такое положение исправилось бы само собой, будь Средиземное море свободно, а самолеты в качестве средства передвижения имелись бы в достаточном количестве. Тем не менее в июле 1942 г. должность «контролера резидентур» была введена¹, и занимал ее полковник Дж.Ф. Тэйлор до момента ее упразднения в апреле 1943 г.

3. Механизм межведомственных отношений

а) Министерство иностранных дел

Есть необходимость еще раз суммировать все претензии, имевшиеся у Форин-офис к УСО. Следует, впрочем, ясно представлять, что УСО ничуть не меньше беспокоилось об ущербе британским интересам, которое могло бы нанести министерство иностранных дел. Вполне хватит двух-трех цитат:

«Мне представляется, что Форин-офис все еще считает нас бузотерами, бегающими повсюду со взрывчаткой в руках, и что там по-настоящему не понимают, что такое подрывная деятельность»².

«Колебания, затяжки, нерешительность и, вероятно, даже создание препятствий»³.

«На мой взгляд, Форин-офис не желает обременять себя ответственностью за УСО, зато желает контролировать его посредством Договора либо созданием постоянных и устойчивых препятствий до тех пор, пока Управление не преобразуется в какой-нибудь безобидный саперный взвод»⁴.

В качестве меры сближения были избраны переговоры относительно Договора — образчика того, что сэр Фрэнк Нельсон

¹ CD/OR/2473 от 8 июля 1942 г.; в папке 2/340/3.1. Архива УСО.

² Бригадный генерал Габбинс — М/XX/342 от 18 февраля 1942 г.

³ Сэр Фрэнк Нельсон — CD/XX/423 от 18 февраля 1942 г.; в папке (AD/S.1) F/104/2 Архива УСО.

⁴ Сэр Фрэнк Нельсон — CD/OR/550 от 7 апреля 1942 г.; в папке (AD/S.1) F/104/2 Архива УСО.

называл «любопытными компромиссами и уловками британского администрирования»¹. Подход Форин-офис к проблеме подрывной деятельности (теперь, когда она ему была навязана) был отражен в документе, где перечислялось все то, чего УСО *не следует* делать.

Переговоры открылись посланием м-ра Идена от 4 февраля, препровождавшего меморандум сэра Александра Кадогана², в соответствии с которым, как представляется, статус УСО — по аналогии с СИС — низводился до второстепенного филиала Форин-офис под управлением высокопоставленного чиновника. М-р Дальтон направил 10 февраля примирительный ответ, обратив внимание на ряд трудностей, с какими это будет связано³, а 12 февраля состоялась встреча министров. Первый проект соглашения был представлен м-ром Джеббом 13 февраля. Но 22 февраля произошла смена министров, что приостановило обсуждение до начала апреля. Официально Договор так никогда и не был подписан двумя министрами, не был он утвержден и какой-либо вышестоящей инстанцией, и все же оба ведомства приняли в качестве обязывающего текст, согласованный сэром Александром Кадоганом и м-ром Джеббом 15 мая 1942 г.

Значение этого документа очень велико, потому он дается полностью в виде Приложения⁴, и цитировать его здесь нет нужды. Его не представляли ни премьер-министру, ни Военному кабинету, ни какому-либо иному ведомству, и все же, по сути, его значение куда больше, чем первоначального Устава, написанного м-ром Чемберленом и утвержденного в июле 1940 г. Военным кабинетом. В некотором отношении он и являет собой новый Устав, куда тщательнее прописанный, нежели первый, но не менее аномальный.

Во-первых, с конституционной стороны. Вот два противоречащих положения, стоящие рядом:

- а) В «Докладе Плэйфейра»⁵ определено: «УСО является органом исполнительным и оперативным, а не вырабатывающим политику». В таком случае его положение аналогично положению государственной корпорации или командую-

¹ CD/XX/524 от 27 марта 1942 г.; в папке (AD/S.1) F/104/2 Архива УСО.

² Копия в папке (AD/S.1) F/104/2 Архива УСО.

³ Копия там же.

⁴ Приложение 4.

⁵ Раздел 4b.

шего на поле сражения, а не государственного ведомства. «УСО, имея... право на высказывание собственных суждений и проведение операций по собственному почину, осуществляет политику правительства Его Величества, установленную в соответствующих сферах Комитетом начальников штабов, министерством иностранных дел и другими государственными ведомствами»¹.

- б) Тем не менее, руководит Управлением министр Короны — полноправный министр, а не какой-нибудь замминистра — и, «будучи министром Короны, министр экономической войны обладает в качестве руководителя УСО... общим правом обжаловать неблагоприятное решение какого-либо² ведомства по любому предложению министра. Во всех случаях, связанных с операциями, третейским судом является Комитет обороны»². Иными словами, УСО является министерством, а не «исполнительным учреждением»: министр способен опротестовать действие любого другого ведомства, обратившись к премьер-министру, Военному кабинету или Комитету обороны, в зависимости от того, что больше подходит в каждом случае.

Сомнения до сей поры посещают всякого, кто хочет определить точный конституционный статус этого неожиданного продукта Закона 1937 года о министрах Короны — министра в ранге члена Кабинета, не являющегося членом Кабинета. Зато ясно, что ответственность (какой бы она ни была) на нем лежит такая, какую он сам определит. Он, видимо, свободен от ответственности за общую политику правительства, если не считать его личной ответственности как члена партии, находящейся у власти. Однако в том, что касается руководства своим ведомством, он, несомненно, несет полную ответственность юридически перед Короной, а политически — перед парламентом. От этой ответственности нельзя избавиться или ограничить ее заключением какого угодно соглашения с другим ведомством: «Имеется понимание, что министр осуществляет свое право обжалования только в отношении вопросов, которые представляются ему первостепенно важными при проведении специальных опера-

¹ Договор с министерством иностранных дел, раздел 3.

² Так в оригинале У. Маккензи. В тексте Договора (см. Приложение 4) сказано: «...решение любого ведомства...» — *Примеч. пер.*

² Договор с министерством иностранных дел, раздел 6.

ций», — тут речь идет о деле, в котором министр не может быть ограничен, не перестав быть министром.

Эти конституционные вопросы весьма важны: британская конституция, возможно, и существует лишь в виде «рабочих договоренностей», однако в данном случае мы явно имеем дело с договоренностью, которая действовать не будет. В равной степени бесполезны и точные указания УСО — как работать. Взять хотя бы такой вопрос. Очевидно, что Форин-офис стремится к удобной для него дифференциации понятий «политика», «диверсионная» и «подрывная» деятельность. Комитет начальников штабов занимался подрывной и диверсионной работой, а политика являлась уделом министерства иностранных дел¹. Это деление до странности архаично, и рассказанное в этой книге подтвердило бессмысленность этого в отношении операций УСО. За редкими исключениями (Норвегия и Дания — самые наглядные примеры), каждый диверсант и партизан был политиком. Не всякий политик являлся диверсантом, зато карьера каждого политика зависела от того, насколько ему удастся запрячь потенциальных диверсантов в колесницу собственных интересов. УСО не могло сделать ничего, что не имело бы политической подоплеки. В Управлении надеялись, что Форин-офис не настолько слеп, чтобы не видеть этого, разве что речь идет о четкой установке: министерство *должно* попытаться поставить под контроль работу УСО под предлогом существующих различий. Видимо, министерство иностранных дел и в самом деле верило в наличие этих различий.

Об этом свидетельствует и то, с какой заботой весь мир оказался поделен на пять зон, к каждой из которых следовало иметь различный подход.

- 1) Территории стран противника и оккупированные им. Здесь всеобъемлющий характер имеют военные директивы, только «политическую линию» следует выверять с министерством иностранных дел.

¹ Например, м-р Джебб в документе F/3299/104 от 17 февраля 1942 г. пишет CD: «Мы (сэр Александр Кадоган и м-р Джебб) вели по этому вопросу долгий спор, и мне удалось добиться от него признания, что на практике их (понятия «диверсионная» и «подрывная» деятельность) невозможно четко отличить. Тем не менее он был весьма настойчив, требуя, чтобы подрывная деятельность оказалась особо оговоренной при включении ее в «цели УСО»».

- 2) Территории Виши: в этих районах у министерства иностранных дел «особая заинтересованность», и ничего не должно делаться без *общей* санкции Форин-офис.
- 3) Нейтральные территории. «Здесь интересы внешней политики являются преобладающими» (что бы сие ни значило), и никакая деятельность невозможна без *особой* санкции министерства иностранных дел.
- 4) В неоккупированных союзных странах интересы УСО невелики, но им свободно можно следовать по соглашению, *заключенному УСО* с соответствующим союзным правительством.
- 5) Латиноамериканские государства (воюющие или нейтральные) должны оставаться таким же заповедником министерства иностранных дел, как и нейтральные страны.

Нельзя сказать, что все эти требования до конца ясны, за исключением пунктов 3 и 5, имеющих отношение к районам мало-значимым в общей картине внешней политики. Важные страны оккупированной Европы — Франция, Польша, Югославия, Греция — остаются в столь же неопределенном положении, что и прежде. Почти столь же смутная политика в отношении стран противника, если не считать того, что всех запрашивающих мира следует незамедлительно адресовать к министерству иностранных дел.

Невозможно поверить, чтобы Договор хоть в чем-то способствовал улучшению дел, а крупных препирательств стало бы намного меньше, чем прежде. И все же мелких трений стало меньше. Частью это объясняется тем, что обе стороны обрели больше опыта, частью — растущей значимостью военных, в особенности американских. Существенно, однако, и то, что лорд Селборн обозначил важнейшее направление своей политики: УСО сотрудничает с министерством иностранных дел во всех случаях, где это необходимо и возможно. Мы уже знаем, как эта установка проявилась в Греции, другие примеры будут приведены далее.

Велись также разговоры об улучшении формальных договоренностей по системе связи, в частности, о назначении в УСО офицеров связи министерства иностранных дел (после того как м-р Джебб ушел, в штате УСО не осталось ни одного профессионального дипломата). Ничего в этом плане не предпринималось до августа 1943 г., когда на Бейкер-стрит был отведен кабинет м-ру

Хьюстон-Босуоллу*, кавалеру орденов Св. Михаила и Св. Георгия 3-й степени и Военного креста, для исполнения обязанностей офицера связи. В тот момент единственным шагом вперед стало учреждение комиссии по связям Форин-офис — УСО¹, которая заседала каждые две недели с мая 1942 г., членами ее являлись вначале сэр Орм Сарджент, сэр Морис Петерсон, сэр Дэвид Скотт и м-р Уильям Стренг, с одной стороны**, сэр Чарльз Хамбро, м-р Дж. Ханбери-Уильямс, полковник Джордж Тэйлор и подполковник Спорборг — с другой. Это тоже во многом облегчило ведение дел в некоторых вопросах, а значительные вопросы не входили в компетенцию комиссии.

б) Комитет начальников штабов

Отношения с министерством иностранных дел, как становится ясно, были негативными: УСО не запрашивало общих директив и ни одной директивы не получило². На более позитивной основе строили отношения начальники штабов и сотрудники Объединенной службы планирования (ОСП), имеются документы, содержащие стратегические директивы УСО. Фор-

* [Сэр У.Э. Хьюстон-Босуолл, 1892—1960 гг., посланник в Бейруте в 1947—1951 гг., введен в рыцарское достоинство в 1949 г.]

¹ Папка (AD/S.1) F/104/5 Архива УСО содержит предварительную переписку и протоколы первых заседаний.

** [Сэр М.Д. Петерсон, 1889—1952 гг., введен в рыцарское достоинство в 1938 г., работал под началом Ллойда в Каире, посол в Багдаде в 1938—1939 гг., в Мадриде — в 1939—1940 гг., в Анкаре — в 1944—1946 гг. и в Москве — в 1946—1952 гг.; в НБС; см. его книгу «По обе стороны занавеса» (1950). Сэр Д.Дж.М.Д. Скотт, 1887—1986 гг., помощник заместителя министра иностранных дел, введен в рыцарское достоинство в 1941 г. Сэр У. Стренг, 1893—1978 гг., введен в рыцарское достоинство в 1943 г., постоянный заместитель министра иностранных дел в 1949—1953 гг., барон с 1954 г.; в НБС; см. его книгу «На родине и за рубежом» (1956).]

² Единственное *положительное* предложение министерства иностранных дел, которое я обнаружил, касалось вербовки подходящих британцев для деятельности в качестве «пятой колонны» в нейтральных странах. Оно было представлено Объединенному комитету по разведке в марте 1941 г. (JIC(41)127). Предложение странным образом контрастирует с обычным для Форин-офис отношением, и происхождение его неясно. В УСО такой подход был встречен весьма сердито, поскольку Управление считало, что оно этой работой уже занимается, и обсуждения прекратились. Некоторые документы есть в папке 1/470/1 Архива УСО.

мальных связующих институтов не было¹ до января 1942 г., когда подполковник Д.Р. Гиннесс получил назначение в секретариат Комитета начальников штабов в качестве офицера связи УСО, но и тогда он работал на Бейкер-стрит, а не в помещениях Кабинета². Зато превосходными были личные отношения офицеров УСО, с одной стороны, и секретариата Комитета начальников штабов и ОСП — с другой. На более высоком уровне дела шли менее гладко: м-ра Джебба, сэра Фрэнка Нельсона и бригадного генерала Габбинса обыкновенно вызывали на заседание Комитета начальников штабов, где обсуждались вопросы, прямо касающиеся УСО, однако случалось, что УСО не приглашали, когда его интересы (пусть и подлинные) затрагивались лишь опосредованно. Звучали жалобы, что из-за этого упускаются определенные возможности, поскольку мнение УСО не звучало на том этапе обсуждения, когда формировалось общее мнение. В перерывах же УСО снова пытались убедить всех, что является «четвертой рукой» современной войны и не может действовать результативно, если не получит полного членства в КНШ, ОСП и ОКР (Объединенный комитет по разведке)³. Однако споры на эту тему никогда не заходили далеко, и система работала вполне успешно и без решения принципиального вопроса.

Мы уже познакомились с общими установками, которые определяли задачу УСО осенью 1940 г.⁴ Все эти документы были составлены в общих выражениях и охватывали очень большой круг вопросов. Со временем было решено, что УСО даются ограниченные цели в пределах подробного оперативного плана, но летом 1942 г. в этом направлении предпринимались только первые шаги.

¹ С 11 января 1942 г. по 1 марта 1943 г. УСО раз в две недели готовило для КНШ отчет о проделанной работе, а после этого — ежемесячно. Отчеты эти, сами по себе не очень-то вразумительные, редко обсуждались КНШ.

² Записка CD, направленная СЕО 22 января 1942 г.; в папке (AD/S.1) SC/98 Архива УСО. Написана по итогам обсуждения на заседании КНШ в декабре 1941 г. Упомянуто в Записке CD, направленной СЕО 22 декабря 1941 г.; есть в папке (AD/S.1) SC/98 Архива УСО. Подполковника Гиннеса в декабре 1942 г. сменил подполковник Роландсон.

³ См., например, послание бригадного генерала Габбинса в ОСП 22 апреля 1942 г. (Архив УСО, папка 1/470/1, ч. II).

⁴ См. ранее, с. 164—165.

Редкое заседание КНШ обходилось без упоминания УСО. Во-первых, 31 марта 1941 г. состоялось заседание КНШ¹, на котором рассматривались документы «Организация и методика работы SO2»², по проектам SO2 и по примерному плану SO2 операции «Кларибел» (действия в случае немецкого вторжения). Обобщения УСО все еще носили общий характер. Комитет начальников штабов недолго обсуждал документ, определяющий дальнейшую деятельность, и одобрил его. Главные вопросы, зафиксированные в протоколах, касаются операции «Кларибел». Работу по «Кларибел» надлежало активизировать, хотя даты ее завершения установлено не было. К тому же указывалось, что не следует считать эту операцию приоритетной, а потому часть личного состава, намеченного для участия в операции «Кларибел», может быть использована при решении второстепенных задач.

Почти сразу же был сделан второй шаг: УСО работало в тесном сотрудничестве с отделом F.Ops³ Объединенной службы планирования (под началом м-ра Оливера Стэнли*) над подготовкой подробных перспективных планов. Представление об этих планах можно составить, ознакомившись с документами УСО. 2 апреля полковник Анструсер (он был тогда «офицером-плановиком» УСО) представил отчет о длительных переговорах с F.Ops³, на которых шла речь о создании британских ударных сил из шести бронетанковых и четырех пехотных дивизий: действия столь незначительных сил могли быть эффективными только с одновременным «всеобщим восстанием угнетенных народов». «Изматывание германских вооруженных сил и окончательную очистку территорий придется вести военизированным отрядам подданных этих стран. Это означает, что УСО будет организовывать и оснащать партизан в широких масштабах». Здесь впервые в документах УСО появляется название автомата «стен» как оружия борцов Сопротивления, и предлагается дать приказ на

¹ COS(41)9-е заседание, (0) пункт 1, от 31 марта.

² Датирован 26 марта 1941 г.; копия, озаглавленная «SO2», в папке 1/470/1 Архива УСО.

³ Скорее всего речь идет об ОСП — Отделе перспективного планирования («будущих операций» или «будущих возможностей»).

* [О.Ф.Дж. Стэнли, 1896—1950 гг., сын 17-го графа Дерби, член парламента — консерватор с 1924 г., военный министр в 1940 г., министр колоний в 1942—1945 гг.; в НБС.]

³ Копия в папке 1/470/1 Архива УСО.

миллион таких автоматов¹. Однако отдел F.Ops настаивал на более тщательном подсчете потребностей УСО для ведения тотальной партизанской войны.

У УСО на это было два ответа. Один — общий документ «Перспективы “разложения”»², где в очередной раз описывалась подрывная деятельность: “Разложение” — это оружие, которое может использоваться нами наступательно и постоянно там, где необходимо. Неуловимый и призрачный, этот способ воздействия настолько эффективен, что держит противника в непрерывном напряжении». Все это очень толково изложено (в самом деле, правильно и убедительно), однако едва ли помогает продвинуть дело. Вывод документа таков: просить Комитет начальников штабов утвердить предложенную политику и «поспешествовать тому, чтобы УСО предоставили людей и снабдили всем необходимым (особенно самолетами. — У.М.) для осуществления этой политики». Однако в нем не указывается, сколько людей и сколько самолетов и каковы именно союзнические обязательства. Документ признает, что «“разложение» в конечном счете своим успехом будет обязано вооруженным силам». Генерал Исмэй написал м-ру Джеббу, подтверждая получение документа: «Как бы то ни было огорчительно для нас, КНШ в настоящее время столкнулся с задачей накормить множество голодных ртов хлебом, масло на который намазывать приходится очень скупо... Подводя итог, я выражаю уверенность, что КНШ согласится — в принципе — с вашим документом, но я убежден, что начальники штабов не готовы предоставить вам карт-бланш»³.

Об особых материальных потребностях впервые открыто и напористо заявил бригадный генерал Габбинс в документе, датированном 21 мая 1941 г. и вызвавшем эффект разорвавшейся бомбы⁴. Из него родился план действий в три этапа:

- 1) организация и подготовка диверсионных акций на оккупированных территориях;
- 2) организация и оснащение «тайных армий» на оккупированных территориях;

¹ По крайней мере 650 000 «стенгов» было использовано УСО (Приложение «В» к разделу «А» «Истории снабжения»).

² Копия в папке 1/470/1 Архива УСО.

³ Письмо от 24 апреля 1941 г. приведено в «Истории операций особого назначения в Европе», с. 14.

⁴ Копия в папке 1/470/1 Архива УСО.

3) в конечном счете восстание, которое способно достичь успеха, только получив некоторое подкрепление в виде регулярных войск. Для этой цели контингенты союзников в Британии необходимо переподготовить в воздушно-десантные ударные подразделения. Их предстоит перебросить по воздуху, как только партизаны обеспечат прием парашютистов и захватят аэродром.

Это был верный план, его и приняли как руководство к действию (а там, где не приняли, восстания потерпели поражение). Однако некоторое удивление вызывал объем потребностей, когда провели подсчеты по трем странам — Польше, Чехословакии и Франции. Вот некоторые цифры — для иллюстрации:

А. Диверсионные группы из семи человек

	Польша (1000 групп)	Чехословакия (700 групп)	Франция (350 групп)	Всего
Автоматы	7000	4900	2450	14 350
Радиопередатчики	1318	962	458	2756
Пластиковая взрывчатка (фунты)	54 000	58 800	28 400	171 200 (77 тонн)
Парашютные контейнеры	5000	3500	1575	10 075
Самолето-вылеты	1250	875	394	2519

Б. «Тайные армии»

	Польша (84 батальона)	Чехословакия (100 бтн)	Франция (70 бтн)	Всего
Ручные пулеметы	5124	6100	4270	15 500
Автоматы	13 112	16 800	11 760	42 000
Пистолеты	43 680	52 000	36 400	132 000
Радиопередатчики	1260	1500	980	3770
Контейнеры	10 500	12 500	7875	30 875
Самолето-вылеты	2625	3125	1968	7718

Это только извлечения: оригинал документа содержит более подробную информацию. Бригадный генерал Габбинс считал, что необходимо создать хорошо налаженную организацию, чтобы снаряжение попадало к борцам Сопротивления менее чем с 25—30% потерь из-за действий противника; следовало предусмотреть и неудачные самолето-вылеты и прочие препятствия.

Однако большинство поставок, скорее, увеличивали счет Габбинса, нежели уменьшали его; и никто не мог сказать, что заявленный им объем снаряжения слишком велик для партизан, действующих против немецкой армии (даже на ее закате), или что восстания на оккупированных территориях можно было готовить с меньшими силами и меньшими затратами. И тем не менее эти ограниченные силы требовали 8000 самолето-вылетов. Если бы такую работу нужно было проделать к весне 1942 г., то потребовалось бы 444 самолета, в основном тяжелые бомбардировщики. Это значило, что их целый месяц не могли бы использовать ни в каких других операциях. Количество самолетов сокращается, если восстания откладываются, — например, продление сроков до весны 1943 г. почти вдвое уменьшило бы потребность в самолетах. Наконец, оставались еще ударные и вспомогательные войска, от прибытия которых зависела бы судьба восстаний. И еще: потребность в самолетах для воздушно-десантных войск зависела от числа десантников, которых надо было доставить за один вылет, и от ожидаемых потерь при каждом вылете.

620 самолетов — единственная цифра, приведенная в документе, — возможно, при определенном стечении обстоятельств оказалось бы вполне достаточно.

Даже осенью 1941 г. УСО располагало восемью «уитли» и пятью «галифаксами», входившими в эскадрилью № 138; на Средиземноморье у Управления было два древних «уеллесли». Когда готовился документ бригадного генерала Габбинса, оперативную силу всей бомбардировочной авиации составляли всего 90 тяжелых бомбардировщиков¹. Блицкриг еще не закончился, высадка в Европе все еще была далекой мечтой, и стратеги в то время были озабочены возможностями бомбардировщика. Штаб ВВС разрабатывал новую программу, предусматривавшую наличие 4000 тяжелых бомбардировщиков к весне 1943 г.²: план, который мог быть осуществлен только при концентрации как британских, так и американских ресурсов. Это было очень неподходящее время для разговоров об отвлечении самолетов от налетов на Германию, и, когда вопрос ставился именно так, трудности операции «разложения» сразу становились особенно очевидными.

¹ Из общей оперативной группы в 842 единицы. Цифры представлены министерством авиации (Главная статистическая служба).

² JP(41)374(0), 4-й проект, раздел 197.

Документ бригадного генерала Габбинса был направлен в отдел F.Ops 24 мая 1941 г., 27 мая он обсуждался с подполковником Р.Г. Барри, 29 мая — с м-ром Спорборгом. Их замечания, изложенные в записях бесед бригадным генералом Габбинсом¹ и м-ром Спорборгом, противоречили основным принципам программы УСО. Вот два спорных момента:

а) Во-первых, стратегическое направление. М-р Спорборг признает: «Наша «тайная армия», как бы боеспособна она ни была и как бы хорошо ни была оснащена, никогда сама Норвегию не вернет. Она сможет сыграть чрезвычайно полезную роль, что приведет к значительной экономии сил, но ей никогда не будет под силу сыграть главную роль».

Из этого положения следуют такие выводы:

- если «тайная армия» способна действовать только как вспомогательная, а не как главная, ее нельзя использовать иначе, как только в случае высадки британских войск на ее территории;
- не будет никакой британской высадки при подавляющем преимуществе немецких сухопутных сил, пока мы не добьемся подавляющего превосходства в воздухе;
- когда мы обречем превосходство в воздухе и будем полностью вооружены, то, возможно, обнаружим, что наше воздушное превосходство является решающим вообще — без всяких военных операций;
- из сказанного ранее следует, что «тайная армия» может быть использована только на завершающем этапе массового уничтожения гуннов — примерно за неделю до заключения мира.

Это вполне логично, но чересчур абстрактно и неубедительно. До тех пор пока мы, абстрагируясь от всех, рассматриваем себя как отдельную силу, действительно верно, что армия из 10 дивизий не сумеет одолеть армию из 250 дивизий, если только не будет превосходства в воздухе — а оно, несомненно, достижимо при тех ресурсах Америки, что у нас за спиной, — сомневаться в том, что это произойдет, значит впасть в пораженчество. Такая сила — 4000 тяжелых бомбардировщиков — придаст войне новый масштаб, и многое делается возможным. Однако неизвестно, как

¹ Датированы 30 мая 1941 г. (Архив УСО, папка 1/470/1). См. также Записку сэра Чарльза Хамбро от 1 июня.

выглядело бы это чудо: ведь сами по себе бомбардировщики не в силах изменить существенный баланс, и правильный подбор бомбового груза тоже может оказаться вопросом политики и психологии, как и бризантная взрывчатка.

б) До сих пор УСО отстаивало вещи разумные, но непопулярные, однако положение его выглядит более шатким, если рассматривать проблемы конкретной стратегии. Для выполнения диверсионного плана потребовалось бы задействовать 15 процентов самолетов-бомбардировщиков, «тайная армия» потребовала бы 40 процентов. Значительную часть этих сил предстояло направить на организацию восстаний в Польше и Чехословакии, поскольку там имелся географический и политический простор для «тайных армий». Когда же время пришло, оказалось, что восставшим невозможно оказать поддержку с воздуха (равно как и невозможно доставить снаряжение и подкрепление по воздуху), столь необходимую для победы. Тогда было решено: «тайные армии» на Востоке в качестве оперативного военного средства исключить, а усилия сконцентрировать на Франции, Бельгии, Голландии и Норвегии, где можно достичь реальных результатов, задействовав гораздо меньше самолетов.

Объемистый документ F.Ops¹, обретший к тому времени форму проекта, воздавал должное как диверсиям, так и «тайным армиям». Первым уделено видное место в программе экономической войны (разделы 156—160), а план завершающего удара целиком основывался на вторых (разделы 255—280). Место УСО в общей картине довольно значительное (разделы 159—160) — F.Ops даже признало притязания УСО называться «четвертой рукой».

К сожалению, события опередили намеченные планы. В узких кругах уже понимали, что нападение на Советский Союз неминуемо, и оно произошло 22 июня 1941 г. F.Ops такое развитие событий предусматривал, но только как один из вариантов, и его документ полностью основываться на этом не мог. Следовательно, проект сразу же устарел и канул в вечность².

¹ JP(41)374(0) от 2 июня 1941 г.

² См. замечание премьер-министра на заседании Комитета обороны 25 июня, на котором рассматривался документ JP(41)444: «Я убежден, что подобные документы не следует рассылать правительствам доминионов или командующим. Значительная доля содержательной части быстро устарела, а формулировки оказались опровергнутыми еще до их прочтения». См. также Записку м-ра Джебба от 3 июля 1941 г. в папке 1/470/1 Архива УСО.

3 июля м-р Джебб встретился с м-ром Оливером Стэнли и F.Ops, которые тогда готовились начать работу заново. Их усилиями появился на свет документ COS(41)155(0) от 31 июля, который тоже «скончался» по дороге к Комитету обороны. По сути, теперь, когда в боевые действия включены людские ресурсы Советского Союза, людские ресурсы оккупированной Европы уже не играли той важной роли, что прежде. Более того, политическая обстановка сделалась неясной и непредсказуемой.

Для подготовки этого переработанного документа F.Ops спешно запросил у УСО умеренный и практичный план операций на ближайшее будущее. Документ, оформленный в виде «Наброска плана операций SO2 с 1 сентября 1941 г. по 1 октября 1942 г.», датированный 15 июля, стоит рассмотреть особо. М-р Дальтон направил 16 июля документ премьер-министру, а тот переправил его Комитету начальников штабов¹; таким образом, программа оперативных действий УСО была представлена для принятия решения, независимо от предполагавшейся британской стратегии и сроков ее утверждения.

Документ выглядит весьма внушительно, он занимает шестнадцать полноформатных страниц, снабжен Приложениями (многие из них — это статистические выкладки), но мы остановимся лишь на некоторых его положениях. Впервые здесь была представлена военная политика в виде разработки генерального штаба, а не научного очерка по теории современной войны. Обсуждение роли «разложения» уместилось в один раздел; и дальше в документе излагается «минимальная программа, которая внесет поистине деятельный вклад — без чрезмерных требований к Королевским ВВС» (раздел 4). Делается предположение, что действия начнутся — самое раннее — осенью 1942 г.

В самом плане отчетливо видна ответная реакция на замечания бригадного генерала Габбинса от 21 мая. Масштаб операций сильно сокращен, а про «тайные армии» Польши и Чехословакии и вовсе не упоминается. Теперь программа сокращена (на дату, пролонгированную на шесть месяцев) и выглядит примерно так:

¹ Разослано КНШ как документ COS(41)147(0) от 21 июля.

*Диверсанты «Тайные армии» Самолето-вылеты
с 1 сент. 1941 г.
по 1 окт. 1942 г.*

Норвегия	500	19 000	315
Дания	500	—	36
Голландия	1000	5000	265
Бельгия	700	6000	300
Франция	3000	24 000	1200
Польша	2000	—	130
Чехословакия	1200	—	88

Количество самолето-вылетов сократилось с 10 237 до 2334, зато теперь авиация обслуживает значительно большую территорию, к тому же в основном им достается более экономичный радиус операций. Для Балкан запрашивается всего шестьдесят самолето-вылетов¹. УСО мудро воздержалось (раздел 13) от точных цифр, не конкретизируя, сколько понадобится самолетов: слишком много было непредсказуемых моментов: таких, как погодные условия, неполадки навигационного оборудования, уровень потерь, дальность полета и скорость выделенных аэропланов. Однако для иллюстрации можно привести некоторые цифры. Программой намечалось в среднем (летом и зимой) по 180 самолето-вылетов в месяц; примерно четыре рейса в месяц, предполагалось, будут успешными — самолеты отыщут цель и доставят груз. Таким образом, указанный масштаб подразумевает использование сорока — пятидесяти средних бомбардировщиков, скажем, трех эскадрилий. Это значительно больше того, с чем могло бы согласиться министерство авиации.

В документе также подчеркивалось, что Комитету начальников штабов нет необходимости принимать программу полностью: «тайные армии» могут быть изъяты, либо некоторые страны исключены из списка. Но план должен быть: «Без нормального плана, продуманного и утвержденного заблаговременно, есть большой риск, что в некий день в будущем (он вполне может совпасть с решающей фазой войны) УСО получит приказ нажать на кнопку, чтобы вызвать общеевропейский взрыв, а вместо этого — лишь хилые донесения либо легкая вспышка и

¹ В действительности, как представляется, в рассматриваемый период из Соединенного Королевства было произведено 280 успешных самолето-вылетов; точных данных по Балканам нет, однако туда никак не могло быть произведено более двадцати успешных самолето-вылетов.

всплеск». Непосредственный вывод таков: заранее следует принять решение, которое станет основой для сотрудничества с министерством авиации, военным министерством, СИС (для связи по радио) и союзными правительствами.

Члены Объединенного комитета по планированию представили свои подробные замечания по этому документу 9 августа¹. Как и следовало ожидать, вино УСО разбавили немалым количеством воды. Диверсии следовало приспособить к плану бомбардировок — «было бы неразумно жертвовать эффективностью наших бомбовых усилий ради подрывных действий» (раздел 12), нельзя мешать действиям СИС (раздел 12), запросы на снаряжение следует отложить до полного обеспечения британских войск (раздел 15). Вместе с тем члены ОКП рекомендовали развернуть звено № 1419 в полную эскадрилью, намного увеличить поставки средств радиосвязи, выделить 25 процентов из общего количества для «тайных армий» во Франции, Голландии и Бельгии к весне 1942 г. Был предложен особый порядок первоочередности: Северная Франция, Бельгия, Голландия, Норвегия. Самым большим препятствием, наверное, стало то, что они отказались признать документ УСО «Наброском плана». Составление «настоящего плана» было отложено до весны 1942 г.

УСО решило не вступать в споры ни по одному из этих вопросов² (в конце концов позиция ОКП была довольно основательной), и Комитет начальников штабов не встретил серьезных возражений, когда обсуждал документ с Объединенным комитетом по разведке (14 августа)³, с м-ром Джеббом и бригадным генералом Габбинсом (15 августа)⁴. По поводу политики в протоколе сказано, что «подрывные действия следует поощрять в полной мере»⁵, были рассмотрены и практические вопросы, требовавшие санкции на реализацию⁶:

¹ JP(41)649 от 9 августа.

² Послание м-ра Джебба генералу Исмэю 12 августа 1941 г.; папка 1/470/1 Архива УСО.

³ COS(41)287-е заседание, пункт 10, от 14 августа.

⁴ COS(41)288-е заседание, пункт 14.

⁵ См. также Записку бригадного генерала Габбинса, содержащую полный отчет, датирована 17 августа 1941 г.; копия в папке 1/470/1 Архива УСО.

⁶ 18 августа м-р Джебб попросил генерала Исмэя написать м-ру Дальтону более подробно по данному вопросу; письма генерала Исмэя мне обнаружить не удалось.

- диверсионная деятельность должна согласовываться с планом бомбардировок;
- министерство авиации выделит эскадрилью в ближайшее время;
- предоставление самолетов SO2 не должно служить поводом для отказа запросам СИС;
- военное министерство предоставит сведения о наличии оружия и оснащении, после чего вопрос о «тайных армиях» будет обсужден снова;
- Адмиралтейство постарается предоставить подходящее судно на Гибралтаре для проникновения на юг Франции и в Северную Африку.

20 августа генерал Исмэй уведомил премьер-министра о выводах Комитета начальников штабов, на том дело пока и кончилось¹.

Осенью 1941 г. на базе звена № 1419 была сформирована эскадрилья № 138, а в феврале 1942 г. стала формироваться вторая эскадрилья (№ 161). Начальник ИГШ доложил, что оснащение для «тайных армий» может быть предоставлено при получении надлежащего предварительного уведомления². 24 октября СД официально поручил всем начальникам территориальных отделов подготовить подробные планы, консультируясь с Департаментом бригадного генерала Габбинса, а также вести тщательный учет сделанного в ходе зимней кампании.

В одном итоговом документе³ приводятся следующие цифры, свидетельствующие о том, что стало с первым конкретным планом:

1 сентября 1941 г. — 15 января 1942 г.

<i>Страна</i>	<i>Успешные вылеты</i>	<i>Неудачные вылеты (без деталей)</i>	<i>Сброшено агентов</i>	<i>Собрано контейнеров и упаковок</i>
---------------	------------------------	---------------------------------------	-------------------------	---------------------------------------

Норвегия	1	—	2	2
Дания	1	—	2	1
Голландия	2	—	4	—
Бельгия	4	—	8	7

¹ Копии в папках 1/470/1 и SC.98 (AD/S.1) Архива УСО.

² COS(41)536, датированный 31 августа, одобренный COS(41)309-е заседание, пункт 4; а также COS(41)219(0) от 28 сентября и COS(41)339-е заседание, пункт 1, от 1 октября.

³ Отчет о проделанной работе AD перед СЕО, датированный 18 января 1942 г.; в папке (AD/S.1) SC.98 Архива УСО.

<i>Страна</i>	<i>Успешные вылеты</i>	<i>Неудачные вылеты (без деталей)</i>	<i>Сброшено агентов</i>	<i>Собрано контейнеров и упаковок</i>
Франция	13	—	27	14
Польша	3	—	15	6
Чехословакия	2	—	8	6
Всего	26	27	66	36

Мы уже видели, как выполнялись планы подготовки и какие это вызывало трудности в каждой стране: усилий затрачивалось гораздо больше, чем показывают цифровые данные; становление движения Сопротивления было очевидным. Но союзников это не устраивало, и весной 1942 г. их эмоции проявились во всеобщем недовольстве, высказанном генералом Сикорским. Остро поставил тот же вопрос и генерал Маршалл, побывавший в Лондоне в апреле, — он настаивал на высадке войск в Европе в 1942 г. Эти две нити — отношения с союзниками и планы высадки — тянулись параллельно, однако, чтобы все понять лучше, рассматривать их следует по отдельности.

Генерал Сикорский подготовил документ, в котором настаивал на открытии Второго фронта в Европе¹. Один из разделов его был прямо предназначен УСО. Сопротивление в оккупированных странах, отмечал он, «имеет куда большее значение, чем полагают, при том условии, что *усилия объединенных наций будут направлены в одну сторону, готовиться методически и соотноситься со всем планом войны*». И еще одна выдержка: «*Необходимо создать общий штаб для всех стран в Европе, находящаяся под германской оккупацией*. Этот штаб должен состоять из офицеров генеральных штабов тех оккупированных стран, на которые можно серьезно рассчитывать в связи с будущими вооруженными восстаниями». Этому «общему союзному штабу», по сути, отводилась роль руководителя УСО, которое само низводилось (если продолжало бы существовать) до положения транспортно-снабженческой посреднической конторы.

Наконец-то появился претендент на наследство УСО, однако он оказался не из тех, кто удовлетворял бы военные инстинкты Комитета начальников штабов. Членов ОКП консультировало при

¹ COS(42)101(0) от 15 апреля, COS(42)122-е заседание, пункт 5, от 17 апреля и сопутствующие документы.

подготовке ответа¹ по большей части УСО², и они избрали твердую линию, будучи убеждены, что «воздушно-десантное вторжение в Польшу и Чехословакию невозможно. Транспортировка оружия для «тайных армий» этих стран в настоящее время невозможна. А даже если возможна, то нельзя оправдать отвлечение бомбардировщиков от наступательных действий ради акций неких специальных групп». ОКП согласился также с аргументами УСО против создания «общего союзного штаба»:

- доминирующую роль в нем играли бы поляки;
- в нем невозможно достичь согласия;
- он будет небезопасен;
- если даже будет достигнуто согласие, то штаб станет оказывать нежелательное давление на Комитет начальников штабов.

УСО, консультируя ОКП, вновь напомнило о концепции «четвертой руки» и предложило уведомить все союзные правительства об официальном статусе Управления. ОКП (в очередной раз) уклонилось от этого неудобного вопроса, зато согласилось, что генералу Сикорскому следует объяснить: «УСО действует как полномочное координационное ведомство, которому поставлена задача взаимодействовать с генеральными штабами оккупированных территорий». КНШ с этим согласился³, как и с другими рекомендациями ОКП, и начальник Имперского генерального штаба направил соответствующее уведомление генералу Сикорскому. Тогда стала ясна необходимость сходным образом направить к одному каналу (каналу УСО) и остальные союзные правительства, и 1 июня Комитет начальников штабов одобрил письмо всем правительствам в изгнании. Оно было подписано сэром Аланом Бруком как председателем Комитета начальников штабов⁴, копии были направлены в представительство Объединенного штаба в Вашингтоне и всем командующим за рубежом⁵.

¹ JP(42)465 от 1 мая 1942 г.

² JP(42)423(S) от 19 апреля и Записка бригадного генерала Габбинса в ОКП, датированная 22 апреля 1942 г. (Архив УСО, папка 1/470/1, ч. 2).

³ COS(42)137-е заседание, протокол 11, 2 мая и COS(42)141-е заседание, протокол 5, от 6 мая. См. также COS(42)142(0) от 19 мая и COS(42)159-е заседание, протокол 15, от 23 мая.

⁴ COS(42)274 (переработано) от 21 мая и COS(42)166-е заседание, протокол 11, от 1 июня.

⁵ COS(42)178-е заседание, протокол 7, от 13 июня и COS(ME)№ 271 от 13 июня.

Это письмо¹ (хотя нередко союзные правительства предпочитали забывать о его положениях) — важная веха для УСО. Подобно Договору с министерством иностранных дел оно, по сути, стало новым уставом. В отличие от Договора в письме шла речь не только об оккупированных странах. Было ясно, что наступит день, когда движение Спротивления обретет некоторую военную значимость, еще более ясно было то, что оно уже обладает огромной силой, а потому Комитет начальников штабов обязан уделить ему внимание. С точки зрения Комитета начальников штабов, *должно* существовать некое «буферное государство», способное умиротворять союзников, заниматься их требованиями и, насколько это возможно, вводить их деятельность в русло, соответствующее главным планам. УСО было готово играть эту роль, она неизбежно наделяла его большой властью «как посредника, к которому генеральным штабам надлежит обращаться по всем вопросам, связанным с диверсионной деятельностью, организацией движения Спротивления и «тайных армий».

Мнение министерства иностранных дел было запрошено, и оно, по-видимому, дало согласие².

В течение апреля велись переговоры об участии УСО в налетах на нефтяные цели³. Однако в то время УСО еще немного могло делать в этой области, и основной тезис, представляющий стратегический интерес, в проекте директивы звучал так: «...чтобы деятельность УСО соответствовала общему плану наступления, предложенному генералом Маршаллом»⁴. Обратились за разъяснениями во внутренние войска, поскольку тогда они (с Командованием совместных операций) несли основную ответственность за планы высадки; и те подтвердили наличие у них тесных связей с УСО. Руководство внутренних войск также принимало меры, чтобы обеспечить УСО достоверной информации

¹ Приведено в Приложении 6.

² Письмо полковника Дж.Р. Прайса (секретариат КНШ) м-ру У. Стрэнгу, датированное 3 июня 1942 г.; копия в папке 1/470/1, ч. 2 Архива УСО. [К.Р. Прайс, 1905—1987 гг., военный помощник секретаря Военного кабинета в 1940—1946 гг., директор военной разведки в 1956—1959 гг.]

³ Сведения есть в COS(42)102(0), COS(42)113(0), COS(42)138-e заседание, пункт 7, и сопутствующих документах.

⁴ Послание секретаря ОКП бригадному генералу Макнаббу, начальнику главного штаба внутренних войск, датировано 21 апреля 1942 г. Папка Архива УСО (AD/S.1) «SC/76 США», раздел «SO и генерал Маршалл».

ей о «районах, где деятельность патриотических сил и диверсии могут быть наиболее результативными»¹.

Получившийся в результате документ² был довольно рациональным, его официальный военный стиль резко контрастировал с гуманистическими настроениями, характерными для УСО. В документе было четко определено место УСО как одной из инстанций в военной иерархии. Более того, указывалось, что «УСО надлежит прилагать усилия по созданию и оснащению военизированных организаций в районе проектируемых операций». В том-то и заключалась разница между вялыми попытками создания «тайных армий», предпринятыми в августе 1941 г., и категорическим приказанием создать их для одной или нескольких особых операций. Это не план, это уже, по сути, задача действовать, пренебрегая политическими последствиями. Неизвестно, обращались ли по этому поводу за консультацией или за согласованием к министерству иностранных дел.

в) Ведомства видов вооруженных сил

Впрочем, хватит о стратегии. Данные указания не были постоянными и не всегда четкими, тем не менее связи поддерживались. То же самое можно сказать и в отношении отдельных ведомств и организаций видов ВС на родине, в то время как положение на Ближнем Востоке было гораздо сложнее.

С июля 1940 г. военное министерство уже не выказывало стремления контролировать или поглотить УСО, однако Управление по собственной инициативе до некоторой степени ассимилировалось с военным министерством. Оно располагало помещением в казармах Конной гвардии, его обычным прикрытием в делах служило наименование службы военного министерства МО1(SP). В Управлении было не так много кадровых военных, однако большая часть его персонала носила военную форму, а у некоторых имелся и военный опыт. Потому не было особых проблем по налаживанию «связи с военным министерством», и никакого централизованного механизма для этого не требовалось³. Действен-

¹ БГШ (планы) секретарю ОКП, апрель 1942 г.; в папке 1/470/1, ч. 2 Архива УСО.

² Воспроизведено Приложение 7. JP(42)479 от 6 мая, COS(42)133(0) от 12 мая, утвержденное в COS(42) 147-е заседание, пункт 5, от 11 мая. Детальные уточнения в COS(42)231-е заседание, протокол 2, от 5 августа.

³ До лета 1945 г. в отделе ведомственных связей имелся младший офицер. (Отдел AG до сих пор существует в Ликвидационном отделе УСО — август 1947 г.)

ное сотрудничество осуществлялось через множество отдельных каналов: кадры, вещевое снабжение, склады, размещение в помещениях и так далее. И если возникали проблемы, то они были технического свойства¹.

До появления в марте 1943 г. НШВСК* главными исполнительными органами были: Главная ставка внутренних войск, Командование совместных операций и командование воздушно-десантной дивизией. Внутренние войска уже занялись проблемой высадки и находились в контакте с УСО, воздушно-десантная дивизия с успехом могла бы перенять опыт УСО и его работы на Базе IX.

Что до КСО, то тут положение было несколько иное². Формально ведомственная связь прервалась с исчезновением Совета SO в феврале 1941 г., есть свидетельство об обмене проектами в марте 1941 г.³, однако, что касается выработки общей политики, немного было достигнуто до октября 1941 г., когда лорд Луи Маунтбаттен был назначен «советником по совместным операциям»⁴. С этого времени по-настоящему начинается становление ведомства совместных операций. Лорда Луи Маунтбаттена можно было смело назвать «другом» УСО, как в Лондоне⁵, так и — позже — в Юго-Восточной Азии, и он в полную силу использовал ресурсы УСО. Офицером связи со штаб-квартирой командования совместных операций был назначен в декабре 1941 г. майор инженерных войск Д.А. Вьятт, и он был весьма полезен советнику по совместным операциям, предоставляя в его распоряжение все средства, имеющиеся в Техническом директорате УСО.

В последующие несколько месяцев УСО приняло практическое участие в активных операциях. Оно снабжало людьми и

¹ См. «Технические истории УСО», часть III — «Технико-вещевое снабжение».

* [Начальник штаба Верховного союзного командующего (еще не назначенный) для высадки в Северо-Западной Европе (позже — операция «Владыка»), т.е. сэр Ф.Э. Морган, 1894—1967 гг., сражался во Франции в 1914—1918 и в 1940 гг., составил проект плана высадки, заместитель начальника штаба Верховного командующего в 1943—1945 гг. См. его книгу «Прелюдия к “Владыке” (1950); в НБС.]

² По этому поводу имеется информация мисс Уинифред Клоуз.

³ Перечень SO2 датирован 27 марта 1941 г., перечень Директората совместных операций составлен примерно в это же время; оба — в папке (AD/S.1) SC/75 Архива УСО.

⁴ Указание в COS (41)629 от 17 октября.

⁵ См., к примеру, запись беседы между лордом Луи Маунтбаттеном и м-ром Дальтоном от 9 января 1942 г. в папке (AD/S.1) SC/75 Архива УСО.

информацией норвежские рейды, возможно, даже с некоторым ущербом для себя. Управление подготовило людей и предоставило снаряжение как для брюневальского рейда 27—28 февраля 1942 г., так и для сент-назарского рейда 27—28 марта, вдобавок для каждой из этих операций УСО подыскало судетского немца и двух французских офицеров, которые участвовали в сент-назарском рейде¹. Майор Вьятт, офицер связи УСО, погиб во время Дьеппской операции (19 августа 1942 г.), и несколько месяцев должность его оставалась вакантной, но к тому времени отношения стали настолько тесными, что установились прямые связи между всеми службами с обеих сторон². Тем не менее, служба связей с Командованием совместных операций просуществовала до конца войны.

УСО располагало базами на Шетлендских островах, в Бургхеде, Лай-он-си, Хелфорде и на Гибралтаре, а также в Леванте и на Красном море. Размах действий был так значителен, что возникали даже управленческие трудности, равно как и опасность оперативных конфликтов. Однако, по счастью, различные «частные военно-морские флоты» УСО своим существованием не задевали Адмиралтейство, не провоцируя конфликтов по поводу приоритетов. Хотя в Управлении отмечали, что ВМФ уделяет СИС, как организации постарше, больше внимания³. Не раз обсуждался вопрос о том, какое содействие может оказать Адмиралтейству УСО в решении стратегических задач: нападении на судоходные линии противника, боевых действиях против подводных лодок, даже в уничтожении крупных вражеских судов. УСО не располагало возможностями сделать для ВМФ столько же, сколько и для армии, но все же Управлению было что предложить флоту⁴.

В своей структуре УСО не имело военно-морских офицеров, и отношениями с Адмиралтейством занималась особая военно-

¹ См. подробный перечень совместных операций, в которых участвовало УСО, датированный 16 апреля 1942 г., в папке (AD/S.1) SC/75 Архива УСО.

² См. Приложение «А» к «Истории связей со штаб-квартирой Командования совместных операций» УСО.

³ О спорах из-за Бретани и западного побережья Франции см. ранее на с. 381—382.

⁴ См. краткий перечень в Приложении «А» к «Истории военно-морского отдела УСО».

морская служба. Вначале капитан 2 ранга Р.Д. Ватсон* (был резидентом MI(R) в Румынии до сентября 1939 г.) входил в особый отдел ведомственных связей вместе с представителями армии и ВВС. В мае 1941 г. он заболел и был заменен контр-адмиралом Л.С. Холбруком**, который оставался офицером связи до апреля 1942 г. Позже была принята более прямая схема. Отдел связей с ВМФ стал военно-морским отделом УСО под командой капитана 1 ранга Г.А. Симпсона, он принял от Директората бригадного генерала Габбинса ответственность за все морские операции, базирующиеся в Соединенном Королевстве, а также отвечал за управление военно-морским хозяйством УСО: личный состав, склады, технические ведомственные связи, кроме взаимодействия с норвежским личным составом. Этот отдел был частью Директората военно-морской разведки под кодовым названием NID(Q), наряду с ним существовал NID(C) — для поддержания таких же отношений с СИС.

Наконец, в апреле 1943 г. отдел был повышен в статусе до Директората во главе с контр-адмиралом А.Г. Тэйлором***, который сделался военно-морским директором и получил место в Совете УСО. Вскоре после этого NID(Q) и NID(C) слили в рамках Дивизиона операций Адмиралтейства как DDOD(I), на который было возложено «проведение нелегальных операций в море на всех театрах войны». Норвежцами в Леруике и «левантийским рыболовным патрулем» руководили отдельные местные структуры, но в целом Адмиралтейство восстановило свое главенствующее положение. «Частный военно-морской флот» исчез, и Адмиралтейство взяло на себя обязательства, которые оно вряд ли одобрило бы в 1940 г. Нечего и говорить, что от них вскоре избавились.

Сотрудничество с Королевскими ВВС — более трудная задача. С одной стороны, УСО мало чем могло помочь Королевским ВВС в их противостоянии германским военно-воздушным силам. Были изобретены различные диверсионные устройства вроде бомб с барометрическими взрывателями (их можно было тайно подбросить в самолет, чтобы они взорвались, когда тот достигнет определенной высоты). Имелись и другие разработ-

* [Сэр Р.Д. Ватсон, 1904—1988 гг., введен в рыцарское достоинство в 1959 г., 4-й морской лорд, один из заместителей начальника Главного штаба ВМФ в 1955—1958 гг.]

** [1882—1974 гг.]

*** [1886—1972 гг.]

ки, например, нападение на экипажи KG.100 в Ваннесе или на «фокке-вульфы» в Мериныяке. Однако аэродромы в Западной Европе хорошо охранялись и не являлись легкой добычей, лишь один-два раза удалось добиться некоторых успехов, но ничего выдающегося¹, и практически ничего Пустынными группами дальнего действия не удалось достичь в Северной Африке. УСО могло, разумеется (как только удавалось создать собственную структуру), проводить нападения на промышленные объекты, которые нельзя было уничтожить бомбардировками, и позже оно сумело убедительно доказать, что «чумазы механики» способны вывести из строя больше паровозов, чем ВВС. Впрочем, в 1942 г. это все еще был вопрос спорный: нелегко было убедить несговорчивого маршала авиации, что агенты способны сделать больше, нежели тонна бомб.

С другой стороны, УСО понимало, что ее собственные операции невозможны без ВВС, поскольку нуждалось в воздушной поддержке. Повсюду (за исключением, пожалуй, Норвегии) ритм задавался количеством самолетов, которые удавалось раздобыть. По сути, УСО находилось в зависимости от министерства авиации, а у министерства авиации и без того хватало забот. К тому же речь-то шла об операциях особого свойства. Любой авиатор понимал, что в УСО мало кто имеет представление о технических трудностях, с которыми связаны полеты, и что на помощь агентов УСО «в поле» вряд ли можно надеяться. Даже операции по выброске груза были очень опасными, еще опаснее — посадки самолетов.

Нет необходимости описывать разного рода сложности и споры по поводу распределения самолетов и владения ими — они возникали почти повсеместно еще до конца 1941 г. Объем воздушной поддержки был примерно таков: в августе 1940 г. в Норт-Уилд был создан отряд № 419 в составе двух «лисандров». В октябре его перебросили в Страдишелл, а в феврале — в Ньюмаркет (тогда же переименовали в отряд № 1419). К тому времени в нем было уже три «уитли», один «лисандр» и один «мэриленд»: все это было направлено на покрытие потребностей СИС и УСО².

¹ За исключением, возможно, нападения на иракские ВВС, проведенного евреями в апреле 1941 г., в ходе которого было уничтожено шестнадцать самолетов.

² См. JIC(41)63 от 8 февраля 1941 г., COS(41)55-е заседание, пункт 14, от 14 февраля; послания м-ра Джебба генералу Исмэю от 22 февраля и заместителю командующего ВВС маршалу авиации Харрису от

В августе 1941 г. был впервые произведен скрупулезный подсчет потребностей УСО в авиации¹; эти данные начальник главного штаба ВВС передал в Комитет начальников штабов. Количество «уитли» в составе отряда № 1419 увеличили до шести, а вскоре отряд стал эскадрилей № 138, располагавшей восьмью «уитли», двумя «галифаксами» и одним «лисандром». «Галифаксы» в основном предназначались для Польши, и в составе эскадрильи числились один польский и один чешский экипажи.

Требования УСО увеличить «воздушные силы», однако, продолжались всю зиму, и в начале 1942 г. произошло еще одно существенное улучшение. В январе была сформирована эскадрилья № 161 (под командой подполковника авиации Филдена* из Королевского авиаотряда) в составе четырех «уитли», шести «лисандров», двух «веллингтонов» и одного «гудзона». В феврале оба звена были сведены вместе в составе авиакрыла № 107 и перебазировались на Темпсфорд, возле Сент-Неотса, что в Хантингдоншире². Там был аэродром, и именно оттуда осуществлялась воздушная поддержка движения Сопротивления в решающее для него время. Картина к тому времени была такова:

Эскадрилья № 138

4 «галифакса»

12 «уитли»

6 марта, а также ответ заместителя начальника главного штаба ВВС от 10 марта; послание м-ра Дальтона премьер-министру от 6 марта; послание командующего секретными службами (КСС) м-ру Джеббу, датированное 10 марта, и ответ последнего. Послания хранятся в папках (AD/S.1) «133» и F.112/3 Архива УСО. [Сэр А.Т. Харрис, 1892—1984 гг., заместитель начальника главного штаба ВВС в 1940—1941 гг., введен в рыцарское достоинство в 1942 г., командующий бомбардировочной авиацией в 1942—1945 гг., маршал Королевских ВВС с 1945 г., баронет с 1953 г.; в НБС. См. его книгу «Бомбардировщики идут в наступление» (1947), а также книгу сэра Чарльза Уебстера и Н. Франкленда «Стратегическое авианаступление против Германии в 1939—1945 годах» (в 4 томах, 1961).]

¹ См. ранее с. 553.

* [Сэр Э.Г. Филден, 1903—1976 гг., командовал Королевским авиаотрядом в 1936—1962 гг., введен в рыцарское достоинство в 1952 г.]

² Имеется краткая история базы ВВС в Темпсфорде (Архив УСО, I/420/18). С этого аэродрома с апреля 1942 г. по май 1945 г. «в поле» доставлено: 29 000 контейнеров, более 1100 агентов, около 10 000 упаковок («История Темпсфорда», с. 2).

Задания УСО в основном выполняла эскадрилья № 138, операции с посадками совершались на «лисандрах» эскадрильи № 161, а ее «уйтли» использовались главным образом для СИС. Остальные три самолета были предназначены для выполнения особых заданий.

Эскадрилья № 138 постепенно переоснащалась «галифаксами», что существенно расширяло ее возможности — и в радиусе действия, и в увеличении полезной нагрузки, однако процесс этот был завершен только к осени 1942 г.

Таким образом, удалось создать небольшие, но действенные авиационные подразделения, базировавшиеся на территории Соединенного Королевства. На Ближнем Востоке дела продвигались медленнее. Впервые сильный нажим был оказан осенью 1941 г., когда на политическую авансцену вышел Михайлович. Обсуждений и споров было много, но результатов — мало, поскольку в Северной Африке ощущалась нехватка самолетов с достаточным радиусом действия. Обещанное особое звено¹ так и не было создано, два присланных «уйтли» оказались слишком тихоходными и не могли долететь до цели за темное время суток. Дали еще два «уйтли», но они оказались непригодны; четыре «уйтли» вылетели из Англии, но три из них были уничтожены на земле — на Мальте. Единственная надежда оставалась на «либерейторы», а на Ближнем Востоке было всего три «либерейтора» подходящей модификации. Ничего больше сделать было нельзя, разве что за счет Прибрежного командования. И только в октябре 1941 г.² в Египте создали настоящий авиаотряд специального назначения, который был укомплектован всего лишь двумя «уйтли» из эскадрильи № 138. Мы уже знаем, что это значило для Михайловича и капитана Хадсона.

Несмотря на такой дефицит, за два года в Соединенном Королевстве многое сделали для создания рациональной организации на «рабочем уровне». Полная процедура оформления

¹ COS(41)339-е заседание, пункт 2, от 1 октября.

² Из «Сводки о предоставлении самолетов для УСО в Каире и на Мальте», датированной 1 ноября 1941 г.; копия в папке (AD/S.1) F/68.14 Архива УСО.

одной операции в конечном виде¹ включала двадцать три стадии и требовала получения семи различных санкций. К тому же имелись еще и технические осложнения. Первоначальная картина (при бригадном генерале Габбинсе в качестве директора операций) такова: отвечал за все воздушные операции подполковник Барри; на него выходили все территориальные отделы с заявками на проведение операций; он, в свою очередь, сносился с министерством авиации через отдел связи с авиацией, который одновременно являлся AI10 в Директорате разведки министерства авиации. Через одну из своих служб (AI12с) директор разведки выяснял обстановку — данные о территории и расположении противника — и решал, возможно ли ее проведение. Через другую службу (ее кодовое наименование в разное время было различным) он осуществлял скрупулезный оперативный контроль за эскадрильями спецназа. Вначале эти эскадрильи входили в систему управления истребительной авиации как группа № 11, позднее — как группа № 3 в систему бомбардировочной авиации, но оперативное управление министерство авиации передало командованию бомбардировочной авиации только в августе 1943 г.²

Такая организация усложнялась как со стороны УСО, так и со стороны министерства авиации. В результате появилась «совещательная комната» в Норджби-хауз, где проводились детальные обсуждения операций в режиме особой секретности и защиты, а структура воздушных операций УСО обрела отдел выбора цели, отдел Q и отдел радио. За городом располагались обширная база упаковки в Гэйнс-Холл, Сент-Неотс³, где также находилась гостиница для агентов, ожидавших транспортировки. В Хенлоу⁴ под началом ВВС располагался парашютный отдел. Проводились специальные курсы для агентов по организации операций, связанных с посадкой, и применению навигационной

¹ Так записано в документе майора авиации Брейсуэйтса «Воздушные операции — УСО», датированном 13 ноября 1945 г.; копия в «Истории УСО».

² COS(43)491(0) от 25 августа, Приложение I.

³ Упаковка приобрела такой размах, что в сентябре 1943 г. посторонняя фирма паковщиков («Карпет трейдерс, лтд Киддерминстер») была привлечена к паковке «стандартных грузов», для того чтобы создать резерв поставок для операций 1944 г. Для примера: в 1941 г. было упаковано 95 контейнеров, в 1944 г. — 56 464.

⁴ См. «Историю связи с авиацией: УСО — парашютный отдел специального назначения», написанную капитаном авиации Банном.

аппаратуры «Ребекка — Эврика». Впрочем, основные составляющие структуры оставались неизменными: все заявки на операции стекались в один отдел УСО, а последнее слово по подготовке и проведению операций оставалось за ВВС, а не за УСО.

Отношения на более высоком уровне были не столь благополучными. В УСО считали, что отчасти причина тут в отсутствии у ВВС понимания их целей и в недоверии к его внутренней организации, а потому Управление стремилось разделить с ВВС долю ответственности. С другой стороны, ВВС испытывали трудности в подборе людей: трудно было рассчитывать на то, что в период такого бурного развития ВВС отыщутся кадровые офицеры, которые прельстятся канцелярской службой. Первым опытом¹ стало назначение в апреле 1942 г. полковника авиации Грирсона в аппарат бригадного генерала Габбинса, которому отводилась организующая роль в качестве директора отдела операций; на него возлагались и другие обязанности, помимо воздушных операций. При таком режиме действенность системы улучшалась день ото дня, но, как выяснилось, это не способствовало взаимопониманию². УСО и методы его работы по-прежнему оставались тайной для большинства ответственных офицеров Королевских ВВС, в частности, для заместителя командующего бомбардировочной авиацией.

2) Пропаганда

Мы уже проследили историю отношений УСО с министерством информации до сентября 1941 г., когда потерпел крах замысел объединенной подрывной работы. Рассказ об операциях давал представление едва ли не о каждом аспекте того, что сие означало. Положение де Голля отчасти держалось на агентах,

¹ Инициатива принадлежала сэру Фрэнку Нельсону, направившему 30 января 1942 г. письмо помощнику начальника главного штаба ВВС вице-маршалу авиации Медхерсту. Документы в папке (AD/S.1) 133 Архива УСО. См. также Записку бригадного генерала Габбинса CD, датированную 24 февраля 1942 г., в ней содержался отчет о встрече с заместителем начальника главного штаба ВВС. [Сэр К.Э.Г. Медхерст, 1896—1954 гг., помощник начальника главного штаба ВВС по разведке в 1941 г., по политике — в 1942 г., командующий авиацией на Ближнем Востоке в 1945—1948 гг.]

² В мае 1942 г. было выдвинуто предложение, чтобы бригадный генерал авиации Л.Дж.С. Пэйн, занимавший в то время пост директора в СИС, действовал как офицер связи «на высоком уровне». УСО его отвергло. Документы в папке (AD/S.1) 133 Архива УСО.

которых посылало «в поле» УСО, и на деньгах, оружии, радиопередатчиках УСО, однако первоначально его успех, возможно, обеспечивали полученные им в распоряжение радиовещательные возможности Би-би-си. Столь же важно было для него получить доступ к секретной станции, содержащейся УПВ. Отношение к де Голлю в собственных передающих структурах Би-би-си и других прямых средствах британской пропаганды тоже имело существенное значение. Такая же ситуация обозначилась повсюду в Европе: в отношениях между Михайловичем и партизанами, между греческим королем Георгом и ЭАМ, между правыми и левыми в других странах Запада. Для того чтобы расти и сражаться, движению Сопротивления, кроме оружия, нужен был голос, и распоряжаться и тем и другим порознь было нельзя¹.

К сожалению, распорядились ими так, что в этой книге невозможно представить полную историю подрывной политики или даже отношений между «подрывными» ведомствами. Потому мы ограничим лишь беглым обзором позиции самого УСО до конца лета 1942 г.

Министерство информации по-прежнему вело работу внахлест с УСО только в отношении Соединенных Штатов Америки, России, Дальнего Востока, арабского мира, Южной Америки и неоккупированных стран Европы. В каждой стране имелись свои трудности, но потребность в УСО здесь была гораздо меньшей, чем в зоне действия Управления политической войны, где каждый неверный шаг приводил к серьезным осложнениям. Страны арабского мира, однако, не принадлежали к числу территорий, где УСО работало особенно активно². В других регионах все, что требовалось, — это наладить рабочие связи между руководителями отделов и назначить офицеров для связи. Достичь этого удалось к лету 1942 г., когда был составлен меморандум³, устанавливавший общие принципы действий и детальный

¹ Вот что писал по другому поводу лорд Селборн сэру Орму Сарджену 16 апреля 1943 г.: «Если мои офицеры будут говорить грекам и югославам одно, а Би-би-си утверждать нечто противоположное, то им вполне могут глотки перерезать. Вот какая ответственность ложится на ваши плечи, равно как и на мои».

² [СНОСКА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.]

³ Направлен лорду Селборну м-ром Брэкеном 2 июня 1942 г.; ответ лорда Селборна, датированный 9 июня, находится в папке (AD/S.1) 152

порядок для каждой территории. Суть его сводилась к тому, что УСО не вяжется в «подрывную» деятельность на территории, курируемой министерством информации, если только о том его не попросит министерство иностранных дел или местный командующий. Мало того, если такая деятельность будет связана с пропагандой, министерство информации должно знать о ее масштабах. УСО не имеет права вести открытую пропаганду, за исключением тех случаев, когда к нему с запросом обратится министерство информации. Наконец, резиденты УСО не должны привлекать сотрудников министерства информации на местах к каким-либо действиям, о которых нельзя извещать министерство и которые не были должным образом санкционированы им¹.

В целом план предлагался довольно разумный. Министерство иностранных дел и военные были единодушны: за открытую пропаганду отвечает министерство информации, за секретную — УСО.

К сожалению, Управление политической войны было детищем министерства информации и исповедовало противоположные принципы — единой пропаганды в зонах войны. Существовало в каком-то смысле три уровня: министерство иностранных дел в согласии с Комитетом начальников штабов отвечало за общие направления политики; Управление политической войны — за разработку более детальной политики в отношении к германской «империи»; Управление особых операций претворяло в жизнь указания УПВ повсюду за пределами Соединенного Королевства. На каждом из этих уровней действовал свой министр, имевший независимый доступ «на самый верх».

Такая конструкция явно была непрочной, и все же роль УСО в ней была крайне важна, поскольку оно осуществляло засылку агентов в страны, оккупированные противником. На этом поле расплодилось слишком много британских «туристических бюро», и любой конфликт между ними становился источником громадной опасности. УПВ довольно охотно согласилось с тем, что УСО осуществляет оперативный контроль за его агентами «в

«Связи с Мининформом». Меморандум был возвращен с незначительными поправками м-ра Спорборга м-ру Граббу 10 июня, что подтверждено в письме м-ра Грабба от 2 июля и м-ра Спорборга от 28 июля. Все они в той же самой папке 152. [Сэр К.Дж. Грабб, 1900—1980 гг., инспектор министерства информации в 1941—1946 гг., введен в рыцарское достоинство в 1953 г.; в НБС.]

¹ Последняя часть этой «Хартии» напечатана в Приложении 8.

поле», — мы уже знаем, как эти люди проникали в Бельгию и во Францию летом 1942 г. Когда речь шла о работе «в поле», они действовали, как и другие агенты, с той лишь разницей, что в основном они занимались оценкой состояния общественного мнения и поддержкой подпольной прессы. Люди эти обучались в обычных школах УСО, но получали и специальную подготовку, которую именовали «школой Хаккетта» — по имени ее первого коменданта майора Хаккетта. Вначале она действовала в Бьюли под эгидой Управления политической войны, а в октябре 1941 г. в Пертен-Холле, в двадцати пяти милях от загородной штаб-квартиры УПВ, была открыта новая школа, включившая в себя личный состав старой (его называли STP — персонал спецподготовки). В мае 1942 г. школа вновь переехала и теперь находилась в шести милях от загородной штаб-квартиры УПВ. Весной 1943 г. ее приравнивали к другим учреждениям УСО и перевели в Уолл-Холл, графство Алденхэм, как СРБ 39, находящуюся под управлением УСО. Школа продолжала действовать до мая 1944 г., всего в ней обучалось около 200 слушателей. Управление политической войны продолжало контролировать специальную подготовку.

Не столь однозначно все выглядело в так называемых базовых регионах за границей, важнейшими из которых являлись Гибралтар, Западная Африка, Ближний Восток и США¹. В этих регионах доминировал тот же принцип единства пропаганды, утвержденный в Великобритании. Коль скоро Управлению политической войны надлежало стать воистину службой «специалистов», только очень обоснованные возражения практического порядка могли воспрепятствовать отправке его людей за границу. К сожалению, в каждом из этих регионов уже существовали представительства, действовавшие на основе альтернативного принципа «единства разложения», и их функции были четко очерчены, когда м-р Дальтон давал согласие на создание Управления политической войны. В Британии УПВ появилось, дабы объединить различные организации, за границей же это Управление могло действовать, лишь разрушив то, что уже было объединено и находилось в рабочем порядке.

¹ Засылка Управлением политической войны мисс Виккерманн в Швейцарию в сентябре 1941 г. сопровождалась небольшими трудностями. См. папку (AD/S.1) F.48/3с Архива УСО, а также «Историю УПВ» Гарнетта, том II, с. 125—129.

Нешуточные споры возникли из-за Западной Африки и Со-единенных Штатов Америки. Высказывались серьезные сомне-ния в разумности принятого решения. В США в июле 1942 г. прибыл м-р Дэвид Боуз-Лайон* и забрал значительную часть орга-низации сэра Уильяма Стивенсона¹. Создание представительства УПВ в Западной Африке основательно задержалось, и работу на-чали только в декабре 1942 г., когда было уже слишком поздно нападать на территорию Виши². На Гибралтаре дела обстояли тоже трудно, поскольку УПВ сразу же предложило создать собствен-ный отряд пропагандистов в переполненных убежищах Скалы³ и забросить туда радиостанцию. Урегулировано это было в июне 1942 г. учреждением совместного представительства УПВ/УСО, однако радиовещательные планы УПВ не состоялись, и радиийная часть отряда была отозвана в сентябре 1942 г.

Проблема Ближнего Востока вносила смятение в умы еще много месяцев. В сентябре 1941 г. м-ру Дальтону только-только удалось снять напряжение в Ближневосточном отделении УСО, приняв решение об объединении⁴, и было бы административ-ным безумием вновь будоражить новую структуру. Кроме того, Балканы уже рассматривались как регион открытой партизан-ской войны⁵, так что имелись все причины сохранять единое управление агентами «в поле» и предназначавшимися для рабо-ты с ними «секретными» радиовещательными станциями. Мно-гие из сотрудников радио были жителями оккупированных государств, их еще раньше, в 1941 г., вывезли «полевые» сотруд-ники УСО после прихода немцев, и многие из этих сотрудников УСО все еще активно действовали в Каирской организации.

* [Сэр Д. Боуз-Лайон, 1902—1961 гг., зять короля Георга VI, бан-кир, в УПВ в 1941—1945 гг.]

¹ «История УПВ» Гарнетта, с. 120. В отношении засылки агента УПВ в Швейцарию (мисс Э. Виккерманн) см. у Гарнетта с. 125. [Э. Виккер-манн, 1901—1971 гг., писательница, в УПВ в 1941—1945 гг., покончила жизнь самоубийством; см. ее книгу «Европа, которую я видела» (1968); в НБС.]

² «История УПВ» Гарнетта, с. 130 и далее.

³ Переписка по этому поводу содержится в папке (AD/S.1) F/71.8a Архива УСО — «Гибралтар УПВ» и «Истории УПВ» Гарнетта, с. 127 и далее.

⁴ В августе 1941 г. туда был направлен м-р Максвелл; см. также письмо м-ра Дальтона м-ру Идену от 22 сентября 1941 г. в папке (AD/S.1) 131, т. 1, Архива УСО.

⁵ Первые сообщения о Михайловиче почти совпадают по времени с этими событиями.

По этим причинам поначалу не предпринималось лобовых атак на позиции УСО на Ближнем Востоке. Вопрос имел фундаментальное значение, но он еще не созрел для практического решения, и споры, в которые был втянут министерский комитет, как представляется, велись из-за общей направленности пропаганды — ведь м-р Дальтон по-прежнему нес за нее свою долю ответственности, хотя пропагандисты старой SO1 уже фактически вышли из-под его контроля.

Нам нет необходимости рассматривать направление, выдвинутое им в официальном документе от 6 декабря 1941 г. и изложенное «на недавней конференции МОТ в Соединенных Штатах, на которой Правительство Его Величества представлял лорд-хранитель малой печати (м-р Эттли. — У.М.), а также подтвержденное свидетельствами того, что именно рабочий класс, а в особенности промышленный рабочий класс, является нашим лучшим союзником на оккупированных территориях и в перспективе нашим лучшим союзником в самих странах противника»¹. Вместе с тем существенно, что 9 декабря м-р Дальтон вручил м-ру Эттли Памятную записку², в которой резко возразил м-ру Брэкену, настаивавшему, что «УСО не должно иметь никакого касательства к любому виду пропаганды». По мнению м-ра Дальтона, УСО не утратило интереса к подрывной пропаганде и вносит свой вклад в общее дело, а вклад министерства информации — всего лишь руководство Би-би-си.

30 декабря, когда м-р Эттли исполнял обязанности премьер-министра в отсутствие отбывшего в Вашингтон м-ра Черчилля, м-р Дальтон продвинулся в своих направлениях еще на шаг, направив и.о. премьера «Предложение о министерстве экономической и политической войны»: «Пусть проляжет четкая линия раздела между обязанностями министра информации и моими. Пусть он отвечает за всю информационно-пропагандистскую работу на внутреннем фронте, в Британской империи (как в доминионах, так и в колониях и Индии), в Америках (как США, так и в Латинской Америке), в СССР и других подобных нейтральных странах. Это — наряду с цензурой — даст, несомненно, объем для полномасштабной работы. Позвольте мне, с другой стороны, отвечать за всю пропаганду, направленную про-

¹ Копия в папке (AD/S.1) «131 УПВ», т. 1, Архива УСО.

² Письма м-ру Эттли и м-ру Идену, датированные 7 января 1942 г., сопровождаемые копиями письма м-ра Даффа Купера от 6 июня 1941 г.; в папке 131(AD/S.1), т. 1 Архива УСО.

тив врага и оккупированных врагом территорий (нынешнее устройство на Ближнем Востоке можно, я полагаю, оставить как оно есть, под началом Литлтона и Монктона). В этом случае я стану фактически министром политической, равно как и экономической войны, и мое ведомство может быть соответствующим образом переименовано. В таком случае я окажусь способен упростить и улучшить многие из нынешних структур. С одной стороны, ведомство политической войны окажется тесно спаянным с УСО, с другой — станет возможной более тесная координация разведки». В этом есть здравый смысл, и м-р Дальтон мог процитировать м-ра Даффа Купера как вынужденно уверовавшего в эту логику, однако м-р Брэкен был орешком крепче, чем м-р Купер; и было ясно, что только политическими мотивами будут руководствоваться, решая, кого — м-ра Брэкена или м-ра Дальтона — вывести из министерского комитета, руководящего Управлением политической войны¹.

Решение пришло 22 февраля: м-ра Дальтона повысили, назначив президентом Торгового совета, а лорда Селборна — министром экономической войны, сняв с него ответственность за Управление политической войны. Публично о перемене было сообщено в ответе на парламентский запрос 18 марта: «Государственный министр иностранных дел будет по-прежнему нести ответственность за политику, в то время как министр информации станет единолично нести административную ответственность за Управление политической войны. Все виды пропаганды, таким образом, сводятся под административный контроль одного министра».

Этот текст был представлен на утверждение премьер-министру м-ром Иденом 13 марта, после согласования с лордом Селборном, который настаивал лишь на поддержании тесных связей с УСО: «Я считаю, что УСО вообще не сможет функционировать, если будет отторгнуто от всей работы, связанной с секретной подрывной пропагандой. Если вы постараетесь наглядно представить себе положение любого агента, направляемого нами на территорию, оккупированную противником, то непременно поймете, что действовать он сможет только тогда, когда соберет

¹ Документы УСО проливают мало света на подробности этого эпизода. 3 февраля м-р Джебб доложил министру о неминуемой атаке; копия в папке (AD/S.1) 131 Архива УСО. А 4 февраля м-р Иден написал Дальтону, и начались переговоры о договоре с министерством иностранных дел.

вокруг себя группу местных жителей-единомышленников, и что методику подобных действий иначе как «секретной подрывной пропагандой», не назовешь»¹. Эта очень важная оговорка вновь настойчиво прозвучала 23 марта в письме м-ра Джебба м-ру Брюсу-Локкарту и 25 марта в письме министра м-ру Брэкену².

Нет сомнений, что эта перемена сразу же сняла напряженность. Личные отношения между тремя министрами стали почти превосходными, на нижнем рабочем уровне и без того в основном все были готовы сотрудничать. Формальные договоренности об установлении межведомственных связей были достигнуты с образованием Управления политической войны: м-р Дэвид Боуз-Лайон был назначен главным офицером связи УПВ и получил свободный доступ на Бейкер-стрит³, а 7 и 28 октября под председательством сэра Чарльза Хамбро были проведены совещания по связям⁴. К февралю 1942 г. эти проводившиеся от случая к случаю совещания привели к организации Комитета планирования, который должен был изучить и доложить, «до какой степени оперативная пропаганда, в особенности связанная с обучением и постановкой задач в сфере диверсионной деятельности, может использоваться в открытом радиовещании»⁵.

Комитет этот, по-видимому, собрался только 24 апреля, когда под председательством м-ра Дэвида Гарнетта встретились представители трех ведомств Службы, а также МЭВ и УСО⁶. В июне Комитет реорганизовали, председателем сделали м-ра Айвона Киркпатрика (представителя министерства иностранных дел на Би-би-си), а представителей ведомств Службы вывели из него. Комитет стал отвечать за проведение общей кампании «оперативной пропаганды», которую одобрил Комитет начальников штабов, «при условии, что это не создаст угрозы ни созданию «тайных армий», ни всеобщему восстанию патриотов, ни диверсионной деятельности, связанной с прово-

¹ Письмо от 9 марта; копия в папке (AD/S.1) 131, т. 1, Архива УСО.

² Оба письма имеют отношение к «Записке о реорганизации УПВ» от 20 марта; все в папке (AD/S.1) 131, т. 1, Архива УСО.

³ Записка м-ра Джебба м-ру Дальтону от 15 сентября; в папке (AD/S.1) 131, т. 1, Архива УСО.

⁴ Записки в папке (AD/S.1) 131, т. 1, Архива УСО.

⁵ Протоколы совещания у м-ра Брюса-Локкарта 16 февраля; в папке (AD/S.1), т. 1, Архива УСО.

⁶ Протоколы в папке 1/270/3 Архива УСО. См. также первый выпущенный Комитетом документ PW(Op.)(42)1 от 20 апреля, в той же папке.

димыми операциями»¹. Рассказ об этой первой «фазированной» кампании, которая была направлена на нарушение транспортных коммуникаций, принадлежит «Истории УПВ»; оценка, данная ей в документах УСО, такова: первые ее фазы оказались поразительно эффективными, однако еще раз подтвердилась политическая непригодность «жесткой» линии побуждения к диверсиям: нельзя было идти на риск, подвергая население массовым карательным акциям². Как бы то ни было, такое сотрудничество совсем по-новому связало оба ведомства, и в марте 1943 г. сэр Чарльз Хамбро совершенно искренне писал лорду Гленконнеру на Ближний Восток о том, как превосходно осуществляется согласованное разделение обязанностей³. На деле зимой 1942/43 г. ситуация сложилась так, что оба ведомства уже совместно пытались одолеть препоны министерства иностранных дел.

В такой атмосфере заработали прежние формальные связи⁴:

- 1) Комитет УПВ/УСО по политике, начавший работу в феврале 1942 г. и проводивший заседания обыкновенно два раза в месяц «на высочайшем официальном уровне»⁵.
- 2) Прямые связи между руководителями региональных и территориальных отделов и частные совещания — либо регулярные, либо *ad hoc*⁶.
- 3) Офицеры связи «низкого уровня» — для незначительных практических дел в службе «D/Q», в обязанности которой входила также связь с министерством информации.

¹ PW(Op.)(42)3, процитированный в письме сэра Чарльза Хамбро м-ру Брюсу-Локкарту от 12 июня 1942 г.; в папке 1/270/3 Архива УСО. Сведений о реакции КНШ найти не удалось, возможно, одобрение было выражено неофициально.

² Представителями УСО были м-р Спорборг и м-р Робин Брук. См. отчеты м-ра Брука CD от 7 сентября и 16 октября (среди прочих) в папке 1/270/3 Архива УСО. [Сэр Р.Э. Брук, 1908—1998 гг., помощник Дальтона в 1940—1942 гг., директор разведки в УСО в 1942—1944 гг., возглавлял Управление специальных войск при ШФВВР в 1944—1945 гг., достиг больших успехов в Сити, введен в рыцарское достоинство в 1974 г.]

³ Различные письма и телеграммы в папке (AD/S.1) 68/4 Архива УСО.

⁴ Это отражено в письме сэра Чарльза Хамбро м-ру Брюсу-Локкарту от 12 июня; в папке 1/270/3 Архива УСО.

⁵ Протоколы в папке 1/270/3 Архива УСО.

⁶ Применительно к этому (*лат.*), здесь: до определенной теме.

Разногласия в такой сложной сфере деятельности все же неизбежны, но они больше не мешали делу.

В Лондоне практические задачи по большей части находились в процессе решения, оставалось найти этому некое формальное выражение при обсуждении сложного вопроса о Ближнем Востоке¹.

Оба эти вопроса были тесно увязаны. Мы уже видели, как проходило утверждение м-ра Максвелла в качестве инспектора УСО в Каире; тогда произошли события, встреченные неодобрительно Управлением политической войны: создание Департамента специальной пропаганды во главе с м-ром Юэном Батлером, образование Иерусалимского бюро [ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ] и, наконец, вынужденное согласие направить туда «высокопоставленного координатора» пропаганды из Каира. Сэр Уолтер Монктон прибыл в этом качестве на Ближний Восток осенью 1941 г. В Лондоне уже разгорался спор между министерством иностранных дел, Управлением политической войны и УСО по поводу пропагандистских планов, нацеленных на поддержку наступления в Северной Африке в ноябре 1941 г.² Его приезду предшествовала телеграмма государственного министра³ от 3 декабря, сообщавшая о рекомендациях комитета, руководимого сэром Уолтером Монктоном, «изучавшего механизм пропагандистской информации, исходящей из Каира». Это фактически не влекло за собой никакой перемены в положении УСО, однако копию телеграммы м-ру Дальтону не направили, а потому первым его желанием было выразить резкий протест⁴. М-р Максвелл, однако, разъяснил, что он во всем действовал в соответствии с рекомендациями сэра Уолтера Монктона, и заверил, что нет никакой причины для тревоги⁵.

¹ Отношение УПВ к этим событиям см. в «Истории УПВ» Гарнетта, с. 136.

² Два письма м-ра Дальтона м-ру Идену, датированные 18 ноября 1941 г., ответы м-ра Идена 19, 20 и 27 ноября; копии в папке (AD/S.1) 68/4, ч. I, Архива УСО.

³ № 3806 от 3 декабря 1941 г. — в папке (AD/S.1) 68/4, ч. I, Архива УСО.

⁴ № 138 от 6 декабря 1941 г. м-ру Максвеллу — в папке (AD/S.1) 68/4, ч. I, Архива УСО.

⁵ № 133 «Альфа» от 7 декабря полковнику Тэйлору — в папке (AD/S.1) 68/4, ч. I, Архива УСО.

А в Лондоне «планы политической войны» создавались УПВ в контакте с УСО, но и не без взаимных обвинений по поводу масштаба полномочий УПВ. Следующий этап отмечен приходом Максвелла в Лондон в январе 1942 г. Совещание, на котором он присутствовал, проводилось 23 января в министерстве иностранных дел, между УПВ и УСО была согласована формула, суть которой такова¹:

«УПВ вырабатывает линию поведения и доводит ее до сведения сэра Уолтера Монктона, который дает указания как по открытым, так и по скрытым средствам ведения войны пропагандистским организациям на Ближнем Востоке, работающим под его руководством. Пропаганда УСО с Ближнего Востока, следовательно, должна соответствовать указаниям, полученным Управлением от сэра Уолтера Монктона. О всяком отклонении от установленной линии поведения, на которое УСО вынуждено будет пойти по оперативным причинам, должно быть сообщено сэру Уолтеру Монктому, и тот в случае сомнений обращается к УПВ в Лондоне...

Наконец, координацию завершают представительство м-ра Дальтона в Совете министров и тесные связи, установленные между региональными руководителями УСО и УПВ в Лондоне. Инспектор УСО на Ближнем Востоке и директор специальной пропаганды становятся членами «комитета Монктона», что обеспечивает координацию в Каире».

Протокол так и не получил одобрения министерства иностранных дел, и фактически письмо м-ра Идена² м-ру Дальтону от 12 февраля содержит ответ министерства иностранных дел: «Обязан заявить: я возмущен, обнаружив, что УСО на Ближнем Востоке вообще занимается какой-либо пропагандой. Несомненным является то, что ведение всякой пропаганды УСО, как открытой, так и подрывной, противоречит разделению установленных функций: УПВ предписано вести пропаганду в странах противника и оккупированных противником, а министерству информации — в нейтральных странах». (Это несколько неискренне, ведь м-р Дальтон не раз заявлял, что УСО должно действовать в качестве агента Управления политической войны за границей.) В письме содержатся нападки на УСО за несанкционированную

¹ Копия исправленного протокола, датированного 1 февраля 1942 г., в папке (AD/S.1) 68/4, ч. I, Архива УСО.

² Оригинал в папке (AD/S.1) 68/4, ч. I, Архива УСО.

подготовку вещания на курдов, армян и грузин¹, а завершается оно критикой позиции сэра Уолтера Монктона как координатора, желающего распространить влияние государственного министра за пределы того, что установлено в директиве. Фактически речь шла о стремлении УПВ, УСО и канцелярии госминистра совместными усилиями отстранить министерство иностранных дел от контроля за британской политикой на Балканах.

Лорд Селборн обнаружил это послание у себя на столе 22 февраля, когда вступил в должность, получив, в частности, задачу следить за тем, чтобы УСО всемерно поддерживало внешнюю политику правительства Его Величества. Переговоры, таким образом, предстояло вести снова в несколько ином свете. А 6 и 7 февраля радиостанция УСО в Палестине «Свободный голос Греции» обрушилась с яростными нападками на короля Греции Георга, что вызвало сильное недовольство Форин-офис и весьма ослабило позиции УСО. Дабы подкрепить свои позиции, руководители УСО, находившиеся на Ближнем Востоке, заявили: «Скрытое радиовещание УСО ныне образует составную часть военного плана командования, и любая помеха его развитию вызовет резкие возражения со стороны командующего»². Ответ лорда Селборна³ на письмо м-ра Идена был выдержан в мягких тонах, тем не менее директор отдела специальной пропаганды полковник Юэн Батлер был вызван в Лондон из Каира, чтобы отстаивать позиции УСО, а м-р Джебб 20 марта, поддерживая его, изложил аргументы УСО сэру Орму Сардженту⁴. Министерство иностранных дел, со своей стороны, убеждало УСО отказаться от любых проектов, связанных с подрывной деятельностью в Турции⁵, и выражало тревогу по поводу Гибралтара [ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ] и планов УСО в отношении Португальской Восточной Африки.

¹ Разногласие несущественное, в дальнейшем разъяснялось в послании м-ра Джебба F/3243/68/4 от 16 марта, направленном сэру Орму Сардженту, и сопутствующих документах, частично хранящихся в папке (AD/S.1) 68/4, ч. I, Архива УСО.

² Телеграмма м-ра Максвелла «Альфа» 202 CD, датированная 5 марта; копия в папке (AD/S.1) 68/4, ч. I, Архива УСО.

³ Датирован 21 марта 1942 г. — в документах лорда Селборна.

⁴ Копия в папке (AD/S.1) 68/4, ч. I, Архива УСО.

⁵ Послание лорда Селборна м-ру Идену 31 марта, а также дальнейшая переписка в документах лорда Селборна.

Внутри УСО господствовало абсолютное согласие по вопросу «разложения»: «черная» пропаганда была необходимой частью подрывных операций. Однако имелись некоторые расхождения в отношении того, какую линию отстаивать перед другими ведомствами. По мнению м-ра Джебба, отраженному в различных документах¹, можно и нужно вести переговоры о соглашении с Управлением политической войны, дабы придать официальный статус достигнутому компромиссу и создать основу для настоящего сотрудничества между ведомствами. Полковник Тэйлор не видел никакой логики в отказе признать УСО ответственным за всю «черную» пропаганду, ведущуюся из Соединенного Королевства, а также с Ближнего Востока. Министерство информации могло бы заниматься открытой пропагандой где угодно, а УСО — скрытой (по сути, это решение м-ра Дальтона декабря 1941 г.²). На какое-то время дело было улажено после личной беседы лорда Селборна с м-ром Брэкенем, когда тот согласился не менять положение, утвердившееся на Ближнем Востоке³.

На том все и застопорилось, пока Форин-офис не взял на себя инициативу и не предложил более радикальное решение. Предложение⁴ 5 июля представил сэр Орм Сарджент: полностью передать функции скрытой пропаганды на Ближнем Востоке от УСО Управлению политической войны. Это подтверждало оценку Ближнего Востока как «базового региона», аналогичного Соединенному Королевству, где Управлению политической войны предстояло создать собственную сеть специалистов. Документ обсуждался с сэром Чарльзом Хамбро, и сам м-р Иден 22 июня дал ему ход, сопроводив положительным отзывом⁵. Ответ лорда Селборна отослан только 24 июля⁶, но в нем были подведены итоги широких и обстоятельных обсуждений внутри

¹ Записка лорду Селборну, датированная 1 марта, с проектом Договора с УПВ; Записка CD, датированная 12 апреля, и копия ее лорду Селборну от 13 апреля; Записка лорду Селборну, датированная 18 апреля, — все в папке (AD/S.1) 131, ч. I, Архива УСО.

² Записка от 1 апреля в папке (AD/S.1) 131, ч. I, Архива УСО.

³ Беседа за обедом 8 апреля, а также письмо лорда Селборна м-ру Брэкену, датированное 21 апреля, — проект в папке (AD/S.1) 131 Архива УСО.

⁴ Копия в папке (AD/S.1) 68/4, ч. II, Архива УСО.

⁵ Оригинал в документах лорда Селборна.

⁶ Копия в документах лорда Селборна и в папке 1/270/01 Архива УСО (там упомянуто письмо м-ра Идена, датированное 27 июня; несомненно, дата указана ошибочно — вместо 22 июня).

УСО. Принцип единства был обоснован хорошо и всесторонне, но, к сожалению, Селборн настойчиво проводил одну линию — основную деятельность УПВ в Соединенном Королевстве следует объединить с деятельностью УСО. И это вряд ли справедливо: ведь радиостанции УСО в Палестине имели дело с подлинным движением Сопротивления, в то время как радиостанции УПВ в Англии — с мифическими. Вместе с тем политика лорда Селборна была направлена на сотрудничество с министерством иностранных дел: «Я крайне озабочен тем, чтобы УСО во всех своих действиях обладало вашей уверенностью и заслуживало ее». И этот довод способствовал поиску компромиссов. Суть их в том, что существующие радиостанции УСО следует держать на Ближнем Востоке, но необходимо назначить туда директора пропаганды и информации, который обеспечивал бы приверженность УСО политике министерства иностранных дел и УПВ. А если этот директор сочтет нужным, УПВ следует предоставить возможным, УПВ следует предоставить возможность иметь собственные радиостанции на Ближнем Востоке. Почти одновременно сходные предложения¹ представил м-р Кэйси, государственный министр, который признавал невыгодность разрушения существующей сети УСО, однако требовал срочно назначить преемника сэра Уолтера Монктона, направив высокопоставленного представителя УПВ и советника по прессе. Об этой телеграмме в УСО не знали до 12 августа, когда м-р Иден ответил лорду Селборну² отказом на компромиссные предложения УСО, настоятельно требуя продолжить уже ведшиеся переговоры между УСО и УПВ. Советники лорда Селборна теперь дружно высказывались за возобновление битвы во взаимодействии с м-ром Кэйси, министр же избрал собственную линию поведения (единственную, обещавшую мир) и настаивал на немедленном заключении соглашения с УПВ³.

После этого дела в Лондоне быстро пошли вперед, «основы соглашения» уже имелись, а черновой вариант был отработан м-ром Липером и сэром Чарльзом Хамбро в письмах, которыми они обменялись 20 и 21 августа⁴. Форин-офис все же усмотрел лазейку, которую сэр Орм Сарджент официально закрыл в сво-

¹ № 1134 от 24 июля 1942 г.; копия в папке (AD/S.1) 68/4, ч. II, Архива УСО.

² Оригинал в документах лорда Селборна.

³ Записка D/CD(A) от 14 августа и ответ лорда Селборна в папке (AD/S.1) 68/4, ч. II, Архива УСО.

⁴ Копии в папке (AD/S.1) 68/4, ч. II, Архива УСО.

ем письме от 22 августа; УСО неохотно согласилось с этим запоздалым вмешательством¹. Само Соглашение опубликовано в Приложении с поправками министерства иностранных дел. Как потом станет понятно, оно открыто допускало передачу Управлению политической войны радиовещательных станций УСО [ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ] на Ближнем Востоке и признало права УПВ на подобные средства повсюду. Управление политической войны, со своей стороны, обеспечивало УСО «специальными средствами для нелегального радиовещания в оперативных целях», причем предусматривались договоренности о том, чтобы цели эти соответствовали политике в области пропаганды. И еще: «УПВ не станет внедрять и не позволит своим заграничным представительствам внедрять агентов «в поле» для выполнения заданий УПВ — УСО же предстоит играть роль «бюро путешествий» для УПВ в оккупированной Европе.

Наконец-то достигнуты рабочие договоренности о взаимном сотрудничестве между двумя специализированными службами, каждая из которых признавала право другой на существование. Это никак не решало главную проблему «разложения», фактически это являлось робким компромиссом по сравнению с решительным замыслом 1940 года, но все же с тех пор УПВ с УСО в действительности оказались значительно ближе друг другу, чем когда-то SO1 и SO2, а потому основные разногласия на время были забыты.

Впрочем, необходимо упомянуть, что Соглашение как основополагающий документ вступило в силу на Ближнем Востоке только в марте 1943 г. Это был результат арьергардного маневра, искусно и напористо проведенный лордом Гленконнером в Каире. Это, однако, не вызвало новых принципиальных вопросов, а потому и нет необходимости подробно разбирать этот эпизод². Во-первых, произошла задержка с прибытием в Каир м-ра Веллакотта*, резидента УПВ. Затем в Каире вспыхнули споры о

¹ Окончательный текст Соглашения датирован 3 сентября 1942 г., см. Приложение 9.

² Основные лондонские документы собраны в папке (AD/S.1) 68/4, части II и III, Архива УСО. Каирские документы лорда Гленконнера собраны в двух ближневосточных папках «Пропаганда», датированных декабрем 1940 — мартом 1943 г.

* [П.К. Веллакотт, 1991—1954 гг., директор школы в Харроу в 1934—1939 гг., после этого преподаватель в Питер-хауз, руководил политической войной на Ближнем Востоке в 1942—1944 гг.]

значении выражения «радиопередачи в оперативных целях»: означало ли это пропагандистские кампании общего типа или сообщения, относящиеся к определенным операциям? Когда это выяснилось, лорд Гленконнер и м-р Веллакотт 7 декабря достигли соглашения о передаче средств радиовещания УПВ, оговорив право УСО сохранять собственные группы для вещания на Югославию, Румынию, Болгарию и Грецию (с возможностью расширения зоны охвата). Не успели они заключить соглашение и сообщить об этом в Лондон, как его, по сути, перечеркнул сэр Орм Сарджент, настаивавший на ликвидации скрытой югославской радиостанции «Караджордж». Это была «станция Михайловича», и, понятное дело, УСО надзидало за ее штатом не столь пристально, как это требовалось. Дело усугубилось еще и тем, что указания, направленные министерством иностранных дел через УПВ, попросту были проигнорированы на Ближнем Востоке¹.

Вот почему не вызывает удивления, что 10 февраля 1943 г. м-р Иден написал несколько резковатое письмо лорду Селборну, напрочь отвергая притязания УСО включить в оперативную пропаганду и «непрерывную пропаганду в поддержку любого органа или движения в стране противника или оккупированной противником просто потому, что УСО поддерживает связь с этим органом или движением». М-р Иден не допускал иного варианта, кроме полного контроля за всей пропагандой, ведущейся с Ближнего Востока, министерством иностранных дел через УПВ. Это было не вполне разумно: министерству иностранных дел бессмысленно было контролировать слова, признавая при этом право военных руководить УСО в отношении оружия, денег и операций. Однако УСО больше не могло вести переговоры, и после обмена письмами между министрами чиновникам было предоставлено право договариваться о новом и более четком соглашении, на сей раз в Лондоне. Как явствует из посланий сэра Чарльза Хамбро лорду Гленконнеру в начале марта, лондонский Центр УСО был уже удовлетворен своими рабочими договоренностями с УПВ в Англии и не намеревался вести дальнейшую борьбу за сохранение Директората специальной пропаганды в Каире. Дело, однако, решительно взял в свои руки сэр

¹ В результате интриг лорда Гленконнера, находившегося в то время в Лондоне; см. его телеграмму 657 от 26 декабря 1942 г., копия в папке (AD/S.1) 68/4, ч. II, Архива УСО. Если верить документам УСО, УПВ с симпатией отнеслось к такому неповиновению.

Орм Сарджент, который 16 марта доложил о нем премьер-министру, получив телеграмму от лорда Мойна¹. Некоторые из утверждений сэра Орма, возможно, предвзяты, а то и ложны, однако спорить было уже поздно. Соглашение заключили 20 марта 1943 г., и в нем четко указывалось, что Иерусалимская радиостанция и вся ответственность за радиовещание должны быть переданы УПВ, равно как и ответственность за составление листовок. У УСО оставались только кое-какой технический персонал на радиостанции да собственная типография. Премьер-министр самолично попросил лорда Мойна обеспечить быстрое и полное выполнение соглашения*. Тем завершился последний этап карьеры УСО как службы политической и подрывной пропаганды.

д) Секретные службы

Благодаря серии исторических случайностей три основные службы, финансируемые из секретных фондов, во время войны возглавлялись каждая своим министром. СИС была в подчинении у министра иностранных дел. Службой безопасности (или MI5) с лета 1940 г. руководило Управление внутренней обороны (безопасности) под председательством сначала лорда Суинтона, а позже — Даффа Купера. УСО находилось в распоряжении министра экономической войны. С административной точки зрения оправдать это вряд ли можно: отсюда дублирование обычных (вспомогательных) служб, путаница при работе с агентами «в поле» и ненужные задержки с поступлением необходимой всем информации. Административная логика, кажется, продиктована единством Секретной службы. Политическая же логика при демократии поворачивается в другую сторону: изъятие денежных средств из-под надзора парламента лишает общественность возможности контролировать власти. Традиционно распоряжение секретными денежными фондами является источником политической власти, а общественность стремится не допустить, чтобы их заграбастала одна рука. Таким образом, стоит благодарить судьбу за то, что не все управленческие доводы обращены в одну

¹ М-р Черчилль исполнял обязанности министра иностранных дел, а сэр Орм Сарджент был у него старшим чиновником.

* [У.Э. Гиннесс, 1880—1944 г., член парламента — консерватор — в 1907—1931 г., лорд Мойн с 1932 г., министр по делам колоний в 1941—1942 г., государственный министр в Каире в 1944 г., убит отрядом еврейских террористов, куда входил будущий премьер-министр Израиля; в НБС.]

сторону. У трех Секретных служб схожая методика работы, но не цели: каждая тяготела к своей, отличной от других группе открытых ведомств, но пользовалась почти одинаковыми средствами для достижения различных целей.

М15 занималась главным образом внутренними вопросами, две другие — по преимуществу внешними. Сбором разведанных СИС занималась прежде всего по заданию разведывательных органов видов вооруженных сил и — в меньшей степени — министерства иностранных дел. Занимавшееся «разложением» УСО тяготело к политической войне, а затем — к оперативно-наступательной деятельности видов вооруженных сил. А потому создание единой Секретной службы во время войны никогда не считалось практической задачей.

Что касается М15, то с ней конфликт интересов был незначителен, мало того — имелась даже общность этих самых интересов, поскольку УСО было чрезвычайно заинтересовано в безопасности собственных организаций. Задача, следовательно, состояла всего лишь в обеспечении действенной связи между М15 и УСО, как и между М15 и другими ведомствами. Поначалу отделом безопасности УСО руководил подполковник Калтроп, который одновременно действовал и как офицер связи с СИС. В январе 1941 г. к нему в отдел откомандировали офицера из Скотленд-Ярда — для связи с полицией. Однако очень скоро проблема безопасности значительно возросла, и в июле 1941 г. отдел был перестроен с укрупнением структуры, его возглавил генерал-майор Дж. Лэйкин. [ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.] Примерно в то же время состоялась встреча руководителей двух организаций, обсудивших все вопросы, вызывавшие трения¹, однако в дальнейшем встречи на столь высоком уровне больше не проводились. Согласованный принцип состоял в том, что все вопросы безопасности (в отношении агентов, а также в отношении собственной организации УСО) направлялись через отдел безопасности, который работал на совместной основе с М15. Доверие между ними существенно окрепло во времена генерала Лэйкина и сохранялось после его ухода в сентябре 1942 г., когда его заменил капитан 3 ранга Сентер. Для координации действий проводились совместные «совещательные комиссии». В июле 1942 г.² они собирались четыре раза:

¹ Встреча 18 июля 1941 г.; протоколы в папке (AD/S.1) SC/94 Архива УСО.

² Подробности в «Истории безопасности УСО», с. 4.

- 1) обсуждались вопросы, представлявшие взаимный интерес и направленные на улучшение учебной подготовки УСО;
- 2) оценивалась безопасность операций УСО;
- 3) оценивалась безопасность средств связи и коммуникаций УСО;
- 4) проводился обмен информацией между территориальными отделами MI5 и УСО.

Как выяснилось, практически оказалась ненужной комиссия «2», поскольку вскоре MI5 откомандировала офицера в отдел специальной безопасности УСО, который был создан в январе 1943 г. для опроса возвращающихся агентов с целью проверки безопасности их сетей и проведения специальных расследований, дабы предотвратить проникновение противника «в поле». Комиссия «4» тоже, как обнаружилось, была образованием формальным. Зато комиссии «1» и «3» по-прежнему оставались полезными каналами для сотрудничества.

Отношения с СИС порождали более серьезные трудности. Отдел D был создан внутри СИС и выведен из нее без предварительного согласования и вопреки мнению КСС, резко протестовавшего против этого решения. Несомненно, велика была опасность возникновения путаницы из-за существования отдельных организаций, работающих на вражеской территории. Поэтому следовало поддерживать между ними тесные связи. Сэр Фрэнк Нельсон [ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ], по-видимому, часто посещал КСС с м-ром Джеббом и информировал его о планах УСО и ходе их выполнения. Подполковник Калтроп, которого хорошо знали и уважали в обеих организациях, действовал в качестве младшего офицера связи, а с мая 1941 г. (после того как не стало Совета D) стал помощником командующего Секретной службой (ACSS*) [ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА], получил кабинет на Бейкер-стрит и взял на себя личную ответственность за поддержание хороших отношений¹, кроме того, он периодически посещал заседания Совета УСО². Существовали, по-видимому, прямые связи между руководителями отделов в УСО и их коллегами в СИС,

* [Обозначен в НБС («Лица пропавшие без вести») как сэр Клод Данси, 1876—1946 гг., введен в рыцарское достоинство в 1943 г.]

¹ Циркуляр CD от 4 мая 1941 г., копия в Архиве УСО, папка (AD/S.1) 134 — «Связь с К».

² Записка м-ра Джебба министру (март 1942 г., без даты); в папке (AD/S.1) F/134/1 Архива УСО.

в одном случае (работа во Франции и Бельгии) в декабре 1941 г. даже создали Объединенный комитет¹ для максимально возможного обобщения информации и ресурсов.

Несмотря на попытки взаимодействия, в течение 1941-го и в начале 1942 г. было немало трений и взаимных упреков. Следует отметить, что были ошибки с обеих сторон, немалое значение имела и психологическая несовместимость.

В СИС считали, что УСО представляет собой организацию-выскочку, где работают любители, что ни один из них не разбирается в насущных проблемах секретной работы. «Организация-выскочка» вторглась на территорию СИС с великим шумом и пылом и (как мы уже видели) в первые два года своего существования не могла рассчитывать на какие-либо успехи. Разведданные СИС (как будет заявлено) при всей их скудости являли собой конкретный вклад в военные усилия союзников, а потому нельзя было допустить вмешательства беспардонных любителей в среду их деятельности.

Тот же самый набор фактов УСО представлялся совершенно в ином свете. Да, сотрудники его были любителями, однако Военный кабинет возложил на них абсолютно новую задачу, имевшую величайшее значение для выполнения стратегических замыслов союзников. Помощь СИС, положим, исключительно ценна, однако следует воспринимать их как равные, не отдавая предпочтения кому-либо. УСО возражало против навязываемых ему обязательств открывать СИС все замыслы и планы, в то время как не делалось взаимного предложения положить на стол все карты СИС и действовать совместно. Во всех практических сферах — радиосвязь, морской транспорт, подбор кадров — СИС настаивала на полном приоритете разведки, а ее страсть к секретности вполне могла оказаться столь же опасной для агентов УСО, как и неопытность УСО — для СИС.

Как и многое в период становления УСО, проблема эта вышла на передний план в начале 1942 г. Даже если оставить в стороне общую напряженность того периода, приспело время для нового урегулирования. УСО тяжким трудом приобрело опыт, который полностью оправдал его стремление к технической независимости от СИС. Управление стало уже более крупной организацией: как представляется, к весне 1942 г. оно направляло «в поле» трех-четыре агентов — на каждого агента, посланного СИС. И

¹ Это был «комитет Уестмакотта»; письмо сэра Чарльза Хамбро помощнику КСС от 1 декабря 1941 г.; в папке (AD/S.1) 134.

оно строило планы на будущее, когда потребуется расшириться еще больше и действовать еще быстрее, дабы помочь высадке союзников в Европе.

Официально отношения на том этапе регулировались соглашением от 15 сентября 1940 г., по которому СИС сохраняло меру контроля за связью и вербовкой агентов, равно как и право знать о замыслах УСО и возражать против них, если они входили в противоречие с требованиями разведки. До конца 1941 г. провели всего одно важное преобразование: УСО получило право самостоятельно регулировать поток информации на собственных «основных линиях» связи с резидентурами за границей, а также налаживать нелегальную радиосвязь с агентами (только не из Соединенного Королевства). В декабре 1941 г.¹ в Египте началось строительство «военной станции» УСО для связи с Балканами.

К концу 1941 г. появилось некоторое понимание того, что прежние договоренности во многом уже устарели, однако единственным вопросом, имевшим насущное практическое значение, был вопрос организации нелегального вещания из Англии. До той поры радиообмен УСО с его агентами велся через СИС и на шифрах СИС. Была некая ущербность в том, что СИС знала о содержании всего потока сообщений, в то время как у УСО не было соответствующего доступа к связи СИС. Практическое затруднение вызывало и то, что поток информации УСО стал очень велик, и то, что УСО уже вынашивало планы расширения радиообмена — на случай если сопротивление на Западе, в Польше и Чехословакии перерастет в открытую партизанскую войну. Это было связано с организацией связи в совершенно иных масштабах, нежели те, что имела СИС для собственных целей. К тому же линии связи УСО со временем должны были больше походить на коммуникации военной структуры, чем на коммуникации секретной службы².

Еще раньше произошел спор по поводу того, является ли старый документ (сентябрь 1940 г.) соглашением между ведомствами, которое они вольны пересмотреть, либо это указ, ко-

¹ «История связи УСО», раздел о Ближнем Востоке. Папка (AD/S.1) SC/68/5 Архива УСО содержит сведения о состоянии дел с радиосвязью на Ближнем Востоке.

² См. Записку КСС главному директору УСО от 5 февраля 1942 г., составленную после предварительного знакомства с планами Управления, — в папке (AD/S.1) F.134/1 Архива УСО.

торый должен оставаться неизменным, пока в него не внесут изменения сверху. В споре этом явно право УСО, считавшее, что отношения между ведомствами никогда не устанавливались высшей инстанцией¹. Переговоры, видимо, были начаты перед самым Рождеством 1941 г., когда УСО внесло новый проект². 2 января его обсудили между собой СД и КСС³ и добились, чтобы СИС подготовила встречный проект⁴. В него были внесены два пункта, которых не было в первоначальном соглашении: *во-первых*, предложение о совместных совещаниях старших офицеров для обсуждения проектов УСО; *во-вторых*, сосредоточение всех секретных линий связи из Англии в имевшемся у СИС органе управления, игравшем роль оператора. Оба эти пункта вызвали возражения в УСО, однако замечания офицеров УСО сосредоточились не столько на них, сколько на «явствующей из текста снисходительной покровительственности, граничащей с наглостью»⁵. Решено было временно отложить документ, до подготовки доклада офицером-техником (его вскоре назначили) о проблемах связи УСО, а затем представить дело на более высокий суд, возможно, на суд сэра Александра Кадогана⁶.

В этот момент к руководству пришел лорд Селборн, с самого начала осознавший важность этой проблемы. По счастью, острота ее во многом спала после того, как 26 марта КСС официально согласился с требованием УСО создать собственную систему связи на Западе, при этом он поставил условие: УСО не должно заниматься «пиратством» частот, а использовать «открытую систему под соответствующим контролем Совета по радиопередачам», отвечавшего за распределение частот между

¹ Единственным основанием для столкновения взглядов служило то, что это соглашение и положение об УСО, вышедшие из Кабинета, были напечатаны в качестве приложений к октябрьскому документу м-ра Дальтона 1940 г.

² Сведения содержатся в Записке СД, направленной АД 3 января 1942 г., — в папке 1/470/14. (АД также подготовил для СО краткую справку по коммуникациям после своей беседы с КСС) — в папке 1/170/1 Архива УСО.

³ Папка 1/470/14 Архива УСО.

⁴ Копия в папке (АД/С.1) F/134/1 Архива УСО.

⁵ Записка СД, направленная СЕО и датированная 18 января 1942 г., в папке (АД/С.1) F/134/1 Архива УСО.

⁶ Записка м-ра Джебба от 20 января и замечание м-ра Дальтона от 24 января, в папке (АД/С.1) F.134/1 Архива УСО.

соперничающими претендентами¹. Уступка эта была неожиданной, но в высшей степени благоразумной. Потребности УСО уже стали таковы, что не соответствовали прежней нелегальной системе, да и мало было практической выгоды в сохранении единого контроля за линиями связи, когда его не было в других сферах деятельности.

Этот вызывавший споры вопрос был снят. Другой, тоже важный, связанный с предложением СИС создать совместный орган по руководству операциями УСО, тоже больше не поднимался. Возникло новое предложение: проводить регулярные совещания руководителей двух ведомств под председательством посредника, в задачу которых входило бы не согласование планов, а сглаживание спорных вопросов, которые могли возникнуть между подчиненными двух служб. Министр изложил его в письме м-ру Идену от 31 марта, в котором делалась ссылка на предыдущий разговор с министром иностранных дел и сэром Александром Кадоганом. По словам министра, «трения порождаются рядом мелких стычек... Они возникают *de die diem*², а потому единственный способ разбираться с ними — это регулярные еженедельные совещания, о которых я уже говорил»³. Лорд Селборн вернулся к этому предложению, направив доклад премьер-министру 10 апреля, в потом еще раз — в письме ему от 20 апреля³. Результатом стало назначение посредником сэра Файндлейтера Стьюарта*. Рекомендации были согласованы с м-ром Иденом в начале мая, и был учрежден Связующий комитет для «рассмотрения таких вопросов, представляющих общий интерес, которые подлежат К или CD, а также для поиска решения. Если же Комитет не достигнет единодушия, он должен предоставить

¹ Совещание 20 марта 1942 г., письмо CD от 21 марта, письмо КСС от 26 марта и письмо CD от 27 марта, которые все вместе составляют формальное соглашение; копии в папке (AD/S.1) F/134/1 Архива УСО.

² Изю дня в день (*лат.*)

³ Копия в папке (AD/S.1) F/134/1 Архива УСО. К письму прилагалась Докладная м-ра Джебба и Записка сэра Фрэнка Нельсона с отдельными примерами трений.

³ Копия в папке I/470/14 Архива УСО. Это письмо к тому же послужило толчком для административного запроса м-ра Ханбери Уильямса и м-ра Плэйфейра.

* [Сэр С.Ф. Стьюарт, 1879—1960 гг., постоянный заместитель министра по делам Индии в 1930—1942 гг., введен в рыцарское достоинство в 1932 г.; в НБС.]

возможность К или СД вынести данный вопрос на обсуждение соответствующему министру»¹.

Подобный эксперимент не обещал многого в сфере государственного управления, а потому канул в небытие, даже не будучи проверен на деле².

Очевидно, сразу же на решение м-ра Идена последовал протест КСС, и спор разгорелся вновь. На сей раз дело через сэра Десмонда Мортонна попало к начальникам штабов, с которыми он встретился в мае, чтобы обсудить отношения между УСО и СИС³. По-видимому, начальники штабов не пришли к окончательному решению, тем не менее в результате произошло улучшение работы всего механизма в двух практических аспектах. Во-первых, СИС обязали поддерживать тесную связь с Объединенным комитетом по планированию в вопросах оперативных потребностей на той же основе, что и УСО. Во-вторых, два раза в месяц стали проводиться совместные совещания УСО и министерства иностранных дел, на которые приглашалась СИС. Эти шаги способствовали подлинному сотрудничеству на уровне политики, как гражданской, так и военной. Ясно, что без такого сотрудничества нельзя было избавиться от трений на более низких уровнях, и, когда оно установилось, несущественные споры заняли надлежащее место. Нельзя сказать, что такое согласие достигалось во всем и полностью или что УСО с СИС когда-либо работали как единое целое, однако крупных столкновений больше не было, а во многих отделах устанавливались и развивались довольно тесные и полезные отношения.

Как и во многом другом, в данной истории нашли отражение не только организационные усовершенствования, но и общий поворот в ходе войны с осени 1942 г., когда все успешно продвигалось к ясно различаемой цели и когда стало меньше поводов для всякого рода поношений и межведомственной вражды, чем в дни плохо налаженных арьергардных действий. Частично в этом причина того, что идея единства Секретной службы никогда всерь-

¹ Подписано м-ром Иденом и лордом Селборном 4 мая 1942 г.; в тот же день направлено лордом Селборном сэру Файндлейтеру Стюарту. (Копии в документах лорда Селборна.)

² Послания сэра Файндлейтера Стюарта лорду Селборну 4 июня 1942 г. и лорда Селборна сэру Файндлейтеру Стюарту 9 июня; копии в документах лорда Селборна.

³ Послание СД майору Мортону 31 мая 1942 г.; копия в папке (AD/S.1) F/134 Архива УСО.

ез и не обсуждалась. В январе 1942 г. ее выдвинул м-р Максвелл в качестве возможного решения некоторых трудностей на Ближнем Востоке. Реакция м-ра Джебба была весьма практичной: «Многое можно было бы сказать в пользу такого урегулирования, однако это означало бы вывод СИС из-под всякого контроля министерства иностранных дел, а следовательно, по моему убеждению, в настоящее время предлагать такое невозможно»¹.

Сэр Фрэнк Нельсон в своем документе об отношениях с СИС как бы возвращается к идее единения (более широкого, включающего MI5) в качестве управленческого идеала, но в переговорах 1942 г.² идея эта развития не имела. В ходе войны она еще раз появилась лишь однажды — в умело обоснованном документе м-ра Дафф-Купера, датированном 23 марта 1943 г.³, где главным доводом служила задача сохранения ядра трех Секретных служб в мирное время. Премьер-министру ничего этого не было нужно: «Каждое ведомство, разросшееся за время войны, ныне размышляет, как бы ему содержать своих сотрудников за государственный кошт до бесконечности, когда настанет мир. Чем меньше будем мы поддерживать такие иллюзии, тем лучше». Премьер-министр не соглашался обсуждать ничего, кроме создания регулярного ежемесячного совещания руководителей трех Секретных служб и майора Мортон⁴. Этот комитет провел одно заседание и (как, несомненно, предвидел м-р Черчилль) тут же рекомендовал собственный роспуск, поскольку не нашлось никаких дел, которые уже не регулировались бы по другим каналам. Три Секретные службы продолжали — не без успеха — действовать по нескольким обособленным направлениям.

4. Взаимодействие с США и СССР

Осталось рассказать о сотрудничестве с двумя главными союзниками, оба из которых (по-разному) намеревались предпринять энергичные действия, параллельные деятельности УСО. Попытка описать их организацию (или отсутствие организации)

¹ Меморандум от 6 января 1942 г. и Записка м-ра Джебба министру от 2 февраля 1942 г.; в папке (AD/S.1) F/134/1 Архива УСО.

² Страница 7 Служебной записки м-ра Джебба лорду Селборну в марте 1942 г.; копия в папке (AD/S.1) F/134/1 Архива УСО.

³ Копия в папке (AD/S.1) F/138/15 Архива УСО.

⁴ Записка премьер-министра М.231/3 от 4 апреля 1943 г.; копия в папке (AD/S.1) F/138/15 Архива УСО.

и цели увела бы слишком далеко за пределы предмета исследования и не была бы удовлетворительно документирована на основе материалов УСО. Вот почему здесь стоит ограничиться описанием событий с позиции УСО.

а) США

Уже говорилось¹ о резидентуре сэра Уильяма Стивенсона, к концу 1940 г. ставшей каналом связи с ФБР м-ра Дж. Эдгара Гувера. Примерно в то же время на сцене в роли кочующего президентского агента появляется полковник Donovan. В начале 1941 г. он побывал (с целью разведки и поддержки) на Балканах, в феврале он виделся в Лондоне с сэром Фрэнком Нельсоном² и совершил объезд подобранных баз УСО. Сам министр в январе встречался в Лондоне с м-ром Гопкинсом*, но он в беседе ограничился только рамками министерства экономической войны³. Его первым официальным контактом с правительством США по делам УСО стала, видимо, беседа 9 мая с м-ром Авереллом Гарриманом**, находившимся тогда в Лондоне в качестве специального представителя по делам «лиз-ленда» (закон «О помощи в обороне» был принят в марте 1941 г.)⁴. Беседа началась с деликатной темы — раскрытия статуса и рода деятельности сэра Уильяма Стивенсона в США, но вылилась в довольно откровенное обсуждение работы УСО и способов, которыми США могли помочь ему. М-р Гарриман обещал обратиться к президенту через м-ра Гопкинса — за поддержкой в проведении встречи представителей для детального обсуждения проблем сотрудничества.

Следующим этапом стало появление полковника Donovan в качестве координатора стратегической информации (должность учреждена 18 июня 1941 г.), имевшего обширные и неопределенные полномочия и подчинявшегося непосредственно

¹ См. с. 521.

² О встрече нет никаких сведений, но ее санкционировал министр 12 февраля. Документы в папке SC/76 (AD/S.1) Архива УСО.

* [Гарри Л. Гопкинс, 1890—1946 гг., наиболее близкий Рузвельту из числа его доверенных лиц.]

³ Отчет о беседе 22 января за завтраком — в папке (AD/S.1) SC/76 Архива УСО.

** [У.А. Гарриман, 1891—1986 гг., американский дипломат, посланник в Англии в 1941 г., посол в Москве в 1943—1946 гг.]

⁴ Отчет о встрече за обедом — в папке (AD/S.1) SC/76 Архива УСО.

президенту¹. В результате в июне 1942 г. возникло Управление стратегических служб, чья история была сложной и беспокойной, изобиловавшей столкновениями с соперничающими ведомствами: ФБР, Управлением военной информации, координатором по делам Латинской Америки и представителями видов вооруженных сил. Если бы была возможность все это проследить в деталях, то сложились бы интересные параллели с историей становления УСО, возможно, удалось бы показать в привлекательном свете различные передвижки и перестановки, с помощью которых УСО встроилось в общую британскую систему государственного управления во время войны. В конечном счете (после различных перемещений) УСС сделалось «всеобъемлющим» учреждением для «черной» работы, будь то секретная разведка, специальные операции или непризнаваемая пропаганда, оно вобрало в себя работу СИС, УСО и частично УПВ. Правда, оно имело ограниченную юрисдикцию в отношении пропаганды, даже подрывного характера, да и сфера его деятельности была географически ограничена. Устав УСС из этой сферы исключал Западное полушарие, а враждебный настрой командующих на местах — Тихоокеанский театр войны. Таким образом, УСС не могло бесконтрольно вести подрывную войну вообще, а потому при взаимодействии с УСО ему всегда приходилось «оглядываться через плечо», опасаясь возможных осложнений в Вашингтоне.

Официальные контакты между организациями начались с поездки полковника Дейвиса в США в сентябре 1941 г., где у него состоялись беседы с полковником Донованом, в которых принимал участие сэр Уильям Стивенсон. Обсуждались важные вопросы: с одной стороны, британская помощь США в плане обмена опытом, особенно открытие школы в Канаде, где велась бы подготовка организаторов и агентов как за американский, так и за британский счет, а с другой — помощь США Британии людьми, оборудованием и предоставлением каналов и связей в тех странах, куда американцам попасть было легче, чем британцам. Нет документов, свидетельствующих о такого рода соглашениях в то время (довольно деликатный этап в становлении позиции

¹ Описание обстоятельств, сделанное м-ром Дэвидом Экклесом и датированное 24 июня, в папке (AD/S.1) SC/76 Архива УСО. [Д.М. Экклес, 1904—1998 гг., дипломат и политик, член парламента — консерватор — в 1943—1962 гг., член Торгового совета в 1957—1959 гг., виконт с 1964 г.]

США к войне), однако дружественные отношения были установлены, и впоследствии имел место довольно свободный обмен информацией. Как можно себе представить, поначалу все активы были на британской стороне. Полковник Донован взялся осваивать данное поле деятельности еще позднее, чем УСО, и поначалу его организационные трудности были громадны: в большинстве оккупированных стран УСС приходилось полагаться на каналы, созданные УСО. Только во Французской Северной Африке и смежных с ней территориях существовала некоторая американская структура (созданная м-ром Мерфи), на основе которой можно было что-то строить; и именно в этом регионе после вступления Америки в войну утвердились первые деятельные местные офицеры УСС¹. Полковник Донован в ноябре 1941 г. находился в Лондоне, где получил полное представление о методах УСО. Он оставил резидента в Лондоне, а также резидента УСС (м-ра Морана), который в начале 1942 г. обосновался в Каире.

Необходимость в официальном соглашении возникла из-за этой резидентуры УСС на Ближнем Востоке, замыслы которой были грандиозны и которая вовсе не желала оказаться под британским контролем. Начиная с февраля 1942 г. м-р Моран требовал создания независимой американской полевой структуры, а британцы неизменно указывали на нетерпимые политические последствия такого шага². Временный выход предлагался в письме полковника Донована вновь назначенному государственному министру м-ру Кэйси, датированном 5 апреля³: британские и американские секретные разведывательные организации действуют независимо, а те, что проводят специальные операции, — в тесном взаимодействии и руководятся страной, имеющей военное командование на данном театре войны. Британцы, таким образом, получают руководящие позиции на Ближнем Востоке и на Балканах, и появляется возможность проводить согласованную политику.

Как чаще всего бывает в отношениях с США, достигнутое на высоком уровне соглашение имело малое воздействие на то,

¹ Капитан Эдди — в Танжере, полковник Солберг — в Лиссабоне, м-р Рейчл — на Гибралтаре, все в декабре 1941-го или в начале 1942 г.

² См. документы подкомитета УСО по ближневосточным делам февраля 1942 г. и обмен телеграммами с Лондонским отделом УСО; в папке 60/470/12 Архива УСО.

³ Копия в папке 60/470/12 Архива УСО.

что американские официальные лица осуществляли на практике. К маю 1942 г. стало очевидно, что опасность несогласованных действий по-прежнему существует¹: появились, например, предложения американцев выделить напрямую самолет югославам для помощи Михайловичу и о такой же прямой помощи полякам. С точки зрения административной предложение казалось совершенно неосуществимым. Вдобавок были достигнуты временные договоренности о совместных операциях в Северной Африке и на Пиренейском полуострове², которые требовали одобрения вышестоящих инстанций. Таким образом, на встречах, которые прошли в Лондоне в июне 1942 г. между сэром Чарльзом Хамбро, полковником Donovanом и их сотрудниками, надлежало обсудить весь круг проблем. Получившееся в результате соглашение было окончательно одобрено в сентябре комитетами начальников штабов Великобритании и США³. Подписанные документы очень подробны, и не стоит приводить их полностью. Однако главные принципы, на которых они основаны, довольно просты и оказались вполне годными к применению:

- а) тесное сотрудничество между двумя руководящими органами через офицеров связи в Лондоне и Вашингтоне;
- б) раздел мира на британские и американские регионы, в которых полный контроль должен осуществляться соответственно британскими и американскими властями;
- в) довольно свободное урегулирование на Балканах и Ближнем Востоке, в соответствии с которым руководитель резидентуры УСС принимает «руководство и указания» от инспектора УСО, но обладает правом в случае несогласия напрямую обратиться в Вашингтон;
- г) в остальной Европе различие между «странами высадки» (в то время Норвегией, Бельгией, Голландией и Франци-

¹ См. Записку лорда Гленконнера, датированную 28 мая; в папке 60/470/12 Архива УСО.

² Копия соглашения, датированного 5 мая 1942 г.; в папке 1/470/12 Архива УСО (представлено на утверждение полковнику Donovanу и в британский Комитет начальников штабов).

³ Копия обмена письмами и изложение соглашения в папке (AD/S.1) F.76/9 Архива УСО. Полная запись обсуждений — в папке 1/470/12 Архива УСО. Согласие КНШ выражено в письме бригадного генерала Холлиса CD, датированном 3 сентября, — Архив УСО, папка 1/470/12; Объединенный комитет по планированию еще раньше настаивал на более тесной интеграции, чем то предусматривалось в соглашении JP(42)632 и 707.

ей), в которых должны действовать только объединенные полевые силы, управляемые совместно УСО и лондонским Центром УСС, и «странами не для высадки», в которых не возбраняются действия самостоятельных полевых сил УСС, при условии что ими руководит лондонское УСС в тесной связи с УСО.

В целом эта договоренность хорошо действовала в Западной Европе и Северной Африке, плоховато — на Балканах и очень неровно — в Индии, Китае и на Дальнем Востоке. Устремления УСС в Западной Европе были относительно ограниченными¹. Во Францию и страны Бенилюкса американцы собирались лишь предоставить «отряды» для помощи в завершающем восстании и существенно не вмешивались в предварительное «строительство» движения Сопротивления. В канун дня «Д» объединение сил полностью контролировал Штаб французских войск внутренних районов (ШФВВР). В Норвегии УСС намеревалось активнее принимать участие в работе с самого начала, но, по счастью, уже существовало объединенное Англо-норвежское руководство, и УСС прекрасно вписалось в существующую структуру, взяв на себя ответственность за все операции и особую ответственность за район к северу от Намсоса. В других странах (особенно в Германии, Польше и Чехословакии) деятельность обеих организаций была столь незначительной, что попросту не возникало серьезных поводов для трений.

На Балканах трудности начались с августа 1942 г., когда было предложено создать грандиозное представительство во главе с неким полковником Хоскинсом, чьи полномочия, как представляется, соответствовали уровню государственного министра. Не без труда, но столкновений удалось избежать, хотя поводы для трений остались. В феврале 1943 г. был создан совместный руководящий комитет, где лорд Гленконнер являлся не только председателем, но и арбитром. В июне командующие, ссылаясь на слабость контроля со стороны УСО, предложили новую схему, передав комитет под руководство начальника генерального штаба и сделав его подотчетным командующим². Для УСО это

¹ Первоначальное соглашение по этим пунктам было уточнено в Документе, подписанном в январе 1943 г.; копия в папке 1/470/12 Архива УСО.

² Телеграмма, содержащая выводы командующих, № 1527 от 24 июня 1943 г.; копия в папке (AD/S.1) F.76/9 Архива УСО. См. выводы КСС от 3 июля, содержащиеся в документе JSM1027, в той же папке.

стало серьезным ударом как для организации, осуществляющей из лондонского Центра контроль за подрывной деятельностью по всему миру. Лорд Селборн выразил протест м-ру Кэйси¹, и его заверили, что подлинный контроль по-прежнему останется за УСО. Однако это решение в итоге определило целый этап в развитии системы специальных операций на Балканах, все больше становившейся частью военной политики, в выработке которой УСО играло довольно скромную роль. Напряжения это не уменьшило: по очевидным причинам политика министерства иностранных дел и командующих состояла в том, чтобы тактично препятствовать попыткам американцев создать самостоятельные полевые организации на Балканах. И бремя сопротивления легло на УСО. Лишь в 1944 г. у американских и британских организаций, работавших на Балканах, утвердилась практика свободного сотрудничества, ставшая определяющей в Западной Европе.

Столь схематичное описание не очень-то справедливо по отношению к яркому и значительному делу сотрудничества. Довольно часто возникали политические трения, реже проявлялась личная несовместимость, зато осуществлялся широкий обмен оперативной информацией, сколь бы секретной она ни была, и во многих областях УСС и УСО действовали как единая организация. Начиная с 1942 г. в планах каждого из них произошли изменения. УСС нельзя было и шагу ступить без британских структур и британского опыта, УСО в основном уповало на американские ресурсы (прежде всего — на американские самолеты), а американская энергия во многом оживляла деятельность этой структуры. Можно не верить тому, что опубликовано или на что намекают в Америке, говоря о создании движения Сопротивления в Европе американцами, но тем не менее американский вклад в общее дело имел весьма существенное значение.

б) Россия²

С Россией, вернее, с Советским Союзом — совсем иная история. Сотрудничество с американцами было хоть и неровным, зато глубоким и живым. Что касается русских, то не раз предпринимались попытки завязать сотрудничество, однако формальность никогда не перерастала в практическое согласие ради

¹ Письмо от 29 июня 1943 г.; в папке (AD/S.1) F.76/9 Архива УСО.

² Майор Маклафлин составил полезную «Историю Русского отдела».

достижения общей цели. Вина за это, вне всякого сомнения, целиком лежит на СССР[□].

Идея активного сотрудничества с русскими в подрывной деятельности, как представляется, исходила от сэра Стаффорда Криппса¹, в июне 1940 г. направленного послом в Москву. Первая мысль была о непрямых контактах — возможно, через чехов, которые всегда заботились о сохранении близких отношений с Москвой, — однако этот замысел не был реализован. Зато наладили прямую связь, направив в конце июля в Москву подполковника Гиннесса для обмена мнениями с НКВД*. Эта организация, надо пояснить, была единственной среди союзнических (или, коли на то пошло, среди вражеских), которая являлась всеобъемлющей службой, занимающейся всеми видами подрывной деятельности, а также всеми «черными» действиями любого рода. НКВД замыкал на себя все функции, разнесенные в Великобритании по различным секретным и полусекретным организациям — MI5, «Особая служба», УСО, СИС, УПВ, он занимался также пропагандой, внутренней и внешней, и (подобно организации Гиммлера*)

[□] Представляет интерес сделанная советской разведкой накануне Ялтинской конференции (1945) оценка итогов сотрудничества спецслужб союзников в годы войны: «Наиболее результативным оно оказалось в Афганистане, где резиденту нашей разведки Алахвердову удалось парализовать действия немецкой агентуры в приграничных районах. Совместно с англичанами была разгромлена агентурно-диверсионная сеть немецкой и японской разведки в Индии и Бирме. Высоко оценивая нашу поддержку действий английской разведки в Индии и Бирме, англичане, в свою очередь, выдали нам многих прогерманских агентов в Афганистане и Средней Азии, завербованных немцами для действий в нашем тылу.

Дальше общих рассуждений о совместных диверсионных операциях против немцев в Западной Европе с английскими и американскими спецслужбами дело не пошло. Однако мы наладили деловой контакт с сотрудниками английской разведки, действовавшими при штабе маршала Тито в Югославии. Подполковник Квашнин установил хорошие личные отношения с сыном Черчилля Рэндольфом и оказал большую помощь английским офицерам в выходе из немецкого окружения». (Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль, 1930—1950 гг., М., 2002, с. 267.)

¹ Записка м-ра Дальтона № 30 от 25 июня 1941 г.; копия в папке (AD/S.1) F.85/5 Архива УСО.

* [Народный комиссариат внутренних дел, возглавлявшийся тогда Л.П. Берией, 1899—1953 гг., казнен после смерти Сталина (И.В. Джугашвили, 1879—1953).]

в некотором смысле стремился стать государством в государстве. По сравнению с НКВД УСО было организацией менее значимой, по крайней мере не обладавшей такой огромной властью. Прямые связи, имевшиеся у УСО, выходили всего лишь на один закоулок НКВД; скрытая деятельность этой организации так и осталась тайной.

Полковника Гиннесса направили в Москву, не без согласия Форин-офис и посольства. К сожалению, отчет его отыскать не удалось, так что мы не располагаем материалами о ходе переговоров, которые завершились в начале сентября проектом соглашения. В начале сентября полковник Гиннесс доставил проект в Англию, и его направили в министерство иностранных дел — сэру Орму Сардженту для информации¹. Затем полковник Гиннесс возвратился в Москву, где 30 сентября соглашение было подписано им и генералом Николаевым из НКВД².

Само соглашение предполагало взаимодействие между союзниками в подрывной деятельности во всех странах за пределами СССР, с одной стороны, и Британского Содружества наций — с другой. В нем был перечень объектов, намеченных для проведения диверсий в основных задействованных регионах. «Взаимодействие (в подрывной деятельности. — У.М.) не только желательно и осуществимо, но и весьма необходимо для наших общих целей в разгроме противника. Решения о взаимодействии во всех остальных странах... принимают главы британских и советских организаций, и они основаны на общей политике. Общая политика включает:

- а) координацию диверсионных действий и определения целей;
- б) координацию пропаганды, предназначенной побудить местное население к восстанию, активным диверсиям и другим подрывным действиям;

* [Г. Гиммлер, 1900—1945 гг., возглавлял с 1929 г. нацистскую организацию СС, покончил самоубийством при аресте.]

¹ Письмо м-ра Джебба от 17 сентября; в папке F.85/5 Архива УСО. На это стоит обратить внимание, поскольку отчет с соглашением вернули в УСО 8 октября (эта дата на письме сэра Орма Сарджента), а при последующих обсуждениях министерство иностранных дел отрицало свое знакомство с документом и его одобрение (письмо сэра Александра Кадогана от 10 февраля 1942 г.).

² Текст в Приложении I к «Истории Русского отдела УСО».

- в) согласование сроков конкретной операции, особенно в тех случаях, когда это затрагивает политические или оперативные планы другой стороны».

Предусматривался обмен миссиями связи между УСО и НКВД, каждая страна обязалась «оказывать всевозможную помощь для внедрения агентов друг друга на оккупированную территорию», каждая обещала «рассмотреть возможность создания на своих территориях радиопередающих станций другой стороны».

Фактически это соглашение являлось более конкретным и более перспективным, чем то, которое было подписано с УСС годом позже, и большая часть его формально была выполнена. Обмен миссиями состоялся (под началом полковника Хилла* в Москве и полковника Чичаева в Лондоне), и они довольно часто вступали в контакт с организациями, к которым были приписаны. Неизвестно, каков был подлинный статус предполагаемых «высокопоставленных контактов» с советской стороны, что же касается британцев, то два совершенно разных человека по очереди успешно выдавали себя за CD, т.е. за главу организации. Имел место обмен информацией о технических устройствах, но только о таких, которые уже были хорошо известны и широко использовались. Намечались планы поддержания связей с НКВД на других театрах войны (в частности, на Ближнем Востоке, в Персии, на Дальнем Востоке и в Китае), но ничего из этого не вышло. Впрочем, советская сторона предоставила в распоряжение правительства Индии некоего Бхагата Рама, агента, работавшего в Афганистане на немцев, но служившего русским. Агент этот оказался весьма ценным, и русские обоснованно сетовали, что не получили от британцев равноценной *quid pro quo*[□] для разведки в Центральной Азии.

УСО, со своей стороны, могло бы посоветовать на то, что не получило никакой равноценной *quid pro quo* группам «Киркомотыга», которых оно переправляло для русских в Западную Европу. Никаких подобных услуг на Востоке русскими не оказывалось, хотя они позволили сбросить на парашюте одного британского агента в Эстонию¹ и, по-видимому, кое-что делали для находже-

* [Хилл что, скорее всего было известно русским, в качестве офицера разведки был куратором известного разведчика Сиднея Рейли.]

□ Одно за другое (*лат.*), здесь: равноценной замены.

¹ Его миссия завершилась унижительным провалом: операция «Болван» описана в разделе V «Истории отдела польских нацменьшинств УСО». [Этот агент, Рональд Сет (позже автор трудов по технике шпионажа), не сумел толком объяснить, почему, когда его схватили в 1945 г., он был одет в форму капитана вермахта.]

ния и вызволения британских групп на занимаемых ими территориях. Однако русские, разумеется, никогда не признались бы, что работа британцев с группами «Киркомотыга» заслуживает благодарности.

Для того чтобы достичь равновесия в данном деле (имевшем существенное значение в англо-советских отношениях), необходимо знать (а мы того не знаем), насколько серьезно русские оценивали «Киркомотыгу»: была ли эта операция необходимой частью их планов или простой попыткой выявить добросовестность британцев? Статистическое содержание этой истории выглядит так:

1942 г.

Во Францию	Один агент по морю	Два месяца задержки в Соединенном Королевстве
Во Францию	Три агента по воздуху	Месяц задержки в Соединенном Королевстве
В Бельгию	Один агент погиб, другой доставлен после двенадцати месяцев задержки	
В Голландию	Двое агентов. Один сброшен не с тем багажом из-за ошибки УСО, о которой НКВД узнал. Задержка — один месяц	
В Австрию	Четверо агентов взбунтовались и попытались убежать от НКВД при попустительстве УСО	

1943 г.

В Германию	Двое агентов сброшены	Задержка — пять месяцев
В Германию	Один агент сброшен	Задержка — четыре месяца
В Австрию	Двое агентов сброшены	Задержка — пять месяцев
Во Францию	Один агент сброшен Трое агентов сброшены	Задержка — месяц Задержка — два-три месяца
В Северную Италию		Один агент доставлен после долгих препирательств

1944 г.

В Австрию	Один агент сброшен	Небольшая задержка
В Германию	Один агент сброшен	Задержка четыре месяца
Во Францию	Двое агентов сброшены	Задержка два месяца
	Трое агентов сброшены после долгих препирательств	

Агентов «Киркомотыги» было тридцать четыре, из них двадцать пять оказались «в поле», трое погибли при десантировании и шестерых постигла неудача. По понятиям УСО, статистика была не такой уж плохой. Размещение и уход за агентами доставляли много хлопот: НКВД зачастую снабжал их фальшивыми документами и легендами невысокого качества, и УСО приходилось создавать им новые. Задержки с отправкой никоим образом не выходили за рамки тех, с какими сталкивались собственные агенты УСО из-за нехватки транспортных средств. Однако вряд ли можно было бы ожидать, что НКВД признается в собственной технической несостоятельности или отнесется с пониманием к транспортным трудностям УСО.

Министерство иностранных дел (хотя и подготовило все бумаги вовремя) было явно в неведении о последствиях «московского соглашения», пока в начале 1942 г. впервые не столкнулось с первой особенной просьбой русских — доставить их агента во Францию¹. Тогда-то в министерстве и задумались о последствиях доставки русских агентов на территории стран, чьи «свободные» правительства в большинстве случаев отличались яростным антикоммунизмом. Споры по этому поводу тянулись весь 1942 год. УСО (в целом поддерживаемое послом Его Величества в Москве) представляло, что русские неизбежно смотрят на данное дело как на проверку именно из-за его политической деликатности и что никакого открытого взаимодействия ждать не придется, если мы не пойдем навстречу приемлемым просьбам русских, выполнив их своевременно и успешно. Министерство иностранных дел упорно не желало давать разрешение на заброску агентов, чьи подлинные задания нам не известны, без согласия заинтересованных правительств, к тому же оно обнаружило склонность к торгу (например, побудить русских лучше отно-

¹ Послание м-ра Локсли полковнику Тэйлору от 5 января 1942 г.; копия в папке (AD/S.1) F.85/5 Архива УСО.

ситься к Михайловичу) при выполнении обязательств, которые мы приняли по «московскому соглашению».

Черту подвело письмо сэра Чарльза Хамбро сэру Александру Кадогану в декабре 1942 г.¹, подтверждающее устно достигнутое согласие:

- а) агенты свободно забрасываются во все страны, сражающиеся с державами Оси;
- б) агенты не забрасываются в оккупированные союзные страны без консультации с заинтересованным правительством;
- в) агенты, как правило, не забрасываются на оккупированную Францию без консультации со «Свободной Францией», но исключения возможны;
- г) агенты, как правило, не забрасываются в нейтральные страны.

В ответном письме Александра Кадогана все это подтверждалось и звучало несколько веселее².

Разумеется, это являлось односторонним отказом от соглашения. Однако нет оснований считать, что русские узнали об этом, к тому же было ясно, что не следует ждать активизации дружественного взаимодействия. Тот же феномен наблюдался и в других сферах англо-советских отношений того времени, однако их нельзя сводить только к локальным трудностям внутри УСО. Уже в то время появляются регулярные послания бригадного генерала Хилла по поводу бесполезности его работы в Москве, и миссия УСО сохраняется в основном из-за мелких удобств, какие она создавала послу и военному представительству. Бригадному генералу Хиллу, например, дали возможность совершить в 1944 г. превосходно организованные поездки в Ленинградскую область и Белоруссию, в то время как к другим британским офицерам относились гораздо сдержаннее. У него же были возможности встречаться с русскими, не наделенными официальным статусом, поскольку к его квартире охрана приставлена не была. Это позволяло ему делать интересные наблюдения, хотя все отношения по линии НКВД упирались в официальные банкеты.

О некоторых его невзгодах стоит рассказать хотя бы для примера. Первая жалоба русских последовала из-за Югославии: в 1943 г. британцы, ссылаясь на неосуществимость акции, отказались переправить русскую группу к Тито. Тогда русские в апреле 1943 г. направили группу сами, без предварительного согласо-

¹ Письмо от 2 декабря; копия в папке (CD) «Россия/3» Архива УСО.

² Письмо от 11 декабря; копия в папке (CD) «Россия/3» Архива УСО.

ния. Затем в 1944 г. был внедрен русский офицер — для поддержания связи с миссией бригадного генерала Маклина, но вскоре пришлось удалить его из-за несовместимости характеров. В Греции русской группе, применившей забавную и довольно наивную тактику, удалось в июле 1944 г. добиться выброски в расположение ЭЛАМ, и возникли неприятности в отношениях британских офицеров связи с бежавшими русскими пленными. В Румынии в декабре 1943 г. серьезное недовольство вызвало то, что полковник де Шастален был заброшен в форменной одежде, о чем русские предварительно уведомлены не были: не собирався ли он плести интриги против России с румынами-реакционерами? На Западе самый ожесточенный спор¹ велся по поводу британских попыток использовать большое количество русских, сражавшихся в немецкой форме, — военный фактор весьма серьезного значения. На службу к немцам их загнали весьма жестокими способами, и они несли ее, будучи убежденными, что от союзников им ничего хорошего ожидать не приходится, даже опасались, что их казнят как предателей. Это было дело высокой политики, имевшее множество аспектов; УСО оно интересовало потому, что можно было обучить некоторых русских пленных и использовать их в качестве агентов. Поначалу НКВД лишь намекнули об этом замысле, когда же акция была подготовлена, последовала бурная реакция, а затем — полный отказ от сотрудничества. Пришлось забыть об этом плане.

К этому времени русские, со своей стороны, полностью отказались от программы «Киркомотыга», и в 1944—1945 гг. осталось мало почвы для взаимодействия. Раз-другой возникала мысль о переговорах по новому соглашению о сотрудничестве с целью недопущения возрождения нацизма, но ни одна из сторон не способствовала ее развитию. А в сентябре 1945 г. миссия УСО была отозвана из Москвы. Это было поражением, однако вины УСО в этом не было.

¹ Полное изложение истории см. в папке (CD) «Россия/4» Архива УСО.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

НАСТУПЛЕНИЕ

ГЛАВА XVI

ВСТУПЛЕНИЕ

Мы уже дошли до того времени, когда УСО уже утвердилось как государственное ведомство. Оно во многом приспособилось к целостному механизму государственного управления, обрело массу индивидуальных ведомственных признаков и втянулось в межведомственные раздоры. В тех сравнительно узких внешних сферах, где о работе УСО знали, его оценивали не очень высоко. И все же Управление уже прочно стояло на ногах как одно из сильнейших среди не первой значимости министерств, по крайней мере равное по влиянию, возможностям и энергии своего персонала таким органам, как министерство экономической войны, министерство информации и Управление политической войны. На горьком опыте Управление выработало довольно четкое представление о том, какова его цель и в каких условиях ее приходится достигать. Превыше всего у УСО было развито чувство особого предназначения, что и объединяло всю организацию.

И на следующем этапе еще предстоит пережить немало трудных ситуаций, преодолеть структурные кризисы, отвечать на обвинения в неумелости и коррупции. Однако в данном случае нас меньше всего интересуют «военные действия» на Уайтхолле, а все больше — организация движения Сопротивления в Европе и его стыковка с операциями регулярных вооруженных сил.

До сих пор помощь становлению движения Сопротивления в значительной мере зависела от отдельных личностей, порой непоправимые шаги делались из-за обостренной чувствительности или поступков этих самых личностей: связи, установленные Пери в Греции, невезение, преследовавшее Хадсона в Югосла-

вии, влияние французско-одиночек, таких, как Мулин, Эмануэль д'Астье или «Карта». Летом и осенью 1942 г. атмосфера начинает меняться. Частично и потому, что УСО уже вполне организовано: оно лучше обучает своих агентов, оно внедряет их больше и руководит ими успешнее, меньше полагается на удачу. У каждого агента своя история, которую можно в деталях проследить по документам, однако есть еще и открытая для изучения история организованных движений, во многом независимых от индивидуальных судеб, поскольку в большинстве стран имелись сохраняемые УСО организации, продолжавшие играть свою роль, несмотря на влияние тех или иных личностей. А еще важнее то, что в большинстве стран движение Сопротивления теперь явно становилось силой побеждающей: непосредственных опасностей не стало меньше, зато национальная идея и политический идеализм переплавились в мощную патриотическую силу, подвигнувшую население на борьбу с противником. Такой масштаб сопротивления, несомненно, был вызван и немецкой политикой принудительного вывоза трудоспособных людей в Германию. Это вынуждало многих аполитичных людей бежать и идти в маки, увеличивая число борцов. Стоило им получить оружие и пройти подготовку, как образовывался еще один отряд. В большинстве стран уже были созданы партизанские отряды, находящиеся в постоянной готовности и опирающиеся на поддержку населения. В этой части книги больше внимания будет уделено общей структуре этого массового движения, чем отдельным случаям и примерам их деятельности.

Во-первых, необходимо проследить развитие событий в Югославии, Греции и (более кратко) в Албании — странах, откуда немцы ушли, что называется, вне связи с высадкой союзников. *Во-вторых*, следует рассказать об ограниченной деятельности УСО в Румынии, Болгарии и Венгрии — странах, которые были освобождены советскими войсками. *В-третьих*, поведать о Польше и Чехословакии, где от УСО мало что зависело, однако политические аспекты движения Сопротивления там имели величайшее значение — как в то время, так и позже. *В-четвертых*, показать структуру спецопераций в поддержку военных действий союзников на Средиземном море в 1942 и 1943 гг. — Северная Африка, Сицилия, Сардиния, Корсика, Италия. *В-пятых*, выявить весь комплекс проблем Франции в связи с крупными операциями по высадке 1944 г. («Владыка» и «Наковальня»), в связи с чем рассказать об обстановке в Бельгии и Голландии. *В-шес-*

тых, особая история Норвегии и Дании, где тактика промышленных диверсий была освоена, наверное, глубже всего, однако завершающее восстание так и не произошло, и самым главным достижением движения Сопротивления стало принятие на себя властных полномочий после войны. *И наконец*, следует упомянуть о попытке организовать или симулировать движение Сопротивления в Германии и Австрии — предприятии, начатом слишком поздно, а потому закончившемся ничем.

Как будет показано, существовало значительное различие в положении стран, где определяющей являлась проблема отношений с Россией и движениями, поддерживаемыми Россией, и другими странами, где все зависело от военных операций союзников, действовавших с запада.

Наше повествование целиком опирается на общие сведения о ходе кампаний, о меняющейся структуре командной организации союзников. Видимо, первым делом следует (не опасаясь повтора) с самого начала остановиться на двух общих темах: *первая* — становление «командной организации» УСО «в поле», *вторая* — общие стратегические указания, данные Управлению в отношении его деятельности, и связанная с ними проблема распределения самолетов.

1. Полевая организация УСО

Средиземноморье

Поначалу единственным значительным центром УСО вне Великобритании (в том, что касалось «германской войны») было Ближневосточное УСО в Каире, в целях конспирации называвшееся МО4*. С разрастанием в 1943 г. партизанских действий в Греции и Югославии ведомство принимало все более военизированный характер и как следствие в ноябре 1943 г. приобрело дополнительную «кличку» — Отряд 133. Положение его осложнялось при продвижении из Египта на запад, а затем — в Италию, поскольку из-за этого перемещалась и база Отряда 133, предназначенная для проведения воздушных операций в Югославии: сначала в Киренаику, потом в Тунис и, наконец, в Бриндиси. Управление базой тем самым делалось все более от-

* [Так называлась воинская часть, которая в 1916—1918 гг. поддерживала Лоуренса и арабское восстание.]

даленным, и в октябре 1943 г. в Бари¹ была создана «передовая штаб-квартира МО4» задача которой — осуществление морских перевозок в Югославию и обратно.

Между тем в западной части Средиземноморья было создано особое представительство («Массингэм», или ISSU6) для взаимодействия с предназначенными для высадки войсками генерала Эйзенхауэра*. После успешного завершения операции «Факел» представительство несло ответственность за спецоперации в поддержку дальнейшего наступления, равно как и за работу с Лондонским отделом УСО, осуществлявшим помощь движению Сопротивления во Франции. Генералу Эйзенхауэру оно подчинялось только в тех ситуациях, которые имели отношение к его собственным операциям. Представительство поменьше («Брандон») было придано 1-й армии на время Тунисской кампании. В октябре 1943 г. «Массингэм» из Алжира направил свое подразделение в Италию (Особый отряд № 1, или «Мэриленд») для проведения операций в Италии и за ее пределами — в Австрии («Кошачья стая») и в Польше («Мука»).

Американцы из УСС были задействованы во всем этом лишь частично. На Востоке формально они были самостоятельны, но в общем соглашались подчиняться руководству Отряда 133. На Западе в мае 1944 г. был создан Объединенный оперативный центр, известный как SPOC. В Италии никакой формальной договоренности о совместной деятельности не было, однако неформальные договоренности действовали вполне удовлетворительно.

Эта путаница конца 1943 г. отражала общую сумятицу в умах на высочайшем уровне, что в декабре 1943 г. привело к шестисторонней конференции в Каире по созданию объединенного Средиземноморского фронта — с единым командующим генералом Мэйтландом Уилсоном**, штаб-квартирой в Алжире и передовой

¹ «Журнал войны» лондонского Центра, раздел «Ближний Восток и Балканы», с. 1123.

* [Д.Д. Эйзенхауэр, 1890—1969 гг., генерал США, командовавший поочередно операциями «Факел» и «Владыка»; президент США в 1953—1961 гг. См. его книгу «Крестовый поход в Европу» (1948) и биографию Стивена Э. Амброуза «Эйзенхауэр» (том 1, Нью-Йорк, 1983).]

** [Г. Мэйтланд Уилсон, 1881—1964 гг., командовал британскими войсками в Египте в 1939—1940 гг., в Греции в 1941 г., в Сирии в 1942—1943 гг., главнокомандующий на Ближнем Востоке в 1943 г., на Средиземноморье в 1944 г., работал в Вашингтоне в 1945—1947 гг., введен в рыцарское достоинство в 1944 г., фельдмаршал с 1944 г., барон с 1946 г. См. его книгу «Восемь лет за рубежом» (1949); в НБС.]

штаб-квартирой в Казерте. Ближневосточное командование вошло в его подчинение по всем операциям против немцев, хотя и не по всем своим обширным административным обязанностям.

Одной из первых перед Единым союзным командованием на Средиземноморье (ЕСКСРЕД) встала задача организации специальных операций на базе вверенных ему частей и подразделений; решение было найдено простое: свести все наличные силы воедино, подчинив одному центру, примыкающему к его рабочему штабу в Италии. В январе 1944 г. по договоренности с Лондонским отделом УСО в Италии решили создать Штаб специальных операций на Средиземноморье (ШОС) под началом генерал-майора Стауэлла*, который сменил лорда Гленконнера в Каире после кризисного периода сентября — октября 1943 г. Создание ШОС затягивалось из-за сопротивления командующего на Ближнем Востоке, желавшего сохранить контроль за единственно активными операциями, по-прежнему находившимися в его ведении, — в Греции, Болгарии и Румынии. В конце концов (в марте 1944 г.) было решено, что ядро Отряда 133 остается в Каире — под оперативным руководством командующего на Ближнем Востоке, но административно входит в ШОС, из него был выделен Передовой Отряд 133 (ныне известный как Отряд 266), чьи функции ограничивались Грецией, Болгарией и Румынией.

ШОС, таким образом, стал действовать с марта 1944 г. как военный штаб, непосредственно подчиненный ЕСКСРЕД; в него входили как УСС, так и УСО, а следовательно, штаб больше структурно не подчинялся Центру УСО в Лондоне. Вместе с тем его военное положение оставалось неясным. С одной стороны, имелась штатная служба (Отдел специальных операций — G3) Штаба союзных войск[□] под командой американского бригадного генерала, который связывал ШОС и ЕСК, координируя запросы ШОС с запросами других «специальных» формирований — секретной разведки, психологической войны, стратегической дезинформации противника. С другой стороны, руководство ШОС собственными нижестоящими формированиями было ограниченным — за оперативными указаниями те обращались в другие начальствующие инстанции, а административные вопросы научились ре-

* [У.А.М. Стауэлл, 1895—1987 гг., заместитель директора военной разведки в 1940—1942 гг., генерал-майор с 1943 г.]

[□] Штаб союзных войск высадки (позже — Штаб союзных войск).

шать самостоятельно. В течение 1944 г. происходили постоянные структурные изменения, однако нижеследующая информация помогает составить общее представление о подразделениях ШОС.

<i>Подразделение</i>	<i>Место действия</i>	<i>В распоряжении</i>
Отряд 133	Греция	Командующего на Ближнем Востоке
Отряд 399	Румыния Болгария Югославия	Штаба Балканских ВВС
(ранее — 266) ОО № 1 («Мэриленд»)	Албания Венгрия Италия	15-й армейской группы
БВ 43 («Кошачья стая»)	Австрия	ШСВВ (позже — ШСВ)
Отряд 399 («Мука»)	Чехословакия Польша	Лондонского УСО
ISSU6 («Массингэм»)	Южная Франция	ШСВВ (частично через войска группы «Наковальня»)

Эти названия и отношения подчиненности сбивают с толку, и следует сказать, что на практике формальная схема имела куда меньше значения, чем отношения каждого из подразделений с начальствующей инстанцией, непосредственно связанной с операциями, а как раз эти-то отношения на данном этапе были почти повсеместно превосходными. ШОС оставался хорошей идеей, родившейся слишком поздно и не сумевшей обрести к этому периоду прочную опору¹.

На Западе картина была намного проще. На ранних этапах «территориальные отделы» в рамках того, что позже стало называться зоной ШСВВ, были сведены в группы под началом двух региональных директоров, отвечавших соответственно за Францию, страны Бенилюкса и за Скандинавию. При реорганизации летом 1942 г. оба директора оказались в подчинении бригадного генерала Габбинса как заместителя главного директора по операциям, DCD(O). Таким

¹ Первый раздел «Истории», подготовленной G3 (SO) при Штабе союзных войск, содержит большое количество информации об этой организации. В УСО имеется также «Краткая история ШОС», написанная подполковником Дж. Дж. Бивором.

образом, фактически в Лондоне образовалось «представительство», отвечавшее за деятельность в западных странах, его легко было в рабочем порядке придать Верховному командующему, когда такового назначили. Следующий этап (ноябрь 1943 г.) ознаменовался созданием объединенной организации (Штаб УСО/СУ)¹ с участием УСС во всех этих странах — еще один шаг вперед в развитии сотрудничества. 1 мая 1944 г. эта объединенная организация под командованием бригадного генерала Моклер-Ферримана* (в УСО был «директором» по Западной Европе с июня 1943 г.), не меняя место дислокации на Бейкер-стрит (Норджби-хауз) и кадрового состава, стала Штаб-квартирой специальных войск (ШКСВ) под руководством ШСВВ. По форме он теперь представлял собой англо-американскую военную инстанцию, подчиненную непосредственно генералу Эйзенхауэру через особую штабную службу (в ГЗ) под названием «Мусгрэйв» во главе с подполковником Г.Н. Сондерсом, на деле же он по-прежнему работал в столь тесном сотрудничестве с УСО и настолько в прежнем духе, что всерьез никакого размежевания в организации не произошло. ШКСВ отделилась от подразделений, приданных подчиненным военным инстанциям и армиям, и расстановку сил нарушила лишь передача 6 июня 1944 г. его Французского отдела в ведение Генерального штаба французских войск внутренних районов (ШФВВР) под началом генерала Кёнига, который вроде бы подчинялся генералу Эйзенхауэру, а на самом деле находился под управлением генерала де Голля. Однако это не означало (как на Средиземноморье), что действительный контроль за операциями осуществляли подразделения. Все операции, почти без исключения, проводились из Британии, радиообмен шел через станции УСО в Грендоне и Пундоне, действенный централизованный контроль сохранялся.

Позже нам придется вновь обратиться к вопросам руководства движением Сопrotивления и агентами «в поле», когда мы познакомимся со становлением этого движения, но этот краткий экскурс послужит глоссарием некоторых терминов, которые встретятся в дальнейшем повествовании.

¹ Под началом бригадного генерала Моклер-Ферримана, кавалера ордена Британской империи 2-й степени и Военного креста, и полковника Дж.С. Хаскелла (США).

* [Э.Э. Моклер-Ферриман, 1896—1978 гг., возглавлял разведку в ходе операции «Факел», АД/Е в УСО в 1943—1945 гг., отвечал за работу в Северо-Западной Европе; в НБС.]

2. Политические установки и разрядки на самолеты

При ретроспективном взгляде создается впечатление, что высокая политика УСО скорее выросла из событий, нежели предвосхищала их, впрочем, вовсе не из-за отсутствия решительных попыток заглянуть вперед и спланировать наперед.

До конца 1942 г. УСО продолжало работать, руководствуясь «Директивой по высадке» мая 1942 г.¹, которая почти не касалась отдельных стран и которой суждено было забвение из-за успеха операции «Факел». В начале 1943 г. возникла необходимость заменить ее документом, более соответствующим изменившемуся положению. За шесть месяцев действия союзников изменились, а с ними и перспективы УСО. Работа началась в конце января 1943 г. (следствие решений, принятых на конференции в Касабланке²) и завершилась Директивой на 1943 год, выпущенной Комитетом начальников штабов 20 марта³. Этот документ весьма отличается от принятого в мае 1942 г., в нем на семи страницах рассматривается ситуация в каждой значимой стране. Суть документа такова: УСО должно руководствоваться в работе основными принципами стратегии и внешней политики и тесно взаимодействовать с другими заинтересованными инстанциями; на данный момент и в [(дальнейшем) диверсионная деятельность имеет приоритет перед созданием «тайных армий». Содержательной частью директивы является определение стратегического порядка приоритетов (пункт 36):

1. Итальянские острова, Корсика и Крит,
2. Балканы,
3. Франция,
4. Польша и Чехословакия,
5. Норвегия и страны Бенилюкса,
6. Дальний Восток.

Соответственно директиве (пункты 37, 38) УСО обязано, во-первых, как можно скорее представить справку о допол-

¹ COS(42)133(0) от 12 мая 1942 г., приводится в Приложении 7.

² 14—24 января 1943 г.

³ Основными документами являются JP(43)72 от 24 февраля, JP(43)105(S) от 10 и 16 марта, COS(43)142(0) от 20 марта. [Этот последний обозначен как Документ 7 в труде Стаффорда «Британия и европейское движение Сопротивления», с. 248—257.]

нительных ресурсах, потребных для работы, во-вторых, к 1 ноября 1943 г. доложить начальникам штабов через Объединенный штаб по планированию (ОШП) о ходе ее выполнения.

Доклад УСО своевременно был представлен Комитету начальников штабов с краткой запиской ОШП¹. Доклад занимает двадцать две полные страницы печатного текста, упомянутые в директиве районы рассматриваются в нем поочередно, крупные вопросы политики не затрагиваются. Появились сомнения, насколько далеко могут заходить в сферы политики начальники штабов, — ведь оперативное руководство УСО уже перешло к командным инстанциям фронтов в каждом районе: Комитету начальников штабов Единого союзного командования (КНШЕСК) в Западной Европе, ШСВ и Единому союзному командованию на Средиземноморье (ЕСКСРЕД), ЮВАК² на Дальнем Востоке; все они находились под общим руководством Совместного комитета начальников штабов в Вашингтоне. Только в Центральной Европе (Польша и Чехословакия) УСО напрямую обращалось за указаниями к начальникам штабов, и в скором времени для этого района была издана отдельная директива². Комитету начальников штабов пришлось составить новый порядок приоритетов вместо того, что давался в марте³:

1. Балканы,
2. Оккупированная противником Италия,
3. Франция,
4. Эгейские острова и Крит,
5. Польша, Венгрия и Чехословакия,
6. Норвегия и страны Бенилюкса,
7. Дальний Восток.

Вопрос об общей директиве еще раз рассматривался начальниками штабов год спустя, в ноябре 1944 г., и тогда они всего-навсего повторили (с незначительными вариациями) те разделы мартовской директивы 1943 г., которые касались отношений УСО с другими государственными учреждениями, нет никаких указаний на стратегическую политику, за исключением Центральной

¹ JP(43)397 от 18 ноября 1943 г.

² Командование в Юго-Восточной Азии.

³ JP(43)356 от 16 октября 1943 г., принята на COS(43)255-е заседание, протокол 13.

³ COS(43)289-е (0) заседание, пункт 10, от 26 ноября 1943 г.

Европы, которая не относилась к сфере ответственности кого-либо из командующих¹.

Таким образом, последнее официальное указание Комитетом начальников штабов дано в марте 1943 г., однако это вовсе не значит, что с тех пор начальники штабов прекратили регулировать политику УСО или стали меньше внимания уделять делам УСО. Каковы бы ни были формальные полномочия Совместного КНШ и Верховных командующих, решение принималось Комитетом начальников штабов, поскольку УСО состязалось за британские ресурсы с другими британскими службами. И даже когда поток американской продукции положил конец этому состязанию, оставались поводы для конфликтов, постоянно требовалось принимать то или иное решение: в 1943 и 1944 гг. спецоперации составляют значительную долю в планах КНШ. Основные конфликты происходили из-за заявок на тяжелые бомбардировщики, и, пока проблема не исчерпала себя в начале 1944 г., начальники штабов (случалось, и Комитет обороны) продолжали опосредованно нести ответственность за определение места УСО в стратегической политике союзников. Завершая рассказ об общих установках действий УСО в тот период, вспомним сложную историю с разнарядками самолетов в течение 1943 г.

Формальным отправным моментом является справка, подготовленная УСО в соответствии с пунктом 37 мартовской Директивы и представленная 24 апреля 1943 г.², в ней содержится четкий вывод (пункт 53): «Наконец, необходимо признать, что из-за недостатка воздушного транспорта движение Сопrotивления на оккупированных территориях не может дальше развиваться. Есть даже сомнения, удастся ли при существующих ресурсах сохранить активность движения на нынешнем уровне в течение грядущей осени и зимы».

Затем 11—27 мая последовала вторая Вашингтонская конференция («Трезубец»), что задержало выполнение заявок УСО, пока не были приняты основные решения по стратегии, и лишь 10 июня ОШП представил начальникам штабов свои соображения относительно запросов УСО³. КНШ располагал также до-

¹ JP(44)261 от 6 ноября 1944 г. и COS(44)957(0) от 9 ноября 1944 г., исправлено в отношении Чехословакии документом COS(45)54(0) от 18 января 1945 г.

² COS(43)212(0) от 24 апреля.

³ JP(43)170(окончание) от 10 июня (по указанию, данному на COS(43)96-м заседании).

кументом¹ Комитета по оснащению патриотических сил (занимался главным образом оснащением союзных войск в освобожденных районах), где общая численность групп Сопротивления, которые предстояло оснастить, определялась в 300 000. КНШ уже дал санкцию на производство и разнарядку необходимого оружия². ОШП теперь рассматривал районы действий УСО и пришел к вполне очевидному выводу, что наиболее подходящими районами являются Корсика, Балканы, Франция и Польша, и, что еще важнее, поддержал срочный запрос УСО на разнарядку самолетов.

	Наличие	Добавление	Перспектива
Соединенное Королевство	16	10	26
Северная Африка	—	4	4
Ближний Восток	14	4	18
Всего	30	18	48

Дополнительными самолетами могли быть только тяжелые бомбардировщики, заполучить их можно было только в ходе наступления, перешедшего в решающую стадию: Гамбург разрушен, битва за Рур развернулась вовсю, а 8-я группа ВВС США несла тяжелые потери при очень эффективных дневных налетах. Эти воздушные операции обходились очень дорого (были большие потери как самолетов, так и экипажей) и имели стратегическую важность. Авиаторы все еще надеялись выиграть войну без наземных сражений. Объединенный штаб по планированию сделал существенный шаг, поддержав первоначальный запрос УСО еще на одну эскадрилью тяжелых бомбардировщиков. О потенциальной значимости работы УСО говорит и то, что ОШП не отверг сразу его заявку на дополнительные девяносто самолетов, которую УСО представило как необходимое условие осуществления его программы.

Начальники штабов обратились к этому документу 17 июня³ и в целом его одобрили. Министерство авиации уже приняло заявку на восемнадцать самолетов, его попросили обдумать и в течение десяти дней доложить, что можно сделать для удовлет-

¹ COS(43)267(0) от 22 мая.

² COS(43)111-e (0) заседание, пункт 7, от 25 мая.

³ COS(43)128-e (0) заседание, пункт 4, от 17 июня.

ворения запроса полностью: девяносто три самолета — на родине и сорок восемь — на Средиземноморье.

Все, кажется, выглядит почти образцово, но параллельно с этим развивался своего рода мелодраматический сюжет в делах УСО в Югославии: пришло время выбирать между Тито и Михайловичем, а также решать, каковы пределы британской поддержки Тито. 23 июня провели штабное совещание, на котором премьер-министр распорядился, чтобы с 30 сентября 1943 г. поставки на Балканы возросли до 500 тонн в месяц.

Прямое и точное распоряжение премьер-министра, таким образом, наложилось на довольно туманную цель Комитета по оснащению патриотических сил (КОПС), задачи УСО расширились, достичь же цели можно было только с использованием бомбардировочной авиации.

В последующие недели УСО получило обещанное увеличение в разрядке самолетов, и начались воздушные операции в Северной Африке. Тем временем в Лондоне штабы скрупулезно подсчитывали, каковы будут последствия этого шага. Количество поставок, согласованных УСО и штабом ВВС, таково:

	<i>Наличие</i>	<i>Требуемое добавление</i>	<i>Всего</i>
Соединенное Королевство и Северная Африка для Западной Европы	33	31	64
Ближний Восток для Балкан	14		
Первоначальная программа КОПС		24	} 53
Дополнительно по программе премьер-министра		15	
Всего:	47	70	117

Бомбардировочная авиация в то время располагала сорока оперативными эскадрильями тяжелых бомбардировщиков, у УСО было три, и ему требовалось еще примерно четыре с половиной. Цифры значительные, к тому же запрос УСО особенно остро воспринимался потому, что бомбардировочная авиация работала очень интенсивно: тяжелые бомбардировщики вылетали на операции против подводных лодок и выполняли задания по доставке воздушных десантов. Вопрос разрядки самолетов, и без

того главный для УСО, теперь еще больше обострился в связи с основной стратегической дилеммой: будут ли бомбардировщики активной ударной силой британской наступательной стратегии, как предусматривалось ранее, когда после Дюнкерка британские планы были пересмотрены, или авиаэскадрильи будут использоваться в заманчивых, но незначимых проектах? Вопрос заслуживал серьезного обсуждения в высоких инстанциях.

Начальник штаба ВВС* 25 июля представил КНШ предложение, ставшее в конечном счете компромиссом¹. Следовало настаивать на проведении операций УСО на Балканах, поскольку «они используют наши нынешние успехи и должны дать нам хорошие и немедленные результаты»; в Западной Европе движение Сопротивления менее развито, и результаты его деятельности появятся не раньше 1944 г., если только активные бомбардировки раньше не сломят сопротивление немцев. Исходя из этого он предложил выделить до конца 1944 г. всего пятьдесят восемь тяжелых бомбардировщиков вместо семидесяти запрашиваемых и распределить их таким образом: тридцать шесть — на Средиземноморье, а двадцать два — в Соединенном Королевстве. Оставалось уповать на то, что бомбардировочная авиация время от времени сумеет направлять эскадрильи в помощь УСО без ущерба основной работе. КНШ приняли доводы сэра Чарльза Портала², однако лорд Селборн уже препроводил вопрос премьер-министру³, а тот — Комитету обороны, при этом м-р Черчилль сказал: «Следует ориентироваться на политическую, а не только на военную оценку выгод и потерь»⁴.

На заседании Комитета обороны 2 августа⁵ премьер-министр развил эту мысль и «подчеркнул громадную ценность для ведения войны стремления народов Европы к сопротивлению. Он признал, что акты восстаний против немцев часто приводят к кровавым карам, однако «кровь мучеников есть семя церкви», и последствием этих расправ стала такая ненависть к немцам, кото-

* [К.Ф.А. Портал, 1893—1973 гг., находился в этой должности в 1940—1945 гг., введен в рыцарское достоинство в 1940 г., кавалер ордена Подвязки, ордена «За заслуги», маршал Королевских ВВС, виконт с 1946 г.]

¹ COS(43)404(0) от 25 июля 1943 г.

² COS(43)173-е заседание, пункт 11, от 27 июля.

³ Письмо от 21 июля 1943 г. — «История операций SD», с. 41.

⁴ DO(43)17 от 30 июля.

⁵ DO(43)7-е заседание, протокол 1, от 2 августа.

рой никогда не проявлялось ни к какой другой нации... Не следует делать ничего, что привело бы к отказу от таких наиценнейших средств изматывания противника». М-р Иден едва ли заходил столь далеко — ведь для министерства иностранных дел УСО являлось больше заботой, чем выгодой, но он по крайней мере поддержал расширение операций на Балканах. И все же эти весомые соображения высокой политики мало повлияли на увеличение поставок самолетов. Предложение начальника штаба ВВС неизменно: тридцать шесть самолетов — на Средиземноморье и двадцать два — на родине. Были, правда, неопределенные намеки на увеличение ресурсов, которые, возможно, появятся, если:

- 1) бомбардировочная авиация возьмет на себя дополнительную работу, на чем настаивало УСО и в чем, возможно, его поддержит Комитет начальников штабов;
- 2) министр экономической войны обратится к Комитету обороны, а тот сочтет потребности УСО достаточно приоритетными.

Этот спор вознес УСО на более высокий статусный уровень, печатью же, подтверждавшей этот новый статус, стало внимание, уделенное движению Сопротивления на четырехсторонней конференции, которая вскоре состоялась. Черчилль находился в Канаде и в США с 10 августа до середины сентября. Впервые вопросам воздушных поставок и партизанского сопротивления нашлось место в решениях конференции высокого уровня¹. Изменение статуса стало поводом для возобновления спора о надлежащем месте УСО в британской военной структуре и о пригодности существующих средств координации. Об этом говорилось на заседании Комитета обороны 2 августа. УСО, со своей стороны, заявило (с большей убедительностью, чем до сих пор), что его следует рассценивать как «четвертый вид» вооруженных сил и оно должно иметь равное с другими представительство в Комитете начальников штабов. Начальники штабов (в особенности начальник штаба ВВС) видели в этом, скорее, возможность более действенного контроля за деятельностью УСО, особенно теперь, когда оно рассчитывало получить значительную долю военных ресурсов. В результате УСО получило гораздо меньше, чем требовало:

- а) Оперативное и административное управление крылом специального назначения в Темпсфорде было передано от министерства авиации командованию бомбардировочной авиации. В обмен командованию надлежало предпринять

¹ Полный отчет содержится в «Истории операций SD», с. 51—59.

«дополнительные усилия» по доставке грузов во Францию обычными эскадрильями бомбардировщиков¹;

- б) С 14 мая 1942 г. опытный офицер штаба ВВС полковник авиации К.М. Гриерсон становится полноправным сотрудником УСО, вначале начальником отдела операций, а позже директором по планированию. Он, однако, не был членом Управляющего совета УСО, и теперь решено назначить туда бригадного генерала авиации Г.Н. Торнтон* со всеми обязанностями штатного сотрудника УСО². Тогда же в состав Совета был введен представитель Адмиралтейства контр-адмирал А.Г. Тэйлор, кавалер орденов Бани 3-й степени и Британской империи 2-й степени;
- в) По итогам заседания Комитета обороны 2 августа Комитет начальников штабов создал³ специальный подкомитет во главе с бригадным генералом Холлисом с целью улучшения связей с УСО. В начале октября подкомитет представил не очень убедительный доклад: претензии УСО называться «четвертым видом» вооруженных сил были отвергнуты с самого начала, а рекомендации подкомитета свелись к тому, что УСО надлежит еженедельно представлять отчет начальникам штабов, а сотрудники Управления, занятые планированием, должны быть тесно связаны с Объединенным штабом по планированию, хотя в сам этот орган представителей УСО вводить не предусматривалось.

Нельзя сказать, чтобы подобными установками достигли каких-то полезных результатов. Перед отбытием в Квебек премьер-министр занялся разрешением споров по поводу запросов УСО на самолеты. Когда он вернулся, то обнаружил, что ему предстоит заняться целиком проблемой организации УСО на Ближнем Востоке, и он поставил эти вопросы на заседании министров 30 сентября⁴. Не успел премьер-министр отправиться в Тегеран в конце ноября, как проблема возникла вновь, и распри по по-

¹ COS(43)491(0) от 25 августа и Приложение.

* [1896—1971 гг., военно-воздушный атташе в Стокгольме в 1940—1941 гг., в Вашингтоне — в 1941—1943 гг.]

² В феврале 1944 г. его сменил вице-маршал авиации А.П. Ритчи, кавалер ордена Британской империи 2-й степени, Креста ВВС.

³ COS(43)180-е заседание, пункт 5, от 4 августа 1943 г.

⁴ Протоколы разосланы секретариатом Кабинета; копия в папке (AD/S.1) «Комитет обороны» Архива УСО. Подробнее см. далее в главе XXI.

воду разрядки самолетов для УСО бушевали почти непрерывно, до его возвращения в январе 1944 г. Нет сомнений, что в этот решающий для своего развития период УСО и движение Сопrotивления, им ведомое, во многом поддерживались лично м-ром Черчиллем.

Непосредственным поводом для новой вспышки недовольства стало убедительное доказательство контроля немцев над радиостанцией УСО в Голландии¹. Подозрения такие существовали уже много месяцев, в июле 1943 г. Объединенный комитет по разведке (ОКР) провел (по представлению СИС) расследование сообщений о проникновении противника в сети во Франции², и теперь УСО было настороже в отношении Голландии, хотя и надеялось спасти хоть что-то от полного разгрома. 30 ноября командующий бомбардировочной авиацией (теперь уже участвовала в битве за Берлин) без предварительного согласования с УСО приостановил все воздушные операции УСО в Западной Европе — поступок, оправдать который можно было только большими потерями самолетов в воздушных боях над Голландией и недооценкой самим командующим деятельности авиации как одного из движущих факторов Сопrotивления в других районах. Последовавшая бумажная война велась с исключительной жесточечностью, и, наверное, не стоит подробно излагать ее на этих страницах³. Запрет на операции был тотчас же отменен для всех стран, кроме Голландии, Дании и Польши, которые действительно давали повод для беспокойства, впрочем, две последние страны Объединенный комитет по разведке быстро «вернул в строй». Комитет тем не менее приступил (после штабного совещания у м-ра Эттли 1 декабря) к расследова-

¹ См. ранее, глава XII, раздел 2.

² COS(43)173-e (0) заседание, пункт 11, 27 июля, JIC(43)325(0) и COS(43)178-e (0) заседание, пункт 12, 2 августа.

³ Ход ее можно проследить весьма отчетливо в «Истории операций особого назначения», с. 69—97. Основными документами являются Записка генерала Исмэя заместителю премьер-министра от имени заместителей начальников штабов (1 декабря), протоколы штабного совещания, проведенного м-ром Эттли в 17 час. 45 мин. 1 декабря, письмо лорда Селборна м-ру Эттли от 2 декабря, штабное совещание, проведенное м-ром Эттли 6 декабря, JIC(43)517 от 22 декабря — о немецком проникновении в сети УСО, COS(43)781(0) от 22 декабря — о потребностях УСО в самолетах, DO(44)2 от 11 января (вторичное возражение лорда Селборна), DO(44)2-e заседание от 14 января, COS(44)15-e (0) заседание, пункт 14, от 19 января.

нию работы УСО, причем в недружественном духе. Он выразил активное несогласие с существованием УСО как самостоятельной организации, что далеко выходило за рамки полномочий ОКР. Фактически Комитет представил (по выражению УСО) доклад «в угоду СИС и министерства иностранных дел» и указал, что две крайние позиции заведут ситуацию в тупик: идея УСО, что ему надлежит быть «четвертым видом» вооруженных сил с равным представительством в Комитете начальников штабов, и мнение Форин-офис, что у Управления нет права на самостоятельное существование и его следует незамедлительно ликвидировать. Январь 1944 г. был неподходящим временем для споров по фундаментальным (скорее, академическим) проблемам такого рода. Комитет обороны собрался 14 января, будучи под впечатлением от телеграммы, направленной премьер-министром лорду Селборну: «Мы непременно разберемся с этим по моему возвращении»¹. Его решения оказались неубедительными, что означало победу УСО. Самолето-вылеты в Голландию пришлось возобновить, начальники штабов вынуждены были относиться к операциям УСО как к высокоприоритетным. Получив такого рода благословение, руководство специальными операциями стало перемещаться с Бейкер-стрит в штаб-квартиры соответствующих командующих. Практические последствия проявили себя в двух направлениях:

- а) По итогам встречи лорда Селборна с министром авиации 2 декабря условия взаимодействия между УСО и Королевскими ВВС были пересмотрены. Обсуждения продолжались в течение декабря — января (командующий бомбардировочной авиацией вел безнадежное сражение за полный оперативный контроль), а завершились в феврале 1944 г. переводом авиакрыла специального назначения в Англии из бомбардировочной авиации в авиагруппу № 38, транспортную группу Королевских ВВС в Союзных экспедиционных военно-воздушных силах. В то же время обязанности по делам УСО в министерстве авиации были

¹ Письмо м-ра Пекка из канцелярии премьер-министра личному секретарю лорда Селборна. Оно было вызвано телеграммой лорда Селборна «полковнику Уордену», датированной 7 января (папка 62/370/1.2 Архива УСО). См. также письмо лорда Селборна премьер-министру от 12 января 1944 г. (в документах лорда Селборна). [Сэр Дж.Г. Пекк, 1913—1995 гг., личный секретарь премьер-министра в 1940—1945 гг., введен в рыцарское достоинство в 1971 г., посол в Дублине в 1970—1973 гг. См. его книгу «Вид на Дублин с Даунинг-стрит» (1978).]

сосредоточены в руках нового директора — DI(R), директора по разведке и исследованиям, а представительство Королевских ВВС в системе УСО на всех уровнях значительно усилено¹. Теперь все это получило официальное благословение Комитета обороны².

- б) В проблеме воздушной транспортировки наконец-то появились признаки решения.

18 декабря УСО представило начальникам штабов расчет своих потребностей в самолетах в уже известном виде³, который оставался без рассмотрения, пока шли споры на более высоких уровнях. Документ в конце концов был изучен начальниками штабов 19 января⁴, когда начальник штаба ВВС в очередной раз заговорил о трудностях бомбардировочной авиации, которой «не хватало от 70 до 80 «галифаксов» для действий по запланированным целям». Из британских источников начштаба ВВС мог взять только четыре дополнительных «галифакса» (к существующим двадцати) плюс обещанные ранее на Средиземноморье, что доводило численность британских самолетов до сорока шести. Оказать большую помощь Королевские ВВС могли бы только в результате дополнительных усилий, задействовав «стерлинги», уже снятые с вооружения в бомбардировочной авиации как устаревшие и переданные для проведения операций по воздушным поставкам в воздушно-транспортную группу № 38. Никакая первоочередность, сколь бы высока она ни была, не могла подвигнуть Королевские ВВС на что-либо, выходящее за эти рамки, и начальник штаба ВВС надеялся только на американскую помощь: две эскадрильи «либерейторов» (двадцать четыре самолета) уже проходили подготовку в Англии и вскоре были готовы оказаться в строю; начштаба предложил запросить еще одну эскадрилью ВВС США — для Средиземноморья. Начальники штабов с этим согласились, и это обозначило крайний предел помощи Королевских ВВС: эскадрильи № 138 и 161 в Темпсфорде, № 148 и 624 на Средиземноморье плюс существенное содействие группы № 38, которое будет возрастать с увеличением ее ресурсов.

¹ Об указаниях советнику по авиации в УСО и воздушно-транспортной организации лондонской группы УСО см. Приложения «В» и «С» к «Истории операций особого назначения».

² DC(44)2-е заседание, решение 1, от 14 января.

³ SOE(43)PLANS/350; рассылался как COS(43)781(0) от 22 декабря.

⁴ COS(44)15-е (0) заседание, пункт 14, от 19 января.

В цифрах это вроде бы немного, на практике же этого оказалось достаточно. К тому же в это время явно обозначилось превосходство союзной авиации в воздухе благодаря спецпоставкам американских самолетов. Однако это объясняется еще и тем, что и в самых верхах и низах осознали: помощь движению Сопротивления имеет решающее значение и в политическом, и в стратегическом отношении. Поддержке балканских партизан было уделено немало времени на шестисторонней конференции в Каире в декабре¹, та же тема значилась в повестке встречи в Тегеране. Польский вопрос тоже стал проблемой первостепенной значимости², а французские маки во многих районах уже поднялись на открытое восстание³ и подвергались серьезной опасности. Генерал Эйзенхауэр теперь находился в Лондоне, и поддержка с воздуха движения Сопротивления на Западе занимала важное место в тревожный период «размягчения» немецкой обороны накануне высадки. Немногочисленные цифровые данные (возможно, не очень точные в частности) показывают, что тогда происходило (третий квартал 1943 г. включен потому, что операции в конце этого года не вполне удалась из-за погоды). Нет данных, чтобы показать, как увеличившиеся ресурсы распределялись между специально приданными эскадрильями и каков объем дополнительных усилий, обеспеченных транспортниками и бомбардировщиками. Однако ясно, что именно этот дополнительный вклад и оказался решающим, в особенности вклад транспортных служб военно-воздушных сил. В противном случае им не удалось бы действовать эффективно, за исключением немногих воздушно-десантных операций: Нормандия, Арнем, форсирование Рейна. Стоило появиться значительным средствам транспортировки, как проблема разнарядки почти исчезла и справляться с трудностями такого рода стало по силам Верховному командующему и командующему авиацией посредством оперативных решений. Воздушная мощь вновь обрела надлежащую гибкость, и мы больше никогда не услышим о трудностях с разнарядкой самолетов, разбираться с которыми пришлось бы Комитету начальников штабов и Коми-

¹ «История операций особого назначения», с. 76 и далее.

² «История операций особого назначения», с. 97 и далее.

³ «История операций особого назначения», с. 94 (встреча премьер-министра с месье д'Астье де ла Вижери 27 января).

тету обороны. Словосочетание «самолеты для УСО» по-прежнему часто встречается в протоколах, однако теперь речь идет лишь о кризисных ситуациях, когда в результате политического нажима приходится быстро снимать самолет с заданий по оказанию помощи движению Сопротивления, стратегическая значимость которых мала в соотношении с затратами на поддержку: Веркорское восстание во Франции, бои за Варшаву в Польше. Понять эти критические ситуации будет легче впоследствии, когда они войдут в контекст повествования о деятельности УСО в разных странах.

Успешные самолето-вылеты из Соединенного Королевства

<i>Франция</i>	<i>Бельгия</i>		<i>Голландия</i>		<i>Норвегия</i>		<i>Дания</i>	
	<i>КВВС</i>	<i>ВВС</i>	<i>КВВС</i>	<i>ВВС</i>	<i>КВВС</i>	<i>КВВС</i>	<i>КВВС</i>	<i>ВВС</i>
		<i>США</i>		<i>США</i>				<i>США</i>
<i>1943 г.</i>								
3-й квартал	327	—	10	—	1	3	8	—
4-й квартал	101	—	6	—	1	12	5	—
<hr/>								
<i>1944 г.</i>								
1-й квартал	557	52	13	5	—	13	3	—
2-й квартал	748	521	24	40	2	23	7	—
3-й квартал	1644	1336	119	22	37	2	12	9
4-й квартал	46	—	19	—	152	50	71	—
<hr/>								
<i>1945 г.</i>								
1-й квартал	—	—	—	—	25	326	54	36
2-й квартал	—	—	—	—	76	170	114	89

Тоннаж грузов, сброшенных с самолетов, вылетающих со Средиземноморья (нет данных о распределении по тоннажу или самолето-вылетам между КВВС и ВВС США)

Франция Италия Югославия Греция Албания Польша

1943 г.

3-й квартал	1	4	144	395	57	—
4-й квартал	6	1	125	234	76	—

1944 г.

1-й квартал	172	92	251	290	121	3
2-й квартал	794	398	2602	201	81	153
3-й квартал	1100	650	3014	219	259	163
4-й квартал	—	780	2398	428	463	24

1945 г.

1-й квартал	—	1669	3347	—	34	—
2-й квартал	—	875	1158	—	5	—

ГЛАВА XVII ЮГОСЛАВИЯ¹

Вступление

Мы оставили Югославию в той ситуации, какой она была в конце лета 1942 г., когда было решено направить полковника Бэйли на смену капитану Хадсону. Годом раньше Британия, оценивая восстание Михайловича, сочла его авантюрой, не имевшей военного значения, поддержать которую можно было бы

¹ Основными источниками здесь являются: проект «Белой книги», подготовленный полковником Бэйли совместно с Архивным департаментом министерства иностранных дел (FORD) в 1946 г., и приложенные документы. Отчет полковника Бэйли о его миссии написан в апреле 1944 г. Вновь используется история, написанная подполковником У.Д. Уилсоном, очень познавательная.

лишь за счет британских нужд в Ливии и на Средиземном море. Теперь положение изменилось: уже британцы нетерпеливо подталкивали Михайловича на выступление и подозревали, что (как утверждали русские) он, возможно, на самом деле нападать на немцев не собирался. Наряду с этим спором (и запутывая его) всплывают старые разногласия относительно военной значимости партизан Тито. Сама по себе проблема проста, но ее весьма осложняла политическая необходимость однозначного выбора. Были предприняты все мыслимые меры, чтобы свести Тито с Михайловичем, подтолкнуть к взаимодействию или чтобы, при отсутствии взаимодействия, помогать им порознь и параллельно. События подтвердили (и так убедительно, как мало что подтверждалось в истории): эти лидеры неспособны к единению. История распадается на четыре основных этапа:

- а) миссия Бэйли и попытка через других британских офицеров связи вовлечь Михайловича в активную политику: декабрь 1942 — весна 1943 г.;
- б) первый период выработки политического решения: с весны до августа 1943 г. — бригадный генерал Маклин* с Тито, бригадный генерал Армстронг** с Михайловичем.
- в) параллельные представительства, Тегеранская конференция и решение отделаться от Михайловича: август 1943 — январь 1944 г.;
- г) полная поддержка Тито: с января 1944 г. до стремительной гонки за Триест в мае 1945 г.

1. Миссия полковника Бэйли

Хадсон получил наконец в августе 1942 г. сомнительное подкрепление в лице «капитана Робертсона», а немного позже — более основательную помощь в лице капитана Лофтса с его узлом связи. В сентябре 1942 г. самолетов (в первые дни), в общем, хватало, хотя воспользовались ими только для того, чтобы заслать (в основном в течение сентября) двенадцать обученных УСО югославов, которых поручили обучить подчиненных Михайловичу

* [Сэр Фицрой Г. Маклин, 1911—1997 гг., дипломат, член парламента — консерватор — в 1939—1974 гг., в SAS в 1942—1943 гг., в Югославии в 1943—1945 гг., баронет с 1957 г. См. его книги «Восточные подходы» (1949) и «Спорная баррикада» (1957).]

** [К.Д. Армстронг, 1897—1985 гг. См. раздел 3 этой главы.]

командиров диверсионному делу. Вместе с ними отправили некоторое количество снаряжения. Ныне нет сомнений, что эта политика (пусть и хорошо проявившая себя в других странах) не годилась для здешних условий ни с политической точки зрения, ни с психологической. Агентов-югославов в частном порядке представляли представители югославского правительства, причем в направлении, которое, весьма возможно, противоречило британской политике, и, конечно же, от них нельзя было ждать политических отчетов, сколько-нибудь ценных для британцев. С военной точки зрения сомнительно, чтобы Михайлович нуждался в технических инструкциях и самих инструкторах, — была потребность во взрывчатке, взрывателях и боеприпасах. А главное — не доставало воли сражаться.

С улучшением средств связи природа трудностей делалась все более очевидной благодаря отчетам Хадсона, и недели, ушедшие на подготовку к сражению в Аламейне и операции «Факел», дали возможность для первой «проверки делом». Задача была поставлена в послании, направленном 21 сентября генералом Александером*, он открыто призывал к решительному нападению на линии коммуникаций держав Оси и весьма откровенно намекал на то, что в ближайшем будущем следует ожидать крупных операций в Северной Африке. Послание подкрепляла телеграмма от Йовановича, югославского премьер-министра, от 23 сентября, содержание которой он в весьма цветистых выражениях повторил 6 ноября, когда прорыв под Аламейном был завершен, а операция «Факел» уже началась. Ответ генерала Михайловича на все эти призывы состоял в том, что он отдал приказ «усилить деятельность», что диверсионные действия наращиваются и ничего сделать нельзя, пока не будет больше оружия¹.

В то время стало очевидным: кое-какие диверсии в районах, контролируемых Михайловичем, проводились, а британская помощь была, конечно же, недостаточной. И все же подлинный смысл политики Михайловича оставался скрытым, ясно было только одно — его уверения нельзя принимать за чистую монету

* [Г.Р.Л.Дж. Александер, 1891—1969 гг., введен в рыцарское достоинство в 1942 г., командующий на Ближнем Востоке в 1942—1943 гг., 18-й армейской группировкой — в 1943—1945 гг., фельдмаршал с 1944 г., награжден орденом Подвязки в 1946 г., генерал-губернатор Канады в 1946—1952 гг., граф с 1952 г., министр обороны в 1952—1954 гг., награжден орденом «За заслуги» в 1959 г.; в НБС. См. его мемуары (1962).]

¹ Материалы в «Документах Бэйли» (хранятся в FORD).

ту, следует поискать деятельной поддержки в другом месте. А что представлял собой тогда Тито?

Прежде всего то был переломный период в становлении партизанского движения. После «третьего наступления» против партизан в Монтенегро весной 1942 г. их основные силы сконцентрировались в Боснии и Герцеговине, где достаточно долго было спокойно. Москва уже полностью перешла на их сторону, и партизанское движение становилось известно всему миру через информационные каналы «левых». Внутри движение начало обретать некое подобие жесткой военной организации, составленной из дивизий и бригад. Что еще важнее, у него появились высокие политические притязания. Решающим формальным событием стало заседание 26 ноября 1942 г. в Бихаче, на границе Боснии и Хорватии, «Антифашистского совета национально-освобождения», органа, составленного из делегатов довольно сомнительного происхождения. Этот совет провозгласил себя верховной законной властью новой Югославии. В свете позднейших событий то была первая рабочая модель государственного строя, который к 1947 г. преобладал в «советской зоне» Восточной Европы*. Природа строя с самого начала была известна Михайловичу, хотя воспринимал он его сквозь дымку местнической предвзятости; британцы же ничего понять в этом не могли, но уяснили по крайней мере, что соперничающее движение, которое заслуживало внимания, уже стало на ноги.

А посему (*и это во-вторых*) с конца лета 1942 г. от Хадсона настойчиво требовали любых сведений об истинной природе партизанского движения и отношении Михайловича к нему¹. От Робертсона требовали разъяснений по этим же вопросам. Ответы Хадсона были, к сожалению, чересчур тщательно выверены, чтобы звучать убедительно: он осознавал, насколько ограничен его сектор наблюдений, сколь много о Михайловиче приходится говорить на основании сведений и взглядов самого Михайловича. Тем не менее из его отчетов можно было понять, что главная забота Михайловича — политическая борьба за будущую власть в Югославии, помощь союзников для него имеет смысл лишь постольку, поскольку способствует восстановлению после войны определенной формы государственного устройства, и это

* [См. книгу Хью Сетон-Ватсона «Восточно-европейская революция» (1950).]

¹ См., например, «вопросник» в телеграмме от 1 сентября в «Документах Бэйли», Приложение «F» (в FORD).

устройство будет основываться на главенстве в Югославии узкой сербской традиции, вовсе не обязательно недемократической в том, что касалось сербов, но, конечно, же в прямом смысле слова реакционной.

В-третьих, все объективные сведения, какие удалось собрать, перехваты и другие «совершенно секретные источники» указывали, что партизаны стали занозой в теле держав Оси, а Михайлович — нет. Кое-какие некрупные диверсии можно было приписать силам Михайловича, однако было совершенно очевидно, что никакой открытой партизанской войны они не ведут и что державы Оси не предпринимают серьезных попыток их уничтожить. Тем самым подтверждался тезис Москвы, что Михайлович по крайней мере равно готов сотрудничать и с державами Оси, и с союзниками.

Спор, таким образом, велся всюду до того, как в него встрял Бэйли. В целом министерство иностранных дел и УСО по-прежнему придерживались направления, определенного событиями осени 1941 г.: создание единого движения вокруг Михайловича как представителя единственно законного югославского правительства. Впрочем, уже тогда подспудно зрело ощущение (выраженное главным образом некоторыми диссидентами внутри УСО), что эта политика — без будущего. Сомнения усиливались немощью оказавшихся в изгнании югославов, бессильных даже взять под контроль собственные регулярные войска на Ближнем Востоке, где в ноябре 1942 г. произошел открытый мятеж, который, как представляется, никак нельзя приписать какой бы то ни было зловредной агитации извне¹. Миссия Бэйли, следовательно, не носила военного характера, и британская помощь Михайловичу объяснялась не только военными соображениями. Напротив, она имела по преимуществу характер политический: роль Бэйли, с одной стороны, состояла в том, чтобы информировать правительство Его Величества об обстановке, с другой — навязывать Михайловичу британскую политику всеми имевшимися в распоряжении Бэйли средствами². Фактически он являлся послом,

¹ Обратите внимание также на случай, когда югославское правительство испросило разрешения пользоваться собственными шифрами в переписке с Михайловичем. Министерство иностранных дел согласилось на это в октябре 1942 г., затем дало отказ — под нажимом УСО, государственного министра, командующих на Ближнем Востоке и начальников штабов. (Документы в основном хранятся в папке (AD/S.1) F.34 Архива УСО.)

² См., например, его «Записки» о своей миссии, датированные 12 ноября 1942 г., в папке Архива УСО (CD) «Югославия — политическое».

действовавшим в условиях технических трудностей, с какими не часто сталкиваются на внешнеполитической службе, хотя и ему пришлось испытать обычные тяготы британских дипломатов.

Заброска его откладывалась до Рождества 1942 г. — частью из-за болезни, частью из-за оперативных проволочек. Потеря времени сама по себе бедой не грозила, зато она сократила период, в течение которого Бэйли надлежало составить представление об обстановке и сделать так, чтобы оно воздействовало на официальное мнение на родине до того, как разразится кризис весны 1943 г. Премьер-министр, будучи в январе 1943 г. в Каире, встретился с бригадным генералом Кеблом и проявил живейший интерес к положению в Югославии¹, однако в то время УСО в Каире по-прежнему заботила только нехватка самолетов. Месяцем раньше Кебл сообщал: «Совершенно бесполезно (повторяю: бесполезно) направлять любые выдержанные в крепких выражениях или иные послания правительства Его Величества Михайловичу с целью понудить его к дальнейшим действиям, пока мы не располагаем необходимыми средствами для его поддержки»².

Первым, что изменило господствовавшие взгляды, стало тщательно взвешенное и составленное исследование с рекомендациями, пришедшее во второй половине января от Бэйли с Хадсоном, — они действовали в полном согласии. Суть его изложена в пространной телеграмме Бэйли от 21 января³, подкрепленной еще более пространным отчетом Хадсона, передача которого сильно задержалась⁴. У них не было расхождений в оценке движения Михайловича, оба не видели никаких перспектив в достижении согласия между Михайловичем и Тито, даже временного. По рекомендации Бэйли, следовало провести между югославскими лидерами границу, которая позволит Михайловичу расширить свое влияние на Боснию и Герцеговину, в то время как партизаны двинутся дальше на север. Если так случится, следовало оказывать равную помощь обеим сторонам.

¹ См. телеграмму УСО «Альфа 824» от 29 января; копия в папке (AD/S.1) F.34 Архива УСО.

² Телеграмма COS 3407 от 28 декабря 1942 г.; копия в папке (AD/S.1) F.34 Архива УСО. См. также Записку лорда Гленконнера, направленную сэру Орму Сардженту в январе 1943 г., и Замечания сэра Чарльза Хамбро (в той же папке).

³ Копия в «Документах Бэйли», Приложение «G2».

⁴ Полный текст направлен в министерство иностранных дел 9 февраля 1943 г.; копия в папке (AD/S.1) F.34 Архива УСО.

Во-вторых, в соответствии с общим направлением политики, которой руководствовались тогда на Ближнем Востоке, все больше британских групп проходили подготовку и доставлялись в районы, находившиеся под контролем Михайловича, для организации и побуждения к нападению на определенные военные объекты, в том числе железную дорогу Белград — Ниш — Салоники, Дунай, медные копи в Боре, рудники хрома в Аллатини. Первая из таких групп (майора Гринлиса) присоединилась к полковнику Бэйли в феврале, другие группы прибывали вплоть до мая¹. Мало кто из этих людей обладал обширными познаниями о Балканах, зато они рвались на деле выступить против врага, их поведение помогло выявить истинные устремления подчиненных Михайловичу командиров. Формально британские группы подчинялись полковнику Бэйли, но по практическим причинам все их радиосвязи шли напрямую в Каир, так что они воспринимали себя как независимый и непредвзятый источник информации. Бэйли и в самом деле жаловался, что его задача делается невыносимо трудной из-за того, что он не ведает, где группы находятся, чем занимаются и о чем сообщают. Во всех донесениях содержалась негативная оценка людей Михайловича как боевой силы. Политика Михайловича более обнаженно проявлялась

¹ Основные группы:

февраль	«Пещера»	майор Гринлис	возле Крагойева
18 апреля	«Эмаль»	майор Гринвуд	Хомолье (возле Дуная и копей Бора)
19 мая	«Выборка»	майор Рутэм	Хомолье (возле Дуная и копей Бора)
19 мая	«Рупии»	капитан Харгривз	Хомолье (возле Дуная и копей Бора)
20 апреля	«Родий»	капитан Уэйд и капитан Мор	Копаонек
23 мая	«Родий»	майор Селби	Копаонек
19 апреля	«Неронец»	майор Симер	район Приштины (Нишская ж/д)
20 мая	«Неронец»	капитан Хоксуорт	район Приштины (Нишская ж/д)
15 апреля		майор Морган	район Приштины (рудники хрома в Аллатине)

Майор Рутэм написал обо всем этом книгу: «Осечка», изданную Chatto & Windus. Полный перечень четников и партизан по состоянию на 17 сентября 1943 г. содержится в «Журнале войны» Центра УСО, в разделе «Ближний Восток и Балканы», с. 1022.

в кругу подчиненных ему командиров, и рвущимся в дело британским офицерам действовало на нервы то, что при попытке выполнить то или иное задание, данное британским командованием, им на каждом шагу приходилось сталкиваться с обманом. Некоторые из них погибли в бесцельных мелких стычках с болгарскими войсками, но никаких крупных операций осуществить не удалось. Это, несомненно, оказало сильное воздействие на бригадного генерала Кебла и военное подразделение организации УСО в Каире, а через них — на военные штабы на Ближнем Востоке.

В-третьих, в первые месяцы 1943 г. внутренняя политика сделала еще один шаг вперед, положив начало новому этапу. В январе немцы предприняли «четвертое наступление» против партизанской «республики» в Бихаче и потеснили основные силы партизан к югу, к территории Михайловича. Стратегия эта, несомненно, была выбрана сознательно, дабы заставить Михайловича сделать выбор. Нет сомнений, что тот принял решение любой ценой не допустить партизан на сербскую территорию. Преуспел он в этом лишь частично, несмотря на ожесточенную борьбу во временном союзе с войсками держав Оси: Сербия захвачена не была, однако партизаны прорвали линии Михайловича и временно укрылись в Монтенегро, ставшей для них одной из первых родных баз. Посреди всей этой кутерьмы Михайлович воспользовался обстановкой (и свадебным пиром), чтобы в присутствии Бэйли обрушиться с гневными нападками на западных союзников и на все ими содеянное¹, указав — настолько ясно, насколько требовалось, — что если оружия ему не дадут британцы, то дадут итальянцы и что те оказались для него союзниками получше. Эта вспышка 28 февраля 1943 г. в какой-то мере оправдана: со времени прибытия Бэйли британцы прислали всего три тонны снаряжения, — мизерное количество по сравнению с тем, что можно было выжать из итальянцев подкупом и шантажом. Вдобавок Би-би-си (начиная примерно с октября 1942 г.) повела довольно плохо согласованную кампанию, рекламирующую Тито, что откровенно бесило Михайловича. Обрушиваясь с такого рода нападками, Михайлович, возможно, рассчитывал, что войска держав Оси вскоре уничтожат партизан, а чуть попозже сами будут уничтожены и он сделается господином положения. Он, конечно же, невысоко ставил Бэйли — ни как политического наставника, ни как источник денег и снаряжения. Но то был поворотный

¹ 28 февраля, см. телеграмму Бэйли от 1 марта; копия в «Документах Бэйли», Приложение «G2».

пункт в его отношениях с британцами: после выходки на свадьбе он недель на шесть прервал связь с Бэйли, пока шло сражение с партизанами на фронте у реки Неретвы. А в это время произошел решительный поворот в британской политике.

2. Первый период выработки решения

Получив в конце января рекомендации Бэйли, УСО с министерством иностранных дел повели нескончаемые дискуссии о политике¹, и в Каире, без сомнения, спор шел не менее острый. В то время официальная линия, которой следовал Каир², по-прежнему основывалась на сочетании нажима и поддержки — действий, направленных на одного Михайловича. В Лондоне вопрос рассматривался³ как один из возможных вариантов выбора:

- а) безусловная поддержка Тито;
- б) безусловная поддержка Михайловича;
- в) следование по течению;
- г) равная поддержка обеих сторон.

Чаша весов теперь склонялась к варианту «г», но решение пока откладывалось⁴. Нужно было посылать офицеров к Тито, а Тито нельзя было поддерживать до тех пор, пока не будут получены их донесения и пока не будет предпринята еще одна попытка (которая оказалась безрезультатной) в Москве. Между тем Михайлович продолжал получать помощь.

До решающего поворота последовали три события. *Во-первых*, в начале апреля югославского премьер-министра по личному вмешательству м-ра Черчилля вынудили направить протест Михайловичу по поводу его выходки 28 февраля⁵. Ответом Михайловича⁶ стало хорошо составленное объяснение его позиции в целом, он перечислял нанесенные ему обиды и уверял в своей

¹ Например, мнение лорда Гленконнера в его телеграмме № 959—61 от 6 марта; копия в папке F.34 Архива УСО.

² Многие документы в папке F.34 Архива УСО.

³ Документ Орма Сарджента от 18 февраля — в папке F.34 Архива УСО.

⁴ Послания сэра Орма Сарджента CD от 23 февраля и CD сэру Орму Сардженту; оба в папке F.34 Архива УСО.

⁵ Копия телеграммы в «Журнале войны» лондонского Центра УСО, раздел «Ближний Восток и Балканы», с. 576 (и ответ Михайловича на с. 581).

⁶ Датирован 16 апреля; копия в «Документах Бэйли», Приложение «С».

абсолютной лояльности союзникам. *Во-вторых*, 21 апреля две группы хорватов, ставших гражданами Канады и США, были сброшены с парашютами для установления связи с партизанами в Хорватии и Боснии. Им удалось добраться до штаба местных партизан и отправить весьма благоприятное донесение: вполне вероятно, они были людьми «левых» взглядов, но их рассказы казались связными и правдивыми. 7 мая Каир направил послание, приветствуя усилия партизан и предлагая прислать в помощь хорошо обученные британские группы. Это предложение было принято «в принципе» 17 мая. *В-третьих*, 7 мая после тщательных консультаций м-р Иден пригласил югославского премьер-министра для передачи Михайловичу указания, которое, по сути, содержало угрозу прекратить поддержку, если не будет изменений в отношении прежних расхождений: стратегическое руководство осуществляет командующий на Ближнем Востоке, никаких контактов с державами Оси, никаких агрессивных действий против партизан. Это послание, очевидно, было направлено Михайловичу из Лондона вскоре после 12 мая, ответа на него не поступало до 1 июня¹.

Надо признать, на Ближнем Востоке к делу «подошли грубо». *Во-первых*, 18 мая к одной из ранее направленных групп в Хорватию была сброшена британская группа под командой канадца майора У.М. Джонса, награжденного медалью «За выдающиеся заслуги», большого храбреца, но далеко не мудреца (позже стало известно, что местные жители называли его «бешеным, но святым»)². Основное его задание состояло в выводе из строя железной дороги на Фюме, но он очень скоро отыскал себе и множество других занятий. Более важно то, что Каир согласился прислать офицера связи в главный штаб Тито и без согласования с Лондоном 25 мая отправил туда майора Ф.У. Дикина*.

¹ Ответ Михайловича хранится среди телеграмм «Вилла Реста» № 1597—1598 (изложение в «Журнале войны» лондонского Центра, раздел «Ближний Восток и Балканы», с. 603). (Окончательный вариант послания, направленного Михайловичу, в том же разделе «Журнала войны», с. 583.)

² См. также его отчет м-ру Маккензи Кингу, датированный 5 мая 1944 г., в папке (AD/S.1) F.34 Архива УСО. [У.Л.М. Кинг, 1874—1950 гг., премьер-министр Канады от Либеральной партии в 1921—1926, 1926—1930, 1935—1948 гг.]

* [Ф.У. Дикин, род. в 1913 г., благополучно пережил представительство у Тито, директор-основатель колледжа Св. Антония в Оксфорде, введен в рыцарское достоинство в 1975 г. См. его книгу «Гора в боевом строю» (1971), содержащую необыкновенно живые описания событий, с которыми связано ведение войны на суше нерегулярными силами.]

молодого преподавателя истории в Уадэме, работавшего с м-ром Черчиллем над его книгой «Мальборо». Прибыл он в самый разгар «пятого наступления», самого мощного натиска на партизан; он и Тито получили легкие ранения от взрыва одной бомбы, и майор Дикин стал участником одного из самых знаменитых партизанских походов¹.

Во-вторых, 26 мая Каирский отдел УСО направил через Бэйли ультиматум, требовавший от Михайловича отойти на восток от реки Ибар и оставить партизанам всю территорию, не являющуюся в строгом смысле сербской. Этой телеграмме предшествовало в высшей степени противоречивое толкование тактической ситуации внутри Югославии. Бэйли (верно или ошибочно) решил: если уж проводить жесткую политику, то она должна быть жесткой, — и вручил Михайловичу полный текст телеграммы, предоставив тем самым беспорное свидетельство своих полномочий и продемонстрировав, насколько презрительно оценивают на Ближнем Востоке Михайловича как союзника.

Все эти действия в совокупности подвигали британцев на поддержку обеих сторон, сохраняя некоторую предвзятость по отношению к Тито. Что касается «Ибарской телеграммы», то Каирский отдел УСО открыто взял под защиту такой властный орган, как ближневосточный Комитет обороны. Начало разрыва (едва ли он был случайным), следовательно, произошло вне УСО, в сфере политики генерального штаба, настроенного на безотлагательные действия и военный успех. Следует помнить, что 8-я армия упорхнула из-под крылышка Каира (21 марта она, прорвав линию Марета, вошла в Тунис), а высадка в Сицилии (которая произошла 10 июля) была неминуема, и Ближний Восток мог поучаствовать в сражении только действиями на Балканах. С этого момента внутри Каирского отдела УСО заметно усиливается военный подход к происходящим событиям, пока в сентябре 1943 г. дело не дошло до кризиса.

В Лондоне на самом высоком уровне велись напряженные споры², которые заняли большую часть июня, однако подходы к вопросу

¹ Полный отчет в «Журнале войны» лондонского Центра, раздел «Ближний Восток и Балканы», с. 625 (данное ему задание приводится на с. 623).

² Весьма многочисленны ссылки на них в тематических указателях КНШ за 1943 г., решающими стали устроенное премьер-министром штабное совещание 23 июня — COS(43)135-e (0) заседание и совещание, проведенное м-ром Иденом в министерстве иностранных дел 24 июня — Отчет CD в Архиве УСО, папка (CD) «Югославия 5».

настолько разнились, что едва ли есть необходимость излагать их подробно. Самое важное другое — впервые м-р Черчилль проявлял интерес к движению Сопротивления в Югославии, равно как и к сходному движению в Греции, и с этого момента ход событий радикально изменился. Это было влияние сугубо личной политики Черчилля, направленной на поддержку Тито в Югославии и враждебно настроенной к ЭЛАС (Народно-освободительной армии) в Греции. Несоответствие явное, о котором долго можно было бы говорить, но в этом нет необходимости. Помимо этого личного фактора было еще три значимых решения:

- а) «При наличии оперативных потребностей повсюду» министерство авиации и УСО должны совместно разработать план наращивания поставок снаряжения в Югославию и/или Грецию до конечного уровня 500 тонн в месяц¹. В мае в Югославию было доставлено 25 тонн — в этот месяц намного превышены все прежние показатели, это означало громадную перемену в масштабах операций, это вышло за пределы возможностей УСО.
- б) Мистеру Фицрою Маклину, члену парламента — консерватору от Ланкастера и бывшему сотруднику министерства иностранных дел, надлежало отправиться в штаб Тито в качестве личного представителя премьер-министра. Некогда он работал в УСО, однако в делах большой значимости проявил себя в других ведомствах². Он прибыл в Югославию 18 сентября с четырьмя офицерами и мощным узлом связи.
- в) Следовало направить кадрового офицера в штаб Михайловича, Бэйли после этого будет числиться всего лишь политическим советником этого офицера. Последовал протест со стороны УСО, защищавшего Бэйли, однако акция сама по себе являлась вполне разумной: профессиональный военный мог лучше любого другого объяснить Михайловичу, почему проводимая им политика неприемлема для союзников. Выбор офицера для такой миссии подчеркивал иной подход правительства Его Величества к Тито и Михайловичу. К Михайловичу отправили бригадного

¹ COS(43)135-е (0) заседание, пункт 2, от 23 июня. См. также письмо бригадного генерала Холлиса в папке (CD) «Югославия 5» Архива УСО в отношении «квалификационного условия».

² См. данную ему директиву, переработанную 11 августа; копия в папке (CD) «Югославия 5» Архива УСО.

генерала инженерных войск Армстронга, награжденного орденом «За безупречную службу» и Военным крестом, и выбор этот оказался на редкость удачным. 24 сентября генерал Армстронг прибыл в Югославию в сопровождении большой группы, включавшей двух сотрудников УСС¹.

3. Параллельные представительства и отставка Михайловича

Эти три решения наглядно свидетельствуют, что наступил момент, когда УСО, сыграв свою роль, вскоре должно было уйти со сцены. В Югославии речь уже не шла о проведении «нелегальной войны» или использовании «нераспознаваемых средств».

Страна стала частично полем деятельности дипломатов, частично — полем битвы нерегулярных сил. И то и другое осуществлялось в довольно странных обстоятельствах, однако в общепринятом стиле. Отдельные личности, обученные УСО и следовавшие его заветам, продолжали свои акции, зато УСО как орган все меньше оказывался причастен как к выработке политики, так и к ее осуществлению. И все же нельзя прервать повествование на этом месте.

Одним из следствий политических споров в Лондоне явилась отмена ближневосточного «Ибарского ультиматума». Чтобы чем-то его заменить, была предпринята попытка обязать Михайловича более точно следовать условиям Директивы, направленной ему в апреле. Телеграмма такого содержания была направлена из Лондона 17 июля², а 21 августа наконец-то было получено вполне откровенное согласие³. Это мало чем изменило прежнюю картину, и 24 августа Бэйли (в состоянии раздражения) сделал еще один шаг, следуя «жесткой» линии в политике: вручил от имени Главного ближневосточного штаба письменный ультиматум, уведомляя Михайловича, что ему не будет предоставляться никакой помощи до тех пор, пока его отношение к делу не улучшится. Ультиматум не был санкционирован, и Ближний Восток его отозвал, посему никаких практических следствий

¹ Копию данных ему указаний см. в «Журнале войны» лондонского Центра УСО, раздел «Ближний Восток и Балканы», с. 823.

² Копия в «Документах Бэйли», Приложение «С».

³ См. «Журнал войны» Центра УСО, раздел «Ближний Восток и Балканы», с. 802—804.

демарш не имел; единственное возможное следствие — Михайлович, возможно, еще больше усомнился в полномочиях Бэйли.

Затем 7 сентября последовала сдача итальянцев, и в Югославии, как и повсюду, начался период сумятицы, когда цели Михайловича вновь совпали с целями союзников. Последовал короткий период деятельности, пока он собирал всю, какая попадалась, добычу по границам своей территории. В разгар этих событий прибыл бригадный генерал Армстронг, и поначалу казалось, что дела идут лучше некуда. Однако (что было неизбежно) партизаны тоже расширяли свою базу, заполняя оставшийся после итальянцев вакуум, и очень скоро нависла угроза возобновления гражданской войны. Подчиняясь приказам бригадного генерала Армстронга, Михайлович в конце концов нехотя вывел свои войска с части обретенной им территории, однако краткий «медовый месяц» закончился. В течение октября — ноября Армстронг с Бэйли дружно давили на Михайловича, негодуя на его бесстыдные проволочки. 20 октября последовала официальная беседа, имевшая, по-видимому, некоторый временный эффект, а 15 ноября и неделей позже были направлены официальные письма. Под конец этой серии экспериментов Армстронг с Бэйли 18 ноября доложили в Каир¹, что дальнейший нажим, по их разумению, бесполезен; в качестве выхода они предложили или полностью отказаться от территории Михайловича, или попытаться отрешить Михайловича от власти на месте. Было бы (полагали они) недостаточно, чтобы югославское правительство сняло с него обязанности военного министра, поскольку личное его положение в Сербии достаточно прочно и любая акция извне вряд ли возымеет действие. И все же значительная часть его войска рвалась в бой против держав Оси, а среди его подчиненных ни один не мог его заменить; следовательно, могло и такое произойти: в случае «удаления» Михайловича каким-либо способом движение Соппротивления останется на сербской земле и естественным образом окажется под руководством Тито.

Пока акции Михайловича, обесцениваясь, катились вниз, акции Тито шли в гору. Как раз в то время партизанское движение предстало перед всем миром в розовом свете. Частично заслуга в том принадлежала пропаганде: было почти невозможно устоять перед рекламным концертом русских и Би-би-си, в антрактах которого в дело вступал лично м-р Черчилль. Частично

¹ Копии телеграмм в папке (CD) «Югославия 5» Архива УСО.

это соотносилось с рядом важных военных событий. В мае 1943 г. партизаны выстояли после «пятого наступления», когда же в сентябре Италия пала, подбрюшье Балкан на какое-то время обнажилось по всей линии Адриатического побережья. На короткое время партизаны сделались хозяевами большей части побережья и островов, а в перспективе очень важно было удержать эти завоевания. По невезению или в результате плохого расчета большая доля усилий союзников была потрачена на кампании в Салерно, долине Лири и Анцио, и слишком немного сил осталось, чтобы сдержать немецкое контрнаступление в Югославии, которое было проведено поразительно быстро и успешно. К концу года «шестое наступление» вытолкнуло партизан со всех ключевых пунктов на побережье и со всех островов, за исключением Лагосты и Виса. Немцы восстановили свое господство на стратегической позиции, откуда изгнать их с помощью партизанских отрядов было уже невозможно. Какое-то время партизаны удерживали позицию самой высокой военной значимости, и, несмотря на то что их вновь разбили и они понесли тяжелые потери, в центральные горные местности Югославии немцы с тех пор наведывались от случая к случаю, преследуя лишь ограниченные цели.

Сущность партизанского движения с трудом постигается даже сейчас. С одной стороны, нет никаких сомнений, что это великое движение в югославской истории: народ практически своими собственными силами, безо всякой помощи, вырвался из тьмы и восстанавливал себя как нацию. Каждый молодой югослав инстинктивно поддерживал Тито и новое рождение своей страны, впервые возвысившей более значимые идеи, чем местечковые привязанности хорвата, словенца, македонца или серба. «Ждало блаженство тех, кто дождался до того рассвета» — слова эти можно произнести в данном случае без всякой иронии, даже с учетом более поздних событий и тяжелых национальных страданий. Британские офицеры связи¹ поражались (и справедливо поражались) силе, идеализму и вдохновенности этого движения. Следует, впрочем, добавить, что Тито и его штаб были людьми умными, а британские офицеры связи — простаками за границей, не нюхавшими партизанского пороха, имевшими очень сла-

¹ Бэзил Дэвидсон дал описание своей жизни с партизанами в книге «Партизанская картина», изданной «Bedford Books Ltd.». [Б.Р. Дэвидсон, род. в 1914 г., см. также его книгу «Европа специальных операций» (1980).]

бые познания в истории страны и особенностях ее политики. Их отчеты того времени более лиричны и менее реалистичны, чем донесения закаленных бойцов Хадсона и Бэйли, и именно по этой самой причине они оказывали больше воздействия на родине¹. В результате широко распространилось убеждение, будто партизаны «на самом деле не коммунисты» и будто Тито можно приручить, вовлекая в сотрудничество с новым «национальным» правительством Югославии, признающим легитимность короля Петра. Против этого — вся югославская история и политический характер движения: оно не ведало никакого срединного пути. Увы, во все времена британцы склонны верить в необходимость абсолютного выбора, свидетельства же, какими они в данном случае располагали, были не из тех, что способны убедить кого-либо, кроме специалистов, — а их было немного.

Основные события лета и осени на «британской стороне» таковы:

- 1) В середине июня, когда в Лондоне еще велись споры, Каир предпринял первую операцию по выброске снаряжения для Дикина: иначе никак нельзя было ответить (хотя в то время это не нравилось Лондону) на его предложение провести специальные операции на железных дорогах в зоне Тито.
- 2) В июле и августе, как только политика оказалась согласована, в подчиненные партизанам штабы потоком хлынули новые представительские группы; некоторые состояли из британских офицеров, другие — из канадских югославов. Первый американский офицер связи (лейтенант Бенсон) прибыл в партизанский штаб 21 августа. К декабрю образовалась целая сеть представительств (каждое из них имело свою рацию), раскинувшаяся по всей территории Тито. На декабрьской «ситуационной карте» их значится одиннадцать, не считая миссии Маклина и представительств у

¹ Весной 1944 г. у Бэйли проскользнула грустная нота, когда он припомнил, как, судя по всему, тронули премьер-министра и миссис Черчилль снимки партизан, сделанные Рэндольфом Черчиллем, и сожалел, что ему никогда не приходило в голову, что свидетельства подобного рода, должно быть, помогали злосчастному Михайловичу. [В 1908 г. Черчилль женился на Климентине Огилви Хозьер, 1885—1977 гг., которая в дальнейшем во всем поддерживала его, после его смерти стала в 1965 г. баронессой Спенсер-Черчилль. Их единственный сын Рэндольф, 1911—1968 гг., член парламента в 1940—1945 гг., отправился в Югославию с Маклином.]

Михайловича, — они расположились на просторах от итальянской Словении до довольно неопределенных партизанских районов на границах с Болгарией и в Южной Македонии.

- 3) 18 сентября бригадный генерал Маклин со своими сотрудниками прибыл в штаб Тито. Приняли их тепло, и никаких трудностей не возникло из-за условия, обязывающего Тито воздерживаться от гражданской войны. То был момент громадных стратегических возможностей, и бригадный генерал Маклин очень предусмотрительно сделался рупором безграничных потребностей Тито. Прежде всего он ратовал за военную помощь — для закрепления больших успехов, достигнутых на побережье Далматии, затем — за оказание помощи громадному количеству беженцев, бросивших свои дома в страхе перед «шестым наступлением» немцев. Каирское УСО в октябре выдвинуло в Бари передовую штаб-квартиру Отряда 133 с целью использовать морские коммуникации в Далматии. К сожалению, мало что получилось за тот краткий период, пока ворота оставались открытыми, и серьезного улучшения с поставками не произошло, пока к концу года не улучшилось положение с самолетами.
- 4) Продвинувшись в военном отношении, Тито совершил также и политический скачок, символически выраженный на второй конференции «Антифашистского совета национального освобождения», состоявшейся 26 ноября в Яйце. Совет теперь безоговорочно присвоил себе суверенные права правящего органа Югославии, он осудил короля Петра и правительство в изгнании, провозгласил новую, федеративную Югославию, направил приветственные телеграммы Черчиллю и Рузвельту, присвоил Тито звание маршала. Правильно или нет (возможно, выбор был невелик — настолько хорошо был выбран момент), но Маклин стал поддерживать и эти, более основательные, требования, равно как и другие, необходимые для борьбы. Он поддержал просьбу Тито (25 октября) направить миссию на Ближний Восток, он настоял, чтобы офицеров связи не направляли в подчиненные Тито формирования без его согласия (решающий момент в укреплении положения Тито). Отчеты Маклина, как переданные по радиации, так и изложенные во время приезда в ноябре, были выверены,

обоснованы, в них постоянно говорилось о силе и сплоченности движения Тито, о его значении для будущего Югославии.

Теперь все уже было готово для следующего периода выработки решения, начатого Тегеранской конференцией. Пункт первый военных решений конференции, утвержденных 1 декабря, гласил¹: «Конференция выражает согласие с тем, что следует оказать помощь партизанам в Югославии снаряжением и оборудованием в максимально возможной мере, а также проведением диверсионно-десантных операций». М-р Иден уже дал согласие принять миссию Тито на Ближнем Востоке на военной основе. И после серьезных технических затруднений полковник Велебит вылетел с первым своим заданием на самолете союзников, который приземлился на импровизированной посадочной площадке в Ливно (первая операция такого рода в Югославии), а 4 декабря прибыл в Александрию. Здесь его великолепно приняли, с ним по отдельности встретились командующий в Леванте, командующий на Ближнем Востоке и командующий авиацией на Ближнем Востоке. Основная тема их доверительных бесед — возможность операции для создания постоянного плацдарма в Далматии. Правда, тут ничего достичь не удалось, однако был проведен рациональный обмен мнениями по военным вопросам специалистов равного статуса: полковник Велебит исключительно хорошо разыграл политическую карту, полностью исключив политику из обсуждения². Частное признание югославской Народно-освободительной армии в качестве союзной силы прозвучало в речи м-ра Идена, с которой он вскоре выступил.

Оставалось только избавиться от проблемы, называемой «Михайлович». Партизаны оказали в этом деятельную помощь, составив тщательное досье о сотрудничестве четников с немцами и передав Маклину. Свидетельства (хотя и тщательно подобранные) не были фальшивыми и серьезно не противоречили тем сведениям, которые были получены от Хадсона и Бэйли. Документальные свидетельства помогли правительству Его Величества принять трудное окончательное решение. К началу декабря Каирское УСО удалось убедить, что ничего больше с Михайловичем поделать нельзя, и это решение было подтверждено более высокой инстанцией, предоставившей, однако, последний шанс обреченному. В радиোগрамме 8 декабря от имени

¹ Cmd 7092.

² Протоколы двух из этих бесед в папке 18nc/470/1 Архива УСО.

командующего на Ближнем Востоке Михайловичу предписывалось вывести из строя два объекта на железной дороге к 29 декабря, в противном случае он мог забыть обо всех притязаниях на помощь союзников. Сообщение вручил младший британский офицер связи (Михайлович был уже настолько раздражен, что даже не желал встречаться с бригадным генералом Армстронгом) и в ответ получил уверения в обычном духе, за которыми последовали все те же проволоочки. В то время Михайлович вдруг заговорил о возможности компромисса с партизанами. В общем, люди Михайловича задание не выполнили — мосты из строя не вывели. А бригадному генералу Армстронгу было отказано в средствах и содействии, когда он решил сам произвести диверсию.

Уже в декабре УСО вело приготовления к выводу британских представительств с территории Михайловича, и 15 декабря все желающие получили разрешение самостоятельно присоединиться к партизанам. До этого Михайлович вел себя исключительно лояльно по отношению к своим гостям, теперь же, когда намерения британцев сделались вполне ясными, по всей видимости, наступил предел балканскому гостеприимству. Две группы и капитан Хадсон воспользовались этим и с группой военнослужащих эвакуировались. Капитан Хадсон провел в Югославии два с половиной года и был отозван. Он сделал столько, сколько вряд ли мог сделать кто-либо другой.

Окончательное решение не принималось до 17 февраля — мучительный период бессмысленной отсрочки для представительств, работавших «в поле». Решение было объявлено миру в ходе выступления м-ра Черчилля в Палате общин 22 февраля, в котором он описал — весьма полно и открыто — дело так, как оно представлялось правительству Его Величества, и искренне признал Тито героем, борцом за югославскую национальную независимость.

Полковник Бэйли в сопровождении двух людей Михайловича был переправлен отдельно по морю после трудного путешествия через всю страну, до Лондона он добрался только 3 марта, после того как решение уже приняли¹. Отметим, что он первый из людей ответственных (и британцев, и югославов), кто обладал сведениями из первоисточника обо всей истории Михайловича. Другим группам поначалу приходилось собираться в штабах Михайловича — дело величайшей сложности в неблагоприятный период горной зимы, серьезные трудности возникали из-за

¹ Его отчет и рекомендации, датированные 14 марта, содержатся в папке (AD/S.1) F.34 Архива УСО.

болезней и ран, однако за это время в боях с противником погибли всего два офицера. Сборы были завершены только 20 мая, затем последовала эвакуация самолетом, осуществлявшаяся с самодельной посадочной площадки, располагавшейся поблизости от противника и защищенной лишь шаткой лояльностью Михайловича и его людей. До сих пор, сколь ни напряженной была ситуация, она не перерастала в открытую вражду. Самого Михайловича держали подальше от собственной штаб-квартиры, и после решения об отзыве он избегал любых контактов с представителями, подчиненные же его вели себя пассивно и равнодушно. Однако не было ни предательства, ни попыток вмешаться. Так продолжалось до конца, и все же в последнюю минуту возникла угроза задержать бригадного генерала Армстронга как заложника. «Дакоты» благополучно приземлялись в течение трех ночей, с 28 по 30 мая, и всего было вывезено 110 человек. В их число входили 54 члена представительств (и прикнущившие к ним бежавшие британские военнопленные), 42 летчика союзников, чьи самолеты были повреждены на территории Михайловича, а также 12 поляков.

Американцы после соглашения об отзыве уклонились от отъезда, получив срочные указания президента Рузвельта¹ оставить «разведывательную миссию», которой, однако, не следовало оказывать моральную поддержку Михайловичу. Получаемые разведданные еще давали выгоды, еще нужна была помощь и летчикам, и бежавшим военнопленным. Вроде бы намерениями президент руководствовался благими, но бесполезно делать вид, что его решение не имело политической подоплеки. Разрыв британцев с Михайловичем был полным, если не считать нескольких случайных контактов, которые не входили ни в какой политический план².

4. Полная поддержка Тито

Приверженность «новой Югославии» стала теперь очевидной, и оставалось лишь отыскать формулу, по которой она могла бы обрести законность без вероломства по отношению к нашему союз-

¹ Датированы 4 апреля 1944 г.; копия в папке (CD) «02 УСС» Архива УСО.

² Они перечислены в Приложении к «Белой книге» Бэйли; самым щекотливым был обмен посланиями по радио между Михайловичем и некоторыми поляками, у которых был доступ к радиостанции УСО в Италии.

нику королю Петру. В декабре отношения между Тито и правительством Пурича характеризовались обоюдным пренебрежением, процесс нахождения точек соприкосновения был сложным, формально он завершился только в июне. Тогда король Петр дал согласие, чтобы его премьер-министром стал д-р Субасич, который в 1939 г. недолгое время, пока регент пытался улажить местные чувства хорватов, был губернатором Хорватии. Тито согласился на это. В течение этих деликатных переговоров УСО выступало в качестве советника¹, и найденное решение было наилучшим, на какое Управление могло рассчитывать. Однако полномочия его были ограниченными. Само положение Маклина было двойственным: в апреле его беседы в Лондонском УСО носили дружественный характер (более дружественный, чем их прежние отношения), велись разговоры о дальнейшем вовлечении его в структуру УСО. Однако в Лондоне мало сожалели, когда 23 июня было принято одностороннее решение ЕСКСРЕД присоединить миссию Маклина («Макмисс») к средиземноморскому командованию. Схожая двойственность проявилась и в отношении УСО к Велибиту, когда в мае тот вторично прибыл в Лондон. Из «левых» кругов до Кабинета дошли жалобы², что югославу не созданы надлежащие условия, и УСО обвинили в этом.

Такая же утрата полномочий происходила — в ином виде — и в Италии. Все шло к тому, чтобы контроль за операциями осуществлялся с этого театра военных действий. В январе 1944 г. эскадрильи Королевских ВВС, задействованные на выброске снаряжения, завершили передислокацию из Северной Африки в район Бриндиси, что намного сократило радиус полетов и ускорило доставку грузов. Примерно в то же время британские войска стали высаживаться на островах Адриатики, чтобы удержать несколько важных баз, где все еще дислоцировались партизаны. К концу января отряд спецназа № 2 и оперативная группа США прибыли на Вис, а в феврале — марте они получили значительные подкрепления. В то время эти войска действовали в составе Передового отряда 133, по-прежнему подчинявшегося через УСО командующему на Ближнем Востоке. В такой цепочке подчиненности была некоторая техническая необходимость, поскольку вся радиосвязь из Югославии по-прежнему проходила через

¹ В апреле Хадсон, Бэйли и Маклин вели долгие частные беседы с премьер-министром — заметки Бэйли в архивной папке УСО (CD) «Югославия 5».

² WM(44)67-е заседание, пункт 2, а также письмо лорда Селборна премьер-министру в архивной папке УСО (CD) «Югославия 1».

военную радиостанцию УСО в Египте, и из Италии было довольно легко связаться с новыми звеньями «в поле». Однако, к сожалению, дело затягивалось, велись споры по поводу передачи контроля с Ближнего Востока Штабу союзных войск (ШСВ) и по поводу создания Штаба специальных операций на Средиземноморье. Ни то ни другое не было завершено до апреля 1944 г., а в промежутке действенного контроля не осуществлялось ни со стороны УСО, ни со стороны какого-либо другого ведомства. Воистину, время контроля УСО ушло в прошлое, и задача ныне состояла в том, чтобы найти систему военного руководства значительными регулярными войсками, призванными теперь поддерживать партизанские и иные военизированные операции. В конечном счете эти сложности разрешились созданием 15 июня Балканских ВВС¹ под командой вице-маршала авиации Эллиота*, у которого было незначительное, но действенное верховенство в Комитете, куда входили военный командующий Сухопутными войсками на Адриатике (СВА) и флаг-офицер из Таранто[□] (ФОТАЛИ), который осуществлял оперативное руководство многочисленными мелкими военно-морскими операциями.

Сеть УСО в Италии теперь отвечала только за организацию снабжения Тито по морю и по воздуху — задача очень важная в 1944 и 1945 гг., о чем дают представление некоторые цифры:

	<i>Снабжение по морю (тонны)</i>	<i>Снабжение по воздуху (тонны)</i>	<i>Личный состав, эвакуированный по воздуху</i>
<i>1943 г.</i>			
Последний квартал	1857	113,5	—
<i>1944 г.</i>			
Первый квартал	6398	321	—
Второй квартал	5679	3023,4	3390
Третий квартал	7072	3380,3	8915
Четвертый квартал	15 005	2405,7	1124

¹ См. COS(44)552(0) от 21 июня.

* [Сэр У. Эллиот, 1896—1971 гг., начальник Департамента планирования министерства авиации в 1942—1944 гг., командовал Балканскими ВВС в 1944—1945 гг., истребительной авиацией в 1947—1949 гг., введен в рыцарское достоинство в 1946 г.]

[□] Залив и порт на юге Италии.

1945 г.

Первый квартал	15 748	3263,8	(нет сведений)
Апрель — май	7699	1187,4	(нет сведений)
Всего:	59 458	13 695,1	13 429

Сюда входят все виды снабжения: грузы, направляемые изгнанному из родных мест гражданскому населению, а также все необходимое для действующей армии численностью по крайней мере в полмиллиона человек, которая старалась из множества партизанских отрядов преобразоваться в вооруженные силы государства. Тоннаж направленных грузов свидетельствует о масштабе помощи, однако, если вникать в суть дела, этого было все-таки мало. Большинство грузов было доставлено по воздуху, самолеты садились на малоприспособленные земляные площадки по всей территории, только позже партизанам удалось наладить доставку грузов от побережья до районов, где они были необходимы для ведения боевых действий. По сути, то был самый большой в ходе войны опыт снабжения армии по воздуху (более крупные предприятия подобного рода осуществлялись на Востоке).

Последнюю серию операций, отмеченных характерным почерком УСО, составили акции по развитию партизанского движения на территории Михайловича в Сербии. Это имело огромное военное значение для союзников, поскольку речь шла о стратегически важном районе, где в то время, в начале 1944 г., было не очень много немецких войск. Политические трудности очевидны: Тито стремился еще до окончания войны утвердить свой режим в этом регионе, британцам же приходилось неуклюже маневрировать, наращивая активность партизан в собственной вотчине Михайловича в то время, когда тот все еще держал у себя в заложниках британские представительства и других подданных союзников¹.

В конце 1943 г. на территории между Моравской долиной и болгарским приграничьем, как было известно УСО, имелись лишь разрозненные партизанские отряды; единственным британским офицером в этом регионе был майор Мостин-Дейвис, который после тяжелого перехода из Албании добрался сюда в апреле, намереваясь при содействии югославских партизан установить связь с болгарским движением Сопротивления. В су-

¹ Чтобы понять, как была задействована в этом высокая политика, см. Документы м-ра Идена COS(44)412(0) от 11 мая, JP(44)133 от 24 мая и COS(44)174-e (0) заседание, пункт 13, от 27 мая.

мятице, последовавшей за разрывом с Михайловичем, важно было сохранить здесь британский источник связи, и 28 ноября 1943 г. к группе майора Мостин-Дейвиса был сброшен с парашютом майор Дагмор. Предполагалось, что группа пойдет на соединение с бригадным генералом Армстронгом, но в последнюю минуту план изменили, предварительно не уведомив о том Тито. В последующие четыре месяца майор Дагмор бездействовал, и только в марте Тито, удовлетворенный разрывом британцев с Михайловичем, разрешил засылку других групп. Пять из них (в том числе по группе от СИС и УСС) прибыли в апреле, и все было готово для прорыва совместно с довольно слабыми и разрозненными отрядами, с которыми майор Дагмор установил связь. В этот период многие командиры партизан делали попытки вторгнуться в эту местность с территорий, уже удерживаемых ими, но ни один из прорывов сколько-нибудь крупного успеха не имел, и до июля деятельность в Сербии по большей части ограничивалась штабной работой британцев и британскими поставками. Прибыли еще пять групп, было доставлено много боеприпасов, и небольшие партизанские отряды стремительно превратились в мощное партизанское войско, хорошо организованное и готовое драться. Сербское крестьянство, разочарованное долгим бездействием при правлении четников, стремилось оказаться на стороне победителей, у него появилась политическая уверенность, подкрепленная наличием британских офицеров и поставками снаряжения. Джурич, один из командиров Михайловича, ушел от него вместе со своими людьми, и многие, бывшие ранее четниками, тут же превращались в партизан. Впервые стали проводиться регулярные партизанские нападения на важнейшие транспортные коммуникации, проходившие по Моравской долине; они, конечно же, не имели решающего характера, но свою задачу выполнили: немцам в мае пришлось стянуть сюда войска и принять несколько контрнаступлений, правда, неудачных.

Как представляется, этот период был довольно удовлетворительным за все время работы УСО в Югославии, однако ситуация изменилась по прибытии 10 июля 1944 г. совершенно нового партизанского штаба, переправленного британцами по воздуху из Бари и сопровождаемого русской миссией. С тех пор эта местность (как и остальная территория) попала под строгий контроль генерального штаба партизан, а британские офицеры связи оказались низведены до статуса младших представителей дружественной, но чуждой державы, в задачу которой входила лишь поставка снаряжения, а не поиск политических решений.

Повсюду в Югославии «медовый месяц» уже закончился. С окончанием «шестого наступления» в начале 1944 г. сложилось вполне стабильное равновесие сил между странами Оси и партизанами. Немцы удерживали все ключевые города, откуда партизаны выбить их не могли, и они свободно перемещали крупные воинские группировки по основным линиям коммуникаций. Зато в сельской местности господствующее положение было за партизанами, которые быстро постигли науку воинской организации и дисциплины. Уже никогда больше немцы не представляли серьезной угрозы для партизанской организации в целом, хотя еще велись различные схватки местного значения. Казалось, к концу мая 1944 г. положение стабилизировалось, и тут немцы предприняли акцию, направленную против самого Тито. По счастью, он и миссии при нем находились за пределами местности, куда немцы высадили десант, и все они временно укрылись в Италии. Партизаны регулярно вели наступательные бои, интенсивность которых ограничивалась наличием у них боеприпасов и тактических навыков. Самая важная серия операций носила название «Медвежья шкура» и предполагала согласованное нападение на коммуникации в Словении, по времени максимально приближенное к операции «Владыка» и соответствующему наступлению в Италии. Все донесения британских офицеров связи указывают на активный и хорошо согласованный характер операций, многие из них были довольно успешные — например, разрушение четырьмя партизанскими батальонами Стампетовского виадука 12 июня.

Успехам такого рода следует противопоставить все увеличивавшиеся неблагоприятные донесения британских офицеров связи из многих районов, где они вели наблюдение за обстановкой. Поначалу они многое не понимали. Но постепенно сложилось довольно ясное представление о режиме власти, более склонном к терроризму и централизму, о пренебрежительном отношении к западным союзникам. При Тито с 1943 г. находилась большая советская миссия, а с весны 1944 г. в Бари базировалась советская транспортная эскадрилья¹, а тень советской армии нависла над Балканами с тех пор, как она в конце марта 1944 г. дошла до Карпат и Прута. Впрочем, нет нужды объяснять перемены происками русских, просто сложилась такая об-

¹ «Журнал войны» лондонского Центра, раздел «Ближний Восток и Балканы», с. 1327 (отчет Маклина от 11 мая 1944 г.), а также «русский» раздел, с. 102.

становка, в которой места для признательности не оставалось. Если новой Югославии нужно было духовно утвердиться, то требовался миф об освобождении страны от захватчиков собственными силами. Как это ни унижительно для БОС[□], но такова была реальность. В 1944 г. помощь союзников была значительной, однако она сильно запоздала. В период особой нужды, до июня 1943 г., югославская Национально-освободительная армия не получила ничего. Обидно было, что Михайлович, ее злейший враг, получал хоть что-то, только ведь даже ему до той поры было доставлено, наверное, не более 50—60 тонн снаряжения. Партизаны поднялись, взяв в руки оружие, захваченное у врага, а не милостиво дарованное капиталистическим миром. По сути, это, скорее, «домашняя истина», чем миф, однако естественный порыв побуждал теперь партизан говорить об этом непрестанно, подчеркивая, что они хозяева в собственном доме.

Осталось рассказать еще об одной крупной согласованной операции, задача которой — вывод из строя коммуникаций по всей Югославии. Операция, известная как «Крысья неделя», началась 1 сентября, совпав по времени с попыткой союзников прорвать линию обороны немцев и выйти в Северную Италию. Мало того, неожиданно она совпала и с крахом Румынии: советские войска под командованием Малиновского* 31 августа вошли в Бухарест, 5 сентября Толбухин^{□□} вошел в Болгарию, а с 8 сентября Болгария уже вела войну против Германии. «Крысья неделя» как партизанская операция завершилась полным успехом: железные и шоссейные дороги были разрушены в сотнях мест по всей стране и все передвижения противника стали резко ограничены.

И все же то была война партизанская: коммуникации хоть и нарушались, но не блокировались. Ограниченность ее возможностей особенно остро проявилась в следующем месяце, когда сложились благоприятные условия для уничтожения целого немецкого корпуса численностью около 30—40 тысяч — 21-го горного корпуса в Монтенегро. Русские и болгары с боями вошли в

[□] Британские офицеры связи.

* [Р.Я. Малиновский, 1898—1967 гг., освобождал бассейн Днепра в 1944 г., Маршал Советского Союза с 1944 г., министр обороны СССР с 1957 г.]

^{□□} Ф.И. Толбухин (1894—1949), маршал Советского Союза, с 1944 г. командовал Южным, 4-м и 3-м Украинскими фронтами, в 1945—1947 гг. был главнокомандующим Южной группой войск.

Моравскую долину в начале октября, совместно разбили немцев под Белградом и вошли (партизаны — впереди) в югославскую столицу 18 октября. Это отрезало немцам путь отхода на Венгерскую равнину. В то же время партизаны при британской поддержке с моря и с воздуха и до некоторой степени при поддержке британской артиллерии брали Дубровник и другие города на побережье, отрезая и этот возможный путь отхода. Немцы в Монтенегро могли уйти теперь только через горы, где партизаны действовали активнее всего. Однако наступление советских войск устремилось на север, к более важным целям на Венгерской равнине, и помощи от них не последовало. Партизанам предложили британскую поддержку артиллерией, без согласования с югославами она была направлена, но югославы не сумели ею распорядиться и использовать эффективно в сражении. Немецкий корпус начал отступление из Монтенегро и Северной Албании в конце ноября, в середине января 1945 г. он временно укрылся в районе Сараево, потеряв много снаряжения, но сохранив живую силу.

Теперь мы приступаем к последнему этапу, начавшемуся в обстановке максимально благодушной, когда 21 февраля 1945 г. фельдмаршала Александра маршал Тито принял в собственной столице — Белграде. Прошло несколько встреч, где о политике почти не говорили, не поднимался вопрос и о соглашениях по крайне болезненному вопросу о Триесте и его окрестностях. В основном обсуждали и согласовывали время окончательного наступления, необходимые для этого поставки. В Югославии наступление началось 20 марта мощным ударом на территории Хорватии. Союзники повели наступление в Италии 8 апреля и 25 апреля перешли реку По. А по другую сторону Адриатики продолжалось наступление партизан, и решающий натиск на Триест начался в последние дни апреля. 30 апреля одна из партизанских дивизий вышла на окраины города и сообщила, что противник прекратил сопротивление. 1 мая партизаны встретились со Второй новозеландской дивизией в Монфальконе, новозеландцы маршем прошли мимо них прямо в Триест и обнаружили, что немецкий гарнизон все еще держится, его капитуляцию новозеландцы приняли на следующий день*.

Наступление, начавшееся в согласии, завершилось соперничеством. И эту тему уместно заключить телеграммой м-ра Черчилля, направленной 6 мая фельдмаршалу Александру: «Во

* [См. книгу сэра Дж. Кокса «Гонка за Триест» (1992).]

избежание введения Тито или югославских командиров в любого рода искушение было бы разумно сосредоточить в этом районе крупный массив войск, обладающих огромным превосходством в современных вооружениях, а также почаще демонстрировать мощь наших военно-воздушных сил».

5. Заключение

Что можно сказать, подводя итоги событий исторической значимости? Есть три вопроса, которые стоит рассмотреть в отдельности:

- 1) Первый: какой вклад внесло югославское движение Сопротивления в разгром Германии?
- 2) Второй: какой вклад внесло УСО в становление югославского движения Сопротивления?
- 3) Какова была цена?

Что касается первого вопроса, то роль Михайловича, конечно, мала: немногочисленные мелкие диверсии, ряд стычек с подразделениями противника, помощь в переправе бежавших из плена военнослужащих. Нанесение ущерба войскам держав Оси — эта цель для Михайловича никогда не была определяющей, и в лучшем случае он был союзником не воюющим, а не нейтральным.

Разгром германских войск не являлся и конечной целью партизан, однако они стремились активно сражаться с фашизмом. И это намерение было серьезным. Вот три основных культурно-национальных момента:

- а) *Сдерживание войска держав Оси.* Следует обратить внимание на количество дивизий стран Оси, привязанных к Югославии так, что их нельзя было задействовать в сражениях на других фронтах. Если взглянуть на ситуационную карту, то обнаружится, что, к примеру, в августе 1943 г. в Югославии было сосредоточено 17 итальянских, 7 немецких, 5 болгарских дивизий и 3 дивизии хорватских усташей. В декабре 1943 г. там, если включить Словению, находилось 18 немецких дивизий, 6 болгарских и 4 хорватские дивизии. Ясно, что немецкие дивизии играли ключевую роль, остальные вряд ли могли быть полезны на каком-либо другом фронте. Конечно, цифры впечатляют, но необходимы дальнейшие уточнения. Прежде всего эти

немецкие дивизии не несли потерь, сопоставимых по масштабу с потерями на других фронтах. Во-вторых, если изучить кадровый состав, например, восемнадцати «немецких» дивизий в декабре 1943 г., то среди них обнаруживаются дивизия СС «Недерланд», дивизия СС «Принц Евгений», 1-я казачья дивизия, две немецко-хорватские дивизии, — то есть немецкая составляющая значительно разбавлена «покоренными расами», даже среди якобы «чисто немецких» дивизий есть некоторое число формирований «более низкой категории». Нет возможности в полной мере оценить значимость этих факторов, и все же можно ответственно заявить: движение Сопротивления на самом деле удерживало там значительные силы держав Оси, препятствуя таким образом их переброске на другие фронты, но не такие уж большие, как оно утверждает*.

- б) *Причиненный ущерб*, то есть уничтожение ресурсов держав Оси в ходе партизанской войны. Промышленные диверсии здесь значения не имели, единственными важными промышленными объектами являлись рудники и копи на территории, занятой Михайловичем, но они оставались невредимыми до конца войны. На побережье Адриатики не имелось порта, значимого для стран Оси, и если там время от времени нарушалось судоходство, то это были лишь незначительные неприятности. Стратегически было важно разрушать железнодорожные и шоссейные коммуникации, а они являются объектами, которые, как известно, весьма трудно вывести из строя на продолжительный срок. В этом плане были предприняты ряд значительных акций, и здесь главное — правильный выбор времени. Непрерывные нападения имели некоторую ценность при уничтожении движущихся грузов, задержке ремонтных бригад, замедлении всех передвижений, однако ценность их возрастала многократно, если удавалось одновременно взорвать сразу несколько мостов в удаленных друг от друга районах и в тот момент, когда противник осуществляет переброску войск. Было проведено всего две операции такого рода: «Медвежья шкура» — в июне и «Крысья неделя» — в сентябре 1944 г.; обе вполне успешные. Об эф-

* [Некоторые войска противника были к тому же обманом завлечены на Балканы; см. книгу Майкла Говарда «Стратегический обман» (1990), с. 135—137.]

фективности такого рода акций становилось известно из немецких документов.

- в) *Очистка территории*. На других театрах войны чаще всего в заслугу участникам движения Сопротивления ставили расчистку путей для наступающих войск, а также очищение территорий в тылу этих войск и организацию там жизнедеятельности. В Югославии единственным наступлением был прорыв советских войск совместно с болгарами в Моравскую долину, и, конечно, в этом случае помощь партизан была ценной. На остальной территории страны такой ситуации просто не сложилось, и все же можно занести в актив то, что в последние недели войны под рукой имелись отряды партизан, готовые участвовать в преследовании и окружении отступающих немцев. Важным активом (не затрагивая политику) можно считать даже наличие сильного правительственного «подполья», которое заявило о себе сразу как об основе нового югославского государства. Не окажись такого правительства, задача создания его оказалась бы практически неразрешимой (как показали события в Греции), к тому же она отвлекла бы большие ресурсы союзников, британцев и русских на долгое время после Победы.

Второй вопрос: каков вклад УСО? Есть один главенствующий мотив в истории УСО: его сотрудники с сожалением констатировали, что можно было бы сделать больше в первые годы, с октября 1941-го по май 1943 г. Все, начиная с министра, признавали, что с Михайловичем вели нечестную игру. Если бы они были в состоянии обеспечить поставки и надлежащую помощь, когда движение его было молодо, если бы они открыли тогда такие каналы связи, которые сумели бы донести до него четко и ясно, чего от него хотят союзники... Возможно, появился бы шанс убедить Михайловича не делать ставку на сербский национализм, показать ему перспективы новой Югославии, которая могла бы объединить вокруг него словенцев и хорватов, мусульман и монтегренцев, а не вокруг Тито. По мере развития событий действия Михайловича становились предсказуемыми. Следуя интересам Сербии, какими он их себе представлял, Михайлович пытался вести двойную игру до конца. Суждения мои в этом вопросе, должно быть, несут сугубо личную окраску, и все же думаю, что в то время иного пути у британцев не было, поэтому они в конце концов решили под-

держивать одного Тито. Михайлович был лидером, человеком мужественным и патриотичным, однако он и те, на кого он опирался, жили устаревшими представлениями, исчезновение которых с мировой сцены они не сумели осознать. Деятельная помощь Михайловичу в 1943—1944 гг. привела бы к ожесточенной гражданской войне, а в дальнейшем втянула бы великие державы в бесконечные и бессмысленные споры.

Если это суждение справедливо, то избранная м-ром Черчиллем политика поддержки Тито была верной, несмотря на фальшивый оптимизм, который сопровождал ее в то время. Каирское УСО согласилось с этим, а Лондонскому УСО эта политика не нравилась, но оно не могло предложить ничего альтернативного. Так что голос УСО был едва слышен и не мог оказаться решающим при выборе политики. Когда же решение было принято, УСО активно занялось его осуществлением. Наверное, важнее всего здесь те мягкие методы, какие применялись после болезненного периода проб и ошибок. Методика эта оказалась очень эффективной, поэтому неудивительно, с какой быстротой «страна Тито» раскрылась, сделалась доступной летом и осенью 1943 г.

В число «поощряющих жестов» входила и организация поставок, масштабы которых значительно увеличились с весны 1944 г. До этого времени британские поставки являлись всего лишь «жестами ободрения», а не операциями войны. Потому вполне справедливы утверждения югославов, что партизанское движение своим происхождением ничем не обязано Западу. И все же благодаря его помощи в 1944 г. оно оказалось оснащено в той мере, что уже не опасалось гражданской войны и смогло утвердиться в качестве единственной силы в тот самый момент, когда хватка немцев ослабла.

Эта последняя стадия полностью выходит за рамки деятельности УСО, однако лишь благодаря предшествующей работе УСО все это стало возможным.

Третье: какова цена? Югославия потеряла (по собственным данным) один миллион восемьсот тысяч человек из 16-миллионного населения, почти полностью была разрушена инфраструктура в тех местах, где шли бои. Коммуникации были восстановлены довольно быстро, однако утрата даже скромных домов и крестьянских хозяйств в деревнях стала громадным несчастьем при неразвитой экономике. Конечно же, эти утраты не идут ни в какое сравнение с ущербом, нанесенным врагу, что свидетельствует о довольно разумной политике Михайловича и даже Недича: тяжело

нести бремя ответственности за такие утраты. Британцам, несомненно, выпала малая толика этого бремени. Поначалу, осенью 1941 г., они не восприняли всерьез движение Сопротивления, зато впоследствии делали все возможное, помогая его становлению и развитию.

У британцев и американцев материальные и человеческие потери были незначительны. Примерно 215 сотрудников УСО были направлены в Югославию, из которых погибли около двадцати пяти.

Есть мнение, будто западные союзники, помогая Тито, создали сами себе политическую проблему, разрешить которую оказались не в состоянии. Как уже указывалось ранее, суждения такого рода скорее всего имеют личностный характер. И все же есть основания полагать, что в конечном счете пользу, а не вред принесло присутствие среди партизан множества британских офицеров, которые с симпатией восприняли рождение новой Югославии.

ГЛАВА XVIII

ГРЕЦИЯ¹

Вступление

До сих пор рассказ об истории УСО обходил Грецию, а сама деятельность УСО в этой стране в основном ограничивалась попытками посредников выяснить и оценить, что происходит за занавесом оккупации. С октября 1942 г. события сосредоточились в двух точках: одна — штаб-квартира британской миссии в горах, другая — внешний (по отношению к тем, кто находился внутри Греции) мир. Связи между ними постепенно крепили, но

¹ Имеются воспоминания полковника Вудхауза о работе британской военной миссии и рассказ бригадного генерала Майерса «Внутри Греции» — неважная копия последнего находится в папке (AD/S.1) F.61 Архива УСО. Есть также обзор всей работы УСО в Греции и Эгейском регионе, составленный для командующего на Ближнем Востоке подполковником Долби. К этому следует прибавить книгу полковника Вудхауза «Яблоко раздора» и книгу полковника Хаммонда «Я пал среди греков».

подлинного взаимопонимания не было, как и согласованных действий. Так что невозможно выстроить целостную картину происходившего, каждую позицию надо рассматривать отдельно, предоставив читателю самому делать выводы и сопоставления. Лучше сначала рассказать о каждом этапе отдельно, пока обе стороны не сойдутся, оказавшись наконец лицом к лицу после ухода немцев из Греции. Порядок повествования, следовательно, таков:

- 1) Британская миссия в Греции с октября 1942-го по август 1943 г., затем бригадный генерал Майерс прибыл в Каир с шестью греческими лидерами.
- 2) Внешний мир в тот же период.
- 3) Британская (теперь союзническая) миссия до Ливанской конференции в мае 1944 г.
- 4) Внешний мир в тот же период.
- 5) Уход немецких войск.

К этому следует сделать два существенных добавления:

- 6) Нелегальная сеть в Афинах и Пирее.
- 7) Специальные операции на Крите и островах Эгейского моря.

1. Британская миссия в октябре 1942 — августе 1943 гг.

Британская военная миссия в Греции к концу войны стала крупной организацией, в которой работали опытные специалисты. А заслуга по ее созданию целиком принадлежит подполковнику Э.К. Майерсу* и капитану К.М. Вудхаузу** (в то время у них были такие звания), они образовали одну из сильнейших команд из всех когда-либо засланных УСО. Майерс — кадровый офицер-сапер, тогда тридцатишестилетний, совершенно ничего не знал ни о Греции, ни о подрывной работе. Он попал туда случайно, поскольку требовался инженер для проведения большого взрыва. Вудхауз — молодой исследователь античности, уже имевший академические отличия (тогда ему было всего двадцать пять лет), уже поработал на оккупированном Крите, хорошо знал

* [Э.К. Майерс, 1906—1992 гг., военный инженер, женился на сестре Суит-Эскотта в 1943 г.]

** [К.М. Вудхауз, род. в 1917 г., исследователь античности, в Тегеране в 1951 г., член парламента — консерватор — в 1959—1966 гг., 1970—1974 гг., 5-й лорд Террингтон с 1998 г.]

современный греческий язык и разбирался в закулисных тонкостях греческой политики. «Полковник Эдди» и «полковник Крис», как их стали звать, — заметные фигуры в греческом пейзаже того времени.

Изначально их миссия была чисто военной¹: уничтожить один из трех виадуков на единственной железной дороге, соединявшей Южную Грецию с Центральной Европой, и тем сорвать отправку подкрепления Роммелю через Пирей или переброску из Греции немецких войск в любое другое место. Полковника Майерса после этого предполагалось отозвать, а майора Вудхауза с небольшой группой оставить для поддержания связи с Зервасом. Мы уже знаем, что план был расширен «Прометеем II», руководившим Станцией 333 в Афинах. Его план был превосходен: направить одну группу к Зервасу, а другую — к его собственному агенту, который выведет ее на связь с партизанами ЭЛАС. От Зерваса до места проведения операции — около шестидесяти миль весьма трудного пути, и все же не стоило отказываться — такая двойная связь стала бы полезной перестраховкой. И с политической точки зрения мудро: «Прометей II» (цитирую полковника Вудхауза)² «не любил ЭАМ — ЭЛАС и Зерваса и одинаково не доверял обоим». Надо заметить, что он не был расположен политически и к британцам. Группу из двенадцати человек удалось собрать только к 28 сентября, утром того дня, на который была назначена операция. Той же ночью они вылетели (на трех «либерейторах», но вернулись ни с чем, поскольку не сумели отыскать сигнальные костры в указанных районах. Снова вылетели 30 сентября, на сей раз опять подвели сигналы (или навигационное оборудование самолета), однако две из трех групп десантировались. Майору Вудхаузу повезло. Зерваса он, правда, не нашел — радиосигнал «Прометей» при передаче был искажен, и район, куда направили майора Вудхауза, оказался в тридцати милях от места, где ждал Зервас, — зато обнаружил другую принимающую группу, которая ожидала выброски груза майору Цижантесу. Полковнику Майерсу повезло меньше. Посланца «Прометей» арестовали итальянцы, и вначале Майерс встретился с ватагой сельчан, которые растаскивали припасы экспедиции, а затем с самочинным партизанским вожаком в окружении трех-четырех головорезов. Они вернули экспедиционные припасы, но дали ясно понять, что их главная

¹ Лучшим из опубликованных рассказов об операции «Горгопотамас» является книга Дениса Хэмсона «Мы пали среди греков».

² «История британской военной миссии», с. 3.

цель — монополизировать источник снабжения. Случилось это за неделю до того, как две британские группы соединились на склонах горы Гьона, высоко над железной дорогой, где предстояло совершить диверсию.

Припасы им сбросили 9 октября, направили сообщения «Прометею» и Цижантесу, к ним прибились случайные попутчики (одни бесполезные, другим цены не было), и группа, с трудом избежав итальянской облавы, укрылась в безопасной пещере на левом склоне Гьоны. Следующий этап: майора Вудхауза отправили на встречу с Зервасом, идти пришлось около шестидесяти миль. Через девять дней, добравшись до цели, Вудхауз выяснил, что Зервас время от времени ведет бои с итальянцами. Вместе со своим войском (примерно сто человек) он присоединился к Вудхаузу и отправился в обратный путь вместе с ним.

Тем временем третья британская группа, выброшенная наугад, приземлилась в опасной близости от итальянского гарнизона, но сразу же установила связь с настоящим партизаном ЭЛАС, который в нашей истории действует под именем Арес Велухиотис. Настоящее его имя — Афанасиос Кларос. Коммунист по убеждениям, он на самом деле был профессиональным кондотьером, то есть предводителем военных отрядов. Как и многие из лучших коммунистов-бойцов, он воевал на стороне республиканцев в Испании. Арес погиб в мелкой стычке весной 1945 г. Зервас же со временем стал министром общественной безопасности в «правоцентристской» коалиции Максимоса¹. Ведь он был профессиональным военным, а в 1928 г. его уволили из греческой армии по политическим мотивам.

Немного поторговавшись, Арес тоже решил на сотрудничество, и 14 ноября с отрядом численностью сто пятьдесят человек присоединился к Вудхаузу и Зервасу в небольшой деревушке Виньяни в Западной Румелии; войско его было голодным, плохо одетым и плохо обутым (четверть бойцов вообще босые), зато все более или менее вооружены и готовы сражаться. Шестьдесят бойцов Ареса и шестьдесят Зерваса оставили, чтобы отвлечь внимание итальянцев в районе Виньяни, остальные форсированным маршем двинулись к горе Гьона, где 17 ноября укрылись в той же пещере, что и британцы.

В это время полковник Майерс произвел рекогносцировку железной дороги, наметил в качестве цели Горгопамасский мост и составил план нападения.

¹ Его убрали с этого поста под нажимом США, когда в сентябре 1947 г. к власти пришел Софулис.

Дело несколько затянулось из-за того, что Арес никак не мог прийти к окончательному решению. Сказалась своеобразная система подчинения в ЭЛАС: Арес являлся командиром («капитаньос») отряда, но ему были приданы политический советник и военный советник (последний в данном случае роль играл незначительную). Прежде всего следовало убедить политического советника, за которым угадывалась своеобразная система высшего командования ЭАМ. Потребовалось несколько дней, чтобы эта ЭАМ склонилась к вполне очевидному политическому решению: было бы неверно отдать все лавры успеха Зервасу, но еще хуже, если дело кончится неудачей, в которой непременно обвинят ЭАМ. Возможно, в конце концов Арес решил действовать на свой страх и риск. Зерваса на время операции поставили во главе объединенных партизанских сил (случай примечательный в истории греческого движения Сопротивления), и ночью 25 ноября было проведено нападение.

Греки сражались хорошо (с присущей им беспечностью), капитан инженерных войск Барнс творил чудеса храбрости, закладывая под обстрелом взрывные заряды. И к двум часам пополудни 26 ноября все было кончено. Мост рухнул, перекрыв движение на тридцать девять дней, а итальянский гарнизон, охранявший его, полностью уничтожен.

В Каире новость вызвала восторг, причем вполне обоснованный: никогда прежде не удавалось организовать боевую акцию так точно и так своевременно. Не меньшее удовлетворение вызвал и политический аспект. Было убедительно продемонстрировано, что в греческих горах появилась реальная боевая сила из партизан, готовых к сотрудничеству с британскими офицерами. Теперь следовало помочь им поставками оружия и снаряжения, чтобы продолжить активные боевые действия. Тогда Майерс с Вудхаузом еще не вполне осознали сопутствующие успеху сложности, и Каир пытался использовать выгоды создавшегося положения. В это время велись переговоры с Англо-греческим комитетом в Каире, и Канеллопулос с государственным министром, судя по всему, имели представление об обстановке¹. Позже в некоторых кругах пытались выдать столь решитель-

¹ См. Записку лорда Гленконнера от 10 декабря 1942 г. в папке F.61/II Архива УСО. В ней обосновывается создание новой организации из «шести полковников» и содержится предостережение о возможном «взрыве»; см. телеграмму лорда Гленконнера № 273 от 16 февраля (в той же папке).

ную деятельность УСО в поддержку ЭЛАС как отражение его отношения к греческому королю. Поддержка эта действительно являлась одним из направлений деятельности УСО. Военная обстановка рисовалась Каиру в виде скопившихся в горах бойцов-оборванцев, находящихся вне политики и желающих лишь получить оружие для борьбы с захватчиком. В этом представлении было много истинного, а указать на ложные посылки было некому. Представление о «шести полковниках» в Афинах, которые от имени Канеллопулоса и правительства в изгнании образуют руководящий центр, было всецело ложным, однако едва ли УСО виновато в этом.

Решение принято такое: полковник Майерс — теперь уже бригадный генерал — остается в Греции в качестве командующего всеми британскими войсками в Греции, майор Вудхауз — теперь уже подполковник — отправляется в Афины и будет держать связь с легендарными «шестью полковниками», а сильные британские группы направляются во все горные районы, где, по слухам, действуют партизаны. К концу весны 1943 г. таких групп было десять: одна — на горе Олимп, одна — в Македонии, одна — в Восточной Румелии, одна — на Парнасе, одна — в Западной Румелии, две — в Пелопоннесе, две — в Эпире, одна — в Западной Фессалии. Общаться с местными группами бригадный генерал Майерс долгое время мог только через Каир, поначалу его собственная радиостанция переносу не подлежала, поэтому он не мог никуда отправиться, не потеряв связи со своей базой. Так что только к середине лета 1943 г. бригадному генералу Майерсу и его штабу удалось прибрать к рукам все ниточки и составить довольно точное представление об обстановке в целом. Это важно было знать, выстраивая отношения с ЭАМ, которые с самого начала были в высшей степени централизованными.

Для британской миссии период, последовавший за Горгопотамасской операцией, связан с некоторой неразберихой. Британцы дружелюбно расстались с Аресом, передав ему 250 золотых sovereignов и письмо для Центрального комитета ЭАМ, тайственного органа, о котором так и не удалось выведать побольше. Затем миссия двинулась через горы на запад: Майерс — для встречи с подводной лодкой на побережье Эпира, Вудхауз — для того чтобы занять свое место при Зервасе. 12 декабря они расстались. 17 декабря из Каира с новыми указаниями прибыл лейтенант Джордан, и пришлось посылать гонца, чтобы вернуть Майерса. Тот объявился только 8 января 1943 г., впустую потра-

тив двадцать семь дней, в течение которых оставался безо всякой связи как с Каиром, так и с Вудхаузом.

Между тем руководство ЭАМ желало выведать хоть что-то про Вудхауза, да и он старался разузнать побольше про них; три человека из разных подразделений ЭЛАС навестили его как раз в то время, когда он оставался без связи с Каиром и Майерсом. А 31 декабря у него побывал сам Арес с несколькими сотнями бойцов — этот бросок, казалось, мог окончиться открытой войной и насильственным устранением Зерваса. Вудхаузу удалось снять напряжение, затеяв дискуссию¹ в горах о единстве, в котором, как говорится, сила. Споры вскрыли многие давние конфликты, в результате единство прочнее не стало, и мало что удалось сделать для решения проблем ЭАМ. Арес ушел 1 января, унося с собой еще 250 британских совершенов; большего Вудхауз дать не смог без особого позволения, зато пообещал прислать снаряжение. К сожалению, вылет самолета с грузом не состоялся из-за плохой погоды, и ЭАМ получило повод усомниться, что британцы держат слово.

Британская группа, воссоединившись 8 января 1943 г., обособилась на несколько месяцев в Ботси, к западу от реки Ахеллоос. Там Майерс работал над подробным планом, поддерживая связь с Каиром.

Вудхауз тем временем оставался в Афинах, где в последнюю неделю января произошли события, нанесшие тяжелый удар организации. Из двух старых британских контактов одного, Цижантеса, за несколько дней до этого выследили и убили итальянцы, другого, «Прометей II», схватили 2 февраля, и Вудхаузу удалось уйти только благодаря расторопности ЭАМ². Связой Зерваса Петмезас (он же Никитас) находился в горах. Вудхауз встретился с полковником Спилиопулосом (позже, в декабре 1944 г., военный губернатор Афин) и еще одним из «шести полковников», однако те вели себя робко и увертливо, явно не намереваясь брать за «грубую работу» в горах. Стоит добавить, что они одновременно «засветились» в Каире³ в результате перехвата донесения заместителю Канеллопулоса Целосу. Из донесения стало ясно, что все их усилия были направлены на захват власти

¹ Конференция в Ровелисте.

² «Прометей I» (полковник Бакирдзис) в то время покинул Грецию, он вернулся в августе в совершенно иной роли.

³ Каирская телеграмма № 273 в Лондон, датированная 16 февраля; копия в папке (AD/S.1) F.61/II Архива УСО.

в Афинах, когда оттуда уйдут немцы, а потом с помощью возрожденной греческой армии они попытаются предъявить послевоенные претензии Албании, Югославии и Болгарии.

Вудхауз провел также две встречи с представителями — предположительно — центрального комитета ЭАМ: первая — с влиятельным коммунистом Цимасом¹, некоммунистом Циримокосом и тремя лидерами неизвестных партий, входивших в состав Национально-освободительного фронта; вторая — с Цимасом, Циримокосом и секретарем Коммунистической партии Греции Георге Сиантосом². Ни одна из сторон не давала никаких обещаний, единственный вопрос, которому придавалось значение, — это переданное Вудхаузом и одобritельно встреченное ЭАМ предложение направить представителя в Каир для переговоров. Очевидно, что сделанное коммунистами скрыто умелой конспирацией, не было лишь ясно, действительно ли фронт являлся «фронтом» только для коммунистов. Как сообщает Вудхауз, Майерс не был убежден в этом до апреля 1943 г., а сам он — до августа.

Другим стоящим контактом Вудхауза был Янни Пелтекис (брокер фондовой биржи по профессии), позже известный как «Аполлон», который вызволил «Прометея II» из заточения, возглавил остатки его организации и сделался одним из самых деятельных руководителей диверсионных операций в Европе³. В начале февраля Вудхауз вернулся в горы (из Афин его сопровождал коммунист «Томас») и выяснил, что боевые действия против врага не ведутся, а основная часть его группы негодует по этому поводу.

ЭАМ, со своей стороны, теперь предпринимал максимум усилий для организации вооруженного сопротивления и руководства им. Вудхауз свидетельствует о духовном пробуждении и громадном росте организации в первые месяцы 1943 г. ЭАМ рассылал своих организаторов по деревням, где (по крайней мере на том этапе) его воспринимали как символ сопротивления и национального духа. За несколько месяцев из былой трясины голода, отчаяния и разбоя явилось нечто вроде действующего правительства на территории неоккупированной Греции. Правительство это проявило себя не лучшим образом, и вскоре к нему стали относиться так, как оно и заслуживало, однако, по

¹ Он же Эвмайос, он же Василис Самариниотис.

² Позже член правительства Папандреу от ЭАМ.

³ Скончался от сердечного приступа 20 мая 1947 г.

мнению Вудхауза, ЭАМ неверно оценил не греческую политику, а ход войны.

Блокада Ленинграда была прорвана 18 января 1943 г., 29-го Роммеля* вытеснили в Тунис, 30-го в Сталинграде сдался фон Паулюс**; имелись веские основания полагать, что положение немцев близко к краху, во всяком случае на Средиземноморье, и ЭАМ самым срочным образом должен был любой ценой быстро стать *де-факто* правительством Греции, до того как вернется правительство *де-юре*.

Зерваса от подобных действий удерживал бригадный генерал Майерс: то была явно политическая, а не партизанская война, и она никак не могла стать частью военного плана. В этом смысле ЭДЕС, по-видимому, получила подмогу британцев; ее помпезное название[□] если и могло что-то означать, то разве что еще одну кличку Зерваса. Однако сам Зервас по характеру не был склонен к такой работе, и его главный политический помощник в горах профессор Комнинос Пиромаглу, по-видимому, тоже не имел охоты к терпеливой организаторской деятельности. Что касается предполагаемого комитета ЭДЕС в Афинах, то он не играл значимой роли, если не считать того, что в результате появились подозрения, будто движение Зерваса тайно связано с оккупационными властями. Самой заметной реакцией на успехи союзников стал потянувшийся в горы пестрый поток военных и политиков, которые уверовали, что их интересы — там. Среди этих людей оказались такие примечательные фигуры, как сторонник Венизелоса полковник Сарафис, известный причастностью к неудачному перевороту 1935 г., и еще один венизелосец, полковник Псарос, личность более независимая, поддерживаемая политическим деятелем Карталисом¹.

Опираясь на эту пеструю публику, полковнику Майерсу приходилось кроить план и добиваться от Каира согласия на него. По его разумению, горную Грецию следовало разделить на партизанские районы, каждый из которых управлялся бы «капи-

* [Э.И.Э. Роммель, 1891—1944 гг., командовал личной охраной Гитлера в 1938—1939 гг., немецкими войсками в Африке в 1941—1943 гг., покончил жизнь самоубийством под угрозой ареста.]

** [Ф. фон Паулюс, 1890—1957 гг., один из главных участников разработки плана нападения на СССР, командовал 6-й армией, которая была окружена в Сталинграде, сдался там в плен вместе с войсками в 1943 г., освобожден в 1953 г.]

□ Речь идет о Единой демократической партии Греции.

¹ Министр печати в правительстве Папандреу 1944 г.

таньос» отряда совместно с британским офицером связи. Через БОС каждый «капитан» попадал бы под оперативное руководство ГНШ в Каире, а вся сеть свободно координировалась бы и лично контролировалась Майерсом через БОС. Каир стремился к более централизованной схеме, в которой руководство осуществлялось бы из центра в Греции, где Майерс обладал бы большой властью. ЭАМ по различным причинам тоже стоял за централизацию, но даже такое совпадение взглядов на том этапе не побудило Каир отказаться от своего решения. В горах на связи с Каиром работали две радиостанции: одна — Майерса, и он рисовал весьма неприглядный портрет ЭАМ, а другая — майора Шеппарда, расположившегося на горе Олимп, достаточно далеко от Майерса; и оттуда шли вполне оптимистические реляции. Шеппард плохо знал греческий язык, два его офицера, владевшие греческим, погибли при выброске с парашютом, а потому им вертел как хотел местный политический комиссар Карайоргис. Несколько месяцев ЭАМ через Шеппарда излагал Каиру собственный план: национальное восстание, которое должны поддержать британцы, чтобы демократические партии, входящие во Фронт, усилились и смогли поставить под контроль коммунистическое меньшинство.

Спор этот поначалу породил проект «национальных отрядов», который во многом соответствовал идеям Майерса. Основу предстояло составить отрядам Зерваса в Западной Греции, Псаросу — на Парнасе и Гьоне, Сарафису — в Западной Фессалии, а в Македонии, возможно, теневой организации, известной как ПАО. Другие лидеры (такие, как «Бакирдзис», «Прометей», тогда находившийся в Каире) могли быть подключены извне или появиться на месте. План позволял ЭАМ брать на себя руководство в тех местах, где Фронту это было по силам, и поддерживать отношения взаимной терпимости с другими отрядами. Появись такое предложение раньше, оно, возможно, и сработало бы, однако необходимо напомнить, что все не входившие в ЭАМ руководители были твердыми республиканцами, и если что и толкнуло их в объятия правительства в изгнании, так только изменения в политике ЭАМ. Цудерос со своим правительством пускались во все тяжкие, чтобы препятствовать оказанию британской помощи Национально-освободительному фронту на начальных этапах, когда эта помощь могла быть особенно результативной.

К весне 1943 г. ЭАМ, обретая уверенность и боевой настрой, уже не потерпел бы никакого соперничества. Фронт мгновенно

реагировал на появление «в поле» новых «капитаньос», нападая на них и уничтожая еще до того, как тем удавалось укрепиться. В марте был подвергнут нападению и взят в плен Сарафис; в Западной Фессалии ЭАМ, измотав, вытеснил отряд второстепенного военного командира Влахоса и прогнал находившегося при нем британского офицера связи; силы Фронта вторглись в южную часть территории Зерваса и существенно ослабили его контроль над ней; им удалось подавить все попытки создания независимых отрядов в Македонии. Зервас и Псарос были относительно сильны, на них пока не нападали, зато постоянно угрожали. Отряды ЭАМ вели себя очень грубо и жестоко в районах, куда они вторгались, и хотя операция укрепила их в военном плане, зато образовала серьезную прореху в их моральной позиции. Ужасные рассказы об их «деяниях», разумеется, опровергались, но верили им все больше и больше.

С изменением обстановки становилось все очевиднее, что никакое решение не сработает без учета отношения к нему ЭАМ: либо помощь в борьбе против немцев следовало покупать по собственной цене Фронта, либо британцам следовало разгромить Фронт. Очевидно, что для ЭАМ первостепенной была задача ликвидировать политических противников. Оставалось, следовательно, заключить сделку, и британцам такая сделка представлялась все более необходимой, поскольку приближалось время сделать очередной шаг вперед на Средиземноморье. План деятельности УСО в Греции с целью поддержки высадки на Сицилии известен под кодовым названием «Животные»: одно-временное нападение на транспортные коммуникации было частью отвлекающего плана от готовящейся высадки на западном побережье Греции, дабы предотвратить вывод немецких войск для их использования где-то еще. Для осуществления плана была выбрана третья неделя июня 1943 г.

Нет необходимости подробно излагать ход переговоров, предшествовавших этому. *Во-первых*, в конце марта Майерс (только-только оправившийся после воспаления легких) объехал свою «епархию» с проектом соглашения, которое предлагал всякому мало-мальски властному представительству ЭАМ, какое смог обнаружить. Это мало что продвинуло в отношениях с греками, разве что в какой-то мере уменьшило враждебность местных организаций ЭАМ. Выполняя эту миссию, Майерс оказался лишен связи с Каиром в то время, когда там разразился кризис греческого правительства. Зато эта поездка основательно укреп-

пила и сплотила британскую военную миссию, помогла составить представление об общей обстановке. В частности, Майерс впервые встретился с Шеппардом, являвшимся до того невольным рупором ЭАМ. Процессу сплочения британцев способствовали улучшение системы связи и инспекционная поездка подполковника Стивенса, руководителя Греческого отдела УСО в Каире, который попал в Грецию в апреле и увидел много интересного. В Каир он вернулся, к сожалению, только в августе¹.

Во-вторых, в начале июня 1943 г. в Лиасково прошла первая общая конференция. Поводом для нее послужило ожесточенное майское выступление ЭАМ против Псароса на Парнасе. То же самое произошло во время конференции. И все же впервые удалось собрать партии вместе. Делегация ЭАМ теоретически являлась «высшим командованием» военной организации Фронта. ЭЛАС представляла типичная тройка: Цимас в качестве политического комиссара, Арес в качестве «капитаньос» и (из всех возможных кандидатов) Сарафис, полковник-венизелосец, которого ЭЛАС сокрушил в марте, — в качестве профессионального военного советника с дутым титулом главнокомандующего (всегонавсего наживка для заманивания других обученных военных). В результате возникло непреодолимое разногласие между майерсовским вариантом соглашения и вариантом, привезенным из Афин Цимасом. Напряженные споры велись целых два дня, затем были прерваны 7 июня.

Операция «Животные» теперь стала делом чрезвычайной срочности: ее начало было намечено на 21 июня. Каир уполномочил Майерса принять условия Цимаса в качестве крайней меры, и Майерс, взяв с собой недавно присланную переносную радиостанцию, отправился в поездку, чтобы окончательно сверить планы со своими БОС, а также (по возможности) обеспечить содействие высшего командования ЭЛАС на их же собственных условиях. Во многих районах БОС наладили превосходные отношения с местными отрядами ЭАМ, и все они были готовы к действию — если скажет свое слово ЭЛАС. Это привело к *третьей* стадии переговоров — на встрече с главными лицами ЭЛАС в Авдхеле, возле стыка Македонии, Эпира и Фессалии. План «национальных отрядов» в первоначальном смысле уже скончался, ЭЛАС действовал по-своему всюду, кроме ограниченных территорий Зер-

¹ Изложение отчета подполковника Стивенса можно увидеть в «Журнале войны» Центра УСО, раздел «Ближний Восток и Балканы», с. 862—870.

васа и Псароса. И все же нужно было хоть что-то подписать, нечто, предваряющее операцию «Животные», и 14 июня был принят вариант ЭАМ¹. Это привело к созданию Объединенного штаба для управления всей партизанской деятельностью под руководством британского командующего на Ближнем Востоке; Зервас с Псаросом получили право на представительство в этом штабе, а в соглашение были включены необходимые слова о терпимости ко всем патриотическим отрядам. Приказы командующего на Ближнем Востоке должны были передаваться через бригадного генерала Майерса, хотя на самом деле решать, будут ли они исполняться, предстояло ЭАМ.

После таких, на грани шаржа, приготовлений приятно сообщить, что операция «Животные» завершилась великолепным успехом. Она удачно началась с внезапной атаки на Азопуский железнодорожный мост 21 июня. Поскольку партизаны нападать отказались, заявив, что им это не по силам, атаку произвела группа из пяти британцев и одного араба (бежавшего военнопленного) под командой майора Гордон-Грида. Они спустились по горловине с такими крутыми склонами, что немцы, не ожидая здесь нападения, оставили ее без охраны. Несколько дней группа таилась на дне ее, в 400 ярдах от немецких постов, а потом неожиданно напала при ярком свете немецких прожекторов. Мост, уже однажды восстановленный, рухнул вновь и оставался выведенным из строя почти три месяца. Во всех остальных местах партизаны, тактично направляемые британскими офицерами связи, отлично справились со своей задачей: в течение последующих трех недель на нескольких шоссейных и железнодорожных трассах было осуществлено сорок четыре крупные диверсии, проведены также бесчисленные мелкие операции. Вдобавок в Пирее прошла пятидневная забастовка транспортных рабочих. Как можно понять, операция выполнила и другую важную задачу — отвлечение внимания от операции «Здоровьяк», так обозначалась высадка в Сицилии 10 июля.

Таким образом, все было замечательно обставлено для первого заседания Объединенного штаба, которому предстояло обособиться в Пертули, в горах, ограждавших равнину Фессалии с запада. Там 18 июля собрались все БОС, находившиеся в Северной Греции, а также представители ЭАМ, Зерваса и Псароса —

¹ Официальный британский отчет в Приложении «В» к «Истории британской военной миссии» Вудхауза.

безмятежный миг проявления доброй воли в истории, полной невзгод. На какое-то время там создалось объединенное правление «горной Греции», которая теперь, говоря словами Вудхауза, «прихватывала, наложившись, как калька на карте», оккупированную врагом Грецию. Обитатели и той и другой получили возможность свободнее перемещаться в соответствующих районах, пути их зачастую пересекались, но никогда не шли рядом подолгу: меж ними шла война, но вражда была не постоянной, хотя, когда прорывалась, становилась ожесточенной.

В этом правлении, функции которого далеко выходили за рамки военного штаба (на деле чисто военных функций у него было как раз немного), британская миссия играла важную роль, Зервас же с Псаросом или их представители — весьма ограниченную. По сути, то было правление ЭАМ в Греции, и респектабельность, какую обрела эта власть, была еще более усилена прибытием в конце июля майора Дэвида Уолласа¹, действовавшего как представитель министерства иностранных дел, подотчетный послу Его Величества при правительстве *де-юре* в Каире. Складывалось впечатление, что достигнута стадия, когда ЭАМ требовалось сделать всего лишь шаг вперед, чтобы полностью поглотить это правительство.

Такая возможность явно представилась Фронту, когда (в ответ на приглашение, впервые сделанное во время приезда Вудхауза в Афины в январе) 9 августа с аэродрома, отстроенного по указаниям британской военной миссии, на «дакоте» вылетела делегация. Делегация состояла из (представлявших ЭАМ) коммуниста Цимаса, а с ним Руссоса, Деспотопулоса и Циримокоса, чье положение было менее ясным, Зерваса представлял Комнинос, Псароса — Карталис. В своих кружках эта группа обладала огромным авторитетом. Вместе с ними вылетели бригадный генерал Майерс и майор Уоллас.

Для того чтобы понять, почему их связь с другим, внешним, миром потерпела фиаско, мы должны обратиться в прошлое и коротко проследить, через какие невзгоды прошли британское и греческое правительства с сентября 1942 г.

¹ Обмен письмами между сэром О. Сарджентом и СД по поводу его полномочий 2 и 3 июня 1943 г., копии в архивной папке УСО (СД) «Греция 3 — политическое»; а также телеграмма министерства иностранных дел № 72 в Каир от 9 июня.

2. Внешний мир в сентябре 1942-го — августе 1943 г.

Предыдущий беспокойный период завершился в конце лета 1942 г. назначением Канеллопулоса (олицетворявшего, вероятно, крайне «левых» в старомодном роялистском движении) вице-президентом Совета, наделенного особой ответственностью за движение Сопrotивления в Греции. Правительство Цудероса оставалось в Лондоне, Канеллопулос находился в Каире, наделенный на месте полной властью как член Англо-греческого комитета, в котором состояли также УСО и канцелярия государственного министра. Выбор Канеллопулоса следовало честно испробовать, хотя (как мы видели ранее) концепция, на которой он основывался, оказалась уже опровергнута изменениями внутри Греции — ответственность за них несло и УСО.

Эксперимент длился недолго, однако его провал нельзя объяснить теми действительно фундаментальными проблемами, какие поначалу возникли зимой 1942 г. В начале ноября 1942 г. Канеллопулос был в Лондоне, и тогда все, казалось, обстояло хорошо в его отношениях с королем и с правительством короля¹. Однако 13 ноября правительство Его Величества заявило о своем намерении восстановить независимость Албании² (это заявление с большим одобрением встретили в УСО, его благожелательно приняли греческое и югославское правительства в изгнании), что вызвало бурю в греческих националистических кругах, в особенности в вооруженных силах на Ближнем Востоке. Канеллопулос сделался выразителем этих настроений и к середине декабря³ стал угрожать отставкой, требуя перестановок в правительстве. Канеллопулос вновь прибыл в Лондон 30 декабря со своего рода ультиматумом⁴. В более спокойной обстановке Лондона удалось на некоторое время уладить дело, однако положение оставалось нестабильным, и в марте разразился новый (и более глубокий) кризис, когда начались серьезные волнения среди греческих войск в Палестине. Причины его

¹ Запись беседы Канеллопулоса с подполковником Пирсоном от 4 ноября 1942 г. в папке (AD/S.1) F.61/II Архива УСО.

² «Журнал войны» лондонского Центра УСО, раздел «Ближний Восток и Балканы», с. 328 и 466.

³ См. телеграмму от полковника Тэйлора (находившегося тогда в Каире), датированную 19 декабря; копия в папке F.61/II Архива УСО.

⁴ См. записи бесед сэра Чарльза Хамбро, Цудероса, Варварессоса и Канеллопулоса от 31 декабря 1942 г. в папке (AD/S.1) F.61/II Архива УСО.

лежат за пределами сфер деятельности УСО, однако, как представляется, кризис имел, скорее, венизелосо-республиканское, нежели коммунистическое происхождение; вполне очевидно, что руку к сему приложила старая приятельница УСО мисс Элли Пападимитриу¹. Непосредственным результатом стала отставка Канеллопулоса и разрушение старательно создававшегося механизма Англо-греческого комитета.

На сей раз последовали более решительные меры, чтобы восстановить престиж греческого правительства. Военный кабинет обсудил этот вопрос 8 марта 1943 г.² (в отсутствие м-ра Черчилля), после чего м-р Иден обозначил политику полной поддержки греческого короля и его правительства, даже за счет некоторого спада активных действий против оккупационных властей. Он же предложил, чтобы королю посоветовали как можно скорее перебраться в Каир. За сим последовала ожесточенная словесная перестрелка между британскими ведомствами. 13 марта сэр Чарльз Хамбро в письме генералу Исмэю привлек внимание начальников штабов к чисто военным аспектам, которые Кабинет не учел³, 14-го сэр Орм Сарджент подверг критике сэра Чарльза за данные бригадному генералу Майерсу указания сплотить партизан под знаменем командующего на Ближнем Востоке, а не греческого правительства. 17-го начальники штабов ознакомились с меморандумом министерства иностранных дел и представили замечания к нему, в которых выразили «искреннюю надежду, что политическим соображениям не будет позволено затруднить или свернуть отменную работу, проводимую партизанскими отрядами»⁴. Зервас, старый венизелосец, запутывая дело еще больше, включился в эту перепалку, послав две телеграммы⁵ (одну — королю, другую — британскому правительству), в которых просил понять положение сражающихся людей и обе-

¹ Запись беседы с ней в октябре 1942 г., сделанная Пири и датированная 9 марта 1943 г., в папке (AD/S.1) F.61/III Архива УСО.

² WM(43)38-е заседание от 8 марта.

³ Копия в папке (AD/S.1) F.61/III Архива УСО.

⁴ COS(43)47-е заседание, пункт 2, от 17 марта, а также Приложение II. Сведения содержатся также в следующих документах: COS(43)135(0), телеграмме заместителя директора Ближневосточного отделения СС.201, COS(43)50-е (0) заседание, пункт 6, и COS(ME) 364.

⁵ Вудхауз утверждает, что эти послания предложил он, Майерс говорит, что Зервас направил их по собственной воле; прав, вероятно, первый. Текст содержится в «Истории британской миссии» Вудхауза, Приложение «D». См. также его книгу «Яблоко раздора», с. 74.

щал единство «со всеми истинными патриотами, как роялистами, так и демократами. Нам хотелось бы так же работать и с коммунистами, то есть с ЭАМ. Хотя Греция поработана, коммунизм ныне пытается силой навязать себя и уже провозгласил революцию». Он примет короля, если на то будет воля народа, он даже примет это просто по воле Англии, основанной на здравых для самой Англии целях.

Нет никаких свидетельств, что внешний мир, греческий или британский, в то время уловил значение такой реакции на первую волну разрастания ЭАМ в горах. Политики вовне все еще занимались вопросом «король или не король», а не вопросом «за или против ЭАМ», который волновал находившихся в горах. Формальным выражением британской политики, отменной склонностью к первому из этих вопросов, стал пространственный, хорошо составленный и тщательно выверенный документ, малозначимый для мира гор¹. В его ключевом для УСО разделе (пункт 7) говорится: «Ввиду оперативной значимости, которая придается подрывным действиям в Греции, не может быть никакого отказа УСО в контактах с данной группой только из-за того, что политические убеждения группы отвергают короля и правительство, однако УСО следует, учитывая особую оперативную необходимость, все время обращаться к тем группам, которые охотно поддерживают короля и правительство, и еще настойчивее доводить до сведения тех групп, которые можно причислить к антимонархическим, информацию о том, что король и правительство пользуются полнейшей поддержкой правительства Его Величества. Вообще, нельзя пренебрегать ничем, что способствовало бы единению групп Сопrotивления в Греции, а также сближению движения Сопrotивления с королем и правительством». Еще представится случай убедиться, что данная точка зрения Комитета начальников штабов восторжествовала и что командующий на Ближнем Востоке, а через него и УСО получили свободу действий в том, что касалось формы организации, которую им следовало поддерживать. Майерс теперь обладал всеми полномочиями действовать в духе «Соглашения о национальных отрядах», которое сэр Орм Сарджент столь рьяно критиковал 14 марта.

¹ № 871 от 18 марта 1943 г., направленный государственному министру, измененный № 913 от 20 марта — копии обоих в папке (AD/S.1) F.61/III Архива УСО. Исходил он от премьер-министра, руководившего тогда министерством иностранных дел, однако нет никаких свидетельств, что над текстом поработала рука самого м-ра Черчилля.

Что касается конституционного вопроса, документ не одобрял намерение провести конституционный плебисцит вскоре после возвращения короля и его правительства в Грецию. Довольно любопытно, что сам король уже пошел дальше этого в ответе Зервасу¹: «После своего возвращения в Грецию Его Величество вверит себя воле народа и последует мнению, которое народ свободно выразит по всем вопросам, касающимся его». На следующем этапе грядущий плебисцит в отношении монархии станет основным для политиков: следует его проводить до или после возвращения короля в Грецию? Предстояло понять, что на греческих, как и на остальных балканских выборах, итог скорее всего будет в пользу той государственной власти, которая станет проводить выборы, а потому возникший вопрос имел жизненную значимость: «Сможет ли король «устроить» выборы?»

Несмотря на ряд неопределенностей, политическая обстановка на какое-то время оказалась урегулированной. На третьей неделе марта король с Цудеросом прибыли в Каир, сопровождаемые м-ром Липером в качестве британского посла. Было сформировано новое правительство во главе с Цудеросом, в него вошли и республиканцы, наиболее заметными из них были Руссос (не имевший отношения к Руссосу из ЭАМ), Эммануэль Софулис (племянник старого лидера либералов) и Карапаньотис, один из шести выдворенных из Египта летом 1941 г. С точки зрения УСО основная перемена состояла в том, что м-р Липер теперь практически взял на себя все функции Англо-греческого комитета по руководству политической стороной деятельности УСО в Греции². Такое решение было навязано министерством иностранных дел без предварительных консультаций, что вызвало негодование сэра Чарльза Хамбро. Зато лорд Селборн весьма мудро отказался от битвы, и «указания» вступили в силу после формального протеста, доведенного до премьер-министра³. Основным недостатком «указаний» состоял в том, что они не создавали постоянно действующего механизма для координации стратегии в военной и политической сферах, а

¹ Каирская телеграмма № 226 от 24 марта полковнику Майерсу; копия в папке (AD/S.1) F.61/III Архива УСО.

² Делеши министерства иностранных дел м-ру Липеру: № 46 от 22 марта и № 48 от 23 марта; копии в папке (AD/S.1) F.61/II Архива УСО.

³ Записка лорда Селборна от 25 марта в папке (AD/S.1) F.61/II Архива УСО; письмо премьер-министру 26 марта и 8 апреля в документах лорда Селборна.

потому сохранялась ситуация, грозившая в будущем бедой. И все же поначалу связи между м-ром Липером и лордом Гленконнером, равно как и между их подчиненными, установились, казалось, тесные и дружественные.

Следующий кризис был предсказуем, и хотя УСО оказалось в роли козла отпущения, на самом деле оно не имело к нему отношения. Положение Управления вследствие этого было серьезно подорвано как внутри Греции, так и на Ближнем Востоке. В мае и июне м-р Липер и лорд Гленконнер пытались решить два главных вопроса¹: *во-первых*, что необходимо сделать для умиротворения старых политиков-республиканцев внутри и вне Греции? *во-вторых*, какой линии придерживаться бригадному генералу Майерсу в дискуссиях с ЭАМ, которые в конце концов начались в Лиасково на первой неделе июня? В Лондоне Форин-офис с лордом Селборном тоже старались идти нога в ногу, хотя и не совсем в ногу с Каиром: они больше, чем Каир, стремились к тому, чтобы никакими действиями не допустить подозрений, будто Британия ослабляет поддержку короля². Согласились, что следует отправить Майерсу телеграмму, разрешающую создание Объединенного штаба³; согласован был и текст нового заявления по конституционному вопросу, которое позднее, 4 июля, король зачитал по радио⁴. Король открыто пообещал провести выборы законодательного собрания в течение шести месяцев *после* своего возвращения и подчиниться его решению в отношении будущего монархии.

Реакция на эту тщательно согласованную политику в высшей степени обескураживала. 8 июля в греческих войсках вспыхнул новый мятеж, подавлять его пришлось британским войскам.

¹ См., к примеру, телеграмму лорда Гленконнера № 1009, направленную 26 мая СД, телеграмму м-ра Липера № 107 от 27 мая и его депешу от 24 мая. Все в архивной папке УСО (СД) «Греция 3 — политическое».

² Многие документы этого периода в архивных папках УСО (AD/S.1) F.61/III и (СД) «Греция 3 — политическое».

³ Черновик телеграммы министерства иностранных дел, согласованный сэром Ормом Сарджентом и сэром Чарльзом Хамбро, 11—12 июня 1943 г., в папке (AD/S.1) F.61/III Архива УСО.

⁴ Окончательный текст в папке (AD/S.1) F.61/IV Архива УСО. США, с которыми тоже проконсультировались, выразили осторожное согласие — послание из Вашингтона № 3073 от 6 июля министерству иностранных дел; копия в архивной папке УСО (СД) «Греция 3 — политическое».

Сама постановка вопроса о том, какие меры следует применить к закоренелым мятежникам, разделила греческое правительство¹. ЭАМ тут же отверг предложение короля². Еще больше греческое правительство беспокоило (как вскоре стало ясно) то, что его столь же решительно отвергли «политики из кафе» в Афинах. 16 июля м-р Липер все еще следовал донесениям роялистов из Греции и считал возможным появление нового центра Сопротивления на основе речи короля³, оба они с Цудеросом в то время, по-видимому, были готовы опорочить работу УСО по созданию Объединенного штаба и отыскать какое-нибудь новое решение в духе бывших «шести полковников»⁴. Но вот в начале августа из Афин прибыл некто Эксиндарис, проинструктированный Ламбракисом, Гонатасом, Софулисом, Кафандарисом и другими крайне правыми ЭАМ. Выбраться из страны ему помог агент УСО «Аполлон», который сам уехал из Афин 10 августа и привез с собой письма этих политических деятелей⁵. Отношение их было одинаково враждебным: король не должен возвращаться *до завершения* плебисцита, который проведет коалиционное правительство в условиях регентства. Можно отметить, что (в отличие от Зерваса) ни один из этих политиков еще не осознал, как значительно переменялась обстановка, вызванная подъемом ЭАМ.

М-р Липер в первый раз встретился с Эксиндарисом 7 августа⁶; было ясно, что последнему обещана значительная поддержка правительства Цудероса, уже пребывавшего *en plein crise*⁷ из-за дела мятежников. Так что два одновременных кризиса были в полном разгаре, когда утром 10 августа почти без предупреждения явился бригадный генерал Майерс с сильной группой «горных» политиков. Правда, поездку в Каир предлагали и

¹ Телеграмма м-ра Липера № 188 от 4 августа; копия в папке (AD/S.1) F.61/IV Архива УСО.

² Телеграмма Майерса «Мобильность 160» от 4 июля; копия в папке (AD/S.1) F.61/IV Архива УСО.

³ Делеша № 16 от 16 июля; копия в папке (AD/S.1) F.61/IV Архива УСО.

⁴ Последние слова в вышеупомянутой депеше написаны 17 июля Цудеросом, обрушившимся с критикой политики УСО и ее результатов. См. ответ УСО, датированный 29 июля; копия в архивной папке УСО (CD) «Греция 3 — политическое».

⁵ Точно не известно, когда досье попало в Каир; копии, датированные 18 сентября, в папке (AD/S.1) F.61/IV Архива УСО.

⁶ № 195 от 7 августа; копия в папке (AD/S.1) F.61/IV Архива УСО.

⁷ В полном кризисе (*фр.*).

приветствовали еще в феврале, и о дате прибытия было известно заранее¹, тем не менее появление группы вызвало сильное потрясение. До тех пор велось множество осторожных споров, однако почти никто не придавал значения реальности и весомости существования Объединенного штаба и «свободного государства» в горах Греции.

М-р Липер поначалу отнесся к этому благосклонно: «Я не могу не ощущать, что появление на здешней сцене людей, которые оказывали активное сопротивление врагу у себя на родине, окажет лишь освежающий и стимулирующий эффект на греческое правительство и, по сути, способно видоизменить нынешнюю позицию правительства, равно как и короля». Позиция и в самом деле неожиданно стала гибкой, и любая из трех серьезных сторон (британцы, король и ЭАМ) могла бы быстрым маневром извлечь из этой ситуации огромные преимущества. Подвижки последующих нескольких дней довольно подробно зафиксированы в документах УСО², однако партию британцев играл м-р Липер, а не лорд Гленконнер, и нет никаких свидетельств, что последний прямо вмешивался в политику, хотя поначалу с ним все согласовали. К 15 августа обстановка вновь обострилась. М-р Черчилль с м-ром Иденом были в Квебеке; полученные из Лондона указания исходили от министерства иностранных дел, и в них неуклонно утверждалась линия британской политики: «Король сам должен решить, как ему действовать, однако по-прежнему остается неизменной наша политика всемерной поддержки ему, и, если потребуется королю, мы должны в полной мере использовать наше влияние»³. Это указание пришло в Каир утром 18 сентября, а позже в этот же день король направил послание премьер-министру и президенту, в котором спрашивал совета, ясно, впрочем, обозначив собственную линию неверия и сопротивления ЭАМ⁴.

¹ См. Записку с последовательным изложением событий, направленную лордом Селборном сэру Орму Сардженту 3 сентября; копия в архивной папке УСО (CD) «Греция 3 — политическое». Точная дата зависела от расторопности, с какой можно было подготовить приличную посадочную площадку в Фессалии, эта часть истории превосходно изложена в книге Дениса Хамсона [«Мы пали среди греков» (1946 г.)].

² Описание Вудхауза в «Яблоке раздора» (с. 151 и далее) ни в коей мере не полно, хотя и добротнo написано.

³ № 131, передан в 23 часа 40 минут 17 августа.

⁴ Цитируется по телеграмме «Бетон № 374» от 19 августа в Квебек; копия в архивной папке УСО (CD) «Греция 3 — политическое».

Это решило вопрос о судьбе греческой династии, хотя поначалу решение привело к целому ряду неудобств как для короля, так и для британцев¹. Отношение британцев в Каире изменилось мгновенно без дальнейших указаний из Квебека². М-р Липер фактически прервал отношения с лордом Гленконнером³, попытался склонить всю партизанскую группу к незамедлительному возвращению в Грецию и продолжал яростно нападать на УСО, которое, по его мнению, намеренно устроило всю эту путаницу. Лорд Гленконнер в сильных выражениях дал понять, какой непоправимый ущерб будет нанесен, если греческих представителей отправят обратно, ущерб не только военной работе Объединенного штаба, но и собственно делу короля, поскольку среди представителей были люди Зерваса и Псароса, — единственно именно они препятствовали полному господству ЭАМ в горах. Госминистр и командующий⁴ приняли сторону м-ра Липера, и «шестерку» спасло только то, что сопровождавший их офицер УСО позволил грекам побеседовать до отъезда с Цудеросом. Цудерос вступился за партизан (министерство иностранных дел позже использует этот факт для дискредитации УСО), и им разрешили на некоторое время остаться. В итоге греки задержались до 16 сентября, и УСО, несомненно, делало все, что было в его силах, дабы не ущемить их чувство гордости. Однако между Каиром и горами вновь образовалась политическая и моральная пропасть — теперь, казалось, неодолимая.

¹ 19 августа лорд Селборн написал сэру Орму Сардженту, который тогда фактически руководил министерством иностранных дел и (как единственный причастный к делу министр, находившийся в Лондоне) всецело поддерживал намерение Форин-офис проводить твердую линию; это было до того, как он узнал о решении короля. Копия в папке (AD/S.1) F.61(c) Архива УСО.

² Шифрограммы премьер министра «Благополучие 349» от 25 августа и «Благополучие 490» от 31 августа — обе в папке (AD/S.1) F.61(c) Архива УСО.

³ «Альфа 035/38» из Каира от 25 августа — в папке (AD/S.1) F.61(c) Архива УСО. До 18 августа не предвиделось никаких разногласий: см. «Альфа 029» лорда Гленконнера от 18 августа в архивной папке УСО (CD) «Греция 3 — политическое».

⁴ Последний провел болезненную беседу с «шестеркой»; сведения в папке (AD/S.1) F.61/IV Архива УСО.

3. Британская миссия в сентябре 1943 — мае 1944 гг.

Когда миссия еще находилась в Каире, обстановка менялась быстро. Мир с итальянцами был подписан 3 сентября, а 9 сентября союзники высадились в Солерно, 16-го британцы двинулись на Кос и Лерос и, как казалось какое-то время, вот-вот должны были очистить Эгейский архипелаг¹. Уже в самом начале августа (фашистский режим в Италии пал 25 июля) итальянские офицеры в Фессалии направили в британскую миссию своих людей, дабы прозондировать почву. Тогда ничего из этого не вышло, однако переговоры дали основу для быстрых действий, когда разнеслась весть о мире. Изолированные итальянские гарнизоны в одних местах быстро разоружили немцы, в других — ЭАМ. Зато в Фессалии БОС опередили всех и вступили в переговоры с генералом Инфанте, командовавшим дивизией «Пинероло» в Ларисе, и с полковником Берти, командовавшим в Триkkalе. Во главе с генералом Инфанте дивизия перешла на британскую сторону почти полностью и с частью артиллерии. Первое соглашение о совместном ведении войны на всех фронтах было подписано генералом Инфанте и полковником Вудхаузом 12 сентября². При этом Вудхауз взял на себя обязательство финансово поддерживать итальянцев по тем же ставкам, что и партизан. Соглашение вначале было отвергнуто, а потом одобрено Каиром.

Немцы без особого труда очистили долину Фессалии, зато итальянцы упорно и успешно дрались против немцев, не давая тем пройти дальше на запад в горы. У ЭАМ были свои причины сожалеть об этом успехе, и Фронт тут же предпринял шаги, чтобы рассредоточить итальянские части, дабы ослабить их сплоченность и боеспособность. Вудхауз настойчиво убеждал отказаться от этого намерения и добился согласия ЭАМ на сосредоточение дивизии «Пинероло» в одном секторе. Соглашение это было достигнуто утром 14 октября, на следующий день после того, как итальянцы объявили войну Германии. В тот же вечер ЭАМ одновременно окружил и разоружил все изолированные итальянские части, отправив под арест многих офицеров на том основании, что они готовили «фашистский заговор» в союзе с Зервасом.

Тем и кончилось совместное с итальянцами ведение войны в Греции; с того времени разоруженные итальянцы из-за ни-

¹ Приложение V(F) к «Греческой истории» полковника Долби, содержит подробности работы УСО на островах Эгейского моря.

² Фотокопия соглашения и фотографии переговоров имеются в папке F.61/IV Архива УСО.

шенской помощи создавали лишь проблему, доставлявшую бесконечные хлопоты Вудхаузу. Ему, как представляется, все же удалось уберечь довольно значительную часть итальянцев от голодной смерти в горах или в концлагерях ЭАМ, хотя ЭАМ (как всегда) сумел «наложить лапу» на часть денег, выделенных для оказания помощи.

В одно время со сдачей итальянцев и контрударом немцев командующий на Ближнем Востоке призвал греков всемерно содействовать британцам, столкнувшимся с трудностями на Косе и Леросе. Пик пришелся на 29 сентября, когда командующий потребовал совершить нападение на все немецкие аэродромы в Греции, чтобы сбить накал боевых действий «люфтваффе» над акваторией Эгейского моря. ЭЛАС в Объединенном штабе приняла приказ к исполнению, однако нападение завершилось почти полным фиаско. Только в Лариссе группе удалось проникнуть на аэродром и заложить взрывчатку в восемь самолетов, но ни один заряд не сработал. Эту группу возглавляли британцы, а состояла она в основном из итальянцев; там же, где выполнение планов зависело от греков, неудачи были неизбежны. Частью это объясняется тем, что партизанская организация непригодна для детально спланированных, объединенных одной задачей «эпизодических» операций. Впрочем, с этой трудностью партизаны могли бы справиться, ведь они умели храбро сражаться. В основном неудачи происходили из-за политической обстановки.

Когда 17 сентября каирская группа вернулась в Грецию, она прибыла без Майерса с Уолласом, причем первого задержали, заподозрив в чересчур большой расположенности к ЭАМ¹. Вудхаузу, следовательно, пришлось в одиночку, к тому же не имея толковых указаний, справляться с довольно трудной ситуацией. Правда, ему помогал американский младший офицер из УСС капитан Эрготт, чьи суждения, однако, были несколько странноваты. Лишь в декабре американец постарше чином, майор Уайнс, прибыл для исполнения обязанностей заместителя начальника уже Союзной военной миссии. Группу сопровождал также генерал Бакирдзис («Прометей»)².

¹ Как утверждает Вудхауз («Яблоко раздора», с. 157), король Георг грозил отречься от престола, если Майерс вернется в Грецию.

² Позже он станет командующим ЭАМ в Салониках и в этом качестве выступит как миротворец как во время вывода немецких войск, так и в ходе гражданской войны в декабре 1944 г. Бакирдзис был интернирован греческим правительством и покончил жизнь самоубийством в 1947 г.

Вначале произошли мелкие споры и даже ссоры в Объединенном штабе, в них не было ничего нового, однако они свидетельствовали о конце периода повседневного взаимодействия, который начался в июне операцией «Животные». Ущемленная гордость сыграла свою роль, хотя провал каирской миссии в любом случае подтолкнул бы ЭАМ к более агрессивной политике, поскольку мирное проникновение не удалось. Посчитав, что конец оккупации Греции близок, Фронт решил, что подошло время, чтобы захватить единоличную власть в горах и подготовиться к походу на города. Планы этого похода разрабатывались очень тщательно. Псароса нейтрализовали соглашением, заключенным по принуждению и на время изолировавшим его от Зерваса. В ночь на 9 октября группы приверженцев Зерваса в Македонии, Фессалии, Румелии и Пелопоннесе быстро окружили и разоружили. Одновременно началось наступление против главного оплота Зерваса на юго-западе — территории, которую Зервас весьма предусмотрительно очистил от мелких отрядов ЭЛАС еще до начала наступления. 13 октября бойцы ЭЛАС, производя «зачистку» деревни, бывшей на стороне Зерваса, подстрелили новозеландца лейтенанта Хаббарда, причем так и осталось невыясненным, знали они тогда или не знали, кто он такой¹. 14 октября итальянцы, как мы уже знаем, перестали быть военным фактором. Теперь оставался только Зервас, удерживающий массивный горный район с 5000 вооруженных бойцов против 25 000 — у ЭЛАС.

Немцы не были безучастными зрителями этих операций. Они уже начали отвод войск из Пелопоннеса и тем самым подтвердили догадки ЭАМ, что полная эвакуация немцев из Греции состоится довольно скоро. Когда разразилась гражданская война, немецкие войска были наготове, и в октябре они совершили несколько прорывов через северные горы. Вооруженного сопротивления немцы почти не встретили, однако они жгли, уничтожали и убивали с привычной сноровкой и жестокостью. Штаб ЭАМ, Зервас и Союзная миссия оказались рассеяны и пребывали «в бегах», Объединенный штаб в Петрули перестал существовать.

Теперь, поставив все под свой единоличный контроль, немцы взялись за греческих «квислингов», действуя теми же методами, которые применяли к Недичу и самому крайнему флангу

¹ Есть более позднее изложение этого случая, датированное 5 марта 1944 г., содержится в архивной папке УСО (CD) «Греция 1 — оперативное»; см. также Записку лорда Селборна премьер-министру от 6 декабря (в документах лорда Селборна).

четников в Сербии. Они поощряли создание и вооружение «батальонов безопасности» в деревнях¹. Самим жителям деревень казалось, будто они защищаются от вымогательств ЭАМ и немецких карателей. Немцы использовали ситуацию, когда война против захватчика все больше и больше превращалась в гражданскую войну.

Еще одним рычагом немецкой политики служил запущенный по всем каналам «черной» пропаганды слух, будто британцы благожелательно настроены в отношении «батальонов безопасности», видя в них средство отпора «коммунизму», будто недалеко время перегруппировки сил, когда британцы и немцы совместно выступят против русских и их союзника ЭАМ. В этом смысле сам ЭАМ мог бы помочь д-ру Геббельсу*, поскольку Фронт действовал в том же направлении, сея подозрения в отношении короля, британцев и их союзника Зерваса. Как назло подобные слухи получили некоторое косвенное подтверждение. Награжденный орденом «За безупречную службу» капитан Скотт, «храбрец, но простак» (как описывал его позже лорд Селборн), один из героев операции на Азопосском мосту, примерно в это время пробрался в Афины, где его уговорили согласиться на контакты с гестаповцами, которые вели речь о переговорах по немецкой «капитуляции». То был явный случай использования «переговоров о капитуляции» с целью материального подкрепления немецкого пропагандистского плана, и Аполлон в очередной раз оказал великую услугу союзникам, прослышав на самой ранней стадии о том, что происходит, и сообщив об этом в Каир. Капитана Скотта немедленно отозвали, однако кое-какой вред уже был причинен. Путаница в Греции еще более усугубилась, а случай этот в искаженном виде стал частью немецкой версии истории войны — к примеру, Йодль использовал его для защиты на Нюрнбергском процессе².

¹ Как утверждает Вудхауз в «Яблоке раздора», к этому до некоторой степени причастны генерал Гонатас и генерал Пангалос.

* [И. Геббельс, 1897—1945 гг., руководитель нацистской пропаганды с 1930 г., покончил жизнь самоубийством.]

² Купер. «Нюрнбергский процесс» (Penguin), с. 238. По-видимому, этот случай всплыл и на процессе Нойебахера, устроенного югославами в ноябре 1947 г. Современные отчеты о деле Скотта содержатся в архивных папках УСО (CD) «Греция 3 — политическое» и (AD/S.1) F.61; его собственный более поздний отчет обнаружен не был, хотя ссылки на него встречались. Позже велись и другие местные переговоры — в Пелопоннесе, в районе Янины и в Афинах; была также предпринята попытка

Немцы фактически предложили «технически» проверенный ход на русскую доктрину непрерывной партизанской войны, питающей себя карательными акциями врага. Новая методика оказалась действенной как на политическом уровне, так и на бытовом. С одной стороны, у Зерваса были причины жаловаться, будто ЭАМ подыгрывает немцам не только потому, что снабжает «батальоны безопасности» и трубит в одну пропагандистскую дуду с д-ром Геббельсом, но еще и потому, что Фронт действительно напал на него в то время, когда он пытался оказать сопротивление немцам. ЭАМ, со своей стороны, мог, опираясь на косвенные доказательства, доказать, что Зервас через комитет ЭДЕС или комитеты в Афинах поддерживает контакты с лицами, которые совершенно определенно связаны с немцами. Эти пересекающиеся потоки информации и слухов были неизбежны. Идеалы и идеологии мало что значили в столь яростной борьбе за выживание. ЭАМ в некоторой степени удалось заклеить Зерваса как «греческого Михайловича»: в начале 1943 г. Зервас непредусмотрительно заигрывал с Михайловичем, пока тот еще считался «респектабельным». И все же Зервас при всех его интригах отличался от Михайловича в главном: он с готовностью подчинялся приказам британцев и исполнял их в меру своих способностей. Он был слабым союзником, зато всецело преданным Союзу.

Последние месяцы 1943 г. стали очень тяжелыми для Союзной военной миссии. Почти каждый офицер связи был в плохих отношениях с местными командирами ЭЛАС и вынужден был пускаться в бега, чтобы не оказаться в зоне действия немцев или стычек между участниками гражданской войны. Опасность попасть в плен к немцам была, наверное, меньшей, нежели стать случайной жертвой одной из противостоящих греческих группировок. Военные акции против врага прекратились. Зервас, у которого хватало рвения сражаться с немцами, по-прежнему получал оружие от британцев, но, участвуя в гражданской войне, вскоре мог утратить значение военного фактора. Оружие ЭАМ больше не давалось, и Фронт бомбардировали жесткими пре-

через дезертиров вступить в переговоры о мятеже в немецкой карательной части, однако все эти контакты тщательно контролировались, ограничивались и не доставили никаких политических неприятностей. (По поводу фактов «прошупывания» со стороны фон Ланга и Нойбахера в Афинах в сентябре 1944 г. см. папку 9/100/12 ч. III, о переговорах касательно части № 999 в апреле 1944 г. см. папку 9/100/12 ч. II.)

дупреждениями из Каира, осуждая его политику. Однако складывалось впечатление: чем хуже становились его отношения с британцами, тем он делался сильнее. На деле он, по-видимому, больше оружия забрал у итальянцев, чем получил за все время от британцев. БОС оказались подавлены и разочарованы: между ними имелось согласие, но они в равной мере раздражались из-за вмешательств «внешнего мира». Действовали они, если вообще действовали, как организация по оказанию помощи, а не как военная сила. В начале декабря настроение упало до низшей отметки, и Вудхауз, разойдясь с Зервасом, рекомендовал, руководствуясь военными соображениями, бросить Зерваса и все надежды возложить на ЭАМ¹.

Эти рекомендации, к счастью, были оставлены без внимания, поскольку дела стали понемногу выправляться. Зервас удерживал «собственные» горы и даже вернул себе часть территории. Возобновились регулярные встречи Вудхауза со штабом ЭЛАС, и к третьей неделе декабря 1943 г. уже велись переговоры о прекращении гражданской войны. Условия, выдвинутые ЭАМ, указывали, что Фронт готов вернуться к прежней политике. Его сварливый бунт лета 1943 г. завершился провалом и привел лишь к краху «горного государства». Теперь Фронт вновь был готов добиваться официального признания и участия в кайрском правительстве — на условиях, которые позволят ему расширить свое влияние. Решительный момент настал в начале января, когда Каир представил «военный план» (по задачам он был, скорее, политическим, чем военным) по координации операций, призванных помешать выводу немецких войск, — операция «Ноев ковчег». Высадка была назначена на апрель, хотя британцы хорошо знали, что операция вряд ли потребует так рано. Ведь еще предстояло разбить Грецию на партизанские районы, два из которых предназначались, соответственно, для Зерваса и Псароса. Нужно было ввести британские и американские части, дабы укрепить партизан, следовало вновь выстроить схему управления Союзной военной миссией — более гибкую и более эффективную. Политический смысл, упрятанный за военной фразеологией, состоял в том, что ЭАМ вновь будет предоставлен шанс сделаться «респектабельным», если гражданская война прекратится и «границы» Зерваса и Псароса будут признаны.

Предстояло осознать, что эти тонкие маневры не обязательно приведут к соглашению, однако первая стадия была достиг-

¹ «История греческой военной миссии» Вудхауза, с 146.

нута, когда 18 января¹ Сарафис от имени ЭЛАС принял план вчерне и подписал оперативные распоряжения своим командирам на местах. Однако территория Зерваса не учитывалась, и гражданская война продолжалась. Затем 28 января последовало совещание (в Неохори) всех БОС, которых удалось собрать, для обсуждения их задач в операции «Ноев ковчег». Пока шло совещание, Арес пошел в решительное наступление на своего старого союзника и врага — Зерваса. Наступление развивалось довольно успешно, но в конце концов было остановлено на реке Арахтос. Теперь ЭАМ был готов вести переговоры.

Переговоры Фронт открыл предложениями создать «единую» партизанскую армию, объединенный политический комитет в горах, а также публично осудить коллаборационистов. Предложения были составлены так, чтобы доставить максимум затруднений Зервасу. Последовали обычные бесконечные и хитроумные дискуссии, состоявшиеся в полуразвалившихся горных деревушках. Переговоры были прерваны двумя событиями: острой нападкой м-ра Черчилля на ЭАМ в его речи 22 февраля и первой по-настоящему заметной операцией со времен «Животных»: немецкий состав с войсками был пущен под откос в долине Темпе британцами и партизанами, уничтожено было по меньшей мере 500 немецких солдат². Наконец 29 февраля 1944 г. после четырех недель волнений переговоры завершились подписанием Плакасского соглашения³, которое положило конец гражданской войне и создало основу для взаимной терпимости и военной деятельности без четких обязательств по политическим вопросам.

ЭАМ, естественно, на этом не остановился. Плакасское соглашение с точки зрения Фронта, было поражением, поскольку наделяло его всего лишь военным статусом. И в конце марта Фронт попробовал новое направление, создав Политический комитет национального освобождения (ПЕНА) — орган с задачами откровенно административными, который легко можно было принять за параллельное правительство. Комитет имел сильное представительство из некоммунистов: генерал Бакирдзис — «Прометей», которого отвратили от первого его союза с Псаросом из ЭККА; профессор Сволос, специалист по конституционному праву из Афин, пострадавший при Метаксасе за свои социалистические взгляды; генерал Мандакас, который удачно

¹ «История Союзной военной миссии» Вудхауза, с. 157.

² Полный отчет капитана Лейка в папке (AD/S.1) F.61/V Архива УСО.

³ «История Союзной военной миссии» Вудхауза, Приложение «Е».

действовал как партизанский командир на Крите; Аскуцис, бывший генерал-губернатор Крита от Либеральной партии; были и другие способные и уважаемые лица, которые вполне могли возродить давнюю легенду об ЭАМ, воплощающей в себе либеральный дух греческого национального единства. Все шло хорошо, если не считать того, что Зервас с Псаросом все еще держались в стороне, и ЭАМ (очень опрометчиво) навел на них другой ствол из арсенала своей политики. 16 апреля 1944 г. Арес напал на Псароса, отряды его были либо уничтожены, либо силой обращены в «новую веру», а Псарос — убит. ЭККА вовсе исчезла со сцены, и казалось, что вот-вот последует новое нападение на Зерваса. Каир отреагировал тем, что приказал незамедлительно отозвать Союзную военную миссию, но греческая политика на Ближнем Востоке уже обретала иное направление, и приказ был отменен. Цудерос наконец-то ушел в тень, и на его место привезли из Афин Папандреу* — с новой программой и более широко представленным правительством. Делегаты «с гор» были приглашены на встречу с ним в Ливане, под присмотром м-ра Липера, и они прибыли туда в середине мая. Между тем в горах провели еще одну встречу — Кутсайнскую конференцию, призванную уточнить определенные вопросы, оставшиеся не урегулированными в Плаке, в частности, вопрос о «границах» Зерваса. Конференция прервалась 8 мая, не дав никаких результатов. Единственным последствием ее стала ожесточенная и безуспешная попытка ЭАМ опорочить Вудхауза перед Союзным высшим командованием.

4. Внешний мир в сентябре 1943 — августе 1944 гг.

В октябре 1943 г. УСО в Лондоне лишили былой — весьма плохо обозначенной — ответственности за политику Ближневосточного УСО, ныне Отряда 133. Руководство перешло к новому подкомитету специальных операций ближневосточного Комитета обороны, в котором представитель командующего и м-р Липер обладали решающим голосом. Лорд Гленконнер и бригадный генерал Кебл, оба люди весьма позитивных взглядов на политику, уже уехали, а Отрядом 133 теперь командовал бригадный генерал

* [Г. Папандреу, 1888—1968 гг., премьер-министр Греции в 1944—1945, 1963, 1964—1965 гг. См. также окончание следующего раздела этой главы.]

Стауэлл, профессиональный военный, «не зараженный» предшествующим опытом работы в УСО. На Ближнем Востоке, да и на других театрах войны, начался завершающий этап, в котором УСО больше не отвечало за политику, разве что выступало в роли снабженца и советника, мнением которого часто пренебрегали. Следовательно, исследуя историю УСО, нет необходимости подробно говорить об этом периоде англо-греческих дипломатических отношений. Краткого очерка вполне хватит, чтобы показать фон, на котором происходило завершение операции «Ноев ковчег», предназначенной воспрепятствовать выводу немецких войск из Греции.

Первая стадия заняла осень 1943 г. Пересмотр политики в любом случае был неизбежен после августовского фиаско — потребность в нем увеличилась, когда вспыхнула первая гражданская война в Греции и когда в октябре новый кризис вызвали те члены правительства Цудероса, которые требовали плебисцита по вопросу о монархии до возвращения короля. Сам Цудерос вдруг заколебался, ознакомившись с донесением одного надежного агента, вернувшегося из Афин в начале октября¹. Поначалу м-р Липер и министерство иностранных дел высказывались за ослабление ЭАМ любыми средствами, имевшимися в их распоряжении². Этому сопротивлялись лорд Гленконнер и бригадный генерал Майерс, бывшие в то время в Лондоне и считавшие, что в этом случае скорее всего придется пожертвовать военным преимуществом и отказаться от собственных намерений, что усилит ЭАМ политически: Фронт тогда расширит свое влияние, а вовсе не окажется в изоляции. М-р Иден в октябре находился (по пути в Москву) в Леванте во время греческого кризиса в тех краях, и из его телеграмм явствовало, что он склоняется к регентству архиепископа Дамаскиноса на переходном этапе — до возвращения короля³. В определении дальнейшей линии поведения помогли разъяснения Лондонского УСО, в частности, документ⁴ подполковника Стэнли Кассона, выдающегося археолога, много лет работавшего в Греции. Его только что привлекли в УСО в качестве объективного советника. В этом документе впервые были предложены регентство *плюс* плебисцит, в той форме,

¹ Копия в архивной папке УСО (CD) «Греция 3 — политическое».

² Проект документа министерства иностранных дел от 20 сентября; копия в папке (AD/S.1) F.61/V Архива УСО.

³ № 1935, 1942, 1943 от 16 октября — в той же папке.

⁴ Датирован 26 октября — в той же папке.

в какой они в конечном счете и были осуществлены в 1945 и 1946 гг. Лорд Селборн направил документ премьер-министру 4 ноября, сопроводив его запиской, в которой с сожалением соглашался с выводами автора и предупреждал премьер-министра об опасностях противодействия ЭАМ а l'outrance¹. Совет бригадного генерала Майерса был примерно таким же². Документ, представленный м-ром Иденом Военному кабинету 16 ноября, одобрял идею регентства и плебисцита³, хотя по-прежнему настаивал на исключительной жесткости по отношению к ЭАМ. Кабинет в некоторой нерешительности сплавил дело Комитету начальников штабов, ответ которого основывался на плане, выработанном совместно с командующими на Ближнем Востоке и м-ром Липером⁴. КНШ исходил из того, что нынешняя военная ценность ЭАМ невысока, и предлагал поторговаться с королем: ЭАМ будет отказано в британской помощи при условии, что король согласится на регентство и плебисцит. На следующем этапе, если этот пройдет хорошо, войска Зерваса следует инкорпорировать в Королевскую эллинскую армию, а подчиненных ЭАМ командиров заставить последовать за ним. Однако британских офицеров связи, которые фактически были заложниками у ЭАМ, нельзя было подвергать опасности, внезапно разорвав отношения и отозвав их. Военный кабинет принял эти предложения 22 ноября⁵. Его согласие на первый этап (король не возвращается до окончания плебисцита) означало, что позиция сотрудников среднего и нижнего звена УСО, а также их союзников из числа «старых республиканцев» была признана единственно верной. Правда, дальнейшие этапы последовательно осуществить не удалось из-за разрастания гражданской войны.

На следующей стадии была предпринята попытка подменить согласованное перемирие с ЭАМ постепенной ликвидацией сил

⁰ В крайних формах, безоглядно (*фр.*).

¹ Записка премьер-министра лорду Селборну от 3 ноября и ответ лорда Селборна от 4 ноября — в папке (AD/S.1) F.61/V Архива УСО.

² Оценка, датированная 2 ноября, в папке (AD/S.1) F.61/V Архива УСО, существенно также телеграфное донесение Вудауза от 19 октября.

³ WP(43)318 и WM(43)155-е заседание, протокол 2.

⁴ COS(43)283-е (0) заседание, протокол 4, и 284-е заседание, протокол 5, CC/346 от 19 ноября от командующих на Ближнем Востоке содержит оценку, на основе которой составлен этот документ. Были учтены и свидетельства, представленные независимым подкомитетом КНШ. См. также телеграмму м-ра Липера, рассылавшуюся как WP(43)526.

⁵ WM(43)160-е заседание, пункт 2.

Фронта. Казалось, что все должно получиться. Военную сторону этой кампании составляла операция «Ноев ковчег», которой Вудхауз стал прельщать ЭАМ в начале января 1944 г. Цудерос должен был выступить по радио с призывом к миру 31 декабря, а 15 января предложить провести консультации об участии ЭАМ в правительстве, если, конечно, прежде будет достигнуто военное соглашение¹. Какое-то время полковник Вудхауз формально действовал как представитель греческого правительства, равно как и британского. В феврале командующий на Ближнем Востоке вынудил Кабинет пересмотреть политику, настаивая, что содействие ЭАМ имеет серьезную военную ценность, и предлагая в качестве примиряющего жеста вернуть бригадного генерала Майерса в Грецию². Путь к Плакасскому соглашению от 29 февраля был расчищен, что, в свою очередь, повлекло за собой начало политических переговоров между греческим правительством и ЭАМ. Цудерос опять колебался и был уже готов уклониться от решения вопроса, но был принужден к этому и британцами, и силой обстоятельств³. Образование сильного временного комитета ЭАМ в горах было подкреплено бунтом внутри правительства Цудероса и недавним мятежом на Ближнем Востоке — так что наконец беспокойное и долгое правление Цудероса закончилось 3 апреля 1944 г.

После краткой интерлюдии Софоклеса Венизелоса на смену Цудеросу 26 апреля пришел Папандреу, обладавший похвальными качествами компромиссного кандидата. Он жил в Афинах во время оккупации, потом тайно бежал, но не был запятнан дурной славой правительства в изгнании и мог с известным основанием выступать от имени афинских политиков, хотя и не от имени «горной Греции». Был он республиканцем и неявно держался «слева», но все же как руководитель «раскольнической» Социал-демократической партии не принимал душой интересы республиканской политики. Определенные посты в его правительстве сохранялись для руководителей, находившихся в Гре-

¹ Телеграмма «в поле»; копия в архивной папке УСО (CD) «Греция 3 — политическое», ч. II.

² Деша генерала Вильсона 47851 от 5 февраля КНШ, письмо КНШ министерству иностранных дел — COS155/4 от 7 февраля.

³ Телеграмма м-ра Липера № 140 от 4 марта и замечания подполковника Кесуика, послание лорда Селборна м-ру Идену 14 марта и ответ м-ра Идена 23 марта; копии в архивной папке УСО (CD) «Греция 3 — политическое», ч. II.

ции, и открывшаяся 16 мая Ливанская конференция с руководителями ЭАМ обещала более благоприятные результаты, чем в августе 1943 г. Да и обстановка контролировалась гораздо лучше — как м-ром Липером, так и Папандреу, так что первая фаза завершилась в конце мая подписанием соглашения — этот документ, как выяснилось, дал громадное тактическое преимущество, отделив делегатов ЭАМ в Ливане от партийного руководства в горах, — недаром последние в начале июля отреклись от своих делегатов. Затем последовал очередной кризисный период, вызванный посланием греческого короля м-ру Черчиллю от 7 июля, в котором он еще раз потребовал «полного разрыва» с ЭАМ¹.

Британцы вновь принялись обсуждать проблему, но на сей раз спорить долго не пришлось: 9 сентября высшее командование ЭАМ пересмотрело свое решение и согласилось назначить шесть министров в правительство Папандреу. Это решение означало: ЭАМ отказывается от претензий на власть после ухода немцев, следовательно, британцам не придется решать дилемму — либо принимать ЭАМ, либо пустить в ход силу против «демократического» союзника в такое время, когда все ресурсы необходимо направить на борьбу с немцами. Нелегко понять причины этого решения, которое означало отказ ЭАМ использовать свой лучший шанс, — видимо, здесь сыграло свою роль влияние русских. На Московской конференции в октябре 1943 г. Молотов* выказал полное отсутствие интереса к греческим делам, да и нет никаких свидетельств, что когда-либо раньше становление ЭАМ шло по указке или при помощи русских. 26 июля 1944 г. русская миссия прилетела в Грецию на своем самолете из Италии, что ввело британцев в заблуждение относительно пункта его назначения. И все же, несмотря на такую хитрость, последующие события смягчили, а вовсе не ужесточили отношение ЭАМ к британцам, а потому, несомненно, что ЭАМ следовала указаниям русских. Ведь для русских в той обстановке естественным было стремление избежать любых кризисных ситуаций в Греции. Наступление советских войск в Румынии должно было начаться 20 августа, и направления, по каким оно будет развиваться, были совершенно очевидны. И конечно, было чрезвычайно важно, чтобы немецкие дивизии по-прежнему оставались в Греции.

¹ Телеграмма м-ра Липера № 493 от 7 июля; копия в папке (AD/S.1) F/61/VI.

* [В.М. Молотов, 1890—1986 гг., советский министр иностранных дел в 1939—1949 гг.]

5. Уход немецких войск

Итак, все было готово к осуществлению столь долго откладывавшейся операции «Ноев ковчег». Меж тем в Союзной военной миссии произошли перемены. Пелопоннес некоторое время являлся отдельным командованием под началом полковника Стивенса — миссия для него тяжелейшая, поскольку там ЭЛАС удалось уничтожить всех «патриотических» соперников, и занималась она единственно тем, что вела нескончаемую гражданскую войну с греческими «батальонами безопасности». В июне наконец-то отозвали полковника Вудхауза, в тяжелейших условиях несшего на своих плечах груз громадной ответственности в течение двадцати месяцев¹. Вернулся он лишь в середине сентября, а до той поры руководил полковник Хаммонд*, которому помогал майор Уоллас, он возвратился в июле уже в качестве представителя министерства иностранных дел². В августе бригадный генерал Баркер-Бенфилд**, теперь командовавший Отрядом 133, провел инспекционную поездку по Греции, в ходе которой установил добрые отношения с руководителями ЭАМ и, вообще был весьма поражен военными доблестями Фронта.

В конце августа пала Румыния, и стало ясно, что немцы намерены уйти: об их отступлении свидетельствовали новые набеги и жестокие акции по отношению к населению. Нужен был военный план, который не только способствовал бы возвращению греческого правительства в Афины, но и содействовал бы нанесению максимального ущерба отступающим немцам. Первое было делом генерала Скоби*** и Отряда 140, насчитывавшего немногим более 10 000 человек, второе — Союзной военной миссии и партизан, в помощь которым выделили двести — триста солдат спецназа и союзных подразделений ВВС.

Важнейшим шагом подготовки стало проведенное в начале сентября совещание в Казерте, на котором присутствовали Са-

¹ За время отсутствия им были сделаны интересные отчеты; копии в архивной папке УСО (СД) «Греция 3 — политическое», ч. II.

* [Н.Дж.Л. Хаммонд, род. в 1907 г., археолог, специалист по античности.]

² В сентябре он погиб от шальной немецкой пули.

** [К.В. Баркер-Бенфилд, 1892—1969 гг., военный атташе в Вене, Будапеште и Берне в 1935—1938 гг.]

*** [Сэр Р. Маккей Скоби, 1893—1969 гг., военный губернатор Мальты в 1942 г., военный губернатор Греции в 1944—1946 гг., возведен в рыцарское достоинство в 1946 г.]

рафис и Зервас, представлявшие ЭЛАС и ЭДЕС, тогда же было согласовано распределение обязанностей. Еще важнее, что все были единодушны в решении: Афины «вне пределов» деятельности партизан и греческое командование там будет в руках генерала Спилиотопулоса, одного из тех «шести полковников», о которых говорилось раньше. Подполковник Шеппард, опытный британский офицер связи, отправился в начале сентября в Афины — «блюсти британские интересы»¹. Договор о том, чтобы не пускать партизан в Афины, соблюдался ЭАМ, хоть и с нарушениями. Однако в результате этот город был исключен из списка территорий, где боролись за власть Зервас и ЭАМ. В том же месяце Канеллопулос² прибыл в Пелопоннес в качестве представителя правительства Папандреу и сразу же оказался в недолговечном и нелегком союзе с Аресом Велухиотисом.

Операция «Ноев ковчег» после ряда проволочек официально началась 10 сентября, за десять дней до высадки британских войск в Пелопоннесе, и продолжалась до 1 ноября, когда последние немецкие воинские части пересекли греческую границу, оставив только изолированные гарнизоны на островах. Операцию составили отдельные важные эпизоды, которые невозможно специально объединить для связного рассказа, скажем лишь, что она была успешной. Естественно, партизаны придержали значительную часть своих людей и оружия для собственных целей (ЭАМ побольше, чем Зервас), однако обе стороны сражались хорошо, во всяком случае, в тех районах, где их поддерживали офицеры связи и подразделения специального назначения. Основные сражения велись на двух путях отхода — в восточной и западной частях материка — там, можно сказать, произошли небольшие «битвы при Фермопилах» наоборот: немцев удерживали в узких ущельях, вынуждая их развертываться и вести обычные наступательные бои, выдвигаться в горы. Использовались также и засады, нападали на груженные составы, выводили из строя основные коммуникации. Вудхауз (наиболее осмотрительный свидетель) определяет боевые потери немцев на суше так: 100 паровозов, 500 грузовиков и 5000 солдат убитыми. К этому следует доба-

¹ Директива в архивной папке УСО (CD) «Греция 3 — политическое», ч. II. Позже он погиб, подорвавшись на mine, находясь в Греции на службе в Ассоциации ООН по оказанию помощи.

² Позже он стал министром внутренних дел в правительстве Максимоса 1947 г.

вить бомбовые удары авиации по скоплениям немцев на дорогах. Было уничтожено и захвачено партизанами большое количество оружия. Потому можно сделать вывод, что «Ноев ковчег» принес дивиденды значительно большие, чем общие затраты британцев на специальные операции в Греции. И еще: удачное совпадение — операция завершилась именно в то время, когда сложившаяся обстановка была неподходящей для вооруженных притязаний ЭАМ на власть. Восстание Фронта в декабре 1944 г., рассказ о котором лежит за пределами нашей истории, — это последний бросок, совершенный именно тогда, когда шансов на успех практически не было.

6. Организация «Аполлона»

До сих пор одна очень важная линия проходила в стороне от нашего повествования. Афины вместе с Пиреем образуют промышленный город и морской порт большой значимости (более важный, чем любой другой на оккупированной территории Балкан), и деятельность УСО с самого начала была направлена не столько на ведение партизанской войны, сколько на тайную организацию диверсий на такого рода объектах. Поначалу именно для этого создавалась организация «Прометей», хотя позже она оказалась также важным звеном в становлении движения Сопротивления в горах, отличилась и в акциях, направленных на нарушение судоходства в важный период лета 1942 г., и при выполнении разведывательных заданий. В начале 1943 г. «Прометей II» (Кутсояннопулос) был схвачен, и его организация распалась. Некто Джон («Янни») Пелтекис, брокер фондовой биржи, выбрался в Смирну, чтобы сообщить об этом, и там же был приглашен на службу в УСО майором Поусоном. Вернувшись в Афины, Пелтекис вызволил «Прометей II» из заключения, использовав трюк с поддельным приказом об освобождении, и продолжал восстанавливать организацию. Пелтекис стал «Аполлоном», организация получила название «Ивонн». Она продолжала успешно действовать и до конца 1943 г. совершила несколько успешных акций по нарушению судоходства, а также небольшие диверсии на промышленных предприятиях. Бесплезно приводить общие данные о затопленных, поврежденных и задержанных судах, уместнее рассказать о некоторых подробностях, взятых из отчете-

та, охватывавшего период с июня 1943 по сентябрь 1944 гг.¹ Проведены диверсии против примерно пятидесяти судов разных типов (от двух итальянских эсминцев до портовых буксиров и каиков), большая часть из них — вполне удовлетворительно. Всего один крупный корабль затонул в море, зато полдюжины других получили повреждения в гавани и надолго застряли в ремонтных доках. Большая часть судов помельче была уничтожена полностью. Кроме того, отмечено шесть случаев удачных диверсий на железных дорогах и два успешных нападения на склады боеприпасов. К сожалению, в июне 1943 г. немцы расстреляли восемнадцать заложников — это была карательная акция, месть за затопленное 7000-тонное судно в Пирее. Нельзя не сказать и о том, что «Ивонн» создала «путь спасения», которым успешно воспользовались по крайней мере сто человек, бежавших из Греции.

В июле 1943 г. Пелтекис ненадолго наведался на Ближний Восток и вновь выбрался туда в мае 1944 г., после того как по организации нанесли сокрушительный удар мартовские аресты. В июне «Аполлон» на короткое время вернулся в Афины для восстановления организации, что ему удалось. Помехи судоходству чинились по-прежнему, а в последние дни оккупации «Ивонн» провела отличную акцию, выведя из строя плавучий кран и несколько судов, которые немцы собирались использовать в качестве заграждения от кораблей союзников. Это значительно ускорило открытие Афин как морского порта.

До сих пор излагалась «история успехов», оплаченных 2500 соверенами в месяц, скудными поставками мин-липучек и других взрывных устройств... и людскими жизнями (потери среди греков были минимальными). Пелтекис был (и остается) человеком в высшей степени добропорядочным, истинным греческим патриотом. Ни один грек не может оставаться вне политики, и Пелтекис не скрывал своих политических пристрастий. Взгляды свои он выражал довольно резко, а потому на его выступления остро реагировали влиятельные в Греции лица. В июле 1943 г. Пелтекис оказался гонцом, доставившим Цудеросу недобрые вести в виде целой сумки писем от политиков-республиканцев, и вряд ли стоит сомневаться, что он поддержал их взгляды в личной беседе с Цудеросом. В ту зиму появились слухи (как представляется, их принял на веру аппарат м-ра Липера), что Пелтекис будто бы жульничает, являясь не то двойным, не то тройным агентом — служит на нем-

¹ Вещественное доказательство 2-й следственной комиссии по делу «Аполлона»; копия в Архиве УСО.

цев, на русских, одновременно сторонник ЭАМ. В мае 1944 г. «Аполлон» встретился с Папандреу, с которым был уже немного знаком, и расстались они недовольные друг другом. С тех пор Chef de Cabinet[□] Папандреу — Вассильядес сделался главным источником слухов, распространяемых с целью опорочить Пелтекиса.

Такое развитие событий в августе 1944 г. имело неприятные последствия. Вассильядес доложил Папандреу, будто в Смирне говорят, что Пелтекис получает от УСО деньги для помощи организации ЭАМ. М-р Липер находился тогда в Англии, и его заместитель передал в министерство иностранных дел сообщение, где ничем не подтвержденный слух превратился в обвинение УСО в пренебрежении указаниями Форин-офис¹. Министерство иностранных дел в ответ настаивало на соблюдении буквы устава УСО и выговаривало командующему на Ближнем Востоке за утрату контроля². Премьер-министр (находившийся тогда в Италии) вмешался и сделал более суровые выводы: «Необходимо создать следственную комиссию для официального установления виновного в халатности или нарушении служебных обязанностей. Кто-то должен понести ответственность. Вину этого лица следует официально установить, а его немедленно освободить от всякого участия в наших делах. У нас никто никогда не несет наказания за такого рода проделки!»³

Последовали карательные меры: средства «Аполлону» уже не передавали, а командующий на Ближнем Востоке создал военно-следственную комиссию. Комиссия усердно выслушала массу свидетелей — британцев и греков, в том числе и самого «Аполлона», однако большая часть важнейших свидетелей отсутствовала, в частности, уклонился от этой процедуры м-р Липер со своим аппаратом, а греческих политиков, от которых поступили донесения, призвать к ответственности было нельзя.

На основе имевшихся свидетельств комиссия полностью оправдала Отряд 133 и «Аполлона» и вынесла порицания в адрес ответственных за это сотрудников министерства иностранных дел. Более семидесяти участников группы «Аполлона» были заключены в тюрьму, пятьдесят девять из них немцы перед своим

[□] Руководитель секретариата премьер-министра (фр.).

¹ Телеграмма № 604 от 15 августа; копия в архивной папке УСО (CD) «Греция 4».

² Телеграмма № 393; копия в архивной папке УСО (CD) «Греция 4».

³ Радиосеть № 174 от 23 августа; копия в архивной папке УСО (CD) «Греция 4».

уходом казнили. «Аполлон» утверждал: если бы ежемесячные денежные пособия продолжали поступать, то удалось бы вызволить из тюрьмы этих патриотов. В таких вещах Пелтекис разбирался хорошо, и страшно подумать, что он прав¹.

7. Крит и острова

Эгейское море больше напоминало оживленную транспортную магистраль, нежели ничейную землю, и налаженному союзниками движению каиков противник почти не препятствовал. Первую операцию, в ходе которой каики из Смирны отправились в Пирей, провели в сентябре 1941 г., и трасса настолько прочно утвердилась, что в июле 1943 г. УСО получило в свое распоряжение собственную базу каиков в Эгриларе на Чесменском полуострове, в пятидесяти милях к западу от Смирны. В августе 1943 г. соответствующую базу создали на побережье Фессалии, севернее Скопелоса, через которую британская миссия и партизаны получали значительную долю поставок.

И все же сами острова не прельщали УСО в качестве поля деятельности, если не считать их использования как портов захода. Там было мало объектов, пригодных для диверсий, военные гарнизоны стран Оси довольно сильные, а местность вовсе не пригодна для партизанской войны. По тем же самым причинам ЭАМ не удалось здесь многого достичь, используя свою обычную тактику провокаций и контрпровокаций, так что и политические споры не были активными. В череде мелких событий можно, наверное, выделить три стадии.

На первой (до сдачи итальянцев) основной интерес представлял Крит, который тогда являлся территорией стратегического значения. Офицеры УСО пробрались на остров и действовали там, будучи в штатском, еще в октябре 1941 г. Поначалу они оказывали помощь британским военнослужащим, которых приютили критяне, а затем, в течение 1942 г., наладили связь с партизанскими отрядами, тогда немногочисленными и разбросанными, которые британцы не могли использовать для ведения каких-

¹ Доклад следственной комиссии хранится, с полным досье свидетельских показаний, в Архиве УСО; см. также архивную папку УСО (CD) «Греция 4». Лорд Селборн продолжал до самого конца коалиционного правительства безуспешные попытки добиться от министерства иностранных дел каких-либо исправлений или извинений.

либо действий. К концу того года было решено создать на основе этих отрядов «тайную армию», которую можно было бы мобилизовать в случае британской высадки. «Армия» эта так никогда и не потребовалась.

В 1943 г. удалось кое в чем продвинуться также на островах Самосе, Хиосе и Митилини, а также на Родосе, Скарпанто и Сими, входящих в Додеканес. Группы на них все еще нащупывали пути работы, когда в сентябре 1943 г. донеслась весть о сдаче итальянцев. Тут же началась бурная деятельность. Подполковник Долби из Каирского отдела УСО десантировался на Родос и вступил в переговоры (завершившиеся безрезультатно не по его вине) с командиром итальянского гарнизона. Генерал Карта, командовавший итальянскими войсками на Крите, установил связь с действовавшей там группой УСО и предложил сотрудничество. Его «войско» было слишком слабо, чтобы сражаться без британской военной поддержки.

Группа УСО была сброшена также на Корфу и короткое время удерживала остров, взаимодействуя с итальянцами, но те не проявляли боевой активности и не смогли отразить немецкую контратаку.

Территорией, где британцы чувствовали свою силу и действовали уверенно, были острова Кос, Лерос и побережье Адриатики, и там УСО опередило британские регулярные войска. УСО удерживало Кос вместе с островитянами до прибытия частей Королевских ВВС, затем захватило Самос, приняв капитуляцию итальянской дивизии, под его контролем некоторое время находились Хиос и Митилини.

На этой стадии УСО сумело действовать необычайно точно и маневренно, именно так, как требовалось, и Управление не несет никакой вины за последующий разгром, который, к несчастью, уничтожил большую часть подготовительной работы.

Новая стадия началась в 1944 г., когда Ближневосточный генеральный штаб избрал тактику изматывания и разложения противника, отказавшись от фронтальных атак. Регулярные войска были перегруппированы для скрытных набегов и рейдов, была проведена хорошо спланированная операция на подконтрольных противнику судоходных линиях, в которой задействовали даже небольшие военно-морские и военно-воздушные подразделения. Отряд 133 представил для плана этой кампании необходимые сведения. Впервые за все время небольшие группы переодетых агентов, внедренные на острова, стали источником разведыва-

тельных данных, а также местными проводниками. А еще они занимались «переманиванием каиков», понуждая — посулами и угрозами — греческих шкиперов к дезертирству. Их «улов» составил около ста каиков различных размеров.

На Крите под командой майора Лей-Фермора* успешно осуществили план, завершившийся вывозом с острова генерал-майора Крипе, командира 22-й немецкой дивизии¹. Надо отметить, что агенты УСО всегда старались не навлечь на критян карательных мер, и в данном случае это удалось. Однако, к сожалению, в июле — августе критские партизаны поднялись на открытую борьбу без согласования с УСО. Немцы потеряли около 120 солдат убитыми и дюжину грузовиков, месть была страшной — фашисты сожгли тридцать деревень и казнили более 1000 безвинных жителей. Было принято решение поменять тактику, и конечной целью — на Крите, как и на других островах, — стали постоянное изматывание противника и подготовка к мирной передаче власти, когда немцы сдадутся или уйдут. По счастью, этого удалось достичь почти без политических осложнений: ЭАМ действовал, особенно на Крите и Самосе, но не имел там широкой поддержки населения, а потому власть без особых сложностей перешла к греческому правительству.

История деятельности УСО на островах является хорошим примером правильного и осмотрительного использования его специфических методов.

8. Заключение

В обществе довольно распространено было мнение, что британское правительство, создав ЭАМ, тем самым уготовило розги для собственной спины. Это непопулярное движение едва ли преуспело в борьбе с немцами, но зато начало разорительную гражданскую войну, расколовшую греческое общество. К тому же было потеряно около 800 000 жизней из шестимиллионного населения, и многие считали, что по крайней мере часть из них остались бы в живых, не будь горной войны. Те же, кто инфор-

* [П.М. Лей-Фермор, род. в 1915 г., писатель.]

¹ Донесение о пленении генерала Крипе приводится в «Журнале войны» Центра УСО, раздел «Ближний Восток и Балканы», с. 1365. [См. также описание очевидца в книге У.С. Мосса «Меня встретит лунный свет» (1950).]

мирован чуть больше, подтверждают этот приговор, ссылаясь на успех «Прометей II», «Аполлона» и сожалея, что военные, выполняя собственные задачи, лишили УСО возможности выступить в присущей ему нелегальной роли.

Полковник Вудхауз уже ответил на эти обвинения публично и убедительно¹. ЭАМ родился стихийно без британского участия, Фронт начал свою борьбу в горах в 1942 г. во главе с командирами-коммунистами и под воздействием мифа о русских партизанах. В горах имелось немало людей, поставивших себя вне закона: это ядро могло сплотить, укрепить и заставить действовать только целеустремленное и энергичное руководство, осуществить которое было под силу только Коммунистической партии Греции. Как только Фронт появился «в поле», британцы стали снабжать его: с октября 1942 по октябрь 1943 г. ему передавалось оружие, позже — только золото и снаряжение. Весьма важно, что после успешной акции у Горгопотамаса в ноябре 1942 г. УСО в Каире предложило большой план партизанской войны. Британские поставки, несомненно, подпитывали ЭАМ в очень сложный период, однако, в конце концов, когда Фронт стал бороться за власть, он добыл из немецких и итальянских источников оружия куда больше, чем британцы ему поставили, и вполне очевидно, что Фронт выжил бы и заполучил все это вооружение и без британской помощи. ЭАМ едва ли удалось бы остановить, если бы не согласованные и целенаправленные усилия британцев сокрушить его, даже в ущерб военному противостоянию с Германией. Усилия эти могли стать успешными только на ранних стадиях становления ЭАМ — видимо, не позже весны 1943 г.

К этому следует добавить, что партизанским движением в Европе, которое открыто поддерживалось, снабжалось и руководилось исключительно британцами, было движение Наполеона Зерваса. Что бы ни говорилось о сомнительной репутации Зерваса, нет сомнения, что его использовали в качестве козырной карты в политической борьбе против ЭАМ. Монополия на героический миф о движении Сопrotивления не досталась ЭАМ — Зерваса не удалось ни уничтожить, ни обесчестить. Со времен Освобождения греческие правительства зашли опасно далеко в коллаборационистский мир, но их никогда не считали обычными коллаборационистами те, кто сражался за Грецию.

¹ Письмо в газету «Таймс» от 14 января 1947 г.

В узковом смысле партизаны по крайней мере сполна заплатили за ту небольшую помощь, какую они получили, хотя маржа оказалась меньше, чем в Югославии. Можно представить дело таким образом, будто такое-то число дивизий стран Оси удерживали в Греции партизаны, однако это лишь иллюзия: в любом случае открытый полуостров нуждался в сильной обороне. В графе «доходов» значится только причиненный ущерб. Он значителен и включает в себя серьезные перебои в хромоникелевом производстве, но в целом диверсионные акции координировались, если не считать кратких золотых денечков в ходе операций «Ужение на блесну», «Животные» и «Ноев ковчег». Греческим партизанам доставало боевого духа и умения, но они являли собой не столь многочисленную и не столь действенную военную силу, как партизаны Тито в их лучшие времена.

Имелись, однако, и иные военные преимущества. УСО, по сути, не было разведывательной организацией, однако присутствие восьмидесяти британских офицеров в Греции, располагавших обширными связями с греками, давало возможность получать ценную информацию. При высадке на Сицилии (и в меньшей мере при других случаях) УСО сумело внести значительную лепту в дело дезинформации противника. Это помогло спасти множество британских и союзных граждан. Сотрудники УСО успешно потрудились при ведении переговоров с итальянцами, когда те решили сдаться. Управление было и одним из важнейших пропагандистских каналов. Наконец, ему удалось кое-что сделать, чтобы сорвать тактику «выжженной земли», которую немцы проводили во время отхода своих войск. Вся эта работа была необходимой и нужной: УСО было бы намного слабее, если бы не неистовая энергия БОС, всегда готовых решать задачи любой сложности.

Временами казалось, что ЭАМ в своем стремлении к власти не остановится ни перед чем. В октябре 1944 г. силы генерала Скоби не выдержали бы нападения ЭАМ, которое им с трудом удалось отбить в декабре, и политически вряд ли можно было одолеть ЭАМ, если бы он обосновался в Афинах. В том, что этого не произошло, есть и заслуга русских. У Коммунистической партии Греции ситуация была более жесткой, чем у КП Югославии, к тому же она была хуже оснащена и не могла справиться с ней. К тому же ей было нечего предложить по существу. В отличие от Югославии, Греции не на чем было разбогатеть, кроме торговли, и даже среди радикальных греков не много нашлось бы таких, которые восторженно отнеслись бы к идее ока-

заться запертыми в горах для построения коммунистического государства. К тому же понятия «пятилетний план», «советский федерализм» иначе звучали в Югославии, чем в Греции. Греческие коммунисты находились в подполье только с 1935 г. и не были (несмотря на усилия Метаксаса) единственной силой, оппозиционной режиму, великое множество других политиков также «пострадали за веру», а затем совместно занялись поисками преемника Метаксасу. ЭАМ, таким образом, поднимаясь, создавал оппозицию, которая не была оппозицией реакционной: Фронт осознавал, что именно реакционеры его подлинные враги, но ему так и не хватило сил справиться с ними. Все, чего Фронту удалось добиться, — это создать новое направление расщепления в греческой политике, ныне (1947) — явное равнение ЭАМ на славян. Такого рода расщепление может уничтожить Грецию, зато оно по крайней мере политического толка, вовсе не похожее на бывшие личные злобные перебранки, завещанные Константином и Венизелосом.

Своевременная осведомленность об этих новых ориентирах была крайне необходима британским политикам, выстраивавшим отношения с Грецией во время войны, однако на каждом этапе информированность стала значительно отставать от реальности, а потому британскому правительству так никогда и не удалось действовать достаточно быстро, чтобы управлять, а не просто следовать за зигзагами настроений политиков-эмигрантов.

Ситуация с установлением связей с оккупированной Грецией интересна, поскольку опыт здесь ставился в относительно благоприятных условиях. Британия была великолепно представлена в Греции, а с января 1943 г. связь с Майерсом и Вудхаузом осуществлялась относительно свободно. Однако и трудности были своеобразными. Как пишет в одном из своих отчетов Вудхауз, внутри Греции «никто никогда не был свободен от борьбы за существование, в сравнении с этим все остальное вторично. Вот почему никто за пределами Греции не мог говорить от имени греков в Греции. Любой человек, оставив Грецию, уже пять минут спустя оказывался в отрыве от действительности в Греции и лишался права говорить от имени греков... Сомневаюсь, способен ли кто-либо из греков, ныне толкующих о будущем своей страны на Ближнем Востоке, хотя бы поставить задачи, которые им необходимо решить»¹. Скупно проникают голоса сквозь та-

¹ Отчет от 26 мая 1944 г., с. 11; копия в архивной папке УСО (CD) «Греция 3», часть II.

кую преграду, и на каждом этапе случается задержка. Майерс с Вудхаузом немного задерживаются, прежде чем официально представить на бумаге свои первые впечатления от неуловимых перемен. Им известно, что шифровальщики и связисты перегружены работой и что нет смысла попусту тратить время на что-либо, кроме «твердых» новостей. В Каире на нижних уровнях тоже немного задерживаются и немного путают, прежде чем составить целостную картину того, что ново, и попытаться довести ее до директоров, бригадных генералов и послов. А тут снова задержка — при передаче согласованных рекомендаций в горные ледниковые выси, на которых политика формируется окончательно. И на каждом этапе британское решение заглушено противоречивыми советами толковых, но пристрастных греков-эмигрантов. Высокая политика делает ставку на «шестерых полковников», в то время как ЭАМ с Зервасом становятся реальной силой в горах. Делается упор на стремительное военное становление объединения партизан, в то время как Майерс с Вудхаузом неспешно изучают политическую основу ЭАМ. Осенью 1943 г. политика берет курс на превращение отрядов Зерваса в Греческую армию *in partibus infidelium*[□], в это время Вудхауз уже впадает в отчаяние от мысли, возможно ли вообще сохранить Зерваса «в поле». Временной разрыв между фактом и реакцией на него никогда не был меньше двух-трех месяцев, а зачастую — еще продолжительнее.

Надо признать, что ситуацию пытались исправить разными способами. Задействованные агенты были людьми талантливыми и действовали согласованно. Были использованы разные технические средства, чтобы обеспечить их связью. Вудхауза, конечно же, держали в Греции чересчур долго, зато Майерс выехал сразу же, как только в том возникла необходимость. Новому человеку требовалось несколько месяцев, чтобы узнать обстановку в горах, и скоропалительная замена агентов была бы нерациональна. Каир активно направлял «людей из кабинетов» взглянуть на то, что творится «в поле»: полковника Стивенса и полковника Баджа — в 1943 г., бригадного генерала Баркер-Бенфилда — в 1944 г. Министерство иностранных дел имело возможность послать туда независимое представительство, но оно не использовало их в полной мере. Даже греки-эмигранты через собственных агентов установили довольно крепкую связь с политическими кругами внутри Греции.

[□] Здесь: в среде чуждой (лат.).

ГЛАВА XIX

АЛБАНИЯ¹

Албания принадлежит к тому же типу стран, что и Югославия с Грецией: она была «партизанской страной», где главную политическую проблему породило появление Народного фронта, созданного по образцу партизанских объединений Тито и ЭАМ. Сложности албанской политики даже превосходят те, что характерны для Югославии с Грецией, хотя они более примитивны. Национальное единство албанцев раскалывают три религии — католическая, православная и мусульманская, — а также бесчисленные клановые (родовые) распри. Слой образованного населения настолько мал, что эти разделы и разделы внутри разделов очень поверхностно воспринимали западные идеи, и обстановка поддавалась толкованию только в понятиях очень примитивных и очень запутанных. УСО давно заинтересовалось Албанией, поскольку та была оккупирована итальянцами в апреле 1939 г., за два года до падения Югославии и Греции. Впрочем, последующая судьба этой страны и впоследствии существенного значения не имела ни в политике, ни в стратегии, а потому вполне достаточно краткого рассказа.

Аннексия Албании Италией была признана правительством Чемберлена, так что никакого законного правительства в изгнании не было. Король Зог*, однако, оставался на свободе и поддерживал связи с Албанией, так что его притязания, по сути, вовсе не походили на те, что были у Петра Югославского и Георга Греческого. Ситуацию в стране можно представить таким образом:

- 1) «Квислингские» правительства, вначале назначаемые Италией, а после сентября 1943 г. — Германией.
- 2) Зогистское движение (или движение «Законность»), возглавляемое неким Аббасом Купи.

¹ Лорд Харкорт [1908—1979 гг., 2-й виконт с 1922 г., банкир] оставил довольно подробное описание деятельности Союзной военной миссии в апреле 1943 — январе 1945 г. См. также роман Энтони Куэйла «В восьми часах от Англии» (о судьбе одного из британских офицеров связи) и книгу Джулиан Эмери «Сыны орла», в которой тщательно исследуется политика Северной Албании.

* [Ахмет Зогу, 1895—1961 гг., король Албании с 1928 г., в эмиграции с 1939 г.]

- 3) «Болл Комбетар» — фактически «правое крыло» довоенной оппозиции Зогу.
- 4) ФНО (Фронт национального освобождения), к которому относилась Народно-освободительная армия Албании (НОАА), являлся фактически «левым крылом» оппозиции Зогу, организованной и руководимой Коммунистической партией.

То, как это все развивалось до конца 1943 г., в точности и во всех аспектах не известно, но следует напомнить, что скрытым движителем являлись феодальные, клановые и религиозные разногласия, вмешательство великих держав — западных, стран Оси и Советского Союза с их заградительной пропагандой создавало впечатление простоты, бывшее весьма поверхностным.

Первой попытке УСО внедриться, предпринятой в апреле 1941 г. из Югославии, помогала весьма разномастная группа албанцев, настроенных враждебно к Зогу. Попытка не удалась, майор Оукли-Хилл, под руководством которого она осуществлялась, попал в плен, хотя многие из его албанских сторонников остались на свободе. Новых попыток УСО не предпринимало до апреля 1943 г., тем не менее в 1942 г. эндемичный для Албании разбой приобрел статус партизанского движения. В сентябре 1942 г. на конференции в Пезе была провозглашена программа Фронта национального освобождения, составленная точно по кальке программы, принятой несколько ранее в Югославии и Греции: несмотря на большие расстояния были установлены связи и с Тито, и с ЭАМ. Последующее развитие тоже шло по обычному шаблону: ФНО развивался на идее активного сопротивления и в то же время собственными действиями создал антикоммунистическое направление в движении Сопротивления — «Болл Комбетар», бывшее поначалу столь же враждебным странам Оси, или по крайней мере антиитальянским. Как и ЭАМ, ФНО привлек всех, кого смог, из старых лидеров, одним из первых военных командиров Фронта был Аббас Купи — зогист в политике.

Первая группа УСО под началом подполковника Н.Л.Д. Маклина* была заброшена в Северную Грецию (принимал группу ЭАМ) в апреле 1943 г., с помощью ЭАМ она перебралась в Албанию. Вскоре после этого Маклин оказался втянут в типичные для Балкан переговоры, а в июле присутствовал на совещании в Лабиноте, где рассматривались некоторые временные перспек-

* [1918—1986 гг., член парламента — консерватор — в 1954—1964 гг.; следует отличать от сэра Фицроя Маклина.]

тивы единства. (Следует помнить, что в то время сходная временная видимость единства образовалась в Греции, а отношения между британцами и Тито оставляли желать лучшего.) В июле — августе 1943 г. были внедрены еще четыре группы УСО, и Албания стала (по меркам УСО) относительно открытой территорией. В качестве основного объекта деятельности этим группам указали на албанский район нефтедобычи — едва ли не единственный стоящий экономический объект в этой стране. Был тщательно разработан план нападения силами БОС и партизан. Партизаны, однако, не желали двигаться без поддержки с воздуха (а ее не так-то легко было заполучить накануне Салерно), так что план пошел насмарку.

В сентябре величайшую тревогу вызвала капитуляция итальянцев. Немцы были настороже и уже начали выдвигать войска на стратегические позиции (до того времени Албания удерживалась почти исключительно итальянцами). Зато другая сторона — британские офицеры связи, итальянцы и партизаны — была застигнута врасплох. Один из БОС, майор Сеймур, пробрался в итальянский штаб в Тиране, но, пока он вел переговоры от имени движения Сопротивления в одном помещении, по соседству итальянцы вели переговоры об условиях капитуляции с немцами. Таким положение оказывалось повсюду. Возникли немногочисленные очаги сопротивления, несколько тысяч итальянцев подались в горы, зато остальные были без шума окружены и разоружены. К партизанам попала сравнительно небольшая часть их вооружения.

К тому времени политическая обстановка в Албании привлекла внимание высших сфер, и в сентябре 1943 г. было решено направить старшего офицера, задача которого — объединить всех благочестивых албанцев в борьбе против стран Оси. Выбор пал на бригадного генерала Э.Ф. Дейвиса, награжденного Военным крестом*. Перед отъездом он беседовал как с государственным министром м-ром Кэйси, так и с командующим генералом Уилсоном. В директиве ему (*inter alia*[□]) указывалось: «Политика правительства Его Величества... в Албании состоит в поддержке всех враждебных странам Оси элементов, где бы они ни находились... при том неперменном условии, что они продолжат сражаться с войсками стран Оси активно и чисто-

* [Носил кличку «Троцкий»; см. его книгу «Иллирийская затея с риском» (1952).]

□ Среди прочего (*лат.*).

сердечно»¹. Такая позиция являлась промежуточной между политикой в Югославии (где от Михайловича вскоре отделались) и политикой в Греции (где министерство иностранных дел прежде всего заботило то, как уменьшить власть ЭАМ). Но когда бригадный генерал Дейвис прибыл в Албанию, очень скоро выяснилось, что ему почти ничего не остается, как подвинуться ближе к ФНО. Немцы исключительно эффективно вели политическую войну, они играли на националистических настроениях албанцев, стремившихся расширить территорию страны за счет Югославии и Греции, в то время как союзники, вполне понятно, обходили эту тему молчанием. К тому же немцы открывали перед албанцами богатые возможности заполучить деньги и оружие на немецкой службе. Коммунисты с готовностью содействовали им, прежде всего нацеливая свои удары против тех албанских бойцов Сопrotивления, которые держались вне ФНО², и демонстрируя свои союзнические связи с движениями Сопrotивления в Югославии и Греции, давних недругов Албании. Отдельные вспышки гражданской войны происходили в ноябре — декабре 1943 г., и они с неизбежностью подталкивали «Болл Комбетар» в объятия немцев. В то же время немцы очень активно осуществляли наступательные прорывы через горы, сдержать которые у ФНО не было сил даже при британской помощи (ограниченной), так что зима выдалась очень тяжелой как для ФНО, так и для британцев. С середины декабря бригадный генерал Дейвис находился «в бегах» и вне досягаемости радиосвязи, потом он был ранен в горах и 8 января 1944 г. попал в плен. Его заместитель полковник Артур Никольс сумел уйти, однако так сильно обморозился, что вскоре умер³.

«Болл Комбетар» оказался опозорен сотрудничеством с немцами, и все же была предпринята еще одна, последняя, попытка отыскать центр Сопrotивления, независимый от ФНО. Полковник Н.Д.Л. Маклин вновь появился после того, как был заменен бригадным генералом Дейвисом⁴. Как явствовало из донесений «с поля», Аббас Купи провозгласил создание нового, враждеб-

¹ «Журнал войны» лондонского Центра УСО, раздел «Ближний Восток и Балканы», с. 1095.

² Очень содержательная директива Коммунистической партии от 3 ноября 1943 г.; в Приложении «А» к «Албанской истории».

³ Посмертно он был награжден Георгиевским крестом. [В Албанию он отправился с должности при дворе в Сент-Джеймсе.]

⁴ См. его отчет, датированный 14 декабря 1943 г., в «Журнале войны» Центра УСО, раздел «Ближний Восток и Балканы», с. 1291.

ного державам Оси движения, признававшего руководство Зога. Было предложено вернуть полковника Маклина в Албанию, чтобы он на месте решил, можно ли это как-то использовать. Разгорелся долгий спор, в который втянулись министр иностранных дел и начальники штабов. В конце концов полковник Маклин отправился на задание, получив указание действовать с максимальным тщанием и уклончивостью, избегая любых опасных обязательств. Он полностью убедился, что Купи настолько сблизился с ФНО, что был недалеко от сотрудничества с ним, а следовательно, никакой ценности не представлял¹.

В 1944 г., действия против немцев можно было осуществлять только через ФНО, который быстро оправился и наращивал силы после зимних невзгод. Фронт получал существенную поддержку. Грузы регулярно поступали по воздуху и по морю². Сухопутные войска на Адриатике проводили активные операции силами спецназа на побережье, а балканские подразделения ВВС смогли оказать им некоторую непосредственную поддержку. Вдобавок около сорока военнослужащих из Пустынной группы дальнего действия были сброшены в район Пезы в сентябре 1944 г. и оказали бесценную помощь на последних этапах военных действий. Судя по свидетельствам, албанцы доблестно сражались при окончательном отходе немецких войск, который был завершен к ноябрю 1944 г. Их атаки оказывались очень успешными, особенно при поддержке с воздуха, было убито около шести-семи тысяч немецких солдат и пятьсот взято в плен, захвачено большое количество военного имущества. 21-й горный корпус был сильно потрепан в боях в Албании, прежде чем его прогнали сквозь жесткий строй партизаны в Югославии.

Эти завершающие операции дружно обсуждались на встречах подполковника лорда Харкорта с представителями ФНО в Бари в конце июля 1944 г.³, не было серьезных трений и «в

¹ М-р Джулиан Эмери сопровождал полковника Дейвиса и рассказал всю историю Аббаса Купи в своей книге «Сыны орла».

² Полностью данные приводятся в Приложении «Р» к «Албанской истории». Среди них значатся 7000 ружей, 2000 винтовок «МГ», 5000 автоматов «стен». Общая сумма переданных денег достигает 75 000 соверенов, 6000 наполеондоров золотыми монетами и 36 000 наполеондоров ассигнациями. ФНО получил около 33 000 золотых соверенов, остальные албанцы — только около 7000. («Албанская история», с. 162)

³ Протоколы, датированные 23 августа, включены в Приложение «К» к «Албанской истории».

поле». Британцы всерьез не вмешивались в политические планы ФНО, а Фронт не стеснялся принимать военные советы и указания, когда они отвечали его интересам. БОС и их американские коллеги деятельно участвовали в сражениях и провели несколько небольших, но удачных собственных операций, зачастую почти без поддержки. В феврале 1944 г. командир взвода Хэндс с двумя сержантами-британцами провел результативную диверсию на хромовом руднике в Кане, а в июне майор Смайли с небольшим отрядом партизан Аббаса Купи заложил взрывчатку на мосту у Гьолоса (в это время по мосту шла немецкая транспортная колонна) и тем самым на значительное время вывел из строя магистраль Дуррес — Тирана — Скутари. Это всего два значительных эпизода из многих. Необычной акцией стала эвакуация посреди зимы 1943 г. пятнадцати американских медсестер, их самолет потерпел крушение в центре Албании*.

Тут налицо случай, когда невеликие, но ценные военные дивиденды были получены с ограниченных инвестиций в партизанское движение. Политические же последствия, хотя и неприятные, не имели большого значения на международном уровне.

ГЛАВА XX

ЮГО-ВОСТОЧНЫЕ САТЕЛЛИТЫ

Общее

Несмотря на несходства местного характера, Болгария, Румыния и Венгрия для целей УСО представляли собой группу, столь же четко очерченную, как Югославия, Греция и Албания. Все три страны, народы которых, возможно, исподволь относились враждебно к Германии, вступили в войну на ее стороне, надеясь удовлетворить национальные амбиции. До той поры пока такая надежда жила, в стане держав Оси сохранялось определенное национальное единство. Однако когда грозный вал сменил направление, основная национальная задача обрела

* [См. книгу Фуа и Лэнгли «М19», с. 187—189.]

иное направление: какой бы отыскать способ переметнуться на другую сторону, не потеряв при этом ничего, а главное — того, что удалось заполучить от Германии.

В каждой из трех стран системы вооруженных сил и полиции хорошо взаимодействовали, обладали большим опытом умиротворения внутренних смутьянов, к тому же территории их были почти непригодны для ведения партизанской войны. Доступ в эти страны по морю был невозможен, по воздуху — весьма затруднен, даже после вторжения в Италию. Так что работа УСО там сопровождалась с трудностями технического характера, вдобавок эти страны стратегически имели большее значение для русского фронта, чем для наступательных операций союзников на Средиземноморье. Значимость их, следовательно, была относительно низкой, а низкая значимость определяет и подход к решению технических задач, так что отношения УСО с этими странами можно представить как ряд эпизодов, отмеченных личным мужеством и разочарованием.

1. Болгария¹

В некоторых отношениях Болгария была самой перспективной из трех стран. УСО мало удалось сделать там до краха 1941 г., однако Управление установило полезные связи с основными оппозиционными партиями: с Крестьянской партией и Георге Димитровым, к которому перешло наследство великого крестьянского вождя Стамболова², убитого в 1923 г., с «Военной лигой», лидером которой был Дамян Велчев, создавший недолговечное «прогрессивное» правительство Кимона Георгиева в 1934 г., с македонцами-протогверофистами, возможно, более достойной частью Македонской революционной организации. Более того, славянские симпатии были настолько сильны в Болгарии, что не позволяли объявить войну Советскому Союзу, и советский посланник находился в Софии всю войну.

УСО в своей деятельности естественным образом руководствовалось двумя подходами. Первый: развитие связей с оппозиционными партиями и использование Иерусалимской

¹ В «Истории УСО» есть краткие записи м-ра Нормана Дейвиса и майора Иэна Макферсона.

² В оригинале У. Маккензи называет известного болгарского политического деятеля С. Стамболова Stamboliski, что явно ошибочно.

радиостанции для «черной» пропаганды от их имени. Основная опора здесь — содействие Георге Димитрова, который вернулся из Югославии после неудачной попытки пробраться оттуда в Болгарию в апреле 1941 г. Предпринимались непрерывные усилия, чтобы восстановить линию связи с его товарищами, и временами удавалось обмениваться посланиями по медлительным и сложным каналам. Но в Болгарии не было ни одной радиопередающей станции, туда не направлялись оружие и снаряжение, так что бесполезно подробно описывать мелкие эпизоды. За оппозицией в Болгарии внимательно следили, возможно, власти даже видели некоторые преимущества в ее существовании, несмотря на определенный риск.

Временами куда более перспективным казался другой подход. В августе 1942 г. русская «черная» радиостанция, вещавшая на Болгарию, начала кампанию от имени Отечественного фронта (ОФ), который объявили коалицией всех демократических партий, выступающей против фашизма. Эти же мотивы эхом прозвучали с Иерусалимской станции УСО. В ход пошла часть общего плана «политической войны» русских на Балканах, слегка адаптированная к особым условиям Болгарии, и нигде больше так безоговорочно не принималось руководство русских, как в Болгарии. Вдобавок появились некоторые независимые свидетельства о присоединении некоммунистической оппозиции к Фронту и даже о партизанской войне, правда, в небольшом масштабе.

Первым деятельным шагом УСО стало поручение Бэйли в декабре 1942 г. обратиться с просьбой к Михайловичу установить связь с ОФ. Но, по очевидным причинам, Михайлович и его политические советники предприняли все возможное, чтобы воспрепятствовать такому ходу событий. Это было тем более огорчительно, что территория Михайловича в данном случае играла ключевую роль. Болгарские границы продвинулись на запад, вобрав в себя большую часть Македонии и даже часть Сербии; граница тут пролегла по труднопроходимой местности, где проживало смешанное население, и пробраться через нее было вполне возможно. Поскольку Михайлович чинил препятствия, единственное, что оставалось, — привлечь партизан Тито, имевших свой интерес к установлению такой связи. В сентябре 1943 г. майор Мостин-Дейвис и его небольшая группа были сброшены с парашютами в Албанию и — в сопровождении партизан — проделали труднейший марш через всю страну в Восточную Сер-

бию. Там намеревались создать базовый район, куда будут сбрасываться грузы, если окажется, что болгарские партизаны в самом деле существуют и действуют и что им стоит оказать поддержку. В декабре Мостин-Дейвису удалось встретиться с болгарским деятелем «Иваном». Условия в тех краях сложились исключительно трудные (стоит напомнить: то было время окончательного разрыва британцев с Михайловичем), и все же было решено, что важное значение Болгарии оправдывает попытку хоть что-то выстроить на такой основе. Некоторое количество грузов было успешно сброшено, а в январе 1944 г. к Мостин-Дейвису присоединились майор Фрэнк Томпсон¹ с небольшой британской группой. План был таков: майор Томпсон займется оборудованием базового района, а Мостин-Дейвис любым способом попытается прорваться в Болгарию.

Майор Томпсон сделался до некоторой степени фигурой примечательной в болгарской истории. Сын Эдварда Томпсона, видного литератора, он был талантливым поэтом и убежденным коммунистом, как и многие из его современников, возмужавших в период гражданской войны в Испании. Его первая работа в УСО — БОС в Греции, но он так и не смог следовать британской политике в отношении ЭАМ и попросил направить его в какое-нибудь другое место. Его болгарский поход был, к несчастью, обречен едва ли не с самого начала — из-за сложившейся тогда в Сербии обстановки, не было у него и прочной базы, если не считать поддержки партизан, и как раз в то время многие силы — немцы, болгары и четники — истово пытались сокрушить партизанское движение в Сербии, прежде чем оно вывернется из-под контроля².

Только в конце весны 1944 г. Отряд 133 в союзе с Тито сумел взять верх, а до этого небольшая группа британцев подвергалась разного рода преследованиям. А 22 марта Мостин-Дейвис и еще несколько членов группы были схвачены и расстреляны болгарской полицией. Томпсону с трудом удалось спастись.

Невзирая на все эти трудности, он оставался на связи с базой и сумел экипировать около 500 болгарских партизан. В мае

¹ См. книгу «Жив дух еще в Европе» с примечаниями отца Томпсона, покойного Эдварда Томпсона. [Э.Дж. Томпсон, 1886—1946 гг., миссионер и поэт; в НБС — с упоминанием о старшем сыне, У.Ф. (1920—1944); его младшим сыном был Э.П. Томпсон (1924—1993), историк радикального толка.]

² См. ранее первый раздел главы XVII.

1944 г. этот отряд безрассудно начал поход в Болгарию, и Томпсон считал своим долгом отправиться вместе с ним, хотя было ясно, что это опасное и почти безнадежное предприятие. Отряд попал в засаду, многих захватили в плен. Томпсон был расстрелян в Софии после издевательского суда, на котором он произвел на всех громадное впечатление благородством и мужеством. Его, единственного из всех погибших в Восточной Европе офицеров УСО, добром поминают в стране, где он погиб, память его чтят там до сих пор, его именем названа деревня.

На том этапе УСО было не очень-то легко управляться с болгарскими делами, поскольку Болгарский отдел Отряда 133 оставался в Каире под началом командующего на Ближнем Востоке, в то время как отделы, отвечавшие за Югославию и Грецию, откуда только и имелся доступ в Болгарию, перебравшись в Италию и попали в прямое подчинение Штаба союзных сил, а позже — Балканских ВВС. Расходы на Отечественный фронт в сумме 50 000 ф. ст. были утверждены казначейством (министерством финансов) в феврале 1944 г., и всеми было признано, насколько исключительно важно заставить Болгарию выйти из войны.

Если сербская граница оказывалась непреодолимой, проникнуть в Болгарию можно было через полосу греческой территории на фракийском побережье, присоединенной к Болгарии. Здесь действовали группы греческого Сопротивления под началом самостийной конфедерации полубандитов, известных как «капитаньос», которые еле влачили существование, преследуемые и болгарскими, и ЭАМ. В апреле 1944 г. в тех местах обосновался майор Харрингтон, он испытывал почти те же невзгоды, что и Мостин-Дейвис в Сербии, однако в июле у него установились кое-какие полезные связи с партизанами ОФ. Тогда же к нему присоединился майор Иэн Макферсон, а в августе — капитан Риддл. В начале августа Харрингтон с Макферсоном прибыли в Болгарию, намереваясь отправиться в районы Пловдива и Софии и там получить грузы. Партизаны ОФ, как оказалось, вооружены были плохо, зато настроены куда более решительно, чем ожидалось. Оба британских офицера были уверены, что, получив хоть немного оружия, партизаны смогли бы нанести удар по отдельным подразделениям болгарской армии. Да и в Югославии дела пошли лучше: после продолжительных проволочек майор Страчи 21 августа оказался в Македонии и сразу же установил контакт с представителем ОФ из Софии.

Но все это произошло слишком поздно. 20 августа русские повели наступление на Румынию, и 24-го было объявлено, что Мушанов, довольно сомнительный представитель сомнительного болгарского правительства Муравьева, прибыл в Каир просить мира. Пока шли эти переговоры с «законным» правительством, поставки группам УСО и ОФ были прекращены, зато русские подобной шепетильностью не отличались. 5 сентября они объявили Болгарии войну, в течение сорока восьми часов ОФ и «Военная лига» осуществили государственный переворот, и 8 сентября болгары уже вступили в войну с Германией. Харрингтон с Макферсоном тихо отправились в Софию и явились к русским, которые (довольно вежливо) выставили их из страны 24 сентября.

Такой исход мало вдохновлял УСО, если не считать, что Георге Димитрова встретили в Софии восторженно, четыре его единомышленника из Крестьянской партии вошли в новое правительство, а полковник Велчев стал военным министром. Тем не менее (как выяснилось) даже слабых связей с Западом оказалось достаточно, чтобы оттеснить их от реальной власти, их организации были клеймены как предательские и распущены летом 1947 г., а некоторых руководителей коммунисты схватили и казнили.

2. Румыния¹

С августа 1941 г., когда была захвачена радиостанция УСО, до сентября 1943 г. радиосвязи с Румынией не было, и главная задача состояла в ее восстановлении. Румынскому отделу УСО в Стамбуле удавалось через широкую сеть агентов поддерживать непрямую связь с группами Маниу и Брэтиану, а прирожденный талант румын к интригам проявлял себя в создании таких же связей в нейтральных столицах — Лиссабоне², Берне и Стокгольме. Каналы эти, однако, были не очень надежны и медлительны: в какой-то мере пригодны для разведки, зато практически бесполезны для поддержки движения Сопротивления или ведения переговоров. В декабре 1941 г. вполне определенное предло-

¹ Среди «Историй УСО» есть описание подполковника де Шасталена с добавлениями подполковника Боксшэлла. [Э.Дж. Боксшэлл, 1899—1984 гг., род. в Бухаресте, работал в Румынском отделе УСО, советник УСО в министерстве иностранных дел в 1959—1982 гг.]

² Стоит обратить внимание на запись Чиано об утечке этих сведений в его дневнике 29 января 1943 г.

жение о сотрудничестве поступило от Маниу, и в марте 1942 г. какой-то подозрительный турок, имевший дипломатическое прикрытие как почетный консул Финляндии, в конце концов доставил в Румынию два радиопередатчика. Один из них достался Маниу, но по причинам неизвестным так никогда и не заработал: возможно, Маниу встревожило то, что турка этого позже — по иным причинам — арестовали в Будапеште. Было ясно, что деятели довоенной политической оппозиции договариваются о совместных действиях и ждут своего часа, что режим Антонеску не готов принять против них решительные меры, однако на том этапе войны перспективы организованной политической деятельности против стран Оси виделись чрезвычайно далекими, а возможности спорадического сопротивления и партизанской войны выглядели иллюзорными. Первую попытку предприняли в июне 1942 г., обратившись с призывом по «черной» румынской станции УСО в Иерусалиме поспособствовать активному движению, возглавляемому легендарным «Влайку». Были внедрены два агента для распространения пропагандистских материалов «Влайку», однако такая деятельность, если и имела какой-либо результат, то из разряда «мелких неудобств».

Такая обстановка разочаровывала. И все же Румыния была важна, к тому же к весне 1943 г. британские представительства вели довольно успешную работу в Югославии, Греции и Албании. Тем естественнее выглядела попытка преодолеть «затор», направив группу с заданием установить нормальные связи, продолжалось давление и на румынских политиков. Несколько смешанных британо-румынских групп приступили к подготовке, пытались завербовать больше румынских добровольцев в Канаде. Обратились к Маниу с предложением принять британского офицера связи, но ответа от него долго не поступало, а когда он пришел, то был уклончив. Решили действовать без его согласия. Капитан Дэвид Рассел, награжденный Военным крестом, и румын-радиотехник по имени Туркану в июне 1943 г. были сброшены с парашютами на территорию Михайловича — с заданием пробраться в Румынию через Дунай.

Михайлович оказал содействие: румынский тип оппозиционных политиков был ему более симпатичен, чем болгарский Отечественный фронт. И 22 августа оба посланца, сопровождаемые сербом-проводником, перебрались через Дунай. Они установили связь с местными представителями Национальной крестьянской партии, обеспечили себе хорошее убежище и на-

ладили радиосвязь. Но за хорошим началом последовала трагедия, причины которой так до конца и не выяснены. Однажды в начале сентября Туркану, вернувшись к убежищу в лесу, обнаружил, что капитан Рассел мертв, их избушка разграблена дочиستا, а серб-проводник исчез. Возможно, произошло обычное убийство и ограбление, по крайней мере никаких действий со стороны противника не последовало, так что передатчик Туркану продолжал работать.

В тот период был установлен односторонний канал связи с Маниу с помощью кодированных сообщений в передачах Би-би-си на немецком языке. Коды передали Маниу прямо в руки, в Би-би-си их использовала немецкая служба — потому что ее передачи принимались лучше, чем румынской службы, передачи которой сильно глушились.

Пользуясь этими каналами, договорились о приеме еще одной группы, состоявшей из полковника де Шасталена, майора Портера и румынского офицера, и после ряда неудач 22 декабря 1943 г. они наконец были сброшены с парашютами в Румынию. Однако приземлилась группа в 14 км от намеченного места и на следующий день была схвачена полицией Антонеску. Последующие события стали в значительной мере результатом работы УСО в Румынии, и сожаления достойно, что вести ее было невозможно без тщательного изучения тайных пружин румынской политики и ее деятелей, а также без согласований между и внутри внешнеполитических ведомств союзников. Дальнейшее представляет собой лишь приблизительный и краткий очерк¹ деятельности УСО в Румынии.

Уже в мае 1943 г. Маниу выдвинул план государственного переворота против Антонеску (тогда он был известен как «план полковника Блэка»), осуществление которого зависело от сотрудничества с некими друзьями, занимавшими высокие официальные посты. Позже, в 1943 г., когда шла подготовка группы де Шасталена, Маниу по радио дал понять, что теперь Антонеску готов «отступить» в пользу заговорщиков, — получалось, что сам Антонеску в некотором смысле становился участником заговора. Зная это и видя, как вежливо с ними обращаются, британские пленники обратились к Антонеску письменно, убеждая направить официальных представителей для заключения

¹ Подробная хронология событий с 1 марта по 30 апреля 1944 г. приложена к «Румынской истории УСО» (описание полковника де Шасталена).

мира. Как представляется, обращения нашли благожелательный отклик, с пленниками обращались хорошо, предоставили им возможность передать зашифрованное сообщение, объяснявшее положение, в какое они попали. Зимнее наступление русских 1943/44 г. было в полном разгаре, и стало очевидным то, что и без того вполне осознавалось: захват румынами Юга России не имеет никакого значения. О спорных территориях Бессарабии и Буковины, присоединенных русскими в 1940 г., тоже можно забыть, зато все еще оставался шанс, участвуя в войне на стороне союзников, вернуть часть Трансильвании, переданную Венгрии по Венскому арбитражу 1940 г. Антонеску все же направил посланника, принца Стирбея¹, который прибыл в Каир 15 марта. Несколько неосмотрительно британцы сообщили прессе о прибытии Стирбея, и (то ли по этой причине, то ли нет) Антонеску пришлось оправдываться перед фюрером, который выругал его и «взял в ежовые рукавицы»². Послание командующего на Ближнем Востоке, убеждавшее Антонеску отступить от политики стран Оси и оказать сопротивление, было доставлено ему лишь 25 марта, уже после того как тот вернулся из ставки Гитлера.

В начале марта 1944 г. началась завершающая стадия зимнего наступления русских, и в конце месяца советские войска прошли Бессарабию и вошли в Молдавию, где только потребность в передышке удержала их от марша напрямик на Плоешти.

Обстановка, таким образом, сложилась подходящая для румынского переворота и заявления об участии в войне на стороне союзников: у румын было что предложить союзникам, а у немцев уже не имелось сил нанести ответный удар. Наверное, сожаления достойно то, что имелось два *focci*³ переговоров. В Каире Стирбей вел переговоры с послами трех держав, и три державы согласились заключить мир на условиях, о которых сообщили Стирбею только 13 апреля. В Бухаресте де Шастален, хотя и был формально пленником, фактически стал посланником союзников, ведя переговоры с Антонеску и его то ли союзником, то ли соперником Маниу. Антонеску попросил де Шасталена воспользоваться своим передатчиком для отправки его ответа на послание генерала Мэйтланда Уилсона. Де Шастален отверг первый

¹ Он был женат на сестре подполковника Бокшэлла, возглавлявшего Румынский отдел УСО в Лондоне.

² Пытаясь выправить критическое положение на юго-западе, немцы оккупировали Венгрию (см. об этом в следующем разделе этой главы).

³ Фокуса, центра (*лат.*).

вариант, содержащий бесполезные рассуждения о необходимости гарантий против действий Советского Союза, и получил новый вариант 29 марта. Тогда-то обнаружилось, что из передатчика украдены необходимые детекторные кристаллы, и де Шасталену ничего не оставалось, как открыть, что у Маниу имеется радиопередатчик УСО, доставленный неизвестным турком в 1942 г., но никогда не бывший в работе. Ему позволили встретиться с Маниу, и 2 апреля, беседуя с глазу на глаз, де Шастален принялся убеждать его использовать такой уникальный момент для переворота. Маниу согласился и пообещал «восстать на следующей неделе». Вновь последовала техническая задержка, и послание Антонеску было передано только 13 апреля, в тот же день УСО направило условия заключения мира де Шасталену — для вручения Антонеску и Маниу. По тем же каналам довели обещание союзников помочь румынам, если они перейдут на их сторону.

С этого момента, который должен был бы стать решающим, договоренности стали превращаться в бесполезный торг. Русские остановились. Немцы немного продвинулись в контрнаступлении в Восточной Галиции и, несомненно, использовали все рычаги воздействия на румынскую политику. Союзники 4 апреля бомбили Бухарест, что вызвало тяжелые потери среди гражданского населения: способ подтолкнуть румын к решению, который, по убеждению УСО, был самоубийственным. В окружении Антонеску вновь возобладал страх перед русской оккупацией и мстью, Маниу не предпринял никаких открытых действий. В начале мая де Шасталену не позволили передать очередные радиосообщения, а 23 мая пленников посадили под строгий арест. В то же время русские стали возмущаться по поводу вероломства британцев, тайно направивших представителя в Румынию для переговоров с Антонеску без предварительных консультаций с союзниками. Маниу все еще находился на связи по радио, однако этот протест русских сорвал планы отправки очередных групп УСО/УСС. У русских, следует признать, имелись вполне серьезные основания подозревать Антонеску и британцев — даже имея в виду сделку с ним де Шасталена, — в недобросовестном отношении.

Так была упущена важная возможность, и, разумеется, неудача ослабила позиции УСО внутри Румынии. Румыны ни на что иное не способны, как на хитрости да уловки, однако крепкая британская группа (или группы), работая на свободе и в

тесном контакте с Маниу, вполне могла бы заставить их действовать с помощью угроз, посулов и обещаний помощи союзников.

Окончательный ход делался без такого тесного сотрудничества. 5 августа Антонеску, все еще колеблющийся, нанес свой последний визит Гитлеру и не сумел четко реализовать свое намерение выйти из состава стран Оси. В то же время вновь зашла речь о перевороте Маниу, и, по-видимому, наконец-то твердо была определена дата — 26 августа. Однако все карты смешало русское наступление в Молдавии, начавшееся 20 августа: в первые же два дня русские осуществили мощный прорыв, и румынский фронт перестал существовать. В ночь на 22 августа Михай Антонеску обратился к де Шасталену с предложением поднять «самостоятельное» восстание против своего брата, маршала Антонеску. 23-го король Михай* арестовал маршала и запустил в действие весь механизм заговора Маниу, на который его вдохновитель все не решался. Переворот прошел идеально: правительство было взято без малейших помех, а де Шастален фактически вновь стал посланником правительства Его Величества. Радиопередатчик УСО, находившийся у Маниу, опять сломался, а потому 24 августа де Шастален на румынском самолете вылетел в штаб генерала Уилсона, оставив для связи в Бухаресте майора Портера. Был введен в действие простой план обмена радиосообщениями с использованием румынских передатчиков, и на следующий день Туркану, первый радист группы капитана Рассела, был выпущен из тюрьмы и восстановил один из передатчиков УСО. Эти каналы связи дали возможность наладить своевременную воздушную поддержку союзников, которая помогла новому правительству отстоять Бухарест при очередном немецком контрнаступлении.

С этого времени начинаются военная деятельность и дипломатические переговоры по обычным каналам. Для УСО то была огорчительная история. В конечном счете «план полковника Блэка» сработал идеально, однако произошло это слишком поздно, а потому стало всего-навсего *fait accompli* — свершившимся фактом, пользы от которого было мало и союзникам, и Румынии. Все могло бы случиться иначе, если бы фортуна благоволила УСО. Смерть капитана Рассела и пленение де Шасталена предусмотреть и предотвратить было невозможно. Эти события

* [Род. в 1921 г., король Румынии в 1927—1930 гг. и с 1940 г., под нажимом коммунистов отрекся от престола в 1947 г.]

только подтвердили, сколь высока вероятность неудачи. УСО, может, и перестраховалось бы, увеличивая количество попыток, но есть предел числу «безнадежных предприятий».

3. Венгрия¹

В Венгрии политическая обстановка сложилась наименее благоприятная, чем в любой другой стране Восточной Европы. Режим Хорти* являлся прочным стержнем мадьярского национального самосознания еще со времен падения коммунистического режима Белы Куна** в 1919 г. левоцентристским партиям, как Социалистической, так и Крестьянской, позволялось существовать и даже вести безобидную пропаганду, но они находились под таким тщательным контролем, что не могли создать опасную для власти оппозицию. Коммунистов держали в узких рамках, и опасность режиму значительно больше грозила справа, где находились несколько демагогических группировок, финансируемых по большей части Германией и проповедовавших те или иные местные разновидности нацизма, антисемитизм и истовый национализм. В 1939 г. Германия позволила мадьярам нажиться за счет Чехословакии, а в 1941 г. — за счет Румынии и Югославии. Это далеко не удовлетворило стремление мадьяр восстановить исторические границы королевства Св. Стефана, однако разумные венгры понимали, что немцы всего лишь играют с ними, а потому ненавидели их. И все же от союзников они не ждали ничего хорошего: понятно, что победа союзников означала для Венгрии утрату всего, что досталось ей от Чехословакии и Югославии, а возможно, и полное восстановление Румынии — только в этом пункте имелись возможности для дипломатических маневров.

УСО, таким образом, никогда не располагало возможностью организовать оппозицию в Венгрии, в политическом плане работать можно было только с отдельными личностями, поддерживавшими дело союзников, и надеяться на контакты внутри

¹ «Венгерская история УСО» майора Дж. И. Клобера.

* [Хорти Миклош, 1868—1957 гг., адмирал Австро-Венгрии, регент Венгрии в 1922—1940 гг.]

** [Род. в 1886 г., основал Венгерскую коммунистическую партию в 1918 г., захватил власть в марте, бежал в августе 1919 г., пал жертвой советских «чисток» предположительно в 1939 г.]

режима Хорти. [ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.] Действия отдела D (против которых настоятельно возражал посланник Его Величества в Будапеште*) носили весьма разносторонний характер, но оказались безрезультатными. Было подготовлено и распространено довольно много материалов нелегальной пропаганды, использовались эмоциональные узы между Венгрией и Польшей — для активизации работы в Польше¹ была создана небольшая группа, согласившаяся принять взрывчатку и составить план акций. Группа эта продолжала существовать и после разрыва с Венгрией, но в конце концов была ликвидирована в апреле 1942 г., когда одного из ее участников казнили, а других бросили за решетку за разработку плана нападения на оружейную фабрику в Дьере.

М-ра Давидсона отозвали перед самым немецким вторжением в Югославию, он попал в плен вместе с группой сэра Рональда Кэмпбелла из белградской миссии, но освобожден благодаря своему дипломатическому прикрытию. Ему удалось эвакуировать небольшую группу венгров, принявших участие в осуществлении общего плана Бэйли — ведении нелегальных радиопередач на Балканы. Венгерские передачи начинали вести с Иерусалимской радиостанции УСО, никакой иной действенной связи с Венгрией не было, и работу пришлось начинать сызнова.

В дальнейшем слабость позиций УСО состояла в том, что на каждом этапе инициатива принадлежала венгерскому правительству или какой-то части его, а у УСО никогда не имелось самостоятельного рычага, чтобы силой навязать этому правительству ту или иную акцию. Прежний премьер-министр Телеки** покончил жизнь самоубийством в апреле 1943 г., придя в отчаяние от военных успехов Германии. Его преемник Каллаи был более терпим к немцам, но и он стремился подстраховаться, держа открытой связь с западными союзниками. Поначалу Венгерский отдел УСО находился в Стамбуле и довольно скоро стал полу-

* [Сэр О. Сент-К. О'Молли, 1887—1974 гг., посланник в Будапеште в 1939—1941 гг., посол в Польше в 1942—1945 гг., в Португалии в 1945—1947 гг., введен в рыцарское достоинство в 1947 г.]

¹ В нее наряду с отделом D была вовлечена и MI(R).

** [Граф Пал Телеки, 1879—1941 гг., премьер-министр Венгрии в 1920—1921, 1939—1941 гг., покончил жизнь самоубийством, когда немецкие войска прошли Венгрию, чтобы напасть на Югославию. Маккензи указывает неверную дату его смерти.]

чать полезные экономические разведанные из венгерской миссии в Анкаре и консульства в Стамбуле. К июню 1942 г.¹ появились первые сигналы от официальных кругов, усилившиеся зимой того же года. Выдающийся ученый профессор Сент-Дьёрди² появился в Стамбуле с планом правительства антигерманской коалиции, в котором отводил себе пост премьер-министра. Были у УСО и другие контакты — в Мадриде. Один из них позволил даже внедрить агента: в марте 1943 г. венгерский лейтенант Клемент был сброшен с парашютом на территорию Польши, а радиопередатчик для него доставил в Будапешт один хорватский дипломат. Клемент благополучно добрался до Будапешта, однако сильно опоздал к обусловленному сроку, и хорват уничтожил передатчик. Клемент оставался на свободе, время от времени от него поступали донесения через Польшу, но в практическом смысле ценности как контакт он не представлял.

Все эти осторожные подходы были сведены в единый канал в августе 1943 г., время перелома в ходе войны. Мелкий венгерский чиновник Вересс Ласло* появился тогда в Стамбуле и предложил безоговорочную капитуляцию от имени мощной группы внутри правительства, состоявшей из премьер-министра (Каллаи), министра внутренних дел и начальника генерального штаба. Как только полномочия этого человека были установлены, дальнейшие переговоры повели дипломаты. Несмотря на явную смелость венгерской инициативы, она не имела последствий, то есть не предполагали никаких действий до тех пор, пока не поступили какие-либо гарантии, а именно: находящиеся в Италии англо-американские войска достигнут Венгрии раньше русских (тогда это казалось возможным) и защитят существующий режим от «коммунизма». Британцы, однако, не собирались давать никаких гарантий и требовали действий против немцев в качестве доказательства искренности венгерских намерений. Тут, воз-

¹ «Журнал войны» Центра УСО, раздел «Ближний Восток и Балканы», том I, с. 105. Еще большую путаницу вносили действия великого герцога Отто, Тибора Экхардта и «свободных венгров» в США. (Итальянцы по крайней мере догадывались о том, что происходит. — Дневник Чiano, 29 января 1943 г.)

² Лауреат Нобелевской премии по биохимии, открыл витамин С, почетный доктор Оксфорда в 1947 г. [1893—1986 гг., эмигрировал в США в 1947 г.]

* [О Ласло Верессе, 1908—1980 гг., см. книгу его вдовы Л.-Л. Вересс «Освободить линию» (Chapel Hill, Сев. Каролина, 1995) под ред. его дочери Далмы Такач.]

можно, суть запутанной истории: переговоры тянулись долго, и УСО предприняло попытку извлечь из них выгоду, устроив «испытание» для венгров. Первым опытом стала установка радиопередатчика в венгерском министерстве иностранных дел, для поддержания связи. Вторым — заставить венгров принять миссию УСО (миссию военную, а не политическую), которая консультировала бы их и побуждала к активному сопротивлению немцам. Венгры после некоторых колебаний пошли на это и поздней осенью 1943 г. миссию создали. Однако министерство иностранных дел оправданно забеспокоилось по поводу того, как отнесутся русские к направлению британской миссии (пусть даже и неполитической) к правительству одной из стран Оси неистово антирусской окраски, и Форин-офис всю зиму не давал на это согласия. Согласилось министерство только в середине марта 1944 г., почти в то самое время, когда советские войска прорвали немецкий фронт на юге и вышли к Карпатам и Пруту. Немцы ответили тем, что тут же отодвинули в сторону лавирующее правительство Венгрии, о колебаниях которого они знали достаточно хорошо, и сами стали управлять страной. Лондонское УСО уведомило Каир по телеграфу, что нашей политике по-прежнему соответствует внедрение агентов в окружение Каллаи и в его группировку, однако УСО вновь отступило, заняв, как записано в одном из документов, «традиционные наспех созданные позиции».

Уцелела единственная связь — та, что была предоставлена группой, возглавляемой м-ром (теперь майором) Давидсоном; она находилась с партизанами Тито в Словении, возле новой границы Венгрии с Югославией. Группу забросили в августе 1943 г. в Центральную Боснию, и она пробралась на север с заданием поощрять диверсионную деятельность в Венгрии и на оккупированной венграми территории, а также делать все возможное для создания движения Сопротивления из венгерских левых. Партизаны помогали этому изо всех сил, однако физические трудности были чрезвычайными, к тому же сомнения вызывал самый факт существования деятельного левого движения у венгров. Майор Давидсон действительно провел какое-то время на оккупированной венграми территории, а его радист венгр Маркос пробрался-таки в Венгрию к концу 1944 г., но там уже были русские. Однако группа так ничего и не смогла сделать и не выполнила главную задачу¹.

¹ Бэзил Давидсон опубликовал книгу о своей работе у партизан — «Партизанская картина», Bedford Books, 1947 г.

Далее следует рассказать об отчаянных попытках отыскать и поддержать борцов Сопротивления, которое теоретически должно было бы образоваться в результате немецкого государственного переворота: внутри Венгрии имелось множество поименованных контактов, предоставленных Верессом Ласло, но никакой радиосвязи, позволившей бы что-то создать. Так что все эти операции вылились в серию разного рода акций, в которых участвовали несколько храбрых британских офицеров, равно как и невеликие силы обученных венгров, имевшихся в распоряжении УСО. Следует все же дать краткий отчет об этих действиях, хотя особого следа в истории они не оставили.

1. В апреле 1944 г. венгр лейтенант Агостон был заброшен с радиопередатчиком в район Сегеда. В эфир он так и не вышел и, как позже выяснилось, почти сразу же был схвачен.
2. В мае часть группы, предназначенной для работы с правительством Каллаи, была заброшена в Северную Югославию (западнее группы майора Давидсона). Им удалось в июне переправить канадца венгерского происхождения лейтенанта Бодо через границу, но его почти сразу же схватили. Была предпринята попытка поддерживать от его имени связь, и поначалу врагам это удалось.
3. В июне возле Вараждина, где сходятся границы Венгрии, Австрии и Югославии, тоже была заброшена группа, но она бездействовала, и в конце концов ее вывезли.
4. В начале июля группа под командой подполковника Буги была заброшена вслепую в район озера Балатон, где, как полагали, имеется очаг сопротивления. Группа приземлилась далеко от намеченной точки и на следующий день была схвачена. По счастью, членам группы удалось, используя свою легенду, выдать себя за бежавших военнопленных, двое из них остались в живых, двое других погибли во время воздушного налета Королевских ВВС.
5. Была предпринята попытка воспользоваться тем, что лейтенант Бодо якобы благополучно устроился в районе Печа, и 13 сентября группа в составе британского офицера и двух канадских венгров была заброшена в этот район. Как обычно, сбросили их с парашютами вдали от цели, и в

течение пяти дней они были пойманы. Как и в случае с группой полковника Буги, участники группы держались своей легенды, утверждая, что бежали из плена. Их поместили в лагерь для интернированных, откуда все трое бежали и находились на свободе в Будапеште, когда в феврале 1945 г. город освободили русские.

6. Наконец, последняя попытка была предпринята с другой стороны. 29 августа 1944 г. восстала часть Словацкой армии, захватив значительный горный район вокруг Банска-Бистрицы¹. Майор Симер, который уже работал на УСО в Югославии, и еще трое были заброшены туда 18 сентября и установили радиосвязь со словацким штабом. Было четко заявлено, что задача группы — пробраться в Венгрию, а не помогать словакам, которые держали связь по другим каналам, и майор Симер настойчиво стремился пересечь границу, в результате чего одному венгру удалось пробраться в Будапешт. Однако поражение восстания в октябре поставило группу Симера в безвыходное положение; соединившись с офицером УСС и несколькими бежавшими из плена американскими летчиками, они держались до декабря. Однако Симера и его радиста сержанта Дейвиса схватили 27 декабря 1944 г. и, по-видимому, расстреляли. Двух венгерских членов группы с ними не было, им удалось спастись. К тому времени русские, пройдя Восточную Венгрию, дошли до ворот Будапешта, устанавливая на освобожденных территориях новую венгерскую власть. Дальнейшей необходимости в британской деятельности не было.

Отчет о неудачах помещен на этих страницах просто для того, чтобы подтвердить: не было недостатка в храбрости и умении, было твердолобое, а порой и бездумное упрямство руководства УСО, что и предопределило последствия. Стоит сопоставить это с многочисленными случаями, когда важных результатов достигали в ситуациях, казавшихся более безнадежными: Хадсон — в Югославии, Георг Благородный — во Франции, Одд Стархейм — в Норвегии. Фактор удачи чаще всего не принимается во внимание в таких исследованиях, как это.

¹ См. далее раздел 2 главы XXII.

ГЛАВА XXI

КАИРСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

В самом начале книги уже шла речь о направлениях, по которым развивалась структура УСО на Средиземноморье с сентября 1942 г.¹ К этому нужно добавить рассказ о последнем в истории каирского Центра переломном моменте, он к тому же стал переломным в истории всего УСО, и понять его можно, только разобравшись в том, что произошло в Югославии и Греции.

Стоит напомнить, что в сентябре 1942 г., дабы преодолеть кризис, Каирский отдел УСО подвергли реорганизации, поставив во главе лорда Гленконнера и сделав ставленника командующего на Ближнем Востоке бригадного генерала Кебла начальником штаба. В пяти из шести стран руководство работой, описанной в предыдущих главах, осуществлял директор специальных операций на Балканах — DSO(B) полковник Тамплин, контроль за шестой страной — Венгрией попеременно осуществлялся то из Лондона, то из Каира, хотя даже тогда, когда теоретически контроль был за Лондоном, большая часть работы велась с баз на Ближнем Востоке. DSO(B) приходилось также — как посреднику Лондона — немало делать для Польши и Чехословакии и еще немного — для других стран. Лондон, со своей стороны, тесно взаимодействовал с Каиром даже в тех странах, где контроль Каира был полным, поскольку множество тамошних связей, открытых и тайных, поддерживались через Лондон и через резидентуры УСО в США и в столицах нейтральных государств. Другая часть каирской работы УСО велась по линии директора специальных операций в странах арабского мира (полковник авиации Домвиль). Больше в книге об этом ничего сказано не будет, отчасти потому, что эта сторона работы после 1942 г. мало была связана с германской войной, частью же потому, что ниточки той деятельности тянутся в послевоенную историю Ближнего Востока.

Полное руководство военными операциями в подконтрольных странах (Югославия, Греция и Албания) вели командующие на Ближнем Востоке. Политическое руководство осуществляло прежде всего министерство иностранных дел через УСО в Лондоне, руководствуясь Договором с министерством иностранных дел мая

¹ См. главу VIII.

1942 г.¹ Государственному министру, впрочем, были даны мало-вразумительные полномочия осуществлять координацию на месте, имелись также особые договоренности в отношении Греции, сначала через Англо-греческий комитет Канеллопулоса, затем, после падения Канеллопулоса, через м-ра Липера как посла при греческом правительстве в изгнании. Эти договоренности в конце августа 1943 г. подверглись яростным нападкам со стороны ближневосточного Комитета обороны, предложившего радикальные изменения, которые в конечном счете привели к ликвидации УСО на Ближнем Востоке².

Причины нападков, которые лишь частично названы в документе ближневосточного Комитета обороны, были как политического, так и военного свойства. Что касается политической деятельности, лорд Гленконнер показал себя руководителем, намного превосходившим всех, кто когда-либо возглавлял Каирское УСО. Человек здравомыслящий, он всегда имел собственное мнение об общей направленности британской политики на Балканах, долгом почитал отстаивать свои взгляды, которые порой оказывались неприемлемыми для Форин-офис и для его собственного Центра в Лондоне. Вместе с тем доводы свои он всегда аргументировал основательно и весьма убедительно, и нет никаких свидетельств, что он не следовал предписанному политическому курсу, даже когда не был с ним согласен³. На деле у него были хорошие отношения и с канцелярией госминистра, и с м-ром Липером — до неприятного случая с шестью делегатами ЭАМ в августе 1943 г. Тогда последовала резкая перемена, и вину за августовский кризис в греческих делах сбросили на УСО в целом и лорда Гленконнера в частности, которого открыто обвинили в умышленной попытке подорвать британскую политику поддержки короля Греции Георга. Это обвинение Цудерос повторял спустя много времени. Когда все прояснилось, скрепя сердце обвинение сняли⁴, но тут же заменили другим: якобы

¹ См. раздел 6 главы IX.

² СС/285 от 31 августа 1943 г. от ближневосточного Комитета обороны и его же документ от 2 сентября, имевший хождение в Лондоне как COS(43)519(0) от 7 сентября 1943 г.

³ Единственным исключением было отношение к контролю за радиостанцией УСО в Палестине (см. ранее раздел 3 главы XI), хотя в этом случае ответственность делится с Лондонским УСО и даже с УПВ, к тому же речь шла не о политике, а об инструменте ее осуществления.

⁴ Например, в письме сэра А. Кадогана от 20 октября 1943 г. лорду Селборну; копия в папке 60/470/1.1 Архива УСО.

лорд Гленконнер недостаточно эффективно руководил своими подчиненными.

В этих укорах была доля истины, но какова она, можно было понять, только зная военную деятельность организации. В сентябре 1942 г. было решено, что в ходе реорганизации лорд Гленконнер должен передать руководство оперативными делами бригадному генералу Кеблу и военным, дабы структурно объединить Каирскую организацию с УСО в Лондоне. Внешне казалось, что реорганизацию бригадный генерал Кебл провел с громадным успехом. Вот только один пример: в сентябре 1942 г. единственным офицером УСО на Балканах был капитан Хадсон, которому только-только — после значительных трудностей — направили не очень-то надежное подкрепление. 12 сентября 1943 г. государственный министр сообщал премьер-министру¹: «В августе УСО переправило 243 тонны оружейных боеприпасов и прочего груза в Грецию и Югославию, а также 79 человек, 37 тонн листовок УПВ и 26 радиопередатчиков. Плановое задание на сентябрь было вдвое выше по тоннажу, но выполнить его не удалось — самолеты были задействованы в операциях по распространению листовок о капитуляции итальянцев и по сбросу грузов на Додеканес». На протяжении года территории трех оккупированных стран стали привычной посадочной площадкой для множества групп британских офицеров, была создана сеть радиосвязи, переправлено значительное количество оружия и денег².

Однако эти достижения чуть не перечеркнули сопутствующие обстоятельства. *Во-первых*, самим бригадным генералом Кеблом, утвердившим своего рода власть страха внутри организации и не пользовавшимся доверием вне ее, даже в военных кругах. *Во-вторых*, некоторым мифологическим представлением о природе балканского движения Сопротивления. Даже в документ ближневосточного Комитета обороны (параграф 1) проникли эти заблуждения, он представлял силы партизан как «численно равные трем армейским корпусам», а УСО не сумело превозмочь себя и подтвердило, будто партизанское воинство к моменту сдачи итальянцев сдерживало пятьдесят шесть дивизий стран Оси. Генеральный штаб уверовал (теперь, когда 8-я армия упорхнула из-под его крыла), что Балканы представляют собой театр военных действий, где в результате различных соглашений

¹ MOS 84 от 12 сентября; копия в папке 60/470/1.1 Архива УСО.

² Точных данных нет, однако известно, что в 1943 г. в Югославию направили сумму, эквивалентную 300 000 ф. ст., а в Грецию — 1 000 000 ф. ст.

командующий получил в распоряжение большие и хорошо организованные союзные силы, объединенные одной задачей — «уничтожать немцев». Это мнение не всеми разделялось в аппарате бригадного генерала Кебла, однако, к сожалению, именно его организации приходилось отстаивать и поддерживать.

Третий фактор — последствия чересчур стремительного роста, что сказалось на внутренней деятельности. Только жесткое управление позволило вообще добиться роста — тут надо отдать должное тем, кто этого заслуживает, — однако цена за утрату внутренней дисциплины была высока, и к сентябрю 1943 г. последствия этого стали заметны. Наверное, заметнее всего (для тех, кто находился вне Управления) была непригодность средств связи, в особенности средств шифрования, в условиях громадного потока сообщений на новых линиях радиообмена. Дешифровка запаздывала порой на недели, не так уж редко случалось, когда опоздание делало бесполезным важное оперативное или политическое сообщение. Одно из серьезнейших нареканий министерства иностранных дел касалось того, что целая серия телеграмм от майора Уолласа, политического советника при бригадном генерале Майерсе в Греции, была сильно задержана, и м-р Липер узнал их содержание только тогда, когда сам Уоллас прибыл в Каир. Этим случаем занялась следственная комиссия, которая сняла с УСО обвинения в злонамеренности, однако сурово осудила отсутствие деловой дисциплины во внутриведомственной организации Управления¹. Лондонское УСО подобные промахи раздражали не меньше, чем всех остальных.

На жалобы офицеров «в поле» внимания обращали меньше, хотя они были такими же серьезными. В УСО придерживались принципа, что агенту, находящемуся на вражеской территории, никак нельзя повредить чрезмерной заботой, что ему ни за что не развернуться, если пропадет уверенность в стоящей за ним организации, а потому его просьбы (даже нелепые просьбы) во что бы то ни стало должны исполняться незамедлительно и с пониманием. Однако этот принцип не соблюдался в отношении многих групп, отправленных с заданиями на Балканы². Пере-

¹ Копия свидетельских показаний и полученных сведений в папке (AD/S.1) File 97 Архива УСО.

² Иллюстрацией всему этому послужит один случай. Первая британская группа была заброшена в Грецию в конце сентября 1942 г., она не получала почты до февраля 1943 г. Тогда последовали жалобы на глупую цензуру, которые группа направила в Каир, подписав их кодовыми

данные по рации сообщения оставались без ответа, или ответ приходил с опозданием и содержал выговор: приказы зачастую оказывались непонятными или нелепыми, грузы обещали и не присылали, доставляли большое количество ненужных вещей на самолетах. Легко понять, как трудно было каирскому персоналу наладить работу. Состоял он в основном из полковых офицеров, не имевших навыков для работы в УСО или познаний о Балканах. Все они были перегружены работой, аэродром отправки располагался далеко от штаба, даже когда находился у Дерны в Ливии. Было бы несправедливо винить отдельных людей, но все же они определяли политику. Разумно ли было, будто по конвейеру, направлять на Балканы группы с заданиями, если не было возможности оказать им необходимую помощь в работе?

Это приводит нас, *наконец*, к вопросу о политическом руководстве. Очень немногие из британских офицеров, о которых идет речь, обладали необходимыми познаниями о странах, куда их засылали. Эти молодые люди были наделены (почти без исключения) такими замечательными качествами, как энергия и инициатива, а многие были умными людьми и обладали отличным политическим чутьем. Однако немногие из них владели языком той или иной страны в достаточной мере, разбирались в политических вопросах — им предлагалось действовать в качестве военных офицеров связи или инструкторов по организации союзных формирований... и как от чумы бежать от политики. Такие наставления, хотя и милые сердцу каирского генштаба и Форин-офис, шли вразрез с реальной обстановкой. Каждая группа забрасывалась и действовала изолированно. Партизанские командиры, с которыми британцам приходилось иметь дело, были еще менее подготовлены в этом плане, так что молодые британские офицеры волей-неволей вынуждены были действовать как единственные полномочные представители правительства Его Величества по всем вопросам: политическим, военным, пропагандистским, гражданской помощи, разведки и всего остального. Некому было посоветовать им, что делать, радиосвязь с Каиром или со штабами Майерса, Армстронга и Маклина работала ненадежно. Надо было выбирать линию поведения, и, стоило ее обозначить, партизаны тут же воспринимали ее как официаль-

— для сокрытия подлинных персональных данных. Ответ Каира был таков: «В связи с реорганизацией предыдущие записи утрачены. Кто такие Том, Мартин и Денис? Соболаговите дать настоящие имена» (Хамсон. «Мы пали среди греков», с. 149).

ную линию великой и коварной Британской империи¹. Никакими силами нельзя было разъяснить греческому или югославскому горцу, как работает британский механизм государственного управления.

Лорд Гленконнер не мог эффективно руководить своими подчиненными, но не по его воле увеличивалась численность групп, тут замешана военная политика. Он не мог руководить политической деятельностью британцев, поскольку сделать этого не в силах был никто. Надежда на политическое здравомыслие британских младших офицеров в большинстве случаев оправдывала себя, хотя, конечно же, случались и оплошности. Но и министерство иностранных дел не всегда действовало так успешно, как могло бы, располагай оно опытными профессиональными дипломатами (если бы удалось отыскать около 200 профессиональных дипломатов, готовых жить одной жизнью с балканскими партизанами). Если что и могло изменить положение, так это заброска меньшего числа групп, тщательно подобранных и подготовленных, которым оказывалась бы полная поддержка. Любопытно, но такой способ действий в то время даже не обсуждался. С одной стороны, указания высших властей нацеливали на всемерную поддержку партизан. С другой стороны, не было даже известно, какова обстановка на Балканах, пока там не появились британские группы. Картина, которую рисовали первые руководимые из Центра группы, была неполной и в любом случае казалась настолько странной, что в нее просто не верилось, пока сведения не подтверждались из независимых и заслуживающих доверия источников. Так что увеличение количества засылаемых групп в конце концов имело некоторое политическое обоснование, а с военной точки зрения появлялись некоторые преимущества благодаря работе БОС и смелым действиям партизан, которые без британцев и с места не сдвинулись бы.

Такая ситуация привела к договоренности между министерством иностранных дел и ближневосточным генштабом, которые воплотились в документе ближневосточного Комитета обороны (БВКО). Документ сообщал (во-первых), что БВКО (имея на то власть) принял решение в будущем «координировать» специальные операции, проводимые в зоне его ответственности, через новый Комитет специальных операций (КСО), в котором получают представительство трое командующих, послы в Греции и

¹ Обо всем об этом хорошо рассказано в книге Рутмана «Мисс Пламя».

Югославии, УСО и УПВ. Мало того, в документе было записано требование ликвидировать Каирский отдел УСО (исключение делалось для его работы в арабском мире), а специальные операции на Балканах проводить под руководством одного из штабовских директоров под присмотром одного из комитетов Совета обороны. Цель такого решения очевидна: *во-первых*, балканские операции «отныне принимали характер и размах военных кампаний» (параграф 13) и должны были проводиться под непосредственным руководством военных; *во-вторых*, министерство иностранных дел обрело деятельный политический контроль. Новому Директорату специальных операций надлежало напрямую соотноситься с Лондонским УСО только «по делам финансирования и по определенным административным делам».

Для УСО это создавало проблему первостепенной значимости: в ходе дискуссий о том, какое направление избрать, министр разошелся с сэром Чарльзом Хамбро, которого на посту СД в начале сентября 1943 г. сменил бригадный генерал (теперь генерал-майор) Габбинс, бывший одним из столпов ведомства еще со времен MI(R). Это значимый факт, что на завершающем этапе войны сочли нужным назначить исполнителем руководителем УСО военного, а не гражданского человека.

Противодействовать предложениям БВКО можно было двумя способами. *Во-первых*, настаивать, что предложения нереализуемы: Балканский директорат УСО в Каире создавался как часть всемирной сети, функции которой простирались далеко за сферу БВКО, и его нельзя отсечь, не нанеся при этом серьезного ущерба всей работе УСО — не только на оставшейся территории Средиземноморья, но и в других странах Европы. Аргументировать свои доводы труда не составило бы. *Во-вторых*, что куда важнее, речь шла о будущей деятельности УСО на этом, последнем, этапе войны. Генерал Эйзенхауэр видел в УСО реальный, действующий в Западном Средиземноморье «четвертый вид» вооруженных сил, выполняющий стратегические и тактические задачи, однако полагал, что вопросы внутренней организации Управления должны решать между собой резидентура и лондонский Центр УСО, при условии, что это эффективно удовлетворит потребности Верховного союзного командующего. Все необходимые политические указания на месте исходили от местных политических советников ВСК (в данном случае — от м-ра

Мерфи и м-ра Макмиллана*), но политическую направленность задавали и напрямую из Лондона — через министерство иностранных дел и УСО. Такая система всех устраивала, поскольку личные отношения были хорошими, а ВСК нес бремя наступательных операций такого масштаба, что не имел желания что-то добавлять к своим расписанным обязанностям. Этой системы генерал Эйзенхауэр продолжал придерживаться (*mutatis mutandis*²⁾, готовясь к операции «Владыка», в то время ее активно поддерживал и лорд Маунтбаттен¹, которому вот-вот предстояло принять командование в Юго-Восточной Азии (ЮВАК) и который сам с большим успехом эту систему применял. Однако ни одно из ее необходимых условий не соблюдалось на Ближнем Востоке, где обстановка была очень напряженной, а генштаб практически не проводил никаких наступательных операций, за исключением тех, что вели партизаны на Балканах. Так что если БВКО суждено было поглотить Каирский отдел УСО, то не вызывало сомнений, что командующие на других театрах войны последуют этому примеру. В результате такой полной ампутации не только разрушился бы замысел УСО создать всемирный взаимоувязанный механизм подрывной деятельности, но и функции Центра УСО свелись бы до уровня Директората по боевой подготовке, финансов и технических разработок.

Так что после многих обсуждений внутри УСО вопрос был поставлен лордом Селборном принципиально. УСО готово пойти на уступки, удовлетворив отдельные требования БВКО касательно военного и политического руководства, однако оно против такой ампутации. Стоило признать схему БВКО, как УСО лишалось всякого будущего как независимая организация, низводилось до положения какого-нибудь директората в министерстве иностранных дел или военном министерстве. Было четко заявлено, что большая часть штатных сотрудников УСО намерена отправиться в отставку вместе со своим министром.

* [Гарольд Макмиллан, 1894—1986 гг., член парламента — консерватор — в 1924—1929, 1931—1945, 1945—1964 гг., государственный министр в Алжире и Казерте в 1943—1945 гг., министр жилищного строительства в 1951—1954 гг., министр финансов в 1955—1957 гг., премьер-министр в 1957—1964 гг., орден «За заслуги» в 1976 г., граф Стоктон с 1984 г.; в НБС. См. его «Военные дневники» (1984), а также его биографию, написанную Алистаром Хорном (в 2-х томах, 1988—1989).]

² С необходимыми изменениями (*лат.*).

¹ См. его Записку от 24 сентября 1943 г. в папке 60/470/1.1 Архива УСО.

Нет необходимости углубляться в подробности развернувшейся «военной кампании». Остановимся на основных этапах. *Первый:* безрезультатное заседание Комитета обороны 14 сентября, на котором в отсутствие находившегося в Канаде премьер-министра председательствовал м-р Эттли. С одной стороны, Комитету был представлен документ БВКО, благожелательно (и даже агрессивно) поддержанный м-ром Иденом, с другой — документ лорда Селборна, ставящий вопрос принципиально, но предлагающий необходимые изменения в руководстве, которые Комитет начальников штабов счел приемлемыми. *Второй этап:* попытка м-ра Оливера Литлтона, тогдашнего министра производства, найти компромисс, приняв требования БВКО и сочленив их с практическими уступками, необходимыми для работы УСО на других фронтах. *Завершающий этап:* 30 сентября премьер-министр председательствовал на специальном совещании министров и сразу решил вопрос в пользу лорда Селборна¹.

Коротко решение можно изложить следующим образом, включив сюда некоторые недоговоренности, — их лорд Селборн и сэр Александр Кадоган урегулировали на встрече 7 октября, после чего они попали в протоколы совещания премьер-министра:

- 1) Организация УСО сохраняет свою целостность.
- 2) УСО и министерство иностранных дел согласовывают основу политики УСО при посредничестве премьер-министра и Кабинета.
- 3) «Осуществление политики УСО в Греции, Югославии и Албании находится под единоличным контролем и руководством командующих на Ближнем Востоке, поскольку эти страны стали театрами оперативных военных действий; тот же принцип применим к любым новым театрам оперативных военных действий». Командующие получают политические установки от министерства иностранных дел через комитет, состоящий из послов в Египте, Югославии и Греции.

¹ Все документы хранятся в архивных папках УСО (AD/S/1) File 97 и 60/470/1.1. Основные сведения содержатся в COS(43)210-е заседание (0), пункт 7, от 8 сентября, COS(43)215-е заседание (0), пункт 11, от 14 сентября, DO(43)8-е заседание от 14 сентября, перед которым состоялось COS(43)519-е заседание (0) и 531-е заседание (0); протоколы совещания министров от 30 сентября 1943 г., где рассматривались эти документы, а также DO(43)21 м-ра Литлтона и DO(43)22 лорда Селборна. См. также письмо лорда Селборна премьер-министру от 22 сентября; копия в папке 60/470/1.1 Архива УСО.

- 4) Лондонское УСО продолжает осуществлять все основные назначения в Каирском отделе УСО, однако командующий может «потребовать отстранения любого служащего, работу которого он сочтет неудовлетворительной».
- 5) Министерство иностранных дел назначает офицера, который и действует как политический советник в Каирском отделе УСО.
- 6) Начальники штабов поддерживают тесную связь с операциями УСО на всех уровнях и при необходимости доводят свои суждения до сведения министра обороны.

БВКО принял эти предложения¹ с незначительной поправкой: положение о комитете послов следует опустить, а роль «окончательного местного арбитра» предоставить БВКО, который номинально в этом плане станет действовать через вновь созданный Комитет специальных операций. На деле это означало, что госминистр как председатель БВКО вновь выводился на сцену, а лорд Киллеарн*, посол в Египте, оказывался обойденным, однако Форин-офис не возражал.

Непосредственным практическим следствием стало удаление лорда Гленконнера, бригадного генерала Кебла и полковника Тамплина — DCO(B) — как *personae non gratae*². Полковник Тамплин скончался от сердечного приступа едва ли не в момент отъезда. Пост начальника штаба, который занимал бригадный генерал Кебл, был упразднен, возглавил организацию генерал-майор Стауэлл, а ответственным за балканские операции стал бригадный генерал Баркер-Бенфилд. В октябре генерал-майор Габбинс посетил Ближний Восток для оценки организации в целом, тогда тоже были произведены различные несущественные изменения. Самым важным из них явилось назначение политическим советником м-ра К.Э. Стила** которому предстояло также действовать в качестве эксперта министерства иностранных дел по Албании.

Атмосфера в Каире с тех пор стала спокойнее, хотя временами все еще случались неприятности вроде той, что возникла из-

¹ СС/326 от 15 октября 1943 г.; копия в папке 60/470/1.1 Архива УСО.

* [М.У. Лампсон, 1880—1964 г., дипломат, введен в рыцарское достоинство в 1927 г., посол в Каире в 1936—1946 г.; лорд Киллеарн с 1943 г.; в НБС. См. «Дневники Киллеарна 1934—1946 г.», изданные под ред. Трефора Эванса в 1972 г.]

² Нежелательных лиц (*лат.*).

** [Сэр К.Э. Стил, 1903—1973 г., введен в рыцарское достоинство в 1951 г., посол в Бонне в 1957—1963 г.]

за Пелтекиса («Аполлона») летом 1944 г.¹, прибавилось и результатов, что, вероятно, произошло бы в любом случае, стоило затихнуть лихорадочному периоду организационных пертурбаций. Однако проблема организации УСО в Каире очень скоро была оттеснена на второй план, когда было создано ЕСКСРЕД и центр деятельности переместился в Италию. Подлинный смысл этих разногласий не имел отношения к подрывной работе на Балканах. Решения премьер-министра от 30 сентября расширяли рамки устава УСО, что определило направление развития Управления до конца войны.

ГЛАВА XXII

ПОЛЬША И ЧЕХОСЛОВАКИЯ

1. Польша

С самого начала движения Сопротивления в Польше было проблемой важной. С июня 1940 по июнь 1941 г. Польша была единственным нашим серьезным союзником, ее войска на Западе и ее Сопротивление на родине были факторами существенными. Генерал Сикорский был очень близок с м-ром Черчиллем, а его аппарат трудился не покладая рук, отстаивая и продвигая дело Польши. После вступления в войну Советского Союза и Америки уменьшилось стратегическое значение Польши, но не ее политическая значимость — наоборот, она еще больше возросла, поскольку Польша стала испытательным полигоном будущих отношений между Востоком и Западом в Европе, и Варшавское восстание августа 1944 г. представляется ныне (в ретроспективе еще недалекой) поворотным пунктом истории.

Большая часть этих событий находится за пределами истории УСО. На Польшу УСО потратило значительное время, хотя, несмотря на усилия УСО, Британия внесла сравнительно небольшой вклад в польское движение Сопротивления. Не имея возможности содействовать — не могла и деятельно руководить. Документы УСО полны интересных материалов о польских де-

¹ См. раздел 6 главы XVIII.

лах, однако роль Управления сводилась в основном к посредничеству между союзным и польским командованием и толкованию их намерений. Впрочем, Управление по большому счету не несет ответственности за ту трагическую ситуацию, которая впоследствии сложилась в Польше.

Ранее уже объяснялось, что с самого начала в планах польского движения Сопrotивления господствовала идея национально-го восстания, подняв которое Польша сама, своими силами, освобождает себя. Непрерывная диверсионная и подрывная война имела немалое значение, но вторичное по отношению к этому «большому замыслу». Суть последовавшей трагедии в том, что благоприятный для союзников перелом в войне позволил этой мечте созреть: казалось, все осуществимо, однако победный вал означал еще и накат русской власти, столь же враждебной польскому национализму, как и германской.

Между октябрем 1942 и октябрем 1943 г. поляки непрестанно требовали от западных союзников поставок ресурсов, необходимых для их «большого замысла». Союзники отвечали нечто нечленораздельное, а польские отношения с Россией ухудшались. В октябре 1942 г. «замысел» попал в Объединенный комитет планирования с замечаниями УСО¹, и (хотя его там и не отвергли) стало ясно, что отыскать в обозримом будущем необходимые ресурсы нет возможности. Поляки примерно представляли себе такую картину: польские военно-воздушные силы станут действовать с польских аэродромов, с этой целью будет выделено 400 транспортных самолетов для переброски войск и снаряжения. В марте 1943 г. полученная УСО из Комитета начальников штабов общая директива² предписывала в первую очередь предоставлять снаряжение непосредственно для диверсий, отмечая, что оснащение «тайной армии» имеет, скорее, политическое, чем военное значение. С июня по сентябрь 1943 г. поляки настойчиво добивались ответа на их запросы от Объединенного комитета начальников штабов в Вашингтоне³, часто обращаясь к президенту США и британскому премьер-министру. 24 сентября Объединенный комитет начальников штабов зафиксировал свой отказ на польские притязания, но пообещал предоставить (впоследствии) для польского и других движений Сопrotивления одну

¹ Приложение «А» к «Истории Польского отдела УСО».

² COS(43)142(0) от 20 марта 1943 г.

³ См. серию документов CCS/267.

эскадрилью тяжелых бомбардировщиков в Италии и две в Англии — при условии, что это не повредит боевым операциям.

То было всего-навсего обещание, данное в такое время, когда воздушные операции, даже при имеющихся ресурсах, шли плохо. С осени 1941 г. два или больше польских экипажа в эскадрилье № 138 летали на самолетах «галифакс» по общим заданиям, а также в Польшу. В январе 1943 г. президента Рузвельта уговорили выделить на польские нужды шесть «либерейторов» из числа размещенных США в Британии, и тогда число польских экипажей возросло до шести, хотя в итоге появились всего три «либерейтора», а остальным трем экипажам пришлось довольствоваться «галифаксами». Даже такие небольшие ресурсы позволили весьма расширить деятельность зимой 1942/43 г. До апреля 1942 г. было осуществлено всего девять успешных самолето-вылетов в Польшу, доставивших сорок восемь человек и незначительное количество грузов. Далее последовал перерыв, вызванный непродолжительностью летних ночей, затем, в сентябре, операции возобновились, и с сентября 1942-го по апрель 1943 г. было произведено шестьдесят два вылета, сорок один из которых завершился благополучно. Было доставлено 119 человек и около 23 тонн грузов (не очень много, но хоть что-то), потери составили два самолета. Операции прервались в короткие ночи лета 1943 г., а когда они возобновились в сентябре, то скоро выяснилось, что немецкие средства ПВО значительно усилены и угрожают бомбардировщикам, которые тоже участвовали в поставках. В сентябре произведено двадцать два вылета, и шесть самолетов было потеряно: за одну ночь сбили четыре из одиннадцати самолетов. Так не могло больше продолжаться, и командование Королевских ВВС предложило проложить новые, окольные маршруты, чтобы стороной обходить защитные линии ПВО. Это означало, что большая часть Польши станет недосягаемой. В октябре произведено всего девять вылетов на эту ограниченную территорию, из которых семь были успешными, при одном потерянном самолете. В ноябре не было ни одного вылета. Было решено — после очередных протестов и споров¹, — что операции в приличествующем масштабе будут осуществляться только

¹ Послание УСО Комитету начальников штабов от 17 октября 1943 г. — Приложение «J» к «Польской истории» УСО; COS(43)255-е заседание, 20 октября и JP(43)356-е заседание (0) 6 октября. Послание лорда Селборна премьер-министру от 31 октября. Новые обсуждения в КНШ — 5 ноября.

с юга, из Северной Африки и Италии, и что при передислокации баз операции прекращаются полностью.

Что же представляло собой движение, обслуживать которое позволялось по таким несовершенным линиям коммуникации? Добротных свидетельств того времени очень мало, чтобы судить об этом. В эфир выходили несколько радиопередатчиков (двенадцать в январе 1944 г. — первая дата, на которую приходится точные данные), но ни одному поляку не удалось выбраться из Польши, чтобы представить личный отчет, разве что после длительных задержек. Первый полноценный отчет доставил генерал Табор, директор военных операций «тайной армии», которого в апреле 1944 г. вывезли на «дакоте». Прямых же британских донесений не поступало до тех пор, пока в декабре того же года в Польшу не направили группу «Фрестон». Оценка обстановки в этих отчетах, вероятно, довольно точна, хотя сведения добывались начинающими агентами.

Центральной организацией движения Сопротивления была Армия Крайова (АК), сформированная в конце 1942-го или в начале 1943 г. из групп Сопротивления четырех политических партий, спектр которых — от умеренных правых до умеренных левых. АК имела гражданскую и военную составляющие, признавала власть лондонского правительства и главнокомандующего польскими вооруженными силами, и организована она была прежде всего как тайная администрация Польши, призванная обеспечить сохранение польской нации и государства. По большей части АК действовала в подполье, мужчины и женщины, входившие в нее, в обычной жизни занимались другими делами, но созданная военная структура АК позволяла в очень короткое время мобилизовать довольно большие силы. Количественные оценки колеблются от 100 000 до 500 000 человек, имелось довольно много легкого вооружения, похищенного у неприятеля или упрятанного польской армией в 1939 г., но его едва хватало на то, чтобы вооружить лишь небольшую часть армии. Политика АК поначалу не предусматривала ведения открытой партизанской войны, хотя внутри армии на каждом уровне имелись «полупрофессиональные» диверсионные и истребительные подразделения, которые можно было использовать (и использовали) для специальных акций против врага. Вместе с тем политика АК, несомненно, имела необходимые ограничения, во имя интересов нации она старалась не провоцировать оккупантов на карательные меры.

В политике АК занимала позицию в центре. Справа от нее располагалось Радикальное национальное содружество (НСЗ), выросшее из полуфашистского крыла Национал-демократической партии. Коллаборационистским содружество было только отчасти, однако существование НСЗ, несомненно, создавало удобство для немцев, а пропаганда его имела по крайней мере такую же яростно антирусскую направленность, как и антигерманскую. Слева находилась Армия Людова (АЛ), созданная Коммунистической партией Польши в 1943 г. в основном как политический инструмент сдерживания «лондонского правительства» и расчистки пути для «мирной советской оккупации». Теоретически АЛ стояла за известную русскую политику сопротивления *a l'outrance*, до конца, невзирая на последствия, однако АЛ создана была позднее, чем сходные партизанские движения на Балканах, и в совершенно иных политических условиях, так что доктрина ее, как представляется, на практике осуществлялась не буквально. АЛ не признавала законности командной структуры АК, но, будучи намного слабее ее численно, никогда не пыталась относиться к АК так, как относились югославские коммунисты к Михайловичу, а греческие — к Зервасу.

Противостояние шло только между АЛ и НСЗ, представлявшими две небольшие крайние фракции левых и правых польской нации. Русские, естественно, снабжали и поддерживали АЛ, но, по-видимому, не слишком верили в ее военную основательность, во всяком случае, в 1944 г. «партизанскую войну» на транспортных коммуникациях вели многочисленные русские группы, заброшенные для этой цели и действовавшие независимо от всех польских организаций.

Таким образом, как представляется, существовала довольно стабильная структура основной части национального общества с определенными политическими пристрастиями, жестоко подавляемая немцами, но ни внутренним, ни внешним воздействиям сломать ее так и не удалось. И по крайней мере, пока жив был генерал Сикорский, эта часть общества полностью признавала законную власть лондонского правительства. Смерть генерала в июле 1943 г. не враз обрушила всю структуру, но сделала ее уязвимой. С русскими уже произошел разрыв из-за массовых убийств в Катыни в апреле 1943 г., однако, будь жив Сикорский, русским было бы труднее хоть что-то выстроить на ограниченном фундаменте АЛ и правительства в Люблине.

До апреля 1944 г. связи между этими структурами в Польше и Лондоном оставались слабыми и бездеятельными. Польский авиаотряд (теперь авиаотряд № 1586)¹ начал действовать из Северной Африки в декабре 1943 г. и почти сразу же перебазировался на Бриндиси, где вместе с эскадрильей № 148 Королевских ВВС составил крыло № 334. Здесь сложилась значительная польская база, организованная как часть Отряда 139 УСО (он же «Мука»). Наряду с оперативным сектором имелись школа подготовки, паковочное подразделение, формирующее грузы, доставлявшиеся по воздуху, радиостанция на связи с Польшей и с Лондоном — личный состав был скомплектован из поляков под общим управлением британцев. Оперативные результаты поначалу обескураживали, погода стояла не лучше, чем на севере (зима эта выдалась морозной), и с января по март 1944 г. из двадцати трех удалось всего две операции. Однако настоящие перемены начались с апреля, по большей части благодаря изменению погоды, но частью и из-за большего количества задействованных самолетов: перемены в политике, которые совпали с увеличением помощи, оказываемой движению Сопротивления по всей Европе, поскольку ожидалось, что результаты скажутся в день «Д» — вторжение сил Запада². Силы наращивали постепенно, и все же к июлю 1944 г. авиаотряд № 1586 увеличился до одиннадцати «галифаксов» и трех «либерейторов», а у поляков появилось довольно неопределенное право на дополнительную помощь от остальной части крыла № 334. В июне 1944 г. произошел безрадостный разрыв, однако цифры за апрель, май и июль говорят сами за себя.

1944 г.	<i>Вылеты, всего</i>	<i>Успешных</i>	<i>Потеряно самолетов</i>	<i>Сброшено человек</i>	<i>Сброшено грузов</i>
Апрель	135	65	3	60	76 ¹ / ₂ тонны
Май	120	76	2	44	96 тонн
Июнь	—	—	—	—	—
Июль	63	33	3	10	46 ³ / ₄ тонны

¹ Действовал также и в Чехословакии, позже стал эскадрилей № 301.

² Основные сведения по Польше, по-видимому, содержатся в SOE(43): Планы/410 от 18 декабря 1943 г., DO(44)4-е заседание, пункт 2, от 3 февраля. COS(44)43-е заседание, пункт 7, от 10 февраля.

Количество успешных вылетов все еще невелико, а сбрасываемых грузов все еще недостаточно для удовлетворения польских нужд и запросов, но по крайней мере воздушные поставки осуществлялись в приличном объеме¹.

Кроме того, эскадрилья № 267 провела на «дакотах» три воздушные операции с посадкой: небольшой итог большого практического значения. В каждом случае план предусматривал создание на основе батальона или бригады «тайной армии» — для защиты импровизированной посадочной площадки. Транспортный самолет садился, брал пассажиров и тут же улетал, а «тайная армия» растворялась в предрассветных сумерках. Первую операцию утвердили в феврале 1944 г., но провести ее удалось только в ночь на 16 апреля, когда были доставлены из Польши генерал Табор (директор военных операций АК), начальник группы по приему воздушных грузов и два довольно крупных политических деятеля². Вторая (в ночь на 30 мая) имела целью забрать Ретингера, которого называли правой рукой генерала Сикорского и которого за несколько месяцев до этого забросили в Польшу с парашютом (ему было шестьдесят два года) для выполнения поручения Миколайчика. В тот раз Ретингер не смог вовремя добраться до посадочной площадки, хотя остальных важных пассажиров вывезли. Последняя операция, самая серьезная из всех, для поляков означала восстановление личных связей с «тайной армией» накануне решающего дня. Для британцев, наверное, важнее было обеспечить доставку разведанных по «Фау-2»³, которые добыло польское Второе бюро АК с испытательного полигона в Польше. Приземление произошло в ночь на 26 июля и едва не закончилось неудачей: земля размокла от лившего целый день дождя, и понадобилось два с половиной часа (при том, что немецкие части находились в двух-трех милях), чтобы откопать самолет из грязи. И все же сведения по «Фау-2» были доставлены, удалось вывезти Ретингера и Арсижевского, который позже заменил Миколайчика на посту премьер-министра.

Этот последний эпизод ведет прямо к Варшавскому восстанию 1 августа, но есть и еще кое-что важное, о чем стоит

¹ См. Благодарственное послание от польского командования в Варшаве, датированное 5 июня 1944 г. и приведенное в качестве Приложения «К» в «Польской истории УСО».

² Березовский и Станиславский, позднее министр внутренних дел и руководитель секретариата министерства внутренних дел во «вновь признанном» лондонском правительстве.

³ Первая немецкая ракета упала на Лондон 8 сентября 1944 г.

предварительно сказать. *Во-первых*, русские уже в ходе зимнего наступления 1943/44 г. вошли в Польшу в границах 1939 г., заняв территорию, на которую они притязали по многим основаниям, но дорогую для польских сердец — особенно польских «правых». Предположительно, одна дивизия АК была мобилизована в Волини, а в марте еще две в палатинатах Новоградек и Вильна[□]. Разумеется, эти дивизии сражались с немцами, и среди поляков имели хождение слухи, будто бы русские стояли, выжидая и давая немцам уйти, а потом разоружили и интернировали польское войско. Свидетельства об этом поступали из вторых и третьих рук, однако то, что поляки верили этим слухам, характерно и важно. *Во-вторых*, генерал Табор (его вывезли в апреле) встретился как с британскими начальниками штабов, так и с начальниками штабов союзников¹, и поляки не жалели усилий, чтобы добиться от союзников хотя бы обещаний поддержать всеобщее восстание. Усилия их успехом не увенчались, никаких обещаний не давалось, что объяснялось разного рода трудностями, и союзники по-прежнему требовали от поляков только диверсий и отвлекающих акций². Однако (и это *третий* важный пункт) союзники не предприняли попытки взять под контроль или запретить всеобщее восстание — решение демонстративно оставили на усмотрение поляков, в частности, польского командования на месте. Впервые за все время британцы ввели цензуру польских радиосообщений в ряду мер предосторожности по операции «Владыка», однако после дня «Д» цензуру ослабили. Отметим, что цензуру никогда не использовали для воздействия на польскую политику. Британцы, что называется, умыли руки публично и недвусмысленно, а потому могут (если это их утешит) снять с себя ответственность за события, которые развернулись во второй половине июля.

16 июля началось большое наступление русских на Львов, 18 июля британцы прорвались за Кан, и сдерживать их удавалось с трудом, 20 июля в Восточной Пруссии Гитлер едва уцелел при покушении на его жизнь*. Потом, 23-го, русские возвести-

[□] Речь идет о Волинской области на Украине, окрестностях г. Новогрудок в Белоруссии и г. Вильнюс в Литве.

¹ «Шесть лет борьбы за независимость» — официальный отчет «лондонских поляков», изданный в 1947 г. См. «Таймс» от 22 мая 1947 г.

² COS(44)165-е заседание от 20 мая.

* [См. труд Петера Гоффмана (в переводе Р.Г. Барри) «История сопротивления в Германии в 1933—1945 гг.» (1977 г.), с. 397—523.]

ли о взятии Люблина, что практически означало ликвидацию германского фронта, охватывавшего Центральную Польшу. В тот же день по радио прозвучал манифест Польского комитета национального освобождения, образованного из «московских поляков», поддержанного Армией Людовой и довольно сомнительными польскими дивизиями, сформированными в Советском Союзе под командой генерала Берлинга и генерала Рола-Зимьерского. Советы сразу же признали этот Комитет законной властью на освобожденной территории Польши, а Комитет призвал всех верных поляков восстать и напасть на немцев. Польское правительство Миколайчика в Лондоне не замедлило осудить «Люблинский комитет», однако русские войска продвинулись далеко за Люблин, и игнорировать их «правительство» было нельзя. 26 июля в результате операции «Уайлдхорн III» в Италию из Польши прибыл Ретингер, 27-го было объявлено, что Миколайчик немедленно направляется в Москву для переговоров с русскими о создании объединенного правительства, признаваемого и восточными, и западными союзниками. В тот же день американцы прорвались в Сент-Лу, и конец немцев в Нормандии был предрешен.

Все эти даты необходимы для того, чтобы в понятном свете представить Варшавское восстание как операцию военную и политическую. 27 июля из Италии дошли сведения о предстоящем решении¹, 29 июля генерал Табор на встрече с генералом Габбинсом уведомил его, что лондонское правительство предоставило полную свободу действий властям в Польше, и попросил помощи². 1 августа в 17 часов в Варшаве поднялись Армия Крайова и Армия Людова³. Судя по всему, окончательное решение принял генерал Бор-Коморовский* в Варшаве и что его на это подвигло появление 31 июля передовых частей советских войск километрах в десяти от Варшавы. На военных картах, сохранившихся после тех событий⁴, видно, что то были не удар-

¹ «Польская история УСО», Приложение «R», с. 1.

² «Польская история УСО», с. 9.

³ АЛ обвинялась не в том, что она пятилась или отставала (как можно было бы ожидать, судя по более позднему отношению русских), а в том, что поднялась до часа «Ч» из-за плохой дисциплины или неумного желания сделать обязательство бесповоротным.

* [Т. Коморовский, 1895—1966 гг., кличка «Бор», выжил после восстания, был военнопленным, бежал за границу в 1945 г., обосновался в Англии.]

⁴ См. сборник Аллена и Муратоффа «Русские военные кампании 1944—1945 гг.» (Penguin) — Карта 13.

ные силы, а крайний левый фланг широкого поворотного маневра, опасно открытый для контратаки, и что не было стратегического основания для немедленного наступления русских на Варшаву. Но даже если генерал Бор и знал это (а он мог и не знать), решение его все равно было здравым. С военной точки зрения, обстановка зашла чуть дальше описанной в учебниках стратегии: немцам был нанесен ощутимый удар, порядки их расстроены, и представилась отличная возможность воспользоваться этим, прежде чем время будет упущено. Политически то был последний для старой Польши шанс восстать и прочно утвердиться своими силами: останься она в бездействии, инициатива непременно безвозвратно перешла бы к марионеточному правительству русских в Люблине. Решение восстать имело трагические последствия, но принималось оно не безответственно.

Когда поляки поднялись на восстание, отказать им в помощи было нельзя (во всяком случае, западным союзникам). Конечно же, логичнее было ожидать помощи с востока: русская авиация имела возможность действовать с более коротких расстояний, к тому же русским поддержка восстания давала прямую и явную стратегическую выгоду. Вокруг этого ведется множество споров, и стоит процитировать убедительное письмо Вышинского американскому послу от 15 августа:

«В связи с вашим письмом от 14 августа, направленным на имя народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова, где сообщается, что часть американских ВВС получила срочное указание прояснить с Военно-воздушными силами Красной армии вопрос о возможности проведения челночного перелета из Англии, с тем чтобы бомбардировщики и истребители проследовали через базы в Советском Союзе, а также предложением, касающимся необходимости согласовать с советскими ВВС подобную попытку сбросить оружие в Варшаву, если такая же операция будет проведена в тот же день с советской стороны, народный комиссар поручил мне заявить, что Советское правительство не может согласиться с этим. Восстание в Варшаве, в которое втянуто варшавское население, является исключительно делом авантюристов, и Советское правительство не может в нем участвовать. Маршал И.В. Сталин 5 августа уведомил г-на У. Черчилля, что нельзя рассчитывать, будто несколько польских частей, так называемая Национальная армия, способны взять Варшаву, не имея артиллерии, авиации или танков, в то время как немцы выделили для обороны Варшавы четыре танковые дивизии».

На деле русские повели себя немного лучше, чем на словах: они разрешили американцам провести операцию 18 сентября и — уже под конец восстания — направили нескольких офицеров связи и собственное снаряжение. Однако высший интерес (по их мнению) состоял в том, чтобы восстание завершилось кровавым поражением, и русские не очень-то скрывали это.

Бремя ответственности, следовательно, пало на западных союзников, и с 1 августа до окончательной сдачи 2 октября на всех уровнях шли бесконечные бурные обсуждения, в которых неизменно участвовало УСО. Нет смысла описывать эти обсуждения во всех подробностях, рассказать о том, как много и как мало было сделано, можно кратко.

С самого начала никакой технической подготовки для поддержки с воздуха не велось, задача была новой и головоломной: как с приемлемой точностью сбрасывать грузы в точки, находящиеся в полуразрушенном городе, где к тому же велись бои. Единственный способ, который представлялся возможным, — это дневные операции на американских «либерейторах». Отряд 139 узнал о восстании 2 августа, и операцию на Варшаву для крыла № 334 готовились осуществить в ночь на 4 августа, но потом отложили из-за плохой погоды. 4-го маршал авиации Слессор* отменил все воздушные операции на Варшаву — и ночные, и дневные: безумием казалась операция такого рода на расстоянии почти 700 миль, тогда как русские находились в нескольких милях от Варшавы. Оперативные вылеты проводились в ту ночь по всей остальной Польше авиаотрядом (польским) № 1586, и итоги подтвердили правоту маршала авиации Слессора: из пятнадцати самолетов было потеряно четыре, а еще два разбились на обратном пути. Однако польское движение Сопротивления в Варшаве уже было раздроблено, ни о каком дальнейшем наступлении русских не сообщалось, морально невыносимо было соблюдать запрет на полеты. В ночь на 8, 9 и 12 августа крыло № 334 произвело восемнадцать самолето-вылетов (шесть из них — британскими экипажами), и десяти самолетам удалось сбросить свои грузы на город без потерь.

Этот относительный успех ослабил противодействие КВВС моральному нажиму, было решено усилить крыло № 334 кадра-

* [Сэр Дж. К. Слессор, 1897—1979 гг., введен в рыцарское достоинство в 1943 г., командующий Королевскими ВВС на Средиземноморье в 1944—1945 гг., маршал Королевских ВВС с 1950 г.; в НБС. См. его книгу «Главная голубизна» (1956).]

ми и техникой в расчете на две эскадрильи ночных «либерейторов»¹. Эскадрильи прошли боевое крещение 13 и 14 августа, было совершено пятьдесят четыре самолето-вылета на Варшаву, двадцать три завершились благополучно, потеряно одиннадцать самолетов, а еще столько же вышли из строя в результате повреждений, причиненных легким зенитным оружием, когда самолеты шли на бреющем полете. 16 августа из Варшавы пришла сердечная благодарственная телеграмма², и все же было ясно: продолжать так нельзя. При таком уровне потерь можно было вообще лишиться самолетов дальнего действия и обученных экипажей для проведения ночных операций из Италии.

Так что 15-го маршал авиации Слессор вновь прекратил операции на Варшаву, но разрешил сброс грузов в районе Кампиносского леса возле города — там поляки подбирали их и доставляли в Варшаву. Это было испробовано 15-го и 16-го: двадцать семь вылетов, четырнадцать успешных, и (во втором случае) из восемнадцати участвовавших потеряно шесть самолетов. Такие потери все равно намного превышали допустимый уровень. Ведь были и другие движения Сопротивления, зависевшие от тех же ресурсов. Дополнительная британская помощь, таким образом, была прекращена, все, на что можно было пойти, свелось к разрешению польским летчикам из авиаотряда № 1586 при необходимости летать на Кампиносский лес или в любую другую точку в Польше. Поляки упорно выполняли полеты даже в период светлых лунных ночей — с 17 по 27 августа. За это время успехом завершился двадцать один из сорока шести самолето-вылетов. В последние две ночи потери составили половину задействованных самолетов, а вторая половина вернулась на базу с повреждениями. Авиаотряд № 1586 сократился до двух-трех исправных самолетов вместо положенных четырнадцати и держался только за счет «займов» из эскадрильи № 148, расплатиться по которым было невозможно.

Положение в Варшаве с каждым днем становилось все более отчаянным, и обращения поляков к чести британцев были душераздирающими. Ночи настали безлунные, и в ночь на 11 сентября была предпринята еще одна попытка воспользоваться дополнительными силами КВВС. Только пять из двадцати самолето-вылетов прошли успешно, потери составили пять самолетов: еще одно доказательство того, что помощь из Италии не

¹ Эскадрильи № 31 и 34 союзных ВВС и эскадрилья № 178 КВВС.

² «Польская история УСО», с. 52.

может приобрести военно-стратегический характер. 13 сентября русские наконец-то начали понемногу помогать, а 18 сентября успехом завершилось грандиозное предприятие, когда 110 американских «летающих крепостей», поднявшись в воздух из Англии, пролетели над Варшавой и приземлились на русские аэродромы; они сбросили грузы с высоты 15 000 футов (около 4500 м. — *Пер.*), но даже с такой высоты 30% их попали куда следовало, потеряно же было всего два самолета. Такая операция требовала большой подготовки и могла осуществляться только при хорошей погоде, так что, к сожалению, до поражения 2 октября возможности повторить ее не представилось.

Не считая этой крупной операции, статистика налетов неутешительна:

Самолето-вылеты на Варшаву или Кампиносский лес	161
Успешные	79
Потеряно самолетов	27

Вдобавок по всей Центральной Польше был проведен тридцать один самолето-вылет к войскам «тайной армии», шедшим на помощь: восемь завершились успешно при четырех потерянных самолетах. Эти цифры убедительно свидетельствуют, что невозможно было активнее оказывать помощь, не рискуя потерять все. Хотя горечь и боль поляков были понятны.

Конец Варшавского восстания фактически означал конец польского движения Сопротивления. В Лондоне это вдребезги разнесло эмигрантское правительство: сначала в сентябре отстранили генерала Сосновского после его обвинений союзников в недостаточной помощи Варшаве, потом в ноябре сменили Миколайчика на неисправимого русофоба Арсижевского. Люблинскому правительству, по сути, отдали поле деятельности, и именно оно утвердилось на руинах Варшавы, когда русские наконец вошли в город 11 января 1945 г. После поражения в Варшаве Армия Крайова оставалась бездеятельной, и в ее приказах настойчиво звучало одно: тихо расходиться и прятать оружие при приближении советских войск. Армия Людова встречала русских в январе — феврале 1945 г. как представительница польского движения Сопротивления.

УСО естественным образом оказалось вовлечено в предпринимаемые на высшем уровне усилия как-то исправить безнадежную ситуацию. УСО в оккупированной Польше провело лишь

еще одну значительную акцию — отправило группу «Фрестон» в декабре 1944 г. Поляки никогда не противились идее британского представительства в Польше, но, пока весной 1944 г. не усовершенствовали средства связи, трудно было осуществить это. Даже в середине 1944 г. трудности были очень велики, однако в начале лета за план взялись со всей серьезностью, и отсрочка в его исполнении вызывалась не опасностями, а известной ревностью русских, которая порождала непреодолимые препятствия повсюду¹. Колебания Форин-офис удалось преодолеть только в октябре 1944 г., тогда же подготовили четыре группы, но первая из них, «Фрестон», «в поле» попала только в ночь на 27 декабря, а остальные вовсе не вводились в действие.

Командиром группы «Фрестон» был капитан (теперь полковник) Д.Т. Хадсон, сыгравший столь же значимую роль в Югославии; сопровождали его три британца и польский переводчик. Группу (после трех неудачных попыток) забросили в лесистую местность неподалеку от Ченстохова, на юго-западе Польши, где прием ей обеспечивал отряд АК. В этом районе она и находилась, пока 15 января туда не добрались наступавшие русские. Условия стали, наверное, полегче, чем во времена засилья немцев: группе удавалось довольно свободно передвигаться, встречаться с функционерами местной администрации АК и даже провести официальное совещание с командованием Внутренней армии. Времени было слишком мало, чтобы преуспеть, тем не менее обстановка, какой она представляла в отчетах полковника Хадсона, дает много пищи для размышлений. Ясно, что британские группы могли бы работать в Польше и раньше. Вряд ли они сумели бы сильно повлиять на польскую политику, зато их отчеты могли бы оказать основательное воздействие на политику Лондона и Вашингтона, появилось бы более четкое представление о положении в Польше, и вполне возможно, что эта информация побудила бы западных союзников принять ту или иную польскую политику, пока еще оставалось время. С развитием обстановки Варшавский кризис (а он стал кризисом окончательным) наступил и закончился быстрее, чем успели осознать, какая требуется политика².

¹ Особенно при заброске де Шасталена в Румынию в декабре 1943 г.

² В тот момент, как представляется, единственным британским осведомителем был бежавший из плена летчик КВВС (старший сержант авиации Уард), чьи донесения поляки слали по своему радио как важные свидетельства независимого наблюдателя.

Мало что можно добавить к этому, подводя итоги. Циники могут утверждать, что роль УСО в польских делах — служить буфером между польской назойливостью и нервной реакцией высшего командования союзников. И все же УСО сделало все возможное, дабы поддержать польское движение Сопротивления и его национальный дух. Сделано было много, хотя и недостаточно, чтобы всерьез повлиять на ход событий. Особенно трудно давать оценки военной обстановке, поскольку британских свидетелей не было, а поляки мало заботились о подробных свидетельствах. «Тайная армия» (это вполне ясно) превыше всего заботилась (и правильно делала) о том, чтобы оставаться «существующей армией» и готовиться к «окончательному восстанию и возрождению Польши». Она не стремилась к активным боевым действиям, которые, возможно, больше устроили бы союзников, но в конечном счете оказались бы губительными для Польши. Ее служение союзникам заключалось в бесконечных мелких акциях местного значения, больше предназначавшихся для других целей — поддержать пассивное сопротивление, вселить полякам надежду на будущее. Такая тактика позволяла этой «армии» оставаться живой и больше всего способствовала, наверное, тому, что Польша и под германской оккупацией оставалась воюющей страной, — необходимость поддерживать внутреннюю безопасность всегда тяжким бременем лежала на немцах, отвлекая существенную часть их ресурсов.

2. Чехословакия

Ранее уже указывалось, что после убийства Гейдриха в мае 1942 г. чехи в Лондоне вели себя осторожно, а их организация на родине оказалась сильно разрушена. Требовался постоянный нажим, чтобы заставить их активизироваться. Крайне велики были и технические трудности. Потребовалось около двух лет, чтобы всерьез дать делу новое начало.

За зиму 1942/43 г. была переправлена всего одна группа¹, несмотря на семь предпринятых попыток. Как представляется, один ее участник держал по радио связь с Лондоном до мая 1943 г., когда контакт был потерян². Однако чехи все еще контролирова-

¹ «Сурьма» — 25 октября 1942 г.

² «Чешская история УСО», с. 14, и запись беседы с полковником Моравичем от 11 января 1943 г. в архивной папке УСО (AD/S.1).

ли собственные линии связи и согласились полностью открыть их британцам только в январе 1943 г.¹

Ничего нельзя было предпринять в долгие летние ночи 1943 г., но вот осенью задачи по чешским линиям связи (так же как и по польским) переместились на Средиземноморье: по замыслу операции авиаотряда № 1586 начались из Северной Африки в декабре 1943 г., а из Италии — в январе 1944 г. Однако чехам, так же как и полякам, сильно досаждали погодные условия той зимы, и настоящего успеха добиться удалось только в апреле 1944 г. В тот месяц в Чехословакию благополучно доставили четыре группы, в которых было тринадцать чехов, и радиосвязь восстановили. С того времени развитие шло по двум направлениям: первое вело к Словацкому восстанию в августе 1944 г., второе — к восстанию в Праге в первые дни мая 1945 г.

Начало было положено в Словакии, куда 9 июня 1944 г. забросили с парашютами чешскую группу из трех человек и тем самым открыли канал связи между Лондоном и антигерманскими элементами, таившимися в политическом клубке словацкого марионеточного государства. В начале июля появились планы открытого сопротивления словацких вооруженных сил при попытке немцев полностью оккупировать страну. Президент Бенеш взял на себя всю ответственность за это решение², и, по-видимому, были заранее сделаны надлежащие шаги, чтобы заручиться согласием русских. Ожидаемый ход немцев последовал 27 августа, когда русские двинулись на Карпаты с севера и через Румынию на юго-запад. 29-го четыре очень слабенькие «дивизии» Словацкой армии восстали и, соединившись с так называемыми партизанами, взяли под контроль обширную территорию (куда входили два аэродрома) в гористом центре страны. Западные союзники, уже имея неприятный опыт с Варшавским восстанием, не хотели брать на себе больше никаких обязательств в зоне действия советских войск. По счастью, на сей раз русские повели себя достойнейшим образом. Уже 6 сентября они доставили на тридцати транспортных самолетах оружие, а также 700 бойцов чешской парашютной бригады, прислали они и двадцать

¹ Записка V/CD, датированная 19 июня 1943 г.; в архивной папке УСО (AD/S.1) File F.128.

² См. депешу № 124 от британского посла при правительстве Чехословакии, датированную 30 августа 1944 г., в которой содержится рассказ д-ра Рипки о восстании; в папке (УСО (CD) «Чехословакия 2 Архива УСО».

четыре чешских истребителя, правда с довольно ограниченными ресурсами. И все же помощь русских оказалась совершенно недостаточной, к тому же не произошло дальнейшего наступления советских войск, и в результате концентрации немецких войск восстание постепенно было локализовано и подавлено. С западной стороны все время давали понять, что никакой официальной поддержки не будет. Две американские «летающие крепости» прибыли 17 сентября, а еще шесть — 7 октября, они доставили грузы, однако их главная задача состояла в том, чтобы вывезти бежавших из плена летчиков США, которые оказались среди восставших. В Чехословакии побывал и подполковник Трелфолл, командир группы УСО «Мука» в Италии, который накоротке побеседовал со словацким командующим генералом Гольяном, главным образом убеждая словаков искать помощи на востоке.

Группа майора Симера «Непродуваемые»¹ уже находилась среди словаков, собиравшихся пробиться в Венгрию, и вынуждена была действовать как миссия связи при словаках (до их поражения в ноябре). Намечалось наладить обычную миссию связи, но ее так и не прислали. За пределами этого УСО действовать не разрешалось.

Британское отношение к поддержке движения Сопротивления в центре Чехословакии объяснялось как негативным опытом открытых восстаний в других местах (Варшава, Домодоссала, Веркор), так и дипломатической нервозностью из-за последствий вмешательства в зону действия русских. В Чехословакии УСО по-прежнему руководствовалось политикой, закрепленной в директиве КНШ марта 1943 г.², и отдавало предпочтение диверсионной деятельности, не забывая, впрочем, про подготовку сил «тайной армии», — в той мере, в какой это способствовало решению текущих задач. В Богемии и Моравии никаких условий для создания «тайной армии» не было до тех пор, пока летом 1944 г. не улучшились линии связи. Сумятица, вызванная Варшавским восстанием, помешала развитию этих планов, но все же в сентябре перспективы казались столь заманчивы, что чешский главнокомандующий генерал Ингр обратился сначала к генерал-майору Габбинсу³, а затем к начальнику ИГШ с просьбой

¹ См. раздел 3 главы XX.

² COS(43)142(0) от 20 марта, параграф 29.

³ Письмо от 11 сентября в архивной папке УСО (CD) «Чехословакия 2».

увеличить для его армии на родине поддержку с воздуха. Комитет начальников штабов, обсуждавший этот вопрос 7 октября¹, был, по-видимому, удивлен и самой просьбой, и тем, что УСО ее поддерживает. Начальники штабов готовы были обвинить УСО (несправедливо) в том, что возникла еще одна обременительная для военных забота. В результате обсуждений КНШ 21 декабря дал указание: поставки в Чехословакию с Запада должны ограничиваться примерно двадцатью результативными самолето-вылетами в месяц².

Этого хватало только для миссий связи и специализированных поставок, все остальное должно было поступать от русских. Что предприняли русские, неизвестно. Западу же, разумеется, удалось немного, если не считать сохранения хрупкого канала связи. В течение всего завершающего периода — с апреля 1944 по май 1945 г. — УСО заслало всего тридцать пять человек (в том числе семерых в Словакию) и отправило 42 тонны припасов. Условия оставались сложными почти до конца, из 101 самолето-вылета в начале 1945 г. только двадцать три завершились успешно, и всего две группы агентов добрались до Чехословакии. Группа «Марганец» разделилась на две части: одна направилась в Прагу, откуда держала связь с Лондоном в ходе восстания, другая организовала прием воздушных грузов в Восточной Богемии. Вторая группа — ее представлял всего один человек — «Боксит», — предоставила радиоканал для Чехословацкого национального совета в Моравии.

В течение апреля 1945 г. было доставлено около 28 тонн припасов (намного больше, чем прежде), планировалась отправка четырех групп (включая британских офицеров связи) для участия в решающем восстании. Однако когда Прага наконец восстала 5 мая, связь с Западом по воздуху вновь нарушилась из-за плохой погоды. С 25 апреля нельзя было провести ни одной операции, и так продолжалось до тех пор, пока (наконец-то!) 9 мая не появились русские. В этот период чехи сражались без всякой поддержки (если не считать сомнительной помощи частей генерала Власова³), они ничего не получили от Запада, а армия

¹ См. Записку от м-ра Брука полковнику Прайсу от 6 октября, COS(44)331-е заседание(0), пункт 12, а также Записку генерала Габбинса генерал-майору Холлису от 13 октября.

² COSMED203 от 21 декабря 1944 г., см. также COS(44)957(0).

³ См. очерк в «Манчестер гардиан» от 2 мая 1947 г. [А. Власов, 1900—1946 гг., советский командующий армией, взят в плен в июле 1942 г., перешел на сторону врага, вновь пленен в 1945 г., повешен в 1946 г.]

генерала Паттона томилась в бездействии на границе оперативной зоны. УСО по своим радиоканалам непрерывно получало призывы о помощи, но сделать не могло ничего. Освобождение принесли советские войска, и полковника Перкинса, начальника отдела Польши и Чехословакии УСО, едва ли утешило, что он стал первым британским офицером, появившимся в Праге после освобождения: опасаясь осложнений, он проник туда под видом чеха и почти сразу же исчез.

УСО сделало все, что могло, однако вся история — от Мюнхена 1938 г. до Пражского восстания 1945 г. — заставляет чехов сделать вывод: в моменты решающие и переломные на Запад им полагаться особенно не стоит.

ГЛАВА XXIII

ЗАПАДНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ И ИТАЛИЯ

Следующая наша задача — проследить роль УСО в череде сражений, с которыми союзные войска прошли с запада — через Северную Африку, Сицилию и Италию до Альп. Вклад УСО тут не стал значителен, как в Западной Европе или на Балканах, зато весьма ценен обретенный опыт, а проведенные операции никак нельзя назвать несущественными.

1. Французская Северная Африка

План отторжения Французской Северной Африки от стран Оси не был в 1942 г. новым, однако изначальной задачей организации там «пятой колонны» с тех пор стали заниматься американцы. Работу эту начал м-р Мерфи, когда в марте 1941 г. стал генеральным консулом в Алжире, а после июня 1942 г. за нее официально несло ответственность созданное УСС¹. Первая американская радиосеть соединяла консульства в Тунисе, Алжире, Ороне и Касабланке с сетью в международной зоне в Танжере, куда в начале 1942 г. в качестве старшего американского

¹ См. архивную папку УСО (AD/S.1) SC/76 — «США».

резидента направили полковника Эдди. Мы уже упоминали о радиостанции, созданной майором авиации «Мэллори» на Гибралтаре в декабре 1941 г.¹, на первых порах она была соединительным звеном с Танжером, но были приняты также меры, чтобы обеспечить прямую связь с другими американскими радиостанциями в Северной Африке.

Конкретно обсуждать условия проведения операции «Факел» УСО и УСС стали в начале августа 1942 г., что привело к согласованному разделению обязанностей. УСС предоставляло в общее распоряжение наличные американские связи, среди которых были высокопоставленные офицеры во французском североафриканском командовании, а также небольшие французские «группы действия», совершенно разнообразные по составу, которым налет ультранационалистической реакции придавал Анри д'Астье де ла Вижери, роялист по убеждениям, брат сторонника де Голля Эммануэля д'Астье.

Однако американцам постоянно не хватало опытных кадров, умеющих обращаться со специализированным оборудованием и для обслуживания средств базирования, а потому они нуждались в сотрудничестве с УСО. Согласованная структура закреплялась на трех уровнях:

- а) На Гибралтаре создавалась группа УСО/УСС во главе с полковником Эдди, заместителем которого был м-р Брайен Кларк из УСО, в оперативном отношении она подчинялась генералу Эйзенхауэру.
- б) Небольшие технические секции УСО с радиооборудованием придавались каждому из трех экспедиционных корпусов в Орне, Алжире и Касабланке. Все они так или иначе оказались полезны, а помощь секции в Касабланке просто цены не имела, поскольку несколько дней береговые средства связи ВМФ не действовали и все сообщения из Адмирал-холла шли через радиостанцию УСО. И все же по-настоящему значимым представительством на этом уровне стала группа, приданная Восточному экспедиционному корпусу (британская 1-я армия и 2-й корпус США) во время его броска в Тунис, она известна под названием «Брандон»².

¹ См. раздел 1 главы XIV.

² Имеется краткий отчет «Группы «Брандон» среди «Историй отделов УСО». [Множество подробностей содержит книга Ричардса «Секретные флотилии».]

в) Наконец, генерал Эйзенхауэр согласился учредить в Северной Африке сразу же после освобождения, по сути, представительство Центра УСО, ведущее работу с иного направления — на такие территории, как Франция, Корсика и Италия. УСО уже делало попытки открыть такое представительство из Англии. Оно стало известно как МВЧСб¹, или «Массингэм».

«Массингэм» приобрела значение позже, однако центровое положение ей обеспечивала только функция штаб-квартиры, которая наделяла общим оборудованием оперативные отделы, направление деятельности которых задавалось в другом месте. О работе этих отделов стоит говорить только в общем контексте деятельности УСО в каждой стране, в особенности во Франции и Италии. Все же можно напомнить, что база «Массингэм» представляла средства для боевой подготовки, радиосвязи, складирования, проведения воздушных операций — словом, все, что делало общую деятельность возможной. Вся работа «Массингэм» сокрыта в управленческой трясине, где барахтались союзные службы в Северной Африке, и содержание ее вряд ли представляет познавательный интерес. Тут только необходимо внести ясность: со времени создания 17 ноября 1942 г. крохотная поначалу МВЧСб, возглавляемая подполковником Дж.У. Манном и подполковником Дэвидом Кесуиком, превратилась в большое хозяйство, где в пик деятельности числилось 800 британских служащих (в том числе немало из Добровольческой вспомогательной части женского медперсонала) и работало по меньшей мере такое же количество американцев и французов².

О центре на Гибралтаре и судьбе «Брандон» следует рассказать подробнее.

а) Роль УСО в операции «Факел»

Успех «Факела» убедительно доказал (если доказательство требовалось) военную значимость добротных «подпольных» приготовлений. Провести такую стратегическую операцию было бы невозможно без хорошо рассчитанного появления Жиро, она, конечно же, была бы невозможна без поддержки Маста, Бетуара

¹ Межвойсковая часть связи 6.

² Есть история «Массингэм», подготовленная в УСО, и Приложение к ней капитана Жаклин Портер из ДВЧМ; в основном она посвящена операциям, но содержит и информацию об Управлении.

и других высокопоставленных офицеров в Северной Африке. Тактически малочисленные и плохо вооруженные французские «группы действия» в Алжире добились замечательного успеха, удерживая ключевые точки в течение определенного времени, хотя американцы, возможно, чересчур осторожно воспользовались помощью этих групп.

Все эти приготовления велись американцами, и нет необходимости повторять на этих страницах известную историю приезда генерала Марка Кларка*, колебания Жиро и прочее... УСО играло вспомогательную, но весьма существенную роль¹. *Во-первых*, УСО заранее поставило немало снаряжения, которое американцы тайком распространяли через Танжер, а в последний момент попыталось доставить больше грузов по морю, на пляж возле Алжира. Взялось за это небольшое судно «Минна», которое простояло на якоре у алжирского побережья с 3 по 5 ноября, но что-то не получилось со встречей, и «группе действия» пришлось действовать ограниченными средствами. *Во-вторых*, после прибытия генерала Эйзенхауэра 5 ноября и две-три недели после дня «Д» все секретные линии связи с Северной Африкой поддерживала радиостанция на Гибралтаре «Мэллори». Американские связисты поначалу не сумели решить технические проблемы и наладить радиосвязь с Северной Африкой со Скалы, и радиостанция УСО продолжала передавать важные сообщения даже тогда, когда союзники уже утвердились в Алжире².

б) «Брандон»

Операция «Брандон», наоборот, была почти целиком осуществлена УСО. Вообще-то она провалилась, но провалилась весьма поучительно. Проводить ее начали два британских офицера — подполковник Анструсер и майор Уатт Торранс с радистом, ко-

* [М.У. Кларк, 1898—1985 гг., американский генерал, прибыл в Алжир на подводной лодке до начала высадки по плану операции «Факел» в 1942 г., командовал 5-й армией США в Италии в 1943—1945 гг.]

¹ Краткий, но добротный отчет м-ра Брайена Кларка содержится в Приложении «F» к «Иберийской истории».

² Подборка наиболее важных сообщений составляет Приложение «E» к «Иберийской истории», которое, возможно, имеет некоторую историческую ценность, поскольку резиденты США в Северной Африке уничтожили все документы по дню «Д» и сомнительно, чтобы штаб генерала Эйзенхауэра когда-либо располагал полным набором этих сообщений.

торые прилетели в Алжир 8 ноября 1942 г. С ними работал резидент УСС в Алжире; другим сотрудникам УСС, как предполагалось, предстояло продвинуться дальше на восток, но они там так и не появились. Группа «Брандон» получила не совсем четкие инструкции, ее не поставили на довольствие в британской 1-й армии, хотя та и подчинялась генералу Андерсону как командующему Экспедиционными силами. В Тунисе у УСО не было никаких связей — по-видимому, американцы ничем не поделились, так что без дальнейшей подготовки работа по «пятой колонне» в обычном смысле была невозможна. Как представляется, замысел был таков: группа «Брандон», не теряя времени, набирает и обучает партизанское войско из деятельных просоюзнических кадров, какие отыщутся в Северной Африке, и использует их людей для проведения рейдов и диверсий в тылу противника. Такая задача требовала создать нечто похожее на Пустынную группу дальнего действия, а не «пятую колонну», если не считать того, что партизаны хорошо знали страну и могли при случае действовать в гражданской одежде.

Вот из такого неопределенного замысла появилось три направления действий:

1) *Боевая подготовка.* Подполковник Анструсер незамедлительно связался с французской молодежной организацией «Стройка молодости», которая отличилась в Алжирском восстании, даром что являлась детищем Виши. Приняли его хорошо, сразу же договорились о подготовке во временном центре возле Алжира. Там быстро создали небольшой отряд из людей, наполовину обученных, зато отчаянных и энергичных. В ноябре отряд направился дальше, на постоянную и уединенную базу в Гельме, где обучение продолжили, наладив процесс более основательно. Потом в декабре французы вывели «Стройку молодости» из-под британского контроля на вполне разумных политических основаниях, а взамен предложили договориться о корпусе «Свободная Африка», куда набирали на службу иностранных добровольцев, в особенности испанских республиканцев, многих из которых власти Виши держали в североафриканских тюрьмах. Военное руководство корпусом оставалось за французами, но группе «Брандон» предлагалось обучить людей и использовать в своих целях. Именно из этого корпуса отобрали для операции больше всего кандидатов — около 300 человек, правда, недостаточно обученных, к тому же большинство из них находились в плохом физическом состоянии, поскольку перенесли немало лишений.

2) «*Особые отряды*». Первое подкрепление «Брандон» получил, когда судно «Минна» прибыло в Бон 17 ноября под командой офицера УСО лейтенанта Добровольческого резерва ВМФ Брукс-Ричардса*, доставив снаряжение и небольшое количество прошедших начальную подготовку добровольцев из Гибралтара. Брукс-Ричардс направился с отрядом на «Минне» вдоль побережья и 2 декабря овладел маяком на мысе Серрат, в гористой и необитаемой местности на левом фланге наступающих союзников. Здесь, в шести часах ходу до расположения союзных войск, его группа благополучно продержалась до окончательного прорыва союзников, пытаясь разными способами нанести, пусть и небольшой, урон противнику. Такое прикрытие обнаженного фланга подсказало идею организовать еще один передовой пост «Брандона» — во главе с майором Торрансом в Седженане, в той же самой местности на левом фланге союзников.

Непредвиденной проблемой непредвиденного фронта в Тунисе стало арабское население, которое легко проникало сквозь редкие передовые линии и в целом намерено было поддержать, скорее, державы Оси, чем союзников своих хозяев-французов. Шпионаж и воровство арабов очень досаждали, а полевая полиция безопасности справиться с ними не могла. Тогда на помощь призвали отряд «Брандон», в составе которого хватало людей, знавших здешние места. Отряд действовал не совсем безуспешно и, обретя опыт, был усилен и действовал в составе 5-го корпуса (1-я армия). В начале января 1943 г. создали четыре «особых отряда» (в дополнение к тому, что находился на мысе Серрат), объединенных в «группу № 1» под командой майора Торренса. В начале февраля создали еще и «группу № 2», приданную 2-му (американскому) корпусу.

Ясно, однако, что подобная полицейская работа не годилась для УСО, и, как представляется, командование 1-й армии несколько озадачивал «Брандон», походивший на шайку головорезов, без четких функций и нормального снабжения. Жалобы достигли Лондонского УСО — и через военное министерство, и через полковника Эдди из УСС в Алжире, — и когда в конце января 1943 г. бригадный генерал Габбинс прибыл в Северную Африку, то постарался разъяснить военным, что такое «Брандон», и установить больший порядок в управлении отрядом. В результате появилась директива командования 1-й армии, ее

* [Сэр Ф. Брукс-Ричардс, род. в 1918 г., введен в рыцарское достоинство в 1976 г., посол в Афинах в 1974—1978 гг.]

направили 2-му, 5-му и 19-му корпусам 12 февраля 1943 г.¹ В ней разъяснялся статус «особых отрядов» и их задачи:

- обеспечивать активную поддержку со стороны арабов;
- не давать противнику использовать арабов;
- обеспечивать проводниками и переводчиками для оперативных целей;
- распространять пропагандистские листовки за линией фронта противника;
- осуществлять диверсии на линиях коммуникаций в тылу противника;
- при проведении крупных операций проводить партизанские рейды большей продолжительности за линией обороны противника.

Управленческая структура была выстроена четко, и о ней следует рассказать подробнее, поскольку на ее основе были разработаны специальные установки для действий «в поле» в Италии, Франции, Норвегии и в других местах.

«Особые отряды» в районе действий 1-й армии состоят из штаба и двух групп. Штаб «особого отряда» (ШОО) находится в оперативном подчинении штаба армии. Одна группа придается 2-му корпусу, а другая — 5-му корпусу. Каждая группа находится в оперативном и исполнительном распоряжении командования корпуса, которому она придана, и получает необходимое довольствие обычным порядком».

С этого момента «Брандон» счастливо «сочетался браком» с военной структурой и исполнял свою небольшую роль деятельно, пусть и не всегда заметно. Возможности глубокого внедрения практически были исчерпаны с появлением Роммеля в Тунисе в начале 1943 г., когда фронт сразу же «разбух», а потому вопрос о внезапном партизанском наступлении даже не поднимался. Было проведено несколько удачных вылазок в прифронтовую полосу противника, велась пропаганда, собирались разведданные, оказывалась помощь в удержании под контролем арабского населения — этого вполне хватало, чтобы не сомневаться в полезности военизированных формирований даже в условиях довольно статичного фронта.

3) *Операции дальнего действия.* Штаб отряда «Брандон» отвечал за глубокое внедрение в Тунис — как для установления связи с Соппротивлением, так и для вывода из строя определенных

¹ 50/G.Ops от 12 февраля 1943 г., воспроизведено в Приложении «С» к «Истории операции «Брандон» УСО».

объектов. Предпринимались две попытки вывести из строя железнодорожные мосты на восточном побережье Туниса. Одна группа из двенадцати человек высадилась с подводной лодки в ночь на 29 января, но так ничего и не совершила, а на обратном пути попала в плен. Другая группа из восьми человек в ночь на 26 марта десантировалась с парашютами — и тоже была захвачена, но перед тем успела уничтожить объект, и в результате железнодорожное движение было прервано на двадцать четыре часа в очень важный момент. Попытка организовать внутренние силы Сопротивления началась с высадки двух французов в районе Бизерты в ночь на 5 марта. Их радиопередатчик украли арабы, а потому группе так и не удалось выйти на связь с базой, в конце концов французы решили вернуться обратно через линию фронта, но были схвачены немцами. И все же группе удалось создать небольшую сеть в районе Бизерты. Вторая попытка завершилась трагически. Майор «Мэллори», очень деятельная натура, о нем мы уже упоминали, 29 января был послан в Тунис с двумя французскими агентами для организации Сопротивления в Тунисе. Группу схватили почти сразу же, противнику достались коды, радиопередатчик, график выхода в эфир и открытая линия с радиостанцией «Массингэм». Немцы, ведя сеанс связи, пропустили неизвестный им сигнал контрольной проверки, а в «Массингэм» не обратили на это внимания. Поддавшись на обман, «особый отряд» 6 апреля направил еще десять агентов, которых сразу же схватили немцы. Та же судьба постигла бы еще две группы, но случилось так, что противник сложил оружие. Случай безрадостный, и тем приятнее сообщить, что впоследствии «Мэллори» и восемь других агентов нашли живыми в немецких концлагерях.

Каковы же уроки, извлеченные из недолгой и не очень успешной деятельности отряда «Брандон», бывшей первой (исключая Мадагаскар) попыткой УСО внести непосредственный вклад в боевые действия союзников? Уроки очевидны, и их не забыли:

- 1) Значимость вклада УСО зависела от подготовительной работы, проделанной задолго до операций. Действия «пятой колонны» оказались неоценимыми в Алжире и Марокко, где к ее созданию хорошо подготовились, она могла бы принести значительно больше пользы в Тунисе, если бы и там подошли к этому ответственно. А вот всякие импровизации эффекта не давали.

- 2) «Особые отряды», находящиеся «в поле» следует включать в обычную военную структуру управления и снабжения, чтобы они походили на вполне обычные части, сколь бы ни были необычны их функции.
- 3) Военные власти должны ясно представлять цель «специальных операций» и те средства, используя которые ее можно достичь. Прежде УСО старалось поддерживать режим секретности, теперь же стало очевидно, что подобная таинственность не годится. Все ответственные инстанции должны знать, хотя бы в общих чертах, каковы функции Управления. Это не значило, что УСО следует в деталях раскрывать методы своей работы всем подряд, но тем, кто вовлечен в эту работу, — непременно.
- 4) Оказалось, что «нерегулярные» отряды способны выполнять великое множество дел, причем порой быстрее и дешевле, чем кадровые части. Следует в полной мере использовать такую приспособляемость, при условии что это не отвлечет силы от дела более важного, например, создания «пятой колонны».

2. Италия¹

До сих пор об Италии говорилось мало, поскольку УСО там немногого добилось. Попытки УСО проникнуть в стан основных противников — Германию и Италию оказывались безуспешными главным образом по двум причинам:

- а) Политика «безоговорочной капитуляции»² (единственная, пожалуй, основа, которая смогла так надолго удержать в союзниках США и СССР) означала, что не должно предприниматься никаких серьезных попыток подкупить или свратить ту или иную часть правящей олигархии ни в Германии, ни в Италии. Как выяснилось после заключе-

¹ См. общие описания (УСО), сделанные подполковником Роузберри и подполковником Хьювиттом, краткие отчеты и большие досье, собранные аналитической службой G3 штаба союзных войск в единую «Историю специальных операций»; описание «Корсика» связано с «Историей «Массингэма» УСО».

² Формулировка вошла в обращение лишь после конференции в Касабланке в январе 1943 г., однако политику такой направленности стали проводить гораздо раньше.

ния мира, многие высокопоставленные нацисты и фашисты стремились перестраховаться, и нам стоило бы отрешиться от всяческих моральных колебаний в связи с их обманом — ведь они сами частенько прибегали к обману в отношениях с другими. Однако опасность раскола в отношениях между тремя союзниками была очень велика, поэтому УСО все приходилось строить на очень зыбком фундаменте подлинно антинацистского и антифашистского плохо организованного и почти беспомощного меньшинства.

- б) Хотя полковник Гранд и отдел D изначально считали Германию с Италией своими главными целями, военные победы Гитлера в 1940 и 1941 гг. изменили обстановку. Теперь образовалась обширная оккупированная территория, где можно было осуществлять подрывную деятельность, и УСО, несомненно, сосредоточило свои скромные ресурсы на том, что давало самые быстрые результаты. Это, однако, привело к явному парадоксу: британская подрывная организация сильно запоздала с акцией «разложения» основного противника.

а) Первая фаза

В период невзгод, обрушившихся на Италию зимой 1940/41 г., велось немало разговоров об активизации подрывной деятельности против итальянцев. УСО получило указание Комитета начальников штабов¹, в котором железная дорога, связывающая Северную Италию с Германией, была названа в перечне приоритетных объектов для диверсии. Кое-что делалось и в Швейцарии для поощрения «нераспознаваемых» диверсий на железной дороге, где проходили транзитом итальянские грузовые составы. Был замысел как-то использовать итальянцев, взятых в плен во время наступления Уэйвелла, и вначале цель группы майора Питера Флеминга «Як»² состояла в вербовке и подготовке патриотически настроенных военнопленных в качестве диверсантов. Сделать этого не удалось, хотя неудача не была такой постыдной, как вербовка «демократических» итальянцев в США, которых переправили морем в Индию для работы среди военнопленных. Эти самые «демократы» оказались шайкой расхити-

¹ См. раздел 2 главы V.

² См. раздел 1 главы VIII.

телей, хватавших все, что плохо лежит, избавиться же от них удалось лишь после нескольких месяцев препирательств между британскими ведомствами¹. Единственным существенным вкладом УСО в тот период стала заброска обученного итальянца в качестве проводника и переводчика в ходе первой британской военной парашютной операции, в феврале 1941 г. в Южной Италии². Работал он хорошо, но был схвачен и расстрелян фашистами.

В какой-то мере такое крушение планов связано с неразберихой в разделении функций. Операции проводились то из Швейцарии тамошним резидентом УСО м-ром Джоном Маккафри, то с Мальты или из Египта, то из разных нейтральных столиц. Общее указание о направлении работы исходило от отдела в каирском Центре, а каирский Центр был парализован из-за напряженных отношений между организацией SO2 полковника Поллока и организацией SO1 под началом полковника Торнхилла, которая активно и полностью самостоятельно вела нелегальную пропаганду среди итальянцев в Ливии и лагерях для заключенных. СД в мрачных тонах доложил в октябре 1941 г. м-ру Дальтону о положении дел с итальянцами³ и провел реорганизацию, по которой Итальянский отдел (отдел J) учреждался в лондонском Центре под началом подполковника К.Л. Роузберри. Направленность работы теперь определялась из Лондона, а резидентурам в Швейцарии, на Мальте и в Египте предстояло играть подчиненную роль и следовать предначертанной линии.

б) Отдел J руководит

Следующая фаза начинается созданием отдела J и заканчивается высадкой союзников в Италии в сентябре 1943 г. В политическом и пропагандистском плане дела улучшились, хотя с внедрением агентов все обстояло из рук вон плохо. Пропагандистская обработка итальянцев с помощью радиопередач, лис-

¹ Подробности этой комедии содержатся в «Истории УПВ» м-ра Дэвида Гарнетта.

² Операция «Колосс» — сведения в COS(41)52-е и 56-е заседания. Личные воспоминания этого итальянца (Пикклеи) см. в книге Ньюэн-ма «Прелюдия славы», с. 24.

³ Служебная записка от 15 октября, процитированная в описании Роузберри на с. 1. В то время м-р Брэкен резко критиковал м-ра Дальтона за недостаточную подготовку к политической войне для поддержки наступления генерала Очинлека в Ливии.

товок, «слухов» и других средств, по-видимому, имела значительный успех — подкрепленная, само собой, весомыми военно-политическими доводами. УСО мало чем могло помочь в этом, разве что доставкой материалов в Италию по различным каналам. Вдобавок оно предоставило канал для двух важных политических контактов.

Одним из них был Эмилио Луссу¹, антифашист из Сардинии, связанный с организацией «Справедливость и свобода», самой активной антифашистской группой в эмиграции — из нее позже образовалась немногочисленная, но деятельная «Partito d'Azione». Луссу в ноябре 1941 г. по своей инициативе выехал с женой из вишистской Франции и обратился к британцам с предложением внедрить его в Сардинию, где, как он полагал, можно было создать сильное движение против Муссолини. Замысел был серьезный, предложил его способный и решительный человек, обладавший значительным политическим весом, и отдел J этот замысел поддержал. Вместе с тем Луссу (что делает ему честь) мог согласиться с ролью британского агента, тайно содействующего поражению собственной страны, но не потребовал взамен четких заверений о незыблемости довоенных итальянских границ в Европе. Естественно, такое было невозможно, и Луссу в июле 1942 г. вернулся во Францию без каких-либо обязательств перед УСО. Когда Муссолини пал, он самостоятельно пробрался в Италию и отлично проявил себя в организации движения Сопротивления в Риме.

Второй контакт предполагал куда более крупный проект. Его поначалу предложил в Швейцарии итальянский промышленник по имени Руси, связанный с маршалом Бадольо* и другими высокопоставленными итальянцами, настроенными против фашизма и против Германии. Переговоры начались в конце 1942 г., а в начале 1943 г. они уже достигли той стадии, когда достоверные предложения Бадольо можно было представить Военному кабинету². Предложение маршала осуществить государственный переворот было твердым, но не безусловным: не называлась дата

¹ Сведения в папке (AD/S.1) SC/77/5 Архива УСО. [См. его книгу «Приход Муссолини» (1927).]

* [Пьетро Бадольо, 1871—1956 гг., начальник итальянского генерального штаба в 1940 г., глава правительства в 1943—1944 гг.]

² Предложения изложены в WP(43)27 от 14 января, этого документа нет в архиве кабинета министров, возможно, все его копии были уничтожены.

захвата власти, зато предлагалось незамедлительно создать итальянскую армию за пределами Италии из пленных, находившихся в руках союзников. Заранее были тщательно согласованы детали перелета посланника Бадольо генерала Пезенти из Италии в Киренаику.

Уведомив начальников штабов¹ о поступившем предложении, Кабинет в январе 1943 г., когда м-р Черчилль находился в отъезде², отверг его. К рассмотрению вернулись в марте 1943 г., и Кабинет решил, что генералу Пезенти следует дать понять, что его ждут на Киренаике³. Однако, указал Кабинет, генералу Бадольо до начала переговоров не следует давать никаких обещаний, и этого оказалось достаточно, чтобы прервать переговоры. После заключения мира Бадольо использовал многие возможности, упущенные в данном случае союзниками: восстание в Италии, которое должно было начаться сразу же за падением Туниса, сильно изменило общее понимание войны, а риск немецкого силового вмешательства был куда меньше, чем во времена Салерно. А вот политический риск переговоров был очевиден. Учитывалось и то, как технически трудно подготовить к высадке значительные силы, как трудно прикрыть их с воздуха, пока Сицилия все еще в руках у неприятеля. Доводы были равнозначными на чашах весов, и принятое решение, несомненно, имело важнейшее значение.

Связь с Бадольо поддерживалась через резидентуру УСО в Швейцарии, та же резидентура пыталась выйти на остатки левого движения — либералов и социалистов — в Северной Италии. Движение существовало, более того — его участники по мере сил устраивали небольшие диверсии, занимались пропагандой, однако УСО сильно подставили, когда оно попыталось оказать им поддержку. Обман велся по двум, не связанным друг с другом каналам: создали их Служба военной разведки (СИМ), которая содержала для этой цели «организацию сопротивления» под руководством некоего д-ра Клейна (он же Альмериотти), и фашистская полиция (ОВРА), под покровительством которой действовали разные ложные «сети сопротивления», носившие

¹ Копия Записки СД генералу Исмю, датированной 7 января 1943 г., в архивной папке УСО (AD/S.1) «Действия в Италии».

² В архиве Кабинета сведений об этом нет.

³ WM(43)42-е заседание от 18 марта 1943 г. Конфиденциальное Приложение к стандартному досье министра, сообщенное сэром Ормом Сарджентом сэру Чарльзу Хамбро в письме от 20 марта 1943 г.; в архивной папке УСО (AD/S.1) File 77 «Действия в Италии».

названия «Волки», «Тигры», «Щенки» и т.п. Получалось, что британцы отдавали в руки фашистов то, что пригодилось бы истинным бойцам Сопротивления, а сами получали дезинформацию. По счастью, не было нанесено вреда подлинному движению Сопротивления, даже радиста, который пробрался из Швейцарии к д-ру Клейну, СИМ тщательно оберегала как заложника, и после заключения мира его удалось спасти. Помимо этих полицейских сетей британцы установили связь еще с одной, где руководил некий Кавадини, который, по-видимому, действовал искренне. В помощь ему в августе 1943 г. прислали британского радиста лейтенанта Маллаби. Однако тихую сельскую местность, где Маллаби приземлился, в ту ночь заполонили беженцы, спасавшиеся от налетов Королевских ВВС на Милан, и его почти сразу же схватили. Тем не менее, как выяснилось, он сумел оказаться полезным.

Когда союзники высадились в Северной Африке, немногочисленный Итальянский отдел отправился на базу «Массингэм», чтобы по мере сил вести работу с юга. Одним из мест, куда открылся выход, стала прежде недоступная Сардиния — именно там 11 января 1943 г. с подводной лодки высадили двоих человек (говорящего по-итальянски венгра и сардинца). Им не повезло: их почти сразу же схватили, проделали обычный трюк с их радиопередатчиком и вышли в эфир, но, по счастью, подмена быстро обнаружилась. База «Массингэм» поддержала радиообмен и даже — в знак доверия — снабдила противника информацией, обманщики ничего не заподозрили, и канал сыграл свою роль при осуществлении плана прикрытия операции «Эскимос» (высадка в Сицилии): итальянцы едва ли не до последнего момента были уверены, что высадка произойдет в Сардинии. Это было единственное достижение движения Сопротивления на Сардинии. Когда настал мир, офицер УСС подполковник Серж Оболенский сразу же был сброшен с парашютом на Сардинию в составе смешанной англо-американской группы, а вслед за ним туда прибыла группа побольше под командой бригадного генерала «Тедди» — Рузвельта*. Однако все, что они смогли, это поддерживать связь с местным итальянским генералом, не имевшим никакого намерения воевать с отступавшими немцами¹.

* [1887—1944 гг., бригадный генерал, погиб в Нормандии, двоюродный брат президента.]

¹ См. отчет подполковника Оболенского, приложенный к разделу VI «Истории Штаба союзных войск».

«Массингэм» поручили также подбор подходящих итальянцев, если таких можно было отыскать в Северной Африке, их подготовку и формирование группы УСО для помощи при высадке на Сицилии. В Северной Африке новых приверженцев нашлось немного, зато в Америке и других местах теперь, когда Италии стало выгодно пребывать в стане союзников, сотрудничать выказывали готовность итальянцы сортом получше. Первые слухи о создании новой Partito d'Azione дошли до Швейцарии в июне 1943 г., когда в ней уже числилось много выдающихся лиц, и УСО смогло передать представительству «Массингэм» таких людей, как Тарчиани (позже член правительства Неаполя и посол в Вашингтоне), Чианка (член первого правительства Бономи), Вейцен (член Центрального совета движения Сопротивления в Северной Италии) и Макс Сальвадори, брат жены Луссу и верный друг британцев*.

Все это обещало стать гораздо значимым, чем «Брандон». Однако связи внутри Италии по-прежнему оставались слабыми: в 1-й армии отряд «Брандон» вообще не жаловали, а 8-я армия несла с собой эхо тех бурь, что вечно бушевали вокруг УСО в Каире. Так что предложение высадить группу УСО вместе с основными силами операции «Эскимос» встретили в Алжире несколько настороженно, и потребовался личный приезд подполковника Роузберри, чтобы уладить ситуацию. В результате появилась группа «Сходни» под командой майора Малкольма Мунсе¹, чьим отцом был д-р Аксель Мунсе, автор «Истории Сан-Микеле». Вместе с основными силами высадки отправились пять групп, в которые входили несколько замечательных итальянцев. На Сицилии не было организаций Сопротивления, которые эти группы могли бы поднять на восстание, зато было много сочувствия и стихийного желания помочь, так что группа «Сходни» сыграла ту же второстепенную роль, что и отряд «Брандон», правда, действовала она в более благоприятных условиях.

Это вряд ли повысило авторитет УСО среди военных, и все же Управлению немного повезло: его судьбу в Италии определила роль, которую сыграло УСО в переговорах о заключении мира. Режим Муссолини пал 25 июля 1943 г., посланцы прави-

* [См. «Max Salvadori, l'uomo, il cittadino» — «Макс Сальвадори, человек и гражданин» (Фермо, 1996), материалы конференции, посвященной его памяти.]

¹ Ранее он находился на службе MI(R) в Норвегии и УСО — в Швеции.

тельства Бадольо появились в Лиссабоне 20 августа при обстоятельствах, весьма угрожавших их личной безопасности. Одна из самых насущных задач состояла в организации связи после их возвращения в Италию, затягивать с которым было нельзя. Подполковник Роузберри тотчас вылетел в Лиссабон, взяв с собою радиопередатчик и график выхода в эфир. Их вручили итальянским делегатам, наскоро объяснив, как тем и другим пользоваться, а для пушей уверенности сообщили итальянцам о другом радисте — Маллаби, который мог оказать квалифицированную помощь. Бадольо скрытно перевел Маллаби в Рим, и тот стал работать на передатчике Роузберри (кодовое наименование «Обезьяна»), передавая и принимая все сообщения, которыми обменивались Бадольо и Эйзенхауэр в напряженные дни, предшествовавшие высадке в Салерно, и в которых обговаривались детали передвижения участников переговоров и технических специалистов, заброски генерала Тейлора в Рим, шел обмен всевозможной важной информацией. Эта импровизированная линия радиосвязи — скорее, ловкий фокус, нежели продуманный план, — обрела высокую ценность в событиях и куда больше повысила престиж УСО, чем сделанное ранее в Северной Африке.

Мы уже видели, какие трудности пришлось преодолевать из-за сдачи итальянцев на Балканах и Восточном Средиземноморье. Режим секретности не позволял УСО давать какие-либо предварительные указания или распоряжения британским офицерам связи или планировать контакты с итальянцами до объявления о капитуляции и высадки наших войск в Салерно (8—9 сентября 1943 г.). Бадольо, вероятно, на том же основании оставил итальянские войска без какого-либо плана или хотя бы общих указаний. Как выяснилось, режим безопасности уже был нарушен, секретность действий союзников заключалась только в том, что немцы могли вести приготовления, а УСО — нет. По существу, и союзники, и итальянцы скорее всего рисковали бы меньше, проводя они более смелую политику.

Впрочем, этот вопрос был выше компетентности УСО, а на этой стадии Управление могло похвастаться лишь одним: участием в захвате Корсики. Тут есть о чем поговорить, поскольку речь идет о первом случае, когда восстание «пятой колонны» союзников точно по времени совместилось с общей наступательной операцией. Итальянцы не оккупировали Корсику до падения режима Виши во Франции в ноябре 1942 г., и самые первые «прошупывания» УСО проделало с помощью одного из

голлистских агентов в «Вишиландии»¹. С занятием Северной Африки попытку предприняли вновь, уже с юга: Корсика (что ни говори) была родиной первых маки и вряд ли покорно приняла бы итальянскую оккупацию. Первой (в начале декабря 1942 г.) пробралась на остров франко-американская группа, чья судьба, по документам УСО, не прослеживается. 31 декабря на французской подлодке «Касабьянка» доставили голлистскую группу под патронажем «Массингэм»². Ее командир, корсиканец капитан Скамерони, отличался большой отвагой и энергией, но не особой прозорливостью, под его руководством ряды Сопротивления ширились опасно быстро. Радиосвязь прервалась 15 марта 1943 г. — как позже выяснилось, группа была выдана предателем, а ее командир покончил с собой в тюрьме³.

Все надо было начинать сначала, и на этот раз выбор пал на капитана Колонна д'Истрия, корсиканца из старинного рода, служившего в «жандармерии» Алжира и рекомендованного генералом Жиро. Человек весьма даровитый, он не нуждался в долгой подготовке и в ночь на 6 апреля высадился на побережье Корсики вместе с двумя помощниками-корсиканцами и юным англичанином-радиостом. Колонна очень быстро сумел свести воедино различные течения внутри движения Сопротивления: голлистов, жироистов, коммунистов и просто разбойников, создав из них подобие военной организации. В конце мая⁴ он уже сообщил: «Все патриоты, числом около 9000, находятся под единым командованием и организованы «по кадрам» в городах и селениях с прицелом привлечь 95-процентное большинство населения, которое симпатизирует делу, но пока оставлено в стороне ради безопасности. Установлена система управления, основанная на административном делении территории и распределении задач: цели сведены воедино и изучены».

Следующая задача — оружие — оказалась, по меркам УСО, относительно простой. Радиус перелета из Северной Африки был довольно невелик, для выгрузки с моря подходила французская подлодка «Касабьянка». Всего, как сообщалось, до дня «Д» было доставлено 8000 «стеннов», 1000 винтовок, 150 немецких МГ-34, 98 «бренов», 12 двухдюймовых минометов с комплектом боеприпасов и взрывчатки — внушительный арсенал, если приба-

¹ См. раздел 4 главы XI.

² Операция «Морской еж» — «История отдела R/F», 1943 г., с. 2—3.

³ Подробности в «Истории отдела R/F», 1943 г., с. 1.

⁴ Приложение «А» к «Истории «Массингэма» УСО», с. 3.

вить еще и оружие, которое пряталось самими корсиканцами, но годилось только для партизанской войны.

В июле Колонна выехал ненадолго и в начале августа вернулся, получив определенное представление, к чему следует готовиться. Еще до заключения мира он связывался с полковником Ганьони, итальянским комендантом Бастии, который рвался в бой, и, когда наступило 8 сентября, Колонна направился прямо к итальянскому командующему генералу Магли. Убедить Магли взять на себя инициативу не удалось, и единственными из итальянцев, принявшими участие в сражениях, были те, кем командовал Ганьони. Все же итальянцы по крайней мере сохраняли нейтралитет, так что войско Колонны овладело большей частью острова и сохранило все объекты, подготовленные противником к уничтожению. Немцы сразу решили оставить Сардинию и эвакуировать свои войска через Корсику, а потому главным было для них в это время — сохранить дорогу по восточному побережью до Бастии. Единственное препятствие — итальянский гарнизон Бастии во главе с Ганьони, который поддерживали корсиканцы, но немцы к 13 сентября это препятствие преодолели, заставив отойти (после ожесточенных боев) защитников гарнизона. В тот же день в Аяччо прибыли французские эсминцы, где их встретили державшие порт в своих руках бойцы Колонны. Корабли доставили французский ударный батальон и небольшую группу УСО, вскоре прибыли и другие французские части, а с ними и майор де Жюли, ветеран УСО¹.

До того момента корсиканцы делали все то, о чем их просили, но последние дни, к сожалению, были омрачены трениями. Колонна заболел, и командование партизанами взял на себя майор Клипе, представлявший Второе бюро Жиро. То ли по необходимости, то ли из-за непонимания он решил обращаться с гражданскими людьми как с бойцами регулярных войск и использовать их в боевой обстановке, когда 20 сентября французы попытались опрокинуть немецкий арьергард. Партизаны для выполнения такой задачи не имели ни снаряжения, ни выучки, ни психологических навыков. В итоге немцы почти без помех покинули Бастию 4 октября. Как считали в УСО, было превосходно исполнено важное дело: наглядно (и поучительно) продемонстрировано, на что способны партизаны и чего они сделать не в силах².

¹ См. подраздел «б» раздела 4 главы XI.

² Подробный отчет о Корсиканской кампании содержится в папках УСО «Отчеты CD».

в) Сопrotивление в Италии в сентябре 1943 — мае 1945 гг.

Группа майора Мунсе «Сходни», теперь переименованная в «Бдительную», хорошо проявив себя в ходе высадки в Салерно, продолжала вести полупартизанские действия на западном побережье Италии. На Капри группа под самым носом у немцев в сентябре 1943 г. освободила Бенедетто Кроче¹, в январе 1944 г. она принимала участие в высадке у порта Анцио. Похожие группы с Корсики активно действовали на островках Тирренского моря, расчистив путь французам для взятия Эльбы в июне 1944 г. Впрочем, все эти «приработки» впоследствии отошли на задний план.

В Бриндиси располагалось законное итальянское правительство, тесно взаимодействовавшее с союзниками в военных вопросах. Италия от Неаполя до Альп стала оккупированной, а не вражеской страной, большинство итальянцев в правительстве короля** видели символ итальянского патриотизма, у республики Муссолини авторитета в нации было не больше, чем (во Франции) у Лавала или Дорио***. Проблема итальянского движения Сопrotивления, таким образом, мгновенно преобразилась: там, где прежде перед УСО лежала пустошь, сразу раскинулось поле, способное обильно цвести и плодоносить.

Жаль, время и место не позволяют на этих страницах отдать должное политической значимости итальянского движения Сопrotивления. Становление его шло очень быстро и стало одним из крупнейших движений Сопrotивления на Западе, уступая только французскому. Действовало оно в основном на севере страны (и с меньшим размахом в Центральной Италии), обходя стороной большую часть патриархальной Италии, которая всегда характеризовалась дуализмом в политике. Сопrotивление было, по сути, движением западнического толка, порождением городов, а не гор, оно спланировало различные политические течения, сплетая их воедино, превращая в орудие борьбы против

¹ Рассказ майора Мунсе о спасении содержится в папке 21/480/18 Архива УСО.

* [1866—1952 гг., итальянский философ. Об этой операции см. в книге А. Гальегоса «А вы кто такие?» (1992), с. 57—68.]

** [Виктор-Эммануил III, 1869—1947 гг., король Италии в 1900—1946 гг. См. книгу Ф.У. Дикина «Грубая дружба» (1966) — о падении Муссолини.]

*** [Ж. Дорио, 1898—1945 гг., бывший коммунист, страстный сторонник Петена.]

немцев. Его способность и готовность к борьбе говорит о многом: путаное, разностороннее, обуреваемое страстями, оно все же с успехом могло взаимодействовать с конституционной структурой Национально-освободительного движения.

В фокусе итальянских операций УСО оказались теперь итальянское правительство и союзные армии в Италии, и старые схемы управления в виде отдела J в Лондоне и подотдела в Алжире сразу устарели. К сожалению, прошло время, прежде чем была найдена соответствующая замена, а в промежутке на руководящую роль имелись три претендента. *Во-первых*, небольшая группа УСО, оказывавшая техническую помощь на переговорах о заключении мира, высадилась в Бриндиси с первыми прибывшими туда союзниками для поддержания связи с правительством Бадольо. Эта группа активно работала в составе Союзной контрольной комиссии, к ней был прикреплен сам подполковник Роузберри, за которым по-прежнему сохранялась его должность в лондонском Центре, — он получил право исполнять свои должностные обязанности на месте. *Во-вторых*, Особый отряд № 1, или «Мэриленд», прибывший в октябре 1943 г. из Северной Африки и в конце концов, устроивший себе штаб-квартиру в Монополи, близ Бари. Командовал им капитан 3 ранга Добровольческого резерва Королевского ВМФ Холдсуорт, который имел отношение к большинству «нерегулярных» действий УСО на море еще с лета 1939 г., со времен «клуба путешествий» полковника Гранда¹. Задумывалась штаб-квартира как оперативный аванпост, а не как руководящий штаб, предназначалась прежде всего для использования преимуществ нового плацдарма, откуда открывались пути во многих направлениях помимо Италии². Особый отряд № 1 задумывался всего лишь как структура, действующая параллельно небольшой военизированной морской части «Балаклава»*, которую тогда же перебросили на северную оконечность Корсики для работы на Южную Францию и Северную Италию. На практике же «Мэриленд» играл роль «человека на месте» для всех итальянских операций, и, естественно, концы многих нитей попали в его руки. *В-третьих*, представительство «Массингэм», которым теперь командовал подполковник Доддс-

¹ См. ранее раздел 2 главы II.

² Операции за пределами Адриатики были забраны у него, когда в ноябре 1943 г. из Каира прибыл Передовой отряд № 133. (См. «Журнал войны» Центра УСО, раздел «Ближний Восток и Балканы», с. 1309.)

* [Командовал «Балаклавой» Крофт (см. в разделе 3 главы III).]

Паркер*, по-прежнему находилось в Алжире, «Мэриленд» был его филиалом, и формально «Массингэм» несла ответственность за политику, которую должен был проводить «Мэриленд». Прочность позиции «Массингэм» состояла в том, что представительство было под рукой — в Алжире, вблизи Союзного верховного командующего и его политических советников, являясь официальным получателем указаний СВК¹. В этом отношении оно не только руководило отрядом «Мэриленд», но фактически, если отрешиться от административной рутины, не зависело от лондонского Центра УСО. По решению ШСВ, штаб 15-й армейской группировки в Италии координировал специальные операции только до линии, проходящей севернее Рима², работой УСО за пределами этой линии полагалось руководить через «Массингэм» ШСВ в Алжире. Позже линия была передвинута на рубеж Ла Специя — Римини, но так и оставалась непонятной и ненужной разделительной чертой: нельзя было поддерживать итальянское движение Соппротивления и руководить им в двух секторах и из двух разных центров, одного — в Италии, другого — в Алжире.

В результате такой путаницы отношения между подполковником Роузберри в Италии и подполковником Доддс-Паркером в Алжире все больше и больше портились: согласия между ними не было не только по функциональным вопросам, но и относительно общей направленности действий: один настаивал на долгосрочной политической подготовке, второй стремился к быстрым военным результатам. Этот никому не нужный спор был порожден главным образом путаницей в командных отношениях на более высоком уровне и не мог быть разрешен, пока в конце 1943 г. не назначили Единого союзного командующего на Средиземноморье (ЕСКСРЕД) и пока тот не перевел свой передовой штаб в Казерту. Центром Средиземноморского театра военных действий стала Италия, она же стала и центром специальных операций на Средиземноморье. После марта 1944 г. теоретический контроль над обоими осуществлялся через службу

* [Сэр А.Д. Доддс-Паркер, род. в 1909 г., надолго задержался в Хартуме во время Абиссинского похода, возглавлял «Массингэм», перебазировался в Казерту, член парламента — консерватор — в 1949—1956, 1964—1974 гг., введен в рыцарское достоинство в 1972 г.]

¹ См., например, указание от 19 августа 1943 г.; Приложение «А» к «Истории Штаба союзных войск», раздел IV.

² Директива ШСВ от 30 сентября 1943 г.; Приложение «В» к «Истории Штаба союзных войск», раздел IV.

G3 (специальные операции) в ШСВ и 15-й армейской группировке и через штаб специальных военных операций во главе с генерал-майором Стауэллом. Представительство «Массингэм» в Алжире занималось теперь только проникновением во Францию с юга в тесном взаимодействии с лондонской сетью на севере, а на Средиземноморском театре военных действий сохраняло значение лишь в связи с операцией «Драгун» на юге Франции. Подполковника Роузберри к этому времени отозвали в Лондон, там он возглавил «региональное направление» на Швейцарию и Италию, где координация могла принести кое-какую пользу, однако центр политики оставался в Италии. Там для отряда «Мэриленд» руководство G3 (СО) и штаба специальных военных операций было необременительным, «Мэриленд» фактически сам отвечал за все британские специальные операции в Италии, проводимые под надзором штаба 15-й армейской группировки и м-ра Гарольда Макмиллана, полпреда Британии. Американцев в «Мэриленд» не включили, и политика УСС устанавливалась независимая — по образцам американской структуры управления. По счастью, взаимодействие на более низких уровнях было довольно тесным и дружеским, не возникало больших трудностей и в частных вопросах сотрудничества, хотя и здесь хватало организационной путаницы.

Проше всего закончить историю отряда «Мэриленд» на этой завершающей фазе. Поначалу его штаб-квартира располагалась возле Бари, в то время как аэродром, с которого шла доставка, был около Бриндиси; тактический штаб прошел с 5-й армией через Рим до Флоренции и отвечал за всю работу по взаимодействию с партизанами «в поле». Связь с 8-й армией на Адриатическом побережье была менее тесной, но группа связи действовала в штабе армии с декабря 1944 г.¹ В феврале 1945 г. штаб СВО вместе с отрядом «Мэриленд» перебрался в Сиену, их внутренние структуры сочленили и упростили, в то же время основной центр доставки перебазировался с аэродрома в Бриндиси на аэродром в Малиньяно, что на западном побережье. Иногда использовался также и аэродром Розиньяно возле Сиены.

Схему такого управления трудно изобразить на бумаге, хотя на практике она, как ни странно, обеспечила взаимодействие двух структур: единого руководящего центра движения Сопро-

¹ Архивная папка УСО 21/480/12 содержит подробности работы группы связи при 8-й армии; первым офицером связи был капитан Э.П. Макдермотт.

тивления (связанного с высшим военно-политическим командованием) и тактических подразделений, действующих с наступающими войсками на уровне армии и ниже.

Можно, наверное, различить четыре фазы на протяжении двадцатимесячного периода — с сентября 1943 до начала мая 1945 г.:

- 1) *Первая*: чередование настроений надежды и отчаяния, начиная с высадки в Салерно (сентябрь 1943 г.) и кончая прорывом союзников в Рим (вторая половина мая 1944 г.).
- 2) *Вторая*: лето 1944 г., период всеобщего наступления итальянских партизан, вызванного, с одной стороны, политическими соображениями, а с другой — стремлением союзников обеспечить более надежный военный контроль.
- 3) *Третья*: зима 1944/45 г., отмеченная сильным немецким противодействием, спадом партизанской активности, а также неуверенностью союзников, ожидающих политических плодов от движения Сопротивления, — период торжества.
- 4) *Четвертая*: немцы ищут возможности заключения мира; окончательное освобождение (март — май 1945 г.)

1) Первая фаза: сентябрь 1943 — май 1944 гг.

Несмотря на претензии «Массингэм» на верховенство, активно действовать в это время пришлось группе подполковника Роузберри в Бриндиси и отряду «Мэриленд». Первая поддерживала конфиденциальные отношения с правительством Бадольо, а кроме того, получила санкцию ШСВ на тщательную разработку итальянских министерств, в особенности уцелевших структур Службы военной разведки (СИМ), давнего врага, ставшего ныне ценным источником информации. Отряду «Мэриленд» приходилось иметь дело с практическими аспектами взаимодействия: подбор итальянских агентов — обученных, необученных, наполовину обученных, — использование небольших итальянских военно-морских судов для прибрежных рейдов и итальянских самолетов — для воздушных поставок.

Естественно, сразу порядок не установился, но удалось значительно продвинуться в делах. К концу октября 1943 г. шесть итальянских групп оказались «в поле» с радиопередатчиками, среди них была и работавшая в Риме группа «Руль», которая держала открытой линию огромной важности в течение всего

этого времени: с высадки у Анцио в январе 1944 г. до освобождения Рима 4 июня. В следующие шесть месяцев еще восемнадцать итальянских групп (всего в их составе был сорок один человек) отправились «в поле». Положение со снабжением оставалось проблемным¹, и все же за время зимы по крайней мере 200—300 тонн было заброшено по воздуху и столько же — по морю. Вдобавок итальянцам удалось вывезти от немцев значительное количество собственного снаряжения.

В политическом плане вновь появлялись былые вехи. «Шестерка партий»² обрела вид структурированных образований со своими руководителями, программами и нелегальными газетами (невзирая на разногласия по отношению к монархии, религии, собственности, да и по многим другим вопросам), в большинстве городов создавались Комитеты национального освобождения (КНО), куда входили представители всех партий, получившие поддержку Корпуса добровольцев свободы (КВС), куда входили все активно сражающиеся, независимо от партийной принадлежности. Как правило, активность отрядов проявлялась в горах, где скрывались люди, бежавшие от фашистского призыва в армию или из плена. Их поддерживали и подкармливали крестьяне. Хотя и плохо вооруженные, эти отряды являлись добротными и боеспособными подразделениями. В числе их бойцов оказалось удивительно много бежавших из плена военнослужащих из армий союзников — разного цвета кожи, разных убеждений, разных национальностей. В каждом крупном городе был свой круг политических деятелей, которые, сочетая взаимную подозрительность со взаимовыручкой, оказывали довольно своеобразное коллективное воздействие на партизан в горах, а те полагались на города во многом: деньги, фальшивые документы, сведения о передвижениях врага, всяческая техническая выручка, а иногда и пропитание³.

По счастью, одна только Коммунистическая партия пыталась привязать к себе эти отряды, желая создать собственную

¹ См. «Ежемесячный обзор действий» УСО и Приложение «Е» к «Итальянской истории УСО».

² Либеральная, Демократическая, Партия действия, Христианско-демократическая, Социалистическая, Коммунистическая.

³ Таков фон, на котором разворачивается действие итальянского фильма «Открытый город» («Рим — открытый город»), где речь идет о том, как жилось в Риме в ту зиму, — рассказ замечательный и (насколько можно судить) в высшей степени достоверный.

армию. Ее политика, скроенная по знакомым шаблонам, была вполне успешной, что тревожило западных союзников, особенно после гражданской войны в Греции в декабре 1944 г., однако она так и не обрела военной монополии, подобной компартиям Югославии, Албании и Греции. Сомнительно даже, была ли компартия в Италии столь же сильна, как коммунистические ФАНА и «Вольные стрелки» (ВСП) во Франции.

Другие политические партии были слишком слабы и неопытны, чтобы соперничать в этом плане. Впрочем, несколько фигур стали, по сути, независимыми руководителями собственных организаций, которые лишь номинально входили в структуру КНО и КВС. Стоит упомянуть о таких из них, как д-р Балдуцци и лейтенант Соньо.

Балдуцци, выдающийся ученый из Генуи, вскоре после заключения мира направил гонца в отряд «Мэриленд», предлагая установить связь, и организовал прием трех первых итальянских групп, направленных «в поле». С их помощью наладил радиосвязь и договорился о приемке грузов, шедших по морю из Корсики («Балаклава») и по воздуху. За шесть месяцев его организация «Отто» быстро разрослась, стала ценным каналом разведки, оказывала помощь бегущим из плена узникам. Однако в марте 1944 г. по ней был нанесен сильный удар, и меньше чем за месяц она распалась.

Лейтенант Соньо тоже начал создавать независимую организацию под названием «Франчи» зимой 1943/44 г., обосновалась она в Милане и имела определенный либеральный, или антикоммунистический, оттенок, хотя призывала действовать на неполитической основе и подчинялась указаниям миланского КНО. Соньо был человеком большой смелости и предприимчивости, и его организация оказывала множество услуг, хотя внутренне защищена была плохо и с весны 1944 г. очень пострадала от частых арестов. Тем не менее оставшиеся не сломались, и в ноябре 1944 г. Соньо по собственному почину направил представителей на юг от Милана — для переговоров с Союзным командованием и итальянским правительством. Однако в январе 1945 г., предприняв неудачную попытку вызволить из плена Ферруччо Парри, он сам попал в плен¹.

На этой первой фазе трудно говорить об организации, куда входили неопытные, пылкие, необученные новобранцы, рвущиеся на борьбу с врагом, но не сведущие в приемах конспирации,

¹ Балдуцци и Соньо пережили войну.

готовые ринуться в бой, не сообразуясь с обстоятельствами, из-за чего (взятие заложников или казни) сами несли урон гораздо больший, чем наносили врагу. Союзникам скромные победы итальянцев, наносимые ими мелкие уколы и неприятности немцам оборачивались чистой выгодой. И все же зима Кассино и Анцио стала самым черным периодом для Италии.

2) Лето 1944 г.

Как мы позже увидим, подготовка операции «Владыка» на Западе включала в себя первый тщательно подготовленный план использования движения Сопротивления для поддержки наступательных действий союзников. В Италии же для столь продуманной организации не было природного материала, да и служба, ведавшая в Штабе союзных войск специальными операциями, не настолько была сильна, чтобы спланировать ее. Тем не менее кое-что было сделано, чтобы придать направленность стихийной энергии и оптимизму итальянцев. Очень важно было сделать больше по мере того, как союзные войска выводились из Италии и перебрасывались на юг Франции, где готовились десантные операции по плану «Наковальня», а генералу Александру требовалось продолжать непрерывное наступление, опираясь на сухопутные войска, численно уступавшие державшему оборону неприятелю.

Так что летом 1944 г. итальянские партизаны впервые обрели потенциальную значимость как союзники, и союзники начали активно поддерживать их, не особо утруждая себя раздумьями о политическом завтра, зато обдуманно ставя во главу угла нужды партизан. Организация поставок улучшилась и количественно, и качественно. Стали прибывать британские офицеры, представлявшие Высшее союзное командование, что наглядно демонстрировало действенность политики, провозглашенной ШСВ в декабре 1944 г.: партизаны относятся к регулярным войскам союзного итальянского государства и оказываются под защитой военных законов.

В период с июня по сентябрь 1944 г. семнадцать британских групп (тридцать семь британцев, семнадцать итальянцев) были отправлены «в поле». Они способствовали повышению военного мастерства партизан. Теперь партизаны получили лучшую подготовку, лучшее вооружение, лучшее руководство, их боевые действия в целом лучше согласовывались с главными военными

операциями. Есть множество свидетельств¹ того, что эта деятельность досаждала маршалу Киссельрингу* — немцам требовалось задействовать все имеющиеся силы ввиду предстоящего крупного наступления союзников, и у них не оставалось свободных войск, чтобы контролировать обстановку. Только в октябре 1944 г. немцы, оправившись, стали наносить целенаправленные ответные удары.

В городах происходило такое же единение сил. КНОСИ (Комитет национального освобождения Северной Италии), призванный объединить деятельность КНО в городах долины реки По, возник, по-видимому, в начале октября 1943 г., но только к весне 1944 г. он превратился во внушительную силу. К тому времени он располагал (на бумаге) тщательно организованной структурой, расписанной по регионам и зонам, которая там, где позволяли местные условия, даже обладала ограниченной властью, а у центрального комитета в Милане вполне доставало влияния, чтобы на освобожденной территории ощущать себя на равных с итальянским правительством. Теоретически, а в какой-то мере и практически похожая руководящая военная структура (параллельная КНОСИ) командовала Корпусом добровольцев свободы. Добровольцы частично были мобилизованы как горные партизаны, другая часть ожидала сигнала к началу боевых действий, занимаясь своими обычными делами в городах. Связи с этими организациями установили через Швейцарию зимой 1943/44 г., в июне 1944 г. начали оказывать финансовую помощь в размере 100 000 000 лир в месяц, а в августе генерал Кадорна (сын прославившегося в 1918 г. генерала) был заброшен с парашютом в Северную Италию в сопровождении британского офицера связи майора Оливера Черчилля, чтобы действовать в качестве военного командующего под руководством ШСВ. Ему подчинялись два начальника объединенного штаба: коммунист Лонго и Ферруччо Парри из Партии действия (премьер-министр с июня по ноябрь 1945 г.).

Не так-то просто подсчитать все сделанное в военном плане итальянским движением Соппротивления в тот период. Много-

¹ См. фотокопии немецких документов, полученных после окончания войны, они содержатся в Приложении к «Истории ШСВ», раздел IV.

* [А. Киссельринг, 1885—1960 гг., начальник штаба ВВС Германии (Люфтваффе) в 1836—1938 гг., фельдмаршал в 1940 г., главнокомандующий немецкими войсками в Южной Европе в 1941—1944 гг., на северо-западе Европы — в марте — мае 1945 г. Приговорен к смертной казни в 1947 г., помилован, вышел из заключения в 1952 г.]

численные свидетельства подтверждают, что борцы Соппротивления совершали нападения на немецкие гарнизоны и диверсии, нанося небольшой, но ощутимый урон врагу. Немало известно и полных драматизма эпизодов, например, с телефонной линией, которая поддерживала связь между Понтевиго во Флоренции над рекой Арно и партизанским штабом в тылу противника, когда немцы сдерживали на реке наступление 5-й армии. Больше всех известна, наверное, история трагическая: о несвоевременном восстании в Вал д'Оссола в сентябре — октябре 1944 г., когда восставшие тридцать два дня держали оборону на верхнем участке линии Симплона, пока не уступили натиску превосходящих сил немцев. История эта — печальный пример того, как типичные пороки итальянской политики брали верх над личным мужеством и силой¹. Партизаны, таким образом, действовали широко и активно, но, когда немцы отошли на узкую полосу Пиза — Равенна, их линии связи в ключевых точках перестали быть уязвимыми для такого рода нападений. Для партизан долина реки По была местом неудобным, горы по швейцарской границе мало что значили с военной точки зрения, а защитить немногие важные шоссейные и железнодорожные пути в Австрию и Югославию труда не составляло. Обстановка весьма отличалась от той, что сложилась во Франции, где простора для операций было гораздо больше, а в чисто военном смысле деятельность итальянских партизан имела объективно ограниченную ценность.

С другой стороны, высока была их политическая значимость. Подлинная перестройка итальянского государства приходится (как ни странно) на период возвращения в Италию Пальмиро Тольятти, искусного коммунистического руководителя, в марте 1944 г. Он сразу же обозначил резкий поворот в политике коммунистов: для партии стало приемлемым участие в королевском правительстве во главе с «реакционным» Бадольо. Пример «самоотречения» коммунистов подтолкнул другие партии, и 21 апреля Бадольо сформировал первое «шестипартийное» правительство. Когда Рим был освобожден, Бадольо уступил место Бономи*, однако принцип национальной коалиции сохранился,

¹ См. отчет, представленный в 1945 г. лейтенантом Джорджем Патерсоном, бежавшим британским военнопленным, которого УСО направило из Швейцарии в качестве офицера связи и который попал плен; в папке 21NE/400/71 Архива УСО.

* [Иваноз Бономи, 1873—1951 гг., антифашист, итальянский премьер-министр в 1944—1945 гг.]

а переезд правительства в Рим в одночасье укрепил его престиж как настоящего правительства Италии. Для полноты статуса правительству требовалось признание тех итальянцев, которые все еще находились под вражеской оккупацией, а потому летом больше внимания уделялось отношениям с КНОСИ и к той мере власти, которой обладал бы на севере КНОСИ как орган правительства. В целом эти задачи были решены осенью 1944 г., в чем первостепенное значение имела деятельность партизан, ставшая символом национального единства и воли нации к сопротивлению.

3) Зима 1944/45 г.

Формально конец этой фазы приходится на время приезда представительства КНОСИ в Рим в декабре 1944 г. в сопровождении «Ла Франчи» (лейтенанта Соньо). Группу составили: д-р Альфредо Пиззони (известный как «Пьетро Лонги»), «независимый», ставший президентом КНОСИ; Парри из Партии действия, начальник штаба генерала Кадорна; коммунист Маре. Долгие обсуждения с правительством Бономи и ШСВ породили ряд тщательно составленных соглашений, в которых правительство Бономи формально «уполномочивало КНОСИ представлять его в борьбе» на оккупированной территории Италии, КНОСИ признавал правительство Бономи законной властью на той территории, которую союзники вернули правительству, и согласился принимать указания фельдмаршала Александра. Союзники, со своей стороны, пообещали предоставлять по 260 000 000 лир в месяц¹. На бумаге это выглядело вполне приемлемо, однако с приближением окончательного освобождения итальянская политическая жизнь вновь стала ухудшаться. Первое правительство Бономи пало в конце ноября, и новое правительство удалось сформировать (после продолжительного периода междуцарствия, заполненного ожесточенными спорами) без социалистов и Партии действия, после вздорной перебранки с союзниками, предлагавшими назначить графа Сфорза министром иностранных дел.

Союзники, со своей стороны, стали нервничать из-за колебаний в итальянской политике, опасаясь возросшего влияния коммунистов, что грозило созданием обстановки, подобной той,

¹ Приложения «К», «L» и «M» к «Истории специальных операций» ШСВ.

что сложилась в Греции и Югославии. Коммунисты были главными архитекторами шестипартийной коалиции (факт сам по себе подозрительный), а в донесениях офицеров связи «с поля» хватало данных, чтобы предположить, что у коммунистических Гарибальдийских бригад имеются задачи не менее значительные, чем сопротивление немцам. Особенно тревожной была обстановка на северо-востоке Италии. Тамашнее словенское население, верное Тито, было организовано им в обычном духе. Эта «открытая дверь» в Восточную Европу, как представляется, дала возможность коммунистам, вопреки национальным предубеждениям, создать из итальянцев исключительно сильные Гарибальдийские бригады, которые после ухода немцев были в равной мере готовы сотрудничать и со словенцами, и с более консервативными итальянскими структурами, с которыми формально объединялись в КВС. Северо-восток явно делался зоной опасности, обстановка там хорошо представлена в документах и отчетах сменивших один другого офицеров связи — майора Винсента и майора Р.Т.С. Макферсона¹. Однако поводов для беспокойства было немало и в других местах, особенно в крупных городах, где сильно обозначилось влияние коммунистов на промышленных рабочих.

Таким образом, союзники осознанно сменили курс, когда стало очевидно, что война этой зимой не закончится. От идеи создания относительно крупных партизанских вооруженных формирований пришлось отказаться, итальянцев больше не рассматривали в качестве значимой силы союзников, им следовало лишь продолжать мелкие диверсии, предотвращать уничтожение немцами итальянских ресурсов и быть готовыми поддерживать порядок, когда наступит крах². Это означало, что военные поставки в Северную Италию значительно сократятся, а самолеты перебросят для выполнения других задач, что офицеры связи особое внимание будут уделять политической обстановке и держать в своих руках контроль за распределени-

¹ Размноженные копии рассылались Особым отрядом № 1: REF MN/859 от 29 ноября 1944 г. и J/Cігс/83 от 30 декабря 1944 г.; копии в архивных папках УСО «CD».

² Это нашло воплощение в приказе фельдмаршала Александера от 4 февраля 1945 г. (Приложение «О» к «Истории специальных операций» ШСВ, но конечно же принималось к исполнению раньше.

ем поставок. Означало это и то, что основной задачей становится не вооруженное восстание, а «противопал»[□] и мирное взятие власти, которые совершаются по общеизвестному «циклу Ранкина»^{□□}, т.е. по мере очищения территории от немцев или их ухода. Так что за зиму не произошло серьезного расширения деятельности, если не считать отправку отрядом «Мэриленд» небольших групп в Ниццу и Гренобль в декабре 1944 г., которые позже обосновались в Авиньоне, создав там центр. Задача центра — организовать и ободрить бойцов итальянского движения Сопротивления, оттесненных противником за горы, а также вернуть их в Италию с этого направления — и через горы, и по побережью. Центру сопутствовал некоторый успех, сопровождавшийся немалыми дипломатическими сложностями: французы, к сожалению, не хотели помогать возрождению Италии и мешали работе¹.

Смена курса удручала «Мэриленд», а также офицеров связи «в поле» и самих итальянцев. После того как натиск союзников на основном направлении ослаб, внимание немцев переключилось на те районы, где хозяйничали партизаны, и многие из них им удалось очистить со сравнительно малыми для себя потерями. Зима усилила общее разочарование, и активная сила КВС убывала стремительно, хотя боевые потери среди добровольцев были невелики. В то же время в городах резко усилила работу полиция: как мы уже знаем, в начале 1945 г. были схвачены Парри и Соньо, имелись и другие утраты. Таким образом, итальянское движение Сопротивления оказалось под жесточайшим нажимом, и уменьшение помощи союзников оно ощущало остро. Тем не менее политическая основа нового курса была, наверное, здоровой, и итальянцы выстояли, даже сумели активизировать свою деятельность, когда с приходом весны наступление союзников возобновилось.

[□] Противопал — метод борьбы со стихийными пожарами, когда огонь останавливают встречным специально созданным огнем. В данном случае имеется в виду противодействие тактике «выжженной земли», к которой прибегали, отступая, немецко-фашистские войска.

^{□□} Идеальный круговой процесс (в паросиловых установках), в котором теплота превращается в работу и наоборот. Назван по имени Уильяма Ранкина, шотландского инженера и физика (1820—1872).

¹ Подробности изложены в главе XX «Итальянской истории УСО» и в Приложении «Р» к «Истории специальных операций ШСВ».

4) Последняя фаза

Конец в итоге настал быстро. 12 апреля началось решающее наступление фельдмаршала Александера, 17 апреля свершился Аргентский прорыв, По была форсирована 25 апреля, а 29-го немцы подписали капитуляцию.

Но еще с начала 1945 г. обратили на себя внимание некоторые симптомы. Немецкое командование на местах стремилось к локальным «договоренностям» о взаимной терпимости с партизанами, множество сигналов о желании вступить в контакт на более высоком уровне стали поступать в УСО и УСС от богатых итальянцев, которые имели прочные связи и в том и в другом лагере, а в феврале поступили предложения от германского главного командования в Италии. Разбираться с ними поручили м-ру Аллену Даллесу*, резиденту УСС в Швейцарии, и 8 марта в Берн прибыл генерал войск СС Карл Вольф**, старший офицер СС в Северной Италии, в сопровождении представителя главного командования¹. На этих страницах нет надобности описывать эти сложные переговоры. Демонстрируя истинность своих намерений, немцы освободили Ферруччо Парри, затем 21 марта в Швейцарии состоялась встреча генерал-майора Лемнитцера*** (США), генерал-майора Айри**** (Британия) и генерала Вольфа. А 13 апреля радист союзников чех по имени Храдеки (Hradecky) был направлен в германский штаб в Милане для установления постоянной линии связи. Каждый этап сопровождался множеством сложных оговорок и заверений каждой из сторон, но к 12 апреля, началу наступления союзников, не было достигнуто никакого формального соглашения. Зато к этому времени германское главное командование уже отказалось от создания на территории Северной Италии этакого вагнеровского *Götterdämmerung* — объятого пламе-

* [Аллен Уэлш Даллес, 1893—1969 гг., младший брат Джона Фостера Даллеса, посланец Рузвельта в Швейцарии в 1942—1945 гг., глава ЦРУ в 1953—1961 гг.]

** [1906—1984 гг., до войны начальник штаба у Гиммлера, командующий СС в Северной Италии в 1943—1945 гг.]

¹ Подробный отчет м-ра Даллеса содержится в Приложении «Q» к «Истории специальных операций ШСВ».

*** [Л.Л. Лемнитцер, 1899—1988 гг., заместитель начальника штаба 15-й армейской группы.]

**** [Сэр Т.С. Айри, 1900—1983 гг., служил в Каирском отделе УСО, введен в рыцарское достоинство в 1951 г., командовал войсками в Гонконге в 1952—1954 гг.]

нем «конца света» у германских Альп. Сопротивление теперь имело для них значение только с целью выбора времени капитуляции и сохранения «воинской чести» — необходимого условия для военной карьеры в «грядущем рейхе». Уже установленные каналы позволили представителям Германии прибыть прямо в Швейцарию 27 апреля по пути в Казерту, где 29 апреля они подписали безоговорочную капитуляцию. Сообщение о капитуляции было обнародовано 2 мая, когда союзники уже далеко продвинулись к австрийской границе.

Однако незаконченные переговоры намного упростили задачу движения Сопротивления в Северной Италии¹. Время максимального натиска было приурочено к наступлению союзников, и начался он всеобщими забастовками в Турине и Милане 19 апреля. Когда двумя днями позже состоялся прорыв, все было готово, чтобы помешать отходу немцев, сорвать их тактику «выжженной земли», оказать помощь союзникам в преследовании противника в направлении швейцарской границы и Бреннера. По счастью, теперь само германское главное командование одобряло эти цели, и итальянцам приходилось иметь дело лишь с немецкими командирами низшего уровня, которые не понимали происходящего либо намеренно выбирали свой *Götterdämmerung*. Итальянцы действовали блестяще. Тактика «выжженной земли» была заблокирована почти полностью, множество небольших немецких подразделений заставили сдаться, ряд очень важных городов, в том числе Турин, Милан, Венеция и Бергамо, прочно удерживались бойцами Сопротивления до прибытия союзников. В задачу отряда «Мэриленд» входила отправка опытных офицеров с передовыми частями 5-й и 8-й армий, которые оказались в высшей степени полезны для установления контактов с британскими офицерами связи и для того, чтобы наладить рабочее взаимопонимание между регулярными частями союзников и необузданной партизанской армией итальянцев².

Противник уже разбит, и собственно военная стадия работы УСО длилась последние часы, возможно, дни — время, которое

¹ Имеется подробное описание этой фазы, сделанное подполковником Хьювиттом: «Отчет о действиях Особого отряда № 1 в течение апреля 1945 г.», датированный 3 июня 1945 г. Хранение М/1/Р/19/354.

² На 1 апреля в Северной Италии находилось пятьдесят девять британских офицеров и шестьдесят шесть других военнослужащих, а также девяносто два итальянца, завербованных и обученных в отряде «Мэриленд».

она позволяла выиграть союзникам при развитии своего прорыва. В свете более поздних событий достигнутая за счет этого скорость, видимо, оказалась решающим фактором в марше Новозеландской дивизии на Триест. В то время было не менее важно расчленив немецкую армию на части, не оставив ей надежд на возврат боевой мощи.

Политически движение Сопротивления имеет гораздо большее значение. Политической удачей союзников можно считать то, что в каждом городе, в каждой деревне сразу же появлялись Комитеты национального освобождения как временные органы власти, они сотрудничали со всеми политическими партиями, имели поддержку подавляющего большинства населения и распорядительский навык. Переход от режима КНО к обычной системе управления государством в последующем позволил избежать трудностей как Союзному военному управлению, так и итальянскому правительству в Риме. В то время КНО создавали структуры для поддержания общественного порядка, чего нельзя было бы достичь иным способом. И очень важно, что КНО опирались на «миф» партизанского движения. Союзники (как будет признано) выиграли сражение, однако итальянцы сами восстали и сами освободили свои города от захватчиков. На краткий промежуток времени восторжествовали итальянская победа и итальянская гармония. Грубость послевоенного мира пригасит вскоре этот восторженный порыв, и все же то был важный момент в итальянской истории, в котором специальные силы союзников сыграли почетную роль.

ГЛАВА XXIV

ФРАНЦИЯ¹

Предыдущая глава о Франции, возможно, дала вполне наглядное представление, сколь сложны были французские дела даже тогда, когда движение Сопротивления находилось в стадии становления. За время становления французского Со-

¹ *Примечание.* Основными ранее не использованными источниками, к которым автор прибегает постоянно, являются:

противления сложности эти возросли, свидетельств тому огромное множество; имелись и конкретные расхождения во взглядах. Возможно, в будущем какой-нибудь крупный историк воздаст должное таким значимым событиям, и окажется им скорее всего, британец, а не француз, поскольку противоречивые «мифы» о французском движении Сопротивления уже вошли в живую плоть французской мысли и политики. В данном же исследовании ставится задача всего лишь выстроить в произвольном порядке массу фактического материала и обозначить ту роль, которую сыграло Сопротивление в планах союзников.

План данной главы вкратце таков. *Во-первых*, краткий очерк политической истории Франции, затем рассказ о меняющейся структуре британских и французских ведомств, призванных помогать движению Сопротивления. *Во-вторых*, проследить становление деятельных организованных сил внутри Франции, созданных, с одной стороны, отделом F, а с другой — самими французами в сотрудничестве с отделом R/F. *В-третьих*, оценить значение боевой деятельности этих сил в период до дня «Д» (6 июня 1944 г.). *В-четвертых*, проследить за развитием и согласованием планов поддержки высадки войск союзников.

1. Политика и организация за пределами Франции

В ходе подготовки операции «Факел» британцы были (довольно слабо выраженными) «голлистами», американцы же относились к де Голлю резко враждебно и склонялись к некоему варианту «по Вейгану» — программе, вполне приемлемой для Северной Африки, но (как вскоре выяснилось) совершенно не

«История Штаб-квартиры специальных войск (ШКСВ)», подготовленная УСО;

«Трехсторонняя история Штаба французских войск внутренних районов (ШФВВР)» (весьма неудовлетворительная);

«История «Джедбурга», подготовленная J/Cdr. К. Кеблом (очень познавательная).

В той или иной мере использованы и важные сведения, исходящие от генерала Эйзенхауэра и генерала Мэйтланд-Уилсона. Депеша генерала Монтгомери до этого кратко упоминалась лишь однажды («Лондон газетт» от 4 сентября 1946 г., с. 4433).

подходящей для решения задач самой Франции. Генерал Жиро, не без спешки и трудностей извлеченный из Франции 5 ноября, был тем *deus ex machina*[□], от кого ждали решения, приемлемого для обеих сторон. Де Голль полностью отстраняли от всякого формального обсуждения плана до тех пор, пока м-р Черчилль с м-ром Иденом не встретились с ним 8 ноября, в день самой операции. Тогда он среагировал здраво: выразил большую готовность сотрудничать с Жиро и вышел в эфир с полезнейшим радиообращением. Столь радужное начало оказалось смазанным из-за возникшего по ходу дела заигрывания с Дарланом¹. Дарлан, во всеоружии власти, полученной от маршала Петена, несомненно, внес важнейший вклад в военный успех операции, по сути, именно его содействие позволило союзникам победить в гонке за Тунис. Зато политическая линия Дарлана вела в глухой тупик, а потому его убийство в канун Рождества открыло возможность совершить удачный маневр.

Путь для Жиро был открыт. Дарлан создал «Имперский совет» из старших офицеров и чиновников, Совет, повинувшись «тайному приказу», подписанному Дарланом накануне смерти, избрал Жиро Верховным комиссаром по военным и гражданским делам на всей территории Северной Африки. В действительности назначение зиждилось на власти генерала Эйзенхауэра, хотя и имело легкий оттенок законности благодаря поддержке Маршала из Виши: возможно, во французских колониальных кругах это все еще имело цену, хотя оказалось политическим бременем для будущего.

Теперь стало два французских правительства в изгнании, и оба стремились укрепить свои позиции во Франции. В Лондоне де Голль продолжал действовать через Пасси и Центральное бюро исследований и действий (БСРА) в сотрудничестве с отделом R/F УСО. Прежние договоренности обрели большую военную направленность после создания штаба F во главе с генералом авиации Коше, которому поручили планировать деятельность движения Сопротивления в поддержку высадки

[□] *Буквально:* «бог из машины» (*лат.*). В беллетристике и драматургии так называют случайное лицо, которое способствует благополучному исходу какого-либо сложно развивавшегося события.

¹ Текст соглашения с ним в публикации министерства иностранных дел № Z/10522/8325/17 от 23 декабря 1942 г.; копия в папке 3/100/1(а) Архива УСО.

союзников¹. Коше был профессиональным военным, ранее его намеревались² сделать начальником штаба голлистской «тайной армии» во Франции, куда и доставили из Англии весной 1943 г. В данный момент он подчинялся непосредственно самому де Голлю, позже его начальником стал генерал авиации Франсуа д'Астье де ла Вижери, брат руководителя организации «Освобождение», который выехал из Франции в ноябре 1942 г. и какое-то время являлся командующим французскими войсками в Соединенном Королевстве и представителем в Союзном главном командовании³, формально «Пасси» и БСРА находились в его подчинении.

В Северной Африке Жиро принял(ся) (куда менее продуктивно) создавать нечто стоящее из распушенной Армии перемирия, отвечали за это Второе и Пятое бюро его штаба, руководил которыми полковник Риве под надзором начальника штаба генерала Ронина. УСО сотрудничало с Жиро вначале через полковника Кесвика, который прибыл в Северную Африку 17 ноября с представительством «Массингэм» из Гибралтара и оставался там до апреля 1943 г.⁴, затем через полковника Доддс-Паркера, который возглавил «Массингэм». В сентябре 1943 г. его первым заместителем стал подполковник Ансти, который по большей части и занимался французскими делами. В феврале 1943 г. для той же работы в качестве представителя Жиро в Лондон прибыл некий капитан Лежюн, и в отделе F создали отдельный «жироистский» подраздел.

В Касабланке в январе 1943 г. Жиро и де Голля уговорили обменяться рукопожатием, но этой небольшой уступки удалось добиться совместными усилиями президента США и премьер-министра Великобритании, после чего переговоры несколько месяцев оставались без движения, пока стороны препирались. Жиро ослаблял свои позиции, открыто демонстрируя зависи-

¹ COS(43)261(0) от 19 мая; копия в архивной папке УСО 3/470/1а.

² Запись беседы с «Пасси» 10 сентября 1942 г. в архивной папке УСО 3/100/2(с).

³ Он произвел важную для де Голля «рекогносцировку» Северной Африки в декабре 1942 г. О его последующей деятельности на посту военного представителя «Комитета действия» во Франции см. послание Вьено сэру А. Кадогану 18 декабря 1943 г. в архивной папке УСО 3/100/1а.

⁴ В июле 1943 г. он вновь приехал на короткое время, исполняя обязанности руководителя обоих Французских отделов УСО. См. его директиву, датированную 19 июля 1943 г., в архивной папке УСО F.38/II.

мость от правителей Виши — таких, как Бержере, Буассон и Пейрутон*. Де Голль же через «Пасси» неуклонно объединял вокруг себя движение Сопротивления. В марте Жиро резко отвернулся от старых друзей из Виши, запланированная на апрель встреча по просьбе генерала Эйзенхауэра была отложена до окончательного завершения кризиса в Тунисе. Наконец, при посредничестве генерала Катру** оба генерала встретились в Северной Африке 31 мая, сопровождаемые, с одной стороны, генералом Жорже и Жаном Монне***, с другой — Андре Филипом и Массильи. В результате создали Французский комитет национального освобождения (ФКНО), его сопредседателями стали генерал Жиро и генерал де Голль, в него входили всего семь человек (оговорена возможность увеличения их числа). Остальные пять членов Комитета — генерал Катру, генерал Жорже, Массильи, Жан Монне и Андре Филип. Равновесию между «голлистами» и «жироистами» вряд ли суждено было сохраниться. Почти сразу же начались разногласия из-за возможного расширения Комитета, что заставило м-ра Черчилля пригрозить чрезвычайными мерами де Голлю в виде прекращения поставок «голлистскому» движению Сопротивления. И страсти на время улеглись. Последовали разношисые по степени признания легитимности ФКНО от Соединенного Королевства, США и СССР[□].

* [Ж.М.Ж. Бержере, 1895—1956 гг., министр авиации Виши в 1940—1942 гг., поддерживал Дарлана в Алжире, ушел в отставку в марте 1943 г., находился в тюрьме до 1945 г.; П. Буассон, 1894—1948 гг., губернатор Дакара в 1940—1943 гг., в 1943—1945 гг. находился в тюрьме; М. Пейрутон, 1887—1983 гг., колониальный чиновник, возглавлял карательную полицию Петена в 1940—1941 гг., посол в Буэнос-Айресе в 1942—1943 гг.; недолго был губернатором Алжира, пока его не покарали «голлисты».]

** [Г.А.Ж. Катру, 1877—1969 гг., «голлистский» командующий в Сирии в 1941 г., управлял Алжиром в 1944 г., французский посол в Москве в 1945—1948 гг.]

*** [А.Ж. Жорже, 1875—1951 гг., командовал армиями на северо-востоке Франции в 1940 г., отказался от участия в политике; Жан Монне, 1888—1979 гг., отец-основатель Европейского сообщества.]

[□] В ответ на решение правительства СССР признать ФКНО во главе с де Голлем Черчилль 23 июня 1943 г. направил послание Сталину, в котором протестовал против такого шага, отмечая, что «невероятно, чтобы британское правительство, а тем более правительство США признали этот Комитет в скором времени». Британский премьер-министр давал понять, что США и Соединенное Королевство примут меры к изменению состава ФКНО.

Генерал Жиро стал теперь главнокомандующим всех французских войск и фактически военным министром, Филип — комиссаром внутренних дел. А значит, сразу же последовал жесткий спор из-за того, кто будет нести ответственность за движение Сопротивления во Франции, временно приостановленный созданием Комитета в составе Жиро, де Голля и Филипа. Этому Комитету поручили выработать рекомендации для утверждения «специальных служб». Как и ожидалось, Комитет сразу зашел в тупик, а соперничество в деятельности спецслужб продолжалось, как прежде. Единственная непосредственная перемена — перенос деятельности «Пасси» в Алжир, куда он в июне сам себя перевел, несмотря на попытку американцев помешать ему¹. Политика требовала, чтобы «Пасси» находился в Северной Африке, но Англия по-прежнему оставалась основным каналом связи с Францией, и французская сеть там имела колоссальное значение. Лондонское отделение БСРА теперь стало Бюро разведки и действий в Лондоне (БРАЛ), командовал которым ставленник «Пасси» майор Мануэль. Официально Мануэль подчинялся генералу Коше, но этого добросовестного служаку вовсе не удовлетворяло ограничение его власти над организацией, которая главным образом работала во имя политических целей по прямой указке из Алжира².

Вскоре стало ясно, что баланс голосов в ФКНО на деле мало что значит. Политическое положение де Голля непоколебимо держалось на том, что Национальный совет движения Сопротивления во Франции, официально созданный 5 мая 1943 г., был за него и против Жиро. НСС дал ясно понять, что навязать Франции любое правительство, политически стоящее правее де Голля, можно только силой оружия. Это, несомненно, соответствовало истине, для ее утверждения «голлистам» почти не требовалось никого «подталкивать». Политическая линия де Голля представляла собой причудливую смесь: с одной стороны, стойкий национализм перед лицом «англосаксонского» вторжения и стремление защищать движение Сопротивления, с другой — настойчивое требование демократического волеизъявления фран-

¹ Служебная записка полковника Спорборга, направленная СД и датированная 15 июня 1943 г.; копия в архивной папке УСО F.38/II.

² В середине июня была предпринята попытка сместить Коше (Записка полковника Бакмастера, датированная 31 июля 1943 г.; копия в архивной папке УСО 3/100/2с). Его письмо с резким протестом Де Голлю, датированное 13 июля, хранится в архивной папке УСО 3/100/6с.

цузского народа, мягкая подвижка влево в социальной политике и торг за поддержку русских против «англо-американцев». В таком сочетании теряла силу американская враждебность, более того, она становилась ресурсом, поскольку укрепляла позиции де Голля во Франции как среди националистов, так и среди «противников капиталистов». А с укреплением позиций де Голля во Франции у американцев оставалось все меньше шансов поставить под сомнение его авторитет как единственного человека, способного мобилизовать Францию на помощь во имя спасения жизнью американцев в день «Д».

Кризис наступил в ноябре 1943 г. В предыдущие месяцы де Голль работал над планом создания Консультативного собрания, половина членов которого должна была состоять из бойцов Сопротивления, специально вывезенных из Франции. В начале ноября Эммануэль д'Астье (закадычный друг УСО «Бернар» из «Освобождения») заменил Андре Филипа на посту комиссара внутренних дел, что вызвало волну публикаций в прессе о его деятельности в Сопротивлении и о том, как пренебрегают движением Сопротивления союзники (при этом имелось в виду, что Жиро тоже пренебрегает). В такой политической обстановке старый служака, чтобы сохранить влияние, мог надеяться только на военную силу. 9 ноября Жиро вышел из ФКНО, какое-то время он оставался главнокомандующим вооруженными силами, но 4 апреля ушел и с этого поста, подав в отставку. Ремесло политики было не для него¹.

Де Голль как единоличный председатель ФКНО фактически оказался одновременно президентом и премьер-министром единственного органа власти, который мог претендовать на то, что представляет французскую нацию. Следующий шаг — провозглашение ФКНО Временным правительством Французской Республики по предложению Консультативного собрания. Предложение последовало только 15 мая, после чего союзники не торопились с признанием. Однако в дальнейшем сомневаться не приходилось, принимая во внимание военные успехи союзников.

В конце августа Комитет по делам «специальных служб» пришел к соглашению об объединении², но только в начале ноября генерал Коше был вызван из Англии, чтобы возглавить единую

¹ Точка зрения генерала Уилсона на положение Жиро в данный период изложена в его Докладной на с. 15—16.

² Деша резидента-посланника в Алжире министерству иностранных дел № 2443 от 21 ноября; копия в архивной папке УСО 3/100/2(с).

организацию, которую предстояло создать в Северной Африке под руководством Комитета¹. Это соглашение рухнуло сразу же, как только Жиро утратил власть. Коше сменил Сустель*, способный молодой антрополог с честолюбивыми замыслами в политике², и главенствующее положение в объединении обрела БСРА. Новый Директорат специальных операций действовал под вывеской «Direction Générale d'Etudes et Recherches»[□] (вероятно, дань памяти Межведомственному исследовательскому бюро!) и подчинялся Комитету, состоявшему из де Голля, Д'Астье и Ле Трокка, последнего бойца Сопротивления из социалистов, которого позднее, на период Освобождения, назначили Генеральным комиссаром во Франции. Таким образом, хотя и поздно, но все же сложилась вполне понятная схема организации во Франции: Консультативное собрание, ФКНО, «управляющий» Комитет, ГДИР. И все же оставался мешающий фактор разделения ответственности между Алжиром и Лондоном. В апреле 1944 г. генерал Кёниг, «герой Бир-Хакима», сменил брата Эммануэля, Франсуа Д'Астье, на посту командующего французскими вооруженными силами в Великобритании, а в мае под его начало отдали нововведенные ФВВР — французские войска внутренних районов. Это он отвечал за координацию деятельности движения Сопротивления и Штаба экспедиционных войск союзников (ШЭВС), и теперь, когда контуры политического решения стали ясны, задача его была относительно проста.

Развитие собственной сети УСО во Франции шло куда проще. В апреле 1943 г. учредили «Западноевропейский регион», куда включили все страны, которые могла бы затронуть высадка с запада. Создали его специально для содействия выполнению планов высадки Командования совместных операций (Коссак), которое все время находилось под началом кадрового военного бригадного генерала Моклер-Ферримана, кавалера ордена Британской империи 2-й степени и Военного креста. Был в этой

¹ Записка майора Десмонда Мортонa о беседе с ним 3 ноября 1943 г.; копия в архивной папке УСО 3/100/2(с).

* [Ж-Э. Сустель, 1912—1990 гг.]

² Особенно он выдвинулся в 1947 г. как организатор политической партии де Голля «Объединение французского народа». Издан первый том его воспоминаний, но в нем рассказано о событиях только до осени 1942 г.

[□] Генеральная дирекция исследований и разработок (фр.).

структуре и французский Директорат (с ноября 1942 г. под началом полковника Р.Э. Брука), который контролировал операции трех французских отделов — F, R/F и D/F, а также отделов, занимавшихся Голландией и Бельгией. Деятельность «Массингэм», в том что касалось операций внедрения во Францию, также направлялась из Лондона через Директорат полковника Брука, хотя многое здесь приходилось решать на месте.

Объединение с американцами тоже происходило относительно просто. Начиная с августа 1942 г. в Лондоне наладилась тесная связь и обмен офицерами с организацией УСС. Когда же в январе 1944 г. образовался ШЭВС, службы УСО и УСС, связанные с зоной действий ШЭВС, совместно, как объединенная организация (УСО/СО), поступили в оперативное распоряжение ШЭВС через секцию G-3 штаба (генерал-майор Буль, США). Больше ради благозвучия, чем по каким-либо иным причинам, в апреле штаб переименовали в Штаб специальных войск (ШСВ). В мае 1944 г. в Северной Африке произошло такое же англо-американское объединение, когда в Алжире создали Оперативный центр специальных проектов (ОЦСП) под началом подполковника Ансти из «Массингэм» и полковника Дейвиса из УСС¹.

В целях безопасности об объединении с французами и речи не могло идти до операции «Владыка», зато 20 июня произошла решительная перемена. В Северной Африке французы вошли в ОЦСП, а генерал авиации Коше вернул себе расположение в качестве *Délégué Militaire Opération Sud*², действовавшего независимо от ОЦСП, но в тесном сотрудничестве с ним (сотрудничество было теснее, чем с организацией Сустеля!). Для обеспечения высадок операции «Драгун» оперативное руководство взял на себя генерал Диверс*. В Лондоне, как представляется, имелись веские политические основания против включения французов в ШСВ, где те не могли не оказаться в весьма подчиненном положении, а потому англо-американские отделы, занимавшиеся Францией, спешно вывели из ШСВ, с тем чтобы они вошли составной частью в Штаб французских войск внутренних районов (ШФВВР), начальником которого стал генерал Кёниг. Особых физических перемещений это не вызвало, так что перемена оказалась не такой страшной, как могло показаться

¹ См. раздел V «Истории Массингэма» УСО.

² Военного представителя в операции «Юг» (*фр.*)

* [Дж. Диверс, 1887—1979 гг., командовал высадками в ходе операции «Драгун» и с боями дошел до Германии.]

ся: ШФВВР по-прежнему соседствовал с ШСВ на площади Брианстон. Впрочем, было уже слишком поздно всерьез пытаться создать трехстороннее объединение, найти идеальное с точки зрения теории решение: короткий век ШФВВР — до его роспуска в сентябре 1944 г. — миновал, оставив после себя большую путаницу, и памятен лишь тем, что основные направления его деятельности были определены до того, как штаб был создан.

2. «Британские» организации во Франции

По идее отдел F стоял над французской политикой, и удивление вызывает то, сколь обширной оказалась сфера, где нашла подтверждение эта неправдоподобная идея. Впрочем, возникали серьезные трудности, и удобнее прежде всего рассмотреть именно их, фактически они составляли малую долю целого, однако недруги отдела F (а их было много), противоборствуя, именно в них находили свои самые лучшие аргументы. Во Франции эти политические препирательства обсуждались очень бурно, что вовсе не соответствовало их значимости.

Основным источником тревожений был разрыв между Жиро и де Голлем, за которым стояло менее резкое расхождение между британской и американской линиями в политике. Британцы (или большинство британцев) мало верили в возможность объединения французской нации вокруг Жиро, однако им не было свойственно отказывать в помощи любой готовой сражаться организации просто потому, что та принимала Жиро и отвергала де Голля. Подобный отказ означал бы отречение от согласованного с США компромисса, по сути, стал бы вмешательством во французскую политику в пользу де Голля. Ни премьер-министр, ни Форин-офис, ни УСО никогда не испытывали к де Голлю столь горячих чувств, чтобы сознательно поддаться подобному искушению. Но чтобы отнестись к «неголлистским» движениям справедливо, нельзя было оставлять все дело в руках «голлистского» отдела — R/F. Выход виделся только в том, чтобы дело перешло к отделу F, и в этом смысле отдел отвлекался от своей главной задачи: ошибка, как показали события, но не из тех, избежать которых было просто осенью 1942 г.

Собственно «жироистская сеть» сводилась к очень немногочисленному. Основу для нее, возможно, создавали «армия перемирия» и Второе бюро под властью Виши, втайне готовя военное возрож-

дение Франции. 11 ноября 1942 г., когда немцы вторглись в свободную зону, часть «плана Вейгана» осуществил генерал де Летр де Тассиньи, очевидно, по собственному почину¹. Однако это был локальный акт сопротивления, армия в целом подчинилась роспуску без борьбы, утратив после этого даже остатки своей прежней доблести. Она лишилась права вести за собой, как выразился год спустя генерал де Летр, необходимо было, чтобы «новая армия Франции» стала «выразительницей тех же устремлений и взглядов, что и у руководителей движения Сопротивления»². В активе оставалось всего два средства. *Первое*: обученные офицеры и младшие командиры, ставшие демобилизованными. Среди них было мало, очень мало, убежденных сторонников Виши, зато много чересчур опасливых и осторожных, чтобы ввязываться в движение Сопротивления под руководством не подчиняющегося приказам офицера де Голля и причудливой компании, вероятно, не заслуживающих доверия левых политиков. Эти если уж на что и решались, так на сопротивление «коммунизму» (понятие самое широкое) после освобождения. Столь же опасны были и решительные, патриотически настроенные офицеры, которые воспринимали понятия «сопротивление» и «партизанская война» исключительно в военной трактовке. Помимо этих двух типов бывших военнослужащих оставалось еще большое число офицеров и младших командиров, внесших неоценимый вклад в борьбу отрядов Сопротивления, однако, как правило, они действовали в ином подчинении и в других организациях. *Вторым* средством в активе стало то, что армия не исчезла без предварительной подготовки: в распоряжении Второго бюро оказались тайные склады оружия и военного имущества. Невозможно определить их количественно, однако есть примеры, когда складские запасы оказались очень ценными для групп, вовсе не получавших помощи.

Из таких «кусочков» Жиро, разумеется, сложил образ своей «тайной армии»³, которую порой путали с «тайной армией» в

¹ Его вывезли осенью 1943 г. после долговременного заточения.

² Архивная папка УСО 3/100/1а содержит интересное описание его взглядов, сделанное послом США в Лондоне 10 ноября 1943 г. [Подробности см. в книге Верити «Мы приземлялись на лунный свет», с. 129—131; Ж.-М. де Летр де Тассиньи, 1889—1952 гг., храбро сражался в 1940 г., арестован в 1942 г. за противодействие немецкому вторжению в зону Виши, бежал, командовал 1-й французской армией в 1944—1945 гг.]

³ Официально известна как ОСА — Организация Сопротивления в армии.

«голлистском» движении Сопротивления, но сейчас нелегко выяснить, как этот образ выглядел в действительности. Определено, в эфире работали некоторые «жироистские» радиопередатчики, а УСО помогало внедрить нескольких «жироистских» агентов. Если верить ОСА, летом 1944 г. благодаря ей около 600 офицеров и 30—40 тысяч солдат влилось в ряды ФВВР, к которым она тогда присоединилась. В то время ее руководителем во Франции был генерал Риве, бывший генеральный секретарь военного министерства в Виши, который председательствовал на военном суде, вынесшем приговор де Голлю. Возможно, после падения Жиро в ноябре 1943 г. ОСА в политическом смысле осталась вовсе без позитивной программы и не могла выставить деятеля, достойного соперничать с де Голлем. Поддержание порядка составляло суть военного кредо ОСА, а де Голль теперь олицетворял порядок, противопоставляя его коммунистической анархии, несмотря на собственное пренебрежительное отношение к военной дисциплине. Нет сомнений, что в завершающих сражениях кое-кто из членов ОСА превосходно проявил себя, другие оказались обузой — то ли потому, что не сумели постичь природу партизанской тактики, то ли потому, что животный страх перед коммунизмом так повредил их рассудок, что они больше боялись ФВВР, чем врага.

Гораздо серьезнее обстояло дело с организацией «Карта»¹. Мы уже знаем, как налаживались связи с Басином, Максом Химансом и майором Фраже. Решающим этапом для британцев стало обсуждение отчета майора Бодингтона, который, своими глазами увидев «Карту» в августе 1942 г., в сентябре возвратился в Англию. Взвешенное заключение, к которому пришли, советуясь с СИС, было таково: «Карта» или служит прикрытием для тайной организации «Армия за перемирие», или является чьим-то «частным предприятием», весьма близким к этой «армии». На этом основании УСО обратилось в Комитет начальников штабов с предложением направить в «Карту» офицера связи, осуществить пробные поставки оружия и предоставить в ее распоряжение тайную радиопередающую станцию в Англии². Такое решение вызывало беспокойство: оно не только бросало поли-

¹ О первых контактах с нею см. раздел 4 главы XI. Подборка важных документов содержится в архивных папках УСО 3/370/54а и 3/490/2b.

² Имеющая к этому отношению информация содержится в COS(42)314(0) и 315(0), принятых на COS(42)29-м заседании, протокол 7, от 16 октября 1942 г.

тический вызов де Голлю, но и ставило под вопрос сохранение военной тайны, связанной с предстоящей операцией «Факел». Начальники штабов в ответ согласились с пожеланиями УСО и пустили дело на самотек, лишь бы никоим образом не допустить утечки информации о грядущей операции.

Один из результатов этого — УПВ создало станцию «Радио Патри»¹, ставшую предметом ожесточенных перебранок с де Голлем, пока наконец в мае 1943 г. она не слилась с «голлистской» радиостанцией «Honneur et Patrie de la Résistance Française»². Передачи в эфире вел главным образом Гиллуа (Диамант-Берже), раньше работавший на «Радио Ситэ» и выехавший из Франции вместе с майором Бодингтоном. Еще один результат — назначение офицера связи майора Питера Черчилля, который в конце августа прибыл во Францию уже в третий раз. К сожалению, самого лучшего связника с «Картой» лейтенанта Басина арестовали за две недели до прибытия Питера Черчилля, и его работа в качестве офицера связи оказалась гораздо тяжелее, чем предполагалось.

За суматохой, вызванной подготовкой к операции «Факел», не заметили, как структура «Карты» (если таковая когда-либо существовала) фактически рассыпалась. Теперь дело решали не бумажные планы, сопряженные с молчаливой поддержкой важных лиц в самом правительстве, а упорная и опасная работа в условиях немецкой оккупации. Какие-то частички организации, несомненно, уцелели, однако ее разрывали на части споры и разногласия, и в процессе отбора она рассталась со многими из тех, кто свое участие в Соппротивлении представлял себе чисто умозрительно. Подробности этой истории теперь узнать невозможно, но достаточно свидетельств ожесточенных споров, которые развели по разные стороны «бойцов» — Черчилля с Фраже и составителя планов Жирара. Спор вспыхнул в начале декабря, а поток яростных телеграмм не прекращался до января 1943 г., в них Жирар грозил начать следствие по делу о предательстве Фраже, а Черчилль умолял как можно быстрее вывезти Жирара в Англию. Из-за «обычных задержек» до самого марта не удавалось поместить обе стороны в остужающую обстановку Лондона, однако стоило сотрудникам отдела F переговорить с Жираром,

¹ «История УПВ» Гарнетта, с. 240 и далее, содержит подробности деятельности «Радио Патри».

² «Честь и Отчизна французского Соппротивления» (фр.)

как они приняли сторону Черчилля, согласившись с ним, что француз попросту умом тронулся. В довершение всего, пока Жирар был в Англии, арестовали его жену с детьми. Он потребовал отправить его обратно во Францию, но УСО не позволило: возвращение обернулось бы самоубийством для самого Жирара и гибелью для многих его сподвижников¹.

Нарушенными оказались мечтания УСО (Жирара тоже), и УСО, возможно, недальновидно позволила Фраже убедить себя, что кое-что можно спасти от краха. Новый план состоял в том, что территория «Карты» делилась на три самостоятельные части: сам Фраже на севере, Черчилль в центре и на юго-западе, а новый организатор, капитан Ф. Каммаертс*, на юго-востоке. Оставались еще обширные и разбросанные «царства», и все же на сей раз план казался осуществимее и серьезнее. Как позже подтвердилось, на местах сохранялись вполне боеспособные группы «Карты». Фраже, по-видимому, был человеком более упорным и жестким, чем Жирар, увы, и он допустил оказавшийся гибельным промах: принял за чистую монету рассказ некоего полковника Вербека (известного как «Генрих») из немецкой разведки, что он-де эльзасец, противник нацистов и жаждет оправдать себя в глазах союзников. Легенда эта, несомненно, «подтверждалась» помощью в делах пустяковых, но два факта разбили ее вдребезги: именно полковник «Генрих»** арестовал майора Черчилля и миссис Сансом² вскоре после его прибытия во Францию в четвертый раз в апреле 1943 г., а затем, в августе 1944 г., он арестовал самого Фраже, и месяц спустя Фраже был казнен в Бухенвальде.

Исходившая от полковника «Генриха» зараза коснулась всего, к чему имел отношение Фраже. Однако, несомненно, большая часть налаженной Фраже работы оставалась вне ведения

¹ Жирару почти удалось переметнуться к американцам в обстоятельствах, которые не делают тем чести. См. письмо СД сэру Александру Кадогану, датированное 25 мая 1943 г.; копия в архивной папке УСО 3/370/54a — «Карта».

* [Сын бельгийского поэта, после войны стал английским профессором по теории образования.]

** [Он был вовсе не полковник, а сержант Гуго Блейхер из абвера; см. книгу Э. Борхерса в переводе И. Колвина «История полковника Генри» (1954). После войны Блейхер, выйдя в отставку, держал табачную лавку в Баварии.]

² Миссис Одетт Сансом, награжденная орденом «Крест Георгия», ныне миссис Черчилль.

немцев, но с ним самим работать стало опасно. Собственная его организация ограничила свою деятельность севером и сообщала о значительной активности на значительной территории: Дордонь, Юра, Лоррейн, Манта, Нормандия, Йонна. В мае 1943 г. сюда прибыл британский офицер связи с радистом, а летом было проведено девятнадцать успешных операций по доставке грузов. В октябре 1943 г. Фраже выбрался в Англию, и, пока его не было, офицер связи капитан Джонс был выдан и арестован, и радист тоже. Фраже вернулся в феврале 1944 г., получив указание ограничить район своих действий только провинциями Йонна и Кот д'Ор. Есть подтвержденные сведения о том, что работа там велась и после ареста Фраже, до самого дня «Д».

Через полковника «Генриха» Фраже оказался каким-то образом связан с делами лейтенанта авиации Дерикюра, которого доставили во Францию как специалиста по «лисандрам» в январе 1943 г.¹ и который провел в течение следующего года пятнадцать операций с посадкой самолетов; все они прошли, видимо, успешно. Однако полковник «Генрих» намекнул Фраже, что Дерикюр состоит на службе у немцев, к тому добавилось и подтверждение из более «достоверных» источников. После донесения Фраже Дерикюра в феврале 1944 г. отозвали в Англию. Заключение УСО было однозначным: «Не доказано», — зато во Франции и поныне (1948) Дерикюра держат под подозрением.

Дело Роже Барде и Жана Кьеффе подтверждено основательнее, там имелись не только подозрения: нет сомнения, что эти доверенные помощники Фраже работали еще и на немцев. Роже Барде, герой двух невообразимых «побегов» из гестапо, был заместителем Фраже, и, безусловно, он повинен в аресте британского офицера связи капитана Джонса и его радиста в феврале 1943 г., когда Фраже был в Англии. Возможно, он же повинен в разгроме тулузской организации лейтенанта Першука², у которой были некоторые связи с «Картой». Фраже направил Кьеффе организатором в Нормандию, там после дня «Д» он встретил союзников, предоставив им блестящие отчеты о собственных успехах, которые по большей части были, вероятно, придуманными.

Третьему наследнику «Карты» (помимо Черчилля и Фраже), капитану Каммаертсу, с самого начала выпало суровое испытание. Вскоре после его прибытия арестовали многих из состава

¹ См. раздел 3 главы XI.

² См. подраздел «б» раздела 4 главы XI.

«комитета по встрече», и один из арестованных направил к нему полковника Генриха с рекомендательным письмом и уверениями в надежности. Что еще хуже, Барде (ставший в отсутствие Фраже командиром) поддержал намерение вступить в переговоры с «надежным» полковником. Каммаертсу хватило мудрости уловить в этом деле знак опасности, и он прервал все связи с Барде, а четыре недели спустя узнал от радиста Черчилля об аресте Черчилля и миссис Сансом. С этого момента последовал полный разрыв с «Картой», и Каммаертс начал все заново как независимый организатор на юго-востоке. С одним перерывом (с ноября 1943 по февраль 1944 г.) он оставался на месте до тех пор, пока в августе 1944 г. территория не была освобождена в ходе операции «Драгун». Именно ему принадлежит заслуга в своеобразной помощи высадившейся армии. В последний момент он и несколько членов его организации попали под арест и спаслись лишь благодаря невероятному самообладанию и ловкости его помощницы Кристин Гранвиль¹.

Еще одно небольшое наследие «Карты» обнаружилось в районе Анемасс, вблизи швейцарской границы. Там располагалась настроенная против Фраже группа «картистов», которая время от времени появлялась на «Радио Патри» и получила свое название от радиостанции «Карта» в Англии. В 1943 г. руководитель группы в Анемасс, некто Меснар, вышел через Швейцарию на контакт с УСО, однако его предложение сотрудничать было принято лишь в марте 1944 г. Тогда туда и прибыл первоклассный организатор капитан де Сент-Жени с лейтенантом авиации Ивонн Баседен в качестве радиста. В последующие несколько месяцев он провел несколько действительно значимых диверсий, в особенности на канале Рона — Рейн. В конце июня случилась беда: только-только получив большой груз с припасами, доставленный на «летающей крепости» в ходе дневной операции, де Сент-Жени погиб в перестрелке с гестаповцами возле Доле, и организация

¹ Войну Каммаертс закончил подполковником, кавалером британского ордена «За безупречную службу», французским орденом Почетного легиона и Военный крестом.

[Под этим именем скрывалась польская графиня Кристина Гисыская, в девичестве Скарбеская, 1915—1952 гг., которая руководила переправкой беженцев из Польши в Венгрию в 1939—1941 гг., бежала в Каир, была агентом УСО, спасла Каммаертса и стала жертвой убийства в одной из гостиниц Кенсингтона. См. книгу Мадлен Массон «Кристин» (1975). Статья о ней будет включена в новый НБС.]

распалась. Это одно из несчастий «Карты», в котором нельзя обвинить кого-либо из членов самой организации.

Начало еще одной цепочки взаимосвязанных событий положила группа майора Дж.А.Ф. Антелме, британского подданного, родившегося на Маврикии, который стал преуспевающим бизнесменом на Мадагаскаре. Он покинул Англию 18 ноября 1942 г. с заданием прежде всего провести политическую разведку. Располагая превосходными связями во французских официальных и финансовых кругах, он без труда сошелся (прямо либо через третьих лиц) с рядом видных политиков — таких, как Рейно, Эррио*, Жаннени, Поль Клемансо. Выбравшись на короткое время в Англию в конце марта 1943 г., майор Антелме сделал политический доклад, суть которого кратко можно выразить его собственными словами: «Безусловны вера и надежда в отношении генерала де Голля и генерала Жиро, причем популярность первого гораздо шире, и все же необходимо ясно представлять, что Национальный комитет «Сражающейся Франции» не имеет ни авторитета, ни влияния, присущих личности генерала де Голля, и во Франции ни в малейшей степени не готовы этот Комитет признать». Можно добавить, что Антелме не обнаружил никого, кто предложил бы другого возможного лидера, зато уловил, что кое у кого сложилось впечатление, будто в Северной Африке генерал Жиро несколько запутался в сетях вишистов, хотя и (с запозданием) начал с середины марта отходить от них. В дополнение к политическому докладу (который, несомненно, точно отражает состояние французского общественного мнения) майор Антелме доставил полезные разведанные и предложил два интересных проекта, которые были разработаны с помощью влиятельных официальных лиц. Один предполагал снабдить высаживающуюся армию французской валютой, второй — создать продовольственные запасы для союзников. Дальше планов на бумаге дела не продвинулись, поскольку задуманы они были без учета военных потребностей и технических особенностей.

В июне 1943 г. оказалась разгромлена организация майора Сутилла¹, нити потянулись к Антелме, поддерживающему связь с этой организацией, и его пришлось отозвать. В феврале 1944 г., отправившись на свое последнее задание, он был арестован вскоре пос-

* [Эдуард Эррио, 1872—1957 гг., французский премьер-министр в 1924—1925 и 1932 гг., председатель Палаты депутатов в 1940 г. и Национального собрания в 1947—1952 гг.]

¹ См. далее в этом разделе.

ле высадки и умер в лагере для военнопленных в Равиче. Однако дело, начатое им, продолжили — и с размахом — многочисленные его последователи.

В районе Ле-Мана им была создана сеть, которой руководил Эмиль Гарри, а радистом у него была принцесса Инаят Хан*. Сеть уцелела после разгрома организации майора Сутилла, но Гарри был схвачен и убит в октябре 1943 г., так что эта местность оставалась «безнадзорной» до апреля 1944 г., пока ее не взял в свои руки майор К.С. Хадсон (позже награжден орденом «За безупречную службу»).

В районе Труа Антелме подготовил почву для майора Кауберна, в апреле 1943 г. прибывшего с третьим заданием во Францию и опять исключительно плодотворно поработавшего. «Срок долга» у Кауберна закончился в сентябре 1943 г., и он передал майору Дюпону крепкую неполитическую «réseau» (сеть), которая активно действовала до самого конца.

Для задач данного исследования важнее проследить, что получилось из установленной Антелме связи с Организацией гражданских и военных (ОГВ). Сам он в мартовском отчете 1943 г. сжато и точно описал ее как «тайную организацию, объединившую по большей части людей, имеющих легальное занятие. Основная забота — поддержание порядка, когда настанет время высадки, а также просвещение французского населения в социальных, религиозных и политических вопросах. Поддерживает скорее генерала Жиро, к самому де Голлю вражды не испытывает, но ни за что не признает его Комитет национального освобождения. У организации есть отделения в каждом городе Франции». В это время ОГВ вовлекалась в круг «голлистского» Сопротивления¹, была представлена в Национальном совете Сопротивления. Правда, в этом органе она занимала позицию далеко вправо и при тогдашнем состоянии неопределенности едва ли могла управляться отделом R/F. Ячейки ОГВ появляются во многих районах, но для нас Организация гражданских и военных представляет интерес главным образом из-за дела Гран-клементя в Бордо. Там в сентябре 1942 г. приступил к работе майор Клод де Байссак. Сестре его, Лиз де Байссак, поручили

* [Нур Инаят Хан, 1914—1944 гг., награждена орденом «Крест Герогия», полуиндианка-полуамериканка, родилась в Кремлине, радист Королевских ВВС, направлена во Францию в июне 1943 г., три месяца спустя арестована, замучена в Дахау.]

¹ См. далее раздел 3 данной главы — о группе «Морской конек».

встретить Антелме в районе Пуатье. Примерно в феврале 1943 г. Антелме свел де Байссака с Грандклементом, который утверждал, что в Бордо 3000 человек вовлечены в ОГВ. Такая связь, по-видимому, вскоре дала результаты. К середине 1943 г. сеть «Ученый» доложила о готовности мобилизовать 17 000 человек и в ноябре 1942 — августе 1943 г. приняла грузы, доставленные в результате 121 воздушной операции, в том числе 7500 автоматов «стен», 300 «бреннов» и 1500 ружей. Дело было крупное — во всяком случае, слишком крупное, чтобы организацию не потревожили до дня «Д». Трагедия наступила в сентябре 1943 г., когда арестованного в Париже Грандклемент гестапо удалось использовать в своей игре. Он утверждал, что, руководствуясь совестью, считал подлинным врагом коммунизм, успешно боролся с которым можно только с помощью немцев. В данном случае не имеет значения, были эти взгляды искренними или нет, суть в том, что они вполне соответствовали немецкому плану ведения политической войны. А вот во что они воплотились: Грандклеммент выдал целую агентурную сеть, ее богатые склады оружия достались врагу¹.

По счастью, Байссак в то время находился в Лондоне, а его заместитель майор Роже Ланде («Аристид») избежал ареста и сразу же сообщил в УСО о случившемся. Предприняв первые шаги, чтобы спасти хоть что-то от разгрома, в ноябре 1943 г. он выбрался из Франции через Испанию. В марте 1944 г. «Аристид» вернулся в Бордо и ко дню «Д» создал крепкую, активную организацию в трудном районе. Именно люди «Аристиды» во взаимодействии с «Треугольником», военным представителем «Свободной Франции» в регионе, 28 августа овладели Бордо до подхода союзников. К сожалению, закончилось это через три недели выговором от генерала де Голля, который ничтоже сумняшеся сместил и «Аристиду», и его соратника «Треугольника» с занимаемых ими постов. Операции «Аристиды», наверное, в какой-то мере могли показаться вызывающими, однако его истинное прегрешение состояло в том, что он, агент отдела F, взял на себя во Франции власть, не дарованную ему де Голлем.

Эта череда событий в итоге привела к созданию двух надежных организаций, которые можно было использовать в завершающем сражении: одна под командой подполковника Каммаертса — на юго-востоке, другая под командой майора

¹ Самого Грандклементы в июне 1944 г. похитил, допросил и казнил «Аристид» («История отдела R/F УСО», 1943 г., с. 22).

Ланде — в районе Бордо. К сожалению, та же чередой событий оставила после себя три знаменитых «дела», которые долго занимали французскую прессу после освобождения: дело Барде и Кьеффе, дело Дерикюра и дело Грандклемента. Эти же события породили и волну слухов: будто британцы отдавали предпочтение недемократическим организациям и их меньше заботило будущее Франции, а больше то, как остановить коммунизм. Рад отметить, что в ряду с этими слухами, уравновешивая их, стоят официальные обвинения в том, что в отделе F отмечена опасная приязнь к коммунистам. Обвинениям «Сражающейся Франции» отдела F конца не было, понять их особую направленность можно, ознакомившись с обращением Массильи к резиденту-посланнику в Алжире 2 ноября 1943 г. Цитирую телеграмму посланника¹, в которой приведены слова Массильи: «Мы (британцы) не осознавали, что в большинстве случаев активными и влиятельными общественными лидерами (в нашем представлении) на местах в действительности оказывались посланные сюда коммунистические агенты. Мы опасаемся, что сразу после освобождения все деревни и города окажутся во власти самопровозглашенных коммунистических органов. Нам не следует прибегать к такой сепаратистской тактике, а работать с Комитетом (национального освобождения)... Единственную надежду предотвратить полный захват власти коммунистами дают союзные армии, действующие в полном согласии с Комитетом, их решения предусматривают немедленное назначение на освобожденных территориях префектов по выбору Комитета. Если этого не сделать, поле сражения останется за коммунистами»². Это подтолкнуло премьер-министра провести расследование, лорда Селборна — дать четкий ответ³, а министерство иностранных дел — направить не менее четкую телеграмму в Алжир⁴.

Гораздо труднее отыскать достоверные свидетельства подобных построений в среде левых, чем соответствующую структуру в стане правых. Конечно, сотрудники отдела F поддерживали на местах связи с коммунистической организацией «Вольные стрелки и партизаны» (ВСП), они использовали ее и снабжали ее

¹ № 2217 от 3 ноября 1943 г.; копия в архивной папке УСО 3/100/2с.

² В том же духе Вьено беседовал с сэром Ормом Сарджентом в Лондоне 8 ноября (протокол в архивной папке УСО 3/100/2с).

³ Послание лорда Селборна премьер-министру от 9 ноября 1943 г.; копия в папке F/38/II Архива УСО.

⁴ № 2638 от 14 ноября 1943 г.; копия в архивной папке УСО 3/100/2с.

тогда, когда та демонстрировала лояльность и не отказывалась от дела. Практически различие между «коммунистическими» и иными боевыми отрядами «в поле» заметно гораздо меньше, нежели кажется из Алжира. Удалось выявить всего один случай, когда некоему подобию коммунистической «réseau» (сети) оказывал поддержку отдел Ф. Речь идет о запутанном деле групп «Вени»¹. Началось все, как представляется, с «голлистской» разведывательной сети («служба Пшеница»), которая к концу 1942 г. выросла в военизированную организацию (ее иногда называют «France au Combat»), связанную с Социалистической партией и возглавляемую полковником «Вени» (бригадный генерал Жан Винсент). После различных вхождений и уходов «Вени» в июле 1944 г. разделил организацию и присоединил ту часть, что пошла за ним, к коммунистической ВСП. Действовала группа в основном в южной части Центрального массива, и агент отдела F майор Хиллер (позже награжден орденом «За безупречную службу»), был направлен к «Вени» в январе 1944 г. — именно тогда, когда тот действовал самостоятельно. Хиллер замечательно поработал, извлекая военную деятельность из политического хаоса, и его группы хорошо проявили себя после дня «Д» в департаментах Ло, Ло и Гаронна, Тар. К тому же благодаря майору Хиллеру в марте 1944 г. в организацию «Вени» в районе Лиможа попал майор Перси Майер, уже получивший орден Британской империи 4-й степени за великолепную работу по линии УСО на Мадагаскаре². Здесь Майер, конечно, понял, что посланцы «Вени» тесно связаны с Коммунистической партией³, и главную свою задачу видел в том, чтобы обеспечить активное взаимодействие между коммунистической ВСП и другими организациями движения Сопротивления, убедить обе стороны действовать по установкам ШЭВС. В этом он явно добился успеха, во всяком случае, его помощь приветствовал местный военный представитель де Голля, а в боях после дня «Д» МВП доверил Майеру командование всеми французскими боевыми отрядами, в том числе и ВСП, на севере департамента Крёз.

В районе Марсель — Ницца действовал еще один отряд, выросший из групп «Вени» туда в марте 1944 г. направили ранее

¹ Довольно пространные объяснения майора Бурне-Паттерсона содер­жатся в «Британских сетях во Франции», с. 97—100.

² См. раздел 2 главы XIV.

³ Подробности в «Истории британских сетей во Франции» Бурне-Паттерсона, с. 85—88.

побывавшего с заданием в Лионе майора Буато¹, кавалера Военного креста и ордена Британской империи 5-й степени. Ему тоже с трудом удалось разобраться, где подлинное, а где воображаемое движение Сопротивления, чтобы добиться серьезной неполитической поддержки. Зато после дня «Д» к нему обратилась организация Социалистической партии, желая получить подтверждение ее участия в движении Сопротивления, а группы Буато хорошо поработали, очищая Марсель и ведя войну вместе с маки в прилегающих к городу районах.

Несмотря на такое сотрудничество с «коммунистами», работа майоров Хиллера, Майера и Буато, как представляется, позволила отделу F наилучшим образом убедить французов подчинить политику нуждам войны.

Нет особой необходимости что-то еще говорить о политике отдела F. До того времени, когда настал день «Д», отдел F направил «в поле» около 390 агентов, в эфире работали 55 его радиопередатчиков. Лишь немногие из них принадлежали «политическим» организациям, о которых говорилось ранее. На этих страницах невозможно во всей полноте представить, из чего складывалась эта сложная структура. Остается лишь кратко поведать об одной-двух местных организациях, которые распались до наступления дня высадки, и упомянуть о самых активных ячейках, которые тогда были способны сражаться.

Крупнейшую из этих организаций возглавлял майор Сутилл, которого забросили с парашютом возле Вандома 1 октября 1942 г. Он быстро создал организацию с базой в Париже и с отделениями в двенадцати департаментах вокруг столицы. В каждом из районов действовала собственная «réseaux» (сеть), имевшая связь только с самим майором Сутиллом или кем-либо из его непосредственного окружения, но они взаимодействовали с другими, ранее созданными отделом F организациями — такими, как «Карта» (хотя Сутилл с большим недоверием относился к тактике Фраже) и группа Антелме. Так что все было готово для взрывного роста и... катастрофы. До июня 1943 г. ячеистая сеть Сутилла получила 254 контейнера со снаряжением, а за десять дней июня, побив все рекорды, получила еще 190 контейнеров. К тому времени она стала главной мишенью для гестапо в Парижском районе. Примерно 24 июня схватили Сутилла, вместе с ним пропали его связная мадемуазель Боррел и радист майор Норман («Аркамбо»). Никто из них не вернулся, так что обстоятельства тра-

¹ См. раздел 2 главы XIV.

гедии так и не удалось выяснить, как и виновных в ней. Впрочем, гестапо, имея дело с такими организациями, собирало информацию из многих источников, потому нет оснований подозревать кого-либо конкретно в предательстве. Радиопередатчик «Аркамбо» продолжал работать, однако Антелме удалось быстро предупредить УСО¹.

На северо-востоке операции начались в ноябре 1942 г. с заброски двух агентов — майора Бьеле и капитана Тротоба. Бьеле, как намечалось, предстояло работать, используя связи с «Картой», и он работал из Парижа до марта 1943 г., а затем перебрался в район Сент-Квентина. Тротоба с самого начала находился в Лилле. Об успехе их действий говорит отчет о диверсиях, проведенных в этом районе в 1943 г.: в результате самой крупной из них в июне 1943 г. вышли из строя двадцать два трансформатора, что остановило производство на инженерных сооружениях в районе Фивы — Лилль. Другое свидетельство — с почтением к памяти Тротоба, «капитана Мишеля», — обнаружило УСО в Лилле после освобождения. В мае 1943 г. Сутилл сообщал: «Известно, что капитан Мишель внедрился в очень жесткую сеть, состоящую из «маркеров» и шаек ипподромных жучков, в их среде он чувствует себя своим и делает очень хорошую работу». Конечно, уже в 1944 г. УСО убедилось, что «сборище» Тротоба — на самом деле подчиненная великолепному порядку и дисциплине «Франко-английская организация капитана Мишеля», члены которой носили нашивки с надписью «Военная служба» и во весь голос кричали о своем союзе с британцами и презрении к французской политике. К несчастью, в ноябре 1943 г. Тротоба погиб в перестрелке, а в январе 1944 г. был схвачен и казнен Бьеле. Их организация уцелела, однако доступ Королевским ВВС в тот уголок Франции был крайне затруднен, так что связь и поставки удалось восстановить только в апреле 1944 г. Это в конечном счете было сделано благодаря стараниям майора Дюмон-Гильемена, прибывшего во Францию в феврале 1944 г. с целым списком заданий, самые важные (и невероятные) из которых предписывали похитить ведущего немецкого специалиста по Фау-1 и устроить массовый побег заключенных из узилища во Фресне. В итоге самую большую признательность он заслужил, сохранив в целости движение Сопrotивления на северо-западе и организовав поставку припасов на грузовиках из Парижского района.

¹ Майор Бодингтон в июле 1943 г. совершил вторую поездку во Францию, рассчитывая собрать то, что уцелело под обломками.

Вместе с тем его группы действовали и в Париже, принимали участие в тяжелых боях в районе Мо.

В районе Руена тоже была прекрасная организация, но большую ее часть разгромили еще до дня «Д». Создали ее майор Филипп Ливье и лейтенант Шартран (канадец), их забросили во Францию в мае 1943 г., а уже к осени под их началом была небольшая крепкая диверсионная организация. Отличилась она, к примеру, тем, что потопила минный тральщик в гавани Руена и провела несколько отличных промышленных диверсий. Однако когда Ливье в феврале 1944 г. находился в Лондоне, прошла волна арестов, среди арестованных оказался и его заместитель Андре Мальро*, брат писателя; всего забрали и увезли в Германию девяносто восемь членов организации. Возвратившийся в апреле (ненадолго) Ливье понял, что в таких жестких условиях трудно начать все сызнова.

Трагедии в Лилле и Руене можно отнести к «обычным потерям», сами тамошние организации были довольно надежны, их можно было бы восстановить, если бы не трудности с доставкой грузов по воздуху. Трагедия майора Сутиллы — иное дело, и ей суждено стать знаковой вехой в судьбе отдела F. До осени 1942 г. организаторы отдела занимались, по сути, сизифовым трудом, преодолевая бытовавшее во Франции настроение. После операции «Факел» настроение изменилось, однако энергии сопротивления по-прежнему не хватало технических навыков. Отдел F всегда осознавал, что крупные организации опасны, однако движение Сопротивления разрасталось слишком быстро, чтобы можно было соблюдать принципы. Умелых организаторов насчитывалось мало, зато число тех, кого можно привлечь к работе, — очень велико. Так что с ноября 1942 до лета 1943 г. в движении произошел резкий количественный рост, и, когда пришло время высадки, союзников встретила плохо вооруженная, зато очень воинственно настроенная и весьма обширная организация. В то лето последовало неизбежное: на отдел F обрушились трагедии «Карты», Грандклементы и Сутиллы, голлистским организациям тоже сильно досталось¹. Зима и весна 1943/1944 г. ушли на то, чтобы вычлениить и сохранить надежные участки старой, расползшейся

* [Андре Г. Мальро, 1901—1976 гг., министр культуры в 1960—1969 гг. Сотрудничая с отделом F, погибли два его брата, сам он недолго, летом 1944 г., состоял в одной из таких организаций.]

¹ См. раздел 3 этой главы.

структуры, удвоить и еще раз удвоить число организаторов и радиопередатчиков, чтобы создать весьма обширную сеть из ячеек среднего размера, каждая из которых прямо и независимо руководилась бы из Лондона.

Таким образом, ко дню «Д» в отделе F руководствовались основным принципом — никакой централизации внутри Франции; в этом не было никакой логики, просто необходимость приспособиться к местным условиям. Попытка хотя бы приблизительно показать на карте, как все складывалось¹, отчасти вводит читателя в заблуждение. Не было никаких очерченных границ, никакого общего подхода к организации, годного для каждой ячейки, никаких дисциплинарных отношений типа «командование — подчинение» с другими организациями Сопrotивления. По сути, ячейки представляли собой группы влиятельных, решительных и умелых людей, хорошо обеспеченных деньгами и оружием. Вот что говорит один очевидец о юго-западе: «Во времени освобождения вся территория оказалась в руках кучки феодальных лордов, чья власть и влияние сильно походили на всевластье их гасконских предшественников XV века. Среди этих баронов самым влиятельным, совершенно неоспоримо, был «Илёр» (капитан, позднее — подполковник) отдела F Дж.Р. Старр*)»².

С этими оговорками мы можем примерно разделить Францию на три части и посмотреть, что находилось в каждой из них:

- а) зона вторжения из Англии, простиравшаяся по северу Франции — от Бретани до бельгийской границы;
- б) зона вторжения с юга, доходившая до долины Роны, а затем сворачивавшая на восток к Эльзасу;
- в) остальная Франция: громадная территория в центре и на юго-западе, куда британские и американские армии так и не дошли и где французы вели свою войну: сначала мешая немецким дивизиям выдвинуться на позиции для наступления на плацдарм в Нормандии, потом очищая местность от разрозненных частей противника и, наконец, заперев немцев в портах Бискайского залива.

¹ Приложение 10.

* [Дж.Р. Старр, 1904—1980 гг., минный инженер и специалист по диверсиям; в НБС.]

² Приведено в «Истории британских сетей во Франции» Бурне-Паттерсона, с. 92.

а) Северная зона вторжения

- 1) В Бретани отдел F ранее никаких связей не имел. Однако в Нанте известный автогонщик капитан Роберт Бенойст в октябре 1943 г. начал создавать организацию и собирался ко дню «Д» вывести из строя опоры линии электропередачи, располагал он также и группами маки в других районах (Рамбуйе и Компьене). К несчастью, в июле 1944 г. он был схвачен и до победы не дожил*.
- 2) В районе Ле-Мана, прямо к югу от фронта в Нормандии, находился майор К.С. Хадсон (позднее награжден орденом «За безупречную службу»), который уже бывал во Франции, но работать там начал только в апреле 1944 г. К дню «Д» он руководил тремя крупными отрядами маки в департаменте Сарта, однако они не выдержали натиска немцев, и майор Хадсон преобразовал своих бойцов в диверсионные группы, которые с большим успехом действовали на железных и шоссейных дорогах, линиях телефонной связи.
- 3) На востоке, в департаменте Луара и Шер (район Блуа), к северу от Луары имелась ячейка, которой руководил офицер УСС лейтенант Хенке, там же действовал барон Филипп де Вонкур, брат старого друга УСО «Лукаса», в чьем ведении должна была находиться территория на юге. В ноябре 1942 г. его арестовали, но он, воспользовавшись массовым побегом из тюрьмы в январе 1944 г., оказался на свободе и рядом с майором Хадсоном. Филипп (как и «Лукас») был человеком неиссякаемой энергии и силы, и его организация могла быстро разрастись. Отдел F пристально следил за этим, решительно удерживая Филиппа в назначенной ему местности, хотя с задачей своей он справлялся великолепно. Это, по большей части благодаря ему организаторы в последний момент сумели закрепить на восточном фланге: лейтенант Дедье — в районе Шартр — Друэ и капитан Дж.А. Уилкинсон — возле Орлеана. Работали они недолго, но активно.
- 4) В Нормандии долгое время существовала организация сомнительного боевого усердия под командой Жана Кьеффе — помощника Фраже. Деятельную организацию отдела

* [Он оказался в большой группе агентов отдела F, которых зверски убили в сентябре 1944 г.]

Ф там удалось создать только в январе 1944 г., с прибытием лейтенанта Ж. Дандиколя, вслед за которым в апреле прибыли майор Клод де Байссак и его сестра Лиз. Их работа была особенно опасной, поскольку немцы уже довольно хорошо знали де Байссака. Открытая партизанская война в тех местах совершенно исключалась, зато хватало людей и оружия, чтобы устраивать небольшие засады и выводить из строя коммуникации. Под конец зону разбили на две части: де Байссак действовал в департаментах Майен, Орн, Эр и Луара, а Дандиколь — в районах непосредственной высадки, Кальвадосе и Манше. Довольно любопытно, что аристократ де Байссак превосходно ладил с ВСП (в особенности с влиятельной группой Ива Танги в Ренне), зато оказался втянут в необычайную ссору с высшими «голлистскими» властями.

- 5) У отдела F никогда не было намерения создавать структуру Сопротивления в Париже, едва ли он даже пытался устраивать диверсии в самом городе. Однако многие организаторы отдела с самого начала действовали в Париже или из Парижа на прилегавшие к столице районы. Там работали «Лукас», Антелме, Сутилл, автогонщики Гровер-Уильямс и Бенойст, летом 1944 г. Фраже все еще бывал наездами в Париже, там же находился и Дюмон-Гильмен. Его основная работа, как выяснилось, состояла в том, чтобы не затихала деятельность в районе Лилля, но к тому же, как утверждают, он обеспечил поддержку 6500 человек в Париже (из них 1500 имели оружие) и установил прочные связи с жандармерией. За пределами Парижа, на востоке, в департаменте Сена и Марна, в середине июля, к сожалению, из-за весьма неосмотрительных действий САС схватили капитана П. Мулсанта в Форе де Фонтенбло. В районе Трои ячейку майора Каубурна унаследовал капитан Дюпон, а майор Бодингтон (прибыл с заданием в третий раз) попал в департамент Верхняя Марна, где отличился, организовав воздушный налет КВВС на штаб фельдмаршала фон Клюге*, разбитого у Верзи.

* [Гюнтер фон Клюге, 1882—1944 гг., немецкий командующий армией в 1940—1941 гг., командующий армейской группировкой с декабря 1941 г., командующий Западным фронтом в июле — августе 1944 г., покончил жизнь самоубийством *после неудачного заговора против Гитлера, в котором Клюге участвовал. Курсив пер.*]

- б) К северо-западу от Парижа положение возникло сложное, и мы уже знаем, чем это было вызвано, — вспомните о судьбе майора Бьеле и капитана Тротоба. Уместно вместе с тем упомянуть о польских сетях в этой местности, хотя к их созданию отдел F не причастен.

Начало им положили в 1941 г. прибывшие во Францию с заданиями Битнер и «Арбитр»¹, и, несомненно, в 1942 г. поляки на северо-западе Франции располагали хорошо организованной национальной группой, носившей название «Моника». Впрочем, генерал Сикорский, опасаясь карательных мер, запретил им активную диверсионную деятельность, к тому же группа давала повод (один из многих) для споров между гражданской и военной фракциями польского правительства. В январе 1943 г. соответствующий отдел УСО работал над планом, как с пользой задействовать эту организацию, когда придет время высадки во Франции, и к апрелю было достигнуто предварительное соглашение с польским правительством*. Это подтолкнуло к созданию военизированной организации, способной воспрепятствовать немцам в день «Д» и задержать их. Началась подготовка польских «джедбуржцев», которым предстояло отправиться «в поле», когда придет час помочь местной организации Сопrotивления руководством и средствами связи. Некоторые из них уже проходили подготовку, а в целом более 100 человек прошли через СПБ63 в Инчмери и позже в Уорнэм. В июне 1943 г. польский офицер майор Здрожевский отправился во Францию в качестве старшего военного представителя генерала Кукеля, а в сентябре 1943 г. организацию навестил майор Ф. Чалмерс Райт из отдела ЕВ/П УСО, который в апреле 1944 г. выбрался через Испанию. Всего двадцать восемь агентов были посланы в «Монику», из них семеро погибли, проводя различные акции во время подготовки к освобождению Франции.

Как организация «Моника» была великолепна, но, к сожалению, по-прежнему доставлял неприятности вопрос о командовании. «Бардсийское соглашение», составленное в начале 1943 г., подписали наконец только 27 февраля 1944 г., но и тогда затруднения остались. Польское правительство не соглашалось на полное переподчинение своих соотечественников иностранному командиру на время предстоящей битвы, и первоначально со-

¹ См. ранее раздел I главы XIII, а также «Историю отдела ЕВ/П УСО» и папку (AD/E) «Бардси» Архива УСО.

* «История отдела ЕВ/П УСО», раздел II, Приложение «В».

глашение предусматривало, что организация не будет востребована до тех пор, пока «союзные войска в ходе наступления в разумно ожидаемые сроки (порядка двух-трех дней) не займут полностью территорию соответствующего района». И далее: «...не будет предпринято никаких действий, пока оценка обстановки не поступит к генералу Сикорскому или офицеру, уполномоченному им». По меркам ШЭВС, то были весьма серьезные ограничения, и 22 мая 1944 г. лорд Селборн передал Миколайчику просьбу ШЭВС о более широких полномочиях¹. Последовали трудные переговоры, но в конце концов поляки проявили волю к сотрудничеству: заключительное послание от 10 июня, подписанное заместителем премьер-министра Квапинским², предоставляло ШЭВС полную свободу действий, оговорив единственное условие: тесно сотрудничать с генералом Кёнигом и ФВВР, а также избегать необоснованных наказаний и кровопролития.

Теперь все находилось в готовности, и 20 августа были направлены сигналы уведомления, однако из-за плохой погоды операция задержалась, а окончательная дата — 2 сентября — была чересчур поздней, поскольку американцы уже подошли к границам оперативного района. Удалась только одна заброска майора Чалмерса Райта в Бельгийские Арденны в конце августа. При приземлении он, к сожалению, повредил спину и до Лилля добрался только 13 сентября, где присоединился к майору Хейзеллу и спецотряду-22, тогда находившемуся в стадии формирования³. Ему предстояло работать в Германии.

Таков не очень удачный конец хорошей работы. Поляки из «Моники» существенно помогли, в особенности небольшими диверсиями и сбором сведений о Фау-1 и Фау-2. Что касается «бардсийских» парашютных групп (обученные первоклассные специалисты*), то первым желанием поляков было направить их в Варшаву, где тогда в таких специалистах отчаянно нуждались⁴, однако это было неосуществимо, так что использовать группы практически стало негде. Несколько человек попали в

¹ Копия в папке (AD/E) «Бардси» Архива УСО.

² Проект его на самом деле был составлен отделом польских меньшинств УСО; копия в папке (AD/E) «Бардси» Архива УСО. Ответ лорда Селборна, подтверждающий согласие ШЭВС, датирован 26 июня.

³ См. окончание главы XXVIII.

* [Габбинс как-то в частной беседе отозвался о них как о самом лучшем войсковом подразделении из всех им виденных.]

⁴ Письмо Миколайчика лорду Селборну, датированное 5 сентября 1944 г.; копия в папке (AD/E) «Бардси» Архива УСО.

спецотряд-22, других держали в боевой готовности для операции «Данстebel» (неудавшийся план помощи польским рабочим в Германии и использовании их¹), еще несколько в апреле 1945 г. отправились в Центральную Германию в составе Объединенных союзных десантно-штурмовых войск². Однако большинство подготовленных парашютистов никак не участвовали в действиях на завершающей стадии войны. Конечно, это расточительство, но такое расточительство неизбежно на войне.

б) Южная зона вторжения

Сети на севере работали по большей части в густонаселенной местности (как городской, так и сельской), внутренние связи осуществлялись легко, и немцев кругом было полным-полно. Так что действовали сети в основном, чиня помехи мелкими диверсиями, получая при этом в виде побочного продукта полезные разведданные: эта работа не носила открыто драматического характера, как на остальной территории Франции, где меньше использовались регулярные войска.

- 1) Мы уже говорили об операции «Драгун» с юга и знаем, что сделано в районе Марсель — Ницца майором Буато³, что — подполковником Каммаертсом⁴ на просторах, раскинувшихся от низовья Роны до Альп. Напомню, что с июля 1942 г. в зоне, проходивший через юг и центр, постоянно работал майор Брукс⁵.
- 2) Очень активная работа шла в самом Лионе, когда там были Вирджиния Холл и майор Буато. Выполняя первое свое задание, он привел в кое-какой порядок бушевавшие там эмоции после того, как в октябре 1942 г. избавились от Дюбудина («Алана»). С ноября 1942 по май 1943 г. немцы ему житья не давали. Радиопередатчика у него не было, и вскоре майора Буато так прижали, что пришлось вывозить его вместе с несколькими помощниками. Возвращаться ему было небезопасно, зато его радист по-прежнему оставался в тех местах, а организация существенно разрослась. В октябре 1943 г. капитан авиации Браун-Барт-

¹ Соглашение «Данстebel» включено как Приложение «D» в раздел I «Истории отдела ЕВ/П УСО».

² См. главу XXVIII.

³ См. с. 882.

⁴ См. с. 872.

⁵ См. ранее подраздел «б» раздела 4 главы XI.

ролли прибыл для поддержания связи с крупным отрядом маки возле Клуни, который после дня «Д» удерживал департамент Сона и Луара: в августе он отбил нападение 3000 немцев, и, когда союзные войска прорвались в сентябре, французы сами очистили от противника обширную территорию вокруг Масона. С этим отрядом были связаны (с севера) организация капитана Ренье, действовавшая вокруг Шалон-сюр-Сона, а с юга — капитан Маршан, находившийся у Сен-Этьена. Еще дальше к югу, возле Ле-Пюи, работал «Каспар», самостоятельный французский организатор во главе 15 000 довольно плохо вооруженных людей, который принял группу отдела F в апреле 1944 г.

- 3) На востоке находился «Ксавье», подполковник Р. Хеслоп, чьи организации в Аине, Исере и Савоие заслуживают отдельного рассказа¹.

Первоначально отдел F намеревался направить его работать с «жириистской» группой «Организация Сопротивления в армии» (ОСА), которая, как сообщалось, действовала в Верхней Савоие. В конце концов после ряда политических осложнений его группу сделали смешанной (в нее вошли члены «Сражающейся Франции»), и в сентябре 1943 г. его доставил во Францию самолет «гудзон» вместе с Кантинье — лейтенантом Пьером Розенталем. В октябре они, ненадолго вернувшись в Лондон для доклада, представили совместный план: как лучше использовать многочисленные, но плохо вооруженные и плохо обученные отряды маки, разбросанные по альпийским долинам. Хеслопу отдел F поручил также для страховки создать и содержать небольшие самостоятельные «британские» группы. Обе части плана удалась: численность маки оставалась небольшой (наверное, 5500 партизан в департаментах Аин, Юра и Верхняя Савоия), зато они были хорошо обучены и довольно сносно вооружены, к тому же располагали потенциальным резервом. В марте 1944 г. партизаны храбро проявили себя в тяжелых боях на Гьерском плато, в департаменте Юра, в июне — под Беллегардом, а в конце августа — начале сентября они очистили горную местность до самого Буржа. Голлистские власти восприняли это без восторга, однако заслуги Хеслопа впоследствии

¹ Впечатляющий рассказ о нем самом и его связной мисс «Рочестер» содержится в книге Джорджа Миллара «Голубь-рогач».

были отмечены орденом Почетного легиона и Военным крестом.

- 4) К западу от Дижона, в департаментах Йонна и Кот д'Ор, выполнял последнее задание майор Фраже, судя по всему, он до самого конца придерживался опасной тактики, поскольку агент (лейтенант А. Вёрсер), направленный в июле к Фраже для работы районе Нанси, обнаружил, что большинство курьеров Фраже связаны с гестапо. Самому лейтенанту Вёрсеру удалось сбить ищеек со следа, зато он не очень-то преуспел, пытаясь создать организацию в департаменте Мёрт и Мозель, когда туда в сентябре дошли танки генерала Паттона*. Еще одна самостоятельная группа (капитан Пирсон и лейтенант Брин) предприняла попытку поработать в тех же местах, используя другие связи: повезло ей больше, но действовала она немногим успешнее.

То, что делалось к востоку от Дижона, можно представить как рассказ о результативной работе. Организация «Радио Патри» под командой де Сент-Жени в Аннемассе выпадает из него, а основные события начинаются с прибытием в сентябре 1942 г. капитана Рафферти. Сам он опекал район Клермон-Феррана, но установил связи и в округе Дижона и Монбельяра. Ими воспользовался прибывший в апреле 1943 г. капитан Гарри Ри**, который в итоге взял Монбельяр под свою опеку. Там он сыграл важнейшую роль при нападении на заводы «Рено» в Сока (особо она важна была тем, что положила начало методике «шантажных» операций: угроза бомбардировок Королевскими ВВС использовалась для того, чтобы вызвать диверсии «изнутри»¹). В ноябре 1943 г. у Ри по случайности произошло столкновение с фельджандармерией, и ему пришлось бежать в Швейцарию после невероятного, в духе Голливуда, кулачного боя с немецким солдатом-одиночкой. Из Швейцарии он продолжал поддерживать связи со своей организацией, а в мае 1944 г. ему на смену прибыл американский офицер старший лейтенант Э.Ф. Флодж. Флодж несколько раз крупно повздорил с местными ВСП, но под конец его группы хорошо показали себя в боях.

* [Дж. С. Паттон, 1885—1945 гг., американский командующий кавалерийскими (позже — танковыми) войсками, воевал на Сицилии, в Нормандии и Германии, погиб в автокатастрофе.]

** [Г.А. Ри, умер в 1991 г., профессор образования в Йорке.]

¹ См. раздел 4 этой главы.

В район Дижона капитан Ри в июне 1943 г. направил капитана Дж.А.Р. Старра («Боба») с радистом. В июле Старра арестовали¹, и его преемник лейтенант Жан Симон в трудных условиях продолжал работать до февраля 1944 г., пока его не застрелили в монбельярдском кафе. Нашли нового человека, графа Маз-Сенсье де Брувиля, жизнеописание которого (под кличкой «Альберт») содержится в двух книгах Джорджа Миллара². Дела тогда не слишком продвинулись, тем не менее до дня «Д» в распоряжении «Альберта» была организация, которая сумела перерезать все железнодорожные пути, проходившие через Доль, что серьезно нарушило движение по каналу. До августа оружие поставлялось очень скупо, поскольку в июне — июле в короткие светлые ночи самолетам трудно было добираться до этих мест, а потому открытых партизанских выступлений там было немного.

От этой сети дальше на восток, в район Безансона, был заброшен капитан Джордж Миллар — его работа была полезна, как и книга «Маки», единственное в настоящее время достоверное описание (на английском языке) событий и обстановки, в какой действовало движение Сопrotивления.

в) Остальная Франция

Мы уже кратко ознакомились с тем, что происходило в Бордо, где майор Ланде («Аристид»), уцелев, заслужил личное дисциплинарное взыскание генерала де Голля. Знакома нам и работа майора Перси Майера с подозрительными «группами Вени» в окрестностях Лиможа, а также работа майора Хиллера в департаментах Ло, Ло и Гаронна, Тарн. Остальная деятельность УСО в этой зоне осуществлялась тремя офицерами: майором авиации Саутгейтом, подполковником Дж.Р. Старром и майором А. Пюлеве.

Саутгейт прибыл в Клемон-Фернан со связной «Жаклин Неарн» в январе 1943 г. с указанием возобновить связи, оставленные майором Каубурном. Он продолжил начатое капитаном Рафферти, которого арестовали весной 1943 г. Так что «поле», поначалу предоставленное в его распоряжение, оказалось почти необъятным (совсем как в «раннем худшем стиле» отдела F) — это вся Центральная Франция, от Шатору до По и Тарба у подно-

¹ В настоящее время (апрель 1948 г.) Дж.А.Р. Старр находится под арестом в Париже — его обвиняют в том, что он выдал немцам больше сведений, чем того требовала обстановка.

² «Голубь-рогач» и «Маки».

жия Пиренеев. По счастью, у Саутгейта оказались замечательные помощники (одни были присланы, других отыскали на месте), и он сумел провести существенную децентрализацию. Его организация прославилась задолго до дня «Д» — как результативными диверсиями, так и подготовкой «приемной площадки» для организаторов отдела F, следовавших в другие части Франции.

В октябре 1943 — январе 1944 г. Саутгейт недолгое время провел в Лондоне, а вернувшись, сохранял за собой обширные обязанности, но, когда в мае 1944 г. его (стоило только на миг утратить осторожность!) схватили¹, отдел F использовал ситуацию и провел дальнейшую децентрализацию.

Пространство между Тарбом и По отошло капитану Рекенману, привлеченному к работе на месте. В Центр прибыл новый офицер майор Ф. Ливье («Стаунтон», уже хорошо поработавший в Руене²), взявший под опеку южную часть департамента Верхняя Вьенна и Дордонь. Северная часть Верхней Вьенны отошла к офицеру-связисту Саутгейта «капитану Мейнгарду» (награжден орденом «За безупречную службу» и французским Военным крестом с пальмовыми листьями), чье влияние простиралось до Шаранты, Дё-Севра и Вьенны. Эндр и север Вьенны опекала связная Саутгейта старший лейтенант авиации Пёрл Уизерингтон, которая приняла в награду французский Военный крест и отказалась от гражданского ордена Британской империи 5-й степени на том основании, что занималась чисто военным делом*. На последнем этапе все эти три группы принимали участие в ожесточенных боях, а капитан Ливье имел удовольствие вести переговоры о сдаче Лиможа с немецким генералом Глейнигером. За редким исключением, их отношения с местными организациями ВСП были вполне доброжелательными.

Однако подполковник Дж.Р. Старр запомнился и скандальной перебранкой с генералом де Голлем 18 сентября 1944 г. Известно, какими репликами они обменялись. Отвечая на обвинения де Голля во вмешательстве во французские дела, Старр сказал: «Mon Général, je vous connais comme chef du Comité Français de la Libération Nationale, et même comme Président du Gouvernement Provisoire de la République, mais pas comme un officier supérieur, et

¹ Он выжил в Бухенвальде и получил вполне заслуженные ордена «За безупречную службу» и Почетного легиона.

² См. ранее с. 884.

* [Позже она приняла военный орден Британской империи 5-й степени.]

je vous emmerde»[□]. Де Голль в бешенстве приказал ему немедленно убираться из Франции со всеми сотрудниками, хоть французскими, хоть британскими, а потом, уже на пороге, вдруг тряхнул ему руку: «Il y une chose de vrai dans ce qu'ils m'ont dit de vous... que vous êtes sans peur et que vous savez dire «merde»^{□□}). СтARR получил французский Военный крест с пальмовыми листьями, а заодно и британский орден «За безупречную службу» и Военный крест.

Впервые СтARR прибыл во Францию в ноябре 1942 г., чтобы получить свою долю «владений» из обширной территории, контролируемой Филиппом де Вонкуром, унаследованной им от брата — «Лукаса». Филиппа арестовали вскоре после прибытия СтARRа (по счастью, до того, как связь была установлена), а после того, как Роже Барде выдал Перщука в апреле 1943 г., СтARR оказался еще и наследником его большой сети в Тулузском районе. Все эти беды означали, что до августа 1943 г. у СтARRа не было радиопередатчика, и первые его донесения доставляли связные через Испанию и Швейцарию. На прямую связь он вышел, когда одним из первых воспользовался радиотелефоном (22 июля 1943 г.) и установил голосовую связь между самолетом и землей. Теперь он действовал под видом добропорядочного фермера благородного происхождения, заместителя мэра Капельно-су-Авиньон на севере департамента Гар, и, когда с воздушными поставками дело наладилось, он, имея прочную базу, выстроил мощную организацию. Его убежищем стали земли Гара и частично Ландов, а его главный помощник Филипп де Ганзбург (давний сподвижник Перщука) «правил» севернее, в южной части Дордони и северной части Гарроны. Здесь после дня «Д» шли тяжелые бои с немцами, рвавшимися к плацдарму высадки, и 21 августа, когда наступил перелом, СтARR с де Ганзбургом скорым маршем отправились с ВСП в Тулузу и гнали немцев до Каркасона. В конечном счете их воинство вошло в состав войск, которые заперли немцев в Роянском котле. Со СтARRом нелегко было ладить, он сам плодил себе врагов, но созданная им сеть была самой деятельной из всех имевшихся в отделе F.

[□] «Мой генерал, я считал вас главой Французского комитета национального освобождения, считал президентом Временного правительства Республики, а не просто вышестоящим офицером. Я в вас ошибся, вы — дерьмо» (фр.)

^{□□} «В том, что вами сказано, есть доля правды... она в том, что вам неведом страх и вы смеете сказать «дерьмо» (фр.)

Наконец, была еще и сеть, основанная майором Пюлеве, который прибыл в сентябре 1943 г., чтобы работать в Коррезе по связям, предоставленным организацией Грандклемента (ОГВ) в Бордо. Так удачно получилось, что Пюлеве избежал гибели в грандклементской катастрофе, но ему пришлось начать работу самостоятельно. С самого начала основным его контактом был Андре Мальро¹, писатель, чьи политические взгляды неясны: с позиции, близкой к коммунистам, он перешел на сторону де Голля и является видной фигурой в «Объединении французского народа». В те времена он, по-видимому, сотрудничал в основном с ВСП, так что поставки Пюлеве частично шли (но не им одним) коммунистам: хороший пример того, как группа отдела F, готовившаяся для работы с правой ОГВ, вполне приспособилась и к нуждам левых ВСП. Самого Пюлеве арестовали в марте 1944 г.², но работу продолжил его помощник Жак Пуарье*, который обеспечивал линию связи для самых различных групп в Дордони, Коррезе и Ло. Одной из таких групп (о чем Пуарье в то время не говорил) была разведывательная сеть, которой командовал его отец, майор Робер[□] Пуарье.

Здесь тоже после дня «Д» велись тяжелые бои, и эти группы, как утверждают, семь дней сдерживали продвижение 2-й бронетанковой дивизии СС к плацдарму союзников.

3. Организации «Сражающаяся Франция» во Франции

Тактика отдела F, как мы видели, основывалась преимущественно на индивидуальной работе. Люди, подобные Саутгейту, Каммаертсу, Хеслопу, Старру, де Байссаку, составляли замечательную команду, и к ним относились как к команде. Однако капитан этой команды находился в Лондоне, и нет ничего обидного, что во французскую историю они вошли как «сеть Бакмастера»: полковник Бакмастер был «заботливой матерью» всем и каждому из своих «ребятков». «Туземные» же организации, с другой стороны, стремились к политическому единству и административной централизации внутри Франции. По долгу своему отдел

¹ Его брат уже работал с отделом F в Руене; см. с. 885.

² Он выжил в Бухенвальде и был награжден орденом «За безупречную службу».

* [См. его книгу «У жирафа длинная шея» (1996).]

□ В Именном указателе У. Маккензи называет его Роже.

R/F яростно противился этому, сообразуясь как с безопасностью, так и с военной иерархией. Отдел был прав, но правы были и французы. Только централизация движения Сопротивления внутри Франции могла придать политическое выражение и политический вес воле Франции у себя дома в противовес проискам (зачастую весьма патриотическим) эмигрантов, а также военного командования союзников. Если бы не было правительства движения Сопротивления внутри Франции, то правительство Франции должно было бы после освобождения появиться извне, а источником ее политической власти стала бы вооруженная сила Британии и США. Сила де Голля частично и в том, что он с самого начала ясно понимал это и не предпринял попытки силой навязать Сопротивлению свои порядки извне, пока самое Сопротивление не даровало победу де Голлю в поединке с Жиро. После этого де Голль всего себя отдал созданию «подпольного» правительства Республики, и в итоге во Франции уже готово было ядро системы власти. Непрочная, нераспорядительная, не всегда поддерживаемая населением — и тем не менее то была система власти движения Сопротивления, которая работала.

Стало быть, этот раздел истории в основном будет посвящен рассказу о главной организации во Франции времен немецкой оккупации. Рассказ, конечно, неполон, отчасти потому, что важнейшие документы (если они существуют) находятся в руках французов, а отчасти потому, что все эти политические зигзаги были чужды главному делу УСО, к тому же они отнимали много времени. С военной точки зрения самой существенной деталью механизма являлся не Национальный совет Сопротивления и его региональные отделения, а местные группы сражающихся людей. Действовать эти группы могли только до тех пор, пока сохраняли связи с Лондоном или с Северной Африкой, откуда их снабжали деньгами, оружием и припасами. Такая децентрализация приобрела широкий размах, к июню 1944 г. в распоряжении отдела R/F находилось, по-видимому, семьдесят радиопередатчиков, работавших на Лондон и Северную Африку¹, еще пятьдесят пять раций, подведомственных отделу F, можно было передать любой местной группе.

В июле 1942 г. в зоне Виши было достигнуто соглашение, в результате которого организации «Комба», «Освобождение» и «Вольные стрелки» (Фресне, Д'Астье и «Клавдий») вместе со-

¹ Привести точные данные невозможно, поскольку контроль УСС не был всеобъемлющим.

здали Генеральный исследовательский совет (ГИС), не наделенный исполнительной властью¹. А еще во Франции находились Мулин («Рекс») и генерал Делестре («Видал») как гражданский и военный советники, направленные де Голлем, которого движения Сопротивления воспринимали, скорее, как символ возрождения, нежели лидера. После долгих споров и трудностей Фресне с Д'Астье в сентябре 1942 г. вновь вывели в Британию (Д'Астье — во второй раз), в результате их бесед с де Голлем в министерстве иностранных дел и в УСО был сделан значительный шаг вперед. Предстояло создать — в дополнение к ГИС — Координационный комитет трех движений под председательством Мулина как представителя деголлевского Национального комитета. В помощь Мулину направлялся генерал Делестре, которому предстояло создать единую «тайную армию» из военизированных организаций этих трех Движений. С этой целью Франция (оккупированная и неоккупированная) была разделена на округа, что позже приобрело существенное значение².

До начала операции «Факел» невозможно было вернуть Д'Астье с Фресне во Францию, пришлось передавать план реорганизации Мулину по телеграфу 10 ноября 1943 г.³

Обрести сторонников этого плана Мулину помогли введенная немцами 11 ноября полная оккупация Франции, а также реакция французов на дело Дарлана. В неразберихе тех дней Мулин подготовил (какими средствами — неизвестно) очень важное послание от 17 ноября⁴, поддержанное тремя Движениями, Генеральной конфедерацией труда, католическими профсоюзами и всеми невишистскими политическими партиями, кроме коммунистов: социалистами, радикалами, народными демократами и федеральными республиканцами. Текст послания вначале звучит вежливо, но затем в нем обозначается острое жало:

«... Мы с признательностью приветствуем генерала Жиро и всех французов, которые по зову души примкнули к генералу де Голлю, неоспоримому лидеру движения Сопротивления, за которым ныне (как никогда ранее) стоит вся страна.

Ни при каких обстоятельствах мы не признаем, что виновные в гражданской и военной измене получают прощение за свои

¹ См. подраздел 4 раздела 4 главы XI.

² Карта, на которой это отображено, дается в Приложении II.

³ «История отдела R/F УСО», 1942 г., с. 29.

⁴ Текст содержится в папке 3/100/2(с) Архива УСО.

преступления, сменив ныне шкуру. Мы требуем, чтобы в самое ближайшее время освобожденная Северная Африка была передана под управление генерала де Голля».

Послание это *не провозглашает* (по сути) деголлевский Комитет законным правительством Франции, его цель — представить де Голля (его лично, без всякого Комитета) союзникам как избранника сообщества, говорящего от имени всех патриотически настроенных сил внутри Франции. С таким козырем на руках де Голль мог довольно уверенно играть против Жиро и даже против Рузвельта, и уверенность его еще больше возросла, поскольку УСО уже наладило надежную связь с Мулином. Единственное слабое место де Голля — наличие сомнений у «электората» Мулина в его *«bona fides»*[□]: трудно было поверить, что за его Комитетом стоит нечто большее, нежели организация довольно академического толка бывлой зоны Виши.

Следующим шагом должно было стать преобразование Координационного комитета зоны Виши в комитет всей Франции, в Англии на этот этап смотрели в основном глазами группы «Морской конек». Состав ее внушительен: «Пасси» («Аркебуз») и (позднее награжденный орденом «Крест Георгия») майор авиации Йо-Томас («Морской Конек»), заместитель руководителя отдела R/F и первый англичанин, отправлявшийся «в поле» по поручению этого отдела*. С ними отправился капитан Броссолье («Морской туман»), тоже борец не из последних**. Они добрались до Франции в середине февраля 1943 г. и возвратились 15 апреля. Пока группа находилась во Франции, Мулин с Делестре были в Англии¹.

Уже в январе три «южных движения» сделали следующий шаг: оставив старые названия, они впредь придали себе особое положение «объединенных движений Сопротивления» (ОДС)².

[□] Добросовестность, честность намерений (*лат.*).

* [См. биографию Йо-Томаса, написанную Марком Симаном, — «Храбрый из храбрых» (1998).]

** [См. жизнеописание Броссолье, составленное его вдовой (Париж, 1985).]

¹ В то же самое время во Франции находился с политическим заданием от отдела F майор Антелме, вращавшийся в несколько иных кругах, его отчет, по существу, подтверждает сведения Йо-Томаса.

² В начале 1944 г. в ОДС вошли три очень небольшие северные группы, и организация стала называться «Движение национального освобождения» (ДНО), новая аббревиатура породила немало путаницы, хотя на практике почти никакой разницы не чувствовалось.

Этот Координационный комитет обрел исполнительную власть, его президентом стал Мулин, Фресне (который когда-то был армейским офицером) — ответственным за военную деятельность, Д'Астье (стоявший чуть дальше влево) — ответственным за пропаганду и «политику». В каждом округе ячейки движений сохраняли размежевание, однако создавалось единое командование на уровне окружного начальника¹. Очередной шаг, каким его увидели Йо-Томас с «Пасси»², состоял в том, чтобы из разнообразных мелких движений выделить такие, которые внесли бы свой вклад и в политическое единство, и в укрепление военной силы. Разыскали пять таких движений:

- а) *ОГВ*. Мы уже знаем о «консерваторском» тоне этой организации и о ее ответственности за трагедию Грандкле-мента в Бордо.
- б) в) *Ceux de la Libération (Vengeance) CDLL* или *CDLV* и *Ceux de la Résistance (CDLR)*. Сведения о них по-прежнему смутные: как представляется, они придерживались «патриотического консерватизма», но не столь четко выраженного, как у *ОГВ*. В послевоенной французской политике руководители этих движений появились в «старомодной» консервативной партии и в Республиканской партии свободы (РПС). У РПС имелись связи с «Дорожным транспортом» — национальной дорожно-транспортной организацией.
- г) «*Libération Nord*» образовалось в зоне Виши как ответвление первоначального движения «Освобождение» и еще не успело крепко стать на ноги. Как утверждалось, с ним были связаны Комитет социалистического действия, ВКТ и католические профсоюзы.
- д) *Front National (ФАНА)*, Народный фронт, который стали поддерживать коммунисты после нападения Германии на СССР. Его видимое руководство составляли самые разные фигуры национального масштаба, некоторые из них, например, Луи Марин и Франсуа Мориак*, стояли довольно далеко на правом фланге. Военизированная часть движения — ВСП — в основном состояла не из комму-

¹ «История отдела R/F УСО», 1943 г., с. 11.

² Отчет группы «Морской конек»; копия в Приложении «А» к «Истории отдела R/F УСО», 1943 г.

* [1885—1970 гг., ведущий католический писатель-романист.]

нистов, если не считать ограниченного числа ключевых фигур. На данном этапе «партийная линия» проявлялась только в настойчивом стремлении следовать русской политике непрерывных боевых действий любой ценой (прочное основание для коммунистического «мифа» о партии расстрелянных) и в стойком нежелании объединять войско ФАНА с «голлистской» «тайной армией». Тем не менее ФАНА оказывала полную политическую поддержку де Голлю¹.

В конце марта 1943 г. Мулин вернулся во Францию и помогал группе «Морской конек» как-то увязать довольно жесткий план Лондона с тем, что действительно имело во Франции. Их совместная разработка была принята на встрече с Движениями 14 апреля, перед отбытием «Морского конька» в Лондон. Новый Национальный совет Сопротивления (НСС) был официально образован 5 мая, а первое заседание провел 27 мая — на нем председательствовал Мулин. В него вошли представители от каждого из трех «южных» и пяти «северных» Движений, по одному от ВКТ и католических профсоюзов и по одному от шести политических партий: коммунистов, социалистов, радикалов, народных демократов, Демократического альянса (партия Рейно) и Союза демократических республиканцев (партия Луи Марина). Комитет из семнадцати человек, конечно, оказался чересчур велик, чтобы с пользой работать под носом у гестапо, а потому деятельную работу НСС проводило его Бюро. Ко времени освобождения в него входили:

Бидо	(Партия народных демократов),
Авинин	(«Вольные стрелки»),
Блок-Масин	(ОГВ),
Сайльян	(ВКТ),
Гизбургер	(ФАНА).

Баланс, следовательно, примерно таков: один «буржуазный» националист, один прогрессивный католик, один социалист, один «попутчик», один коммунист — вполне представительны для политического портрета движения Сопротивления.

¹ Судя по труду Дансетта «Освобождение Парижа» (с. 29), эти «северные» Движения образовали Координационный комитет весной 1943 г., который дал жизнь Комиссии военных действий; в документах УСО очень мало информации о ней, впрочем, по-видимому, особого значения она и не имела.

Создание НСС было и концом, и началом. Внутри Франции появился наконец символ французского единства, и, когда в июне де Голль вел в Алжире переговоры с Жиро, преимущество было на его стороне. А значит, его конечная победа над Жиро сомнений не вызвала, поскольку у Жиро не было опоры ни в одном из слоев общества, за исключением ОСА, чей политический вес равнялся нулю. Однако стоило завершиться старой битве, как началась новая — на сей раз между движением Сопротивления и «le premier résistant de la France»[□]. Сопротивление стремилось утвердить верховенство НСС, а де Голль — создать на основе ФКНО будущее французское государство. На следующем этапе и НСС, и де Голль — в причудливом смешении соперничества и сотрудничества — отдавали все силы созданию деятельного механизма, способного существовать в условиях германского гнета и выйти на авансцену, когда этот гнет будет сброшен, чтобы сразу же взять на себя всю полноту ответственности за будущность французского государства.

И в этот момент немцы нанесли удар. 21 июня 1943 г. Мулина, Делестре и еще четырнадцать человек увезли в Кольюр возле Лиона, а вместе с ними и семь миллионов франков, штабной архив «тайной армии» и много других важных документов. Никто из схваченных не выжил, и обстоятельства, связанные с трагедией, долго будоражили всех причастных к этому «делу» в Сопротивлении. Одно время возникло было желание свалить вину на УСО, используя в качестве удобного повода Дерикюра¹, но ныне (весна 1948 г.) уже известно имя предателя (и он признанся) — это полковник Рене Арди*, человек, прежде превосходно себя проявивший, один из лидеров антикоммунистического крыла движения Сопротивления. Однажды его уже процедурно оправдали, а весной 1947 г. вновь арестовали, когда появилась новая улика (билет на проезд в мягком вагоне). В результате стало очевидно, что как раз перед тем, как случиться трагедии, он какое-то время находился в руках гестапо. Дело, однако, за-

[□] «первым бойцом Сопротивления Франции» (фр.)

¹ См. с. 873—874. Расследованием того, насколько надежна работа УСО во Франции, занялся Объединенный комитет по разведке, который пришел к неутешительным выводам, — ЛИС(43)325(0) от 1.8.43 г.

* [Арди командовал «Гибельным железом», крупной французской организацией, занимавшейся диверсиями на железных дорогах; его дело до сих пор является предметом споров.]

пугалось, ясно было только одно: гестапо располагало множеством источников, поставлявших сведения о работе Мулина. И организация в целом (пусть она и очень важная для будущего Франции) «технически» была обречена: гестапо держало ее на длинном поводке, выжидая момента схватить ее, а толчком к действию могли послужить показания любого человека, «опекаемого» гестапо. Выбрало оно момент, по счастью, не самый удачный: слишком поздно, чтобы повлиять на политическую обстановку, и слишком рано, чтобы уничтожить военную организацию, поскольку, если таковая и существовала, то пока лишь на бумаге.

Тут, пожалуй, как раз подходящий случай вернуться к прошлому и проследить мало связанную с этим историю обмена. Началось все летом 1942 г., когда министр труда Германии Заукель* уговорил Лаваля подписать соглашение, по которому 50 000 французских заключенных в Германии обменивались на 150 000 «добровольцев» из числа квалифицированных рабочих. На такую наживку вряд ли кто мог клюнуть, и в сентябре 1942 г. немцы взяли Лаваля в оборот. В тот месяц власти Виши ввели обязательную трудовую повинность, и уже в октябре 1942 г. в отчете УСО по политической разведке говорилось, что «главенствующим для политической обстановки во Франции в прошлом месяце являлся» вопрос об обмене¹. Немцы заполучили 150 000 человек на месяц позже срока, к 31 марта 1943 г. они выжали еще 250 000, а когда и это удалось, требования вновь подскочили — до 400 000 человек².

Противостояние этим принудительным мерам началось стихийно. Молодые люди, подпадавшие под повинность, «терялись», меняя место жительства или добывая через знакомых чиновников поддельные документы, бежали за город и жили в лагерях, выставляя на ночь стражу или надеясь на бдительность местных жителей. Вся эта масса «refractaires»[□] и составляла маки в широком смысле слова — громадный источник по-боевому настроенных людей, живущих вне закона, то есть партизан. К маки в более узком смысле относили обитателей лагерей «дезертиров»

* [Повешен в 1946 г. за работоторговлю.]

¹ Копия в архивной папке УСО 3/100/5(а).

² См. доклад об обмене, подготовленный подполковником Хатчиноном; копия в папке F.38/часть II Архива УСО.

[□] «Непокорных» (фр.)

в какой-нибудь сельской глуши, которые могли оказаться кем угодно — полупреступными бродягами или первоклассными бойцами, знающими толк в дисциплине¹.

Еще в феврале 1943 г. Бидо по радию сообщал, что французов очень беспокоит судьба этих людей², а в марте де Голль с тем же обратился уже лично к Черчиллю. Комитет начальников штабов, куда было направлено послание, обсуждал его, советовался с УСО³ и подготовил для премьер-министра проект ответа, где обещалась помощь УСО, но содержалась и просьба к де Голлю: ограничить число «явных партизан» и не допускать никаких провокаций в отношении немцев. Было бы в высшей степени неразумно ставить под угрозу всю структуру движения Сопротивления во Франции и попусту тратить ресурсы на акции, лишённые стратегического смысла. Еще одно срочное обращение (в данном случае — от имени маки в Савойе) поступило в июне от генерала Коше, и бригадный генерал Габбинс старался повлиять на министерство авиации, но, увы, департамент Савойя находился слишком далеко, чтобы «галифаксы» эскадрильи № 138 смогли добраться до него в короткие летние ночи, так что положение сложилось почти безнадежное⁴.

Между тем во Франции адвокат Мишель Броль («Жером») в июне 1943 г. оказался во главе особой организации, созданной для содействия маки-партизанам. Движения Сопротивления не создавали партизанских отрядов, а потому в то время для них содействие означало, скорее, «вспоможение», облегчение участи, а не устройство военной организации. «Жером» и занимался «вспоможением», в то время как практическая забота о военной подготовке и вооружении ложилась на кого угодно: отряд маки мог оказаться под опекой офицера отдела F, или одного из руководителей НСС, или коммунистов, а мог и вовсе оставаться «беспризорным». И все же к июню 1944 г. оставалось мало отря-

¹ Некоторую путаницу вносит употребление в ряде случаев понятия «корпус вольницы». Обычно так назывались отряды людей, которые считали себя постоянно призванными для участия в вооруженных действиях, даже если они велись нелегально. Боец «корпуса вольницы» обычно (хотя и не всегда) соответствовал маки-партизану.

² «История отдела R/F УСО», 1943 г., с. 29.

³ COS(43)45-e(0) заседание, пункт 1, 15 марта и COS(43)48-e(0) заседание, пункт 6, от 18 марта; относящиеся к теме документы хранятся в папке F.38/ч. I.

⁴ Документы в архивной папке УСО F.38/ч. I.

дов маки, не имевших хоть какого-нибудь оружия, они соблюдали военную дисциплину и придерживались определенной структуры подчиненности.

Отряды маки в Савоие всегда были самыми многочисленными и подготовленными, и в январе 1944 г. отдел R/F принял участие в специальной операции по оказанию им помощи. В группу входили французский офицер подполковник Фурко*, американский морской пехотинец «капитан Ортиц» и капитан Сакзуэйт из отдела R/F с французом-радиистом¹. Находясь среди маки, члены группы носили военную форму, а следовательно, являлись первым легальным военным представительством союзников во Франции с 1940 г. Теоретически группа являлась миссией связи, приданной французскому командованию, и имела полномочия изучать, но не действовать, на самом же деле роль группы (как и других подобных групп R/F) не слишком отличалась от роли организаторов отдела F, таких, как подполковник Хеслоп². Нужно было выявить некую последовательность в смене личностей и политических устремлений, и представительство союзников (будь оно от отдела F или R/F) обладало особыми полномочиями, оставаясь вроде бы в стороне от французской политики, но опираясь на весомые ресурсы союзников, которыми могло распоряжаться (или полагало, что может распоряжаться).

3 мая 1944 г. Сакзуэйта отозвали в Лондон, где он после того, как арестовали Йо-Томаса (во время выполнения третьего задания во Франции), занял второй по значимости пост в отделе R/F. Несколько позже возвратился и Ортиц. Чтобы облегчить положение оставшегося в одиночестве Фурко, была направлена новая группа (в ее состав входили два британских офицера — майор Лонг** и капитан Хаусман), которая десантировалась 25 июня прямо в центр начавшегося восстания в долине Веркора, где над деревьями реял французский трехцветный флаг. Члены

* [П. Фурко скончался в возрасте почти 100 лет в 1998 г.]

¹ В «Истории отдела R/F УСО» об этой операции содержится много сведений, которые собрал Сакзуэйт. Оперативные инструкции группы содержатся в «Журнале войны УСО», отдел R/F, 1944 г.

² В Савоие группа R/F весьма тесно взаимодействовала с подполковником Хеслопом и капитаном Розенталем (см. с. 892—893).

** [Д.Э. Лонг, 1914—1990 гг., дворянин из Норфолка, стал председателем Норфолкского союза страховщиков.]

группы принимали участие в боях до середины июля, пока повстанцы, потерпев поражение, не ушли в Швейцарию¹.

Стоит упомянуть еще о двух подобных группах отдела R/F. Передовую группу «Цитронелла» сбросили с парашютами во Французские Арденны в апреле 1944 г. и усилили в июне. До самого освобождения в августе группе приходилось тяжело, она постоянно вела напряженные бои. Группу «Бенжуа»² направили в мае 1944 г. на помощь крупному отряду маки в Центральном массиве (департаменты Канталь и Коррез). Тут сначала много напутали между «официальной» французской организацией и «Гаспаром»³ (у него находился офицер связи отдела F), но вскоре порядок был установлен, и в июньских и июльских боях здешние маки действовали увереннее, чем партизаны в долинах Гльерских и Веркорских гор.

Теперь вернемся к центральной организации движения Сопротивления. С образованием НСС политическая активность, естественно, не снизилась. Справа от Совета стояла «жироистская» ОСА во главе с генералом Ривером, председателем военного суда, который осудил де Голля в 1940 г. Генерал был патриотом, его заботили престиж армии и будущность ее офицерства, к тому же он поскользнулся на «антикоммунистических» хитростях немцев, на которые ранее попался Грандклемент. Внутри Совета тех же взглядов, как представляется, придерживался Фресне, который, кстати, надеялся на особые милости американцев. Левее Совета находились коммунисты, стойкие голлисты, но столь же решительно настроенные держаться собственной боевой стратегии и собственных планов во всем, что выходило за рамки военной иерархии. Таким образом, создалось довольно просторное поле для маневров, и все же в основе своей положение было более прочным, чем казалось на первый взгляд. Правым очень скоро стало ясно, что их единственная надежда (хочешь или не хочешь) — де Голль. Левые наконец убедились (а непредвзятые наблюдатели поняли это еще раньше), что и речи не может быть о коммунистическом перевороте, если только русские армии каким-то чудом не принесли бы освобождение с Востока. Комму-

¹ Их обвиняли в том, что они чересчур легко уступили, но все эти обвинения были решительно отвергнуты официально назначенной комиссией по расследованию; копия ее заключения в архивных папках УСО «Отчеты CD».

² Главным британским представителем в ней был майор Кардозо.

³ См. с. 892.

нисты не могли подняться на восстание против британских и американских армий, но, не исключая какую-либо возможность или случайность, они, что называется, держали порох сухим и прежде всего стремились утвердиться в качестве «общенациональной» партии, объединяющей подлинных бойцов Сопротивления, «Партии расстрелянных». Чтобы добиться этого, им требовалось сделаться главными выразителями и носителями идеи ненависти французов к фашистской Германии. Замечу при этом, что в большинстве районов ВСП под руководством коммунистов сражались с немцами достойно.

Отдел R/F вел битву в основном против «политики» во всех ее видах и формах. Несмотря на веру в будущее де Голля, отдел занимался (что было невозможно для французской политики) военными нуждами союзников: к объединению различных французских сил британцы относились позитивно, видя в этом средство для спасения жизней британцев в день «Д». По той же причине отдел упорно сопротивлялся централизации и никогда не упускал случая напомнить французам о кальюрской трагедии. После утраты Мулина его полномочия разделили: Бидо стал президентом НСС, а Вольер¹ — генеральным представителем ФКНО. В январе 1944 г. (когда Больер был арестован) на этом посту его сменил Пароди². Однако на других фронтах мало что менялось, и британцам уже в зубах навязли выступления против централизации³.

Бедая, которой обернулась децентрализация организации маки Броля, случилась, возможно, из-за недоразумения, во всяком случае, группа «Союз» обнаружила в январе 1944 г., что соглашение по организации, достигнутое в Лондоне, не соблюдается⁴. Однако в октябре 1943 г. произошло открытое (и неприятное) столкновение из-за военной децентрализации. Два видных офицера — полковник Марешаль (он же Морино) и полковник Ман-

¹ Бывший префект департамента Рона и союзник Эррио в Лионе.

² Пароди был видным государственным служащим, «мэтром прошений» (т.е. руководителем службы обращений и просьб) Высшего совета.

³ Приложение 12 содержит официальную французскую схему, опубликованную после окончания войны, схема познавательна, но в некоторых частях тенденциозна.

⁴ «История отдела R/F УСО», 1944 г., с. 8. Схожая неприятность произошла из-за чрезмерной централизации воздушных операций внутри Франции в результате слияния Бюро воздушных операций (БВО) с Посадочно-парашютной службой (ППС). См. «Историю отдела R/F УСО», 1943 г., с. 24.

гин, сын генерала Мангина* — в то время направлялись «в поле» по поручению ФКНО, и было решено, что им *не следует* брать на себя ответственность за зоны Франции — Северную и Южную. В то время французы передавали свои сообщения, используя французский шифр, из центра связи УСО, копия шифра была передана в УСО под гарантию того, что ею не воспользуются без чрезвычайной необходимости. В отделе R/F вдруг заметили, что зашифрованные сообщения длиннее согласованного текста, тогда в шифровальном отделе УСО сообщение подвергли дешифровке и обнаружили, что в нем содержится важная информация — об утверждении военного представителя Северной зоны и военного представителя Южной зоны. Сообщение было отозвано, последовало неприятное выяснение отношений, в ходе которого обе стороны, по-видимому, были не прочь схитрить¹. Одно радовало: французы наконец-то убедились в ненадежности своего шифра и перешли на британскую «одноразовую» систему**. Однако на практике отделу R/F оказалось не по силам помешать французской централизации, поскольку французы всерьез настроились на нее. Маршалль и Мангин согласились с назначением их зональными представителями. Маршалля почти сразу же арестовали, и Мангин оказался ответственным за обе зоны, фактически стал национальным военным представителем. Наконец, в апреле 1944 г. был официально восстановлен прежний пост Делестре, и на него назначили способного молодого финансового инспектора Делма («Чабана»)². Централизация победила.

* [К.М.Э. Мангин, 1866—1927 гг., в 1896—1898 гг. принимал участие в экспедиции на Фашода, командовал армией на Западном фронте в 1918 г.]

¹ В ноябре 1943 г. произошел и другой неприятный случай, когда в УСО попало письмо Д'Астье к исполняющему обязанности руководителя «Освобождения», где предлагалось свернуть всякое сотрудничество с «англосаксами», поскольку они пытаются захватить командование в свои руки; копия в папке F.38/ч. II Архива УСО.

** [См. книгу Маркса «Между шелком и цианидом», где рассказано о том, как он вновь изобрел одноразовый шифр-блокнот (министерство иностранных дел пользовалось им на протяжении всей войны), и о том, как ненадежны были французские шифры.]

² «Чабан»-Делма вначале был назначен временно, до прибытия полковника Биллота (см. ранее раздел 4 главы XI), однако Биллот прибыл только в качестве командира одной из бригад в дивизии Леклерка, и Делма, таким образом, оставался на своем посту до конца. [Ж-П-М. Делма, род. в 1915 г., после войны прибавил свою кличку «Чабан» к фамилии, премьер-министр Франции в 1969—1972 гг.]

Похожие неприятности случились из-за «зональных секретариатов», которые в конце лета 1943 г. создали в Париже для помощи Больеру: Серюль («Софи») — для Севера и Бинген («Кадиллак») — для Юга; по рангу они фактически приравнивались к заместителям генеральных представителей¹. В конце августа 1943 г. майор авиации Йо-Томас отправился «в поле» вместе с Броссолье на второе задание (операция «Мари-Клер»), и их сведения развеяли все иллюзии по поводу работоспособности секретариатов². Оснований для критики было много: политические интриги и злоупотребление финансами, вдобавок к личным амбициям, полное пренебрежение правилами безопасности, управленческая немощность, из-за которой округа оставались без средств и оснащения, прежде всегда имевшегося в распоряжении «главной канцелярии». Йо-Томас подтвердил этот отчет, вернувшись в Лондон в ноябре, и в конце концов в январе 1944 г. Серюль отозвали. Д'Астье упорно сражался за свои интересы, но УСО запретило ему возвращаться в Париж³. Позицию Управления укрепила череда новых бед в январе — феврале 1944 г., когда схватили Больера, а Броссолье и многих других убили. В апреле в лапы к немцам попал Йо-Томас, выполнявший третье задание, погибли Фассин⁴, Бинген и полковник Ланглуа (глава ОГВ). И всякий раз добычей гестапо становилось множество документов и денег, круг арестов ширился.

По счастью, к этому времени твердо встали на ноги окружные военные представители, а Больеру удалось создать параллельные гражданские институты комиссаров Республики — по сути, окружных префектов. Эти люди разнились по своим личным качествам и политическим пристрастиям, но они, по крайней мере представляли законные французские власти. Еще важнее то, что в первые месяцы 1944 г. значительно улучшилось положение с поставками, теперь, когда все на местах держали прямую связь с Лондоном или Алжиром, местные власти значительно окрепли, постепенно склоняясь на сторону ФКНО, а не НСС или движений Сопротивления, которые могли лишь отдавать приказы, используя медлительные и опасные подпольные кана-

¹ «История отдела R/F УСО», 1943 г., с. 49.

² Отчет об операции «Мари-Клер» содержится в архивной папке УСО (ADS.1) F.38/ч.II.

³ Архивные папки УСО 3/370/46(с) и (ADS.1) F.38/ч.III. В последующем его сменил Ролан Пре.

⁴ См. раздел 4 главы XI.

лы. Так что когда в июле настал день «Д», реально уже существовала вполне крепкая система децентрализации, и истинную силу движения Сопротивления не ослабили даже действия гестапо, направленные против нескольких известных руководителей.

И все же в принципе централизация сохранялась. Политически громаднейшее значение имело то, что в марте 1944 г. Бюро НСС выработало Хартию Сопротивления — программу умеренного социализма и социальных реформ, в которой угадывался прообраз Четвертой Республики¹. Стороне военной в январе 1944 г. уже можно было сделать необходимые выводы после ликвидации Жиро и включения в правительство двух министров-коммунистов. Тогда и были созданы французские Войска внутренних районов (ВВР), призванные включить в себя все существующие военные образования: «жироистская» ОСА, «голлистская» «тайная армия» и коммунистические ВСП не утратили своей самобытности и местной структуризации, зато на словах согласились находиться под оперативным руководством Высшего командования союзников. На какое-то время сети отдела F оказались вне общей структуры, и их даже стали называть «предателями Франции», но и эта брешь вскоре была закрыта, когда 17 июня был создан ШФВВР.

На самом деле это не означало, что теперь существует единая иерархия военного командования. В противостоянии с британцами и де Голль, и НСС были сторонниками централизации — и централизация победила, во всяком случае на бумаге. Однако оставались еще две самостоятельные пирамиды власти. Со стороны гражданской НСС и цепочка Комитетов освобождения в округах, департаментах и на местах уравнивались генеральным представителем (Пароди), генеральными секретарями, готовыми взять под временное руководство различные министерства, двумя представителями в Северной и Южной зонах и окружными комиссарами Республики. Со стороны военной «голлистскую» пирамиду составляли национальный военный представитель, военные представители в двух зонах и военные представители в департаментах (ВПД). Параллельно существовали национальный штаб ФВВР, созданный НСС в начале 1944 г. вопреки протестам БСРА, а ниже — штабы округов и департаментов. В начале

¹ Она явно не рассматривалась всеми членами НСС. По крайней мере двое «правых» — Ланьель и Мютье — позже отмежевались от Хартии (Дансье. «Освобождение Парижа», с. 24).

мая, бросив вызов де Голлю, НСС создал собственный Комитет военных действий (КОМАК)¹, состоявший из трех гражданских лиц, которые, как считалось, осуществляли руководство французскими ВВР через штабы различного уровня. Будь КОМАК способен действовать эффективно, от власти генерала Кёнига как командующего ШФВВР осталась бы одна тень, но свара за эту составляющую всей структуры тянулась на протяжении всей второй битвы за Францию².

Однако де Голль, опираясь на УСО, кнут держал в своей руке. Только Лондон обладал линиями радиосвязи с любой частью Франции, и только Лондон обладал властью решать, какое оружие и какое подкрепление следует направить в тот или иной район. Слабость де Голля состояла только в его «отсутствии» в стране, и, когда время пришло, он взялся исправлять это упущение с громадной энергией. До дня «Д» он не желал заключать с союзниками соглашение по гражданским делам и при ближайшей возможности (14 июня) бросился в Нормандию, где навязал протестующим союзникам собственную пирамиду власти, выстроенную из местных французских официальных лиц. В Париже 18—19 августа почти стихийно вспыхнуло восстание, и, сочетая удачу с верным расчетом, ставленники де Голля тотчас же утвердились в министерствах и полицейских префектурах, а также в департаменте Сена. 22-го, несмотря на сопротивление генерала Эйзенхауэра прямому маршу на Париж, бронетанковая дивизия Леклерка двинулась вперед. 25 августа (когда стрельба еще не стихла) де Голль появился в освобожденном Париже — как символ французского государства. И в последующие дни бешеного возбуждения он пронесся по всей Франции, используя всю силу своего громаднейшего авторитета для утверждения избранных им представителей во власти. Французская Республика вернулась. Отдел F упаковал вещички и исчез со всем достоинством, на какое был способен; местные организации движения Сопротивления оказались предоставлены сами себе в состоянии политического будущего и полном разочарований послевоенном мире.

¹ Его составили «три В»: Вильон, Валримон и Вайльян (на самом деле Гинзбургер, Кригель и де Вою), — генерал Ривье из ОСА был связан с ними как «технический советник».

² НСС «нашел формулу» 17 августа — слишком поздно, чтобы она имела хоть какое-то практическое значение.

4. Диверсионная война

Ничто не наводит такой скуки, как перечень актов диверсий. Зато каждый случай в отдельности обретает истинный драматизм: диверсии, наверное, самый активный вид ведения войны, и он очень соответствует французскому характеру. К сожалению, нет таких средств, чтобы свести множество случаев в статистический отчет.

В целом политика союзников со времени «Факела» и до «Владыки» заключалась в том, чтобы направить в определенное русло стихийную мелкую диверсионную деятельность. Акции определенного рода требовались, чтобы поддерживать в войсках бодрость духа, однако это должны были быть акции запланированные и согласованные, направленные на объекты и цели, имеющие серьезное военное значение. Коммунистическая же стратегия непрерывных боевых действий сопровождалась ненужным риском, угрозой для жизни многих людей, более того — риском для организаций.

О некоторых значительных диверсиях уже говорилось, например, о нападении Тротоба на заводы в Фивах — Лилле, о потоплении минного тральщика в Руене, о дерзкой акции Хеслопа на подшипниковом заводе в Анниси. Все это была работа отдела F.

Если же вести поиск лучших из лучших в стане R/F, то прежде всего нужно сказать о команде «Армада»¹. Она сплотилась вокруг пожарного Бассе и автомеханика Жарро, ставших известными как «Мари» и «Гужон». Став участниками движения Сопротивления, они в конце 1942 г. пробрались через Пиренеи в Англию, и их первое задание (в августе 1943 г.) состояло в том, чтобы вывести из строя источники энергоснабжения заводов Крезю. Проведя акцию с большим успехом, они вновь вышли «в поле» в октябре 1943 г. с двумя заданиями: вывести из строя систему электроснабжения Парижа и гидросистему канала, особенно на тех участках, которые позволяли немцам проводить небольшие подводные лодки и корабли ПВО между Северным морем и Средиземным. Вместе со своими сподвижниками, среди которых непременно надо назвать «Пакебо» (лейтенанта Пиллея), способного диверсанта, и «Ходжу» (он расправлялся с гестаповскими агентами), они прошли долгий и славный путь, каждый их успех основательно подтвержден. На-

¹ «История отдела R/F» УСО, 1943 г., с. 39.

конец в июле 1944 г. «Мари» с «Гужоном» прибыли в третий раз для организации отрядов маки, разбросанных вокруг Лиона и Калон-сюр-Сона, а впоследствии «Мари» маршировал по Лиону впереди колонны из 15 000 человек!¹

«Армада», наверное, лучшее, что может представить Франция, ее можно поставить в один ряд с «Норик» (Осло) и «Аполоном» в Пирее. Было еще несколько таких же отличных групп, а великое множество других по крайней мере имели на счету один крупный успех, не сопровождавшийся потерями. Вдобавок был еще и целый рой остро жалящих «пчелок», о которых агенты УСО сообщали *en bloc*², а о некоторых, работавших «по частной инициативе» или в рядах ВСП, и вовсе не сообщалось. Лучшим свидетельством результативности их деятельности служат признания арестованных, зафиксированные в официальных немецких документах, а также злобные карательные меры, направленные против «диверсантов», «террористов», «коммунистов» и «евреев».

Диверсионная работа координировалась с военными действиями общего стратегического значения: воздушными атаками Королевских ВВС на вражеские поезда и выводом из строя промышленных предприятий.

В течение 1942—1943 гг. в рамках общей кампании против транспортной системы стран Оси истребители КВВС на бреющем полете устраивали охоту за железнодорожными составами на французских железных дорогах. Никто не предполагал, что таким образом можно нанести значительный ущерб противнику, однако число исправных локомотивов можно было сильно сократить и увеличить время ремонта, подвергая бомбардировкам ремонтные депо. О том, что получалось, сообщается в докладе французского инженера-железнодорожника, который выбрался в Англию в декабре 1943 г.²

Нападения самолетов на подвижной состав

С начала 1943 г. получили повреждения 650 локомотивов (в среднем по 70 в месяц) из 10 200 находящихся в эксплуатации.

¹ Его дневник, посвященный диверсионной войне, включен в «Историю отдела R/F УСО», 1944 г., Приложение «В».

² Оптом, скопом (*фр.*).

² Датирован 14 декабря 1943 г.; копия в архивной папке УСО (ADS.1) F.38/ч.II.

Общий ущерб незначителен, а среднее время ремонта — две недели. Следовательно, в среднем в месяц на ремонте находится 35 локомотивов, около 0,34% от общего числа.

И этот ничтожный результат с начала 1943 г. обернулся 78 жизнями железнодорожников, а 378 получили ранения.

Диверсии на железных дорогах

В среднем ежемесячно агенты повреждали около 40 локомотивов, однако для их ремонта времени требовалось гораздо больше, примерно шесть месяцев. Это означает, что ремонтировалось 240 локомотивов, 2,4% от общего числа, что в восемь раз больше, чем поврежденных в результате бомбардировки или обстрела с воздуха.

По счастью, это направление деятельности было пересмотрено еще до того, как доклад был написан. Вопрос безуспешно поднимался УСО в феврале, а затем в августе 1943 г., к октябрю вал протестов стал столь велик, что к делу вернулись вновь, и лорд Селборн лично поддержал его. По счастью, министерство экономической войны (*alter ego* лорда Селборна) придерживалось того же мнения по соображениям экономическим, и командование истребительной авиацией уступило. Были предприняты меры, чтобы разъяснить ситуацию железнодорожникам, побудив их увеличить количество диверсий. Результаты не заставили себя ждать, о чем можно судить по большому числу немецких путейцев, которых перебросили во Францию в начале 1944 г.¹ Статистика захлебывается, фиксируя нападения на транспорт накануне и сразу после дня «Д», и нет никакой возможности провести точное сравнение. Однако не вызывает сомнений, какая именно диверсионная политика оказалась правильной².

Вопрос о «шантаже» возник при сходных обстоятельствах. Бомбардировки промышленных предприятий с больших высот (обычно их проводили ВВС США) зачастую оказывались результативными (значительно результативнее нападений на подвижной состав с бреющего полета), но во Франции их не любили. Вызывало досаду

¹ Сведения об их размещении по территории Франции содержатся в архивной папке УСО (D/R) D.1(0) под датой 20 апреля 1944 г.

² Документ УСО по этому вопросу был представлен в Комитет по определению целей бомбардировок 5 ноября 1943 г.; лорд Селборн написал премьер-министру 15 ноября; КНШ вынес решение по делу 24 ноября — COS(43)287-e (0) заседание, пункт 7. Неполный набор документов содержится в архивной папке УСО F.38/ч. II.

разрушение французского экономического потенциала — в особенности у хозяев тех или иных объектов. К тому же частенько небольшой промах в бомбометании приводил к жертвам среди гражданского населения. В итоге под бомбами союзников погибло около 55 000 французских граждан. Большая доля этих потерь приходится на бомбардировку портов Атлантики, которая проводилась по приказу Адмиралтейства; многие погибли во время массовых воздушных ударов по железнодорожным целям, которые предшествовали дню «Д», но больше всего жертв было после ударов по промышленным предприятиям¹. Примером могут служить заводы «Пежо» в Соко возле Монбельяра. Летом КВВС нанесли по ним безрезультативный, хотя и мощный воздушный удар. Капитан Ри прибыл как раз в это время, и ему посчастливилось связаться с директором «Пежо», который, как выяснилось, сам рвался организовать диверсии в собственных цехах. С трудом, но все же удалось уговорить Лондон отложить на время очередную бомбардировку КВВС, и 5 ноября было блестяще проведено нападение «извне» на трансформаторы и компрессоры в Соко. УСО, договорившись с министерством авиации², сразу повторило тот же ход, воспособив нападению Хеслопа на подшипниковые заводы в Аннеси 13 ноября, которое также произошло после неудачной бомбардировки с воздуха. УСО и министерство впервые договорились (на встрече 20 декабря) о тесной координации бомбовых ударов и диверсионных акций. В списке важнейших целей во Франции одни были закреплены только за КВВС, другие — за ВВС США, третьи — только за УСО. Для третьей категории УСО отводилось ограниченное время, и надо было успеть договориться о сотрудничестве с дирекцией (или с рабочими) под угрозой бомбардировки. Таким образом, появился целый перечень «шантажных» целей, который был одобрен подкомитетом из представителей УСО, УСС, министерства авиации и ВВС США. Позже было получено подкрепление: план распространили на Бельгию, а к его осуществлению привлекли ВКТ — в обмен на обещание, что после войны британцы предпримут все возможное для замены разрушенного оборудования³.

¹ О консультациях с УСО по поводу воздушных ударов по железным дорогам см. архивную папку (D/R) P.1(b).

² С этого места события изложены довольно подробно; см. архивную папку УСО (D/R) «Франция 7с».

³ Переписка между лордом Селборном, м-ром Оливером Литлтлоном, м-ром Дальтоном и генералом Кёнигом в архивной папке УСО (D/R) «Франция 7с».

Наверное, на начальном этапе войны организации УСО оказались бы не в силах продвинуть такой план и проверить его на деле, а в 1944 г., увы, уже не оставалось времени для проверок, которые следовало прекратить к дню «Д». В марте КВВС провели очень удачный воздушный налет на заводы «Мишлен» в Клермон-Ферране, который последовал сразу после отказа заводских расплатиться с УСО по «шантажу»¹. УСО, со своей стороны, продолжало совершать диверсии на заводе «Пежо» в Соко, выведя его из списка бомбардируемых целей, а в Аннеси диверсии чередовались с налетами КВВС. В Тулузе подполковник Старр очень тщательно подготовил нападение на фабрику взрывчатых веществ, в Ратье были проведены успешные диверсии на заводе пропеллеров. С другой стороны, на некоторые объекты «шантажа» УСО не сумело за отведенное ему короткое время внедрить своих агентов. Эксперимент не был доведен до конца, но по крайней мере он стал примером интересного сотрудничества авиаторов и диверсантов. Было очевидно, что в результате действенность и того и другого оружия возрастает, если учтены сила и ограничения каждого и выбирается то, что больше всего подходит в сложившихся обстоятельствах, а также учитываются моральный и политический факторы.

5. Подготовка к операции «Оверлорд»

а) Ресурсы и трудности

Еще менее ясной была картина летом 1944 г. Один факт несомненен: в день «Д» главный радиоцентр УСО поддерживал связь с 137 действовавшими передатчиками по ту сторону «Атлантического вала» — в Северной Франции. Не было возможности определить и оценить военные качества людей, которые пользовались этими рациями, даже об их количестве и вооружении знали приблизительно.

В мае 1944 г., по оптимистическим подсчетам УСО, около 100 000 человек с оружием будут готовы действовать по приказам из Лондона. Почти тогда же «Жером», руководитель организации маки, говорил о 35—40 тысячах «хорошо вооруженных»

¹ К сожалению, в Берлье британские летчики нанесли удар по фабрике в тот момент, когда агент УСО вел переговоры с дирекцией.

бойцов, из которых только у 10 тысяч боеприпасов окажется больше, чем требует один день боев. За этим стояли разрозненные отряды практически безоружных воинов 350-тысячной «тайной армии» (они имели личные связи, возможно, еще с 350 000 человек), 500 000 железнодорожников и 300 000 членов профсоюзов. Таким образом, при самом приблизительном подсчете, с учетом всех сочувствующих и готовых к пассивному сопротивлению или участию во всеобщей забастовке, движение Сопротивления насчитывало более трех миллионов человек — это значительная часть трудящегося населения Франции¹.

Что же касается оружия, то есть вполне достоверные данные о видах оружия, доставленного УСО до 11 мая 1944 г., основные показатели таковы:

<i>Вид оружия</i>	<i>Отдел F</i>	<i>Отдел R/F</i>	<i>Всего</i>	<i>Известные потери</i>	<i>Чистый итог</i>
«Стены»	30 936	45 354	72 290	2 159	74 131
Пистолеты	10 385	17 576	27 961	914	27 047
Ружья	6 694	10 251	16 945	450	16 495
«Брены»	1609	1832	3441	146	3295
Ручные пулеметы	2	402	404	—	404
Гранатометы	272	300	572	—	572
Piats	119	185	304	—	304
Минометы	17	143	160	—	160
Станковые пулеметы	—	54	54	—	54
Противотанковые ружья	32	18	50	—	50

Следует еще прибавить большое количество гранат и взрывчатки, поставленных УСО, а также неподсчитанное количество оружия, добытого из других источников, в особенности с потайных складов «Армии перемирия».

Об оснащении оружием, следовательно, можно говорить столь же приблизительно, как и о численности, но в любом случае ясно, что, несмотря на все усилия УСО, вооружение и оснащение французских ВВР для современной войны было недостаточным. Их боеспособность полностью зависела от уме-

¹ Данные содержатся в архивной папке УСО (D/R) D.1a.

ния, дисциплины и желания сражаться, но Союзное высшее командование не могло составить представления об этом, если не считать личных оценок УСО и агентов УСО, побывавших во Франции. Невозможно было дать штабным разработчикам сколько-нибудь четкую картину ударной силы движения Сопротивления, перевести ее на военный язык — количество дивизий, батальонов и рот. С другой стороны, стратегическое расположение французских ВВР имело в потенциале важнейшее значение, и ценность этих войск явно увеличивалась поддержкой французского общества. Составить на основе такого материала военный план — задача чрезвычайной технической сложности, такого никогда прежде не делалось, и нет окончательных выводов об опыте операции «Владыка», которые можно было бы учесть в дальнейшем. И все же она выявила много интересного.

б) Взаимосвязь

Еще в начале мая 1942 г. бригадный генерал Габбинс, руководство Внутренних войск и Командование специальных операций вели споры относительно роли УСО в освобождении Западной Европы от оккупации, однако впервые серьезную проверку устроили в марте 1943 г. во время учений «Спартанец». В ходе учений несколько взводов были широко рассредоточены, изображая «сопротивление», а к ним сбросили с парашютами одиннадцать групп УСО (командир, второй офицер и радист) для организации руководства и налаживания связи. Связистов называли «джедбургцами». Учения не потребовали больших усилий, но оправдали себя, поскольку дали весьма успешные результаты о действиях на местах, о сборе тактических разведданных, более того — способствовали укреплению в армии веры в УСО в целом и в «джедбургские» планы в частности.

Как указано в отчете УСО об учениях, требования для успешного сотрудничества таковы:

- 1) радиосвязь с Англией;
- 2) надлежащее оружие и оснащение;
- 3) четкие и определенные приказы или указания;
- 4) надлежащее руководство;
- 5) готовность к увеличению снабжения¹.

¹ Приложение 1с к «Джедбургской» истории УСО».

На том этапе становления движения Сопротивления не предполагалось, что исполнять эти требования придется нелегальным агентам УСО, которых все еще было немного и которые, по замыслу, не должны были принимать участия в открытых боевых действиях. Первоначальный план предусматривал, что «джедбуржцев» (одетых в форму) забрасывают в день «Д» или незадолго до него, с тем чтобы они быстро и одновременно вовлекли в дело местные организации в районах, прилегающих к плацдарму. К весне 1944 г. движение Сопротивления разрослось, а с ним и вся структура УСО с радиосетью, потому потребовалось внести некоторые уточнения в задачи «джедбуржцев». Теперь они стали «стратегическим резервом» движения Сопротивления по всей Франции, сравнительно небольшое число их сразу же попадали в районы боевых действий, остальных держали в готовности, чтобы усилить любой другой округ, где возникнет нужда в связистах. В этом новом качестве «джедбуржцы» могли бы оставаться с движением Сопротивления неделями, а то и месяцами — до подхода союзнических войск, и им, возможно, пришлось бы работать в штатском. А значит, они становились, скорее, агентами, чем спецназовцами — нечто среднее между нелегалами-долгосрочниками УСО и «ударными группами», которые направляла САС — Секретная служба союзников.

В конечном счете в обычную группу стали включать трех человек: офицера ШЭВС, британца или американца, офицера соответствующей страны и радиста. Программой предусматривалось направить во Францию семьдесят пять групп, в Бельгию — шесть и шесть — в Голландию, а еще десять — двенадцать групп иметь в резерве, для покрытия потерь и неудач при подготовке. Британцам предстояло направить шестьдесят офицеров и сорок радистов. Люди отбирались с величайшей тщательностью, принимались во внимание их способности приспособляться к политическому окружению, вести себя тактично, готовность взять военное командование на себя. В январе 1944 г. они приступили к совместной подготовке, а в начале февраля перебрались в специальную «Джедбургскую школу» (ME65) на Мильтон-Холл в Петерборо¹. Там они проходили направленную подготовку в полевых условиях, где, насколько возможно, сами выбирали для своих групп подходящих напарников.

¹ Подробное о «джедбургской» подготовке см. в «Истории отдела боевой подготовки УСО», с. 59.

На деле наступление в Бельгии пошло такими темпами, что «джедбуржцев» там не использовали. Семь групп направили в Голландию, но там дела продвигались медленно, и фактически им пришлось действовать как тайным агентам-долгосрочникам¹. Во Франции операции проходили почти по намеченному плану. Всего было задействовано девяносто три группы², шестьдесят восемь засылались из Англии, двадцать пять — из Северной Африки, и они довольно ровно распределялись по всем районам Франции, где сопротивление было на подъеме³. Обычно каждая группа брала с собой оружия на 100 человек. Потери «джедбуржцев» составили: убитыми, пленными или пропавшими без вести — двадцать один, ранеными — двадцать один человек.

Стратегия использования проста, хотя и связана с массой непредвиденных обстоятельств. Во-первых, в день «Д» и в последующую неделю девять групп распределили по основным районам сопротивления, остальных держали некоторое время в резерве, пока не выяснилось, как развиваются операции, в конце июня были заброшены лишь четыре группы. Затем, в середине июля, понадобилось десять групп, и все, кроме одной, — в Бретани. Кстати, хороший пример гибкости «джедбургского» плана: в то время Бретань стала ключевой территорией, движение Сопротивления там образовалось сильное, союзники же в нем были представлены плохо (не было ни одной агентурной сети отдела F), так что потребность в координации была настоятельная, особенно когда союзники, начав наступление за Каном 15 июля, стали наносить удары, стремясь расширить плацдарм⁴. Основной поток групп пришелся на август, когда последовали прорыв на севере и (15 августа) операция «Драгун» с высадкой десанта на юге. На севере события развивались столь стремительно, что последнюю волну «джедбуржцев» наступление союзников захлестнуло еще до того, как они успели как следует развернуться. Зато на юге борцы Сопротивления сделали очень много для того, чтобы облегчить высадку, а затем помешать отходу немцев, так что у «джедбуржцев», находившихся там и в центре, дел было предостаточно. Когда все закончилось, по просьбе

¹ «Джедбургская» история УСО», часть VIII.

² В одну из них («Исаак») входил бывший начальник отдела R/F подполковник Дж.Р.Г. Хатчинсон.

³ «Джедбургская» история УСО» — Карта в Приложении «Хб».

⁴ На этом этапе планировались десантные операции с моря и с воздуха против Бретани, но они не потребовались. («Доклад Эйзенхауэра», с. 47).

французов семь групп оставили во Франции, чтобы они помогли преобразовать французские ВВР в возрождаемую армию.

«Джедбургский» опыт выявил и ряд болевых точек. Обычная процедура инструктажа едва ли соответствовала потребностям операций такого масштаба, и «джедбуржцы» не всегда располагали полной и ясной картиной того, с чем они столкнутся в своем районе, что им при этом нужно делать. Были случаи, когда «в поле» «старожилы» УСО с горечью говорили, что предпочли бы получить побольше припасов, чем неопытных бойцов, с которыми приходилось нянчиться. В других случаях сами «джедбуржцы» убеждались, что ШФВВР заслал больше групп, чем можно было снабдить при отсутствии достаточного количества самолетов, и порой от лишнего канала связи получалось больше вреда, нежели пользы: приказов поступало больше, а вот оружия, необходимого для их выполнения, порой не поступало вовсе.

Происходила и некоторая путаница в отношениях «джедбуржцев» с САС и американскими оперативными группами (ОГ), которые подключились к планированию довольно поздно¹. ОГ теоретически являлись самостоятельными «ударными отрядами», перед которыми ставились особые и ограниченные задачи, в то время как «джедбуржцам» вменялось в обязанность предоставлять французам связь и руководить ими. Однако (как можно было предвидеть) рядовые бойцы маки понятия не имели о подобных различиях, и двум организациям приходилось работать в сходных условиях. Бравые громилы САС не отбирались и не готовились для этой работы, и некоторые из них (как правило, из рядового состава), устанавливая отношения с «местными», порой вместо рукопожатий прибегали к рукоприкладству. Вдобавок каждый подчинялся своему начальству: когда «джедбуржцы» и отряд САС действовали бок о бок, то линия подчинения одних шла обратно к ШФВВР, а других — к штабу воздушно-десантных войск, который, в свою очередь, подчинялся 21-й армейской группе². Наличие службы связи САС в ШСВ облегчало ситуацию, но ШФВВР до 5 августа не располагал оперативным контролем за группами САС «в поле»³.

¹ Имеется Записка, по-видимому, о первом «координационном» совещании 1 марта 1944 г. — См. архивную папку УСО (D/R) «Владыка».

² SHAEF/17240/8/Ops(A) от 24 мая 1944 г. является директивой для совместных операций сил Сопротивления и отрядов САС. Штаб воздушно-десантных войск позже находился в подчинении 1-й воздушно-десантной армии союзников.

³ SHAEF/17240/25/Ops(C) от 5 августа 1944 г.

Упомянуть об этих неприятностях стоит, поскольку их легко было избежать. «Джедбургский» план замышлялся как рычаг: небольшие усилия союзников могли во много раз увеличить мощную структуру, которая находилась в нашем распоряжении. Какую часть движения Сопротивления, которая могла бы так и остаться в бездействии, «джедбуржцы» подняли на борьбу? Подсчитать это трудно, и все же практически каждый оказавшийся надолго «в поле» «джедбуржец» выполнял ту работу, к какой готовился: примирение фракций, выбор целей, доставка припасов, внедрение правил партизанских действий. Нет сомнений, что как подкрепление они оказались для движения Сопротивления гораздо полезнее, чем можно было бы предположить по их численности¹.

С точки зрения военной «джедбургская» проблема, как и проблема агентов-долгосрочников УСО, главным образом касалась связи с низшими звеньями в иерархии командования. Но была еще и проблема на вершине командной пирамиды. Отношения между УСО, Внутренними войсками и «спецназовцами» всегда были тесными и дружескими, и, когда в январе 1944 г. образовался ШЭВС, объединение с американцами не вызвало никаких затруднений — очень скоро УСО/СО, а позднее — ШКСВ стала крепкой, работоспособной организацией². Мы уже знаем³, что вопрос о связях с Комитетом начальников штабов в августе 1943 г. был тщательно рассмотрен «комитетом Холлиса»⁴, который отверг притязания УСО на равенство с видами вооруженных сил, зато практические вопросы решил вполне удовлетворительно. Поддержание связей на вершине командной пирамиды были обязанностью полковника Р.Г. Барри, кавалера ордена Британской империи 4-й степени, молодого профессионального военного, который был старшим штабным офицером СД с июля 1943 г. и поддерживал постоянный и дружеский контакт с Объеди-

¹ В Архиве УСО содержатся отчеты о деятельности большинства «джедбургских» групп.

² Первый проект директивы для командования операций особого назначения («Коссак») (27 сентября 1943 г.) и первый проект директивы для ШЭВС (10 января 1944 г.) содержатся в архивной папке УСО (D/R) D.1a. Окончательный текст директивы для ШЭВС, SHAEF/17240/Ops, датирован 23 марта 1944 г. (исправлен 10 мая 1944 г.). Копия в папке Военного кабинета «Франция УСО — УСС», ныне хранится в Архиве УСО.

³ См. второй раздел Вступления к главе XVI.

⁴ COS(43)505(0) от 4 сентября.

ненным комитетом по планированию. Схема отношений неофициальная, зато действенная, и у УСО не было больше причин жаловаться на то, что Управление остается в неведении о планах на стадии их составления.

Связи с французским командованием по разным причинам поддерживать было гораздо сложнее. По соображениям безопасности французов держали в полном неведении относительно плана операции «Владыка», а потому действия французских ВВР нельзя было приспособить к ней заранее, разве что в общем виде. Сами французы пребывали в некотором замешательстве. Основной канал их связи с Францией шел от Лондона, по замыслу его контролировали последовательно генерал Коше, генерал Д'Астье и генерал Кёниг, на деле контроль оспаривался их формальными подчиненными из Бюро исследований и действий (БСРА). Вдобавок оживленный поток связи с Францией шел из Северной Африки, а в Северной Африке, как правило, находился кто-нибудь из ключевых фигур во французской политике: де Голль, Эммануэль Д'Астье, Андре Филип, Сустель, «Пасси» или кто-то другой. Окончательное объединение французской части ШКСВ со штабом генерала Кёнига в ШФВВР произошло только 6 июня¹. Оно было логичным и политически необходимым, но осуществлено слишком поздно и на такой важной стадии операции, что в целом, возможно, и уменьшило реальную поддержку тех, кто находился «в поле».

Наконец, была еще и проблема связи с организациями «политической войны», которые доставили столько неприятностей УСО на заре его истории. Официально ответственность за эту сторону работы несла Англо-американская секция психологической войны ШЭВС, командовал ею бригадный генерал Роберт Макклор, подчинявшийся Верховному командующему через службу G6 ШЭВС. Ныне в отношениях УСО и СПВ царил добрая воля, и при составлении планов психологической войны к совету УСО прибегали всякий раз, когда эти планы касались Управления². Однако деятельность их шла в разных направле-

¹ SHAEF/17245/6/5/Ops(A) от 6 июня; копия в архивных папках УСО (AD/E) «Командование и управление французским движением Сопротивления», «Французская интеграция» и «Схема подчиненности у Кёнига», где содержатся также наиболее важные из относящихся к теме документов.

² Например, Приложение II проекта первоначального плана PWE/OWI октября 1943 г.; копия в архивной папке УСО (D/R) «Командование и управление французским движением Сопротивления».

ниях: СПВ нацеливалась на проблемы «представления» боевых действий в целом и подрыв морального состояния немцев, а УСО — на организацию всего тактико-технического механизма мелких операций; и уже прошло время для какого бы то ни было возврата к первоначальному «великому замыслу» создать унифицированное боевое средство подрывной войны.

Проблему связи с союзными армиями в нижних командных звеньях фактически решили средиземноморские эксперименты — начиная с отряда «Брандон»¹. Увоенные уроки позволяли сделать выводы: командиры «в поле» должны иметь в непосредственном распоряжении советников по организации движения Сопротивления, у этих советников должны быть надлежащие средства связи и транспортировки, и они должны принадлежать им лично, а не «чуждым органам», приданным извне. Картина в результате получилась довольно простая:

Штаб 21-й армейской группы	3-й Отряд специальных войск
2-я Британская армия	1-й Отряд специальных войск
1-я Канадская армия	2-й Отряд специальных войск
<i>Первая армейская группа США:</i>	12-й Отряд специальных войск
1-я армия США	10-й Отряд специальных войск
3-я армия США	11-й Отряд специальных войск

В дополнение к ним в Алжире был сформирован и обучен 4-й Отряд специальных войск для действий совместно с войсками, принимающими участие в высадке на юге Франции. Передовые части этих отрядов высадились на берег в день «Д» плюс три дня, они располагали собственными каналами радиосвязи с основным радиоцентром УСО, через который могли довольно быстро передавать сообщения, находясь в тылу врага, а также в штаб-квартиру руководства французскими ВВР. В ходе быстрых передвижений удавалось включать отряды в состав корпусов. Картина обрела наконец завершенность, когда 1 сентября 1944 г. ШЭВС выдвинулся во Францию, а ШФВВР был распущен. Тогда полковник Р.Э. Брук был придан ШЭВС в качестве офицера связи по линии УСО и СИС².

¹ См. подраздел «б» раздела 1 главы XXIII.

² С марта существовал «Отряд SF» при штаб-квартире Экспедиционных войск союзников, которым командовал бригадный генерал Эдди Майерс, однако он не участвовал активно в действиях до последнего этапа операции.

Эта часть плана была осуществлена превосходно, и трудную проблему удалось легко преодолеть. Нет никаких свидетельств о трениях между подчиненными командирами союзников и группами движения Сопротивления, и когда территории освобождались, агентов оттуда вывозили без труда.

в) Планирование

Внутри самого УСО особого значения формальным планам о действиях «в поле» не придавали. В Центре самыми значимыми считали проблемы связей, воздушных поставок, радиосвязи, безопасности и эффективного прикрытия, решать которые можно и нужно было в Лондоне и Северной Африке по-военному четко и действенно. Зато «в поле» крайне необходима была оперативная гибкость в рамках весьма широко очерченных планов. По соображениям безопасности совершенно невозможно было снабжать агентов «в поле» таким же точным планом деятельности, которая имела бы отношение к высадке в Нормандии, да и в любом другом месте. Возможные «мишени дня “Д”» (в особенности коммуникации) были изучены очень подробно, у каждого организатора имелся перечень целей, и по мере сил ему направляли оружие для нападения на них. Однако дальше этого УСО не шло: направление атаки союзников раскрывать было нельзя, а обстоятельств, в каких может оказаться организатор в тот или иной день, предвидеть невозможно. Наилучшая тактика — вводить каждого организатора в действие по отдельности, когда в нем есть нужда, по сути, превратить ШКСВ в боевой штаб движения Сопротивления.

С французской стороны планирование было куда грандиознее. В большинстве случаев (хотя и не во всех) при составлении этих планов прибегали к консультациям УСО, однако составлялись они без знания всех намерений союзников и в любом случае оказывались чересчур идеальными для подверженного всяким влияниям движения Сопротивления.

Первыми были планы из серии «Цвета». Их составили по согласованию между французами и отделом R/F в начале лета 1943 г. Задумка состояла в том, чтобы подготовить всеобъемлющий список «мишеней дня “Д”» по разным категориям, а грузы для каждой категории направлять «в поле» в контейнерах, помеченных цветом конкретного плана, и эти грузы сразу следовало откладывать на «тот самый день». В действие каждый план должен был вводиться специальным сообщением Би-би-си. Полный набор таков:

план «Vert» (зеленый):	диверсии на железных дорогах
план «Tortue» (черепаховый [□]):	нападения на находящиеся в пути воинские эшелоны
план «Violet» (фиолетовый):	повреждение коммуникаций
план «Jaune» (желтый):	нападения на склады боеприпасов
план «Rouge» (красный):	вывод из строя нефтехранилищ
план «Noir» (черный):	нападения на штабы противника

В дополнение составлен был план «Grenouille» (лягушечий цвет) — для вывода из строя сортировочных платформ на железных дорогах, который надлежало ввести в действие накануне дня «Д» как часть подготовительных акций на коммуникациях. Все эти планы стали реализовывать, но некоторые из них, к сожалению, направили «в поле» в полном виде, и они, возможно, попали к противнику. И все же в январе 1944 г. УСО докладывало, что «единственным планом, по которому, очевидно, достигнут определенный прогресс, является план «Vert» — проведение акций на железных дорогах. У нас нет никаких сведений о прогрессе по всем остальным планам («Rouge», «Noir», «Jaune» и т.д.), и, как я полагаю, в оставшееся время будет невозможно полностью организовать отдельные отряды для каждого из этих объектов»¹. 2 февраля 1944 г. с французами было достигнуто согласие в этом вопросе, и в действии оставили только планы «Vert», «Tortue» и «Grenouille»². Все они в конечном счете были введены в действие — не вполне точно, зато с хорошими результатами³.

Больше таинственного вокруг так называемого «плана Видала». Французы (или некоторые из французов) считали, что определенные районы Франции могут и должны освобождать сами французы сразу после дня «Д», что эти районы должны оборонять от любых контратак французских ВВР (что было вполне возможно), что эти районы должны стать «портами захода», через которые можно будет доставить припасы (а может быть, и воздушно-десантные войска) в значительных количествах, что,

[□] Очевидно, цвета пустынного (песочного) камуфляжа, «под черепаху».

¹ Проект письма генералу Д'Астье, датированный 24 января 1944 г.; копия в архивной папке УСО (D/R) D.1a.

² Записка DR/P (директора по планированию), датированная 3 февраля 1944 г.; копия в архивной папке УСО (D/R) D.1a.

³ В книге Джорджа Миллара «Маки» прекрасно описано, как осуществили под Безансоном план «Grenouille».

действуя рейдовыми группами из этих районов, можно брать под контроль целые сектора немецких линий коммуникаций. В феврале 1944 г. УСО/СО не оставили от этого плана камня на камне¹. По их мнению, план отчасти был продиктован политическими амбициями (что само по себе не позорно), отчасти — ложной доктриной, с излишней поспешностью принятой профессиональными военными, будто бы на заранее подготовленных позициях партизаны способны держать фронт против хорошо оснащенных регулярных войск. Для этого скорее всего потребовалось бы отвлечение ресурсов союзников, в чем отказать, несмотря на всю бесполезность замысла, было бы трудно. Однако, по-видимому, совсем погубить план не удалось. Майор Сакзуэйт, прибыв с группой «Союз» в департамент Савоя в феврале 1944 г., обнаружил, что план этот там в полном ходу². План вновь появился (великолепно сохранившись) в документе «Военная роль французского движения Сопротивления», подготовленном Бюро исследований и действий в марте 1944 г.³ В итоге план стал осуществляться на плоскогорье Веркора и (менее активно) на Центральном массиве. Результаты оправдали опасения УСО.

Два других плана интересны тем, что они вышли из самой Франции. Один из них, касавшийся железных дорог, был подготовлен кем-то из руководства Национального общества железных дорог (НОЖД) и в Лондон попал в начале мая 1944 г.⁴ В нем подробно распределялись цели между бомбардировщиками, истребителями, диверсионными группами и «внутренними» акциями железнодорожного персонала, что было близко к замыслам самого УСО. Исторически интересно, что НОЖД сильно уповало на бомбардировку сортировочных станций, соглашаясь с методом «сенворошилки», или методом «Цуккерманна»*, что

¹ См. проект ответа генерала Эйзенхауэра на письмо генерала Д'Астье, датированный 24 февраля 1944 г.; копия в архивной папке УСО (D/R) D.1(a).

² «История отдела R/F УСО», 1944 г., с. 8.

³ Датирован 6 марта 1944 г., хранится отдельно среди архивных папок УСО D/R. Претенциозную версию этого плана генерал де Голь представил генералу Уилсону в ходе планирования операции «Драгун». См. отчет генерала Уилсона, с. 26.

⁴ Текст и изложение датированы 6 мая 1944 г.; копия в архивной папке УСО (D/R) ч. Ib.

* [С. Цуккерманн, родился в Кейптауне в 1904 г., анатом, научный советник Командования объединенных операций и Королевских ВВС в 1939—1946 гг., министерства обороны — в 1960—1966 гг., награжден орденом «За заслуги» в 1968 г., барон с 1971 г.]

стоило жизнью множества французов¹. «Les responsables estiment que les bombardements joueront un rôle décisif. Ils permettront à la SNCF de créer un embouteillage inextricable sur les tronçons intacts»². По этой причине (наряду с другими) НОЖД было против всеобщей забастовки: стачки на местах могли принести пользу, однако железнодорожники могли забастовкой больше навредить своей работе и привести к «embouteillage inextricable» — «непреодолимому затору».

РТТ тоже внесла свой вклад. Как утверждалось, действовала организованная группа, «около 700 человек, занятых в сфере обслуживания протяженных подземных кабельных систем», и возможность использовать их обсуждалась довольно основательно в апреле 1944 г.³ Заключение было таково: вывод из строя телефонной системы лучше всего произвести внешней диверсионной группой, проинструктированной специалистами внутри объекта. Самих 700 специалистов следовало любой ценой уберечь от немцев, чтобы они оказались на месте и быстро восстановили систему, когда придут союзники. Проводку можно вывести из строя, однако линейные трансформаторные станции и другое незаменимое оборудование следует сохранить в целости³ и по возможности уберечь от разрушения немцами.

План «Violet», таким образом, вошел в программу «Противопал»⁴. Во Франции она не приобрела такого значения, как в Норвегии зимой 1944/45 г. Враг был слишком силен, а необходимость в операции «Оверлорд» очень велика. Однако вопрос о спасении портов был рассмотрен очень детально, осуществлен же, к сожалению, без особого успеха, за исключением акций на юге. Стратегически это имело огромное значение. Французы придавали большой экономический смысл сохранению основы гидроэлектрической системы, и генерал Кёниг лично написал об этом лорду Селборну 25 апреля⁵. По счастью, в горных райо-

¹ См. Доклад Эйзенхауэра, с. 21.

² «По мнению людей ответственных, бомбардировки будут иметь решающее значение. Они позволят НОЖД создать непреодолимые заторы на участках уцелевших путей» (фр.)

³ См. в Архиве УСО папку (D/R) D.1p, план «Violet».

³ На сей счет французские ВВР Парижского района издавали совершенно противоположные распоряжения! См. книгу Дансетта «Освобождение Парижа», с. 464.

⁴ Архивная папка УСО (D/R) D.1d, «Противопал».

⁵ Копия в архивной папке УСО (D/R) D.1d, «Противопал».

нах, где находились плотины, немцев разбили быстро, и у них не было времени, чтобы попытаться разрушить их.

г) *Воздушные поставки*

Мы уже знаем¹, что в последние три месяца 1943 г. отношения УСО с КВВС испортились. К ожесточенным спорам с главным маршалом авиации Харрисом добавилась плохая погода, из-за чего количество операций снизилось. Не без оснований Эммануэль Д'Астье открыто заговорил об этом на одной из пресс-конференций и в радиопередаче, что вышла в эфир вскоре после его назначения комиссаром внутренних дел (в ноябре 1943 г.), ту же тему он затронул и в беседе с лордом Селборном, когда 13 декабря встретился с ним в Лондоне². Тем временем, пока УСО вело бурную перепалку с командованием бомбардировочной авиации, м-р Черчилль поправлял здоровье в Марракеше. 12 января он встретился в Марракеше с генералом де Голлем, и речь зашла о нехватке самолетов³. Во всяком случае, вернувшись 18 января в Лондон, м-р Черчилль взялся за решение этой проблемы. 27 января состоялось совещание⁴ под его председательством, в котором участвовали сэры Арчибальд Синклер, сэры Чарльз Портал, лорд Селборн, генерал Исмэй и Д'Астье. Повел себя премьер-министр со всей этой высокородной публикой в присущей ему наступательной манере: «Он настаивал, будучи убежден, что это возможно, на том, чтобы на всем пространстве между Роной и итальянской границей были созданы условия, сходные с теми, что сложились в Югославии. Отважные и решительные люди способны создать большие трудности для противника, а потому мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы заботиться о столь ценной для стратегии союзников помощи и поощрять ее. Он потребовал выяснить, какое количество самолетов дополнительно может быть выделено для того, чтобы вооружить и снабдить упомянутые патриотические силы». Возможно, в этих словах таилось опасное подстрекательство к «плану Видала», зато они

¹ См. 2-й раздел Вступления к главе XVI.

² Запись беседы, сделанная лордом Селборном; копия в архивной папке УСО F.38/II.

³ 4 января Д'Астье посвятил этой теме еще одну пресс-конференцию. См. послание м-ра Рукера министерству иностранных дел № 4 от 9 января 1944 г.; копия в папке 3/100/2с Архива УСО.

⁴ Зафиксировано в документе Военного кабинета (без номера); копия в архивной папке УСО F.38/III.

оказались вполне результативными. Незамедлительно последовало указание командованию бомбардировочной авиации о том, что (с учетом потребностей СИС) по завершении воздушного наступления на Германию порядок приоритетности должен быть выстроен так:

- 1) маки,
- 2) другие операции УСО,
- 3) операции «Арбалет»,
- 4) морское минирование.

В дальнейшем действительно произошло значительное наращивание авиационной программы¹. Дополнительными силами стали:

одна эскадрилья ВВС США из 12 «либерейторов» (давно обещали, но задерживали);

60 вылетов транспортных самолетов авиаотряда № 38 (КВВС);

две эскадрильи КВВС, по 16 «стерлингов» в каждой;

120 дополнительных самолето-вылетов из Средиземноморья.

Это позволило к обычной программе УСО добавить 186 самолето-вылетов к маки в течение февраля и переправить достаточное количество оружия для 16 000 человек.

Вслед за этим весной повсеместно развернулась бурная деятельность. В Лондоне был создан специальный комитет, и лорд Селборн каждый месяц докладывал премьер-министру, который сопровождал доклад ободряющими замечаниями: «Хорошо. Поднажмите...» Французы в Алжире продолжали ворчать и обхаживать американцев и Совместный комитет начальников штабов в Вашингтоне. В марте появились еще 12 «либерейторов» ВВС США, еще 33 «стерлинга», и было произведено еще 30 самолето-вылетов авиаотрядом № 38. Число успешных самолето-вылетов росло постоянно:

	КВВС	ВВС США	Потери	Всего
1943 г., октябрь — декабрь	101	нет	6	101
1944 г., январь — март	557	52	15	609
апрель — июнь	748	521	26	1269
июль — сентябрь	1 644	1 336	28	2 980

¹ Подробности в COS(44)125(0) от 3 февраля.

Вот еще данные по Северной Африке:

1943 г., октябрь — декабрь	4
1944 г., январь — март	91
апрель — июнь	396
июль — сентябрь	593 ¹

Эта помощь была ощутима, но недостаточна в сравнении с потребностью, и она поступила вовремя. Теперь последовало постоянное наращивание сил, вплоть до дня «Д» и далее, и французы встретили высадку с верой в поддержку союзников.

д) Безопасность и дезинформация противника

В месяцы, предшествовавшие дню «Д», все планы УСО подчинялись одной задаче: скрыть дату и место главной операции. То был главный принцип, выдержать его можно было, лишь пожертвовав некоторыми возможностями движения Сопротивления, зато таким образом достигалась безопасность. «Сражающаяся Франция» ничего не знала о плане «Оверлорд», а потому не было опасности утечки информации из-за того, что кто-то из ее агентов будет схвачен. Естественно, ничего не сообщали и агентам отдела F.

Время высадки было еще большей тайной. Движению Сопротивления сообщили о «целевой дате» задолго до подлинной даты операции: в первый раз назвали 1 апреля 1944 г. Бойцам Сопротивления было не по силам осуществить точно выдержанный по времени план. Место операции можно было скрыть, только осуществив дезинформацию противника — внутри Франции говорилось о высадке в каком-то ином месте на побережье Ла-Манша. План повреждения железных дорог и других коммуникаций составлялся так, чтобы окружать не один какой-то береговой выступ, а всю северную территорию, и до 6 июня агенты (а также объем радиообмена с агентами) должны были распределяться как можно равномернее по всей территории. Это предпо-

¹ Вся эта статистика взята из Приложений к «Описанию специальных операций специальных ведомств в Европе». В архиве, по-видимому, нет подробных сведений о воздушных операциях, зато есть статистические данные об оружии, поставленном во Францию отделами F и R/F, а также отрядом «Массингэм», начиная с 1941 г. В архиве УСО — с Приложениями к «Истории отдела F».

лагало значительную трату сил, зато требованиям безопасности такие действия удовлетворяли полностью¹.

В начале апреля встали новые задачи после решения Кабинета приостановить дипломатические привилегии, ввести цензуру всех сообщений из Соединенного Королевства и строжайше контролировать путешествующих². Собственные сотрудники и сообщения УСО особых забот не вызывали, однако возникала опасность: если нейтральные страны предпримут ответные меры, УСО окажется отрезанным от своих резидентов в дипломатических представительствах за рубежом. Такого не случилось, не то пришлось бы снабжать резидентов нелегальными радиопередатчиками, даже планы были составлены на сей счет. Агентов, британских и иностранных, по-прежнему засылали «в поле», при условии, что действительно в этом есть нужда. Вся документация, которую перевозили иностранные агенты, обязательно предоставлялась заранее, за три полных дня, а любые шифры, которыми предстояло пользоваться, хранились в УСО. Такой запрет довольно эффективно поддерживался, однако, конечно же, нет способа эффективно проверить устные сообщения, а общение правительств в изгнании с собственными странами, разумеется, не могло быть под полным британским контролем. Особое неудобство вызывали польские и чешские радиостанции. Кончилось тем, что (под знаком абсолютной секретности) м-р Черчилль освободил поляков (и только поляков) от обязательства хранить свои шифры у британцев, обязав их предостав-

¹ Значительная «паника» накануне дня «Д» возникла после того, как в Северной Франции был сбит генерал авиации Айвилоу Чапмэн, возглавлявший Управление политики в министерстве авиации до января 1944 г. и знавший о планах, имевшихся на то время. Он и сержант из его экипажа попали к французам, и УСО через «Галилея» (Клуье дес Перруш), руководителя французского Бюро воздушных операций (БВО) в Северной Франции, установило с ними связь. К несчастью, Чапмэна и ряд агентов БВО взяли в плен до того, как удалось подготовить операцию по их вывозке с использованием «лисандра». Находясь в укрытии, он услышал, как в нескольких милях приземлился «лисандр» какой-то другой организации, — это к вопросу о преимуществах и недостатках изоляции «сетей» друг от друга. (Карточка из Архива УСО на генерала авиации Чапмэна и допрос «Галилея» — в папке 3/370/97с; личная информация). [Сэр Р. Айвилоу Чапмэн, 1899—1978 гг., введен в рыцарское достоинство в 1951 г.; подробности этого случая см. в книге Фута и Лэнгли «М19», с. 211.]

² Документы хранятся в архивной папке УСО «Меры безопасности по «Владыке»» — вместе с «COS/PLANS» («КНШ/ПЛАНЫ»).

лять все сообщения в записи «*en clair*»[□] и подтверждать обязательства словом чести¹. Во Франции это коснулось значительной польской организации в районе Лилля, однако нет причин полагать, что поляки вели себя нечестно или что кто-то другой из союзников узнал об их особой привилегии.

Операции по дезинформации сами по себе чреваты неудобствами и сложностями. УСО обладало уникальными возможностями для этого: оно могло использовать собственных сотрудников, а через них и гражданских лиц в качестве ничего не подозревающих и убедительно выглядевших агентов, к тому же при изменении объема и направления действий (в особенности объема радиообмена) их поведение становилось убедительным доказательством для немцев. В ряде случаев имелась возможность через рации, о которых было известно, что они во вражеских руках, воздействовать непосредственно на немцев. Однако такие возможности всегда были чреваты опасностью наряду с немцами обмануть и движение Сопrotивления. Такой риск свойствен всем планам по дезинформации противника, к тому же вынужденный обман мог обернуться потерей доверия к британцам и их агентам.

А потому УСО играло в этих мероприятиях только вспомогательную роль. Для операции «Дурачок» (ложная высадка в сентябре 1943 г.) имелся план: до дня «Д минус 9» УСО усиливает общение с отрядами Сопrotивления и выходит в эфир со значительным объемом ложно зашифрованных радиопередач; в день «Д минус 9» и УСО и УПВ официально уведомляют, что предстоящая операция — всего лишь репетиция, а не настоящая военная акция. Этим, по-видимому, удалось избежать обмана Сопrotивления, но и немцев явно обмануть не удалось².

По плану «Стойкость» (план дезинформации противника относительно операции «Оверлорд») главные установки для УСО таковы³:

- а) Призвать группы Сопrotивления не проводить каких-либо активных акций, за исключением тех, которые необходимы для дезинформации противника. Иначе могут последовать карательные меры.

[□] «Клером», т.е. буквами по звучанию слова.

¹ Приложение «D» к JIC(44)169(0) «Завершение» от 1 мая.

² План УСО см. в папке (D/R) «Стойкость» Архива УСО. [Исследование Р.Ф. Хескета «Стойкость», хотя и не издавалось до 1999 г., написано было в 1945 г. и не вызывает никаких сомнений.]

³ Документы в папке (D/R) «Стойкость» Архива УСО.

- б) Акции в поддержку плана по дезинформации противника не должны проводиться за счет тех сил, которые направлены непосредственно на поддержку главного плана «Оверлорд».
- в) Акции в поддержку плана по дезинформации противника не должны проводиться до дня «Д», поскольку это может нанести ущерб безопасности отдельных групп движения Сопrotивления¹.

Это значит, что до дня «Д» УСО следовало избегать срыва плана по дезинформации противника, однако и его выполнение не давало ничего, кроме пристрастного внимания к району Падде-Кале. После дня «Д» движение Сопrotивления по большей части выступало открыто, и УСО действовать стало полегче. Чрезвычайное значение по-прежнему сохраняло поддержание состояния угрозы, УСО могло этому поспособствовать, используя некоторые рации, взятые противником под контроль², а также проведя фальшивые выбросы грузов в соответствующих районах и запустив в эфир ложные сообщения Би-би-си о «разжатых тисках». Поначалу такие сообщения намечалось передать 15–16 июня, но ШЭВС отменил их 13 июня, и в итоге они были переданы 1 и 2 июля³. И только 25 июля первые части немецкой 15-й армии отправились из Падде-Кале в Нормандию⁴.

Усвоены были и кое-какие существенные уроки. Казалось бы, движение Сопrotивления очень подходило для дезинформации противника, на практике же очень редко возникала ситуация, подвигавшая на связанный с этим политический риск. Таким образом, обман как таковой несет в себе больше отрицательных моментов и тонет в безопасности.

е) Как «разжали тиски»

Последняя проблема состояла в том⁵, как лучше всего подать сигнал к началу, чтобы не нанести ущерба безопасности

¹ Директива для северо-западного Европейского региона, изданная 1 апреля 1944 г.; копия в папке (D/R) «Стойкость» Архива УСО.

² В архивной папке УСО (D/R) «Стойкость» содержится описание случая, когда противник, используя такую радиоточку, «забрасывал крючок», стремясь выловить кое-какие сведения.

³ Распоряжение ШЭВС Штаб-квартире специальных войск — SHAEF/18202/6/Ops(B) от 22 июня.

⁴ Доклад Эйзенхауэра, с. 49.

⁵ Она очень доходчиво разъяснена в документе, представленном плановикам 21-й армейской группы 11 марта 1944 г.; папка (D/R) «Сообщения Би-би-си» Архива УСО.

операции. К тому времени УСО выработало стандартную методику сообщений-уведомлений по Би-би-си, за которыми следовали сообщения о проведении акций, и те и другие составлялись из согласованных фраз, звучавших в обычной речи*. На практике группам Сопротивления нужно было слушать «уведомления» 1, 2, 15 и 16-го числа каждого месяца, пользуясь обычным бытовым приемником или специальным микроприемником, которые во множестве стали появляться «в поле» в начале 1944 г. Если группы получали свое «уведомление», это означало, что необходимо слушать радио каждую ночь, пока не прозвучит «активное» сообщение-призыв.

У УСО уже были неприятности с м-ром Бракенем и с Би-би-си из-за предоставления в феврале и марте дополнительного времени для возросшего числа сообщений, что вызывалось увеличением воздушных операций. В начале апреля был достигнут компромисс¹, по которому УСО получило по четыре минуты в передачах в 13.30 и в 14.30, шесть минут в передачах в 19.30 и 21.15 — всего двадцать минут в день. Естественно, если это время использовалось не полностью (что случалось редко), его заполняли «пустыми» сообщениями, чтобы в эфирном потоке скрыть значимые тексты. Поток сообщений в день «Д» означал дальнейшее увеличение времени. Использовано было по меньшей мере 315 сообщений, и окончательно распределение времени (включая обычные сообщения) свелось к тридцати семи минутам — в каждый из двух дней для уведомлений, тридцати восьми минутам в день «Д минус 1», к двадцати двум минутам — в день «Д». После этого вернулись к нормальному расписанию. Тогда с Би-би-си не было никаких трудностей, проблема заключалась в безопасности. Если не передавать никаких уведомлений, то движение Сопротивления пропустит многие из сообщений о проведении акций. Если же намного увеличить число уведомлений, противник может догадаться (хотя вряд ли вычислит точную дату), что день «Д» вот-вот настанет. Некоторые из обычных сообщений противнику, вероятно, были известны, но само по себе это значило мало, поскольку у них был единственный смысл: «Слушайте Би-Би-Си до получения следующего сообщения»**.

* [Великолепный, хотя и вымышленный пример — начальные кадры художественного фильма Кокто «Орфей».]

¹ Копия письма, датированного 8 апреля 1944 г., от м-ра Спорборга в папке (AD/S.1) F.38/III Архива УСО.

** [Йозеф Гётц, руководитель службы радиопрограмм и пленгации СС в Париже в 1943—1944 гг., заявил в частном порядке в 1978 г. (к тому

В итоге решено было пойти на риск: передавать уведомления в дни «У» и «У плюс 1» (1 и 2 июня), а «активные» сообщения в час «Н минус 7 с половиной часов»¹. Эта программа выполнялась, по-видимому, без неприятных последствий. Поток уведомлений шел 1 и 2 июня — отряды Сопротивления были наготове. Первые призывы к нападению были переданы в 21 час 13 мин. 5 июня 1944 г., их продолжали передавать и 6 июня. Франция восстала — это было стихийное восстание, однако не оставшееся без руководства и плана.

6. Вклад движения Сопротивления²

Роль УСО состояла в том, чтобы дать направление действиям «сверху», но подлинная движущая сила таилась «внизу», она родилась из ненависти и гордости миллионов французов, и историю ее нельзя рассказывать так, будто речь идет о военной операции. Общую обстановку правдиво воссоздают сами люди — участники событий. У каждого человека своя, отличная от других история — ведь общее направление движения определяется инициативой отдельных личностей и (в меньшей степени) политическими группировками. Национальная идея сама рождала лидеров и определяла цели, а УСО оставалось лишь помогать, содействуя поставкам оружия во Францию, занимаясь подготовкой и обучением людей. Правда, определялись спосо-

времени он стал директором образовательного учреждения в Вестфалии), что к 1 июня 1944 г. он знал о пятнадцати «активных» сообщениях для операции «Нептун», штурмовой фазы операции «Владыка».]

¹ Распоряжение ШЭВС SHAEF/17240/17/Ops от 8 мая; в папке (D/R) «Сообщения Би-би-си» Архива УСО.

² Было сделано много официальных попыток свести этот вклад воедино. Важнейшие из них:

Отчет Штаб-квартиры специальных войск за период с 6 июня по 31 июля (7 сентября 1944 г.).

«Вклад УСО в операцию «Оверлорд» — печатный документ, разосланный в министерства в качестве Приложения «С» к «Истории отдела R/F УСО»: «Диверсии на железных дорогах» (декабрь 1944 г.)

«Краткая история ШФВВР», изданная генералом Кёнигом в марте 1945 г.

Оценка Штаба экспедиционных войск союзников — COS(45)146 от 18 июля.

Оценка Единого союзного командования на Средиземноморье — COS(45)665(0) от 18 ноября.

бы борьбы, выбирались время и цели — так, как их понимали в Лондоне. Степень влияния лидеров на общество зависела от них самих, от их способности вести за собой. Это могли быть французские аристократы — например, де Байссак, де Вонкур и Маз-Сенсье де Брувиль, или британцы, такие, как подполковник Старр и капитан Джордж Миллар, пожилые полковники из «Армии перемирия» и молодые офицеры, враз вознесенные на высокие должности окружных военных представителей, это могли быть коммунистические руководители ВСП, могли быть и женщины, например, Вирджиния Холл и Пёрл Уизерингтон, это могли быть простые рабочие люди — такие, как «Мари» с «Гужоном», или безымянные путейцы. Все, что было лучшего во Франции, оказалось готово действовать ради будущего своей страны, и французы вовсе не походили на «упадочную нацию» из нацистского мифа.

События этого периода можно разделить (не вполне четко) на шесть стадий:

- 1) Во-первых, непосредственная реакция на «активные» сообщения 5 и 6 июня. По плану, на этой стадии группам Сопротивления предстояло совершать разного рода акции на коммуникациях, дабы задерживать немцев, направляемых для отпора союзникам, и они с этим справились превосходно. За время сразу после дня «Д», как утверждают, 486 раз было нарушено движение на 486 железнодорожных путях, 180 составов пушено под откос, на востоке и юго-востоке «рельсовая война» шла постоянно, так что немцам приходилось искать обходные пути. Действия на земле поддерживались массированными атаками с воздуха; в результате немцы фактически вынуждены были отказаться от передислокации воинских эшелонов и грузов по железной дороге, за исключением специально подготовленных операций. Это вывело их на шоссе и другие дороги, но и здесь французским ВВР удавалось задерживать их продвижение. Французам было не под силу надолго перекрывать дорогу и воспрепятствовать мощному наступлению немцев, но они устраивали бесконечные засады, завалы, прокалывали и простреливали шины, прятали лошадей и повозки, путали дорожные знаки и указатели. Немцы передвигались по враждебной стране, население которой открыто объявило им войну.

Гитлеровцы в ответ ужесточали карательные меры, учиняли расправы над непокорными, зверствовали. Один из таких примеров — разрушение городка Орадур-сюр-Глан*: еще одна попытка нагнать страху на французов. На этой же стадии движение Сопротивления открыто овладело рядом районов, где какое-то время немецкие порядки не действовали, например, в департаментах Юра, Савойя, в других местах Центрального массива. Чаще всего это происходило в результате стихийных действий местного населения: французскому командованию, несомненно, не терпелось увидеть, как взвывается над освобожденными районами трехцветное знамя, а удержать людей от подобных порывов оно, конечно, не смогло бы. Надо сказать, что союзников эта «самодеятельность» не радовала, и только 4 июля ШЭВС издал директиву, в которой признавалось право этих районов на дальнейшее открытое сопротивление¹. Между тем на ряд районов (вокруг Женевского озера, например) сразу же обрушились карательные акции. И все же удалось доставить партизанам довольно большие грузы с оружием в ходе дневных операций, проведенных «летающими крепостями», которые шли в тесных боевых порядках². Действия борцов Сопротивления в Кантале подверглись сильной контратаке, но они выстояли. Немцы, должно быть, понесли значительные потери, но французские ВВР потеряли много людей и снаряжения, к тому же по горным деревням прокатилась волна карательных акций. Несомненно, задача была выполнена — французские подразделения оттянули на себя часть немецких сил, но вряд ли это имело большое стратегическое значение. Главное — немцы потеряли время из-за навязанной им партизанской войны.

- 2) Вторая стадия связана с сосредоточением сил на Бретани. До дня «Д» союзных войск здесь было немного, и союзников удивило, как сильно и внезапно начали действовать отряды Сопротивления. В день «Д» или чуть позже в Бретань прибыли две «джедбургские» и три группы САС, и САС взялась за организацию баз для приемки оружия.

* [См. книгу Ж. Круузе «Безумие в Орадуре» (1969).]

¹ SHAEF/17240/3/Ops(C) от 4 июля (Описание ШФВВР, с. 12).

² 25 июня, 14 июля и 10 сентября. Отчеты об этих операциях в папке (ADS.1) F.38/III.

К несчастью, 18 июня немцы перешли в мощное контрнаступление в Морбиане и захватили одну из баз с оружием для 5000 человек. Директива ШЭВС от 4 июля предусматривала сосредоточение усилий в Бретани для помощи в ходе прорыва, мы уже говорили, что сразу же были направлены еще восемь групп «дждбуржцев», существенным подкреплением стали отряды французских парашютистов. К сожалению, по соображениям безопасности нельзя было одновременно увеличить число воздушных операций. Тем не менее когда американцы прорвались 4 августа, они убедились, что путь для них расчищен¹, хотя к обороне Бреста немцы подготовились основательно, сильно укрепив свои позиции, ясно было, что спасти город от разрушений не удастся.

- 3) Сходная ситуация сложилась в Северной Франции, когда 21 августа была закрыта Фалайская брешь и генерал Паттон вышел к Сене. На сей раз необходимо было помешать отходу противника: перерезать наземные линии связи, валить опоры, препятствовать взрывам объектов и передавать союзникам сведения о его передвижениях. С появлением передовых частей союзников французские ВВР стали сражаться открыто: ШЭВС отменил прежний приказ о разоружении французских внутренних войск под предлогом их реорганизации в регулярную армию, и те, по сути, взяли на себя обязанности и гражданской администрации, и оккупационных сил. Союзники попали в страну, где царили порядок и дружелюбие, а на внутренние войска можно было положиться — они занялись подавлением мелких очагов сопротивления немцев, которые могли угрожать наступающим войскам.

Именно в этот период произошло величайшее событие — освобождение Парижа². Эта миссия потребовала от союзников дополнительных усилий, поскольку пришлось снять с главных направлений бронетанковую дивизию Леклерка и некоторые другие войска, однако в основном то была французская операция, задуманная и проведенная в интересах Франции. ШЭВС и ШФВВР согласно зывали к осторожности, однако революционный дух Парижа был

¹ См. Доклад Эйзенхауэра, с. 52.

² Имеется специальное исследование, посвященное этому: Андрьен Дансетт. «История освобождения Парижа».

слишком силен. Лозунг: «Париж освободится сам!» — объединял партизан, принадлежащих к разным партиям, хотя коммунисты и попытались присвоить его себе. Последовала волна забастовок: 10 августа — железнодорожники, 15 августа — полиция, 19 августа бастующие полицейские захватили префектуру. НСС и Комитет освобождения Парижа совместно призвали к восстанию. 20 августа де Голль прибыл во Францию, 21-го генерал Кёниг назначен военным комендантом Парижа, генерал Паттон вышел к Сене выше и ниже города, Париж открыто восстал, последовали пять дней напряженных боев. Поздно вечером 24-го несколько танков Леклерка* заняли позиции у «Отель де Вилль», 25-го основные силы дивизии очистили центр города, и к полудню генерал фон Шольтиц сдался. Часа не прошло, как де Голль был в Париже.

- 4) Между тем 15 августа начались высадки по операции «Драгун». Здесь движение Сопротивления сыграло значительно большую роль, чем на севере: немцев на юге было меньше, местность более подходящая, и у противника не было сильно укрепленных позиций**. Подразделения французских Внутренних войск перерезали железнодорожные пути в долине Роны и устроили завалы на дорогах, они уничтожили важную радиолокационную станцию в Приморских Альпах, вывели из строя линии связи непосредственно в тылу немцев. Порт-де-Вук был освобожден без разрушений, в Марселе и Сете по большей части успешно завершились акции «противопала», в Тулоне же успехи были скромнее¹. Особенно важно, что французские ВВР затруднили немцам отход через альпийские перевалы в Италию и одновременно расчистили пути для немногочисленных регулярных войск, которые устремились «дорогой Наполеона» прямо на Гренобль и заняли его 23 августа².

* [Филипп Мари Леклерк де Отклок, 1902—1947 гг., в 1940—1944 гг. с боями прошел путь от озера Чад до Парижа, а затем освободил Страсбург; маршал Франции.]

** [Артур Л. Функ, «Скрытый союзник» (Нью-Йорк, 1992), очень важный труд.]

¹ Для понимания важности этих достижений см. Отчет генерала Уилсона, с. 40. В его описании «Драгун» предстает как операция, цель которой — захватить порты захода во Францию.

² Отчет генерала Уилсона, с. 34 и 38.

- 5) Как только стало ясно, что особого сопротивления со стороны немцев не предвидится, эта стадия перешла в следующую, с другими задачами: нужно было отрезать войска противника, отступающие с юга на юго-восток. В это время французы освободили Лион, Тулузу, Бордо, бесчисленные городки и деревни. Конечно, французские ВВР не могли долго продержаться против регулярных войск противника, но немецкие части были уже в некоторой степени деморализованы и уходили, бросая тяжелое вооружение и технику. Оружия и припасов было захвачено огромное количество, подсчитать людские потери не представлялось возможным. На юге, по уверениям французских ВВР, было взято в плен 42 000 солдат противника, на берегах Луары союзникам была передана организованная колонна приблизительно из 20 000 немцев. Многие гитлеровцы сдавались, оказавшись в окружении, или погибали в засадах.
- 6) Последняя стадия в какой-то мере является антикульминацией. На востоке продвижение союзников и французов было остановлено на «голубом рубеже Вогез», и пришлось с ходу создавать подрывную организацию в тылу противника — в районе, технически не вполне подходящем для подобных операций. Когда наконец французы прорвались в ноябре к Рейну, борцы Сопротивления в Эльзасе оказались полезны как источник тактических разведданных — но не более. На западе наступила долгая и суровая зима. Части французских внутренних войск, плохо накормленные, плохо обученные, плохо снабжаемые, по сути, самостоятельно осуществляли преследование скитающихся немецких гарнизонов на Понт-де-Грев, в Руайяне, Ла-Рошели, на островах Ре и Олерон и в районе Сен-Назара. В Лорьяне и Бресте их немного поддерживали американцы, в остальных же местах имелось лишь несколько групп «джедбуржцев» и миссий связи, которые старались наладить обучение и обеспечить доставку оружия. В основном поддержка французов, осаждавших неприятеля, велась через «Систему Д».

23 сентября было решено положить конец краткому существованию ШФВВР и передать французскому военному министерству ответственность за перестройку французской армии. «Ликвидационный отдел» просуществовал в Лондоне до 1 де-

кабря 1944 г., а дальше самим французам предстояло выстроить из общенационального движения Сопротивления фундамент новой Франции.

Самая высокая оценка военной значимости этих операций дается ШЭВС в документе, подготовленном им для Комитета начальников штабов в июле 1945 г., он подкреплён отчетом ЕСКСРЕД в октябре 1945 г.¹ Данные этих двух отчетов основываются на достоверных сведениях, но все же сначала обратимся к выводам, прежде чем воспроизводить неподтвержденные данные статистики о количестве взорванных железнодорожных и шоссейных путей и задержанных либо убитых немцах.

Заключение ШЭВС:

В военном смысле организованное движение Сопротивления оказало главным операциям Экспедиционных войск союзников такую помощь:

- лишило противника уверенности в собственной безопасности как в гарнизонах, так и во время внутренних передислокаций;
- отвлекало силы неприятеля на поддержание внутренней безопасности и тем самым расплывало внимание занятых этим служб;
- создавало разного рода препятствия при передислокации неприятельских войск, в частности, сосредоточением сил на береговом выступе Нормандии и их перегруппировкой после отхода союзников с выступа;
- нарушало коммуникации противника во Франции и в Бельгии;
- обеспечивало максимально быстрое продвижение частей союзников, защищая фланги и очищая территории от мелких вражеских групп;
- предоставляло разведывательные данные.

Некоторые пункты в этом перечне нуждаются в небольшом пояснении. Несомненно, прямое отвлечение сил противника на себя было значимым фактором, а психологическое — и того большим и не менее важным. Британцы нередко проигрывали в подпольной войне (в частности, в Ирландии и Палестине), чтобы пренебрегать ее моральными последствиями.

Задержка неприятельских передислокаций документально подтверждена: 3000 диверсионных акций на железных дорогах

¹ COS(45)146 от 18 июля и COS(45)665(0) от 18 ноября.

было совершено только в период между 6 и 27 июня, а еще ряд нападений на объекты, уцелевшие после авиационных налетов¹. Ответные действия немцев на операцию «Владыка» были скованными, с несколько запоздалой реакцией. В ходе этой операции активно и успешно действовала авиация союзников, но те немецкие дивизии, которые передвигались в рамках районов, охваченных операцией, почувствовали на себе боевой натиск борцов Сопротивления², и этому есть документальные подтверждения. Чем дальше от плацдарма, тем значительнее роль французских ВВР. Наглядный пример — ряд акций против 2-й танковой дивизии СС, которая начала двигаться из района Тулузы в день «Д», но не смогла сосредоточиться возле Сен-Ло до самого дня «Д плюс 17»: ей пришлось вести бои с подразделениями французских Внутренних войск почти на всем пути, еще до того, как она попала в зону сплошных воздушных атак. Переход занял времени вдвое, если не втрое больше, чем требовалось. 271-й пехотной дивизии понадобилось семнадцать дней, чтобы пройти от Сете путь, который обычно покрывается за три дня. 277-я дивизия двигалась от Перпиньяна до Нарбонны еще медленнее.

Ущерб от нарушения линий коммуникаций подтверждается и более поздними показаниями немецких командиров. Задержки со связью заставили немцев все чаще использовать радиосвязь, что давало возможность разведке союзников контролировать их радиообмен. Тактическая разведка тоже была результативной. Обычно существовало жесткое разграничение между действиями УСО и СИС — есть тут дань консерватизму, — и все же оно необходимо на стадии нелегальной деятельности. Специализация — лучшая самозащита в подпольной работе, а действия УСО по природе своей были «шумными» и более демонстративными, что постоянно привлекало внимание врага. Однако в июне 1944 г. американцы сочли, что существующая система разведки неэффективна в таком важном тактическом районе — менее чем в пятидесяти милях от линии фронта. Было решено заслать в тыл противника офицера УСО. И 10 июля капитан Дж.Б. Хэйес «Кормчий» приземлился с парашютом вблизи плацдарма, прием его организовал майор де Байссак³. Основной задачей «Кормчего»

¹ В особенности переправы через большие и малые реки, как, например, различные мосты через Луару.

² Например, бронетанковая дивизия из района Ле-Ман — Шартр и 77-я, 265-я, 275-я пехотные дивизии из Бретани.

³ «История британских сетей во Франции» Бурне-Патерсона, с. 12.

была вербовка местных агентов, которые могли либо пробираться через линию фронта с данными тактической разведки, либо работать на месте, дожидаясь прихода войск союзников. Всего он направил с донесениями тридцать одного агента и подготовил шестнадцать постоянных наблюдателей. Ценность их сведений оказалась столь высока, что данный метод взяли на вооружение: было направлено еще несколько групп с заданиями по «Кормчему», и многим организаторам поручили работать на «Кормчего», в дополнение к их основным заданиям.

Таков был один из способов использования дружелюбно настроенных жителей страны пребывания. Еще важнее, что помощь французов позволяла союзникам в ходе прорывов сразу устремляться вперед, убирая неприятеля с дорог и не утруждая себя заботой о флангах. Есть, видимо, заслуга французов и в том, как стремительно генерал Монтгомери и генерал Паттон осуществили броски на Антверпен и Ларран; общий стратегический выигрыш огромен. Было и еще одно преимущество: обязанности поддержания внутреннего порядка и безопасности, по сути, были сняты с союзных войск, местные организации уже были готовы взять это в свои руки.

Здесь, видимо, проходит разграничительная линия между военными и политическими выгодами. Предприимчивость УСО заставила союзников в последний год оккупации осуществлять непрерывную авиационную поддержку: выделялось пять-шесть эскадрилий самолетов (правда, не все из них были современными тяжелыми бомбардировщиками); потеряно было около 100 самолетов вместе с экипажами. Самолетами доставляли легкое вооружение, взрывчатку и небольшое количество боеприпасов — примерно для 50 000 человек, а также более 500 хорошо подготовленных агентов и профессионалов-организаторов. За всем этим стояла общая структура УСО: его радиостанции, школы боевой подготовки, снабженческие и исследовательские службы, которые обходились недешево. Все это было масштабно, хотя и не столь велико по сравнению с прежними секретными службами. Благодаря этим вложениям союзники получили полностью в свое распоряжение разнообразную и организованную силу французского движения Сопротивления. Генерал Эйзенхауэр заявил в официальном докладе: «По подсчетам нашего штаба, знаменитость французских ВВР в этой кампании по численности личного состава может быть уподоблена 15 дивизиям, и их громадная помощь в обеспечении скорости нашего наступления

через всю Францию подтвердила это»¹. Сказано с некоторой осторожностью, да и в самом деле, нет смысла сравнивать деятельность движения Сопротивления с военными операциями воздушных и наземных войск. Надо лишь еще раз подчеркнуть, что военная выгода для союзников была очень велика, никакими другими средствами не смогли бы они собрать воедино и направить к одной цели громадные людские ресурсы, оказавшиеся в их распоряжении во Франции.

Военные победы переходят в политические, и возрождение Французской Республики было именно политической победой. В этом западным союзникам не стоит приписывать себе никакой заслуги. Все было сделано по инициативе самих французов: патриотически настроенные французы и француженки не считались ни с какими жертвами, вступая в борьбу во имя Франции. Окончательное политическое решение было принято при едва скрываемом недовольстве американцев и при более чем пассивном участии Великобритании.

Так что было бы ошибкой поздравлять УСО за участие во французском возрождении, ибо чудо это свершилось вопреки усилиям противников Четвертой Республики. УСО, как и любое другое собрание иностранцев, не могло решать, что лучше для Франции. Отдел F втихую воевал с отделом R/F из-за политики, а малая гирька УСО все никак не могла поместиться на политических весах большой политики: то она на чаше де Голля, то на другой чаше. И все же победа де Голля стала возможна только благодаря УСО. Би-би-си и УПВ превратили его в символ, сделали ему имя, но именно технические и организационные ресурсы УСО дали генералу возможность объединить все силы Сопротивления внутри Франции. Без активного участия организации и профессионального мастерства УСО вряд ли де Голль смог завершить хотя бы первый этап, который летом и осенью 1942 г. связал его с движениями Сопротивления в зоне Виши. И конечно, было бы невозможно действовать как-то иначе, без длительной подготовки, в 1943-м и в первые месяцы 1944 г., — тогда он не стал бы во главе организации, которая (при всей ее слабости) оказалась достойна унаследовать французскую государственность. Британцы могут вписать в свой актив лишь то, что честно держали нейтралитет и оставались верны собственной доктрине: французскую политику должны вершить сами французы.

¹ Доклад Эйзенхауэра, с. 11. Говорят, генерал Диверс счел вклад движения Сопротивления на юге равным действиям четырех-пяти дивизий.

ГЛАВА XXV

СТРАНЫ БЕНИЛЮКСА

1. Бельгия

Дела УСО в Бельгии никогда не шли так худо, как осенью 1942 г. В Англии Управление, несмотря на все свои старания, по-прежнему не могло наладить отношения с бельгийским правительством. В Бельгии от его сети почти следа не осталось: было установлено или предполагалось, что на всех выходивших в эфир передатчиках работали либо сами немцы, либо радисты под их контролем.

а) Реорганизация в Лондоне

В Лондоне улучшения стали заметны со сменой лиц в нижнем звене бельгийской структуры, что, несомненно, отражало изменение настроений в верхах, происходившее под влиянием перемен в военной обстановке. В конце 1942 г. по обоюдному согласию офицером связи между УСО и бельгийской Сюрте решили назначить бельгийского промышленника Флора, который давно жил в Лондоне и был личным другом бригадного генерала Габбинса, и с начала 1943 г. Флор еще больше стал причастен к делам Сюрте. В том, что касалось УСО, эта организация строилась следующим образом:

Делфосс — министр юстиции.

Лепаж — руководитель Сюрте, бельгийской службы безопасности.

1. *Отдел активных действий.* Отвечал за связь с УСО, включая все виды взаимодействия с Бельгией, как по линии Сюрте, так и по военной линии.
Лейтенант Флор.
2. *Отдел промышленных диверсий* (военными диверсиями занимался Второй директорат).
Капитан Жильери.
3. *Отдел политической войны* (работа с УПВ).
Капитан Аронштейн.
Лейтенант де Льедекерк (давний агент УСО).

4. Отдел СИС.

Капитан Никодим.

Четвертый из этих отделов по-прежнему занимался исключительно собственными делами и, несомненно, имел влияние как на Лепажу с его руководством, так и на британскую СИС; зато во всех трех остальных УСО могло рассчитывать на взаимопонимание и поддержку.

Существенно улучшилось и положение во 2-м Директорате бельгийского генерального штаба. В ноябре 1942 г. опытный кадровый офицер, полковник Жан Мариссал, получил пост руководителя Директората, на который претендовали майор Бернар и майор Грисар, весьма безответственные люди, которых совсем убрали в марте 1943 г. Педантичный служака Мариссал действовал без особой спешки, был всерьез настроен на активные действия, но в то же время каждый шаг делал, только заручившись поддержкой начальства. УСО он, как можно догадаться, порой раздражал, зато верой и правдой послужил и союзникам, и собственному правительству. Теперь его 2-й Директорат формально нес ответственность за создание «тайной армии» и за диверсии, проводимые с целью помощи военным операциям, однако связь с работавшими «в поле» он должен был поддерживать через отдел лейтенанта Флора в Сюрте. 2-й Директорат и Сюрте обменялись офицерами связи, и отношения между ними немного улучшились по сравнению с временами Бернара и Грисара.

В августе 1943 г. из Бельгии выбрался некто Ганшоф ван дер Меерш*, занимавший высокий пост в юстиции и превосходно проявивший себя в движении Сопротивления. И без того наделенный большой властью, он в октябре 1943 г. получил еще и звание генерал-лейтенанта, а также обязанность координировать все нелегальные действия в Бельгии. Это назначение кое-что дало, но не так много, как надеялось УСО: многие начинания, как в каменную стену, упирались в полковника Жана Мариссала, а тому не препятствовало начальство, которое, несомненно, не стремилось безгранично расширять власть мсье Ганшофа. Вдобавок раскол в Лондоне усугубился теперь расколом в Бельгии, где Сюрте поддерживала гражданский Фронт независимости и освобождения как противовес «тайной армии» 2-го Директората. Это не

* [Генерал Ганшоф ван дер Меерш, выбравшийся из Бельгии по «пути спасения», реорганизовал бельгийское внешнее движение Сопротивления.]

повлекло за собой каких-то непредвиденных последствий и тем не менее обстановка сохранялась тревожная.

б) Организация «в поле»

Рассказывая о том, что происходило в Бельгии, мы должны в основном присмотреться к двум масштабным организациям — ФНО и «тайной армии», хотя немало стоящего было сделано и агентами из Лондона, и отдельными лицами.

Летом 1942 г. УСО во многом зависело от УПВ, и до самого конца оно засылало группы для ведения политической войны, однако со временем, когда приблизилось освобождение, они естественным образом перешли к прямым акциям, уделяя меньше внимания пропаганде. Кроме того, действовали еще две-три группы профессиональных диверсантов, самыми известными из них были Фриней и Вольюве, которых опекал отдел диверсий Сюрте. С первым заданием весной 1943 г. они отправились под кличками «Муфлон» и «Тушканчик», позже (когда Бельгийский отдел УСО, давая клички, обратился к Шекспиру) — как «Вальтасар» и «Лавиния»[□]. Им особенно удавались подрывы шлюзовых ворот: с июня 1943 г. по февраль 1944 г. они вывели из строя семь шлюзов, что вызывало длительные простои судов в каналах, они же доставили множество неприятностей противнику, утопив несколько его барж. Но при случае они могли взорвать железнодорожное полотно или вывести из строя промышленный объект: на счету Фринея и Вольюве двенадцать акций, которые завершились успешно. В феврале 1944 г. они выбрались в Англию и почти сразу же вернулись обратно, чтобы, готовясь к дню «Д», возобновить свою «войну за канал». К несчастью, 28 апреля 1944 г. они попали в засаду, когда пытались взорвать шлюз у Менина. Фриней настигла пуля, и он вскоре умер от ран, а Вольюве отправили в гражданский концлагерь и в апреле 1945 г. расстреляли в Сандборстеле. Эти люди были самыми выдающимися бельгийскими бойцами. Другую пару, у которой послужной список тоже значителен, составили Дюро* и Хеффинк («Каракал» и «Землеройка»), которых в злые дни конца 1942 г. заслали как агентов УПВ с заданием помешать немцам ввести трудовую повинность — для этого следовало уничтожить соответствующую

[□] Имена персонажей пьес У. Шекспира «Два веронца» и «Тит Андроник».

* [См. книгу Г. Вебера «Капитан Каракал ССА 2690» (1989) — жизнеописание Дюро.]

документацию¹. Агенты хорошо поработали и в марте 1944 г. вернулись в Англию.

Эти и прочие диверсионные акции задумывались в тиши кабинетов, зато о результатах узнавали все, и слух о них еще больше распространялся из-за жестоких попыток немцев подавить сопротивление, карая невинных заложников. Однако результат получился обратный — еще больше бельгийцев включались в нелегальную работу — либо как члены того или иного организованного движения, либо как диверсанты-одиночки. О делах этих одиночек не сообщалось, однако, несомненно, они имели особую цену в Бельгии, где организованные группы снабжались из Англии скудно, к тому же им всегда угрожала опасность разгрома из-за предательства своих или действий засланных немцами провокаторов.

Мы уже знаем², какова была реакция на появление в Лондоне летом 1942 г. майора Глазье, которого агент УСО де Льедекерк вывез как представителя «тайной армии». Составили тщательно первый формальный план структуры «тайной армии», охватывающей пять зон, с центральным штабом. Все это рухнуло, но через какое-то время, к концу 1942 г., на той же основе началось сызнова. Во-первых, 2-й Директорат направил Л.А. Ливио (британского офицера) и Ж.М. Пана с заданием, не вступая в контакт с «тайной армией», подготовить склады оружия, к которым позже армия могла бы получить доступ. Задание они выполнили успешно, хотя запасы оказались невелики. Полковник Жан Мариссал усердно работал над детальными планами для «тайной армии», которые были готовы в апреле 1943 г. и тогда же одобрены Перло и бригадным генералом Габбинсом³. Уже собирались направить младшего брата полковника — А.Р.Э.М. Мариссала налаживать формальные связи, однако тот оказался слишком стар, чтобы прыгать с парашютом, и некоторое время ушло на необходимые приготовления для посадки самолета во Франции. Меж тем направили несколько других групп для установления контакта и (как в случае с «Ливио» и «Паном») получения оружия, которое могло пригодиться позже. Мариссал-младший отправился только в июле, а к тому

¹ Примерно в то же время подобную акцию проводили в Норвегии; см. раздел 2 главы XXVI.

² См. раздел 1 главы XII.

³ «Бельгийская история», с. 32; копия в архивной папке УСО (Бельгийский отдел) № 32 «Тайные армии».

времени ситуация уже прояснилась. Глазье арестовали, и у бельгийцев не стало больше повода опасаться, что его отступническую фракцию поддерживает УСО. А 21 мая УСО уведомили, что Перло поручил полковнику Бастину командовать «тайной армией» в Бельгии, в случае ареста его должен был сменить полковник Жерар. Эти назначения, по-видимому, явились результатом предшествовавших договоренностей, о которых УСО понятия не имело.

Мариссал-младший имел при себе три «особых приказа» для «тайной армии», которые разрабатывались в УСО и согласовывались со штабом совместных операций («Коссак»). В них говорилось о выводе из строя линий коммуникации в день «Д», о действиях в случае отхода неприятеля и о действиях против бронетанковой техники неприятеля на марше. Первый и третий приказы очень походили на французские планы «Violet» и «Tortue». В октябре 1943 г. Мариссал вернулся в Лондон с отчетом об успешной работе. УСО немного беспокоил кадровый состав организации, оно опасалось, что офицеры-резервисты в ее руководстве известны немцам и могут быть легко устранены. Однако организация очень деятельно вела радиообмен и обеспечивала безопасный и удобный прием для операций КВВС, более того — она не проявляла никаких политических пристрастий. В Лондоне она пользовалась все большим доверием, а потому зимой и весной 1943—1944 гг. ее сравнительно хорошо снабжали агентами, радиопередатчиками и снаряжением. Первого командира организации, Бастина, арестовали в декабре 1943 г.; его преемник «Жерар» выбрался в Лондон (где произвел хорошее впечатление) в марте 1944 г., а в Бельгии его сменил генерал Пире.

Теперь, как утверждалось, «тайная армия» насчитывала около 45 000 активистов, из которых, наверное, 6000 получили оружие от УСО, а остальные могли владеть спрятанным в 1940 г. оружием или добыть его у немцев. Сфера ее деятельности была разбита на пять зон, в каждой находился агент УСО и имелась радиосвязь с Лондоном. После особых приказов, переданных Мариссалем в июле 1943 г., в зонах получили десяток-полтора других приказов, одобренных УСО и основанных на директиве «Коссак» для Бельгии (издана в ноябре 1943 г.) Подготовленные в Бельгии подробные планы исполнения этих приказов попали в руки к немцам в мае 1944 г., когда был схвачен возвращавшийся через Пиренеи агент. К счастью, по времени это уже не могло помешать операциям — тогда только в Лондоне знали,

что существует подробный план военных диверсионных действий и что «тайная армия» дополнительно создала почти по всей стране около семидесяти «убежищ», или баз, которые намечалось при благоприятной тактической обстановке использовать как points d'арри (опорные пункты) для партизанской войны. И все же бельгийцы настаивали: никакого всеобщего восстания, пока союзников не будет рядом. По этому вопросу УСО готово было дать любые ручательства¹, нашлась наконец-то одна «тайная армия», которая *не слишком-то рвалась* в сражение.

В политической области первые контакты УСО (которые, вне всякого сомнения, были отнюдь не первыми, установленными бельгийским правительством) наладил через А.Дж. Уенделена («Приказ»), которого забросили вместе с радистом во втором квартале 1942 г. К несчастью, радист попал в облаву, устроенную немцами в то лето, но Уенделену удалось скрыться, и он успешно устраивал диверсии в районе Льежа. Вдобавок он установил связь с Коммунистической партией, которая, судя по отчетам, осуществляла промышленные диверсии при помощи полученных от британца технических средств. Он же по своей инициативе создал из своих друзей организацию в Брюссельском университете, которая позже стала известна как «Группа G». Уенделен выехал из Бельгии в Англию в августе 1942 г., однако путь его был полон превратностей: вначале он бежал в Швейцарию, где угодил в тюрьму, после освобождения бежал в Испанию через оккупированную Францию, в Испании опять попал в заключение и до Англии добрался только 28 мая 1943 г.

Меж тем в феврале 1943 г. в Англию прибыл депутат-коммунист д-р Марто², в его задачу входило объявить о существовании Фронта независимости и освобождения (ФНО). Это был типичный фронт тактики коммунистов тех времен «национальный фронт». В него входили подлинные патриоты изо всех политических партий, за исключением ярых приверженцев королевской власти («рексистов») и фламандских националистов, запятнавших себя сотрудничеством с оккупантами. Фронт, считалось, являлся выразителем воли бельгийского народа, в демократическом плане — более авторитетный, чем правительство в изгнании, к активной

¹ Копии в архивной папке УСО (CD) «Бельгия — общее».

² Позже, в сентябре — ноябре 1944 г., член Кабинета Перло в Бельгии, ушел в отставку во время неудачного коммунистического «путча» в ноябре 1944 г., однако в феврале 1945 г. вернулся в правительство Ван Аккера.

деятельности его побуждало энергичное конспиративное меньшинство из коммунистов. У ФНО были две трудно различаемые военизированные организации — «Партизаны» и «Патриотическая милиция». Можно предположить, что из «партизан» создавали ударную силу во время оккупации, а «милиции» отводилась роль резерва, готового к мобилизации во время освобождения.

Чем-то это напоминало Национальный фронт (ФАНА) во Франции, однако в отличие от Франции в Бельгии не было сильных соперничающих движений вне Фронта. Была «Группа G», но ее лучше отнести к боевой организации, которая вряд ли объединяла более 2000 членов. Было еще Бельгийское национальное движение, которое, по-видимому, больше стремилось поддерживать порядок в ходе освобождения, ряды его, как говорили, пополнялись в основном за счет адвокатов и жандармов; и уж оно определенно не соответствовало своему пышному названию. Была, наконец, и небольшая группка НОЛА, которая, как представляется, образовалась в шахтерском крае Боринже вокруг агентов УПВ и ставила перед собой важную неполитическую задачу: предотвратить разрушение угольных шахт отступающими немцами.

Бельгийскому правительству приходилось, чтобы удержаться на плаву, действовать через и совместно с ФНО, и следующим шагом стала отправка в Бельгию в июле — августе 1943 г. двух опытных агентов — де Льедекерка и Уенделена («Клавдия» и «Тибальда»), захвативших с собою двух радистов. «Клавдий» работал в отделе УПВ Сюрте — он, как считалось, был «нацелен на пропаганду» и консервативен в политике. «Тибальд» прекрасно проявил себя как диверсант и, выполняя свое первое задание, установил связи с коммунистами. Они составили хорошую группу. Почти в то же время выехал и младший Мариссал — для установления связи с «тайной армией», и (как сказано в «Бельгийской истории»¹) «большая гонка началась».

Де Льедекерк вернулся 4 октября, Мариссал — 8-го, а Уенделен — только 6 декабря. Отчеты по ФНО обнадеживали, так же как и отчеты по «тайной армии». Предложенный де Льедекерком и Уенделеном план предусматривал образование единой организации, охватывающей все гражданские движения Сопротивления. Этот план зимой 1943/44 г. вызвал появление Национального координационного комитета (НКК)², чью штаб-квартиру предстояло разбить на четыре службы: диверсионную,

¹ «Бельгийская история УСО», с. 36.

² Его часто называли «Клавдием», в то время как «тайную армию» — «Озрик».

пропагандистскую, финансовую и радиотехническую. Финансовая служба воплотилась в организацию «Служба солидарности» («Сократ»), которая играла исключительно важную роль как в снабжении движения Сопротивления деньгами из внешних займов, так и в финансовом обеспечении семей тех, кто пострадал, участвуя в Сопротивлении, или тех, кого вывезли в Германию. Единственным оправданием для создания централизованной радиотехнической службы являлась нехватка передатчиков и радистов.

Это отчасти объяснялось естественными для бельгийской обстановки трудностями. Последний квартал 1943 г. оказался неблагоприятным для воздушных операций, а в Бельгии эти операции были особенно опасны, в начале 1944 г. более пристальным было внимание к Франции (маки). Впрочем, и внутри Бельгии ФНО с опекавшей его Сюрте работали в неблагоприятных условиях. Сюрте оказалась «в поле» позже 2-го Директората — добротные кадры для подготовки отыскивались с трудом, а времени для обучения было в обрез¹. Сюрте привлекла людей из Бельгийской парашютной компании, изо всех сил старалась прочно утвердиться в Бельгии, однако сделать это смогла лишь перед самым освобождением. Меж тем «тайной армии» больше повезло и на офицеров связи, и на радистов, а потому и к приему грузов с людьми она оказалась подготовлена лучше, так что не стоит удивляться, что КВВС отправлялись на операции для нее охотнее, чем для «Клавдия». В первые три месяца 1944 г. в Бельгии провели всего одиннадцать операций по поставкам, в том числе пять для «тайной армии» и четыре для НКК. Во втором квартале провели пятьдесят поставок, из них сорок восемь предназначались «тайной армии», а шесть — НКК. В январе — сентябре 1943 г. поставки УСО были таковы:

<i>Название оружия</i>	<i>«Тайная армия»</i>	<i>Гражданские группы</i>
«Стены»	4419	375
«Брены»	278	4
Ружья	547	18
Пистолеты	1333	321
Карабины	420	—
Марлини	540	—
Противотанковые ружья	24	—

¹ К тому же в январе 1944 г. пятеро радистов погибли в авиакатастрофе.

В мае 1944 г. в эфир выходили четырнадцать раций «тайной армии», у гражданских групп — всего две.

Как уже говорилось, такое распределение имело очевидные практические причины. УСО отрицает, что им, так или иначе, двигали политические соображения, а у бельгийского правительства (к тому времени оно тесно взаимодействовало с УСО) не было особого расчета поддерживать «тайную армию», которая в целом была роялистски настроена и не жаловала Перло. Однако ответная политическая реакция должна была последовать непременно.

В начале 1944 г. капитан Жильери, до того руководивший отделом промышленных диверсий Сюрте, отправился «в поле» в качестве офицера связи НКК и взял с собой «директивы по высадке», параллельные тем, что были направлены «тайной армии». Радиосообщения от него шли скудные, и в Лондоне не знали, получили ли гражданские группы эти распоряжения. И вот весной лейтенант Флор, давний знакомец УСО, добровольно отправился на особое задание — изучить обстановку, а кроме того, передать кое-какие финансовые указания организации «Сократ». Вернулся он в Лондон 20 мая, прихватив с собою мэтра Грегуара, влиятельного члена ФНО. К несчастью, мнение Грегуара о политической предвзятости Лондона укрепилось: когда он прибыл в Англию, его подвергли заключению в «Королевской патриотической школе», потому он остался непримирим, отстаивая мнение ФНО и по поводу «тайной армии», и по поводу правительства в изгнании. Лейтенант Флор подтвердил заявление Грегуара, что назревает серьезная опасность конфликта между двумя организациями. Были предприняты лихорадочные усилия как-то наладить связи между ними, а также укрепить положение ФНО. Усилия эти большого успеха не имели, но по крайней мере продемонстрировали добрые намерения.

в) Действия в день «Д»

Наконец мы подошли к описанию действий, предпринятых бельгийским движением Сопротивления в ходе операции «Владыка». Случались разные сбои, и у УСО не было уверенности, возымеют ли действие «активные» сообщения Би-би-си, которая стала передавать уведомления 1 июня 1944 г., как и во Франции. В итоге все обошлось хорошо.

На первом этапе боевые действия почти полностью сводились к нелегальным операциям — прежде всего выводу из строя

коммуникаций, в первую очередь железных дорог. Как обычно, результаты трудно представить статистически, однако стоит привести несколько цифр, относящихся к периоду с 1 июля и до освобождения в начале сентября. Действия последовали сразу же за днем «Д», но поначалу хоть с какой-то пользой могла действовать только «тайная армия».

	НKK					Неустановленные гражд. лица	
	«Тайная армия»	ФНО	НОЛА	«Группа G»	БНД		«Партизаны»
Прервано ж/д магистралей	611	—	—	34	—	22	360
Уничтожено мостов	28	1	—	3	1	1	18
Уничтожено локомотивов	76	—	—	15	—	—	—
Пушено под откос поездов	37	1	—	—	—	6	18
Различных поломок на железных дорогах	36	—	30	130	—	—	22

Вдобавок немало сделано для того, чтобы затруднить судоходство по каналу, да и вообще причинить немцам побольше «неприятностей». Бельгия — страна небольшая, и эти цифры достаточно значительны и убедительны: в это важное время система бельгийских железных дорог практически не действовала. Несомненно, после определенных усилий воинские эшелоны проходили по особо выделенным путям, но в каждом случае на это требовалось время. Все это помогло создать «зоны задержки», они возникали повсюду на немецких транспортных артериях в Нормандии.

Второй этап — открытая мобилизация — начался 31 августа, когда американцы форсировали Верхний Мёз, а британцы заняли Амьен и перешли реку Сомму. В тот день мобилизовали семнадцать «запасных» «тайной армии» в Зоне V (Арденны). Зона V была вооружена лучше других зон, некоторые ее подразделения

уже работали с группами Секретной службы союзников (САС). 1 сентября Зона V была мобилизована полностью вместе с Хайно (Зона I), на следующий день, когда союзники перешли границу, мобилизовали обе Фландрии и Брабант, но только 5 сентября — Лимбург. Цель мобилизации состояла не в том, чтобы начать партизанскую войну, для которой у бельгийцев едва ли нашлись бы ресурсы, а для того, чтобы, выведя из подполья сформированные воинские подразделения Сопrotивления, встретить союзников, поддерживать порядок и нормальную работу коммунальных служб. На этом этапе на подразделения Сопrotивления возлагалась задача освободить союзников от обязанностей по «очистке территории» и снабдить их данными тактической разведки, с тем чтобы те могли двигаться прямо на Брюссель, Антверпен — к Рейну.

Наконец 4 сентября британцы дошли до Антверпена, доки которого оказались в сохранности. Из множества достижений такого рода, которыми по праву гордилось бельгийское движение Сопrotивления, это было самым главным, хотя трудно сказать, как это удалось. Сохранение в целости Антверпена — такая задача содержалась в указаниях «Коссака», и полковник Мариссал первоначально намеревался возложить ее на «тайную армию». Однако «Клавдий» действовал «в поле», и британское Адмиралтейство, очевидно, решило, что лучше всех порт сумеют сохранить сами портовые рабочие. Генерал Ганшоф возложил задачу на «Клавдия», и в феврале 1944 г. де Льедекерк отправился на свое третье задание, чтобы передать указания НКК. По прибытии он, однако, выяснил, что один его старинный приятель входит в состав местного руководства «тайной армии», и сообщил 13 марта, что «армия» уже взялась за выполнение задачи. В итоге ее так и оставили за «тайной армией», и она вправе приписывать успех себе, хотя можно с уверенностью утверждать, что роль гражданской «личной инициативы» здесь весьма велика.

г) Политические последствия

Перло возвратился в Брюссель 8 сентября, 11-го американцы перешли германскую границу, а передовые части британцев появились в Голландии, 17 сентября началась Арнемская воздушно-десантная операция. Линия фронта быстро проскочила Бельгию, и работа движения Сопrotивления подошла к концу. Однако еще не завершилась его политическая история. «Тайная армия» время от времени тревожила политиков. Она постоянно

подчеркивала, как необходимо поддерживать порядок, а зимой 1943/44 г. настороженность вызвал случай, когда столь необходимые средства¹ были получены по займу, устроенному при посредстве Плиссне, генерального секретаря министерства финансов в Брюсселе, а следовательно, оказались запачканы сотрудничеством с немцами. В июле 1944 г. дело это успешно уладили между собой Перло и генерал Пире², и после освобождения руководители «тайной армии», по-видимому, всецело посвятили себя грандиозной задаче военного переустройства.

Гораздо больше тревог вызывал ФНО. И ШЭВС, и бельгийское правительство стремились побыстрее разоружить отряды Сопротивления и поскорее вооружить полицию, поэтому когда 8 сентября в Брюссель прибыло представительство УСО, то первым делом озаботилось тем, как направить поток оружия в жандармерию. 22 сентября Перло, как и обещал, оставил свой пост, и ему сразу же поручили формирование нового правительства. В его Кабинете движение Сопротивления оказалось представлено весьма солидно, в том числе и коммунистами, однако почти тут же ФНО, подстрекаемый коммунистами, выдвинул новые требования. Страсти накалились, что привело к беспорядкам в Брюсселе 28 ноября и к попытке в тот же день устроить «марш на столицу». До сих пор ответственность за наведение порядка несло бельгийское правительство, однако теперь под угрозой оказывались коммуникации союзников, и беспорядки были прекращены вежливыми, но твердыми действиями британских войск. Коммунисты в конце концов уступили и согласились (добившись кое-каких уступок) на разоружение отрядов Сопротивления. С Перло они поквитались в феврале 1945 г., прокатив его на выборах, но движение Сопротивления как независимая военная организация перестало существовать.

Возможно, этой политической угрозе уделили больше внимания, чем она того заслуживала. Обстановка совершенно не походила на ту, что сложилась в Греции, где союзники отнюдь не намеревались высаживаться крупными силами. В Бельгии численность войск союзников была очень велика, и коммунистам, конечно же не позволили бы «превратить войну империалистическую в войну гражданскую» на союзных линиях коммуника-

¹ 90 000 000 франков.

² «Бельгийская история УСО», с. 66.

ций. Высказывалось предположение, возможно, и верное, что Перло сам подтолкнул (не намеренно) к волнениям, вообразив опасность вооруженного сопротивления там, где были только немощь и бессилие. В итоге политическая стабильность не была поколеблена, если не считать личных затруднений короля Леопольда.

д) Заключение

С точки зрения военной, баланс операций УСО в последние два года был положительным. Данные о привлеченных к работе (как мужчинах, так и женщинах) таковы:

Направлено агентов		182	
Погибли в пути	9		
Ранены в пути	3	12	
		<hr/>	
Прибыли «в поле»		170	(161 — бельгийцы, 9 — британцы)
Убиты при выполнении заданий или казнены	36		
Арестованы, но выжили	23		
Пропали без вести	16		

Это весьма высокий уровень потерь, даже для операций УСО на Западе, однако следует напомнить и о достижениях, например, о сохранении антверпенских доков. Незначительными были затраты на самолеты и снаряжение. УСО вправе утверждать, что его работа после провального начала дала все же приличный результат. Труднее подвести итог, если учитывать и те потери, что понес бельгийский народ. Для Бельгии особенно характерны акции и диверсии, проводимые по личной инициативе. В этой стране гитлеровцы обращались с населением особенно жестоко, проводя карательные акции и увозя людей в Германию. Бельгийские потери в этой войне значительны, во многом они вызваны решительными усилиями не допустить эксплуатации немцами бельгийской промышленности. За последствия своих действий в этой стране УСО несет ответственность лишь частично.

2. Голландия

Хронология становления и развития движения Сопrotивления в Голландии отлична от других стран Западной Европы. До весны 1944 г. все усилия УСО установить с ним связь заканчивались неудачей, и не было здесь неуклонной активизации деятельности от дней «Факела» до дней «Владыки». Голландское движение Сопrotивления было не в силах сколько-нибудь существенно способствовать операции «Владыка», да, по счастью, не так-то много от него и требовалось. И все же за лето положение несколько улучшилось, и первый решительный перелом произошел во время Арнемской воздушно-десантной операции и операции «Рынок»*. Арнемская операция не вполне удалась — десант понес большие потери, и Голландии, по необходимости оставленной союзниками, пришлось пережить самую лютую зиму за всю войну. Почти треть страны была свободна, остальная же территория была едва ли не сплошной линией фронта: даже когда армии останавливались, в Голландии подспудно шла жестокая война.

Мы уже знаем, что зимой 1943/44 г. полным крахом обернулись планы УСО. Эта катастрофа привела к основательной реорганизации в Лондоне. Британцы назначили капитана 2 ранга Джонса** в январе 1944 г. региональным директором по странам Бенилюкса, в феврале майора Бингэма заменил подполковник Добсон (раньше он работал в Бельгийском отделе), получив под свое начало Голландский отдел. С голландской стороны изменений в структуре секретной разведывательной службы (VI) не произошло, она по-прежнему оставалась полем деятельности Ван'т Санта, действовавшего через майора Сомера, зато военную структуру перетряхнули сверху донизу. Организация, до того известная как MID, стала Bureau Vrijzondere Opdrachten — Бюро особых задач (БОЗ). Полковника де Брюне в марте 1944 г. сменил генерал-майор ван Уршот***, исчезла и большая часть стар-

* [«Рынок» — это воздушно-десантная составляющая операции «Огород», которая предусматривала три высадки воздушно-десантной дивизии по линии Эйндховен — Неймеген — Арнем, последняя не удалась, поскольку наступление по суше (операция «Грядки») не достигла цели. Начало операции «Огород» — 17 сентября 1944 г.]

** [См. книгу П.Л. Джонса «Под двумя плащами» (1979), где утверждается, что он был агентом MI6 в Лиссабоне, прежде чем перешел в УСО.]

*** [Руководитель голландской разведки осенью 1939 г., смещен за соучастие в деле Венло.]

ших офицеров; среди новых назначенцев, имевших опыт участия в движении Сопротивления, выделялись личный помощник генерала ван Уршота капитан Клийзинг и один из создателей диверсионной организации CS VI капитан де Грааф. У генерала ван Уршота не было никакой власти над ВІ, зато он был на дружеской ноге с майором Сомером.

Злоключения УСО в Голландии не оставили движение Сопротивления совсем без связей с Лондоном, поскольку в том же «поле» действовала и СИС. Однако связи эти были чрезвычайно ненадежными и не предназначались (как связи УСО) для того, чтобы поддерживать боевые возможности организаций Сопротивления. В этом и заключалась одна из причин нерешительности движения Сопротивления в начале 1944 г., другая коренилась в психологии голландцев: их политика отличалась постоянством и в то же время упрямством и фракционностью, а третья причина — активная деятельность гестапо, которое использовало осведомителей и провокаторов, потому ни одна организация Сопротивления не могла считаться надежной. Обстановка действительно была сложная, хотя едва ли это может служить оправданием нерешительности.

Во-первых, было три основных движения с «военноорганизованными» ответвлениями:

- 1) «Orde Dienst» (ОД), стоящая несколько справа. [ЧАСТЬ ТЕКСТА ИЗЪЯТА ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.]
- 2) RVV* (Совет Сопротивления — РВВ), появился к концу 1944 г., чтобы свести воедино различные движения, имевшие связи с прежними политическими партиями центра.
- 3) «Knok Ploegen» (КП), возникла на местах для оказания помощи рабочим, уклонявшимся от немецкой трудовой повинности, и выросла до активной диверсионной организации рабочих. В Европе не было другой страны, как Голландия, где коммунисты почти не имели влияния, однако по взглядам КП находилась ближе всех к коммунистическому движению Сопротивления, и если кому-то потребовалось бы отыскать коммунистический жупел, легче всего его обнаружить в КП.

К трем указанным движениям следует прибавить небольшую организацию CS VI, состоявшую из специалистов по диверсиям.

* [The Raad van Verzet.]

Во-вторых, были невоенные организации, так нечетко оформленные, что их и организациями не назовешь:

- «Нелегальная печать»;
- «Национальные фонды Steun», финансовая организация движения Сопротивления;
- «Landelijke Organisatie» (ЛО), в основном занималась подготовкой фальшивых документов и оказывала помощь живущим в подполье;
- «Национальный комитет» (НК), занимался социальным обеспечением, помогая семьям тех, кто погиб или кого угнали немцы;
- «Centrale Inlichtings Dienst» (СИД), должна была прежде всего следить за немецкими карательными службами; осуществила прокладку нелегальной телефонной сети, которая оказалась весьма ценной для движения Сопротивления на завершающем этапе.

Когда пришла пора налаживать деятельность в Голландии, УСО, понятное дело, прежде всего обратилось к РВВ, КП, CS VI — для организации военных действий и — от имени УПВ — к «Нелегальной печати». В середине февраля 1944 г. лорду Селборну и генералу Габбинсу удалось убедить голландского военного министра М.О.А.К. Лидсе де Жюде в необходимости нового подхода, а в марте разрешили возобновить воздушные операции, при условии, что пока все агенты будут десантироваться вслепую, дабы не было риска нарваться на «гестаповский прием». Приоритетности в выделении самолетов не было — совсем не то, что получали во Франции, условия для воздушных операций оставались исключительно сложными, так что довольно легко перечислить группы, которые направлялись с заданиями до конца августа 1944 г., когда положение изменилось в связи с подготовкой Арнемской воздушно-десантной операции.

31 марта. К «Нелегальной печати» Т. Бялостерский («Шашки») с радистом по кличке «Безик» (Дж.А. Стеман). При приземлении они потеряли радицу, но впоследствии получили другую. Бялостерский на некоторое время выезжал в июле 1944 г., оставив вместо себя местного новобранца («Шашки II»). Стеман оставался до конца, работая на радиции в районе Гааги.

31 марта. Одна группа на связь с CS VI, другая — на связь с РВВ. Всех четверых агентов схватили в мае 1944 г.,

но они успели передать директивы, врученные им в Лондоне.

Апрель.

Операций не было.

31 мая.

Двух агентов послали организовать железнодорожную диверсию в преддверии дня «Д», но самолет был сбит над Голландией, и они погибли вместе с экипажем.

Июнь.

Операций не было.

5 июля.

Лейтенант Л. Малхолланд («Подекс») — на связь с РВВ, лейтенант А. де Гёд («Рамми») — с КП. Они вместе со своим радистом («Костровище») создали чрезвычайно важный пункт связи в Роттердаме. «Рамми» работал еще и в Амстердаме.

5 июля.

Еще четверых направили в район Велюве, но их самолет сбили, и они погибли.

7 августа.

С. Постма («Гребля Шлюпочная») направили с радистом на связь с ЛО в Велюве, в конце концов он осел в Утрехте. В ноябре — декабре 1944 г. он и его радист пропали, однако их работу продолжил Кьереман («Охота На Лисят»), который сохранял очень важную *point d'arui*, *опорную точку*, до самого освобождения.

9 августа.

Ф.Л.Дж. Гамильтон («Гребля Академическая») со своей сестрой («Игра В Блошки») были направлены доставить рацию Бялостерскому в Гаагу и помочь ему в нелегальной пропаганде. При приземлении мисс Гамильтон сломала ногу и пролежала в больнице (по легенде) почти до освобождения, ее брат с пользой работал на севере Голландии, базируясь в Амстердаме. Это, впрочем, не помогло созданию дополнительных радиоканалов.

28 августа.

Двух агентов и радиста забросили с парашютом для создания ячеек Сопrotивления в район Велюве («глубокий тыл» Арнема), из-за путаницы, возникшей в ходе операции, они разделились. Один направился в Роттердам — инструктором для РВВ, другой с радистом («Шарады») двинулся в Овересье, где оказывал необходимую помощь сменяющимся руководителям местного движения Сопrotивления до освобождения.

28 августа.

Три агента, направлявшиеся в Эйнховен, находились в самолете, который был сбит. Двое остались в живых, но выполнять задание уже не могли.

Стоит подчеркнуть, сколь незначительны оказались результаты. Три из девяти самолетов были сбиты, остальным группам все же удалось создать четыре постоянных центра связи — в Гааге, Роттердаме, Утрехте и Овересье, — но до поры лишь три из них оказались полезными. Оружия доставлено совсем мало: семьдесят три «стена» и тридцать пять винтовок (если верить реестру, где подводится *общий итог* поставок на конец августа 1944 г.). У групп Сопrotивления было немного своего оружия, теперь они находились, что называется, под рукой у союзников, однако было бы неразумно использовать их в ходе операции «Владыка». Конечно же, были — в небольшом масштабе — диверсии на промышленных предприятиях, но никто не предлагал блокировать голландские железные дороги, которые мало что значили для передислокации немецких войск в Нормандии.

Положение изменилось, когда британцы в последние дни августа прорвались за Сенну. 3 сентября они вошли в Брюссель, 4-го — в Антверпен, передовые отряды вступили на голландскую землю (несколько умерив скорость) 11 сентября. Казалось, если наступательный порыв разовьет Арнемская операция, то вся Голландия (или большая ее часть) будет освобождена одним ударом. Голландское движение Сопrotивления, пусть и плохо вооруженное, уже готовилось к открытому восстанию, но было остановлено необычайно жестокими карательными акциями.

31 августа приказом ШЭВС учреждены ГВВ — Голландские внутренние войска (Nederlandsche Binnenlandsche Strijdkraft), под командованием принца Бернарда*, который, в свою очередь, подчинялся непосредственно генералу Эйзенхауэру¹. Об этом назначении объявили 3 сентября, а 9 сентября принц Бернард переехал в свой штаб в Брюсселе². Здесь ему помогали представитель

* [Зять королевы Вильгельмины, муж ее преемницы (королевы) Юлианы, летчик Королевских ВВС.]

¹ SHAEF/17240/28/Ops(C) — GCT 370—19, приведен в «Голландской истории УСО», август 1944 г.

² Кодовое название «Northaw» («Северная оттепель»). Штаб переехал на голландскую территорию, в город Бреда, в начале 1945 г.

³ УСО помогало доставлять в Бельгию по воздуху оружие для оснащения голландских войск, которые поддерживали порядок на освобожденной к тому времени части территории Голландии.

Голландского отдела УСО³ и сотрудники голландской гражданской разведывательной службы VI. В то же время в Лондоне учредили постоянный комитет голландских БОЗ и VI, британских УСО и СИС, который заседал ежедневно. Теперь, когда настало время решительных действий, уже не было серьезных трений между соперничающими организациями за пределами Голландии.

К сожалению, внутри Голландии обстановка складывалась не так просто. Планом предусматривалось, что в ГВВ войдут военизированные отряды ОД, РВВ и КП, которые, сохраняя свое политическое лицо, объединятся для решения военных задач. Руководство на оккупированной территории Голландии отдавалось в руки трех представителей, по одному от каждой организации: Driehoek («Треугольник»), или «Центр Дельта», располагавшийся в Амстердаме. Голландия была поделена на шесть зон и четырнадцать округов, в каждом из которых имелся один командир, располагающий по возможности прямой линией связи с союзниками. Осуществлялся этот план не гладко. Расхождения шли по обычным направлениям: с одной стороны, движение Сопротивления в целом претендовало на особые права в послевоенном мире, с другой стороны, оно само распадалось на правых и левых — ОД против КП, а РВВ в общем склонялась принять сторону КП¹. Эти расхождения сказывались и на делах лондонского правительства: 26 января 1945 г. подало в отставку министерство внутренних дел, не согласившись с тем, как ведется преследование коллаборационистов, в феврале профессор Гербранди восстановил свой Кабинет. Внутри Голландии эти трудности так и не были преодолены, однако напряжение уменьшилось после назначения генерал-майора Коота единым командующим ГВВ на оккупированной территории Голландии.

Голландия теперь в планах союзников обоснованно становилась более приоритетной, и воздушные операции уже не были так опасны, как прежде, поскольку союзники стояли на ее наземных границах. Здесь уместно взглянуть на данные статистики, иллюстрирующие интенсивность воздушных поставок в Голландию до ее освобождения.

¹ В итоге (январь 1945 г.) оказалось, что из 13 назначенных командиров 7 были из ОД, 4 — из КП, 2 — из РВВ: «Голландская история УСО» — под датой 6 января 1945 г. (Желтое Приложение).

	<i>Сент.</i>	<i>Окт.</i>	<i>Нояб.</i>	<i>Дек.</i>	<i>Янв.</i>	<i>Февр.</i>	<i>Март</i>	<i>Апр.</i>
Самолето- вылеты	86	130	83	22	10	18	40	79
Успешные	42	47	40	13	3	4	27	53
Контейнеры для:								
УСО	765	996	834	231	53	62	514	1179
СИС	—	—	1	4	—	10	74	48
САС	—	—	6	22	—	—	—	—
Упаковки для:								
УСО	71	108	83	25	14	14	92	190
СИС	—	6	4	3	—	—	7	8
САС	—	4	4	4	—	—	—	—

Ясно видны: пик активности в сентябре и октябре, спад активности в зимние месяцы, когда погода была неблагоприятной, потому совершалось мало вылетов, затем — решающий рывок в марте и апреле 1945 г. Сброс оружия окончательно прекратился 24 апреля 1945 г., зато начался сброс грузов продовольствия.

Еще в августе УСО начало сосредоточивать агентов в районе возможного наступления союзников: две группы были направлены в Велюве и одна — в Эйндховен. Когда настало время Арнемской операции, четыре «джедбургских» группы (смешанного состава — голландцы, британцы, американцы) сопровождали воздушно-десантные соединения: одна — при штабе корпуса, и по одной — при каждой из задействованных дивизий; из них только первая, «Эдвард», оказалась полезной в ходе боевых действий. Пятая группа — «Дадли» отправилась в Велюве до начала операции, в нее входили майор Бринкгрив (голландец), майор Олмстед (США) и сержант Остин, радист (британец). Из них в живых после войны остался только Олмстед, а Бринкгрив отличился в Овересье, где его группа (вместе с агентом «Шарады»¹) составляла ядро движения Сопротивления до самого освобождения. Наконец, 8 сентября Бялостерский («Шашки»), выполняя свое второе задание, направился с радистом в Амстердам устанавливать связь с «Треугольником» ГВВ. Сам агент «Шашки» в феврале 1945 г. был смертельно ранен, но дело взял на себя завербованный на месте «Доктор Икс» (Аренд), продолжая работать с радистом по

¹ См. с. 771.

кличке «Нарды». Это звено было совершенно необходимым в голландской схеме управления. Стоит добавить, что 15 сентября была заброшена с воздуха еще одна группа из четырех человек: двух инструкторов по диверсиям — для Роттердама, дополнительного радиста («Гребля») — для Амстердама и агента Кьеремана («Охота На Лисят»), который впоследствии стал основным связным в Утрехте¹.

В назначенный день, 17 сентября, голландское правительство призвало к всеобщей забастовке на голландских железных дорогах, которые оставались в полной сохранности до мая 1945 г. По радио передали также обращение генерала Эйзенхауэра, в котором он наделил ГВВ статусом регулярных войск и призвал население района к югу от Лека прийти на помощь союзникам. На остальной территории страны такого рода акций пока проводить не предполагалось. В то же время были направлены тайные послания по каналам СИС и УСО, призывавшие к диверсиям на железных дорогах² и дававшие подробные указания относительно помощи в ходе воздушно-десантной операции союзникам у Арнема. Этими мерами, предпринятыми в последний момент, конечно, невозможно было всерьез воспрепятствовать передвижению немецких войск по дорогам, и все же впервые произошла серия железнодорожных диверсий, специально приуроченных по времени и месту к наступлению союзников. «Piet van Anghem» со своими людьми вышли из подполья и оказали существенную помощь на местах. Появились первые сообщения о попытках групп Спротивления уберечь от разрушения порт Роттердам: тогда были затоплены суда «Борнео», «Вестердийк» и «Аксенфельс», которыми готовились перекрыть вход в порт.

Провал операции «Рынок» стал очевиден 25 сентября, тем не менее волна диверсий не утихла до октября, и только в ноябре последовали ответные контрмеры немцев. Они, активизировали мероприятия по отправке в Германию трудоспособных

¹ В «Голландской истории» говорится также о группе САС («Риган», позже «Фабиан»), засланной в это время в район Дрепте, 9 октября она была усилена «Порцией II» (позже «Гоббо»). Обе группы поддерживали радиосвязь до весны 1945 г. и благополучно возвратились. В «Истории» выражен некоторый скептицизм по поводу их обучения и надежности, тем не менее группы ушелели и выполнили работу определенной значимости. [«Фабиан» возглавлял Ж.С. Киршен, позже ставший старейшиной брюссельской гильдии юристов.]

² Директива ШЭВС SHAEF/17240/28/Ops C от 27 августа 1944 г. — «Голландская история УСО», сентябрь 1944 г., с. 4.

людей, захваченных во время уличных облав. Таким способом было отправлено большое количество жителей из всех крупных городов, за исключением Амстердама, где комендант гарнизона, видимо, желал «подстраховаться». Немало бойцов ГВВ попали в такие облавы. Наказания лиц, задержанных по подозрению в пособничестве союзникам, были жестокими, и карательные меры неизбежно следовали за любым «инцидентом»: как утверждают, 400 жизней было загублено после нападения на шефа гестапо Раутера*. Немцы действовали не только силой, но и хитростью. У них имелись доносчики, и они нередко использовали старую ловушку, вступая под тем или иным предлогом в переговоры с отдельными руководителями местного движения Сопrotивления. К тому же население страны находилось под угрозой неминуемой голодной смерти.

В конце октября поступили сообщения об арестах в Роттердаме. В ноябре в Утрехте был схвачен и убит агент УСО Постма («Гребля Шлюпочная») вместе с ним погибли двенадцать местных руководителей. Малхолланд («Подекс») случайно попал в облаву в Роттердаме, и его вывезли в Германию. В декабре в Роттердаме был убит глава КП «Фрэнк», а УСО потеряло радиста «Дадли» в Овересье, радиста в Роттердаме и радиста в Утрехте; связь поддерживалась, но с трудом. Единственным достижением за эти три месяца стало внедрение хорошего агента, П. Тазелаара («Нежный») с радистом во Фрисландии. Удалось также забросить второго радиста в Роттердам, в Амстердам в штаб ГВВ направили П. де Бира, который, почти ничего не сделав, в январе 1945 г. возвратился в Англию. Создалась ситуация, когда стало очевидно — сейчас лучше отступить. Население убеждали избегать активного противодействия. В конце ноября на некоторое время приостановили даже воздушные поставки, чтобы остановить карательные акции. Собственных сотрудников УСО предупредило: их профессиональный долг — сохранить себя до весны, а все связи с движением Сопrotивления прервать, за исключением тех случаев, когда это совершенно необходимо. Командованию ГВВ было предложено тщательно рассредоточиться по своим округам, а в каждом округе отделить рабочие группы диверсантов от военных резервистов, которые до мобилизации не должны принимать участия ни в каких открытых действиях.

* [Г.-А. Раутер, шеф СС в Голландии, едва не был убит в начале марта 1945 г., в отместку за это нападение произвел более 250 казней, сам был казнен по приговору суда в 1949 г.]

День, когда можно было бы вновь начать действовать, отодвинуло Рундштедтское наступление, и тяжелые времена тянулись до марта. В середине января произошла утрата партии оружия в Роттердаме. В феврале в Амстердаме был серьезно ранен и схвачен Бялостерский, в Роттердаме были убиты два инструктора и местный радист, в Овересье погиб местный руководитель Эверт, прокатилась волна арестов во Фрисландии. Положение с продовольствием становилось критическим.

С другой стороны, радиосвязи УСО никогда не прерывались ни с одним районом, на местах появились новые руководители групп Сопrotивления (прежде всего «Роб», руководитель КП в Роттердаме, и «Ричард», член Руководящего комитета от РВВ), несколько спала политическая напряженность, поступили хорошие вести об операциях спасения и ряде диверсий, например, о том, что в Роттердаме затоплены судно-блокшив «Вестердам» и гигантский плавучий кран «Титан». В январе — феврале было проведено всего две более или менее значимые операции: направили дополнительного радиста местному руководителю в Овересье, а в феврале в Роттердам вернулся «Роб», руководитель КП (Ван дер Стёп), с особым заданием от принца Бернарда — убедить несговорчивых принять власть командующего ГВВ¹.

Но вот 7 марта американцы создали Ремагенский плацдарм, на 23 марта было назначено основное форсирование Рейна (операция «Спортивная команда»). Завершающие этапы подготовки к ней в Голландии зафиксированы в протоколах совещания УСО 19 и 20 марта². В зоне наступления канадцев, в Восточной Голландии, было довольно легко передать сообщения, призывавшие нападать на железные и шоссейные дороги, собирать данные тактической разведки и оберегать сооружения и технических специалистов. Труднее было это обеспечить в Западной Голландии, не вызвав разрушений и массовых карательных акций. Движение Сопrotивления вполне сносно вооружилось, и искушение вступить в вооруженную борьбу было очень сильным, но все же дисциплину поддержать удалось даже в самый решающий момент.

¹ Кличка «Скребок». Он был убит во время нападения на штабквартиру гестапо 11 апреля.

² «Голландская история УСО», март 1945 г. и Приложение.

Следующие данные показывают, что именно и в каком количестве направляло УСО до 15 марта 1945 г. (многое, конечно, пропало):

Взрывчатка	20 905 фунтов
«Стены»	14 344
Ружья	2928
Карабины	765
Пистолеты	2175
Гранаты	20 085
«Брены»	362
Гранатометы	286
Piats	14

В апреле, по подсчетам ГВВ, они имели в активе 9350 вооруженных бойцов во все еще оккупированных округах.

В марте в район боевых действий направили для подкрепления две группы — канадцы заняли эти районы в начале своего наступления. Направили еще одного радиста в Роттердам и туда же помощника Ван дер Стёпа. Очень важное задание выполнил майор Дж.Дж.Ф. Боргаутс («Посвист»), который раньше уже успел отличиться в совместных акциях с группами Сопротивления, а теперь вновь был послан в Амстердам в помощь командующему ГВВ генерал-майору Кооту — он сыграл важную роль в переговорах в последние дни.

На востоке Голландии, в зоне наступления канадцев, все шло как по писаному, в уже знакомой манере¹. Отряды Сопротивления расчистили путь для наступления и взяли на себя ответственность за порядок. Агенты УСО в Овересье и Фрисландии оказались в безопасности, но были и потери — известный в этих краях «Дадли», майор Бринкгрив, пал в бою за несколько дней до решающего наступления. К середине апреля восток Голландии и Алсмер были практически очищены от неприятеля, и канадский 1-й корпус повернул на запад. Задача теперь состояла в том, чтобы избежать сражения, а не вступать в него, и в конечном счете в середине апреля она была решена в результате чрезвычайно осторожных и сложных переговоров, в которых участвовали Сейсс-Инкварт, Блашкович, представители голландского правительства и движения Сопротивления, генерал Эй-

¹ Совместная группа «дждбуржцев» и агентов САС приземлилась в Велюве 3 апреля, а 7-го одного из «дждбуржцев» направили в Дренте.

зенхауэр, фельдмаршал Монтгомери, генерал Фаулкс (1-й канадский корпус), а также многие другие.

Если бы дело дошло до сражения, то борцам Сопротивления следовало воспрепятствовать попыткам немцев «предать огню» порты или затопить прибрежные территории Голландии соленой водой. Выполнение такой задачи сопрягалось бы с большим риском (если только союзникам не удалось бы быстро сломить сопротивление немцев), но от этого зависело будущее Голландии. По счастью, до этого не дошло, и на деле вклад борцов Сопротивления заключался в налаживании связи через линию фронта, в особенности с помощью тайной телефонной сети, которая находилась в распоряжении принца Бернарда: он вел по ней переговоры с Амстердамом. К 25 апреля стало ясно, что немцы отступят, но лишь 4 мая фельдмаршал Монтгомери принял капитуляцию группы армий, находившихся в подчинении военного командования в Голландии.

И последняя задача — поддержание порядка до тех пор, пока подойдут союзники и разоружат немцев, — вряд ли могла вызвать разногласия. Поначалу у ГВВ не было нарукавных повязок или иных отличительных знаков, и казалось (верно или неверно), что ни принцу Бернарду, ни генералу Фаулксу столкновений не избежать, если большое количество гражданских лиц с оружием в руках окажутся среди ненавистных им немцев — вооруженных куда лучше голландцев. Приказ внутри движения Сопротивления не позволял появляться на службе с оружием, пока не будут изготовлены какие-либо опознавательные знаки.

Конечно, существует опасность недооценки вклада голландского движения Сопротивления в общее дело борьбы с оккупантами. Его помощь союзникам была не столь заметна — в основном оно снабжало их разведывательными данными и формально играло небольшую роль в военных действиях союзников. Причина тут отчасти и в географии. А отчасти и в ошибочных действиях УСО на ранней стадии. Но и сами эти ошибки объяснялись географическим положением страны, что затрудняло проникновение агентов в Голландию. Голландцы, как выяснилось, в основном вели собственную подпольную войну, не очень-то обращая внимание на нужды союзников. И в этой трудной войне не щадили себя и своих жизней. Официально голландские потери во время войны составили 210 000 убитыми (в том числе

около 104 000 голландских евреев), из которых 23 300 человек погибли, сражаясь в рядах движения Сопротивления¹.

В последний год войны УСО и его агенты работали хорошо и кое в чем преуспели, создав рабочую систему связи и подчинения. И все же сожаления достойно то, что нельзя было эффективнее соотнести усилия голландцев и планы союзников, что дало бы тем и другим больше военных преимуществ.

ГЛАВА XXVI НОРВЕГИЯ

1. Этап 1942—1943 гг.

а) План деятельности на этом этапе

Мы уже знаем¹, что к концу 1941 и началу 1942 г. Англо-норвежский комитет по сотрудничеству прочно утвердился как лондонский Центр управления внутренней военной деятельностью в Норвегии. Оставалось совместно выработать план действий на следующую зиму. Мысль о тесном сотрудничестве была принята, но в начале лета 1942 г. кому-то все еще казалось, что в Норвегии смогут параллельно существовать две военные организации: одна — Внутреннего фронта и вторая (изолированно от нее) — сеть, созданная и поддерживаемая УСО и ротой Линге². К концу августа стало ясно, что к югу от района Тронхейма мо-

¹ «Манчестер гардиан» от 30 октября 1948 г. приводит данные голландского Центрального статистического бюро. Вот что сообщается:

Евреев угнано	104 000
Умерло в Германии насильственно вывезенных рабочих	27 000
Участников движения Сопротивления:	
казнено в Голландии	2800
умерло в концлагерях в Голландии	2500
умерло в концлагерях в Германии	18 000
Убито гражданских лиц в ходе военных действий	20 400
Вооруженные силы и торговый флот	7850
Лица не выявленной принадлежности	27 450
	210 000

¹ См. раздел 6 главы IX.

² См. «Норвегия — планы на будущее», датирован 5 июня 1942 г. копия в архивной папке УСО (ADS.1) F/130/17, том 1 «Норвегия - общее».

жет быть лишь одна организация, поддерживать которую совместно будут Лондон и Внутренний фронт¹.

Уже никто не спорил, что в такой редконаселенной стране, как Норвегия, двум организациям невозможно существовать без опасного наложения деятельности одной на другую.

Решение далось тем легче, что ему способствовало основательное развитие Внутреннего фронта, начавшееся весной 1942 г. и спустя некоторое время замеченное в Лондоне. Назначение Квислинга министром-президентом 1 февраля 1942 г. привело к целому ряду антинациональных мер «*Gleichschaltung*», которые даже самых степенных членов общины вовлекли в открытую оппозицию. Протесты церкви, университетов и школьных учителей обернулись преследованием и увольнением со службы. Именно из этих людей образовалось ядро гражданской организации, первоочередная цель которой — поддержка норвежцев, отказавшихся выполнять приказы Квислинга, защита их семей и спасение от голодной смерти. Поначалу в организацию входили профессиональные объединения — учителей, адвокатов, врачей, затем к ним присоединилась церковь. В течение 1942 г. в организации создалось весьма сильное центральное руководство во главе с комитетом в Осло, оно быстро освоило методику деятельности нелегальной оппозиции. Естественно, это развитие поставило перед лондонским правительством ряд крайне неудобных задач: фактически внутри Норвегии образовалось параллельное правительство, возможный источник зависти и обоюдного непонимания. Опасность такая полностью не исчезала никогда, а временами ее намеренно нагнетали те или иные фракции среди норвежской эмиграции². Однако сам норвежский король Хокон VII занимал надпартийную позицию, и его поддерживали все добродетельные норвежцы. К тому же здравомыслия хватало и той и другой стороне. В рождественские дни 1942 г. премьер-министр Нигаардсволд официально публично заявил, что вручит королю прошение об отставке правительства, как только Норвегия будет освобождена. Дабы убедить сомневающихся, он еще раз подтвердил свои слова об отставке в годовщину вторжения — 9 апреля 1943 г. О его позицию, как о твердую скалу, разбивались все более поздние разногласия в делах менее существенных.

¹ План от 21 сентября 1942 г.; копия в архивной папке УСО 6/110 «Норвегия — политика»; частично скопирована как Приложение «D» к «Норвежской истории УСО».

² Отчет полковника Уилсона на ту же тему датирован 15 августа (исх. SN.1162); копия в папке (ADS.1) F/130/17 Архива УСО.

Центральное руководство Внутреннего фронта, утвердившееся летом 1942 г., деятельно управляло Норвегией под очевидным наблюдением режимов Тербовена и Квислинга до самого освобождения. Гестапо часто наносило Фронту чувствительные удары, он не был свободен от внутренних передраг, но все равно оставался подлинным «параллельным правительством», под контролем которого действительно находились все сферы жизни страны. Замечательнее всего, наверное, то, что военная организация Фронта «Милорг» оставалась только военной и почти свободной от идеологий и политических пристрастий. Именно на «Милорг» нацелилось теперь УСО, и в Норвегии (как ни в одной другой стране) можно с этого момента проследить историю УСО, почти не обращаясь к политике.

Первые сведения о «Милорге» были получены в августе 1942 г. от офицера, направленного для этой цели в Осло генералом Ханстееном. Стало очевидно, что «Милорг» довольно успешно управляется с собственными делами и что не потерпит рядом с собой никакой соперничающей организации, во всяком случае, в основном районе — к югу от Трэнделага. Это был значимый фактор, с которым следовало считаться при подготовке плана на очередной этап. Не меньшую обеспокоенность вызывали у Внутреннего фронта и у норвежского правительства небольшие фракции «активистов» (они, как считалось, вдохновлялись коммунистами), которые, приравнивая так называемых партизан Норвегии к русским и югославским партизанам, шумно призывали к проведению боевых акций любой ценой. Даже в тех странах, где партизанское движение было мощным, не обходилось без споров о достоинствах и недостатках такой политики, а в Норвегии, где немцы за день-другой могли уничтожить почти все население, это было бы сушим безумием.

Однако поступки «активистов» в отличие от слов никогда не выходили за рамки, хотя всегда оставались источником раздражения. Осенью 1942 г. это побудило норвежцев открыто встать на позиции здравого смысла: по-настоящему координировать совместные планы и избегать ситуаций, которые могли бы нанести ущерб Норвегии. С апреля 1942 г. лейтенант Сьёберг из группы «Стрелец» с огромными трудностями создавал организацию в «тали» Норвегии, к северу от Трэнделага¹. 6 сентября в районе Майаватна завязалась перестрелка с немцами, перешедшая в небольшое сражение. Норвежцы действовали довольно успешно, однако вскоре немцы предприняли карательные акции

¹ См. раздел 6 главы IX.

против жителей крохотной деревушки Майаватн, а в октябре ввели чрезвычайное положение в районе Тронхейма и расправились с тридцатью четырьмя заложниками. Тут еще добавился рейд спецназа к Глом-фьорду 20 сентября и успех УСО у Фосдалена, что еще больше ожесточило немцев. Майаватн и другие успешные удары были продуманными и заранее спланированными военными операциями, и норвежцы восприняли гибель заложников как боевые потери. Однако всегда необходимо знать, что подобные жертвы не напрасны, и требовались доказательства этого.

С точки зрения британцев, имели значение три фактора. *Во-первых*, премьер-министр выказал нетерпеливое желание (имевшее отношение к предстоящей операции «Факел» и положению на Восточном фронте), чтобы на Западе проводилось побольше мелких налетов («стальная рука из моря»¹) и чтобы держать в напряжении немецкие гарнизоны. *Во-вторых*, имелся план экономической войны. В целом экономические ресурсы Норвегии были невелики, однако некоторые из них могли оказаться важными для Германии. Тяжелая вода для создания атомных реакторов по значимости превосходила все, но были и другие: молибден, пириты, абразивы. *В-третьих*, действия УСО в какой-то мере ограничивались присутствием германских кораблей в норвежских водах. Пока там «наличествовал флот», он связывал значительные военно-морские силы Британии, необходимые ей на Дальнем Востоке, а потому придавалось большое значение сбору разведанных о передвижении германских кораблей². Так что в целом у СИС имелось преимущество перед УСО на западном побережье, УСО ограничивали в использовании этой территории даже для транзита, и Управлению приходилось проявлять особую осторожность, избегая действий, которые могли бы навлечь опасность на источники информации СИС. Такое ограничение продолжало в той или иной мере сказываться, пока 12 ноября 1944 г. Королевские ВВС не потопили «Тирпиц» — один из самых мощных линкоров фашистской Германии.

В результате у УСО оказалось два главных направления деятельности: *первое* — готовить организаторов, инструкторов и радистов, предоставив их в распоряжение «Милорг» — для связи и подготовки «тайной армии» к намеченному сроку; *второе* — на-

¹ Речь м-ра Черчилля в Эдинбурге 12 октября 1942 г. Операция «Ночная рубашка», после которой узников заковали в кандалы, произошла 4 октября, «кандалный» приказ Гитлера был обнародован 7 октября.

² См. пункт 6 документа COS(43)142(0) от 20 марта 1943 г. (Директива УСО на 1943 г.).

правлять диверсионные группы на специально выделенные объекты. Группам надлежало тщательно избегать контактов с организациями на местах, действовать по возможности в военной форме; им следовало также позаботиться о том, чтобы не оставлять следов, по которым можно было определить, что работали «пришедшие со стороны». И как дополнение к этим двум — *третье*: желательно, чтобы УСО предприняло что-то и задействовало районы Северной Норвегии, где пока еще немного удалось достичь.

б) Взаимодействие с организацией «Милорг»

Здесь УСО сталкивалось не только с техническими трудностями подрывной войны, но и с психологической проблемой убедить «Милорг», что ее людям есть чему поучиться у молодых людей из роты Линге. Поначалу «чужаки» воспринимались лишь как источник опасности, поскольку понятия не имели, как жить в оккупированной Норвегии, в худшем случае их могли принять за провокаторов или пособников безответственных «активистов».

Зима 1942/43 г. выдалась очень суровой, шетландские рыболовные суда сильно пострадали и от штормов, и от неприятельских действий, наличных самолетов по-прежнему имелось мало, а значит, людей и грузов доставляли недостаточно. А психологическую проблему во многом удалось преодолеть. Ныне уже невозможно проследить, как именно это произошло, однако несколько случаев весьма показательны. Первый из них — операция «Комар»: налет среди бела дня на штаб-квартиру гестапо на Виктория-Террас в Осло. Налет был приурочен к празднованию Квислингем годовщины его режима в сентябре 1940 г. То была первая операция такого рода, понадобилось немало сил, чтобы убедить КВВС согласиться на нее. По счастью, она удалась. Бомбежку Виктория-Террас произвели очень аккуратно, потеряв всего один самолет. Жертв среди норвежцев было немного, но, по слухам, погибло около сотни гестаповцев. Охваченный страхом Квислинг укрылся в подвалах и к торжествам вернулся в некотором замешательстве. Важнее всего — окрепший дух норвежцев, они поверили, что совместные усилия приносят результат; Лондон осуществил именно то, чего хотел Внутренний фронт, к тому же в нужное время.

Это стало хорошим началом этапа, но многое зависело от работы, какую предстояло проделать военным служащим роты Линге, которых направили к «Милоргу». О двух таких группах

стоит упомянуть. Это «Баклан» (О. Дублонг и Торбьёрн Хофф, их сбросили с парашютом в Гудбрандсдал 29 ноября) и «Зяблик» (Стенерсен, Ольсен и Сандерсен, которые приземлились возле Драммена 24 января 1943 г.). Группа «Баклан» оставалась в горах до конца февраля 1943 г., занимаясь обучением людей «Милорга», на курсы прислали одиннадцать руководителей и пятьдесят девять рядовых бойцов. Курсантам учеба понравилась, а наставникам норманны показались людьми толковыми и смелыми. Группа «Зяблик» четыре месяца провела в районе Осло, ее рация стала первым прямым каналом связи с центральным руководством. Когда группа отбыла, «Милорг» сообщил: «Все трое продемонстрировали высокие технические знания и поразительные педагогические способности. Их забота о нашей безопасности вне всяких похвал». Как выразился полковник Уилсон: «FO IV (норвежское командование в Лондоне. — У.М.) и УСО одолели вершину горы»¹.

Остальные группы такого рода не удостоились подробного рассказа, хотя их работа того заслуживала, но нельзя не сказать: во многом благодаря им так быстро и четко прошла мобилизация «тайной армии» в мае 1945 г.

в) Смелые вылазки

Ответственность за нападения на особые объекты делилась между Командованием совместных операций и УСО, и трудно сказать, где тут пролегал рубеж. Однако, по счастью, обе организации по-доброму относились друг к другу: было здоровое соперничество, но никаких серьезных стычек. На счету УСО две успешные вылазки — на электростанцию в Глом-фьорде 20 сентября 1942 г.² и на пиритовый рудник «Сторд» 25 января 1943 г.³ — и одна неудачная операция с использованием планера на заводе тяжелой воды в Веморке 19 ноября 1942 г. Во всех трех случаях УСО имело непосредственное отношение и к разработке, и к проведению операции. Не менее важна была роль УСО и в попытке моряков атаковать торпедами («колесницами») мощный линкор «Тирпиц», укывшийся в извилах Тронхейм-фьорда⁴. Операцию решили провести на рыболовном судне

¹ «Норвежская история УСО», с. 99.

² «Спорыш» — «Единорог».

³ «Карикатура».

⁴ Полное описание операции «Титул» дано в Приложении I к «Норвежской истории УСО».

УСО «Артур». Правил судном старшина-рулевой Лейф Ларсен (впоследствии награжден орденом «Крест за боевые заслуги», медалями «За выдающуюся отвагу» и «За выдающиеся заслуги» на ленте), он скрытно провел его через все немецкие посты. «Артур» буксировал скрытые под водой «колесницы», но, к несчастью, на крутой волне буксир лопнул, и торпеды пропали. Несмотря на это, УСО получило благодарность от командования норвежских ВМС.

Самым большим успехом УСО явилось уничтожение запасов тяжелой воды в Веморке — единственном в Европе крупном заводе по ее производству. Эта великолепная история настолько подробно описана¹, что здесь можно ограничиться лишь перечнем дат и кратким пересказом событий.

Начало истории положило УСО в марте 1942 г., когда союзники уже знали о возможности появления атомной бомбы и понимали, каково в том смысле значение тяжелой воды. УСО предложили изучить возможности нападения на завод в Веморке (где немцы, что было известно, наладили ее производство). УСО среди тех, кто ушел из Норвегии с Оддом Стархеймом на судне «Галтесанн»², отыскало некоего Эйнара Скиннарланда, родом из тех мест, где располагался завод. Брат Эйнара, Тёрстен Скиннарланд, служил смотрителем на плотине, откуда Веморк получал электроэнергию. Эйнар (позже он получит кличку «Куропатка») прибыл в Англию 17 марта, а уже 28 марта после короткой подготовки его сбросили с парашютом в районе Хардангервидда. Там он жил и работал до освобождения, враги знали о его существовании, но поймать так и не сумели.

В июле 1942 г. на тяжелую воду нацелили спецназ КСО; были составлены планы нападения с использованием британского планера и при поддержке норвежцев. Передовая группа УСО в составе четырех человек («Ласточка») десантировалась 18 октября (после двух неудачных попыток в сентябре), ей с невероятными трудностями удалось пробраться в район Веморка и 9 ноября выйти на связь. Была размечена посадочная площадка для британской группы, которую должны были доставить два

¹ Об этом подробно рассказала британская пресса после того, как была сброшена атомная бомба на Хиросиму. В Норвегии об операции узнали из очерка «Norges Insatts i Atombombkrig» (анонимном, но достоверном) и из статьи Клауса Хельберга из группы «Ласточка» в «Norske Turistforenings Erbok» за 1947 г.

² См. раздел 6 главы IX (операция «Улыбы» в Вест-Агдере).

планера. Операцию начали 19 ноября при отвратительной погоде, один самолет и два планера разбились в Южной Норвегии далеко от цели, выживших в катастрофе немцы пристрелили.

Теперь противник знал, что завод является целью нападения, и задача намного осложнилась. Тем не менее УСО получило разрешение на еще одну попытку собственными силами, и группа в составе шести человек из роты Линге («Огневая позиция») начала подготовку к дерзкой вылазке. В январе случилась заминка, а 16 февраля группа успешно десантировалась на замерзшую поверхность озера Скриккен, в самом центре Хардангервидда. 23 февраля она установила связь с группой «Ласточка», которая находилась далеко в горах. Нападение было произведено в ночь на 28 февраля. Тут было все: долгий лыжный пробег, трудный (для идущих с тяжелой поклажей — оружием и снаряжением) спуск по скалам в ложину ниже завода, переход через горный поток. Немцы не ожидали нападения с этой стороны, вся охрана завода разместилась в караульном помещении, и, когда раздались приглушенные взрывы, охранники поначалу даже не поняли, что диверсанты орудуют в пределах внешнего ограждения. Группа, удачно справившись с делом, ушла незамеченной: пятеро из «Огневой позиции» благополучно возвратились через Швецию, Эйнар Скиннарланд остался на своем радиопосту, а остальные пятеро скрылись в разных районах Норвегии — все они пережили войну. Эта операция стала образцом мужества, смелости и находчивости.

Немцы прочесали Рьюкан и долину Веморка, перекрыли всю территорию Хардангервидда и едва не смели все вокруг, введя крупные силы. Видимо, они решили, что диверсия — дело рук «спецназа», и потому ничего не предприняли против гражданского населения. Теперь мы знаем, что уже тогда разработка германской атомной бомбы увязла в трясине «арийской науки», и потому диверсионная акция «Огневой позиции» не стала решающей операцией войны. И все же важно, что эта операция показала стратегические возможности диверсионной деятельности¹.

Позвольте отринуть хронологию и закончить рассказ здесь. Лондон был осведомлен о том, как продвигалась работа в Веморке, благодаря связям УСО. В конце лета 1943 г. УСО предло-

¹ История германских атомных разработок теперь довольно полно изложена в книге Гудсмита «Алсос, провал германской науки» (1947). В ней содержатся сведения, полученные Американской комиссией по расследованию.

жили подумать о повторном нападении, однако охрану завода еще больше укрепили, и УСО рассчитывало всего лишь на перебой в производстве из-за «нераспознаваемых» поломок. Тогда за дело взялись ВВС США, которые 16 ноября 1943 г. нанесли мощный удар, уничтожив 120 фунтов тяжелой воды и несколько замедлив ее производство. К несчастью, одна группа бомбардировщиков сбилась с курса и сбросила бомбы на фабрику удобрений в Рьюкане, из-за чего погибли несколько норвежцев. Несмотря на омрачившие успех обстоятельства, воздушный налет достиг цели: немцы наконец прекратили производство тяжелой воды в Веморке. Об этом 31 ноября сообщил в Лондон Эйнар Скиннарланд, а в феврале 1944 г. немцы подготовили к вывозу оставшиеся запасы тяжелой воды — около 3600 галлонов. Норвежцы были готовы предпринять все возможное, даже пойти на риск, чтобы перехватить груз. Были разработаны планы захвата транспорта в различных точках маршрута. Первый же из них принес удачу: 20 февраля Кнут Хаукелид (входил в состав «Огневой позиции») проскользнул на борт парового парома на озере Тиннсьё и установил там самодельную бомбу, которая взорвалась в назначенное время. Паром с грузом тяжелой воды ушел в пучину на глубине 200 саженей (свыше 360 м). Таков конец кампании, которая с марта 1942 г. велась непрерывно в течение двух лет.

Столь же технически успешными были и операции на крупных пиритовых рудниках в Оркла, южнее Тронхейма, хотя объект здесь был помельче. Во главе группы был лейтенант Питер Дейнболл, кавалер ордена «За безупречную службу» и Военного креста, сын инженера, руководившего работами на руднике. Первую диверсию он произвел в мае 1942 г.: с помощью двух соотечественников взорвал преобразователь и трансформаторную подстанцию, которая регулировала подачу электроэнергии на железнодорожную ветку между рудником и побережьем. В результате производство на руднике почти на полгода сократилось вдвое. В феврале 1943 г. Дейнболл предпринял еще одну попытку¹. На сей раз план состоял в том, чтобы заблокировать погрузку, затопив рядом с причалом какое-нибудь судно. Немецкое судно «Нордфарт» (5800 тонн) удалось подорвать минами-липучками, но его, к сожалению, успели оттащить на берег, так что погрузку всерьез нарушить не удалось. В третий раз Дейн-

¹ «Гранард».

болл вернулся в октябре 1943 г., надумав вывести из строя локомотивы на железной дороге для перевозки руды, поскольку проникнуть на рудник было невозможно. Диверсии производились дважды, 30 октября и 20 ноября, и по меньшей мере пять локомотивов были выведены из строя. Эта акция стала последней для Дейнболла: в ноябре 1944 г. он пропал без вести, как и самолет, на котором он летел, — но не последней в Оркла. В мае — июне 1944 г. группа, переправленная из Швеции, произвела серию блестящих вылазок, выведя из строя несколько локомотивов, наконец, в сентябре 1944 г. командир роты Линге в Осло подорвал локомотив, который ремонтировался со времени последнего дела Дейнболла.

Еще одну ювелирную операцию провели 7 октября 1942 г. на железорудных шахтах Фосдалена в Северном Тронделаге, в результате чего в течение трех месяцев руды там добывалось на четверть меньше. Случились и два несчастья: группа, посланная на Рёдсуннские железорудные шахты в Мёре в ноябре 1942 г., пропала бесследно, а в феврале 1943 г. со всем экипажем исчезла норвежская подводная лодка «Уредд», на борту которой находилась диверсионная группа, направлявшаяся на пиритовые рудники в Сулитъельме. Осталось рассказать еще об одной операции, результаты которой сказались позже и по-разному. Два проходивших боевую подготовку молодых норвежца Макс Манус и Греггерс Грам¹ занимались диверсиями на линиях судоходства². Хорошо зная Осло, они решили (инициатива исходила, скорее, от них самих, чем от УСО) воспрепятствовать судоходству на Осло-фьорде, используя минирование судов. Проект со всех точек зрения казался неосуществимым: узкая акватория фьорда была ярко освещена и тщательно патрулировалась. 12 марта молодых людей сбросили с парашютом возле Осло. Им удалось привлечь к делу нескольких своих друзей, не прибегая к услугам основной военной организации. И к 27 апреля скрупулезно рассчитанный план был готов. Двум группам предстояло произвести нападение с моря на четырех лодках, а третьей — работать на Акерской верфи, при этом устроить так, чтобы нападение с моря оказалось замеченным. Благодаря самообладанию и отчаянной смелости акция прошла успешно: мины удалось установить на «Остельсбург» (3600 тонн), «Тугелу» (5600 тонн),

¹ Манус был, что называется, перекаати-поле, до войны он вел развеселую жизнь в Южной Америке и вернулся, чтобы повоевать на финской войне. Грам изучал право в университете и был сыном мэра Осло.

² «Перышко I».

«Тайвань» (5500 тонн), еще на один сухогруз, поменьше, на новый минный тральщик и нефтеналивной лихтер. К сожалению, мины оказались невысокого качества: из двадцати двух взорвалось всего восемь, и противник потерял только «Остельсбург» и «Тугелу» (затонули), а также лихтер (поврежден). Возможно, сказались техническая неопытность норвежцев, однако это дело заставило заняться усовершенствованием мин.

Самая крупная операция данного этапа — «Кархэмpton», ее подготовили и обеспечили кадрами как нельзя лучше... и все же она провалилась. Планом предусматривалось, что Одд Стархейм (тот самый «Улыба», герой захвата «Галтесанна») высаживается возле Флекке-фьорда с группой из тридцати человек из роты Линге и десяти норвежских военных моряков, они совершают ряд диверсий на линии судоходства, затем присоединяются к группе спецназа КСО и действуют совместно, пытаясь нанести ущерб титановому руднику в Согдале, возле Йёссинг-фьорда. По этому случаю командующий войсками западного направления нанял китобойное судно «Бодё», и 1 января 1943 г. группа благополучно высадилась (после двух неудач в ноябре). Первая беда приключилась с китобоем: возвращаясь, «Бодё» напоролся на мину на траверсе Абердина и пошел ко дну, изо всей команды спаслись только двое, вместе с судном погиб и капитан 3 ранга Марстрандер, первый из норвежцев ставший членом Англо-норвежского комитета по сотрудничеству. «Кархэмpton» хорошо обосновалась на берегу, получила по воздуху необходимый груз, однако обе ее попытки (11 и 14 января) каким-то образом воспрепятствовать судоходству не удалось, и группе пришлось уходить в горы. Командование совместных операций назначило на 24 февраля вылазку спецназа для спасения группы, но ее вынуждены были отложить из-за штормов, и Стархейму пришлось самому думать, как спасти тридцать восемь бойцов (двоих уже переправили в Швецию). И это ему едва не удалось. С шестнадцатью бойцами Стархейм захватил каботажный пароход «Тромёйсанн» и ушел на нем в открытое море, однако на беду судно отыскал «фокке-вульф» и разбомбил. Погибли все, кто был на борту. Заместитель Стархейма с шестнадцатью бойцами благополучно спасся на рыбацком судне, а еще четверо остались наблюдать за Кнабеновскими молибденовыми рудниками — объектом будущего воздушного налета*. «Кархэмpton» оказалась

* Налет был успешно проведен норвежскими летчиками на «москитах» 3 марта 1943 г.

предприятием дорогостоящим и провальным. Но был и позитивный момент — выяснилось, что даже относительно крупные силы можно поддержать зимой в горах, но вряд ли имело смысл повторять попытку.

г) Северная Норвегия

Район Тронхейма был сложным во многих отношениях. Немцы здесь были сильны, однако проблеме безопасности уделяли внимания много, памятуя о важности района как военно-морской базы и транзитной территории и для подлодок, и для надводных кораблей. К тому же, в их распоряжении имелась известная организация норвежских осведомителей, которой управляли Ивар Гранде и Генри Риннан: эти негодяи «прославились» рядом предательств зимой 1942/43 г., которые серьезно навредили Внутреннему фронту в Трёнделаге, они же активно помогали гестапо. В декабре 1943 г. Гранде удалось успешно «ликвидировать» в Олесанне¹, а Риннан со своими приспешниками продолжал свое черное дело до самого конца войны, потому район Трёнделага не был подходящим для деятельности Внутреннего фронта.

Дальше к северу условия были еще сложнее. Норвежское население здесь малочисленно, внутренние коммуникации ограничены, а немцы чувствовали себя в этих местах раздольно. Коммуникации, связывавшие район с остальной Норвегией, находились в жалком состоянии, наверное, добраться сюда из Британии или Швеции было легче, чем с юга. Впрочем, и эти пути легкими не назовешь: шведы отмеряли свое сотрудничество в мелких благотворительных дозах.

Тем не менее вся эта территория вызывала большой стратегический интерес, и без внимания ее оставить было нельзя. «Талия» Норвегии, к северу от Трёнделага, для всех транспортных артерий была чем-то вроде горлышка бутылки: за ним находились Нарвик с его рудой, бесчисленные фьорды, где укрывались германские корабли, а также район базового сосредоточения генерала Диетля* и его альпийских стрелков, противостоявших русским на севере Финляндии. Первую попытку предприняли группы «Стрелец» и «Цапля» зимой 1941/42 г. Начало было неудачным: среди бойцов первой группы, высадившейся 17 де-

¹ «Норвежская история УСО», с.212.

* [Э. Диетль, 1890—1944 гг., командовал горными войсками в Норвегии с 1940 г., погиб в авиакатастрофе.]

кабря 1941 г., начались раздоры, а пополнение (людьми и снаряжением) все не поступало. Съёберг, командир, добрался до района Мушёэна только 15 апреля 1942 г., однако в сложнейших условиях замечательно поработал с помощью трех бойцов из роты Линге, создавая местную организацию. Во многом из-за неудачного стечения обстоятельств все это рухнуло после сентябрьской перестрелки в Маяватне: пятеро членов группы ушли в Швецию, четверо — в Англию, а Съёбергу пришлось действовать зимой в значительно ослабленном составе. Неудачи продолжали преследовать его: зима выдалась вьюжной, к тому же неприятель усилил бдительность (два судна УСО, пытавшихся доставить группе Съёберга припасы, пропали), — и наступило время, когда стало казаться, что надежды больше нет. Люди Съёберга не выдержали и ушли в Швецию, сам он остался и вывезен был только в мае 1943 г., когда на смену прибыла другая группа.

Уместно здесь продолжить рассказ об этой злосчастной территории. В январе 1944 г. Съёберг вернулся «в поле», и начался еще один период многообещающих перемен: на материке и на островах у него действовали четырнадцать человек, было время, когда в эфир выходили сразу три радиостанции. Однако неприятель нажимал сильно: Съёбергу приходилось все время передвигаться, и в мае 1944 г. он погиб в стычке с немецким патрулем. Все радиоконтакты были утрачены, большинство его людей ушли в Швецию. Это еще раз доказывает, в каких трудных условиях действовали группы. Лондон хорошо понимал это, но отступить не желал. В октябре 1944 г. была предпринята еще одна попытка. Она интересна тем, что группу вел британский офицер майор Дж. К. Адамсон, а в состав ее входили еще два англичанина: они были, наверное, единственными попавшими в Норвегию во время оккупации. Невезение сопровождало их повсюду: самолет не заметил сигналов встречающей группы, выброска с парашютами проходила на глазах неприятеля, а майор Адамсон, приземляясь, повредил ногу. У остальной группы не оставалось иного выхода, как тут же податься в Швецию. Адамсона схватили, но тут удача оказалась на его стороне: к нему отнеслись как к обычному военнопленному.

Мы помним, что дерзкая вылазка у Суритьёльмы в сентябре 1943 г. закончилась потерей норвежской подлодки «Уредд» со всем экипажем¹. Две удачные высадки произвели на Лофотен-

¹ См. с. 789.

ские острова с рыбацких судов в декабре 1942 и январе 1943 г. Однако два агента (профессионалы), вернувшись, заявили, что район этот слишком переполнен немцами, чтобы там можно было эффективно работать. Наконец, в марте 1943 г. сделали попытку проникнуть еще севернее, за Тромсё. Встречающая группа должна была прийти из Швеции, но этот план не удался. Рыбацкое судно «Браттхольм» шло из Англии без прикрытия. Его невероятное путешествие завершилось благополучно, однако оно не сумело уйти от немецкого патрульного катера, и вся группа пропала, кроме одного человека, ушедшего на лыжах в Швецию (он отморозил пальцы на ногах и выжил лишь благодаря поразительной выдержке).

Вряд ли можно еще что-либо добавить к рассказу о Северной Норвегии. Русские сделали, по-видимому, мало, да и эту малость сделали кое-как. УСС, подключившись к специальным операциям в Норвегии, выдвинуло смелые идеи использовать в партизанской войне в этих районах «специальные оперативные группы» из американцев норвежского происхождения. Однако задача эта потребовала бы больших ресурсов, что нелегко было даже для американцев, и в итоге лишь одна группа была направлена в марте 1945 г. в Северный Трэнделаг. Добилась она немного, но, во всяком случае, все остались живы. Нельзя не отметить, что ни одна из возможностей не была упущена, разве что свободное и полное использование шведской территории, — но в этом отказывалось почти до самого конца¹.

д) Обзор

Оперативный этап 1942—1943 гг. сложился не вполне удачно, однако, если оценивать положение в целом и в перспективе, то был этап продвижения вперед. Установилось деятельное сотрудничество с Внутренним фронтом в Норвегии, а Внутренний фронт проявил себя как политически крепкая и зрелая организация. В Лондоне Англо-норвежский комитет по сотрудничеству работал удачно, и американцы вполне успешно вписались в ситуацию². Триумвират полковника Ёена (норвежец), полков-

¹ См. рассказ о базах «Чашелистик» далее, в подразделе «б» раздела 3 этой главы.

² Документы о соглашении с УСС хранятся в папке 6/470 Архива УСО; см. также документы и протоколы КНШ марта 1943 г., когда соглашение было формально одобрено.

ника Уилсона (британец) и капитана 2 ранга Ветлесена (американец) объединяли личная дружба и согласие по основным вопросам. «В поле» несомненны были успехи в диверсионной войне, что признавалось в самых высоких инстанциях. Особенно ценным стало расширение рабочих каналов связи и поставок. Количество работающих раций никогда не было постоянным, но в августе 1943 г. их было одиннадцать (летом 1942 г. — шесть), и они почти покрывали территорию Норвегии — от района Мосьёна в Нурланне до самого юга¹.

Нельзя забыть и о потерях: шетландские рыбацкие суда совершили сорок переходов, из них всего двадцать три завершились благополучно, а потери составили шесть судов и тридцать человек. Команды добровольцев отказывались выходить в море при таком уровне потерь, и в штабах считали, что они правы. В какой-то мере ситуация на море уравнивалась воздушно-десантными операциями: были доставлены двадцать восемь человек и необходимые грузы (больше по сравнению с 1941—1942 гг.). Однако погодные условия и гористая местность не позволяли сделать воздушные поставки регулярными: в среднем три-четыре ночи в месяц выдавались такими, когда погоду можно было назвать летной, потому было велико число неудачных вылетов.

2. Этап 1943—1944 гг.

Как обычно, лето для Лондона (если не для Внутреннего фронта) означало затишье, и это время использовалось как для составления планов, так и для технической подготовки. Новый план прежде всего основывался на Директиве КНШ на 1943 г.², в которой Норвегия не относилась к числу приоритетных стран, зато намечалось продолжить промышленные диверсии и проводить небольшие партизанские акции, дабы заставить противника побольше внимания уделять безопасности. За лето яснее обозначились и другие факторы.

Стало совершенно очевидно, что Норвегия не будет объектом вторжения союзников, как намечалось зимой 1941/42 г. Это выявилось после успеха операции «Факел», так что задача группы «Милорг» изменилась — возможно, даже стала труднее. Эта военная организация должна сохраниться, должна организовыв-

¹ «Норвежская история УСО», с. 130.

² См. пункт 12а документа COS(43)142(0) (Директива УСО на 1943 г.).

вать, обучать и снабжать себя сама, должна действовать достаточно эффективно, чтобы поддерживать моральный дух как своих войск, так и населения.

В феврале Квислинг ввел в Норвегии трудовую повинность, дабы удовлетворить германский спрос на рабочую силу. Повсюду в оккупированной Европе такие действия активизировали действия отрядов Сопротивления, например, так было во Франции или в Италии, но в Норвегии едва ли стоило ожидать появления маки в горах: условия чересчур суровые, население малочисленное. Значит, трудовой повинности не избежать, и это тяжело отразилось на душевном состоянии норвежцев.

В марте 1943 г. был распущен отряд спецназа № 14 на Шетландских островах, закончились крупные вылазки и рейды. Зато все еще проводились промышленные диверсии, подходящие для небольших групп. Сохранялась вероятность, что потребуются диверсии на железных дорогах, чтобы задержать немецкие войска, пытающиеся противостоять высадке союзников во Франции. Ну и, самое главное, оставалось еще и судоходство, которое в конечном счете станет основной мишенью на этом этапе. Разные факторы подталкивали к этому. Министерство экономической войны сообщало о заторах на судоходных линиях немцев. На Шетландских островах увеличилось число торпедных катеров в распоряжении начальника штаба Адмиралтейства, технические разработчики УСО как раз заканчивали изготовление двух новых устройств: одноместной подлодки «уелман» и специальной шлюпки. Ну и, наконец, не последнее значение имел блестящий успех Макса Мануса и Греггера Грама в Осло-фьорде в апреле 1943 г.

Некоторые из этих факторов были учтены при составлении всеобъемлющей совместной Директивы, представленной полковником Уилсоном 23 июня¹.

Впрочем, прежде всего беспокоило, чем заменить шетландский флот из рыбацких судов. Вывернули наизнанку все корабельные ресурсы Королевского ВМФ, но безрезультатно: не нашлось ничего, что и по размерам было бы невелико, но обладало подходящей скоростью и мореходными качествами. А ведь флот был весьма заинтересован в том, чтобы найти подходящие корабли, поскольку сам зависел от линий связи, по которым поступали разведанные первостепенной важности. Так удачно

¹ Копия в папке 6/470 Архива УСО. Более краткое изложение на с. 123 «Норвежской истории УСО».

сложилось, что помог адмирал Старк*, военно-морской представитель США в Лондоне: благодаря его влиянию (вкпе с воздействием УСС, командования американских войск на Европейском театре войны и норвежско-американского общественного мнения) удалось вырвать у ВМФ США три противолодочных корабля (ПЛК). Скажу без иронии, что этим практически и ограничился вклад США в подрывную войну в Норвегии, но вклад был очень значительный. Три корабля доставили в назначенный день — 6 октября 1943 г., — само по себе чудо на том этапе войны. 13 октября норвежские рыбаки начали осваивать ПЛК, а к 28-му они уже почти овладели всяческими премудростями, и 17 ноября корабли вышли на первую морскую операцию этого этапа. Корабли получили названия «Хесса», «Хитра» и «Вирга», их включили в состав Королевского норвежского военно-морского флота. ПЛК оказались вполне подходящими для возложенных на них задач: хорошо вооруженные, быстроходные, отличные мореходы и нешумные, они до самого конца войны надежно несли свою службу. Стоит привести данные о том, что было сделано экипажами и агентами в ходе двух этапов:

Количество операций	109
Из них неудачных	15
Количество агентов, высаженных на берег	135
Количество агентов, вывезенных из страны	46
Количество эвакуированных беженцев	243
Припасов доставлено на берег	157 тонн

Это большие цифры для Норвегии, их можно сравнить с данными воздушных поставок в те же два этапа, когда самолетов вполне хватало:

Успешные самолето-вылеты	696
Агентов сброшено	171
Контейнеров сброшено	9537
Упаковок сброшено	2717

Потери составили двадцать пять британских и американских самолетов. Оба способа доставки дополняли друг друга, и воз-

* [Гарольд А. Старк, 1880—1972 гг., командующий военно-морскими операциями США в 1939—1941 гг., представитель Рузвельта в Лондоне в 1942—1945 гг.]

душный в данном случае не мог бы заменить морской. В частности, в Норвегии (за исключением редких случаев с использованием гидропланов) только морем можно было вывезти людей в Соединенное Королевство. Множество жизней были спасены таким образом.

В рассказе об операциях первостепенное внимание необходимо уделить акциям, связанным с нарушением линий судоходства, хотя особого успеха они не имели. Общий замысел состоял в том, чтобы различного рода ударные группы нападали на суда в гаванях и на внутренних акваториях и вытесняли их в открытое море — под удары торпедных катеров союзников. Нападения совершались разными способами:

- 1) вылазки бойцов из роты Линге на специальных шлюпках, созданных для них УСО («След»);
- 2) нападения «уелманов», одноместных подлодок, созданных УСО, — личный состав для них предоставлял как ВМФ, так и УСО («Барбара»);
- 3) операции с торпедами-«колесницами», проводимые ВМФ при содействии УСО с берега.

Общее руководство всеми этими операциями осуществлялось начальником штаба Адмиралтейства (военно-морских сил).

Группы «След» работали в две серии. Группы «След» I, II и III в начале сентября были высажены с флотских торпедных катеров и «поохотились» успешнее, чем последующие. У «Следа II» ничего не получилось в Аскевольде, зато «След I» заминировала 2700-тонное судно в Норд-Гулен-фьорде, а «След III» — судно водоизмещением 6600 тонн в Олесаннской гавани. К сожалению, оба судна удалось вытащить на берег раньше, чем они затонули. Все три группы благополучно вернулись. После этих частичных удач непогода разыгралась настолько, что высадки с торпедных катеров стали невозможны, и операции возобновились только в марте 1944 г. с использованием противолодочных кораблей УСО и самолетов. Перечень таков:

5 марта	«След IV»	на ПЛК до Эгерсанна
16 марта	«След XII»	на ПЛК до Мальма
31 марта	«След V»	на ПЛК до Сагваага — и далее в Сторд
31 марта	«След XIV»	на самолете до Фредрикстада
12 апреля	«След VIII»	на ПЛК до Согне-фьорда.

Ни одна из этих групп не смогла совершить успешную акцию, и их благополучно вывезли.

Как можно понять, различные планы военно-морских операций с торпедами-«колесницами» тоже не удались, и общий счет побед не изменился в сравнении с тем, чего добились «След I» и «След III» в сентябре. Частью это можно объяснить плохой погодой, но в этом не было ничего необычного для зимы в Западной Норвегии, так что какой-то изъян, видимо, коренился в самих замыслах. Тщательная подготовка и громадные технические ресурсы дали результаты куда менее значительные, чем те, каких достигли и прежде, и потом Макс Манус и другие. Вероятно, дело в том, что лучше всего условия для дерзких вылазок такого рода способна использовать группа, у которой есть возможность вести наблюдение почти непрерывно. Такой группе верно подобранное специальное оборудование будет весьма полезно, однако профессиональные навыки не заменишь ничем.

Если не считать операций на линиях судоходства, диверсионная деятельность извне шла на спад. 21 ноября провели хорошую операцию, в результате которой были взорваны трансформаторы на заводе по производству карбида кремния в Арендале. Великолепно удались два нападения в Оркла, о чем уже говорилось¹. Велась также подготовка к железнодорожным диверсиям в помощь операции «Владыка», которые, однако, так и не осуществились². Четыре группы прошли особую подготовку и с огромным трудом вышли «в поле» (две — в октябре 1943 г. и две — в апреле — мае 1944 г.), на позицию, дававшую доступ к железной дороге из Тронхейма в Осло и ее ответвлению на Андалснес. «Норвежская история» сообщает: «Группы пришлось держать в замороженном состоянии (до некоторой степени в буквальном смысле)», когда же наконец в начале 1945 г. пришла пора диверсий на путях, их проводила в основном организация «Милорг», располагавшая к тому времени всем необходимым. И все же направленность плана по отношению к общей стратегии была здоровой, и его нельзя списывать со счетов как бесполезный только потому, что его так и не осуществили».

Одна из причин снижения количества операций — требования, которые выдвигались планом нарушения судоходства. Другая — появление у «Милорг» эффективного ударного отряда, усиленного бойцами роты Линге, которые работали с ним в тесном контакте. Отряд действовал не только в Осло, одна из его ипостасей — компания «Норик (Осло)» — «Норвиджиан инде-

¹ См. с. 788.

² «Норвежская история УСО», Приложение «G».

пендент компани (Осло)», — у которой имелись некоторые основания считать себя лучшим диверсионным отрядом в Европе. На этот титул мог претендовать отряд «Аполлона» в Пирее.

«Норик (Осло)» появилась почти незаметно зимой 1943/44 г., ее существование не входило ни в один из планов Лондона, возможно, и «Милорг» ее тоже не задумывала, во всяком случае, в том виде, какой компания в итоге приобрела. Входили в нее сотрудники УСО из роты Линге, которых забросили поначалу совсем для других целей и которые сошлись в Осло. В ноябре 1943 г. в Осло вернулись Кнут Хаугланд (в прошлом он входил в группу «Ласточка» в Веморке) и Гуннар Сёнстеби (его обычно звали «Эрлинг Фиельд»), которые по поручению «Милорг» держали под контролем маршруты для курьеров в Швецию. Хаугланд намеревался стать радиоспециалистом для центрального руководства «Милорг», а Сёнстеби — специалистом по маршрутам курьеров и общим «доверенным лицом» в Осло. Макс Манус с Греггерсом Грамом уже вернулись в октябре, успев в Англии закончить школу Хаскетта по курсу политической войны¹, и теперь с воодушевлением взялись за пропаганду. Их основное задание состояло в том, чтобы помогать норвежской пропаганде, стремившейся подорвать моральный дух немцев, однако ничто не мешало им строить собственные планы нападений на линии судоходства.

Возможно, причиной объединения групп в ударный отряд стала необходимость жестко ответить на программу трудовой мобилизации Квислинга. Впервые попытались что-то сделать весной 1943 г.: мобилизации в определенной мере помешали пассивное сопротивление населения и диверсии на биржах труда в мае того же года. В августе 1943 г. Квислинг ужесточил программу по мобилизации и принял меры для наказания непокорных, в Осло за противодействие мобилизации был казнен шеф гражданской полиции, а затем в полиции и в квислинговской гвардии («Hird») ввели военную дисциплину, началась охота на офицеров норвежских вооруженных сил, остававшихся на свободе. В ответ на эти меры последовал хорошо организованный контрудар — как силами пропаганды по Би-би-си и нелегальной печати, так и очередной серией направленных акций против машины трудового призыва. Акции координировались по всей Южной Норвегии, но столица страны, естественно, имела решающее значение, а лучшее, чем располагала «Милорг» в

¹ См. ранее подраздел «г» раздела 3 главы XV.

Осло, — это бойцы роты Линге. Под командой Сёнстеби обе группы (еще двое бойцов, которые в ноябре провели блестящие нападения в Арендале¹) начали серию акций с целью разладить работу механизма трудовой мобилизации в Осло: выкрадывали и уничтожали картотеки, забрасывали гранатами конторы, взорвали единственную в Осло машину для сортировки карточек. Значительную помощь этим акциям оказывали пассивное сопротивление огромного большинства населения и активные действия добровольцев из «Милорг». Вдохновителями же являлись Сёнстеби и «Норик (Осло)», которым не приходилось рассчитывать на силы большие, чем одиннадцать бойцов роты Линге (двоих из них потеряли в ноябре 1943 г.). Они сражались с врагом более восемнадцати месяцев, и каждый день мог стать последним из-за неутомимого и деятельного Фельмера, руководившего гестапо в Осло.

Зимой 1943/44 г. главное внимание «Норик (Осло)» сосредоточила на трудовой мобилизации; как можно предположить, к весне 1944 г. немецкая программа дала явные сбои не только из-за уничтожения документации, но и из-за тихого сопротивления каждого норвежца.

Что касается Мануса с Грамом, то они вели и свою личную войну на линиях судоходства. В феврале 1944 г. они заминировали и потопили в гавани Осло новенький, только-только спущенный на воду 500-тонный патрульный корабль. В июне им удалось проскользнуть в подвал под одним из причалов Осло, там они провели три дня, дожидаясь прибытия 18 000-тонного судна для транспортировки войск «Монте Роза». Семь мин закрепили смельчаки едва ли не под носом немецкой охраны — увы, вновь подвела техника: небольшой ущерб, возможно, и был причинен, но задержка судна была не долгой. Тем временем Манус с Грамом изготовили (с помощью друзей) самодельную переносную торпеду — очень хорошо задуманное устройство для нападения на суда в узких водах. В августе они вышли с торпедой на байдарке в Осло-фьорд и нанесли удар по немецкому эсминцу, который получил серьезные повреждения. Манус очень сожалел, что разработчики в Лондоне не заинтересовались их торпедой, не помогли выпустить ее в надлежащем техническом исполнении. И верно, такое устройство было бы куда безопаснее для диверсанта, чем одноместные подлодки, уходящие под воду спецшлюпки, гидрокостюмы для подводных пловцов и про-

¹ См. с. 798.

чие изобретения. Верное содружество раскололось в ноябре 1944 г.: Грама и Таллаксона — тоже из «Норик (Осло)» — залучили в ловушку, пообещав связать с немцем, который поможет им вести подрывную работу среди немецких войск. Грама убили на месте, Таллаксен умер в тюрьме. Манус в то время был в Стокгольме, но он бsrнулся, горя желанием отомстить. Последнюю и лучшую свою акцию он провел в январе 1945 г., отыскивая «помощника». Вновь миновав сторожевые посты в гавани Осло, он при свете прожекторов установил мины. Главной мишенью было судно для перевозки войск «Данау» (9000 тонн), которое на следующий день, доверху груженное, пошло ко дну в Ослофьорде. Его оттащили к берегу, так что из воды только нос торчал, все военное снаряжение пропало, видимо, значительными оказались и людские потери. Оставшуюся мину Манус успешно использовал против судна «Роландсек» (1800 тонн) — его, правда, удалось вытащить на берег.

Позже мы еще вернемся к событиям 1944—1945 гг. в Осло, на этапе же 1943—1944 гг. тихая организационная работа была почти так же важна, как и диверсионная, но о ней рассказывать не так-то легко, разве что просто цифрами. В августе 1943 г. работало одиннадцать раций, в конце мая 1944 г. их было двадцать шесть¹, число полученных радиосообщений возросло с девяти в августе 1943 г. до 243 в мае 1944 г.² Случались еще и неудачи, и утраты, но все неуклонно шло к одному: то, что некогда представлялось невозможным и рискованным, становилось системой.

Еще одним существенным фактором стало то, что шведы наконец-то понемногу «набрались мужества». В августе они сильно урезали квоты на транспортировку немецких войск и военных материалов через Швецию в Норвегию — закон о строгом нейтралитете в силу еще не вступил, но, во всяком случае, он обозначил сопротивление, на которое немцы ничем не ответили. Почти тогда же впервые пошла речь о создании и подготовке небольшого отряда норвежской полиции в Швеции. Норвежцев там жило много, самый короткий путь в Норвегию пролегал через Швецию, и было бы важно иметь там надежные силы, которые легко перебрасывались бы на место в случае краха немцев. План этот сопровождался политическими трудностями: скажем, Стокгольм

¹ «Норвежская история УСО», с. 173. В Приложении «М» дается схема радиопередающих станций в 1941—1945 гг.

² «Норвежская история УСО», Приложение «М».

намеревался стать норвежским центром, соревнуясь с Лондоном; беспокойно было в проходивших подготовку полицейских войсках. Однако выгоды от перемены в настроениях шведов были огромны, существенно было и то, что наконец-то стало улучшаться воздушное сообщение между Шотландией и Стокгольмом, — и в октябре 1943 г. в Швецию прибыло новое представительство УСС/УСО. Главной заботой этого представительства была Германия, его интерес к Норвегии ограничивался только ее северной частью, однако дополнительные людские ресурсы (особенно в сфере радиосвязи) стали подспорьем для УСО в Стокгольме — его люди до этого весьма натерпелись от пристального внимания шведской полиции.

3. Последний этап

Летом 1944 г. не было совсем свободно от операций, все тот же энергичный американец норвежского происхождения полковник Балчен провел несколько дневных вылетов с доставкой грузов на север на американских «либерейторах». Однако это едва ли нарушило летне-зимний ритм, ставший уже привычным для работы в Норвегии. Новый этап ставил новые задачи. Этап 1942—1943 гг. утвердил новую систему сотрудничества. Этап 1943—1944 гг. продемонстрировал, как работает эта система, неуклонно развиваясь. Было очевидно, что этапу 1944—1945 гг. предстоит стать завершающим и победным.

Как только высадка в Нормандии завершилась успехом, стало ясно, что Германия повержена и что никакого фронтального наступления союзников на Норвегию не будет. Полный вывод германских войск из Норвегии казался сомнительным и, возможно, неосуществимым. Речь могла идти о двух вероятностях: *либо* капитуляция Германии затронет и Норвегию, *либо* там после падения Германии немцы создадут свой последний северный бастион. Есть некоторые свидетельства (помимо утверждений германской пропаганды), что план создания такого бастиона существовал. Однако трудно поверить, что он мог бы быть осуществлен, поскольку летом Норвегия совершенно открыта со стороны Швеции, и даже если (как выразился полковник Уилсон) «шведы оставались бы шведами до конца», они разрешили бы союзникам вести военные действия с их территории после того, как германский рейх рухнул. Держать в полной готовности

союзные экспедиционные силы никто не собирался, а потому не приходилось рассчитывать на подход войск союзников, за исключением весьма немногочисленных частей. По меньшей мере это могло произойти в течение месяца, а возможно, и позже. Между тем «Милорг» оказывалась почти один на один с немцами — как впоследствии выяснилось, в Норвегии на момент капитуляции находилось 365 000 немецких солдат, а также 85 000 русских пленных, истощенных и изможденных тяжелым трудом. Полная мобилизация давала «Милорг» только 40 000 человек, четверть из них все еще не имели оружия, а остальные располагали только легким стрелковым оружием. Главной задачей, следовательно, становилась оборона, но призывать «Милорг» к наступательным действиям было бы опрометчиво.

Здесь, как и повсюду, УСО провело радикальную реорганизацию на последней стадии войны. Норвежский отдел (как и вся западноевропейская структура УСО) вошел в Штаб Специальных войск, когда тот был создан при ШЭВС 1 мая 1944 г. Сумятица, возникшая в результате этого в старых помещениях, позволила полковнику Уилсону в июле 1944 г. перевести свой отдел в новое здание на Оксфорд-сквер. До того британцы, американцы и норвежцы не могли работать под одной крышей, не создавая прецедентов для других союзников; совместные встречи проводились только в квартирах отдела на Чилтерн-Корт, что было неудобно. Теперь это затруднение отпало. Основным связующим каналом в военных вопросах стал не ШЭВС как таковой, а генерал сэр Эндрю Торн* из Шотландского командования, который в ШЭВС отвечал за планирование действий союзников в Норвегии — как командующий Отрядом 134, Союзными сухопутными силами в Норвегии. Подполковник К.С. Хэмптон, начальник Норвежской школы в Кэрнгормсе, был назначен офицером связи при Шотландском командовании, он же стал командиром частей Специальных войск, которые придавались Отряду 134¹.

Появились смешанные британские и американские группы, подобные тем, что хорошо себя показали на других фронтах вой-

* [Сэр А. Торн, 1885—1970 гг., военный атташе в Берлине в 1932—1935 гг., командующий Шотландскими войсками в 1941—1945 гг., введен в рыцарское достоинство в 1942 г. См. статью его сына, сэра Питера, в сборнике «Разведка и национальная безопасность», с. 300—316 (июль 1992 г.).]

¹ Подробно о подразделениях СВ можно прочесть в Приложении «Р» к «Норвежской истории УСО».

ны. Групп было пять (в дополнение к штабной группе подполковника Хэмптона в Осло), предназначались они для Восточной Норвегии, Тронхейма, Бергена, Ставангера и Кристиансанна (юг), в каждой был норвежский офицер связи. Еще три подразделения намечалось сформировать позже — для работы с полицейскими батальонами, выдвигающимися из Швеции в Осло, Тронхейм и Нарвик.

Теснее стали и связи с Внутренним фронтом. Связь через Стокгольм (и по радио, и курьерская) стала теперь регулярной и редко прерывалась, вдобавок относительно легче устанавливались и личные контакты. В марте 1944 г. в Швецию прибыл полковник Ёен для встречи с представителями центрального руководства, в августе Йенс Кристиан Хауге¹, молодой адвокат, ставший руководителем организации «Милорг», отправился в Лондон для консультаций и вновь вернулся в Англию в ноябре вместе с Сёнстеби из «Норик (Осло)». Наконец, полковник Ёен весной 1945 г. надолго прибыл в Стокгольм. Эти взаимодействия совпали с назначением в июле 1944 г. наследного принца Улафа* главнокомандующим всеми норвежскими вооруженными силами, а еще с апреля 1943 г. Улаф возглавлял норвежскую военную миссию при ШЭВС², и новое его назначение давало большое политическое преимущество.

Общий план освобождения Норвегии от оккупации требовал особой деятельности, соответствующей меняющимся обстоятельствам. Основная направленность его была оборонительной, однако следует вначале рассмотреть менее важную наступательную часть, поскольку все остальное ведет непосредственно к решающему дню мая 1945 г.

а) Наступательные действия 1944—1945 гг.

Провели всего одну серию операций извне, используя «Спящую красавицу» — уходящую под воду моторную лодочку, которую УСО сконструировало по запросам КСО еще в 1942 г. Устройство выглядело прекрасно, но операциям «Саламандра», в которых оно использовалось, повезло не больше, чем «Следу» с «Барбарой» в 1943—1944 гг., — и по тем же причинам. В море

¹ Позже — министр обороны.

* [Род. в 1903 г., наследовал Хокону VII как король Норвегии Улаф V в 1957 г.]

² COS(43)90-е заседание, пункт 7, от 12 апреля.

вышли для проведения всего двух операций: одной — в Молёй, а другой — в Тронхейм-фьорде, — и обе не удались из-за обстоятельств, которые невозможно было предусмотреть в Англии. Позже вода стала слишком холодной для очередных попыток, и оборудование больше не использовалось.

Что касается внутренних операций, то пригодилась несколько переименованная прежняя установка. В ряду приоритетов Лондон выше всего ставил сохранение организации «Милорг». Руководство на месте, охотно соглашаясь с таким подходом в принципе, все же беспокоилось о моральном духе своих людей, которые чересчур долго находились в бездействии. Норвежцы требовали разрешения на активные действия и выполняли их с особым рвением.

Со стратегической точки зрения крупнейшей задачей являлось причинение помех немецким подводным лодкам, которые все еще представляли серьезную опасность для союзников. Сами подлодки были недоступны, зато уязвимы их базы снабжения горючим. Боевые акции начались в августе 1944 г. с нападения на нефтехранилище в Сооне на Осло-фьорде, где находилось 700 тонн газойля и 4000 тонн дизельного топлива. В течение двух месяцев следовали одно нападение за другим: с августа по октябрь 1944 г. проведено было двадцать успешных нападений, в результате неприятель потерял миллионы литров нефтепродуктов разных видов¹. Затем темп несколько спал; с ноября 1944 г. и до конца войны было проведено еще девять успешных акций, в том числе и акция силами «Норик (Осло)», в результате было уничтожено 360 000 литров горючего в хранилище компании «Шелл ойл». Таков один из способов постоянного нажима. Отнюдь не меньше доблести в акции, которую собственноручно осуществил служащий торпедного склада в Хортене, установив взрыватель замедленного действия. Взрыватель сработал через двадцать восемь часов, и на воздух взлетели 184 торпеды и 53 тонны зарядного вещества вместе со складскими постройками, казармами, мастерскими. Уничтожено было и много живой силы противника. Произошло это в январе 1945 г., когда же военные действия закончились, у немцев в юго-восточной части Норвегии оставалось всего пять годных торпед.

Еще одна значительная акция произошла в конце 1944 г., когда поступили сведения, что немцы распорядились собрать и вывезти запасы подшипников из Норвегии. «Милорг» получила

¹ «Норвежская история УСО», Приложение «J».

задание и успешно выполнила его — тремя смелыми акциями она уничтожила все склады с подшипниками «SKF» в Норвегии.

«Милорг» вообще всегда была готова к диверсиям, но ШЭВС порой неохотно шел на риск ради того, чтобы диверсиями на железных дорогах сдерживать отвод немецких войск. 26 октября 1944 г.¹ штаб все же согласился на ограниченные действия, преимущественно для поднятия морального духа норвежцев. Это означало воскрешение планов, которые были составлены накануне дня «Д», а потом отложены², подготовку и заброску особых групп: три из них отправились осенью 1944 г., а еще три — в марте 1945 г.³ На сей раз подготовка строго увязывалась со стратегическими потребностями. ШЭВС, стремясь задержать немецкие войска в Норвегии, чтобы их не передислоцировали на Рейн, 5 декабря потребовало «максимально возможных диверсионных действий на железных и шоссейных дорогах при сохранении сил норвежского Сопrotивления на уровне, достаточном для исполнения его основной роли»⁴. Активные действия начались сразу же и велись до самого конца: с декабря по апрель совершено сорок две крупные операции, а также множество более мелких диверсионных акций. Стоит особо упомянуть обширную согласованную атаку на железные дороги 14 марта, в которой приняли участие более 1000 человек по всей Южной Норвегии, а также уничтожение бойцами «Норик (Осло)» контор немецкого управления железными дорогами в Осло. По оценке ШЭВС, совокупные диверсионные действия норвежцев и датчан понизили уровень передислокации немцев с четырех дивизий до одной дивизии в месяц⁵ — замечательный результат.

Что до судоходства, то самым заметным событием (не считая деятельности Мануса⁶) стала смелая вылазка, осуществленная в ноябре 1944 г. портовыми рабочими в Осло (на руководство ею не претендовали ни Лондон, ни «Милорг»), которые взорвали или иным способом повредили шесть судов общим водоизмещением 35 000 тонн.

В ходе самого удачного воздушного налета в августе 1944 г. в Осло были уничтожены двадцать восемь фюзеляжей «мессер-

¹ SHAEF/17240/4/Ops(C) от 26.10.42; копия в архивной папке УСО «AD/E Норвегия».

² См. с. 1018.

³ «Норвежская история УСО», Приложение «G».

⁴ «Норвежская история УСО», с. 208.

⁵ «Норвежская история УСО», Приложение «G», с. 4.

⁶ См. с. 800.

шмиттов» и 150 авиационных двигателей, совершались также налеты на предприятия по ремонту самолетов и на склады.

Помимо этих стратегических целей, указанных Высшим союзным командованием, постоянным нападениям подвергались промышленные предприятия, военные склады, административные здания (объекты подбирались самой «Милорг»), что свидетельствовало об утрате немцами контроля за обстановкой.

В заключение еще один, завершающий, эпизод. 2 мая 1945 г., когда с оккупантами уже было покончено, Сёнстеби с четверкой бойцов, переодевшись в форму полицейских, зашли в министерство юстиции и полиции, вслед за ними во двор въехал грузовик с шестью бойцами. Тихо, соблюдая полный порядок, погрузили они две тонны документов и большой стальной сейф из канцелярии квислинговской полиции безопасности, а также около полутонны документов из архивов министерства юстиции. Группа преспокойно уехала, увозя с собой ценные свидетельства и материалы, относящиеся к периоду правления в стране квислинговского правительства.

б) Оборона

Однако если бы немцы решили оказать ожесточенное сопротивление, «Милорг» мало что смогла бы сделать, разве что сколько возможно защищать норвежские ресурсы до подхода союзников. К этому следовало быть готовыми.

Главное — укрепить и поддержать группы «Милорг», улучшив линии связи и снабдив оружием. В январе 1945 г. число раций, работавших в эфире, достигло сорока трех, ко дню победы в Европе их было уже шестьдесят девять, хотя еще в марте гестапо уверяло свое начальство, что у Внутреннего фронта нет связей с Лондоном. Транспортировка по воздуху и по морю не прекращалась, грузы доставлялись достаточно быстро, к концу войны у норвежцев хватало легкого оружия для 30 000 человек.

Окружные и районные организации «Милорг» удалось сохранить. Мало того, появился план создания «баз «Милорг»¹ в горных районах, чтобы можно было поддерживать и снабжать крупные объединения — по аналогии с «партизанскими зонами», которые существовали в других странах. Возможно, для их укомплектования людьми хватило бы уклоняющихся от трудовой мобилизации. Преимущества таких баз очевидны, хотя, конечно же, велика

¹ «Норвежская история УСО», Приложение «N».

была опасность случайных стычек с немцами, что уже приводило к тяжким потерям среди партизан во Франции и в Италии. Имелась и особая трудность: норвежская зима. Из шести запланированных в августе 1944 г. баз создали три: «Элг» — примерно в 100 километрах к северо-западу от Осло, «Варг» — в Сетерсдальских горах на юго-западе и «Бьёрн Вест» — в 120 км от Бергена. Специальные группы десантировались в эти места, чтобы создать базы, и зимой люди стали собираться, жаль только, что заказанная в Америке полярная одежда не прибыла вовремя. Общая численность: 500—600 человек — в «Элг» и по 150 — в «Варг» и «Бьёрн Вест». К счастью, кроме небольших стычек с немцами, боевых действий не произошло. Когда наступило время капитуляции, базы оказались полезным резервом обученных и дисциплинированных людей, имеющих запас оружия. Конечно, пользы от баз было бы намного больше, решишь неприятель оказать сопротивление.

Еще одно новшество стало возможным благодаря взрослому сотрудничеству со шведами. Речь идет о плане «Чашелистик», цель которого — создать на севере шведской территории приграничные базы, контролируемые в основном бойцами роты Линге с привлечением норвежцев, завербованных в Швеции. Две из них были созданы в августе 1944 г. — одна на границе с Финнмарком, другая на подступах к Нарвику, — а в марте 1945 г. прибавилась третья — на границе с Нурланном, подальше к югу. Задачи ими решались обширные: разведка, вылазки, помощь беженцам. И все же, как оказалось, больше всего они пригодились, когда немцам пришел конец: в высшей степени полезным оказалось наличие на местах небольших отрядов обученных людей, имевших радиосвязь со штабом.

Самый всеобъемлющий из новых планов предусматривал меры по защите хозяйственной структуры Норвегии от уничтожения немцами¹. После детального изучения распределение задач выглядело так:

- «Солнечный свет»: защита всех объектов в важнейших промышленных и гидроэнергетических районах Верхнего Телемарка;
- «Белый медведь»: защита гаваней;
- «Фоскотт»: защита электроэнергетической системы;
- «Кармартен»: объекты вторичного значения для защиты силами «Милорг»;

¹ «Норвежская история УСО», Приложение «О».

- «Каттерик»: объекты вторичного значения для защиты силами рабочих самих предприятий;
- «Антиподы»: защита важнейших шоссежных и железнодорожных коммуникаций, по которым предполагается прибытие норвежских полицейских батальонов из Швеции.

О группах «Солнечный свет» и «Белый медведь» стоит поговорить подробнее. Группу «Солнечный свет» создал и направлял профессор Лиеф Тронстад* из Технического колледжа в Тронхейме. С первых дней приезда в Англию в 1942 г. он стал добрым другом УСО и важным источником информации по всем техническим вопросам, поскольку хорошо знал сооружения в районе Рьюкана. Он настоял на том, чтобы самому командовать группой, и в начале октября 1944 г. вылетел с восемью бойцами, среди которых был и британский офицер. Их встретил Эйнар Скиннарланд, старейший из всех агентов УСО в Телемарке, присоединились к ним и еще четверо из группы «Огневая позиция». Планы группы осуществлялись успешно, появилась уверенность, что, сотрудничая с единомышленниками внутри страны, участники группы способны удерживать какое-то время пути подхода, если не случится крупной контратаки. Гибель профессора Тронстада в марте 1945 г. стала одной из самых тяжелых утрат Норвегии: он вместе с еще одним бойцом захватили и допрашивали местного шерифа-квислинговца, когда в одинокий домик неожиданно ворвался брат шерифа и застрелил их. Однако организация, созданная Тронстадом, продолжала действовать, хотя профессору как лидеру достойной замены не нашлось.

«Белый медведь» в сентябре 1944 г. составили десять более мелких групп, ей предписывалось прикрывать все крупные гавани — от Нарвика до шведской границы¹. Планом предусматривалось, что один-два норвежских морских офицера или мичмана (в каждом порту) проходят специальное обучение, осваивая диверсионные приемы и навыки. Затем их должны были забросить поближе к объектам, где они на месте организовали бы «группы защиты порта» во взаимодействии с местными руководителями «Милорг». От этих групп не ждали, что они сорвут немецкие планы уничтожения объектов, однако опыт Антверпена показал, сколь эффективны акции «противопала» при благоприятных обстоятель-

* [Род. в 1904 г.]

¹ «Норвежская история УСО», Приложение «О».

ствах. Сохранение портов имело решающее значение как для военных планов союзников, так и для будущего Норвегии. Группы обосновались неподалеку от портов, и, когда настал тот самый «день», они смогли сразу же взять под контроль сохранившиеся гавани. Только у Фридрикстада, в устье Осло-фьорда возле шведской границы, появилась возможность провести акцию еще до капитуляции. В феврале 1945 г. очень предприимчивый руководитель тамошней группы «Белого медведя» начал выводить из-под немецкого контроля буксиры, лоцманские катера, всевозможные блокшивы в шведские воды, и еще до капитуляции ему удалось прервать немецкую навигацию в акватории у Фридрикстада.

в) Победа

Когда 6 мая 1945 г. пришла Победа, было еще неясно, что станет с Норвегией, и в сумятице последних нескольких дней Высшее союзное командование упустило из виду, что «Милорг» не имеет четких указаний. В ночь на 7 мая «Милорг» открыто заявила о себе по решению Внутреннего фронта: акт высокого мужества, оправданный обстановкой. В Осло, как и во многих крупных городах, сразу завязались напряженные переговоры, одну сторону в которых представлял местный командир «Милорг» с небольшой охраной, а другую — старший немецкий офицер в окружении штаб-офицеров, за ними стояли довольно крупные и хорошо вооруженные подразделения. Равновесие сил очевидно непропорциональное, однако уважение немцев к власти и дисциплине и тут возымело действие: соглашения на местах заключались без промедления и соблюдались, не было ни кровопролития, ни разрушений.

Норвежские полицейские батальоны в Швеции начали выдвигаться 7 мая в сопровождении трех спецназовских подразделений УСО, и только 8 мая прибыли официальные представители союзников — бригадный генерал Хилтон, личный представитель генерала Торна, с подполковником Хэмптоном в качестве офицера связи с Внутренним фронтом. Тогда и еще в течение нескольких дней сохранялось значение нелегальной сети связи. Воздушно-десантная дивизия и САС стали прибывать 10 мая, а с ними и местные подразделения Специальных войск, которые к 11 мая заняли позиции в Осло, Тронхейме, Бергене, Ставангере и Кристиансанне (юг). Еще одно подразделение уже добра-

лось до Нарвика вместе с норвежскими полицейскими частями. Даже в мирных условиях капитуляции у этих подразделений было много дел, они поддерживали связь между британскими командирами на местах и Внутренним фронтом. Когда в июне норвежская структура УСО свернула свою деятельность, эти подразделения передали вновь созданным союзным сухопутным силам в Норвегии.

4. Заключение

Норвежское движение Сопrotивления нанесло неприятелю значительный урон, хотя само располагало довольно незначительными ресурсами. Оно организовалось своевременно и действовало дисциплинированно, а потому норвежцы из Внутреннего фронта имели основание гордиться той ролью, какую им довелось сыграть в ходе войны.

Движению Сопrotивления удалось избежать размежевания на левых и правых, тех, кто остался на родине, и тех, кто эмигрировал. Его усилия вооружиться *не* приобрели характер соперничества и приготовлений к политическому перевороту, оно *не* отказывалось принимать стратегические указания от союзников, оно *не* увлеклось «игрой в солдатики», *не* пошло на самоубийственный шаг открытого противостояния немцам, оно поддерживало дисциплину и *не* подверглось опасности раскола из-за неисполнения кем-либо на местах распоряжений командования Внутреннего фронта. Когда 15 мая наследный принц Улаф прибыл в Осло, бойцов из «Норик (Осло)» ввели в состав его личной охраны, а Макс Манус стал его телохранителем. В великий день возвращения короля Хокона (7 июня) в почетном карауле стояла вся рота Линге, а полковник Уилсон и полковник Ветлсен были почетными гостями на торжествах, которые затем последовали.

Как видно из сказанного, движение Сопrotивления в Норвегии было замечательно своей отвагой и готовностью к борьбе, а своеобразным его делали высокое национальное самосознание и взвешенный политический подход. Норвежская «смесь» свободной инициативы и социальной солидарности основывалась на таких факторах, к которым УСО не имело отношения, и УСО может лишь гордиться тем, что умело использовало их.

ГЛАВА XXVII

ДАНИЯ

В начале 1943 г. у УСО в Дании был всего один собственный агент с рацией, и, по сути, не существовало центральной организации движения Сопротивления. Решающее время пришло в феврале 1943 г.: два успешных вылета — и в стране оказались восемь человек с двумя рациями. Одному из агентов Флеммингу Брууну Муусу предстояло в последующие восемнадцать месяцев стать главным организатором УСО в Дании. Был он энергичным бизнесменом, уехавшим из Западной Африки, чтобы добровольно поступить на службу. Ненадежный, как выяснилось, в финансовых делах, он, однако, стал прекрасным руководителем. В нашем рассказе ему отведена почетная роль, хотя карьеру свою он закончил бесславно. Немного раньше землевладелец Флемминг Юнкер (он был одним из связанных Роттбёлля в Ютландии) побывал в Стокгольме и вернулся в Данию, уже с инструкциями по проведению специальных операций. Он одним из первых встретился с Муусом, когда тот прибыл в Данию. Наконец УСО удалось переправить полупроводниковые элементы для рации и график связи Дуусу Хансену (он же «Салфетка»), еще одному из единомышленников Роттбёлля. Хансен был превосходным радиомехаником и радистом, сумел наладить собственный передатчик и поддерживал постоянную связь, к тому же обучил еще нескольких радистов, работу которых высоко оценили в радиоцентре УСО. Первые шаги УСО в Дании обеспечили именно эти трое: Муус, Юнкер и «Салфетка».

В марте 1943 г. немцы, все еще уверенные, что контролируют свою «образцовую территорию», позволили датчанам провести всеобщие выборы и не вмешивались в их ход. Результаты немцев разочаровали, но не слишком: старые Социал-демократическая и Консервативная партии удержали свои позиции, в то время две небольшие пронацистские партии потеряли голоса, уступив их крайне антиколлорационистской «Dansk Samling». В апреле дали о себе знать результаты диверсионных действий организации «Стол», которую возглавлял Муус, сообщалось о шести крупных акциях в апреле, одиннадцати — в мае, трех — в

июне, восьми — в июле¹. Большинство из них — поджоги и взрывы на верфях и фабриках, работавших на Германию, были среди них, однако, и три-четыре удачных нападения на суда. Впрочем, все эти акции преследовали цель, скорее, политическую, нежели военную, и достичь ее удалось довольно скоро. На первой неделе августа немцы потребовали, чтобы датских саботажников судил германский суд по германским законам и наказание они отбывали в Германии. Правительство Скавениуса ответило отказом и пригрозило уйти в отставку, если на него окажут нажим. Муус уже сообщал в Лондон, что продолжение диверсий заставит немцев полностью взять на себя управление страной. Вопрос обсуждался в высоких сферах Лондона², и Муусу было приказано действовать дальше.

Программа была послушно выполнена, нажим немцев на Скавениуса усилился, и в конце августа премьер-министр вручил королю прошение об отставке. Король отставку принять отказался, а значит, Дания осталась без правительства, и не было ничего удивительного в том, что 29 августа немцы полностью взяли управление страной на себя. Все датские государственные учреждения перешли в руки немцев, армия и военный флот Дании были распущены, многие офицеры попали под арест или бежали в Швецию, дабы избавиться от ареста. Военные слабо либо вовсе не сопротивлялись, за исключением моряков, которые затопили в гавани несколько кораблей, открыв кингстоны, а один или два небольших корабля увели в Швецию.

В практическом плане события сразу же сказались на организации армейских офицеров «Принцы», с которой УСО установило связь в Стокгольме. В августе 1943 г. ее главным организаторам пришлось бежать, один из них был схвачен, но они оставили во главе разведки лейтенанта Свенда Труельсена, молодого адвоката и офицера запаса, который как организатор проявил себя великолепно и вскоре создал первоклассную разведывательную сеть. В принципе это не было работой на УСО, однако необходимые связи устанавливались через УСО, и — по договореннос-

¹ Эти цифры взяты из «Отчетов УСО» и дают представление о направленности действий. В других отчетах (как и следовало ожидать) приводятся иные цифры, к тому же следует напомнить, что осуществлялось несчетное количество *мелких* диверсий, которые в совокупности имели большое политическое значение.

² Это информация из вторых рук: как представляется, нет современных документов, имеющих к этому непосредственное отношение.

ти — их решили не порывать. УСО, таким образом, действовало как единственный агент СИС в Дании: ситуация эта породила немало мелких трений с более почтенной организацией, которая, как представляется, так и не смирилась с утратой собственных прерогатив. Действовало УСО и от имени MI9, в целом, замечу, такое слиянием ресурсов себя оправдывало: Дания страна слишком маленькая, чтобы три независимые британские сети действовали в ней, не чиня помех друг другу.

Диверсии продолжались и осенью, проводить их стало немного сложнее после предпринятых немцами мер. В октябре немцы попытались вывезти всех датских евреев в Германию. Это стало причиной негодования у датского населения и вызвало поток беженцев через проливы в Швецию. При таких массовых перемещениях УСО стало гораздо легче устанавливать связи. Вдобавок датчане, накапливаясь в Швеции в значительном количестве, стали создавать там деятельные общественные институты: Датскую канцелярию беженцев, службу печати, Датское разведывательное управление (впоследствии эта организация контролировала использование нелегальных каналов въезда в Данию и выезда из нее). Шведское правительство оказывало содействие (стоит напомнить, что в августе 1943 г. оно заняло более жесткую позицию в отношениях с немцами) или закрывало глаза на содействие своих чиновников более мелкого ранга, согласилось на создание датских полицейских батальонов на тех же условиях, что разрабатывались норвежцами.

И все же, видимо, самым знаменательным событием этой осени стало появление Совета свободы в качестве руководящего центра Сопrotивления внутри Дании. Входили в него поначалу профессор Могенс Фог, ученый-коммунист, еще два коммуниста, два представителя небольших антигерманских организаций («Rigen» и «Dansk Samling») и Муус, представлявший УСО. Стоит заметить, что более старые и крупные партии — Консервативная, Либеральная и Социал-демократическая — представлены не были и что Совет несколько походил на Народный фронт в духе Коммунистической партии. Правда, Муус пользовался большим влиянием, поскольку обладал радиосвязью с Лондоном. Кроме того, в это время УСО через Стокгольм создавало независимую организацию для финансирования движения Сопrotивления в Дании¹: патриотически настроенных датчан призывали

¹ «Датская история УСО», Приложение 6.

ссужать деньги «казначею в поле» под обещание британцев расплатиться фунтами стерлингов, а казначей передавал средства активным организаторам по особым указаниям из Лондона, которые направлялись по собственному каналу радиосвязи казначея. Даже при такой системе немало денег приставало к разным липким рукам, в том числе и самого Мууса, и все же такая схема позволяла гораздо лучше контролировать денежный поток, чем прежний способ (в ином случае неизбежный) — отправка агентов с большими суммами наличных денег.

Ранее уже упоминалось, что УСО поначалу с подозрением относилось к намерениям датской армии, опасаясь, как бы главной ее целью не стала подготовка к гражданской войне с коммунистами после ухода немцев. Теперь, когда диверсионная работа наладилась, УСО решило создать военизированную организацию, способную на ограниченные, но особые действия в поддержку планов высадки. Сомнения по поводу намерений армии не ушли, и, казалось, лучше было бы создать новые формирования, свободные от влияния армии. В ноябре 1943 г. Муус ненадолго прибыл в Лондон, так же как и м-р Тернбуль, резидент УСО в Стокгольме; и были составлены планы для следующего этапа¹. Они предусматривали временное сокращение поставок оснащения для диверсий в первой половине 1944 г., с тем чтобы увеличить доставку оружия: создание военной организации, естественно, означало использование людей военных, однако руководство ими не предполагалось передавать в руки датского генерального штаба в эмиграции. Направление выбрали довольно ненадежное, но в целом оно дало успешный результат, хотя не обошлось и без шероховатостей, особенно в Ютландии, где столкнулись руководители двух разных типов: осторожный военный и энергичный, нешаблонно мыслящий штатский. До дня «Д» на западе операции по поставкам проводились, по военным меркам, в небольшом масштабе. С начала 1943 г. по июнь 1944 г. проведено всего двадцать девять успешных воздушных операций, десантировались двадцать восемь человек и сброшено 23 тонны грузов. Только в августе 1944 г. удалось с успехом организовать встречу в открытом море с датским рыбацким судном (которое за одну операцию доставило 6,5 тонны). Считается, что к сентябрю 1944 г. было вооружено и организовано более 5000 человек. А значит, вклад Дании в операцию «Владыка» не мог

¹ Планы эти были «утверждены» Советом свободы только весной 1944 г., после чего за организацию взялись по-деловому.

быть очень велик, хотя с апреля по май диверсии участились, и датское движение Сопротивления использовалось в качестве боевой единицы при осуществлении плана дезинформации противника. Правда, руководители некоторых организаций в Дании считали такого рода работу не вполне действенной и предпочитали заниматься диверсиями.

Датский отдел УСО с 1 мая 1944 г. был придан Штаб-квартире Специальных войск (ШКСВ) под началом ШЭВС, как и остальная западная группа УСО. Еще раньше, в феврале, он установил тесные связи с УСС, и американец датского происхождения майор Винкельхорн стал штатным сотрудником отдела в качестве офицера-разработчика. Все время до дня «Д» датские подданные в отдел не допускались по соображениям безопасности, но в мае — июне двум давним и надежным друзьям Флеммингу Юнкеру и лейтенанту Труельсену пришлось спешно покинуть Данию, и в Лондоне они поступили на службу в УСО.

Меж тем в Дании события развивались: количество диверсий постоянно увеличивалось, как и следовавших за ними карательных акций. В то время действия датчан еще не были включены в какой-либо общий план, а потому трудно как-то особо выделить те или иные акции. Некоторые данные из анналов УСО¹ дают представление о ходе событий:

январь 1944 г.	— 7 акций,
февраль	— 7 акций,
март	— 8 акций,
апрель	— 10 акций,
май	— 10 акций,
июнь	— 8 акций.

Сюда же входят несколько диверсий на крупной верфи «Бур-майстер энд Уэйн» в Копенгагене, на радиозаводе и инструментальной фабрике, подрыв минами и потопление трех немецких вспомогательных военных кораблей. В это же время в довольно большом масштабе стали проводиться совместные групповые нападения — по десять, двадцать и даже пятьдесят вооруженных людей объединялись для выполнения какой-либо задачи.

Гестапо теперь развернуло работу в Дании на свой обычный лад, хотя прежде только здесь немцы не привлекали воинские

¹ Данные эти, конечно, не полные.

подразделения к исполнению карательных акций и казней заложников. Политика контртеррора в Дании забыта не была, но проводить ее поначалу старались в основном опосредованно — используя для этой цели банды датских уголовников¹. Они убивали датских граждан, заподозренных в «чрезмерном» патриотизме (таких, например, как драматург пастор Кай Мунк), а также грабили и разбойничали на дорогах. Однако такая тактика приводила лишь к еще большему ожесточению датчан. Тогда настал черед жестоких наказаний, к которым немцы прибегали в отместку за нападения в Копенгагене 22 июня восьмидесяти подрывников на предприятия «Данск индустри синдикат», где изготавливались пушки для Германии. Это вызвало массовые демонстрации, стрельбу на улицах и, в конце концов, стихийную всеобщую стачку в Копенгагене на первой неделе июля 1944 г. Совет свободы не был инициатором стачки, но он возглавил ее, потребовав отменить комендантский час и убрать с улиц «шальбургский корпус». Граждане поддержали эти требования, и немцы уступили.

Совет свободы, таким образом, занял положение явного национального лидера, авторитет его возрос. Отчасти прямым следствием этого, отчасти из-за неминуемости краха Германии политическая позиция Совета сделалась более значительной и... более спорной. Муус постепенно отстранился от активной работы (в это время он женился на своей секретарше), и его роль «человека УСО» фактически взял на себя склонный к политической деятельности бизнесмен по фамилии Дедикен. А некий лейтенант Эриксен теперь, после бегства Труельсена и ареста его преемника, отвечал за разведку. УСО ни того ни другого не знало, и такое положение Управление не устраивало, поскольку стала очевидной тенденция в Копенгагене поиграть в антикоммунистическую «армейскую политику».

В это время обстановка в Дании вновь изменилась. Высадка союзников в Дании не просматривалась даже в отдаленной перспективе, зато теперь страна оказалась недалеко за линией фронта, а кроме того — находилась на стратегическом пути, по которому с севера противник мог перебросить подкрепления. Усиление датского движения Сопrotивления становилось зада-

¹ Их похода именуют вторым «шальбургским корпусом», хотя тот первоначально создавался для сражений на Восточном фронте, а в Дании уже действовал как немецкая вспомогательная воинская часть, подчиняясь общей дисциплине.

чей приоритетной, к тому же легче стало снабжать его всем необходимым. Вдобавок важно было спланировать «вступление во владение» в случае краха немцев. Со стороны военной, существенным шагом стало создание в начале сентября 1944 г. миссии ШЭВС по Дании во главе с генерал-майором Дьюингом, тесно сотрудничавшим с УСО. Положение с поставками тоже намного улучшилось. Начиная с октября 1944 г. в результате 239 успешных самолето-вылетов было доставлено 582 тонны грузов. Кроме того, удались и несколько морских операций, а в январе 1945 г. в Швецию из Англии прорвались три моторных судна, доставивших груз: около 1000 карабинов и 1000 автоматов «стен», — его предстояло тайком переправить в Зеландию. Переправили через проливы и 3000 шведских автоматов. К концу войны в Дании имелось стрелковое вооружение для 25 000 человек, кроме того, «датская полиция» в Швеции разрослась до 5000 человек и имела целый флот мелких судов для переброски грузов и людей в Данию. Планы для «датвойска», как его называли, согласовали по прибытии генерал-майора Дьюинга в Швецию в декабре 1944 г., договорились и о том, что для связи этому войску будут приданы два британских офицера.

Что касается средств связи, то тут также произошли улучшения. Действовали всего двенадцать раций, но в их числе был высокочастотный передатчик в Копенгагене, что позволяло связываться с Мальмё в Швеции, а из Швеции эти телеграммы шли напрямую в Лондон. Имелись также радиотелефоны и ручные переносные рации для переговоров между Данией и Швецией через проливы, а на случай тревоги подключились к одному из телефонных кабелей, протянутых в Швецию.

Требовалась существенная внутренняя реорганизация. Одна из целей УСО состояла в том, чтобы добиться децентрализации: от единого центра (в Копенгагене) перейти к локальным центрам в военных округах, каждый из которых будет на прямой связи с Лондоном. Для этого в октябре провели заброску девяти датских офицеров связи, цели своей они добились, правда, не без трений и путаницы каналов.

Еще необходимо было найти достойную замену Муусу, для чего в Англии прошел особую подготовку молодой датчанин, уже поработавший в подполье Оле Липманн. В январе 1945 г. он успешно внедрился и в дальнейшем действовал умело и надежно. Наконец было принято долгожданное решение отдать под начало датского главнокомандующего генерала Гёрца «тайную

армию», которой предстояло действовать по приказу ШЭВС. Этого решения долго избегали, опасаясь политических последствий, ныне же датские политические силы, сумев извлечь кое-какие уроки, согласились на компромисс в отношении того, каким быть правительству после освобождения. Совет свободы и старые партии заключили сделку, по которой (вплоть до всеобщих выборов) первый созданный после освобождения Кабинет должен состоять наполовину из членов Совета, наполовину — из политических деятелей.

Между тем обстановка в Дании приняла характер почти непрерывной войны. В сентябре немцы взялись вывозить датских политических узников в Германию. Совет свободы ответил на это 48-часовой всеобщей стачкой. В наказание немцы распустили датскую полицию, около 2000 человек были вывезены в Германию, остальные ушли в подполье. Вновь последовала 48-часовая всеобщая забастовка — в знак всенародного сочувствия и солидарности. Возросла активность гестапо, стало больше жертв среди борцов Сопrotивления: в октябре арестовали профессора Могенса Фога, в конце сентября схватили капитана Ларсена, руководителя разведывательной сети после Труельсона, в это время Муусу едва удалось спастись и пришлось тихо сидеть до самого отъезда в декабре. Королевские ВВС вступили в битву, совершив три обстрела с воздуха штаб-квартиры гестапо в Орхусе (октябрь), Копенгагене (март) и Оденсе (апрель). В знак признательности движение Сопrotивления Ютландии организовало «ответный» налет на аэродром в Олборге, где его бойцы уничтожили двадцать немецких самолетов. В целом темп диверсий нарастал:

октябрь 1944 г.	— 24 крупные акции,
ноябрь	— 65 крупных акций,
декабрь	— 22 крупные акции,
январь 1945 г.	— 30 крупных акций,
февраль	— 3 крупные акции,
март	— 49 крупных акций,
апрель	— 59 крупных акций.

Эти цифры взяты наугад из анналов УСО¹, но они дают довольно хорошее представление об обстановке в то время, когда Дания все больше переполнялась немцами, бежавшими из Прибалтики или эвакуированными из самой Германии. Главные со-

¹ «Датская история УСО», Приложение VIII.

гласованные удары направлялись против регистрации населения, подлежащего немецкой трудовой повинности, и против передвижений немцев по железным дорогам на юг в начале 1945 г. Были еще нападения на линии судоходства, на заводы, производившие части для ракет Фау-2 и иное вооружение, вывод буксиров и лоцманских катеров в шведские воды. Общие разрушения были значительными, хотя, видимо, не совсем увязаны с главным планом, как в Норвегии: то была цена, которую пришлось платить за позднее становление датского движения Сопротивления и неточную политическую координацию.

До последнего момента вызывало сомнение, потребуется ли союзникам с боями прокладывать себе путь на Ютландский полуостров. Были составлены планы, как согласовать действия отрядов Сопротивления с продвижением войск и как предотвратить попытки немцев, уходя, разрушать дома и промышленные объекты. По счастью, последнее не понадобилось, к 4 мая стало ясно, что немецкие войска, противостоящие британцам, безоговорочно капитулируют. И теперь возникла другая задача: как без потрясений передать власть в руки датчан и союзников. УСО участвовало в этом трижды: 4 мая один из офицеров Датского отдела был придан штабу 21-й армейской группы для связи с войсками, выдвигавшимися в Ютландию; 5 мая «датвойско» пересекло проливы, отделявшие Швецию от Дании, в сопровождении офицера связи УСО майора Рая, который первым из британских офицеров ступил на землю освобожденной Дании; 6 мая генерал-майор Дьюинг прилетел в Каструп, возле Копенгагена, в сопровождении начальника Датского отдела капитана 2 ранга Холлингуорта. Как и в Норвегии, передача власти шла спокойно и без политических осложнений.

В этом состояла одна из заслуг УСО. Войну Дания закончила, вернув себе гордость за нацию, выстоявшую в тяжелых испытаниях и обретшую политическое единство. Вмешательство УСО, несомненно, способствовало этому. С точки зрения военной, вклад датского движения Сопротивления, конечно, не имел большого стратегического значения, однако он был вполне действенным: разрушения и задержки произошли там, где их или нельзя было добиться иными средствами, или можно было добиться, но только за счет мощных бомбардировок — а это высокотратная операция. Потери подсчитать не сложно. Заслано было пятьдесят семь прошедших в УСО подготовку агентов (все датчане), из которых тринадцать были схвачены и шесть убиты.

Совершено 414 самолето-вылетов, из которых 285 завершились успешно, а потери составили семнадцать самолетов. Наличными было потрачено около 667 000 датских крон, за которые позже датское правительство расплатилось. Слухи об «убийствах-расчислениях» (лишение жизни пяти датчан за каждого убитого коллаборациониста) воистину оказались слухами, гестапо избегало массовых казней и старалось своими силами выявить и уничтожить активных борцов Сопротивления. Сколько датчан погибло в результате карательных акций немцев в Дании — неизвестно, но, видимо, не так много по масштабам войны. Возможно, их даже меньше, чем датчан, погибших во время налетов Королевских ВВС.

ГЛАВА XXVIII

ГЕРМАНИЯ И АВСТРИЯ

В истории отношений УСО с германским рейхом есть кое-какие интересные, а возможно, и поучительные моменты. Не по своей инициативе УСО сделало Германию своей главной целью лишь в августе 1944 г., когда на часах войны было уже «без пяти двенадцать» и когда было поздно предпринимать что-то всерьез, потому подрывная деятельность британцев уже не могла существенно повлиять на разгром врага. Атаки на Германию велись в основном в оккупированных странах и через их посредство. Хитросплетения германской политики при Гитлере, таким образом, мало влияли на работу УСО, а потому нет необходимости распутывать их на этих страницах.

1. Структура УСО

Германский отдел УСО¹ был создан в ноябре 1940 г. под началом м-ра Брайена Кларка из небольшого ядра, унаследованного от организации полковника Гранда. В середине 1941 г.

¹ Существует хорошо документированная «История деятельности УСО в Германии», составленная различными лицами.

ее возглавил м-р Р.Х. Торнли, именно он в основном и нес ответственность за работу УСО в Германии до конца войны. До августа 1944 г. сам по себе «отдел Х» (так его называли) был небольшим, но он одновременно являлся штаб-квартирой представителей сетей, работавших с резидентурами УСО в некоторых нейтральных странах. В Швейцарии с сентября 1941 по декабрь 1943 г. штаб представляла мисс Э.М. Ходгсон, которую затем пришлось спешно вывозить через Францию. Нового представителя (майора авиации Мэтью) с трудом удалось переправить через Францию в августе 1944 г.¹ Примерно то же случилось в Швеции: первый представитель «отдела Х» майор Трелфолл продержался только с января по август 1942 г. Когда возникли неприятности со шведской службой безопасности, его сменила вначале мисс Форте, а затем майор Юэн Батлер. В Турции оказалось труднее всего убедить посла Его Величества* пойти на соответствующий риск, тем более что представлять УСО выбрали м-ра Г.Э.Р. Гедье** (известного журналиста), уже успевшего повздорить с турецкими властями, а потому прочно осевшего в Стамбуле только в мае 1943 г. Наконец, с марта 1944 г. был еще и представитель (майор Дартон) в центре УСО («Мерилэнд») в Италии. Эти представители (с определенными трудностями) опекали основные пути проникновения в Германию, во всех других местах (например, в Лиссабоне) «отдел Х» работал через обычные резидентуры УСО. Кроме того, он делал все возможное, стремясь заручиться поддержкой отделов, которые взаимодействовали с организациями Сопротивления на оккупированных территориях. Однако из документов ясно, что и отделы, и их агенты, как правило, были заняты собственной работой и не могли выкроить время на решение задач «отдела Х».

¹ См. «Германскую историю УСО», ч. I — 2е «Швейцария», где рассказано о его приключениях по пути.

* [Сэр Х.М. Нэтчбуль-Хьюгессен, 1886—1971 гг., возведен в рыцарское достоинство в 1936 г., посол в Китае в 1936—1939 гг., в Турции в 1940—1944 гг., в Бельгии в 1944—1947 гг. См. его книгу «Дипломат в годы мира и войны» (1949), а также труд Р. Уайерса «Шпионское дело “Цицерио”» (Вестпойнт, штат Коннектикут, 2000).]

** [Г.Э.Р. Гедье, 1890—1970 гг., см. его книгу «Рухнувшие бастионы» (1939).]

2. «Немецкое подполье»

Такая структура УСО (хотя входили в нее люди способные) явно незначительна, чтобы можно было составить представление о колоссальных профессиональных трудностях работы, нацеленной на Германию. К тому же масштаб ее деятельности всегда ограничивался политическими соображениями. С точки зрения УСО политика безоговорочной капитуляции означала не что иное, как отказ от свободного использования тех немцев, которые зондировали почву, стремясь отмежеваться от режима. Таких «ищущих мира» было множество, всех рангов и степеней влияния, а добиться в подрывной работе удавалось только того, что после долгого, терпеливого обхаживания кто-то из них клевал на наживку и обещал поспособствовать, чтобы *хоть кто-нибудь* из немцев по *каким-нибудь* мотивам поучаствовал *хоть в какой-нибудь* акции протеста против нацистского режима. Сопрягалось это с большим риском: *во-первых*, с политическим — любой намек в качестве «наживки» может быть использован немцами, дабы посеять раздор между довольно шаткой коалицией союзников либо во время войны, либо после нее; *во-вторых* — с профессиональным, ибо среди «ищущих мира» могли оказаться агенты гестапо, сознательные или невольные, кто желал бы заманить в ловушку представителей союзников и им сочувствующих. На самом высоком уровне вынесли специальное решение, что идти на такие риски нет смысла, и «отдел X» одобрял и поддерживал такое решение¹. Управление усиленно внушало сотрудникам, что они обязаны высмеивать попытки немцев установить контакт, резко обрывать связи и докладывать по существу дела в министерство иностранных дел или его представителю. Так что независимо от того, верна или нет установка на «безоговорочную капитуляцию», УСО ее против воли никто не навязывал, Управление руководствовалось ею по собственным убеждениям, сделав (если учесть, как широко развернулось УСО) не так много

¹ Первая официальная инструкция, как вести себя с «ищущими мира», была дана только в октябре 1942 г. Резидентуре УСО и его агенты получали свободу рук при установлении связей с немцами в подрывных целях, однако при любом намеке со стороны «зондирующего» связь надлежало прервать и обратиться с запросом в министерство иностранных дел, чтобы там приняли по делу решение (папка XF/88, часть I, Архива УСО). Этими положениями руководствовались всю войну.

ошибок¹. Конечно же, немцы использовали любые возможности, добываясь своих целей, — некоторые оригинальные материалы по антибританской пропаганде, возможно, отыщутся в германских архивах. Однако можно утверждать, что ни к чему особо существенному УСО руку не приложило, если не считать неудачных переговоров бравого капитана Скотта в Афинах в декабре 1943 г., которые сразу же прервали, как только Лондон узнал о них².

Итак, едва ли есть необходимость продираться сквозь длинный перечень того, что намечалось, но ни к чему не приводило. До покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. УСО из разных источников довольно хорошо было осведомлено о людях, готовивших заговор. Но оно с упрямым скепсисом относилось к целям заговорщиков, не веря, что у них нет связей с гестапо. Даже после того как покушение на Гитлера состоялось, УСО придерживалось официальной точки зрения, что настоящего «сопротивления» в Германии нет, а если что и есть, то это не выходит за рамки столкновения личных интересов или различия во мнениях по поводу того, как именно следует действовать Германии, дабы достичь своих целей.

В отношении этого объединенного «оппозиционного движения» материалы УСО мало что добавляют к уже опубликованному м-ром Алленом У. Даллесом³, резидентом УСС в Швейцарии, который действовал более дерзко и, возможно, более хитро, чем УСО. Были и другие попытки контактов — в Греции, Северной Италии⁴ и в Норвегии⁵, но их удалось прочно удержать в рамках локальных переговоров о капитуляции в конкретном месте, обещав (в немногих случаях) особый подход к личностям, оказывавшим содействие. Но вот о двух любопытных случаях стоит рассказать.

¹ Общие сведения о политике УСО и яркие примеры из практики содержатся в архивной папке УСО 9/100/12 тома, ч. I—III «Искатели мира и попытки контакта».

² См. раздел 3 главы XVIII.

³ «Германское подполье», издано нью-йоркской компанией MacMillan в 1947 г.

⁴ См. раздел 3 главы XVIII, а также пункт 4 подраздела «в» раздела 2 главы XXIII.

⁵ См. интересный документ Йенса Кристиана Хауге, руководителя норвежской организации «Милорг», в архивной папке УСО 9/100/12, ч. III.

Один из них¹ — попытка выйти на контакт через Стокгольм, предпринятая в мае 1942 г. Гельмутом Джеймсом фон Мольтке*, правнуком и наследником фельдмаршала, начальника прусского (имперского) генерального штаба. Мать фон Мольтке была дочерью председателя Верховного суда Южной Африки, сам он, англичанин по взглядам и воспитанию, был благородным христианином и опасно никудышним конспиратором. После начала войны он поддерживал связи с друзьями в Лондоне и в письме к одному из них предложил встретиться в Стокгольме в сентябре — октябре 1942 г. УСО, основательно обдумав ситуацию, согласилось на встречу, однако акция была остановлена по указанию самого премьер-министра. В сентябре 1942 г. фон Мольтке в Стокгольм прибыл, однако приятель его на встречу не явился, и фон Мольтке вновь отправил ему по тем же каналам письмо, где мягко упрекал британцев за их отказ использовать «миллионы будущих шпионов на континенте». В январе 1945 г. его казнили, хотя арестовали задолго до покушения 20 июля 1944 г., в котором он прямо замешан не был².

Этот случай — единственный, когда УСО откликнулось на призыв одного из «ищущих мира», донесшийся от «консервативной» оппозиции, многое в которой прямо или косвенно связывалось с фон Мольтке.

В декабре 1942 г. последовала попытка контакта совсем иного свойства — через некоего д-ра Сёдермана, видного шведского криминолога. По словам д-ра Сёдермана, он был связан с высшими чинами германской уголовной полиции (Kriminalpolizei — старой «законной» полиции, у которой сложились не лучшие отношения с гестапо), и они готовы в назначенное время взять на себя арест и ликвидацию всех главарей нацистов (начиная с Гитлера) и руководителей германских сил безопасности³. Просили же они только ограниченной помощи британцев воздушно-десантными подразделениями. Каналом, по которому д-р Сёдерман намеревался проводить этот план (он воспринимал

¹ Папка XF/G98 Архива УСО.

* [1907—1945 гг.]

² Книга памяти, составленная из писем фон Мольтке, была издана его британскими друзьями: «Немец из Сопrotивления. Последние письма графа Гельмута Джеймса фон Мольтке» (OUP, 1947).

³ См. документы в личной папке CD и в архивной папке УСО XF/G/288 «Операция «Убежище».

дело очень серьезно), служил его друг сэр Норман Кендалл*, служащий из Скотланд-Ярда. Поначалу УСО склонно было видеть в этом ловушку, а потому связь прервать, однако д-р Сёдерман оказался очень настойчивым (к тому же и добрым другом УСО в Швеции), и понадобилось личное вмешательство сэра Александра Кадогана и сэра Нормана Кендалла, чтобы в марте 1943 г. дело закрыть. Д-р Сёдерман еще раз, в марте 1944 г., возвращался к своему плану, заявив начистоту, что на связи с ним находится генерал-лейтенант д-р Небе**, глава управления уголовной полиции при гимmlеровском Reich Sicherheits Haupt Amt***, а граф фон Хельдорф, глава полицейских сил Берлина, каким-то образом связан с заговором. УСО по-прежнему упорствовало и делу хода не дало. Последствия «20 июля», во всяком случае, подтвердили, что заговор существовал: Хельдорф был арестован и казнен, д-ра Небе также схватили после того, как гестапо назначило за его голову награду в 50 000 марок****. Это свидетельствовало о подлинности заговора, но еще и о действительности контроля гестапо, так что УСО, несомненно, верно поступило, воздержавшись от контакта с заговорщиками.

3. Эмиграция

Подобные связи с «подпольем Германии» были и опасны, и невыгодны. Связи же с германскими политическими группировками в эмиграции — просто невыгодны. Поле это достаточно хорошо изучили еще во времена полковника Гранда, и более поздний опыт лишь подтвердил сведения отдела D¹. Большинство взаимосвязанных и соперничавших группировок представляли интерес главным образом тем, что все еще уцелели, они слишком долго находились в изгнании, чтобы толком представ-

* [Сэр Н. Кендалл введен в рыцарское достоинство в 1937 г., заместитель комиссара в 1928—1945 гг.]

** [А. Небе, 1894—1945(?) гг., возглавлял германскую уголовную полицию в 1938—1944 гг., бежал, возможно, был пойман и убит гестапо.]

*** Главное управление имперской безопасности (РСХА).

**** Часть этой истории рассказана Гизевкусом в книге «К печальному концу» (1948 г.), с. 56. [Г.Б. Гизевкус, 1904—1974 гг., германский госслужащий, агент А.У. Даллеса.]

¹ См. раздел 2 главы II, а также «Германскую историю УСО», часть I («Немецкая эмиграция»), часть II («Австрийская эмиграция»).

лять себе, в каких условиях живет Германия, связи их были очень хлипкими. Вдобавок многие из их членов были евреями, а потому не годились для разложения «арийского» режима. Из множества имевших те или иные связи достойны упоминания всего четыре организации.

Три из них — «Lex», ИСК (Международный социалистический боевой союз) и МФТ (Международная федерация транспортных рабочих) — уже упоминались в первой части. Парижский участник «Lex» Карл Грель в конце концов бежал в Лондон после падения Франции и возобновил связи с друзьями в Швейцарии. Главным представителем «Lex» стал некий Карл Герольд, человек, по-видимому, весьма серьезный, хотя и романтически настроенный. Через мисс Ходгсон его снабжали снаряжением и инструкциями для диверсий, и солидная часть этих материалов, несомненно, попала в Германию. Подтвержденных сведений о том, что с ними там стало, нет, однако очевидно, что какие-то диверсии имели место, и в том велика заслуга «Lex». В октябре 1943 г. Герольда выдала швейцарской полиции любовница, и мисс Ходгсон пришлось срочно бежать через оккупированную Францию. Это фактически положило конец полезным связям с организацией Герольда.

Internationaler Sozialistische Kampfbund (ИСК) тоже имел полезные связи в Швейцарии, в основном через некоего Рене Бертолета («Шарля»), который оказался ценным агентом для работы на Францию, Италию, а также Германию. Его деятельность, имевшая отношение к Германии, в какой-то мере смыкалась с тем, что делала Международная федерация транспортных рабочих (МФТ), очень важная «связующая нить» с железнодорожниками всей Европы, хотя после смерти своего ветеранаруководителя Еддо Фиммена в декабре 1942 г. федерация стала утрачивать былую руководящую роль. По крайней мере она поддерживала диверсии на железных дорогах, а ИСК в Швейцарии сумел завербовать решительного швейцарского путейца в депо Базеля. Его отряд (и еще одна группа) с марта 1942 г. вели настойчивую кампанию по выводу из строя германского подвижного состава, не слишком опасаясь швейцарской полиции. Работа эта была, что называется, мелкая, зато практически значимая. ИСК к тому же подобрал не одного смелого агента для выброски с парашютом, а жена одного из этих агентов в 1944 г. трижды успешно съездила курьером из Швейцарии в рейх.

Следует упомянуть и об австрийских Революционных социалистах, отколовшихся от Социал-демократической партии, которая приветствовала аншлюс Германии Австрии как единственно возможный способ утверждения социализма в стране. Группа была небольшой, состояла в основном из евреев, никакого политического будущего у нее быть не могло, зато она отлично проявила себя в сражениях и была готова предоставить людей для серьезной работы. По меньшей мере четыре хороших агента вышли из ее рядов.

4. Агенты УСО

Германия как поле деятельности, таким образом, оказалась политически обнаженной: в стране не существовало ни одной организации, с которой можно было бы сотрудничать, и (до самого конца) все агенты, засылавшиеся УСО, работали индивидуально. И все же кое-что из сделанного ими просто замечательно.

Первую попытку (операция «Шампань») предприняли с молодым антифашистом по имени Кюхнел, которого взяли в плен в июне 1941 г., когда затопили германское метеорологическое судно. Подготовка его включала в себя создание легенды и «вживание» в нее — требовалось объяснить, как он оказался на гражданской работе на верфях Абердина, как перебрался через Северное море в Норвегию на украденной рыбацкой посудине. Судно, подходящее для него, нашли и спустили на воду с британского траулера вблизи норвежских берегов в апреле 1942 г. Рации у Кюхнеля не было, связь с Англией он мог поддерживать только с помощью обычных писем, адресованных немецким военнопленным в Абердине. Точно известно, что он благополучно добрался до Норвегии, откуда пришли два сообщения, второе — в октябре 1942 г. В ноябре 1942 г. поступили не очень четкие сведения о его попытке связаться с норвежским движением Сопротивления — для организации побега в Швецию. Это могло оказаться ловушкой, и норвежцев предупредили: не связывайтесь. Больше о Кюхнеле не было вестей — ни тогда, ни после войны.

Вторая попытка дала более примечательные результаты. На сей раз подобрали некоего Курта Кёнига, молодого социал-демократа, который дезертировал из германской армии и вышел на связь с британцами в Испании летом 1942 г. По его рассказам, он имел отношение к диверсиям в Бремене и сбежал, когда

круг расследования опасно сузился. УСО начало его подготовку в ноябре 1942 г., к работе он был готов в феврале 1943 г. Ночью 16 февраля его сбросили с парашютом совсем недалеко от границы между Германией и Голландией, дав задание связаться со старыми друзьями в районах Бремена и Гамбурга и создать организацию для диверсионной и подрывной деятельности. Рацией его не снабдили. Десантирование прошло не точно, и Курт приземлился при всем честном народе прямо на крышу фермерского дома, где шла свадьба. На какое-то время ему удалось отвлечь от себя внимание рассказом, будто он летчик и выпрыгнул с горящего самолета, но, стоило эту историю проверить, как все пошло бы насмарку, и положение оставалось чрезвычайно опасным. Следующие несколько дней Курт находился в бегах на северо-западе Германии, переезжая на поезде то в Ганновер, то в Бремен — и повсюду без особых сложностей. Все же напряжение оказалось слишком велико, и он решил бросить дело и вновь пробраться в Испанию. К 1 марта он добрался до Сан-Себастьяна, а 26-го возвратился в Англию. Такое «путешествие» выглядело фантастичным и наводило на мысль, что Курт «подсадная утка» гестапо (много позже в захваченных немецких документах были найдены три-четыре полицейских рапорта, каждый из которых служил независимым подтверждением его истории).

Кёниг был готов попробовать еще раз, и ему утвердили одиозное задание — провести диверсии на германских железных дорогах. На сей раз (15 июля 1943 г.) заброска прошла благополучно, он приземлился в назначенном месте на Рейнской земле. 27 июля он вернулся в Сан-Себастьян. За это время он объехал большую часть Западной Германии, встретил кое-кого из приятелей и, как утверждал, пустил в дело небольшой запас взрывчатки: взорвал железнодорожные пути в туннеле около Обервезеля и вывел из строя паровоз. Независимого подтверждения получено не было, но при разборе задания повода усомниться не возникло.

Наконец 7 января 1944 г. Кёниг отправился в третий раз и был заброшен в район Фрейбурга, но на сей раз он не вернулся. Как представляется, он приземлился далеко от расчетной точки, отыскать которую не удалось. Тревога была объявлена по всей округе, и на следующий день Кёнига схватили в Бадене. Его казнили в феврале 1945 г.

Таковы попытки провести операции на территории Германии — до того, как положение переменилось после высадки во

Франции¹. Предпринимались также попытки проникнуть в Судетскую область, но и они не удались. В марте 1944 г. два агента были направлены из Швеции, но их схватили при переходе в Данию. Двух других забросили с парашютом в мае 1944 г., по-видимому, какое-то время они находились на свободе, но потом одного схватили и казнили, а другой покончил с собой, чтобы избежать ареста. Пробовали разными способами наладить контакт по суше из Турции как с Судетской областью, так и с Австрией, и непрочные связи все же существовали, однако (если не считать распространения пропагандистских материалов) они не дали практических выгод. Усилия м-ра Гедье в Турции тоже ни к чему не привели.

Существовал и еще один «открытый рубеж» — югославский. Напомню, что в 1943 г. УСО взялось использовать состояние открытой войны в Югославии для работы с ее территории на соседние страны. Капитан Рассел пробрался в Румынию, майор Фрэнк Томпсон — в Болгарию, некоторые бойцы из группы майора Давидсона — в Венгрию. Оставалась Австрия, и отправлявшаяся с заданием в Австрию группа «Кошачья стая» была самым подготовленным, но и, как оказалось, самым безнадежным предприятием*.

Проект в общем виде утвердили в августе 1943 г., затем последовали обычные проволочки, и только 3 декабря передовая группа попала в миссию бригадного генерала Маклина при Тито в Боснии. Командовал группой подполковник П.А. Уилкинсон, входили в нее майор А.К.Дж. Хескет-Причард и начальник штаба морской пехоты Дж. Хьюз. Тито затею одобрил, и 9 сентября группа отправилась в 300-мильный переход до партизанского штаба в Словении. Примерно к Рождеству они добрались до места, милях в сорока пяти к юго-востоку от Любляны, где их встретил британский офицер связи майор Джонс, канадец². Как повелось в «партизанской бюрократии», местные чиновники Тито встретили их неприветливо, в отличие от Тито, и установить рабочее согласие удалось после нелегких препирательств. Из

¹ Из множества неудачных проектов стоит упомянуть детальное (но неперспективное) исследование возможностей убийства Гитлера и других фашистских вождей. (См. архивные папки УСО — Германский отдел, «Foxley»: папки 1, 2, 3а и b.) [Государственный архив Великобритании опубликовал досье «Foxley» в 1998 г.]

* [О «Кошачьей стае» см. книгу Уилкинсона «Чуждые поля».]

² См. раздел 2 главы XVII.

Словении группа «Кошачья стая» направилась дальше (в самую зиму) через Юлианские Альпы в Северную Италию и словенские округа возле старой австрийской границы, где их ждала более теплая встреча. Один раз попытались пересечь австрийскую границу, другой — пробиться южнее, к побережью Истрии, но обе попытки не удались, и 27 февраля Уилкинсон начал долгое обратное путешествие в Боснию, а Хескет-Причард в качестве представителя «Кошачьей стаи» остался при штабе 9-го Словенского корпуса в Кирчно, милях в двадцати пяти к югу от старой австрийской границы в Оберкрайне.

В освобожденной Италии при спецотряде № 1 уже был создан «тыловой эшелон», и в январе 1944 г. пошли воздушные поставки. С января по июнь 1944 г. Хескет-Причард принял тринадцать грузов — всего было семнадцать попыток сбросов. Уилкинсон выбрался из Боснии весной и вернулся в Лондон, где получил согласие на создание цепи британских перевалочных баз у итальянских и словенских партизан по всему 120-мильному пути через горную территорию — от Доломитовых Альп до точки, где река Драва пересекает границу. Через эти базы надеялись забрасывать австрийских агентов, а позже, возможно, и британских офицеров. Разработка плана делилась на две части: Северная Италия и Словения. Оттуда должна была осуществляться связь со штабом «Кошачьей стаи» в Южной Италии.

Выполнять программу начали с Северной Италии, куда 14 января 1944 г. забросили с парашютом майора авиации графа Чернина и итальянца-радиста. Тогда в руках партизан (по большей части объединившихся в некоммунистическую Осопповскую бригаду) находилась вся территория Ампеццо-Беллуно, и двигаться можно было сравнительно быстро, несмотря на облавы, которые неприятель время от времени устраивал. Майор авиации Чернин безо всякого труда обследовал австрийскую границу с местными проводниками и отыскал маршруты для прохода курьеров. Но пока еще не было агентов, которым предстояло пробираться в Австрию. Воздушные поставки оказались особенно трудны, отчасти из-за соперничества приоритетов, отчасти из-за особенностей местности. Только 12 августа на подмогу Чернину прибыли майор Дж.Р.Г. Филдинг и четверо австрийцев. Из этих австрийцев только одного, Георгео, уговорили на роль агента в штатском, и он с 15 по 28 августа провел успешную разведывательную вылазку в Австрию. Второй раз он отправился в Австрию 9 сентября с итальянским проводником, и больше

о нем ничего не слышали. Другую группу из четырех австрийцев прислали 12 октября, и надо же было такому случиться: приземлившись, они напоролась на немецкий патруль — только одному удалось уйти и добраться до британского представительства. Еще один австриец, радист, который должен был работать с Георгео, благополучно прибыл 17 ноября. Но в то время немцы перешли к активным контрмерам, задавшись целью очистить от партизан Северную Италию¹. Жизнь очень осложнилась, к тому же из-за наступления зимы было невозможно передвигаться по горным дорогам. Были предприняты настойчивые попытки внедрить этого человека в Австрию, но они не удались. Не было смысла пережить зиму на месте, и в декабре 1944 г. вся группа «Кошачья стая» из Северной Италии была вывезена через Югославию.

В Словении Хескет-Причард весной 1944 г. получил в подкрепление двух австрийских офицеров и в конце апреля предпринял решительную попытку пробраться в Австрию. Он преодолел Караванкен, но выяснил, что немцы практически согнали словенские отряды с северных склонов гор к Драуталу. Хескет-Причард вынужден был вернуться в Словению и отправиться на восток, вдоль южных склонов Караванкена, в поисках проходов получше. Между тем (14 мая) с парашютом был сброшен майор К.Х. Вильерс, который прибыл в штаб 9-го Словенского корпуса в Юлианских Альпах (по итальянскую сторону границы). Он быстро понял, что этот район не годится для проникновения в Австрию, и сам отправился на восток, вслед за Хескет-Причардом. А тот уже вместе с партизанским отрядом Восточного Короско выискивал пути и способы проникновения в Драуталь. Вильерс создал передовой штаб «Кошачьей статьи» в отряде Западного Короско, в то время как начштаба морской пехоты Хьюз оставался в штабе 9-го корпуса как связующее звено с его командиром. В июне к нему забросили трех австрийцев, однако внедрить их оказалось невозможно, и в сентябре всех вместе с Хьюзом эвакуировали в Италию.

В это время Вильерс с Хескет-Причардом старались подтолкнуть партизан Короско хоть на некое подобие деятельности: задача оказалась не из легких. Мешали и нежелание партизан, и путаница в распределении ответственности между «Кошачьей стайей» и БОС миссии бригадного генерала Маклина. Партизанская жизнь здесь, на рубеже с Германией, шла иначе, чем в глубинке Югославии: неприятель действовал очень активно, на

¹ См. также пункт 2 подраздела «в» раздела 2 главы XXIII.

население нельзя было полностью полагаться. Британцы же настаивали на весьма активных действиях. К чести партизан и самого Хескет-Причарда, ему в конце концов удалось (лестью и обещанием поставок) побудить их поддержать его поход за Драву. В июне — сентябре 1944 г. около 25 тонн грузов пришло в ответ на запросы партизан, и численность их в Короско выросла с двухсот до двух тысяч человек. В середине сентября окончательно согласовали план, но даже тогда партизаны не соглашались на отвлекающие действия всеми силами до тех пор, пока не получат припасов, для доставки которых требовалось семьдесят самолетов. Запрос этот в конце концов отвергли в высоких сферах, поскольку было ясно, что схватка из-за послевоенной итальянской границы уже не за горами. Хескет-Причард, так долго убеждавший партизан в необходимости активных действий, уже не мог отступить, и 15 октября переправился через Драву с отрядом из восьмидесяти словенцев. К 20 октября они обосновались в Сауальпен, к западу от Вольфсберга, зайдя довольно далеко на территорию Австрии. Население (часть его — словенцы) относилось к ним дружелюбно, но пассивно. Погода быстро портилась, и выяснилось, что невозможно выслать хотя бы один самолет с припасами. В Италии в готовности находилась группа подкрепления из шести британских офицеров и двух радистов, но ей так и не суждено было отправиться. Из донесений Хескет-Причарда выяснилось, что его группу немцы донимали и теснили все сильнее и сильнее и что его отношения с партизанами ухудшились. А с 3 декабря донесения поступать перестали. Как рассказывали партизаны (около сорока из них остались живы и дождалось здесь окончания войны), в тот день Хескет-Причард был ранен, и, возможно, смертельно.

Майора Вильерса в сентябре сменил в Короско майор Пиккеринг. Общий план был таков: если Хескет-Причард сумеет обосноваться в Сауальпен, Пиккерингу тоже следует пересечь Драву и двигаться дальше к востоку, к Штирии. Неудача Хескет-Причарда и повышенное внимание немцев к границе сделали это невозможным, и Пиккеринга в конце декабря 1944 г. перевели в Южную Италию.

До сих пор «Кошачья стая» являла собой пример отваги без всякого практического результата. Однако прежде чем списать группу как бесполезную, стоило бы, выйдя за рамки повествования, проследить, что происходило в Австрии в последние месяцы войны. Отыскать возможных агентов среди австрийских военнопленных оказалось несложно: около тридцати из них

проходили подготовку в Италии к операциям весны 1945 г. Есть смысл кратко представить эти операции. Если не считать некоторых незначительных проникновений из Швейцарии, то они и представляют собой все активное австрийское Сопротивление, поддержку которому оказывало УСО:

- 1) 7 февраля лейтенант О'Хара был сброшен с парашютом вслепую с рацией вблизи Граца для установления связи с местным социал-демократическим движением. Он уже однажды делал попытку в одиночку пешком пробраться в Тироль из Больцано, а когда потерпел неудачу, то нашел обратный путь к линии фронта союзников в Италии. Его прежние связи в Граце, как выяснилось, серьезно пострадали из-за деятельности гестапо, тем не менее О'Хара разыскал нескольких друзей и установил радиосвязь с базой. К сожалению, вскоре ему пришлось пуститься в бега, и не было возможности переслать ему запасные батареи для рации и другие припасы. Первую связь он наладил с дотоле неизвестным отрядом словенских партизан в Кор-Альпен, затем попытался с небольшой группой добраться до Югославии. Примерно 21 марта их обнаружили при переправе через Драву, и О'Хара был убит.
- 2) 16 февраля трех австрийцев сбросили с парашютом возле Юденбурга с заданием пробраться в район Зальцбурга. Группу сразу же выдал один из ее участников, который к тому же попытался (безуспешно) обмануть УСО, работая на своей рации по заданию гестапо.
- 3) 23 марта радист-одиночка лейтенант по кличке «Кеннеди», приземлился возле Кремса и сумел добраться до Вены, где у него были друзья среди социал-демократов. К сожалению, при приземлении потерялась рация, однако, по-видимому, в Вене ему удалось отыскать боевое ядро Сопротивления, состоявшее в основном из дезертировавших солдат германской армии. Под его командой, как утверждал Кеннеди, находилась отборная группа из 130 человек, хорошо вооруженных и обученных. С начала апреля и до падения Вены 13-го бойцы группы активно чинили помехи оборонявшимся в городе гитлеровцам и сделали немало полезного. После освобождения «Кеннеди» вначале обрадовался радушию русских, а потом они его арестовали и продержали в заключении до июля¹.

¹ Его рассказ включен в Приложение «G» к «Истории группы «Кочачья стая»» («Германская история УСО»).

- 4) 24 марта еще один радист-одиночка был сброшен с парашютом возле Мюрццушлага в Штирии, где отыскал друзей и наладил связь с базой. Как явствует из его рассказа¹, в горах действовали отряды австрийских дезертиров, правда, он с ними связи не поддерживал до капитуляции и сам открытых акций против неприятеля не устраивал.
- 5) 20 и 24 апреля три группы из восьми человек сбросили вслепую в районе между Грацом и Юденбургом, они должны были совершать диверсии на железных дорогах и, если удастся, обеспечить сохранность аэродрома в Цельтвеге, который мог пригодиться для эвакуации союзных военнопленных. Группам не повезло с рациями и другим оборудованием, но в остальном дела пошли хорошо². Они засвидетельствовали смятение гибнущего режима: отряды австрийских дезертиров, утвердившиеся в этих условиях как партизаны, и никому не подчиняющиеся венгры, деревенские общины, сплывающиеся, чтобы защитить самих себя, офицеры вермахта, которым некому было отдать приказы, гестаповцы, стремящиеся спасти свою шкуру у западных союзников. В результате посланцы УСО сохранили аэродром, удалив все взрывные заряды. Но в это время произошли изменения в границах зон ответственности союзников, и эта местность оказалась под контролем русских.
- 6) Наконец, яркая звезда австрийского движения Сопротивления — Альбрехт Гайсвинклер. В июне 1944 г. он, дезертировав из вермахта, подался во Францию, к маки, прихватив с собой четыре грузовика с оружием и боеприпасами, а также 500 000 франков, потом, в сентябре, он с семнадцатью немецкими пленными дошел до американской линии фронта. 8 апреля 1945 г. он приземлился с парашютом в своем родном краю, у гор Зальцкаммергут, однако не совсем удачно: группа, потеряв большую часть снаряжения, спаслась только благодаря мастерству скалолазания по заснеженным горам. И все же прибыла группа в нужное время. В округе Бад-Аусзе, являвшемся, если можно так сказать, оплотом фашистов, Гайсвинклер спеш-

¹ Его рассказ включен в Приложение «Н» к «Истории группы “Кошачья стая”» («Германская история УСО»).

² Приложения «Е» и «F» к «Истории группы “Кошачья стая”» («Германская история УСО»).

но создал боевой отряд из 350 человек и вооружил их за счет немцев. В последние недели нацистского режима ему удалось заморочить голову фашистам множеством обманных угроз, и, когда пришли американцы, он полностью подчинил себе управление округом, задержал нескольких видных нацистов (в том числе Кальтенбруннера), решительно остановил все разрушения и подрывы, отыскал спрятанные фашистами раритеты, в том числе знаменитое полотно Леонардо да Винчи «Мона Лиза» и драгоценности австрийской императорской короны. Американцы в знак признательности за оказанные услуги тут же сделали его *Bezirkshauptmann* — военным комендантом района.

Остальные австрийские операции сорвались из-за задержки с подготовкой радистов: девять групп завершали обучение, когда наступил мир, потому их использовать не удалось. Работа последних нескольких месяцев дает представление о той благоприятной обстановке, какую могло бы создать австрийское движение Сопротивления. На это можно возразить, что никакой благоприятной обстановки и в помине не было, пока не стало очевидно, что гитлеровскому рейху конец: австрийцы, мол, пальцем не пошевелили, разве что перешли на сторону победителей. Это, несомненно, верно. Зато, когда время пришло, австрийцы проявили немало ретивости, и стало очевидно: вовсе не бездумно УСО столь щедро делилось своими ресурсами с «Кошачьей стаей». Если бы вовремя удалось установить связь, перемены в Австрии могли бы произойти скорее и вклад австрийцев оказался бы весомее.

5. Иностранцы рабочие в Германии

Очевидно, изначально план Германии по эксплуатации населения Западной Европы состоял в том, чтобы промышленность в оккупированных странах продолжала работать во славу рейха. Но уже в 1941 г. стало ясно, что эта затея политически опасна и экономически неэффективна. Тогда немцы принялись свозить людей из разных стран на работу в Германию — для расширения производства там. Эта политика с самого начала применялась на Востоке, на Западе ее использование усилилось после того, как в ходе зимней кампании 1941/42 г. германские людские ресурсы стали истощаться. Во Франции 1942-й стал

годом «обмена» и рождения маки, в Италии события несколько запаздывали, однако стоило режиму Муссолини пасть, как тут же исчезли ограничения на трудовую повинность и вывоз итальянских рабочих. Точного числа иностранных рабочих (впоследствии ставших перемещенными лицами) в Германии, наверное, не узнать никогда, но оно, несомненно, велико (порядка 10 000 000) и составляет громадную часть в германском военном производстве.

Судя по всему, обстановка в стране благоприятствовала деятельности УСО, и оно воспользовалось этим, пробравшись в центры германской промышленности, заделавшись эдаким «троянским конем». Такой подход производил впечатление на политиков, журналистов и обывателей. УСО никогда не плелось следом за общественным мнением: первые попытки склонить иностранных рабочих к диверсионной деятельности были сделаны еще в апреле 1941 г. Пропаганда же, направленная на поддержание их морального духа и побуждающая к пассивному сопротивлению, всегда являлась одной из главных задач УПВ. Бесспорно, что большую часть работы с таким перспективным материалом УСО могло взять на себя. Дело вовсе не в гестаповском надзоре, ограничивавшем передвижение рабочих, и даже не во множестве «подсадных уток» среди них, важнее было отыскать средства прямой связи. Трудности намного возрастали в ходе операций, выполняемых иностранцами, передвижения которых по Германии осложнялись и языковым барьером. Это значило, что устанавливать связь можно было только через организации УСО на оккупированных территориях откуда забирали рабочих. Эффективность работы Германского отдела УСО зависела во многом от других отделов УСО и эмигрантских правительств, с которыми ему приходилось иметь дело. Это поняли довольно рано, но не так-то легко оказалось что-то изменить.

Так что мало конкретного можно поведать о работе УСО в данном направлении — до последнего этапа, когда союзные правительства вновь стали действовать в собственных странах на Западе. Конечно, иностранные рабочие и оказывали пассивное сопротивление, и устраивали «нераспознаваемые» поломки, наверное, немало было среди них и стихийно созданных организаций. Однако это никоим образом не руководилось и не направлялось УСО. Самое большее, что могло УСО, — указать своим агентам, какой линии следовать в отношении рабочих в Германии, и поощрять любые попытки организаций Спротив-

ления расширить свою деятельность за пределами германской границы. Скажем, у французов были активные (хотя и соперничающие) организации, пригодные для такой цели. Профсоюзы (ВКТ) были заинтересованы в сохранении своей организации среди депортированных рабочих, они готовили пропагандистские материалы, а в феврале 1944 г. еще и направили специальную группу («миссию Варлина») для организации такой работы во Франции. Существовало также порожденное коммунистами *Mouvement des Prisonniers de Guerre et Déportés*[□], но его прежде всего заботило социальное обеспечение, а не акции сопротивления.

По сути дела, получалось, что дела зашли в тупик именно на том участке фронта, где неприятель казался уязвимым, а значит, необходимо рассказать о том, как втуне пропали усилия УСО выбраться из этого тупика с помощью операции «Луна», или «Брэддок».

Замысел состоял в том, чтобы «разбросать» по всей Германии дешевое оборудование для совершения диверсий и «нераспознаваемых» поломок. Даже малое количество такого оборудования, оказавшись в руках иностранных рабочих и инакомыслящих немцев, превратилось бы в грозное оружие. Зародилась подобная мысль, как выяснилось, в ходе бесед лорда Червелла и бригадного генерала Габбинса 25 сентября и 22 ноября 1941 г.¹ Профессор тогда был серьезно озабочен стратегическими соображениями высшего порядка: с техникой, какой в то время располагали Королевские ВВС, невозможно было без «содействия» луны с приемлемой точностью накрыть какую-либо цель. У лорда Червелла не было сомнений, что технически возможно изготовить в больших количествах боевые зажигательные устройства и разбросать их на широком пространстве. Бригадный генерал Габбинс разъяснял, что УСО строит планы организованной, а не беспорядочной диверсионной деятельности, и в целом идею с разбросом устройств не одобрял, к тому же против этого были польское и французское правительства в изгнании.

На том дело и затихло до весны 1942 г., когда за него взялся сам м-р Черчилль, вдохновленный, видимо, книгой Джона Стайнбека «Луна зашла»². 27 июля 1942 г. лорд Селборн представил

[□] Движение военнопленных и депортированных (*фр.*)

¹ Занесено в архивную папку УСО 1/470/2.

² По-видимому, не существует никаких отчетов УСО о том, как это произошло, нет и оригинала указаний м-ра Черчилля.

премьер-министру первый подробный план данного проекта¹. Теперь он состоял из двух частей:

Проект I: конструкция должна была представлять собой небольшую упаковку, вмещающуюся в стандартный контейнер для зажигательной бомбы — такие применялись на британских бомбардировщиках. Вес — около 4 фунтов. Там же должны были гладкоствольный пистолет с десятью обоймами, три карманных зажигательных устройства, однофунтовая граната, приспособление для прокола шин и еще кое-какие мелочи. Предназначались такие контейнеры для сброса на парашюте над территорией оккупированных стран. Применение таких наборов, следовательно, могло быть полезно в решающий момент военных действий.

Проект II: исследовательский отдел УСО разработал крохотное зажигательное устройство, дающее пламя с температурой 2000° С в течение четырех минут. Его снабдили дешевым в производстве запалом с получасовым замедлением. Устройство наклеивалось на картонку размером «не больше плитки шоколада», которую спокойно можно было сбрасывать с самолета безо всякого парашюта. На картонке на многих языках были отпечатаны инструкции по использованию, приспособление практически не было подвержено порче из-за погодных условий. В один «ланкастер» можно было погрузить до 10 000 таких устройств, так что за одну ночь можно было разбросать 5 000 000 «зажигалок». В своем роде то было совершенное оружие: его легко изготовить, оно легко в обращении, его легко скрыть — и оно наделено разрушительной силой. Предполагалось, что в Германии сыщутся люди, жаждущие заполучить это устройство, и что в Германии нельзя следовать политике массовых наказаний без того, чтобы не разрушить ту отрасль промышленности, которая подверглась нападению.

Комитет начальников штабов направил этот документ² в Объединенную канцелярию военного производства, которая подтвердила возможность массового изготовления устройства³, и 27 сентября Комитет начальников штабов утвердил оба проекта при условии последующего обращения к КНШ перед началом операции⁴. Санкционировали производство 30 000 «боевых наборов» и

¹ Копия в документах лорда Селборна, папка переписки с премьер-министром.

² COS(42)99-е (0) заседание, протокол 3 от 25 августа и COS(42)233(0) от 20 августа.

³ COS(42)270(0) от 17 сентября.

⁴ COS(42)274-е заседание от 28 сентября.

1 000 000 маленьких зажигательных устройств, или «брэддоков»[□]. Позже производство «боевых наборов» увеличилось, их включали и в проекты, предназначенные для других движений Сопrotивления; план «Брэддок» в первую очередь был ориентирован на Германию, и два его проекта оставались важнейшими для УСО в диверсионной деятельности на территории Германии.

Надо сказать, что никто этот план всерьез не поддерживал, кроме самого лорда Селборна. Премьер-министр, даже сохраняя интерес, по-видимому, утратил энтузиазм, Германский отдел УСО был настроен скептически, а Королевские ВВС не хотели сбрасывать ничего, кроме бомб. Союзные правительства нервничали из-за карательных мер, которые могли за этим последовать. Так что перечень официальных лиц, отнесшихся довольно прохладно к этим устройствам, перечислять нет необходимости¹.

Главные этапы таковы:

- а) В феврале 1943 г. Комитет начальников штабов утвердил увеличение заказа на «брэддоки» до 3 000 000².
- б) В апреле 1943 г. было изготовлено 700 000 «брэддоков», производство продолжалось на уровне 300 000 «зажигалок» в месяц. Лорд Селборн убеждал премьер-министра дать разрешение на применение устройств, м-р Черчилль в одобрительном тоне испросил совета у Комитета начальников штабов. Там предложение отвергли: крупная операция отвлекла бы силы авиации, так необходимые в ходе битвы за Атлантику. Производство, считал КНШ, не должно превышать установленный предел — 3 000 000 зажигательных устройств.
- в) Лорд Селборн принял это не без возражений. После дальнейших уговоров в конце мая 1943 г. ему удалось заручиться согласием, что производство должно продолжаться на существующем уровне, пока не подтвердится, что данный вид «оружия» неудачен³.

[□] Названы в честь британского генерала Джеймса Брэддока, командовавшего армией в Америке и погибшего в 1755 г., когда его войска попали в ловушку, подготовленную французами совместно с индейцами; командование отступавшей армии принял Джордж Вашингтон.

¹ Документы собраны в архивных папках УСО Планы/370/COS «Брэддок», XF/28 т. 1 «Брэддок», а также AD/E досье «С.1 Брэддок».

² COS (43)33-е заседание, протокол от 3, 8 февраля.

³ COS(43)229(0) от 1 мая; COS(43)94-е (0) заседание, протокол от 4, 5 мая; COS(43)274(0) от 27 мая; COS(43)98-е заседание, протокол от 1, 31 мая.

- г) Очередной нажим последовал в октябре 1943 г. — в виде записки премьер-министру¹. Это привело в конце ноября (через окольные каналы) к очередному отказу начальников штабов и наконец (в начале февраля 1944 г.) к решению прекратить производство, когда завершится изготовление 4 000 000 «брэддоков»².
- д) Теперь на складах находилось 3/4 миллиона «брэддоков», приближался день «Д», а с ним и прекращение — на некоторое время — всякого рода отвлекающих операций. Комитет начальников штабов в феврале несколько изменил подход, заявив, что подходящий момент для реализации плана «Брэддок» настанет после утверждения операции «Владыка». В начале мая Объединенный комитет по разведке уговорили даже рекомендовать, «что следует предусмотреть реализацию «Брэддок II» сразу же после «Владыки» в свете оперативных требований». Но тут начальники штабов (в протоколе заседания почти слышен вздох облегчения) пришли к заключению, что дело это следует решать Совместному комитету начальников штабов и генералу Эйзенхауэру. Лорду Селборну пришлось начать все сначала, уговаривая американцев принять его сторону.
- е) Американцы по крайней мере оказались более сговорчивыми, чем британцы, и действовали быстро. Операцию «Брэддок» провели 25 сентября (день отхода под Арнемом), сопроводив ее довольно мощной пропагандистской поддержкой. Однако сбросили всего 250 000 зажигательных устройств, причем сбросили с «летающих крепостей» и днем, так что неприятель знал, куда примерно они попали: в район Франкфурта и Майнца. Несмотря на эти недочеты, операция прошла относительно успешно, насколько можно судить по реакции противника. Прямых свидетельств не имелось, зато хватало косвенных: неприятель озадачен и раздражен, и всей Германии известно, что произошло. Лорд Селборн настаивал на проведении

¹ Датирована 4 октября, в документах лорда Селборна.

² COS(43)287-е (0) заседание, пункт 1, JIC(43)439(0) от 9 ноября; COS(43)280-е заседание, Приложение; COS(43)721(0) от 20 ноября; COS(43)725(0) от 22 ноября (письмо лорда Селборна м-ру Эттли от 19 ноября); COS(43)287-е (0) заседание, протокол от 5, 24 ноября; Записка премьер-министру датирована 1 февраля 1944 г., завизирована премьер-министром 6 февраля 1944 г. (в документах лорда Селборна).

таких акций в большем масштабе, но, к сожалению, в это время произошла смена руководства организации. Генерал Беделл-Смит* аккуратно отфутболил мяч стратегическим ВВС, которыми командовал заместитель начальника штаба ВВС, и генералу Спаацу**, те через государственного министра авиации — обратно ШЭВС, который приговорил: решение по «Брэддоку» не пересматривать до тех пор, пока «ситуация не разрядится»¹. Лорд Селборн попробовал еще раз обратиться к премьер-министру — и вновь безуспешно².

Жесткий панцирь недопонимания удалось пробить только с помощью обходного маневра — через УПВ и секцию психологической войны ШЭВС, которые поддержали план разброса «брэддоков» в небольшом количестве — как часть собственного плана психологического давления на немцев: скорее, блеф, нежели боевая операция «Брэддок». Но с этим ШЭВС согласился (1 февраля 1945 г.)³, и в ночь на 20 февраля была начата серия мелких операций. В ходе первой с самолета Особой агитационной эскадрильи над Западной Германией разбросали 3500 «брэддоков».

До 10 марта, таким образом, было сброшено около 56 000 «брэддоков», и тогда наконец вмешался премьер-министр:

«Начальнику штаба ВВС

О плане «Брэддок»

У нас изготовлено 3/4 миллиона зажигательных устройств «брэддок», а иностранные рабочие в Германии в данное время,

* [У.Б. Смит, 1895—1961 гг., начальник штаба у Эйзенхауэра в 1942—1945 гг., посол в Москве в 1946—1949 гг., директор ЦРУ в 1950—1953 гг. См. его книгу «Шесть знаменательных решений Эйзенхауэра» (Н-Й., 1965).]

** [К.А. Спаац, 1891—1974 гг., наблюдал за Битвой за Англию в 1940 г., старший американский военно-воздушный командующий в Европе в 1942—1944 г., в Тихоокеанском регионе — в 1945 г.]

¹ Послание сэра А. Синклера лорду Селборну от 7 ноября 1944 г.; письмо ШЭВС заместителю начальника штаба ВВС от 26 ноября 1944 г.; копии обоих в архивной папке УСО XF/28 «Брэддок».

² Письмо от 28 ноября м-ру Черчиллю (копия лорду Червеллу); COS (44)1063(0) от 30 декабря; использовано COS(45)2-е (0) заседание.

³ Радиограмма от полковника Алмса 4 февраля, а также письмо ШЭВС от 9 февраля; копии обоих документов в архивной папке УСО XF/28 «Брэддок».

должно быть, весьма норовисты. Убежден, пришло время пустить это оружие в ход.

У.С.Ч. 10.3.45»¹

Было явно поздно, и КНШ² рекомендовал «действий не предпринимать», а премьер-министр подчинился. 7 апреля генерал Габбинс официально отказался от борьбы, а ШЭВС от всей души поддержал его решение³.

Около трех миллионов «брэддоков» оставались на складах; возникла задача: где эти устройства применить?

Не так-то легко определить, сколько сил и времени в данном случае потрачено впустую. История эта не делает чести британской военной структуре в целом, но можно понять УСО, которое пыталось хоть что-то сделать. Идея в принципе привлекательна, техническое осуществление великолепно, поддержку оказал сам м-р Черчилль, УСО действовало совершенно обоснованно и авторитетно, настаивая на принятии решения, — но решение так и не было принято. И нет ответа на вопрос, который задавался еще при составлении плана: «брэддок» можно сравнивать с дыркой от бублика или с другими взрывными устройствами?

5. «Административные диверсии» и «черная» пропаганда

Из того, о чем говорилось раньше, ясно, что УСО немного достигло бы в Германии, действуя в традиционном ключе, то есть просто засылая агентов. В какой-то мере это компенсировалось необычайно активными действиями в сфере, пограничной между УСО и УПВ: разжигание недовольства, ложные слухи и создание сумятицы. Нет такого определения ведомственных функций, которое бы твердо устанавливало, кто именно несет за это ответственность, но, по счастью, всегда тесно сотрудничали подполковник Торнли и м-р Сефтон Делмер*, руководи-

¹ Копия в архивной папке УСО 0.2(а) «Брэддок».

² COS(45)65-е, 66-е и 71-е заседания от 12, 13 и 19 марта.

³ Письмо генерала Габбинса в УПВ от 7 апреля и согласие бригадного генерала Макклюэ, датированное 26 апреля; оба документа в архивной папке УСО XF/28 «Брэддок».

* [Д.С. Делмер, 1904—1979 гг., род. в Берлине, руководил «черной» пропагандой в 1940—1945 гг., после войны вернулся к журналистике; в НБС.]

тель отдела УПВ по «черным» акциям против Германии, и сфера эта никогда не была ареной межведомственных споров.

Вполне достаточно лишь нескольких примеров из широкого спектра действий:

- 1) Во-первых, пробовали внести разноречивую и путаницу в деятельность германских исполнительных властей, широко распространяя поддельные распределительные карточки (и даже подлинные карточки) разных видов: на продовольствие, на одежду, на специальное вспоможение для «разбомбленных». В первый раз попробовали это в июле и августе 1941 г., когда с самолетов РВВС сбросили 100 000 поддельных карточек на одежду. В германской прессе появилось много материалов на эту тему, и операцию сочли успешной, однако по разным причинам других таких попыток не предпринималось до весны 1943 г.¹, после чего такие акции продолжались до апреля 1945 г., когда ШЭВС прекратил их в преддверии перехода исполнительной ответственности в Германии к союзникам. Как явствует из германских документов, обнаружить подделку было очень трудно, а потому, чтобы справиться с фальшивками, приходилось быстро вносить изменения в настоящие документы — что требовало дополнительных затрат и времени.
- 2) УПВ в больших количествах готовило материалы подрывной пропаганды для немецких войск и экипажей подводных лодок, распространяло которые, особенно в оккупированных странах, УСО. Удачнее всего получалось с простыми «техническими» советами или указаниями по «симуляции», которые доводились до немецких солдат самыми разными способами. Палка, впрочем, была о двух концах: если немецким солдатам удавалось с помощью симуляции получить длительный отпуск или освобождение от службы, то от участия в боевых действиях они устранялись, будто их пуля сразила. Само наличие британских «указаний» означало, что всякий немецкий офицер-медик во

¹ См. «Дневник Геббельса» (довольно сомнительный источник): «Поддельные распределительные карточки 16 марта 1943 г.

Сброс поддельных продовольственных карточек с английских самолетов доставляет много хлопот. Использование таких карточек будет сурово караться, в отдельных случаях — даже смертью».

время обычного осмотра трижды задумается, попусту много времени потратит, может, даже самого себя убедит, будто доблестные солдаты обманывают его, симулируя болезненные симптомы. Этот способ впоследствии был усовершенствован: готовились конверты, куда вкладывались не только листовки с призывами к дезертирству, но и полные комплекты необходимых документов, с которыми немецкий солдат мог пробраться в Германию, — нужно было только заполнить нужные графы, сообщив данные о себе.

- 3) Агенты и сотрудники УСО распространяли также материалы на немецком языке с прямой антифашистской пропагандой: листовки, небольшие плакаты, «наклейки» с антинацистскими лозунгами. Многое обряжалось во вполне невинную форму: портрет Гитлера с разоблачительными сведениями на обороте; выдуманное воззвание генерала Фалькенхорста, главнокомандующего в Норвегии, обращавшего внимание на участвовавшие случаи дезертирства в Швецию; уведомление, якобы распространенное СС, в котором осуждались заговоры в армии против Гитлера, — задолго до июля 1944 г. Иногда (как, например, в нелегальной газете, отпечатанной в Стокгольме) требовалось создавать впечатление, будто эти материалы — дело рук германских «подпольных» движений самого разного толка. По сути, с помощью бумаги и краски делалось то же самое, что и на «Густав Зигфрид Эйнц» и других «черных» радиостанциях УПВ.
- 4) Наконец, распространялись разные небылицы с целью унижить видных членов нацистской иерархии или по крайней мере смутить и озадачить добропорядочных обывателей. Самая известная из них — «гиммлеровская марка», обычная шестипфенниговая германская почтовая марка, на которой вместо головы Гитлера красовалась голова Гиммлера. Одна из марок должным образом прибыла в Швейцарию со штампом гашения: «Штутгарт 23 сент. 1943». В результате в прессе нейтральных стран появились статьи, где утверждалось, что существует замысел сделать Гиммлера преемником фюрера¹. В апреле 1945 г. воспользовались той же идеей и изготовили марку в па-

¹ В Архиве УСО (папка XF/G/82) есть как минимум один экземпляр из этих филателистических раритетов.

мать о фельдмаршале Витцлебене*, которого повесили за участие в июльском путче. Повтор, возможно, ошибочный, да и слишком поздний, чтобы вызвать какие-либо последствия. Это лишь два примера из целой серии «фокусов», цель которых — натравить гестапо на чиновников рангом ниже, приписав тем разного рода антирежимные поступки.

Здесь, наверное, уместно (хотя и в ущерб хронологической последовательности) разобраться с самой яркой подрывной акцией (во всяком случае, по замыслу) — операцией «Парик». Более активно операциями по «разложению» на территории Германии стали заниматься только в апреле 1944 г., когда уже было ясно (во всяком случае, многим), что в Германии уже поздно создавать настоящую подрывную организацию. Но ведь можно кое-чего достичь — при относительно невысоких тратах, — создав *воображаемую* подрывную организацию! Объединив организационные и творческие ресурсы, УСО с УПВ вполне могли бы осуществить такую задумку, заставив германские службы безопасности заняться расследованием.

Проект этот отличала подлинная новизна, и обещал он многое, потому очень жаль, что возможности его так и не были использованы. Отдел разработки «Парика» создали в УСО только 12 ноября 1944 г., набросать контуры воображаемого германского движения Сопротивления удалось довольно быстро: в армии, в сфере промышленности, в церкви, на железнодорожном транспорте. Были намечены примеры, на основе которых следовало выстраивать доказательства его существования. Официальное утверждение, впрочем, последовало только 12 января 1945 г., но даже тогда оговаривалось, что, выбирая доказательства, не следует говорить о поддержке «движения» союзниками. Ограничение это не снималось до 15 февраля 1945 г., а в середине марта ШЭВС наложил новое ограничение, запретив все союзнические операции по воздушным поставкам в Германию.

Так что серьезной возможности опробовать план не было, хотя отдельные версии из него были использованы. За пределами Германии у УСО хватало возможностей распространять слухи, которые непременно стали бы известны немцам в нейтральных

* [Э. фон Витцлебен, 1881—1944 гг., командующий армией и фельдмаршал в 1940 г., вышел в отставку в 1942 г., в случае успеха покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. должен был стать во главе германской армии; повешен.]

и оккупированных странах. В самой же Германии требовалось провести тщательную работу с использованием авиации. Начать ее следовало со сбрасывания различных грузов и документов для несуществующих «комиссий по встрече» и выпуском почтовых голубей. Завершаться все должно было выброской немецких агентов, дабы они убедились в существовании «отрядов Сопротивления». Первые стадии плана прошли в спешке и суете, последняя же — едва началась. Всего четверых агентов сбросили с парашютом: двоих — 2 апреля и двоих — 18 апреля, а пятого внедрили из Швеции через Копенгаген. Все они выполнили возлагаемые задания, все выжили и вернулись к союзникам. Однако с изменением обстановки в апреле 1945 г. необходимость в операции «Парик» отпала. «Парик», как и «Брэдок», — эпизоды подрывной деятельности, которые еще ждут своих исследователей.

7. Последний этап

2 августа (как раз тогда американцев выбили с плацдарма) генерал Габбинс учредил специальный Комитет УСО по Германии с указанием, что «отныне Германия является первоочередной целью для УСО и все наши усилия и ресурсы следует сосредоточить на проникновении непосредственно в рейх». Германскому отделу УСО впервые выпала такая возможность: он получил право первого запроса на ресурсы УСО, он мог свободно действовать с союзнических территорий, близких к Германии, а среди множества немецких военнопленных мог подобрать себе подходящих агентов. К сожалению, было уже слишком поздно, чтобы продвигаться дальше первых организационных шагов.

Осуществление замыслов несколько сдерживалось наличием ШЭВС и УСС, однако между ними было достигнуто вполне приемлемое (пусть и довольно туманное) соглашение. Операциями УСО в Германии руководит отдел в Лондоне, который в октябре 1944 г. повысили в статусе до Директората во главе с генерал-майором Дж.У.Р. Темплером, награжденным орденами Бани, «За безупречную службу» и Британской империи 4-й степени*. Штаб-квартира Специальных войск, где УСС было

* [Сэр Джеральд Темплер, 1898—1979 гг., введен в рыцарское достоинство в 1949 г., кавалер ордена Подвязки с 1963 г., начальник Имперского генерального штаба в 1955—1958 гг.; в НБС.]

полностью объединено с УСО, перестал существовать, и УСС принялось за организацию собственных операций в широком масштабе. И УСО, и УСС действовали под общим руководством ШЭВС, получали от него различные указания, которые обычно долго вынашивались, а потом появлялись на свет в довольно туманных выражениях. На деле координация во многом обеспечивалась присутствием в центральной структуре ШЭВС полковника Р.Э. Брука как главного офицера связи от УСО и от СИС.

В то же время УСО направило в освобожденную Европу различные представительства, чтобы «ликвидировать» данные им обязательства и создать передовые базы для деятельности против Германии. В их числе:

- а) ME24 (или SPU24), представительство УСО, которое в сентябре 1944 г. прибыло в Париж. Эта группа помогала французам утвердить основы собственной организации специальных операций. Невзирая на споры между DGER (во главе с «Пасси» и Сустеллем) и министерством военнопленных и депортированных (во главе с Френэ), во Франции были открыты несколько школ подготовки для французов, а около сорока французских организаторов и радистов завершили подготовку в школах Англии. Всех этих усилий хватило всего на две французские группы, засланные в Германию: трое из них остались живы, но добились немногого.
- б) Такое же представительство обосновалось в Брюсселе в конце 1944 г. — для работы с бельгийскими специальными службами. Бельгийцы взялись за дело горячо, не тратя — не чета французам — понапрасну усилий, и в итоге четырнадцать агентов были внедрены в Германию, чтобы отыскать там и организовать бельгийских рабочих. Все, за исключением трех (они погибли в авиакатастрофе), дожили до окончания войны, но не совершили ничего значительного.
- в) В Голландии задача была посложнее, поскольку самые важные районы страны все еще находились под немецкой оккупацией. У голландцев не было интереса вести агитационную работу в Германии, когда над их страной нависла угроза уничтожения. Представитель УСО при голландском штабе в Эйндховене мало преуспел в вербовке подходящих рабочих, ничего не вышло и из попыток дать

делу ход изнутри оккупированной Голландии через тамошних агентов УСО.

- г) Наконец, была еще SPU22, история которой полна приключений. Начало ей положила отправка в Лилль 3 сентября 1944 г. подполковника Хейзелла из Польского отдела УСО — для изучения и улаживания дел «Моники», действовавшей в том районе польской организации. По его совету была сформирована небольшая группа, чтобы «ликвидировать» структуру «Моники» и убедить поляков проникнуть в Германию. Группа поначалу обосновалась в районе Лилль — Рубэ, затем, в середине октября, переместилась в Бельгийские Арденны, чтобы отыскать подходящую базу для прохода через линию фронта. Двенадцать поляков уже были завербованы для работы в Германии, однако возникли трудности (что весьма естественно в той политической обстановке) с высокими польскими инстанциями. И только в начале декабря 1944 г. разрешение на польские операции было дано, а SPU22 меж тем нашло себе занятие — подбор германских удостоверений личности, распределительных карточек, форменного обмундирования и прочего, чего настоятельно требовало УСО в Лондоне. Подполковник Хейзелл приобрел эти ценные трофеи в Аахене вскоре после взятия города, тогда же было решено, что это должно войти в официальные обязанности SPU22. В то же время выяснилось, что SPU22 незаменима как центр заброски и других агентов, помимо поляков, и к середине декабря туда прибыли немцы и французы, которых разместили по разным домам в Бельгийских и Французских Арденнах.

Так что SPU22 (без всяких предварительных планов) стало заниматься той частью работы УСО, которую оно прежде вело, проникая по суше в Германию с запада. К сожалению, на ее становлении сказались две серьезные неудачи. Во-первых, на Рождество пришлось срочно перебираться в Северную Бельгию, спасаясь от наступления Рундштедта. Понадобилось время, прежде чем спешка смогла обосноваться и вновь начать действовать в Гентском округе. Во-вторых, действовать ей приходилось в зоне США с устного согласия ШЭВС, но не имея такого же согласия от 12-й армейской группы США и 1-й армии США, которые непосредственно опекали эту зону. Подполковнику

Хейзеллу позволили остаться, хотя УСС (по какой-то личной причине) не задействовали, зато ему приходилось брать все ресурсы из британских источников в глубоком тылу, к тому же не разрешалось внедрять агентов через самые удобные участки фронта — там, где располагались 1-я и 9-я армии США. Операции приходилось ограничивать куда более плотными участками 21-й (британской) армейской группы и 3-й армии США.

В таких условиях действительных достижений и не могло быть много. Для долгосрочной работы удалось внедрить пять поляков и одного немца, хотя к концу марта 1945 г. было явно поздно создавать на такой основе организацию любого вида, потому на последней стадии французские, бельгийские и немецкие агенты SPU22 использовались для тактической разведки и «спецназовской» работы во взаимодействии с подразделениями специальных войск 21-й армейской группы¹. Некоторые из этих операций (небольшого масштаба) оказались чрезвычайно успешными. Под конец SPU22 пошла вперед вместе с 21-й армейской группой, которая вошла в Германию, и в итоге влилась в ME42 — представительство УСО, приданное британским оккупационным войскам.

Мы уже знаем, какую роль играли представительства УСО в нейтральных странах, особенно в Швейцарии и Швеции, и какие операции проводились против Австрии с юга. Директорат в Лондоне координировал все эти действия, он же по большей части отвечал за отбор и подготовку подходящих немецких агентов, выбранных из пленных, а также нес прямую ответственность за проведение воздушных операций в Германии с запада.

О двух таких операциях стоит рассказать особо. В начале сентября агент по имени Каппиус, рекомендованный ИСК, был сброшен с парашютом для ведения организационной работы в районе Рура. Его жена Ютта работала с УСО в Швейцарии и однажды побывала в Германии в качестве курьера в мае 1944 г. В сентябре 1944 г. и в январе 1945 г. ей вновь удалось попасть в Германию и вернуться с отчетами своего мужа. Впоследствии, в апреле 1945 г., Каппиус дождался наступавших американцев в Бохуме (своем родном городе). Его пример по крайней мере подтверждает, что опытный человек мог какое-то время рабо-

¹ Специальное подразделение сопровождало воздушно-десантный дивизион № 6 при проведении Везельской операции.

тать и в Германии, но он столкнулся с чрезвычайными трудностями, попытавшись создать хоть какую-нибудь работающую организацию, к тому же у него не было связи с базой, если не считать нерегулярных визитов курьера из Швейцарии.

Второй случай связан с евреем по имени Беккер, *он же* «капитан Бейкер-Бирн». Вначале ему поручили вывести из строя небольшое высокоточное производство в Берлине, которое, по сведениям, выполняло заказы по Фау-1 или Фау-2. В ночь на 26 ноября Беккера сбросили с парашютом вслепую, к 3 декабря он добрался до Швейцарии. Задание он выполнить не смог: его заметили при попытке пробраться на производство, и он вынужден был ретироваться. Он готов был вновь отправиться на задание, на сей раз в роли организатора в район Любека. К сожалению, заброска его задержалась почти до самого последнего момента, на место он прибыл только 22 апреля и не успел ничего сделать до подхода британских войск.

Все остальные воздушные операции из Англии проводились с «бонзо» — пленными, которых изымали из общего потока прежде, чем о них официально заявляли как о попавших в плен. Пятьдесят четыре таких человека прошли (а время постоянно поджимало) подготовку и оказались вполне подходящими к работе, хотя, естественно, задания их были относительно простыми. Вдобавок другие службы всегда накладывали серьезные ограничения на воздушные операции УСО в Германии: иногда это были Королевские ВВС, опасавшиеся сильной немецкой системы ПВО в конкретных районах, иногда — СИС, имевшая приоритет в разведывательных операциях и старавшаяся избежать риска разоблачения ее агентов. Несмотря на эти трудности, в ноябре 1944 — апреле 1945 г. были проведены одиннадцать операций с участием девятнадцати человек, потери были низкими, а девяти группам по крайней мере частично сопутствовал успех. Ни одна из них, впрочем, не имела радиосвязи с базой.

Стоит упомянуть и еще об одном компоненте организационной структуры, хотя он и не относился непосредственно к работе УСО. 17 марта военное министерство приняло решение сформировать Специальный воздушно-десантный разведывательный отряд союзников (СВДРОС). Цель этой организации состояла в том, чтобы быстро устанавливать в Германии связь с военнопленными и перемещенными лицами из стран-союз-

ников во время окончательного краха гитлеровцев. Отряду ставилась задача удерживать их вместе, оберегать от попыток массовых убийств, организовывать доставку по воздуху необходимых средств существования. Отряд состоял из 120 групп различных национальностей, укомплектованных по «джедбургскому» образцу: по два офицера и радист в каждой группе. УСО предложило передать в отряд двенадцать групп подготовленных людей, вдобавок на Управление свалился весь груз забот по организации (в импровизационном ключе) радиосвязи, оснащению и подготовке. В итоге отряд не понадобился, наступление союзников было столь стремительным, что забросили всего несколько групп, да и тех очень скоро «догнали» свои же войска. Случай этот интересен, главным образом как пример того, как сумели, что называется «из ничего» создать спецподразделение в благоприятных условиях — УСО уже утвердило себя как хорошо оснащенное и подготовленное ведомство в системе британских специальных служб. Тремя годами раньше (на Ближнем Востоке, например) потребовался бы по меньшей мере год на то, что теперь осуществилось за месяц¹.

К апрелю 1945 г. прогресс в делах был уже очевиден: несколько агентов довольно прочно обосновались в Германии и Австрии, УСО уже обрело достаточный опыт относительно безопасной отправки других агентов со специальными краткосрочными заданиями. Однако все еще не было ни одной постоянной организации, ни одна рация не вышла в эфир, не было «встречающих комитетов», десантирование по-прежнему нередко осуществлялось «вслепую». Тогда появились лишь первые признаки кристаллизации местных организаций вокруг людей УСО. Подобные условия, может, никогда в точности не повторятся, но обретенный опыт позволяет сделать вывод: за год профессиональной и напряженной работы отлично сформированная организация обязательно сможет создать что-либо существенное.

¹ Имеется полное описание СВДРОС, сделанное СО, бригадным генералом Дж.С. Николсом, кавалером ордена «За безупречную службу» и Военного креста; оно переплетено под одной обложкой с томом II «Германской истории УСО».

ГЛАВА XXIX

ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ФОРМА УСО

Организационная и политическая история УСО столь наглядно и полно представлена в контексте составлявших ее событий, что в этой, заключительной, главе стоит лишь обобщить уже сказанное и подвести итоги. Вместе с тем уместно дать более или менее полную картину той структуры, которая существовала в лучшую для УСО пору.

1. Политика

Политическая история УСО после лета 1942 г. распадается на четыре стадии. На первой стадии, которая длилась до весны или начала лета 1943 г., проводимая лордом Селборном политика «умиротворения» министерства иностранных дел, УПВ и других враждебно настроенных ведомств, как представляется, дала свои плоды. Сферы, где шли раздоры из-за ответственности, определяются и разграничиваются, нижние звенья управленческой структуры все больше осознают, что у них есть обязанности, равно как и права при взаимодействии с другими ведомствами, есть надежда, что и в других ведомствах возникает уважение к УСО и понимание, на что оно способно и чего не может, помогая им. Неприятные события на Ближнем Востоке возродили обстановку острых противоречий и привели в сентябре 1943 г. к тому, что в УСО сочли «кризисом ближневосточного Комитета обороны»¹, а по сути — к соглашению между министерством иностранных дел и военными на Ближнем Востоке ликвидировать УСО как независимый руководящий орган в этом регионе. УСО это рассматривает как вопрос, от которого зависит будущее Управления в любом месте, не только на Ближнем Востоке, и оказывается втянутым в Лондоне в ситуацию соперничества с командованием бомбардировочной авиации из-за «битвы за Берлин» и из-за не имевших отношения к делу, но значительных просчетов УСО в Голландии. Эта стадия конфликтов завершилась в январе 1944 г. Покончить с ней помогли отчасти твер-

¹ См. подраздел «Политические установки и разрядка на самолеты» в главе XVI.

дость лорда Селборна, отчасти добрая воля м-ра Черчилля, частью то, что в преддверии операции «Владыка» все споры казались смехотворными, важно вместе с тем было и то, что ни один из соперников УСО не смог предложить взамен ничего созидательного. Если бы УСО не существовало, его обязательно пришлось бы создать: это было действующее предприятие, центр паутины отношений, управлять которыми не смогли бы (к примеру) ни Форин-офис, ни военное министерство, не внося громадных перемен в структуру своих ведомств. Молчаливо признавалось, что у УСО есть свое дело, проблему дефиниции обошли (очень мудро) стороной, не усомнившись при этом, что дело это важное и что им не может заниматься какое-либо из ведомств, более почтенных по возрасту.

На третьей стадии, примерно с января по сентябрь 1944 г., УСО пожинало плоды предыдущих трудов и разочарований, работа шла такая напряженная и такая вдохновляюще успешная, что оставалось мало места для межведомственных препирательств. УСО, конечно же, далеко ушло от изначального «великого замысла», что оно представляет собой всеобъемлющее средство ведения политической войны. Управление — это боевая служба, и отношения с пропагандистскими службами для него ничуть не важнее отношений с другими органами Союзного военного командования. Управление не добилось официального признания службы «четвертой рукой», зато на практике по положению и структуре оно в грубом приближении сопоставимо с Адмиралтейством, военным министерством и министерством авиации. Его «руководящий центр» несет ответственность за все административные службы: подбор кадров, обучение и подготовку, снабжение, связь, техническое развитие, идеологию службы. Плановики УСО работают в тесном контакте со структурой КНШ, хотя оперативное руководство осуществляет Верховное Союзное командование, которое действует через разного рода объединенные центры специальных операций, в которых УСО имеет крепкое представительство и пользуется немалым влиянием.

С окончанием летней кампании напряжение спадает. Особо внимания по-прежнему требуют Скандинавия и некоторые Балканские страны, происходит сосредоточение ресурсов против Германии, однако больше всего сил УСО отдало Франции, и все, что остается, — это сложная задача ликвидации организационной структуры: поиски пропавших без вести, расплата по финансовым претензиям, складывание по кусочкам истории того,

что произошло в действительности, и извлечение уроков на будущее. Война на Дальнем Востоке продолжалась, и в 1944—1945 гг. работа УСО там обрела большое значение, хотя после Победы в Европе Управление не могло уже претендовать на роль самостоятельного министерства. 31 мая 1945 г. ушел в отставку лорд Селборн, и ответственность за организацию перешла к министерству иностранных дел, во время переходного правительства м-ра Черчилля она была вверена особому попечению лорда Ловата*, статс-секретаря — заместителя министра. Наконец 31 декабря 1945 г. УСО закрыли**, оставив лишь малую часть его — утрясать бесчисленные проблемы ликвидации.

2. Численность организации и расходы на нее

Наступило время, когда читатель вправе ждать ответа на ряд очевидных вопросов. Насколько большим ведомством было УСО? Сколько человек в нем работало? Сколько на него тратилось? К сожалению, по различным причинам невозможно ответить на них с той прямотой, с какой хотелось бы.

Прежде всего чрезвычайно трудно определить, где УСО начинается и где оно кончается. Что касается агентов «в поле», то есть целый спектр отличительных признаков. На одном его полюсе британские офицеры и те люди, которых подготовило, кому заплатило и кого забросило УСО. Затем идут служащие иностранных войск в Великобритании или на Ближнем Востоке — их также во всем опекает УСО, и они делят свою деятельность между Управлением и собственным правительством. Есть еще и агенты, завербованные «в поле» этими самыми «людьми из Англии», от них они получали деньги и наставления, но сами никогда на прямой связи с УСО не состояли. Наконец, есть и масса борцов движений Сопrotивления, которые брали у УСО то немного денег, то немного оружия, то кое-какие указания, однако ни в коей мере не являлись его служащими. Даже на уровне британского правительства трудно провести четкие разграничения, поскольку во время войны не было детально проработанной системы межведомственных расчетов. УСО не выставляли счетов ни за расходы на эскадрильи Королевских ВВС, которые обслужи-

* [С.К.Дж. Фрейзер, 1911—1995 гг., 17-й лорд Ловат с 1933 г., командовал бригадой спецназа в Нормандии в 1944 г.; в НБС.]

** [Обычно указывается другая дата: 16 января 1946 г.]

вали Управление, ни за расходы на военное и гражданское снаряжение, которое оно получало по различным ведомственным каналам, ни за многие накладные расходы его учреждений, где велась подготовка и откуда шло снабжение. Доля расходов на УСО, покрывавшихся за счет открытых бюджетных ресурсов других ведомств, довольно велика, поскольку политика состояла в том, чтобы ограничивать траты из секретных фондов на то, что по соображениям безопасности не могло быть осуществлено иными способами. Сходным образом предпочитали сдерживать численность непосредственно работающих в УСО. Впрочем, в отдельных случаях решения принимались с учетом достоинств конкретных лиц, никаких общих принципов установлено не было.

Во-вторых, данные о кадровом составе централизованно не хранились до сравнительно позднего этапа становления ведомства — отчасти по соображениям безопасности, отчасти потому, что отбор велся преимущественно на личной основе, и общие цифры по штатному расписанию управленческой ценности не имели. Такое отсутствие системности не могло больше продолжаться, когда не стало хватать трудовых, да и вообще людских, ресурсов, когда эта проблема стала узким местом в военных усилиях и когда многим формированиям УСО приходилось действовать бок о бок с регулярными военными частями, и все же только в сентябре 1943 г. появился отдел, который сведения о личном составе положил в основу своих ставок на регулярных торгах штатными приоритетами.

Наконец, часть документов УСО, которые недоступны историку, касаются как раз его заимствований из секретных фондов. Данные здесь, может, и интересны, но существуют весомые и законные причины не раскрывать их, к тому же их историческое значение не так велико, как кажется на первый взгляд. Эти заимствования покрывают лишь небольшую часть общих расходов на УСО, и их соотношение с общими тратами весьма отлично на различных этапах становления организации. Цифры расходов наличных денег в разных странах приводились (если таковые имелись) в ходе повествования, обычно эти данные фиксировались соответствующим отделом, однако вряд ли эти данные точны или полны.

В результате единственная подборка цифр, которую стоит привести, это та, что велась отделом статистики личного состава с сентября 1943 г. Для начала стоит напомнить¹, что в

¹ См. начало раздела 1 главы XV.

июле 1942 г. данные о штатных сотрудниках УСО, приведенные в «Отчете по-честному» включали:

<i>На родине:</i>	Центр	691
	В остальных местах	1462
<i>Ближний Восток</i>	(исключая 444 человек, приданных из армии)	608
<i>Америка</i>		100
<i>Дальний Восток и Индия</i>		203
<i>Другие назначения</i>		162
Итого		3226

Сюда входят все мужчины и женщины, штатские, а также находящиеся на службе. К июню 1943 г. нехватка кадров стала очевидной, и для УСО был установлен «потолок» на *военный* личный состав — 7000 человек. В августе 1943 г. УСО истово доказывало, что штат следует увеличить до 11 000, ведя труднейшие торги с директором по личному составу военного министерства генерал-майором Стилем*¹. Высшей точки в плане военном УСО достигло в феврале 1944 г., когда ему были приданы 12 000 британских армейских военнослужащих при условии, что фактически из армейских частей будет изъято не более 10 000 человек. В октябре 1944 г. УСО попыталось было, растолкав всех локтями, заполучить себе побольше людей, но эту последнюю атаку директор по личному составу отбил довольно легко, и установленные максимальные цифры по британской армии не превышались. К концу 1944 г. начался отлив, и в течение всего 1945 г. от УСО, как и повсюду в вооруженных силах, настоятельно требовали быстро сокращать штаты².

Положение с *приданными* из армии, таким образом, довольно ясно, куда труднее выявить точные цифры *фактической численности* и включить в нее «лиц», взятых не только из армии, но

* [Сэр Дж.С. Стиль, 1894—1975 гг., директор по личному составу в 1943—1944 гг., введен в рыцарское достоинство в 1946 г., главнокомандующий в Австрии в 1946—1947 гг.; в НБС.]

¹ Ход событий можно проследить довольно четко по документам в MO1(SP) Folder В.М.546, который являлся внутренним хранением военного министерства.

² COS(44)286-е заседание, протокол от 12, 24 августа 1944 г., а также последующая серия документов КНШ до COS(46)25(0) от 23 января 1946 г. (по большей части в папке 1/110/1 Архива УСО).

и из других ведомств. Отделу статистики личного состава потребовалось время, чтобы войти в рабочую колею, и первые полные данные он обнародовал 15 декабря 1943 г. Суммировать их можно следующим образом:

	<i>Армия</i>	<i>ВМФ</i>	<i>РВВС</i>	<i>Штатские</i>	<i>Всего</i>
На родине	3833	25	142	1052	5052
Северная Африка	298	51	19	82	450
Италия	143	1	3	17	164
Ближний Восток	2350	9	93	227	2679
Индия	350	7	4	113	474
Другие назначения	92	—	—	—	92
Итого	7066	93	261	1491	8911

Доля офицеров (или гражданских лиц в ранге офицеров) в общем количестве довольно высока: около 2000 из 9000, из них 475 значились сотрудниками лондонского Центра. Данных о канцелярских служащих и служащих нижнего звена в Центре нет, большая часть из них не входила в так называемый «личный состав», однако ясно, что Центр был намного больше, чем в июле 1942 г., когда в нем на 247 офицеров приходилось 444 служащих низшего звена.

В данных на 30 апреля 1944 г. весьма отчетливо заметен рост, который отчасти можно объяснить и совершенствованием учета, поскольку в полной таблице дифференциация более четкая. Основные же позиции таковы:

	<i>Армия</i>	<i>ВМФ</i>	<i>РВВС</i>	<i>Женские службы</i>	<i>Штатские</i>	<i>Всего</i>
На родине:						
Центр	401	12	52	214	816	1495
Резидентуры	3881	2	101	986	429	5409
Северная Африка и Италия	891	53	28	121	—	1093
Ближний Восток	2644	9	78	91	166	2988
Индия и Китай	511	11	7	18	139	686
Прочее	73	3	—	—	5	81
Итого	8401	100	266	1430	1555	11 752

Из общего числа 2222 человека были офицерами или служащими равного ранга.

Эти общие сведения, как представляется, появились тогда лишь благодаря особым запросам, и только в октябре 1944 г. они приняли форму ежемесячных (а впоследствии — еженедельных) сводок. Тенденцию, характерную для суетного лета 1944 г., можно отследить по данным только об армейских кадрах, подсчет которых начался в конце 1943 г. Взвешенного подбирать эти данные сильно удивит, насколько они на первый взгляд не совпадают с общими сведениями специальных исследований. Однако нас не столько интересуют цифры как таковые, сколько определенные тенденции, которые они выявляют:

	<i>Только армейские кадры</i>			
	<i>15.12.43</i>	<i>30.04.44</i>	<i>31.07.44</i>	<i>31.10.44</i>
На родине	3833	4202	4231	4315
Ближний Восток	2350	2663	} 3709	3593
С. Африка и Италия	441	801		
Индия	350	428		
Прочее	92	73	92	—
Итого	7066	8167	8796	8848

При таком подходе картину можно составить по обобщенным данным, которые скорее всего полные, если не считать отсутствия данных по личному составу Индийской армии и гражданских служащих в Индии.

31 окт. 31 дек. 31 марта 30 июня 30 сент. 30 нояб.
1944 г. 1944 г. 1945 г. 1945 г. 1945 г. 1945 г.

На родине: офицеры	1484	1410	1388	1120	578	379
остальные	6073	5492	5498	4548	2342	1336
Средиземноморье:						
офицеры	778	686	422	168	23	20
остальные	3264	3003	2287	677	49	46
Индия: офицеры	450	540	676	770	830	563
остальные	843	1132	1427	1878	2122	1691
Всего: офицеры	2712	2636	2486	2058	1431	962
остальные	10 180	9627	921	7103	4513	3073
Итого	12 892	12 263	11698	9161	5944	4035

Эти цифры вполне подходят для нашего исследования, и в широком плане их можно обобщить следующим образом:

- а) Максимальной численности УСО достигло в конце лета — начале осени 1944 г., когда общее число британских служащих стало, видимо, чуть меньше 13 000, из которых без малого 9000 были приданы из британской армии.
- б) Численность Отряда 136 в Индии постоянно возрастала до самой победы над Японией, в отряде было много индусов, а также прочих местных помощников, которых не включили в статистические отчеты.
- в) В общую численность входят около 450 служащих Вспомогательной территориальной службы, 60 служащих Женских вспомогательных частей ВВС, а также 1500 служащих Добровольческой вспомогательной части женского медперсонала и почти 1200 штатских женщин — всего около 3200 женщин, из которых около 400 были офицерами.
- г) Если брать только мужчин, то из общей численности в 10 000 служащих около 2300 являлись офицерами. Многие из этих офицеров были или великолепными специалистами, или боевыми командирами, или совмещали в себе те и другие качества. «Младший состав» — это в основном служащие, имевшие ограниченную годность по здоровью, они вели «домашнее хозяйство».
- д) К концу организация стала почти целиком военной: не считая женщин-секретарей, в ней числилось всего около 400 гражданских лиц.

Раздел этот, следовательно, нельзя считать завершенным. Имеющихся свидетельств достаточно только для общих выводов, но, даже если свидетельств было бы больше, это не помогло бы нам определить, было ли содержание УСО «экономичным» и стоила ли его деятельность понесенных затрат. Слишком большая доля трат находилась вне непосредственного контроля со стороны УСО.

3. Внутренняя организация Центра

Как мы уже убедились, внутренняя структура УСО была довольно переменчивой: в любой момент какая-то часть организационного механизма пребывала в состоянии адаптации к очередной перестройке. Но некоторое представление о работе

этого механизма дает краткий обзор административной структуры УСО в июне 1944 г. — на этот период приходится пик деятельности Управления¹.

Начальник организации, председатель Совета (CD): генерал-майор К.М. Габбинс, который, по сути, являлся начальствующим офицером и находился под общим руководством лорда Селборна. Совет заседал еженедельно, большинство вопросов ведомственной политики обсуждались им и занесены в его протоколы, однако организацией руководил отдельный человек, а не коллективный орган.

Вице-начальник (V/CD): м-р Г.Н. Спорборг (у него было звание полковника, но действовал он обычно как лицо гражданское). После отставки в мае 1942 г. м-ра Глэдвина Джебба была устранена бывшая двойственность между СЕО [старшим офицером-исполнителем], правой рукой министра или постоянным секретарем, и CD — действующим начальником. М-р Спорборг был прикомандирован к лорду Селборну, скорее, как главный личный секретарь (по делам УСО), нежели как постоянный секретарь. Когда в сентябре 1943 г. решили (после длительных раздумий и поисков) назначить профессионального военного на должность CD, ввели и дополнительную должность V/CD, которую, как лицо гражданское, занял м-р Спорборг. Должность личного секретаря перешла тогда же к м-ру Виктору М. Кэннон-Бруксу.

Заместитель начальника (D/CD): м-р М.П. Мюррей, государственный служащий-управленец, накопивший большой организаторский опыт в министерстве авиации. Его назначение в ноябре 1943 г. явилось довольно запоздалой попыткой воспользоваться опытом широкомасштабных организаций Уайтхолла: костяком для обычных министерств военного времени с самого начала служили государственные служащие, которые оказали колоссальную услугу, незамедлительно введя в обиход простые принципы порядка и межведомственного взаимодействия. На м-ра Мюррея легли общие обязанности по вопросам внутренней организации, которые исполнялись Директоратом по организации и штатным обязанностям. На этот Директорат приходился колоссальный объем работы, хотя он чаще плелся в хвосте событий и занимался тем, что расчищал завалы, а не планировал деятельность на перспективу.

¹ Схема организации на весну 1944 г. приведена в Приложении 13.

Заместитель начальника — начальник Директората (A/CD): бригадный генерал авиации А.Р. Бойль, совмещавший должности директора по разведке, директора по безопасности и директора по кадровой службе. Разведкой, в свою очередь, занимались прежде всего территориальные (по странам) отделы, из первоначального замысла центрального Директората по разведке мало что получилось, однако безопасность и кадры имели громадное значение и постоянно требовали определенных усилий.

Старший штаб-офицер в подчинении CD, офицер связи с Комитетом начальников штабов: полковник Р.Г. Бэрри, выполнявший фактически обязанности директора по планированию, как то понималось в ведомствах Службы: должность, обладатель которой увязывал стратегическую политику с многочисленными сиюминутными потребностями специальных Директоратов.

Остальные должности этого высшего уровня делятся на три категории:

Региональные Директораты

Директор Лондонской группы: бригадный генерал Э.Э. Моклер-Ферриман, который курировал Францию, Голландию и Бельгию (полковник Р.Э. Брук), Скандинавию (полковник Дж.С. Уилсон) и Германию (полковник Р.Г. Торнли). Объединение с американцами и французами внесло некоторую путаницу: с января 1944 г. произошло полное объединение с УСС (в ШКСВ) в рамках всей зоны ответственности ШЭВС (куда не входила Германия), а с июня 1944 г. произошло объединение с французами в ШФВВР, касавшееся только деятельности во Франции.

Директор Средиземноморской группы: полковник Д.Дж. Кесвик, который являлся лондонским «визави» объединенной организации СОНС (Специальные операции на Средиземноморье), которая была создана в Италии в апреле 1944 г.¹

Директор Каирской группы (более точно — руководитель СОНС): генерал-майор У.А.М. Стауэлл, который, естественно, не часто бывал в Лондоне.

Директор Дальневосточной группы: полковник Дж.Ф. Тейлор, давний сотрудник УСО, на котором замыкались в Лондоне все вопросы, связанные с военными действиями против японцев.

Директор Делийской группы: м-р Колин Маккензи, представитель УСО при штабе лорда Маунтбаттена. Он не часто навещался в Лондон.

¹ В Архиве УСО хранится история Штаба спецопераций на Средиземноморье.

Служебные Директораты

Директор по финансам и управлению: полковник авиации Дж.Ф. Веннер, образец финансовой ортодоксальности и канал связи с министерством финансов. Ему подчинялся менее ортодоксальный финансист м-р Уолтер Флетчер, отвечавший за все обширные операции УСО с иностранными валютами.

Директор по исследованиям, разработкам и снабжению: полковник Ф.Т. Дейвис. Этот Директорат отвечал за исследования (профессор Д.М. Ньюитт, член Королевского научного общества[□]) и за всю обширную производственную деятельность УСО.

Директор по радиосвязи: полковник Ф.У. Николлс*, энтузиаст, создавший систему радиосвязи УСО с ее зарождения весной 1942 г.

Советники

Военно-морской директор: контр-адмирал А.Г. Тэйлор, кавалер орденов Бани 3-й степени и Британской империи 4-й степени.

Советник по авиации: вице-маршал авиации А.П. Ричи, кавалер ордена Британской империи 2-й степени и Креста военно-воздушных сил.

Политический советник: м-р У.Э. Хьюстон-Босуолл, кавалер ордена Св. Михаила и Св. Георгия 3-й степени и Военного креста. Очень удачное назначение кадрового сотрудника министерства иностранных дел, которое, к сожалению, не было сделано до августа 1943 г.

Совет, таким образом, являлся органом, куда входили шестнадцать человек, причем двое обычно *in absentia* (заочно). В целом орган был функциональным, большинство его членов несли личную ответственность за осуществление крупных операций, управленческих либо военных, в нем мало уделялось внимания «нефункциональным» директорам или «долгосрочному осмыслению», на чем порой настаивали профессиональные советники в области управления. Предпринимались многочисленные попытки создать отдел долгосрочного планирования: от плохо начавшей SO3 в конце лета 1940 г. до назначения майора Тэйлора начальником штаба при CD, что было отменено в июле 1942 г.¹, —

[□] Такое же звание, как в других странах член национальной академии наук.

* [1889—1974 гг., опытнейший связист; в НБС.]

¹ CD/OR/2473 от 8 июля 1942 г., пункт 2а; копия в папке 2/340/3.1 Архива УСО.

однако все они провалились. Складывается впечатление, что на практике подобное образование шло ко дну, наткнувшись на острые барьерные рифы: либо «долгосрочный» отдел все еще не вписывался в рамки обычной деятельности ведомства, не содержащей полезного опыта или материала, которые могли бы составить основу планирования, либо он так рьяно настаивал на согласованиях, что становился тем затором, где сдерживалась и дублировалась работа других отделов.

В итоге потребность удовлетворялась неким неосознанным «духом ведомства». Члены Совета представляли великое разнообразие видов деятельности: пятеро из шестнадцати являлись кадровыми военными (один из них — связист), двое — летчики (один из них «бескрылый»), были среди них и моряк, и профессиональный госслужащий, и чиновник Форин-офис, и стряпчий, и бухгалтер, и пять разного рода бизнесменов. Почти половина членов Совета работали в организации с первых дней и росли вместе с ней. Майор Габбинс и м-р Тэйлор работали в MI(R) и отделе D еще до создания УСО, м-р Спорборг, подполковник авиации Веннер и майор Дейвис пришли в УСО в числе первых, остальные стали работать в нем еще до конца 1941 г. Все они в равной мере страстно верили в целесообразность и возможности УСО: тяжелое бремя административных обязанностей не мешало им обсуждать и спорить о природе и могуществе операций «разложения». Не было согласованной и выверенной корпоративной доктрины, но тем не менее внутри организации царил невероятно мощное «общественное мнение», силой пробивавшееся на уровень Совета и неизбежно существовавшее на куда более низких уровнях. У руководства УСО было много неурядиц, объяснить которые можно лишь напряжением, которым сопровождалось становление организации, однако к лету 1944 г. многое упорядочилось, появилось воодушевление и чувство личной причастности, что искупало негативные моменты. Порой неясно или внахлест распределялись обязанности, зато все сотрудники искали этих обязанностей, а не старались избавиться от них. Нет тут незамутненной благодати, однако это означало, что, так или иначе, дело будет сделано, довольно быстро и вполне правильно, пусть и без необходимой экономии сил и ресурсов. По счастью, в целом персонал, даже руководящий, был относительно молодым (во всяком случае, по меркам Уайтхолла), и многие сотрудники, физически пригодные, устраива-

ли себе «перерывы», включаясь в оперативную деятельность, а те, кому соображения безопасности не позволяли отправиться «в поле», по крайней мере участвовали в подготовке и частенько отправлялись за границу — инспектировать резидентуры и базы. Это давало два преимущества: в организации установился почти «фронтовой» дух, как на передовой. УСО меньше других ведомств страдало от чисто физических срывов, связанных с переутомлением. Очень немногие из «старых бойцов УСО» во время войны сколько-нибудь долго отсутствовали на службе по болезни¹.

4. Вспомогательные службы

Вполне достаточно было уже сказано о путаной истории с заграничными представительствами УСО на Средиземноморском театре военных действий и в нейтральных столицах, зато очень мало говорилось о вспомогательных службах в Англии, которые стояли за всей оперативной работой, но до сих пор скрывались где-то «за кулисами», когда речь шла о событиях, которые во многом благодаря им и происходили. Технические аспекты их работы полностью рассмотрены в засекреченных «Руководствах» и «Справочниках», выпущенных каждым отделом до своего отпуска. Их административные проблемы были чрезвычайно сложны, но не разительно отличались от проблем, с какими сталкивались другие подобные организации. Появилось, впрочем, в деятельности УСО кое-что совершенно новое (либо по замыслу, либо по масштабу), и хотелось бы по крайней мере упомянуть об этом в нашем исследовании, хотя невозможно полностью оценить это новое по достоинству, не углубившись в технические детали.

Вот содержание основных разделов:

- 1) Разработка и изготовление специального оборудования и его доставка «в поле».
- 2) Подготовка агентов.
- 3) Поддержание радиосвязи с агентами.

¹ В этом отношении показателен разительный контраст с УПВ: см. книгу сэра Р. Брюса Локарта «Пришла пора подсчитать» и небольшой табель отсутствия по болезни среди руководящего состава, приведенный м-ром Гарнеттом в «Истории УПВ».

1) Исследования, производство и снабжение

Во-первых, *Отдел исследований*, База IX: кое-какие небольшие, но ценные ресурсы были унаследованы от отдела D¹, но на главный путь развития отдел вступил в начале 1941 г. во «Фрисе», Велуин-Гарден-сити, когда впервые исследования были официально отделены от производства. Под руководством директора по научным исследованиям профессора Ньюитта осваивались четыре направления деятельности: физико-химическое, инженерное, оперативных исследований и маскировки. Первые два занимались взрывателями и устройствами, в которых их используют. В области физико-химической велики были достижения по разработке простых, безотказных взрывателей замедленного действия и зажигательных устройств, по разработке способов применения взрывных зарядов в нелегальной работе. Инженерное направление выросло из разработки таких устройств, как магнитные мины-липучки. Химические исследования дали выходы в сферу биохимии, начались изучение ядов, снотворных препаратов, пилуль для самоубийства и выработка специальных рационов для различных оперативных условий. Инженеры отдела, естественно, занимались созданием специального стрелкового оружия, бесшумного или легко скрываемого, и, менее естественно, производством погружающегося в воду судна. Трудно дать логическое объяснение, зачем было разрабатывать в Велуин-Гарден-сити и на Стейнссском водохранилище такие аппараты, как одноместная подводная лодка «уелман», ее более крупный братец «уелфрайтер», а также «Спящую красавицу» — погружающуюся под воду байдарку с моторчиком, поскольку по идее всем этим должны бы заниматься военные моряки. Тем не менее спроектированы они были добротнo, в производство поступили быстро — эта часть дела была исполнена хорошо, пусть и «нетрадиционной» организацией. Увы, в итоге оказалось, что эти технические штучки не очень годятся для целей УСО, во всяком случае — в Европе. В Норвегии², к примеру, выяснилось, что агентам безопаснее и эффективнее работать с более простыми «видами оружия»: самым надежным их резервом стало умение, терпение и знание местности, а вовсе не «самоубивающие устройства», пусть даже технически совер-

¹ См. Приложение «В» к «Истории отдела исследований и разработки».

² Как мы видели ранее, в разделе 2 главы XXVI (провал операций «След»).

шенные. Беда в том, что исследовательский отдел подталкивали к созданию новых видов оружия, не дожидаясь того времени, когда хоть какой-нибудь опыт позволит выявить оперативные требования к такому оружию.

В этом главная трудность организации исследований в области оружия, и преодолеть ее УСО было особенно трудно. Управление взялось за работу едва ли не по наитию, не имея никакого оперативного опыта. Устроители диверсий, как правило, неважные технические наблюдатели, взять с собой технических советников они тоже не могут, так что оперативные исследования были недоступны для УСО почти так же, как и для других секретных служб. Грозил серьезная опасность, что пользователь и ученый так и останутся разведены обстоятельствами, а исследовательский потенциал окажется растрочен на надуманные задачи. Отдел оперативных исследований был полностью сформирован в июле 1943 г., но на практике он занимался поддержанием связей, а не разработками: положение его начальника, скорее, сравнимо с положением директора оперативных требований в штабе ВВС, нежели с положением ученого, приданного эскадрилье ночных истребителей, которая испытывает новые радары. С одной стороны, отдел хорошо знал территориальные отделы, он (когда было можно) встречался с их лучшими агентами, с другой стороны, отделу был известен уровень технических достижений, и он знал, что можно изготовить, если поступит запрос. Сводя обе эти стороны вместе, отдел мог очерчивать оперативные требования, которые близко соотносились с практическими потребностями, а потом вести разработку нового устройства — от исходного пункта до завершающих испытаний.

Наверное, большего сделать было нельзя. В последние дни УСО велись разговоры о группах, засылаемых «в поле» с техническими заданиями, о специализированной подготовке отобранных агентов, однако очевидных трудностей преодолеть не удалось, да и сомнительно, чтобы их можно было преодолеть. На решающем этапе подпольной войны совершенно невозможно разместить беспристрастных наблюдателей на линии фронта. В такое время войскам на передовой требуются высочайшее мастерство и боевая сосредоточенность; от них нельзя ожидать заботы об ученых «в поле». Самое большее, что можно сделать, — проследить, чтобы ученые (или отобранные ученые) жили, работали и думали при штабах, управляющих ходом боевых действий.

Во-вторых, была еще и *маскировка*, у которой весьма особое значение в нашем контексте. Совершенство изменения облика

необходимо для защиты агента, вдобавок более грубая, зато действенная маскировка требовалась для того, чтобы быстро укрыть множество обычных предметов, из которых состояли грузы: контейнеры, боеприпасы, оружие и прочее. Первое время территориальные отделы сами, как могли, решали собственные задачи, и только в ноябре 1941 г. появился первый общий советник по маскировке. Им оказался неутомимый м-р Дж.Э. Уиллс, в прошлом кинотехник (впоследствии подполковник); его предложение набрать специалистов из киностудий оказалось очень здравым. Небольшая мастерская со штатом из трех человек была открыта на специальной исследовательской базе (Базе IX) в январе 1942 г., и это крохотное подразделение в конечном счете разрослось в предприятие, где работало почти 300 человек, включая специалистов самых экзотических видов деятельности.

Окончательная структура такова:

База XV: «Соломенный амбар», постоянный двор на Барнетской обходной дороге, который являлся главным производственным центром по маскировке грузов.

База XVI: в доме 56 по Куинс-Гэйт, где разрабатывались «прототипы» для массового воспроизводства. Там же располагался и основной центр для «старения» одежды — до состояния, подходившего к легенде того, кто ее носил. Вдобавок необходимо было, чтобы покроем и фасоном одежды ничем не выдавали ее британского происхождения. Поначалу различную одежду можно было получить от беженцев или эмигрантов, но потом понадобилось производить ее в большом объеме. Находилось оно в основном в руках сторонних фирм, те нанимали портных-беженцев, которые шили одежду с учетом национальных особенностей.

База XVII: она находилась в Южном Кенсингтоне, в безлюдных залах Музея естественной истории, который простоял заброшенным все годы войны. Главная задача Базы — служить центром обучения агентов и прочих основам маскировки, но с течением времени ее «демонстрационный зал» превратился в замечательный музей, где были выставлены «безделушки» УСО. Некоторые из этих «безделушек» вызывали практический интерес, например, коллекция раций для агентов: от первого тяжелого и громоздкого чемодана до маленькой «карманной» модели. Представлены были обычные взрыватели мины-липушки, а также взрывающиеся муляжи крыс, статуэтки якобы с острова Бали, вылепленные из пластида, — предполагалось, что местным аген-

там удастся всучить их (в комплекте со взрывателями замедленного действия) японцам, отбывающим из Ост-Индии.

Наконец, *База ХВС*: фотографическая и гримерная мастерская, укрывшаяся в небольшом домике на Тревор-сквер.

С маскировкой тесно связана была и проблема подделок. Достоверные документы имели такое же жизненно важное значение, как и достоверный облик, настолько важное, что существовал самостоятельный отдел документов, имевший собственное производство — Базу XIV в местечке Бриггенс, возле Ройдена в Эссексе. О ней уже упоминалось¹, База развилась на основе польского предприятия.

Производство обусловлено задачами исследований и маскировки: УСО в своих мастерских изготавливало немало оборудования, и время от времени раздавались упреки по поводу того, что их работа «отбирает хлеб» у штатных производственных ведомств. Однако в целом УСО производило или напрямую закупало лишь небольшие партии специального оборудования: потребности Управления в основном удовлетворялись по традиционным каналам. Военные заказы выполнялись через военное министерство под личиной МО1(SP), а также (в гораздо меньших объемах) через Адмиралтейство и министерство авиации. Если требовалось особое производство, соответствующее снабженческому ведомству обычно охотно исполняло некрупные заказы УСО без каких-либо обсуждений на высоком уровне².

В рамках структуры УСО имелись определенные узловые точки для подготовки грузов: склад военного имущества при Кнольской школе в Кимберли, отдел оружия, который с конца 1941 г. располагался в Брайд-холле, в Велуине, отдел автотранспорта с собственной ремонтной мастерской при Норт-Роудском гараже в Велуине. С ними не возникало никаких трудностей, новое и замечательное привнесла организация по комплектованию контейнеров и упаковок для отправки «в поле».

¹ См. раздел 1 главы XIII, а также «Историю Базы XIV», копия которой хранится в Архиве УСО.

² Единственный известный автору серьезный инцидент — это «парашютный кризис», который произошел в конце 1943 г. Возникла острая нехватка парашютов для сброса грузов в связи с необходимостью удовлетворить запросы воздушно-десантных войск, САС и других организаций наряду с УСО, одно время положение могло стать таким же безвыходным, как и при распределении самолетов. Потребовались особые усилия как для увеличения производства, так и для экономии расходных материалов, которые в конечном счете оказались успешными.

Вначале каждая упаковка делалась отдельно офицерами соответствующего отдела, а парашюты укладывались и крепились на складе Королевских ВВС в Хенлоу, где велась и укладка парашютов, пользоваться которыми предстояло самим агентам. Это была скрытая работа, ведущаяся за перегородкой в конце большого цеха по ремонту парашютов. К концу 1941 г. произошло значительное расширение, а в мае 1942 г. появился отдел специального парашютного оснащения со штатом в тридцать человек, набранным в основном из Женских вспомогательных частей ВВС. Всего с мая 1942 г. по январь 1945 г. отдел подготовил 19 863 упаковки, изготовил 10 900 парашютных строп и ремней, уложил 27 980 парашютов, к тому же проделал немалое количество ремонтных работ. С мая по сентябрь 1944 г. ежемесячно в среднем готовилось 1692 упаковки, 775 единиц снаряжения парашютиста, укладывалось 2127 парашютов. Вдобавок отдел действовал как проектно-конструкторский центр по использованию парашютов в специальных операциях, он же отвечал за разработку разнообразных «ударостойких» контейнеров¹, а также за технику приземления «нога-мешок» при сбрасывании личных припасов вместе с агентом.

В Хенлоу занимались механикой выброски грузов, комплектацию же их в основном проводили на собственной паковочной базе УСО — Базе 61, которую создали у Одли-Энд в Сафрон-Уолден в октябре 1941 г., а в апреле 1942 г. перевели в Гейнс-Холл, Сент-Неотс. Летом 1942 г., когда появилась идея «стандартного контейнера», начался бурный рост. Были стандартизованы различные «перечни содержимого»², чтобы любой проводивший операцию отдел мог большую часть срочных или непредвиденных запросов покрывать за счет уже упакованных контейнеров, которые комплектовались на Базе 61. Временами паковочной базе все же приходилось выполнять особые заявки, однако по большей части она работала впрок, непрерывно наращивая темп и создавая резервный запас контейнеров для дня «Д». Отчет базы о комплектовании контейнеров выглядит так:

¹ В основном изготовленные из волокна «хейрлок» и «коран», а также корзины из металлической сетки.

² В конечном счете имелось пятнадцать перечней для Н-образных контейнеров, тридцать два — для С-образных, всего сорок семь разновидностей.

1941 г.	95
1942 г.	2176
1943 г.	3435
1944 г.	56 464
1945 г.	4334
Всего	76 504 — примерно 10 000 тонн

Упаковщики поставили рекорд 6 июля 1944 г. — 1160 контейнеров в день! В пик деятельности на этом предприятии УСО было занято около 150 человек, еще 96 солдат и 100 служащих ВВС были специально приданы — для сброса грузов. Большинство здешних военнослужащих относились к категории людей с низкими медицинскими показателями здоровья. Для дополнительных работ порой приглашались ребята из Пионерского корпуса.

Но даже на этом не завершается наш рассказ об «упаковочном подразделении». В ноябре 1943 г. за помощью обратились к внешней фирме — «Карпет трейдз лимитед» из Киддерминстера, где произвели упаковку 18 500 контейнеров. Американцы тоже активно создавали собственную паковочную базу в «районе Эйч», где были заняты более 250 работников¹. В Северной Африке действовала крупная паковочная контора, которая обслуживала юг Франции, а на Ближнем Востоке (впоследствии — в Италии) у УСО были обязательства по поддержке партизанских войск на Балканах — туда тоже отправлялись контейнеры с грузом.

В конечном счете различные элементы сходились на Базе 61 для завершения операции. Она была штаб-квартирой офицеров связи от авиации, которые выходили на прямой контакт с эскадрильями в соответствии с принимаемым еженощно решением — вылетать или не вылетать. Она же служила гостиницей, где агенты «ждали погоды» перед вылетом; к тому же паковочная база посылала вместе с ними припасы, от которых зависела их работа. Три отдела создавались самостоятельно, но в конце концов были объединены под властью начальника отдела отправки личного состава — он отвечал за безопасность и экипировку агентов, проходивших через его базу.

¹ По-видимому, данные о количестве контейнеров, упакованных американцами, отсутствуют.

2) Учебная подготовка¹

Когда в конце лета 1940 г. было создано УСО, оно многое унаследовало от предшественников по части учебной подготовки. Весной 1940 г. MI(R) выступила инициатором создания центра подготовки спецназа в Западном Нагорье, и часть его (вокруг Арисейга) по-прежнему управлялась MI(R), когда службу слили с УСО. Отдел D почти до самого конца не проявлял интереса к учебной подготовке, его школа ведения диверсионной и нелегальной войны на Базе XVII (Брикендонбери) открылась уже после рождения УСО. Было совершенно ясно, что, если УСО намерено хоть чего-нибудь добиться, претворяя в жизнь свои грандиозные планы, ему предстоит отобрать и подготовить людей, хорошо обучить их, так что с самого начала Управление ревностно взялось за решение учебной задачи. Когда осенью 1940 г. в УСО из MI(R) перешел майор Дейвис, среди первых его заданий значилось составление плана учебной подготовки². План этот сразу же утвердили, по сути своей он никогда не менялся, хотя отдельные важные изменения происходили.

План предусматривал четыре этапа:

- а) *Подготовительные школы* — центры, где предстояло проверять способности и характер обучающихся до того, как им станут доступны тайны организации.
- б) *Военизированные школы* основывались на курсах MI(R) в Инверэйлорте, на данном этапе считалось необходимым дать курсантам парашютную подготовку или обучить высадке на берег с небольшого судна. Как считали, такого рода агенты понадобятся только для вылазок типа «завалил-и-дёрну», их подготовку можно было бы на этом этапе и завершить. Практика же показала, что работа подобного рода не соответствует практике УСО, в итоге почти все агенты из этих школ переходили к следующему этапу подготовки.
- в) *Школы доводки*, где намеревались обучать способам подрывной войны и держать агентов до тех пор, пока они не потребуются для операций. Каждому территориальному отделу полагалась своя школа доводки, но все они группировались вокруг общего центра.

¹ Имеется отчет о том, как развивалась эта сфера, подготовленный майором Форти.

² Документ от 12 октября 1940 г. в архивной папке 2/160/28.

- г) Наконец, предусматривалось, что у каждого территориального отдела будет в Лондоне конспиративная квартира, которая будет использоваться для окончательного инструктажа и откуда будут отправлять агентов.

Вот что, говоря вкратце, получилось на практике из задуманного:

- а) Под *подготовительные школы* УСО зимой 1940/41 г. получило шесть больших домов в графствах вокруг столицы, к которым следует прибавить школу «Свободной Франции», занимавшую Инчмери-хаус в Бьюли. Эту школу впоследствии вывели из-под распоряжения УСО, сделав из нее мастерскую для парашютной кампании «Свободной Франции». Подготовительные школы до лета 1943 г. оставались основными пунктами приема на службу в УСО, однако, как выяснилось по ходу дела, у них были свои недостатки. Выяснилось, что отнюдь не легко создать курсы обучения, где можно было бы сохранить секретность — курсанты, которых направляли территориальные отделы, не всегда оказывались подходящими. Однако на раннем этапе подготовки трудно было убедить любой отдел, что им допущена ошибка. Всегда находившиеся во временном цейтноте территориальные отделы пытались протолкнуть своих людей на следующий этап подготовки. Опыт УСО (как и других секретных служб) убеждал, что порой много сил тратится на обучающихся, которые в конце концов отсеиваются на более поздних этапах подготовки либо (что еще хуже) выпускаются как пригодные, дабы избежать отсева. Появлялось и еще одно неудобство: курсантов, которых «забраковывали» на завершающих этапах подготовки и которые уже знали слишком много, нельзя было так просто возвращать туда, откуда их взяли. Вот и появились «Мастерские ISRB, Инверлэйр, Инвернессшир», фирма «Кулер», куда помещали неспособных или невезучих агентов¹. Там они находились до тех пор, пока известные им секреты не переставали быть таковыми и уже не привлекали ничьего внимания. Так что УСО встало на путь, давно одобренный другими Службами, и в июне 1943 г. учредило Совет по аттестации обучающихся (CAO), выделив ему загородный домик (СБП 7), где кандидаты

¹ Такого рода заключение не подразумевало подозрений в предательстве, с изменниками обходились совсем по-другому.

проходили обычные психологические и практические тесты. САО заменил подготовительные школы и, как представляется, кое-чего добился, сократив отсев на поздних этапах подготовки. Тут надо отметить, что к тому времени территориальные отделы стали с большим тщанием и умением проводить первоначальный отбор кандидатов.

- б) *Военизированные школы* образовали группу из десяти стрельбищ в округе Арисейга и Морара, где было много подходящих глухих и уединенных местечек. Обучение здесь велось в обычном для спецназа порядке, а потому нет необходимости пересказывать подробности. Одна из таких школ (СБП 23b) предназначалась для военизированной подготовки, но в итоге сосредоточила усилия на подготовке к нападению на линии судоходства с применением различных специальных средств. Парашютную подготовку прежде всего давала школа КВВС в Рингуэй на окраине Манчестера¹, однако курсантов УСО приходилось держать порознь, сводя их только во время настоящих тренировочных прыжков, а потому потребовалось два дома (СБП 51 а и б) по соседству с аэродромом — для размещения курсантов и проведения с ними наземных гимнастических занятий.

Арисейгская группа могла вместить до семидесяти пяти курсантов, курсы длились поначалу три недели, но постепенно срок увеличился до пяти. СБП 51 рассчитана была на семьдесят курсантов и обычно устраивала для них пятидневную подготовку, хотя многие отправлялись на задания после более короткого срока.

- в) Предполагалось, что *школы доводки* сгруппируются в окрестностях Бьюли*. Каждая работала с курсантами только одной национальности, однако администрация была единой для всех, так что преподаватели могли вести занятия сразу в нескольких школах. В конечном счете приобрели одиннадцать домиков, куда набирали около восьмидесяти курсантов на трехнедельные курсы. Обучение проходило на пяти основных отделениях: *A* — методика существования в подполье; *B* — практические упражнения для закрепления теоретических знаний; *C* — структурная организация

¹ Превосходно описано в книге полковника авиации Ньюнэма «Прелюдия к славе».

* [См. книгу К. Каннингэма «Бьюли» (1998).]

противника; *D* — пропаганда; *E* — шифры. От такой программы в принципе не отказывались никогда, хотя на практике произошло несколько существенных преобразований.

1) Вскоре стало понятно, что невозможно использовать одни и те же учреждения и для того, чтобы быстренько пропустить агентов через курсы, и для того, чтобы содержать их в течение неопределенного времени, а потом готовить специально к конкретной операции. Вот почему в начале 1941 г. УСО приобрело здания для «школ содержания» (позже их станут называть оперативными школами), в которых курсанты разделялись по национальностям. В итоге создали семь таких школ, но работали они не вполне удовлетворительно: в условиях такой неопределенности чрезвычайно трудно эффективно спланировать работу, к тому же и территориальные отделы зачастую предпочитали держать своих агентов готовыми для инструктажа в Лондоне, а не в каком-то далеком захолустном домике. Директорат учебной подготовки осознавал, что радикального решения этой задачи нет.

2) Некоторым территориальным отделам удалось взять под особый контроль подготовку своих агентов. В случае с Данией это получилось благодаря усилиям территориального отдела и начальника школы придать действенную роль датской «школе содержания» — СБП 45, в Хатеропском замке в Фэйрфорде. Оставаясь в распоряжении директора по учебной подготовке, она фактически превратилась в датский центр, откуда курсанты направлялись в другие школы и куда они возвращались для различных «курсов интеграции». Норвежская «школа содержания» (СБП 26) в Друментуле и Гленмор-Лодж в Кэйргормсе таким же образом превратилась в центр роты Линге, ставшей неотъемлемой частью норвежской армии. К тому же полковник Дж.С. Уилсон, начальник Норвежского отдела, проявлял особый интерес к ее оперативной подготовке и постоянно держал в расположении роты одного из своих офицеров. В конце концов летом 1943 г. руководство СБП 26 перешло к Норвежскому отделу.

По иным причинам, но в том же направлении шло развитие польской и чешской школ. Оба правительства, польское и чешское, находились в привилегированном положении в Англии и пользовались значительными правами «экс-

территориальности», в итоге они сочли политически выгодным взять на себя всю ответственность за подготовку. И в 1943 г. Директорат учебной подготовки перестал нести ответственность за общую польскую школу в Одли-Энд (СБП 43), за школу «польских меньшинств» возле Хоршэма (СБП 63) и за чешскую школу в Чичели-холл (СБП 46). Конечно же, в других школах УСО по-прежнему оставались определенные специальные курсы, где обучались поляки и чехи.

- 3) Проявилось и стремление разбить централизованный учебный план на «специальные предметы». К основным школам такого рода (помимо школ радиосвязи, о которых пойдет еще речь)¹, относились:

СБП 17, старая школа отдела D в Брикендонбери, ставшая центром обучения промышленным диверсиям, «противопалу» и изготовлению самодельных взрывчатых веществ.

СБП 39 (или *СТР*), больше известная как «школа Хаккетта», предназначавшаяся для подготовки специалистов по подрывной пропаганде и оценке состояния общественного мнения. В основном она работала на УПВ, но вырабатывала также общие направления элементарной подготовки, которую получали организаторы УСО в «школах доводки».

СБП 40, школа «встречающих комитетов», которую создали в сентябре 1943 г. — после того как в ходе операций стали применяться радиотелефоны и навигационное оборудование «Рибекка/Эврика», работу которых часто сводили на нет ошибки их пользователей. Школа устраивала насыщенные десятидневные курсы по использованию и содержанию этой аппаратуры, и это имело особое значение, поскольку придавало дополнительную уверенность, что Королевские ВВС осуществляют постоянные операции по доставке грузов. К операциям с приземлением, еще более опасным, агентов УСО готовили сами КВВС на аэродроме Темпсфорд.

СБП 3 (позже СБП 47) специализировалась на минах и на использовании неприятельского оружия.

СБП 37a была небольшой школой, где ограниченное число агентов обучалось фотографии и микрофотографии.

Каждая из этих специализированных школ становилась еще и в некотором роде исследовательским учреждением, работав-

¹ См. далее подраздел «Радиосвязь».

шим над совершенствованием приемов оперативной работы и методики подготовки. Особенно замечательных успехов достигла СБП 17, и не только в разработках новых способов вывода объектов из строя, но и в методике быстрого обучения дилетантов навыкам определения ключевых точек сложных промышленных сооружений.

Необходимо отметить, что все школы, национальные и специализированные, отвечали одному принципу, противоречившему идее централизации, изначально выдвинутой майором Дейвисом. Можно вообразить себе систему, в которой (после того, как стал действовать Совет по аттестации обучающихся) каждый территориальный отдел имел бы в своем распоряжении собственную школу оперативной подготовки и содержания в качестве центра общей учебной подготовки своих агентов и в соответствии с собственными планами направлял бы людей для получения специальной подготовки в те или иные специализированные школы. Управлять этими «*technische hochschulen*[□]» мог бы централизованный отдел учебной подготовки, однако содержание преподаваемых в «техникумах» специальных предметов куда прочнее привязало бы их к соответствующим техническим отделам. У такой структуры есть одно очевидное преимущество: она с самого начала устанавливает прямую связь и оперативных, и исследовательских отделов с обучающимся, с агентом, которому предстоит стать «человеком на месте». Вызывает она и серьезные возражения. Логическое следование по пути децентрализации административно обошлось бы очень дорого, сама структура не очень прочна, поскольку трудно избежать путаницы со специализированными школами, а при отсутствии крепкого централизованного отдела учебной подготовки становится гораздо труднее свести воедино опыт разных стран применительно к решению одной и той же задачи, с тем чтобы создавалась и постоянно развивалась общая для всей организации теория.

Система УСО строилась на решениях *ad hoc* — применительно к случаю, принимавшихся не без противоречий, она представляла собой рабочий компромисс между централизацией и децентрализацией. Одни территориальные отделы учебная подготовка интересовала мало, других же она интересовала настолько, что они готовы были сами взяться за нее. Директорат учебной подготовки, со своей стороны, в целом никогда не был доволен

[□] Технические высшие школы, техникумы (нем.)

собственным положением. Существование свое он начал в качестве отдела под началом бригадного генерала Габбинса, директора по операциям и учебной подготовке, а в сентябре 1941 г. статус отдела повысили до Директората. Однако директор его никогда не был членом Совета УСО, которому был подотчетен вначале через бригадного генерала Габбинса, а затем — через бригадного генерала Моклер-Ферримана. В общем, Директорат так и не вошел в число первостатейных в лондонской структуре, а за границей и вовсе никакого статуса не имел. По форме это был Директорат учебной подготовки при «центре для Западной Европы», и он никак не влиял на договоренности о подготовке, достигнутые на местах другими — того же ранга — центрами в Северной Африке, Италии, на Ближнем Востоке и в Индии. Исключением являлась СБП 103 около Торонто, которая была задумана летом 1941 г. для помощи полковнику Доновану в создании его собственной организации в США, а также для предварительной подготовки людей, завербованных УСО в обеих Америках. СБП 103 занималась только военизированной подготовкой и пропагандой, первые курсы на ее базе были организованы в декабре 1941 г. В данном случае учебный план контролировался Директоратом учебной подготовки в Лондоне, хотя управлялась школа нью-йоркской резидентурой*.

Получается, что единого централизованного управления всей системой учебной подготовки УСО не было, а потому нелегко дать полное представление о ее методике и результативности. Нет данных и о людях, которые прошли подготовку на Средиземноморском театре военных действий. Пропускная способность здесь была высокой, однако (если судить по оперативному опыту) значительная часть офицеров, направленных на Балканы, по лондонским меркам, не имела никакой подготовки. В Англии организация провела примерно 13 500 «курсов», через которые прошли около 6800 курсантов, из них всего 480 были британцами. К тому же около 760 американцев разного происхождения прошли подготовку для УСС, наряду с гражданами из других стран, завербованными американцами. Парашютная подготовка была организована для СИС и в какой-то мере для САС, «джедбуржцы» обучались в ME 65 — учреждении УСО, которое намеренно держали отдельно от других школ, дабы не снижать военный статус «джедбуржцев». Скоропалительная подготовка

* [См. книгу Дэвида Стаффорда «Лагерь Икс» (Торонто, 1986).]

Союзного воздушно-десантного разведывательного отряда весной 1945 г. стала возможной только потому, что в дело были пущены ресурсы системы учебной подготовки УСО. Такой большой набор, естественно, обходился дорого, зачастую мужчин и женщин следовало обучать очень быстро и всегда — весьма секретно. В Британии насчитывалось порядка пятидесяти отдельных учреждений учебной подготовки, все они небольшие, порой приходилось вести небольшие курсы, очень часто отдельных курсантов нужно было готовить к особым заданиям, и такую подготовку нельзя было свести до какого-то учебного плана.

Система эта, если судить по числу выпускников, была эффективна: вероятно, 1200—1400 офицеров и рядовых в период наибольшей активности; и набор курсантов нельзя было существенно сократить, принимая во внимание поставленные задачи.

Обучение подрывной деятельности в таком объеме было для Англии делом совершенно новым, и легко отыскать ошибки у организации, которая только-только этому делу училась. Однако в итоге подготовка стала очень грамотной и гибкой, сделалась обязательной для оперативной работы УСО.

Для сплочения коллектива преподавателей, специалистов, оперативников и техников придумали два примечательных способа, хотя применять начали слишком поздно и в обстановке слишком напряженной, чтобы испытать их по-настоящему. Один из них предполагал пропустить через курсы учебной подготовки весь персонал Центра УСО, либо обязав всех новобранцев закончить обычные курсы для агентов, либо организовав специальные курсы подобной направленности для персонала. За лето 1943 г. провели шесть курсов для персонала, но затем в текучке дел затею оставили и вернулись к ней только в марте 1945 г. Второй способ предусматривал еженедельные учебные совещания, на которые под председательством директора по учебной подготовке собирались представители всех заинтересованных отделов. Начались они лишь в июле 1944 г., но руководство на их проведении не настаивало, да и в любом случае было слишком поздно, чтобы ждать большой пользы от таких совещаний.

Оба этих эксперимента представляют очевидный интерес для будущего, потому что доказывают: улучшение учебной подготовки зависит от организации и профессионализма высшего эшелона Управления. Это не означает, что все виды обучения

нужно сводить под одного директора — или диктатора — по учебной подготовке, наделенного властью отменять распоряжения других директоров, касающихся вопросов, входящих в его компетенцию. На самом-то деле лучше заботиться об обучающем персонале, нежели о Директорате обучения. Департамент учебной подготовки, естественно, возьмет на себя административные обязанности, и их объем не имеет значения. Ведь невозможно *навязать* обучение тем, кто обучаться не желает. Тем важнее становится *убедить* и свести воедино интересы, пронизывающие разные структуры организации. Учебная подготовка и есть тот общий интерес.

3) Радиосвязь¹

Легче всего поразить воображение непосвященного размахом и мощью УСО в лучшие его времена, показав главные радиоцентры в Грендоне и Пундоне. Взгляд человека неискушенного завораживали целые леса радиомачт, огромные площади светлых и просторных залов, сотни телефонисток и дешифровщиц: нечто похожее на громадную телефонную станцию, упрятанную в уголке сельскохозяйственной Англии. Радио и авиация служили двумя важнейшими звеньями, которые сплачивали движение Сопrotивления и связывали его с Союзным командованием, они были в равной мере важны, хотя радио, по счастью, никогда не ставило вопросов о приоритетности, которые превращали разнарядку самолетов в предмет большой политики. Историю радио в системе УСО подробно способен поведать только технически грамотный человек и только специалист, представленное здесь — не более чем схема.

С самого начала, даже после того как отдел D отделили от СИС, радиосообщение УСО целиком осуществлялось отделом VIII этой старой разведслужбы. К концу 1941 г. стало очевидно, что так не годится: УСО задачи ставило совсем иные, и вскоре с этими задачами ему предстояло выйти на совсем иной уровень. В феврале 1942 г. в УСО появился собственный старший офицер-связист полковник Дж. Озанн, который взялся планировать наперед уже в марте 1942 г. Командующий секретной службой (КСС) неожиданно удовлетворил требование УСО о независимости², в июне 1942 г. начала передачи первая станция в Грен-

¹ «История радиосвязи» состоит из нескольких разделов, посвященных различным темам. В ней много полезного.

² См. подраздел «д» раздела 3 главы XV.

доне. Своевременно важность отдела радиосвязи была признана повышением его статуса до Директората, а в сентябре 1943 г. его директор (бригадный генерал Ф.У. Николлс, кавалер ордена Британской империи 4-й степени) стал членом Совета УСО. Он непосредственно отвечал за всю структуру радиосвязи УСО в Соединенном Королевстве, за «главную линию» коммуникаций УСО по всему миру, за обучение радиоделу в Англии, за радиотехнические разработки и снабжение. В каждом из заграничных центров УСО был старший офицер-связист, который входил в местную структуру подчиненности и в то же время, по обыкновению, тесно сотрудничал с Директоратом радиосвязи в Лондоне. Структура, таким образом, строилась на принципах, знакомых старым секретным службам, и особый интерес вызывало лишь то, насколько высок был в юной организации ранг директора по радиосвязи, поскольку полностью понималось, что успех всех операций зависел от умелой работы его директората.

а) Основные радиостанции

Цепь основных станций изначально предусматривалась такой:
Соединенное Королевство: три станции в Грендоне и Пундоне, в Букингемшире, немного к востоку от Байсистеры.

Средиземноморье: основные станции в Алжире и в Каире, вспомогательные релейные линии — на Гибралтаре и на Мальте.

Африка: небольшие радиостанции во Фритауне и в Лагосе (на вишистскую Западную Африку) и в Дурбане (на Мадагаскар).

Дальний Восток: основные станции в Индии, на Цейлоне и в Австралии.

Центром становления радиосвязи в Соединенном Королевстве был Грендон-Холл, где в 1941 г. отдел учебной подготовки УСО начал предварительную подготовку радистов. Первая передающая станция, имевшая всего двенадцать каналов, открылась в Грендоне в июне 1942 г. В мае 1943 г. к ней прибавилась новая станция, расположившаяся по соседству, в Пундоне, у нее было сорок каналов — для покрытия территорий Южной Норвегии, Дании, Голландии и Бельгии. Одновременно диапазон Грендонской станции увеличился до тридцати двух каналов, направленных на Францию, Испанию, Северную Африку и Северную Норвегию. Наконец, в январе 1944 г. в Пундоне открыли вторую станцию еще с тридцатью шестью каналами: ее построили, оборудовали и по большей части укомплектовали кадрами амери-

канцы; станция предназначалась прежде всего для выполнения особых задач по операции «Владыка», в особенности «дждбуржцами» и подразделениями Специальных войск, которые сопровождали регулярные части «в поле». Объединенные станции, имевшие в общем 108 каналов, соединялись с лондонским Центром с помощью пятнадцати телеграфных линий.

Для иллюстрации работы этой группы станций в Приложениях даны графики числа переданных групп знаков, а также схематическая карта радиостанций в тылу неприятеля, с которыми необходимо было поддерживать связь во время операции «Владыка»¹. Как можно видеть, во время наибольшей активности объем радиобмена резко возрос — более 300 000 групп в неделю, а рации движений Сопротивления исчислялись сотнями. Конечно, не все из них выходили в эфир: потери были велики даже на этом этапе. Однако все они должны были учитываться в графике радиосвязи до тех пор, пока официально не списывались как утраченные. Обеспечение велось в больших объемах, однако расточительность в тот момент являлась всего лишь дешевым видом страховки. Фактически «с поля» не поступало никаких нареканий по поводу задержек при обмене радиосообщениями с Англией.

Не так все удачно складывалось на Средиземноморье, где условия для работы были плохими, операции носили характер в высшей степени изменчивый, оборудование и кадры приходилось доставлять из Англии заранее. Первые группы, отправившиеся с заданиями на Балканы, обслуживались только аварийными станциями, спешно размещенными в рабочих помещениях в Каире, Хайфе, Стамбуле и Смирне. В январе 1942 г. небольшая радиостанция заработала на Мальте, только через эту станцию поддерживалась связь с Михайловичем на переломном этапе его карьеры², когда сама Мальта находилась под сильным натиском немцев. Создание надлежавшей во время войны радиостанции в Каире планировалось с декабря 1941 г., однако реализацию плана задержали события лета 1942 г.: Роммель тогда стоял у ворот Египта, и приходилось отвлекать усилия на разработку системы радиосвязи, которую пришлось бы использовать, если Ближневосточный фронт рухнет. Потом осенью 1942 г. начались победы союзников, а вместе с ними и быстрое распространение британских миссий связи на Балканах. Каирскую военную ра-

¹ Приложение 14 (1—4).

² См. раздел 2 главы VI.

диостанцию это застало врасплох, и не только из-за плохо составленного графика связи. Поток вырос примерно до 100 000 групп в неделю, а станция все еще никак не могла перестроиться, едва обученный персонал в большой спешке прибывал из Англии. К весне 1943 г. поток радиообмена вышел на порядок 150 000—200 000 групп в неделю, и однажды произошла задержка на три с половиной дня в обработке обычного потока, это означало, что по меньше мере вдвое больше времени потребовалось для передачи ответов рациям «в поле». Случалось, такие задержки приводили к серьезным политическим последствиям, например, при обработке политических донесений Дэвида Уолласа из Греции¹. Положение в Каире упорядочилось только осенью 1943 г., к тому времени часть работы перешла к новым станциям, которые тоже столкнулись с неурядицами.

Гибралтарская радиостанция отличилась в дни проведения операции «Факел»², но к ее услугам никогда не прибегали для работы на Испанию (предполагалось, что это будет ее территория), и к весне 1943 г. большинство обязанностей перешло к алжирской радиостанции. Ее начало в первые месяцы 1943 г. было скромным — радиообмен с Корсикой и Сардинией, но уже к июлю станция работала с большой нагрузкой: в ходе операции в Сицилии и капитуляции Италии поток вырос примерно до 160 000 групп в неделю. Затем наступило затишье, поскольку часть работы перешла к новым радиостанциям в Италии. Очередной пик пришелся на май — август 1944 г., в дни реализации особых проектов Центра — операций в Алжире³, когда радиостанция обменивалась сообщениями с шестью десятками внешних раций на юге Франции.

А в Италии произошла путаница, поскольку здесь сошлись Алжир с Каиром. Когда Италия капитулировала, одна радиостанция перебазировалась из Алжира вместе с отрядом «Мэриленд»⁴ в Бриндиси, а потом обосновалась в Монополи, возле Бари, ее последним местоположением стал район Сиены, что зимой 1944/45 г. оказалось на руку и военному штабу, и работе УСО на Северную Италию. Осенью 1943 г. с востока выдвинулся передовой штаб Отряда 133, стремившийся улучшить линии связи с Балканами, штаб выдвинул собственные планы созда-

¹ См. главу XXI.

² См. подраздел «а» раздела 1 главы XXIII.

³ См. раздел 1 главы XXIV.

⁴ См. часть 1 подраздела «в» раздела 2 главы XXIII.

ния радиостанции в Торре-а-Маре, возле Бари, — она вступила в строй в августе 1944 г. Вдобавок Отряд 399, который работал на Центральную Европу, располагал в Бари собственной станцией, а еще (довершая путаницу) собственной системой радиосвязи располагали балканские ВВС, поддерживавшие поток радиообмена с Югославией и Албанией. Когда в апреле 1944 г. было образовано Командование специальных операций на Средиземноморье (КСОС), в его распоряжение попали три радиостанции УСО (в Монополи, Бари и Торре-а-Маре), появилась возможность планировать работу более согласованно. Однако под конец войны было слишком поздно всерьез думать о строительстве нового радиоцентра в Италии, а потому все три радиостанции работали самостоятельно.

Радиостанции в Западной Африке и Дурбане так и не удалось всерьез испытать на операциях «в поле». Станции в Юго-Восточной Азии сыграли чрезвычайно важную роль в 1944 и 1945 гг., одна их работа лежит за рамками данной истории. Можно, наконец, добавить, что была создана радиостанция на СБП 103, в школе учебной подготовки УСО в Торонто, которая служила интересам нью-йоркской резидентуры, работавшей и на УСО, и на СИС.

Все эти основные радиостанции выходили на связь друг с другом и «с полем», так что УСО располагало всемирной радиосетью¹. Впрочем, она не была единственным каналом радиообмена УСО: располагая добротной шифровальной техникой, Управление совершенно свободно могло использовать радиотелеграфные возможности «Кэйбл энд уайрлесс» и других обычных каналов для того, чтобы несколько ослабить нагрузку на своих штатных сотрудников, или для связи с резидентурами в нейтральных странах, не имевших выхода на какую-либо основную радиостанцию УСО.

б) Подготовка радистов

Отдел радиосвязи начал подготовку радистов в начале 1941 г. в одной из школ доводки в районе Бьюли. Летом 1941 г. школу перевели в Грендон-холл, и, наконец (в конце 1942 г.), она полностью перешла к Директорату радиосвязи. Отобранные для работы «в поле» радисты проходили подготовку в СБП 52 (Тэймпарк), где их учили также кодированию и шифровке. В Дунбаре

¹ Диаграмма ее приведена в Приложении 15.

располагалась удаленная станция (СБП 54В) для практических занятий по радиообмену на больших расстояниях в условиях, приближенных к реальным. Полный курс занимал шесть недель и прерывался на половине срока четырнадцатидневной подготовкой по защите связи в одной из школ доводки в Бьюли. Во взаимодействии со Скотланд-Ярдом и местной полицией радистам в Англии создавали условия для практики, предлагая поработать в обстановке, приближенной к той, в какой действовало движение Сопротивления. Такая тщательная подготовка разнохарактерных и разноязыких людей была делом неспешным и трудоемким, даже в период наивысшей активности СБП 52 выпускала по 16—18 обученных специалистов в месяц¹.

Нехватка радистов очень серьезно тормозила проведение операций на Западе, а в целом потребность в них удовлетворялась только потому, что каждый крупный штаб или центр готовил собственных радистов: школы радиосвязи были на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Италии, даже в оккупированной Греции, а также на Восточном фронте.

Директорату радиосвязи приходилось обучать и собственный персонал, и агентов УСО. Весной 1942 г. в Англии персонал насчитывал всего около 250 человек, к весне 1944 г. положение было примерно таким:

Центр	300	
Грендон		
Пундон I	}	600
Пундон II:		
американцев	350	
британцев	70	
Обучающий персонал	250	— всего 1220, не считая американцев

Всего по миру в самое активное время работало, видимо, около 5000 связистов. В их число входили, с одной стороны, технические специалисты (небольшая доля), а с другой — вполне достаточное число водителей, служащих канцелярий и т.п. Однако главный костяк составляли радисты и шифровальщики, и скоро выяснилось, что по каналам секретной службы заполучить таковых в готовом виде или хотя бы отыскать штатских для

¹ Вдобавок около 135 радистов было подготовлено для «джедбургских» групп зимой 1943/44 г.

вольного найма почти невозможно. Основным кадровым источником являлись девушки, не достигшие еще призывного возраста для военной службы или для работы в промышленности, и с помощью министерства труда и организации ДВЧМ был набран действительно превосходный отряд молодых женщин. УСО готовило из них радистов и других специалистов на СБП 54а (Фоли-Корт в Хенли), где проводились курсы для 150 девушек одновременно, дополнительно еще 250 девушек прошли в Лондоне подготовку в качестве шифровальщиц. Подготовленные таким образом девушки распределялись на работу по зарубежным базам и в Англии, и где бы они ни работали, всегда с безусловным успехом. Службу свою девушки считали делом ответственным и почетным, вели себя безукоризненно, большинство из них отличались сообразительностью, большим трудолюбием и умением хранить тайну.

Во всем этом организация радиосвязи УСО ничем особым не отличалась от тех, что действовали в любом другом ведомстве. Особая природа деятельности УСО проявлялась в основном в производстве оборудования для работы «в поле», а также в разработке различных технических приспособлений, которые обеспечивали безопасность радиста.

в) Разработки и производство

Собственные радиомастерские УСО располагались на Базах 7а, b, c и d на северо-западных окраинах Лондона¹, где велись разработки, а также мелкосерийное производство. Впрочем, производство в основном обеспечивалось через министерство снабжения, которое потратило около 2 500 000 ф. ст. на радиооборудование, изготовленное по спецификациям УСО². Решались, по-видимому, три основные задачи:

- 1) Сокращение размеров и веса изделий без ущерба для мощности. На практике учесть все требования в одном радиопередатчике никогда не удавалось, однако соотношение веса и технических характеристик становилось позитивным. Первые передатчики-чемоданы весили около 30 фунтов (13,61 кг. — *Пер.*), вес был сокращен без ущерба для технических данных рации почти до 14 фунтов (6,35 кг. —

¹ Найти местонахождение можно в перечне, который включен в «Историю учебной подготовки УСО».

² «История радиосвязи УСО», глава VII и Приложение к этой главе.

Пер.) с размерами $9\frac{1}{2}\times 4\frac{1}{2}\times 7\frac{1}{2}$ дюймов (24,13x11,43x19,05 см. — *Пер.*). Была еще «карманная рация», весившая всего около 5 фунтов (2,27 кг. — *Пер.*) и размерами $7\frac{1}{2}$ дюймов в длину, $4\frac{1}{2}$ в ширину и $1\frac{1}{2}$ в высоту (19,05x11,43x3,8 см. — *Пер.*); она, естественно, имела малую мощность, зато вполне приемлемую для Западной Европы дальность действия при хороших условиях передачи сигнала.

- 2) Обеспечение энергией, когда нет возможности подсоединиться к сети либо по соображениям безопасности, либо из-за удаленности от цивилизации. Сохранение аккумуляторных батарей и зарядка батарей превратились в существенную проблему для агента, в особенности для офицера связи в отдаленной местности. После ряда опытов (вполне в духе «пустынного Робинзона») в конце концов удалось создать ручной генератор, хотя он был очень далек от совершенства.
- 3) Третья задача была несколько проще. В большинстве случаев для радиоработ необходимы и передатчик, и приемник. Рация должна иметь и то, и другое. Однако во многих случаях вполне хватило бы и приемника, например, на последних этапах работы «встречающего комитета». Как выяснилось, изготовить приемник, легкий для переноски и легкий в обращении, оказалось относительно просто. Так появился МСР (миниатюрный связной радиоприемник)¹, который стали применять с конца 1943 г., он разошелся в большом количестве: всего было произведено около 26 000 штук.

Громадное воздействие на операции УСО оказали два других изобретения: наводящее устройство «Ребекка/Эврика» и радиотелефон по типу ручной радиации. Впрочем, разработаны они были в других ведомствах и для других целей.

г) Защита радиосвязи

Защита имела четыре главных аспекта:

- 1) Во-первых, защита от радиопеленгации противника. Немецкая система радиозащиты на Западе была великолепно оснащена, и если случалось долго прослушивать любой

¹ Размеры: $9\times 2\frac{1}{2}\times 3\frac{1}{2}$ дюйма (22,86x6,35x8,89 см), вес 4 фунта 2 унции (около 1,87 кг). Батареи размером $7\frac{1}{2}\times 2\frac{1}{2}\times 3\frac{1}{2}$ дюйма (19,05x6,35x8,89 см) весили 3 фунта (1,36 кг).

нелегальный передатчик, система определяла его местонахождение быстро и в довольно узких пределах. Когда УСО только начинало действовать, агенту вручался график связи, предоставлявший ему время регулярного вызова, и определяло время и дни, когда радиостанция на родине будет слушать его передачи. Это значило: если немцы раз засекли агента, то могли предположить, когда он вновь выйдет в эфир, и подготовиться слушать, чтобы выявить местонахождение рации. В августе 1943 г. были введены первые гибкие графики связи — «графики V», а затем появились их более сложные модификации: «графики X» (март 1944 г.) и «графики Z» (август 1944 г.), последние не содержали повторов в течение четырех месяцев, так что неприятель практически не мог узнать время сеанса заранее, если только в руки к нему не попадала копия графика.

Еще большей гибкости удалось достичь, используя два других способа. Один из них — «график вещания», который задействовал передачи Би-би-си для призывов к действию. Коротко говоря, замысел состоял в том, что должны быть периоды в осуществлении связи, когда агенты принимают, но не передают. Одна часть диалога, таким образом, велась в полной безопасности, а время передачи агентами сообщений (которое было опасным временем) сокращалось. Ряду агентов выделялось одно и то же «вещательное» время, и радиостанция на родине начинала свои передачи с заранее оговоренных групп цифр (по скользящему графику), указывая, кому из агентов предстоит прием сообщения. Те и продолжали прием, дожидаясь, когда начнут передавать сообщение для них, а остальные давали отбой до следующего сеанса.

Такой способ был введен в начале 1943 г., хотя широкое его применение зависело от распространения МСР, которые в нужном количестве появились позже. Еще один способ: «система маркерного канала», которая давала почти идеальную избирательность агенту при передаче сведений. Он был опробован только на операциях СВДРОС весной 1945 г. При этой системе базовая станция передавала сигналы вызова непрерывно на серии оговоренных частот, при этом она вела прослушивание на другой се-

рии оговоренных частот. Агент настраивался на вызов базовой станции, а затем связывался с базой (посылая собственный сигнал вызова) на одной из частот второй серии, где велось непрерывное прослушивание. База тут же переходила на третью частоту, собственную частоту агента, указанную в его сигнале вызова, а он начинал передавать свои сообщения на этой частоте. Таким образом, базовой станции приходилось вести непрерывное прослушивание только на ограниченных сериях частот, зато агент мог устанавливать связь по собственному выбору на частоте, выбранной из такого широкого спектра, что прослушать их все неприятель был не в состоянии. Вдобавок при такой системе время нахождения агента в эфире значительно сокращалось, были созданы различные технические устройства, чтобы сократить его еще больше. В сочетании с системой «вещания» на приеме это обеспечивало почти полную безопасность агенту.

- 2) Вторая задача касалась кодов¹. Неприятель, конечно же, не сомневался в существовании Грендона и Пундона и в свободное время прослушивал их, поначалу ему было относительно легко декодировать британские радиосообщения. Пользоваться высоконадежными шифрами не представлялось возможным, поскольку агенты не могли носить с собой ни шифровальные книги, ни любые другие материалы, которые могли походить на шифровальные блокноты, опасаясь обыска или досмотра. Так что обычно применялись коды, основанные на каком-либо стихотворении, выученном агентом наизусть. Неприятель мог разгадать их, воспользовавшись для решения задачи своими ресурсами. В конце 1942 г. в Центре создали особый отдел шифровальной безопасности, которому поручили найти решение этой трудной задачи, и он создал системы «Разработанные ключи» (РРК) и «Одноразовый блокнот» (ОРБ), причем такие, которые легко уничтожить и которые наверняка не вызвали подозрений при обычном досмотре. Ключи с помощью микрофотографии можно было поместить на крошечном куске пленки или отпечатать невидимой краской на шелковых носовых платках либо других деталях одежды. Сообщения, зашифрованные таким образом,

¹ Учебное пособие «Коды» содержит образцы применявшихся кодов.

прочесть невозможно, если у противника нет кода. Инструкция требовала от агента оторвать и уничтожить использованную часть «блокнота» после каждого сеанса связи.

- 3) В-третьих, наличие проблемы идентификации работающего на ключе радиста и установление его подлинности. Здесь применялись два способа. Первый — намеренный пропуск или замена определенной буквы в определенном слове сообщения, скажем, третьей буквы, четвертого слова. Так мог поступить даже агент, попавший в гестапо, тогда база продолжила бы радиообмен, уже зная, что он ведется под неприятельским контролем. Второй способ — это даже не проверка, а, как утверждают специалисты-связисты, непреложный факт: радист обладает неповторимыми, только ему присущими особенностями, или почерком, который легко распознается. Справедливости ради скажу, что неспециалисты относятся к этому недоверчиво, хотя есть убедительные свидетельства, такого успешного распознавания.
- 4) Наконец, было необходимо помешать неприятелю делать какие-либо выводы из объема и направленности радиосообщений от базовой станции. Величина потока сообщений к агентам эффективно маскируется различными видами графика связи и применением надежных кодов, однако необходимо было маскировать и колебания в общем потоке радиосообщений, направленном на какую-либо конкретную страну или территорию. Достичь этого можно, лишь прикрывшись «зонтиком» ложного радиообмена — так чтобы общий объем радиосообщений для каждой территории либо оставался неизменным, либо менялся независимо от объема подлинного радиообмена. Дело это очень трудоемкое, поскольку фальшивый поток должны составлять разборчивые сообщения, определенным образом закодированные. Система эта дает совершенный результат, зато отнимает немало времени и доставляет много хлопот¹.

¹ Ходят слухи, что «зонтик» применялся и для обычных сообщений, передававшихся по Би-би-си, хотя это, конечно же, неприемлемо для Би-би-си, которая чрезвычайно бережно, если не сказать скаречно, относилась к эфирному времени.

Мой краткий очерк человека непосвященного вряд ли удовлетворит связистов и, возможно, не затронет внимания обычного читателя. И все же это отнюдь не плохой объект для завершения рассказа о структуре УСО. Работа не заладится у любой нелегальной организации, если система радиосвязи не будет надежной, гибкой и четкой. УСО как организация разворачивалась поначалу медленно, но по крайней мере некоторые из ее первых неудач можно объяснить нехваткой специалистов по радиосвязи. Связи УСО были не только нелегальными, но и военными: они имели отношение к согласованию деятельности значительных военных сил. Это вызвало развитие новой методики, совершенно отличной от бывшей «шпионской» системы. Такой методикой не пользовались, когда движение Сопротивления переживало самый трудный и самый опасный период. Внедряться в это движение и помогать УСО стало лишь в период его активности в 1944 г. Однако в итоге работа проделана отличная, и вряд ли можно было добиться чего-то большего, если учесть, в каких трудных условиях приходилось действовать агентам УСО.

Заключение

Я всегда испытывал страх вызвать революционные брожения в любой стране ради политической цели. И всегда говорил: «Если поднимутся сами — тем лучше, только не надо их подстрекать: это ответственность, от которой страх берет».

Стэнхоуп.

«Беседы с герцогом Веллингтонским»

Бессмысленна попытка как-то подытоживать эту замечательную историю, поскольку все предшествующее само по себе не более чем обзор деятельности, затрагивающей все стороны политической и военной истории Европы, да и не следует вести рассказ о достойных людях и достойных делах на бухгалтерском уровне: прибыли — убытки. Очевидно, что в обывательском смысле УСО обеспечило большую военную прибыль. По людским

ресурсам, непосредственно занятым в Управлении, оно обходилось казне меньше, чем армейская дивизия. Зато «дивизия» УСО была примечательна: ее офицеры составляли цвет британской молодежи, а солдатами в ней были старые служаки, негодные к действительной службе, да девушки, нарочито взятые слишком молоденькими. Собственные военно-воздушные силы этой «дивизии» не превышали (в среднем) четырех эскадрилий, ее собственный военный флот был крошечным. Службы снабжения всего этого воинства были не больше тех, которые требовались аналогичным регулярным формированиям, а расходы УСО наличных денег на помощь движению Сопротивления, возможно, были не больше тех, что им же заработаны на европейском валютном черном рынке. И нет нужды доказывать, что вклад движения Сопротивления в разгром Германии намного превышает помощь ему Британии.

Но было ли УСО рычагом, приведшим в движение эти громадные массы? Или оно было всего лишь камешком, брошенным в стремительный поток? Было бы дерзостью давать на подобные вопросы определенный ответ. Нельзя вытащить из океана Левиафана на простой рыболовный крючок, нельзя взвесить европейскую историю на весах и вывести соотношение сил, влиявших на ее формирование. Пять лет УСО было основным орудием Британии во внутренней политике Европы, орудием несовершенным, но в то же время чрезвычайно мощным. Пока УСО работало, ни один европейский политик не мог впасть в иллюзию, будто британцев можно не брать в расчет. С молодыми людьми, на волю которых УСО отдало континент, и с ведомством, которое их пестовало, приходилось всерьез считаться и Германии, и России (СССР. — *Ред.*), и любой политической организации в Европе. Они стали важной частью истории.

Можно извлечь какие-либо уроки на будущее? Ученый исследователь должен быть осторожен в выводах. *Venimus ubi tonat fulmen* — речь идет о делах серьезных; единственные авторитеты, к мнению которых стоит прислушаться, это те, кто несет груз ответственности за жизнь, смерть и будущее отдельных людей и целых народов. И все же есть кое-что, что можно сказать об управленческой организации, не переводя разговор на почву высокой политики.

Прежде всего стоит заметить, что в Англии всегда имелись два взгляда на то явление, которое можно определить как «работа УСО». Одно из них представлено словами герцога Веллинг-

тонского, приведенными в начале этого раздела. Обычный англичанин противится «шпионству» не столько оттого, что это грязная работа, сколько оттого, что не понимает, куда она его заведет: это «ответственность, от которой страх берет». И все же современная Англия всегда была центром подрывной деятельности — таковой эту деятельность считали другие, но только не сама Англия. По окраинам наши восточные и африканские империи создавались по большей части личностями, которые, как термиты, вгрызаясь, подтачивали постройки старых империй. В центре Англия девятнадцатого века была рассадником революционных заговоров, из-за чего Лондон держал в страхе императоров Европы, как ныне Москва наводит ужас на американцев. В подобных делах правая рука правительства Его Величества весьма печется о том, чтобы не знать, что творит его левая рука. Распределение секретных фондов было одним из видов *arcana imperi*[□], в любом случае большая часть английской подрывной деятельности получала поддержку не из казначейства, а из других источников. Отсюда и странная двусторонняя картина: для внешнего мира Англия являлась образцом интриганства, коварства и абсолютной секретности, себе же самой она казалась прежде всего взметнувшейся из моря скалой, грубоватой, но теплой.

Кое у кого складывается впечатление (и это во-вторых), что в XX веке подрывная деятельность обрела гораздо большее значение, нежели прежде. В какой-то мере это оптический обман. С конца XVII века в Европе действовал в некотором смысле «профсоюз королей»: собака не пожирала собаку — до определенного момента. Такое понимание воплощалось в практику дипломатии и в законы войны, те часто нарушались, но в целом признавались и в целом соблюдались. Эта старинная постройка ныне в Европе разрушена, по большей части усилиями Германии и России (СССР. — *Ред.*). Мы оплакиваем ее разрушение и забываем, что такого нигде, кроме Европы, не существовало. Правила соблюдались европейцами только в отношении других европейцев, и величайшим событием европейской истории с XVII по XX век стало то, что европейцы прорвали свои географические пределы и уничтожили все остальные политические постройки, существовавшие в мире. В таком процессе не было места утонченным абстракциям войны и дипломатии, не существовало никаких правил, ограничивавших варваров.

[□] Тайное оружие (*лат.*)

Однако (и это в-третьих), хотя подрывная деятельность и не в новинку, она, конечно же, в плане организационном вступила в новую эру. Это подтверждается опытом не только УСО, но и организаций в других странах, некоторые из которых появились «в поле» еще раньше. Министр больше не может транжирить деньги Секретной службы через собственных потрепанных агентов на задворках; торгующий искатель приключений не способен купить себе самому «великого визиря» или факторию*. Действенное разложение ныне является особенной профессией, требующей тщательно продуманной организации учебной подготовки, системы связи и снабжения, в штаб-квартирах ей необходимы все те же услуги, которые предоставляют ведомства обслуживания и снабжения видам вооруженных сил. В Британии административная централизация насаждалась под влиянием иных соображений, которые необычны для Великобритании, но они скорее всего повторятся в любой будущей британской войне. С 1939 по 1945 г. Англию заполонили правительства в изгнании, все мысли которых устремлялись на то, чтобы поддерживать связь с собственными странами, ради этой цели они трудились с неутомимостью и прилежанием бобров, и необходимо было одно-единственное ведомство, которое знало бы, чем они занимаются: и для того, чтобы помочь, и для того, чтобы поприветствовать. Действия эмигрантских правительств слишком разнообразны, чтобы их сумело охватить министерство иностранных дел, они абсолютно вне кругозора любого из ведомств секретной службы. УСО было необходимым «буферным государством».

Эти два практических соображения в конечном счете не позволили недругам УСО в Уайтхолле уничтожить УСО, и совершенно определенно, что в любой будущей войне в том или ином виде УСО должно быть создано вновь. Однако природа самой подрывной деятельности чрезвычайно затрудняет поиски подходящего места для такого ведомства в управленческой иерархии. Есть три источника этих трудностей.

Прежде всего «разложение» охватывает широкий спектр действий, все из них резко отличны от старомодной дипломатии и старомодной войны, признанных международным правом. На одном полюсе находится открытая пропаганда, обращенная к

* [Сравните и противопоставьте сказанное с тем, что пишет Элизабет Спарроу в своей книге «Секретная служба: британские агенты во Франции в 1792—1815 г.» (2000).]

другим народам через головы их правителей, но признающая свое происхождение. Следом идет «черная» пропаганда, скрывающая свой источник. Пропаганда любого вида может вестись с собственной территории организатора, но завершить эту работу невозможно, не имея агентов на местах. На первом этапе агенты работают подпольно: они могут выполнять различные задания, заниматься разведкой или диверсиями, могут иметь разное политическое руководство, но все они пользуются приемами маскировки и скрытности. Наконец, есть еще и партизанская война, в которой силы, выпестованные подрывной деятельностью, открыто выходят на сцену как военизированные образования под началом либо собственных вождей, либо высшего командования во внешнем мире. Эти виды деятельности дополняют друг друга, более того — необходимы один другому, и тем не менее в 1938—1939 гг. британское правительство рассматривало «разложение» с разных сторон. Для «белой» пропаганды имелось министерство информации с призрачной властью над Би-би-си [СЛОВО ИЗЪЯТО ПО СООБРАЖЕНИЯМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ], для «черной» пропаганды — Электра-хауз, для политических агентов и диверсантов — отдел D, для агентов разведки — СИС, для партизанской войны — MI(R). Каждая из этих пяти организаций стремилась делать собственную работу, забираясь «в поле» остальных четырех, и все (кроме, возможно, СИС) с подозрением и недоверием относились к дипломатам и военным.

Дюнкерк и падение Франции встряхнули этот калейдоскоп. Внезапно пришло осознание, что значение «разложения» таково, что всех, кто занимается, им необходимо объединить под единой мощной рукой, и первоначальный устав, врученный м-ру Дальтону, конечно же, предусматривал объединение всех служб, за исключением СИС. Из объединения, или «великого замысла», ничего не получилось. Тому способствовали две неожиданные причины. Во-первых, с точки зрения административной м-р Дальтон никак не мог взять на себя ответственность за расчистку болотной мути в министерстве информации, а к тому же еще ЕН, D и MI(R) — и все это сразу и одновременно. Летом 1940 г. можно было бы разделить и уничтожить министерство информации, вместо этого м-р Дальтон пошел на соглашение с недругом, когда тот стоял у него на пути, а недруг его (в лице м-ра Брэкена) выжил и разбил первоначальную идею УСО. Во-вторых, волна заинтересованности в судьбах поработанных на-

родов Европы и британской «пятой колонне» вскоре улеглась, еще осенью 1940 г. наши надежды переметнулись с Европы на Америку. УСО сохраняло свою значимость, но у него уже никогда не было возможности обеспечить себе доминирующее положение.

Доминирующее положение, конечно же, необходимо, чтобы обосновать идею объединенного министерства подрывной деятельности. Такое объединение означало сосредоточение громадной власти в руках одного человека или небольшой группы лиц и неизменно порождало сопротивление соперников. В России (СССР. — *Ред.*) теоретически достигнута высокая степень сосредоточения: национальная политика — это прежде всего политика «разложения», а дипломатам с военными уготована подчиненная роль, ниже уровня, на котором делается политика. Ни военные, ни дипломаты никак не представлены в Политбюро. Но и тут не так-то легко различить, на ком лежит ответственность. Одно сосредоточение подрывной власти держит в своих руках НКВД (Берия), другое — Секретарь российской партии и Секретарь международной партии[□]. Кроме того, министр иностранных дел (Молотов) и министр обороны (Булганин*) высоко стояли в партийной иерархии, и оба располагали собственными секретными службами. Если даже в Москве невозможно создать монолитную систему, то ее тем более невозможно создать в Уайтхолле, где ни Форин-офис, ни военные не позволят низвести самих себя на уровень исполнителей воли какой-либо политической партии.

Трудность эта тем большая, что Британия — страна демократии. Министерство подрывной деятельности по самой природе своей недоступно любому виду демократического контроля, а для нас даже во время войны нетерпимо, что важнейший вопрос национальной безопасности оказывается совершенно изъят из-под надзора Палаты общин. И парламент, и общественность, если бы понимали, о чем идет речь, были бы так же враждебно настроены против объединенного министерства подрывной де-

[□] Очевидно, У. Маккензи в данном случае имеет в виду партию как некий обобщенно-абстрактный орган политического руководства, некую смесь из ВКП(б) и Коминтерна.

* [Н.А. Булганин, 1895—1975 гг., заместитель наркома обороны с 1944 г., заместитель председателя Совета министров и министр Вооруженных сил в 1947—1949 гг., министр обороны СССР в 1953—1955 гг., председатель Совета министров СССР в 1955—1958 гг.]

тельности, как враждебны к нему более старые ведомства в Уайтхолле.

Еще одна трудность в том, что принцип организации по способу деятельности до некоторой степени перекрещивается тут с принципом организации по цели деятельности. Единство «разложения» предполагает один вид организации, способ применения «нераспознаваемых средств» — другой. «Разложение» вовсе не обязательно включает в себя все секретные службы, зато у Секретной службы есть определенное собственное единство. По консервативному счету, в войну 1939 г. действовало четыре британские секретные службы: СИС, УСО, MI9 и MI5. У всех четырех было много общего в том, что касалось профессионального развития, подготовки, знания противника, и по меньшей мере первые три из них наделали неприятностей друг другу, руководя самостоятельными сетями агентов на вражеской территории. Как для безопасности, так и для экономии некоторое единение на уровне руководящих центров необходимо, даже если безопасность требует, чтобы агенты «в поле» действовали строго индивидуально.

Третья трудность в том, что работа подрывной организации направлена вовсе не на единое целое. Если все хорошо и боевые действия идут нормально, то деятельность наращивается: от подпольной работы, проводившейся несколькими агентами в полной тайне, к открытому сопротивлению, тесно увязанному с военным планированием. Задача рождается как шпионская, а разрешается как задача солдатская, и все усугубляется тем, что задача не одна, а есть целый комплекс задач. В Югославии военнизированные части партизан ведут настоящую войну, в то время как во Франции движение Сопротивления все еще в глубоком подполье. Когда Франция достигла этапа открытой партизанской войны, Югославия при Тито уже почти завершила создание государства, а в Голландии работа только-только возобновилась. УСО держится вровень со временем, постепенно переходя от гражданской к военной модели организационной структуры, сначала на Ближнем Востоке, затем на Западе. Ведомство — одно, но на любой стадии служат в нем люди самых разных умонастроений, многократное их столкновение всегда вызывает легкую напряженность, будто немой спор ведут призрак отдела D с призраком MI(R).

Потому бесполезно полагать, будто кто-то способен радикально решить задачу подрывной организации. Нет и единого

образца. И ничего тут не подскажешь и не покажешь, кроме того, что есть ошибки, которые при всех обстоятельствах окажутся губительными и которые ни в коем случае нельзя повторять.

Прежде всего министерству иностранных дел и военным (сверху донизу) необходимо научиться понимать, что происходит на том обширном поле, которое вклинилось меж привычных им сфер деятельности. УСО, к стыду своему, совершило много ошибок, но причины самых горьких из них лежат вне зоны, подконтрольной Управлению. Министерство иностранных дел (с определенными примечательными исключениями) считало УСО чужаком, лезущим в дипломатию, оно вмешивалось только затем, чтобы лишить УСО возможности действовать. Информация из оккупированной Европы была чрезвычайно скудной, а выработка политики — делом нелегким, и все же Форин-офис так никогда и не осознал, как и чем УСО может помочь. Его чиновникам в голову не приходило, что британские агенты УСО, великие и малые, были в некотором смысле дипломатами, направленными с определенными миссиями, и действуют в обстоятельствах крайней опасности и ответственности. Форин-офис никак не отвечал за их подготовку и очень мало — за разработку инструкций для них. Ну а разве так уж невозможно, чтобы министерство иностранных дел, даже во время войны, подобрало и обучило молодых людей, находящихся на дипломатической службе, чтобы использовать собственные кадры даже в самых безнадежных предприятиях?

Военные (в отличие от дипломатов) прекрасно понимали, что сумеют найти применение УСО, однако, с их точки зрения, это «применение» заключалось лишь в том, чтобы «убивать немцев». Они не понимали, что порой «убивать немцев» обходится слишком дорого, если затраты соотносить с установками британской политики, а не просто с числом погибших британцев и союзников. Опыта армии в ведении «гражданских дел» могло бы вполне хватить, чтобы покончить с таким заблуждением, — увы, оно как раз из тех, с которыми с трудом расстаются профессиональные военные.

Во-вторых, нетерпимо, чтобы жизни агентов и союзников подвергались опасностям из-за соперничества и путаницы между британскими секретными службами. Есть все возможности, чтобы «в поле» создавать разведывательные сети, диверсионные сети, пути спасения политических агентов: у всех разные условия работы, и они попросту навлекут опасность друг на друга,

если начнут путать свои задания. Возможно, было бы даже лучше, если бы в Англии каждое задание давалось самостоятельной организацией. И все же никакие соображения безопасности не должны мешать этим организациям работать в тесном контакте, чтобы все британские агенты фактически управлялись как единое войско.

В-третьих, подрывную пропаганду нельзя отделять от подрывных операций. Возможно, каждая из этих задач настолько важна, что для ее решения требуется отдельная организация, только организации эти должны работать, взаимодействуя друг с другом. Если агент «в поле» придерживается одного направления британской политики, то его работа будет уничтожена, если (из-за путаницы) совсем иное направление изберет британская пропаганда, будь она открытая или тайная. Возможно, иногда необходимо намеренно отречься от агента, даже ставя под угрозу его жизнь, но чудовишно допустить, чтобы такое происходило случайно. Отношения между министерством информации, Управлением политической войны и Управлением специальных операций обычно лучше складывались внизу, нежели наверху: люди понимающие делали все возможное для совместной работы, бывали даже времена, когда работали они за спинами своих начальников. Вот этого нельзя допускать.

Рассуждая таким образом, можно рискнуть и поделиться некоторыми организационными соображениями на случай войны. Ясно, что инициатива в этой сфере при нашей системе государственного управления должна исходить от министерства иностранных дел, нет никакого иного ведомства, которое может взять на себя роль ведущего в вопросах внешней политики. Бесспорно и то, что министерство иностранных дел как административное ведомство не может единолично управлять обширными ответвлениями современной подрывной организации. Следовательно, пусть министр иностранных дел во время войны становится координатором, а не управляющим, он должен стоять очень близко к премьер-министру, ему должен помогать небольшой, но сильный личный аппарат, и у него должна быть власть, чтобы координировать и в качестве последней инстанции решать все вопросы в сфере внешней политики. Пусть под его началом находятся четыре отдельные организации, каждую из которых возглавляет министр (не имеющий ранга государственного) и высокопоставленный чиновник, эти организации займутся традиционной дипломатией, пропагандой («белой» и «черной» совместно), специальными операциями и секретной разведкой; к ним, возможно, следовало бы добавить (в качестве

пятой) организацию экономической войны в традиционном ее понимании. Лучше всего иметь пять отдельных ведомств, поскольку задача столь велика, а *esprit de corps*[□] и ясность цели сильнее проявляются в небольших ведомствах. Будет лучше, если каждое из пяти ведомств возглавит министр (не в ранге государственного), поскольку функции каждого ведомства связаны с высокой политикой и равновесие между политиками различных оттенков способствовало бы как результативной работе, так и общественному доверию. Тем не менее каждое ведомство должно быть в основе своей департаментом министерства иностранных дел, даже если для этого придется изменить характер деятельности Форин-офис. И каждое должно быть подкреплено талантами из внешнего мира, а трем «подрывным» департаментам (аналогам УПВ, УСО и СИС) понадобится сильное представительство в боевых видах вооруженных сил.

Этот последний пункт обеспечить всего труднее: во время войны лучшие люди, обладающие боевыми качествами, сделают все, чтобы, убежав подальше от контор, командовать частями на полях сражений. Отговаривать их от этого неразумно и еще неразумнее назначать их в «подрывные» департаменты, а потом, не обучив как следует, вновь отправлять в боевые части. В британской армии, по счастью, всегда сыщутся натуры эксцентричные, обожающие партизанскую войну, пусть даже и в ущерб собственной карьере. Зато на флоте и в авиации партизанщину ни в грош не ставят: идея «разложения» трудно воспринимается профессиональными моряками и летчиками. Правда, такое пренебрежение зиждется на неверном понимании этой идеи, которое вполне возможно преодолеть. Явная глупость полагать, будто стратегия и политика преследуют разные цели и пользуются разными средствами: если те, кто занимается построением стратегии и разработкой политики, по-настоящему служат своей стране, то должны использовать все имеющиеся средства. «Разложение» — одно из важнейших таких средств. И Управление специальных операций — не «четвертая рука» и не «четвертый вид вооруженных сил», ему по природе своей не присуще превращать идею в профессию, однако профессиональный солдат обязан знать, что такое подрывная деятельность и как ее вести. В равной мере это обязательно и для профессионального политика. Ведь национальная политика только тогда сможет существовать, когда эти двое станут тянуть лямку вместе.

[□] Честь мундира, кастовый дух (*фр.*)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Копия

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

WP(40)271

19 июля 1940 г.

**ВОЕННЫЙ КАБИНЕТ МИНИСТРОВ
УПРАВЛЕНИЕ ВНУТРЕННЕЙ ОБОРОНЫ
(БЕЗОПАСНОСТИ)
УПРАВЛЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ**

Меморандум лорда-президента Тайного совета

1. Меморандум, представленный мною Кабинету министров 27 мая (WP(40)172), содержал подробное описание организации Управления внутренней обороны (безопасности), которое создано под руководством лорда Суинтона для координации действий против «пятой колонны».

2. В дополнение к руководству Управлением внутренней обороны (безопасности) лорд Суинтон наделен правом исполнительного контроля над MI5 и, таким образом, несет ответственность за действия по контршпионажу в Великобритании.

3. По решению премьер-министра лорд Суинтон осуществляет также оперативный контроль за работой MI6 в отношении всех действий MI6 в Великобритании и Эйре[□]. MI6 также продолжает предоставлять в распоряжение лорда Суинтона всю имеющуюся у нее информацию, которая может иметь отношение к деятельности «пятой колонны» в Великобритании или Эйре.

4. После консультаций с причастными к делу министрами премьер-министр решил, что новая организация создается для

[□] В то время — официальное наименование Ирландии.

координации всей деятельности с использованием подрывных средств и диверсий против противника за границей. Премьер-министр поручил мне наладить работу новой организации, проводя консультации с заинтересованными лицами. Во исполнение предприняты следующие действия:

- а) Создается организация для координации всей деятельности с использованием подрывных средств и диверсий против противника за границей. Данная организация получила название Управление специальных операций.
- б) Руководит Управлением специальных операций м-р Дальтон, министр экономической войны.
- в) В помощь м-ру Дальтону назначен сэр Роберт Ванситарт.
- г) Управлению специальных операций предоставляется право набрать штат, каковой сочтут необходимым руководителем и сэр Роберт Ванситарт.
- д) Различные ведомства и органы, участвующие в нелегальной деятельности, временно продолжают находиться под управлением тех министров, которые несут ответственность за них в настоящее время.
- е) К упомянутым ведомствам и органам, работу которых ныне координирует м-р Дальтон, относятся:

<u>Название</u>	<u>Вариант названия</u>	<u>Административное руководство</u>
Диверсионная служба	«D»	Министерство иностранных дел
MI(R)	—	Военное министерство
* Департамент Электра-хауз	Организация сэра Кэмпбелла Стюарта	Совместно МИД и министерство информации

М-р Дальтон взаимодействует также с директорами разведки трех министерств видов вооруженных сил и Секретной разведывательной службы (MI6). М-р Дальтон также поддерживает связь с лордом Хэнки.

- ж) Планирование и командование рейдами, проводимыми сформированными частями британских или союзных кораблей, войск или самолетов, остается функцией военных властей, вместе с тем м-р Дальтон поддерживает связь с ведомствами, планирующими такие рейды, чтобы иметь возможность оказать любое содействие, используя каналы, им координируемые.
- з) Всякое ведомство, располагающее информацией, которая может оказаться полезной м-ру Дальтону, предоставляет свою информацию в его распоряжение.
- и) Все операции, связанные с диверсиями, тайной подрывной пропагандой, поощрением гражданского сопротивления на оккупированных территориях, побуждением к восстанию, забастовкам и т.п. в Германии или странах, оккупированных ею, представляются любым ведомством до начала их проведения на утверждение м-ру Дальтону.
- к) М-р Дальтон координирует планирование нелегальных военных действий и указывает, какой организации надлежит их проводить. Он несет ответственность за получение согласия министра иностранных дел или иного причастного министра на проведение любой операции, которая может затрагивать их интересы.
- л) Необходимо, чтобы общий план военизированных наступательных операций отвечал общему стратегическому замыслу ведения войны. Для этой цели м-р Дальтон при необходимости обращается за консультациями в Комитет начальников штабов, уведомляя его в общем плане о своих намерениях и, в свою очередь, получая от КНШ общие сведения о стратегической ситуации.

5. Лорд Суинтон и м-р Дальтон прибегают к любым консультациям, которые окажутся полезными или необходимыми для предотвращения функциональных совпадений между Управлением внутренней обороны (безопасности) и Управлением специальных операций. В повседневной работе для данной цели, без сомнения, будет достаточно консультаций между их соответствующими сотрудниками.

6. Премьер-министр поручил лорду Суинтону и м-ру Дальтону относиться ко мне как к члену Военного кабинета мини-

* Примечание: Организация этого департамента находится в стадии рассмотрения.

стров, с которым им надлежит консультироваться и к которому надлежит обращаться за разрешением любых межведомственных затруднений, если таковые возникнут.

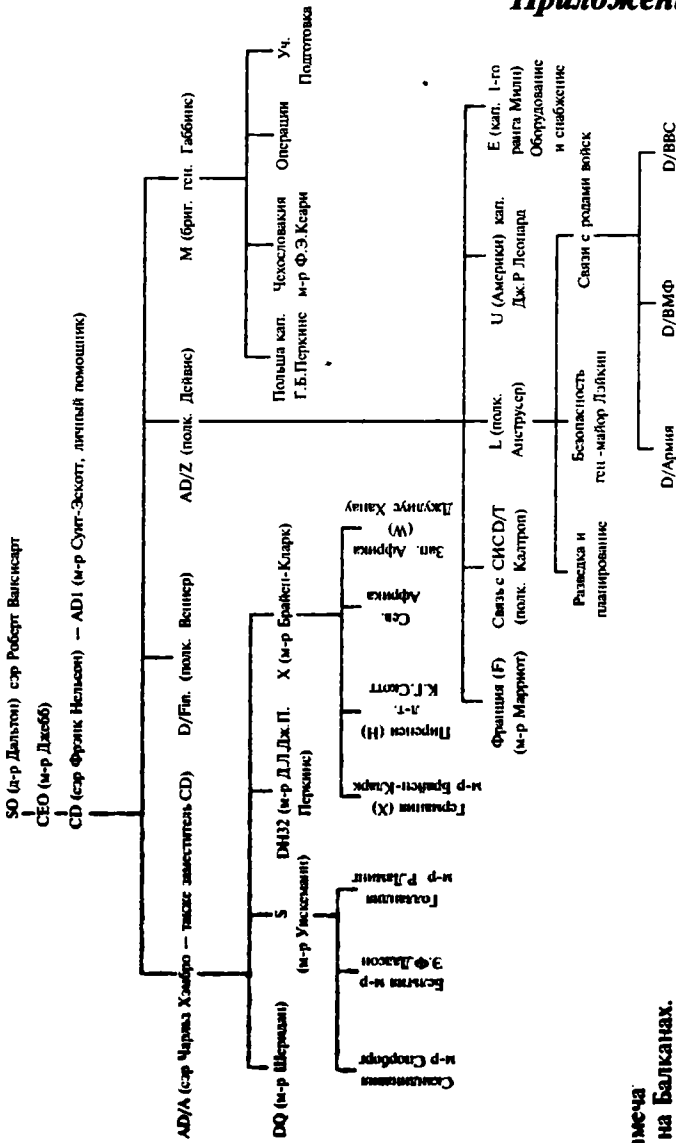
(Завизировано) Н.Ч.[□]

Канцелярия Тайного совета, С-3 1.

19 июля 1940 г.

[□] Невилл Чемберлен.

Схема организации (весна 1941 г.)

Примечание:
 как CD на Балканах.
 2) Осн. источники: Записка CD, датированная 27 марта 1941 г., и Записка AD/A, датированная 4 апреля 1941 г.

Норвегия. Динамика перемещения личного состава с сентября 1941-го по сентябрь 1942 г.

Агенты УСО	Прибыли в Норвегию	Прибыли во второй раз	Вернулись в Великобританию	Вернулись во второй раз	Убиты	Схвачены	В Стокгольме	В Норвегии
Организаторы ¹	13	3	2	3	2 ²	2	—	7
Радисты	13	—	3	—	1	3	1	5
Помощники организаторов, или инструкторы	21	—	5	—	—	—	—	16
Всего	47	3	10	3	3	5	1	28 ³

¹ Если организатор является также и радистом, то он указывается как первый.

² Один утонул.

³ Нет сведений о возможном захвате кого-либо из группы «Стрелец—Цапля», за исключением радиста «Стрельца».

Норвегия. Динамика перемещения личного состава и заброски полевых складов оружия с сентября 1941-го по сентябрь 1942 г.

Оружие, взрывчатка	Кол-во складов	Кол-во заходов	Прибли- зит. вес (т)	Захвачено		Спрятано	
				кол-во	вес (т)	кол-во	вес (т)
Доставлено по суше	9	18	79,2	4	37,5	5	41,7
Сброшено с воздуха	3	3	1,0875	1	0,1375	2	0,95
Доставлено на подлодке	1	1	0,1	0	0	1	0,1
Всего	13	22	80,3875	5	37,8375	8	42,75

Меморандум

Отношения между УСО и министерством иностранных дел

1. Управление специальных операций является секретной и самостоятельной организацией, руководимой министром экономической войны и предназначенной для достижения следующих целей:

- а) поощрять недовольство и, если возможно, восстание во всех странах противника и в странах, оккупированных противником;
- б) затруднять противнику ведение войны посредством диверсий и партизанской войны на этих территориях;
- в) бороться против интересов противника и действий «пятой колонны» «непризнанными» средствами и создавать «послеоккупационные организации» в любой части света, где УСО будет позволено делать это.

2. Эти цели во всех случаях должны соответствовать общей политике правительства Его Величества, и УСО несет ответственность за получение согласия государственного министра иностранных дел на любую из операций, которые способны затронуть его интересы. Со своей стороны, ни министерство иностранных дел, ни представители Его Величества за рубежом не должны ничего предпринимать по делам, касающимся УСО, без предварительной консультации с Управлением или его представителями на местах. Министерство иностранных дел дополнительно соглашается предоставлять УСО всю информацию, касающуюся операций УСО или способную оказать воздействие на операции и планы УСО.

3. УСО, имея установленное на основе вышеприведенного раздела 2 право на высказывание собственных суждений и про-

ведение операций по собственному почину, осуществляет политику правительства Его Величества, установленную в соответствующих сферах Комитетом начальников штабов, министерством иностранных дел и другими государственными ведомствами. Как только эта политика определена, министерство иностранных дел в том, что имеет к нему отношение, предоставляет УСО все средства для ее осуществления. В то же время очевидно, что степень интереса, проявляемого министерством иностранных дел к деятельности УСО, различается в разных районах, где действует УСО, следующим образом:

3.1. *Территории противника и оккупированные противником*

Здесь работа УСО ведется по директивам Организации начальников штабов (либо, в качестве альтернативы, ответственных командующих) относительно интенсивности подрывных операций при полной свободе собственного выбора в отношении групп и организаций, с которыми Управление устанавливает связь. Все акты диверсий и вызова недовольства врагом обычно предпринимаются по инициативе УСО, которое вместе с тем постоянно информирует министерство иностранных дел о любых изменениях, имеющих политическое значение, посредством периодических отчетов и через установленные каналы связи между причастными ведомствами. Если в отношении любой организации, руководимой УСО или связанной с ним, становится известно, что она в состоянии оказывать политическое воздействие на обстановку в соответствующей стране, УСО незамедлительно проводит консультации с министерством иностранных дел и Комитетом начальников штабов относительно линии поведения, какую надлежит принять в его совместных действиях с данной организацией, и следует указаниям министерства иностранных дел в том, какую политическую линию надлежит принять.

3.2. *Неоккупированная Франция и неоккупированные заморские французские территории*

УСО признает особую заинтересованность министерства иностранных дел в этих районах и соглашается не проводить в них операций, кроме как с ведома и (при условии обращения) согласия министерства иностранных дел. В этих районах министерство иностранных дел обыкновенно не уведомляется о деталях подрывных операций, однако дает (или не дает) общее согласие на их проведение.

3.3. *Нейтральные страны*

Здесь интересы внешней политики являются преобладающими. Соответственно, министр иностранных дел берет на себя полную ответственность решать, надлежит или не надлежит УСО осуществлять деятельность в нейтральных странах, и в этих районах УСО действует по его директивам. Из этого следует, что, за исключением определенных деяний, таких как вербовка агентов или подкуп капитанов судов, на проведение которых министерство иностранных дел дает управлению общую санкцию, УСО не осуществляет никаких операций и не предпринимает никаких активных шагов по подготовке к операциям, кроме как с ведома и (при условии обращения в министерство иностранных дел) согласия главы местной дипломатической миссии. Поскольку необходимо, чтобы УСО вело отбор в качестве своего главного представителя в любой нейтральной стране лица компетентного и заслуживающего доверия, министерство иностранных дел, со своей стороны, согласно донести до соответствующих глав миссий важность подрывных операций и признать необходимость проведения подготовительной работы.

3.4. *Союзные страны (за исключением тех, что оккупированы противником)*

В этих странах деятельность УСО почти полностью состоит из вербовки агентов и сотрудничества с правительствами соответствующих стран в подрывных операциях. При том условии, что соответствующие союзные власти выразили согласие, министерство иностранных дел не выражает желания, чтобы с ним консультировались в отношении вербовки агентов, хотя оно должно постоянно уведомляться об основных направлениях сотрудничества в подрывных делах.

3.5. *Центральная и Южная Америка*

Во всех центральноамериканских и южноамериканских государствах, как участвующих, так и не участвующих в войне или нейтральных, интересы внешней политики также являются преобладающими, и УСО осуществляет деятельность только в сотрудничестве с инстанцией, надлежащим образом созданной правительством Соединенных Штатов. Вплоть до создания таковой инстанции никакая деятельность, включая подготовительную, кроме вербовки аген-

тов, не должна предприниматься до получения одобрения министерства иностранных дел, а также без ведома и согласия глав местных британских дипломатических миссий.

4. Предложения мира

Если в ходе работы УСО обнаруживает в любой из вышеупомянутых категорий стран или территорий группировки или партии, выражающие желание и способные вступить в любого вида мирные переговоры, Управление незамедлительно уведомляет министерство иностранных дел, которое принимает решение, нужно ли и на каких условиях вести переговоры.

5. Организованные группы дружественно настроенных людей — выходцев из стран противника и союзные правительства в изгнании

В дополнение к вышеупомянутым районам УСО необходимо иметь определенные отношения как с организованными группами дружественно настроенных людей — выходцев из стран противника, так и с союзными правительствами в изгнании.

а) Организованные группы дружественно настроенных людей — выходцев из стран противника

Цели УСО, поддерживающего отношения с такими организациями за пределами нашей страны, состоят в обрете-нии новых завербованных и оказании помощи резидентурам УСО за рубежом в налаживании сотрудничества с местными группировками для проведения операций на соответствующих территориях. УСО направляет в министерство иностранных дел полную информацию обо всех своих связях и совместных действиях с такими организациями и не проводит — в этом отношении — никакой собственной политики, а получает директивы от министерства иностранных дел. С другой стороны, любые виды связи с такими организациями, существующими в соответствующих иностранных государствах, следует осуществлять по каналам СИС или УСО, поскольку в противном случае возникнет серьезный риск выхода за предписанные рамки деятельности и общей неразберихи.

б) Союзные правительства в изгнании

Отношения УСО с союзными правительствами в изгнании ограничиваются оперативными вопросами. Под этим имеются в виду, говоря обобщенно, обсуждения относительно подбора и отправки агентов и снаряжения, установление приоритетов (т.е. как лучше всего распределить имеющиеся транспортные возможности и снаряжение

между соответствующими правительствами), создание подпольных организаций и обмен замыслами в технических вопросах. Ничто не препятствует УСО достигать вышеозначенных целей через посредство союзных подданных, которые могут не связывать себя с данным союзным правительством и даже находиться в политической оппозиции к нему, при том условии, что УСО уверено, что его агенты не поддерживают ту или иную конкретную политическую фракцию и не участвуют в интригах, направленных против правительства, признанного правительством Его Величества.

6. Право обжалования

Будучи министром Короны, министр экономической войны обладает в качестве руководителя УСО (и за исключением установленного выше в разделе 3.3.) общим правом обжаловать неблагоприятное решение любого ведомства по любому конкретному предложению министра. Во всех случаях, связанных с операциями, «третейский суд» вершит Комитет обороны. Имеется понимание, что министр осуществляет свое право обжалования только в отношении вопросов, которые представляются ему первоначально важными в связи с проведением специальных операций.

7. Пропаганда

Вопрос о степени участия УСО в подрывной пропаганде исключается из данного документа и составляет предмет отдельных договоренностей между УСО, УПВ и министерством информации.

Совершенно секретно

Служебная записка

Подрывная деятельность на оккупированных территориях

Поступило предложение создать общий Союзный штаб для решения задач по всей подрывной деятельности на оккупированных территориях. Особая функция этого штаба видится в координации подобных действий и руководстве ими, с тем чтобы они оказывали максимальное содействие при любом будущем наступлении союзников.

2. Важность подготовки народов Европы, в настоящее время оказавшихся под нацистским правлением, к тому, чтобы они внесли свой вклад в поражение Германии, уже давно признана правительством Его Величества и его военными советниками, во многом именно эта цель преследовалась при создании Управления специальных операций (УСО). В настоящее время функции, предлагаемые для данного общего Союзного штаба, осуществляются УСО.

3. Нынешняя методика, по которой УСО работает в тесном сотрудничестве с нашими планирующими службами и с Комитетом начальников штабов, позволяет координировать действия в оккупированной Европе с общим планом ведения войны.

4. По нашему мнению, организация общего Союзного штаба для решения задач, связанных с этими действиями, не даст никакой пользы, в особенности принимая во внимание, что он будет не в состоянии соотносить свои рекомендации с требованиями ведения войны в целом.

5. УСО, следовательно, надлежит продолжать действовать в качестве координирующей инстанции, взаимодействуя с генеральными штабами союзных правительств, чьи территории оккупированы, и с генеральным штабом «Свободной Франции», а также действуя в качестве агента, к которому данным генеральным штабам надлежит обращаться по всем делам, связанным с диверсионной деятельностью, организацией сопротивления и «тайных армий».

6. Я уверен, что ввиду той важности, которую мы придаем подрывной деятельности на континенте, вы наладите с УСО самое тесное и добросердечное сотрудничество.

Копии данного письма направлены соответствующим бельгийским, чехословацким, нидерландским, свободным французским, греческим, норвежским, польским и югославским властям.

(Подпись) А.Ф. БРУК
Председатель Комитета начальников штабов

2 июня 1942 г.

Копия

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

COS(42)133(0)

12 мая 1942 г.

**ВОЕННЫЙ КАБИНЕТ
КОМИТЕТ НАЧАЛЬНИКОВ ШТАБОВ
СОТРУДНИЧЕСТВО УСО В ОПЕРАЦИЯХ
НА КОНТИНЕНТЕ**

Пометка Секретаря

Прилагаемая Директива[□] УСО по его сотрудничеству в операциях на континенте утверждена* начальниками штабов.

(Подпись) Л.К. ХОЛЛИС

Грейт-Джордж-стрит, Ю31
12 мая 1942 г.

[□] Приложение.

* COS(42)147-е заседание, протокол 5.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Директива УСО

ОПЕРАЦИИ НА КОНТИНЕНТЕ

Военный комитет принял решение* о незамедлительной разработке планов и подготовительных мер для англо-американских операций в Западной Европе в 1942 и 1943 гг., имея в виду развитие наступления по следующим этапам:

1. В течение лета 1942 г. надлежит провести серию рейдовых операций на фронте, простирающемся от северной части Норвегии до Бискайского залива, в сочетании с активным воздушным наступлением по всей Северо-Западной Европе:

- 1) совершить крупномасштабный налет, способный привести к воздушному сражению и/или захвату плацдарма во Франции в районе, где может быть обеспечено необходимое морское и воздушное прикрытие, в течение лета 1942 г., в случае, если будет решено действовать на континенте;
- 2) выждать крупномасштабный десант в Западной Европе весной 1943 г.

2. Ответственность за выполнение этих задач распределяется следующим образом:

Инициация подготовки к наступлению

командующий Внутренними войсками и командующий совместными операциями — совместно.

Планирование и осуществление рейдовых операций в 1942 г.

КСО по согласованию с командующим Внутренними войсками.

* WM(42)54-е Заключение.

Проведение воздушного наступления	командующий истребительной авиацией по согласованию с командующим бомбардировочной авиацией.
Планирование операций по проведению крупномасштабного рейда и/или по захвату плацдарма в 1942 г. («Кувалда»)	командующий Внутренними войсками, командующий истребительной авиацией и КСО — согласованно.
Крупномасштабный десант в Западную Европу в 1942 г.	командующий Внутренними войсками во взаимодействии с КИА (и другими командованиями Королевских ВВС, какие потребуются) и КСО при полном согласовании со штабом ВМФ.

3. УСО надлежит на всех этапах следовать общему плану посредством организации и координации действий патриотов в оккупированных странах. Особенную заботу следует проявить о том, чтобы избежать преждевременного крупномасштабного восстания патриотов.

4. Для этой цели УСО следует работать в постоянном взаимодействии с ведущими планирование офицерами штабов, упомянутых выше в п. 2, которые предоставляют УСО полную информацию.

5. УСО надлежит принять меры для создания и снаряжения военизированных организаций в районах намеченных операций. Деятельность таких организаций особо нацелена на выполнение следующих задач:

Взаимодействие в ходе первоначального натиска

- 1) Предотвращение подхода подкреплений противника посредством нарушения шоссейного, железнодорожного и воздушного транспортных путей.
- 2) Общее нарушение средств связи противника как в районе боевых действий, так и за ним.
- 3) Предотвращение проведения противником взрывов.
- 4) Вывод из строя самолетов и летного состава противника.
- 5) Дезорганизация передвижений противника и его тыловых служб посредством распространения слухов.

Задачи после высадки

- 6) Предоставление проводников для британских войск. Им должно быть известно расположение немецких войск и укреплений в ближайших окрестностях.
 - 7) Предоставление охраны для важнейших узлов. В случае если личный состав охраны не был вооружен и снаряжен до начала данных операций, это производится при помощи Союзных экспедиционных сил.
 - 8) Содействие в предоставлении рабочей силы для работы в доках, на транспортных коммуникациях и на аэродромах.
 - 9) Предоставление боевых групп, способных совершать рейды в немецкие тылы для выполнения особых задач.
6. Копии данной Директивы необходимо направить:

командующему Внутренними войсками
командующим истребительной авиацией и бомбардировочной авиацией
командующему совместными операциями.

9 августа 1942 г.

На заседании⁹, проведенном 8 августа 1942 г., начальники штабов «согласились, что в пункте 5 Директивы УСО подпункты от 6-го до 9-го включительно следует отменить».

Настоящим требуется, чтобы имеющиеся в вашем распоряжении копии COS(42)133(0) были соответственно исправлены.

(Подпись) Л.К. ХОЛЛИС

⁹ COS(42)231-е заседание, протокол 2.

**Извлечение из Соглашения между министерством информации и Управлением специальных операций
(июль 1942 г.)**

Пункт 9

- а) УСО не проводит подрывных действий любого назначения на территориях, находящихся в юрисдикции министерства информации, если только сделать это ему не поручит местный командующий или министерство иностранных дел.
- б) УСО ведет подрывную пропаганду в нейтральной стране или империи исключительно по поручению министерства иностранных дел и на основе плана, утвержденного министерством или соответствующим департаментом. Министерство информации уведомляется о наличии такого плана и — в общих чертах — о его масштабе.
- в) В то же время, если политика правительства Его Величества предусматривает участие в кампании против любого нейтрального правительства или любой организованной вражеской «пятой колонны» на территории министерства информации, УСО, как правило, поручают — в качестве составной части общего подрывного плана — операции, связанные с использованием за пределами данной страны радиостанций «Свобода», слухов, переправленных писем, подкупа и листовок, источники которых не являются или открыто не являются британскими.
- г) На любой территории, где министерство информации располагает (лучшими) условиями и средствами (нежели УСО) для проведения всех или любого из этих действий, министерство получает право, если пожелает, организовать их

самостоятельно. В любом случае местный резидент УСО на территории министерства информации, используя вышеупомянутые средства, всегда работает в тесном взаимодействии с местным резидентом министерства информации и *наоборот*.

- д) Резиденты УСО не обращаются к служащим министерства информации в нейтральных странах с расспросами о пропагандистских проектах в будущем, если только не наличествует полная ясность, что резиденты министерства информации могут и обязаны дать нам полный отчет о сути таких расспросов.
- е) В отношении обычной пропаганды УСО действует исключительно как ее распространитель по особому запросу министерства информации¹.

¹ Примечание: Копия этого документа хранится в Архиве УСО, папка «CD 110/3 – Связи с министерством информации».

Копия

УСО И УПВ

(Соглашение сентября 1942 г.)

В целях обеспечения самого тесного взаимодействия между УСО и УПВ на Ближнем Востоке, в Западной Африке и любых иных центрах, к которым позже по согласованию могут быть применимы те же принципы, две организации договорились о следующем разграничении функций:

1. УСО признает намерение УПВ создать самостоятельные представительства для ведения всех форм пропаганды на территориях, предписанных УПВ в его Уставе.

2. УСО соглашается передать УПВ на всех территориях, к каким применимо данное Соглашение, все радиопередающие станции, которыми УСО в настоящее время владеет либо руководит, и не создавать взамен них другие станции.

3. Вместе с тем УПВ признает, что УСО, которому ПЕВ^а вменило в обязанность ведение всех форм политического «разложения», для оперативных целей необходимы специальные нелегальные радиопередающие средства, и в этой связи обязуется предоставлять такие средства на следующих условиях:

- а) необходимые УСО радиопередачи готовятся на станциях, ныне переданных под контроль УПВ, группами радиоспециалистов, которых предоставляет УСО и личности которых УСО раскрывать не обязано;
- б) УПВ предпринимает необходимые меры для защиты безопасности УСО в отношении данных радиопередач;
- в) УСО заранее предоставляет УПВ тексты передач, с тем чтобы обе стороны имели возможность убедиться в отсут-

^а Правительство Его Величества. — *Примеч. пер.*

ствии противоречия в политике, предписанной ПЕВ соответственно УСО и УПВ;

- г) получая данные тексты, УПВ отдает себе отчет в оперативных целях и характере радиовещания, признавая, что связанная с ним оперативная политика является делом УСО и не обязана входить составной частью в политику пропаганды, являющуюся сферой ответственности УПВ;
- д) обе стороны предпринимают все возможное для того, чтобы данные радиовещательные станции следовали согласуемой политике в интересах как УСО, так и УПВ;
- е) любые различия в понимании политики, которые могут возникнуть, выносятся на рассмотрение Координационного комитета в Лондоне.

3. УСО передает УПВ тот местный персонал, который может быть выделен без ущерба для оперативной работы УСО или безопасности любой секретной организации, подконтрольной УСО, и который дает согласие на перевод.

4. УПВ не внедряет и не позволяет своим заграничным представительствам внедрять агентов «в поле», будь то для распространения письменной пропаганды, или слухов, или воздействия на мнения и чувства соответствующего населения, или для получения сведений о результатах пропаганды, осуществляемой под руководством УПВ на данных территориях. Всю такого рода работу «в поле», как и ранее, продолжает вести УСО в качестве агента для УПВ.

3 сентября 1942 г.

КАРТА СЕТЕЙ ОТДЕЛА F

С. С. 5885
СТРАНЫ БЕНИЛЮКСА И ФРАНЦИИ
 ШКАЛА 1:500 000
 ШКАЛА 1:500 000

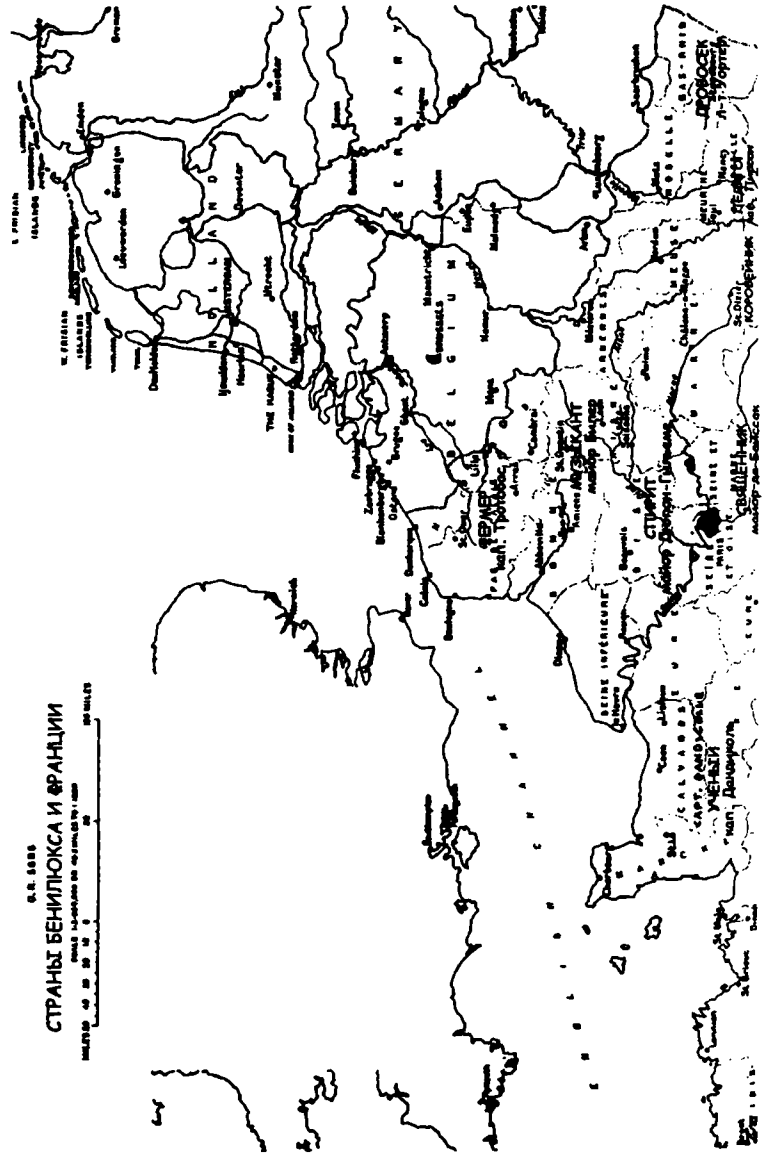
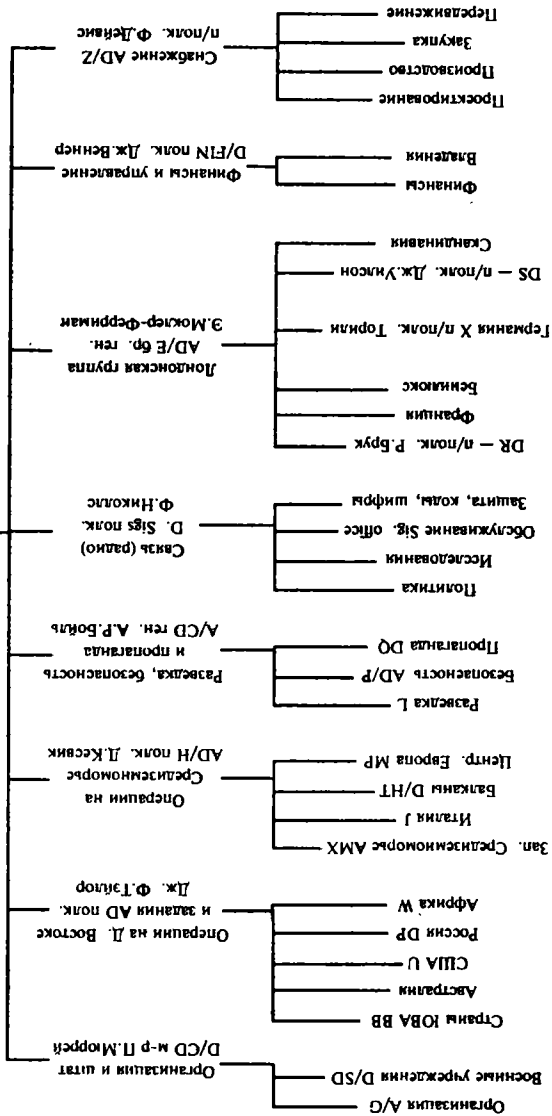

Схема организации

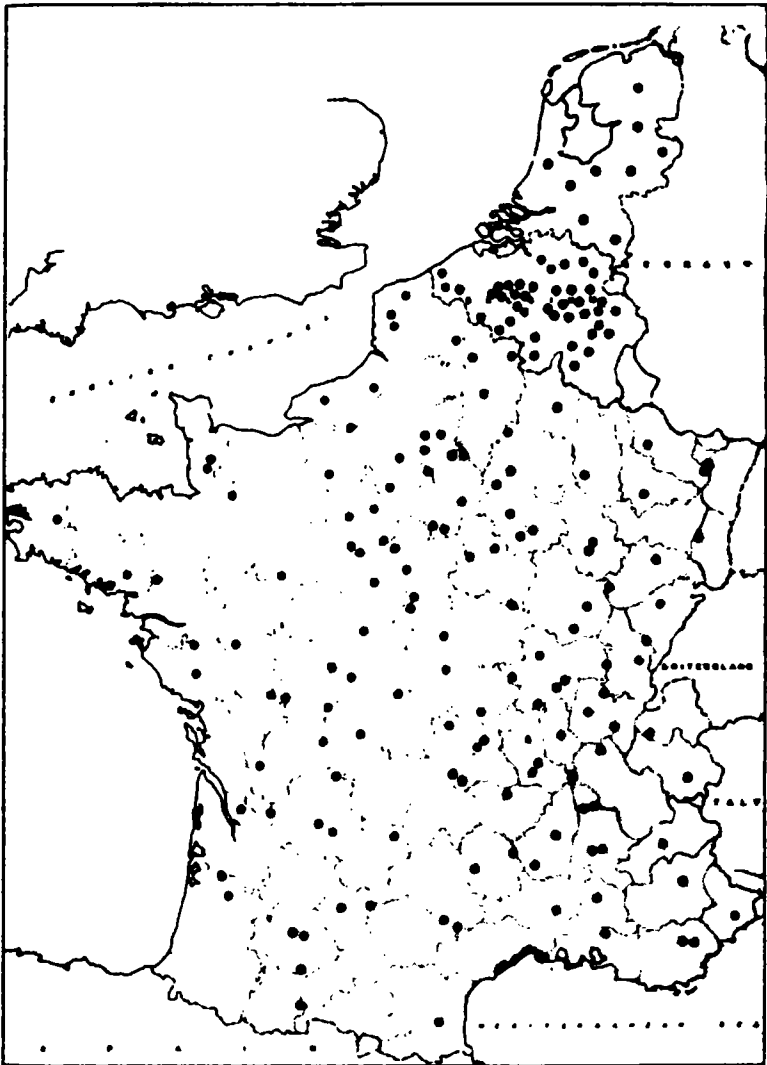
CD — генерал-майор К. Габбинс

V/CD — подполковник Г. Спорборг

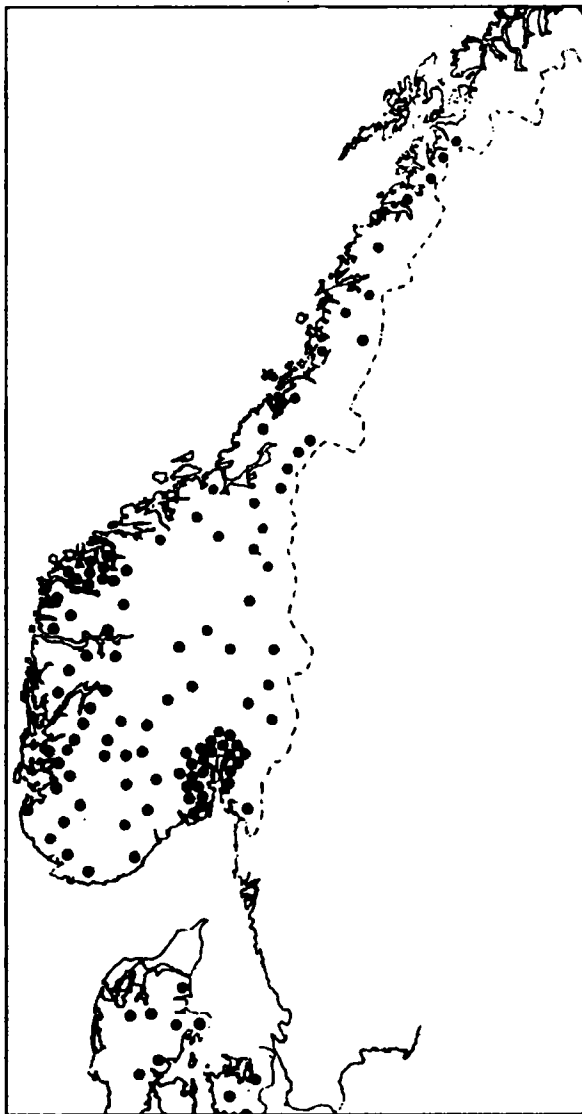
Весна 1944 г.

**Нелегальные радиостанции,
действовавшие накануне дня «Д»
(высадки союзников в Европе в мае 1944 г.)**

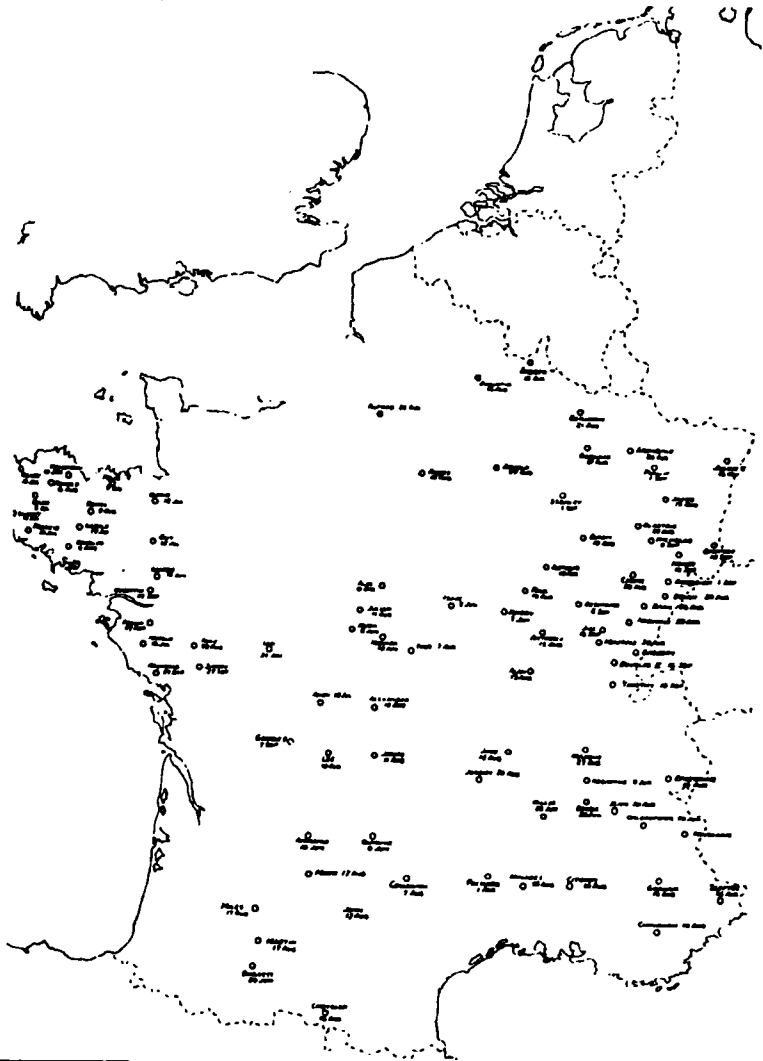

НОРВЕГИЯ И ДАНИЯ

Нелегальные радиостанции, действовавшие накануне дня
«Д» (высадки союзников в Европе в мае 1944 г.)

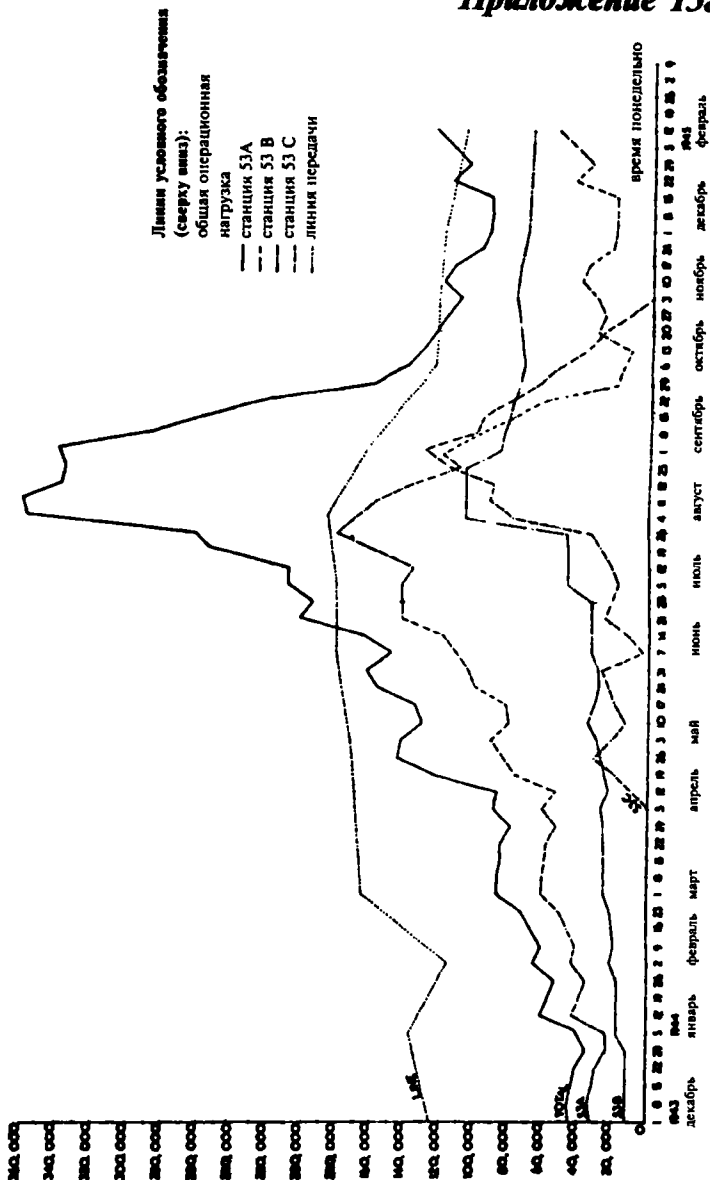
Радиостанции на связи с Джедбургом[□], действовавшие после дня «Д» (высадки союзников в Европе в мае 1944 г.)

[□] Джедбург — город на юго-востоке Шотландии, где располагалась радиобаза секретных служб Великобритании. — *Примеч. пер.*

График потока радиообмена Соединенное Королевство

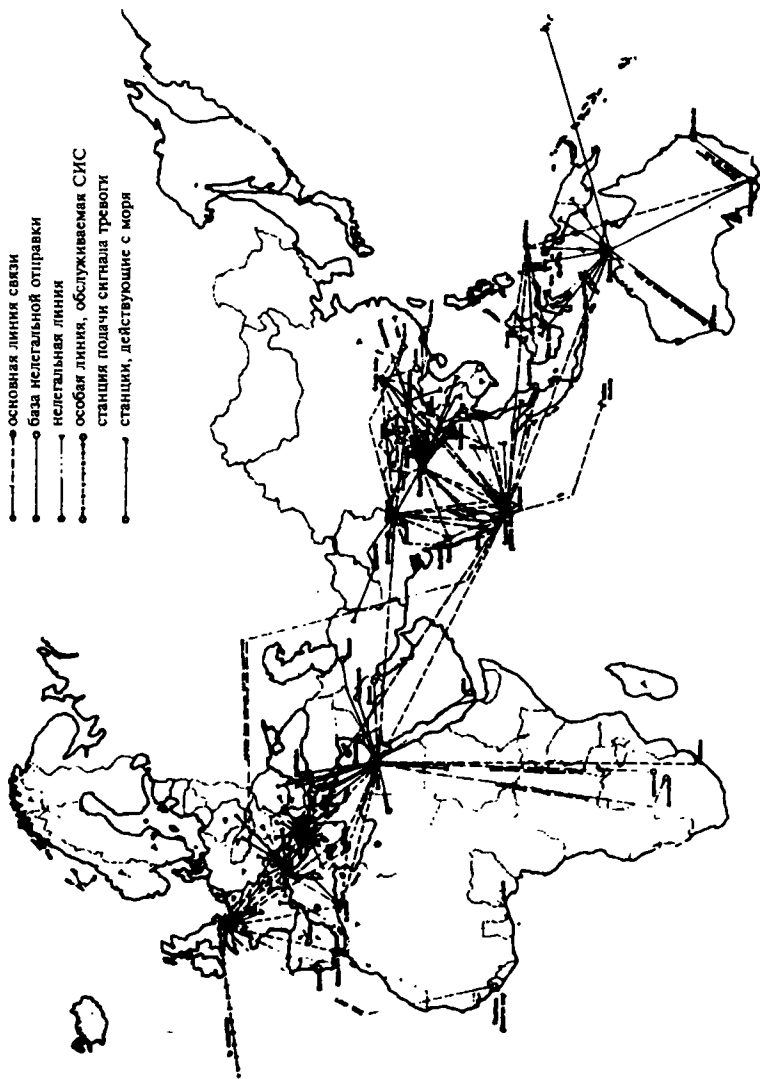
количество
переданных знаковых
групп в неделю

Линии радиосвязи УСО в 1942—1945 гг.

Линии условного обозначения (сверху вниз):

- основная линия связи
- база нестальной отправки
- нестальная линия
- особая линия, обслуживаемая СИС
- станция подачи сигнала тревоги
- станции, действующие с моря

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абацис 201
Агостон, старший лейтенант 607
Адамсон, Дж.К., майор 792
Айраль, Жан (Роберт Харроу) 353
Айри, Т.С., генерал-майор 239, 245, 668
Александр, Х.Р.Л.Дж., фельд-маршал 512, 536, 662, 665, 666, 668
Аллен, У.Э.Д. 21, 668, 824
Амьес, Харди, майор 371
Андерсон, Джон 140, 141, 641
Ансти, подполковник 673, 678
Анструсер, П.Н., полковник 120, 431, 640, 641
Антелме, А.Дж.Ф., майор 686—688, 692, 697, 708
Антонеску, Ион, маршал 63, 150, 151, 598—600, 602
Антонеску, Михай 602
«Аполлон» (Янни Пелтекис) 548, 560, 566, 577—579, 619, 722, 799
Арди, Рене, полковник 711
Арес Велухиотис 544, 545, 547, 569
Армстронг, К.Д., бригадный генерал инженерных войск 511, 522, 523, 528, 529, 613
Аронштейн, капитан 755
Атертон, Теренс, майор 174
Аткинсон, офицер М19 202, 203, 221
Бабингтон-Смит, Дэвид 307, 401
Бадж, полковник 586
Бадольо, Пьетро, маршал 648, 649, 652, 656, 664
Байссак, Клод де («Давид»), майор 322, 687, 689, 696, 705, 746, 752
Байссак, Лиз де 322, 687, 696
Бакирдзис, полковник 187, 189, 200, 214, 215, 217, 547, 564
Бакмастер, полковник 324, 340, 362, 705
Балбу, Рене 331
Балдуци, д-р («Отто») 661
Балфур, Майкл 23
Балчен, полковник 802
Барбрук, майор 85, 182, 196
Барде, Роже 684, 685, 689, 704
Баркер, Элизабет 12
Баркер-Бенфилд, К.В., бригадный генерал 575, 586, 618

Барнс, капитан инженерных войск 545

Барри, Р.Г., полковник 19, 298, 435, 451, 731

Барлетт, К.В.О., член парламента 108

Баседен, Ивонн, старший лейтенант ВВС 685

Басин, Франсуа («Олива»), лейтенант 321, 322, 325, 337, 338, 349, 681, 682

Бассе («Мари»), пожарный 721

Бастин, полковник 759

Батлер, Робин, секретарь Кабинета министров 9

Батлер, Юэн, майор 239, 461, 463, 822

Баурн, А.Г.Б., генерал-лейтенант морской пехоты 103, 106

Беделл-Смит, У.Б., генерал 842

Бежу, Жорж («Георг Благородный»), майор 316, 317, 320, 321

Беккер (капитан Бейкер-Бирн) 851

Белл, Г.Э., лейтенант Добровольческого резерва Королевского военно-морского флота 308

Белл, Филип 16

Беллэрс, Р.М., контр-адмирал 56, 57, 95

Бенеш, Эдуард, президент 395—397, 634

Беннетт, Дж.С. 146

Бенойст, Роберт, капитан 695, 696

Бенсон, лейтенант армии США 525

Берже, капитан 311, 312, 330

Бержере, Ж.М.Ж. 674

Бернар, Анри, майор 377, 756

Бернард, принц Нидерландский 772, 777, 779

Берти, полковник 563

Берто, П., профессор 329

Бертолет, Рене («Шарль») 827

Бертран, Анри 352

Бехриш, Арно 51, 55

Бивербрук, лорд 142

Бивор, Дж.Г., майор 20, 307, 402, 403

Бивэн, полковник 15

Биггс, Эрнест, «Виндзор ти компани» 51, 55

Бидо, М. Жорж 341, 351, 352, 710, 713, 716

Биллот, полковник 349, 361—363, 365

Бинген, М. («Кадиллак») 718

Бингэм, майор 768

Бинни, Джордж 259

Бир, П. де 776

Битнер, М., польский генеральный консул 394, 697

Битти, Честер 44, 147

Блэккер, Л.В.С., подполковник 80

Блюм, Леон, лидер Народно-го фронта 341

Богомолов М., советский посол 178

Бодингтон, Н.Р., майор 319, 320, 323, 325, 328, 340, 366, 681, 696

Бодо, лейтенант 607

Бойль, А.Р., бригадный генерал авиации 121, 862

Боксшэлл, подполковник 198, 597, 600

Больер, М. 716, 718

Бонневи, Хелмер 53

Бономи, Иваноз, итальянский премьер-министр 651, 664, 665

Бор (Коморовский), генерал 627, 628

Боргаутс, Дж.Дж.Ф. («Посвист», до этого Петер Зюйд), майор 778

- Боррел, мадемуазель 691
 Боуз-Лайон, Дэвид 456, 459
 Боуман, Томас 196, 199, 203
 Бракен, Брендан 744
 Браун, А.У., майор 87, 88
 Браун-Бартролли, капитан авиации 699, 700
 Брин, лейтенант 701
 Бринкгрив («Дадли»), майор 774, 778
 Брод, Филип 114, 116, 131, 419
 Броль, Мишель («Жером») 713, 716
 Броссолие («Морской Турман»), капитан 708, 718
 Брошю, майор 286
 Брувиль, граф Маз-Сенсье де 746
 Брук, Алан, генерал 359, 373, 442, 917
 Брук, Р.Э., полковник 678, 733, 848, 862
 Брукс, А. («Альфонс»), майор 324, 325, 699
 Брукс, Даллас, бригадный генерал 143
 Брукс-Ричардс Ф., лейтенант Добровольческого резерва ВМФ 642
 Брэкен, Брендан, министр информации (Англия) 142—144, 419, 420, 457—459, 464, 895
 Брэтиану, Константин 597
 Броне, де, полковник, голландская морская пехота 768
 Брюс-Локхарт, Р. 142, 143, 459
 Буассон, П. 354; 405, 674
 Буато («Николас»), майор 323, 691, 699
 Буги, подполковник 607, 608
 Булганин, Н.А., советский государственный деятель 896
 Буль, генерал-майор 678
 Бурда, старший сержант 330, 351
 Бурне-Паттерсон, майор 284, 306, 320
 Бхагат Рам 485
 Бьеле, майор 692, 697
 Бьюмон-Несбитт, Ф.Дж., генерал-майор 95
 Бэйли, С.У., полковник 47, 63, 145, 148, 150, 157, 180, 184, 193, 226, 231, 232, 236, 237, 510, 511, 514—518, 520—523, 525, 527, 528, 594, 604
 Бэрри, Р.Г., полковник 862
 Бэрстед, У.Г. Сэмюэль, лорд 44
 Бялостерский, Т. («Шашки») 770, 771, 774, 777
 Ваврин, А., де («Пасси»), полковник 296—298, 333
 Валентайн, Уильямс 115, 117
 Ванситарт, Роберт 110, 113, 117, 135, 904
 Вассильядес, М. 579
 Ватсон, Р.Д., капитан 2 ранга 82, 447
 Вейган, Максим, генерал 288, 354—356, 360, 361, 671, 680
 Велебит, полковник 527
 Веллакотт, П.К. 466
 Велухиотис, Арес (Афанасиос Кларос) 544, 576
 Велчев, Даян, полковник 593, 597
 Вени, полковник (бригадный генерал Жан Винсент) 690, 702
 Венизелос, Софоклос 187, 189, 549, 573
 Веннер, Дж.Ф., полковник авиации 119, 863, 864
 Верес, Ласло 605, 607

Верити, Хью 18
Вест, майор 191
Вест, Найджел 16
Ветлесен, Дж. Унгер, капитан
2 ранга военно-морского резерва
США 278
Вёрсер, А., лейтенант 701
Виккерманн, Э., мисс 455, 456
Виккерс, К.Дж., полковник 408
Вильгельмина, королева Нидерландов 378, 772
Вильерс, К.Х., майор 832, 833
Виндель, де, Комитет металлургических заводов 337
Винкельхорн, майор 816
Винсент, майор 666
Витцлебен, Э. фон, фельдмаршал 846
Власов, А., генерал 636
Вольф, Карл, генерал СС 668
Вольюве («Тушканчик», позже — «Лавиния») 757
Вонкур, Пьер, барон де («Лукас») 317, 320, 321, 335, 347
Вонкур, Филипп, барон де 318, 322, 695, 704
Вуд, Кингсли 139
Вудс, Кристофер 24
Вудхауз, К.М., подполковник 21, 542—549, 554, 563, 564, 568, 570, 573, 575, 576, 583, 585, 586
Вьятт, Д.А., майор инженерных войск 445, 446

Габбинс, Колин, бригадный генерал 7, 8, 15, 17, 19, 24, 60, 74, 77, 81, 82, 85, 90—92, 119—121, 168, 297, 315, 357, 358, 361, 365, 373, 385, 386, 398, 417, 423, 430, 432—435, 437, 439, 440, 447, 451, 452, 495, 615, 618, 627, 635, 642, 713, 727, 755, 758, 770, 838, 843, 847, 861, 864, 878

Габчик, сержант 397
Гаврилович, Милан 61, 147, 154
Гайсвинклер, Альбрехт 835
Галифакс, Э.Ф.Л. Вуд, граф 39, 52, 60, 103, 104, 106, 109, 111, 419
Гамелен, Морис, генерал 56, 60, 77
Гамильтон, мисс («Игра В Блошки») 771
Гамильтон, Ф.Л.Дж. («Гребля Академическая») 771
Ганзбург, Филипп де 704
Ганшоф ван дер Меерш, М., генерал-лейтенант 756, 765
Ганьони, полковник 654
Гарлинский, Джозеф 24
Гарнетт, Дэвид 459
Гарретт, Аласдэр, майор 279
Гарри, Эмиль 687
Гарриман, У. Аверелл 477
Гаспар 715
Гау, Джанет, мисс 249
Гедье, Г.Э.Р. 822, 830
Гейдрих, Рихард, обергруппенфюрер 24, 397, 633
Гейтскелл, Хью 114
Генрих (полковник Ворбек) 683—685
Георг II, король Греции 186, 187, 197, 453, 463, 587, 610
Гер, Круа де 319
Гербранди, д-р, голландский премьер-министр 378, 773
Герольд, Карл 827
Гетти, Джон Пол-младший 17
Гёд, А. де («Рамми»), лейтенант 771
Гёрц, генерал, датский главнокомандующий 281, 818
Гилл, майор 55
Гиллуа, М. (Диамант-Берже) 682

Гиннесс, Д.Р., полковник 430,
483, 484

Гискес, оберст-лейтенант 381,
384

Глазье, майор 758, 759

Глен, А.Р., капитан 2 Добро-
вольческого резерва Королевско-
го ВМФ 146

Гленконнер, лорд (К.Дж. Тен-
нант) 168, 169, 171, 210, 211, 218—
220, 242—247, 460, 466, 467, 480,
481, 494, 515, 518, 545, 559, 561,
562, 570, 571, 609—611, 614, 618

Гокк, Анри 340

Голье, Шарль А.Ж.М. де, ге-
нерал 25, 109, 284, 285, 287, 288,
292—298, 309, 311, 320, 322, 326,
327, 331—339, 342, 344—346, 349—
351, 353, 356, 358—369, 373, 395,
404, 419, 452, 496, 638, 671—682,
686—688, 690, 702—711, 713, 715,
716, 719, 720, 732, 736, 738, 749

Гонатас, генерал 186, 201, 202,
205, 206, 208, 209, 217, 560

Гопкинс, Гарри Л. 289, 477

Гордон-Крид, майор 553

Грааф де, капитан 769

Гранвиль, Кристина (графиня
Кристина Жисыка) 685

Гранд, Лоуренс, генерал-май-
ор инженерных войск, начальник
отдела D 32—34, 39, 41—46, 48, 49,
52, 60, 63, 64, 68—70, 78, 93, 95,
96, 101, 114, 115, 118, 122, 286, 646,
656, 821

Гранде, Ивар, норвежский ос-
ведомитель 791

Грам, Грегерс 789, 795, 799—
801

Грандклемент 688, 689, 693,
705, 709, 715

Грегуар, мэтр 763

Грель, Карл 65, 827

Гри, Мишель 350

Гринлис, майор 516

Гриерсон, К.Макк., полков-
ник авиации 504

Грисар, майор 377, 756

Гровер-Уильямс, капитан 323,
696

Гутт, бельгийский министр
обороны 373

Давидсон, Бэзил, майор 604,
606, 607, 830

Дагмор, майор 533

Дадсон, Э. 372

Даллес, Аллен, УСС 688

Даль, сержант 87, 88

Дальтон, Хью, барон, министр
экономической войны 11, 15, 17,
19, 60, 104, 105, 107, 109—115, 117,
123—125, 133, 134, 137—141, 143,
144, 156—158, 164, 166, 168, 176,
192, 210, 227, 228, 230, 233—237,
242, 292, 293, 313, 314, 333, 334,
337, 339, 340, 419—421, 425, 437,
455—457, 462, 464, 647, 895, 904,
905

Дамаскинос, архиепископ 571

Дандиколь, Ж., лейтенант 696

Дарлан, Жан Луи, адмирал 288,
354—356, 672, 707

Дартон, майор 822

Дафф-Купер, Альфред, виконт
Норвич 36, 476

д'Астье де ла Вижери, Анри
322, 344, 638

д'Астье де ла Вижери, Фран-
суа, генерал французских ВВС 344,
673, 677, 732

д'Астье де ла Вижери, Эмма-
нуэль («Освобождение») 322, 343,
344, 349, 350, 361, 362, 491, 638,
676, 706, 707, 709, 718, 732, 738

Дедикен 817

- Дедье, лейтенант 695
 Дежан, М. 333
 Дейвис, сержант, радист 608
 Дейвис, Э.Ф., бригадный генерал 589, 590
 Дейвис, Ф.Т., полковник 81, 85, 89, 119, 478, 863
 Дейнболл, Питер, лейтенант 788, 789
 Делестре, генерал («генерал Видаль») 351, 707, 708, 711, 717
 Делма, Ж.-П.-М. («Чабан»), французский премьер-министр 717
 Делмер, Д. Сефтон 843
 Делфосс, М., министр юстиции и информации (Бельгия) 373, 374, 755
 Дерикур, лейтенант авиации 305, 684, 689, 711
 Деспард, М.К., капитан 1 ранга 56
 Деспотопулос 554
 Джебб, Глэдвин (лорд Глэдвин) 17, 19, 104, 113, 114, 116—118, 126, 130, 131, 168, 242, 296, 358, 417, 419, 421, 425, 428, 430, 432, 437, 439, 459, 463, 464, 470, 476, 861
 Джексон, Маргарет 8
 Дженнингс, полковник 245
 Джерзговский, Теодор («Арбитр»), старший лейтенант 394
 Джефферис, М.Р., майор инженерных войск 18, 79, 80, 87
 Джонг, Луи де 16
 Джонстоун, подполковник 236, 237
 Джордан, лейтенант 546
 Джонс, капитан 684
 Джурич 533
 Диверс, Дж., генерал 678
 Дикин, Ф.У.Д. 21, 519, 520, 525
- Димитров, Георге 62, 149, 150, 593, 594, 597
 Дисмор, Л.Г., подполковник 299
 Добсон, подполковник 768
 Доддс-Паркер, Дуглас, бригадный генерал 22, 656, 657, 673
 Долби, подполковник 581
 «Доктор Икс» (Аренд) 774
 Домвиль, полковник авиации 609
 Доннадье, лейтенант 329
 Донован, полковник («Дикий Билл») 153, 408, 409, 477—480, 878
 Дорио, Ж. 355, 655
 Дублонг, О. («Баклан») 785
 Дьетельм, М. 333, 349, 358, 362, 363
 Дьюинг, Р.А., генерал-майор 818, 820
 Дюбудин, Ж.Г., капитан («Алан») 322, 323, 325
 Дюмон-Гильемен, майор 692, 696
 Дюпон, майор 687, 696
 Дюро («Каракал»), агент УПВ 757
- Ёен, полковник 278, 793, 804
- Жаннени, М. 686
 Жарро, автомеханик («Гужон») 721
 Жерар, полковник 759
 Жильери, капитан 755, 763
 Жирар («Карта») 321, 337, 338, 366, 682, 683
 Жиро, Анри, генерал 299, 336, 356, 639, 640, 652, 654, 672—677, 679—681, 686, 687, 706, 707, 711, 719
 Жорже, А.Ж., генерал 674
 Жуо, Леон 339—341

Журден, Аbbe 375
Жюли, Ж. Вайян де, майор
319, 320, 352, 654

Зангас, капитан 3 ранга 219
Заннас, Александр 189, 191,
200, 202—204, 207

Заукель, министр труда Гер-
мании 712

Здрожевский, майор 697

Зервас, Наполеон, полковник
214, 216, 217, 221, 543—547, 549—
556, 558, 560, 562, 563, 565—570,
572, 576, 583, 586, 623

Зог I (Ахмет Зогу), король
Албании 587

«Ивонн» (организация грече-
ского движения Сопротивления)
577, 578

Иден, Антони, лорд Эйвон
101, 110, 142, 143, 161, 164—166,
170, 176, 177, 179, 197, 219, 224,
225, 242, 246, 291, 318, 334, 357—
362, 364, 365, 367, 368, 373, 425,
456—458, 461—465, 467, 474, 475,
503, 519, 520, 527, 532, 556, 561,
571—573, 617, 672

Инаят Хан, принцесса 687

Ингр, генерал, чешский глав-
нокомандующий 82, 386, 398, 635

Инфанте, генерал 563

Исмэй, Гастингс Лайонел Ис-
мэй, барон 15, 133, 169, 275, 432,
439, 440, 449, 505, 556, 649, 738

Йованович, М., югославский
премьер-министр 173, 512

Йо-Томас, майор авиации 708,
709, 714, 718

Кадетт, Томас, отдел F 117,
294, 295

Кадоган, А., постоянный за-
меститель министра 39, 40, 60,
103—105, 113, 170, 419, 424, 425,
427, 473, 474, 484, 488, 610, 617,
673, 683, 826

Кадорна, генерал 663, 665
Калтроп, подполковник 469,
470

Камберледж, капитан 3 ранга
191

Каммаертс, подполковник
683—685, 688, 699, 705

Карапаньотис, М. 558

Карта, генерал итальянской
армии 581

Картини 328

Картон де Виарт, А., генерал
81

Кассон, Стэнли, подполков-
ник 571

Катру, Г.А.Ж., генерал 674

Катсем, У.Э. ван, бригадный
генерал 116, 126, 129, 132

Кауберн, Б.Г., майор 319,
321—325, 687

Квислинг, Видкун 159, 250,
264, 271, 274, 781, 782, 784, 794,
799

Кебл, К.М., бригадный гене-
рал 180, 247, 515, 517, 570, 609, 611,
612, 618

Кеньон, майор 79, 90, 97

Кёниг, М.П., генерал 294, 496,
677, 678, 698, 720, 732, 737, 749

Кёниг, Курт 828, 829

Кергорли де 330

Кесвик, Дэвид Дж., полков-
ник 340, 365, 373, 673, 862

«Клавдий» (Дж.Ф. Леви) 344,
706, 761, 765

Кларк Керр, А. (позже — лорд
Инверчэпел) 179

Кларк, Брайен 638, 821

- Кларк, Марк, генерал 299, 640
Клемансо, Поль, французский премьер-министр 686
Клипе, командир 654
Клоуз, Уинифред, мисс 29, 445
Клэйтон, И.Н., полковник 145
Клюге, Гюнтер фон, фельд-маршал 686
Коллин 352
Кордые, радист 351
Кортолд, Дж., майор 121
Котгин, лейтенант Р. (Альберт) 317, 318
Коше, генерал авиации 672, 673, 675—678, 713, 732
Козн, К., капитан 3 ранга 357
Криппс, Стаффорд 170, 483
Кристенсен, А.Е. 281
Кристиан X, король Дании 280
Крокатт, Н.Р., майор 78
Кромвель, Фредерик, майор, армия США 278
Крофт, Эндрю, капитан 15, 86
Кроче, Бенедетто 655
Крукшанк, Чарльз 9
Куеннель, Хью 307
Кумбе, майор 86
Купер, Артемис 21
Купер, Дафф 36, 137—141, 292, 458, 468, 476
Купи, Аббас (движение «Законность») 587, 588, 590—592
Кутсояннопулос, капитан 3 ранга Королевского греческого ВМФ («Прометей II») 577
Кьереман, М. («Охота На Лисята») 771, 775
Кэйси, Р.Дж., министр (Средний Восток) 218, 242, 243, 245, 465, 479, 482, 589
Кэмпбелл, Рональд 59, 101, 104, 114, 115, 146, 400, 604, 904
Кэннон-Брукс, Виктор М. 861
Лабит 328, 329, 346
Лаваль, Пьер 354, 359
Лаверде 330, 347, 351
Ламбракис, М. 560
Ланглуа, полковник 718
Ланде, Роже («Аристид»), майор 688, 689, 702
Ларсен, капитан 819
Ларсен, Лейф, старшина-рулевой 786
Лауэрс, Г. 382
Леви, д-р («Филипп») 321
Легран 294
Лежентильом, генерал 331
Лежюн, капитан 673
Лезинне 349, 352
Леирвог, Олаф 254
Лей-Фермор, П.М., майор 582
Леклерк (де Отклок), Филип Мари, командир бронетанковой дивизии 720, 748, 749
Лемнитцер, Л.Л., генерал-майор (США) 668
Ленсемен 329
Лепаж, М. 371—373, 377, 378, 755, 756
Лерой, лейтенант («Луи») 322
Летак, Жюель 330, 331
Летак, Ив, сержант 311—313, 347
Летр де Тассиньи, Ж.-М. де, генерал 680
Ле Трокк, М. 677
Ливио, Л.А., британский офицер 758
Ливье, Филипп («Стаунтон»), майор 693, 703
Лидсе де Жюд, О.А.К. 770
Линге, Мартин, капитан 83
Линдсей, Майкл, капитан 256, 257, 261, 263, 270, 272, 274, 275, 780, 787, 789, 790, 792, 797—800, 808, 811, 875

Липер, Р.У.А. 117, 237, 294,
558—562, 570, 571, 579, 612
Липмани, Оле 818
Литлтон, Оливер 233, 242
Лиши, У.Д., адмирал, посол
США в Виши 285
Ллойд, Дж.А., лорд 104
Ловат, С.К.Дж. Фрейзер, лорд
855
Лонг, Д.Э., майор 714
Лонго, начальник штаба войск
в Северной Италии, коммунист
663
Лоран, Пьер, полковник 17
Лоренси, де ла, генерал («На-
циональное освобождение») 322,
336, 337, 342, 344
Лоуренс, Т.Э., полковник 75, 77
Лоуренсон, А.К., майор 61, 62,
146, 156, 157
Лофтс, П.Г.А., капитан 175,
511
«Лукас», см. Вонкур, Пьер,
барон де 317, 318, 323, 695, 696,
704
Луссу, Эмилио 648, 651
Льедекерк, П., граф де 377,
755, 758, 761, 765
Льедекерк, П. граф де («Клав-
дий»), лейтенант 377, 755, 758, 761,
765
Льяно, Киппо де, генерал 31
Лэйкин, Дж.Г.Ф., генерал-
майор 469
Лэнгли, капитан 3 ранга Ко-
ролевского ВМФ 46, 80
Лэнгмо, Рубин (Рубин Лар-
сен) 254
Магли, генерал 654
Маз-Сенсье де Брувиль, граф
(«Альберт») 748
Майер, Перси, майор 406, 407

Майерс, Э.К.У., бригадный
генерал 21, 542, 546—549, 553, 554,
556, 557, 560, 564, 571, 572
Майский, И.М., советский
посол 165, 170, 177
Макдоналд, Каллум 24
Маккафри, Джон 647
Маккензи, Колин 25, 420, 868
Маккензи, Уильям Джеймс
Миллар 5—9, 16, 19, 21, 23, 25
Макклюр, Роберт, бригадный
генерал 737
Маклин, Фицрой Г., бригад-
ный генерал 489, 511, 521, 525—
527, 530, 830, 832
Маклин, Н.Л.Д., подполков-
ник 588, 590, 591, 613
Маклоглин, Адриан Дж., май-
ор 25
Макмиллан, Гарольд, позже —
лорд Стоктон 616, 658
Макнаббс, О'Брайен, капитан
195, 221
Макраи, Стюарт 18
Максвелл, Теренс 196, 218,
220, 234—236, 238—241, 244, 245,
461, 462, 476
Макферсон, Дж.П.С. 239
Макферсон, Иэн, майор 596,
597
Макферсон, Р.Т.С., майор 666
Малгэн, Джон 21
Маллаби, лейтенант 650, 652
Малрезон, полковник, Второе
бюро 286
Малхолланд, Л., лейтенант 771,
776
Мангин, полковник 716, 717
Мандакас, генерал 569
Маниу, Юлиу 151, 152, 597—
602
Манн, Дж.У., подполковник
639

Манус, Макс 789, 795, 798—801, 806, 811
Мануэль, майор 675, 676
Марешаль («Морино»), полковник 716, 717
«Мари» (мисс Вирджиния Холл) 320, 321
«Мари» (пожарный Бассе) 721, 722, 746
Марин, М. Луи 709
Мариссал, А.Р.Э.М. 758, 759, 761
Мариссал, Жан, полковник 756, 758
Марк («Трамвайный Трест») 190
Маркос, радист 606
Маркс, Лео 11
Марриот, Г.Р., отдел F 340
Марстрандер, капитан 3 ранга 790
Марто, д-р 760
Марч-Филлипс, Густав, майор 315, 316
Маршалл, Джордж, генерал 441
Массильи, М. 674, 689
Массип, М. 294
Мастерсон, Т.С., полковник 196, 237, 239, 240
Матесон, Хильда мисс 70
Маунтбатген, лорд Луи, адмирал 445
Меерш, Ганшоф ван дер, бельгийский генерал 756
Мейнгард, капитан 703
Мензис, майор, смотритель за военными захоронениями 182, 191
Мензис, С.Дж. 42, 101, 104
Мерфи, Роберт, американский генконсул 344, 355, 399, 479, 616, 637
Меснар, М. 685

Метаксас, Янни, греческий премьер-министр 181, 183, 185—189, 194, 197, 199, 206, 209, 222, 569, 585
Николайчик, Станислав 389, 625, 627, 631, 698
Миллар, Джордж 25, 702, 746
Миншулл, капитан-лейтенант 310
Михай, король Румынии 602
Михайлович, Драголюб, полковник 159—167, 169—175, 177—180, 419, 450, 453, 467, 480, 488, 501, 510—523, 526—529, 532, 533, 535, 537—540, 567, 590, 594, 595, 598, 623, 882
Мишель, Анри 19
Мойн, У.Э. Гиннесс, лорд 468
Моклер-Ферриман, Э.Э., бригадный генерал 496, 677, 862, 878
Молотов, В.М., советский министр иностранных дел 574, 628, 896
Мольтке, Гельмут Джеймс фон 825
Монктон, Уолтер, виконт 36, 211, 212, 238, 241, 243, 458, 461—463, 465
Монне, Жан 674
Моравек, Франтишек, полковник 24
Моран, майор УСС 479
Моранда, Ив 347, 348, 352
Морган, Ф.Э., генерал 445
Мориак, Франсуа 709
Моррис, Г.Ф.Дж. 401
Мортимор, Л.Г., майор
Мортон, Десмонд Дж.Ф., майор 94, 104, 105, 143, 295, 296, 334, 360, 363, 364, 368, 475, 476
Морэ, майор 293
Мостин-Дейвис, майор 532, 533, 594—596

Мулин, Жан Пьер («Робер», «Рекс», «Мерсье») 335, 337, 344—346, 348
Мулсант, П., капитан 696
Мунк, Эббе, датский писатель 281
Мунк, Кай, пастор 817
Мунсе, Малкольм, майор 651, 655
Муссон, П.Р., капитан 301
Муте, министр колоний (Франция) 341
Муус, Флемминг Бруун 812—819
Мьорхед, майор 308
Мэллори, майор авиации 402—404, 638, 644
Мэтью, майор авиации 822
Мюррей, М.П. 121, 861
Мюселье, адмирал 293, 359

Найт, К.Т., майор 372
Неарн, Жаклин 702
Небе, генерал-лейтенант, д-р 826
Недич, Милан, генерал 159, 160, 173, 179, 540, 565
Нельсон, Фрэнк 17, 115, 116, 119, 126, 132, 136, 168, 176, 234, 235, 237, 242, 278, 293—297, 312, 313, 417, 422, 424, 430, 470, 476, 477
Нерманн, Тур 51
Нигаардсволд, норвежский премьер-министр 781
Никодим, капитан 756
Николс, Ф.У., бригадный генерал 852
Николс, Дж.С., бригадный генерал 863, 881
Никольс, Артур, полковник 590
Нордентофт, подполковник 281

Норман, майор («Аркамбо») 691
Ньюитт, Д.М., профессор 413, 863

Оболенский, Серж, подполковник 650
«Одиссей» (Герассимос) 190, 200—207, 213
Озанн, Дж., полковник 880
Олмстед («Дадли»), майор армии США 774
Ольсен («Зяблик») 785
Орсастер, Кнут 267
Ортиц, капитан морской пехоты США 714
Остин («Дадли»), сержант 774
Оттен, Карл 65
Оукли-Хилл, Д.Р., майор 588
О'Хара, лейтенант 834
Очинлек, генерал 233

Палмер, майор 86
Палэйрет, Майкл, британский посол в Греции 182
Пангалос, генерал 187, 189
Пан, Ж.М. 758
Пападимитриу, Элли, мисс 189, 190, 208, 210, 219
Папандреу, Г., премьер-министр Греции 208, 548, 570, 573, 574, 576, 579
Папен, фон 32
Парижский, граф 354
Пароди, М. 716, 719
Парри, Ферруччо 661, 663, 665, 667
«Пасси» (де Ваврин А., полковник) 296, 315, 335, 349, 359, 361, 363, 365, 672—675, 708, 709, 732, 848
Патерсон, Джордж, лейтенант 664

Паулинг, Маргарет 22
Павел, принц-регент Югосла-
вии 146
Пейрутон, М. 674
Пелтекис, Янни («Аполлон»)
548, 577—580, 619
Пенделбери, Дж.Д.С. 85, 182,
195
Перкинс, полковник 637
Перло М., бельгийский пре-
мьер-министр 370, 758, 759, 763,
765, 766
Першук, лейтенант 325, 684,
704
Петен, А.П.О., маршал 285,
287, 288, 290, 336, 341, 343, 348,
354, 356, 360, 361, 410, 422, 672
Петерсон, Морис 429
Пети, генерал, начальник ге-
нерального штаба де Голля 296—
298, 333
Петмезас (Никитис) 547
Петр, король Югославии 164,
171, 525, 526, 530, 587
Петр, принц Греции 196, 219,
221
Пиззони, Альфредо, д-р
(«Пьетро Лонги») 665
Пикет-Уикс, капитан 298, 299,
327, 361
Пиккеринг, майор 834
Пиллей («Пакебо»), лейтенант
722
Пинсент, капитан 308
Пире, генерал 760, 766
Пири, Иэн 182, 184, 189, 190,
192, 193, 195, 196, 199, 212, 214,
218—220, 490
Пирсон, капитан 701
Пирсон, Дж.С.А., полковник
158, 555
Пластирас, генерал 186, 189,
214, 217

Плевен, М. 364
Плэйфэйр, Э.У. 422, 423, 425
Поллок, Джордж, подполков-
ник 48, 145, 227, 228, 231—233,
236, 647
Портал, К.Ф.А., главный мар-
шал ВВС 6, 502, 738
Портер, майор 599, 602
Постма, С. («Гребля Шлюпоч-
ная») 771, 776
Поусон, майор 577
Прайс, Джон 339, 340
Пре, Ролан 718
Псарос, полковник 214, 217,
549—553, 570
Пуарье, Жак 705
Пуарье, Робер, майор 705
Пюлеве, А., майор 702, 705
Пюшё, министр внутренних
дел (Виши) 343

Радоевич, Бранислав («капи-
тан Чарльз Робертсон») 174, 175,
180, 511, 512
Раккер, А.Н. 235
Рансиман, лорд 396
Рассел, Дэвид, капитан 598,
599, 602, 830
Раутер, Х.-А., шеф службы СС
в Голландии 776
Рафферти, Б.Д., капитан 701,
702
Редхед, Р.Б., капитан 87, 88
Рейно, Поль, французский
премьер-министр 287, 686, 710
Рейчл, майор (УСС) 403, 479
Рекенман, капитан 703
Рендел, Дж.У. 10, 62
Ренье, капитан 700
Ретгингер, М. 625, 627
Ри, Гарри, капитан 701, 702,
724
Риве, полковник 673, 681

Ривер, генерал 715
Ривье, Поль («Маркиз»), генерал 351, 720
Риддл, капитан 596
Риккман, А.Ф. 50, 51, 55, 58
Риннан, Генри, норвежский осведомитель 791
Ричардс, Брукс 22
Ричи, А.П., вице-маршал авиации 863
Роб (ван дер Стёп) 777, 778
Робертсон, К.Дж. (редактор) 24
Родд, капитан 83
Розенталь, Пьер, лейтенант 700
Ронин, генерал 673
Ротгбёлль, капитан 282, 283, 812
Роузберри, К.Л., подполковник 647, 651, 652, 656—659
Роуландсон, подполковник 430
Рузвельт («Тедди»), бригадный генерал 650
Рузвельт, Ф.Д., президент 358, 359, 526, 529, 621, 708
Руссос (член правительства Греции в изгнании) 558
Руссос (ЭАМ) 554, 558
Рутэм, Джаспер 21
Рэнферли, леди 21

Саймон, Джон 40
Сакзуэйт, майор 714, 736
Салазар, А. де О., д-р 401, 402
Сальвадори, Макс 651
Сандерсен («Зяблик») 785
Сансом, Одетт, курьер 320, 683, 684
Сант, М. ван'т 378, 379, 768
Сарджент, Орм, 59, 429, 463—465, 467, 468, 484, 556, 557

Саутгейт, майор авиации 702, 703, 705
Сволос, профессор 569
Себастиан, Грэм, генеральный консул 184, 196, 199, 203, 205, 210, 233
Сеймур, майор 589
Селборн, лорд 20, 30, 210, 219, 242, 243, 245, 246, 373, 374, 421, 422, 428, 458, 463—465, 467, 473, 474, 482, 502, 506, 558, 559, 566, 572, 616, 617, 689, 698, 723, 737—739, 770, 838
Сент-Дьёрди, Альберт, венгерский биохимик 605
Сент-Жени де, капитан 685, 701
Сентер, капитан 2 ранга Добровольческого резерва Королевского ВМФ 469
Серюль, М. («Софи») 718
Сетон-Ватсон, Дж. Хью Н. 180
Сёдерман, д-р 825, 826
Сёнстеби, Гуннар («Эрлинг Фиельд») 799, 800, 804, 807
Сиантос, Георге 548
Сикорский, Владислав, генерал 82, 386, 388, 390, 395, 418, 441, 442, 619, 623, 625, 697, 698
Симер, майор 608, 635
Симович, генерал 155—157, 164, 166, 170—173
Симон, Жан, лейтенант 702
Симпсон, Адриан, подполковник 83, 145, 226
Симэн, Марк 17, 23
Синклер, Хью, адмирал (глава СИС) 32, 34, 35, 42
Синклер, Арчибальд 738
Скавениус, датский премьер-министр 813
Скамерони, капитан 653

Скиннарланд, Эйнар («Куропатка») 269, 786—788, 809
Скоби, Р.М., генерал 575, 584
Скотт, Дэвид 429, 566, 824
Слессор, Джон, маршал авиации 629, 630
Смайли, майор 592
Смит, Артур, подполковник 235
Сомер, майор 768
Сондерс, Г.Н., подполковник 496
Соньо («Франчи»), лейтенант 661, 665, 667
Соскис, Фрэнк (позже лорд Стоу-Хилл), руководитель службы безопасности УСО 15
Сосновский, маршал 389, 631
Софулис, Эммануэль 558, 560
Спаак, П.Г. 373
Спаац, К.А., генерал 842
Спиерс, Э.Л. 296
Спилиотопулос, полковник 576
Спиромилио, Милто 190, 196, 200, 210, 212
Спорборг, Г.Н., полковник 242, 276, 297, 298, 315, 333, 357, 359, 361, 422, 429, 435, 861, 864
Стампер, мисс (ныне миссис Лефевр) 71
Старк, Гарольд А., адмирал ВМФ США 365, 796
Старр, Дж.А.Р. («Боб»), капитан 702
Старр, Дж.Р. («Илёр»), подполковник 694, 702—705, 725, 746
Стархейм, Одд К. («Улыба»), капитан 262, 263, 268, 608, 786, 790
Стауэлл, У.А.М., генерал-майор 494, 571, 618, 658, 862
Стаффорд, Дэвид 16, 17, 20, 170

Стейнбек, Джон 838
Стеман, Дж.А. («Безик») 770
Стенерсен («Зяблик») 785
Стерлинг, У.Ф., полковник 192, 225
Стёп ван дер («Роб») 777, 778
Стивенс, полковник 552, 575, 586
Стивенсон, Уильям 22, 52, 407, 408, 456, 476—478
Стиль, Дж.С., генерал-майор 857
Стил, К.Э., эксперт министерства иностранных дел по Албании 618
Стирбей, принц 609
Стрэнг, Уильям, майор 358, 359, 429
Стьюарт, Файндлейтер 474
Стэнли, Оливер Ф.Дж. 431, 437
Стюарт, Дункан 10
Стюарт, Кэмпбелл 35, 36, 101, 104, 114, 115, 904
Субасич, д-р 530
Суит-Эскотт, Бикэм 20, 21
Сустель, Ж.-Э. 677, 678, 732, 848
Сутилл («Проспер»), майор 686, 687, 691—693, 696
Сфорца, граф 665
Сьёберг («Стрелец»), лейтенант 267, 782, 792
Сэндфорд, Д.А. 84
Табор, генерал 622
Тавернер, бригадный генерал 232, 234
Тазелаар, П. («Нежный») 776
Таллаксен 801
Тамплин, Дж.Р., полковник 609, 618
Танги, Ив 696

Телеки, Пал, граф, венгерский премьер-министр 604

Темплер, Дж.У.Р., генерал-майор 847

Теннант, Питер 55, 259

Тёрк, капитан 319

Тернбуль, Рональд 259, 281, 815

Титген, М. 342, 346, 347

Тито, Иосип Броз 153, 163, 164, 168, 171, 173, 175, 178, 488, 501, 511, 513, 515, 517—521, 523—534, 536, 537, 539—541, 584, 587—589, 594, 595, 606, 666, 830, 897

Толбухин, Ф.И., маршал 535

Тольятти, Пальмиро 664

Томе, лейтенант 348, 352

Томпсон, Фрэнк, майор 595, 596, 830

Торн, Эндрю, генерал 803, 810

Торнли, Р.Х., подполковник 822, 843, 862

Торнтон, Г.Н., генерал авиации 504

Торнхилл, К.Дж.М., полковник 145, 227, 228, 232, 234—237, 647

Торп, Оскар, норвежский министр обороны 274, 275, 277, 278

Торранс, Уатт, майор 86, 640, 642

Трелфолл, подполковник 635, 822

Тронстад, Лиеф, профессор 274, 278, 809

Тротоба, Мишель, капитан 692, 697, 721

Труельсен, Свенд, лейтенант 813, 816, 817

Туркану, румынский радист 598, 599, 602

Тэйлор, А.Г., контр-адмирал 447, 504, 863

Тэйлор, Дж.Ф., полковник 153, 157, 423, 424, 429, 464, 862

Тэллент, Стивен 35, 70

Уайнс, майор (УСС) 564

Уайтли, бригадный генерал 190

Уезерелл, полковник 236

Уенделен, А.Дж. («Приказ», позже «Тибальд») 760, 761

Уизерингтон, Пёрл, старший лейтенант авиации 703, 746

Уилкинсон, Э.М., капитан авиации 323

Уилкинсон, Питер, подполковник 90, 386, 398, 830, 831

Уиллс, Дж.Э., подполковник 868

Уилсон, Мэйтланд, генерал 493, 589, 600, 602, 671, 676, 736, 748

Уилсон, Дж.С., полковник 119, 249, 257, 261, 278, 785, 794, 795, 802, 803, 811, 862, 875

Уильямс, Валентайн 115, 117

Уингейт, Р.Э.Л., подполковник 405

Уиндэм, бригадный генерал 112

Уоллас, Дэвид, майор 554, 564, 575, 612, 883

Уорнер, Эдуард 210

Уршот ван, генерал-майор 768

Уэйвелл, А.П., лорд, фельд-маршал 83, 147, 190, 195, 225, 227, 228, 230, 231, 233, 236, 646

Фассин, лейтенант 348, 350—352, 363, 718

Фенар, адмирал 356

Филден, подполковник авиации 449

Филдинг, Дж.Р.Г., майор 831

- Филип, Андре 341, 363—365, 367, 674—676, 732
 Фиммен, Еддо, МФТ 66, 827
 Флеминг, Питер, капитан 15, 78, 83, 87, 89, 225, 646
 Флетчер, Р.Т.Х. (позже лорд Уинстер), член парламента 108, 135
 Флетчер, Уолтер (Флейшн) 25, 863
 Флодж, лейтенант, США 701
 Флор, лейтенант 755, 756, 763
 Фог, Могенс, профессор 814, 819
 Форман, лейтенант 311—314, 328, 329, 343, 346, 347
 Форте, мисс 822
 Фраже («Луба»), майор 322, 337, 366, 681—685, 691, 695, 696, 701
 Франк, Луи 404, 405
 Франко, генерал 23, 67, 68, 308, 400, 401, 406
 Фрейзер, Инграм, капитан 52, 53
 Фресне, Анри («Свобода») 322, 342—344, 706, 707, 709, 715
 Фриней («Муфлон», позже — «Вальгасар») 757
 Фурко, П., подполковник 714
 Фут, М.Р.Д. 19, 25, 27
 Хаббард, лейтенант новозеландской армии 565
 Хадсон, К.С., майор 687, 695
 Хадсон, Д.Т., полковник 158, 162—164, 166, 167, 169—175, 180, 181, 450, 490, 510—513, 515, 525, 527, 528, 608, 611, 632
 Хазан, В.А., майор 322
 Хаккетт, майор 455, 876
 Хамбро, Чарльз 242, 259, 277, 278, 281, 363, 365, 374, 417, 422, 429, 459, 460, 464, 465, 467, 480, 488, 556, 558, 615
 Хаммер, радист 282, 283
 Хаммонд, Н.Дж.Л., полковник 575
 Ханау (Ханнон), Джулиус («Цезарь»), подполковник 47, 58, 59, 61, 63, 181
 Ханбери-Уильямс, Джон К. 422, 423, 429, 474
 Хансен, Дуус («Салфетка») 282, 812
 Ханстеен, генерал, норвежский главнокомандующий 274, 282
 Харкорт, лорд, подполковник 591
 Харрингтон, майор 596, 597
 Харрис, главный маршал авиации 738
 Харрис, капитан 224
 Хартли, Г.Г., полковник 48
 Хаскелл, Дж.С., полковник (США)
 Хаструп, Йорген 19
 Хатчинсон, Дж.Р.Г., подполковник 729
 Хауге, Йенс Кристиан, норвежский министр обороны 804
 Хаугланд, Кнут 799
 Хаукелид, Кнут 788
 Хаусман, капитан 714
 Хейвуд, Т.Дж.Дж., генерал 190, 191
 Хейзелл, полковник 394, 698, 849, 850
 Хемфриз, Л.А.Л., майор 46, 65, 308
 Хенке, лейтенант 695
 Хескет-Причард, А.К.Дж., майор 831—833
 Хеслоп, Р.Г. («Ксавье»), подполковник 323, 700, 705, 714, 721, 724

Хеффинк («Землеройка»),
агент УПВ 757

Хилгарт, А.Х., капитан 1 ран-
га 307

Хилл, бригадный генерал 488

Хиллер, майор 690, 691, 702

Химанс, Макс 681

Ходгсон, Э.М., мисс 822, 827

Хокон VII, король Норвегии
251, 564, 781, 811

Холбрук, Л.С., контр-адмирал
447

Холдсуорт, Герри, капитан 3
ранга 54, 55, 300, 656

Холл, Вирджиния, мисс
(«Мари», «Катберт») 320—322, 325,
343, 699, 746

Холланд, А.К., майор 401

Холланд, Дж.Ф.К., генерал-
майор 18, 37—40, 45, 74, 80, 92,
97, 100, 101, 106, 107, 112

Холлингуорт, капитан 2 ранга
820

Холлис, бригадный генерал
364, 480, 504, 521, 636, 731, 918,
921

Холмс, Клара, миссис 71

Хор, Сэмюэль (позже — лорд
Темпелвуд) 23, 68, 308, 400

Хорти, Миклош, венгерский
диктатор 603, 604

Хоскинс, полковник 481

Хофф, Торбьёрн («Баклан»)
785

Хоффман, Питер 23

Хунтеманн, зондерфюрер 381,
384

Хьюз, Дж., начальник штаба
морской пехоты 830, 832

Хьюстон-Босуолл, У.Э. 429,
863

Хэд, Дж.Г., майор 174

Хэйс, Дж.Б. («Кормчий»),
капитан 752

Хэмптон, К.С., подполковник
803, 804, 810

Хэндс, майор авиации 592

Хэнки, Морис, лорд 16, 43,
52, 60, 63, 95, 98, 101—105, 904

Цижантес, Джон, майор 543,
544, 547

Цимас (Эвмей) 201, 548, 552,
554

Цудерос, греческий премьер-
министр 194, 196, 197, 199, 200,
208—210, 218—222, 550, 555, 558,
560, 562, 570, 571, 573, 578, 610

Цуккерманн, С., лорд 736

Чалмерс Райт, Ф., майор 697,
698

Чапмэн, Айвилоу, генерал
авиации 741

Чапмэн, Брайан, профессор
12

Чауортс-Мустерс, лейтенант
256

Чемберлен, Невилл 16, 40, 60,
109, 110, 234, 425, 587, 906

Червелл, Ф.А. Линдеман,
лорд 838, 842

Чернин, граф, майор авиации
831

Черчилль, Оливер, майор 663

Черчилль, Питер М., майор
319—321, 338, 349, 682

Черчилль, Рэндольф 483, 525

Черчилль, Уинстон 15, 16, 18,

22, 51, 52, 95, 142, 197, 287, 316,

318, 332, 359, 393, 421, 457, 468,

476, 502, 503, 505, 518, 520, 521,

523, 526, 528, 536, 540, 556, 557,

561, 569, 574, 619, 628, 649, 672,

674, 713, 738, 741, 783, 838, 840,
841, 843, 854, 855

Чиано, Галеаццо, итальянский
министр иностранных дел 63, 161,
597, 605

Чидсон, М.Р., полковник 44,
45, 50, 66, 67, 72

Чичаев, полковник 485

Шартран, лейтенант 693

Шастален де, полковник 489,
599—602

Шатель, Ив 356

Шатовъё, полковник 293

Шелпарт, подполковник 550,
552, 576

Ши, Джон, генерал 85

Шиве, Дж., капитан 261

Ширер, бригадный генерал,
заместитель директора военной
разведки 226

Шмидт 350, 352

Шоттон («Ингерсолл рэнд
компани») 182

Щуп, Макс, американский
журналист 353

Эверт, М. 777

Эдди, полковник, УСС 543,
638, 642

Эйзенхауэр, Дуайт Д., генерал
24, 493, 496, 508, 615, 616, 638—
640, 652, 671, 672, 674, 720, 729,
736, 737, 743, 748, 753, 754, 772,
775, 779, 841, 842

Эксиндарис, М. 560

Эллиот, У., вице-маршал
авиации 531

Эллиот, К.Дж., майор 85, 174

Эллиот-Бейтман, М.Р. 20

Элфинстон, полковник 78, 83

Эмери, Гораций 57, 58

Эндрю, Кристофер 14

Эплеярд, Дж.Дж., капитан
312, 316

Эрготт, капитан (УСС) 564

Эриксен, лейтенант 817

Эррио, Эдуард, французский
премьер-министр 686, 716

Эстли, Джоан Брайт 12, 37

Эттли, Клемент, граф 11, 15,
26, 104, 108—110, 125, 457, 505,
617, 840

Янг, Джерард 193

Янг, Дж.А.Д., майор 82

Янг, У.Р. 150

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	28
ГЛАВА I. Первые шаги	31
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИСТОКИ	31
1. Отдел D	32
2. Электра-хауз	34
3. Исследовательская служба военной разведки MI(R)2	37
ГЛАВА II. ОТДЕЛ D ЗА РАБОТОЙ	42
1. Организационная работа за границей	46
2. Скандинавия	48
3. Дунай	56
4. Другая политическая деятельность	64
5. Пропаганда	68
6. Заключение	72
ГЛАВА III. MI(R) ЗА РАБОТОЙ	73
1. Общие исследования	74
2. Технические разработки	79
3. Специальные операции и разведка	80
4. Подбор кадров	90
5. Заключение	92
ГЛАВА IV. РЕОРГАНИЗАЦИЯ	93
ГЛАВА V. НАЧАЛО ОРГАНИЗАЦИИ	113
1. Штат и внутренняя организация	113
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СОЗДАНИЕ БОЕВОЙ СИЛЫ	113
2. Выработка политики	123

3. Межведомственные отношения	134
ГЛАВА VI. ОПЕРАЦИИ В ЮГОСЛАВИИ	144
1. Истоки государственного переворота	146
2. Крах и возобновление контактов	156
ГЛАВА VII. ОПЕРАЦИИ В ГРЕЦИИ	181
ГЛАВА VIII. ОРГАНИЗАЦИЯ УСО НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ ДО ОСЕНИ 1942 Г.	223
1. Разнообразная деятельность	223
2. «Первая организация и ее падение»: август 1940 — август 1941 г.	226
3. Правление м-ра Максвелла. Август 1941 — август 1942 г.	239
4. Назначение лорда Гленконнера. Август 1942 г.	245
ГЛАВА IX. ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА — НОРВЕГИЯ	248
Вступление	248
1. Общая обстановка Норвегия	249
2. Первые попытки	253
3. Внутренняя организация	256
4. Операции 1940—1941 гг.	261
5. Лето 1941 г.	263
6. Операции 1941—1942 гг.	266
ГЛАВА X. ДАНИЯ	279
ГЛАВА XI. ФРАНЦИЯ	284
1. Битва за Францию и Виши	285
2. Проблема подбора кадров	291
3. Проблема коммуникаций	299
4. Операции	309
5. Политика	353
Заключение	365
ГЛАВА XII. СТРАНЫ БЕНИЛЮКСА	369
1. Бельгия	370
2. Голландия	378
ГЛАВА XIII. ПОЛЬША И ЧЕХОСЛОВАКИЯ	385
1. Польша	388
2. Чехословакия	395
ГЛАВА XIV. ДРУГАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	399
1. Пиренейский полуостров и Северная Африка	399

2. Западная Африка и Мадагаскар	404
3. Южная Америка	407
4. Общее	409
ГЛАВА XV. ВНУТРЕННЯЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ВНЕШНИЕ	
ОТНОШЕНИЯ	410
1. Организация УСО	412
2. Атака на УСО и ее последствия	417
3. Механизм межведомственных отношений	424
4. Взаимодействие с США и СССР	476
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. НАСТУПЛЕНИЕ	490
ГЛАВА XVI. ВСТУПЛЕНИЕ	490
1. Полевая организация УСО	492
Средиземноморье	492
Политические установки и разрядки на самолеты	497
ГЛАВА XVII. ЮГОСЛАВИЯ	510
Вступление	510
1. Миссия полковника Бэйли	511
2. Первый период выработки решения	518
3. Параллельные представительства и отставка Михайловича	522
4. Полная поддержка Тито	529
5. Заключение	537
ГЛАВА XVIII. ГРЕЦИЯ	541
Вступление	541
1. Британская миссия в октябре 1942-го — августе 1943 г.	542
2. Внешний мир в сентябре 1942-го — августе 1943 г.	555
3. Британская миссия в сентябре 1943-го — мае 1944 г.	563
4. Внешний мир в сентябре 1943-го — августе 1944 г.	570
5. Уход немецких войск	575
6. Организация «Аполлона»	577
7. Крит и острова	580
8. Заключение	582
ГЛАВА XIX. АЛБАНИЯ	587
ГЛАВА XX. ЮГО-ВОСТОЧНЫЕ САТЕЛЛИТЫ	592
Общее	592
1. Болгария	593

2. Румыния	597
3. Венгрия	603
ГЛАВА XXI. КАИРСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ	609
ГЛАВА XXII. ПОЛЬША И ЧЕХОСЛОВАКИЯ	619
1. Польша	619
2. Чехословакия	633
ГЛАВА XXIII. ЗАПАДНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ И ИТАЛИЯ	637
1. Французская Северная Африка	637
2. Италия	645
ГЛАВА XXIV. ФРАНЦИЯ	670
1. Политика и организация за пределами Франции	671
2. «Британские» организации во Франции	679
3. Организации «Сражающаяся Франция» во Франции	705
4. Диверсионная война	721
5. Подготовка к операции «Оверлорд»	725
6. Вклад движения Сопротивления	745
Заключение ШЭВС:	751
ГЛАВА XXV. СТРАНЫ БЕНИЛЮКСА	755
1. Бельгия	755
2. Голландия	768
ГЛАВА XXVI. НОРВЕГИЯ	780
1. Этап 1942—1943 гг.	780
2. Этап 1943—1944 гг.	794
3. Последний этап	802
4. Заключение	811
ГЛАВА XXVII. ДАНИЯ	812
ГЛАВА XXVIII. ГЕРМАНИЯ И АВСТРИЯ	821
1. Структура УСО	821
2. «Немецкое подполье»	823
3. Эмиграция	826
3. Агенты УСО	828
4. Иностранцы рабочие в Германии	836
5. «Административные диверсии» и «черная» пропаганда	843
6. Последний этап	847
ГЛАВА XXIX. ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ФОРМА УСО	853

1. Политика	853
2. Численность организации и расходы на нее	855
3. Внутренняя организация Центра	860
4. Вспомогательные службы	865
Заключение	891
ПРИЛОЖЕНИЯ	901
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	936

Книги издательской группы АСТ вы можете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также можете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к. 1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «ХЛ», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Маккензи Уильям

**Секретная история УСО:
Управление специальных операций в 1940—1945 гг.**

Редактор В.В. Хромченко
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: Ю.А. Хаджи
Технический редактор О.В. Панкрашина

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Транзиткнига»
143900, Московская область,
г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

При участии ООО «Харвест». Лицензия № 02330/0056935 от 30.04.04.
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79. Заказ 2051.

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

ISBN 5-17-018628-2

9 785170 186280

СЕКРЕТНАЯ ИСТОРИЯ УСО: УПРАВЛЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ в 1940 — 1945 гг.

Книга английского историка посвящена Управлению специальных операций (УСО). В ведении этой секретной службы Британии находилась подрывная и диверсионная деятельность за рубежом во время Второй мировой войны.

На основе архивных данных книга была написана настолько полно и достоверно, что на ней до недавнего времени стоял гриф «Секретно».

Предназначается для всех, кто интересуется военной историей.